Москва, Ермолаевская Садовая, 175.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

1883

3.

Переписка Кристина съ княжной Туркестановой.

(Апрѣль—Іюнь 1817 года).

Приложенъ портретъ графа П. В. Завадовскаго.

(Съ оригинальнаго портрета, сохранившагося у наслѣдниковъ его).

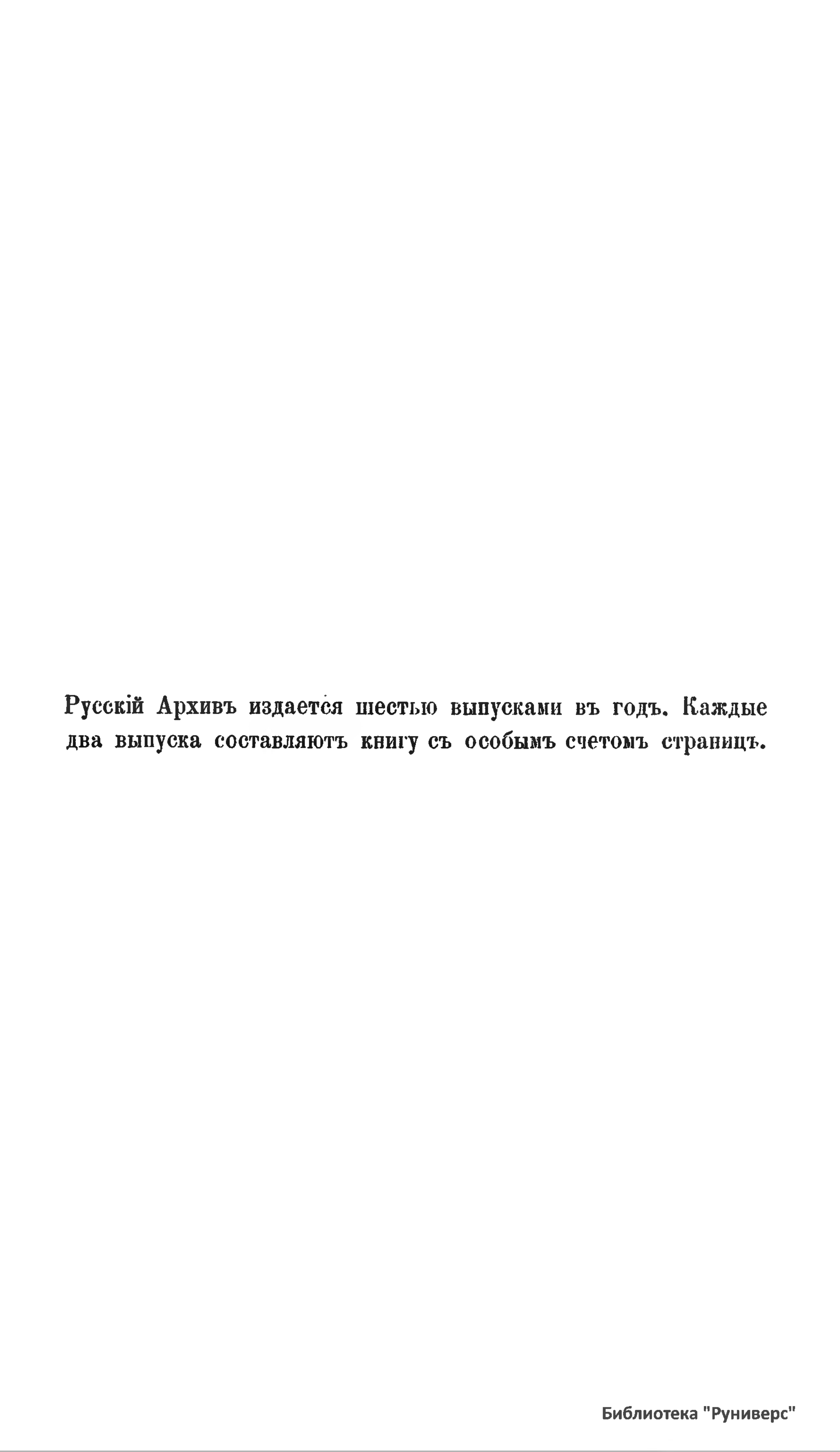
МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ)
на Страстномъ бульварѣ.
1883.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

1883.

2.



Русскій Архивъ издается шестью выпусками въ годъ. Каждые два выпуска составляютъ книгу съ особымъ счетомъ страницъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

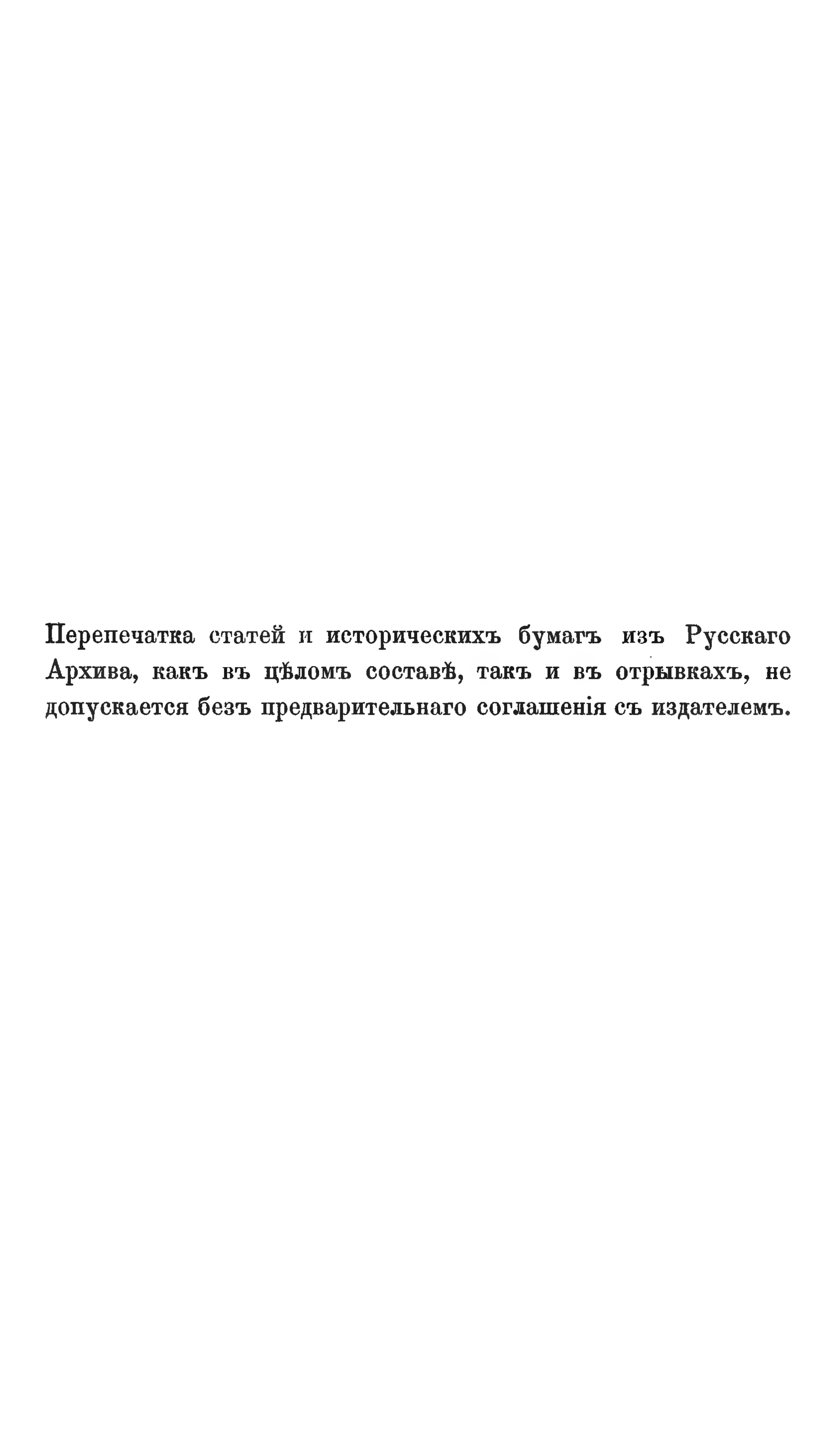
Петромъ Бартеневымъ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

1883.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1883.



ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ.

Въ бытность Его Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.

Печатаются съ Высочайшаго соизволенія *).

XV.

14 Октября (1839 года, С.-Пб.)

Я поѣхалъ изъ Москвы съ убѣжденіемъ найти уже Ваше Высочество въ Царскомъ Селѣ. Какъ горько исчезла эта надежда, когда я пріѣхалъ сюда и какое тяжелое чувство охватило всю мою душу при извѣстіи о Вашей болѣзни и о необходимости еще на неопредѣленное время остаться въ Могилевѣ. Это чувство меня душитъ безпрестанно. Я просилъ позволенія у Государя Императора немедленно къ Вамъ отправиться, но и онъ и Государыня не находятъ этого нужнымъ. Для Васъ конечно въ этомъ нѣтъ никакой необходимости; но признаюсь, для меня это необходимо: быть отъ Васъ далеко съ такимъ незнаніемъ о томъ, чтó у Васъ дѣлается, подъ гнетомъ воображенія, которое съ своей стороны весьма прилежно работаетъ, есть особеннаго рода пытка, и я завидую тѣмъ, которые теперь съ Вами и которые вѣроятно и десятой доли не имѣютъ того жестокаго безпокойства, которое здѣсь меня тревожитъ ежеминутно. Какъ вы думаете, великій князь? Не напишите ли отъ себя, чтобы меня къ Вамъ послали. Я бы этимъ былъ отъ Васъ много, много порадованъ. Еще не теряю надежды: можетъ быть, меня къ Вамъ и отправятъ. Я здѣсь какъ сирота, у котораго отнята отцовская хижина: мое родное мѣсто подлѣ Васъ. Жду

---

*) Первыя XIV писемъ напечатаны въ Р. Архивѣ сего года, въ книгѣ первой. П. Б.

съ нетерпѣніемъ извѣстій отъ Рейнгольда; вѣрю и всѣмъ сердцемъ хочу вѣрить, что ничего важнаго въ болѣзни Вашей нѣтъ; но необходимость жить далеко отъ своихъ, въ скучномъ, пустомъ городѣ и знать, что объ Васъ тревожатся, должна прибавлять весьма много къ Вашей болѣзни. Помоги намъ Богъ; а я право не знаю, чтó мнѣ дѣлать въ моемъ теперешнемъ одинокомъ уныніи. Рѣшите сами. Вы бы много, много обрадовали меня нѣсколькими строчками руки Вашей. Обнимаю Васъ съ усердной молитвою за Васъ къ Богу столько же за Васъ, какъ и за себя.

Императрицу нашелъ я лучше, нежели какъ ожидалъ. Великая княжна Ольга Николаевна оправляется; Марія Николаевна совершенно здорова. Обрадуй насъ Богъ утѣшительною вѣстію объ Васъ!

Весь Вашъ

Жуковскій.

*

Письмо это (на которомъ не означено мѣста, а только число мѣсяца) писано изъ Петербурга и относится къ 1839 году. Лѣтомъ этого года Наслѣдникъ-Цесаревичъ возвратился въ Петербургъ изъ путешествія своего по Европѣ, въ день имянинъ своихъ былъ на большихъ маневрахъ подъ Бородинымъ, и за тѣмъ въ Москвѣ на торжественной закладкѣ храма Христа Спасителя. Тою же осенью предпринята имъ поѣздка въ западныя губерніи, не посѣщенныя имъ во время большаго путешествія 1837 года. Но это довершительное наглядное знакомство съ Россіею не состоялось вполнѣ согласно предположенію: Наслѣдникъ-Цесаревичъ занемогъ въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, гдѣ и провелъ нѣсколько недѣль, ради возникшаго опасенія за возобновленіе признаковъ болѣзни, которые побудили его провести предъидущую зиму въ тепломъ климатѣ Италіи. Здоровье его, однако, поправилось и дозволило возвратиться на зиму въ Петербургъ. Въ этомъ путешествіи по Бѣлоруссіи его сопровождали: ген.-адъютантъ Кавелинъ, флиг.-адъютантъ полковникъ Юрьевичъ, адъютанты штабъ-ротмистръ (впослѣдствіи фельдмаршалъ) кн. Барятинскій и поручикъ А. В. Адлербергъ, а также лейбъ-хирургъ Енохинъ. По случаю его нездоровья присланъ былъ изъ Петербурга въ Могилевъ еще лейбъ-медикъ Рейнгольдъ, о которомъ упоминаетъ въ письмѣ своемъ Жуковскій, проживший конецъ 1839-го и начало 1840 года (до 5 Марта) въ Петербургѣ, гдѣ онъ занимался преподаваніемъ наукъ молодымъ великимъ князьямъ и великимъ княжнамъ. П. Б.

XVI.

Вотъ Вашему Высочеству отъ меня цѣлая рукописная книга. Прошу васъ взять на себя трудъ все прочитать безъ разсѣянія и скуки. Все это написано давно; но я долго не могъ рѣшиться выпустить изъ рукъ написанное. Болѣе однако откладывать нельзя. Изъ всего вижу, что Государю Императору угодно, чтобы я оставался при Великихъ Князьяхъ; но на этотъ счетъ мнѣ не было ничего опредѣлительнаго изъявлено, опредѣлительность же здѣсь необходима. И такъ будьте моимъ посредникомъ и передайте приложенное письмо Государю Императору со всѣми принадлежащими къ нему представленіями, которыя поддержите своимъ добрымъ словомъ; этимъ Вы много обяжете меня лично: ибо для меня будетъ большою царскою милостію, если мои желанія въ пользу бывшихъ моихъ сотрудниковъ не будутъ отвергнуты, и мнѣ будетъ особенно пріятно быть благодарнымъ Вамъ за живое мнѣ содѣйствіе въ этомъ случаѣ. Въ запискѣ моей о Липманѣ я не упомянулъ о томъ, что́ было мною предложено Вамъ на словахъ, именно о томъ, чтобы Липману дано было при Васъ званіе лектора, дабы каждую недѣлю разъ онъ Вамъ представлялъ отчетъ о томъ, что́ дѣлается въ современномъ мірѣ литературы, наукъ и вообще цивилизаціи. Быть нечуждымъ этимъ предметамъ для Васъ необходимо; если Вы сами убѣждены въ этой необходимости, то сами представьте объ этомъ Государю Императору. Жиля особенно поручаю въ Ваше покровительство; представленіе объ немъ должно быть сдѣлано Вами по моей къ Вамъ запискѣ.

Что́ же касается до моего собственнаго дѣла, то обратите на него вниманіе съ тѣмъ добрымъ чувствомъ, котораго я отъ Васъ надѣюсь. Вотъ чего на первый случай прошу отъ Васъ: прочитайте все про себя и обдумайте, возможно ли то, чего я для себя желаю и хорошо ли дѣлаю, что прошу. Займитесь этимъ, какъ своимъ собственнымъ дѣломъ, и потомъ скажите мнѣ искренно Ваше мнѣніе, какъ другъ, который беретъ во мнѣ живое участіе и который въ тоже время имѣетъ возможность сдѣлать мнѣ добро на всю мою жизнь. Но прочитавъ письмо мое, не приступайте еще къ дѣлу и не пускайте письма̀ въ ходъ, пока я самъ о томъ не попрошу Васъ. Я желаю еще получить

нѣкоторыя необходимыя для меня свѣдѣнія, и скажу самъ, когда Вамъ надобно будетъ приступить къ дѣлу. Теперь для меня главное состоитъ въ томъ, чтобы Вы *знали* мои обстоятельства и чтобы у Васъ въ душѣ сидѣло желаніе обратить на меня Ваше попеченіе. Прошу Васъ еще и о томъ, чтобы мое къ Вамъ письмо не было никому показано; въ свое время оно можетъ быть сообщено Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ, но теперь поберегите его про себя. Письмо же къ Государю со всѣми приложенными къ нему представленіями передайте немедленно.

Жуковскій.

Когда захотите со мною переговорить, то сами назначьте часъ, то есть, чтобы Вы были одни и совершенно свободны. Я же самъ не стану Васъ тревожить.

*

Рукописною книгою въ началѣ этого письма Жуковскій называетъ, вѣроятно, бумаги касающіяся бывшихъ преподавателей Великаго Князя. Это письмо должно относиться къ началу 1840 года: воспитаніе Александра Николаевича кончилось, и опредѣлялась дальнѣйшая судьба лицъ, принимавшихъ въ немъ участіе.—Докторъ правъ Берлинскаго университета Ѳедоръ Ивановичъ Липманъ преподавалъ всеобщую исторію; а Жиль—Французскую словесность и былъ библіотекаремъ. Преподаватели были щедро награждены, а про себя Жуковскій писалъ въ Апрѣлѣ 1841 г., что бо́льшаго онъ и „во снѣ не желалъ“. (Зейдлицъ, Спб. 1883, стр. 173). П. Б.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПИСЬМУ XVI-му.

I. Письмо Жуковскаго къ Государю Николаю Павловичу.

Всемилостивѣйшій Государь!

Будучи извѣщенъ генералъ-адъютантомъ Кавелинымъ, имѣвшимъ счастіе представлять Вашему Императорскому Величеству о пенсіонахъ, слѣдующихъ бывшимъ учителямъ Государя Наслѣдника (о коихъ и отъ

меня была всеподданнѣйше подана записка на разсмотрѣніе Вашего Величества), что нѣкоторымъ изъ нихъ: именно Врангелю, Гессу и Ласковскому, вмѣсто 3.000 р., назначенныхъ всѣмъ прочимъ, опредѣляется только 1.500 рублей (половина ихъ жалованья), осмѣливаюсь повергнуть къ стопамъ Вашимъ мое всеподданнѣйшее представленіе съ тою же надеждою на Ваше великодушіе, которая не обманула меня и въ первый разъ, когда Вы такъ снисходительно благоволили принять мою просьбу и съ такою для меня трогательною, незабвенною милостію ее исполнили.

Повторяю теперь тоже самое, что̀ было сказано мною тогда: всѣмъ учителямъ Государя Наслѣдника, при вступленіи ихъ въ должность, было дано генераломъ обѣщаніе, что ихъ *жалованье*, при ихъ увольненіи, обратится имъ въ *пенсіонъ*. Это обѣщаніе *не было ограничено* ни срокомъ службы, ни предметомъ занятія; на этомъ обѣщаніи основана была главная надежда ихъ жизни: обезпеченность существованія. Эта надежда для тѣхъ, кои были *еще оставлены* при особѣ Великаго Князя, обратилась въ увѣренность совершеннымъ ея исполненіемъ для тѣхъ, *кои получили свое увольненіе* при отъѣздѣ Его Высочества въ путешествіе по Россіи. Я самъ подтвердилъ имъ эту надежду, опираясь на семъ исполненіи, совершившемся по моей личной просьбѣ, что̀ было для меня самого такимъ радостнымъ, такимъ удовлетворительнымъ знакомъ Вашего ко мнѣ благоволенія. Государь, благоволите вспомнить сіе обстоятельство, для моего сердца незабвенное; благоволите рѣшить, имѣлъ ли я право подавать такую надежду, основанную на Вашемъ царскомъ великодушіи и которую такъ мнѣ больно будетъ теперь уничтожить. Повторяю: обѣщаніе было дано безъ всякаго исключенія; исключаемая же сумма такъ ничтожна, что она и въ разсчетъ входить не можетъ; но для тѣхъ, кои должны подвергнуться исключенію, утрата будетъ величайшая, утрата *ровно половины* ихъ средствъ существованія. И сверхъ того, какъ имъ тягостно будетъ разстаться съ тою надеждою, которая столько времени ихъ веселила и обезпечивала! Сей же случай не можетъ служить ничему примѣромъ, ибо здѣсь дѣло идетъ о Наслѣдникѣ Престола: покидающіе его вѣрные слуги должны съ нимъ разстаться, благословляя судьбу свою и имѣя на весь остатокъ жизни усладительное о немъ воспоминаніе въ томъ благотвореніи, которое упрочитъ все ихъ будущее. Государь, то что̀ я здѣсь говорю съ безкорыстною искренностію и съ полною вѣрою въ Вашу высокую душу, есть тоже, что̀ я говорилъ тогда и что̀ было такъ милостиво исполнено и услышано. Смѣю думать, что и теперь Вы, мой постоянный благотворитель, не отвергните моей всепод-

даннѣйшей просьбы и великодушнымъ къ ней снисхожденіемъ окажете мнѣ новую личную, на вѣки незабвенную милость.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный

В. Жуковскій.

Генваря 13-го 1840.

II. Записка о бывшихъ учителяхъ Государя Наслѣдника.

Нѣкоторые изъ учителей Государя Наслѣдника получили слѣдующіе имъ пенсіоны при отправленіи Его Императорскаго Высочества въ путешествіе по Россіи; другіе числятся еще при Великомъ Князѣ. Теперь, при совершенномъ окончаніи учебныхъ занятій Его Высочества, надлежитъ и послѣднимъ опредѣлить ихъ пенсіи, о чемъ всеподданнѣйше имѣю счастіе представить Вашему Императорскому Величеству. Я счелъ бы себя особенно счастливымъ, еслибы Вы, Всемилостивѣйшій Государь, въ ту минуту, когда я долженъ покинуть надъ ними свое начальство, соизволили всемилостивѣйше наградить ихъ единовременною выдачею годоваго оклада каждому, какъ тѣмъ, кои были уволены прежде, такъ и тѣмъ, кои должны получить увольненіе теперь. Исполненіе сей всеподданнѣйшей просьбы моей о тѣхъ, кои такъ усердно помогали мнѣ дѣйствовать для пользы Великаго Князя, было бы великою личною мнѣ милостію.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ

Жуковскій.

XVII.

(Начало 1840 г.)

Не умѣю изъяснить Вашему Высочеству, какъ для меня огорчителенъ неуспѣхъ той просьбы, которую я счелъ обязанностію всеподданнѣйше представить на благоусмотрѣніе Государя Императора. Я никакъ не ожидалъ отказа; первое, потому что просилъ того же самаго, чтó было уже одинъ разъ по моей же просьбѣ исполнено; второе, потому что просьбу свою считалъ справедливою, ибо всегда справедливо исполнять обѣщанное; а обѣщаніе учителямъ было чисто и ясно; оно состояло въ словахъ: учители Наслѣдника получаютъ въ пенсіонъ свое жалованье. Оно было сдѣлано безъ всякаго ограниченія. Для тѣхъ же, кои служили долѣе, не можетъ быть обиднымъ, что ихъ сверстники, менѣе ихъ служившіе, вслѣдствіе даннаго всѣмъ вообще обѣщанія получатъ тоже, чтó они; ибо весьма было бы странно симъ обижаться, тѣмъ болѣе, что и между получившими *одинакіе* пенсіоны

нѣкоторые, какъ напримѣръ Баженовъ и Веймарнъ, менѣе другихъ занимали свое мѣсто. Почему же справедливое для Баженова и Веймарна будетъ несправедливо для Врангеля, Гесса и Ласковскаго? Наконецъ, я не ожидалъ отказа и потому, что моя просьба, послѣдняя въ моемъ при Васъ званіи, была не объ одной наградѣ учителямъ, но и о милости мнѣ, которому было бы такъ дорого въ этой царской милости, мнѣ оказанной, оставить доброе о себѣ воспоминаніе тѣмъ, которые мнѣ такъ ревностно помогали служить Вамъ. Все это для меня огорчительно тѣмъ болѣе, что на письмо мое, *отъ меня* представленное Государю Императору, мнѣ самому не сдѣлано никакого отвѣта, что Государь и при встрѣчѣ со мною не благоволилъ сказать мнѣ ни одного слова и что я долженъ былъ узнать отъ другихъ и при другихъ, что просьба моя недѣльная. Согласитесь сами, что мнѣ, на моемъ мѣстѣ при Васъ, котораго я еще не покинулъ (по крайней мѣрѣ оффиціально), все это должно быть весьма огорчительно и что я, послѣ пятнадцати лѣтъ, посвященныхъ Вамъ съ любовію и по моей неограниченной любви къ Государю, отъ котораго знакъ личнаго, милостиваго вниманія дороже мнѣ всѣхъ наградъ на свѣтѣ, могъ ожидать не такой развязки.

Пишу это къ Вамъ оттого, что для меня необходимо *выразить* то, чтó чувствую; но главный предметъ письма моего есть просьба къ Вамъ. Баронъ Розенъ получилъ свою отставку; всего на все у него теперь только 400 рублей годоваго пенсіона. Этого достаточно только для того, чтобы въ первую треть года не умереть съ голоду. Прошу Васъ не оставить Розена. Если Вы сохраните ему то, чтó было ему отъ Васъ опредѣлено сверхъ того жалованья, которое онъ получалъ на своемъ мѣстѣ, то для Васъ большой траты не будетъ; а у него будетъ вѣрный, хотя впрочемъ весьма скудный, кусокъ хлѣба.

Еще одна просьба. Гоголь въ самомъ стѣсненномъ положеніи: взялъ изъ института сестеръ; а маленькое имѣньице, какое у него было, пропадаетъ. Ему нужно 4000 рублей. Я хотѣлъ было ихъ собрать, но это не удается. Не можете ли меня *ссудить* этою суммою? Я перешлю ее Гоголю, а Вамъ заплачу, когда это мнѣ будетъ удобно, впрочемъ въ теченіе года или черезъ годъ. Отъ васъ же самихъ помощи не прошу, ибо знаю, что Вы бы охотно помогли, но что этого теперь нельзя сдѣлать: слишкомъ много другихъ расходовъ.

Жуковскій.

XVIII.

(Начало 1840 г.)

За Розена цѣлую Вашу благодѣтельную руку; Вы меня очень этимъ порадовали, и Вамъ самимъ хорошо быть благотворителемъ своихъ приближенныхъ.

О *Гоголѣ* другое дѣло. Видно, вы не разобрали моего письма. Я не просилъ для него никакой помощи, и было бы съ моей стороны *несправедливо* просить ее, особливо такой большой, какую вы назначили: ибо у Васъ есть кому давать, и Вы уже разъ помогли Гоголю— довольно.

Еще менѣе просилъ я у Васъ *ему* взаймы: это было бы съ моей стороны *неприлично*. Я просилъ у Васъ просто *взаймы* себѣ самому, какъ то было прежде, и Вы очень одолжите меня, если *ссудите* меня этими деньгами; а съ Гоголемъ будутъ у меня свои разсчеты. Эти деньги дамъ ему *отъ себя*, не вмѣшивая въ это Вашего имени. И такъ прошу Васъ убѣдительно не давать въ подарокъ назначенныхъ Вами 2000 рублей; я рѣшительно отъ этого отказываюсь, благодаря Васъ за доброе намѣреніе, которое само по себѣ есть уже богатый подарокъ, мнѣ сдѣланный, и прося покорно *ссудить* мою особу вышереченными 4000, кои нимало не потеряютъ своей натуры, если будутъ, принадлежа Вамъ, покоиться въ моемъ карманѣ, откуда въ свое время съ торжествомъ возвратятся въ прежнюю великокняжескую обитель.

Жуковскій.

XIX.

Нынче, въ день своего рожденія, повторяю Вашему Высочеству просьбу объ Андреѣ Карамзинѣ. Лучшимъ подаркомъ для меня отъ Васъ въ этотъ день и на всю жизнь было бы, если бы Вы позаботились о исполненіи этой просьбы. Одною изъ величайшихъ милостей, оказанныхъ мнѣ Государемъ Императоромъ, было то, что онъ благоволилъ меня выслушать, когда я осмѣлился говорить ему о Карамзинѣ-отцѣ и, позволивъ мнѣ тогда приготовить рескриптъ, коимъ выразилась его царская милость къ великому нашему писателю и его семейству, нѣкоторымъ образомъ позволилъ мнѣ въ тоже время принять нѣкоторое участіе въ дѣлѣ столь рѣшительномъ для Карамзина. Если удастся также быть счастливымъ *при Васъ* для *сына*, какъ нѣкогда удалось быть счастливымъ для *отца* при Государѣ Императорѣ, то это останется мнѣ на всю жизнь самою драгоцѣнною объ Васъ памятью, также какъ то осталось вѣчнымъ благодарнымъ воспоминаніемъ о Государѣ. Ручаюсь Вамъ, что въ Андреѣ Карамзинѣ пріобрѣтете надежнаго человѣка, который привяжется къ Вамъ не однимъ долгомъ, но и сердцемъ. Отецъ его, умирая, въ благодарномъ письмѣ къ Государю, назвалъ дѣтей своихъ *вѣрными*. Это полная правда. Отцовское завѣщаніе у нихъ въ сердцѣ. Андрей Карамзинъ спитъ и видитъ, чтобы имѣть счастіе быть при Васъ. Прибавлю: всякое Русское сердце порадуется, когда узнаетъ, что между приближенными къ Наслѣднику Престола есть и сынъ Карамзина. Память его любезна Россіи; самъ Государь научилъ ее, какъ уважать эту чистую память.

Я не могу къ Вамъ придти самъ: сбираюсь идти къ Козлову, который при послѣднемъ издыханіи. Вѣроятно мнѣ въ день своего рожденія придется положить въ гробъ и его, какъ за три года передъ симъ положилъ Пушкина. Жуковскій.

29 Генваря 1840.

Это желаніе Жуковскаго не могло быть исполнено.—Въ большомъ письмѣ своемъ къ роднымъ о своей помолвкѣ (Р. Бесѣда 1859 г., III, стр. 26). Жуковскій говоритъ: „Въ началѣ 1840 года я узнаю, что мнѣ назначено сопутствовать Великому Князю въ Дармштадтъ и тамъ остаться послѣ него для преподаванія Русскаго языка принцессѣ Маріи. 5 Марта мы покинули Петербургъ.“ Этимъ преподаваніемъ Жуковскій занимался до 10 Мая. 4 Іюня состоялось свиданіе Государя и Государыни съ ихъ будущею невѣсткою. За тѣмъ послѣдовалъ переѣздъ въ Эмсъ, гдѣ Государыня лѣчилась и гдѣ написано слѣдующее XX-е письмо Жуковскаго, врученное вѣроятно Наслѣднику передъ самымъ его отъѣздомъ изъ Эмса. Письмо его къ Государю (отбывшему въ Россію) касалось предположенной его женитьбы, о которой онъ сообщилъ Александру Николаевичу словесно. П. Б.

XX.

Эмсъ, 1 Іюля 1840 г.

Ввѣряя Вамъ мое письмо къ Государю Императору, прошу Васъ прочитать его со вниманіемъ и участіемъ. На это будете имѣть довольно досуга во время переѣзда Вашего на пароходѣ, гдѣ никто и ничто не помѣшаетъ Вамъ заняться мною нѣсколько часовъ исключительно. Вы берете съ собою судьбу всего моего будущаго; повѣряю его Вашему сердцу. Дайте мнѣ счастіе быть Вамъ благодарнымъ *за все* на всѣ остальные годы моей жизни, счастье соединить воспоминавіе объ Васъ со всѣми благами той смиренной семейной жизни, которая теперь должна милостями Государя и Вашею заботою устроиться. Безъ этого счастія всякое другое будетъ для меня не полно.

Въ письмѣ моемъ къ Государю Императору я долженъ былъ войти въ большія подробности; я не могъ этого не сдѣлать, ибо не имѣлъ времени объясниться съ Его Величествомъ на словахъ, а объясниться было необходимо. Письмо вышло *длинно*; прилагаю здѣсь короткую выписку, въ коей назначено то, чего прошу въ письмѣ своемъ у Государя*). Если Богу будетъ угодно, что Государь соизволитъ согласиться на мою просьбу, то прошу отъ Васъ одного: *поспѣшите, чтобы все было исполнено до вашего отъѣзда изъ Петербурга*. Въ этомъ должна состоять Ваша главная, единственная забота, и эта поспѣшность будетъ для меня величайшимъ благотвореніемъ: подумайте о моихъ теперешнихъ обстоятельствахъ, подумайте, какъ для меня мучительно оставаться въ невѣдѣніи и какое должно быть для меня сокровище каждая выигранная мною минута. Подумайте и о томъ, что мнѣ *откладывать уже нельзя*: время мое сочтено. Между тѣмъ, прошу Васъ *сохранить мою тайну* до тѣхъ поръ, пока я самъ не открою ея: я еще самъ не знаю, чѣмъ дѣло рѣшится; можетъ случиться, что я обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ и что мои замыслы не сбудутся. Приступить же ни къ чему не могу, не узнавъ напередъ, что̀ мнѣ назначила судьба моя для обезпеченія моего семейства. Эта судьба—Государь.

Теперь вопросъ: что̀ надобно Вамъ кончить во время пребыванія вашего въ Петербургѣ? Вотъ что: 1-ое. Передавъ, *немедленно по пріѣздѣ вашемъ въ Петербургъ*, письмо мое Государю, сдѣлайте мнѣ большое благодѣяніе, *увѣдомьте* безъ всякаго отлагательства, какъ Госу-

---

*) Эту выписку послѣ прошу Васъ представить Государю Императору, ибо въ ней все означено вкратцѣ.

дарь благоволитъ рѣшить мою участь. 2-е. Особенно *исходатайствуйте мнѣ позволеніе* остаться здѣсь на *два мѣсяца*, по отъѣздѣ Принсессы и Государыни Императрицы, дабы возвратиться въ Петербургъ въ *половинѣ Октября*, о чемъ *съ первымъ курьеромъ* дайте мнѣ знать. Вы много одолжите меня, если объ этомъ напишите двѣ строчки сами; если же черезъ другаго, то чтобы не могли догадаться, для чего я здѣсь остался. Наконецъ, 3-е. Если Государю благоугодно будетъ пожаловать мнѣ тѣ деньги, о коихъ я прошу Его Величество въ письмѣ моемъ, то исходатайствуйте, чтобы эти деньги были немедленно выданы Вамъ, и въ такомъ случаѣ, поручивъ принять ихъ откуда слѣдуетъ, прикажите положить ихъ *въ Коммерческій Банкъ на мое имя, а билеты* отдайте хранить при Вашей кассѣ, запечатавъ ихъ въ одинъ пакетъ Вашею печатью и съ Вашею надписью: *отдать В. А. Жуковскому по его востребованію.*

Благослови Богъ ту минуту, въ которую письмо мое будетъ передано Вами въ царскую руку! Эта минута должна даровать мнѣ все, чего до сихъ поръ еще не было въ моей жизни: тихій семейный кругъ, въ которомъ оживу душею и начну новую дѣятельность, для меня счастливую, можетъ быть полезную и для отечества. Повторяю здѣсь тоже, чтó сказалъ Вамъ прежде, но въ другихъ обстоятельствахъ. Сошедъ съ дороги, на которую возвела меня неоцѣненная милость моего Государя, изъ пристани, отворенной мнѣ заботливой рукою тѣхъ, коимъ вся жизнь моя посвящена была съ любовью, буду съ утѣшительнымъ воспоминаніемъ смотрѣть на эту дорогу, пройденную съ ними вмѣстѣ, и если мои остальные, ими осчастливленные, годы пройдутъ не даромъ, а оставятъ по себѣ слѣдъ добра на память людямъ, то ихъ же благотворной любви буду обязанъ тѣмъ яснымъ покоемъ духа, безъ коего никакой трудъ не можетъ быть ни начатъ съ надеждою, ни конченъ съ успѣхомъ. Само по себѣ разумѣется, что однимъ изъ необходимыхъ благъ такой смиренной, чистой, уединеннымъ трудомъ украшенной жизни будетъ сердечный союзъ съ Вами, мой милый бывшій товарищъ. Устроенная Вами, она получитъ для меня особенную цѣну. Вамъ будетъ весело иногда переноситься мыслію въ то мѣсто, гдѣ, благодаря Вамъ, буду наслаждаться этимъ новымъ, никогда еще неиспытаннымъ мною счастіемъ домашнимъ; а мнѣ изъ моего пріюта, Вами мнѣ упроченнаго, будетъ радостно слѣдовать за Вашею молодою жизнью, передавать Вамъ свободно и прямодушно всѣ тѣ мысли, которыя покажутся мнѣ вамъ полезными, а иногда подавать Вамъ о себѣ вѣсть какимъ нибудь новымъ трудомъ своимъ, въ которомъ, надѣюсь, всегда узнáете прежняго товарища Вашей молодости. Когда же надобно

будетъ переходить въ другой свѣтъ, то конечно, оглянувшись на здѣшній, съ благодарностью и уже не посреди печальнаго одиночества, увижу посреди всѣхъ моихъ и Ваше любезное лице и порадуюсь мыслію, что безъ пятна останется для Васъ моя память.

Жуковскій.

XXI.

Нынче день въѣзда благословенной невѣсты Вашего Императорскаго Высочества въ Петербургъ. Благослови Богъ этотъ день для Васъ, для нея и для нашего общаго отечества! Сожалѣю, что обстоятельства лишили меня счастія видѣть эту минуту и быть ея историкомъ для Россіи. Издали молюсь объ Васъ отъ всего сердца. Болѣе мнѣ теперь нечего сказать Вашему Высочеству. Когда говорю Вамъ: будьте счастливы, то это не простая, обыкновенная фраза, а голосъ изъ глубины души. О собственныхъ моихъ обстоятельствахъ писать Вамъ также теперь не буду, ибо Вамъ теперь не до меня. Судьба моя рѣшена: молодая моя невѣста подала мнѣ руку прямо отъ сердца, и я съ глубокою благодарностію къ Богу вѣрю, что буду имѣть въ ней надежнаго, любящаго товарища на весь остатокъ жизни, на ясные и темные дни. Въ концѣ Октября надѣюсь имѣть счастіе увидѣть Ваше Императорское Высочество. Благоволите взять на себя трудъ передать мое глубочайшее сердечное почтеніе Ея Высочеству, принцессѣ Маріи.

Жуковскій.

15 (27) Сентября 1840.
Дюссельдорфъ.

XXII.

Я получилъ любезное письмо Вашего Высочества и благодарю отъ всего сердца за Ваши хлопоты и за безцѣнную ласку, съ какими написано Ваше увѣдомленіе объ моемъ отпускѣ. Какъ ни знаю, что Ваше сердце меня любитъ, а все весело и дорого слышать это или читать. Позвольте мнѣ заочно обнять Васъ.

Я выѣду отсюда 2-го Марта, совершенно окончивъ нѣкоторыя семейныя дѣла, на счетъ которыхъ теперь останусь спокоенъ и поживъ съ родными, съ которыми надобно будетъ разстаться на два года и болѣе. Мартъ и Апрѣль употреблю на довершеніе того, чтó мнѣ остается кончить по главной моей обязанности. А потомъ, съ благословеніемъ Божіимъ, отправлюсь за своимъ смиреннымъ счастіемъ, къ которому безпрестанно и мысли и желанія рвутся. Эти шесть мѣсяцевъ разлуки тяжелы несказанно и въ мои лѣта составляютъ важную потерю въ жизни; но они уже имѣли для меня и полезное слѣдствіе: переписка сблизила и самымъ короткимъ знакомствомъ сдружила меня съ моею будущею женою. Получая письма ея, я часто думалъ объ Васъ; мнѣ было бы великимъ наслажденіемъ хотя одно изъ нихъ показать Вамъ: прочитавъ его, вы увѣрились бы въ *вѣрности* моего счастія и конечно бы за меня порадовались. Прошу Бога только о томъ, чтобы позволилъ еще пожить на свѣтѣ, ибо жизнь прекрасна; то благо, котораго душа всегда желала и не имѣла, нашлось само собою, и я не имѣю никакихъ другихъ желаній, кромѣ сохраненія и продолженія того, чтó есть. Довольство души моей усиливается мыслію, что твердостію этого счастія буду обязанъ благотворительной заботливости тѣхъ, коимъ лучшая часть жизни моей была посвящена съ любовію. Не могу здѣсь не поблагодарить Васъ опять за ту заботливость, съ какою въ послѣднее время Вы приняли во мнѣ участіе. По возвращеніи своемъ еще разъ позволю себѣ переговорить съ Вами о своихъ обстоятельствахъ и о своемъ будущемъ. Вы этимъ конечно не поскучаете. А для меня соединить воспоминаніе объ Васъ съ земнымъ моимъ счастіемъ есть сокровище сердца, которое даетъ великую цѣну и самому счастію и безъ котораго оно не можетъ быть полно.

Простите. Дай Богъ, чтобы я, возвратясь, нашелъ Вашу невѣсту совершенно здоровою; мысль объ ней всегда меня радуетъ и успокоиваетъ

за Васъ и отечество. Повѣрьте моему внутреннему убѣжденію: въ ней много таится такого, чтó будущее разовьетъ прекрасно и чтò дастъ Вамъ великое истинное счастіе на трудной Вашей дорогѣ. Ваше сердце способно знать ей цѣну. Чтó самъ Богъ устроилъ, то Онъ и сохранитъ.

Вашъ всѣмъ сердцемъ

Жуковскій.

16 Февраля 1841 (Москва).

Зимою 1841 года Жуковскій ѣздилъ въ Москву повидаться съ родными передъ своею женитьбою. П. Б.

XXIII.

Вотъ уже болѣе полутора мѣсяца какъ я женатъ, а еще не писалъ объ этомъ ни къ Вашему Высочеству и ни къ кому изъ родныхъ и ближнихъ друзей моихъ. Не дивитесь этому и не пеняйте мнѣ. Въ эти первые дни моей новой жизни я не могъ заняться ея описаніемъ; мнѣ хотѣлось беззаботно съ нею свыкнуться и потомъ уже на просторѣ заняться ея описаніемъ. Но съ кѣмъ же лучше мнѣ говорить объ ней какъ не съ Вами, моимъ другомъ отъ Вашей колыбели, отъ которой Богъ позволилъ мнѣ проводить Васъ до того мѣста, на коемъ встрѣтили Вы свое семейное счастіе. Хотя мы и раздѣлены съ Вами полными 35-ю годами, но съ Вами и со мною въ *одно* время случилось *одно* и *тоже*. Вы въ полномъ цвѣтѣ молодости нашли жену по сердцу, которая по лѣтамъ своимъ обѣщаетъ вамъ долгое съ нею товарищество; мнѣ подъ старость досталась молодая жена, которая могла бы быть мнѣ внукою, но которая принесла неувядшей еще душѣ моей молодое, чистое счастіе. Для Васъ на царской стезѣ Вашей семейная жизнь будетъ не только источникомъ тайныхъ радостей сердца, но и хранителемъ нравственныхъ силъ и тѣхъ высокихъ качествъ, кои Вы обязаны имѣть не для одного себя, кои Вамъ необходимы для успѣха предназначенной Вамъ дѣятельности публичной. Для меня семейная жизнь есть просто покойный, смиренный пріютъ передъ концемъ житейской дороги. Вы, съ пламенною живостію юноши, для котораго жизнь такъ богата еще будущимъ, наслаждаетесь благомъ, ниспосланнымъ Вамъ отъ Бога; а я, принявъ тоже благо отъ Бога въ такую эпоху жизни, когда уже пересталъ его искать и на-

дѣяться, смотрю на него съ благоговѣніемъ и вижу въ немъ не столько настоящую прелесть жизни, сколько ея освященіе и облагородствованіе для будущаго. Мой жребій легче и счастливѣе Вашего; но Вы стоите на такой степени свѣта, на которой никто не посмѣетъ оспаривать у Васъ *достоинства*, того именно, до чего каждый человѣкъ обязанъ и можетъ достигнуть собственными силами, что̀ возвышается въ цѣнѣ своей по мѣрѣ трудности пріобрѣтенія и значительности даннаго въ жизни удѣла и что́ выше и лучше счастія.

Теперь позвольте описать Вамъ вкратцѣ то, что̀ случилось со мною въ послѣднее время. Но прежде я долженъ поблагодарить Ваше Высочество за безцѣнное Ваше письмо, написанное изъ Москвы и мною на сихъ дняхъ полученное. Благодарю особенно не за выраженія дружбы Вашей (я на нее полагаюсь и знаю, что ни отдаленіе, ни обстоятельства, насъ разлучившія, но не разрознившія, не изгладятъ ея изъ Вашего вѣрнаго сердца); нѣтъ, благодарю особенно за нѣкоторыя выраженія, которыя наполнили радостію мое сердце и вызвали слезы изъ глазъ моихъ. Вы пишите: «21-го Мая я много думалъ объ Васъ и молилъ Бога, чтобы Онъ благословилъ Васъ семейнымъ счастіемъ, величайшимъ благомъ въ семъ мірѣ, такъ какъ Онъ доселѣ насъ благословляетъ. Не могу Вамъ выразить, какъ я себя чувствую счастливымъ съ моимъ ангеломъ-Маріею!» А я не могу Вамъ выразить, какъ для меня трогательно и дорого это Ваше воспоминаніе обо мнѣ въ важнѣйшую минуту моей жизни, которое въ тоже время есть для меня свидѣтельство Вашего собственнаго счастія. Да сохранитъ его Вамъ Богъ во всей его чистотѣ для Васъ самихъ, и для нашего общаго отечества. *Мое* далось мнѣ такимъ, какого я всегда желалъ въ поэтическіе дни молодости; но мнѣ суждено было встрѣтить его уже подъ старость. Когда я звалъ его, оно отъ меня убѣгало; когда пересталъ его искать и добровольно простился съ желаніемъ найти его, оно явилось мнѣ незваное, и мое сердце вполнѣ довольно своею находкою.

Вотъ исторія послѣднихъ дней моихъ. 2 (14) Мая покинулъ я Петербургъ и 16 (28) былъ уже въ Ганау, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ровно за семь мѣсяцевъ, 16 (28) Октября 1840, простился съ своею молодою невѣстою. Я ночевалъ въ Ганау и на другой день съ особеннымъ наслажденіемъ проснулся въ той горницѣ, гдѣ послѣднее мое пробужденіе было такъ тяжело и печально. Окружающіе предметы живо напоминали о томъ, что̀ я чувствовалъ тогда, а самъ я былъ

такъ спокоенъ: настоящее было такъ ясно, миновавшая разлука была не иное что̀, какъ кончившійся сонъ. Рано по утру отправился я во Франкфуртъ и оттуда, послѣ обѣда, на паровозѣ въ Майнцъ, гдѣ надѣялся въ тотъ же вечеръ или на другой день встрѣтить свою невѣсту съ семействомъ. (Такъ мы условились, дабы потомъ немедленно ѣхать въ Штутгардъ для вѣнчанія). Въ тотъ же вечеръ узнаю̀, что они на другой день, 17 (29), сбираются покинуть Дюссельдорфъ, дабы 18 (30) ввечеру быть въ Майнцѣ. Предположивъ, что они изъ Дюссельдорфа переѣдутъ въ Кельнъ, тамъ ночуютъ и на другой день, въ одинъ переѣздъ, прибудутъ ввечеру въ Майнцъ, я рѣшился отправиться къ нимъ на встрѣчу въ Кельнъ, занявъ горницы въ Майнцкомъ трактирѣ, гдѣ оставилъ свой экипажъ и пожитки. Въ 9 часовъ утра моя быстрая знакомка «Викторія» (которая одна въ прошломъ году провожала меня въ Дюссельдорфъ) помчала меня внизъ по Рейну. Въ семь часовъ послѣ обѣда я былъ уже въ Кельнѣ. Здѣсь судьба спасла меня отъ великаго мучительнаго безпокойства, ибо тѣ кого я искалъ были уже въ Боннѣ. Я прождалъ бы ихъ напрасно весь вечеръ и, не дождавшись, на другой день, въ крайнемъ недоумѣніи, отправился бы въ Дюссельдорфъ; а они бы въ то время поѣхали въ Майнцъ и, не нашедши меня тамъ, пришли бы также въ большое недоумѣніе. Но Провидѣніе охранило меня отъ этой короткой, но тяжелой муки. Въ то время, когда я стоялъ на берегу Рейна и смотрѣлъ, какъ «Викторія» сдавала своихъ пассажировъ другому пароходу, плывущему въ Дюссельдорфъ, въ ту самую минуту, какъ этотъ послѣдній тронулся, изъ толпы его пассажировъ закричалъ мнѣ голосъ: *Рейтернъ съ семействомъ въ Боннѣ; онъ обѣдалъ здѣсь въ Бельвю.* Изумившись, бѣгу въ означенный трактиръ; подлинно: мои Дюссельдорфцы были тамъ и давно уѣхали въ Боннъ. Тотчасъ беру почтовыхъ лошадей и чрезъ полтора часа я въ Боннѣ. Но не стану вамъ описывать подробностей нашего свиданія, ибо замѣчаю, что мое письмо становится слишкомъ длинно. Если послѣдняя половина его будетъ также подробна, какъ первая, то выйдетъ книга, для Васъ конечно скучная, хотя Вы и дружески расположены къ ея автору.

На другой день ввечеру, довольно поздно, пріѣхали мы въ Майнцъ, а на слѣдующее утро поѣхали на пароходѣ въ Мангеймъ, откуда по желѣзной дорогѣ отправились въ Гейдельбергъ, гдѣ ночевали. Мы не успѣли доѣха̀ть на другой день до Канштада и должны были ночевать въ Лудвигсбургѣ. 21-го Мая рано по утру отправились мы изъ Лудвигсбурга въ Канштадъ. Признаюсь, для меня эта тревога была тяжела: съ 3-го

Мая по 21-е я былъ въ безпрестанно́мъ движеніи; ѣхавъ день и ночь, былъ утомленъ отъ дороги и жара. Пріѣхавъ въ Каннштадъ въ самый день, назначенный для моей свадьбы, я не имѣлъ минуты свободной для того, чтобы войти въ себя и дать душѣ свободу заняться на просторѣ тѣмъ, что̀ ей предстояло: надобно было ѣхать тотчасъ въ Штутгардъ, отыскивать нашего священника и въ тоже время все устроить, чтобы въ одно время съ Греческимъ обрядомъ могъ быть совершенъ Лютеранскій. Но все уладилось скоро и легко, и Богъ далъ мнѣ насладиться этою святою минутою, которой дважды въ жизни не бываетъ, во всей полнотѣ ея святости. Въ пять часовъ послѣ обѣда покинули мы Канштадъ. Ротенбергъ, на которомъ стоитъ церковь св. Екатерины, весьма отъ него близко. Время было прекрасное: день былъ солнечный, но не жаркій, воздухъ живительный и легкій.

Церковь стоитъ на высокой горѣ, отдѣляющей ее отъ всего окружающаго, одна посреди великолѣпной окрестности, надъ которою царствуетъ величественно и тихо. Когда я подходилъ къ ней (вверхъ по вершинѣ горы), то казалось, что на свѣтѣ ничего другаго не было, кромѣ этой церкви; гора закрывала отъ глазъ окрестность, и за церковью было только небо удивительно чистое. Двери были отворены; сквозь нихъ видѣнъ былъ алтарь, отворенныя царскія двери и горящія въ темнотѣ его свѣчи. Когда мы вошли, и двери за нами затворились, удивительная тишина окружила насъ. Постороннихъ не было никого: священникъ съ двумя пѣвчими, отецъ, мать и сестра моей невѣсты—болѣе никого. Отецъ держалъ вѣнецъ надъ своею дочерью; надо мной не держалъ его никто: онъ былъ у меня на головѣ. Не могу описать Вамъ этой минуты, какъ бы желалъ. Что-то было вокругъ меня трогательное и глубоко-значительное. Передъ глазами растворенныя царскія двери; за ними святой мракъ высшаго міра, передъ ними свѣтлый алтарь брачный; а позади насъ отворенная дверь въ область смерти (посреди церкви находится отверстіе, покрытое рѣшеткою, сквозь которую видна гробница великой княгини-королевы Екатерины Павловны). Все это вмѣстѣ было такъ значительно въ эту минуту, главную минуту жизни. Съ одной стороны слышалось торжественное пѣніе и приходили въ слухъ умилительныя молитвы, освящавшія жизнь, а съ другой—была столь же умилительная тишина смерти, и все это передъ входомъ въ святилище Божіе, гдѣ жизнь находитъ вѣнецъ свой, а темная тайна смерти становится знаніемъ свѣтлымъ. Когда мы вышли изъ церкви, чудесная, живая, свѣтлая природа явилась глазамъ во всемъ своемъ великолѣпіи, въ восхитительной противоположности съ тѣмъ сумракомъ,

который окружалъ насъ въ церкви и такъ соотвѣтствовалъ совершавшемуся въ ней таинству. Изъ Русской церкви тотчасъ перешли мы въ Лютеранскую. Тамъ простая, трогательная проповѣдь, яснымъ поученіемъ христіанскимъ, такъ сказать, дополнила таинство нашей церкви: къ тому что̀ имѣло знаменованіе высшее присоединились практическія правила жизни, правила, глубоко трогающія душу, когда ихъ слышишь передъ алтаремъ въ такую минуту, когда въ нихъ выражается судьба всего здѣшняго будущаго.

Въ Канштадѣ пробыли мы всѣ вмѣстѣ до ночи; потомъ разстались. Я съ женою отправился въ Вильдбадъ (теплыя воды на Баденской границѣ Виртембергскаго королевства), куда и пріѣхали мы часовъ въ 12 утра; а отецъ, мать и сестра жены, переночевъ въ Канштадѣ, поѣхали обратно въ Дюссельдорфъ, дабы тамъ приготовить къ нашему прибытію наше жилище. Моей Вильдбадской совершенно уединенной жизни я не стану Вамъ описывать, ибо нечего описывать: двѣ недѣли прошли для меня какъ одинъ день. Но эти двѣ недѣли, бѣдныя происшествіями, оставятъ неизгладимый слѣдъ на все мое будущее. Прелесть того счастія, которое я испыталъ въ продолженіи ихъ, не заключается въ его новости. Нѣтъ, я спокойно и ясно убѣдился, что въ женѣ своей получилъ изъ рукъ Божіихъ *все*, что̀ мнѣ надобно. Это убѣжденіе основано не на мечтѣ воображенія, но на совершенномъ сродствѣ чувствъ и мыслей, и это сродство становится часъ отъ часу тѣснѣе; благодаря ему, я беззаботно вѣрю своему счастію. Будущее въ рукѣ Божіей; но если Ему будетъ угодно сохранить мнѣ жизнь и не отнять у меня даннаго Имъ мнѣ товарища, то счастіе мое не перемѣнится. Могутъ перемѣниться одни обстоятельства, отъ насъ не зависящія; но это будутъ только испытанія, а испытатаній въ жизни по настоящему бояться не должно. Что̀ жизнь безъ испыній? Въ испытаніяхъ душа созрѣваетъ и укрѣпляется. Житейскія испытанія суть языкъ, которымъ Богъ говоритъ съ человѣкомъ; наше дѣло понимать этотъ языкъ и, если можно, достойнымъ образомъ отвѣчать Тому, Кто на немъ говоритъ нашему сердцу и разуму.

Оканчивая письмо мое, обращаюсь къ Вамъ, мой милый Великій Князь. Въ тишинѣ моего теперешняго мирнаго, смиреннаго семейнаго счастія благодарю Бога за то, что Онъ даровалъ мнѣ его чрезъ Васъ и что я съ настоящимъ моимъ счастіемъ могу соединить благодарность къ моему милостивому Императору, благодарность къ Императрицѣ, которая всегда была и навсегда останется моимъ идеаломъ (ибо я коротко знаю свѣтлую, высокую душу ея); наконецъ, особенно благодарность къ Вамъ, которому столько времени съ самотверженною лю-

бовію была посвящена жизнь моя. Безъ этого послѣдняго чувства, конечно, никакое земное счастіе не могло бы быть для меня удовлетворительно. Но я знаю, что Вашей обо мнѣ заботливости обязанъ я тѣмъ покоемъ, тою вѣрностію моего будущаго, кои составляютъ основаніе моего настоящаго счастія, и воспоминаніе объ Васъ безпрестрастно сливается съ ощущеніемъ этого счастія и оживляетъ его. Я не смѣю безпокоить Государя Императора личнымъ письмомъ къ Его Величеству; но прошу Васъ быть за меня выразителемъ предъ нимъ той глубокой благодарности къ нему, которая навсегда будетъ жить въ моей душѣ и кончится только въ часъ смертный; благодарности за *прошедшее*: онъ съ довѣренностію отворилъ мнѣ дверь въ свое семейство и далъ мнѣ средства въ теченіи двадцати лѣтъ жить высокою жизнію; благодарности за *настоящее*: мое семейное счастіе есть даръ благотворной руки его; благодарности за *будущее*: его же царской милости обязанъ я тѣмъ, что никакая тревога о будущемъ не нарушаетъ моей теперешней жизни. Дай Богъ, чтобы я могъ остальные годы ея употребить такъ, чтобы они остались не безъ пользы и для отечества. Первые два года изъ нихъ будутъ употреблены на то, чтобы самымъ ограниченнымъ образомъ утвердить домашній порядокъ и сжиться съ семейнымъ бытомъ; потомъ.... потомъ что̀ Богъ велитъ! Оканчиваю сердечною молитвою, чтобы то, что̀ Вы теперь имѣете было долго, долго сохранено для Васъ неизмѣннымъ. Для Вашего будущаго царскаго счастія да сбережетъ Богъ жизнь Государя—Вашего учителя, и въ тоже время да проникнетъ Вашу душу свѣтомъ справедливости и теплотою милосердія; для Вашего личнаго человѣческаго счастія да оградитъ отъ всякаго зла Ваше семейство. Святость семейной жизни есть основа прочнаго счастія, тоже святилище сердца, подпора въ печали, освященіе мыслей; все это Вамъ теперь дано. Сохраните это благо для себя и для Россіи. Ваша душа способна любить все прекрасное и высокое, и для этого Вы теперь имѣете надежнаго товарища.

Простите, безцѣнный Великій Князь; прошу Васъ принести мою душевную благодарность Государынѣ Великой Княгинѣ за милостивое обо мнѣ воспоминаніе. Смѣю быть увѣреннымъ, что она мнѣ сохранитъ и на будущее время свою милость; а моя привязанность къ ней, соединенная съ искреннимъ уваженіемъ ея высокихъ качествъ, неизмѣнна.

Вашего Императорскаго Высочества
вѣрный до гроба
Жуковскій.

Дюссельдорфъ,
1841 Августа 3 (15).
(день моей помолвки).

При своемъ прощаніи съ Вашимъ Высочествомъ я просилъ Васъ о принятіи подъ Ваше особенное покровительство молодаго Рейтерна (теперь моего родственника), служащаго въ кирасирскомъ полку, носящемъ имя Вашего Высочества. Онъ совершенно не имѣетъ никакихъ средствъ себя поддерживать, и недавно умеръ отецъ его (родной братъ моего тестя). Вы обѣщали милостиво обратить на него Ваше вниманіе. Прошу Васъ снова о Рейтернѣ. При отъѣздѣ моемъ генералъ Веймарнъ обѣщалъ мнѣ переговорить съ Вашимъ Высочествомъ объ этомъ дѣлѣ; не знаю, удалось ли ему это исполнить.

Здѣсь прилагаю письмо ко мнѣ отъ Шадова, директора здѣшней академіи, которому Вы при Вашемъ проѣздѣ черезъ Дюссельдорфъ заказали картину. Онъ желаетъ перемѣнить сюжетъ ея; показывалъ мнѣ рисунокъ и я нахожу, что послѣдній сюжетъ лучше перваго. Позволите ли это сдѣлать?

XXIV.

Я писалъ къ Вашему Императорскому Высочеству, писалъ къ Государынѣ Императрицѣ; но не знаю, получены ли мои письма. Неужели, на бѣду мою, могли они какъ-нибудь затеряться? Это было бы для меня чрезвычайно печально: ибо, не получивъ столь давно отъ меня извѣстія, Вы, мой милый, безцѣнный Великій Князь, могли бы обвинить меня въ равнодушіи къ моему драгоцѣннѣйшему долгу. Прошу Васъ меня успокоить хотя однимъ словомъ, ибо не могу требовать отъ Васъ письма̀, зная какъ много Вы должны быть заняты. Скажите Олсуфьеву, чтобы онъ въ двухъ строкахъ увѣдомилъ меня, что письма получены: этого будетъ для меня весьма на первый случай довольно.

Я теперь во Франкфуртѣ, куда заѣхалъ на возвратномъ пути изъ за̀мка Виллингсгаузена, гдѣ былъ для свиданія съ родными жены моей. Здѣсь встрѣтился съ графинею Вьельгорскою, которая черезъ два дня отправляется въ Петербургъ; а я нынче же ѣду въ Дюссельдорфъ и очень радъ, когда доберусь до своего покойнаго угла, ибо женѣ моей теперь покой нуженъ. Изъ Дюссельдорфа буду писать къ Вашему Высочеству; теперь хотѣлъ только нѣсколькими строками успокоить свою тревогу, ибо меня весьма озабочиваетъ судьба моихъ писемъ, давно уже посланныхъ.

Прошу Васъ, всякій разъ, когда Вамъ самимъ не будетъ времени, заставить или Олсуфьева или Юрьевича написать ко мнѣ отъ Вашего имени; я этимъ буду доволенъ въ ожиданіи собственнаго Вашего отзыва. Мысль объ Васъ со мною неразлучна; желаніе Вамъ счастія слито съ желаніемъ моего собственнаго и составляетъ необходимую, важнѣйшую часть его; благодарность къ Государю, Государынѣ и Вамъ есть радостное и постоянное чувство души моей. Сохрани Васъ Богъ и Ваше семейство!

Жуковскій.

1841, 17 (29) Сентября.
Франкфуртъ на Майнѣ.

Сейчасъ видѣлъ графа Шувалова, который сказалъ мнѣ о случившемся съ Вами на скачкѣ; онъ увѣряетъ, что Вы ничего не потерпѣли; однако это извѣстіе весьма тревожитъ меня. Будетъ для меня знакомъ Вашей драгоцѣнной дружбы, если Вы немедленно велите меня о Васъ увѣдомить. Прошу Васъ сдѣлать мнѣ эту милость.

XXV.

Съ живѣйшею къ Вамъ любовію, съ усердною молитвою о Вашемъ счастіи къ Богу приношу Вашему Императорскому Высочеству мое поздравленіе съ новымъ годомъ. Это первый, который встрѣчаю безъ Васъ, въ моей особенной жизни, уже отдѣленной отъ Вашей. Болѣе двадцати лѣтъ сряду (если исключить изъ этого числа два года, проведенные мною за границею по болѣзни) праздновали мы каждый первый день года вмѣстѣ, и моя жизнь была слита съ Вашею. Но какой для меня переходъ отъ Вашей колыбели до присяги Наслѣдника въ день его совершеннолѣтія, до путешествія его по Имперіи, до его появленія въ Европѣ и, наконецъ, до его брака! Всѣ эти періоды жизни Вашей прошли мы вмѣстѣ; но они какъ будто не раздѣлены для меня никакою замѣтною чертою: всѣ слиты въ одно однимъ общимъ чувствомъ, которое во всѣхъ обстоятельствахъ сохранило одинъ характеръ. Теперь наши дорóги разошлись; но чувство мое сохранилось тоже, съ какимъ я Васъ увидѣлъ въ первый разъ въ Кремлѣ на рукахъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, съ какимъ я слушалъ Вашу присягу, произнесенную трепещущимъ голосомъ, съ какимъ смотрѣлъ за Вами вслѣдъ, когда Вы пошли къ вѣнцу. Хотя я далеко отъ Васъ, хотя живу особнякомъ, своротивъ съ Вашей широкой, блестящей дороги въ сторону, на тихую непримѣтную тропинку; но это меня съ Вами не разрознило. Хотя, благодаря Вамъ, благодаря великодушію Государя и незабвеннымъ милостямъ Императрицы, я имѣю *все* нужное для счастія моей *особенной* жизни, но моя привычка быть Вашимъ сохранилась во всей своей живости; она дополняетъ мое тихое семейное счастіе и, можно сказать, издалека тѣснѣе сближаетъ меня съ Вами. Въ моемъ домашнемъ уединеніи мнѣ весело объ Васъ думать; въ воспоминаніи объ Васъ, о Государѣ, о Императрицѣ есть для меня какая-то мирная радость благодарности. Это воспоминаніе есть представитель моего устроеннаго Вами счастія, и на оборотъ, мое счастіе есть синонимъ этого воспоминанія. Снова благодарю Васъ за него всѣмъ сердцемъ, а Вы повторите мою благодарность передъ Государемъ и Государынею.

Я давно не писалъ Вашему Высочеству. Писать не о чемъ: моя жизнь однообразна, тиха; но еще до сихъ поръ не была такъ занята, какъ бы я этого хотѣлъ и какъ это теперь, надѣюсь, будетъ. Причиною тому многія сердечныя тревоги, съ которыми только въ семейной

жизни мы знакомиться можемъ. Семейная жизнь есть школа терпѣнія. Это не противорѣчитъ тому, чтó я говорю о себѣ, называя себя счастливымъ. Я теперь имѣю гораздо болѣе, нежели сколько имѣлъ прежде въ моей одинокой жизни; но чѣмъ драгоцѣннѣе то, чтò имѣешь, тѣмъ болѣе страха потери, тѣмъ болѣе сердце подвержено тревогамъ, и именно эти тревоги, потрясая душу, содержатъ ее въ безпрестанномъ бодрствованіи, пробуждаютъ ея силы и стремятъ ее къ высшему. Страданія одинокаго человѣка суть страданія эгоизма; страданія семьянина суть страданія любви. Я уже это испыталъ на себѣ и не раскаиваюсь, что изъ низшаго класса житейской школы перешелъ въ высшій. Чувствую, что я еще неучъ; но понимаю, чему можно научиться въ этой строгой школѣ. Дай Богъ только жизни, чтобы успѣть хотя нѣсколько выйти изъ прежняго моего невѣжества. Не болѣе семи мѣсяцевъ какъ я женатъ; но въ это короткое время успѣлъ прочитать все *предисловіе* моего будущаго. Теперь знаю содержаніе открытой передо мною книги; знаю и радостныя, и печальныя страницы ея; знаю, какое должно быть заключеніе; не знаю только, дойду ли до него и на какой страницѣ назначено мнѣ остановиться. Чтобы быть яснѣе, скажу Вамъ, что изъ этихъ семи мѣсяцевъ послѣдніе три были исполнены для меня тревогами всякаго рода. Я былъ обрадованъ надеждою отца; за эту обманувшую меня надежду надобно было заплатить дорого. Еще не имѣвъ дѣтей, я уже нѣсколько понялъ чтó значитъ положить въ землю часть самого себя. Вслѣдствіе этого печальнаго происшествія жена была больна три мѣсяца, и я былъ въ безпрестанной мучительной тревогѣ. Но эта тревога была наставительна для души и, взявъ все вмѣстѣ, благодарю Бога за благотворное горе, Имъ мнѣ данное. Видите сами, что я не въ убыткѣ. Теперь на душѣ покойнѣе; смотрю на будущее если не съ безпечною радостію, то съ покорностію, и нахожу, что эта покорность, выраженная святыми словами: *да будетъ воля Твоя*, лучше самой радости: она не обманчива, вполнѣ удовлетворительна, неистощимый источникъ покоя и твердости. Дай Богъ, чтобы она для меня была не словомъ, а дѣломъ во всякое время жизни, и въ радости, и въ печали; если это для меня сбудется, то жизнь достигла своей главной цѣли.

Да избавитъ Васъ Богъ отъ этихъ страданій сердца или, правильнѣе сказать (ибо они и для Васъ неизбѣжны), да поможетъ Онъ Вамъ извлечь изъ нихъ то благо души, для котораго они даются душѣ человѣческой. Ваша царская жизнь принадлежитъ современникамъ и исторіи; ее будутъ видѣть и судить люди при Васъ и послѣ Васъ. Вы оставите память объ ней какъ надгробный монументъ, украшающій могилу, краснорѣчивый для проходящаго, но мертвый для мертваго, лежащаго подъ нимъ въ землѣ. Ваша *внутренняя* жизнь принадлежитъ

Вамъ самимъ и Богу; она перейдетъ съ Вами за гробъ; эта внутренняя жизнь наиболѣе совершенствуется въ тайнѣ семейственной жизни и изъ нея проливается на внѣшность. Царскія добродѣтели, столь важныя по тому обширному кругу, въ которомъ онѣ дѣйствуютъ, суть выраженія добродѣтелей человѣка; а добродѣтель человѣка есть не иное чтó какъ вѣра въ дѣйствіи или просто чистая вѣра: ибо гдѣ вѣра истинная, полная, во всемъ ея смыслѣ, тамъ необходимо и дѣло. Эта вѣра дается всякому, кто ищетъ ея; но въ жизни семейной она скорѣе объемлетъ душу и глубже въ нее входитъ. Да одаритъ Богъ симъ благомъ Вашу семейную жизнь! Не бойтесь ея печалей: онѣ тяжело падутъ на сердце, но онѣ благотворны; болѣе нежели все иное научаютъ онѣ насъ, какъ изъ здѣшней жизни, жизни земныхъ благъ, мечтательной, скоропреходящей, образовать жизнь вѣры, существенную, вѣчную.

Письмо мое сдѣлалось длинно; но я увѣренъ, что Вы прочтете его съ обыкновеннымъ Вашимъ ко мнѣ благоволеніемъ. Я долженъ однако его кончить, ибо у Васъ нѣтъ лишняго времени, хотя впрочемъ такого рода мысли, какими я позволилъ себѣ съ Вами подѣлиться, не совсѣмъ неумѣстны въ первый день года. Въ заключеніе моего письма прошу Ваше Высочество передать мое усердное поздравленіе Государынѣ Великой Княгинѣ. Смѣю быть увѣреннымъ, что Ея Высочество знаетъ, съ какою искреннею къ ней любовію я желаю ей счастія и приметъ съ благосклонностію мои желанія, изливающіяся изъ преданнаго ей сердца. Прошу Васъ также поздравить отъ меня Государыню Великую Княгиню Марію Николаевну и Его Высочество Герцога и Ихъ Высочества Великихъ Княженъ Ольгу Николаевну и Александру Николаевну.

Жуковскій.

23 Декабря 1841 (1 Генваря 1842).
Дюссельдорфъ.

P. S. У меня давно лежитъ письмо, полученное мною на имя Вашего Высочества изъ Рима отъ живописца Иванова, которому Вы поручили написать для Васъ большую картину, изображающую Спасителя являющагося Іоанну Крестителю. Узнаете сами, чего онъ желаетъ изъ письма его. Отъ себя прошу Васъ его не оставить: онъ замѣчательный художникъ, чрезвычайно прилеженъ къ своему дѣлу и совершенно достоинъ покровительства. Начавъ ему благотворительствовать, довершите это благое дѣло и не дайте пасть этому таланту, который можетъ сдѣлать честь отечеству.

ЗАПИСКИ М. В. ДАНИЛОВА.

Изданы первый разъ особою книжкою, въ Москвѣ, въ 1842 году, извѣстнымъ археологомъ П. М. Строевымъ, съ слѣдующимъ предисловіемъ. П. Б.

Михаилъ Василіевичъ Даниловъ родился около 1722 года, выпущенъ изъ Артиллерійской школы фурьеромъ 1743, произведенъ въ сержанты 1746, въ штыкъ-юнкеры 1749, въ оберъ-фейерверкеры поручичья ранга 1756, капитанскаго ранга 1757, уволенъ въ отставку 1759, находясь въ ней произведенъ въ маіоры 1765, скончался послѣ 1790 года. Изъ сочиненій его напечатаны: *Начальное знаніе теоріи и практики въ Артиллеріи*, М. 1762 in 4; *Ясное показаніе какъ приготовлять фейерверки и разныя иллюминаціи*, М. 1779, in 4; *Письма къ пріятелю о полезныхъ и любопытства достойныхъ матеріяхъ*, М. 1783 in 8; *Письмо о совѣсти*, М. 1804 in 12. Всѣ сіи книги нынѣ довольно рѣдки.

По случаю достались мнѣ его Записки, въ видѣ родословія Даниловыхъ, написанныя имъ въ 1771 году и пополненныя послѣ (см. ниже). Простодушный разсказъ автора о своей жизни, картины общежитія, нравовъ и службы дворянъ, во времена императрицъ Анны и Елисаветы, милые анекдоты: все это любопытно и не совсѣмъ безполезно для Исторіи. Нельзя не пожалѣть, что сіи *Записки* не въ большемъ объемѣ и, кажется безъ конца. Рукопись принадлежала самому автору, но очень дурнаго почерка, едва ли не дѣтскаго. Я поисправилъ ее, не касаясь слишкомъ слога и выраженій, даже ороографіи, какъ неотъемлемой собственности автора и его вѣка.

Павелъ Строевъ.

Въ 1771 году, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, по причинѣ оказавшейся въ Москвѣ прилипчивой и заразительной болѣзни, съѣхали мы изъ Москвы въ ближнюю деревню, сельцо Семенково, Рузскаго уѣзда, разстояніемъ отъ Москвы 60 верстъ, и жили въ ней для безопасности отъ помянутой заразительной болѣзни. Живучи въ деревнѣ, въ свобод-

ныхъ мысляхъ и безмятежномъ сельскомъ житіи находясь празденъ, безъ всякаго дѣла, возмнилъ я написать происшествіе фамиліи нашей Даниловыхъ; а къ сему моему предпріятію послужила мнѣ немало случившаяся при мнѣ тогда копія, списанная въ Герольдіи изъ Бархатной Книги *) родословія всему дворянству. Изъ оной копіи усмотрѣлъ я, въ 30 главѣ, подъ номеромъ 212, на листу 532, написано тако: «Родъ Мамоновыхъ и Данила Иванова, а отъ нихъ пошли Даниловы, Дмитріевы, Внуковы, выѣзжіе изъ Цесаріи»; въ томъ же родословіи написаны Дурные, Васильчиковы. Я, довольствуясь тѣмъ, что нашелъ начало происхожденія фамиліи Даниловой, однако будучи въ томъ увѣренъ, что мнѣ никакъ невозможно будетъ довести поколѣнія своего до начальнаго *Данила Иванова*, взялъ достовѣрное мнѣ въ шестомъ поколѣніи нашего рода имя Прохора, отъ котораго поведу мой родъ и фамилію Даниловыхъ. Искалъ я потомъ пособія моему предпріятію у разныхъ свойственниковъ, требовалъ, но не получилъ никакого свѣдѣнія о родѣ Даниловыхъ далѣе, какъ всѣ только мнѣ объявляли Прохора. Сообщилъ мнѣ родословіе Даниловыхъ покойный надворный совѣтникъ Иванъ Демидовичъ Масловъ, который по женскому колѣну произошелъ отъ Даниловой фамиліи, но весьма недостаточно: въ ней онъ также въ восходящей линіи въ шестой степени, или поколѣніи, только не отъ Прохора, а отъ Ѳедора, у коего были два сына Иваны, большой и меньшой; отъ нихъ родъ свой ведутъ Даниловы, наши однофамильцы. Почему и полагаю я, что Ѳедоръ былъ Прохору одновремянный, ежели не родный, то двоюродный братъ: ибо снисходящая линія точно, какъ отъ Прохора, такъ и отъ Ѳедора, показывала степень шестую до нынѣшнихъ временъ. Но мое намѣреніе не состоитъ въ томъ, дабы выводить всѣхъ предковъ моихъ изъ темноты древности: я положилъ собрать и написать фамилію Даниловыхъ не для тщеславія моего, но чтобъ, наконецъ, отъ преданія изустнаго вовсе не истребилось изъ памяти происхожденіе нашихъ Даниловыхъ. Многіе есть дворяне, кои, не смотря на свое недостоинство, что не показали отечеству своему ни малой услуги, громко проповѣдуютъ и безстыдно гордятся знатностію своего рода и древностію фамиліи; таковымъ можно сказать пословицу: «кто хвалится знатностію своего рода, а безъ своихъ заслугъ, тотъ хвалится чужимъ». Прилично сему и Англійскій стихотворецъ г. Попи написалъ въ четвертомъ письмѣ (*Опытъ о человѣкѣ*, стран. 69):

---

*) Книга есть при Герольдіи, а потому именуется Бархатная, что переплетена въ бархатѣ; въ ней, по имяннымъ указамъ съ 191 по 199 годъ, вписаны подаваемыя дворянскія сказки, откуда кто произошелъ и фамилію свою ведетъ.

Чинъ, титулъ, чести знакъ, царь можетъ дать удобно.
Царь, временщикъ его то сдѣлаетъ способно.
Твой родъ за тысячу пусть происходитъ лѣтъ,
И отъ Лукреціи начало пусть ведетъ;
Но изъ толикаго прапрадѣдовъ народу,
Лишь тѣми ты свою показывай породу,
Которые въ себѣ имѣли добрый духъ
И удивили свѣтъ величествомъ заслугъ.
Когдажъ твой будетъ родъ старинной, но безславной,
Не добродѣтельной, бездѣльной и злонравной:
То хоть бы онъ еще потопа прежде жилъ,
Но лучше умолчать, что онъ весь подлой былъ,
И не внушать другимъ, что чрезъ толико время
Заслугъ твое отнюдь не показало племя.
Кто самъ безуменъ, подлъ и въ лѣности живетъ,
Того не краситъ родъ, хотябъ Говардъ былъ дѣдъ.

Изъ сего стихосложенія ясно доказываетъ, что отъ человѣка содѣянныя добрыя дѣла и заслуги увеличиваютъ и возвышаютъ родъ и фамилію его; а фамилія, хотябъ она прежде и знатная была, не можетъ уже возвысить безъ достоинства человѣка. Одинъ Грекъ, увидя ученаго, который былъ родомъ Скиѳъ, сказалъ ему отъ зависти, хотя затмить своею природою его ученіе: «вѣдь ты Татаринъ». «Правда, отвѣчалъ Греку философъ, что я Татаринъ, но мой родъ отъ меня начался, а твой родъ тобою скончается».

По изустному преданію наслышалъ я отъ родителя моего и отъ родственниковъ, что у Прохора Данилова было два сына, Савелій, Иванъ, и дочь Дарья; Иванъ скончался бездѣтенъ, дочь Дарью выдалъ за Милославскаго, а отъ Савелья якобы пошелъ нашъ родъ. Но какъ я, по написаніи Данилова рода происхожденія, получилъ отъ родственника нашего съ поданной сказки *) копію, выписанную изъ Герольдіи (которую при семъ и сообщаю), то усмотрѣлъ, что у Прохора не было сына Савелья, кромѣ Ивана, который бездѣтенъ и умеръ: значитъ нашему происхожденію рода быть не отъ Савелья, а отъ Василья, внучатнаго брата Прохору. Посему казалось бы лучше вѣроятію быть отъ сказки, въ коей самое начальное происхожденіе Даниловыхъ показано, нежели по словесному преданію безъ довольнаго доказательства. Оставить прапрадѣда нашего имя, кажется, также сумнительно; да и прадѣду моему Осипу именоваться по отечеству, вмѣсто Васильевича, Савельичемъ, причесть можно за ошибку, а не за безчестіе; по-

---

*) Въ силу именныхъ указовъ, государя царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича въ 190 году и государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича съ 191 по 199 годъ, велѣно въ Розрядный Приказъ подавать дворянамъ сказки о происхожденіи своей фамиліи.

чему я и переправлять не пожелалъ. Да и въ самомъ спискѣ Розряднаго Приказа показанъ Данило Ивановъ (отъ коего Даниловы свой родъ ведутъ), а по сказкѣ показано Данило Ѳедоровъ, а не Ивановъ сынъ, почему и видно, что отъ фамиліи Даниловыхъ была подана не одна сказка, а многія, изъ чего и произошло таковое несходство. Къ томужъ и то прибавить можно, что не рѣдко случается, одному даютъ послѣ крещенья имя другое, какъ и я былъ крещенъ Кузьмою, а послѣ назывался Михайло.

СКАЗКА.

«Лѣта шесть тысящъ шесть сотъ перваго года (отъ Рождества Христова въ 1093 году) пріиде Нѣмецъ изъ Цесарскаго государства въ Черниговъ, мужъ честенъ, именемъ Индрикъ, съ двѣма сыны своими, съ Летвинусомъ да Зимондентомъ, и съ ними пришло дружины и людей ихъ три тысящи мужей. И крестися Индрикъ и дѣти его, въ Черниговѣ, въ православную христіянскую вѣру, и нарекоша имъ имена, Индрика Леонтіемъ, а сыновей его Литвинуса Костянтиномъ, а Зимондента Ѳедоромъ. И отъ Костянтина родился сынъ Харитонъ, а Ѳедоръ умре бездѣтенъ (о семъ пишетъ въ Лѣтописцѣ Черниговскомъ), а отъ Харитона сынъ Карпъ, а отъ Карпа сынъ Юрей, а отъ Юрья Василей, а отъ Василья Ѳедоръ, а отъ Ѳедора дѣти Данила, Миколай, Василей; и отъ Данилы пошли Даниловы, а отъ Миколая Дурные, а отъ Василья Васильчиковы. Дурные и Васильчиковы сами о родствѣ своемъ скажутъ. А отъ Данилы дѣти Иванъ да Юрей, а отъ Ивана Степанъ да Ѳедоръ, а отъ Ѳедора Прохоръ да Иванъ большой да Иванъ меньшой; а отъ Степана Астахъ да Богданъ, а отъ Юрья сынъ Михайло, а отъ Прохора сынъ Иванъ былъ бездѣтенъ; а отъ Ивана большаго сынъ Павелъ по Московскому списку. А у меньшаго Ивана четыре сына, Денисъ, Акинфей, Кирила, Степанъ, служитъ великимъ государемъ въ стольникахъ; а у Дениса дѣти Аѳонасей да Иванъ, служитъ въ стольникахъ же; а отъ Стахея Акинфей, служитъ по Московскому списку; а отъ Богдана сынъ Василей, а отъ Василья дѣти Василей да Кондратъ, Василей служитъ въ стольникахъ; а у Павла сынъ Григорей, служитъ въ стольникахъ; а отъ Михайлы сынъ Василей, а отъ Василья дѣти Петръ и Осипъ, а отъ Петра сынъ Евдокимъ, служитъ въ стольникахъ; у Осипа дѣти Артемей да Гурей да Митрофанъ, Артемей да Гурей служатъ по Московскому списку, Митрофанъ служитъ въ стольникахъ; у Артемья сынъ Михайла. А гдѣ родственники наши были у дѣлъ великихъ государей, и тому указъ есть, наказы и жалованныя грамоты. Родственники наши воеводами были: во 109 году въ судовомъ розрядѣ воевода съ Оскола да съ Волуйки Степанъ Ивановъ сынъ Даниловъ, а во 124 году Петръ Прокофьевъ сынъ Даниловъ былъ на Ливнахъ воеводою; а служили по Московскому списку, а то свидѣтельство въ Розрядѣ; Денисей Даниловъ изъ Тульской чети, изъ приказу Большаго Дворца; а Окинфей Даниловъ воеводою жъ былъ въ Новомъ Осколѣ, изъ Тульскихъ за-

сѣкъ, стольникомъ и воеводою, на князь Михайлово мѣсто Звенигородскаго, да въ Козловѣ стольникомъ же и воеводою, на Васильево мѣсто Дмитрева, полковымъ и осаднымъ воеводою. Да воеводами жъ были Кирила да Степанъ, да Артемей, да Митрофанъ Даниловы, изъ разныхъ приказовъ, и о томъ свидѣтельства наказы ихъ. Нынѣ по городу рода нашего Даниловыхъ никого нѣтъ, а которые напредкахъ родственники наши служили по городу Тулѣ, въ первой статьѣ, по выбору, а по другой статьѣ родственникамъ нашимъ никому не бывало, и про то вѣдомо въ Розрядѣ въ Тульскихъ десятняхъ. А опричь роду нашего Даниловыхъ, которые писаны въ сей росписи выше сего, иного нѣтъ».

Прохоръ.

Прохоръ въ свое время достовѣрно долженъ быть какъ богатъ, такъ и знаменитъ; для того, что сверхъ оставленнаго сыну его Савелью (а Иванъ неженатой скончался) довольнаго имѣнія, выдалъ онъ дочь свою Дарью Прохоровну въ замужество за Милославскаго, въ приданое за нею далъ въ Арзамасскомъ уѣздѣ великія волости да подмосковное село Рожай, которыя до нашихъ времянъ во владѣніе переходили по наслѣдству въ родѣ Милославскихъ, а нынѣ разными случаями вышли въ другія постороннія владѣнія.

Савелій.

Савелій болѣе намъ уже извѣстенъ сталъ, что прадѣда нашего Осипа, а его Савельева сына, отечество было у многихъ въ фамиліи нашей знаемо съ почтеніемъ; онъ Савелій прадѣду моему Осипу и брату его Петру былъ родной отецъ.

Осипъ и Петръ.

Осипъ имѣлъ у себя сыновей, а моихъ дѣдовъ, Митрофана, Гурея, Артемья; а у Петра былъ сынъ Евдокимъ, а у Евдокима Антипъ, а у Антипа Анфиногенъ, который бездѣтенъ, засушилъ свою отрасль.

Митрофанъ.

Митрофанъ Осиповичъ, двоюродный мой дѣдъ, чинъ имѣлъ стольника; я его видалъ, когда былъ еще лѣтъ восьми отъ роду. Онъ безъ выѣзду жилъ въ той деревнѣ, гдѣ я родился; онъ разсказывалъ про Москву, также и про свой Чигиринской *) походъ, изъ котораго при-

*) Въ Новой Сербіи городъ Цыбулевъ, при вершинѣ Малаго Ингула; тутъ былъ прежде городъ Чигиринъ, разстояніемъ отъ крѣпости Елисаветы 200 верстъ; владѣли имъ прежде Запорожскіе казаки, но Крымскіе Татары и Турки его разорили. Для защищенія сего Чигирина былъ походъ къ нему отъ Россіянъ неоднократно.

везъ съ собою сосудъ деревянный (флягу) съ виномъ. Оное вино, хотя онъ пилъ и гостей имъ потчивалъ, только и по смерти его остался сосудъ полной, для того, что толикое жъ число вливали въ тотъ сосудъ вина, сколько изъ него выливали, почему Чигиринское вино не оскудѣвало. Митрофанъ Осиповичъ хранилъ его для своего тщеславленья; носилъ сѣдую круглую бороду. Усадьба, гдѣ онъ жилъ, въ селѣ Харинѣ, преизрядная была: два сада, прудъ и кругомъ всей усадьбы рощи, церковь въ селѣ деревянная. Хоромы у него были высокіе на омшиникахъ, и съ низу въ верхнія сѣни была со двора предлинная лѣстница; оную лѣстницу покрывалъ вѣтвями своими превеликой, стоящій близъ крыльца, широкой и густой вязъ. Всѣ его высокіе и обширные съ виду хоромы состояли изъ двухъ жилыхъ горницъ, черезъ сѣни стоящихъ: въ одной горницѣ онъ жилъ зимою, а въ другой лѣтомъ. Имѣлъ онъ дочь Анну *), которую отдалъ въ замужство за князя Ѳедора Борятинскаго: отъ ней произошли князь Григорей, князь Гаврила, князь Никита, князь Александръ, которые его внучата всѣмъ имѣніемъ послѣ него Митрофана наслѣдовали. У Митрофана Осиповича была пословица *южъ*; по тогдашнему времени у всѣхъ такая мода была, или привычка, дабы въ разговорахъ примѣшивать какую нибудь ничего незначущую примолвку, напримѣръ: *не ты южъ дарюку, воистину положи меня*, и прочая. Деревень за нимъ имѣлось въ разныхъ уѣздахъ.... душъ; домъ его наполненъ былъ семействами людей дворовыхъ, безъ всякой должности и работы живущихъ, развѣ за службы ихъ онъ довольствовалъ. По тогдашнему обычаю съ боярами хаживали въ походъ холопи, сколько принадлежитъ по наряду съ числа душъ крестьянъ, на коняхъ и съ своимъ провіантомъ, вмѣсто нынѣшнихъ собираемыхъ рекрутъ; а вооружены они были только бердышами и копьями. Онъ никуда не ѣзжалъ по гостямъ, да я не слыхивалъ, чтобъ и къ нему кто изъ сосѣдей ровные ему дворяне ѣзжали, а больше попъ у него гость бывалъ. Когда жъ пріѣдетъ какой нахалъ другаго приходу попъ да близъ живущіе изъ мелкихъ дворянъ или однодворцовъ, называемые Милоховы, онъ и таковыми, отъ большаго уединенія, гостями былъ доволенъ, и часто доходило, что поступалъ съ ними чрезвычайно торовато. Когда прикажетъ подать Чигиринскаго вина, то значило полное удовольствіе его компаніи; за онымъ напиткомъ не забудетъ напомянуть всѣ понесенные военные труды въ походѣ, бывшемъ подъ городомъ Чигириномъ. Хотя отецъ мой близко его жилъ, въ одномъ селѣ, недалѣе 150 сажень, только не-

*) Митрофанъ Осиповичъ былъ женатъ на двухъ: первая жена Матрена Максимовна Писарева, а вторая Неннла Ивановна Ильина, отъ оной родилась дочь Анна.

частое они имѣли между собою свиданіе. Причина сему была мнѣ неизвѣстна, отца ли моего не было къ родному дядюшкѣ ласки, почтенія и исканія, или уже съ обѣихъ сторонъ не было любви родственной, а вкорененная вражда и ненависть. Живали при Митрофанѣ Осиповичѣ внучата его, князья Борятинскіе, попеременно по одному, чаятельно не для удовольствія дѣду своему въ скучномъ его житіи, но болѣе для наблюденія слѣдуемаго имъ послѣ него имѣнія, дабы дѣдушка ихъ и нашъ не могъ удѣлить нисколько въ свой родъ. Скончался Митрофанъ Осиповичъ около 735 или 736 года, поживъ лѣтъ 80 или болѣе; а во все движимое и недвижимое его имѣніе вступили внучата его, князья Борятинскіе, по духовной грамотѣ.

Гурій.

Гурій Осиповичъ, прародитель мой, женатъ былъ на Афимьѣ Павловнѣ Селивановой и прижилъ съ нею сыновей: Петра, Василья, Леонтія и Ивана. Гурій Осиповичъ жилъ въ одномъ селѣ Харинѣ съ братомъ своимъ Митрофаномъ; онъ скончался, и съ бабкою моею, гораздо прежде, почему мнѣ его видѣть не случилось. Строеніе дома его подобно какъ у Митрофана Осиповича, только не было такой высокой къ хоромамъ лѣстницы: черезъ большія сѣни одна была горница бѣлая, а насупротивъ другая черная, въ которой вмѣсто кухни кушать готовили. Гурій Осиповичъ имѣлъ за собою менѣе ста душъ крестьянъ и гораздо былъ недостаточнѣе брата своего Митрофана; по раздѣлу ли отцовскому они такъ неравно раздѣлены, или другимъ случаемъ неравенство въ имѣніи ихъ произошло, мнѣ неизвѣстно; а можетъ статься, и потому онъ былъ убож своего брата Митрофана, первое грамотѣ не умѣлъ, другое служилъ ли службу и былъ ли подъ Чигириномъ, не вѣдаю. По тогдашнему обыкновенію за службы получали оклады, и жаловано было дворянамъ помѣстье, число четвертей земли, на которой должно дворянину помѣститься или поселиться и жить, а земля оная помѣстная не переходила въ родъ по наслѣдству; а помѣстье, по заслугамъ смотря, жаловали въ вотчину вѣчно, которое названіе именно значитъ, какъ бы сказано было: вотъ тебѣ чинъ или заслуга. Для того-то нашъ дѣдъ очень мало оставилъ намъ, своимъ внучатамъ, недвижимаго своего имѣнія. Третій резонъ есть тотъ: дѣдъ мой Гурій Осиповичъ женатъ былъ на бабкѣ нашей, Селивановой, съ посредственнымъ приданымъ, потому что не было за нею недвижимаго имѣнія въ приданствѣ деревень; а было движимое, то есть бѣлье и платье, кунтуши и подкапки бобромъ опушенные: по тогдашнему обыкновенію лучшій нарядъ былъ, соблюдается оный и доднесь,

носятъ еще по городамъ попадьи и купецкія жены. Изъ бѣлья было приданаго, между прочимъ, золотомъ вышиты по полотну сплошь круги, въ такую мѣру какъ велики у человѣка колѣнки или чашки у ногъ: оное платье носили мущины, вмѣсто штановъ, и называлось порты.

Артемій.

Артемій Осиповичъ имѣлъ у себя два сына, Михаилу и Ивана: Иванъ скончался бездѣтенъ, а отъ Михайла былъ сынъ Ефимъ и дочь Катерина. Ефимъ, за разныя свои продерзости, сосланъ былъ въ ссылку, оставя по себѣ два сына, Василья и Николая; а дочь его Михайлы, Катерина была въ замужествѣ за Грецовымъ Петромъ, отъ котораго былъ сынъ Михайло, и по немъ остался сынъ тогожъ имени Михайло.

Петръ.

Петръ Гурьевичъ, старшій сынъ Гурья Осиповича, служилъ въ регулярной службѣ, въ драгунскихъ полкахъ, унтеръ-офицеромъ; женатъ былъ на Аннѣ Михайловнѣ Кислинской и прижилъ съ нею два сына и дочь: первый сынъ Елисей, другой Борисъ, а дочь Татьяна. Петръ Гурьевичъ наслѣдовалъ послѣ отца своего всѣмъ недвижимымъ имѣніемъ по той причинѣ, какъ Государь Петръ Первый, въ 1714 году, выдалъ законъ, дабы въ недвижимомъ имѣніи, сколько бы братьевъ ни было, одинъ только послѣ отца своего былъ наслѣдникъ, а прочіе братья, за свою долю изъ того недвижимаго имѣнія, должны получить отъ наслѣдующаго брата по цѣнѣ деньгами, и съ тѣмъ долженъ всякъ искать своего счастія военною службою, купечествомъ, или куда кто по своимъ склонностямъ можетъ быть способенъ. Но неравенство оное между дѣтьми тронуло нѣжныя родительскія сердца и, по тогдашнему обыкновенію, казалась великая невозможность, какимъ бы образомъ иначе дворянскому сыну сыскать себѣ пропитаніе кромѣ оставшаго послѣ отца его недвижимаго имѣнія: въ военную службу охотою никто не хотѣлъ, а записывали дворянскихъ дѣтей съ принужденіемъ; науки и художества въ рѣдкомъ еще домѣ были извѣстны, а многія дворянскія дѣти грамотѣ съ нуждою могли разумѣть, а писать только рѣдкіе знали и за счастіе почитали (до временъ Петра Великаго) быть у знатныхъ тогдашнихъ бояръ въ держальникахъ, ко услугамъ, толькобъ не быть въ государственной военной службѣ. Таковая невозможность для дворянскихъ дѣтей принудила просить неотступно, дабы позволено было недвижимое имѣніе послѣ родителя дѣтямъ дѣлить по равнымъ частямъ, что, по неотступной прось-

бѣ, при государынѣ Аннѣ Іоанновнѣ, указомъ разрѣшено было. Петръ Гурьевичъ, выдѣля матери своей Афимьѣ Павловнѣ, которая была тогда вдовою, четвертую часть недвижимаго имѣнія (а болѣе бывшихъ тогда въ бѣгахъ крестьянъ на ея жъ часть включилъ), съ братьевъ своихъ родныхъ волею и неволею побралъ обязательства и записи, дабы имъ впредъ не вступаться въ отца ихъ имѣніе. Коль скоро Петръ Гурьевичъ скончался, жена его избрала себѣ второе супружество: вышла она замужъ за отставнаго прапорщика, фамиліею Легерь. Дѣти его, Елисей и Борисъ, учились въ селѣ Харинѣ, у пономаря Брудастаго грамотѣ. По возрастѣ своемъ большой Елисей записался въ Московской бывшій тогда шквадронъ и служилъ драгуномъ, а изъ Московскаго шквадрона перешелъ въ Смоленскій пѣхотный полкъ и, дослужась тамъ подпоручикомъ, перешелъ и былъ при полиціи поручикомъ въ Москвѣ, и жилъ какъ и всѣ полицейскіе офицеры живутъ довольны; напослѣдокъ, при перемѣнѣ главныхъ полицейскихъ командировъ, не зналъ онъ обыкновеннаго при такой службѣ проворства и догадки угодить командирамъ, за что̀ отставленъ былъ отъ полиціи и живетъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Борисомъ въ селѣ Харинѣ, холостой, раздѣлясь домами, безъ малѣйшаго братолюбія, послѣдній полицейскій кафтанъ донашиваетъ. Меньшой братъ его Борисъ какимъ-то случаемъ попался въ Сибирскіе драгунскіе полки служить и былъ тамъ нѣсколько лѣтъ безъизвѣстенъ своимъ родственникамъ; наконецъ, дослужась унтеръ-офицерскаго чина, выѣхалъ изъ Сибири, женясь на Сибиркѣ драгунской дочери, прижилъ съ нею дѣтей; по пріѣздѣ въ Москву записался въ Коломенскій полкъ, въ которомъ дослужился сержантомъ; потомъ пошелъ въ отставку и отставленъ прапорщикомъ, живетъ нынѣ въ половинѣ своего имѣнія въ селѣ Харинѣ. Дочь Петра Гурьевича Татьяна выдана была въ замужество, отъ матери своей и вотчима, поблизости къ себѣ, въ домъ однодворца: дали они въ приданое за Татьяною мужеска и женска пола четыре души, однако она надъ своими придаными не была госпожа какъ у матери, а была во всякой работѣ товарищъ своимъ служанкамъ, жать на полѣ, толочь и молоть въ домѣ, скотину убирать и кормъ давать, и все дѣлать вмѣстѣ; и такъ бѣдная Татьяна, не имѣвъ къ такимъ трудамъ ни малой привычки и способности, потому, хотя небогато, но дворянски была воспитана, принуждена была, серпъ и жернова имѣвъ въ рукахъ, окончать жизнь свою въ работѣ.

Василій.

Василій Гурьевичъ, отецъ мой, съ братомъ своимъ Иваномъ, записанъ былъ въ гвардіи Преображенской полкъ, въ солдаты, когда

оный полкъ еще учрежденъ былъ отъ Петра Великаго вновѣ; меньшой братъ его Иванъ умеръ холостой. Отецъ мой, служа въ гвардіи солдатомъ, былъ въ походахъ съ Государемъ, въ 1700 году, когда городъ Нарву у Шведовъ брали штурмомъ; при томъ штурмѣ онъ раненъ былъ тяжело: у лѣвой руки отстрѣлили у него картечью три пальца, по половинѣ каждаго, большой, указательный и средній, а остались два цѣлыхъ, мизинецъ да другой подлѣ мизинца. Государь, осматривая самъ персонально своего полку раненыхъ солдатъ, между которыми у отца моего висящіе на жилахъ отстрѣленные пальцы отрѣзалъ самъ ножницами, изволилъ сказать при томъ во утѣшеніе страждущему отъ раны: «трудно тебѣ было!» Наконецъ, при отставкѣ отъ службы, пожаловалъ его капраломъ. Отецъ мой, получа отставку и излечась отъ раны руки своей, жилъ въ Москвѣ, въ домѣ Милославскаго, по свойству, и по оному дому сдѣлался знакомъ многимъ знатнымъ господамъ, какъ-то: Долгорукимъ, Салтыковымъ и прочимъ. Милославской, Сергій Ивановичъ, бывъ въ Арзамасскихъ своихъ деревняхъ, взялъ къ себѣ близъ живущую дворянскую дочь небогатую, по фамиліи Аксентьеву и, не смотря на недостатокъ свойственника своего, а моего отца, женилъ его на Аксентьевой, дѣвицѣ Афимьѣ Ивановнѣ, которая произвела меня на свѣтъ. Отецъ мой, поживя нѣсколько времяни съ моею матерью въ домѣ свойственника своего Милославскаго, въ Москвѣ, который не болѣе дѣлалъ ему одолженія какъ дневною пищею при своемъ столѣ, наконецъ взялъ намѣреніе отъѣхать въ домъ отца своего, въ деревню, куда и отправился съ молодою своею супругою, а моей матерью. По пріѣздѣ его въ свое отечество, открылось отъ большаго брата его Петра, который былъ также въ отставкѣ, ненависть, вражда и сущее гоненіе. Мать ихъ, а моя бабка, Афимья Павловна, была тогда уже вдовою; видя такое неустройство между дѣтьми своими, взяла свою четвертую, послѣ мужа своего, указную часть недвижимаго имѣнія и для жалкаго состоянія сына своего Василья, а моего отца, отдала ему во владѣніе вѣчно одному. Петръ Гурьевичъ, видя что мать его свою четвертую часть отдала только одному брату его Василью, созвавъ свойственниковъ и родственниковъ своихъ, между которыми былъ тогда человѣкъ самой худыя души въ нашей фамиліи, Михайла Артемьевъ сынъ Даниловъ (а сверхъ его фамиліи прозвался онъ *Крюкъ*), зазвали отца моего въ свое собраніе и принудили его волею или неволею дать на себя запись такову, чтобъ впредъ ему Василью въ недвижимое отца своего имѣніе не вступаться и не бить челомъ, а быть довольну однимъ четвертымъ жеребьемъ матери своей, которое обязательство утвердили они неустойкою: кто

впредъ зачнетъ просить, тому заплатить сто рублевъ, а запись будетъ записью.

Отецъ мой, поселясь на отведенной ему усадьбѣ, перешелъ жить на новоселье, взялъ къ себѣ жить свою мать, а мою бабку, и живучи съ моею матерью, произвели они на свѣтъ дѣтей, которыхъ было отъ сихъ благословенныхъ супруговъ двѣнадцать человѣкъ, а именно: дочь Анна, сынъ Дмитрій, дочь Матрена, сынъ Егоръ, сынъ Василій, дочь Дарья, сынъ Михайла, сынъ Ѳедоръ, дочь Прасковья, сынъ Аѳанасій, сынъ Левъ, сынъ Иванъ. Наконецъ, принялъ отецъ мой намѣреніе, къ облегченію своего недостатка, искать помощи у своихъ прежнихъ повидимому казавшихся благодѣтелей, знатныхъ господъ, что́ онъ и получилъ. Семенъ Андреевичъ графъ Салтыковъ, кой тогда былъ правитель въ Москвѣ, опредѣлилъ его къ Троицы-Сергіеву монастырю, отъ котораго онъ получалъ отсыпной хлѣбъ и деньги; однако не долго онъ симъ правленіемъ пользовался. Свойственники его Даниловы, узнавъ о такомъ однофамильца своего опредѣленіи къ монастырю, почли своему роду въ безчестіе, да и отрѣшили его, по просьбѣ своей, отъ монастырскаго довольствія: положили между собою условіе, дабы содержать его на своемъ общемъ иждивеніи, изъ коихъ одинъ только поприлежнѣе сохранялъ нѣсколько времяни данное обѣщаніе, Аѳанасей Денисовичъ Даниловъ; наконецъ, и онъ забылъ свое обѣщаніе, какъ и прочіе его товарищи, помогать моему отцу въ недостаткѣ, а награждалъ его изобильно однимъ сожалѣніемъ. Отецъ мой, обратясь на прежнее свое состояніе, жилъ съ помощію своихъ прочихъ благодѣтелей весьма умѣренно.

Въ 1722 году случилось ему ѣхать отъ свойственниковъ своихъ съ моею матерью, при коей и я находился въ младенчествѣ у грудей матери. Проѣхавъ городъ Веневъ, стали подъѣзжать къ рѣкѣ Осетру, разстояніемъ отъ дома своего не болѣе пяти верстъ; время тогда было зимнее, а день приклонился къ сумеркамъ; набѣжали на нихъ нѣсколько саней, въ коихъ человѣкъ съ десять или болѣе было разбойниковъ. Отецъ мой, сидя на облуку у той кибитки, въ которой мать моя со мною сидѣла, а человѣкъ правилъ (какъ я отъ отца моего оное приключеніе слышалъ), вооруженъ былъ только однимъ палашемъ; узнавъ онъ изъ той воровской шайки одного мужика изъ деревни Соколовки, одного къ церкви прихода, сказалъ ему, что по сосѣдству нехорошо такъ поступать и что онъ знаетъ ихъ. Оное слово не умягчило сихъ бездѣльниковъ, а можетъ быть и пьяныхъ; они закричали воровскимъ обыкновеніемъ: «атаманъ потчивай, онъ знаетъ насъ». Послѣ сего слова кинулись разбойники съ дубьемъ на отца моего и начали бить. Отецъ мой противъ толикаго числа разбойниковъ не долго оборонялся, отбѣжалъ обороняясь отъ

дороги нѣсколько сажень, гдѣ они сбили его съ ногъ на землю и били столь безчеловѣчно, что чуть жива оставили и, накинувъ петлю на шею ему, потащили и бросили въ сани; потомъ, своротя съ дороги въ сторону, привезли къ рѣкѣ Осетру и при многомъ обыкновенномъ отъ разбойниковъ стращаньѣ и угрозахъ, то рѣзать, то топить въ водѣ хотѣли, ограбя всѣхъ дочиста, объявляя притомъ, что они о младенцѣ (то есть обо мнѣ) сожалѣніе имѣютъ: дабы не ознобили, дали нѣсколько самаго худѣйшаго одѣянія и одну безъ узды лошадь, сами ускакали возвратно. Слуга, который былъ при насъ, взявъ лошадь за гриву, повелъ ее за собою: повезли отца моего едва жива въ саняхъ положеннаго, а мать моя и при ней престарѣлая дѣвка шли пѣшкомъ, несли меня на рукахъ попеременно, идучи и пробираясь домой полями, потому что разбойники завели насъ отъ дороги далеко. Наконецъ, дошедъ съ великою нуждою до села Исакова, изъ того села перевезенъ былъ отецъ мой въ свой домъ, гдѣ онъ чрезъ немалое время хотя и пришелъ, казалось, въ прежнее свое здоровье, однако календарь оный, данный ему отъ разбойниковъ, очень вѣренъ былъ: всегда чувствовалъ онъ къ перемѣнной въ воздухѣ погодѣ превеликую боль во всемъ своемъ тѣлѣ.

Мать наша кормила всѣхъ дѣтей своихъ своею грудью, воспитывала насъ съ безпримѣрною материнскою горячностію и любовью. Она была весьма добронравна и незлобива, особливо къ своимъ домашнимъ служанкамъ, повелѣвала ими болѣе ласкою, нежели дворянскою обыкновенною властію. Она жила отъ роду своего слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ и скончалась въ 1759 году припадкомъ. Отецъ мой, за десять лѣтъ до своей кончины, получилъ себѣ по наслѣдству крестьянъ, послѣ родственника своего Анфиногена Антиповича Данилова, въ Веневскомъ уѣздѣ 30 душъ, коими онъ былъ къ пропитанію своему доволенъ. Нравъ отца моего былъ хотя вспыльчивъ, только скоро отходчивъ и немстителенъ. Онъ скончался наиболѣе отъ старости своихъ лѣтъ, а не отъ приключившейся ему какой болѣзни: ходилъ на ногахъ до своей кончины. Почувствовавъ въ себѣ изнеможеніе къ смерти, призвалъ священника и приказалъ ему при себѣ ночевать, а какъ конецъ жизни его сталъ уже приближаться, тогда онъ разбудилъ спящаго священника и велѣлъ ему читать отходную молитву, по окончаніи молитвы легъ на постелю и скончался. Онъ погребенъ возлѣ отца своего въ селѣ Харинѣ, жилъ слишкомъ 90 лѣтъ отъ роду.

Леонтій.

Леонтій Гурьевичъ, отца моего братъ средній, отставленъ былъ отъ службы прапорщикомъ; онъ женился въ Медынѣ, на вдовѣ Товар-

ковой, и женясь пріѣзжалъ въ 735 году, съ женою и съ падчерицею своею дѣвицею, для свиданія съ своими родственниками, въ свою отчину, откуда возвратясь въ Медынь скончался бездѣтенъ.

Отца моего дѣти.

Первородная дочь была у отца моего, а мнѣ сестра, Анна. Воспитана она у свойственника нашего и однофамильца Данилова, Антипа Евдокимовича, выучена была читать и писать Россійской грамотѣ, читала много церковныхъ книгъ и исторій, почему и знала многое касающееся до закона. Анна Васильевна отъ роду своего лѣтъ двадцати выдана была, тѣмъ же нашимъ свойственникомъ Антипомъ Евдокимовичемъ, замужъ за небогатаго дворянина, который тогда въ Преображенскомъ полку служилъ гарнадеромъ, фамиліею былъ Чеусовъ; въ приданое далъ за нею Антипъ Евдокимовичъ три двора крестьянъ и малую часть землицы по близости своей усадьбы. Сестра моя Анна построила на той данной ей въ приданство землѣ, коя называется Колодезна, и живучи въ томъ своемъ селеніи съ своимъ мужемъ, который часто бывалъ изъ полку въ отпускъ, прижили они дѣтей: дочь Любовь, сына Аѳанасья, сына Николая; и въ 1741 году овдовѣла. По оплакиваніи нѣсколько времени своего супруга вознамѣрилась она, для лучшаго воспитанія своихъ дѣтей, оставить свое деревенское уединеніе и прибѣгнуть къ благодѣтелямъ, коихъ она своимъ изысканіемъ нашла довольно. Первый ея благодѣтель былъ графъ Иванъ Симоновичъ Гендриковъ, который сестрѣ моей руководствовалъ много: по его дому спознала она многихъ знатныхъ господъ, почему набрала довольно для дочери своей хорошаго и богатаго приданаго. Сыновей своихъ записала она въ Кадетскій Сухопутный Корпусъ, гдѣ, по ея несчастью, большой Аѳанасій, къ сожалѣнію многихъ, кои его знали, скончался. Смерть сына своего нѣсколько лѣтъ мать его оплакивая пролила много горькихъ слезъ. Я, по просьбѣ сестры моей, велѣлъ надъ нимъ положить по обыкновенію, якобы ей служило нѣкое послѣднее утѣшеніе, камень съ таковою надписью: *Читателю, горячка меня на двадесятое лѣто заключила въ сей гробъ и лишила свѣта.* Меньшой сынъ ея Николай, дослужась въ кадетскомъ корпусѣ до сержантовъ, выпущенъ подпоручикомъ армейскимъ и женился на княжнѣ Грузинской, съ которой нынѣ благополучно живетъ во Твери почтмейстеромъ, имѣя у себя сына Николая. Племянница моя Любовь прежде живала, съ своею матерью, у знатныхъ разныхъ господъ, почему и воспитана была хорошо, не по деревенски, или лучше сказать не по достатку своему; напослѣдокъ,

перешла она жить къ своей родной теткѣ, а моей сестрѣ, Дарьѣ Васильевнѣ Самойловой, отъ которой и въ замужество выдана за маіора Ерышкина и, приживъ съ нимъ два сына, въ 771 году скончалась чахоткою; причина ея болѣзни, какъ я слышалъ, что, будучи въ дѣвкахъ, лечась принимала часто слабительныя пилюли. Мать ея, а моя сестра Анна Васильевна, скончалась годомъ прежде дочери, жила отъ роду своего лѣтъ 60.

Дмирій и Матрена.

Дмитрій скончался малолѣтенъ. Послѣ его родилась дочь Матрена, которая воспитана была у свойственницы нашей Матрены Петровны, бывшей прежде въ замужествѣ за Аѳанасьемъ Денисовичемъ Даниловымъ; у оной вдовы нѣсколько и я жилъ и грамотѣ учился, о которой впредъ упомяну пространнѣе. Матрена Петровна сестру мою Матрену выдала въ замужство ландмилицкихъ полковъ за капитана Пятова. Она, живъ за нимъ нѣсколько лѣтъ, скончалась, будучи съ нимъ при полку на Украинской линіи, оставила послѣ себя двухъ дочерей, которыя послѣ ея смерти въ разныя времена скончались дѣвицами. Мужъ ея, по смерти жены своей, женился вскорѣ на третьей женѣ и, поживъ нѣсколько лѣтъ, умеръ; оставилъ онъ послѣ себя наслѣдникомъ первой своей жены сына, который за разныя бездѣльства и преступленія, воровство и обманы, сосланъ въ ссылку.

Егоръ.

Братъ мой Егоръ воспитанъ по большой части и выученъ грамотѣ отъ отца своего. Онъ отданъ былъ, для обученія читать и писать Россійской грамотѣ, въ Тулѣ къ дьячку; а по выученіи грамотѣ взялъ его къ себѣ Тульскій помѣщикъ, отцу нашему свойственникъ, Иванъ Александровичъ Нестеровъ, у котораго онъ жилъ до совершеннаго возраста. Потомъ Егоръ записался служить въ первой Московскій полкъ и въ 735 году, съ полкомъ, пошелъ въ Турецкій походъ, гдѣ находился до окончанія той войны, который миръ заключенъ въ 738 году. Будучи онъ въ оной службѣ, пожалованъ былъ черезъ нѣсколько лѣтъ сержантомъ и взятъ на ординарцы къ князь Никитѣ Юрьевичу Трубецкому, который въ показанномъ Турецкомъ походѣ былъ генералъ-крицкоммиссаръ; онъ опредѣлилъ Егора Васильевича отъ себя курьеромъ, посылалъ его часто въ Москву и Петербургъ, по тогдашнему обыкновенію верхомъ. Почитали оную верхо-

вую ѣзду за солдатскую исправку и крѣпость, дабы скакать день и ночь, сутокъ десять не спать, отъ чего слабые люди не могли такой чрезъестественной тягости понести, получа чахотку, лишались вовсе своего здоровья и даже жизни; а которые находили въ себѣ больше другихъ силъ противиться сей непомѣрной трудности, въ подкрѣпленіе своего труда отъ безсонницы, прибѣгали они къ винной помочи, отъ чего нечувствительно привлекли на себя привычку пить вина безъ времени болѣе обыкновеннаго. Такъ и братъ нашъ Егоръ Васильевичъ навлекъ на себя оную страсть, которая едваль не прекратила и жизнь его прежде времени. По нынѣшнему учрежденію курьеры ѣздятъ въ кибиткахъ и поспѣваютъ изъ Волохіи въ Петербургъ въ девятый день, чего верхомъ учинить никакъ невозможно.

Братъ мой Егоръ, дослужась въ первомъ Московскомъ полку до поручиковъ, переведенъ былъ изъ онаго въ Смоленскій полкъ и, бывъ въ 740 году въ Шведскомъ походѣ, отставленъ капитаномъ въ 756 году. Въ Москвѣ онъ женился на неизвѣстной персонѣ, потомъ пріѣхавъ съ женою въ Петербургъ, опредѣлился къ полиціи и былъ при оной должности въ Москвѣ. Была у него отъ супружества его одна дочь, которая не много поживъ скончалась малолѣтна; а онъ, время отъ времени ослабѣвая въ своемъ здоровьѣ, пришелъ до такого разслабленія, что въ 761 году скончался отъ рожденія на 45 году. Исключая его страсть и привычку къ вину, онъ былъ весьма доброй души человѣкъ, незлобивъ, добросердеченъ, набоженъ; хотя былъ и недостаточенъ, будучи въ полкахъ кромѣ жалованья доходу ни откуда не имѣлъ, но чистотою въ платьѣ и всею опрятностію многихъ превосходилъ, кои достаточнѣе его были. По смерти его и жена его скончалась вскорѣ.

Василій.

Братъ мой Василій, изучась нѣсколько грамотѣ въ домѣ отца нашего, потомъ живучи у сродственника, который отцу нашему былъ внучатный братъ, Ивана Васильевича Афросимова, докончалъ ученіе Россійской грамотѣ читать и писать; а какъ оный Афросимовъ отъ пяти лѣтъ своего рожденія былъ слѣпъ и ничего не видалъ, то братъ мой, живучи у него, былъ его глазами, смотря за всѣмъ дяди своего домомъ и имѣніемъ, и дядя великую во всемъ дѣлалъ брату моему довѣренность. Дядя нашъ былъ притомъ богомолецъ: у него всякій день была въ домѣ его служба, поутру, въ вечеру и въ ночи, подобно какъ въ монастырѣ, только кромѣ обѣдни. Отправляли оную службу его домашніе люди, да и самъ онъ Афросимовъ, затвердя наслышкою изъ Псалтыри нѣсколько псалмомъ наизустъ, читалъ оные твердо

и пѣлъ съ людьми вмѣстѣ; онъ, по лишеніи глазъ, не могъ видѣть красоту сего земнаго свѣта, за тѣмъ находилъ себѣ удовольствіе большое награждать свой слухъ пѣніемъ и молитвами.

Афросимовъ получилъ послѣ родственниковъ своихъ по наслѣдству немалое число деревень. Имѣя по себѣ ближнихъ двоюродныхъ племянницъ, коимъ по закону слѣдовало быть послѣ него во всемъ наслѣдницами, однако не сдѣлалъ онъ такъ, ибо слѣпые ушами болѣе натуральнаго слышатъ: вознегодовалъ неусыпный богомолецъ на своихъ племянницъ, якобы въ непочтеніи къ нему, и избралъ по себѣ наслѣдникомъ безъ родства однофамильца Аѳанасья Левонтьевича Афросимова жъ, утвердилъ ему все имѣніе по духовной. Когда слѣпой ослабѣвалъ въ болѣзни и приходилъ къ концу жизни, тогда отдавалъ свою духовную наслѣднику въ руки; а когда получалъ отъ болѣзни малое облегченіе, тогда возвращалъ свою духовную отъ наслѣдника къ себѣ, почему дознаться нетрудно, что онъ былъ не безъ сумнѣнія въ избранномъ наслѣдникѣ поручить ему свое имѣніе при жизни.

Въ 1735 году публиковано было указомъ, дабы всѣ недоросли дворянскія дѣти явились въ Герольдію, при Сенатѣ, на смотръ; а по разсматриванію Сената, по желанію каждаго недоросля, отсылали записываться въ школы или въ службу, куда кто пожелаетъ. Тогда и братъ мой Василій, въ 736 году, записался въ Артиллерійскую школу. Оная школа была еще учреждена вновѣ, на полковомъ артиллерійскомъ дворѣ, и было въ оную прислано изъ Герольдіи дворянскихъ дѣтей, бѣдныхъ и знатныхъ по желанію, семь сотъ человѣкъ. А какъ въ новой школѣ не было ни порядка, ни учрежденія, ни смотрѣнія, то черезъ четыре года разошлось оное большое собраніе, безъ позволенія школьнаго начальства, по разнымъ мѣстамъ, въ настоящую службу, куда кто хотѣлъ записались; а осталась только нѣкоторая часть дворянскихъ дѣтей, кои прилежали охотно и хотѣли учиться.

Но великой тогда недостатокъ въ оной школѣ состоялъ въ учителяхъ. Сначала вступленія учениковъ было, для показанія одной ариѳметики, изъ пушкарскихъ дѣтей два подмастерья; потомъ опредѣлили, по пословицѣ волка овецъ пасти, штыкъ-юнкора Алабушева. Алабушевъ тогда содержался въ смертномъ убійствѣ третій разъ подъ арестомъ, былъ человѣкъ хотя нѣсколько знающій, разбиралъ Магницкаго печатной ариѳметикъ и часть геометрическихъ фигуръ показывалъ ученикамъ, почему и выдавалъ себя въ тогдашнее время ученымъ человѣкомъ, однако былъ вздорный, пьяный и весьма неприличный быть учителемъ благородному юношеству, гдѣ учитель долженъ своимъ добрымъ нравомъ, поведеніемъ и хорошими поступками во всемъ ученіи образцомъ быть; а онъ рѣдкой день приходилъ въ школу непьяный.

Видно, что тогда былъ великой недостатокъ ученыхъ людей въ артиллеріи, когда принуждены были взять и опредѣлить въ школу учителемъ колодника и смертоубійцу.

Напослѣдокъ, для поправленія въ школѣ порядка, еще опредѣленъ былъ, сверхъ штыкъ-юнкора Алабушева, капитанъ Гринковъ, у котораго не было лѣвой руки по локоть. Человѣкъ былъ какъ прилежный, такъ и копотливый, и былъ великій заика, однако завелъ въ школѣ порядокъ получше Алабушева. Онъ вперялъ въ учениковъ охоту учиться, съ обѣщаніемъ чести, и довелъ до того, что его стараніемъ нѣсколько человѣкъ изъ учениковъ пожалованы были въ артиллерію сержантами и ундеръ- офицерами *); изъ нихъ нынѣ есть при артиллеріи полковники и генералы.

Въ 1737 году братъ мой Василій записалъ меня въ Артиллерійскую жъ школу, гдѣ я съ нимъ вмѣстѣ обучался года съ три. Потомъ братъ мой, съ прочими по выбору и по наукѣ учениками, взятъ былъ, указомъ Канцеляріи Главной Артиллеріи, изъ Московской въ Петербургскую школу; а изъ Петербургской школы, въ 740 году, съ прочими жъ учениками, выпущенъ сержантомъ въ полевую артиллерію. Въ то время была между Россіею и Швеціею война; братъ мой (сержантомъ) командированъ, въ 741 въ Іюлѣ мѣсяцѣ, съ княземъ Гесенгомбургскимъ, бывшимъ тогда фельцехмейстеромъ. Князь охранялъ, съ корпусомъ полковъ армейскихъ и артиллеріей, морской берегъ при Березовыхъ островахъ, дабы Шведы не пристали, по способности того мѣста, со флотомъ и не сдѣлали десантъ.

Братъ мой, возвратясь отъ Березовыхъ острововъ благополучно въ Петербургъ, командированъ былъ въ Москву, пожалованъ штыкъюнкоромъ и посланъ изъ Москвы въ Кіевъ, гдѣ былъ при генералъ-маіорѣ артиллерійскомъ Беренсѣ за адъютанта; а изъ Кіева командированъ по Украинской линіи свидѣтельствовать и комплектовать всѣ крѣпости городовой артиллеріей, и былъ въ Запорожской Сѣчѣ. Въ 749 г. пожалованъ поручикомъ, происходя при артиллеріи чинами по порядку; былъ въ 757 году капитаномъ въ походѣ противъ Прусскаго короля на Гросъ-Егердорфской баталіи. Арміею тогда командовалъ фельдмаршалъ Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ. Потомъ братъ мой пожалованъ былъ маіоромъ, а въ 760 году отставленъ коллежскимъ совѣтникомъ; будучи во Твери воеводою, въ 764 году, женился полковника Ивана Ивановича Чагина на дочери, дѣвицѣ Марьѣ Ивановнѣ, съ коей прижилъ дѣтей: сыновей, Ивана, Василья, Павла, Петра; въ 773 году

*) Въ тогдашнее время жаловали въ чины по наукамъ, а неученаго записывали въ рядовые канонеры.

опредѣленъ отъ Сената въ Серпуховскую провинціальную межевую контору первымъ членомъ, а въ 775 году, переѣхавъ съ конторою въ Переславль Рязанской, Апрѣля 7 числа скончался отъ припадка.

Дарья.

Дарья, сестра моя, лѣтъ восьми возраста своего, отвезена была отъ отца нашего въ Москву и отдана въ домъ Софьѣ Алексѣевнѣ Милославской, у которой она жила лѣтъ шесть; выучилась тамъ преизрядно вышивать всякими цвѣтами и золотомъ, какое шитье въ тогдашнее время было въ Москвѣ въ манерѣ самое лучшее; потомъ она взята изъ Москвы въ домъ отца нашего и, поживъ нѣсколько времяни, отдана была свойственнику нашему Анфиногену Антиповичу Данилову, въ тотъ же домъ, гдѣ прежде и большая наша сестра Анна была воспитана. Изъ онаго дома выдана Дарья, моя сестра, въ замужество за Аѳанасья Андреевича Астафьева; оный Астафьевъ былъ тогда въ Глуховскомъ гарнизонѣ солдатомъ, а родственникъ нашъ Анфиногенъ Даниловъ тамже прапорщикомъ.

Когда Астафьевъ женился на сестрѣ моей Дарьѣ, тогда за нимъ было только, въ Епифанскомъ уѣздѣ, деревня Ржавецъ, не болѣе 50 душъ. Женясь онъ Астафьевъ переписался изъ Глуховскаго гарнизона служить гвардіи въ Семеновской полкъ солдатомъ же. Между тѣмъ времянемъ ему досталось послѣ брата его, который былъ не отъ одной матери, наслѣдства 900 душъ. Онъ старался оное имѣніе за себя справить по закону, но въ Вотчинной Коллегіи учинены были отъ родственниковъ его споры, которые хотѣли быть ему въ наслѣдствѣ участниками. Зять мой Астафьевъ подарилъ свою прежнюю вотчину Ржавецъ бывшему тогда въ Вотчинной Коллегіи секретарю Каменеву. Каменевъ, получа деревню къ себѣ во владѣніе, разсмотрѣлъ дѣло въ Коллегіи вправду и утвердилъ законнымъ наслѣдникомъ зятя моего, послѣ брата роднаго, а прочихъ просителей всѣхъ отрѣшилъ отъ наслѣдства. Зять мой Астафьевъ, получа большое наслѣдство, неприлежно сталъ уже въ полку служить; а какъ въ тогдашнее время отставки отъ службы не было, или трудно ее получить было, то онъ нашелъ милостивца въ полковомъ секретарѣ, который его отпускалъ въ годовые отпуски за малые деревенскіе гостинцы. Секретарь доволенъ былъ, когда за пашпортъ получитъ душекъ двѣнадцать мужеска пола съ женами и съ дѣтьми, съ обязательствомъ таковымъ, когда зять мой Астафьевъ на срокъ оныхъ подаренныхъ крестьянъ не вывезетъ, куда назначено было, тогда неустойка награждалась прибавкою къ двѣнадцати душамъ. Чтобъ не потерять дружбы, таковымъ

полезнымъ отъ секретаря отпускомъ зять мой пользовался каждый годъ по договору. Случалось мнѣ и то видѣть самому: при самомъ уже его въ отпускъ отъѣздѣ изъ полку, не оставятъ у него писари полковые и ротные постели и подушекъ; хотя онъ даже сидѣлъ въ кибиткѣ, и то вытаскивали изъ подъ него и дѣлили по себѣ, какъ завоеванную добычу. Странное видѣніе было сихъ безстыдныхъ подлецовъ. Полковой писарь гораздо былъ совѣстнѣе секретаря своего: онъ бралъ только по одному человѣку за пашпортъ.

Зять мой Аѳанасій Астафьевъ, пользуясь частыми отпусками, не видалъ конца своему имѣнію, веселясь въ деревнѣ и живучи разными забавами. Родственники его досадовали на секретаря Вотчинной Коллегіи Каменева, что не сдѣлалъ ихъ соучастниками въ наслѣдствѣ, а сдѣлалъ брата послѣ брата роднаго. Умыслилъ одинъ изъ дядьевъ зятя моего родныхъ, Никита, зазвалъ къ себѣ племянника своего Аѳанасья, для котораго сдѣлалъ веселое собраніе и пиръ, да и взялъ съ него закладную 5000 рубл. на село, что̀ наилучшее, называемое Новое, 250 душъ, каменная въ немъ церковь; а денегъ за оное село едва получилъ зять мой одну тысячу рублевъ. Напослѣдокъ, за великою его слабостію, усовѣстился секретарь гвардіи держать Аѳанасья на своей шелковинкѣ: отставили его изъ полку въ отставку, только на провожаньѣ недешево зятю моему стало, какъ и прежде.

Зять мой, поживъ въ деревнѣ больше уже въ болѣзни и пьянствѣ, нежели въ веселостяхъ, видя слабость своего здоровья, укрѣпилъ свои деревни своей женѣ, а моей сестрѣ Дарьѣ, въ 4000 рубл.; послѣ того вскорѣ умеръ, оставя по себѣ малолѣтнаго наслѣдника, сына, но и тотъ послѣ отца своего не долго нажилъ и скончался.

Сестра моя, овдовѣвъ, хотя имѣла на деревни мужа своего закладныя, которыя писаны были на имя тетки нашей Сомовой, но претерпѣла великое притѣсненіе отъ наслѣдниковъ мужа своего: наслѣдники запретили въ деревняхъ сестру мою слушать и ничего ей не давать, а на отправленный изъ деревни запасъ для сестры моей, въ Москву, дорогою набѣгли и разграбили какъ разбойники.

Сестра моя во вдовствѣ и въ недостаткѣ жила нѣсколько лѣтъ, покуда судьба принялась ей благодѣтельствовать: въ 753 вышла вторично за мужъ, арміи за поручика Александра Борисовича Самойлова. Зять мой Самойловъ принялся по закладнымъ своей жены взыскивать съ наслѣдниковъ Астафьевыхъ деньги. Астафьевы, не хотя выпустить заложенныхъ отъ родственника своего Аѳанасья деревень, объявили себя выкупщиками, но какъ въ наличности у нихъ для выкупа денегъ не имѣлось, то великую они трудность имѣли свое намѣреніе исполнить; притомъ у оныхъ наслѣдниковъ-родственниковъ, Никиты Петро-

вича, Ѳедора Петровича (такъ они назывались) не было между себя братскаго согласія, но всегдашняя вражда и подлая брань. Однако наконецъ, сыскавъ деньги, выкупили за 4000 рубл. заложенное имѣніе. Зять мой Самойловъ, сверхъ того выкупа, взыскалъ еще съ нихъ подлежащія деньги за тѣхъ людей, которыми они завладѣли сверхъ закладной.

Послѣ того зять мой Самойловъ служилъ въ Тобольскомъ полку капитаномъ, потомъ вышелъ и опредѣленъ къ первому межеванью, при томъ межеваньѣ пожалованъ коллежскимъ ассесоромъ; а какъ первое межеванье оставлено, то онъ опредѣленъ былъ въ Судный Приказъ, потомъ перешелъ въ Вотчинную Коллегію и пожалованъ надворнымъ совѣтникомъ. Въ 766 году паки межеванье всего государства учреждено; тогда зять мой переведенъ въ Губернскую Межевую Канцелярію и пожалованъ коллежскимъ совѣтникомъ, въ которомъ чинѣ и понынѣ въ той Канцеляріи присутствуетъ съ отмѣнною похвалою. (*Приписано послѣ*). Зять мой прижилъ съ сестрою моею Дарьей три дочери: Наталья, Настасья, Марѳа. Наконецъ, онъ былъ въ Главномъ Магистратѣ президентомъ, потомъ въ Сенатѣ оберъ-прокуроромъ, а изъ оберъ-прокуроровъ въ Володимерѣ губернаторомъ.

Я родился въ 1722 году. Тогда отца моего разбойники разбили, и подана была на сихъ злодѣевъ явочная челобитная, съ которой досталась мнѣ копія, почему я и рожденіе свое въ томъ году почитаю. Былъ я любимый сынъ у моего отца. Отъ роду моего лѣтъ семи, или болѣе, отдали меня въ томъ же селѣ Харинѣ, гдѣ отецъ мой жилъ, пономарю Филипу, прозваніемъ Брудастому, учиться. Пономарь былъ роста малаго, широкъ въ плечахъ, борода большая, круглая покрывала грудь его, голова съ густыми волосами равнялась съ плечьми его, и казалось, что у него шеи не было. У него, въ тоже время, учились два брата мнѣ двоюродные, Елисей и Борисъ. Учитель нашъ Брудастой жилъ только одинъ съ своею женою, весьма въ малой избушкѣ. Приходилъ я учиться къ Брудастому очень рано, въ началѣ дня, и безъ молитвы дверей отворить, покуда мнѣ не скажетъ «аминь», не смѣлъ. Памятно мнѣ мое ученіе у Брудастаго и поднесь, по той можетъ быть причинѣ, что часто меня сѣкли лозою. Я не могу признаться по справедливости, чтобъ во мнѣ была тогда лѣность или упрямство, а учился я по моимъ лѣтамъ прилежно, учитель мой задавалъ мнѣ урокъ учить весьма умѣренный, по моей силѣ, который я затверживалъ скоро; но какъ намъ, кромѣ обѣда, никуда отъ Брудастаго отпуска ни на малѣйшее время не было, а сидѣли на скамейкахъ безсходно и въ большіе лѣтніе дни великое мученіе претерпѣвали, то я отъ таковаго всегдашняго сидѣнія такъ ослабѣвалъ, что

голова моя дѣлалась безпамятна и все, что̀ выучилъ прежде наизусть, при слушанiи урока въ вечеру, и половины прочитать не могъ, за что послѣдняя резолюцiя меня, какъ непонятнаго, «сѣчь». Я мнилъ тогда, что необходимо при ученiи терпѣть надлежитъ наказанiе. Брудастаго жена, во время нашего ученiя, понуждала насъ, въ небытность своего мужа, всечасно, чтобъ мы громче кричали, хотябъ и не то, что̀ учимъ. Отраднѣе намъ было отъ скучнаго сидѣнья, когда учитель нашъ находился въ полѣ на работѣ: по возвращенiи Брудастаго отвѣчалъ я во всемъ урокѣ такъ, какъ утромъ при неутомленныхъ мысляхъ, весьма исправно и памятно. Изъ сего нынѣ заключаю, что принужденное дѣтямъ ученiе грамотѣ неполезно, потому что отъ тѣлеснаго труда изнемогаютъ душевныя силы и приходятъ въ облѣнѣнiе и унылость; явственнѣе можно усмотрѣть сiю правду, принудить только ребенка играть сверхъ его воли: тогда ему та игра и игрушки отъ скуки омерзѣютъ, и тою игрою мало будетъ уже играть, или вовсе возненавидитъ. Въ подобiе сего обрѣтается: разныхъ рукодѣлъ мастера обременяютъ своихъ учениковъ не по силѣ лѣтъ ихъ, изъ коихъ нѣкоторые, не возмогши снести такой налагаемой на нихъ тягости ученiя, обращаются въ бѣгство, кроются по разнымъ мѣстамъ, вымышляютъ бездѣльные обманы, наконецъ отъ воображенiя страха, что будутъ ихъ наказывать за побѣгъ жестоко, приходятъ въ отчаянье и дѣлаются бездѣльниками на вѣкъ. Вотъ какой плодъ происходитъ отъ таковыхъ безпутныхъ и ни къ чему годныхъ учителей, каковъ былъ мой Брудастой. Вымышлялъ иногда и я, отъ таковаго скучнаго сидѣнiя, напрасно показывать какiя ни есть за собою затѣйныя приключенiя и болѣзни, коихъ отнюдь во мнѣ не бывало.

Въ одинъ день, когда учитель нашъ былъ въ полѣ съ женою своею на работѣ, братъ мой двоюродный Елисей (меня и Бориса, своего брата, постарѣе и ко всякимъ шалостямъ поотважнѣе), увидя, что на дворѣ Брудастаго никого кромѣ насъ троихъ нѣтъ, поймалъ учителева любимаго кота сѣраго, связалъ ему заднiя ноги и повѣсилъ въ сараѣ, въ которомъ мы учились, на веревкѣ за заднiя ноги, сѣкъ кота лозою и что̀ приговаривалъ не упомню; только то помню, что мы на его шутки глядя, съ Борисомъ, сидя со страху, чтобъ не засталъ Брудастой, дрожали. И въ тотъ часъ, якобы на избавленiе своего кота, явился во дворъ свой нечаянно нашъ учитель. Елисей отъ сего явленiя оробѣлъ, не успѣлъ кота съ пытки освободить, кинулся безъ памяти на скамейку за книгу свою учиться, потупя глаза въ книгу и духъ свой притаилъ, не могъ дыхать свободно. Брудастой, увидя кота висящаго на веревкѣ, отъ досады и жалости остолбенѣлъ; потомъ пришелъ въ такое бѣшенство, что ухватилъ метлу, связанную изъ

хворосту, случившуюся въ сараѣ, зачалъ стегать разъ за разомъ безъ разбора по Елисею и по книгѣ, и оною метлою отрывая подымалъ вверхъ листы изъ книги, которые по всему сараю летали. Брудастой былъ въ великомъ сердцѣ, какъ бѣшенный: стегая Елисея, тою же метлою, доставалъ нѣсколько страждущаго, по близости на веревкѣ повѣшеннаго кота, который чаятельно усмирилъ звѣрскій тогдашній гнѣвъ его своимъ мяуканьемъ и тѣмъ сохранилъ остатки листовъ въ книгѣ. Мы отъ сей драки, съ Борисомъ, кромѣ страха ничего не претерпѣли отъ Брудастаго; а Елисею, достовѣрно сказать можно, что не меньше книги досталось, которая великую отъ метлы претерпѣла въ листахъ утрату.

Выучилъ я у Брудастаго азбуку. Отецъ мой отвезъ меня близъ города Тулы къ живущей вдовѣ, Матренѣ Петровнѣ, которая въ замужествѣ прежде была за нашимъ свойственникомъ Аѳанасьемъ Денисовичемъ Даниловымъ. Матрена Петровна имѣла при себѣ племянника роднаго и своему имѣнію наслѣдника, Епишкова; по той причинѣ просила отца моего, дабы привезъ къ ней, какъ грамотѣ учиться, такъ и племяннику ея дѣлать компанію; а какъ вдова своего племянника много любила и нѣжила, потому не было намъ никогда принужденія учиться. Однако я, въ таковой будучи волѣ и непринужденномъ ученіи, безъ малѣйшаго наказанія, скоро окончалъ словесное ученіе, которое состояло только изъ двухъ книгъ, Часослова и Псалтыри. Вдова была великая богомольщица: рѣдкой день проходилъ, чтобъ у ней въ домѣ не отправлялась служба, когда съ попомъ, а иногда слуга отправлялъ одинъ оную должность. Я употребленъ былъ въ таковой службѣ къ чтенію, а какъ у вдовы любимый ея племянникъ еще читать не разумѣлъ, то отъ великой на меня зависти и досады, приходя къ столу, при которомъ я читалъ псалмы, своими сапогами толкалъ по моимъ ногамъ до такой боли, что я до слезъ доходилъ. Вдова, хотя и увидитъ такія шалости своего племянника, однако болѣе ничего не скажетъ ему, и то протяжно, какъ нехотя: «полно тебѣ шутить, Ванюшка», и будто не видитъ она, что отъ Иванушкиной шутки у меня изъ глазъ слезы текутъ. Она грамотѣ не знала, только всякой день, разогнувъ большую книгу на столѣ, акаѳистъ Богородицѣ всѣмъ въ слухъ громко читала. Вдова охотница великая была кушать у себя за столомъ щи съ бараниною; только признаюсь, сколько времени у ней я ни жилъ, не помню того, чтобъ прошелъ хотя одинъ день безъ драки: какъ скоро она примется свои щи любимыя за столомъ кушать, то кухарку, которая готовила тѣ щи, притаща люди въ ту горницу, гдѣ мы обѣдаемъ, положатъ на полъ и станутъ сѣчь батожьемъ немилосердно, и потуда сѣкутъ и кухарка кричитъ, пока не

перестанетъ вдова щи кушать. Это такъ уже введено было во всегдашнее обыкновеніе видно для хорошаго аппетиту. Вдова такъ была собою дородна, что ширина ея тѣла немного уступала высотѣ ея роста. Въ одно время гуляли мы съ племянникомъ ея, и третій былъ съ нами молодой слуга, который насъ училъ грамотѣ и самъ учился; племянникъ ея и наслѣдникъ завелъ насъ къ яблони, стоявшей за дворами, которая не огорожена была ничѣмъ, началъ обивать яблоки, не спросясь своей тетушки. Донесено было сіе преступленіе теткѣ его, что племянникъ около яблони забавляется, обивая яблоки; она приказала всѣхъ насъ троихъ привести передъ себя на нелицемѣрный судъ и, въ страхъ племяннику, приказала съ великимъ гнѣвомъ поднять немедленно невиннаго слугу и учителя нашего на козелъ, и сѣкли его очень долгое время немилостиво, причитая: «не обивай яблокъ съ яблони». Потомъ и до меня дошла очередь: приказала вдова поднять и меня на козелъ, и было мнѣ удара три подарено въ спину, хотя я, какъ и учитель нашъ, яблокъ отнюдь не обивали. Племянникъ обробѣлъ и мнилъ, что не дойдетъ ли и до него по порядку очередь къ наказанію, однако страхъ его былъ тщетный; только вдова изволила сдѣлать ему выговоръ въ таковой силѣ, «что дурно-де, непригоже, сударь, такъ дѣлать и яблоки обивать безъ спросу моего»; а послѣ, поцѣловавъ его, сказала: «чаятельно ты, Иванушка, давича испугался, какъ сѣкли твоихъ товарищей; не бойся голубчикъ, я тебя никогда сѣчь не стану».

Отецъ мой, пріѣхавъ къ своей свойственницѣ вдовѣ, поблагодарилъ ее за мое содержаніе и взялъ меня въ домъ свой. По отъѣздѣ моемъ отъ вдовы черезъ годъ пришли къ ней ночью разбойники, вломились въ хоромы, убили у ней любимую постельную собачку Дульку, а ей выбили передніе всѣ зубы ружейнымъ прикладомъ; забравъ пожитки и нѣсколько боченковъ съ виномъ и водкою, ушли изъ деревни вскорѣ. За разбойниками учинена была собранная отъ сосѣдей погоня; тогда разбойники покидали за собою на дорогѣ по одному боченку съ виномъ, для питья погонщикамъ, погонщики выпивали вино для смѣлости за разбойниками гнаться. Симъ вымысломъ разбойники погоню за собою остановили и скрылись во свояси.

Потомъ отвезли меня въ городъ Данковъ, въ которомъ тогда воеводою былъ Никита Михайловичъ Крюковъ: онъ считался съ отцемъ моимъ родствомъ, а какъ близко не упомню, только называлъ онъ отца моего «братомъ». У воеводы былъ сынъ Василій, въ мои лѣта или еще моложе. Я жилъ у воеводы болѣе въ гостяхъ, нежели учился: хотя и былъ у сына воеводскаго учитель, отставной престарѣлый попъ, только мы не всякой день и азы твердили. Отпустилъ насъ,

на недѣлю Рождества Христова, воевода съ сыномъ своимъ по тому уѣзду Христа славить и за нами посылалъ подводъ по пяти и болѣе порожнихъ саней, на подаяніе за славленіе. Мы каждый день привозили посланныя за нами подводы полны хлѣбомъ и живыми курами и по нѣскольку денегъ, и въ недѣлю Рождества, какъ хлѣба, такъ и живыхъ куръ, немало натаскали къ воеводѣ. При ономъ славленіи нашемъ насмотрѣлся я, что воеводскіе люди поступаютъ въ уѣздѣ нахайливѣе и безстыднѣе городскихъ разсыльщиковъ: они собирали птицъ и съ тѣхъ дворовъ, въ которыхъ мы съ воеводскимъ сыномъ не были и Христа не славили.

Въ бытность мою въ Данковѣ подалъ одинъ помѣщикъ (а фамиліи его не упомню) прошеніе въ воеводскую канцелярію, что крестьяне его сдѣлались ему непослушны. Воевода, собравъ сколько у него при канцеляріи было солдатъ и разсыльщиковъ, съ ружьями и копьями, послалъ подъячаго по инструкціи забрать крестьянъ-ослушниковъ въ канцелярію для наказанія; но бунтующіе крестьяне приготовились заранѣ къ принятію таковыхъ незваныхъ къ себѣ гостей, не забыли вооружить себя каменьями, полѣньями, дубьемъ и рогатинами, для своего защищенія. Притомъ они имѣли у себя изъ бунтовщиковъ одного главнаго уговорщика и предводителя, который объявлялъ о себѣ, что онъ отъ пули заговоритъ не только себя, но всѣхъ товарищей, которые съ нимъ городской командѣ противиться будутъ. Товарищи его, съ великою надеждою, на своего предводителя и заговорщика пуль уповая, выступили съ женами и дѣтьми своими противъ городской команды на драку. Городская команда, по малости своего числа, видя противъ себя великое множество собравшагося со всякимъ орудіемъ народа, захватила для себя удобное мѣсто въ деревнѣ, дабы кругомъ не быть обхваченной отъ бунтовщиковъ, кои неустрашимо шли прямо на посыльныхъ, и передъ ними предводитель и заговорщикъ ружья, человѣкъ молодой, роста великаго и стройнаго (я видѣлъ, когда его привезли въ канцелярію убитаго). Приближаясь бунтовщики пустили изъ рукъ своихъ каменья и полѣнья какъ градъ и повторили разъ за разомъ, съ великимъ крикомъ и бранью, которымъ швыряньемъ они многихъ городовыхъ поранили. Между тѣмъ и городскіе посыльные, защищая себя, изъ своихъ ружей сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ безъ ошибки по толпѣ бунтующихъ; а одному удалось такъ небережно выстрѣлить изъ ружья по самомъ предводителѣ и заговорщикѣ пуль, что онъ не успѣлъ своихъ заговорныхъ словъ выговорить и палъ на землю мертвъ. Увидя бунтовщики предводителя своего мертва, дрогнули всѣ и зачали спасать себя бѣгствомъ, куда кто могъ скрыться; городскіе, видя такое смятеніе, не упустили сего

случая и начали ловить бѣгущихъ, и столько нахватали ихъ, сколько имъ можно было взять съ собою. Привезли они передъ канцелярію воеводскую въ Данковъ, къ наказанію, бунтовщиковъ на трехъ подводахъ однихъ побитыхъ до смерти, въ томъ числѣ ихъ предводителя, и человѣкъ 20 полону здоровыхъ и раненыхъ. Я видѣлъ, когда допрашивали въ канцеляріи привезенныхъ бунтовщиковъ; крестьяне были всѣ молодые и здоровые, по платью и по рубахамъ не походили они на степныхъ крестьянъ, а на гулящихъ самыхъ бурлаковъ; при допросѣ они отвѣчали съ звѣрскимъ видомъ.

Немного я въ Данковѣ у воеводы пожилъ. Отецъ мой, тою же зимою, которою привезъ, взялъ меня возвратно въ свой домъ. Оттуда взялъ меня нашъ родственникъ и однофамилецъ, Анфиногенъ Антиповичъ Даниловъ, къ себѣ, который былъ выпущенъ изъ гвардіи въ Глуховской гарнизонъ подпоручикомъ. Я, живучи у него, также какъ у Данковскаго воеводы, ничему не учился, да и родственникъ мой о семъ нималаго не имѣлъ попеченія. Одинъ разъ собрался мой родственникъ съ своею женою ѣхать въ Москву; они согласились и меня взять съ собою. Учрежденіе было отъ нихъ странное: мнѣ и съ служанками въ кибиткѣ сѣсть не досталось, а нашлось мѣсто назади стать съ лакеями за ихъ возкомъ, въ которомъ ѣхали; забыли они тогда, что мнѣ не было больше десяти отъ роду лѣтъ, ктому жъ морозы были прежестокіе. Уже я терялъ отъ сего труда и отъ стужи свои силы, и склоняло меня ко сну; но судьба мнѣ оказала свое благодѣяніе: люди, стоявшіе со мною назади повозки, пришли въ сожалѣніе обо мнѣ, видя меня въ такой крайности, часто брали подъ руки, сверхъ моей воли, уже ослабѣвшаго отъ великія стужи, и бѣжали со мною по дорогѣ, чтобъ я согрѣлся, а не заснулъ бы вовсе. Наконецъ, къ великому моему счастію, довезли меня, въ самую полночь, въ городъ Каширу жива, и какъ скоро стали на квартиру, тогда я, бывъ въ превеликой слабости, насилу могъ раздѣться, легъ на полати и тотчасъ отъ утомленія дорожнаго уснулъ крѣпко. Они, собравшись ужинать, будили меня, чтобъ я всталъ, однако трудъ ихъ былъ напрасный, сего имъ сдѣлать не удалось; а поутру явили обо мнѣ сожалѣніе, по моей слабости, и приговорили возвратить меня назадъ изъ Каширы домой и не брать въ Москву, чему я былъ весьма доволенъ и радъ. Попъ того прихода, гдѣ родственникъ мой жилъ, случился быть тогда, для своихъ нуждъ, въ Каширѣ: отвезъ меня гораздо покойнѣе возвратно, нежели какъ я ѣхалъ въ Каширу. Я пріѣхалъ къ сестрѣ моей Аннѣ, въ домъ ея, которая жила очень близко родственника нашего Анфиногена; она обрадовалась мнѣ чрезвычайно, что увидѣла еще живаго, а незамерзлаго.

Родственникъ мой Анфиногенъ, поживъ въ Москвѣ нѣсколько времени, возвратился въ деревню свою, въ сельцо Кукшино, гдѣ онъ жилъ; по пріѣздѣ своемъ пригласили меня къ себѣ жить по прежнему. Потомъ родственникъ мой зачалъ собираться на службу, въ Глуховской гарнизонъ, куда онъ опредѣленъ былъ; при отъѣздѣ своемъ оказалъ онъ мнѣ ласку, сказалъ, что онъ меня беретъ съ собою и въ Глуховъ. Благодарилъ ли я его за такую милость, что мнѣ ѣхать у него будетъ также, какъ въ Москву, назади коляски, того не упомню; только то помню, что морозы такіежъ жестокіе были, какъ и въ Московскую поѣздку. Родственникъ мой двинулся въ Глуховъ, а мнѣ также за коляскою досталось ѣхать. Напереди ѣхали двое верховыхъ, у которыхъ ружья висѣли на погонахъ, хотя и не по времени были таковы затѣи, вооружать верховыхъ; онъ лежалъ въ четвероместной коляскѣ, на перинѣ, въ лисьей шубѣ, подъ лисьимъ одѣяломъ, напившись прежде досыта взваренной въ булатной чашкѣ сжонки *). Въ одинъ день накормили меня соленою рыбою, отчего въ дорогѣ такая меня жажда пить понуждала, что я, не пропуская никакой на пути случавшейся воды, пилъ ее до излишества, отъ чего сдѣлалась у меня великая боль въ головѣ, и я отъ сего разнаго напитка занемогъ. Родственникъ мой, узнавъ о моей болѣзни чрезъ своихъ служащихъ, позволилъ мнѣ лечь съ собою въ коляску, въ которой я немного покойнѣе былъ, нежели за коляскою. Когда онъ не спалъ дорогою, то обучалъ свою лягавую собаку, которая съ нами въ коляскѣ пребывала третья; а чтобъ собака его не боялась огня и ружейнаго выстрѣла, то онъ на каждый день заряжалъ часто пистолеты, стрѣлялъ и вспышки дѣлалъ, для своей собаки, въ коляскѣ. Какъ бы то ни было, только мы доѣхали до Глухова благополучно.

Заняли мы квартиру въ форштатѣ. Онъ явился въ команду въ Глуховскомъ гарнизонѣ. Я почасту хаживалъ въ крѣпость, которая есть земленая и немалой обширности: видѣлъ я тамъ много каменнаго строенія и каменную соборную церковь. Въ торжественные дни удивителенъ мнѣ былъ, по моимъ тагдашнимъ лѣтамъ, колокольный въ соборной церкви звонъ, отмѣнный отъ нашего звона, потому что звонили безъ перебора на оцѣпѣ, всѣми колоколами вдругъ; также пальба бывала на площади изъ маленькихъ чугунныхъ мортиръ, которыя заряжали порохомъ и заколачивали вмѣсто пыжа пенковаго деревянными втулками, отъ чего происходила по всему городу громкая пальба. Болѣе сего положенія мѣста города примѣтить я ничего не могъ,

---

*) Сжонка дѣлается такъ: налить водки или вина, положить меду и зажечь, покуда загаснетъ.

понеже все тогда было покрыто снѣгомъ. Немного мы въ городѣ Глуховѣ съ своимъ родственникомъ нагостили: онъ отпросился въ отпускъ въ домъ свой, а при отъѣздѣ нашемъ въ возвратный путь купилъ онъ три куфы вина простаго, не для того, чтобъ онаго въ деревнѣ его было недостаточно, но что оно тогда въ Глуховѣ было очень дешево, привозили обозами и продавали на рынкѣ, такъ жаль было съ дешевымъ винцомъ разстаться. Онъ нанялъ подъ оныя куфы извозщиковъ, и довезли къ нему въ деревню въ цѣлости. По прiѣздѣ нашемъ въ деревню возвратно засталъ онъ жену свою здоровою, которая по отъѣздѣ нашемъ въ Глуховъ оставалась больною. Она встрѣтила мужа своего съ таковымъ выговоромъ, что къ чему-де онъ такъ скоро поспѣшилъ отпроситься въ отпускъ домой? Видно, ей не было скучно и безъ него. Она была не очень прихотлива: когда не случалось серебряной ложки, то наѣдалась досыта и деревянною безъ разборчивости.

Въ одно время вздумалось моему родственнику Анфиногену пробовать изъ куфъ Глуховское вино; прибавляя въ рюмки сахару, пилъ самъ, упросилъ отвѣдать свою жену и мою сестру Анну, которая тогда случилась быть у нихъ въ домѣ. Они всѣ трое вскорѣ узнали силу Глуховскаго вина, выпились изъ ума, прежде пѣли пѣсни, плясали, цѣловались, потомъ зачали плакать; а наконецъ, вмѣшалась къ нимъ тутъ престарѣлая хозяйка, наприданная мамка, пошептала нѣчто обоимъ, барину и барынѣ своей на ухо, отчего они вскорѣ поссорились и чуть не подрались. А какъ и поутру мира не было, а развратъ у родственника моего съ женою не кончился, то сестра моя отъѣхала въ свой домъ; и я съ сестрою удалился, а отъ нея переѣхалъ къ своему отцу.

Братъ мой большой, Егоръ, командированъ былъ въ 1736 году изъ Малороссiи, гдѣ зимовала армiя, въ Москву, отъ перваго Московскаго полка, въ коемъ онъ служилъ еще капраломъ; заѣхалъ тогда въ домъ отца свое для свиданiя, а отъѣзжая взялъ меня съ собою въ Москву. Въ 737 году, въ Москвѣ, записалъ меня братъ мой Василiй въ Артиллерiйскую школу, гдѣ онъ уже былъ записанъ прежде меня.

По вступленiи моемъ въ школу учился я вмѣстѣ съ братомъ. Жили мы у свойственника своего Милославскаго, котораго дворъ былъ близь Каменнаго моста. Въ домѣ была дворецкаго жена, Степановна, въ родѣ своемъ добродѣтельная; она меня не оставляла, а паче, какъ по прiѣздѣ моемъ въ Москву, въ 737 году, занемогъ я горячкою, которая тогда во всей Москвѣ была съ пятнами, перевалка и моръ, я лежалъ у оной Степановны, и она за мною, какъ за своимъ сыномъ, прилежно ходила. Простонародiе, отъ своего незнанiя тогда въ Москвѣ,

полагало смѣхотворную причину оной болѣзни мора, яко бы въ Москву въ ночи, на сонныхъ или спящихъ людей, привели слона изъ Персіи. Мы хаживали съ братомъ на полковой артиллерійскій дворъ, близъ Сухаревой башни: тамъ была учреждена наша школа, въ которой записано было дворянъ до 700 человѣкъ, и обучали безъ малѣйшаго порядка.

Я былъ охотникъ рисовать. Зная мою къ рисованію охоту, сидящій близъ меня ученикъ Жеребцовъ (который нынѣ имѣетъ честь быть въ артиллеріи полковникомъ), сыскавъ не знаю гдѣ-то рисунокъ на полулистѣ, принесъ съ собою въ школу показать мнѣ рисованье; а при учителѣ нашемъ, Прохорѣ Алабушевѣ, были тогда приватные незаписанные ученики князь Волконской и князь Сибирской. Они по большой части, бродя въ школѣ по всѣмъ покоямъ безъ дѣла, разныя дѣлали шутки и шалости. Изъ оныхъ шалуновъ одинъ, увидя рисунокъ у Жеребцова, вырвалъ его изъ рукъ и побѣжалъ съ великою скоростію, какъ съ побѣдою, являть учителю Алабушеву: «Жеребцовъ ученикъ не учится, и вотъ какіе рисунки въ рукахъ держитъ». Алабушевъ былъ человѣкъ пьяный и вздорный, по третьему смертоубійству сидѣлъ подъ арестомъ и взятъ обучать школу: вотъ каковъ характеръ штыкъ-юнкера Алабушева; а потому можно знать, сколь великій тогда былъ недостатокъ въ ученыхъ людяхъ при артиллеріи. Алабушевъ велѣлъ привесть Жеребцова передъ себя и, не принявъ отъ него никакого оправданія въ невинности, поваля его на полъ, велѣлъ рисунокъ положить ему на спину и сѣкъ Жеребцова немилостиво, покуда рисунокъ розгами разстегали весь на спинѣ; помню, что не одинъ рисунокъ пострадалъ, а досталось и подкладкѣ. Оное странное награжденіе, за рисованье оказанное, я видя, положилъ самъ себѣ обѣщаніе твердое, чтобъ никогда не носить никакихъ рисунковъ съ собою въ школу и товарищу своему Жеребцову совѣтовалъ тожъ всегда припоминать, что въ нашей школѣ, вмѣсто похвалы, наказаніе за рисованье учреждено; однако не устрашило меня Жеребцова наказаніе, и я продолжалъ учиться рисовать, только не въ школѣ.

Ученики были всѣ помѣщены въ четырехъ великихъ свѣтлицахъ, стоящихъ черезъ сѣни, по двѣ на сторонѣ; когда позволялось покинуть ученье и идти обѣдать, или по домамъ, тогда бывало учинятъ великій и безобразный во всѣ голоса крикъ, на подобіе ура, протяжно «шебашъ».

Въ томъ же 737 году, въ небытность Милославскаго въ Москвѣ, на самый Троицынъ день, поварова жена, на дворѣ имѣвши чуланъ, зажгла въ немъ передъ образъ денежную свѣчу въ угодность праздника, а сама пошла подъ палаты (тамъ была кухня) для себя готовить

ѣсть: свѣча отъ образа отпала и зажгла чуланъ вмигъ. А бывшіе во дворѣ люди, на такой несчастный случай, всѣ были у обѣдни, въ самое второе колѣнопреклоненіе, услышали о пожарѣ, выбѣжали поспѣшно всѣ вонъ, но уже было поздно: огонь занялъ половину двора; къ несчастію тогда былъ вѣтеръ сильный, а время было сухое, то отъ сей денежной свѣчки распространился въ скорости гибельный и страшный пожаръ, отъ коего ни четвертой, мню, доли Москвы цѣлой не осталось. Въ Кремлѣ дворцы, соборы, коллегіи, ряды, Устрѣтенка, Мясницкая, Покровка, Басманная, Старая и Новая, слободы всѣ, въ пепелъ обращены, и насилу, всѣ силы соединя, могли отстоять Головинскій за Яузою дворецъ; въ семъ же свирѣпомъ пожарѣ народа немало, а имѣнія и товаровъ несчетное множество, погорѣло.

Братъ мой Василій, бывъ со мною года три вмѣстѣ въ Москвѣ, потомъ взятъ былъ, указомъ, съ прочими учениками въ Петербургскую школу. Свойственникъ мой Милославской, у котораго я при столѣ питался, женясь на Вельяминовой, престарѣлой дѣвушкѣ, уѣхалъ въ Арзамаскія свои деревни вторично, оставивъ меня у своего управителя.

Въ одинъ день случилось мнѣ идти переулкомъ близъ Воскресенія въ Кадашахъ, что́ за Москвою-рѣкою; усмотрѣлъ я въ одномъ домѣ на окошкѣ поставленный каменный попугай, раскрашенный изрядно. Я любопытствуя, остановясь противъ того окна, глядѣлъ на попугая пристально; въ тотъ же самый часъ барыня дородная и хорошаго лица, подошедъ къ окну, спросила меня, что́ я за человѣкъ? А какъ узнала отъ меня, что я артиллерійскій ученикъ и при томъ дворянинъ, то просила меня учтивымъ образомъ, чтобъ я вошелъ къ ней въ хоромы. Она приняла меня ласково и спросила, гдѣ я и далеколь и у кого живу? Я ее обо всемъ увѣдомилъ и не понялъ тогда скоро, къ чему открывается мнѣ такая ласка отъ боярыни незнакомой. Наконецъ, призвала она своего сына, который тогда былъ на голубятнѣ, гонялъ тонкимъ шестомъ вверхъ голубей; мать его просила меня, чтобъ я спросилъ сына ея, что́ онъ учитъ и хорошоль знаетъ ариѳметику. Я, узнавъ отъ него, по свидѣтельству, сказалъ ей, что онъ очень мало знаетъ. Она, услыша отъ меня сіе, прибавила своего ко мнѣ учтивства и ласковости, просила меня: не могуль я ей сдѣлать одолженія, перейтить къ ней жить и показывать, когда свободно будетъ, сыну ея ариѳметики? Я разсудилъ, что приличнѣе мнѣ и компанію дѣлать дворянской женѣ и ея сыну, Вишняковымъ, нежели свойственника своего Милославскаго управителю Комаровскому, у коего я былъ оставленъ на удовольствіи. Живши нѣсколько времени у Вишняковой, выучилъ сына ея ариѳметики. Сестра родная Вишня-

ковой была въ замужествѣ за Секеринымъ, который записанъ былъ въ нашей же школѣ ученикомъ; прилежно просила она меня перейтить жить къ ней, дабы вмѣстѣ ѣздить съ мужемъ ея въ школу. Я за полезное принялъ отъ нея сіе предложеніе, перешелъ къ Секериной: намѣреніе ея было, чтобъ и мужъ ея, также какъ и племянникъ, отъ меня нѣсколько занялъ ученія; но не удалось ей сего произвесть по ея желанію въ дѣйство, ибо мужъ ея Секеринъ великій былъ шалунъ, ничего учить не хотѣлъ, переписался изъ школы въ армейскіе полки и тѣмъ отбылъ отъ ученія.

Въ 739 году пойманъ былъ разбойникъ, князь Лихутьевъ, и въ Москвѣ на площади казненъ; голова его была поставлена на колъ. Сіе для меня первое было ужасное зрѣлище.

Въ 740 году Государыня Анна Іоанновна скончалась, и была великая перемѣна въ правленіи: я помню, что три раза былъ въ Чудовѣ монастырѣ у присяги.

Братъ мой Егоръ пріѣхалъ въ Москву изъ Петербурга, для взятья полковыхъ письменныхъ дѣлъ отъ перваго Московскаго полка, въ которомъ тогда еще служилъ сержантомъ. Онъ выпросилъ меня изъ Московской въ Петербургскую школу, куда я съ нимъ отправился и пріѣхалъ въ Петербургъ. Братъ мой Василій выпущенъ былъ съ прочими изъ школы сержантомъ, а какъ по выпускѣ ихъ было много въ школѣ ваканцій, то стараніемъ брата моего Василья опредѣленъ я прямо въ первый классъ въ Чертежную школу. Въ оной тогда было три класса, въ каждомъ положено по десяти учениковъ изъ дворянъ и офицерскихъ дѣтей; жалованье было опредѣлено въ третьемъ классѣ по двѣнадцати, во второмъ по осьмнадцати, въ первомъ по двадцати по четыре рубли въ годъ; да въ тойже школѣ было на казенномъ содержаніи, изъ пушкарскихъ дѣтей, которые въ школѣ и жили, шестьдесятъ человѣкъ. Изъ чертежныхъ учениковъ выпускали въ артиллерійскую службу, изъ коихъ нынѣ въ генералъ-поручикахъ и генералъ-маіорахъ, а нѣкоторые и кавалеры есть; а изъ пушкарскихъ дѣтей выпускали въ мастеровые, въ писари полковые и канцелярскіе. Надъ оною школою былъ директоромъ капитанъ Гинтеръ, человѣкъ прилежный, тихій и въ тогдашнее время первый знаніемъ своимъ, который всю артиллерію привелъ въ хорошую препорцію. Я по своей охотѣ, сверхъ школьнаго учителя, сыскавъ хорошихъ себѣ постороннихъ мастеровъ, хаживалъ къ нимъ учиться рисовать. Писалъ я также нѣсколько живописи, разныя картины, ланшафты и портреты изъ масляныхъ красокъ; въ школу прихаживали многіе офицеры смотрѣть моихъ рисунковъ, а отъ похвалы оныхъ смотрителей умножалась во мнѣ прилежность и охота къ рисованью. Директоръ нашъ

Гинтеръ безподобенъ былъ Алабушеву: отмѣнно меня отъ другихъ учениковъ хвалилъ за рисованье.

Въ 743 году назначили изъ Артиллерійской школы выпускъ, между прочими и я былъ въ числѣ оныхъ. Я приготовилъ артиллерійскіе чертежи и многіе рисунки на екзаментъ, а между тѣмъ командированъ былъ на заводы Сестербекъ, для рисованья вензелей и литеръ на тесакахъ, которые готовились для корпуса Лейбъ-компаніи; по возвращеніи моемъ съ Сестербека взятъ былъ въ Герольдію, для рисованья дворянскихъ гербовъ на Лейбъ-компанцевъ, чѣмъ они тогда удостоены были всѣ. Потомъ представили насъ къ фелцехмейстеру князю Гесенгомбургскому: пожалованъ былъ фурьеромъ. По выпускѣ моемъ изъ школы директоръ нашъ, капитанъ Гинтеръ, причислилъ меня въ свою роту и къ лабораторіи, для рисованія плановъ, въ которой тогда былъ фейверкоромъ Иванъ Васильевичъ Демидовъ.

Въ 744 году было шествіе вторичное Государыни Императрицы Елисаветы Петровны въ Москву, и для того командированъ я былъ съ капитаномъ Воейковымъ; при немъ штыкъ-юнкоромъ Мартыновъ, который нынѣ при артиллеріи имѣетъ честь быть генералъ-поручикомъ. По прибытіи нашемъ въ Москву посланъ былъ я въ село Всесвятское, къ царевичу Бакару, который въ артиллеріи у насъ былъ тогда генералъ-поручикъ, дабы сдѣлать иллюминацію на случай тотъ, когда Государыня чрезъ Всесвятское село въ Москву поѣдетъ, то чтобы упросить ее къ вечернему столу кушать, что́ и было учинено. На таковый случай былъ весь домъ у него иллюминованъ фонарями: я оное исполнилъ первый разъ одинъ, безъ моихъ командировъ, и заслужилъ себѣ за то похвалу, коя молодому человѣку придаетъ охоту получать оную. Капитанъ Воейковъ, мой командиръ, былъ человѣкъ безстыдный, наглый во всѣхъ своихъ поступкахъ; а порокъ его скверный превзошелъ всѣ его худыя дѣла, по которымъ онъ во многихъ судахъ и слѣдствіяхъ находился, по доносамъ на него сдѣланнымъ. Онъ былъ прежде въ Бѣлѣгородѣ, въ командѣ у полковника Фукса, и правилъ маіорскую должность. Полковникъ былъ человѣкъ строгій и на Воейковѣ всю свою строгость показалъ, что въ непристойномъ мѣстѣ съ ругательствомъ приказы отдавалъ, какъ онъ самъ признавался и разсказывалъ намъ отъ Фукса свое притѣсненіе; а дабы ему Воейкову и самому оной строгости, показанной отъ Фукса, не позабыть, то зачалъ онъ надъ своими подчиненными зады свои твердить, изъ коихъ и я отъ него не забытъ былъ. Онъ присылалъ за мною на квартиру, которая разстояніемъ отъ Воейковой была версты двѣ, ординарца; какъ я къ нему приду, то скажетъ мнѣ ничего незначущую нужду и велитъ возвратиться на квартиру, по возвращеніижъ моемъ тотъ моментъ

увижу я за собою отъ Воейкова опять ординарца, который за мною по пятамъ шелъ, и сказываетъ, чтобы я возвратился немедленно. Я, ходя взадъ и впередъ каждый день, немалое время до самой ночи, а въ ночи переходя Яузскую фабрику, черезъ которую была мнѣ дорога ходить къ Воейкову, отъ собакъ, коихъ было множество злѣйшихъ, великій страхъ претерпѣвалъ и мученіе, обороняясь долгое время палашемъ, приходилъ до безсилія. Сначала не могъ я дознаться ни по чему, за что бъ на меня такая великая злость и гоненіе обращено отъ Воейкова безвинно; яжъ былъ тогда въ столь маломъ чинѣ, что никакъ себя защитить не былъ въ состояніи. Воейковъ имѣлъ поползновеніе къ прибытку, а паче по своимъ мерзкимъ порокамъ боялся отъ своихъ подчиненныхъ на себя доноса, почему часто въ поученіи своемъ намъ сказывалъ, что какъ это худо есть, кто дѣлаетъ себя доносчикомъ. Я дознался наконецъ, къ чему было такое предисловіе; только у меня на умѣ того не было, чтобы быть мнѣ когда нибудь на него доносителемъ, и ниже на другаго кого, для того что я тогда никакого закона не зналъ для доносительства. Я терпѣлъ отъ Воейкова таковой безпутной строгости и гоненія немалое время. Стоялъ, по несчастію моему, тогда со мною на одной квартирѣ сержантъ Могильниковъ, изъ солдатскихъ дѣтей, человѣкъ пьяный и волокита безъ разбора, выбранный отъ Воейкова за комисара къ приходу и расходу при иллюминаціи, человѣкъ трусливый и молчаливый, каковъ для Воейкова былъ надобенъ; хотя я отбѣгалъ отъ его компаніи, однако бесѣды злы тлятъ обычаи благи: когда нѣтъ передъ глазами своими хорошаго, а все порокъ за порокомъ слѣдуетъ, то человѣкъ нечувствительно начинаетъ ослабѣвать и подобно какъ ко сну склоняться станетъ. Товарищъ мой Могильниковъ нѣсколько разъ заводилъ меня въ свои компаніи, кои преисполнены были великія подлости: пріучалъ онъ меня пить вина больше мѣры моихъ лѣтъ, а можетъ быть, къ моему несчастію, и удалось бы ему меня уподобить своему дурному и развратному состоянію, ежелибы продлилось время моего съ нимъ сообщества; однако, по счастію моему, недолго я былъ съ нимъ вмѣстѣ, но скоро лишился зрителемъ быть товарища моего пороковъ: командировали насъ возвратно изъ Москвы въ Петербургъ съ штыкъ-юнкоромъ Мартыновымъ. Воейковъ остался въ Москвѣ, а по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ исчезъ изъ моей памяти страхъ наглой и неосновательной его строгости, и лишился я своего порочнаго товарища Могильникова.

Возвратясь къ своему прежнему капитану Гинтеру въ команду, я былъ у него при иллюминаціонныхъ работахъ, а у фейверкора Демидова при лабораторіи.

Въ 746 году князь Гесенгомбургскій, тогдашній фелцехмейстеръ, былъ боленъ, къ сожалѣнію всѣхъ его подкомандующихъ; а медицинскій факультетъ, отчаясь сами вылечить въ Петербургѣ, приговорили ему ѣхать на теплыя воды, для излеченія его болѣзни. Свѣдавъ оное княжое отбытіе, капитанъ мой Гинтеръ написалъ князю фелцехмейстеру письмо, прося, дабы пожалованы были: каптенармусъ Меллеръ (что́ нынѣ генералъ-поручикъ и кавалеръ при артиллеріи), я и фуриръ Ходовъ. Князь всѣхъ насъ троихъ сержантами пожаловалъ, по просьбѣ Гинтера.

Въ семъ чинѣ, по большой части, также находился я при исправленіи иллюминацій, которыя въ тогдашнемъ времяни очень часто представлялись. Театръ былъ сдѣланъ противъ Зимняго дворца, за Невою рѣкою, на Васильевскомъ острову́, гдѣ были построены казенныя свѣтлицы для мастеровыхъ, въ которыхъ и я жилъ съ двумя ундеръ-офицерами неотлучно. Между тѣмъ находились мы иногда безъ всякаго дѣла, а праздность и бездѣліе наводятъ вымыслять какія ни есть веселости, смѣшенныя съ неизбѣжными пороками, которые приступаю описывать и съ сожалѣніемъ воспоминаю, что я жилъ тогда въ отдаленности отъ команды и погруженъ былъ въ толь молодому человѣку непристойности.

По близости нашей квартиры, въ домѣ Строгоновыхъ, стоялъ профессоръ астрономіи Делиль, Французъ; у него былъ кучеръ-иноземецъ, который свою квартиру имѣлъ въ нижнемъ тѣхъ палатъ этажѣ, гдѣ профессоръ жилъ. У кучера была дочь, дѣвка лѣтъ осьмнадцати; она была средней красоты, такъ какъ и ея разумъ, но молодость ея сдѣлала у меня объ ней лишнее вниманіе. Отецъ ея кучеръ держалъ при томъ у себя вино, въ своемъ домѣ, и продавалъ чарками всѣмъ по привычкѣ Лифляндской, чрезъ что великій способъ онъ подалъ намъ часто въ его домъ хаживать подъ разными видами, хотя не самимъ пить, а вымысляли приводя къ нему другихъ, покупая у него вино, и поили; таковымъ вымысломъ почти завсегда безвыходно мы у кучера бывали. Наконецъ почувствовалъ я въ себѣ безпокойство, только еще издалека: эта страсть, кою я до сего случая не зналъ, слѣдовательно и воображать объ ней не могъ, сначала принуждала меня къ частому свиданію съ молодою Шарлотою (такъ было имя моей прежней побѣдительницы), а я къ тому безпрекословные находилъ случаи сидѣть у отца ея цѣлый день и разговаривать всякой вздоръ, самъ питался страстнымъ зрѣніемъ и любовными разговорами съ Шарлотою. Наконецъ увидѣлъ я, съ своей стороны, въ себѣ перемѣну, которой прежде не чувствовалъ; чтеніе книгъ и любимое мое упражненіе рисовать наводили мнѣ уже скуку, а побуждало меня бо-

лѣе всякій часъ видѣть Шарлоту. Старался я препятствовать сей моей страсти; представляя себѣ ясно слѣдуемую неблагопристойность, которая потомъ произойти можетъ. Съ таковымъ предразсужденіемъ мнилъ я овладѣть собою, положилъ противиться привычкѣ свиданія и, чтобъ не быть повержену въ полную власть любовнаго предмета, отложилъ частое свиданіе съ Шарлотою и не выходилъ изъ двора никуда недѣли по двѣ, дабы не видѣть ея; однакожъ она никогда изъ мыслей моихъ не выходила. Наконецъ принялъ я на себя во всякомъ родѣ постъ, воздержаніе, и тѣмъ надежное чаялъ себѣ получить правило избѣгнуть изъ рукъ заразившей меня любовною страстью; но все шло не по моему намѣренію, а день ото дня возгоралась во мнѣ оная доселѣ неизвѣстная страсть сильнымъ пламенемъ, какъ будто воздержность моя на посмѣяніе мнѣ умножала оную. Болѣе почувствовалъ я въ себѣ отъ сопротивленія сей страсти истомленіе, подобно пловущему человѣку, который противъ быстроты воды сначала плыветъ всѣми своими силами, покуда не станетъ ослабѣвать; а какъ почувствуетъ лишеніе силъ, то, опустя руки, отдается теченію воды на волю и не можетъ уже противиться, куда вода его несетъ. Сему я былъ тогда подобенъ, какъ нѣкоторый стихотворецъ страстнаго человѣка изображаетъ стихами:

Я холоденъ какъ ледъ, но въ пламени горю,
Смѣюся и грущу, о томъ и говорю.

Шарлота не старалась отъ себя, такъ какъ я, скрываться отъ слѣдуемой намъ непристойности: прохаживала она, гуляючи, часто мимо нашихъ оконъ. Въ то самое время, какъ Шарлота зачинала со мною знакомиться, въ Петербургѣ открылась нечаянно строгая коммисія о живущихъ безбрачно. Одна женщина, природою изъ Дрездена (почему и называлась она Дрезденша) наняла себѣ хорошій домъ на Вознесенской улицѣ, а для скромности въ переулкѣ и, набравъ въ услуженіе пріѣзжающимъ къ ней гостямъ, вмѣсто лакеевъ, множество недурныхъ и молодыхъ дѣвицъ, открыла домъ свой для увеселенія всѣхъ къ ней пріѣзжающихъ: собиралось туда множество холостыхъ мущинъ, въ каждую ночь, понеже собраніе оное называлось «вечеринки», и пріѣзжали къ ней незнакомыя обоего пола пары, для удобнаго между собою разговора и свиданія наединѣ. Дрезденша выписала издалека одну красавицу съ таковымъ обѣщаніемъ, что доставитъ ей мѣсто и чинъ жить при дворѣ, а при какомъ, въ договорѣ не было показано; по пріѣздѣ оная красавица увидѣла, что она обманута, принесла жалобу къ нѣкоторымъ женамъ, которыя стали за своими мужьями примѣчать, что они не въ обыкновенное время поздно домой возвраща-

ются и къ нимъ холодѣютъ. Возгорѣлась отъ женъ къ мужьямъ своимъ великая ревность, а ревнивые глаза далѣе видятъ орлиныхъ, и то видятъ, чего видѣть не могутъ; однако потомъ дознали причину и собрались вѣрно, для чего такъ поздно домой ѣздятъ къ нимъ мужья ихъ. Дошла жалоба о семъ собраніи ко двору, и представлена выписная красавица съ жалобою, что она обманута отъ Дрезденши; въ доказательство по сему была учреждена строгая коммисія, въ которой президентомъ былъ кабинетъ-министръ Демидовъ. Оная инквизиція Дрезденшу зарестовала. Дрезденша въ своемъ допросѣ оговаривала всѣхъ, кого только знала; красавицъ забравъ, у нее въ домѣ обитающихъ, заперли на прядильный дворъ въ Калинкиной деревнѣ подъ караулъ. Коммисія тѣмъ еще не была довольна, что разорила такое увеселеніе и постригла безъ ножницъ много красавицъ: обыскала она и тѣхъ красавицъ, кои издалека выписаны были и жили въ великолѣпныхъ хоромахъ изобильно, которымъ жертвоприношеніе было отовсюду богатое; вынимала у многихъ изъ домовъ съ великою строгостію сей неявленный заповѣданной и лестный товаръ, чрезъ полицейскихъ офицеровъ; забирала также женъ отъ мужей, по оговору Дрезденши, которыя ѣзжали къ ней въ домъ другихъ себѣ мужей по нраву выбирать; профессора астрономіи Попова и ассесора мануфактуръ-коллегія Ладыгина обвѣнчала въ соборной церкви. Сіе произведеніе привело меня ко вниманію о Шарлотѣ, для того, что которая въ любовницахъ хотя кажется и пріятна, но въ женахъ быть негодится за низкостію своего рода. Наконецъ, оная грозная туча коммисіи прошла и меня миновала; стоявшіе на караулѣ у оныхъ заключенныхъ въ Калинкиной деревнѣ многіе офицеры подвергнули себя несчастію.

Въ 749 году пожалованъ я, въ Москвѣ, штыкъ-юнкоромъ; а въ 750 году, по пріѣздѣ моемъ изъ Москвы въ Петербургъ, командированъ былъ въ Ригу. Городъ мнѣ былъ небывалый, жители въ немъ мнѣ показались учтивы, мущина не пройдетъ мимо офицера, чтобъ не снялъ шляпу; а женщины, по воскреснымъ днямъ, выходятъ изо всѣхъ своихъ домовъ передъ вороты на улицу, разрядясь въ лучшее платье, хозяйскія дочери и того дома дѣвки работныя, и не пропуская ни одного человѣка молодаго, мимо идущаго, присѣдая кланяются всѣмъ ласково; пріятно всякому сей обычай показаться можетъ, а паче небывалому человѣку. Я нашелъ въ Ригѣ многихъ знакомыхъ мнѣ офицеровъ, которые прежде въ Москвѣ со мною учились въ школѣ; также, увидя ласковое обхожденіе Рижскихъ дѣвицъ и женщинъ, время отъ времяни сталъ я забывать и свою Петербургскую Шарлоту.

Прусскій король намѣренъ былъ начать войну съ союзниками Россіи, Цесарцами, для того и наша армія расположена была кругомъ

Риги. Командовалъ ею престарѣлый фельдмаршалъ Лесій, онъ же былъ тогда и Рижскій губернаторъ. Въ артиллерійскомъ корпусѣ главнымъ командиромъ былъ подполковникъ Бороздинъ (что́ нынѣ генералъ-аншефъ въ отставкѣ), да маіоръ, прежній мой командиръ, Воейковъ. Бороздинъ былъ человѣкъ честолюбивый и строгій, а Воейковъ скоръ и наглъ, то Воейкова продерзость не понравилась Бороздину, отчего произошло у нихъ несогласіе; они раздѣлили на свои партіи офицеровъ: которые ходили къ Воейкову, тѣ уже не ходили къ Бороздину. Таковый развратъ видя, я принялъ намѣреніе быть никоторой стороны, а ходить къ обоимъ равно; однако Бороздина всегдашняя ко мнѣ ласка понудила меня, не покидая Воейкова, почаще у него быть; а дабы я отъ Бороздина и по командѣ болѣе былъ неотлучнымъ, то обязалъ онъ меня тремя комисарствами при полку: у денежной казны, при лазаретѣ и при цехаузѣ у амуничныхъ вещей, а сверхъ того ротой я правилъ и у шитья мундировъ находился. Во всю мою бытность въ Ригѣ не выпускалъ онъ меня изъ своихъ глазъ; обѣдывалъ я и ужиналъ всегда при его столѣ, въ гости никуда безъ меня не ѣзжалъ; наконецъ прискучила мнѣ Бороздина ласка такъ, что я каждый день не скидалъ съ плечь своихъ кафтана. Выведены мы были близъ города въ лагерь, изъ коего хаживали иногда для прогулки въ форштатъ, въ коемъ товарищи мои имѣли такіе знакомые домы, гдѣ всѣхъ ласково принимаютъ: завели они меня съ собою въ одинъ домъ, въ коемъ я увидѣлъ то, чего до того времяни нигдѣ видѣть мнѣ не случалось. Дѣвицы того дома садились на колѣни ко всѣмъ пришедшимъ къ нимъ гостямъ, обнимая ихъ за шею съ непристойною рѣзвостію, не имѣя никакого хотябы притворнаго стыда; переходили онѣ съ колѣней на колѣни мущинъ, которые дѣлали между собою шутку: одинъ отъ другаго таковую іорзу переманивали къ себѣ. Я, увидя такіе ихъ поступки, возненавидѣлъ, а паче усмотря въ семъ домѣ въ загородкахъ сидящія и стенящія муміи, у коихъ голова и лице были обвязаны полотномъ, отягощены болѣзнію, въ которой онѣ по видимому страждутъ и страдать будутъ до конца своей жизни неизбѣжно; содрогнулъ я на сіе глядя и воображалъ самъ себѣ, что здѣсь Юльхины и Марихины еще опаснѣйши мнѣ быть могутъ, нежели какъ моя Петербургская Шарлота, которую я началъ было забывать отъ разлуки.

По отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга въ Ригу произвели Мартынова изъ поручиковъ въ оберъ-фейерверкоры: чинъ оный равенъ былъ съ капитаномъ артиллеріи. Мартыновъ просилъ генерала Шульца неотступно, чтобъ меня ему на помощь возвратили изъ Риги въ Петербургъ. Просьба его была исполнена: генералъ Шульцъ прислалъ ордеръ въ Ригу, Бороздину, чтобъ меня возвратить въ Петербургъ. Бо-

роздину сильно не хотѣлось меня отпустить отъ себя, а удержать при себѣ никакъ было неможно; онъ просилъ меня дружески, чтобъ я писалъ къ Мартынову, дабы я былъ оставленъ по прежнему въ Ригѣ. Я ему на то отвѣчалъ, что сего не могу сдѣлать, потому что я человѣкъ молодой, ищу своего счастія во всѣхъ случаяхъ; что Мартыновъ мнѣ великій давно пріятель и знаетъ мою способность въ той должности, къ которой онъ меня требуетъ; и что мнѣ также будетъ пріятно быть въ командѣ у моего пріятеля, какъ и у васъ (говоря Бороздину).

Поживъ невступно годъ въ Ригѣ, я отправился, въ 751 году, въ Петербургъ. По пріѣздѣ туда Мартыновъ поручилъ мнѣ смотрѣніе имѣть надъ школою, а фейерверки и иллюминаціи отправляли мы вмѣстѣ. Услышавъ пріѣздъ мой въ Петербургъ, бывшая моя Шарлота явилась ко мнѣ на квартиру, съ таковымъ чаятельно намѣреніемъ, дабы быть въ прежней ея должности, брать бѣлье для мытья. Я сказалъ ей съ небольшимъ сожалѣніемъ, что мѣсто, гдѣ я живу, не позволяетъ вашему бывать присутствію, для того, что со мною живутъ офицеры, такъ дѣвушкѣ ходить неприлично, а для мытья бѣлье буду присылать къ вамъ съ моимъ слугою. Я тогда самъ своей перемѣнѣ дивился, что такъ скоро сдѣлалъ отвычку отъ Шарлоты, чего прежде воображать страшился; изъ сего заключаю, что нѣтъ полезнѣе исцѣленія каждому молодому человѣку отъ любовной страсти, хотя кому и покажется невозможнымъ, какъ удалиться бѣгствомъ.

Въ 752 году Государыня Императрица Елисавета Петровна изволила путьшествовать въ Москву, и мы съ Мартыновымъ командированы были для исправленія фейерверковъ и иллюминацій. По пріѣздѣ нашемъ въ Москву пожалованъ я былъ съ прочими, отъ Военной Коллегіи, въ подпоручики; представляли мы, какъ государственные, такъ и партикулярныхъ людей, фейерверки и иллюминаціи, отъ всѣхъ съ великою похвалою. Наконецъ, сверхъ чаянія нашего, явился Италіянецъ Сарти, въ Москвѣ, который представилъ въ оперномъ домѣ, послѣ тражеди, фейерверокъ своего искуства, къ большому всѣхъ зрителей удовольствію: оный состоялъ изъ перемѣнныхъ разныхъ фигуръ, одна послѣ другой зажигалась сама съ великимъ порядкомъ и акуратностію, фигуры состояли изъ ракетъ бѣлаго огня, колесами и фонтанами дѣйствуемыя. Признаться можно, что мы немалое затрудненіе находили въ подобіи сего огня и искоръ, кои по своей величинѣ отмѣнны казались; а паче, услыша отъ многихъ придворныхъ похвалу оному Сартію, старались и мы увѣрить съ своей стороны, что мы не только подобное Сартіеву фейерверку сдѣлаемъ, но что въ другомъ родѣ еще и лучшее показать можемъ. Мартыновъ

выпросилъ позволеніе, дабы и намъ представить въ оперномъ же домѣ фейерверокъ. Мы крайнія силы прилагали въ изобрѣтеніи всякихъ рѣдкостей, для представленія зрителямъ; однако не великуюбъ мы похвалу получили, еслибы нечаянный случай не привелъ меня сдѣлать пробу зеленаго огня, который во всемъ свѣтѣ не найденъ еще и поднесь, дабы формально горѣлъ въ фитилѣ, какъ прочіе огни, а представляютъ оный спиртовой, подобно моему. Я взялъ яри Веницѣйской, разведя на водкѣ, намочилъ ею хлопчатую бумагу, зажегъ и увидѣлъ, что горѣлъ самый зеленый огонь; я продолжалъ къ тому многія пробы и дошелъ до того, что можно его жечь, сдѣлавъ изъ него фигуры. Мартыновъ, увидя оный, радъ былъ сей случайной выдумкѣ зеленаго огня. Свѣдавъ о семъ, многіе пріѣзжали къ намъ того огня смотрѣть, и отъ всѣхъ похвала великая разнеслась по Москвѣ. Командующій тогда артиллеріею генералъ Матвѣй Андреевичъ Толстой, человѣкъ величавый и гордый и свое знаніе, какъ артиллерійское, такъ и фейерверочное, выше всѣхъ почитая, не хотѣлъ и слышать, чтобъ кто либо уподобился его знанію, приказалъ мнѣ съ Мартыновымъ къ себѣ быть и показать зеленый нашъ огонь. Мы поѣхали къ нему на смотръ, я взялъ зеленаго фитиля съ собою. Толстой генералъ отвелъ насъ въ особливую палату смотрѣть зеленаго огня; по зажженіи онаго Толстой пришелъ въ удивленіе и, видя огонь, заключилъ тѣмъ, что секретъ зеленаго огня не менѣе Колумбусова яйца удивителенъ. Генералъ Толстой присовокупилъ къ намъ съ Мартыновымъ, къ сей выдумкѣ зеленаго огня, третьяго офицера, своего племянника Іевлева, дабы, въ случаѣ чаемаго намъ за сію рѣдкость награжденія, и племянникъ его Іевлевъ участникъ былъ. Намъ назначили день жечь фейерверокъ въ оперномъ домѣ. Я имѣлъ попеченіе болѣе о своемъ зеленомъ огнѣ, которымъ намѣренъ былъ представить на щитѣ, не выше двухъ аршинъ, вензелевое имя Государыни Императрицы Елисаветы Петровны; и дабы оный зеленый фитиль мнѣ свѣчею не зажигать было явно, то я въ паралель зеленому фитилю снизу подвелъ сѣрый фитиль, тонкій, для зажженья. Мы зачали фейверокъ жечь въ присутствіи Государыни, иностранныхъ министровъ и придворныхъ, состоявшій изъ разныхъ колесъ и малыхъ по препорціи опернаго дома верховыхъ ракетъ, который никому удивленія большаго не сдѣлалъ. Зажженный планъ показался сперва отъ сѣрнаго фитиля синій, вмѣсто зеленаго, что увидя смотрители, а паче наши пріятели, желавшіе намъ добра, пришли до великаго сомнѣнія и думали, что въ нашу неудачу оное произошло; а когда синій огонь разгорѣлся и зажегъ зеленый фитиль, то всѣ въ удивленіе пришли и хвалили такую показанную отъ насъ рѣдкость. Я кругомъ сего плана старался еще, чтобъ онъ догорѣлъ

исправно. Въ то самое время товарищи мои не упустили времяни подскочить въ ложу къ Государынѣ, которая ихъ пожаловала къ рукѣ; я оглянулся, искалъ глазами моихъ товарищей: они бѣгутъ уже ко мнѣ возвратно и сожалѣютъ обо мнѣ, говоря, что я съ ними не успѣлъ быть у руки. Я сказалъ имъ: еслибъ я покинулъ зеленаго огня представленіе, то думаю, что не за чѣмъ бы ходить было вамъ и рекомендоваться; однако оставилъ оное безъ всякой зависти. Отъ Государыни приказаніе было насъ всѣхъ троихъ пожаловать чинами: генералъ дежурный Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, по приказанію Государыни, поручилъ оное наше награжденіе Степану Ѳедоровичу Апраксину, главному тогда Военной Коллегіи члену, исполнить. Услышавъ о мнимомъ нашемъ счастіи, нашъ генералъ Толстой, съ одной стороны очень былъ радъ, что достанется племяннику его Іевлеву чинъ, а съ другой стороны весьма непріятно ему показалось, что Мартыновъ будетъ пожалованъ маіоромъ и возметъ старшинство у другаго его племянника Петра Толстова: онъ уговаривалъ Мартынова, чтобы взялъ награжденіе деньгами, вмѣсто чина, а намъ съ племянникомъ своимъ Іевлевымъ чины обѣщалъ исходательствовать. Я первый на то не согласился и просилъ прилежно Мартынова, чтобъ онъ не бралъ денежнаго награжденія, увѣряя его о себѣ, что и я чина не желаю, ежели вы его не получите. Желаніе наше такъ и совершилось: стараніемъ нашего Толстаго генерала Апраксинъ не сдѣлалъ намъ ни того, ни другаго; а мы искать не стали и безъ награжденія остались.

Потомъ оный огонь часто представлялъ перешедшій изъ Кадетскаго Корпуса въ артиллерію маіоръ Мелисино, на большихъ фейерверкахъ, только не такъ, какъ нашъ, а изъ большаго пламени. Признаться надо, что Сарти Италіянецъ разрушилъ нашу старинную фейерверочную затвердѣлую систему и открылъ намъ вольность къ разному изобрѣтенію: мы съ того времяни представляли фейерверки противъ прежнихъ своихъ гораздо уже лучшіе, а нѣкоторыя фигуры выходили дѣйствительно превосходнѣе Сартіевыхъ. Италіянецъ, доброхотствомъ придворныхъ господъ, которые болѣе заражены были въ иностранцахъ, хотя уже и видѣли, что національные совсѣмъ не хуже его представляли, принятъ былъ на жалованье, и опредѣлили ему 1000 рублей. Наконецъ представляли фейерверки, по отбытіи меня отъ сей должности, Мартыновъ, Сарти и Мелисино, отъ коихъ Сарти ничѣмъ лучше не отличился, понеже мы не такъ къ вымыслу, какъ перенять уподобиться и превзойти удобы.

Въ бытность мою тогда въ Москвѣ, представленъ былъ ко мнѣ служитель, лѣтъ шестнадцати, чесать волосы, который объявилъ мнѣ о себѣ, что онъ въ своемъ домѣ обыкновенно ходитъ въ природномъ

родномъ его платьѣ, а когда служитъ у молодыхъ господъ, то надѣваетъ мужское на себя платье, и тѣмъ отвожу (говоритъ) своего рода подозрѣніе. Я похвалилъ парукмахера за его бережливость и проворство. Жилъ я тогда противъ Головинскаго дома, на иллюминаціонномъ дворѣ, въ построенныхъ свѣтлицахъ. Въ одинъ день школьникъ мой Марка (такъ называли оную персону), играя на улицѣ со школьниками пушкарскими дѣтьми, которые у насъ были на работѣ, пущалъ змѣй бумажный; а какъ змѣй оторвался отъ нитки, то Марка побѣжалъ за нимъ и влѣзъ на дворцовую кухню доставать змѣй, тамъ упалый. Мункохъ Любимовъ мнѣ былъ пріятель, велѣлъ моего Марку поймать и самъ привелъ ко мнѣ на квартиру, жаловался мнѣ шутя, что «школьникъ твой Марка всѣ трубы на кухнѣ поломалъ». Изъ сего довольно можно познать, каковъ былъ характеръ школьника Марки.

Будучи въ Москвѣ, занемогъ я лихорадкою, которая продолжалась слишкомъ два мѣсяца и довела мое здоровье до великой слабости. Въ 754 году, въ Іюлѣ мѣсяцѣ, отправились мы изъ Москвы въ Петербургъ, съ оберъ-фейерверкоромъ Мартыновымъ, по Тифинской дорогѣ, и такъ болѣзнь конечно изъ меня истребилась; а въ Петербургъ пріѣхавши, я, черезъ малое время, увидѣлъ себя въ хорошемъ здоровьѣ, какого прежде у меня не бывало. Но недолго я моимъ лестнымъ здоровьемъ пользовался. Тогожъ 754 года, съ Ноября мѣсяца, начали мы къ Новому году приготовлять фейерверокъ и иллюминацію на Невѣ-рѣкѣ; я при обѣихъ оныхъ работахъ находился по большой части на дворѣ, а не въ покояхъ, и незнаемо какимъ-то случаемъ простудилъ у ногъ колѣнки, отчего послѣ Новаго года сдѣлался у меня въ колѣнкахъ великій ломъ. Лечилъ меня штабъ-лекарь артиллерійскій Урликъ; сей врачъ все свое искусство оказывалъ надо мною только въ томъ, дабы я какъ можно мало ѣлъ, а велѣлъ онъ мнѣ только по одной половинѣ пшенишной сушеной булки съ чаемъ въ день употреблять. Оный его штабъ-лекаря узаконенный дигетъ, по желанію его, скоро во мнѣ подѣйствовалъ очевидно: привелъ онъ меня своимъ искусствомъ до такой слабости и безсилія, что я съ боку на бокъ уже не могъ самъ повратиться; не забылъ онъ также выполаскивать часто клестирами и мой желудокъ. Наконецъ, оставалось мнѣ уже думать только о вѣчномъ снѣ: я увидѣлъ себя во всемъ приготовленнаго къ отшествію, для пребыванія съ прародителями моими и родственниками въ мѣстѣ злачномъ и покойномъ; а сей путь мнѣ неизвѣстенъ, потому-то и привыкнуть къ тому неможно, что отправляемые туда не возвращаются назадъ, такъ какъ я прежде черезъ годъ возвратился изъ Риги. Пора мнѣ было вывести себя изъ сей

отчаянной болѣзни. Я, чрезъ совѣтъ моихъ пріятелей, перемѣнилъ своего врача, штабъ-лекаря Урлика, который только оставилъ мою душу, гнѣздящую въ костяхъ и обтянутую одною кожею, въ самомъ слабомъ состояніи, другому врачу на созиданіе прежняго здоровья моего храмины; вторый врачъ учинилъ сіе своимъ искусствомъ удачно, откормилъ онъ меня голоднаго и пустилъ жива въ свѣтъ на покаяніе дѣлъ моихъ, по молодости учиненныхъ.

Тогожъ 754 года, Сентября 20 числа, родился Великій Князь Павелъ Петровичъ. Помянутый генералъ Апраксинъ получилъ приказаніе отъ Государыни, дабы для рожденія Цесаревича, какъ можно чрезъ недѣлю, былъ приготовленъ фейерверокъ въ Лѣтнемъ дворцѣ. Апраксинъ призвалъ Мартынова, оберъ-фейерверкора, объявилъ ему волю Государыни съ таковымъ при томъ обнадеживаніемъ: ежели на показанный срокъ изготовленъ будетъ фейерверокъ, то какъ онъ Мартыновъ, такъ и будущіе при немъ офицеры, будутъ награждены чинами. Мы, оный получа приказъ, не теряя времени, а паче слыша обѣщаніе чиновъ, кои лестно получать всѣмъ, которые любятъ честь, начали работу производить, взявъ къ себѣ на помочь одного офицера; не было у насъ ни въ чемъ недостатка, ибо для доставленія намъ потребныхъ матеріаловъ на такое время трудилась неусыпно канцелярія артиллерійская. Людей намъ на работу, по нашему требованію, было отпущено довольное число, которыхъ мы на три партіи раздѣлили, для отдохновенія: первая партія работала съ утра до обѣда, вторая съ обѣда до вечера, а третья во всю ночь; не жалѣли мы всякій день раздавать всѣмъ работникамъ вина, для куражу и ободренія, которыхъ было до тысячи человѣкъ. Признаться надо, что оная урочная недѣля великаго труда стоила троимъ намъ указывальщикамъ, такъ что почти не находили мы времени къ отдохновенію своему. Наконецъ, къ срочному числу мы все изготовили, что́ было нами положено сдѣлать къ фейерверку; а какъ намъ еще отсрочили на недѣлю, дабы мы пріумножили фейерверокъ, то на половину уже противъ прежде сдѣланнаго заготовить не могли, отъ понесеннаго перваго труда, при которомъ мы чрезмѣрно прилежно трудились. При сженіи сего фейерверока Мартыновъ пожалованъ, за сей фейерверокъ, имяннымъ приказаніемъ маіоромъ; а объ насъ двоихъ, видно, Апраксинъ запамятовалъ.

Въ 756 году графъ Шуваловъ пожалованъ въ артиллерію фельцехмейстеромъ. Графъ былъ человѣкъ замысловъ великихъ и предпріимчивый, который еще до сего чина выдумалъ одну гоубицу, желая быть фельцехмейстеромъ, въ которой было дуло не круглое, а продолговатое, подобно сжатому до половины круглому кольцу; а

какъ оное орудіе стрѣляло широко одною дробью, то гоубицу назвали *секретною* и дула никому не давали смотрѣть, заслоняли его мѣдными закрышками и замыкали замкомъ; а которые были къ таковому орудію приставлены служители для стрѣлянія, офицеры и рядовые, онымъ учинена была особливая присяга, чтобъ никому не показывали секретной гоубицы дула, хотя уже многіе его знали. По вступленіи графа въ артиллерію, проявились многіе прожекты, дѣльные и негодные, а паче для того, что графъ былъ охотникъ и сего требовалъ отъ всѣхъ офицеровъ, кто можетъ что показать. Я помышлялъ также, какъ и прочіе, оказать что-нибудь новое. Однажды усмотрѣлъ я въ Запискахъ Артиллерійскихъ Сенъ-Реми (въ первомъ томѣ) на чертежѣ сплошь четыре мортирки напечатаны, каморы у нихъ были конусомъ, а запоръ сдѣланъ на срединѣ одинъ, и названы оныя мортиры *батарейками*. Я предложилъ мортирки Мартынову, онъ одобрилъ мое мнѣніе, сдѣлали мортиркамъ чертежъ, калибромъ на трехфунтовое ядро, почему и были вылиты; а какъ стали пробовать, то отъ выстрѣла лафетъ, который былъ на колесахъ, подъ мортирками весь раздробился въ мелкія штуки. Наконецъ, по многимъ пробамъ, вылито было только двѣ оныхъ сплошь и названы были *близнята*; на Выборской сторонѣ, на пробѣ, онѣ оказались годными, почему и надѣлали ихъ и съ лафетами премножество и отправили въ армію, въ тогдашнюю войну противъ короля Прусскаго; оныя близнятки въ арміи брошены или найдены безполезными. Наконецъ, вылита была такогожъ калибра и названа *одиначка*, которая стрѣляла картечью, гранатою и ядромъ попеременно; оная одиночка имѣла въ себѣ камору конусомъ, отчего стрѣляла далеко, потому графу Шувалову показалась. Онъ приказалъ вылить калибромъ на шестифунтовую гранату, потомъ и до пятипудовой бомбы дошло, и названы оныя были отъ того времени *единорогами*. Увѣнчалъ графъ своею графскою короною оные единороги, произшедшіе отъ выдумки случайной моей съ Мартыновымъ; по всей справедливости гораздо полезнѣе секретной гоубицы и нынѣ въ арміи и во флотѣ весьма способны оказались; а на Выборгской сторонѣ, на пробу единороговъ и секретныхъ гоубицъ, пороху и прочихъ припасовъ великое множество было разстрѣляно.

Въ 756 году пожалованъ я въ оберъ-фейерверкоры, на мѣсто Мартынова, съ рангомъ поручика. Бороздинъ подполковникъ, ласковый мой благодѣтель, взятъ былъ изъ Риги въ Петербургъ. Графъ принималъ Бороздина на первый случай отмѣнно противъ прочихъ штабъ-офицеровъ, или Бороздинъ своимъ проворствомъ самъ того сыскалъ у графа: для того приказалъ графъ ему сдѣлать всѣхъ въ артиллеріи находящихся орудій, со уменьшеніемъ калибра, для поднесенія Цеса-

ревичу Павлу Петровичу. Бороздинъ поручилъ мнѣ оную коммисію исполнить. Я забралъ всякаго рода мастеровъ въ артиллеріи, учредилъ оную коммисію въ школѣ, гдѣ я жилъ, и чрезъ нѣкоторое время сдѣлалъ всѣхъ находившихся въ артиллеріи пушекъ, мортиръ и гоубицъ, и къ нимъ всякую принадлежность, противъ натуральной величины въ двѣнадцатую долю калибромъ, самой хорошей работы, съ позолотою и чеканками, серебряными клеймами, съ вензелемъ его высочества; подъ всѣ оныя орудія состроили мы батарею столярную, по препорціи, обили зеленымъ бархатомъ, обложили гасомъ золотымъ въ пристойныхъ мѣстахъ, и принесли къ графу въ его домъ. Онъ, увидя батарейку съ принадлежностями работы самой чистой и въ акуратной препорціи сдѣланную, оказалъ свое удовольствіе и похвалу справедливую. Я былъ графу рекомендованъ отъ Бороздина, что все оное сдѣлано было подъ моимъ смотрѣніемъ. Съ того самаго времяни началъ графъ отмѣнно меня принимать, такъ что, когда за столомъ при обѣдѣ случалось ему графу разговаривать и совѣтовать объ артиллеріи, то, оставя всѣхъ съ нимъ сидящихъ, требовалъ отъ меня своему разговору одобренія и изъясненія. Я ему отвѣчалъ на всѣ его слова по приличности и, видя хорошее о себѣ мнѣніе, утѣшался тѣмъ немало.

Въ одинъ день случилось мнѣ быть въ своей квартирѣ, сидѣлъ подъ окошкомъ и увидѣлъ, что изъ двора, противъ моего окошка чрезъ улицу, сошла одна молодая и хорошаго лица женщина, голова убрана волосами и напудрена, а одѣта въ амазонское платье: сѣла въ подвезенную для нея одноколку, уѣхала отъ своей квартиры. На тогдашній случай былъ у меня нашъ офицеръ Полуехтовъ, съ которымъ мы разговаривая дивились тому, что прежде никогда намъ не случалось видѣть въ нашей улицѣ такой рѣдкости и, пошутя между собою, сдѣлали изъ бумаги знаки, уподобясь полицейскимъ служителямъ, накололи булавками на свое платье вырѣзанныя литеры, одинъ сотскаго, другой десятскаго, пошли прямо на тотъ дворъ, откуда сошла незнакомая намъ амазонка; мы шутя спрашивали у хозяйки того дома, кто у ней стоитъ постоемъ и имѣетъ ли пашпортъ? Какъ хозяйка была намъ знакома, то она насъ увѣдомила обстоятельно, что нанимаетъ у ней мадамъ, которая-де учитъ дѣтей у Александра Воейкова; легко мы поняли сказанную отъ хозяйки намъ повѣсть, а паче знавши Воейкова нетрудно было заключить и о мадамѣ. Тотъже день мадамъ къ вечеру возвратилась на свою квартиру и вышла уже не изъ одноколки, а изъ кареты, въ которой она пріѣхала. Подошедъ къ каретѣ, обо дворъ живущіе наши офицеры, съ гостями своими, стали спрашивать у кучера, чья эта карета? Кучеръ отвѣчалъ имъ, что карета Жереб-

цова. Офицеры уличали кучера, что они знаютъ, что карета Воейкова, а не Жеребцова; съ таковымъ споромъ кучеръ, заворотя съ каретою, поскакалъ домой. На тотъ часъ случился быть въ гостяхъ у офицеровъ нашихъ Лейбкомпанецъ, который взялся добровольно гнаться за кучеромъ, не имѣвъ никакой къ тому причины: сѣлъ верхомъ на свою лошадь, поскакалъ во весь скокъ, догналъ кучера съ каретою и у всѣхъ предъ глазами началъ плетью стегать кучера, а кучеръ отвѣтствовалъ Лейбкомпанцу бичемъ по чемъ ни попало; съ тѣмъ они и скрылись. Офицеры, по таковомъ зрѣлищѣ, подошли къ квартирѣ подъ окошки, гдѣ амазонка квартировала, начали вычитать хозяйкѣ свои затѣйныя претензіи, будто они отъ кучера пріѣхавшей къ ней въ домъ персоны обижены; я, поднявъ свое окошко, сказалъ имъ, чтобъ они не дѣлали непристойности, что въ семъ домѣ хозяина дома нѣтъ, а однѣ только женщины, и что хозяинъ, отъѣзжая въ Аранинбаумъ, просилъ меня, чтобы я его дома присмотромъ не оставилъ. Офицеры, послушавъ моего увѣщанія и думая, что въ семъ домѣ я интересованъ, что вступаюсь защищать женщинъ, отошли отъ квартиры амазонкиной. Поутру хозяйка съ амазонкою, увидя меня подъ окошкомъ въ моей квартирѣ сидящаго, растворили свои окончины и обѣ благодарили меня за прошлодневное мое защищеніе, что я ихъ вывелъ изъ большаго страха, въ которомъ они находились отъ своихъ сосѣдей-офицеровъ; потомъ просили меня со учтивостію, чтобы я пришелъ къ нимъ пить кофей. Я ихъ просьбы не преслушалъ, а по приходѣ моемъ не могъ узнать, кто ко мнѣ болѣе учтивства и благодарности оказывалъ, хозяйка или амазонка: онѣ обѣ, одна передъ другою, спѣшили мнѣ изъявлять свою ласку. Я сею заплатою на тотъ день былъ доволенъ, что познакомился съ амазонкою, которая съ перваго моего взгляда сдѣлала немалое о себѣ вниманіе: она была природная Нѣмка, пріятнаго лица, лѣтъ двадцати отъ роду, бѣла, волосы свѣтлорусые, глаза большіе, разумна, остра, учтива, веселаго нрава, а ласковость на лицѣ ея какъ написана была; словомъ заключить, всякому можетъ понравиться, кому случай подастъ ее видѣть. Я опишу ея характеръ и житье нѣсколько поизвѣстнѣе ниже сего, а теперь продолжать буду мое съ нею знакомство. Ея непрерывная ласковость ко мнѣ принудила меня часто у нея на квартирѣ бывать; между тѣмъ и прочіе офицеры не теряли времяни искать у амазонки своего знакомства. Наконецъ, начали мы съ амазонкою одинъ другому сообщать свои мысли письменно, а послѣ перваго письменнаго увѣренія былъ у насъ, въ пріятельскомъ домѣ, очевидный переговоръ о наступающемъ мирѣ. Въ ономъ разговорѣ амазонка прожектировала мнѣ, что сватается за нее женихъ, офицеръ молодой, хорошаго состоянія и притомъ наслѣд-

никъ великому богатству, одному купцу въ Германіи, который еще не умеръ. Я, узнавъ ея намѣреніе, которое состояло въ томъ, не обѣщаюсь я ей себя рекомендовать женихомъ, съ сожалѣніемъ сказалъ ей, что благополучію ея не противлюсь, только счастію жениха вашего завидую, котораго мнѣ никакъ получить не можно. Она поняла тотъ моментъ изъ моего отвѣта, что я ей не женихъ, перемѣнила свою рѣчь и сказала поусмѣхнувшись, что она уже привыкла терпѣливо сносить отъ такихъ жениховъ сватовство, за которыхъ она замужъ идти совсѣмъ не помышляетъ. По семъ нашемъ свиданіи переѣхала амазонка вскорѣ на другую квартиру, мнѣ знакомую; оставалось ей выдумать, какъ бы отдѣлить отъ себя Воейкова, который къ ней хаживалъ кофей пить, чтобъ онъ не посѣщалъ уже ея квартиру никогда. На таковую комедію были у ней въ резервѣ называемые братья, съ которыми она должна играть свою ролю. Въ одинъ день уговорилась она съ однимъ своимъ братомъ, дабы онъ легъ на ея постелю, а сама амазонка спряталась въ другую комнату; когда Воейковъ пришелъ, по обыкновенію своему, къ ней въ спальню пить кофей, напившись дома шеколаду, тогда съ постели всталъ амазонкинъ мнимый братъ, мужикъ превысокій въ шпагѣ, спрашиваетъ у Воейкова, кого ему надобно въ семъ домѣ; говоритъ, что квартира оная сестры его родной, такъ онъ хочетъ знать, не должна ли ему сестра его чѣмъ нибудь: онъ берется за свою сестру всѣхъ должниковъ удовольствовать. Воейковъ, видя, что эта комедія для него только была изготовлена, пошелъ домой и пересталъ ходить къ амазонкѣ въ квартиру. Амазонка торжествовала о своей выдумкѣ съ братьями своими троими, изъ которыхъ одному, оказавшемуся неспособнымъ въ ея нуждахъ помогать и за нерасторопность, отказала отъ своего знакомства и выключила изъ братьевъ; послѣдніе два ея брата великое мнѣ затрудненіе дѣлали, покуда я также не присовѣтовалъ ей исключить ихъ изъ братства. Она сама мнѣ признавалась, что никакъ ей не можно быть и обойтиться безъ помочи таковыхъ братьевъ, а паче въ перемѣнѣ ея мѣста; однако наконецъ по моему желанію исполнилось, и послѣдніе два ея брата получили отъ нея вольный абшитъ. Знакомство наше продолжалось съ амазонкою больше года. Никогда она не могла терпѣть постоянныхъ компаній и не старалась оныя находить; женщины ей всегда были въ компаніи скучны, она не находила съ ними что говорить; напротивъ того, какъ бы велико собраніе изъ однихъ мущинъ ни было, амазонка большое себѣ находила утѣшеніе и удовольствіе: съ однимъ шутитъ, съ другимъ смѣется, инаго ругаетъ, съ инымъ пѣсни поетъ, и въ такомъ случаѣ увидишь ее подобно пьяной нимфѣ Бахусовой: такъ ей мужское

собраніе было пріятно. Она очень хорошо разумѣла, что принадлежитъ до кухни и съ хорошимъ вкусомъ готовила кушать; посему дознаться можно, что она была прежде гдѣ нибудь не въ худомъ, а въ хорошемъ трактирѣ, въ которомъ и кухарки ласково принимаются отъ гостей, отъ которыхъ чаятельно она привыкла къ такимъ рѣзвымъ поступкамъ. Сіе во удивленіе ставить не должно, что изъ хорошей кухарки превратилась въ прекрасную амазонку. Не любила она никакого напитка, отъ коего можетъ послѣдовать пьянство, кромѣ кофею, который даже со излишествомъ употребляла. Я видалъ ея въ публичныхъ маскарадахъ проворство, какъ она умѣла находить своихъ и узнавать знакомыхъ, хотябъ и въ маскахъ были; не была она лакома къ интересу, кромѣ нужнаго для нея къ нарядамъ, на которые она не сумнѣвалась получить всегда. Наконецъ, просила она у меня позволенія на перемѣну своего мѣста, по своему обыкновенію, съ таковымъ изъясненіемъ, что покуда она еще молода, то надлежитъ ей стараться искать своего счастія далѣе; въ семъ я ей отказать не могъ. Она перемѣнила свою квартиру, не играя таковой со мною комедіи, какъ надъ Воейковымъ; жила по разнымъ домамъ, по своей рѣзвости, но не въ лучшемъ состояніи. Она своимъ усердіемъ посѣщала монастыри, приняла Греческаго исповѣданія вѣру; воспріемникъ былъ графъ, бывшій канцлеръ, Воронцовъ, а мать крестная Елена Александровна Нарышкина. Наконецъ, живши у своихъ прежнихъ знакомцевъ, она съ помощію ихъ вышла замужъ за офицера Старицына, съ которымъ не долго жила и овдовѣла; а въ 772 году, престарѣвъ лѣтами, неспособна была рѣзвиться и въ бѣдности находясь въ Москвѣ, имѣя у дьячка убогую квартиру, окончала свою амазонскую жизнь.

Въ 1756 Апрѣля 30 числа ударилъ одинъ разъ сильный громъ, и отъ молніи загорѣлся, въ Петербургѣ, Петра и Павла у соборной церкви надъ колокольнею шпицъ, который отъ земли состроенъ былъ до половины каменный, а верхъ деревянный, на подобіе нынѣ стоящей Адмиралтейской островерховной башни. Строена была та колокольня при Петрѣ Первомъ, шпицъ раззолоченъ былъ притирнымъ золотомъ по мѣднымъ листамъ, въ солнечный день великій отъ себя блескъ испускалъ. Къ великому всѣхъ зрителей сожалѣнію, не могли загасить сего прекраснаго зданія, по причинѣ, что въ самомъ верху того шпица зажгла молнія, куда человѣку дойтить никакъ было не можно: сгорѣлъ и своимъ паденіемъ великій сдѣлалъ по всему городу звукъ и потрясеніе.

Въ исходѣ сего 756 года заготовляли мы къ 757 году фейверокъ въ лабораторіи, въ коей была планная большая свѣтлица квадратомъ, мѣрою одинъ бокъ состоялъ изъ 30 аршинъ. Народа великое было въ

ней множество, всякаго сорта мастеровые, иные обивали планъ, другіе набивали фонтаны, привязывали приводы; тутже отъ бомбардирской роты Преображенскаго полка нѣсколько человѣкъ для обученія работали, столяры, токари, слѣсари, по угламъ въ оной же свѣтлицѣ были помѣщены, а все при огнѣ работали. Я говорилъ Мартынову, чтобъ въ такомъ случаѣ употребить осторожность, указывая, что всѣ люди безъ малой опасности вездѣ съ огнемъ бродятъ. Мартыновъ на мое предложеніе отвѣчалъ мнѣ шутя, что я очень акуратенъ до излишества. Какъ только я изъ свѣтлицы вышелъ, то сдѣлался въ ней отъ неосторожности пожаръ: захватило всю оную огромную свѣтлицу пламенемъ, пороховымъ и меркуріальнымъ дымомъ, отъ чего въ людяхъ сдѣлалось вдругъ великое замѣшательство; всякой, въ робости и отчаяніи, зажавши ротъ, спасался опрометнымъ бѣгствомъ въ однѣ только двери, одинъ другаго давили, всякъ старался скорѣе выскочить; онымъ дымомъ у многихъ захватило и остановило дыханіе, не могли болѣе бѣжать и попадали на землю безъ памяти. Въ таковой кутермѣ и тревогѣ Мартынова и прочихъ подмяли подъ себя на полъ, которыхъ бѣжавшіе и спасающіе свою жизнь топтали ногами, по чемъ ни попало. Вбѣжали потомъ въ оный дымъ свѣжіе и небывалые еще въ дыму люди, насилу оныхъ обезсилѣвшихъ и почти безъ дыханія лежащихъ вытащили на воздухъ, а прочіе нѣсколько человѣкъ мастеровыхъ задохнулись и найдены мертвые. На оную тревогу вскорѣ великое число людей набѣжало, тотъ пожаръ загасили и не дали сгорѣть свѣтлицѣ; заготовленный же и разостланный на полу планъ нѣкоторою частью совсѣмъ сгорѣлъ, иное попорченное осталося, а времяни оставалось только три дня до Новаго года, въ который день должно было жечь фейверокъ. Я остался только одинъ некопченый въ дыму. Мартыновъ сдѣлался боленъ, по причинѣ той, что нѣсколько времяни находился въ дыму, который состоялъ изъ сѣры, селитры и мышьяку; онаго дыма наглоталъ онъ въ себя, отчего и поднесь не пришелъ въ прежнее своего здоровья состояніе. Стоило мнѣ великаго труда все испорченное поправить и изготовить къ сженію фейверка исправнымъ. Наконецъ къ срочному числу, Новому году, исправилъ я, росписалъ офицеровъ и людей, кому чтó жечь и которую вещь послѣ другой зажигать, и развелъ гдѣ кому быть по мѣстамъ, самъ дожидался приказанія: сигналъ получилъ изъ Дворца, чтобъ зажигать фейверокъ. Напередъ всего должно было зажечь сдѣланный кругомъ всего фейверка изъ шлаговъ бѣглый огонь (называемый Марсовъ), подобіе бѣглаго оружейнаго огня. Я, взявъ свѣчку палительную, зажегъ оный огонь и не успѣлъ отнять руки со свѣчею, какъ въ тотъ же моментъ одинъ шлагъ оторвался отъ доски, къ которой онъ былъ привязанъ, ударилъ меня

сильно въ лѣвую бровь и въ високъ, отчего я упалъ на землю безъ памяти; а какъ скоро я опамятовался, то високъ мой былъ уже въ крови, а глазъ затянуло весь опухолью и сравнялся со лбомъ ровно. Я, призвавъ лабораторнаго сержанта Глазунова, сказалъ ему, чтобъ онъ смотрѣлъ, дабы данная отъ меня диспозиція была исполнена, а я смотрѣть за болѣзнію не въ силахъ: чрезъ великую мочь сидѣлъ, покуда сожгли фейверокъ. Случился на тотъ часъ отъ меня недалеко полицейскій лекарь, который перевязалъ мнѣ съ теплымъ виномъ рану, отъ которой я чрезъ мѣсяцъ глазомъ едва могъ проглянуть и радъ былъ тогда, что обрѣлъ его въ цѣлости.

Тогожъ 757 года, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, сдѣлалось въ лабораторіи не менѣе прежняго приключеніе. Въ самое то время, когда была война съ Пруссіею, къ таковому случаю въ лабораторной кухнѣ великое было приготовленіе всякихъ военныхъ снарядовъ; одна свѣтлица длинная, въ которой прежде, къ прошедшему фейверку, набивали ракеты, именовалась «набойня»; отъ сей работы ракетнаго и прочаго состава немалое количество въ ней на столахъ и на полу оставалось. Выметая свѣтлицу, остатки ракетнаго состава не вынесли вонъ, а всыпали отъ лѣности въ подполъ; никто не могъ усмотрѣть сего бездѣльства, и стали послѣ работать. Демидовъ подполковникъ дѣлалъ, подъ своимъ смотрѣніемъ, зажигательные книпели за особливымъ столомъ, а подъ моимъ смотрѣніемъ гранатныя и бомбовыя трубки набивали; въ сѣняхъ были принесены для переправки старые зажигательные карказы; при всей оной работѣ нигдѣ огня не было, водою свѣтлица улита была, и чаны налитые стояли, дабы въ случаѣ нечаяннаго отпрыска огня бросить загорѣвшую вещь въ воду. Я былъ при сей работѣ неотлучно. Полковникъ Бороздинъ возмнилъ идти въ тотъ день пѣшкомъ на Выборгскую сторону, для нѣкоторыхъ пробъ изъ пушекъ, почему зашелъ за мною въ лабораторію, чтобъ я съ нимъ шелъ вмѣстѣ; а какъ мы къ Невѣ рѣкѣ приближаться зачали, дабы сѣсть на суда и переѣхать на Выборгскую сторону, тогда услышали необычайную за собою пальбу и колокольный въ лабораторіи набатъ. Мы съ Бороздинымъ поспѣшно возвратились и увидѣли въ лабораторіи страшный пожаръ, черный дымъ и громъ безпрерывный продолжался. Онъ спрашиваетъ меня, отъ чего бы такая была пальба? Я сказалъ, что у насъ болѣе ничего нѣтъ, какъ старые въ сѣняхъ карказы счетомъ 20 или 30, а въ каждомъ карказѣ по шестифунтовой наряженой гранатѣ есть, то думаю, что отъ нихъ такіе выстрѣлы слышны. Однако напослѣдокъ нашлось, что оная пальба происходила не отъ однихъ карказовъ, но были соблюдены въ тѣхъ же сѣняхъ, въ чуланѣ, Сартія Италіянца фейверочныя вещи: оныя, загорясь, дѣлали такой великій звукъ и

стрѣльбу. Мы подошли ближе къ пожару, нашли вышедшихъ изъ той свѣтлицы людей, въ которыхъ загорѣлось, и услышали причину, отчего оный несчастный пожаръ приключился. Бомбардиры, которые снаряжали у Демидова книпели за особливымъ столомъ, прикрѣпляя скорострѣльный фитиль, приколачивали сильными ударами, желѣзнымъ молоткомъ по желѣзному набойнику; отъ того произошли искры и зажгли фитиль у книпеля въ рукахъ держащаго бомбардира; а какъ по всѣмъ тогда столамъ множество скорострѣльнаго фитиля и мякоти пороховой лежало, то въ одинъ мигъ, какъ молнія, обняло всю свѣтлицу пламенемъ, отъ чего люди только тѣ успѣли выскочить, хотя опалены уже были, покуда огонь не прошелъ въ подполъ; а какъ скоро дошелъ огонь, то загорѣлись въ подполѣ помянутые фейерверочные сметенные остатки, коихъ повидимому тамъ было немало, отчего подняло силою половыя доски со столами и скамейками къ потолку, смяло и перебило всѣхъ. Изъ оныхъ битыхъ и горѣлыхъ сильныхъ людей человѣка съ три хотя вышли изъ сего пламени, но отъ изнеможенія пали, къ великому всѣхъ зрителей сожалѣнію, на землю и чрезъ малое время жизнь свою прекратили; а оставшіеся человѣкъ съ восемь, будучи смяты и завалены досками, погорѣли всѣ со свѣтлицею вмѣстѣ. Онаго пожара хотя сперва и прилагали приключеніе отъ моего небреженія, какъ неотлучнаго смотрителя; но живые оставшіеся люди, кои работали у Демидова, оправдали меня отъ сей напраслины; а Бороздина полковника неумышленное ко мнѣ на тогдашній часъ благодѣяніе оставило меня на свѣтъ жива и спасло отъ сей Халдейской печи. Правду сказать, что весьма нужно было въ лабораторіи быть хорошему и доброму порядку, великому смотрѣнію, котораго въ тогдашнее время намъ никакъ сдѣлать было не можно отъ прочихъ, кои намъ не подчинены были: Сартій Италіянецъ, секретные офицеры, Демидовъ подполковникъ, Бишевъ капитанъ, у каждаго изъ нихъ особливая работа происходила въ лабораторіи. Капитанъ Бишевъ дѣлалъ разныя инвенціи, желая что-нибудь получить себѣ награжденія отъ Кронштадскаго гарнизона, въ которомъ онъ служилъ; и таковыхъ было работъ подъ разными званіями премножество, отъ чего во всей лабораторіи происходило, какъ на площади, собраніе разныхъ людей, кромѣ нашей команды, безъ всякой осторожности и порядка.

Недѣли черезъ двѣ послѣ сего приключенія, между прочими, при перемѣнѣ, досталось и мнѣ въ капитаны и оберъ-фейерверкоры. Въ одинъ день случилось мнѣ быть у офицера Худова. Жена его, называя меня именемъ, спросила, не хочуль я жениться? Я на то ей отвѣчалъ, что до сего времени я о женитьбѣ никогда не помышлялъ, а

нынѣ никакого препятствія къ сему не вижу, для того, что чинъ мой оберъ-фейерверкора въ походъ не ходитъ. Жена Худова представила мнѣ старушку, торговку Ивановну, которая мнѣ подала записку, въ которой написано: въ разныхъ уѣздахъ состоитъ мужеска пола за невѣстою 900 душъ и близъ Петербурга небольшая мыза. Я, прочтя оную записку, сказалъ ей: невѣста твоя, голубушка Ивановна, понравилась мнѣ и заочно, потому что она богата. Съ невѣстиной стороны не упущено было обо мнѣ изыскать, о моемъ состояніи свѣдѣній; потомъ назначенъ былъ день свиданія нашего, смотра по обыкновенію древнему, въ церкви. Я въ тотъ день, снарядясь совсѣмъ просто, забылъ о невѣстиномъ смотрѣ, велѣлъ коляску подать, хотѣлъ ѣхать прямо на работу въ лабораторію; слуга мнѣ сказываетъ: «не забылиль вы, что дали слово смотрѣть вашу невѣсту»? Я вспомнилъ и велѣлъ ѣхать къ той церкви, въ которой назначено было наше свиданіе. Я вошелъ въ церковь, въ которой полковникъ нашъ Бороздинъ, отъѣзжая въ походъ, съ женою служилъ молебны; потомъ увидѣлъ я знакомаго человѣка, Измайловскаго полка адъютанта Петра Топильскаго, который Воейкову, моему бывшему капитану, былъ родный племянникъ; онъ пріѣхалъ съ моею невѣстою. По немъ я увидѣлъ и мою невѣсту. Угадать было мнѣ ее не трудно: она была, по лишеніи втораго своего мужа Нечаева, въ траурѣ, только не въ глубокомъ, а въ шелковомъ. По прошествіи обѣдни я подошелъ къ Топильскому поздороваться, какъ съ знакомымъ человѣкомъ; невѣста моя подошла къ нему же; мы при семъ свиданіи, поглядя одинъ на другаго, выговорили по нѣскольку словъ между собою; оное все происходило съ нѣкоимъ родомъ стыдливости, а паче мнѣ, потому что я въ первый разъ на своей жизни смотрѣлъ невѣсту и товарища, съ которымъ опредѣлялъ себя на весь мой вѣкъ жить. Разъѣхались мы изъ церкви. Невѣстѣ моей я тогда (сказываютъ) не показался своимъ приборомъ, что одѣтъ былъ очень не по женихову, а по лабораторному, что̀ и правда.

Когда Топильской, ѣхавъ съ своей женою и съ моею невѣстою въ одной каретѣ изъ церкви, дорогою спросилъ у моей невѣсты обо мнѣ, что каковъ тебѣ женихъ на глаза показался? Невѣста моя, не знавъ болѣе за мной никакихъ пороковъ, кромѣ какъ одной видимой ею на смотрѣ въ церкви неопрятности въ нарядѣ, отвѣчала имъ, что ея глазамъ я не противенъ показался. Торговка Ивановна не забыла и меня также, послѣ нашего смотра, спросить: что показалась ли тебѣ невѣста, кормилецъ, которую я тебѣ сватаю, и ты уже ее видѣлъ? Я сказалъ ей: Ивановна голубка, вѣдь красавицъ выбираютъ только въ полюбовницы, а жена должна быть болѣе добродѣтельна,

нежели красавица. Ивановна торговка не забыла также увѣрить въ семъ случаѣ свою должность и доказывать экспериментально, что счастіе мое вѣдь зависитъ отъ собственныхъ ея трудовъ и прилежности. Я принялъ Ивановну въ свое объятіе, тотъ моментъ ухватя ее своими руками за шею, благодаря томно и притворно, не могъ Ивановну поцѣловать: такъ она уже была бѣдняжка стара. Невѣста моя съ Топильскимъ положили между собою условіе и назначили время позвать меня къ Топильскому въ домъ обѣдать. Я пріѣхалъ въ положенный мнѣ день къ Топильскому въ городовой коляскѣ, а не въ каретѣ (которой у меня тогда не было, а чужой взять не хотѣлъ), перемѣня свой лабораторный кафтанъ и причесавъ голову получше, нежели какъ на первомъ смотрѣ было въ церкви. Послѣ обѣденнаго нашего кушанья, по приличнымъ на тогдашній случай съ обѣихъ сторонъ разговорамъ и увѣреніямъ, дали мы слово другъ другу о взаимной вѣрности въ положенномъ нашемъ намѣреніи до будущаго совершенства бракомъ.

Послѣ сего условія нашего отъѣхалъ я изъ Петербурга въ Аранинбомъ, къ Великому Князю, что былъ послѣ Петръ Третій, для сженія фейверка и строенія малой крѣпостцы, называемой Петерштатъ. Пробывъ тамъ болѣе недѣли, возвратился я въ Петербургъ и услышалъ, что Топильской представлялъ уже моей невѣстѣ жениха, другаго, Михаила Васильевича (именемъ и отечествомъ подобралъ точь въ точь), только не Данилова, а Приклонскаго, который былъ тогда при Герольдіи въ должности герольдмейстера; но судьба, доброходствуя моей опредѣленной участи, невѣста моя на то, дабы избрать ей вмѣсто меня Приклонскаго, не согласилась, а содержала данное мнѣ слово вѣрно. Я началъ ѣздить къ моей невѣстѣ всякій день, какъ женихъ. Она была въ замужествѣ за первымъ своимъ мужемъ за Кашинцовымъ, за вторымъ Нечаевымъ, который былъ двоюродный братъ графа Шувалова, моего фельцехмейстера, въ тогдашнее время человѣка весьма случайнаго и славнаго; по той причинѣ Шуваловой фамиліи офицеры ѣзжали къ моей невѣстѣ и, свѣдавъ, что она помолвила за меня замужъ, угрожали ей моимъ несчастіемъ, что-де тотъ, который на васъ женится, не найдетъ послѣ мѣста и въ дальнихъ городахъ въ Сибири. Невѣста моя разсказала мнѣ, что слышала предложенныя несчастія и угрозы; я оное пренебрегъ все, помышляя самъ собою, что графъ не архіерей и что спрашивать его о женитьбѣ моей совсѣмъ лишнее будетъ дѣло; притомъ у невѣсты моей послѣ Нечаева было тогда два сына, одному четвертый годъ, а другому меньше года; потому и Шуваловы старались только, чтобы моя невѣста для своихъ дѣтей замужъ не ходила, дабы имѣніе ея собственное не раздробилось отъ ея

дѣтей, у которыхъ отцовскаго не было ни одной души. Не помышляли они тогда о ея молодости, что ей отъ роду было только двадцать четвертый годъ.

Какъ съ графской стороны мы не видали никакого себѣ явнаго препятствія, то сдѣлали, Сентября 11 числа, обыкновенный сговоръ, на которомъ были у насъ съ невѣстиной стороны отецъ ея крестный камергеръ и кавалеръ Возжинской [1]) съ женою, Топильскій [2]) съ женою, а съ моей стороны мой пріятель Матвѣй Григорьевичъ Мартыновъ съ женою жъ. Послѣ сего сговора просилъ я свою невѣсту, чтобъ она квартиру свои перемѣнила, которая была отъ меня неблизка, а переѣхалабъ ко мнѣ поближе, по той причинѣ, что въ лабараторіи тогда работъ очень много было, за которыми мнѣ было должно смотрѣть безотходно, почему и свиданіе наше будетъ намъ безпрепятственно. Она переѣхала жить на квартиру, которая отстояла отъ меня очень близко. Наконецъ, согласились мы съ невѣстою, дабы запечатать наше условіе союзомъ, бракомъ, что́ тогожъ 757 Сентября 26 числа совершилось въ церкви Сергія Чудотворца, что́ на Литейной улицѣ, при которой нашей церемоніи никого у насъ постороннихъ не было, кромѣ моего всегдашняго пріятеля Матвѣя Григорьевича съ его женою. На другой день нашего брака я звалъ къ себѣ обѣдать многихъ генераловъ и офицеровъ, которые у насъ обѣдали и ужинали; и мы были уже притомъ случаѣ съ моею женою какъ хозяева, а не сидѣли въ церемоніи за столомъ, какъ обыкновенно на свадьбахъ бываетъ.

По совершеніи нашего брака жили мы девять мѣсяцевъ благополучно и весело. Потомъ свѣдала графиня Шувалова о замужествѣ жены моей; она вознегодовала за сіе на насъ сильно и уличала своего мужа, графа, что такъ смѣлъ, твоей будучи команды подчиненный, жениться на нашей невѣсткѣ безъ позволенія. Графиня неотлучно жила при дворцѣ, въ ближней отъ Государыни комнатѣ, и находила всегда случай говорить обо всемъ, что́ хотѣла; между прочимъ не забыла она и о моей женѣ донести Государынѣ. Государыня жену мою знать изволила по той причинѣ, что она была воспитана у отца своего крестнаго камергера Возжинскаго; а родный дѣдъ ея Алексѣй Андреевичъ Носовъ былъ при Государынѣ, когда еще она была цесаревною, оберъ-комисаромъ и правилъ гофмаршальскую должность; по такому случаю

---

[1]) Никита Возжинскій, въ царствованіе Анны, былъ гофъ-интендантомъ. Его письма къ царевнѣ Елисаветѣ Петровнѣ напечатаны въ 1-й книгѣ Архива Князя Воронцова. П. Б.

[2]) Прямой предокъ извѣстнаго въ наши дни Михаила Ивановича Топильскаго, женатъ былъ на дочери извѣстнаго Петровскаго кабинетъ-секретаря Макарова. П. Б.

Государыня жену мою знала. Графиня докладывала Государынѣ, что «Носова внука, которая была за Нечаевымъ, вышла замужъ», прибавляя къ тому, что вышла да несчастлива, за мота, и что въ таковомъ случаѣ жаль только бѣдныхъ дѣтей ея, которые остались отъ Нечаева. Государыня, выслушавъ отъ графини такое доношеніе, изволила ей сказать, что еще вѣдь они деревень не продаютъ, такъ почемужъ дѣти Нечаева несчастливы; а какъ женѣ моей при дворѣ камеръ-юнферы были знакомы, то онѣ, слыша отъ графини жалобы Государынѣ, ей пересказали. Графиня не была довольна первымъ своимъ объ насъ представленіемъ, а умолча нѣсколько времяни вторично приступила просить Государыню съ сожалѣніемъ о моихъ пасынкахъ, дабы отъ жены моей приказать изволила взять дѣтей и деревни ея описать, или сдѣлать запрещеніе, чтобы продать ни заложить было не можно. На оную просьбу вторично послѣдовалъ отвѣтъ отъ Государыни ко графинѣ, который можно прямо назвать монаршій или божественный. Государыня, вспомня прежнее отъ графини представленіе на насъ, изволила сказать своей любимицѣ: «вѣдь они еще не продаютъ деревень; вы примѣчайте за ними, когда станутъ они продавать деревни, тогда скажите мнѣ». Съ того времяни графиня болѣе объ насъ Государынѣ говорить уже не зачинала, а принялась съ другой стороны сдѣлать намъ безвинное гоненіе чрезъ своего мужа. Графъ и графиня тогда были люди знатные и сильные, отъ коихъ и не въ нашу пору трепетали; ровные имъ сказывались больными и жили въ приморскихъ своихъ домахъ отъ одного ихъ непріятнаго взгляда. Графъ, по неотступной просьбѣ отъ своей графини, открылъ свой гнѣвъ противъ меня явно, изыскивая и находя немалыя, по мнѣнію его, мои неисправности, кои хотя и не отъ меня происходили, сталъ выговаривать мнѣ свое неудовольствіе публично, при всѣхъ, съ таковыми угрозами, что «я съ вами то могу сдѣлать, чего и не чаете», въ чемъ я никогда не сомнѣвался, зная къ тому его способность и силу, какую онъ и прежде надъ другими оказывалъ. Не принималъ онъ отъ меня ничего въ оправданіе.

Я помышлялъ, что можетъ быть графъ далѣе не вступитъ въ толь явное мщеніе за мою женитьбу, которая ему никакого неудовольствія не причинила, ибо часто слыхалъ отъ него въ разговорахъ, какъ онъ, почитаясь тогда велерѣчивымъ и вторымъ Цицерономъ, упоминалъ свое великодушіе и незлопомнѣніе, что́ и обольщало меня чаять отъ него прежней ко мнѣ милости; однакожъ оказалось, наконецъ, не такъ. И великой души люди не всегда то дѣлаютъ, что́ говорить могутъ; еще и болѣе происходитъ отъ нихъ мщенія, нежели какъ отъ малыхъ душъ.

Въ 758 году, въ Маіѣ мѣсяцѣ, при расписаніи офицеровъ по полкамъ, приказалъ графъ меня переименовать изъ оберъ-фейерверкоровъ въ капитаны: се первая стрѣла была пущена на меня гоненія. Я просилъ Михаила Александровича Яковлева, который тогда у графа былъ генеральсъ-адъютантъ, правилъ канцеляріею и былъ прежде въ великой у него силѣ; онъ обѣщалъ меня написать въ Московскую команду; однако, какъ онъ прилежно ни трудился разными пріемами по своему искусству, только не могъ довести того, чтобы графъ обо мнѣ не вспомнилъ и подписалъ подложенное расписаніе по его мнѣ обѣщанію. Да и Яковлевъ не такъ уже сталъ силенъ. Графъ избралъ себѣ въ любимцы, изъ канцелярскихъ переписчиковъ, подъяческаго сына Макарова, который прежде былъ у Яковлева въ командѣ. Макаровъ своимъ проворствомъ, какъ для письменныхъ дѣлъ способнымъ, такъ и въ другихъ нѣжныхъ услугахъ, графу понравился: графъ пожаловалъ Макарова своимъ адъютантомъ. Макаровъ, отпросясь въ Синбирскъ, женился на богатой дворянской дѣвушкѣ Ратьковой, за которой взялъ 700 душъ крестьянъ; нынѣ онъ живетъ въ отставкѣ коллежскимъ совѣтникомъ. Вотъ каково быть у большаго человѣка Меркуріемъ!

Графскій домъ наполненъ былъ тогда весь писцами, которые списывали разные отъ графа прожекты. Нѣкоторые изъ нихъ были къ пріумноженію казны государственной, которой на бумагѣ милліоны поставлено было цифромъ; а другіе прожекты были для собственнаго его графскаго верхняго доходу, какъ-то сало ворванье, мачтовый лѣсъ и прочее, которые были на откупу во всей Архангелогородской губерніи, всего умножало его доходъ до 400,000 рублей (кромѣ жалованья) въ годъ. Къ чести графа недоставало только чина командовать своею дивизіею, ибо его дивизія была въ командѣ у главнаго командира надъ арміею въ походѣ противъ Пруссіи. Графъ выпросилъ себѣ позволеніе набрать изо всѣхъ полковъ корпусъ, состоящій изъ 30,000 человѣкъ, назвалъ оный корпусъ *обсерваціоннымъ*, укомплектовалъ его новою артиллеріею и поставилъ себя главнымъ шефомъ. Поручилъ онъ въ команду сей корпусъ генералъ-аншефу Брауну, который графа репортовалъ одного, а съ главною арміею не соединялся и не подчиненъ былъ до самой Кистринской баталіи; а какое оный корпусъ сдѣлалъ, при той важной тогда баталіи, неустройство и смятеніе и какъ его потомъ растасовали по полкамъ, я здѣсь о томъ упоминать не намѣренъ и обращаюсь къ тому, что́ до меня касалось.

Когда Яковлевъ не могъ мнѣ сдѣлать, дабы я былъ по расписанію въ Московсвой командѣ, то тогожъ 758 года, въ Іюнѣ мѣсяцѣ, командированъ я былъ въ Ригу. Получа ордеръ отъ полковника, я пріѣхалъ прощаться къ графу; онъ приказалъ мнѣ у себя остаться обѣ-

дать. Послѣ обѣда графъ, ходя долгое время взадъ и впередъ по комнатѣ, наконецъ кинулся ко мнѣ, какъ поврежденный, на шею, и обнявъ меня своими руками, прижималъ крѣпко долгое время. Я считалъ его лобызаніе послѣднимъ себѣ рокомъ, противиться не смѣлъ, а живу быть не чаялъ, только и помышлялъ, что задавитъ до смерти; прощался я заочно съ женою своею, что уже не увижусь съ ней. Наконецъ, отнявъ руки отъ объятія моей шеи, толкнулъ онъ меня отъ себя прочь, сказавъ притомъ мнѣ: «кланяйся всѣмъ генераламъ въ арміи». По такомъ дружескомъ нашемъ прощаніи съ графомъ, мы съ женою, забравъ съ собою дѣтей ея, а моихъ пасынковъ, за которыхъ повидимому мы страдали и гоненіе имѣли отъ графа, отправились въ путь свой, заѣхавъ сперва по пути въ Копорскій уѣздъ, въ свою мызу, въ коей, проживъ одну недѣлю, поѣхали въ Ригу.

Жена моя, не доѣхавъ 80 верстъ до Риги, родила дочь Прасковью; а какъ въ Ригу пріѣхали и квартиры скоро не сыскали, которая въ таковомъ случаѣ весьма необходима родившей женщинѣ для покою, тогда случился въ Ригѣ быть мой прежній пріятель, капитанъ (что́ нынѣ генералъ-маіоръ при артиллеріи) Иванъ Петровичъ Лавровъ; онъ уступилъ намъ свою квартиру, покуда намъ другую сыскали. По пріѣздѣ моемъ въ Ригу услышалъ я, что полковнику Бурцову уже есть повелѣніе, дабы отправить меня немедленно въ армію, въ Пруссію. Я былъ тогда боленъ и не могъ такъ скоро ѣхать, почему и пошло строгое надо мною свидѣтельство въ той моей болѣзни, которое впервыхъ докторъ съ лекарями, потомъ вскорѣ второе отъ штабъ и оберъ-офицеровъ. Графъ, будучи всѣмъ тѣмъ недоволенъ, почитая мою болѣзнь притворною, приказалъ третье учинить свидѣтельство въ моей болѣзни, и писано было прямо къ Рижскому губернатору князю Долгорукову, дабы самъ губернаторъ нечаянно, изыскавъ время, со штабъ-офицерами пришелъ въ мою квартиру и осмотрѣлъ показанныя обо мнѣ отъ доктора и отъ штабъ-офицеровъ въ репортѣ болѣзни. Губернаторъ, видя такое повелѣніе, строгое и прилежное надо мною учинилъ свидѣтельство, каковаго никогда ни надъ кѣмъ другимъ не бывало; однако не пошелъ ко мнѣ самъ свидѣтельствовать, а прислалъ штабъ-офицеровъ однихъ, которые тожъ, какъ и прежніе, видя мою сущую и непритворную болѣзнь, написали въ репортѣ, что за слабостію къ арміи ѣхать не можетъ. И оное свидѣтельство не послѣднее было мнѣ.

Пріѣхалъ тогда изъ арміи нечаянно артиллеріи генералъ-маіоръ Надельферъ; человѣкъ былъ подлыя души, лакомый къ прибытку, пасторскій сынъ родомъ. Надельферъ, узнавъ о моемъ таковомъ частомъ свидѣтельствѣ отъ прочихъ, не оставилъ и онъ, якобы по должности

своей, изыскать въ болѣзни моей правду и за сіе возмнилъ получить себѣ, какъ докторъ, за вступленіе его ноги въ мою квартиру, добровольный подарокъ: не хотѣлъ упустить случай блестящій къ его жадному интересу. Онъ такъ въ семъ пунктѣ былъ зараженъ, что не стыдился отъ рядовыхъ пушкарей принимать приносы, и безъ того не хотѣлъ ни малѣйшаго удовольствія сдѣлать. Призвалъ онъ доктора къ себѣ, дабы съ нимъ шелъ меня свидѣтельствовать; докторъ съ презрѣніемъ ему сказалъ, чтобы шелъ одинъ, а ему доктору уже быть у меня не за чемъ, понеже (говорилъ) я больнаго свидѣтельствовалъ и о болѣзни его репортъ подписалъ правильный. Генералъ-маіоръ Надельферъ пришелъ ко мнѣ въ квартиру съ полковникомъ Бурцовымъ, безъ доктора; между прочими разговорами обѣщалъ мнѣ самую легкую по болѣзни моей службу и ближнюю командировку, дабы я ѣхалъ хотя въ Мемель, недалеко отстоящій отъ Риги городъ. Я ему отвѣчалъ, что по выздоровленіи моемъ не отрекусь всюду ѣхать, а теперь не могу.

По таковомъ нашемъ свиданіи и разговорѣ съ Надельферомъ, сомнѣвался я, дабы не оболгался онъ своимъ репортомъ о моей болѣзни и не поставилъ бы ее совсѣмъ посредственною противъ прежде посланныхъ репортовъ; однако страхъ мой миновался. Жена его, генеральша Богомила Даниловна, превосходила своего мужа своимъ проворствомъ, ознакомилась съ моею женою. Генеральша не упустила сего полезнаго случая, взялась стараться и стряпать обо мнѣ у своего мужа, насказавъ прежде, что она слышала отъ него якобы намъ непріятное; а за такіе свои усердные труды и откровенности въ приданое своей племянницѣ (она своихъ дѣтей не имѣла) получила отъ жены моей добровольнаго подарка рублевъ на сто. Надельферъ не устыдился и самъ на свою персону требовать также подарка, подъ видомъ якобы шутки, какъ будто онъ для меня великое одолженіе сдѣлалъ, что написалъ репортъ, въ которомъ пишетъ такъ: «онъ меня осматривалъ и видѣлъ, что здоровьемъ слабъ и лицемъ худъ». Складъ сего репорта точно изображаетъ его природный разумъ. Я просилъ чрезъ адъютанта его, чтобъ онъ худобу лица моего изъ своего репорта выключилъ; но онъ безъ ряды того сдѣлать не хотѣлъ, а я болѣе торговаться съ нимъ не пожелалъ и оставилъ такъ. Дочь наша, по пріѣздѣ въ Ригу, поживъ два мѣсяца, скончалась.

Въ Августѣ мѣсяцѣ проскакалъ изъ арміи чрезъ Ригу курьеръ; отъ него узнали о несчастной близъ Кистрина бывшей баталіѣ. Оною арміею командовалъ тогда графъ Ферморъ, жена его жила въ Ригѣ. Графиня получила отъ своего мужа о многихъ несчастливыхъ извѣстіе, а чрезъ графиню и всѣ свѣдали, кому надлежало украсить свое

несчастіе трауромъ. На сей баталіи графъ Чернышевъ, генералъ-поручикъ Иванъ Алексѣевичъ Салтыковъ, Мантейфель, со многими штабъ и оберъ-офицерами, взяты были въ полонъ; изъ артиллерійскихъ мнѣ знакомыхъ убиты были полковникъ Калистратъ Мусинъ-Пушкинъ, подполковникъ Эленадлеръ, подполковникъ Арандъ, маіоры Игнатьевъ и Бремъ, и прочихъ штабъ и оберъ-офицеровъ побито много. Къ великому тогда графа Шувалова неудовольствію взяты были, на оной баталіи, его секретныя гоубицы Прусаками въ добычу, у которыхъ въ дуло не смѣли изъ своихъ Россіянъ смотрѣть неимѣющіе особливой къ сему таинству довѣренности и присяги. Король Прусскій, получа оныя гоубицы, приказалъ въ Берлинѣ, своемъ столичномъ городѣ, поставить на площади и открыть у нихъ секретныя дулы для вольнаго смотрѣнія всѣхъ зрителей.

Послѣ свидѣтельства Надельферова, посланнаго о моей болѣзни, въ Ригѣ ничего со мною на нѣкоторое время не происходило; однако изъ головы моей никогда того не выходило, съ кѣмъ я имѣю дѣло: съ тѣмъ, который опредѣлилъ мнѣ смерть и досадуетъ еще на меня жестоко, помышляя, якобы я въ поруганіе его гордаго опредѣленія живу на свѣтѣ и еще увертываюсь отъ его сильныя руки такъ долго. Въ таковомъ волненіи оскорбленныхъ моихъ мыслей не могъ я предвидѣть будущаго, что́ со мною графъ сдѣлать можетъ; отъ сего впалъ я въ великую задумчивость; наконецъ, посѣтила меня безразсудная гипохондрія. Въ такое, безпокойное для меня, время не получалъ я долго отъ своего пріятеля Мартынова писемъ, что́ побудило меня къ нему наконецъ написать тако:

«Государь мой!»

«Вкоренившее во мнѣ мнѣніе о всегдашней ко мнѣ вашей благосконности побудило меня возобновить еще мою благодарность, коя отъ меня никогда не отходила. Признаюсь, что презрѣніе ваше ко мнѣ нынѣшнее не безъ основанія есть, въ разсужденіи моихъ иногда поступокъ, въ коихъ я спасеніе себѣ мнилъ; да неужто и того для васъ еще мало наказанія, что меня гонятъ, и еще больше, что безвинно? Не ужто и вашъ золотникъ мщенія положится съ прочими къ перевѣсу на позорное погруженіе моихъ напастей, которыхъ я ни сотой доли толикаго зла отъ изнеможенія моего понести не могу? Представьте себѣ человѣка, который сухъ и худъ, непрестанно ходя взадъ и впередъ по горницѣ, когда сможетъ, въ задумчивости и мысляхъ, съ готовыми глазами къ пролитію слезъ, отъ воображенія, якобы и горы высокія валятся на погубленіе его, часто иногда руки протягаетъ во упорность, на отвращеніе оныхъ; и если оное вообразите, то найдете

точно, что я-то оными забавами пользуюсь нерѣдко. Вотъ мое состояніе, въ коемъ нахожусь. Какъ нѣкогда обѣднявшій старикъ обличалъ своего благодѣтеля, Александра Великаго, уподобляя его прежнія къ нему доброхотства горящей масляной лампадѣ, въ которую онъ не желалъ для освѣщенія его бѣдности наполнять масла, наконецъ вдругъ отъ презрѣнія, не хотя влить уже и капли, гасилъ лампаду совсѣмъ, угасилъ прежнія свои старику доброхотства, оставилъ его въ темномъ и мрачномъ погруженна презрѣніи: и я, ежелибъ зналъ вашу свободу; то столько взялъ бы смѣлости вамъ напомянуть, что и вы, снабдѣвая иногда меня изобильно своими строками, не жалѣли чернилъ, нынѣ же и капля вамъ для меня дорога стала».

На сіе письмо пріятель мой Мартыновъ возобновилъ ко мнѣ писать по прежнему. Я льстя себя иногда, что можетъ быть приду въ прежнее отъ болѣзни моей здоровье и продолжать службу, къ которой имѣлъ великую склонность, мнилъ себя быть способна для полученія чести, а паче при артиллеріи, понеже въ знаніи артиллерійской науки я не имѣлъ недостатка; однако перемогло мои мысли, чего я не могъ уже болѣе льстить себя надеждою отъ жаркаго на меня графскаго гоненія. Наконецъ, принялъ я мѣры, съ великимъ сожалѣніемъ, просить въ отставку, хотя мнѣ весьма не хотѣлось. Я писалъ къ Ивану Ѳедоровичу Глѣбову, который тогда былъ въ Петербургѣ, и къ Михайлѣ Александровичу Яковлеву; а каково я письмо къ генералу Глѣбову послалъ и что мнѣ оное послужило въ пользу, то соблюлъ я того письма копію, которую при семъ сообщаю.

«Милосердый государь!»

«Оказанныя милости вашего высокопревосходительства были мнѣ непосредственно фундаментомъ всего благополучія моего, коими я и по нынѣ счастіе имѣю пользоваться. Сіе самое причиной дерзновенія моего, что я взялъ смѣлость съ преданностію моею утруждать ваше высокопревосходительство, милосердаго государя. Къ немалому моему несчастію, слабость моего здоровья лишила меня надежды болѣе продолжать службу, о чемъ не могу я вашему высокопревосходительству безъ слезъ донести. Нынѣжъ, находясь въ такой крайности, не имѣя никакой надежды, кромѣ вашего высокопревосходительства, за основаніе почелъ прибѣгнуть къ извѣстной всѣмъ милости вашего высокопревосходительства: сотворите со мной милость, милосердый государь, чтобъ предстательствомъ вашего высокопревосходительства уволенъ я былъ отъ полевой и гарнизонной службы и непорочную мою жизнь на своемъ пропитаніи окончать могъ».

Яковлеву писалъ я, чтобъ онъ, хотя сверхъ моего желанія, руководствовалъ бы мнѣ быть въ отставкѣ, въ которой мнилъ я себѣ найтить послѣднее убѣжище отъ графскаго гоненія. Генералъ Глѣбовъ, увидясь съ Яковлевымъ, посовѣтовалъ о моей крайности и положилъ помогать мнѣ всѣми силами, дабы какъ можно избавить меня изъког-тей сильныя руки и доставить мнѣ отставку. Генералъ Глѣбовъ приказалъ экзекутору Бороздину, чтобъ я прислалъ челобитную не чрезъ армейскихъ генераловъ, у коихъ я тогда находился по списку въ командѣ, но прямо въ Петербургъ къ нему Глѣбову. Я, получивъ отъ Бороздина экзекутора письмо о присылкѣ челобитной къ отставкѣ меня отъ службы, послалъ оную челобитную, въ которой прописывалъ свою службу, при фейверкѣ полученные въ голову удары и раны, и настоящую тогда свою болѣзнь и слабость, въ которой я находился. На мою челобитную прислано къ генералу Надельферу повелѣніе, чтобъ меня отправить съ пашпортомъ въ Петербургъ для отставки. Я началъ собираться изъ Риги къ моему отъѣзду, а между тѣмъ всѣ артиллерійскіе офицеры, коихъ тогда въ Ригѣ было довольно, хаживали ко мнѣ каждый день въ квартиру для препровожденія времяни. Въ одинъ день пришли ко мнѣ офицеры и сказываютъ, что они были вмѣстѣ съ докторомъ и свидѣтельствовавали офицера, оказавшагося въ безумствѣ, и что тотъ докторъ притомъ сказалъ всѣмъ вслухъ, что оной болѣзни, притворная ль или настоящее поврежденіе ума есть, дознать по медицынѣ никакъ не можно. Одинъ изъ офицеровъ *) сказалъ мнѣ легонько смѣючись: «посмотри, братецъ, что̀ я сдѣлаю и какую штуку изъ сего устрою, ты скоро услышишь». Я дознался, что онъ притвориться намѣренъ сумасшедшимъ, въ чемъ и не обманулся: онъ чрезъ нѣсколько дней произвелъ свое намѣреніе въ дѣйство. Въ половинѣ ночи, въ которое время люди всегда принимаются за сонъ крѣпкій, онъ въ одной рубахѣ, босыми ногами, безъ человѣка, чрезъ немалую дистанцію или разстояніе по улицѣ, въ зимнее время, прибѣжалъ къ поручику Василью Сабанееву **) на квартиру, сказывая ему смутнымъ и дрожащимъ голосомъ, якобы человѣкъ его (называя того слугу именемъ) прибѣжалъ къ нему сейчасъ съ дороги, отъ жены его, и сказалъ ему, что жену его (называя ее именемъ) везутъ къ нему въ гробѣ мертвою;—онъ человѣка истинно предъ тѣмъ послалъ за женою, о томъ всѣ офицеры уже знали, и она потомъ вскорѣ къ нему въ Ригу

---

*) Я утаю сего офицера имя, а буду называть *онъ*, для того что въ молодости было сдѣлано въ шуткахъ, того подъ старость слышать нелестно.

**) Отцу славнаго въ нашемъ столѣтіи генерала Ивана Васильевича Сабанѣева. П. Б.

и пріѣхала. Офицеръ предъ Сабанеевымъ такъ умѣлъ притвориться сумасшедшимъ, что Сабанеевъ въ истинну повѣрилъ, оробѣлъ и пришелъ въ смущеніе, не зналъ что съ сумасшедшимъ дѣлать, началъ молитвы говорить и его крестить; наконецъ, Сабанеевъ послалъ слугу своего и созвалъ другихъ офицеровъ къ себѣ на совѣтъ, а какъ они собрались, то съ помощію ихъ едва отвели они больнаго въ его квартиру. Послѣ сего представленія, чтобы всѣхъ въ томъ увѣрить, что онъ не притворился, сказался больнымъ и не выходилъ изъ квартиры нѣсколько дней. Я зналъ его притворную болѣзнь и шутку, но весьма досадывалъ, что на то время, какъ онъ не выходилъ изъ своей квартиры, компанія наша веселая умолкла: онъ былъ веселаго духа и умѣлъ шутить очень кстати, потому всѣ офицеры были отъ него неотлучны. Онъ, будучи прежде сего ундеръ-офицеромъ, въ Ригѣ, посаженъ былъ за нѣкоторый проступокъ въ полковую канцелярію подъ караулъ; оная канцелярія отведена была у мѣщанина и состояла съ хозяиномъ только чрезъ однѣ сѣни. На то время, какъ онъ былъ подъ карауломъ, умерла у хозяина престарѣлая женщина, которую по обряду положивъ во гробъ вынесли на ночь въ сѣни; морозы были тогда жестокіе, отчего упокойница получила въ тѣлѣ окаменѣніе. Онъ еще съ вечера, примѣтя старушку въ гробѣ, захотѣлъ изъ оной упокойницы сдѣлать шутку. Въ полковой канцеляріи ночевали многіе ундеръ-офицеры караульные, а можетъ быть также подъ карауломъ какъ и онъ, писари и пушкари; по многимъ съ вечера шуткамъ легли они спать покойно. Онъ, вставъ передъ свѣтомъ съ постели, пошелъ на дворъ въ темнотѣ, вынулъ старуху изъ гроба, притащилъ ее въ полковую канцелярію и, поставивъ стоймя возлѣ печи, самъ легъ на свою постелю спать. Время пришло вставать, караульный ундеръ-офицеръ приказалъ истопнику огонь вырубать; истопникъ, сыскавъ трутъ, кремень и огниву, началъ высѣкать огонь; а какъ отъ кремня и огнива полетѣли первыя искры и освѣщали комнату, то оными искрами съ перваго блеска показалось всѣмъ въ глазахъ нѣчто возлѣ печи стоящее бѣлое. Истопникъ, примѣчая болѣе всѣхъ такое явленіе, пріумножилъ своей скорости высѣкать искры, отъ которыхъ усмотрѣлъ безъ ошибки, что стоитъ возлѣ печки упокойница-старушка; истопникъ первый пришелъ въ робость, бросилъ огниву и кремень на полъ, кинулся безъ памяти бѣжать изъ канцеляріи, а отъ скорости, не могши миновать въ потьмахъ, зацѣпилъ за старуху окостенѣлую отъ мороза, которая, упавши на полъ, сдѣлала большой стукъ. Зрители, лежавшіе на постеляхъ, содрогнули всѣ отъ сего явленія, закричали во весь голосъ: «аяя, аяя», и побѣжали изъ канцеляріи въ однѣхъ рубахахъ и босыми ногами на улицу; потуда претерпѣвали они страхъ и стужу, по-

куда хозяинъ взялъ свою бѣглую старуху и положилъ по прежнему въ ея вѣчный домъ. При всемъ томъ онъ также боялся и бѣгалъ, какъ и прочіе товарищи его, любуясь сдѣланною шуткою.

Я, получа отъ Надельфера пашпортъ и распростясь со всѣми пріятелями въ Ригѣ, 1759 г. въ половинѣ Генваря, отправился въ Петербургъ. Въ самое то время была великая оттепель и грязь, такъ что мы до самой своей мызы, которая отъ Петербурга въ 60 верстахъ состояла, ѣхали на колесахъ. Пріѣхалъ тогда ко мнѣ мой пріятель, экзекуторъ Бороздинъ, съ которымъ мы, поживъ недѣлю, отправились въ Петербургъ. Я явился съ пашпортомъ у генерала Глѣбова, отъ Глѣбова былъ нарядъ еще меня свидѣтельствовать одному доктору, двумъ штабъ-лекарямъ и одному лекарю. Докторъ Бехерахъ, который прежде меня лечивалъ и былъ мнѣ хорошій пріятель, увѣрилъ меня, что моя болѣзнь не опасна и что это не чахотка, а происходитъ отъ дѣйствія генерала; они всѣ подписали мнѣ аттестатъ въ моей болѣзни въ сходство Рижскаго доктора.

Графъ повидимому не довѣрялъ и сему осмотру въ моей болѣзни и принялъ намѣреніе еще меня самъ свидѣтельствовать; но Яковлевъ представилъ ему невозможность таковую, что когда по одному офицеру свидѣтельствовать будетъ, то ему графу великое произойдетъ отъ того затрудненіе, а дожидаться покуда соберутся десять человѣкъ для смотра, будутъ порожнія мѣста въ полкахъ; а нужда обстоитъ нынѣ въ офицерахъ великая. Такими представленіями Яковлевъ освободилъ меня отъ графскаго смотра, въ чемъ я никакого сомнѣнія не имѣлъ: можетъ быть и графъ, увидя мою непритворную слабость, увѣрился бы въ подлинности моей болѣзни.

Потомъ представили меня въ Военную Коллегію, а въ представленіяхъ графскихъ писали тогда въ Коллегію два слова: «на разсмотрѣніе» и «въ разсмотрѣніе». Когда офицера посылали въ Коллегію на разсмотрѣніе, тогда Коллегія отставляла его въ отставку безъ препятствія; а когда напишутъ объ немъ въ разсмотрѣніе, тогда Коллегія назадъ служить возвращала или безъ награжденія чина отъ службы увольняла. Съ таковымъ послѣднимъ оракуломъ я былъ въ Коллегію представленъ къ отставкѣ. Какъ я на смотръ явился, и Коллегія усмотрѣла во мнѣ непритворную болѣзнь, то отставила меня тѣмъ же чиномъ, капитаномъ. Хотя нашъ генералъ Глѣбовъ, который тогда въ Коллегіи жь Военной присутствовалъ, и много противурѣчилъ, предлагая обо мнѣ, что я уже заслужилъ указный срокъ въ одномъ чину, и при отставкѣ надлежитъ безъ всякаго сомнѣнія наградить меня чиномъ; но того не сдѣлали или не смѣли графскаго сигнала «въ разсмотрѣніе» нарушить.

Я, получивъ отъ Военной Коллегіи указъ о моей отставкѣ, того жъ 759 года въ Маіѣ мѣсяцѣ, изъ Петербурга отправился съ женою и пасынками моими въ Москву, благодаря Бога, что спасся невидимой рукой отъ угрожаемаго мнѣ бѣдствія. Въ томъ же году отъѣзжалъ изъ Москвы зять мой Самойловъ, съ моею сестрою и съ дѣтьми, въ Синбирскъ, гдѣ онъ опредѣленъ былъ валдмейстеромъ. Мы съ женою моею согласились проводить его до Ростова, тамъ простясь съ зятемъ и помолясь святителю Димитрію Ростовскому о ходательствѣ его о насъ къ Богу и приложась его святымъ мощамъ, возвратились въ Москву.

Того жъ лѣта, въ Августѣ мѣсяцѣ, поѣхали мы въ Зарайскую свою деревню, въ которой познакомились съ тамошними сосѣдями; зачали мы забывать въ Ригѣ бывшее въ болѣзни моей частое свидѣтельство, а здоровье мое часъ отъ часу стало приходить въ лучшее состояніе.

Въ 761 году поѣхали мы въ Кромскую свою деревню, которая отъ Москвы отстоитъ 450 верстъ. Сынъ у меня былъ Дмитрій, коему тогда было отъ роду одинъ годъ и шесть мѣсяцевъ, занемогъ ѣхавши въ дорогѣ поносомъ и къ великой моей горести скончался, оставя по себѣ неописанную печаль и слезы. Мы еще не оплакали кончины сына своего, когда усугубило нашу печаль болѣе: меньшой пасынокъ мой, Алексѣй, по пятому году, скончался отъ воспы, которая такъ зла была, что престарѣлые отъ роду лѣтъ въ 60 оною лежали.

Судьбина оставшаго отъ серпа воспы моего пасынка. Ему было имя Николай, а при моей женитьбѣ отъ роду только три года; я его принялъ воспитывать на свои руки не для тщеславленья, но по собственному моему произволенію и по жалости, что онъ къ своему воспитанію не имѣлъ попечителя, роднаго своего отца. Началъ его при себѣ грамотѣ учить не такъ, какъ меня училъ пономарь Филиппъ Брудастой, который только мучилъ однимъ всегдашнимъ прилежнымъ сидѣньемъ, а не ученіемъ: я училъ своего пасынка, не доводя его никогда до малѣйшей скуки въ ученіи, пускалъ его часто гулять и пріучалъ самого по своей волѣ садиться за ученіе, безъ всякаго позыва и принужденія. Когда онъ пришелъ возрастомъ за десять лѣтъ, тогда обучилъ я его ариѳметикѣ и рисовать, къ чему онъ великую имѣлъ охоту и понятіе; отдавали мы его потомъ въ пансіонъ и въ университетъ обучаться Французскому языку, математикѣ и прочимъ наукамъ, вездѣ онъ прилежно обучался и съ великой похвалою ото всѣхъ учителей; особливо ко мнѣ имѣлъ онъ любовь, почтеніе и ласку, болѣе нежели къ его родной матери, которая его безпримѣрно любила. Когда ему отъ роду было 15 лѣтъ, онъ тогда былъ въ артиллеріи сержантомъ, къ службѣ онъ былъ превеликій охотникъ и по своимъ лѣтамъ казался неусыпнымъ; онъ игралъ очень хорошо на скрипкѣ,

былъ нравомъ тихъ и молчаливъ, пофранцузски хотя зналъ говорить и переводить на Русское, только не имѣлъ склонности разговариват на ономъ языкѣ. Съ возрастомъ его и наше утѣшеніе умножалось всечасно, мы не могли на его поступки глядя налюбоваться; а паче мать, которая хотя отъ него и не видала большой ласки (вѣроятно мамки молодыя ему къ уши нашептали, что еслибъ матушка тебя любила, не пошлабъ для тебя замужъ), однакожъ безпримѣрно его любила и не могла на него наглядѣться. Къ большему нашему порадованію, а паче матери, пожаловали его въ 770 воду штыкъ-юнкеромъ и въ томъ же году, въ Маіѣ мѣсяцѣ, командировали въ Кіевъ, гдѣ онъ, по своему знанію и прилежнымъ трудамъ, былъ и признанъ за исправнаго офицера, и употребленъ отъ генералъ-майора Ливена ко всѣмъ нужнымъ исправленіямъ. Въ тожъ самое время городъ Бендеры содержался въ аттакѣ отъ второй нашей арміи, въ которую отъѣзжалъ майоръ Сабанеевъ; пасынокъ мой отпросился у генерала Ливена ѣхать съ Сабанеевымъ охотою и прибылъ за десять дней. При взятіи Бендеръ на штурмѣ, хотя онъ и не былъ, только былъ въ великой опасности: когда онъ шелъ изъ лагеря въ шанцы репортовать, будучи между крѣпости и лагеря на самой серединѣ, тогда выпущена была изъ города немалая партія конныхъ Турокъ, которые стремились въ лагерь, въ таковомъ намѣреніи, что войско Всероссійское упражняется въ аттакѣ крѣпости, а при лагерѣ былъ оставленъ конвой не въ большомъ числѣ; Турки хотѣли своимъ нападеніемъ взять лагерь, однако того имъ сдѣлать не удалось, сіе усмотря аттакующіе отрядили на воспрепятствіе ихъ пристойную команду, которая Турокъ къ лагерю не допустила. Пасынокъ мой, видя нечаянно Турокъ къ нему приближающихъ, отчаялся спасти свою жизнь, отъ робости не зналъ что дѣлать; на ту пору везетъ погонщикъ раненаго отъ крѣпости солдата; слуга пасынковъ (который съ нимъ былъ) столкнулъ погонщика и солдата съ телѣги, посадя пасынка на подводу, увезъ его отъ непредѣленнаго ему рока, а погонщикъ съ солдатомъ въ ихъ виду были отъ Турокъ изрублены: такъ мой пасынокъ на тогдашній часъ спасъ свою жизнь смертію другихъ. По взятіи Бендеръ вторая наша армія, подъ командою графа Панина, переправясь чрезъ Днѣстръ, устремилась вся на мѣсто сборное къ Полтавѣ. Мой пасынокъ, переѣзжая зимою чрезъ Днѣстръ, имѣлъ несчастіе обломиться на льду и съ кибиткою, по счастію жизнь свою спасъ и съ будущими при немъ людьми. Въ первый тогда разъ взмахнула сія стихія на его несчастіе и грозила ему потопленіемъ, дабы онъ на водѣ былъ осторожнѣе. Между тѣмъ ему досталось въ перемѣнѣ подпоручика и написанъ онъ въ Харьковъ, къ губернатору Щербинину, для обученія

артиллерійскихъ служителей въ его полкахъ, почему и посланъ былъ уже ордеръ, дабы его возвратить отъ арміи въ Харьковъ; а между тѣмъ онъ съ арміею, 771 году въ Маіѣ мѣсяцѣ, отправился къ Крыму. Получа о возвратѣ своемъ ордеръ, писалъ къ намъ, чтобъ мы отпустили ему его непослушаніе, что онъ взялъ намѣреніе охотою ѣхать въ Крымъ, и что въ своемъ походѣ никакой нужды не имѣетъ. Увы, въ какой человѣческая жизнь неизвѣстности находится, что не имѣетъ нималѣйшаго предзнанія о своемъ несчастномъ концѣ! Къ чему самоизвольно мой пасынокъ предпріялъ быть при арміи, а не въ Харьковѣ? Дошелъ онъ съ арміею до Петершанца, оная крѣпость отстоитъ отъ Крыма только въ 90 верстахъ, построена на рѣкѣ называемой Московкѣ; армія, перешедъ рѣчку по сдѣланному мосту, стала противъ крѣпости въ полуверстѣ лагеремъ. Оной крѣпости артиллерійскій офицеръ звалъ къ себѣ изъ лагеря маіора артиллерійскаго-жъ Шаховскаго и другихъ офицеровъ обѣдать; а какъ пасынокъ мой стоялъ вмѣстѣ съ маіоромъ въ одной палаткѣ, то и онъ съ прочими приглашенъ былъ туда же: они, собравшись, сѣли на своихъ лошадей верхами и поѣхали въ крѣпость, черезъ рѣчку Московку, по сдѣланному мосту. За пасынкомъ моимъ слуга хотѣлъ также ѣхать въ крѣпость; но маіоръ Шаховской сказалъ, что оное будетъ лишнее, потому что за нимъ будутъ двое вершниковъ, такъ есть кому у него принять лошадь. Они обѣдали (какъ послѣ уже мы обстоятельно слышали) съ великимъ веселіемъ, пасынокъ мой въ столѣ раздавалъ кушать, игралъ потомъ во удовольстіе всѣмъ на скрыпкѣ; наконецъ, компанія, оная, видно, что небережно обошлась съ пуншемъ, сдѣлались всѣ пьяны, отчего по веселіи произошелъ у маіора Шаховскаго съ комендантомъ оной крѣпости великій вздоръ, шумъ и драка. Комендантъ битый и пьяный, будучи въ жару, выбѣжалъ изъ покоя на дворъ, закричалъ во весь голосъ, созывая своей команды солдатъ и приказывая всѣхъ брать подъ караулъ. Пасынокъ мой, боясь, чтобъ онъ не былъ участникъ таковаго случившагося безпорядка, а можетъ быть и ему вложили въ молодую голову хмѣль (ему было только 17 лѣтъ), сѣлъ верхомъ на свою лошадь и поѣхалъ одинъ изъ крѣпости въ задніе ворота, къ которымъ изъ рѣчки Московки былъ разливъ проросшій весь травою и кустаремъ. Онъ выѣхалъ за крѣпость и не хотя ѣхать прежнею дорогою, по которой ѣхалъ съ товарищами на мостъ, поѣхалъ онымъ заливомъ и хотѣлъ переѣхать чрезъ рѣчку въ лагерь прямо. День тогда былъ самый лѣтній, то многіе солдаты купались по тому заливу и сидѣли на берегу; солдаты оные, какъ и часовой съ крѣпости, кричали ему всѣ, чтобъ онъ не ѣздилъ черезъ рѣчку прямо, сказывая, что она глубока, а ѣхалъ бы по прежнему своему

тракту на мостъ; но онъ никого на тотъ случай не послушалъ, сказавъ всѣмъ, кои ему воспрещали ѣхать, что онъ чрезъ эту рѣчинку переѣдетъ прямо въ лагерь. Онъ ѣхалъ тѣмъ заливомъ, который былъ не глубокъ, у всѣхъ въ виду немалое время, какъ доѣхалъ до глубокаго рѣки стремяни, а берега были во утесъ крутые, то лошадь его и съ нимъ погрузилась въ мигъ въ воду. Долгое время было не видать его, потомъ лошадь оказалась на верхъ воды, и онъ на ней еще сидѣлъ верхомъ, но какъ видно отъ долговременнаго бытія въ водѣ лишился резолюціи и, пришедъ въ робость, не отдалъ на волю лошади, которая бы съ нимъ на берегъ выплыла безъ всякаго препятствія и спасла бъ его жизнь отъ потопленія. Но онъ вопреки сдѣлалъ, лошадь свою муштукомъ или шпорами понудилъ, отчего она стала вверхъ головою перпендикулярно, а задъ опустя въ воду по шею, передними ногами болтала воду; тогда онъ уже не могъ сдержаться на сѣдлѣ, свалился въ воду и погрузъ на дно. Нѣсколько времени еще держалъ онъ отъ узды поводъ, лошадь принуждена была кругомъ того мѣста, гдѣ онъ за поводъ держался и на немъ висѣлъ, плавать; а какъ онъ изъ рукъ поводъ выпустилъ, то лошадь его въ тотъ же моментъ выплыла на берегъ; а онъ, не умѣя притомъ плавать, безъ всякаго сопротивленія опустился въ глубину рѣки на дно и утонулъ. Приономъ тогда несчастномъ и жалкомъ приключеніи неподалеку былъ перевозъ на лодкѣ, на которомъ изъ Малороссіянъ отставной солдатъ опредѣленъ или по своей волѣ былъ. Этотъ адскій слуга Хароновъ видѣлъ утопшаго гибель и страданіе, но не только несчастному подать помочь отъ потопленія, даже и мѣсто подлинно указать не хотѣлъ, на которомъ онъ утонулъ. Вотъ какія есть чуды въ родѣ человѣческомъ! Видно изъ одного корыстолюбія, что самъ убійствомъ звѣрскимъ сдѣлать былъ не въ состояніи, то радовался несчастному утопшему, думая, по отшествіи отъ того мѣста лагеря, вынуть и обравъ тѣмъ гибельнымъ достаткомъ попользоваться одному. Люди узнали о его потопленіи, когда одинъ солдатъ принесъ его шляпу въ лагерь. Таковое извѣстіе огорчило много его пріятелей, кои съ людьми кинулись на рѣку искать его, трудясь всю ночь, только не нашли; на другой день одинъ егерскій погонщикъ, коему даны деньги, вынулъ его изъ воды къ великому всѣхъ его знакомыхъ, а паче командировъ, которые его любили, сожалѣнію. Маіоръ Шаховской съ офицерами ночевали пьяные въ той крѣпости; поутру отъ генерала былъ ему только выговоръ, что онъ своимъ гуляньемъ потерялъ хорошаго офицера, за которымъ ему бы должно еще смотрѣть, какъ за молодымъ человѣкомъ.

Такъ мой и послѣдній пасынокъ, а несчастный плодъ Нечаева, симъ случаемъ прекратилъ жизнь свою, котораго и похоронили въ той же крѣпости. Я вообразить того не могу, какъ мы могли толь жестокую намъ печаль перенести. Мы, услыша о семъ несчастіи, три раза принимались его оплакивать всѣмъ домомъ и три раза ложною отрадою утѣшались, въ чаяніи еще ему быть живому; наконецъ, рѣшилось наше мученіе, и надежда исчезла тѣмъ, что пріѣхали бывшіе при немъ люди и привезли полное извѣстіе къ нашему сѣтованію. Мы, получа оныя несчастныя вѣсти, слезы къ слезамъ и вопль къ воплю пріумножили, не находя ни отъ кого и не принимая никакого утѣшенія. Жена моя, а его мать, пришла до великаго изнеможенія отъ оной печали; она, по многомъ рыданіи и плачѣ, приходила въ безпамятство и обморокъ, потомъ мало возвращалась въ чувство, представляла его утопшаго передъ глазами своими лежащаго, съ которымъ прощалась съ такимъ желаннымъ выраженіемъ, рыдая неутѣшно: «ну, теперь прости, мой батюшка, въ послѣдній разъ прости»; за тѣмъ она опять приходила въ безпамятство на нѣсколько часовъ, съ великими вздохами. Два года оплакивала она и не осушала глазъ своихъ день и ночь, такъ что насилу спасла жизнь свою, которая въ великой опасности была; наконецъ, въ утѣху отъ оныхъ слезъ ничего мы не получили, жена моя здоровья много у себя убавила, а я у глазъ зрѣніе повредилъ.

Въ 761 году возвратились мы изъ Украинской деревни въ Москву, а по исходѣ того года скончалась Государыня Елисавета Петровна. По кончинѣ ея открылась любовь къ сей Монархинѣ и сожалѣніе: всякій домъ проливалъ по лишеніи ея слезы, и тѣ плакали неутѣшно, кои ея не видали никогда: толико была любима въ народѣ своемъ. По кончинѣ ея принялъ престолъ правленія Петръ Третій, но немного правилъ, скончался. Приняла по немъ престолъ Государыня Екатерина Алексѣевна и въ 762 году, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, прибывъ въ Москву, короновалась. Въономъ же году подалъ я въ Военную Коллегію челобитную, что при отставкѣ не былъ награжденъ чиномъ. Въ оной Коллегіи былъ тогда вицъ-президентъ графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ; я по моей челобитной былъ удовольствованъ. 765 Іюня 3 дня отъ Коллегіи получилъ чинъ артиллеріи маіора.

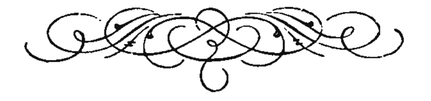
Пріятели мои и бывшіе командиры, вѣдая обо мнѣ, что я со излишествомъ противъ прочихъ офицеровъ имѣлъ случай обращаться въ артиллерійской наукѣ и зналъ ее, просили отъ меня для своихъ дѣтей ученыхъ записокъ; а другіе искали отъ меня и того формально, дабы я и самъ собою оказалъ дѣтямъ ихъ таковую услугу, чтобъ по временамъ свободнымъ, ѣздя къ нимъ, указывать могъ, почитая меня какъ человѣка

свободнаго. Но я свою вольность никому въ таковую должность не рекомендовалъ, а нашелъ средства всѣмъ имъ услужить: написалъ я *артиллерійскаго знанія* книжку, отдалъ ее напечатать, роздалъ всѣмъ моимъ пріятелямъ и тѣмъ всѣхъ ихъ удовольствовалъ за 250 р., что и заплатилъ за печатаніе книжки, а самъ чрезъ то отбылъ отъ должности учительской.

*

По порядку, принятому авторомъ, ему слѣдовало разсказать судьбу меньшихъ своихъ братьевъ, Ѳедора, Аѳанасія, Льва и Ивана; но, или они померли всѣ малолѣтны, или конецъ рукописи утраченъ. Только о сестрѣ своей Прасковьѣ онъ написалъ своеручно на одной бѣлой страницѣ:

Прасковья, сестра моя, будучи въ Москвѣ въ нашемъ домѣ, выдана въ замужство за поручика Никиту Васильевича Коверина, который былъ при межеваньѣ, потомъ при экономическихъ деревняхъ казначеемъ, наконецъ въ Танбовѣ при Казенной Палатѣ стряпчимъ; прижилъ съ Прасковьею Васильевною сыновей, Николая, Павла *), Илью, дочь Александру, и въ 788 году Февраля 20 скончался отъ припадка.



*) Павелъ Никитичъ Каверинъ впослѣдствіи сдѣлался извѣстенъ, бывъ Московскимъ оберъ-полицеймейстеромъ при Павлѣ, Калужскимъ и Смоленскимъ губернаторомъ въ 1812 году.

ПИСЬМО УСМИРИТЕЛЯ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА ГРАФА П. И. ПАНИНА КЪ ИЗВѢСТНОМУ МАСОНУ ВЫШНЕВОЛОЦКОМУ ПОМѢЩИКУ О. А. ПОЗДѢЕВУ.

Изъ Москвы, Декабря 21-го 1776 года.

Благодарствую васъ, государь мой Осипъ Алексѣевичъ, за всегдашнее преподаванiе мнѣ (въ письмахъ моего господина секретаря) знаковъ сохраняемаго всегда неотмѣнно вашего ко мнѣ усерднаго прiятства. Будьте увѣрены, что и отъ моей стороны оное къ вамъ соблюдается съ наилучшимъ доброжелательствомъ и искренностiю; почему теперь и дозволяю себѣ употребить васъ къ возможному вспоможенiю въ моей страсти къ псовой охотѣ.

Два года уже старанось я собрать себѣ достаточную свору, все сѣрыхъ, борзыхъ собакъ; но за бывшимъ въ нихъ моромъ не дошелъ больше, какъ имѣю къ веснѣ только трехъ кобелей сей шерсти. А спозналъ я, что въ провинцiи вашей, у помѣщика Петра Михайловича Ермолова, живущаго въ деревнѣ своей, называемой Чернявино или Черное, есть рѣзвой кобель сѣрой; и какъ низовыя наши собратiя, за послѣднее мое на оборонѣ ихъ служенiе, почти всѣ изъявляли и казалися быть желательными, при удобныхъ случаяхъ, вспомоществовать и мнѣ въ моихъ отъ нихъ выгодахъ: то невозможно-ли вамъ, дорогой прiятель, изобрѣсти средство онаго борзаго сѣраго кобеля доставить мнѣ, къ бóльшему отъ хозяина его одолженiю, и съ тѣмъ Петру Михайловичу отъ меня обѣщанiемъ, что я буду за оное ему не только навсегда благодаренъ, но и готовъ, естьли онъ пожелаетъ, того самаго кобеля, когда не изведется, возвратить ему осени чрезъ двѣ, или, между тѣмъ, прислать ему изъ моихъ достойную суку, вязаную либо съ нимъ самимъ, либо съ какимъ лучшимъ изъ моихъ кобелей. Я увѣренъ, что вы, государь мой, съ охотою употребите ваше возможное къ тому старанiе. Богу благодаренiе, я со всѣми моими ближними теперь здоровъ. Вашимъ, преосвященному, господину полковнику и всѣмъ памятующимъ меня у васъ въ краю усердно кланяюсь и всегда пребываю съ неотмѣнными искренностiю и почтенiемъ вашему высокоблагородiю, государю моему, вѣрнымъ слугою

графъ Петръ Панинъ.

(Сообщено А. К. Жизневскимъ изъ Тверскаго Музея, куда доставлено Н. П. Милюковымъ).

ШУТОЧНОЕ ПОСЛАНІЕ АДАМА ВАСИЛЬЕВИЧА ОЛСУФЬЕВА КЪ КНЯЗЮ Г. Г. ОРЛОВУ.

Славный статсъ-секретарь Екатерины Великой А. В. Олсуфьевъ владѣлъ имѣніемъ Кöёровымъ, подъ Петербургомъ, въ сосѣдствѣ съ извѣстнымъ Лиговымъ, которое принадлежало князю Орлову.

Свѣтлѣйшій князь
Милостивый государь!
Съ малюткою поклонъ мой низкой приношу.
Внемли мнѣ, государь, о чемъ тя днесь прошу.

*

По счастью моему живу съ тобой въ сосѣдствѣ,
Но отъ Чухо̀нъ твоихъ теперь въ немаломъ бѣдствѣ.
Исторгни изъ меня заботу и тоску,
Изъ Лигова позволь мнѣ въ садъ мой брать песку.
Они жъ треклятые свою всю мертвечину,
Лишь кожу ободравъ и съ гривой снявъ личину,
Во рвы глубокіе въ дали не зарываютъ,
Но, вмѣсто ладона, мнѣ подъ носъ въ лѣсъ бросаютъ.
Четыре съ кабака дни сряду не сходили,
Ромашку подъ ячмень верхами боронили.
Умышленно моихъ убили трехъ собакъ,
Вино лишь только пьютъ и въ ротъ кладутъ табакъ.
„На большанъ не глядутъ, рапотать не селаютъ",
„Се фъ разности сивутъ, и ляшутъ, и куляютъ" *).
Чтобъ чортъ ихъ задавилъ и либъ повѣсилъ бѣсъ,
За то что сверхъ того весь вывели мой лѣсъ.

*) Чухонско произношеніе.

ПРИЖИВАЛЬЩИКИ И ПРИЖИВАЛКИ.

Кинь хлѣбъ-соль позади, очутится впереди.
Русская пословица.

Слова́ «приживальщикъ» и «приживалка» вошли въ употребленіе въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ: въ романахъ того времени клеймили насмѣшкою равно и того, *кто* приживалъ, какъ и того, у *кого* находились эти люди. О приживальщикахъ и приживалкахъ позволю себѣ говорить по впечатлѣніямъ, оставленнымъ во мнѣ съ дѣтства.

Почему въ наше время, т.-е. въ 1883 году, встрѣчаешь на каждомъ шагу цѣлыя семьи и даже людей одинокихъ въ самомъ бѣдственномъ положеніи? Нѣкоторые медленно умираютъ съ голоду и нужды, другіе—самоубійствомъ во всѣхъ его видахъ избавляются отъ жизни, которая становится невозможною, невыносимою.... и оставляютъ за собой исповѣдь, въ которой значится, что нищета, одна нищета — причиной самоубійства? Взгляните: всѣ газеты наполнены этими грустными фактами. Отчего жъ это? Рядомъ, на столбцахъ тѣхъ же самыхъ газетъ, развѣ не видите вы отчетъ за отчетомъ объ открывающихся повсюду или уже открытыхъ всевозможныхъ богадѣльняхъ, пріютахъ, больницахъ, какъ городскихъ, такъ и земскихъ, сельскихъ? Вездѣ процвѣтаютъ благотворительныя общества; по отзывамъ тѣхъ же газетъ, они пекутся неусыпно о нуждающихся. Вслѣдствіе ихъ попеченій, всѣ богадѣльни и пріюты переполнены. И все же этого мало, мало, мало.... И нищета безпомощная, и самоубійства вслѣдствіе нищеты идутъ своимъ чередомъ!

Въ дѣтствѣ и въ юности моей, т.-е. въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, о подобной *общественной* благотворительной дѣятельности не было и помину, также какъ мало было и тѣхъ благотворительныхъ учрежденій, которыхъ въ нынѣшнемъ 1883 году устроено такое множество, не только въ столицахъ, но и въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, даже въ самыхъ уѣздахъ, при волостныхъ правленіяхъ. Не смотря на то, нищеты почти не было нигдѣ, а объ самоубійствахъ, вызываемыхъ ею, и слуховъ не было. Почему такъ? Какая тому причина?

Главная, по моему, причина (а ихъ много) есть та *непроизводителъная* роскошь, о которой не имѣли понятія наши предки. Она стала появляться у насъ въ концѣ 20-хъ, въ началѣ 30-хъ годовъ и,

медленно расплываясь тлетворной гнилью, изъ высшихъ сферъ въ низшія, отравила ядомъ своимъ и самое крестьянство.

Въ чемъ же состояла другая, мною окрещенная *производительною*, роскошь нашихъ предковъ? Въ хлѣбосольствѣ, принимавшемъ во времена ὀны, если можно такъ выразиться, чудовищные размѣры. Но самою этою чудовищностью наши предки питали тысячи и тысячи голодныхъ, пригрѣвали холодныхъ, одѣвали нагихъ, обували босыхъ. То была роскошь производительная, благотворная. Роскошь же нашего времени—узкая, сухая, эгоистическая.

Да, хлѣбосольны были наши предки, наши отцы и матери. Приведу не столь еще давній, памятный *мнѣ* примѣръ голодныхъ 39-го и 40-го годовъ нашего столѣтія, когда еще существовало крѣпостное право. Это варварское право мнѣ было ненавистно, и то, что́ скажу ниже, говорю *не* въ защиту того безобразнаго, унизительнаго состоянія, изъ котораго извлекла народъ Русскій сострадательная рука незабвеннаго и милостиваго Царя-Освободителя. Описываю дѣло, какъ оно было. Въ 39-мъ и 40-мъ году, какъ извѣстно, былъ повсемѣстный неурожай хлѣба. Всѣ почти помѣщики считали долгомъ, подвергаясь сами всякимъ лишеніямъ, прокормить крестьянъ своихъ; а эти крестьяне, по чувству состраданія, врожденному Русскому человѣку, удѣляли изъ дароваго хлѣба тѣмъ нищимъ изъ сосѣднихъ деревень, чьи помѣщики не считали нужнымъ заботиться о прокормленіи своихъ рабовъ. Мнѣ осталось въ памяти, какъ нашъ сосѣдъ, Е. И. К., въ 1841 году, когда миновалъ уже голодъ и жатва созрѣла обильная, прибылъ изъ Петербурга, гдѣ онъ до того времени проживалъ и, пріѣхавъ къ намъ, съ иронической усмѣшкой сказалъ: «Я пріѣхалъ благодарить «моихъ сосѣдей за то, что *они прокормили моихъ* крестьянъ въ голодный годъ». И точно, никто въ его деревнѣ не умеръ съ голоду, крестьяне прокормились подаяніями сосѣднихъ деревень, и барину не стоили ни гроша.

И такъ крестьяне всегда имѣли кусокъ хлѣба и хотя въ голодные годы въ *иныхъ* мѣстностяхъ питались въ проголодь, но все же питались. Нечего и говорить, что въ сколько нибудь урожайные года крестьяне живали въ довольствѣ.

Что жъ въ то время дѣлалъ пролетаріатъ, тотъ пролетаріатъ, который теперь пробавляется, обкрадывая банки, или, неспособный ни къ работѣ, ни къ воровству, кончаетъ самоубійствомъ? Тогда, какъ и теперь, тотъ изъ пролетаріевъ, кто былъ поумнѣе, потрезвѣе и потрудолюбивѣе, даже не вполнѣ образованный, добывалъ себѣ хлѣбъ трудами рукъ своихъ или умственной работой; а тотъ кто ни *къ чему* не былъ способенъ, тотъ всегда находилъ себѣ пріютъ у какого ни-

будь барина-помѣщика, поступалъ къ нему въ такъ называемые приживальщики. Вдовы, сироты, старыя дѣвы и проч. находили всегда себѣ уголокъ въ обширныхъ покояхъ деревенскихъ и городскихъ домовъ, гдѣ *западная роскошь* и *комфортъ*, неизвѣстные нашимъ предкамъ, не выгоняли еще стариннаго Русскаго хлѣбосольства.

Тогда не видать было бархатныхъ ковровъ, причудливой мебели, возобновляемой при каждой перемѣнѣ моды, ни воздушныхъ звонковъ, ни электрическаго освѣщенія *). Не тратились цѣлыя состоянія на платья отъ Pulchérie и Ворта. Парчевые роброны нашихъ прабабушекъ переходили изъ рода въ родъ вмѣстѣ съ ихъ кружевами, жемчугомъ, брилліантами и полновѣсной серебряной посудой. Являлись на *ассамблеи* въ однихъ и тѣхъ же платьяхъ и не боялись, что, надѣвъ платье *два* раза сряду, услышатъ изъ устъ знатной особы убійственныя для свѣтской женщины слова: „Votre toillette n'est plus fraîche!“ **).

Вмѣсто электрическаго или газоваго освѣщенія, у насъ въ дѣтскихъ горѣли сальныя свѣчи, съ которыхъ нагорѣвшій фитиль мы снимали щипцами; учились мы при этихъ сальныхъ свѣчахъ лучше и выходили грамотнѣе теперешнихъ свѣтскихъ женщинъ. Не говорю объ исключеніяхъ. Мои родители получали ежегоднаго дохода около двадцати тысячъ рублей ассигнаціями. Жили они достаточными людьми, т. е. мы, дѣти, и всѣ служащіе при домѣ были сыты, одѣты, обуты прилично, по времени года тепло или легко, ни въ чемъ не нуждались; тѣмъ же довольствомъ пользовались и семьи нашей прислуги. Родные мои не копили капиталовъ; но у нихъ никогда, до самой ихъ кончины, не было ни грошу долга. Они помогали всѣмъ тѣмъ, кто у нихъ просилъ взаймы денегъ и не брали, конечно, никогда за эти ссуженныя деньги никакихъ процентовъ. Никогда не слыхала я отъ нихъ того, что̀ вездѣ слышу теперь, даже отъ самыхъ богатыхъ людей, т. е. жалобъ на недостатокъ денегъ; никогда не завидовали они тѣмъ, кто былъ богаче ихъ, и изъ тщеславія не тянулись ни за кѣмъ. Пировъ и званыхъ парадныхъ обѣдовъ родные мои *не* давали, а пріѣдетъ кто откушать — милости просимъ! Матушка, проведшая молодость въ высшемъ свѣтскомъ кругу, вышедши замужъ и сдѣлавшись матерью, бросила всѣ знакомства, никуда никогда не ѣздила въ гости, кромѣ *ближайшихъ* родныхъ въ городѣ, а въ деревнѣ за десятки визитовъ платила сосѣдямъ—однимъ утреннимъ визитомъ. Одѣвалась

---

*) Въ началѣ нашего столѣтія, въ Москвѣ, балы графа Алексѣя Орлова, куда съѣзжалась вся знать, освѣщались *сальными* свѣчами.

**) Ваше платье уже не свѣжо!

она, красивая женщина, очень просто, хотя со вкусомъ; насъ, дѣтей, также не пріучала къ нарядамъ и роскоши.

По зимамъ жили мы въ Москвѣ, квартиру нанимали всегда просторную, теплую, но меблировка ея была самая простая и скромная. На учителей же нашихъ не жалѣли издержекъ. Съ самаго начала брали *лучшихъ*, что̀ тогда значило самыхъ дорогихъ, дабы первое основаніе всякой науки или искусства клалось прочное, и въ послѣдствіи ломки никакой бы не требовалось. Обучались мы, кромѣ роднаго языка, четыремъ живымъ иностраннымъ, а я со старшимъ братомъ и Латинскому, музыкѣ и рисованью.

Лѣто и раннюю осень проводили мы въ деревнѣ; въ Октябрѣ или началѣ Ноября переселялись въ Москву, куда ѣздили въ своихъ экипажахъ и на своихъ лошадяхъ.

Путешествіе наше изъ степной деревни въ Москву продолжалось отъ 5-ти до 6-ти сутокъ; но мы, дѣти, этимъ не скучали, находя развлеченіе въ каждой бездѣлицѣ. Если ѣхали зимой, по *санному* пути *), брали съ собой повара, который, заранѣе, до̀ма, заготовлялъ всякую дорожную съѣстную провизію, а главное—*замороженные щи*, въ которыхъ обыкновенно варилась кислая капуста, клалась говядина, баранина, гуси, утки, индѣйки, куры; потомъ все это вмѣстѣ замораживалось, а на станціяхъ, т. е. въ деревняхъ, гдѣ кормили лошадей днемъ или гдѣ ночевали, отрубали часть замороженной массы, разогрѣвали въ *крестьянской* печи: каждый изъ насъ выбиралъ себѣ изъ щей кусокъ мяса по вкусу. И какъ вкусны были эти щи! Пекли дома, на дорогу, пироги, разные пирожки, приготовляли разную жареную птицу, *вяленыхъ* зайцевъ, поросятъ и проч., которыхъ также разогрѣвали на стоянкахъ. Мы, дѣти, всѣмъ этимъ лакомились, а чтобы коротать время, брали съ собой книгъ, для меньшихъ—карты, чтобъ играть въ дурачки или мельники; тутъ же на станціи, дѣлали изъ соломы бирюльки. Мы, дѣвочки, брали съ собою какую-нибудь работу, вышиванье. Но, ввалившись въ курную избу на обѣденный постой или на ночлегъ, первою нашей заботой было устройство, по возможности, покойнаго, на скамейкѣ, ложа для матери, которая была слабаго здоровья, а тамъ для нашей гувернантки; сами помѣщались, какъ Богъ дастъ, на полу, на соломѣ, прикрытой коврами или на лавкѣ. Лѣтъ десяти я, не раздѣваясь, проспала богатырскимъ сномъ всю ночь, на

---

*) Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ зима становилась ранѣе, чѣмъ теперь. Съ половины Октября былъ уже санный хорошій путь, а въ началѣ Ноября отовсюду тянулись обозы на саняхъ въ Москву.

голомъ полу, а подъ головой была свернутая въ комокъ моя суконная кофточка.

Въ Москву привозили на зиму изъ степной деревни разную провизію для насъ, для прислуги и на кормъ лошадямъ, которыхъ въ городѣ держали шесть. Возили, на время нашего прожитія въ столицѣ, изъ степной деревни: овесъ, муку ржаную, крупу гречневую, масло коровье, птицу битую замороженную; изъ подмосковной: дрова, сѣно, сушеныхъ грибовъ и разную мебель, какъ-то кровати, тюфяки *) и проч. Вся эта мебель, при отъѣздѣ нашемъ въ деревню, увозилась обратно въ подмосковную на крестьянскихъ подмосковныхъ подводахъ, или, если мы уѣзжали въ Мартѣ, послѣднимъ зимнимъ пугемъ, то отправлялась частью въ степную деревню съ обратными степными подводами, привозившими хлѣбъ на Болото. Помню, какъ прибыли разъ *сто* подводъ, порожнями, поднимать нашъ домашній скарбъ. Этими подводами пользовалась наша прислуга для отправки своихъ вещей, а иногда и кой-какого бакалейнаго товара, который въ деревнѣ сбывали съ барышемъ и тѣмъ составляли себѣ небольшіе капиталы. Съ этимъ же степнымъ обозомъ отправлялась въ деревню провизія, закупленная въ городѣ на все лѣтнее время, какъ-то: чай, сахаръ, кофе, свѣчи и разная мелочь, потому что въ нашемъ уѣздномъ городкѣ кромѣ дегтя и мыла ничего купить было нельзя. И почта-то приходила туда только *одинъ* разъ въ недѣлю!

При подобномъ образѣ жизни, въ городѣ приходилось покупать для стола только говядину, кой-какую мелочь, да чай, сахаръ, кофе, свѣчи. Расходы по дому не могли сравняться съ тѣми, которые въ 1883 году неизбѣжны по возрастающей съ каждымъ годомъ дороговизнѣ всѣхъ продуктовъ. Съ двѣнадцати лѣтъ, мнѣ, какъ старшей изъ дѣтей, поручено было заказывать повару обѣдъ и вести счетъ расхода по съѣстной части; поэтому мнѣ осталось въ памяти, что въ концѣ 20-хъ годовъ говядина бульонная и край покупались отъ 5 до 7 копѣекъ ассигнаціями, а *самый лучшій* филѐ—по десяти коп. ассигн. Обѣдъ у насъ всегда былъ сытный и отлично изготовленный искуснымъ поваромъ: отецъ не терпѣлъ плохаго кушанья, но обѣдъ стоилъ дешево. Пряности и изысканныя блюда, ради здоровья дѣтей, изгнаны были изъ нашего стола.

И такъ, при отсутствіи роскоши, намъ жилось привольно. Въ деревнѣ и въ городѣ у насъ всегда живало много, такъ названныхъ,

---

*) Мы, дѣти, всегда спали на тиковыхъ мѣшкахъ, набитыхъ свѣжимъ, сухимъ, душистымъ сѣномъ, которое перемѣняли, когда прежнее сбивалось. Считали эту постель полезною для здоровья.

приживалокъ мужскаго и женскаго пола. Это дѣлалось какъ-то само собою, и мои родные ими нимало ни тяготились. Считались эти личности, у насъ проживающія—*гостями*, никогда *не* служили *ни компаніонами, ни шутами*, а жили будто у себя дома. Всѣхъ не упомню, но двое изъ нихъ врѣзались у меня въ памяти.

Павелъ Петровичъ Поповъ былъ, кажется, пропившійся чиновникъ; откуда и какъ онъ къ намъ попалъ, какого онъ былъ рода, навѣрное сказать не могу. Мы, дѣти, такъ привыкли видѣть его долговязую, уродливую и молчаливую фигуру, что не приходило въ голову освѣдомиться, откуда она взялась. Кажется, онъ когда-то былъ писцемъ у отца моего въ канцеляріи, но, за негодностью къ дѣлу, отставленъ, а въ домѣ остался. Эта его служба, была вѣроятно до моего рожденія, потому что писцемъ я его не помню.

Поповъ былъ нѣчто въ родѣ идіота. Огромнаго роста, старый, дурной собой, съ огромнымъ толстымъ, багровымъ носомъ, нависшимъ черезъ толстыя губы. Носилъ онъ постоянно длиннополый темнозеленый сюртукъ, всегда застегнутый на всѣ пуговицы; шея была повязана засаленнымъ черным шелковымъ платкомъ; бѣлья не было видно; въ высокихъ сапогахъ исчезало его нижнее платье. Когда онъ выходилъ прогуляться, осенью и зимою, надѣвалъ *фризовую* шинель. Зимой онъ впрочемъ мало выходилъ изъ дому, весь день грѣлъ спину у печки въ залѣ и вѣчно молчалъ. Ротъ раскрывалъ онъ только для поглощенія пищи и поглощалъ ея неимовѣрно много. Чай пилъ, обѣдалъ и ужиналъ онъ за общимъ столомъ; кромѣ того всегда завтракалъ и ужиналъ за раннимъ ужиномъ съ нами, дѣтьми. Ни чаю, ни кофе, ни вина, ни конфектъ намъ, дѣтямъ, никогда не давали. Матушка полагала насъ этимъ избавить отъ зубной боли, которой страдала въ молодости. Вмѣсто чаю, намъ въ восемь часовъ утра давали завтракъ, а ужинали мы одни въ шесть часовъ пополудни, и въ восемь ложились спать, не дожидаясь поздняго ужина.

Весной и лѣтомъ Поповъ куда-то днемъ изчезалъ и появлялся только ко времени кушанья. Говорятъ, что въ Москвѣ, весной, онъ проводилъ все время на Каменномъ мосту Москвы-рѣки и, стоя у каменныхъ перилъ, смотрѣлъ, какъ вода подъ мостомъ течетъ. Впрочемъ никто не обращалъ вниманія на то, какъ онъ проводитъ время. Привыкли и къ вѣчному его молчанію. Разъ онъ заговорилъ. Къ намъ пріѣхалъ врачъ; всѣ сидимъ въ гостинной. Подходитъ къ врачу Поповъ. «Позвольте-съ у васъ спросить совѣта-съ?»

— Что̀ такое?

«Да вотъ что. Когда я ѣмъ *кислую* капусту или *соленые огурцы*, то у меня всегда послѣ болитъ-съ животъ-съ».

Врачъ пристально на него посмотрѣлъ и очень серьозно ему отвѣчалъ: «Такъ *не* ѣшьте ни кислой капусты, ни соленыхъ огурцовъ».

Поповъ смолкъ. Съ тѣхъ поръ не помню, чтобъ онъ когда либо вмѣшался въ какой либо разговоръ. Такъ прожилъ онъ у моего отца до самой своей смерти, лѣтъ двадцать, если не болѣе. Съ нами онъ ѣздилъ въ Москву, съ нами возвращался въ деревню. Какъ себя помню, такъ и его. Я уже была замужемъ и матерью семейства, какъ онъ все еще жилъ у моихъ родныхъ.

Другой, приживавшій у насъ, былъ полковникъ С. Ему въ 1830 году было лѣтъ за шестьдесятъ. Въ то время слѣдовъ красоты на немъ видно не было; онъ былъ высокаго роста, плечистый и полный, съ военной осанкой; носилъ очки, волоса были жидкіе, сѣдые, бороду и усы брилъ. Отъ своего отца, во время оно, онъ наслѣдовалъ триста душъ крестьянъ, хорошее имѣніе, которое прожилъ на царской службѣ. Матушка знавала его двухъ сестеръ, двухъ красавицъ, которыя выѣзжали въ свѣтъ въ высшемъ кругу, были гораздо старше моей матери и скончались дѣвицами. С. былъ караульнымъ офицеромъ во дворцѣ въ ту самую ночь, когда скончался Императоръ Павелъ Петровичъ. Но такъ какъ его вѣрность Царю была извѣстна, то его тутъ же смѣнили и поставили на его мѣсто другаго. «Я очень удивился, разсказывалъ С., что вдругъ ни съ того ни съ сего приказали смѣнить караулъ. Конечно я повиновался начальству. Не зналъ я! Не зналъ! Кабы зналъ, не ушелъ бы, не послушался бы, и все вышло бы иначе.» «И теперь, продолжалъ онъ, смѣясь, я былъ бы графъ С., и было бы у меня десять тысячъ душъ крестьянъ!»

А всего оставалось у С., когда я его знала, *двѣ* крѣпостныя души, камердинеръ Африканъ и кучеръ *Зима*. Это послѣднее названіе было вѣроятно *прозвище*, не имя, но другаго онъ не носилъ. Была еще у С. бричка, тройка лошадей и пять борзыхъ собакъ. Съ ними онъ пріѣхалъ въ гости къ моему отцу, съ ними и остался у него жить, и жилъ почти до самой смерти. Говорю *почти*, потому что, недѣли за три до кончины, онъ вздумалъ вдругъ ѣхать въ гости къ какому-то знакомому помѣщику въ сосѣдній уѣздъ, тамъ заболѣлъ и умеръ.

С...у была въ домѣ отведена особая комната, гдѣ онъ обыкновенно оставался до обѣда, который у насъ подавался въ первомъ часу пополудни. Къ нему въ комнату носили утренній чай. Когда онъ не ѣздилъ на охоту, то проводилъ до обѣда время въ обществѣ слугъ и собакъ. Охотникъ псовый онъ былъ страстный, но несчастливый: большею частью, не смотря на обиліе въ то время всякаго звѣря, онъ почти никогда ничего не затравитъ и возвращается въ страшно-дурномъ духѣ, станетъ у печки, нюхаетъ табакъ и со-

питъ. Не смѣй въ эти минуты никто съ нимъ заговаривать: обругаетъ! Мы, дѣти, это знали и удалялись отъ него. Избави Богъ, если кто въ такой день у него спроситъ: «Чтó ваша охота, полковникъ?» или «чтó вы нынче затравили?» Кажется, онъ всякаго вопрошающаго избилъ бы въ лоскъ, а силища у него была страшная. Въ другое же время онъ былъ до нельзя добродушенъ.

Любилъ С. играть въ вистъ и нерѣдко по вечерамъ игрывалъ съ моимъ отцемъ и гостями-сосѣдями. Игралъ онъ, какъ говорили, очень плохо и за вистомъ всегда сопѣлъ и сердился. Мы, дѣти, родные мои и прислуга всегда обращались къ С. съ уваженіемъ; но бѣда ему была, когда пріѣзжалъ къ партіи виста отличный вистовой игрокъ, уморительно-остроумный нашъ сосѣдъ О. О. К—ъ, также довольно пожилой человѣкъ. Онъ за вистомъ не щадилъ С. и донималъ его своими насмѣшками до того умными и тонкими, что тотъ большею частью ихъ не понималъ, а, понявъ въ половину, не умѣлъ съ нимъ поквитаться. Бывало, К—ъ, который открыто не смѣлъ, при моемъ отцѣ, смѣяться надъ старымъ воиномъ, его гостемъ, выскочитъ, подъ какимъ нибудь предлогомъ, изъ-за карточнаго стола и прибѣжитъ къ намъ, взрослымъ дѣтямъ, задыхаясь отъ сдержаннаго смѣха и разскажетъ намъ то, чтò происходило во время игры, а С...ъ пока сидитъ, нюхаетъ табакъ, сопитъ пуще прежняго, повторяя: «Не понимаю, не понимаю!» Матушка придетъ къ намъ, бранитъ К...а, а тотъ извиняется.

«Помилуйте, Ольга Васильевна, право силъ нѣтъ, невозможно!»

Ѣзжалъ С. съ отцемъ моимъ въ отъѣзжее поле охотиться. Конечно всѣ издержки во время ихъ охотничьихъ странствованій на гостя, на его людей, лошадей и собакъ дѣлались на счетъ моего отца, который находилъ это совершенно естественнымъ, и никогда объ этомъ разговора не было. Мнѣ это припомнилось только теперь, въ 1883 году, когда жизнь наша, помѣщичья, по освобожденіи крестьянъ, совершенно измѣнилась: у самыхъ мягкосердыхъ встрѣчаются еще приживалки, но онѣ уже составляютъ исключеніе.

Одинъ только случай поразилъ моего отца, и онъ при мнѣ разсказалъ матери. «Вообрази, душа моя, когда мы послѣдній разъ уѣзжали на охоту, и С. сѣлъ ко мнѣ въ тарантасъ, вижу у него съ «собой нѣтъ ни сакъ-вояжа, ни чемодана. Я ему говорю: что жъ вы «съ собой ничего не берете?»—Да чтó же брать?—«Да бѣлья?»—Я рубашку нынче смѣнилъ. «Вѣдь мы ѣдемъ недѣли на три.» — *Поэтому-то* мнѣ ничего и не нужно. «Каковъ? Три недѣли въ одной и той же рубашкѣ!»

Разъ какъ-то С...а укусила въ ногу собака, на которую онъ въ темнотѣ нечаянно наступилъ. У него на ногѣ открылась рана. Какъ

ни уговаривали его мои родные обратиться къ медику, онъ и слушать не хотѣлъ и лѣчилъ ногу, прикладывая на рану какую-то свою мазь. Рана разбаливалась все болѣе и болѣе. С. сильно сталъ хромать. Не смотря на то, онъ поѣхалъ съ отцемъ моимъ въ отъѣзжее поле. Проѣздили дней десять. С. пересталъ хромать. Отецъ у него спрашиваетъ: «Чтó ваша нога?» — Гораздо лучше, говоритъ. «Ну, и слава Богу!»

«На какой-то днёвкѣ (когда даютъ отдыхъ собакамъ и лошадямъ), вспомнилось мнѣ, разсказывалъ впослѣдствіи отецъ, что ты, Оля, мнѣ дала на дорогу яблочнаго варенья. Говорю Андрею *): «Подай-ка мнѣ, братецъ, моего яблочнаго варенья.» Подаютъ мнѣ какую-то мерзость, грязь, въ банкѣ.» «Это чтó?» спрашиваю. – Яблочное варенье. «Врешь ты! Какое это яблочное варенье?» — Другаго нѣтъ-съ. «Навожу справки. Оказывается, что мнѣ подали банку съ С...ой мазью; а мое варенье онъ подхватилъ ошибкой, да измазалъ на свою рану. И зажила, вѣдь, она! Я мазь его велѣлъ такъ далеко закинуть, чтобъ она ему больше на глаза не попадалась, и запретилъ говорить объ его ошибкѣ. Такъ онъ и остался въ увѣренности, что залѣчилъ рану *своей* мазью!

Живали у насъ и барышни, сироты-сосѣдки, которымъ матушка сама давала уроки. Но къ этимъ личностямъ матушка относилась болѣе критически и съ разборомъ, такъ какъ боялась для насъ вреднаго вліянія женскаго общества. Въ послѣдствіи, когда я вышла замужъ и сдѣлалась матерью семейства, матушка мнѣ не разъ повторяла: «Бойся для дочерей своихъ *не* общества молодыхъ мужчинъ, а общества *дѣвушекъ-подругъ*! Онѣ въ *тысячу разъ опаснѣе* для нравственности.»

Я всегда помнила эти слова и, чѣмъ болѣе живу, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ ихъ истинѣ. Дочерямъ своимъ завѣщаю ихъ помнить и поступать по нимъ, также какъ и я поступала.

И такъ, вышеописанное мною гостепріимство, это гощеніе, продолжавшееся по нѣскольку десятковъ лѣтъ **), до того было свойственно нравамъ и обычаямъ прошлаго и первой половинѣ нашего столѣтія, что не считалось вовсе благотворительностью ни хозяевами, ни гостящими. Тоже, чтó у насъ, помѣщиковъ средняго состоянія, творилось и у болѣе богатыхъ баръ, но въ гораздо бóльшихъ размѣрахъ. Изъ тысячи примѣровъ приведу одинъ. Я слышала изъ достовѣрныхъ

*) Камердинеръ отца и стремянной его.

**) Отецъ мнѣ разсказалъ, какъ къ одному знакомому помѣщику пріѣхалъ разъ, какъ С. къ намъ, гость съ людьми и лошадьми своими, пріѣхалъ на нѣсколько часовъ и остался у него *сорокъ* лѣтъ, до самой своей смерти.

источниковъ, что графъ С. Г. Строгоновъ, бывшій попечитель Московскаго учебнаго округа, *ежегодно* тратилъ до *двухъ сотъ тысячъ* ассигнаціями на разныя пенсіи и вспомоществованія нуждающимся. Какъ же не назвать этого *производительной роскошью?*

Одно обстоятельство было, конечно, отличительной чертой моихъ родителей. Они требовали, чтобы мы, дѣти, прислуга въ домѣ и наѣзжающіе гости уважали *проживающихъ* у насъ гостей, отъ которыхъ не требовали никакихъ угожденій.

Мой меньшой братъ, лѣтъ одиннадцати, былъ большой шалунъ. Разъ, за партіей въ дурачки съ идіотомъ Поповымъ, онъ за что-то съ нимъ повздорилъ и ударилъ его. Шалости брата часто проходили безнаказанно, но за этотъ проступокъ его больно высѣкли и заставили у Попова просить прощенія.

Старушка изъ степи.

ПИСЬМО УѢЗДНАГО ДВОРЯНСКАГО ПРЕДВОДИТЕЛЯ КЪ МѢСТНОМУ ДВОРЯНИНУ.

Милостивый государь Иванъ Петровичъ.

Препровождаю вамъ при семъ копію съ рескрипта Государя Императора къ С.-Петербургскому военному генералъ-губернатору отъ 8 Декабря 1857 г., объ улучщеніи быта крестьянъ. Мнѣ предписано сдѣлать дворянству предложеніе: согласно ли оно будетъ принять эти улучшенія и измѣненія? Почему и прошу васъ прочесть его со вниманіемъ и меня увѣдомить о согласіи вашемъ. Что же касается до меня, то я не нахожу въ немъ никакой существенной перемѣны, какъ вы и сами увидите.

1. *Помѣщики сохраняютъ право собственности на землю.* Въ этомъ правѣ нѣтъ никакой перемѣны: земля принадлежала помѣщикамъ, сохраняется право собственности на всю землю. Значитъ то же, что̀ и было.

2. *Но крестьянамъ оставляется усадебная осѣдлость, которую они пріобрѣтаютъ посредствомъ выкупа.* Тутъ, кажется, не встрѣчается никакого затрудненія. Помѣщики, я полагаю, при нынѣшнихъ трудныхъ обстоятельствахъ съ охотою согласятся продать не только усадебную осѣдлость, но и землю подъ нею, и огороды, и пахатныя земли—дали бы хорошую цѣну. Согласятся ли только крестьяне? Да будутъ ли у нихъ деньги, на что покупать? Да это не наше дѣло: есть деньги бери; нѣтъ денегъ—погоди.

3. *Сверхъ того предоставляется крестьянамъ въ пользованіе достаточное количество земли, за которую они или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику.* Тутъ, кажется, нѣтъ никакой перемѣны. Крестьяне и теперь платятъ оброкъ или отбываютъ работу помѣщику за предоставленную имъ въ пользованіе землю отъ помѣщиковъ.

4. *Помѣщикамъ оставляется вотчинная полиція.* Это, кажется, легко исполнить, а тѣмъ болѣе, что у дворянъ и мундиры готовы. Значитъ, права дворянства сохранены.

5. *Крестьяне раздѣляются на мірскія общества.* Прежде съ насъ брали подписки, чтобъ не принадлежать ни къ какому обществу: теперь разрѣшается и мужикамъ имѣть общества. Значитъ, дозволено снова составлять общества.

Чтобъ не безпокоить васъ пріѣзжать въ городъ, пришлите мнѣ письмо въ томъ, что вы согласны на все вышеписанное. Я тоже подписался, и мы всѣ подписываемся. Одинъ только Иванъ Аѳанасьевичъ задумался. Я полагаю потому, что у него нѣтъ новаго мундира.

Вашъ покорный слуга

Павелъ Вередниковъ.

P. S. Тутъ приложены еще разные совѣты отъ комитета, отъ министерства; но они не подлежатъ нашему разсмотрѣнію, почему я ихъ къ вамъ не посылаю. Если же услышите, что будутъ вамъ говорить, что крестьяне отъ насъ отходятъ или другіе какіе подобные вздоры, то сами изволите прочесть: въ концѣ рескрипта сказано, чтобъ не внимали злонамѣреннымъ внушеніямъ и ложнымъ толкамъ и чтобы крестьяне оставались въ полномъ повиновеніи помѣщикамъ.

Фото Гравюри Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій

(1739-1812.)

ГРАФЪ ПЕТРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЗАВАДОВСКІЙ.

Въ 1739 году, въ Малоросіи, у бунчуковаго товарища Василія Өедоровича Завадовскаго [1]) родился второй сынъ Петръ, которому суждено было сдѣлаться однимъ изъ достопамятныхъ лицъ Русской исторіи и прославиться обширнымъ умомъ, горячею любовію къ отечеству и высокими государственными заслугами. Впрочемъ, до нашихъ дней Русская исторіографія не относилась къ нему съ должнымъ вниманіемъ и безпристрастіемъ, и только дружеская переписка его съ графами Воронцовыми, сдѣлавшаяся извѣстною въ 1877 г., обрисовала этого государственнаго человѣка въ его высокомъ достоинствѣ [2]).

Отецъ графа Завадовскаго былъ довольно крупнымъ владѣльцемъ и имѣлъ до 800 крестьянъ. Село Дохновичи, Стародубскаго повѣта, данное дѣду его войсковому товарищу Якову Завадовскому за службы 15-го Сентября 1688 года гетманомъ Мазепою, село Красновичи (съ учрежденіемъ Суражскаго уѣзда, вошедшее въ составъ его) и село

---

[1]) а) Паспортъ отъ генералъ-майора, губернатора фонъ-Кенедехъ 1727 г.; б) паспортъ отъ генералъ-лейтенанта лейбъ-гвардіи подполковника барона Густава фонъ-Бирона бунчуковому товарищу Василію Завадовскому на свободный проѣздъ изъ Польши въ Стародубъ 1739 г. Сентября 10. (Изъ фамильныхъ бумагъ).

[2]) Архивъ князя Воронцова, книги XII и XXIV. Первая изъ этихъ книгъ почти вся занята письмами графа Завадовскаго; въ другой, вышедшей въ 1880 году, помѣщены важныя, вновь найденныя, дополненія. Пользуясь этими книгами, мы не имѣемъ надобности дѣлать постоянныя ссылки на страницы, такъ какъ при самыхъ книгахъ имѣются указатели. Письма графа Завадовскаго, по ихъ полнотѣ и обстоятельности, представляютъ собою настоящую автобіографію, полную искренности и очень важную для исторіи того времени. Дѣла общія, благо родины, постоянно занимали графа Завадовскаго и благородныхъ друзей его.

Житня (Мглинскаго повѣта) составляли родовое наслѣдіе бунчуковаго товарища Завадовскаго [3]).

Женатъ былъ Василій Ѳедоровичъ на дочери подкоморія Михаила Ширая, который пользовался большимъ уваженіемъ и извѣстенъ былъ своимъ остроуміемъ [4]).

Странно, что В. Ѳ. Завадовскій избралъ для жительства неприглядныя Красновичи, среди лѣсовъ, въ глуши. Обиліе строительнаго матеріала и удобства охоты, или религіозное чувство тянуло его ближе къ Суражскому монастырю (гдѣ честовалась чудотворная икона Ново-Дворской Божіей Матери, писанная св. митрополитомъ Петромъ), рѣшить трудно [5]).

Не особенно приглядно смотрѣла усадьба Завадовскаго: семиоконный деревянный домъ съ высокою тесовою крышею, небольшой садикъ съ старыми липами, возлѣ дома небольшая деревянная церковь, имъ выстроенная, и все это на низинѣ, окруженной лѣсомъ. Куда ни взгляни,—все лѣсъ и равнина. За то и теперь тамъ приволье охотнику; а въ то время медвѣдь, лось, дикая коза, кабанъ, лисица, свободно ютились въ трущобахъ и лѣсахъ, покрывавшихъ почти весь нынѣшній Суражскій уѣздъ.

Семья Завадовскаго умножалась. У Завадовскаго были сыновья: Иванъ (генералъ-маіоръ), Петръ, Яковъ (Новгородсѣверскій губернаторъ), Илья (премьеръ-маіоръ) и Данила, слѣпецъ, умершій въ Красновичахъ и погребенный въ алтарѣ Красновичской церкви; дочери: Марина въ замужествѣ за Покорскимъ-Журавкою и Марія за Ерошевичемъ. Тесть его Ширай взялъ старшихъ дѣтей къ себѣ для науки, а потомъ отправилъ ихъ въ Іезуитское училище въ Оршу, откуда второй сынъ Петръ, для окончательнаго образованія, поступилъ въ Кіевскую Академію.

«Онъ настолько пристрастился къ изученію Латинскихъ классиковъ, что чтеніе ихъ составляло любимое упражненіе его въ жизни и

---

[3]) Универсалъ гетмана Мазепы 15 Сентября 1688 г. Дѣло Новгородсѣверской Дворянской Коммиссіи. О происхожденіи Завадовскаго свѣдѣнія сбивчивы и не точны. Казадаевъ называетъ его сыномъ бѣднаго офицера Малороссійскихъ войскъ. Въ „Исторіи нравовъ XVIII вѣка" называется онъ сыномъ священника, причемъ сложена такая басня, будто отецъ привезъ его къ графу Разумовскому, гдѣ онъ и Безбородко были служителями; Богдановичъ и Гречъ называютъ его сыномъ казака, и даже кто-то сыномъ дьячка.

[4]) Рѣчь на публичномъ актѣ въ Виленскомъ университетѣ 1817 г.

[5]) Монастырь Суражскій нынѣ упраздненъ. Одна изъ трехъ церквей вмѣстѣ съ иконою перенесена въ гор. Суражъ. Слѣды монастыря исчезли. Тамъ, гдѣ приносилась безкровная жертва, нынѣ радивый о своемъ благосостояніи мужичекъ подмонастырской слободки безъ разбора укладываетъ скотскій пометъ, чтобъ удобрить свою ниву.

развлеченіе при его государственныхъ занятіяхъ»[6]. Благодаря этому знакомству, онъ выработалъ свою письменную рѣчь и придалъ ей своеобычливую выразительность, чѣмъ, какъ увидимъ ниже, и открылъ себѣ дорогу.

По окончаніи курса въ Кіевской Академіи, въ 1760 году, еще при гетманѣ графѣ Разумовскомъ, юноша Завадовскій поступилъ на службу въ Малороссійскую Коллегію.

Слѣдующій случай выдвинулъ Завадовскаго и заставилъ обратить на него вниманіе графа Румянцова, принявшаго управленіе Малороссіею въ 1765 году.

Румянцовъ правилъ Малороссіею, живя въ Глуховѣ, гдѣ занималъ огромный домъ, въ которомъ помѣщалась канцелярія. Въ этой канцеляріи молодой Завадовскій былъ начальникомъ отдѣленія. Однажды Румянцовъ получилъ съ курьеромъ повелѣніе Императрицы доставить краткую записку изъ какого-то секретнаго дѣла. Румянцовъ звонитъ, входитъ Завадовскій, бывшій тогда дежурнымъ. «Правитель канцеляріи?» — «Его нѣтъ». — «Пошли его отыскать». Черезъ нѣкоторое время Румянцовъ снова звонитъ. «Что̀ правитель канцеляріи?» спрашиваетъ онъ вошедшаго Завадовскаго. — «Еще нѣтъ, в. с—во». —«Какъ придетъ, отдай это, чтобъ немедленно составилъ записку». Нетерпѣливый Румянцовъ вскорѣ однако самъ пошелъ въ канцелярію и, заставъ Завадовскаго за работой, спросилъ: «Что̀ ты пишешь?»—«Составляю записку, в. с—во; это дѣло у меня».—«Покажи». Румянцовъ прочиталъ. «Хорошо, перебѣли». Завадовскій переписалъ, и записка отправлена къ Императрицѣ. Снова прискакалъ курьеръ къ Румянцову. «Кто составлялъ записку?» спрашивала Екатерина: «я первую дѣловую записку читала съ такимъ удовольствіемъ».

Послѣ этого Румянцовъ назначилъ Завадовскаго правителемъ своей секретной канцеляріи.

Въ этой должности Завадовскій становился еще ближе къ Румянцову, который далъ ему хорошую подготовку для будущей государственной дѣятельности. «Вѣрное и свѣтлое представленіе всякаго дѣла, быстрое соображеніе, отличавшія Румянцова, дали въ немъ хорошій образецъ для молодаго и внимательнаго Завадовскаго»[7]. Румянцовъ говорилъ скоро, глоталъ слова. Завадовскій внимательно слушалъ его, съ карандашомъ въ рукахъ, уединялся въ уголокъ, и у него выходило блестящее изложеніе дѣла. Онъ до того освоился съ

[6]) Рѣчь на публичномъ актѣ въ Виленскомъ университетѣ 1817 г.
[7]) Рѣчь на публичномъ актѣ въ Виленскомъ университетѣ 1817 г.

рѣчью Румянцова, что ему стоило уловить нѣсколько словъ, чтобъ обнять его мысль и систематически ее изложить.

Въ должности правителя секретной канцеляріи графа Румянцова, Завадовскій во время Турецкой войны принималъ участіе и въ славныхъ подвигахъ нашей арміи. Такъ въ 1769 г. онъ съ небольшимъ отрядомъ охранялъ берега Днѣстра; подъ Бендерами (12 Октября) нѣсколько разъ отбивалъ Турокъ и произведенъ былъ за то въ премьеръ-маіоры; 3-го Сентября 1773 г. подъ Гирсовымъ преслѣдовалъ съ казаками непріятеля. Въ слѣдующемъ году отличался онъ въ битвахъ при Ларгѣ и при Кагулѣ, гдѣ нашъ восемнадцатитысячный корпусъ разбилъ 150,000 Турокъ. За атаку Силистрійскихъ укрѣпленій, онъ былъ пожалованъ въ полковники.

Кучукъ-Кайнарджійскій договоръ былъ написанъ Завадовскимъ совмѣстно съ графомъ С. Р. Воронцовымъ, а этотъ миръ, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ великихъ событій прошедшаго вѣка. Въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ, въ залѣ, гдѣ красуется славная «Статуя Мира» Кановы, изображена сцена заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго договора; за Румянцовымъ стоятъ его ближайшіе сотрудники: графъ С. Р. Воронцовъ, Безбородко и Завадовскій.

Задунайскій герой былъ человѣкъ характера тяжелаго и скрытнаго; причину его гнѣва иной разъ угадать было трудно. Завадовскому приходилось испытывать тяжесть этого характера. Надо было быть Завадовскимъ, чтобъ откинуть изъ памяти все непріятное и удержать только благоговѣніе передъ геніальными способностями Румянцова и признательность за сдѣланное добро. Пріятель его графъ С. Р. Воронцовъ свидѣтельствуетъ, что ему почти не приходилось видѣть Завадовскаго спокойнымъ. Когда Румянцовъ заболѣлъ, Завадовскій пишетъ: (изъ Фокшанъ, въ Августѣ 1774 г.) «Я никакого уже въ себѣ чувства болѣе не имѣю, кромѣ скорби безмѣрной, видя его муку. Я ничего тягостнѣе въ моей жизни не переносилъ, какъ сей есть случай, что вижу моего благодѣтеля въ столь жалостномъ состояніи. Я бы еще хотѣлъ претерпѣть мою третьягоднюшнюю болѣзнь (гнилую горячку), лишь бы тѣмъ подать ему малѣйшее облегченіе». Надо было имѣть его твердый характеръ и глубокое сознаніе правоты, чтобъ не малодушествовать передъ гнѣвомъ Румянцова: «пусть падетъ хотя бы и небо, оно задавитъ меня, однакожъ безстрашно» [5]).

Румянцовъ понималъ и цѣнилъ эти качества; ихъ цѣнили всѣ, знавшіе Завадовскаго, который пользовался общимъ расположеніемъ,

---

[5]) Архивъ кн. Воронцова XXIV, 143—147.

какъ видно изъ письма Безбородки къ своему отцу, отъ 26 Сентября 1772 г., въ которомъ онъ извѣщалъ, что болѣзнь Завадовскаго «чуть было не лишила *насъ* сего любезнаго друга» [9]). Румянцовъ, по окончаніи войны, хлопоталъ о Завадовскомъ и писалъ о немъ Потемкину, указывая, что личныя качества Завадовскаго самому ему хорошо извѣстны. И дѣйствительно, Потемкинъ, близко съ нимъ познакомившійся въ Турецкую войну, зналъ и цѣнилъ ихъ въ Завадовскомъ и, сдѣлавшись президентомъ Военной Коллегіи, самъ предложилъ ему новое, болѣе выгодное мѣсто. Но въ письмахъ своихъ потомъ къ Завадовскому Потемкинъ ни словомъ не напоминалъ о своемъ предложеніи, изъ чего Завадовскій и заключалъ, что оно сдѣлано было въ минуту гнѣва на кого-нибудь, и коль скоро гнѣвъ утихъ, намѣреніе о перемѣнѣ исчезло. Румянцовъ же въ письмѣ къ Потемкину указывалъ особенно на недостатокъ матеріальныхъ средствъ Завадовскаго и просилъ исхлопотать ему за службу имѣніе [10]).

Продолжая состоять при Румянцовѣ и по окончаніи войны, Завадовскій имѣлъ въ своемъ начальствѣ Старооскольскій полкъ, состояніе котораго очень его заботило. Онъ хвалился передъ Воронцовымъ изящ붙ествомъ сбруи своего полка, посылалъ къ Воронцову изучить секретъ чищенья ружей и сумокъ, заботился о подборѣ рослыхъ людей; жаловался, что послѣ посѣщенія Рахманова въ его полку не осталось ни одного человѣка 9-ти вершковъ, почему долженъ былъ прибѣгнуть къ хитрости: 10 человѣкъ рослыхъ скрывать, чтобъ ихъ не отняли, о чемъ однако довелъ онъ до свѣдѣнія фельдмаршала. Точно также заботился онъ и о хорошемъ содержаніи людей, не дѣлая изъ того для себя прибыли [11]).

Румянцовъ, посылая Императрицѣ султанскую ратификацію мира, рекомендовалъ ей генераловъ, «трудами и подвигами своими отличившихся», и въ томъ числѣ указалъ на полковника Завадовскаго.

10-го Іюля 1775 г., въ день мирнаго торжества, Завадовскій получилъ Георгія 4-й степени и, по ходатайству Румянцова, имѣніе Лялички, смежное съ родными для него Красновичами [12]).

Екатерина, отдавая справедливость Румянцову въ выборѣ людей и замѣчая въ донесеніяхъ его болѣе склада, чѣмъ въ реляціяхъ Семилѣтней войны, просила его указать на молодыхъ людей для занятія должности ея кабинетъ-секретарей. Румянцовъ указалъ ей на Зава-

---

[9]) Р. Арх. 1874, стр. 594.
[10]) Архивъ кн. Воронцова, XXIV, 147 и XII, 7.
[11]) Архивъ кн. Воронцова, XXIV, 146 и 149.
[12]) Архивъ кн. Воронцова, XII, 253.

довскаго и Безбородку. Зная про негласныя, но близкія отношенія геніальнаго полководца къ Павлу Петровичу (въ то время уже женатому), Екатерина могла, перемѣщеніемъ къ себѣ Завадовскаго и Безбородки, такъ сказать, обезвредить для себя человѣка, перваго по значенію общественному въ Россіи и наполнившаго всю Европу славою своего имени.

Сохранилось слѣдующее преданіе. Когда Румянцовъ, прибывъ въ Москву (гдѣ отказался отъ торжественнаго въѣзда) ѣхалъ въ придворной каретѣ къ Императрицѣ, жившей тогда въ домѣ князя Голицына (у Пречистенскихъ воротъ), противъ него сидѣлъ Завадовскій, котораго, быть можетъ, онъ взялъ на случай объясненій и справокъ. Императрица встрѣтила побѣдителя на крыльцѣ и поцѣловала его. Затѣмъ она обратила вниманіе на красавца-полковника, который стоялъ пораженный этою величественною въ своей простотѣ сценою и самымъ видомъ Императрицы. Румянцовъ, замѣтивъ любопытство Государыни, представилъ ей Завадовскаго какъ человѣка, раздѣлявшаго въ продолженіи десяти лѣтъ его труды. Императрица тутъ же пожаловала Завадовскому бриліантовый перстень со своимъ именемъ «Екатерина»....

Это сближеніе относится къ срединѣ 1775 г. Государыня страстно полюбила тридцатилѣтняго красиваго, умнаго, отлично образованнаго и добросердечнаго Завадовскаго. Она немедленно пріобщила его къ дѣламъ управленія. Завадовскимъ писанъ манифестъ объ учрежденіи губерній (Ноябрь 1775 г.) Онъ сдѣлался главнымъ дѣльцемъ; къ нему отовсюду поступали прошенія и присылались письма (какъ показываютъ бумаги его, относящіяся къ тому времени и напечатанныя въ XXVI-й книгѣ Архива Князя Воронцова).

Завадовскій былъ очарованъ: ему, сыну скромнаго помѣщика, отдалась повелительница его родины, Монархиня, передъ которою преклонялась Европа и благоговѣлъ весь образованный міръ. Онъ, не испытавъ до сего любви, весь отдался своему чувству и въ немъ черпалъ себѣ полное удовлетвореніе, не думая о будущемъ. Онъ не былъ изъ числа тѣхъ любимцевъ, которые устраивали свои и другихъ дѣла и тѣмъ подготовляли себѣ связи. Быть орудіемъ и злоупотреблять для того любовью, ему казалось низкимъ. Вотъ почему онъ не только ничего не устроилъ для себя, но даже и для своего друга графа С. Р. Воронцова, котораго положеніе ему было дороже собственнаго.

«Я живу», писалъ онъ 5 Марта 1777 г. Воронцову, «покоряя разсудокъ уваженію, не мѣряя себя съ тѣми, кои меня выше, но сравнивая себя съ таковыми, которыхъ я счастьемъ превзошелъ несравненно».

Впослѣдствіи графъ Воронцовъ удостовѣрялъ молодаго Кочубея, что изъ всѣхъ любимцевъ Екатерины, Завадовскій и Ермоловъ отличались наибольшею скромностію. Эта черта въ Ермоловѣ была любезна Завадовскому, и съ нимъ онъ велъ знакомство. Современникъ Завадовскаго, служившій при немъ, Н. С. Ильинскій, оставилъ о немъ слѣдующую характеристику: «Онъ былъ человѣкъ добрый, честный, кроткій и, при всемъ своемъ умѣ, негордый и ненадменный» [13]).

Къ Рождеству 1775 г. Государыня возвратилась изъ Москвы въ Петербургъ, и въ ея свитѣ были уже двое новыхъ кабинетъ-секретаря, Безбородко и Завадовскій. Это смущало Потемкина, тѣмъ болѣе, что оба новобранца пользовались покровительствомъ Румянцова и графа Разумовскаго и пріобрѣли расположеніе князя Орлова.

2-го Января 1776 г. Завадовскій произведенъ былъ въ генералъ-маіоры и назначенъ генералъ-адъютантомъ. 26-го Января Герольдмейстерская Контора требовала отъ Военной Коллегіи сообщенія о прохожденіи службы «полковниковъ Завадовскаго и Безбородко, находящихся у принятія, подаваемыхъ Ея Императорскому Величеству челобитенъ». Значитъ, имѣлись въ виду для нихъ новыя отличія. Сближеніе Екатерины съ Завадовскимъ дѣлалось замѣтнымъ. Къ Потемкину стали относиться холоднѣе. Многіе съ нетерпѣніемъ ожидали, когда новый любимецъ замѣнитъ «всесильнаго временщика». Потемкинъ, желая испытать чувства и намѣренія Екатерины, разыгралъ роль обиженнаго и сталъ проситься въ Новгородскую губернію для осмотра войскъ. Его отпустили безъ возраженій. Онъ уѣхалъ въ Апрѣлѣ 1776 года, и Завадовскій вслѣдъ за тѣмъ получилъ въ Могилевской губерніи Августовскую экономію, 4000 душъ, и помѣщеніе во дворцѣ. Потемкинъ сталъ строить козни, распускать сплетни. Ему помогала княгиня Дашкова.

Потемкинъ, вернувшись изъ своего Новогородскаго путешествія, нашелъ соперника своего въ силѣ.

Полагаютъ, что Завадовскій, при своемъ умѣ, образованіи и находчивости, могъ бы долѣе пользоваться своимъ успѣхомъ, и Потемкинъ менѣе бы успѣвалъ въ своихъ козняхъ, еслибъ тотъ не примкнулъ къ Орловымъ, т.-е. къ враждебной Потемкину партіи, для обезпеченія своего положенія, и съумѣлъ скрыть эту приверженность свою къ Орловымъ. Такой выводъ едва ли вѣренъ. Въ Орловыхъ видѣлъ Завадовскій людей, преданныхъ отечеству. Онъ со скорбію писалъ Воронцову: «кромѣ двухъ Орловыхъ я не вижу, кого бы интересовалъ жребій отчизны».

---

[13]) Записки Н. С. Ильинскаго, Р. Арх. 1879, III, 414.

Вотъ что притянуло его къ Орловымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, невыносимые для него самовластіе и надменность отталкивали его отъ Потемкина. Интригами и разсчетами обезпечить положеніе свое Завадовскій не могъ: это путь былъ не его. Онъ вѣрилъ искренности чувствъ Екатерины, вѣрилъ ея клятвамъ. И когда, ближе знакомый со дворомъ и людскими слабостями, другъ его графъ Воронцовъ предостерегалъ его противъ коварства и измѣны, Завадовскій оставался глухъ къ этимъ предостереженіямъ. Потемкинъ, убѣдившись, что чувства къ нему перемѣнились, что возвратить расположеніе Екатерины ему невозможно, началъ другую игру. Онъ принялъ видъ человѣка, спокойно уступившаго мѣсто. Но, интригуя противъ Завадовскаго, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ заботиться о замѣнѣ его человѣкомъ менѣе для себя опаснымъ; а чтобы чувства къ любимцамъ не крѣпли и не упрочивались, онъ разсчиталъ, что не слѣдуетъ давать имъ на этомъ мѣстѣ засиживаться. Угождая слабостямъ Екатерины всѣми способами и, быть можетъ, тѣмъ развивая ихъ, онъ дѣлался ей необходимымъ. Къ тому же пышность двора и празднествъ, на которыя не было лучшаго мастера, какъ Потемкинъ, его неистощимое остроуміе и веселость, давали ему извѣстную цѣну, а видимое спокойствіе, съ которымъ онъ уступалъ свое мѣсто, не представляло повода къ его устраненію. Между тѣмъ за два года оцѣненъ его умъ и способности по многимъ государственнымъ дѣламъ. Если тайный бракъ Екатерины съ Потемкинымъ дѣйствительно существовалъ, то, конечно, это можетъ служить разгадкою его вліянія на Императрицу и въ данномъ случаѣ.

Завадовскому же дворъ съ его интригами былъ тягостенъ. Отношенія Екатерины къ сыну его смущали. Онъ оказывалъ наслѣднику престола высокое уваженіе и цѣнилъ его вниманіе. «Къ утѣшенію своему я прибавку имѣю, что великій князь сталъ со мною милостиво разговаривать». Немудрено, что и это ставилось ему въ укоръ. Попавъ ко двору, безъ связей, въ новую для себя сферу, Завадовскій чувствовалъ себя неловко. Перемѣниться онъ не могъ. «Позналъ я дворъ и людей съ худой стороны, но не измѣнюсь нравомъ ни для чего, ибо ничѣмъ не прельщаюсь». «Въ моемъ состояніи надобно ослиное терпѣніе». Такъ писалъ онъ Воронцову, упрашивая его возвратиться изъ Италіи. «Пріѣзжай, Сенюшенька, я тебя нивѣсь какъ прошу». «Знай, что когда къ осени не возвратишься, я съѣмъ твой портретъ, который теперь непрестанно цѣлую вмѣсто тебя». Ему нужна была нравственная поддержка, нуженъ былъ человѣкъ, которому бы онъ могъ разсказать, что̀ накопилось на сердцѣ. Воронцовъ ободрялъ его, указывая на его личныя достоинства и добродѣтели. «Не клади столь много надеждъ на добродѣтели, кои мнѣ приписываешь. Онѣ

суть утѣшеніе любомудрецамъ, а не достоинство свѣта». «Кротость и умѣренность не годятся при дворѣ; почитая всякаго, самъ отъ всѣхъ будешь презрѣнъ. Не говорю, чтобъ я хотѣлъ перемѣнить для сего мой нравъ; но пишу для того, что не надобно удивляться, если фавориты носили видъ гордый».

И, дѣйствительно, Завадовскаго не измѣнили его положеніе и та школа, въ какую попалъ онъ. Лесть не обольстила его, и онъ по прежнему оставался строгъ къ себѣ. Такъ писалъ онъ въ Мартѣ 1777 г. Воронцову: «Ты чрезмѣрно превозносишь мои способности и мои добродѣтели. Я ихъ не имѣю; но ты меня любишь горячо, слѣдственно хочешь, чтобы во мнѣ все было наилучшее. Я умѣю оцѣнить твои чувства, я съ ними сливаю мои». Вотъ почему, при полномъ удовлетвореніи со стороны сердца, Завадовскій не могъ считать себя вполнѣ благополучнымъ. Впрочемъ, при его «умѣренности», какъ выражался онъ, онъ довольствовался и этимъ. «Чтобъ я всемъ сердцемъ былъ доволенъ, этого сказать не могу. Но, сравнивая себя съ тѣми, которые меня ниже, благодарю за все Бога». Такъ писалъ онъ въ 1776 году.

Распускаемые, быть можетъ, благодаря Потемкину, неблагопріятные слухи о Завадовскомъ достигали до графа Воронцова, находившагося въ Италіи, и онъ спѣшилъ предупредить своего друга добрымъ совѣтомъ.По поводу одного изъ такихъ предостереженій противъ карточной игры, Завадовскій описываетъ свой день. «Утромъ отъ 9 часовъ до обѣда передъ лицомъ Государыни. Послѣ обѣда почти до четырехъ часовъ у нея же; седьмой и восьмой часы провождаются въ большомъ собраніи. По окончаніи сего я опять бываю у Государыни и отъ десятаго часа уже не выхожу изъ комнаты своей. Давъ тебѣ отчетъ вѣрный за цѣлый день, я теперь тебя спрашиваю, когда же мнѣ возможно сыграть 16-ть робертовъ? Лгутъ, Сенюшенька; а любовь твоя ко мнѣ заставляетъ и тебя быть легковѣрнымъ. Право, я не наживу имя игрока. Я тѣже правила давно уже присвоилъ, которыхъ справедливость ты толкуешь еще мнѣ внятнѣе. Въ тѣ часы, когда всѣ играютъ, по необходимости должно принять карты, чтобъ не представлять во весь ростъ болвана. Въ удостовѣреніе свое спроси графиню Екатерину Михайловну [14]) игрокъ ли я и какъ часто она меня въ игрѣ видитъ? Однако же и ей (Государынѣ) и мнѣ пріятно было видѣть, что мои погрѣшности и пороки столь строго тебя, любезный другъ, трогаютъ».

---

[14]) Графиню Румянцову, супругу фельдмаршала, которая жила обыкновенно въ Петербургѣ.

Люди, болѣе снисходительные къ другимъ, всегда строги къ себѣ. Такимъ былъ и Завадовскій. Боясь незамѣтно для себя уклониться отъ разъ усвоенныхъ правилъ въ жизни, онъ съ признательностію принималъ предостереженія Воронцова. «Я прошу навсегда, писалъ онъ, обличай меня. Не раны ты тѣмъ мнѣ дѣлаешь, но умножаешь во мнѣ къ тебѣ чистую любовь. Но токмо помни и то, что на меня и на поступки мои теперь смотрятъ въ микроскопъ, и оттого три роберта кажутся за 16». «Пожалуй далѣе дружескими своими наставленіями меня формируй. Увѣщевать и быть увѣщеваему есть прямое свойство искренной дружбы. Въ семъ видѣ я полнымъ чувствомъ пріемлю твое». «О, другъ милый, ты отрицаешься отъ своихъ мнѣ благодѣяній. Развѣ вразумлять человѣка и пещись о просвѣщеніи его ума не есть благотвореніе и больше всѣхъ даровъ? А ты сіе всегда для меня дѣлалъ и дѣлать не престаешь».

Однако, интриги Потемкина отъ публики не скрывались, и объ удаленіи Завадовскаго пророчилъ Петербургъ и повторяла Москва. Еще въ 1776 г. Завадовскій писалъ, что Саксонецъ Нейбушъ пріѣзжалъ видѣть его въ упадкѣ. Завадовскій тосковалъ. Отсутствіе занятій еще болѣе усиливало скуку. «Ты знаешь, что я любилъ упражняться моимъ дѣломъ, но здѣсь я не имѣю никакихъ». Еще въ первый годъ своего случая, присмотрѣвшись къ окружающимъ, «ко всѣмъ боярамъ, большимъ по чинамъ, а не духомъ», онъ писалъ Воронцову, что не прочитъ себя для Петербурга. А въ 1777 году на него напала, что̀ называется, хандра. «Я не могу ничѣмъ истребить скуки, которая весь веселый нравъ во мнѣ подавляетъ», писалъ онъ. «Смущаюсь такъ, власно, какъ бы я что-нибудь нехорошее для себя предчувствовалъ, хотя отнюдь не имѣю причины того ждать или опасаться».

Безбородко въ письмѣ къ А. Р. Воронцову даетъ понятіе о нравѣ Завадовскаго по сравненію съ нимъ Ермолова. «Я боюсь, чтобъ тихій нравъ, отвращеніе отъ рѣзвости и нѣсколько строгое наблюденіе декорума, а притомъ, подозрѣваемая въ немъ, ревность,—свойства отчасти сходныя со свойствами нашего друга (Завадовскаго), не сократили фаворъ его». Не таковъ былъ предпріимчиво-отважный Потемкинъ.

Но все-таки Завадовскій, при своихъ талантахъ, казался опаснымъ Потемкину. Мы не говоримъ о нравственныхъ его качествахъ: онѣ не трогали никого. И вотъ въ головѣ Потемкина созрѣлъ планъ, какъ удалить Завадовскаго. Онъ искалъ только человѣка, которымъ могъ бы его замѣнить. Случай натолкнулъ его на Зорича.

*

Мы видѣли, что первымъ возвышеніемъ своимъ обязанъ Завадовскій Румянцову. Бантышъ-Каменскій замѣчаетъ, что «покровительству Румянцова Россія обязана славными министрами, Безбородкою и Завадовскимъ». Такъ понималъ и самъ Завадовскій. Онъ всегда называлъ Румянцова своимъ благодѣтелемъ. По словамъ Гельбига, привязанность Завадовскаго къ Румянцову была столь велика, что онъ, не смотря на приманку, какую могла имѣть для него новая служба при дворѣ, не хотѣлъ разставаться со своимъ благодѣтелемъ. Сдѣлавшись близокъ къ Екатеринѣ, онъ мучился, когда Румянцовъ своими поступками дразнилъ Государыню. «Вчера я съ нимъ изъяснялся наединѣ (писалъ онъ гр. С. Р. Воронцову въ 1776 г.), просилъ его усердно, чтобы онъ поступокъ свой передъ Государыней перемѣнилъ на привѣтливый. Правда, что послѣ сего онъ нѣсколько съ нею ласковѣе обходится; однакожъ весьма еще далеко отъ того тону, на какомъ онъ былъ въ Москвѣ. Любезный Сенюшенька! Тебѣ знакомо мое сердце. Я все употребилъ и употребляю, чтобы до явнаго огорченія не дошло. Передъ нимъ я безъ отмѣны все тотъ же, котораго онъ при себѣ имѣлъ» [15]). Это хорошо понималъ и Румянцовъ. «Завадовскій въ дружбѣ вѣренъ, никогда нигдѣ не былъ причиною несогласія; не таковъ Безбородко», говорилъ онъ.

Отзывы Румянцова о Завадовскомъ, что отъ него одного получаетъ доказательства благодарности и привязанности, доходили до Завадовскаго, о чемъ писалъ онъ Воронцову: «Я передъ нимъ, развѣ погрѣшилъ избыткомъ усердія, а онъ такъ обходится со мною, что гнѣвъ его на меня и сторонніе примѣчаютъ». «Я тебѣ не могу описать, сколько я мучусь сокрушеніемъ сердечнымъ, взирая на его поведеніе. Богу, видно, такъ угодно, лишать меня мало-по-малу всего того, что́ бы составить могло мое удовольствіе».

Но, видимо, увѣщанія Завадовскаго подѣйствовали на упрямаго его благодѣтеля, и въ слѣдующемъ письмѣ Завадовскій пишетъ: «Пріѣзжій съ Государынею получше. Противъ меня тотъ же (то есть гнѣвенъ). Да я радъ, лишь бы ея не прогнѣвлялъ, меня же онъ раздражить никогда не можетъ».

Примирительныя дѣйствія Завадовскаго вызвали замѣчаніе Екатерины, которая, въ пристрастіи своемъ, отдавала даже преимущество въ военномъ дѣлѣ князю А. М. Голицыну передъ Румянцовымъ. «Напрасно вы стараетесь находить средства сдѣлать его другомъ? Онъ не родился съ качествомъ для сего нужнымъ. Таланты его высоки, но душа...». «Всѣхъ совершенствъ, замѣчаетъ Завадовскій, не

---

[15]) Арх. Кн. Воронцова XII, 8.

даетъ природа ни одному человѣку. Такимъ сдѣлать его, каковымъ быть ему надобно и любящимъ его особу и отечество желательно, никакъ нельзя, и вотще всѣ будутъ помышленія».

Немилость къ Румянцову сильно огорчала Завадовскаго. «Я только то прибавлю, писалъ онъ Воронцову въ Февралѣ 1784 года, что̀ ты и самъ, читая роспись дарамъ, примѣтишь, что благодѣтель нашъ фельдмаршалъ спокойно, а непріятно долженъ провождать послѣднюю часть своего славнаго вѣка».

Сообщая объ отозваніи Румянцова и передачѣ послѣ взятія Очакова арміи Потемкину, Завадовскій прибавилъ: «Итакъ, мой другъ, видимъ въ наши времена состарѣвшагося Помпея и торжествующаго Цезаря, исключая, что не въ республикѣ и не по одинаковымъ предметамъ идутъ вещи. Видимъ Россійскаго Сципіона, загнаннаго въ деревню на смерть. Сей примѣръ во всемъ похожъ. Сообрази его и не удивляйся, что въ наши дни тоже случилось, что̀ бывало въ просвѣщеннѣйшемъ народѣ, лѣтъ двѣ тысячи назадъ, въ доказательство несправедливости человѣческой». «Сколько ему причиняемо горести», писалъ онъ въ Іюнѣ 1791 г., «не хочу изображать. Къ его состоянію нѣтъ никакого уваженія: замаранъ всѣми образы. Когда великія заслуги и преславные чинъ и имя пошли за ничто, то кого сей великій примѣръ не устрашитъ? Къ судьбамъ Сципіона и Велизарія и его судьбу приложить прилично». «Мнѣ его жаль душевно и по благодѣяніямъ, которыя отъ него имѣлъ, и по удостовѣренію о его превосходныхъ качествахъ величайшаго полководца, каковаго еще не имѣла изъ своихъ сыновъ Россія». Въ Мартѣ 1794 года Завадовскій писалъ: «Предполагая войну (съ Польшею), ниже помышляемъ о Румянцовѣ. По лѣтамъ хотя онъ въ тѣлѣ перемѣнился, но разумъ свѣжъ и тотъ же безъ малѣйшаго упадка. Одинъ онъ и есть, кто бъ могъ разстроенное поднять». «Жалка его участь: навлекъ гоненіе, что былъ достойнѣе всемогущаго» (Потемкина). Въ Іюлѣ того года онъ съ радостію сообщалъ Воронцову: «Польскій мятежъ, которому совершиться воспятилъ бы всякая другая голова, опричь Игельштромовой, произвела воскресеніе нашего благодѣтеля Задунайскаго, безъ чего закатъ его былъ бы безъ поворота». «Но то, мой другъ печально: какъ ни велики дарованія военныя фельдмаршала, но ему уже 70 лѣтъ; приложи къ тому десятилѣтнее страданіе, которое больше убиваетъ, чѣмъ вѣкъ и труды. Прочіе же воеводы весьма малы, чтобы не только его замѣнить, но ниже ходить по его слѣдамъ не поткнувшись». «Я же о томъ внутреннюю радость имѣю, что человѣкъ заслуженный и достойный не умретъ въ полномъ огорченіи. Я тебѣ не могу довольно пересказать, какъ

непомѣрная радость надо всѣми воздѣйствовала, когда услышали объ его начальствѣ, начиная отъ двора даже до улицы. Другъ-друга, поздравляя, цѣловали какъ въ Свѣтлый Праздникъ. Не знаю, былъ ли кто у насъ, кто бы толикое возбуждалъ къ себѣ вниманіе. Въ семъ только случаѣ я примѣтилъ, что и Русская публика можетъ быть правосудна». Въ слѣдующемъ году Завадовскій два раза навѣщалъ своего благодѣтеля въ его деревнѣ и просиживалъ съ нимъ по суткамъ вдвоемъ. «Въ немъ старость не сокрыта; но голова еще держится. Мысль довольно свѣжа, хотя въ нравѣ огонь не прежній». Считая Румянцова своимъ благодѣтелемъ, Завадовскій желалъ увѣковѣчить память о немъ въ своемъ потомствѣ. Еще въ Апрѣлѣ 1793 года (т.-е. еще при жизни Румянцова) извѣщалъ онъ Воронцова, что отливавшаяся по его заказу, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, статуя Румянцова, работы художника Рашета, окончена и вышла прекрасно. «Я не хотѣлъ», пишетъ онъ, выставить здѣсь на показъ всѣмъ, чтобъ не протолковали укоризною, а отправилъ въ мою Малороссійскую деревню (Ляличи), гдѣ приготовленъ для нея храмъ, чтобы воздвигнуть памятникъ благодарности моей». Описывая уединенную жизнь свою въ деревнѣ, въ послѣдній годъ царствованія Павла, Завадовскій хвалится своими постройками: «а паче храмъ благодарности, въ которомъ поклоняюсь ежедневно статуѣ благодѣтеля моего графа П. А. Румянцова, изображающей похожимъ лицо и дѣла его». Въ круглой съ куполомъ колоннадѣ, на сѣромъ мраморномъ пьедесталѣ, помѣщалась во весь ростъ бронзовая фигура Румянцова. Онъ изображенъ въ Римской одеждѣ, съ открытою головою. Шлемъ повѣшенъ на сучкѣ пня, на который присѣлъ герой, чтобъ отдохнуть послѣ безсмертнаго труда своего». У лѣвой ноги его щитъ съ его гербомъ и надписью: «non solum armis» (нетолько оружіемъ). Въ рукѣ у него фельдмаршальскій жезлъ. На подножіи изображены его дѣянія: Кагулъ съ грозною батареею и пр. «Благодарность воздвигла монументъ сей. Сказываютъ, что хозяинъ никогда съ покрытою головою не подходитъ къ нему. Благодарность, святая благодарность!» добавляетъ разсказчикъ, «ты трогательнѣе самаго благотворенія. Ты служишь опытомъ изящнаго сердца» [16]).

Состоя при Румянцовѣ, Завадовскій близко сошелся съ Безбородкою, съ графомъ И. В. Гудовичемъ, графомъ Семеномъ Романовичемъ Воронцовымъ, а черезъ него и со старшимъ его братомъ Але-

---

[16]) Князь П. И. Шаликовъ: „Путешествіе въ Малороссію“, М. 1804, стр. 208. Ляличи проданы сыномъ графа Завадовскаго Энгельгардту, у котораго статуя Румянцова куплена Черниговскимъ губернаторомъ княземъ С. П. Голицынымъ и воздвигнута въ городѣ Глуховѣ (откуда графъ Румянцовъ управлялъ Малороссіей).

ксандромъ. Привязанность къ нимъ онъ унесъ въ могилу. Дружба же съ графомъ Семеномъ Романовичемъ подогрѣвалась особенно нѣжнымъ чувствомъ. Вотъ образчикъ выраженій, которыя встрѣчаются часто въ его письмахъ къ Воронцову. Ожидая, напримѣръ, свиданія съ нимъ, онъ писалъ: «Всякая отнынѣ минута будетъ мнѣ лестна и мучительна, потому что приближается то сокровище къ моимъ глазамъ, на которое въ отдаленіи сердце мое само неспускно смотрѣло». Извѣщая о возможности побывать въ Малороссіи, добавляетъ: «Слѣдовательно я буду имѣть радость увидѣть моего любезнаго Сенюшеньку, съ которымъ разлука—о сколь ты мнѣ дорога!» «Я цѣлую тебя, и сіе есть упражненіе всегдашнихъ моихъ мыслей». «Желая тебѣ славы, я хотѣлъ, чтобъ ты былъ въ тѣхъ баталіяхъ, въ которыхъ ты и участвовалъ; но часы между нерѣшимостію—о сколь мнѣ были тяжки! Крайность, воспослѣдовавшая съ тобою, навѣрно бы разрушила и мое бытіе. По крайней мѣрѣ и тогда и теперь я такъ думаю, не испытавши себя въ такой потери и не любя ничего на свѣтѣ подобно какъ я люблю тебя».

Это писалъ мужчина за тридцать лѣтъ отъ роду. Такою же задушевностію отличаются всѣ письма Завадовскаго къ графу С. Р. Воронцову и въ преклонной ихъ старости.

Кажется страннымъ такое сближеніе пылкаго Воронцова, получившаго Французское образованіе, и разсудительнаго Малоросса, воспитанника Кіевской Духовной Академіи. Очевидно, что доброта, правдивость, честность и любовь къ родинѣ, связали эти два существа. Они сдѣлались одинъ для другаго необходимыми. Они другъ-друга пополняли. И еслибъ не было у нихъ взаимной нравственной поддержки, они въ этомъ хаосѣ страстей, интригъ, продажности, среди этой нравственной нищеты, прикрытой внѣшнимъ блескомъ, были бы затерты, и «всѣ усилія ихъ на пользу родины были бы напрасны».

Некого было Завадовскому притянуть въ свой кружокъ, чтобы поставить оплотъ нравственному растлѣнію. Воронцовы—это дѣло другое. Вотъ почему Завадовскій такъ настойчиво желалъ возвращенія Семена Романовича въ отечество. Онъ уступалъ только передъ однимъ обстоятельствомъ—боязнью за его хилое здоровье, которое, какъ былъ увѣренъ Воронцовъ, могло пострадать отъ суроваго климата. А каково было въ то время Русское общество, можно понять изъ того, что, при своей пламенной любви къ отечеству, Завадовскій одобрилъ рѣшимость Воронцова выдать дочь за Англичанина и въ бесѣдѣ о томъ съ императрицею Маріею Өеодоровною убѣдилъ ее согласиться съ его воззрѣніемъ. Одобряя намѣреніе графа А. Р. Воронцова удалиться отъ дѣлъ (1792), онъ писалъ его брату: «Мнѣ жизнь и всѣ пороки столицы

такъ надоѣли, что ежели бы не имѣть отрады скоро переселиться въ деревню, я бы впалъ въ пресильную гипокондрію. Такое, мой другъ, наступило время, что или измѣнить правиламъ честности и совѣсти, или удалиться должно, дабы соблюсти оныя».

Отношенія Завадовскаго къ его друзьямъ не измѣнились, когда онъ сталъ близокъ къ Екатеринѣ. «Ты драгоцѣненъ мнѣ всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ».—«Совершеннѣе удовольствія едва ли я въ мою жизнь имѣлъ, кромѣ того, что я тебя имѣю вѣрнымъ себѣ другомъ и таковымъ для тебя есмь». Такъ писалъ онъ графу Семену Романовичу во дни своего полнаго счастія.

Отношенія ихъ были таковы, что Завадовскій, зная постоянное затрудненіе Семена Романовича въ деньгахъ, оказывалъ ему дружескую помощь, какъ братъ брату. «Здѣсь прилагаю на твой расходъ 500 р. въ ассигнаціяхъ», писалъ онъ въ 1780 году изъ Лаличь, когда Воронцовъ былъ въ Петербургѣ. «Ежели ты станешь мнѣ благодарить за сію малость, то это будетъ для меня пощечина. Велъ я тогда съ тобою счетъ, когда ты былъ богатѣе меня? Сколько вещей я принялъ отъ тебя въ арміи, не сказавши тебѣ и спасибо?»

Онъ старался обратить вниманіе Екатерины на своего друга, хваля его способности и нравственныя качества. И это было нелицемѣрно: Завадовскій ставилъ высоко способности Воронцова. «Читая твои письма, мнѣ кажется, что я бесѣдую съ Цицерономъ, къ котораго словамъ еще присоединены Гораціевы шутки. Потомство и отечество наше много потеряютъ, ежели не всѣ узнаютъ твои достоинства въ полной ихъ мѣрѣ». Онъ передавалъ отъ Воронцова поклонъ Императрицѣ, а отъ нея ему и читалъ ей его письма. «Да воодушевятся сіи строки, которыя я напояю сильнѣйшимъ желаніемъ видѣть тебя, чтобъ лишь коснется ихъ взоръ, вдругъ бы ты заразился вожделѣніемъ, подобно страстной любви, увидѣть своего вѣрнаго друга. На сей пунктъ я призываю все волшебство. Страшись, Сенюша, не возвратиться и бойся не пріѣхать вскорѣ». Послѣ этихъ строкъ Екатерина сдѣлала приписку: «и я прошу возвратиться скорѣе». Тутъ-же въ припискѣ Завадовскій совѣтуетъ отвѣчать письмомъ прямо Императрицѣ. «Ты, Сенюшенька, порусски пишешь завидно; я бы желалъ важность и плавность твоего слога имѣть. Я тебя удостовѣряю, по чести удостовѣряю, и потому что ты разумѣешь меня знающимъ Русскую грамоту. Однакожъ, какъ ты самъ считаешь сильнѣе свое перо на Французскомъ, то пиши хотя на ономъ». Воронцовъ не подался и отъ переписки уклонился. Завадовскій, хотя и дѣлалъ оговорку въ своихъ письмахъ, «буде здоровье требуетъ того климата на возстановленіе

онаго, я тебя не обязываю жертвовать онымъ сему позыву»; однако онъ все еще не терялъ надежды на возвращеніе своего друга. Но Семенъ Воронцовъ обжился въ Италіи и не помышлялъ о Петербургѣ. Онъ не прочь былъ получить мѣсто дипломатическое, о чемъ и писалъ Завадовскому. Завадовскій держалъ это въ секретѣ. Письмà Воронцова онъ не показалъ и его брату: «между тремя не бываетъ секрета», писалъ онъ. «Онъ имѣетъ знакомыхъ, разнесется по болтливому городу, а враги всякому нашему удовольствію вопреки положатъ коварство. И отъ одной утробы рожденные не одну крѣпость духа имѣютъ». Но Завадовскій не скрывалъ, что въ исполненіи его желанія препятствія неодолимыя (конечно со стороны Потемкина).

Воронцовъ возвратился въ Петербургъ послѣ удаленія Завадовскаго отъ двора и прожилъ два года безъ должности. По старанію Завадовскаго и при посредствѣ Безбородки, въ 1783 году онъ, получилъ наконецъ посольскую должность въ Венеціи, откуда въ Маѣ 1785 г. перемѣстился въ Лондонъ.

8 Іюня 1777 года Завадовскій писалъ Воронцову: «Сбылось со мной все, чтò ты думалъ; оправдались твои предрѣченія; я столько несчастливъ, сколько истинны твои заключенія. Горька моя участь, ибо сердце въ мукахъ и любить не можетъ перестать. Сенюша, тебя стыжусь, а все прочее на свѣтѣ не даетъ мнѣ забвенія. Среди надеждъ, среди полныхъ чувствъ страсти, мой счастливый жребій преломился какъ вѣтеръ, какъ сонъ, коихъ нельзя остановить: исчезла ко мнѣ любовь. Послѣдній я узналъ мою участь и непрежде какъ уже совершилось. Угождая волѣ, которой повинуюсь доколѣ существую, я ѣду въ деревню Малороссійскую; ты меня въ ней найдешь по твоему предвѣщанію. Мой отпускъ хотя съ тѣмъ опредѣленъ, дабы черезъ 6-ть недѣль возвратиться, но могу ли я уже чему-нибудь вѣрить?» «Заклинаю тебя дружбою и любовію», продолжаетъ онъ, «не огорчайся и не обвиняй ее тяжкимъ образомъ. Представь человѣчество и страсть и, забывая все прочее, люби и будь привязанъ, по крайней мѣрѣ за то, что она вѣчно мила моему сердцу. Я не чувствую обиды, люблю одинаково, и буде бы страсть облегчилася, вмѣстѣ съ оною теперь дѣйствующая останется во мнѣ благодарность. Я просилъ Алексашу, чтобъ онъ обстоятельно описалъ тебѣ мое состояніе. Рыданіемъ и возмущеніемъ духа платя горькую дань чувствительному сердцу, я столько ослабѣлъ, что не въ состояніи о себѣ говорить, и для тебя и ради себя убѣгаю проходить воспоминаніемъ мою долю, которая столь живо еще мои чувства поражаетъ. Жалость и отчаяніе исторгали изъ меня жизнь; спасеніемъ оной не своему разсудку, но долженъ попеченію моихъ пріятелей, между коихъ твое мѣсто занималъ равно тебѣ и мнѣ

любезный твой братъ. Еще не скажу, чтобъ я былъ въ силахъ бороться съ печалію; ѣду въ лѣсъ и пустыню не умерщвлять, но питать оную».—«Не пеняй, что я былъ дуракъ. Глупость сія любезна: я на оную и теперь бы промѣнялъ всю премудрость міра и отдалъ бы всякое благополучіе на свѣтѣ, еслибъ можно возвратить удовольствіе прошедшее. Сенюшенька, не забудь меня; спрашивай обо мнѣ у своего брата; а я теперь сажусь въ твою коляску, оставляя городъ и чертоги, гдѣ толико былъ счастливъ и злополученъ и гдѣ сраженъ я на подобіе агнца, который закалается въ ту пору, когда, ласкаясь, лижетъ руку. Напрасно мнятъ излѣчить меня разлукою. Я поѣду и пріѣду на подобіе уязвленнаго еленя, который бѣжитъ и продирается сквозь лѣса густые; но вонзенная стрѣла всегда въ боку и не упадетъ».

При удаленіи Завадовскій получилъ (по словамъ Гельбига) 80 т. единовременно, 5 т. пенсіи, 1800 крестьянъ въ Россіи (Малороссіи), 2000 въ Польшѣ и серебрянный сервизъ въ 80000 р. Если эти цыфры вѣрны, то ему подарено менѣе чѣмъ другимъ любимцамъ; по крайней мѣрѣ въ пять разъ менѣе сравнительно съ преемникомъ его Зоричемъ. Его застѣнчивость въ подобныхъ случаяхъ и нестяжательность были, надо думать, причиною тому. Когда онъ состоялъ при Румянцовѣ, Воронцовъ совѣтовалъ ему просить имѣнія, но Завадовскій отвѣчалъ: «Я еще въ жизни не дѣлалъ себѣ проэктовъ, а сжилъ половину вѣка, да и не смѣлъ я на Понурщину открыть фельдмаршалу моихъ желаній». Заботливый о положеніи своего друга Воронцовъ совѣтовалъ ему спросить себѣ пожалованій у Государыни; но некорыстный и скромный Завадовскій отвѣчалъ: «О себѣ говорить, а и того больше просить, я отмѣнно застѣнчивъ и никакъ не могу промолвить».

Онъ такъ былъ застѣнчивъ въ выраженіи просьбъ о себѣ, что, при всемъ желаніи, послѣ заключенія Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, быть въ Москвѣ и не зная, возметъ ли его съ собою Румянцовъ, не смѣлъ проситься. Такъ писалъ онъ 15-го Апрѣля 1775 Воронцову, что поѣздка его зависитъ отъ того, «чтобы мнѣ сказали ѣхать, а самъ я проситься не начну; ибо и въ Могилевѣ молчалъ, доколѣ не приказано». А желаніе быть въ Москвѣ было сильное. «Ѣзда Московская меня трогаетъ съ той только стороны, что я тебя увижу и другаго тебя обрѣсть могу въ твоемъ братѣ». Попрошайство и жадность онъ осуждалъ въ другихъ. Такъ онъ не могъ простить этого Безбородкѣ и порицалъ въ княгинѣ Дашковой. «Прибыльныя одолженія имѣя отъ князя (т.-е. отъ Потемкина), онъ во всѣхъ дѣлахъ его рабъ». «Пріятель нашъ прилежно лазитъ (къ Зубову), чтобъ по назначенію о де-

ревняхъ получить большее и лучшее». «Нашъ пріятель въ удивительной тревогѣ (по поводу раздачи имѣній въ Польскихъ губерніяхъ). Стыдъ не удерживаетъ отъ всякой низости просителя». «Княгиня, твоя сестра, собирается къ Маю мѣсяцу, чтобъ оставить столицу. Отнюдь ею не дорожатъ, потому разумно располагается; но то бѣда, что она и въ самый приличный поступокъ вольетъ чего-нибудь вонючаго. Она должна въ банкъ серебромъ, отнеслась съ просьбою, что рада въ полтора заплатить, но не сыщетъ нумерера (т.-е. звонкой монеты); потому ищетъ, чтобъ велѣли принять ассигнаціями, или же по милости заплатить за нее сей долгъ. Въ обоихъ случаяхъ отказано, а срамъ при насъ».

Дѣла самаго Завадовскаго были плохи, и постройками въ Ляличахъ плодились его денежныя затрудненія. Состоя еще при Екатеринѣ, онъ похвалилъ однажды архитектуру новаго зданія, занимаемаго нынѣ Государственнымъ Банкомъ. Екатерина поручила томуже знаменитому Гваренги составить планъ для дворца въ Ляличахъ. Когда планы великолѣпнаго зданія съ увеселительнымъ домомъ, павильонами, многими флигелями и надворными строеніями, были одобрены Императрицею, Завадовскій, глядя на нихъ, замѣтилъ: «Матушка! Въ сихъ хоромахъ вороны летать будутъ». «Ну я такъ хочу», сказала Государыня. Теперь пришлось эту пышную постройку производить на свой счетъ. Имѣніе Ляличи бездоходное и по качеству почвы послѣднее въ небогатомъ Суражскомъ уѣздѣ. Завадовскій долженъ былъ ѣздить въ деревню для поправленія своихъ разстроенныхъ дѣлъ. Узнавъ объ этомъ, Екатерина писала ему упрекъ, что она случайно узнала о его разстроенномъ положеніи, что онъ не хотѣлъ ей сказать, какъ будто не вѣрилъ, что помочь ему доставитъ удовольствіе.

Въ Августѣ 1777 г. Завадовскій возвратился въ Петербургъ по письму Императрицы. «Писали, что я надобенъ, что мнѣ будутъ рады, что знаніе меня составляетъ желаніе имѣть меня другомъ. Какъ же сему не повиноваться, самъ разсуди». Такъ писалъ Завадовскій Воронцову 8 Августа уже изъ Петербурга.

Можетъ быть, Екатерина щадила своего друга въ его горѣ и притворствовала, или чувства ея были искренни (по крайней мѣрѣ въ началѣ это было такъ), и она скрывала ихъ передъ другими; но отношенія ея къ Завадовскому были странны. Она приняла его, какъ выражался онъ, «по моей умѣренности, изрядно; не видѣлъ ничего отличнаго, но по крайней мѣрѣ тонъ человѣка знакомаго не пресѣкался вовсе». Но въ послѣдующія свиданія онъ замѣчалъ уже все болѣе холодности. Онъ просилъ кн. Барятинскаго узнать о причинѣ. Ему отвѣчали: «Внутренне чтятъ всѣмъ сердцемъ, а наружность есть

принужденная, дабы утушить алармъ». «Заключить нетрудно», замѣтилъ Завадовскій, «что наступали на душу смятенные моимъ пріѣздомъ. И такъ ты самъ отгадаешь легко, кто мои враги. Доколѣ своей роли не окончилъ, я конечно, бѣльмо на глазу». Несомнѣнно здѣсь намекъ на Потемкина.

Такое обращеніе Екатерины съ Завадовскимъ еще явнѣе высказалось въ 1780 г., въ Могилевѣ, куда онъ пріѣзжалъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Яковомъ, Новгородсѣверскимъ губернаторомъ. Екатерина только его не удостоила ни однимъ словомъ, а въ уборной была къ нему милостива. «Я, дознавши все противное всѣмъ клятвамъ и обѣтамъ, уклоняюсь казаться часто», писалъ Завадовскій Воронцову.

Онъ жилъ въ Петербургѣ то въ домѣ Воронцовыхъ, то въ Гатчинѣ у Орловыхъ, то одинъ на дачѣ у Воронцовыхъ, «продолжая привычку къ скукѣ и уединенію, въ коихъ рокъ опредѣлилъ мнѣ проводить послѣднюю часть моей жизни», писалъ онъ.

На утѣшенія Воронцова Завадовскій отвѣчалъ: «Сердце непокорно разсужденію; чувства онаго вѣчны и превѣчны. Бываютъ минуты разума, но пуще меня отягощающія. Размышленіе о страсти и самое терзаніе есть дань сердцу, и дань ему пріятная. Трогаютъ меня благодѣянія столь же нѣжно, какъ самая любовь. Я чувствителенъ къ тому чтó прошло, къ тому чтó настоитъ и чтó впередъ будетъ. Въ милостяхъ я приму участіе признаніемъ. Полезны онѣ будутъ для моихъ домашнихъ; но душевнаго удовольствія не произведутъ во мнѣ и сокровища всея вселенныя, хотя бы оныя мнѣ теперь дали. Мученье мое безъ исцѣленья, потому что мнѣ пріятно мучиться. Безуміемъ, слѣпотою или чѣмъ хочешь называй мое состояніе, я не стану спорить; однакожъ оно мило, и сіе навѣки. Пусть время всѣхъ лѣчитъ, но врачемъ моимъ оно не будетъ».

Завадовскій въ это время предался сильной карточной игрѣ, и на этотъ разъ совѣтъ и предостереженія Александра Воронцова были весьма кстати. «До третьягодняшней ночи», отвѣчалъ ему Завадовскій, «я имѣлъ игру лѣкарствомъ противъ неудовольствій душевныхъ, сѣмена гипокондріи производящихъ. Врачеваніе сіе въ мои годы обошлось мнѣ недешево. Всѣмъ казалось и кажется, что страсть моя есть карты. Я попускалъ людямъ вѣрить, скрывая отъ нихъ положеніе моего духа, которому разрывка сія была спасительна. Прошу, предостерегай меня въ другихъ моихъ заблужденіяхъ, ибо по мотовству я послѣдній уже далъ тебѣ случай. Честнымъ словомъ увѣряю, и увѣреніе мое прими за точное дѣло, что бесѣда моя во всю ночь не будетъ съ картами. Кто самъ чувствуетъ свой порокъ, тотъ уже господствуетъ надъ нимъ».

Хотя Завадовскій и оставилъ игру въ томъ видѣ, который можно было истолковать страстью, но всегда любилъ играть въ карты: частенько игралъ онъ со старикомъ Разумовскимъ, до своей женитьбы, и съ княземъ Лопухинымъ [17]). Когда проживавшая въ домѣ у гетмана Разумовскаго шестнадцатилѣтняя графиня Апраксина дала ему понять о своихъ чувствахъ къ нему, онъ такъ отозвался о томъ Воронцову: «Я имѣлъ разъ въ жизни лютую и несчастную страсть, которая, размучивши сердце, не оставила въ ономъ для другой мѣста на вѣки.» Онъ никуда не выходилъ, такъ какъ встрѣча съ людьми для него была невыносимо тяжела. Екатерина приглашала его къ маленькому столу, но для него это составляло пытку, и онъ объявилъ ей о непремѣнномъ намѣреніи уѣхать въ деревню.

Тягость положенія Завадовскаго усугублялась полнымъ разочарованіемъ въ людяхъ. По его возвращеніи его встрѣчали всѣ съ особенною предусмотрительностію, какъ оказалось, вслѣдствіе слуха, что онъ вызванъ для занятія важнаго государственнаго мѣста. Но по мѣрѣ того, какъ оставался онъ далѣе безъ назначенія, и слухъ о томъ затихъ, вниманіе общества къ нему ослабѣло. А къ довершенію всего, человѣкъ, усердіе къ которому, быть можетъ, обошлось дорогою цѣною Завадовскому, его благодѣтель-фельдмаршалъ Румянцовъ отъ него отворачивался. Послѣ всего этого, Завадовскій въ правѣ былъ писать Воронцову: «Имѣвши духъ огорченный всѣми неправдами, познавши родъ человѣческій со стороны отвратительной, я не мыслю опричь уединенія и опричь вѣчнаго спокойствія отъ себя зависить».

Впрочемъ, по совѣту графа Александра Романовича, онъ отложилъ отъѣздъ въ деревню, чтобы добиться указанія, зачѣмъ его вызывали; но въ Февралѣ 1778 г. видимъ его опять уже въ Ляличахъ, откуда онъ писалъ Воронцову: «Признайся, что меня видишь въ разсудкѣ; но сіе однакожъ не мѣшаетъ мнѣ мучиться и страдать, видя многое поражающее. По твоему страсть, а по моему сожалѣніе, привязанность и благодарность. Sat sapienti».

По удаленіи Зорича, въ Маѣ 1778 года, Орловы думали о возвращеніи Завадовскаго. Екатерина, намѣреваясь, по словамъ Гарриса, «возстановить этого спокойнаго человѣка», приказала вызвать Завадовскаго. Но Потемкинъ этого не допустилъ, и Зоричъ замѣненъ былъ Корсаковымъ.

Завадовскій два раза получалъ отъ Императрицы приглашеніе прибыть, но медлилъ; медлилъ потому, что не могъ еще вооружиться равнодушіемъ. «Предвижу», писалъ онъ Бакунину, «что я растравлять

---

17) Записки Н. С. Ильинскаго, Р. Архивъ 1879, III, 414.

буду свою рану, на которую разсужденіе не есть еще сильный пластырь». Притомъ онъ жаловался на слабость здоровья, на трудность для него дороги до Мая мѣсяца. «Отъ избытка чувствительности, мнѣ природной, познакомился съ меланхоліею и подвергнулъ здоровье разнымъ мучительнымъ припадкамъ. Вы скажите — глупость; не спорю, но кто человѣкъ—не человѣкъ?»

Участіе пріятелей трогало Завадовскаго: онъ высказывалъ сердечную признательность Бакунину и Безбородкѣ и по поводу этому писалъ Воронцову: «Учись, Сенюшенька, и положи себѣ за правило не скоро узнавать людей и не презирать ихъ за слабости, которыя не весь еще характеръ испровергаютъ».

Изъ Ляличей онъ писалъ Бакунину: «Еще прошу васъ любите нашего сироту Александра Андреевича (Безбородку): онъ добрый человѣкъ; остерегайте его, гдѣ онъ неостороженъ и гдѣ дружескій совѣтъ нуженъ. Я къ нему пишу, чтобъ онъ у васъ заслуживалъ сію для себя полезную усердность».

Безбородко повидимому не отличался порядкомъ въ жизни и дѣлахъ и нуждался въ совѣтахъ. Еще при самомъ поступленіи его въ кабинетъ-секретари, Румянцовъ, озабоченный потерею одного секретнаго дѣла, писалъ Завадовскому, чтобъ онъ настоялъ надъ Безбородкою, который на два письма его по сему предмету даже не отвѣчаетъ. Старика Румянцова заботило, чтобъ не пострадали чрезъ то невиновные.

Дружба Завадовскаго съ Безбородкою началась при Румянцовѣ. Сошлись они какъ два Малоросса-земляки, хотя не были сосѣдями [18]).

Въ біографіи князя Безбородки говорится, что дружба его къ Завадовскому до конца дней его была искренна. Къ сожалѣнію, со стороны Безбородки это не всегда было такъ. Въ 1783 г. Завадовскій писалъ Воронцову: «Прежнія и новыя его (Безбородки) противъ меня коварства рѣшили меня перестать съ нимъ всячески обходиться и трактовать какъ явнаго своего врага, считая, что образомъ симъ меньше онъ вредить можетъ, нежели въ лукавомъ видѣ пріятеля. Сей случай отщетилъ меня и отъ всѣхъ къ нему прилѣпленныхъ, которымъ онъ въ Бога и кои въ немъ перестанутъ чтить божество, лишь кончился бы его случай».

Зная, какъ снисходителенъ былъ Завадовскій къ слабостямъ людей («у всякаго свой точущій червякъ», говорилъ онъ) и остороженъ въ заключеніяхъ о нихъ, нельзя не предполагать, что онъ имѣлъ несомнѣнныя доказательства предательскаго двоедушія Безбородки, которое сказалось, повидимому, при удаленіи Завадовскаго и при вто-

[18]) Р. Арх. 1874, II, 593.

ричномъ его возвращеніи. У Потемкина Безбородкѣ трудно было добиться повышеній и пожалованій, оставаясь другомъ Завадовскаго. Съ кончиною Потемкина Завадовскій сдѣлался для него опять необходимъ. Незлобіе Завадовскаго, воспоминаніе отношеній молодости несомнѣнно способствовали къ этому вторичному сближенію. Воронцовъ совѣтовалъ Завадовскому сойтись съ Безбородкою, чтобы составить оплотъ противъ Зубова. «Ты совѣтовалъ сближеніе, онъ искалъ его униженно; но что́ съ того?» Безбородко, завѣдуя иностранною политикою, сдѣлался особенно на этотъ счетъ откровененъ съ Завадовскимъ. Съ одной стороны скромность и осторожность Завадовскаго обезпечивали Безбородку отъ всякой непріятности; а съ другой стороны практическій взглядъ Завадовскаго на событія, его заключенія, часто, по своей безошибочности, имѣвшія видъ пророчествъ, приносили большую услугу Безбородкѣ, за которымъ Завадовскій признавалъ только двѣ способности: необыкновенную память и мастерское изложеніе. «Но довѣренность и совѣтованія мои, коихъ онъ нерѣдко ищетъ, размѣряю по возможности его исполненія и очень того берегусь, чтобъ не поставили и того на мой счетъ, что̀ въ немъ бываетъ его собственнаго». Въ благодарность Безбородко очень усердствовалъ Завадовскому, и усердіемъ этимъ пользовался Завадовскій исключительно для друга своего графа Семена Романовича, пылкость котораго мало уступала годамъ. Всѣ его записки и мнѣнія, какія присылалъ онъ Безбородкѣ, сей послѣдній никогда не докладывалъ Императрицѣ и никому не читалъ, не показавъ Завадовскому, который спѣшилъ предостеречь добрымъ наставленіемъ пылкаго своего друга, писалъ немедленно брату его Александру и тѣмъ спасалъ Воронцова отъ непріятностей. Завадовскій доказалъ свою пріязнь и незлобіе Безбородкѣ. У его смертнаго одра не было человѣка болѣе расположеннаго къ нему какъ Завадовскій, почти не отходившій отъ него во все время болѣзни и закрывшій глаза другу своей молодости. Незлобіе составляло дорогую черту въ Завадовскомъ. Послѣ случая, доказавшаго ему предательство Безбородки, онъ просилъ Александра Воронцова удерживать его отъ разорительнаго мотовства, когда онъ уѣхалъ въ Москву отдѣлывать свой пышный домъ, и указывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что «отвычка» отъ него прибавитъ удостовѣреній, что безъ него можно обойтись.

По вторичномъ возвращеніи Завадовскаго изъ Ляличей, Екатерина стала возлагать на него разныя обязанности: присутствіе въ Сенатѣ, въ Совѣтѣ, управленіе двумя банками, предсѣдательство въ коммиссіи законовъ, въ коммиссіи о сокращеніи канцелярскаго дѣлопроизводства,

ревизію присутственныхъ мѣстъ, управленіе учебными заведеніями и составленіе для нихъ проэктовъ, засѣданіе въ Совѣтѣ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, переустройство Пажескаго корпуса и другихъ школъ, переустройство и завѣдываніе Медико-хирургической школы, постройку Исакіевскаго собора. Онъ приглашался для совѣщаній по дѣламъ политическимъ; ему поручали разрѣшеніе особо-важныхъ дѣлъ; и, наконецъ, въ его опеку отданъ Бобринскій.

Саксонецъ Гельбигъ, зоркій, но не всегда безпристрастный наблюдатель того, чтó происходило въ Петербургѣ, относитъ къ чести Потемкина, что онъ, признавая въ своемъ противникѣ несомнѣнныя способности, не препятствовалъ ему своими заслугами пролагать себѣ путь къ повышеніямъ. Но Потемкину ли обязанъ этимъ Завадовскій? Не лично ли Екатеринѣ? Извѣстно, какъ цѣнила она дарованія, какъ не хотѣлось ей, напримѣръ, отпускать Воронцова. «Поэтому и Безбородко станетъ проситься? Да чтó дѣлается съ Завадовскимъ?» спрашивала она Самойлова, когда онъ докладывалъ ей прошеніе Александра Воронцова объ увольненіи. Замѣтно, что вопросы эти ставились съ неудовольствіемъ. Правда, Потемкинъ потомъ сдѣлался ласковъ къ Завадовскому, бывалъ у него, увѣрялъ, что еслибы онъ вѣрилъ всему, чтó о Завадовскомъ ему писали, то долженъ бы считать его своимъ врагомъ. Но это было уже тогда, когда частая перемѣна любимцевъ никого не удивляла, когда отъ Завадовскаго отвыкли совершенно и вмѣстѣ съ тѣмъ стали возлагать на его плечи немалую долю государственной ноши. По примѣру Потемкина, и другія лица измѣнили теперь свои отношенія къ Завадовскому. Вліяніе Потемкина на эти отношенія всего лучше объясняется въ разговорѣ съ Завадовскимъ Бецкаго, который увѣрялъ его во всегдашней къ нему «отличной любви». «Сіе я самъ знаю», отвѣчалъ ему Завадовскій, «а только того не вѣдаю, за что вы меня ненавидѣли?» Старикъ, покачавъ головою, выговорилъ, что «сіе было не отъ сердца, а par politique»[19]).

Первымъ государственнымъ трудомъ Завадовскаго былъ манифестъ объ изданіи законоположенія объ управленіи губерніями.

Въ 1780 г. онъ пожалованъ въ тайные совѣтники, назначенъ сенаторомъ и членомъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ. Въ 1781 г. ему ввѣрено управленіе, учрежденнымъ по его проэкту[20]), С.-Петербургскимъ Дворянскимъ Банкомъ. Въ томъ же году поручена ревизія всѣхъ присутственныхъ мѣстъ. Онъ при этомъ исправилъ найденныя упущенія и представилъ свои замѣчанія Государынѣ, которыми

[19]) Изъ политики.

[20]) Рѣчь на публичномъ актѣ Виленскаго университета 1817 г.

осталась она отмѣнно довольна. Въ порядкѣ канцелярскомъ не было ни системы, ни единообразія; дѣла тянулись, и предотвратить медленность не представлялось возможнымъ. Напримѣръ, при докладѣ дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ и Сенатѣ читалось цѣлое дѣло, а не краткая изъ него выписка. Чтеніе это занимало иногда шесть недѣль времени. Само собою разумѣется, что при такомъ докладѣ слышанное не могло удержаться въ памяти сенаторовъ и судей и не давало возможности составить ясное представленіе о дѣлѣ, чѣмъ ловко пользовалась канцелярія. «Для сдѣланія единообразнаго положенія относительно порядка канцелярскаго, храненія дѣлъ, раздѣленія экспедицій, гдѣ онымъ быть слѣдуетъ, сокращенія всего того, что̀ излишнимъ затрудненіемъ почесться можетъ и преподанія средствъ къ скорѣйшему дѣлъ производству», составлена коммиссія [21]). Указомъ 27 Сентября 1784 г. предписано было генералъ-губернаторамъ всѣ свѣдѣнія и свои мнѣнія по настоящему предмету, а равно отобранныя ими мнѣнія отъ прокуроровъ и стряпчихъ представить прямо Императрицѣ. Такое распоряженіе свидѣтельствуетъ, какъ Екатерина была занята этимъ важнымъ дѣломъ. Несомнѣнно, что докладъ Завадовскаго, обрисовавшій всю канцелярскую неурядицу того времени и тяжелое положеніе лицъ, имѣвшихъ дѣла̀ при такомъ ихъ веденіи, имѣлъ большое значеніе. Рескриптомъ отъ 14 Ноября, Завадовскому повелѣвалось принять обязанность предсѣдателя учреждаемой коммиссіи, а членами ея были: генералъ-провіантъ-мейстеръ Мавринъ, генералъ-майоръ Соймоновъ, д. с. с. Васильевъ, бригадиръ Турчаниновъ и статскіе совѣтники Терскій и Храповицкій. Въ рескриптѣ, между прочимъ, говорится: «Не предписываемъ мы вамъ тутъ никакихъ подробныхъ наставленій, сокращаясь въ общемъ изложеніи воли нашей».

Получивъ нужныя свѣдѣнія, Завадовскій составилъ проэктъ о сокращеніи канцелярскаго порядка, впрочемъ, не ранѣе 1795 года[22]).

Въ томъ же 1784 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ коммиссіи по сооруженію Исакіевскаго собора. Онъ улучшилъ и распространилъ бронзовую фабрику и въ 12 лѣтъ довелъ зданіе собора до карнизовъ [23]). Тогда же ему поручено осмотрѣть школу при больницѣ за Калинкинымъ мостомъ, состоявшую подъ присмотромъ оберъ-полицеймейстера и устроенную на иждивеніе Кабинета. Прочитавъ докладъ Завадовскаго по этому порученію, Екатерина рескриптомъ 14 Ноября

---

[21]) Засвидѣтельствованная копія указа генералъ-губернаторамъ 27 Сентября 1784 г. (изъ фамильныхъ бумагъ).

[22]) Письмо Грибовскаго, отъ 3 Октября 1795 г. (изъ фамильныхъ бумагъ).

[23]) Тамъ же.

поручила ему завѣдывать этою школою, составить «проэктъ положенія сему заведенію», а между тѣмъ, по его усмотрѣнію, ввести порядокъ какъ въ преподаваніи, такъ въ пріемѣ воспитанниковъ и въ хозяйственной части [24]).

Рескриптомъ 5 Февраля 1785 г. Завадовскому приказано обозрѣть систему преподаванія въ Пажескомъ корпусѣ, освидѣтельствовать успѣхи и «ввести порядокъ, который долженъ быть присвоенъ и всѣмъ вообще Россійскимъ училищамъ». Такимъ же образомъ повелѣвалось ему поступить и съ прочими школами вѣдомства придворной конюшенной конторы, дворцовой и оберъ-егермейстерской канцелярій» [25]). Въ три недѣли порученіе было выполнено, и составленъ Завадовскимъ планъ обученія. Императрица, въ рескриптѣ отъ 26 Февраля, одобривъ этотъ планъ, признавала необходимымъ добавить въ Пажескомъ корпусѣ преподаваніе Латинскаго и Греческаго языковъ, а потому поручила Завадовскому озаботиться, «дабы таковое ученіе какъ наискорѣе могло воспріять свое начало, о чемъ слѣдуетъ согласиться съ оберъ-гофмаршаломъ». «Когда все такимъ образомъ, по представленному отъ васъ плану, придетъ въ устройство, тогда не только можно позволить прочимъ благороднымъ молодымъ людямъ учиться въ классахъ Пажескаго корпуса, но непремѣнно надлежитъ приказать, чтобъ рейтъ-пажи и ягдъ-пажи ходили для обученія въ сіи классы. Выборъ учителей слагаемъ мы на васъ» [26]). И такъ на Завадовскаго возложено было завѣдываніе и Пажескимъ корпусомъ, который тогда вовсе не былъ военнымъ.

Находя, что составъ преподавателей въ Медико-хирургической школѣ неудовлетворителенъ, Завадовскій представилъ о необходимости замѣнить нѣкоторыхъ изъ нихъ другими и послать молодыхъ Русскихъ врачей въ Вѣну, Парижъ и Лондонъ, чтобъ они ознакомились съ устройствомъ тамъ медико-хирургическихъ училищъ и клиникъ, дабы возвести новое зданіе для Медико-хирургическаго училища. На первое представленіе отвѣчалъ именемъ Императрицы Безбородко въ письмѣ отъ 19 Апрѣля 1785 г. «Увольненіе Лобенвейма, Моренгейма и другихъ, кои еще признаны будутъ и замѣщеніе ихъ новыми», предоставлялось личному благоусмотрѣнію и попеченію Завадовскаго. По второму послѣдовалъ ему высочайшій рескриптъ отъ 25 Февраля, которымъ разрѣшалось «сходно представленію» Завадовскаго, отправить въ Вѣну, Парижъ и Лондонъ докторовъ Тереховскаго и Шуманскаго, снабдивъ ихъ наставленіями, а что касается новаго помѣщенія для

[24]) Рескриптъ 14 Ноябрл 1784 (изъ фамильныхъ бумагъ).
[25]) Рескриптъ, писанный рукою Безбородко (изъ фамильныхъ бумагъ).
[26]) Оттуда же. Годъ и число выставлены Безбородкою.

училища, «не преминемъ», добавляла Государыня, «мы назначить сумму, дабы начало онаго сдѣлано быть могло еще въ настоящемъ году» [27]). Хотя вскорѣ, 10 Марта, отпущено было Завадовскому на этотъ предметъ 10,000 рублей, какъ видно изъ письма къ нему Стрекалова; но Завадовскій не спѣшилъ постройкою, ожидая практическихъ указаній отъ посланныхъ имъ врачей. Вотъ почему онъ писалъ Воронцову въ Лондонъ, чтобъ ихъ не задерживать и не увлекаться имъ изученіемъ Англійскаго языка, въ чемъ онъ положительно не видѣлъ необходимости, такъ какъ посылалъ ихъ только съ цѣлію осмотрѣть заведенія и позаимствовать все хорошее и пригодное для насъ. Причину такой поспѣшности онъ объяснялъ именно тѣмъ, что сооруженіе зданія совершенно имъ пріостановлено до ихъ возвращенія. «Прошу тебя, уважить мою мысль и преподать имъ оную въ томъ видѣ, какъ я тебѣ предлагаю», писалъ Завадовскій.

Но пока молодые Русскіе профессора готовились къ исполненію своихъ обязанностей, мѣста уволенныхъ нужно было занять, и къ Завадовскому препровождались для того договоренные врачи-иностранцы [28]). На него вмѣстѣ съ тѣмъ возлагалось снабженіе арміи и флота лекарями и подлекарями [29]). Такимъ образомъ Медико-хирургическая Академія своимъ основаніемъ обязана Завадовскому.

Тогда же Завадовскій былъ назначенъ предсѣдателемъ коммиссіи о народныхъ училищахъ. Въ дѣло это онъ, такъ сказать, вложилъ душу. «Ревностно споспѣшествовалъ онъ во всѣхъ важныхъ и для отечества столь полезныхъ трудахъ сей коммиссіи и участвовалъ въ составленіи проэкта для училищъ, гимназій и университетовъ». Императрица часто посѣщала С.-Петербургское Главное Училище, выслушивала лекціи, осматривала комнаты, и всегда удостоивала благодарности Завадовскаго и его сотрудниковъ [30]).

Особенно важное значеніе имѣло учрежденіе въ 25 губерніяхъ народныхъ училищъ. Это составляетъ одно изъ крупныхъ событій царствованія Екатерины. Она наградила щедро всѣхъ участвовавшихъ въ этомъ «великомъ дѣлѣ». Завадовскій получилъ орденъ Св. Владиміра 1-го класса и 6,000 душъ крестьянъ въ Малороссіи» [31]).

---

[27]) Изъ фамильныхъ бумагъ, равно какъ и ниже упоминаемое письмо Стрекалова отъ 24 Марта 1788.

[28]) Рескриптъ 5 Августа 1788. Странно, что о подобныхъ дѣлахъ сообщалось высочайшими рескриптами.

[29]) Рескриптъ 23 Мая 1788 г.

[30]) Архивъ Князя Воронцова, кн. XII, предисловіе.

[31]) Тамъ же.

Въ 1786 г. графъ Шуваловъ представилъ записку объ ассигнаціонныхъ банкахъ. Екатерина повелѣла, обсудивъ предметъ этотъ всесторонне особой коммиссіи, представить ей планъ и проэктъ. Членомъ этой коммиссіи назначенъ былъ Завадовскій.

Въ томъ же году Завадовскій вновь основалъ Государственный Заемный Банкъ съ тремя экспедиціями, далъ правильное движеніе всѣмъ частямъ на истинныхъ началахъ общей пользы и пріобрѣлъ банку довѣріе всего государства, безъ котораго не можетъ существовать прочно никакое предпріятіе. Тогда же онъ назначенъ былъ членомъ коммиссіи о дорогахъ въ государствѣ.

Не смотря на такое множество занятій, Завадовскому иногда отсылались для просмотра сочиненія Императрицы.

Въ 1787 г. Екатерина поручила Бобринскаго и его имѣніе въ опеку Завадовскаго, бывъ недовольна престарѣлымъ Бецкимъ, который не высылалъ всего дохода Бобринскому, полагая тѣмъ удержать его отъ мотовства. Завадовскій, принимая обязанность опекуна, объяснилъ Императрицѣ, что виною всѣхъ пороковъ въ Бобринскомъ его воспитаніе. «Да ты его поправь», замѣтила на это Екатерина. «Всякое ли пятно можно счистить?», писалъ Завадовскій въ письмѣ къ гр. С. Р. Воронцову, отъ котораго собиралъ свѣдѣнія объ образѣ жизни Бобринскаго. Замѣчаніе Екатерины даетъ понять, какая обязанность возложена была на Завадовскаго. Дѣло было хлопотливое и непріятное: онъ долженъ былъ сноситься съ Ссудною Казною, съ банкирами, дѣлать переводы, платить долги, переписываться съ Бецкимъ, Гриммомъ и другими лицами и имѣть столкновенія съ молодымъ и пылкимъ человѣкомъ, происхожденіе котораго было не тайною, какъ у насъ, такъ и за границею; многіе знали также, что Государыня останавливала на этомъ юношѣ помышленія свои даже о престолонаслѣдіи. Но, не смотря на все это, Завадовскій не отказался отъ такого порученія «въ угодность волѣ», какъ писалъ Воронцову, «и помня любовь ко мнѣ покойнаго князя» (т.-е. Орлова).

31 Августа того же года Завадовскій назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и въ тотъ же день былъ приглашенъ для сужденія о войнѣ съ Турками, посадившими въ тюрьму Булгакова.

18 Сентября 1788 г., при разсужденіи въ Совѣтѣ о положеніи политическихъ дѣлъ и недружелюбіи Пруссіи, Завадовскимъ составленъ протоколъ въ смыслѣ необходимой твердости въ дѣйствіяхъ Россіи, подкрѣпленной немедленнымъ вооруженіемъ. Шуваловъ склонялъ на уступчивость, что̀ раздражило Императрицу. Такимъ образомъ Екатерина возобновила въ своей памяти образъ мыслей Завадовскаго о политическихъ событіяхъ, вслѣдствіе чего, вѣроятно, по заключеніи

Ясскаго трактата (20 Декабря 1791 г.), она предполагала назначить его чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь[32]). Можетъ быть польза отъ его трудовъ, по дѣламъ внутренняго управленія, заставила Государыню измѣнить это намѣреніе и послать Голенищева-Кутузова.

Необходимость въ Завадовскомъ еще могла оказаться настоятельнѣе, когда въ Совѣтѣ, при разсужденіи о политическихъ дѣлахъ, обнаруживались малодушіе и трусость. Въ 1791 г. Завадовскій писалъ графу С. Р. Воронцову. «Если ты не ободрялъ бы удостовѣреніемъ, своимъ духомъ: насъ союзныя державы общими угрозами привели бы къ стыду. Одна Государыня удерживала дѣйствовать робости, которая въ смятеніе приводила души министерства». По нѣкоторымъ дѣламъ чрезъ него объявлялись Сенату высочайшія повелѣнія, вмѣсто генералъ-прокурора; чрезъ него шли распоряженія по женскимъ учебнымъ заведеніямъ. На него смотрѣли, какъ на главное дѣятельное лицо въ Сенатѣ [33]).

Но въ частной жизни Завадовскій не былъ счастливъ. Онъ долженъ былъ оставаться въ Петербургѣ, работать не отказываясь ни отъ какого порученія, вѣрный своему слову «повиноваться волѣ, доколѣ существуетъ». Не прельщали его ни знаки отличія, ни положеніе, созданное его способностями и неутомимыми трудами. Его тянуло въ деревню, въ милую Малороссію. Съ первыхъ дней переѣзда въ Петербургъ, онъ завидовалъ единственно тому, кто въ независимомъ положеніи пользовался деревенскою жизнію. Такъ, еще состоя при Екатеринѣ, весною 1777 г. писалъ онъ своему другу: «Ты вѣдаешь твердую мысль мою, что я не житель С.-Петербургскій»; а въ 1780 г. изъ Ляличъ къ графу Александру Воронцову: «Я съ утра до вечера въ лѣсу живу на охотѣ и забываю всѣ выгоды, которыя держутъ насъ въ столицѣ». Вырвавшись изъ Петербурга въ Лялячи въ 1785 г., онъ писалъ оттуда Семену Романовичу: «Отпущенъ я не съ тѣмъ, чтобы много жить; но я уже иду своимъ образомъ къ покою и, его токмо желая, стараюсь токмо добрымъ образомъ отдѣлаться отъ должностей, въ которыхъ нахожусь». Онъ одобрялъ рѣшимость графа Александра Воронцова удалиться въ деревню и въ 1792 г. писалъ о своемъ намѣреніи сдѣлать тоже. «Суетность прочая столь мнѣ наскучила, что я принялъ твердое намѣреніе оставить службу и послѣдніе мои дни окончить въ деревнѣ, къ чему себя приготовляю настоящимъ образомъ моей жизни, т.-е. со стороны моральной удаляюсь учащать ко двору и въ большія общества, съ физической—готовлю себѣ въ де-

[32]) Русская Старина, 1878, I, 106.
[33]) Письма Безбородки, Стрекалова, Самойлова (изъ фамильныхъ бумагъ).

ревнѣ пріятное и выгодное убѣжище». Въ великолѣпномъ своемъ деревенскомъ уединеніи онъ устроилъ для себя могилу. Но графъ Воронцовъ предостерегалъ его, чтобъ изъ его отставки не вышла исторія. Этого опасался и Завадовскій, котораго удерживали въ столицѣ домъ, пріобрѣтенный имъ въ Петербургѣ [34]), а потомъ жена, которая не могла помириться съ деревенскою жизнью. «О, сколь пріятно вырваться изъ города», писалъ онъ Воронцову, послѣ поѣздки въ Нарву (для свиданія съ Бобринскимъ), а вернувшись изъ деревни въ 1795 г.: «Не повѣришь, мой другъ, какъ мнѣ тяжело было покидать всѣ забавы по сердцу, которыми не насытилъ даже зрѣнія. Познавъ блаженство свободы, вспоминалъ я тебя, сколько ты счастливъ, что пользуешься оною въ полной мѣрѣ».

Завадовскому, при его усиленныхъ трудахъ, необходимъ былъ нравственный отдыхъ, а его не могли ему дать пустынныя комнаты его дома. Часы отдыха должны были чѣмъ нибудь наполняться; иначе неотвязчивая скука завладѣла бы имъ совершенно. Онъ искалъ кружка, семьи, въ которой какъ дóма могъ бы проводить свободное время и, найдя у графа Кирила Григорьевича Разумовскаго привѣтъ и ласку, сталъ ежедневнымъ его посѣтителемъ. У Разумовскаго жила родственница его графиня Софія Осиповна Апраксина съ молодою красавицею-дочерью. Частыя посѣщенія вызвали толки, о которыхъ дошло и до Завадовскаго. Еще въ 1780-мъ году онъ писалъ о томъ къ Воронцову и сожалѣлъ, что не можетъ отвѣчать ей взаимностью. А въ 1783-мъ году по поводу этихъ слуховъ онъ отзывался, что «свадебъ изъ того не выходитъ, гдѣ городъ женитъ». Слухъ этотъ дошелъ до Екатерины и повидимому былъ ей непріятенъ. Но прошло четыре года, говорить перестали, а Разумовскаго между тѣмъ очень смущало положеніе молодой графини, которую всѣ считали невѣстою. Гетманъ высказывалъ свое сѣтованіе зятю своему Гудовичу: «Завадовскій цѣлый годъ держитъ себя какъ женихъ, но нерѣшительностію своею насъ смущаетъ» [35]).

Составить семью, наполнить семейною жизнію свободное отъ трудовъ время, имѣть близъ себя преданнаго друга,—все это, въ возрастѣ вполнѣ зрѣломъ, могло имѣть извѣстную цѣну въ глазахъ Завадовскаго, и онъ рѣшился жениться. Но прежде чѣмъ сдѣлать такой шагъ, онъ напи-

---

[34]) На Большой Морской, нынѣшній домъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Завадовскій купилъ его въ 1786 г. у графа П. И. Панина; въ 1748 г. онъ пріобрѣтенъ былъ отъ купца Миллера статсъ-дамою Марьею Симоновной Чоглоковою (изъ фамильныхъ бумагъ). Домъ гетмана Разумовскаго находился по близости. Это нынѣшній Николаевскій Институтъ на Мойкѣ.

[35]) Русскій Архивъ 1873, 0468.

салъ о томъ Екатеринѣ, которая не любила Апраксиныхъ. «Беру овечку изъ паршиваго стада», пишетъ Завадовскій, «но на свой духъ надѣюсь твердо, что проказа ко мнѣ никакъ не пристанетъ, на подобіе какъ вынутое изъ грязи и очищенное отъ оной золото ничьихъ рукъ не мараетъ. Подвигъ сей составляетъ единственно непритворная ко мнѣ привязанность, соразмѣрная моей чувствительности и чинимому воздаянію. Побѣждено оною и воображеніемъ увеличающейся скуки (если доживу до дней старости) до сего противоборствовавшее разсужденіе. Благословите, всеподданнѣйше прошу, мой новый жребій матернимъ благословеніемъ. Отъ васъ имѣю вся благая жизни. Вы мой покровъ и упованіе.» Невѣста Завадовскаго, графиня Вѣра Николаевна, въ день свадьбы 30 Апрѣля 1787 года, пожалована была во фрейлины. Завадовскаго благословила Екатерина заочно иконою Спасителя. Сама она въ это время путешествовала по Югу Россіи.

Нерадостна была семейная жизнь Завадовскаго. Дѣти его умирали въ малолѣтствѣ. Завадовскій былъ чувствителенъ къ потерѣ близкихъ. Такъ потерявъ брата въ 1786 году, онъ былъ неутѣшенъ въ горѣ. «Я все въ немъ потерялъ. Я теперь не чувствую моей жизни, какъ токмо для сокрушенія о моей утратѣ». Каково же было положеніе его, когда терялъ онъ дѣтей и притомъ въ годы приближающейся старости? «Сколько я несчастливый отецъ, на что мнѣ говорить! Шестерыхъ дѣтей слышалъ только первый голосъ и, подержа на рукахъ, въ гробъ ихъ положилъ». «Все мое благополучіе и счастіе отца безподобная дочь унесла съ собою въ гробъ [36]). Хотя живу, но какъ, громомъ пораженный; самъ не чувствую моей жизни». Такъ выражалъ онъ свою скорбь Воронцову. Его спасали отъ горя усложнявшіяся занятія. Ему, совмѣстно съ княземъ Вяземскимъ, графомъ Александромъ Воронцовымъ и графомъ Безбородкою, велѣно обсудить и представить соображенія о приведеніи въ кредитъ ассигнацій (1789 г. 4 Мая); ему поручено завѣдываніе народнымъ образованіемъ въ должности главнаго директора народныхъ училищъ; на него возложено предсѣдательство въ особомъ комитетѣ для рѣшенія дѣла о преступленіи Мирбаха, генералъ-поручика при Костюшкѣ [37]). Награды Завадовскому шли своимъ чередомъ: въ 1793 г. онъ получилъ Александра Невскаго, и въ томъ же году, по желанію Екатерины, императоръ Австрій-

---

[36]) Это была дочь Татьяна умершая 4 лѣтъ. Съ нею изобразилъ графиню Завадовскую извѣстный Лампи; портретъ этотъ принадлежитъ нынѣ Великому Князю Константину Николаевичу

[37]) Письмо къ Завадовскому графа Самойлова 3 Іюня 1795 (изъ фамильныхъ бумагъ).

скій пожаловалъ ему и братьямъ его, Якову и Ильѣ, графское достоинство. Но ничто не утѣшало Завадовскаго въ его семейномъ горѣ. Титула передать ему было некому: у него оставались двѣ маленькія дочери, братъ Илья былъ болѣзненный, а у Якова былъ одинъ сынъ, и тотъ не обнадеживалъ своею долговѣчностію. «И такъ, мой другъ», писалъ Завадовскій графу Воронцову, «суетность сія меня ни чуть не радуетъ. Сынъ меня уже утѣшалъ и, лишившись его, не перестаю чувствовать внутреннюю горесть».

Надъ Завадовскимъ отяготѣла судьба: къ горю семейному прибавилась невзгода служебная. Отношенія его къ всемогущему Зубову были холодны: Завадовскій не только не искалъ въ немъ, но и не бывалъ у него. Зубовъ его ненавидѣлъ, «отчего и свыше познаю холодность», писалъ онъ. Онъ не могъ поставить свои выгоды выше государственныхъ и снизойти до искательства. Описывая роль, какую при Зубовѣ игралъ Безбородко, онъ писалъ. «Дѣла впрочемъ никакія изъ рукъ Зубова не вышли. Ал. Анд. самъ больше втирается, нежели его ищутъ, и чтó пожалуютъ на его перо, то приходитъ отъ резолюціи же Зубова, и отработанное долженъ ему прежде предъявить. Постыдная роль, а ты еще на оную уговариваешь!» Онъ не могъ быть равнодушнымъ зрителемъ, когда тщеславіе людей, подогрѣваемое лестію и искательствомъ, было главнымъ водителемъ судебъ Россіи. «Утомилъ бы я твое вниманіе, а мое перо», писалъ онъ графу С. Р. Воронцову въ 1791 году, «если бы все описывать, чтò скорбь дѣлаетъ усердному сыну Отечества. Ни одно государство такъ скоро въ долги не ринулось, нигдѣ такъ быстро не возобладала роскошь и не внесла въ нравы гибельныхъ пороковъ, какъ у насъ. Расширяй свое воображеніе отъ сихъ пунктовъ: сколько воли ни дашь, не превзойдешь мѣру. А потому, мой другъ, желай вседушно, какъ и я прошу Бога, чтобы былъ миръ, дабы хотя съ одной стороны меньше страдала общая польза». Онъ жаловался, что на возраженіе Зубову противъ намѣреній начать новую войну съ Турками недостаткомъ средствъ, всегда слышенъ одинъ отвѣтъ: «все есть, все будетъ». Разсчетъ составляли на нѣсколькихъ милліонахъ, которые должно было получить государство за наборъ рекрутъ, возвышеніе акциза на вино, передѣлку мѣдной монеты, а эти милліоны, по мнѣнію Завадовскаго, нужны на уплату долговъ и удовлетвореніе текущихъ нуждъ государства.

Недочетъ въ государственной смѣтѣ возрасталъ. Приходилось увеличивать налоги, чтобъ поднять государственный доходъ на 12 милліоновъ. «Ты знаешь, съ какимъ трудомъ на подобныя операціи подаются, да и даруй Богъ, чтобъ сію послѣднюю видѣть въ мою

жизнь». Установили хлѣбную подать. Завадовскій былъ противъ нея, «чтобы къ вещи по себѣ уже не легкой не приложили еще тягостей ради личныхъ корыстей». Онъ увѣренъ былъ, что, испытавъ неудобство подобнаго налога, обратятъ его въ денежный, «для общей пользы». Въ слѣдующемъ 1795 году дѣйствительно налогъ этотъ былъ замѣненъ тридцатикопѣечнымъ сборомъ.

Екатерина дряхлѣла. Вліяніе на нее Зубова было чрезвычайное. Отъ этого юноши зависѣли мѣста и награды. Возраженія никакія не принимались, мнѣнія не выслушивались «Не всѣмъ есть воля и свобода представлять свои мысли, а только тогда то и можно, когда оныхъ спрашиваютъ, чтó весьма изъ вещей рѣдкихъ.» «Люблю отечество, сердцемъ привязанъ къ благодѣявшей мнѣ, а живу въ такое время, когда льстецы пріемлются, а благонамѣренные молча воздыхаютъ. Нѣтъ способа говорить, чтò думаешь.» Завадовскому случалось имѣть споры съ Екатериною, которые кончались обоюдною горечью. И вотъ, изливая свое неудовольствіе предъ графомъ С. Р. Воронцовымъ, онъ заканчиваетъ такъ письмо: «Когда Еней въ Елисейскихъ поляхъ увидѣлъ Дидону, Виргилій на тотъ случай изображаетъ его чувства: Heu, quantum mutata est illa! (увы, какъ она перемѣнилась!) Все въ его рукахъ, и все подъ нимъ. Властитель прежній (Потемкинъ), сравнивая съ симъ, былъ то, чтó пѣшка противъ ферязи всяческой. Умножай сію идею часъ отъ часу посылкою. Всѣ пляшутъ по его дудкѣ. Блаженъ, что не передъ твоими глазами игра новаго театра. Одному все принадлежитъ, прочіе генерально его мыслямъ прилаживаютъ».

Такой порядокъ дѣлъ, т. е. такое самовластіе временщика, не могли обеспечить ни выбора достойныхъ лицъ для занятія должностей, ни правильнаго веденія дѣлъ. «Вознесеніе толико скоропостижное», замѣчаетъ Завадовскій, «обыкновенному человѣку всегда приноситъ мечтаніе о себѣ». «Чтобъ освѣщать толикую сферу, надобно быть огромному свѣтилу». Изображая положеніе дѣлъ еще при Потемкинѣ, Завадовскій приводилъ слова Ломоносова: «Мѣста священныя... облегъ драконъ ужасный».

На злоупотребленія постоянно слышались жалобы. Еще въ 1787 году, графу Александру Воронцову поручили ревизію Саратовской губерніи съ цѣлію искоренить зло. По мнѣнію Завадовскаго, мѣра эта не была дѣйствительною, и онъ писалъ графу Воронцову: «Комитеты разсылать въ концы государства не есть средство легкое или ближайшее истреблять корыстолюбцевъ. Большая часть губерній того же востребуетъ, и настоящаго стада сенаторовъ, какъ оно ни многочисленно, не станетъ ни числомъ, ни качествомъ на такой правый судъ. Полезнѣе было бы отвратить дознаваемыя злодѣйства лучшимъ спо-

собомъ, т. е. разбирая людей при опредѣленіи къ мѣстамъ, которыя теперь открыты равно для дураковъ, какъ и для всѣхъ мерзавцовъ. Зло въ семъ родѣ разливается на подобіе сильной рѣки, что̀, разорвавши плотину, всѣ мѣста потопляетъ. Но не нашихъ силъ дѣло положить тому оплотъ; тужить только можемъ. Сокращаю стремленія мыслей моихъ, описаніемъ твоимъ возбужденныхъ, вспомнивши, сколь тщетно о томъ думать и говорить». «Ворами не истребить воровъ, а они всегда первые къ пополненію мѣстъ». «Отъимешь проказу отъ Саратова, еще сіе не составитъ лекарства на всѣ парши. Корысть и подобные тому пороки разольются часъ отъ часу болѣе по мѣрѣ того, какъ ихъ мать, роскошь, господствуетъ».

Въ порицаніяхъ Зубова вовсе не руководили Завадовскимъ зависть или самолюбіе, или личное неудовольствіе. Позднѣе, когда императоръ Павелъ обратилъ милость свою къ Зубовымъ, Завадовскій, высказывая предположеніе о возвращеніи имъ отобранныхъ имѣній, добавилъ: «Дай Богъ всѣмъ счастія; а намъ, милый другъ, провести остатокъ дней безъ угнетенія отъ навѣтовъ, чѣмъ я не ласкаю себя». Во время самаго гоненія писалъ онъ: «Рокъ меня научилъ, что́ можетъ гоненіе и сколько злыми бываютъ люди противъ того, который никому не желалъ зла». И это было вѣрно.

Порицанія Завадовскаго однако не могли оставаться неизвѣстными Зубову и его клевретамъ, и не подготовить ему недоброжелателей, которые искали случая, чтобъ досадить ему. Случай такой представился. Кассиръ Государственнаго Банка, Нѣмецъ Клеберъ растратилъ до 600 т. р. денегъ, сдѣлавъ различные подлоги. Сейчасъ составили слѣдственный комитетъ. Хотя членомъ комитета былъ назначенъ Императрицею Завадовскій, но, по свойственной ему скромности, онъ уклонялся дѣлать указанія, чтобъ не заподозрѣли его въ намѣреніи дать благопріятный оборотъ дѣлу и въ пристрастіи къ кому-нибудь. Дѣло повели самымъ неправильнымъ образомъ, тянули его немилосердно, чтобъ найти возможность тѣмъ временемъ выдвинуть какой-нибудь случай, связанный съ личною отвѣтственностію для Завадовскаго. Завадовскій, удрученный горемъ и несчастіемъ, не видя (какъ писалъ) ни въ комъ защиты, убѣдившись, что его тридцатилѣтняя служба, которую самъ онъ, при своей скромности, называлъ небезплодною, даже его усердіе по Банку, гдѣ за время его управленія оказалось два милліона прибыли, не вспомянуты, тяжко заболѣлъ. Выздоровленіе его, какъ извѣщалъ Трощинскій графа А. Р. Воронцова, представлялось весьма сомнительнымъ.

Оправившись, онъ писалъ въ Лондонъ графу С. Р. Воронцову: «Привыкаю сносить злость и коварство людей, нарочито изысканныя

въ мою пакость. Досады и непріятностей кучи валили; я не велъ борьбы, а презиралъ таковыхъ. Еще дѣло не кончено, а имѣвъ опыты расположенія, не могу ожидать ничего добраго. Богъ съ ними, лишь бы только мнѣ развязаться. Уставомъ банка главный директоръ уволенъ отъ свидѣтельства казны и ежедневнаго въ правленіи присутствія, слѣдственно я не подлежу отвѣту. Но не меньше стражду о чинахъ, которые ни въ чемъ не виновны опричь оплошности по довѣрію къ мошеннику, чтó маску носилъ превѣрнаго и исправнаго. Когда фаворитъ на кого наляжетъ, нелегко тому держаться; и я теперь въ семъ положеніи».

Но преслѣдованіе Завадовскаго шло далѣе его предположеній. Онъ, какъ крайнюю мѣру изобрѣтенія своихъ недруговъ, считалъ отнесеніе на его счетъ убытка. Такой оборотъ дѣла былъ бы очень тяжелъ для Завадовскаго, который имѣлъ долги; но онъ приготовлялся къ тому, чтобы только поправить свои дѣла, продать домъ и часть имѣній. Когда же дѣло поступило въ Сенатъ, тутъ стало ясно, чего хотѣлось Зубову и его клевретамъ. Мятлевъ, въ угоду Зубову, больной пріѣхалъ въ Сенатъ, чтобъ уговорить сенаторовъ подвергнуть взысканію Завадовскаго. Его поддерживали оберъ-прокуроръ Мухановъ и даже самъ генералъ-прокуроръ «изъ трусости передъ Зубовымъ». Графъ Н. П. Румянцовъ остановилъ всѣхъ, указавъ, что они не имѣютъ права судить Завадовскаго, тѣмъ болѣе, что Государыня его перваго назначила членомъ комитета по банковому похищенію.

Извѣщая объ этомъ графа А. Р. Воронцова, Трощинскій высказывалъ опасеніе, «по многимъ обстоятельствамъ, чтобъ Завадовскому не сдѣлали большой непріятности». Въ этомъ дѣлѣ участвовалъ Державинъ, всѣми мѣрами стараясь повредить Завадовскому. Но Трощинскій увѣрялъ, что если дѣло пойдетъ черезъ его руки, онъ почтетъ долгомъ оправдать «невинныхъ, убиваемыхъ въ чести и имѣніи».

Великій князь-цесаревичъ пересталъ съ нимъ говорить и, при замѣтномъ упадкѣ силъ и здоровья Императрицы, это обстоятельство не могло не тревожить Завадовскаго.

А что еще сильнѣе трогало его—это прекращеніе переписки съ самымъ близкимъ и дорогимъ ему человѣкомъ, гр. С. Р. Воронцовымъ [38]). Графъ Воронцовъ выѣхалъ изъ Россіи въ первый періодъ царствованія Екатерины. Законодательная комисія, жалованная грамота, городовое положеніе,—все это, одно за другимъ, свидѣтельствовало о намѣреніи Екатерины пересоздать государственный строй Россіи и подавало графу Воронцову надежду, что его мнѣнія будутъ охотно принимаемы Екатериною. Но время перемѣнилось. То былъ періодъ лич-

---

[38]) Переписка эта черезъ полтора года возобновилась.

ной дѣятельности Императрицы, энергичной, геніальной: то была Екатерина-волшебница; а теперь она является утомленною, подчинившеюся во всемъ человѣку, свойства котораго (при отсутствіи къ тому же малѣйшаго опыта) не могли восполнять собою недостатокъ энергіи Императрицы. Это знали всѣ ея приближенные, и Завадовскій, говоря о ней въ 1792 году, замѣчалъ, «что солнце на закатѣ, не тотъ свѣтъ имѣетъ, которымъ дѣйствуетъ при востокѣ и во время полдня». А графъ Воронцовъ, подчиняясь взглядамъ свободной Англіи относительно выгодъ своего отечества, въ политическихъ запискахъ своихъ, шелъ въ разрѣзъ съ трезвымъ и дѣловымъ взглядомъ своего друга и расчетами нашего правительства. Такъ прислалъ онъ двѣ записки: 1-ю. Объ образованіи изъ Польской Украйны удѣльнаго княжества; 2-ю относительно указовъ объ экипажахъ, и о правахъ нечиновнаго дворянства. Безбородко не зналъ какъ доложить Императрицѣ эти записки и обратился по обыкновенію за совѣтомъ къ Завадовскому, который, «клятвою и просьбою», убѣдилъ его не подавать записокъ и написалъ вмѣстѣ съ тѣмъ Воронцову слѣдующее письмо: «Я его (Безбородку) просилъ убѣдительно, чтобъ не дѣлать употребленія. Лучше, чтобы ты на меня сердился, чѣмъ затянуть петлю, въ которую, безъ нужды, безъ всякой пользы, совалъ ты свою голову. Я не оспариваю твоего подвига со стороны усердія къ Отечеству; но, мой другъ, ты забываешь благоразуміе сообразоваться времени, что́ всегда было свойствомъ умныхъ людей, и побуждаешься сущею горячкою весьма не въ пору. Могли-ли твои разсужденія быть пріятны или подѣйствовать, когда уже Польскій край даже расписанъ былъ на губерніи, Минскую, Изяславскую и Брацлавскую; когда планъ сего пріобрѣтенія за нѣсколько лѣтъ питалъ душу славою и удовольствіемъ, каковыми теперь восхищаемся! Разсуди же, какъ показалось бы твое упреканіе на нашу любимую политику! На два пункта въ разсужденіи дворянъ твои примѣчанія не новыя мысли; но никто, вѣрь мнѣ, доселѣ тѣмъ не безпокоится. Перемѣнить свой собственный законъ дѣло у насъ невозможное, и представленія противъ того разумѣлися бы дерзостію и преступленіемъ. Я не ручаюсь, чтобъ еще не пали тутъ на счетъ твой толки умысла (хотя ты никакого не имѣлъ) по нѣжности времени и вниманія государей хранить свою волю неприкосновенно. Ты клеплешь на Вяземскаго: онъ столько участвовалъ, какъ ты, въ семъ дѣлѣ, которое было начертаніе собственное; а незнающіе приписывали ему, что́ часто бываетъ. И такъ оставляю тебѣ: ругай меня сколько угодно; я всегда сохраню въ томъ долгъ дружбы, когда мнѣ можно, чтобы заслонить такову яму, которую изрываешь, чтобы упасть въ оную Курціемъ безъ спасенія Рима. Братъ твой благодаритъ меня

за мой поступокъ, а тебѣ голову моетъ за твою необдуманную пылкость. Сенюша, ты давно выѣхалъ изъ Россіи и не воображаешь вещей и въ мысляхъ перемѣны. Потому и совѣтую тебѣ, мой другъ, ограничивайся въ донесеніяхъ тѣмъ единымъ, что̀ до твоего поста и порученныхъ тебѣ дѣлъ касается; а на прочіе предметы не вызывайся съ твоимъ разсужденіемъ, когда отъ тебя онаго не спрашиваютъ. Легко сказать: нѣтъ бѣды за правду страдать; но переносить непріятное всегда же тягость. Живучи въ республикѣ, не забывай права самодержцевъ: sic volo, sic jubeo (такъ хочу, такъ повелѣваю)».

Почитая, быть можетъ, осторожность Завадовскаго неумѣстною, Воронцовъ избралъ другой путь: онъ вступилъ въ переписку съ Марковымъ и Ростопчинымъ, не написавъ слова утѣшенія своему испытанному другу во дни его гоненія и тяжкой болѣзни [39]). Но по прежнему дóрогъ былъ Завадовскому Семенъ Романовичъ, и еще болѣе тревожился онъ за него, не имѣя возможности предупредить необдуманное его усердіе и пылкость. Онъ писалъ по этому поводу къ брату его Александру, переписка съ которымъ не прекращалась, указывалъ на отсутствіе въ Ростопчинѣ качествъ, обезпечивающихъ тайну, а на счетъ Маркова замѣтилъ, что переписку Семена Романовича онъ «обыкновенно предъявляетъ выше, то и можетъ случиться, что братъ твой, резонируя по своему обычаю горячо, предложитъ свои мысли не въ попадъ, въ чемъ его конечно кореспондентъ не побережетъ». Безбородко же въ то время потерялъ всякое значеніе. Еще въ 1791 году, пользуясь отсутствіемъ его въ Яссы для заключенія трактата съ Турціею, Зубовъ забралъ всѣ дѣла въ свои руки и возложилъ доклады по дѣламъ внѣшней политики на Маркова.

И такъ вотъ въ какое, тяжкое для Завадовскаго время, 6 Ноября 1796 года разразилась надъ нимъ вѣсть о кончинѣ Екатерины. Все, что́ томило Завадовскаго: семейное горе, непріятное банковое дѣло, раздутое происками недоброжелателей, грозное будущее, измѣна и забвеніе его заслугъ и усердія, все это позабылось. Передъ нимъ былъ только прахъ той, которую такъ горячо любилъ онъ въ лучшую пору свою, къ которой привязанъ былъ вѣчною благодарностью. «Плачущій пишу къ тебѣ, милый другъ. Въ терзаніяхъ началъ и проводилъ, но уже въ горести ни съ чѣмъ несравненной оканчиваю сей годъ. Смерть скоропостижная пресѣкла жизнь Государыни и моей несравненной благодѣтельницы».

*

---

[39]) Впрочемъ, отвѣтныя письма графа Воронцова намъ неизвѣстны (кромѣ весьма немногихъ черновыхъ, сохранившихся въ Воронцовскомъ Архивѣ), и можно судить о содержаніи ихъ только по письмамъ графа Завадовскаго. П. Б.

Прежде чѣмъ вступить за Завадовскимъ въ «томные дни», какъ называлъ онъ царствованіе Павла, интересно познакомиться съ его сужденіями о политическихъ и военныхъ событіяхъ и людяхъ Екатерининскаго времени: въ этихъ сужденіяхъ обнаруживаются его государственный умъ, его взглядъ на политику и его необыкновенная наблюдательность.

Передъ второю Турецкою войною Безбородко, находясь при Императрицѣ во время ея путешествія въ Тавриду, писалъ въ Петербургъ къ Завадовскому, что «мы совершенно приготовились къ войнѣ; но желаніе есть оттянуть ее на два года». Завадовскій отвѣчалъ ему: «Есть ли въ томъ благоразуміе, что завременно обнажаемъ наши силы, наши виды и принуждаемъ Турковъ уготовлять свою защиту?» Онъ указывалъ, что, благодаря такому распоряженію, съ трудомъ и большими потерями придется добиваться выгодъ, какія могли быть достигнуты при внезапности для Турціи. «Когда отъ войны пользу предвидятъ», писалъ онъ, «то для чего же Туркамъ даютъ усмирять внутренніе ихъ бунты и развязываютъ имъ руки? Сіи успокоивши, всѣ силы обратятъ въ ополченіе противъ насъ».

Въ 1791 году онъ такъ описываетъ политическое положеніе наше графу С. Р. Воронцову: «Хотя не то мы дѣлаемъ, чтó бы ты учинилъ, еслибъ первымъ министромъ былъ у государя великой державы и любящаго славу, однакожъ кой-какъ и за неволю крѣпимся». Завадовскій былъ увѣренъ, что сокрушить Турцію и получить выгодный миръ легко; «но самъ вѣдаешь, въ чьихъ рукахъ все сильное наше оружіе». Потемкинъ, влюбившись въ княгиню Долгорукову [40]), оставилъ армію и прибылъ въ Петербургъ. «Онъ мечется какъ угорѣлый. Женщина превозмогла нравы своего пола въ нашемъ вѣкѣ: пренебрегла его сердце. Уязвленное самолюбіе дѣлаетъ его смѣхотворнымъ». «Вмѣсто удара на вѣки сокрушительнаго, мы еще и до того не дошли, чтó произвели въ предыдущую войну. Всякъ ощущаетъ сію истину, но никто не превозможетъ случая, и дѣла нынѣшнія идутъ превыше прежнихъ. Рибасъ-герой и Вейсманъ предъ нимъ ничтоже. Посему разумѣй и прочее. Не дивись, если мы объ арміи меньше знаемъ теперь, когда самъ вождь у насъ, нежели какъ его не было». «Я воображалъ всю славу нашу и послѣднюю гибель Турковъ. Познавъ теченіе вещей, прошу Бога, чтобъ даровалъ миръ. Подумай, счетъ нашихъ боевыхъ силъ до 500 т. простирается! Съ таковымъ ополченіемъ кого можно страшиться? Но сія машина требуетъ умственной силы. Судьба еще отдаляетъ время вступить Россіи на степень величія, соразмѣрную ея могуществу. Ты

[40]) Это была княгиня Екатерина Θедоровна, дочь князя Θ. С. Барятинскаго.

пожелаешь узнать многія причины. Удовольствуйся одною, которую скажу: несчастье въ избраніи людей. Всходило ли тебѣ когда на мысль, чтобы Заборовскій признанъ за способнаго потрясти Архипелагомъ, или Войновичъ предводить флотомъ большимъ на Черномъ морѣ? Далѣе самъ толкуй Энеевъ стихъ: heu quantum mutata est illa!»

Предвѣдѣніе Завадовскаго сбылось. Это писано 1 Іюня 1789 года, а 24 Сентября 1791 г., когда заключенъ былъ миръ, но еще не ратификованъ трактатъ, онъ писалъ Воронцову: «Сообрази убытки, представь величайшіе способы, каковы на Турецкую войну мы имѣли и размѣряй тѣмъ одержанную пользу. Власть безпредѣльная, силы страшныя, я всегда думалъ, захватятъ въ театръ войны и самый Стамбулъ; но судьба еще хранитъ Магометанъ отъ совершенной гибели. Бито ихъ довольно, но взяли у нихъ немного. Отчего же? Оставляю твоей догадкѣ».

Графъ Воронцовъ давалъ большое значеніе подстрекательству Турокъ со стороны Франціи и опасался онаго. Завадовскій не раздѣлялъ этого мнѣнія, полагая, что скорѣе тщеславіе Зубова и жажда славы ввергнутъ Россію въ новую войну. «Ты еще Турцію ставишь высоко, а она почти падшая. Вообрази, какъ имъ смѣть затѣять новую войну, ударъ видя готовый въ самое сердце? Они же двоекратно уже испытали, что бѣдами ихъ оканчивались предпріятія, слѣдуя внушеніямъ другихъ. Стало бы насъ на все, лишь бы умѣть располагать! Турки поджигаются, и Бароци [1]) предвѣщаетъ войну. Я оной, признаюсь, отъ нихъ не жду; а собственнаго нашего къ тому побужденія больше опасаюсь: ибо ты не можешь себѣ представить, сколько мы охочи и бодрственны».

Завадовскій продолжалъ отрицать возможность войны со стороны Турціи и въ началѣ 1794 года. «Ты вѣдаешь давнишнее желаніе» (Зубова), писалъ онъ; «находятъ, что теперешнія обстоятельства могутъ онымъ благопріятствовать. Я не думаю, чтобъ Турки безъ вынужденія начали войну; но стоять противъ ихъ на караулѣ тоже тягостно, слѣдственно за наше миролюбіе не отвѣчаю. Противъ сего можно возразить премного, не спорю; но знай: когда предметомъ льстимся, тутъ способами не дорожимъ».

Вотъ какъ объяснялъ Завадовскій возможность сохраненія Турціи. «Держава сія, потерявъ духъ военный и будучи управляема крайнимъ невѣжествомъ, со многихъ сторонъ близка къ своему паденію, и

---

[1]) Нашъ генеральный консулъ въ Яссахъ?

ежели еще продержится, то не собственнымъ вѣсомъ, а развѣ вліяніемъ въ связь Европы».

Замѣчательны сужденія Завадовскаго о Польскихъ дѣлахъ. Послѣ нашего соглашенія на второй раздѣлъ Польши, въ Августѣ 1793 года, онъ писалъ: «Въ разсужденіи настоящаго подѣла считай дѣло обѣихъ державъ оконченнымъ; но предлежитъ токмо союзный трактатъ съ незначущею теперь республикою, въ которомъ движимся помыслами великими, въ чемъ я не предвижу нужды, а еще менѣе прибыли». «Ни Австрійцы, ни Прусаки по одиночкѣ не коснутся къ остатку Польши, разсуждая на наше тому сопротивленіе; по себѣ же она ничто. Равнымъ образомъ дозволятъ ли и намъ заторнуть [1]) оную? И такъ мечтаемые виды не принесутъ, кромѣ хлопотъ и тяжкихъ убытковъ. На соображеніи вещей располагаю мою мысль».

Что̀ касается существенной стороны раздѣла, онъ замѣтилъ: «Намъ достался, ты самъ знаешь, край преплодородный; а Пруссакъ получилъ хотя земли и головъ меньше, но всю торговлю Польскую и лучшіе города. Но какъ быть? Ему не давши, и сами не взяли бы».

Когда Костюшка поднялъ возстаніе, Завадовскій, сообщая Воронцову о теченіи дѣлъ, дѣлаетъ свои замѣтки и предположенія. «Есть то въ самомъ дѣлѣ», писалъ онъ 14 Апрѣля 1794 года, «что Костюшка подымаетъ въ томъ краю гидру Якобинцовъ. Надъ нашимъ деташаментомъ, въ командѣ Денисова и Тормасова бывшимъ, получилъ удачу, приписываемую лишней надеждѣ, съ которою наши генералы пренебрегли Польскую сволочь. Шуму довольно, пока руку наложатъ. Какъ бы ни двигало бѣшенство, но Поляки не Французы. Сверхъ того, нашихъ силъ противъ нихъ столько, что и муху обухомъ бить можемъ. Я такъ думаю», добавилъ онъ, «но мысль моя никому не въ указъ». Въ письмѣ отъ 29 Августа онъ извѣщалъ, что король Прусскій, почитая возмущеніе весьма опаснымъ, двинулся въ Польшу со своею арміею и что правительство наше согласилось на занятіе имъ Варшавы. «Нельзя усумниться, чтобъ съ толикими взаимными силами не задавить небольшую кучку дерзкихъ, ибо отъ одного удара всѣ и въ разныхъ концахъ упадутъ: ибо не чернь, а только шляхта, которой единодушіе несродно, бунтуетъ. Но когда король Прусской въ Варшавѣ поселится, какъ его оттуда выжить? Дальнѣйшія слѣдствія оставляю постигать твоему проницанію». 19 Мая онъ высказывалъ предположеніе, что «настоящее происшествіе изгладитъ имя и существованіе республики, и остальное пойдетъ по рукамъ». Эту мысль подтверждалъ онъ и въ письмѣ отъ 7 Іюня, удостовѣряя, что «дѣло кон-

[1]) Т.-е. загрести, забрать.

чится въ этомъ году непремѣнно и что Польша перестанетъ быть въ Европѣ на подобіе планетъ, исчезнувшихъ въ небесной сферѣ». При этомъ указываетъ онъ на возможность притязаній со стороны короля Прусскаго, который «даромъ не воюетъ; развѣ въ томъ только надобно негоцировать, чтобъ не лѣзъ за нашу черту».

«Примѣръ Франціи», возражалъ Завадовскій графу Воронцову, «не прикладенъ къ Польшѣ: тамъ весь народъ, здѣсь частица буйствуетъ въ свою гибель». Графъ Воронцовъ былъ противъ новаго раздѣла Польши; но Завадовскій, близко принимавшій къ сердцу выгоды своего края, ему замѣтилъ: «Когда сами случаи идутъ на встрѣчу, то не простительно было бы тѣмъ не воспользоваться». «Я продолжаю пребывать въ томъ мнѣніи, что Поляки свои затѣи простерли, чтобъ себя доканать. Иначе не будетъ. Пай нашъ возрастетъ, также какъ и Прусской, а и Цесарцы не откинутъ съ Краковомъ земель имъ подручныхъ».

Король Прусскій, боясь осрамиться неудачею, обложилъ укрѣпленный лагерь Костюшки осадою. Завадовскій находилъ въ томъ безнужную медленность, которая даетъ только время еще болѣе развиться возстанію въ другихъ мѣстахъ. Онъ полагалъ, что Костюшку нужно сокрушить быстрымъ натискомъ, ставя въ зависимость отъ побѣды надъ нимъ прекращеніе возстанія. «Король Прусскій», замѣчаетъ онъ, «не Кесарь; пришедъ къ Варшавѣ, не сказалъ: veni, vidi, vici» (пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ).

Опасенія Завадовскаго сбылись: мятежъ охватилъ и Прусскія провинціи. Мятежники отбили обозъ съ артилерійскими припасами, шедшій къ королю, такъ что тяжеловѣсный преемникъ Фридриха Великаго долженъ былъ поспѣшить восвояси. Но, не смотря на такую неудачу, Завадовскій не предполагалъ, чтобъ Костюшка продержался до весны 1795 г. При этомъ онъ почиталъ необходимымъ двинуть войска наши, сколько бы ихъ ни было, къ Варшавѣ и прижать Костюшку безъ помощи Пруссаковъ: «далѣе и времени не будетъ, и способы затруднятся». «Но нельзя переломить прихотей и мечтанія самолюбца (Зубова). Странныя происшествія толкаютъ мысль отъ всякой вѣрной точки», замѣтилъ онъ. «Если Костюшка будетъ разбитъ и взятъ подъ Варшавою—кампанія тѣмъ и кончится»; но послѣдній долженъ былъ непремѣнно имѣть планъ, «въ случаѣ неудачи, броситься въ Литву, гдѣ найдетъ много единомышленниковъ, но гдѣ ожидаетъ его затрудненіе въ продовольствіи (такъ какъ тамъ былъ голодъ), или на Югъ. Тогда безпокойство продлится. При всемъ томъ война сія продолжиться не можетъ, на которую Поляки скудны во всѣхъ способахъ и ведутъ оную въ сущее токмо раззореніе земли

своей; для насъ же, опричь непріятныхъ хлопотъ, нѣтъ никакой опасности, и напротивъ предлежитъ откроить полосу черезъ Курляндію по Бугъ. Пріобрѣтеніе въ сію сторону отечеству нашему столь важно, какъ подобнаго нигдѣ быть не можетъ. Самъ вѣдаешь, что нельзя не подѣлиться съ другими, но черта наша не обидна противъ сосѣдей».

Еще при самомъ началѣ войны Завадовскій сокрушался, что не поручили арміи Румянцову. Онъ былъ убѣжденъ, что одинъ Румянцовъ могъ безошибочно вести дѣло. Зубовъ былъ противъ этого, потому что ему не приходилось дѣлать указанія Румянцову, а онъ сгаралъ тщеславіемъ пожать лавры. Неудачи заставили призвать Румянцова, который сей часъ же двинулъ Суворова къ Варшавѣ. «Между тѣмъ, что Костюшка (писалъ Завадовскій) въ Варшавѣ, можетъ быть поетъ побѣдную, опредѣленный отъ фельдмаршала графъ Суворовъ въ довольныхъ силахъ, по своему образу, быстро летитъ въ сторону Варшавскую. Ежели самъ Костюшка попадетъ ему въ глаза, я увѣренъ, что онъ его разобьетъ. При сей благонадежности я еще и ту вѣру имѣю, что Суворовъ, бывъ предпріимчивъ и самолюбивъ, не побоится и самаго гнѣзда Костюшкина и своимъ досужествомъ превзойдетъ ожиданія». Такъ писалъ онъ 19 Сентября, а 6 Октября извѣщалъ, что «Костюшка съ своими сообщниками въ полномъ страхѣ и нуждѣ и не о продолженіи бунта думаетъ, а о томъ, какъ бы получить прощеніе. Вотъ видишь, мой другъ, какъ сбываются мои гаданія». О Суворовѣ писалъ онъ: «Сей витязь, помѣряется въ самой Варшавѣ съ Костюшкою, въ чемъ я нимало не сомнѣваюсь, и заранѣе читаю его мысли, хотя не всѣ равно думаютъ со мною». «Гаданія» Завадовскаго сбылись вполнѣ: Суворовъ завладѣлъ сильно укрѣпленнымъ предмѣстіемъ Варшавы, Прагою, послѣ кровопролитнаго боя, не имѣвъ осадныхъ орудій. Множество Поляковъ пало въ бою, на улицахъ, потонуло въ Вислѣ. Суворовъ спѣшилъ занятіемъ Варшавы предупредить короля Прусскаго, также двинувшагося сюда, по успокоеніи его владѣній, откуда силы Костюшки были отвлечены нами. Варшава занята Суворовымъ, Костюшка взятъ въ плѣнъ.

Теперь заботилъ Завадовскаго окончательный раздѣлъ Польши. Онъ видѣлъ, какая политическая игра затѣвалась. «Костюшка со своею ратью—одна пыль и паутина», а трудность была въ притязаніяхъ Австріи, посягавшей на предположенныя нашу и Прусскую границы. Въ образѣ дѣйствій Пруссіи Завадовскій не усматривалъ «тону рѣшительнаго, а только торговый», хотя предвидѣлъ, что если предложенный раздѣлъ не будетъ отвѣчать выгодамъ короля, то онъ

поспѣшитъ заключить миръ съ Франціею, «дабы подкрѣпить силами свой споръ». Едва письмо это дошло до графа Воронцова, какъ въ Петербургѣ было уже извѣстно, что король Прусскій отправилъ Гольца условиться съ Франціею о мирѣ, о чемъ поставилъ въ извѣстность нашего посланника, конечно, съ цѣлію произвести впечатлѣніе. Равнымъ образомъ и Австрія выразила желаніе, чтобъ раздѣлъ былъ совершенъ по окончаніи войны ея съ Франціею, т.-е., замѣтилъ Завадовскій, «когда она въ состояніи будетъ свои претензіи подкрѣпить сильною арміею». Обѣ державы не желали уступить Кракова и, въ виду безвыходнаго спора, согласны были оставить Польшу въ настоящемъ видѣ. Это очень тревожило Завадовскаго. «Какой же намъ выигрышъ», говорилъ онъ, «за понесенныя тягости и убытки? Только что Польшу оставимъ вѣчнымъ и пущимъ врагомъ, ко всякому противъ насъ готовымъ прилѣпиться».

Правда, Австрійцы тянули дѣло; «но» предсказывалъ Завадовскій, «поколобродивши, напослѣдокъ, принуждены будутъ на подѣлъ согласиться, ибо воспротивиться хотящимъ въ теперешнемъ своемъ положеніи не въ состояніи. Даруй Богъ, чтобъ таково предположеніе наискорѣе совершилось и чтобъ простертая Россія, положа мечь во влагалище, почила. Самъ Богъ видимымъ образомъ всѣ наши помыслы и предпріятія вѣнчаетъ Своимъ благоволеніемъ. Въ свое время колико мы завидовали Польской Украинѣ! Вспомни, теперь она вся наша, и съ какимъ пріумноженіемъ! Вся благодатная земля, всѣ Польскіе лѣса обращаются въ наше обогащеніе; стоитъ только добрымъ образомъ распорядить (что́ однако же въ необъятномъ пространствѣ не легко), то мы не можемъ ни въ чемъ нуждаться».

Наконецъ, съ Австріею заключенъ трактатъ, гарантирующій неприкосновенность Кракова. Ей предоставлялись воеводства Сандомірское и Люблинское, почти все воеводство Краковское и полоса земли по правому берегу Вислы до Буга. Австріи предоставлено объявить объ этомъ Пруссіи. «При всемъ томъ», писалъ Завадовскій, «хотя мы и не нуждаемся не остановлять объявленія, но сомнѣваюсь, чтобы Цесарцы столько горячи были, чтобъ не прибавить медленія въ такомъ пунктѣ, который неминуемо долженъ подвинуть короля Прусскаго на полную рѣшимость. У насъ всѣ думаютъ, что война отъ короля Прусскаго неизбѣжна. Признаюсь тебѣ, я не тѣхъ мыслей; ибо не представляю себѣ ему выгоды отъ оной, а объ опасности, въ своемъ изнеможеніи, онъ не можетъ не помышлять, поднявши на себя и наши силы, и Австрію, при теперешнемъ общемъ союзѣ съ Англіею, и сія послѣдняя противъ его въ жестокомъ негодованіи. Помощь ему отъ Шведовъ и Турковъ больше мечтательна, чѣмъ важна. Обѣ державы

ослабѣвшія, обѣ въ разстройствѣ; еще прибавь въ послѣдней и недовѣренность, и безтолковость. Сверхъ того, еслибъ Пруссакъ полагалъ у себя войну, то неужелибы онъ свою армію не возвратилъ въ противоположныя (отъ Франціи) границы и не дѣлалъ на оныхъ предварительныхъ приготовленій? Но какъ того доселѣ нѣтъ, то и не могу подозрѣвать умысла, который другіе заранѣе отгадываютъ. Свою находку (разумѣю то, что даромъ ему пришлю и достается) лучше обратить въ свою пользу, нежели пуститься на удачу. Дворъ же сей давно уже барыши предпочитаетъ славѣ. Я думаю, поищетъ выторговать, да и осядетъ».

Такъ, по предреченію Завадовскаго, сложились всѣ событія, и въ слѣдующемъ 1795 году къ Россіи присоединены Курляндія, Литва, Волынь, часть Самогитіи и Малой Польши. «Польша перестала быть въ Европѣ, на подобіе планетъ, исчезнувшихъ въ небесной сферѣ».

Французская революція, встревожившая Европу, заботила сильно и насъ, «Французскія дѣла—господствующая матерія нашей нынѣ политики», писалъ Завадовскій въ 1792 году. «Самъ ты знаешь, можемъ ли мы спасти погибшаго короля или безпосредственно укротить обуявшій народъ? Не въ натурѣ вещей, чтобъ ихъ правила на нашемъ холодномъ Сѣверѣ произвели пожаръ. Привить философію народу неграмотному кому удобно? Льстивые происки и желаніе во всякомъ случаѣ славы ввергаютъ въ хлопоты и величайшія издержки въ такую пору, когда казна очень и очень не изобильна».

Говоря о возможности дѣятельнаго участія Россіи въ дѣлахъ Франціи (о чемъ мечталъ Зубовъ и къ чему склонялась Екатерина), Завадовскій замѣтилъ: «Что̀ же существеннаго для насъ найдемъ, я у тебя спрашиваю? Мы жить можемъ въ покоѣ, а только не отвѣчаю, захочемъ-ли? Можемъ вознаградить длинными войнами причиненные убытки, умножить наши силы, къ чему одна только воля потребна. Турки пали, море и границы ведутъ насъ къ ихъ столицѣ, на случай новой войны, лишь бы вождь удобенъ былъ на такое предпріятіе. Шведы нищи, а другія державы тяжко изнуряются: то что̀ быть можетъ лучшее настоящаго нашего положенія, которымъ пользуясь, ко всякому будущему слишкомъ возможно бы приготовиться? Вотъ, мой другъ, моя собственная мысль; посему не думай, чтобы и всѣ тоже думали».

Графъ Воронцовъ настаивалъ на союзѣ съ Англіею и посылкѣ войскъ. «Отъ Аглицкой негоціаціи не жди выгодъ», возражалъ ему Завадовскій; «съ пустыхъ словъ не содѣлается трактатъ, а на дачу войскъ не подадимся, да и такъ малая частица что̀ бы значила противъ массы Французской? Сверхъ того, настоящее наше положеніе, по

осмотрительности на близкое будущее, выводитъ неудобность на такую ссуду». Завадовскій имѣлъ въ виду затрудненія встрѣчавшіяся при раздѣлѣ Польши. Главнымъ побужденіемъ признавали въ данномъ случаѣ необходимость положить преграду проискамъ мятежной Франціи, откуда такъ называемый «легіонъ цареубійцъ» (légion des régicides) повсюду, и даже въ Россію, разсылалъ своихъ отчаянныхъ клевретовъ. Такого мнѣнія былъ и Воронцовъ. Но Завадовскій на это смотрѣлъ иначе и писалъ Воронцову: «Слѣдствія, что̀ воображаемъ отъ яда Французскаго, отъ насъ еще далеки; а хлопоты сосѣднія, противъ коихъ боремся и которыя могутъ еще постоять, требуютъ и понудятъ къ сильному ополченію, къ чему уваженіе должно влечь насъ преимущественно. Поэтому я, мой другъ, весьма за сходное настоящему времени нахожу, чтобъ уклониться отъ неудобной для насъ завязки». «Мы далеки по всему, чтобъ упасть искрѣ отъ пламени, зажигающаго Европу». Графъ Завадовскій не вѣрилъ и тому, чтобъ движеніе, охватившее Францію, могло найти отголосокъ въ Германіи и Швейцаріи.

Графъ С. Р. Воронцовъ съумѣлъ склонить наше правительство къ союзу съ Англіею. По поводу этого графъ Завадовскій писалъ графу Александру Романовичу. «Братъ твой радуется оному безмѣрно. На будущее время, а не теперь, могутъ отъ онаго быть для насъ выгоды; въ нынѣшнемъ же положеніи оно только приноситъ пользу Англіи, да министерству въ подаркахъ».

По поводу необыкновенныхъ Французскихъ успѣховъ въ Италіи въ 1796 году, графъ Завадовскій писалъ графу А. Р. Воронцову: «Собственныя мои заключенія тебѣ передаю. Французовъ успѣхи неимовѣрно растутъ въ Италіи. Естьли они прострутъ дѣйствіе на Римъ и противъ короля Неаполитанскаго, въ томъ потерпитъ бѣду одна Италія, и когда тамъ завяжутъ себя, то сами завязнутъ. Но буде счастье имъ столько пособитъ, что пробьются въ Тироль (куда видимо ихъ напряженіе), тогда, прижавъ Австрійцевъ, поставятъ въ заботу и другихъ беречься отъ пожара въ сосѣдствѣ. Цесарцы принуждены отъ Рейна тридцать тысячъ войска обратить въ Италію въ защиту нашествія къ сердцу, а убыль сію замѣнить войсками изъ Галиціи. Пока сіи на мѣсто прибудутъ, дѣйствія на Рейнѣ учреждаютъ оборонительно, и тутъ Французы на нихъ суются; а они, по своимъ предположеніямъ, отъ битвы уклоняясь, отступаютъ. Мнѣ кажется, недостаетъ у Австрійцевъ головы, способной противостоять настоящей бурѣ: къ дѣламъ избираются люди не по талантамъ, а чрезъ интриги властвующихъ у двора. Потому дивиться нечему, ежели постигнетъ ихъ и горшая крайность». «Есть мнѣнія, что Францу-

зы, утвердя ногу въ Италіи, возмутся за руки съ Турками. Я въ настоящее время никакъ того не полагаю. На такую обширную предпріимчивость вдругъ ихъ не станетъ. Ежели Цесарцевъ заставятъ примириться съ Англіею, ближе всего имъ бороться съ Англіею, которая у нихъ на носу, и опрокинуть ея силы дѣло немалое, буде возможное». Вскорѣ оказалось, какъ извѣстно, что это именно и входило въ планъ Наполеона.

«Образъ чрезвычайностей, въ наши времена, играетъ человѣческими понятіями. Давно ли новые республиканцы имѣли подъ своею пятою Нѣмецкую землю и на спинахъ Австрійцевъ достигали побѣдоносно до ихъ послѣднихъ предѣловъ? Теперь Журданъ, разбитый рѣшительно, стремглавъ бѣжитъ къ Рейну, потерявъ всю артиллерію и Нѣмецкую контрибуцію. Цесарцы, рукою побѣдителей, преслѣдуя бѣгущихъ, заняли Франкфортъ и все потерянное возвращаютъ, какъ и Французы то брали, безъ сопротивленія. Непостижимый переломъ! Но еще чудеснѣе будетъ, ежели устоитъ настоящее превозможеніе и не уподобится молніямъ, чтó одинъ или два дни видѣли въ Италіи.»

Но успѣху Австрійцевъ не довѣрялъ графъ Завадовскій и прибавилъ далѣе: «Въ войнѣ при всѣхъ потеряхъ преимуществуетъ тотъ, кто продолжать оную можетъ долѣе. За кѣмъ сей пунктъ останется, покажетъ время, и на оное должно вести счетъ.» «Нежеланіе войны по многимъ резонамъ, быть можетъ, рождаютъ во мнѣ безпечность и тотъ мысленный обзоръ, по которому я располагаю обстоятельства, противящіяся оной». Такъ писалъ онъ графу Воронцову, считавшему возможною войну со стороны Турціи. «Я видѣлъ войну порядочную; знаю и таковыя, которыя все съ колѣна ломятъ. Послѣдній образъ показалъ мнѣ, почему войну всегда зломъ разумѣютъ.» Послѣ пораженія Французовъ Австрійцами: «Всѣмъ радостно, что Французы побиты; но то самое отдаляетъ миръ, и сіе весьма печально.»

*

Вотъ отзывы графа Завадовскаго про государственныхъ людей Екатерининскаго времени.

Князь Потемкинъ. Нерадѣніе его, при жаждѣ властвованія, въ отношеніи дѣлъ суть его пороки. Но благотворить есть также его превосходное свойство, и сія добродѣтель въ немъ съ излишествомъ. Все стоячее онъ валитъ и лежачее подымаетъ; врагамъ отнюдь не мстителенъ. Много въ немъ остроты, много замысловъ на истинную пользу; но сіе надобно исполнять бы другимъ. Словомъ, премного добраго; но общая ненависть къ нему выбираетъ только худое. Достигая все покорить подъ свою пяту, не дорожитъ способами; но и величайшій

мужъ Іулій Цезарь былъ in omnia praeceps [43]). Не уподобляю однако ни успѣховъ, ни конца; ибо сфера неодинакова. Пороки Аннибана, пороки Александра видимъ безъ ихъ великихъ дарованій. До сихъ послѣднихъ достигнуть труднѣе, чѣмъ претворить нашу столицу въ Капую, въ Вавилонъ. Ни намѣреній постоянныхъ, ни плановъ опредѣлительныхъ никогда не имѣлъ, а колобродилъ, какъ всякая минута вносила въ голову новую мысль, одна другую опровергающую.»

Графъ Безбородко. «Сердцемъ храбръ, но духомъ не таковъ. Скоръ, бездѣлица его тревожитъ и можетъ утороплять; часто мятется безпокойствомъ, не одумавши вещи прежде. Таковы способности врожденныя столько въ немъ сильны, что не въ состояніи слѣдовать совѣту и таковому, который самъ находитъ добрымъ. Впрочемъ онъ человѣкъ съ понятіемъ, имѣетъ разсудокъ, расположенъ къ добру, нимало не зломыслящій. Если бы употребилъ прилежность пріобрѣтать свѣдѣнія для его званій нужныя, еслибы можно отнять у него трусливый духъ, тогда бы былъ тѣмъ, каковымъ ему быть должно. Отнюдь некорыстенъ, но больше расточителенъ.—При Зубовѣ его роль упослѣдительна, но его малый духъ ничѣмъ не трогаетъ. Не имѣетъ духу сказать своего разсужденія, а во всемъ подлаживаетъ на дѣлѣ, на словахъ же выкидываетъ другое.—Я его люблю, видя въ немъ честность, да и потому что онъ меня любитъ.—Страждетъ честолюбіемъ и въ одной низости ищетъ помощи. Его дѣло погружаться въ забавы и увеселенія. Всякъ на его мѣстѣ, стяжавши доходу 150 т., удалился бы; но онъ еще пресмыкается въ чаяніи себѣ лучшаго, а наипаче корыстнаго, не имѣя духа на шагъ пристойный. — Низкимъ терпѣніемъ и гибкостію многіе дождались своей погоды. Онъ послѣдуетъ сему правилу. Любилъ богатство и страстенъ былъ къ блеску онаго во всякомъ родѣ: домъ его начиненъ какъ пирогъ, рѣдкими и драгоцѣнными убранствами въ такомъ количествѣ, что приватные всей Европы не идутъ въ уподобленіе.—Безъ благоволенія Фортуны и случаевъ благопріятствовавшихъ никто не вошелъ въ первую знать; но опричь сихъ имѣлъ свою собственность, ущедренную отъ природы, какъ то умъ дѣловой и острое понятіе. Непомѣрное любопытство стяжало ему обширное знаніе вещей для государственнаго человѣка нужныхъ, которыя удерживала всегда присутственными мыслями память его преудивительная. Къ его головѣ трудно прибрать равную, чтобъ также былъ премягкой нравъ и незлобивое сердце, даже и противъ враждовавшихъ ему. Соблюдалъ правила неподвижно въ единой невоздержности.»

---

[43]) Во всемъ стремителенъ.

Князь Зубовъ. Изъ всѣхъ силъ мучитъ себя надъ бумагами, не имѣя ни бѣглаго ума, ни пространныхъ способностей, коими одними двигать бы можно широкое бремя. Душа въ немъ добра, но боязлива защищать правду или вещи полезныя, а непріятныя. Прилеженъ довольно и понятенъ, но безъ опытности посредственныя дарованія меньше успѣха, чѣмъ медленіе въ разсужденіи дѣлъ приносятъ, чему однакожъ никакъ не внемлетъ. Весьма прилеженъ къ дѣламъ и опричь оныхъ чуждъ всякихъ забавъ, но еще новъ, и потому бремя выше настоящихъ его сихъ. При своемъ случаѣ онъ еще не взялъ поверхности надъ волею, чтó можетъ придти отъ времени. Благонравіе и правдивость въ немъ ощутительны; по сію пору нельзя его не хвалить, но счастіе обыкновенно людей портитъ наипаче въ молодости, къ чему являются признаки (въ 1792 г.). Противъ умершаго (Потемкина) талантъ въ немъ неровенъ, но амбиціи во всѣхъ частяхъ наслѣдникъ (въ 1794 г.). Тщеславіе превосходитъ всякую мѣру. Въ нашемъ слою гордыни подобной никто ни видѣлъ (въ 1795 г.). Выше мѣры надъ всѣми господствуетъ».

Князь А. М. Голицынъ, братъ супруги Задунайскаго. «Почтенный старикъ, одинъ онъ и былъ.»

Гр. А. К. Разумовскій. «Нахожу человѣкомъ большихъ способностей.»

Графъ Гудовичъ. «Его не любятъ, ибó скроменъ, порядоченъ и правдивъ. Прямая служба, прямая честность всегда позади.»

Графъ Марковъ. Войдя безпосредственно въ доклады по иностраннымъ дѣламъ, пріобрѣлъ къ себѣ довѣренность молодаго человѣка (Зубова) и сталъ пружиною, въ томъ сокращающею участіе вице-канцлера (гр. Остермана) и Безбородки. Всѣми притворствами, составляющими его премерзкой характеръ, онъ нашелъ въ фаворитѣ столько, что въ немъ видятъ Россійскаго Некара. Вотъ примѣръ, доказывающій, что можетъ вѣтреница, ничего недѣлавшій, а обо всѣмъ лжущій, попасть въ преспособные люди.» «Маркову нельзя не познавать ощутительныхъ вещей; но чтобы быть въ милыхъ, онъ свойственною ему логикой прилаживаетъ мыслямъ и желаніямъ».

Фаворитъ А. П. Ермоловъ. «Я тебѣ (Воронцову) его рекомендую, какъ весьма добраго и честнаго человѣка».

Суворовъ. «Летучій витязь. Предпріимчивъ и самолюбивъ, чудакъ; но всегда побѣждать—есть его жребій, и въ войнѣ всѣ его сверстники останутся позади. Правду сказать, они ему и неровни ни сердцемъ, ни предпріимчивостію. Блажной также. Чинъ по дѣламъ, а не къ персонѣ. Показавъ себя новымъ народамъ, покинетъ (я считаю) старую блажь, а облечется въ новую. Его станетъ, вѣрь мнѣ, на военный пиръ».

Бецкій. «Два часа мучился я довести человѣка къ правдѣ, но тщетно».

Трощинскій. «Передъ нимъ легко ухитриться и потаить свою мысль. Онъ одинъ и способности, и душу имѣлъ, въ чемъ никто его не замѣнитъ. Потеря весьма значущая» (Это говорилъ Завадовскій, когда Трощинскій въ 1798 году вышелъ въ отставку).

В. С. Поповъ. «Безъ просвѣщенія и безъ талантовъ».

А. М. Корсаковъ. «Человѣкъ честный, страстенъ къ военной службѣ, всѣ достоинства имѣетъ большаго и малаго офицера».

Графъ А. П. Шуваловъ. «Почти всегда дѣйствіе мысль упреждаетъ; но ни въ которомъ случаѣ не уподобится мой духъ боязливому графа Андрея Петровича. Знаніе и способности въ немъ были чрезвычайны, духъ меньше роста и, не вѣдая первыхъ, за послѣдній заслуживалъ презрѣніе. Видѣлъ я въ немъ превосходныя дарованія, отъ природы и пріобрѣтенныя, сердце само по себѣ преклонное къ честному, если не предстоитъ страхъ или уваженіе къ случаю; сумасбродства и смѣшныхъ странностей безъ числа, такъ что, сіи одни видѣвши, скорѣе всякъ счелъ бы его сумасшедшимъ, чѣмъ человѣкомъ великаго просвѣщенія».

Игельштромъ. «Передъ мною онъ во все время войны (первой Турецкой) былъ человѣкоугодникомъ. Какъ всегда ему свойственно, потерялъ тотчасъ голову и спасся съ своею свитою и нѣкоторыми подобными генералами уходомъ изъ города къ посту Пруссаковъ» (когда напали Поляки на наши посты).

Адмиралъ Грейгъ. «Мужествомъ Грейга спасена столица. Силы наши морскія въ немъ были страшны. Онъ бы еще зимою сокрушилъ Шведской флотъ, ежели бы до той поры дожилъ. Перваго въ немъ адмирала имѣлъ Россійскій флотъ».

Чичаговъ. «Трудно быть лучшему, пока симъ важнымъ департаментомъ правитъ лгунъ и вѣтреница» (т.-е. графъ Чернышовъ).

Графъ А. М. Мамоновъ. «Надменное и самолюбивое животное, исполненъ былъ злости и коварства. Лица кичливаго и надменнаго не слагалъ онъ ни на минуту. Говорилъ пофранцузски, занимался театромъ, и по симъ признакамъ приписывали ему и воспитаніе, и универсальный умъ. Не бывши въ состояніи по слѣдамъ идти князя, подражалъ только онъ его лѣни и увальчивости».

Графъ Ѳ. В. Ростопчинъ. «Хорошо былъ у двора, отличаясь предъ своими сверстниками остротою. Таковой тонъ вывелъ его изъ здраваго разсудка. Голова заносчивая. Въ интригахъ придворныхъ его элементъ».

Графъ А. Н. Самойловъ. «Ни головы, ни духа».

П. Б. Пассекъ. «Въ немъ и духъ, и способность разумѣютъ всякому кольцо положить въ губу».

Графъ И. П. Салтыковъ. «Очень сгибается, чтобъ опять войдти въ службу».

Князь Репнинъ. «Сроденъ къ лишней осторожности. Всѣ способности имѣетъ; но непонятно, какъ упалъ духомъ и сдѣлался пребоязливымъ для военнаго дѣла».

Графъ В. П. Пушкинъ. Не мудрецъ, но человѣкъ честный и храбрый; твердости въ немъ довольно. Могъ бы побивать, но только у Турковъ, гдѣ не искусство, а отвага приноситъ весь успѣхъ».

Любопытно замѣчаніе графа Завадовскаго о Костюшкѣ. «Костюшко, прославившійся токмо отвагою на великое предпріятіе, ни почему не видно, чтобы имѣлъ потребныя свойства двигать онымъ. Человѣкъ духа твердаго, но разума *не обильнаго*».

*

Начало царствованія Павла было, по словамъ Завадовскаго, «преблагословенное». «Государь воцарившійся повседневно изливаетъ милости». Кончина Екатерины застала Завадовскаго больнымъ. Павелъ въ первые же часы по воцареніи выразился о немъ, къ удивленію многихъ, очень милостиво, прислалъ камеръ-пажа узнать о здоровьи, а по выздоровленіи изъявилъ ему свое благоволеніе. Несомнѣнно, Павелъ, какъ человѣкъ убѣжденій честныхъ, оцѣнилъ графа Завадовскаго по отношеніямъ его къ Зубову, которыя не могли отъ него укрыться. Новый Государь зналъ, что интригами и происками черезъ Зубова добивались мѣстъ люди недостойные; видѣлъ, какъ всюду проникала неправда и, испытавъ ее даже на себѣ, желалъ окружить себя людьми честными. Безбородко, пріобрѣтшій расположеніе Павла, благодаря случаю, которымъ онъ удостовѣрилъ его о своей ему преданности, завладѣлъ безграничнымъ довѣріемъ Государя. Завадовскій, желая воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, предложилъ графу А. Р. Воронцову поступить на службу. Но тотъ не подался на этотъ вызовъ и продолжалъ жить независимымъ наблюдателемъ.

Павелъ пожаловалъ Завадовскому графское Россійской Имперіи достоинство, а въ день коронованія орденъ Св. Андрея Первозваннаго. Но графъ Завадовскій, хотя продолжалъ засѣдать въ Совѣтѣ, Сенатѣ и въ Воспитательномъ Обществѣ и управлять Заемнымъ Банкомъ [44]), ску-

---

[44]) Рескриптъ 3 Января 1797, коимъ велѣно Завадовскому обращающуюся въ Заемномъ Банкѣ университетскую сумму (940 т. р.) передать государственному казначею Васильеву (изъ фамильныхъ бумагъ).

чалъ, за недостаткомъ дѣла. «Я не имѣю никакого дѣла и мѣста», писалъ онъ графу Семену Романовичу: «Титулъ больше пустой, чѣмъ дѣятельный, и человѣкъ, какъ всякій металлъ, ржавѣетъ безъ употребленія». «Ни служба мнѣ, ни я службѣ не полезенъ». Въ 1798 году, по личному усмотрѣнію Государя, онъ назначенъ главнымъ директоромъ Ассигнаціоннаго Банка. «На голову упала туча претяжелая. Кругъ пренепріятный и презапутанный новыми отраслями. Самолюбивые и неопытные затѣвать весьма охочи. Предмѣстникъ мой [45]), по своему честолюбію и легкомыслію, какъ по другимъ частямъ, такъ и въ семъ, насадилъ довольно спекулятивныхъ затѣевъ, а запачканное бѣлье для всякой прачки тяжкій трудъ».

Завадовскій старался изобразить Государя отсутствующему своему другу, графу Семену Романовичу, который, по старой привычкѣ, сталъ присылать политическія записки. Убѣждая его быть осторожнымъ и не предлагать мнѣній по дѣламъ внѣ его прямой обязанности («вёсла не указуютъ рулю въ его дѣлѣ»), онъ говорилъ: «Нельзя, да и трудно, попадать на сущій бытъ вещей въ заочности. Столько же неудобны преподаванія о томъ образѣ, коего, я увѣренъ, воображеніе твое не представляетъ». «Въ отдаленіи отъ горизонта можно ли видѣть вещи ясно? Внушая подвиги, должно тутъ же предназначить соразмѣрную онымъ выгоду. Неужели для всѣхъ мы одни даромъ?......... Довольно сказано для проницающаго».

Для самаго графа Завадовскаго скоро наступило разочарованіе. Подозрительный и неудержимо вспыльчивый нравъ Государя ставилъ всѣхъ, его окружавшихъ, въ положеніе тяжкое и сомнительное. Желая искоренить зло, Павелъ дѣйствовалъ круто. Особливо тяжко было то, что все рѣшалось въ первую минуту гнѣва. Рѣдѣлъ кругъ Екатерининскихъ сподвижниковъ: кто изгонялся, кто самъ уходилъ по добру-по-здорову. Такъ отъ дѣлъ удалился Трощинскій, одинъ изъ честныхъ государственныхъ тружениковъ и близкій пріятель графа Завадовскаго. По тѣмъ же соображеніямъ не прельщался службою графъ А. Р. Воронцовъ и не покидалъ Лондона братъ его Семенъ Романовичъ, не смотря на предложенія занять высокія мѣста. Безбородко былъ проченъ, потому что умѣлъ сразу увѣрить Государя въ своей преданности; но вліяніе его на дѣла вскорѣ упало. Изъ близкихъ къ Завадовскому людей оставался только одинъ Безбородко. Это самое содѣйствовало наибольшему ихъ сближенію при Павлѣ. Но Безбородко по прежнему малодушествовалъ. Такъ, возражая ему противъ проэктированной мѣры обложить пошлиною право владѣнія, т.-е. примѣнить законъ ко времени прошедшему, Завадовскій убѣдился, что Безбородко

[45]) Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ.

не имѣлъ духа высказать свое мнѣніе. «Не добро, если такими только сгибами столбы держатся». «А сила мечтаній уноситъ отъ точки благоразумія, и еще долго не улягутъ вѣтры періодическіе».

Императоръ не переставалъ оказывать графу Завадовскому благосклонность и довѣріе. Такъ, напримѣръ, на шестой день по воцареніи, онъ поручилъ ему, совмѣстно съ тайн. сов. Жуковымъ и В. С. Поповымъ, рѣшить тяжбу князя Ксаверія Любомирскаго съ наслѣдниками князя Потемкина [46]). Онъ назначилъ его попечителемъ надъ женатымъ уже Бобринскимъ. Въ 1798 году онъ поручилъ ему разрѣшить дѣло Лопухиныхъ съ избранными отъ нихъ Державинымъ и Извѣковымъ, при чемъ повелѣвалось «прекратить единожды навсегда дѣло сіе рѣшительнымъ вашимъ заключеніемъ» [47]). Въ томъ же году ему пожалованъ крестъ командорскій Іоанна Іерусалимскаго. Въ Февралѣ 1799 года, Государь со всѣмъ царскимъ семействомъ и пріѣзжими принцами, посѣтилъ его балъ, и всѣ, за исключеніемъ Императора (который ложился спать въ 10 часовъ) оставались ужинать.

Но знаки благоволенія не привязывали Завадовскаго къ службѣ. Онъ замѣтилъ, что противъ него затѣваются интриги и пожелалъ удалиться. Неоднократно просилъ онъ объ этомъ замолвить слово Безбородку, просилъ Александра Воронцова, при свиданіи съ Безбородкою, упрекнуть его, что онъ не хочетъ помочь ему въ этомъ дѣлѣ, имѣя къ тому возможность. «И неужели я у него не заслуживаю и столь слабаго доброхотства? Заклинаю тебя дружбою, убѣди князя, чтобъ помогъ мнѣ получить увольненіе. Проводить меня въ Невской тщетный знакъ дружбы, ибо я того не почувствую, а сіе близко по моимъ ощущеніямъ». Онъ указывалъ Безбородкѣ на необходимость уѣхать въ деревню, чтобъ поправить свое состояніе, разстроенное Петербургскою жизнью. Противъ его увольненія была Императрица Марія Өеодоровна, нуждаясь въ немъ по управленію Воспитательнымъ Обществомъ; она очень расположена была и къ супругѣ Завадовскаго, графинѣ Вѣрѣ Николаевнѣ и выражала ей особенное довѣріе: нерѣдко, запершись съ нею, вмѣстѣ плакали. Завадовскій просилъ и Е. И. Нелидову похлопотать за него; но та отвѣчала, что Государь не хочетъ о томъ и слышать. Намѣреніе удалиться и остатокъ дней провести въ Малороссіи было столь велико, что онъ готовъ былъ получить увольненіе, хотя бы въ видѣ опалы. Такъ писалъ онъ графу Воронцову: «Если услышишь о моемъ удаленіи, принимай это какъ слѣдствіе моего стремленія къ покою; а буде достанется испить и не отъ

[46]) Рескриптъ 12 Ноября 1796 (изъ фамильныхъ бумагъ).

[47]) Рескриптъ 6 Октября 1898 (изъ фамильныхъ бумагъ).

сей чаши, то и та судьба, лишь бы не отымала покоя, не несносна мнѣ будетъ».

Еще Завадовскій не добился отставки, какъ болѣзнь и затѣмъ смерть стараго пріятеля, Безбородки, принесли ему новое огорченіе. «Тяжело разставаться съ товарищемъ своего вѣка. Другъ-друга видѣть не можемъ (писалъ онъ въ Лондонъ во время болѣзни Безбородки), не залившись слезами. Надобно же, по моему несчастію, дожить мнѣ здѣсь, чтобъ и сія лютая сцена совершилась въ моихъ глазахъ. Не можешь вообразить, какъ я страдаю!» Продолжительная болѣзнь Безбородки, его нравственные и физическіе недуги тяжело дѣйствовали на Завадовскаго, почти неотлучно находившагося при больномъ. Безбородко предъ нимъ теперь не скрывалъ, сколько мучили его упадокъ вліянія и холодность свыше. Такая перемѣна не удивляла Завадовскаго, который по этому случаю замѣтилъ, что «огонь, чѣмъ сильнѣе горитъ, тѣмъ скорѣе гаснетъ».

Когда Завадовскій проводилъ прахъ Безбородки въ Невскую Лавру, у него не осталось болѣе человѣка, «кому бы излить душу». «Хотя нравъ и склонности наши не были одинаковы, но свычка и пріязненное обращеніе въ теченіи непрерывномъ больше тридцати лѣтъ дѣйствуютъ на мое сердце наимучительнѣйше». Передъ кончиною своею Безбородко выражалъ ему самую сердечную признательность. Умирая, три раза прощался онъ съ нимъ, какъ бы прося не оставить попрека за прошлое. Чувствительный Завадовскій былъ разстроенъ этими сценами. «Сна не имѣю и позыва къ пищѣ», писалъ онъ Воронцову. «Или разставшись или потерявши всѣхъ милыхъ людей, остаюсь одинъ какъ палецъ и въ новомъ кругу вижу себя совершенно лишнимъ. Подавляюсь грустію и уныніемъ и сильно желаю унести мои кости, чтобъ не были зарыты въ оградѣ Невской [48]). И естьли увольненіе потянется или затруднится, то не за горами будетъ и моя могила».

Канцлерское мѣсто Безбородки предложилъ Государь гр. С. Романовичу Воронцову. Старшій его братъ гр. Александръ Романовичъ желалъ, чтобъ братъ принялъ это предложеніе и просилъ Завадовскаго убѣдить его къ тому. Но Завадовскій раздѣлялъ въ данномъ случаѣ взглядъ своего друга и поддерживалъ его рѣшимость не прельщаться предложеніемъ, хотя для Завадовскаго составляло всегда самое завѣтное желаніе—жить съ Воронцовыми. Онъ не находилъ, чтобъ предлагаемый Воронцову санъ, въ томъ видѣ, въ какомъ поставленъ онъ былъ у насъ, имѣлъ особую цѣну. «Качество министра, премѣняющееся въ экзекутора, завидно ли? Къ сей точкѣ приведено званіе прежнихъ

---

[48]) Въ этомъ желаніи онъ сходился съ Карамзинымъ, Жуковскимъ и многими другими лучшими людьми Россіи. П. Б.

и всѣхъ будущихъ». «Вещи людей влекутъ и отгоняютъ отъ себя по цѣнѣ, въ какое время ту имѣютъ». «Кто не предпочтетъ покойнаго пребыванія стоянію на волнѣ, возносящейся и опадающей?» писалъ Завадовскій графу Александру Романовичу. «По привязанности моей присутствіе его для меня дорого; но самъ разсуди, какъ можно убѣждать любимаго человѣка, да и дружескимъ совѣтомъ, на подвигъ, по которому не увѣренъ въ слѣдствіяхъ? Что̀ ты предпримешь, не знаю; а я не смѣю совращать его отъ собственныхъ предположеній». Напро̀тивъ, Завадовскій писалъ Семену Романовичу: «Рѣшимость твоя благоразумна.... Что̀ за находка ставить ногу на вертящееся колесо!» А противъ выраженнаго Александромъ Воронцовымъ опасенія, чтобъ братъ его не пострадалъ за отказъ, Завадовскій возражалъ: «Мятешься напрасно. Если не будетъ, останется какъ есть. А когда пріѣдетъ, въ ту пору больше резоновъ безпокоиться. Непонятно для меня, что ты еще не установилъ мысленный глазъ въ прямую точку».

Подозрительность Павла усиливалась. Письму опасно было довѣрять тайны, такъ какъ почта шла «не плавно», по выраженію Завадовскаго; а потому частую переписку онъ считалъ неудобною, о чемъ и предупреждалъ Воронцовыхъ, прибавляя, что «достается молчать больше, чѣмъ разговаривать». Завадовскій даже высказывалъ увѣренность, что переписка его съ Воронцовыми читается. (Кто знаетъ, быть можетъ одно изъ такихъ писемъ и рѣшило судьбу Завадовскаго). Еще въ концѣ 1797 года, намекая на существующій порядокъ, прискорбный для Русскаго человѣка, онъ замѣтилъ: «Привычка всякую всячину облегчаетъ; но почто не далось человѣку привыкнуть не мыслить и не чувствовать!» «Молчаніе мое принимай за мое же удостовѣреніе, что твой разсудокъ зритъ вещи и въ отдаленіи».

Екатерининскіе люди все болѣе рѣдѣли вокругъ престола, замѣняясь новыми, а затѣмъ перетасовокъ послѣдовало такъ много, что, по словамъ Завадовскаго, онъ не могъ знать всѣхъ новыхъ лицъ. Къ тому же эти перемѣны совершались такъ часто и такъ быстро, что по его же замѣчанію «блескъ и померцаніе вмигъ». «Къ восходу и закату текутъ наши свѣтила съ ровною скоростію». И къ несчастію обмѣнъ не былъ находкою для государственнаго дѣла: «корабль не грузится, а выгружается людьми способными», писалъ онъ.

Понятно, что Завадовскаго теперь болѣе чѣмъ когда-либо тянуло на родину. Между тѣмъ его недоброжелатели, окружавшіе Монарха, всегда готовы были повредить ему. Зная это, Завадовскій, по смерти Безбородки, былъ въ постоянномъ ожиданіи, «не вѣдая откуда грянетъ громъ».

Случай налетѣлъ самый ничтожный, но достаточный, чтобъ вызвать рѣзкую мѣру вспыльчиваго Государя. Въ Ноябрѣ 1799 года За-

вадовскій, возвратясь изъ Гатчины, узналъ, что секретарь и архиваріусъ Банка, опредѣленные: первый Куракинымъ, а второй еще Шуваловымъ, смошенничали на 7 т. р. Сумма ничтожная, и Завадовскій конечно могъ бы ее пополнить; но не рѣшился дѣло оставить въ тайнѣ, когда оно было уже оглашено въ городѣ, и донесъ Государю. Главный директоръ Банка, по уставу, не могъ подлежать здѣсь отвѣтственности; но недругамъ Завадовскаго было достаточно, чтобъ возбудить гнѣвъ Государя, и Завадовскій въ туже минуту былъ отставленъ. Хотя онъ мужественно переносилъ всякую невзгоду, и теперь, извѣщая о своемъ увольненіи Воронцова, выразился «щепка, брошена ли бурею, или своимъ плаваніемъ, достигла пристанища, лишь бы въ ономъ уже короткіе годы дожить безнавѣтно: возблагодарю Бога»; но какъ бы то ни было, за 40 лѣтъ усердной и плодотворной службы безвинно быть отставленнымъ, это не могло не потрясти Завадовскаго въ его лѣта, и было причиною болѣзни, замедлившей на время отъѣздъ его въ деревню. Замедленіе въ отъѣздѣ графъ Александръ Романовичъ принялъ за нерѣшительность Завадовскаго. Завадовскій отвѣчалъ ему на это: «Я не скоръ, но въ преднамѣреніяхъ твердъ и чтó обдумалъ, въ томъ не колеблюсь. Въ мысль мою не всходитъ, претерпѣвъ бурю, возвратиться на волны».

Болѣзнь и сборы задержали Завадовскаго мѣсяца полтора. Но онъ спѣшилъ на столько отъѣздомъ, что новый 1800 годъ встрѣтилъ въ дорогѣ. Между тѣмъ Павелъ одумался, и Завадовскаго стали просить остаться. «Совѣтами преубѣдительными довольно преклоняли меня учинить подвигъ; но я на отрѣзъ отказывалъ, не хотя ни за какое благополучіе быть въ дѣлахъ».

Завадовскій со спокойнымъ духомъ оставлялъ столицу, не предполагая когда нибудь въ нее возвратиться. Но отъѣзжающаго напутствовали сообщеніемъ о новой, готовящейся для него непріятности, какъ надо думать, вслѣдствіе отказа его отъ предложенія остаться. «Яко бы арканъ кинутъ на меня», писалъ онъ Воронцову. Такая неизвѣстность мучительна была для Завадовскаго, и онъ все остальное время царствованія Павла (годъ и два мѣсяца) былъ подъ страхомъ тяжелой внезапной случайности. «Жестоко, мой другъ», жаловался онъ Воронцову, «преслѣдуетъ меня неминующая судьба. Вмѣсто блаженнаго упокоенія, повергаюсь въ новое горе».

Еслибъ не эта мучительная неизвѣстность, Завадовскій считалъ бы себя вполнѣ благополучнымъ, живя на родинѣ, въ дорогихъ ему Ляличахъ, гдѣ все устроено было имъ самимъ, гдѣ каждое деревцо при немъ посажено. Онъ такъ дорожилъ любимымъ своимъ насажденіемъ, что опустошенія въ его саду бурею несказанно его печалили, тѣмъ бо-

лѣе, что «вѣка не ставало дождаться тѣни». Свой паркъ онъ расположилъ на 130 десятинахъ. «Часть сія господствующая во мнѣ страсть», винился онъ Воронцову, «каковую умѣрять разсудительностію не могу себя принудить: по всякій день граничную черту подвигаю впередъ». И дѣйствительно, это сдѣлалось у него страстью; такъ, напримѣръ, обнося свой паркъ на 7 верстъ каменною стѣною, онъ прельстился дубкомъ за чертою сада и границею дачи и, чтобъ внести его въ свой паркъ, сдѣлалъ изгибъ изгороди и заплатилъ казаку-собственнику за это деревце, съ саженью земли, тысячу рублей. Жизнь въ Ляличахъ, при всемъ однообразіи, была для него раемъ. Лялича онъ назвалъ «Екатеринодаромъ» во имя своей благодѣтельницы. Все здѣсь напоминало ему прошлое: въ паркѣ монументъ Румянцова, въ гостинной мраморная статуя Екатерины во весь ростъ [49]). Во время обѣда, къ которому, по обычаю нашихъ Русскихъ бояръ того времени, могъ придти всякій, и даже въ отсутствіе хозяина, играла музыка въ сосѣднемъ со столовою залѣ и пѣлъ хоръ пѣвчихъ. Этотъ концертъ всегда оканчивался гимномъ «Славься симъ, Екатерина, славься нѣжная къ намъ мать!» И даже въ царствованіе Александра гимнъ этотъ вызывалъ слезы у посѣтителей Ляличьскихъ обѣдовъ, гдѣ мѣсто хозяина занималъ братъ его Илья Васильевичъ [50]). Изъ Лялич писалъ Завадовскій, что онъ совершенно благополученъ, «и возблагословлю паче и паче мою судьбу, если благоволеніемъ своимъ закроетъ меня въ глубокомъ забвеніи и отвратитъ въ невинности моей дальнѣйшія преслѣдованія».

Завадовскій въ деревенскомъ уединеніи далъ полный просторъ своей страсти къ чтенію. И прежде свободное время отдавалъ онъ этому занятію. Такъ, когда онъ жаловался на отсутствіе дѣла при Павлѣ, онъ прочитывалъ всѣ книги, поступавшія въ цензуру, а когда въ послѣдній годъ царствованія Екатерины, по болѣзни, не выходилъ изъ дому, то прочелъ цѣлую библіотеку, «даже лексиконы Морерія и Белевъ, которые никто не читаетъ.» «Прежде любилъ заниматься древностію Латинскою; напослѣдокъ, авторы Французскіе, умомъ и пріятностію своего языка, нечувствительно къ себѣ привязали. Безъ напряженія головы можно въ нихъ сосать просвѣщеніе, а въ Латинской мертвой литературѣ надобно рыться нахмуреннымъ челомъ. Преемники наукъ, отъ народа въ народъ, всегда дѣлаютъ шагъ далѣе противъ тѣхъ, отъ коихъ заимствовали оныя.» Интересенъ такой взглядъ Завадовскаго, какъ

---

[49]) Нынѣ она находится въ Академіи Художествъ, куда пожертвована покойнымъ Д. П. Ознобишинымъ, купившимъ ее, если не ошибаемся, у наслѣдниковъ Энгельгардта, владѣвшихъ нѣкоторое время Ляличами. П. Б.

[50]) Путешествіе въ Малороссію кн. Шаликова. Москва 1804 г., стр. 212, 213.

классика. Не менѣе интересны сужденія его объ исторіи и источникахъ, коими пользуемся мы для ея изученія. «Съ Плутархомъ я знакомъ отъ юности въ переводѣ Латинскомъ. Изображеніемъ вещей восхищаетъ вниманіе. Кисть его всегда прелестна и невсегда правдива. Нерѣдко, отходя отъ простой истины, предпочиталъ оной блистательныя басни, которымъ могъ дать свой удивительный покрой. Светонъ, нѣсколько предшествовавшій ему и отъ котораго заимствовалъ, сколько малъ противъ величайшихъ дарованій Плутарха, столько вѣрнѣйшій писатель. Ежели не всѣ, то однако же многіе пробѣжалъ я наши исторіи и лѣтописцы. Хаосъ неочищенный отъ лжи и невѣжества. Стоятъ одни имена и числы, а прочее все завалено грубымъ слоемъ. Отъ глагола къ глаголу, и потомъ изъ книги въ книгу переходили повѣсти, ни разсудительностію, ни явными удостовѣреніями не утвержденныя. Пишущимъ монахамъ не спорили [51]) монастырскія стѣны; а міръ легковѣрный, потому что непросвѣщенный, всякую всячину принималъ за истину, яко исходящую отъ святыни. Симъ образомъ, я полагаю, составилась исторія нашей древности, на которую по пустому устремляемъ наше любопытство. Несторъ первый поступилъ во тьму необъятную, но его факелъ освѣтилъ ли весь нашъ горизонтъ? Въ безднѣ дикихъ народовъ, препиравшихся между собою, едва виденъ Россъ. Всю полосу до царства Іоанна Васильевича должно откинуть in loca imaginaria [52]), каковы полагались, прежде чѣмъ знали физику, за предѣлами земной сферы. Но и сія эпоха перемѣшана подобнымъ мракомъ, каковымъ объяты широкіе напуски отъ Китая, отъ Чингисхана и отъ вѣрующихъ въ Магомета. Потому исторія наша всегда будетъ для читателя скучна, ежели черпать оную хочемъ глубже, а не отъ временъ Петра Великаго. Для просвѣщающагося вѣка пріятнѣе повѣсть отъ начала просвѣщенія и отъ имени виновника онаго. Голиковы записки я читалъ о семъ царствованіи. Исторію Татищева довольно знаю. Изъ нашихъ писателей, у которыхъ, проходя томы, едва встрѣчается строка мыслящаго автора, а не росказни, онъ лутчій. Но онъ, голоденъ будучи за своимъ столомъ, искалъ пищи себѣ въ архивахъ Цареградской, Польской и Шведской. Набитый желудокъ не все сварилъ порядочно, потому отдаютъ запахомъ гнилымъ хронологія его и родословныя деревья, на коихъ щепилъ иностранные прививки, по своей теплой вѣрѣ.» «Когда ты занимаешься Плутархомъ, то сравни умъ и силу его изражeній противъ святыхъ и мірскихъ нашихъ писателей, и увидишь всю жалкую бѣдность сихъ послѣднихъ. По моему мнѣнію, исторія та

---

[51]) Т. е. не помогали, не содѣйствовали.
[52]) Т. е. въ область вымысловъ.

только пріятна и полезна, которую или философы или политики писали. Но еще наши науки и нашъ языкъ не достигнули до того: то и лучше пользоваться чужимъ хлѣбомъ, чѣмъ грызть свои сухари со ржавчиною». «Съ Штритеромъ я былъ въ перепискѣ. Онъ свѣдущъ въ нашей древности; но въ томъ сомнѣваюсь, чтобъ и его сочиненіе просвѣтило оную, наипаче когда опускается въ глубину. Всѣ исторіи равны будутъ одна другой, естьли захотимъ набивать нашу память токмо бытіями. Тысяча обстоятельствъ, коимъ внимали современники, теряются въ глазахъ потомства, замѣчающаго токмо великія происшествія, что̀ утвердили судьбу государствъ. Голосъ исторіи не должно спускать на тоны скучныхъ мелочей. Править онымъ можетъ, къ притяженію нашего любопытства, едино то, что̀ заслуживаетъ вниманіе всѣхъ временъ, изображаетъ дарованіе и нравы людей, въ примѣръ и къ наставленію будущихъ родовъ. По сему желаю увидѣть въ новомъ сочиненіи историка мыслящаго и, что̀ еще рѣже, со вкусомъ, чего не имѣлъ трудолюбивый князь Щербатовъ: написалъ премного, чтобъ не читали. Мое мнѣніе привязано къ эпохѣ Петра Великаго, потому что отъ времени царствованія его Россія непрерывно восходитъ въ гору. Не оспариваю важности предъидущихъ тому происшествій,что царь Іоаннъ, при ослабленіи Чингискаго поколѣнія, овладѣлъ Казанью, нанесъ ударъ Шведамъ и Литовцамъ. Занятіе Сибири, присоединеніе Малороссіи суть значущія дѣла. Но вспомни, какъ первое вверхъ дномъ обращалось, и до коликихъ бѣдъ въ свою очередь Шведы и Поляки властвовали; а по двумъ послѣднимъ случаямъ мало пищи для историка, а больше для географовъ. Писателю просвѣщенному довольно было бы одной страницы, чтобъ наши всѣ матеріалы на времена до Петра Перваго вмѣстить въ оную. Но еще не перевелись, и не такъ скоро прейдутъ любители книгъ за толщину оныхъ. Впрочемъ, древнія начала всѣхъ государствъ суть темная ночь, которую я просыпаю безъ сказокъ и безъ сновидѣній, убѣдившись въ томъ всемірною исторію.» Это писано въ 1801 году. Тѣмъ не менѣе, сдѣлавшись министромъ народнаго просвѣщенія, Зававдовскій отнесся сочувственно къ изученію нашей до-Петровской старины: при немъ изданъ переводъ Шлёцерова Нестора, при немъ возникло въ Москвѣ Общество Исторіи и Древностей, и при немъ же Карамзину облегчена возможность заняться великимъ трудомъ его.

На свое положеніе смотрѣлъ Завадовскій какъ философъ, въ чемъ вѣроятно отразилось его воспитаніе. Такъ, напримѣръ, писалъ онъ своему другу Воронцову: «Спросишь, какъ я въ моихъ бѣдахъ поступаю? Отвѣчаю,. придерживаюсь правила Эпикура, утверждавшаго, что сильное зло, какъ моральное такъ и физическое, не можетъ быть

долго, слѣдственно мою жизнь погаситъ скоро!» Смерть не страшила его: «долготою вѣка и пресѣченіемъ онаго не прельщаюсь, не мятусь, полагая, что для умершихъ то и другое совершенно ничто».

Неудовольствіе къ Завадовскому однако ограничилось только лишеніемъ получаемой имъ пенсіи. Правда, онъ былъ подъ постояннымъ страхомъ. Мѣстная власть была предувѣдомлена о надзорѣ за нимъ, и этимъ правомъ сугубо пользовался—Суражскій исправникъ, для поправленія своего состоянія на счетъ опальнаго вельможи [53]). Что Завадовскій не могъ быть покоенъ на счетъ дальнѣйшей своей участи, видно изъ слѣдующаго случая. Павлу доложили, что Завадовскій живетъ выше его, т. е. домъ его въ Ляличахъ выше Михайловскаго зáмка. Завадовскій былъ вò время предувѣдомленъ и успѣлъ насыпать передъ домомъ терасу, закрывъ ею нижній подвальный этажъ: домъ при измѣреніи выходилъ на аршинъ ниже. Насыпь осталась и донынѣ, во свидѣтельство мелочной придирчивости и людской злобы къ Завадовскому.

Здоровье Завадовскаго стало упадать. Онъ вынесъ, по пріѣздѣ въ Лялячи, сильную простудную горячку. Все время, проведенное имъ въ Ляличахъ, погода была самая неблагопріятная. Онъ сталъ жаловаться, что плохо владѣетъ руками и ногами. Если принять въ соображеніе, сколько перенесъ онъ нравственныхъ испытаній, которыя, по его собственному замѣчанію, болѣе чѣмъ лѣта сокрушаютъ здоровье, то не мудрено, что въ 60 лѣтъ онъ чувствовалъ уже упадокъ силъ и здоровья.

Въ царствованіе Павла все вниманіе политиковъ поглощено было Франціею. Слѣдилъ за нею и Завадовскій и высказывалъ по временамъ свои мнѣнія, во многомъ цѣнныя и теперь. Еще прежде онъ выражалъ предположеніе, что для Франціи всего естественнѣе борьба съ Англіей. Весною 1797 года онъ писалъ: «Между тѣмъ приходитъ мнѣ на мысль, что Французы, не находя возможности внести въ Англію войну, и опасаясь возвратить свои войска восвояси (чтó должны бы учинить по заключеніи мира) не хотятъ сойти съ военнаго театра, и чрезъ новыя придирки въ Италіи и въ Нѣмецкой земли стремятся продлить свою кровавую роль». При этомъ предрекалъ онъ, что если вой-

[53]) По поводу удаленія Завадовскаго существуютъ разныя басни, такъ напр. будто бы Павелъ прислалъ ему ленту или пуговицы, съ компрометирующею его надписью, кои обязанъ онъ былъ носить постоянно. Вовсе этого не было и быть не могло: Павелъ былъ вспыльчивъ и гнѣвенъ, но не издѣвался надъ людьми. Далѣе говорятъ, будто бы Завадовскому воспрещено было отлучаться отъ его дома далѣе 10 верстъ. Это тоже опровергается письмомъ Завадовскаго отъ 18 Февраля 1801 года (т. е. за мѣсяцъ до кончины Павла), въ которомъ онъ писалъ,что былъ у Гудовича, а Гудовича имѣніе отъ Ляличъ въ 22 в.

на будетъ, то, «Французы Германію также исковеркаютъ какъ Италію». Онъ не вѣрилъ дѣйствительности намѣреній Французовъ высадиться въ Англіи и считалъ, что это разглашается ими въ расчетѣ ослабить Англію обороною и держать ее въ страхѣ. «Угрожая войною, легко станется, что одержатъ податливость на покрой чужаго, чему и безъ того должно быть; а дѣло только въ томъ на сей разъ, больше или меньше: ибо Нѣмецкая земля подъ единоначаліемъ, въ своей массѣ, велико значила бы, но раздѣляемая на многія власти, походитъ на Польшу и сближается къ подобной судьбѣ.»

Завадовскій былъ противъ союза нашего съ Англіею, не отрицая, наоборотъ, выгоды союза съ Франціею. «Англичане отзывались къ намъ о помощи, «писалъ онъ въ 1798 году,» въ которой конечно откажемъ; а Французы возобновляютъ попытку къ сближенію; сойтиться съ ними не лишнее было бы, ибо интересы наши не влекутъ къ противному». Другими словами: не допустить усилиться сосѣдямъ, такъ какъ сильный опаснѣе въ сосѣдствѣ, чѣмъ въ отдаленіи. Мысль Завадовскаго подкрѣпляется урокомъ.

По прежнему находилъ онъ Россію внѣ опасности отъ «Французскаго яда» и писалъ Воронцову: «Не пугайся, что Французы уже вошли въ Рымъ, объявили папу лишеннымъ свѣтской власти, оставя ему одну духовную, провозгласили республику Рымскую и насадили въ ней древо вольности. По разстоянію и сіе не бѣда. Буря выливаетъ валы изъ береговъ, но когда волны переполняются, море отходитъ въ свой край. Натура всѣмъ правитъ. На сей разъ пускай я буду у тебя атеистомъ». «Нашъ уголъ глубокъ», замѣтилъ онъ. «Я такой невѣрующій Ѳома, что, противъ всѣхъ и общихъ пугливыхъ мнѣній, не боюсь, чтобъ въ нашъ вѣкъ на холодный Сѣверъ перевалилась умственная горячка».

Продолжая утверждать, что высадки Французовъ въ Англію быть не можетъ и называя такое предположеніе химерою, Завадовскій въ Египетской экспедиціи Французовъ видѣлъ дальній планъ на Индію, т.-е. уязвимое мѣсто Англіи, хотя успѣха Французовъ въ Египтѣ не ожидалъ. 18 Іюля 1799 года, говоря о предположеніяхъ на счетъ дѣйствій Французской эскадры, Завадовскій утверждалъ, что ее готовятъ вѣроятнѣе всего для возвращенія изъ Египта, а отнюдь не съ цѣлью сразиться съ Англичанами, и еслибъ это случилось, «я въ томъ стою, что будутъ побиты Англичанами». Извѣстно, что 22 Августа Бонапартъ на этой эскадрѣ отплылъ изъ Египта. Въ Маѣ 1800 года изъ Ляличъ Завадовскій писалъ Воронцову: «Отъ настоящей войны не можетъ система Европы остаться прежнею. Не даромъ воюетъ Австрія, и не воюетъ Пруссія. Но главный планъ войны, мнѣ кажется,

собираетъ и твердитъ за собою Англія. Силы ея распространяются на воды всего міра; подымается новая эпоха; равно и господствованіе повсюду торговлею». Замѣчательно, что это писано изъ Лаличъ въ Лондонъ нашему послу, который опасался готовящагося вторженія Французовъ. Разсуждая о политикѣ, Завадовскій останавливается, замѣтивъ, что для того «нужно имѣть горящій факелъ, а мой погасъ».

*

Вотъ легкія наброски къ характеристикѣ лицъ, которыхъ удавалось Завадовскому узнать во время ихъ перелета при Павлѣ.

Графъ Кочубей. «Отъ природы умный, и въ дѣлахъ способность видна; но по лѣтамъ нравъ горячъ».

Архаровъ. «Къ обрадованію общему упалъ безповоротно».

Князь Прозоровскій. «Человѣкъ достойный, всегда несчастливъ и, напослѣдокъ, истощенный въ душевныхъ и тѣлесныхъ силахъ».

Беклешовъ. «Я знаю его большія способности для гражданскаго начальника (послѣ удаленія въ Апрѣлѣ 1798 года). Духомъ смѣлымъ или паче дерзостію выигрывалъ и будетъ выигрывать». (Онъ назначенъ потомъ былъ генералъ-прокуроромъ).

Неклюдовъ. (По смерти его отъ желчной горячки, полученной вслѣдствіи увольненія). «Жалѣю о немъ сердечно, какъ о моемъ пріятелѣ, какъ о человѣкѣ, имѣвшемъ свои достоинства».

Князь Лопухинъ. Въ томъ отдаю ему всю справедливость, что въ своемъ поведеніи совершенный контрастъ противъ своего предмѣстника (князя Куракина), ни гордъ, ни заносчивъ, и противъ всякаго тотъ же, что́ былъ. Благотворитъ многимъ, и ни на чью бѣду не податливъ. Нѣтъ въ немъ жадности ворочать всѣми дѣлами. Природнаго смысла довольно въ немъ. Но кто не сдѣлалъ заранѣе навыка по дѣламъ, тому великое бремя оныхъ и тягостно, и скучно».

Князь Куракинъ А-й Б. Ни одинъ генералъ-прокуроръ не былъ со властію толико пространною какъ онъ». «Что́ выше мѣры вознеслось, то стоитъ надъ стремниною». (Стихъ Ломоносова).

Графъ Панинъ Н. П. Довольно дѣловаго ума. Въ своей молодости и между своихъ сверстниковъ отличается качествами, которыя время и опытность усовершатъ. Я предвижу въ немъ способнаго человѣка для политическаго карьера. Талантъ его молодости предвѣщаетъ быть созрѣлаго вѣка». «Въ молодости своей имѣетъ приличное зрѣлому вѣку, прилеженъ къ работѣ и порядку, довольно знанія и смысла и перомъ владѣетъ изрядно. Благородная амбиція и негибкость духа суть въ немъ господствующія качества. Лѣта и опытъ возвеличатъ въ немъ талантъ безъ сумнѣнія. Впрочемъ, какъ отмётный

соболь между своихъ сверстниковъ, еще и тѣмъ отличенъ, что, не выѣзжая изъ Россіи, самъ себя формировалъ».

Обрѣзковъ. «Въ немъ бродитъ и донынѣ пустой квасъ. Чтó было отъ слѣпой случайности, ставитъ онъ то къ своему таланту. Сколько мечты зарождается въ насъ отъ нашего слабоумія или самолюбія!»

*

Въ Мартѣ 1801 года, передъ сумерками, въ большой гостиной Лядичьскаго дворца, обтянутой гобеленами Бушэ и установленной золоченою мебелью Людовика XV, у мраморнаго камина въ Помпеевскомъ вкусѣ, сидѣлъ задумчиво опальный графъ Завадовскій, устремивъ свой взоръ на прекрасную мраморную статую Екатерины, помѣщавшуюся противъ камина. Неслышною поступью шелъ лакей съ пакетомъ на серебряномъ подносѣ. «Съ фельдъегаремъ изъ Петербурга». Завадовскій вздрогнулъ. Боже, думалъ онъ, ужели меня лишаютъ и этого покойнаго уголка, гдѣ думалъ я сложить мои кости!... Не обративъ вниманія на черную печать, дрожащею рукою вскрываетъ онъ пакетъ. Глаза его наполняются слезами, онъ цалуетъ дорогія строки и опускается на колѣна. Это былъ собственноручный рескриптъ воцарившагося Александра, любимаго внука незабвенной для Завадовскаго Екатерины, слѣдующаго содержанія: «Графъ Петръ Васильевичъ! При самомъ началѣ вступленія моего на престолъ [54]), я вспомнилъ и вѣрную вашу службу, и дарованія ваши, кои на пользу ея вы всегда обращали. Въ семъ убѣжденіи желаю, чтобы вы поспѣшили пріѣхать сюда принять увѣреніе изустное, что я пребываю вамъ доброжелательный Александръ».

«Графиню! сказалъ, Завадовскій, вставая съ колѣней. «Поздравляю», обратился онъ къ вошедшей женѣ, и передалъ ей рескриптъ императора. «Дворецкаго!» приказалъ онъ лакею.

Черезъ пять минутъ летѣлъ на быстромъ конѣ охотникъ Завадовскаго въ Суражъ къ исправнику съ устнымъ приказаніемъ своего барина пригласить исправника немедленно къ нему. Исправникъ игралъ въ карты и велѣлъ передать графу, что занятъ и не можетъ пріѣхать. «Перемѣнить коня», сказалъ Завадовскій, услыхавъ отвѣтъ исправника, «сказать исправнику, что мнѣ экстренно нужно его видѣть, чтобъ не медля пріѣхалъ».

Съ неудовольствіемъ поѣхавъ и не скрывъ этого передъ графомъ, исправникъ началъ съ объясненій, что онъ человѣкъ занятой, что нельзя за нимъ присылать по ночамъ.

---

[54]) По словамъ историка Богдановича, въ самый день восшествія на престолъ.

«Мнѣ нужно заготовить лошадей по тракту на Смоленскъ», сказалъ Завадовскій, показывая рескриптъ воцарившагося Государя.

«Простите, виноватъ», павъ на колѣна, произнесъ оторопѣвшій исправникъ.

Взяточникъ-исправникъ былъ высланъ въ Вятку и вскорѣ, быть можетъ, по настоянію Завадовскаго состоялся указъ объ опредѣленіи впредъ исправниковъ по выбору дворянства.

«Не полагалъ я, мой милый другъ», писалъ уже изъ Петербурга Завадовскій графу Семену Романовичу, «увидѣть спасеніе Россіи отъ свирѣпаго обуреванія, не полагалъ перенести гоненій, устремленныхъ на меня лично; но благоволеніемъ судьбы вышли мы изъ томныхъ дней. Заживаютъ раны отъ муки прежней, по удостовѣренію, что отверженные кнутъ и топоръ больше не возстанутъ; ибо Ангелъ, со стороны кротости и милосердія, царствуетъ надъ нами. Зады Іоанна Грознаго мы испытали; измѣряй потому радость общую, когда можемъ подымать духъ и сердце, когда никто не имѣетъ страха мыслить и говорить полезное и чувствовать себя. Милый другъ, возблагословимъ счастливое время и что въ немъ окончимъ нашъ вѣкъ».

Сборы Завадовскаго были столь поспѣшны, что изъ Ляличъ онъ не имѣлъ времени извѣстить о случившемся своего друга и только 7 Апрѣля уже изъ Москвы писалъ Воронцову: «Жиды чаютъ Мессіи, но спасающій насъ обрадовалъ внезапно. Удивишься, мой другъ, что и меня лѣшаго въ столицу вербуютъ! Не могу не повиноваться толико милостивой волѣ».

По прибытіи въ Петербургъ, Завадовскій былъ принятъ Государемъ отмѣнно милостиво, назначенъ членомъ Совѣта, присутствующимъ въ Сенатѣ, а вслѣдъ за тѣмъ предсѣдателемъ Коммиссіи составленія законовъ. По этому случаю Завадовскій получилъ рескриптъ отъ 5 Іюня 1801 года, въ коемъ между прочимъ сказано: «Къ совершенію сего мнѣ казалось нужнымъ избрать человѣка, который бы, сверхъ обширныхъ по сей части свѣдѣній, имѣлъ и достаточное познаніе о дѣйствіи бывшихъ доселѣ коммиссій, дабы тѣмъ скорѣе и успѣшнѣе могъ онъ все привести въ настоящее движеніе. Находя въ васъ всѣ сіи свойства и зная съ одной стороны, съ какимъ успѣхомъ употреблены вы были прежде по сей части, съ другой бывъ увѣренъ, что честь содѣйствовать пользамъ Отечества въ столь важныхъ отношеніяхъ не можетъ не быть для васъ не чувствительна, я поручаю вамъ сіе дѣло во всемъ его пространствѣ, ввѣряя вашему непосредственному управленію существующую нынѣ Коммиссію о законахъ, подъ единственныхъ моимъ вѣдѣніемъ». «Впрочемъ, представляя вашему благоразумію, извѣстной ревности и способностямъ вашимъ изыскать по

симъ первымъ начертаніямъ вѣрнѣйшіе пути къ успѣшному дѣла сего движенію, удостовѣренъ я, что обнимая во всемъ пространствѣ важность его и всю связь съ пользами Отечества, единая любовь къ нему составитъ уже для васъ сильное и достойное васъ побужденіе, а признательность моя будетъ неотъемлемымъ трудовъ вашихъ послѣдствіемъ [55])».

Завадовскій съ усердіемъ принялся за дѣло. «Нельзя не усердствовать», писалъ онъ Воронцову, «благодушной волѣ Монарха, и если тужу объ упадкѣ естественныхъ силъ, то въ семъ единомъ случаѣ, что не отвѣчаютъ оныя моему хотѣнію. Теперь малѣйшимъ напряженіемъ головы утомляюсь, и способности не стаетъ къ тому, чтобы вещь обдумать и отдѣлать скоро, что́ прежде легко происходило. Ссылка, въ которой кромѣ худшаго ничего не чаялъ, подвинула впередъ притупленную мою старо́сть, сокрушительности коея уже и сами лѣта подвергали». Воронцовъ ободрялъ упадающій духъ своего друга, увѣряя, что заря блаженства, наступившая для Россіи, подкрѣпитъ его силы и духъ. «Я пострадалъ много, какъ и самъ ты судишь правильно», отвѣчалъ Завадовскій, «отъ прошедшей бури, свирѣпствовавшей на всю Россію; но ошибаешься въ томъ, чтобы заря блаженства могла поднять упадающій вѣкъ человѣка. Уже недалеко отстою отъ предѣла жизни; цвѣтущимъ лѣтамъ остается поле, и въ отношеніи къ грядущимъ по насъ мысли мои сопричастны радованію». «Жребій мой проводить старость не въ покоѣ, не въ отдохновеніи, какъ и вся жизнь суетна была. Возложенъ трудъ: исправить, очистить наши законы, писаные въ мракѣ невѣжества — работа, нѣсколько разъ предпринимаемая въ началѣ и въ теченіи прошедшаго столѣтія. Подвигъ въ томъ Петра I-го, Елисаветы и Екатерины II, далеко отъ коего либо успѣха, а еще далѣе отъ конца; даже не образованы по сей части порядкомъ самыя начала. Роюсь на подобіе моли въ необъятныхъ кипахъ старой и новой подъяческой смѣси, которая не просвѣщаетъ, а только тмитъ слабую мою память. Я не готовилъ себя быть докторомъ юриспруденціи; запасъ мой не больше какъ по любопытству или сколько нужно было для поприща, которое проходилъ не по склонности, ниже по выбору собственному. Совсѣмъ тѣмъ долженъ полѣзать въ сферу законоученія и быть, какъ въ нашихъ полковыхъ репортиціяхъ писывали, *за Нѣмца Русской*. Два мѣсяца утомляюсь работою прескучною, въ которой каждое слово (простосердечіемъ скажу) выводитъ на (пытку вниманія, воображенія и про-

---

[55]) Полное Собраніе Законовъ, т. XXVI, 19904.

ницательности) тучи книгъ теоретическаго законовѣдства, которое не клеится съ Русскимъ бытомъ. Не надѣюсь, чтобы стало моей жизни окончить преважное дѣло; а непомѣрно хочется истребить кнутъ, котораго я не видалъ ни въ натурѣ, ни въ дѣйствіи, но одно наименованіе поднимало и поднимаетъ во мнѣ всю ненависть». Желанію Завадовскаго суждено было исполниться только черезъ полвѣка.

Завадовскій видимо старѣлъ. Здоровье его было сильно подорвано. Понятно, что трудъ законодательный былъ для него тягостенъ, потому что къ каждому дѣлу онъ относился горячо: онъ не могъ дѣлать какъ нибудь, а природная скромность его и неувѣренность въ своихъ силахъ еще болѣе смущали его. Онъ не думалъ о томъ, чтобъ только кончить, а какъ кончитъ. Въ первомъ случаѣ руководитъ тщеславіе, во второмъ честность. «Законъ нельзя шить на живую нитку», писалъ онъ. «Мой разсудокъ не прилѣпляется къ призракамъ, опытъ жизни правитъ имъ». Милостивое вниманіе Государя одобряло Завадовскаго. «Впрочемъ, по моей части я предоволенъ Государемъ, и съ нимъ дѣло имѣть весьма пріятно: и внимателенъ, и подвиженъ, какъ нельзя больше, къ общему благу. По преклонности моего вѣка не предполагаю какъ только устроить основаніе возложеннаго на меня. Довершить зданіе и произвести плоды остается цвѣтущимъ младостію.»

Завадовскій не могъ ограничиться одною кодификаціею нашихъ законовъ, массу которыхъ давно опередило время; это составляло, такъ сказать, канцелярскую работу. Онъ занялся изученіемъ законодательства другихъ народовъ и не для того конечно, чтобъ безъ разбора перенести его на Русскую почву, какъ поступили его преемники; но чтобы ознакомиться ближе съ исторіею и движеніемъ законодательства вообще, а въ частности, путемъ критики и сравненій, опредѣлить, что̀ можетъ быть прикладно для Россіи, при ея бытовыхъ особенностяхъ и степени развитія.

При такомъ отношеніи къ порученной задачѣ, 62-хъ лѣтній старикъ не могъ разсчитывать на ея выполненіе въ его вѣкъ, находя, что для этого даже мало одного царствованія.

Однакожъ сильно, со свойственнымъ ему рвеніемъ, занимался онъ этимъ дѣломъ, въ чемъ удостовѣряетъ нижеслѣдующее письмо его къ графу С. Р. Воронцову отъ 24 Ноября 1801 года. «Еще я не удосужился прочитать со вниманіемъ императорское уложеніе, заглянулъ только въ оное. Вижу вещи древнія, которыя вѣкъ просвѣщенный и умягченные нравы отталкиваютъ отъ себя; но я довольно вникнулъ въ разсужденіе ученаго законовѣдца: излагаетъ не новыя, а общія правила и самымъ кратчайшимъ образомъ для матеріи наипространнѣйшей. На полагаемомъ имъ основаніи расположены новые Прус-

скіе законы. Сію базисъ и сей же самый предметъ имѣло Юстиніаново законодательство, т. е. persona et res (лице и вещь). Слово res въ Латинскомъ языкѣ имѣетъ пространный смыслъ: подъ онымъ разумѣлись не однѣ вещи, но и дѣянія. Главнѣйше на сихъ двухъ пунктахъ обращается вся сфера юриспруденціи. Я не придамъ тѣмъ вѣсу мнѣнію знаменитаго человѣка, который находитъ по криминальнымъ дѣламъ Англійскіе законы наилучшими, если скажу тебѣ, что я давно ими плѣненъ, какъ произведеніемъ ума человѣческаго превыспренняго; но я никогда не видѣлъ ихъ in extenso. Нѣкоторое понятіе, что́ объ оныхъ имѣю изъ Блакстона и другихъ писателей, коротко разсуждающихъ, не составляетъ во мнѣ совершеннаго знанія и удостовѣренія о цѣли и положительныхъ началахъ. Вотъ для чего я убѣдительнѣйше прошу тебя, мой другъ, употреби свое стараніе достать въ Англіи полное собраніе законовъ криминальныхъ. Безъ твоей помощи здѣсь успѣть мнѣ въ томъ никакъ не можно. Лучше изъ самаго источника черпать воду, чѣмъ изъ ручьевъ удалившихся и мутныхъ. Знаю, что не все хорошее для Англіи удобно приложить къ Россіи; но по возможности приметъ звѣно доброе и наша образуемая масса; да еще тѣмъ болѣе, что гражданскіе законы затрудняются вліяніями частными, а уголовные руководствуетъ безпрепятственно интересъ общій».

Не смотря на то, что работа видимо кипѣла, матеріалы просмотрѣны, сгруппированы, дѣло казалось остановившимся. Завадовскій привыкъ къ занятіямъ. Привычку къ нимъ онъ усвоилъ еще въ молодости, въ десятилѣтней школѣ при Румянцовѣ. Онъ не скучалъ тогда только, когда имѣлъ много дѣла. Такъ еще въ 1775 году писалъ онъ Воронцову: «Я при фельдмаршалѣ; бываютъ часы изрядные, и паче когда много дѣла». Мы видѣли, какую обузу возложила на него Екатерина; онъ не жаловался, а писалъ только: «дѣла много, лѣни не поддаюсь.» Напротивъ, онъ скучалъ и жаловался на недостатокъ дѣла, живя во дворцѣ при Екатеринѣ и позднѣе при Павлѣ. Мы видимъ далѣе его личную плодотворную дѣятельность по управленію Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Стало быть, не недостатокъ усердія со стороны Завадовскаго былъ причиною медленія [56]). Здѣсь была двойная осторожность Завадовскаго: первая—боязнь повредить дѣлу вообще

---

[56]) Гречъ въ своихъ Запискахъ аттестуетъ Завадовскаго „лѣнивымъ и пьянымъ.“ Настоящій очеркъ, полагаю, долженъ снять съ памяти Завадовскаго первую клевету; что же касается до второй, то слабости такой положительно Завадовскій не имѣлъ. Нареканія Греча можно объяснить развѣ медленностію (повторю опять кажущеюся) въ составленіи законовъ; не составилось ли понятіе о пьянствѣ по цвѣту лица у Завадовскаго, которое подъ старость краснѣло? Эта особенность наслѣдственная, родовая.

ще поспѣшностію, вторая—неувѣренность въ Государѣ, въ которомъ молодость еще сильно сказывалась, и молодой умъ котораго не былъ свободенъ отъ вліяній. Молодому Императору весьма естественнымъ было желаніе даровать своему народу уложеніе. Это удовлетворяло и движенію сердца, и запросу тщеславія. И послѣднее было извинительно въ человѣкѣ молодомъ и воспитанникѣ Екатерины. Желаніе это было столь сильно, что равнялось нетерпѣнію. Люди, съ завистію смотрѣвшіе на Завадовскаго и не понимавшіе дѣла, какъ оно представлялось въ глазахъ опытнаго государственнаго мужа, поддерживали нетерпѣливое отношеніе къ нему молодаго Императора, который даже спрашивалъ Завадовскаго о причинѣ медленности. Такая поспѣшность въ дѣлѣ величайшей государственной важности, понятно, еще болѣе должна была усугубить осторожность Завадовскаго, который и написалъ тогда Воронцову: «Не безсомнительнымъ шагомъ, а ощупью надобно проходить свое поприще». Завадовскій не ограничился словеснымъ объясненіемъ Императору, а представилъ самимъ имъ написанный, по словамъ Ильинскаго [57]) «прелюбопытный, меморіалъ», въ которомъ сослался на массу Россійскихъ законовъ, ихъ разбросанность, трудность привести въ систему, несоотвѣтствіе многихъ изъ нихъ настоящему духу времени. Но Завадовскій видѣлъ, что тутъ было не простое любопытство Императора, а что за нимъ кроется интрига, которая вскорѣ и обнаружилась. Въ Ноябрѣ 1802 года онъ писалъ Воронцову: «Въ образѣ движенія вещей нѣтъ несомнительности. Еще нашъ горизонтъ до того не очистился, чтобы воспарило на немъ всяческое благо. Велико дѣло и духа великаго требующее попирать предразсудки. Надобно возлюбить Отечество превыше страстей, прилѣпляющихся къ человѣчеству, чтобы ввести законы въ неподвижное господство, и сію благодать не мы, а развѣ грядущіе по насъ узрятъ.»

Главнымъ образомъ дѣйствовалъ противъ Завадовскаго его старый недоброжелатель, тогдашній министръ юстиціи Державинъ. Прежде всего онъ пробовалъ своими придирками дѣлать непріятности Завадовскому. Дѣла особо важныя, и по коимъ не было прямаго закона, Сенатъ отсылалъ на заключеніе въ Коммисію Законовъ. Около двадцати сенатскихъ дѣлъ находилось въ Коммисіи. Державинъ, какъ генералъ-прокуроръ, сдѣлалъ напоминаніе и въ письмѣ къ Завадовскому указывалъ на медленность. Завадовскій понималъ конечно, что тутъ дѣло состояло въ желаніи досадить. На повѣрку оказалось однако, что здѣсь была вина Сената и самаго генералъ-прокурора, которые присылали въ Коммисію дѣла безнужно, такъ какъ на всѣ, изложенные въ нихъ,

---

[57]) Записки И. С. Ильинскаго, Русс. Архивъ 1879 г. III, 419.

случаи имѣлись законы. Завадовскій поручилъ секретарю Коммисіи Ильинскому составить къ Державину отвѣтное письмо, выраженія котораго однако онъ, по свойственной ему деликатности, смягчилъ. Державинъ хотя болѣе и не обращался со своими напоминаніями къ Завадовскому, но, по замѣчаніямъ людей, близко стоявшихъ къ этому дѣлу, старался всѣми мѣрами подчинить Коммисію Законовъ своему вѣдѣнію. Какъ первый шагъ къ тому онъ исходатайствовалъ составить подъ его предсѣдательствомъ коммисію о сокращеніи канцелярскаго порядка въ Сенатѣ и другихъ присутственныхъ мѣстахъ, коммисію, какая при Екатеринѣ состояла подъ предсѣдательствомъ самаго Завадовскаго [58]). Членами ея были назначены, несомнѣнно имъ же указанные, сенаторы Ѳ. М. Колокольцовъ, П. И. Новосильцовъ, О. П. Козадавлевъ и И. С. Ананьевскій.

Завадовскій, какъ истинный сынъ Отечества, служилъ только его пользамъ, дѣлу, а потому далекъ былъ отъ всякаго искательства, отъ желанія имѣть вліяніе. Онъ каждую Субботу бывалъ съ дѣлами у Государя и, какъ писалъ Воронцову, «за правило имѣя не втираться въ короткость и не заводить рѣчей о дѣлахъ, о которыхъ не вопрошаютъ меня; слѣдственно я не даю повода ни къ зависти, ни къ ревности противъ меня, чего не убѣжали добивающіеся большаго кредита. Чуждъ будучи всякаго тщеславія, держусь въ службѣ, доколѣ не измѣняетъ благоволеніе и охотно сдамъ книги тому, кто захочетъ посягнуть на мое мѣсто».

Это даетъ намъ понять, что желавшіе занять мѣсто Завадовскаго были, и Завадовскій о томъ зналъ. Онъ видѣлъ также, на сколько Государь поддавался постороннему вліянію, чѣмъ свивалось гнѣздо для интригъ. Это могло убивать въ Завадовскомъ энергію. «Всуе трудиться», писалъ онъ, «отказываютъ и голова, и руки».

Не такъ думалъ въ это время графъ Семенъ Романовичъ, побывавъ на родинѣ. Будучи милостиво принятъ Государемъ и очарованъ ловкимъ Чарторыжскимъ, онъ былъ въ восторгѣ. Завадовскій умѣрялъ этотъ восторгъ и замѣчалъ ему: «Отъ пылкости чувствъ ты иногда принимаешь виды за вещи. Въ мой холодный духъ свои понятія впечатлѣваются; сіе, можетъ быть, и отъ того, что я долго присутствую на сценѣ, а ты воззрѣлъ на оную мелькомъ». Увлеченія Воронцова и прежде вызывали порицанія со стороны Завадовскаго. Еще въ 1777 году онъ писалъ ему: «Нужно тебѣ, при твоихъ достоинствахъ, свойство душъ прямо великихъ, чтобы иногда блоху не при-

[58]) Записки Н. С. Ильинскаго, Русск. Архивъ 1879 г. III, стр. 413, 414.

нимать за слона и не помрачать разсудокъ низшими обстоятельствами. Которыхъ ты знаешь людьми для тебя или для многихъ хорошими, всегда обманешься, буде утверждать станешь, что они во всемъ и для всѣхъ таковы». Онъ не отрицалъ въ Александрѣ порывовъ къ доброму, но не находилъ необходимой твердости и самодѣятельности. «Всего хочетъ лучшаго и, кажется, стремительно; но лишь къ исполненію, тутъ и препоны. Давно ли дано Сенату право представлять на указы, исходящіе вопреки существующихъ? Но въ первомъ разѣ, что́ употребилъ оное по голосу Потоцкаго, остался въ утратѣ сего важнаго преимущества; примѣръ ощутительный, который направляетъ мое воображеніе».

Завадовскій порицалъ неустойчивость и шаткость какъ во внѣшней политикѣ, такъ и во внутреннемъ управленіи государствомъ. Онъ желалъ закона и порядка твердаго, неизмѣняемаго, неколебламаго ничьимъ произволомъ. Разъ установленъ законъ, онъ составлять долженъ для народа святыню, потому что только при уваженіи къ этому закону со стороны власти можно чувствовать себя подъ его охраною. Только такимъ отношеніемъ власти къ закону обезпечиваются спокойное развитіе и преуспѣяніе народа. Потому-то такою болью отзывалось въ сердцѣ Завадовскаго всякое посягательство на законъ. И онъ одинъ оставался борцомъ за это начало. А между тѣмъ въ сердцѣ молодаго Монарха было столько доброты, въ его обхожденіи столько очаровательнаго, что Завадовскій не могъ не чувствовать къ нему благоговѣйной преданности. Онъ писалъ Воронцову: «Весьма истинно, что благость сердца неизрѣченная и добрая воля наравнѣ съ оною; но способны ли окружающіе духи обратить направленіе оныхъ въ дѣйствительную пользу? А къ вліяніямъ не заперта дверь! Можетъ быть, время и опытъ переработаютъ колеблемость на твердость; онъ столько милъ и до́рогъ для общаго блага, что отъ всей души желаю сего».

Вотъ гдѣ надо искать разгадки медленнаго хода въ трудахъ Завадовскаго. Онъ именно считалъ необходимымъ вести дѣло, откинувъ мысль о тщеславіи, такъ чтобъ оно закончено было его преемниками и въ пору возмужалости Императора, когда опытъ выработаетъ въ его характерѣ необходимую твердость. Онъ боялся, чтобъ трудъ его не былъ искаженъ людьми увлекающимися и въ своемъ увлеченіи и тщеславіи забывающими благо родины.

Прощаясь съ Ильинскимъ, секретаремъ Коммисіи, котораго любилъ онъ за скромность и трудолюбіе, и говоря о медленности своей работы, Завадовскій спросилъ его: служилъ ли онъ при дворѣ и, получивъ отрицательный отвѣтъ, замѣтилъ ему: «Слѣдственно не можете знать тамошнихъ дѣяній и всѣхъ оборотовъ; а я знаю дворъ весьма

хорошо. И такъ открываю вамъ мои соображенія: Государь нашъ еще молодъ и окруженъ постоянно молодыми и военными людьми, и ему некогда заниматься столь важными дѣлами, каково законодательство, которое едвали, какъ я замѣчаю, въ царствованіе его и кончиться можетъ» [59]).

Черезъ два года и 8 мѣсяцевъ отъ времени порученія Завадовскому составленія уложенія, онъ извѣщалъ Воронцова: «Составленіе законовъ перешло изъ моихъ въ руки Н. Н. Новосильцова, который весьма того желалъ; а я весьма доволенъ, освободясь отъ большихъ трудовъ не ко времени. Законъ на одинъ день—паутина. Кто больше знаетъ, тому и книги въ руки. По сей части я употребилъ довольно времени рыться въ своихъ и чужихъ составахъ; пріобрѣтенное тѣмъ остается во мнѣ собственностію». Комиссія вмѣстѣ съ тѣмъ перешла въ вѣдѣніе генералъ-прокурора [60]).

Мы видимъ однако, что по испытаніи другихъ на этомъ поприщѣ законодательная работа опять была вручена Завадовскому, уже семидесятидвухлѣтнему старцу, въ званіи предсѣдателя Департамента Законовъ Государственнаго Совѣта.

Державину, столь усердно добивавшемуся подчинить себѣ законодательную коммиссію, не удалось пожать лавры. Ни онъ, ни преемникъ его князь Лопухинъ ничего не сдѣлали. Наконецъ, черезъ семь лѣтъ, а именно въ 1810 году, Сперанскій, по соглашенію съ кн. Лопухинымъ (генералъ-прокуроромъ) представилъ Государю первую часть составленнаго имъ уложенія. Обрадованный Государь возвѣстилъ объ этомъ событіи своимъ подданнымъ особымъ манифестомъ, а трудъ Сперанскаго передалъ на разсмотрѣніе въ Государственный Совѣтъ. Оказалось, что уложеніе было составлено не по Русскимъ законамъ. Государственный Совѣтъ, не найдя въ уложеніи никакихъ ссылокъ на наши законы, потребовалъ отъ Сперанскаго необходимаго въ этомъ дополненія. Это порученіе трудно было исполнить Сперанскому, который, при сочиненіи уложенія, вовсе не справлялся съ Русскими законами. Озадаченный такимъ оборотомъ дѣла, Сперанскій обратился къ Ильинскому съ просьбою подобрать соотвѣтствующіе законы къ статьямъ его уложенія. Дѣлецъ Ильинскій, какъ ни бился, а все таки не могъ вполнѣ удовлетворить требованію. Члены Государственнаго Совѣта, разсматривая трудъ Сперанскаго, пришли къ заключенію, что въ немъ все почерпнуто изъ уложенія Наполеона и не только нашли его противнымъ духу Русскихъ законовъ, но даже съ погрѣшностями

---

[59]) Записки Н. С. Ильинскаго. Русск. Арх. 1879 г. III, стр. 420.

[60]) Тамъ-же.

граматическими; а Трощинскій высказался при этомъ, что уложеніе написано такъ, чтобъ, «возмутя море, утопить одну муху» [61]).

Такъ комически кончилось великое дѣло въ рукахъ этихъ людей. И только, по предреченію Завадовскаго, въ слѣдующее царствованіе (тѣмъ же зодчимъ, зданіе котораго такъ скоро распалось при Александрѣ) составленъ Сводъ Законовъ, и то съ такою массою противорѣчій, недомолвокъ, что, послѣ обнародованія, почти полвѣка идетъ законодательная работа надъ этимъ сводомъ.

По учрежденіи министерствъ Государь, замѣтивъ, что права и обязанности Сената не ясно опредѣлены, именнымъ указомъ повелѣлъ Сенату представить о томъ свое мнѣніе. Завадовскій, переживъ (какъ выразился онъ) «судороги Россіи» и испытавъ на себѣ всю силу произвола, весьма естественно возставалъ противъ того порядка, который могъ служить ему питаніемъ.

Вмѣстѣ съ графомъ А. Р. Воронцовымъ, онъ старался о присвоеніи Сенату нѣкоторыхъ верховныхъ правъ, какъ напримѣръ: располагать государственными доходами, наказывать смертію безъ конфирмаціи Государя и пр. Державинъ былъ противъ этого и составилъ особый проектъ. Благодушный Александръ проектъ Державина отвергъ, хотя не все, изложенное въ запискѣ Завадовскаго и Воронцова, было имъ принято. Но главный пунктъ, отстаиваемый Завадовскимъ: «дозволяется Сенату представлять Государю о такихъ указахъ, кои сопряжены съ большими неудобствами при исполненіи, либо несогласны съ другими законами или неясны», былъ оставленъ [62]). Здѣсь имѣлось въ виду ограничить произволъ министровъ, кои, испрашивая высочайшія повелѣнія, объявляли ихъ помимо Сената, нисколько не собразуясь съ существующими законами. Каждый министръ смотрѣлъ на свое министерство какъ на отдѣльное царство. Отъ этого происходила большая путаница, и самая монархическая власть теряла свое обаяніе.

Такой подвигъ Завадовскаго тѣмъ еще выше, что онъ самъ былъ министромъ.

Однако Завадовскій не обезпечилъ за Сенатомъ утвержденныхъ Государемъ привиллегій, благодаря вмѣшательству Державина. 11 Апрѣля 1801 года Завадовскій писалъ Воронцову о первомъ случаѣ нарушенія правъ Сената. Состоялся указъ, помимо Сената, объ обязательной службѣ дворянъ унтеръ-офицерскаго чина въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ. Сенаторъ Потоцкій заявилъ, что этимъ указомъ нарушаются права дворянства. Большинство сенаторовъ согласилось съ

---

[61]) Записки Н. С. Ильинскаго. Русскій Архивъ 1879 г. III, 439.

[62]) Богдановичъ, Исторія царствованія Александра 1-го т. I., стр. 92, 93.

нимъ, и рѣшили представить Государю объ отмѣнѣ указа. Генералъ-прокуроръ (Державинъ) внесъ свое по сему дѣлу «нелѣпое предложеніе, въ которомъ столько ругается, какъ и пугаетъ Сенатъ за дерзновеніе, якобы онъ выходитъ изъ границы повиновенія указамъ. Такова бумага и вяще побудила Сенатъ изложить передъ Государемъ и свое право, и чувствуемую обиду» [63]). С. Р. Воронцовъ прислалъ послѣ того рѣзкую и полную укоризны записку Кочубею.

Съ учрежденіемъ министерствъ въ 1802 году Завадовскій назначенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія.

Дѣятельность Завадовскаго по этой отрасли еще при Екатеринѣ была памятна. По этому-то въ 1801 году, когда составленъ былъ комитетъ по проекту цесаревича Константина Павловича о военно-учебныхъ заведеніяхъ и подъ его предсѣдательствомъ, Завадовскій былъ назначенъ членомъ онаго [64]). Поэтому-то не нашлось у него соперника и для занятія мѣста въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, хотя этому назначенію противился сильный своимъ вліяніемъ Лагарпъ [65]).

«Въ то время, когда въ тайнѣ царскаго кабинета придумывались преобразованія, большею частію мертворожденныя, въ новоучрежденномъ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія кипѣла работа. Во главѣ министерства этого стоялъ бывшій любимецъ Екатерины. Но то не былъ одинъ изъ тѣхъ временщиковъ, которымъ, послѣ недолгаго значенія, давались отставки съ Александровскою звѣздою и Бѣлорусскими душами. Графъ Петръ Васильевичъ Завадовскій имѣлъ государственное значеніе до своего придворнаго случая; значеніе это онъ удержалъ за собою и по выходѣ изъ фаворитскихъ покоевъ зимняго дворца. Онъ принадлежалъ къ сонму тѣхъ талантливыхъ людей, которыхъ орлиный взглядъ Екатерины умѣлъ отыскивать въ толпѣ, которыхъ великая Царица цѣнила и направляла именно на то дѣло, къ которому каждый былъ пригоденъ. Образованный, умный, дѣятельный Завадовскій принялъ участіе во всѣхъ важныхъ реформахъ второй половины царствованія Екатерины. Имъ составлено было знаменитое учрежденіе о губерніяхъ, уставы заемнаго и ассигнаціоннаго банковъ и пр., онъ же съ 1782 года поставленъ былъ во главѣ народнаго образованія».

Завадовскій какъ бы попалъ въ свою сферу. Восьмилѣтняя служба его министромъ народнаго просвѣщенія была столь плодотвор-

---

[63]) Русскій Архивъ 1881 г. кн. 2, стр. 155—163.

[64]) Русская Старина 1877 г. кн. 3.

[65]) Семейство Разумовскихъ Васильчикова, т. 2, стр. 63.

на, что, по свидѣтельству историка [66]), въ эти восемь лѣтъ для народнаго образованія было сдѣлано болѣе, чѣмъ въ цѣлое предшествовавшее столѣтіе. Въ продолженіи одного года въ Петербургѣ было открыто 20 приходскихъ училищъ, въ 1804 году по вѣдомству народнаго просвѣщенія было уже 494 учебныхъ заведеній съ 33 484 учащимися, а въ 1805 году 688 учебныхъ заведеній. При немъ учреждены учебные округи, явились народныя школы, въ уѣздахъ уѣздныя училища, гимназіи въ губернскихъ городахъ, открыты университеты въ Харьковѣ и Казани, Педагогическій Институтъ для образованія преподавателей, собственно по его мысли; нѣсколько лицеевъ. Онъ далъ новый уставъ университетамъ, Академіи Наукъ, духовнымъ академіямъ и училищамъ и предоставилъ для всѣхъ даровое образованіе. Десяти и одиннадцатилѣтніе камеръ-юнкеры, сыновья Завадовскаго, ходили въ гимназію. На Завадовскаго роптала по этому поводу знать, упрекая его за то, что сыновья его сидятъ на скамьяхъ вмѣстѣ съ сыновьями сапожниковъ и кучеровъ. Но Завадовскій стоялъ выше этихъ предразсудковъ, считая, что образованіе должно сокращать разстояніе между людьми. Ему хотѣлось вмѣстѣ съ тѣмъ поднять въ глазахъ публики эти заведенія, къ которымъ она, какъ ко всякой новизнѣ, относилась недовѣрчиво. Имъ составленъ въ 1804 г. цензурный уставъ, который послѣ 1812 года былъ измѣненъ въ ущербъ свободѣ слова [67]). Князь Ѳ. Н. Голицынъ въ своихъ Запискахъ упрекалъ Завадовскаго за его преобразованіе учебной части. «Графъ Завадовскій», писалъ онъ, «уже издавна приготовлялся преобразовать его (воспитаніе), а сдѣлавшись министромъ народнаго просвѣщенія исполнилъ свое намѣреніе [68]). Еще состоя въ должности главнаго директора училищъ, при Екатеринѣ, Завадовскій представилъ проектъ объ учрежденіи для всѣхъ сословій въ уѣздныхъ городахъ двухклассныхъ народныхъ училищъ, а въ губернскихъ высшихъ четырехклассныхъ училищъ (съ преподаваніемъ въ сихъ послѣднихъ и изящныхъ искусствъ), и четырехъ университетовъ. Такое свидѣтельство современника и прежняя дѣятельность Завадовскаго служатъ лучшимъ опроверженіемъ словъ Греча, будто еслибъ не придано было Завадовскому въ помощь Главное Правленіе Училищъ (въ которомъ засѣдали товарищъ министра и попечитель Московскаго округа М. Н. Муравьевъ, попечители округовъ: С.-Петербургскаго Н. Н. Новосильцовъ, Виленскаго кн. Чарторыжскій и Дерптскаго гр. Строгоновъ), то онъ не

---

[66]) Богдановичъ. Исторія царствованія Александра I, ч. 1, стр. 140—159.
[67]) Русскій Архивъ 1874 года, кн. 4, стр. 1326.
[68]) Рѣчь на публичномъ актѣ Виленскаго университета 1817.

успѣлъ бы ничего сдѣлать. Муравьевъ былъ человѣкъ слабый, не имѣвшій вліянія на дѣла [69]). Чарторыжскій, человѣкъ чуждый интересамъ Россіи, совершенно расходился съ Завадовскимъ по политическимъ своимъ видамъ: онъ хлопоталъ единственно объ окончательной полонизаціи Западнаго края. Къ огорченію Завадовскаго, Чарторыжскій, имѣя большое вліяніе на Императора, успѣвалъ въ своихъ планахъ. Такъ извѣстно, что Завадовскій настаивалъ на учрежденіи университета въ Кіевѣ. Съ этою цѣлію онъ ѣздилъ въ Кіевъ въ 1805 году; но по настоянію Чарторыжскаго, это было отклонено. Завадовскій имѣлъ въ виду уберечь отъ полонизаціи Кіевскій край, что̀ составляло задачу и государственную работу при Екатеринѣ; въ Кіевѣ гражданское право должно было читаться по законамъ Русскимъ, а церковное на основаніи правилъ восточной церкви. Съ подчиненіемъ же Кіева Виленскому округу полонизація его удобно достигалась [70]). Извѣстно нынѣ, что Колонтай писалъ въ то время Снядецкому, по поводу настоящаго вопроса: «Князь Чарторыжскій не желаетъ открытія университета въ Кіевѣ, гдѣ можно предвидѣть неминуемый упадокъ нашей рѣчи. Не желаетъ онъ открытія и новаго округа (Кіевскаго) также потому, чтобы не нарушить того обобщенія края, которое выражается въ настоящее время въ единствѣ образованія» [71]). Если припомнимъ записку, поданную Императору сенаторомъ гр. Огинскимъ, объ объединеніи Вильны съ Кіевомъ въ образѣ великаго герцогства Литовскаго, подъ управленіемъ одного намѣстника, съ предоставленіемъ образовать отдѣльное Литовское войско и объявить господствующимъ языкомъ языкъ Польскій—то для насъ ясна связь этого документа съ планами Чарторыжскаго. Горькій урокъ открылъ намъ глаза, и мысль Завадовскаго приведена въ исполненіе черезъ три десятка лѣтъ. Новосильцовъ и Строгоновъ были люди увлекающіеся, безъ опредѣленныхъ плановъ и системы въ своихъ проектахъ, которые назывались «мертворожденными»; это были люди малопривычные къ труду, не знавшіе Россіи, съ презрѣніемъ относившіеся къ дѣятельности Завадовскаго, что̀ самое говоритъ въ пользу того, что учебная реформа есть его созданіе. Единственнымъ помощникомъ его былъ секретарь его Мартыновъ (почтенный и трудолюбивый переводчикъ классиковъ).

---

[69]) Богдановичъ. Исторія царствованія Александра 1-го, ч. 1, стр. 86.

[70]) Исторія Виленскаго учебнаго округа Бархатцева, Русскій Архивъ 1874 г. стр. 1154, 1155.

[71]) Пыпинъ. Общественное движеніе при Александрѣ I, стр. 117. Семейство Разумовскихъ Васильчикова, т. 2., стр. 63.

И такъ вотъ какую борьбу долженъ былъ выносить Завадовскій въ Главномъ Управленіи, благодаря сильному вліянію Чарторыжскаго на Государя. Къ тому же взглядъ Завадовскаго на воспитаніе, опередившій предразсудки нашей тогдашней аристократіи, вызывалъ немало порицаній. Противъ нихъ Завадовскій стоялъ одинъ: даже такіе просвѣщенные люди, какими были друзья его Воронцовы, и тѣ заставляли его спорить съ ними и защищаться отъ ихъ замѣчаній и нападокъ. Графъ Семенъ Романовичъ порицалъ излишнія денежныя затраты. Завадовскій отвѣчалъ ему: «Напрасно ты загребаешь въ кучу безплодныхъ расходовъ и чинимыя издержки для просвѣщенія народнаго. Онѣ не такъ важны въ сравненіи общей пользы. Покупку домовъ для университета разсказы вдвое увеличили. Приращеніе библіотеки, натуральныхъ кабинетовъ и образованіе самаго университета, ветхаго ученіемъ, дѣлали необходимость распространить вмѣстилище, и покупка произведена не прибавкою суммъ, но изъ опредѣленныхъ на сію часть, въ которой можемъ только сѣять и пещись, а время приноситъ плоды. Злословіе всегда устремляется и на самые полезнѣйшіе подвиги. Не спорю, что мало учениковъ; но потому что еще малъ у насъ вкусъ къ наукамъ. Вводимыя училища постепенно подымутъ его; когда хочешь ободрить и возжечь охоту, обыкновенно вещи позлащаемъ».

Одному профессору Московскаго университета пожалованъ былъ перстень за чтеніе публичныхъ лекцій, и это возбудило зависть и порицанія. Графъ Семенъ Романовичъ упрекалъ по этому поводу Завадовскаго за излишнюю щедрость. Цѣнность подарка молвою увеличена до чрезвычайности. Завадовскій, объясняя Воронцову, что онъ не податливъ къ расточенію, указалъ ему, что профессоръ, читая лекціи не для студентовъ, а для публики, несетъ трудъ свыше своихъ обязанностей, а потому заслуживаетъ награду, что публичными лекціями увеличивается въ публикѣ жажда къ просвѣщенію, а подарокъ поощряетъ трудъ, безъ чего «нашъ край не можетъ быть приманчивъ для ученыхъ».

Завадовскій клалъ сѣмена просвѣщенія, утѣшаясь плодами, которые предвидѣлъ въ будущемъ. Словомъ, работалъ онъ не для полученія наградъ и отличій, не въ расчетѣ удовлетворить собственное самолюбіе; онъ работалъ для будущаго, не имѣя утѣшенія ни узрѣть плодовъ труда своего (ему было 70 лѣтъ), ни представить ихъ въ свое оправданіе порицавшей его публикѣ. Работалъ онъ для будущей Россіи, которая, воспользовавшись плодами его сѣянія, можетъ не узнать и сѣятеля, и тѣхъ трудовъ и скорбей, которые вложилъ онъ въ ся почву. А скорбей приносило ему немало не только отсутствіе

поддержки въ его трудахъ, но противодѣйствіе несочувствовавшей публики, которая призвала себѣ въ союзницы дворскую интригу.

Завадовскій отлично высказался въ письмѣ къ Александру Воронцову, по поводу нападокъ сего послѣдняго на учебную его реформу: «Замѣчанія твои на учебную часть нимало меня не оскорбляютъ. Ты смотришь, такъ сказать, на зародышъ въ настоящемъ его быту, а мою мысль занимаетъ будущій его возрастъ. Обыкновенно всѣхъ вещей великихъ начатки скудны и малы. Не суди о безплодіи училищъ потому, что теперь не обилуютъ учащимися. Еще вкусъ къ наукамъ не возродился въ народѣ, а чѣмъ же его поселить, какъ не заведеніемъ общихъ училищъ? Не таковыми ли средствами и всѣ другія государства стяжали просвѣщеніе? Какъ можно хотѣть того, чтобы заря равнялась свѣтомъ солнечному полдню? Эта часть такова: надобно сѣять, трудиться съ терпѣніемъ; а одно время приноситъ плоды. Гимназіи и университеты будутъ имѣть своихъ питомцевъ, посвящающихъ себя должностямъ учителей. Безъ сего предназначенія было бы тягостно казнѣ содержаніе другихъ учениковъ. Неужели ты думаешь, что мы не ставимъ нужными строенія, библіотеки, кабинеты и прочія пособія, потребныя для каждой каѳедры? Всѣ сіи снадобья мало-по-малу и соразмѣрно способамъ приготовляемъ; но вдругъ снабдить тѣмъ училища превзошло бы мѣру возможности. Виленскій университетъ шагаетъ на степень славнѣйшихъ въ Европѣ. Въ свою очередь и Россійскіе подымутся. Науки тоже, что сады: гдѣ болѣе призора, гдѣ больше иждивенія кладутъ, тамъ и лучшіе плоды собираютъ. По этому предмету не бросимъ въ землю безплодную важныхъ капиталовъ. Ничто, мой другъ, не уходитъ отъ критики. Но сколько вещей знаменитыхъ усовершилось, не взирая на запинаніе отъ оной! Пригвоздимъ къ сей надеждѣ наше разномысліе».

Собственноручныя письма Завадовскаго къ одному только изъ попечителей округовъ, Разумовскому, свидѣтельствуютъ, какъ много личнаго труда вносилъ Завадовскій въ это дѣло, съ какою заботою онъ за нимъ слѣдилъ. Жалуясь на тѣсноту зданій Московскаго университета, онъ просилъ Государя объ уступкѣ для него Екатерининскаго дворца [72]). Государь возложилъ это дѣло на военнаго министра, а тотъ отложилъ до поѣздки своей въ Москву. Завадовскій сильно убѣждалъ его подвинуться на эту жертву, писалъ неоднократно о ходѣ дѣла Разумовскому, просилъ его въ проѣздъ Аракчеева представить ему о необходимости расширить помѣщеніе университета и убѣдить его

---

[72]) Занимаемаго нынѣ первымъ и вторымъ кадетскими корпусами.

согласиться на уступку. Тѣснота университетскаго зданія въ Москвѣ особенно озабочивала Завадовскаго. «Ловлю министра по цѣлымъ недѣлямъ, чтобы ему напомнить объ его обѣщаніи», писалъ онъ Разумовскому; а воспользовавшись хорошимъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на Императора при посѣщеніи имъ Московскаго университета, снова просилъ Государя объ уступкѣ Екатерининскаго дворца и, заручившись личнымъ сочувствіемъ Государя, спѣшилъ извѣстить о томъ Разумовскаго. (Однако Аракчеевъ этого дара не допустилъ). Хлопоталъ онъ о подаренномъ Олениною домѣ для университета, на принятіе котораго, должно полагать, по проискамъ сына ея, не послѣдовало соизволенія; хлопоталъ объ уступкѣ городомъ (Москвою) зданія для гимназіи.

Огорчали Завадовскаго свѣдѣнія о неудовлетворительномъ отправленіи обязанностей блюстителями воспитанія. Семидесятилѣтній старецъ, «кроткій и добродушный», Завадовскій дѣлался строгимъ и неумолимымъ. По поводу, напримѣръ, дошедшаго до него свѣдѣнія о пьянствѣ директора Ярославской гимназіи, назначеннаго по указанію Московскаго попечителя, о невниманіи его къ службѣ, на которую онъ не являлся по цѣлымъ мѣсяцамъ (отчего половина воспитанниковъ разошлась), Завадовскій предложилъ отправить немедленно благонадежнѣйшаго ревизора, поручивъ ему возстановить порядокъ въ преподаваніи и донести о директорѣ всю истину. «Директоромъ держатся весь порядокъ и довѣріе публики», писалъ Завадовскій, «то какъ терпѣть пьяницу и нерадиваго въ семъ званіи?» При этомъ Завадовскій писалъ о необходимой строгости и въ выборѣ ревизора, ставя на видъ, какъ печальный примѣръ, посылку университетомъ въ Калугу пьяницу-ревизора. «Сей и ему подобные соблазны распространяютъ безславіе на начальствующихъ въ самомъ университетѣ». «Не терпите нигдѣ лѣнивцевъ, а найпаче пьяницъ; какъ ни велики были бы таланты, но сего порока не покроютъ и не замѣнятъ» [73]). Такую же заботу простиралъ Завадовскій и на другіе округи.

По смерти Муравьева въ 1807 году, Завадовскій, съ соизволенія Государя, предлагалъ мѣсто попечителя Московскаго университета тогдашнему Московскому сенатору и уже славному писателю И. И. Дмитріеву [74]), и за его отказомъ графу Алексѣю Кириловичу Разумовскому, который отъ этой должности тоже отказывался, но, наконецъ, по убѣжденіямъ Завадовскаго, принялъ ее. «Угрюмый и гордый, раздражительный и желчный», рѣдко покидавшій кабинетъ свой, Разумовскій «умѣлъ при случаѣ однако блеснуть въ обществѣ». Такимъ онъ предсталъ пе-

---

[73]) Семейство Разумовскихъ А. А. Васильчикова. т. 2, стр. 230, 234, 235.
[74]) Взглядъ на мою жизнь, Записки И. И. Дмитріева, стр. 155.

редъ Императоромъ во время высочайшаго посѣщенія Московскаго университета и произвелъ на него особенно хорошее впечатлѣніе, что Государь, при личномъ свиданіи съ Завадовскимъ, и выразилъ ему. Завадовскій поспѣшилъ о милостивомъ отзывѣ Государя извѣстить своего попечителя [75]). По расположенію къ Разумовскому и по родству съ нимъ старикъ-министръ надѣлялъ его совѣтами и умѣрялъ его раздражительность. О дѣлахъ онъ писалъ ему въ формѣ частныхъ писемъ, собственноручно, а распоряженія передавалъ въ такой мягкой формѣ, что самъ Разумовскій выражался, что Завадовскій съ нимъ обходился «какъ съ капризною любовницею».

Завадовскій не ограничивался отправленіемъ своей непосредственной должности. На него одновременно возлагалось управленіе Министерствомъ Юстиціи. Онъ ко всякому дѣлу вообще относился горячо, принималъ его близко. Такъ, напримѣръ, когда въ комитетѣ министровъ разсматривался новый проектъ сенатскаго дѣлопроизводства, представленный Державнымъ (но неодобренный), Завадовскій замѣтилъ: «государство такъ обширно, что необходимо бы помѣстить департаменты Сената въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, опредѣливъ имъ подсудные округи». Государь отозвался: «я готовъ это сдѣлать» [76]). Мысль Завадовскаго осуществилась черезъ шесть десятковъ лѣтъ въ образѣ высшей судебной инстанціи — судебныхъ палатахъ. Такъ трудно провести полезную мысль, подсказанную опытомъ и попечительностію о благѣ и пользѣ общей. Краснобаи болѣе успѣвали въ своихъ проэктахъ, щеголявшихъ новизною, хотя бы они вовсе были неприкладны для Россіи. Князь Чарторыжскій, графъ Строгановъ и Новосильцовъ Россію мало знали. Получивъ Французское образованіе и проведя молодые годы за границею и преимущественно въ Лондонѣ, они порицали все родное. Стоило указать на какой нибудь неудобство, чтобы готово было немедленно нововведеніе. «Удостовѣрившись въ этомъ, я сталъ нѣмъ», писалъ Завадовскій, «и удаляюсь отъ всякаго причастія къ новотворцамъ». Проекты верховнаго совѣта,сочиняемые втайнѣ,отличались отсутствіемъ системы, обдуманности и полнымъ незнаніемъ Россіи. Даже примкнушій къ комитету Кочубей находилъ неудобство въ молодости и неопытности его членовъ, которые, обманываясь сами, могли ввести въ заблужденіе Государя [77]). «Пружины правленія въ дѣятельности, свойственной вѣку», писалъ Завадовскій, а вѣкъ, по словамъ его «обилованъ дѣлами, сокрытыми отъ человѣческой разсудительности и предвидѣнія».

---

[75]) Семейство Разумовскихъ А. А. Васильчикову, т. 2, стр. 53.
[76]) Семейство Разумовскихъ А. А. Васильчикова, т. 2, стр. 321.
[77]) Богдановичъ Исторія царствованія Александра I, т. 1, стр. 133.

«Во весь составъ вливаемъ дрожжи: какъ учнетъ бродить, по краткости нашего вѣка, мы всего не увидимъ. Легкое дѣло начинить систему новостями; весьма трудно основать прочно, къ чему потребно долгое и внимательное размышленіе» Мнѣнія людей опытныхъ не принимались. На немногихъ оставшихся сподвижниковъ Екатерины верховники смотрѣли съ презрѣніемъ и недовѣріемъ, которое отчасти раздѣлялъ и либеральный Императоръ. Такъ, по учрежденіи законодательной коммиссіи, онъ не назначалъ ея предсѣдателемъ графа Александра Воронцова изъ опасенія, что тотъ слишкомъ пристрастенъ къ старымъ предразсудкамъ. Завадовскій расположилъ Государя оставить предсѣдательство за собою, такъ какъ начертаніе основныхъ законовъ принадлежало исключительно самому Государю. Александръ Павловичъ, при всей своей мягкости и добротѣ, былъ не чуждъ тщеславія и желалъ, чтобъ всякая законодательная мѣра исходила отъ него. Потому-то работалъ онъ съ молодыми своими верховниками втайнѣ. Они составляли планы преобразованія Россіи. Старые служаки съ опасеніемъ смотрѣли на эту работу «неопытныхъ иностранцевъ», какъ называли членовъ комитета. «Бездарность и нахальство, опасное даже при великихъ талантахъ» писалъ князь А. И. Вяземскій гр. А. Р. Воронцову, «является здѣсь порокомъ, облеченнымъ въ оскорбительный комизмъ» [78]). «Питтъ и Бонапартъ», писалъ Завадовскій тому же Воронцову, «влили порывъ господствовать молодости, не уподобляющейся необыкновеннымъ ихъ дарованіямъ». «Вникая въ ходъ вещей отъ настоящаго къ будущему, признаюсь тебѣ, когда я на то подаюсь, уныніе душу объемлетъ. На широкомъ театрѣ играетъ легкомысліе. Давидъ укорялъ Бога: по что путь нечестивыхъ спѣется?» Не здѣсь ли искать разгадки — почему Завадовскій, далекій отъ тщеславія и мечтавшій о деревенской жизни какъ о высшемъ благѣ, оставался въ Петербургѣ, пополняя собою тотъ малый запасъ людей опытныхъ, которыхъ слово и совѣтъ могли въ критическую минуту оказать спасительное дѣйствіе? Оба: и Завадовскій, стоявшій близко къ государственному кормилу, и Вяземскій, державшій себя вдали отъ него, жаловались на недостатокъ людей. «Полнѣйшее отсутствіе людей способныхъ: вотъ характеристическая черта нашего времени», писалъ Вяземскій [79]). «Куда дѣлись люди въ столь короткое время?» спрашивалъ Завадовскій [80]). Извѣщая Воронцова о предположеніи вручить армію, назначаемую противъ Швеціи, Михель-

78) Архивъ Кн. Воронцова. т. XIV стр. 392, 393.

79) Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ ч. 2 стр. 59.

80) Архивъ Кн. Воронцова т. XII, стр. 301

сону, Завадовскій замѣтилъ: «Подумай, давно ли мы знали рядъ людей, въ которомъ онъ былъ невидимъ.» Много мѣстъ губернаторскихъ оставались праздными, за неимѣніемъ кого назначить. Завадовскій выводилъ изъ того, что или нѣтъ людей достойныхъ, или сіи послѣдніе уклоняются. «Если уклоняются, то конечно, сіе званіе въ настоящее время сдѣлалось неудобоносимымъ; слѣдственно не притащишь къ оному человѣка съ хорошими чувствами, а наипаче, когда постъ скользкой, что является всегдашнимъ спутникомъ неопредѣленной и шаткой внутренней политики.

Завадовскій жаловался, что бывать въ Комитетѣ Министровъ ему «и жалко, и тошно». Приходилось слушать разглагольствованія графа Н. П. Румянцова и вѣчный споръ, безъ всякаго успѣха для дѣла. Завадовскій былъ противъ предложеннаго Румянцовымъ «разума тарифа». «Заглавіемъ не трудно подражать великому Монтескью», замѣтилъ онъ. Румянцовъ разсчитывалъ сбавкою тарифа уничтожить контрабанду. Сбавка полагалась на нѣсколько милліоновъ, когда дефицитъ въ нашемъ государственномъ бюджетѣ достигалъ до 15 милл. рублей. Тутъ была вѣрна убыль казнѣ, по мнѣнію Завадовскаго, а вознагражденіе сомнительно, ибо «мораль нескоро побѣждаетъ алчбу корысти». Завадовскій былъ противъ пошлинъ за земли, розданныя въ давнія времена Вотчинною Коллегіею (о чемъ вопросъ былъ возбужденъ еще въ царствованіе Павла), указывая, что это противорѣчитъ положительному закону о давности, отвергающему всякій фискъ для общаго спокойствія, и столь многимъ манифестамъ, торжественно запрещающимъ всякаго рода казенныя взысканія свыше теченія десяти лѣтъ. Противъ замѣчаній Завадовскаго возражали только тѣмъ, что земли эти достались даромъ. Очевидно, возраженіе было построено далеко не на законной почвѣ. «Охота заводитъ новыя дѣла вмѣняется въ дѣятельность», писалъ по этому поводу Завадовскій Воронцову, «а и для старыхъ потребенъ вѣкъ, чтобы ихъ очистить».

Возставалъ Завадовскій противъ склонности правительства къ войнѣ съ Франціею и на мнѣніе Чарторыжскаго, имѣвшаго въ томъ свои расчеты, что война не должна останавливать внутреннія дѣла въ ихъ теченіи, что̀ можетъ быть достигнуто помощію субсидій, Завадовскій замѣтилъ: «Я три войны видѣлъ близко; въ началѣ оныхъ предполагаемо было тоже, но въ теченіи принуждены были прикасаться способамъ, предполагаемымъ неприкосновенными, и сіе бываетъ потому, что теорія на военные обороты съ практикою различествуетъ».

Завадовскій, какъ мы видѣли, не былъ пристрастнымъ приверженцемъ старины. Онъ радовался обновленію, гдѣ видѣлъ дѣйствительную пользу, обдуманное и разработанное предложеніе. Свидѣтель-

ствомъ служатъ одобрительной отзывъ о преобразованіи государственнаго управленія, остающагося безъ измѣненія до нынѣ, а также мысль его раздробить высшую судебную инстанцію—Сенатъ. Но онъ ратовалъ за уничтоженіе дефицита въ государственномъ бюджетѣ путемъ сбереженій; былъ противъ увеличенія налоговъ, былъ противъ жертвъ Россіи на защиту Германіи, подъ предлогомъ опасности для себя. Если былъ онъ щедръ, то развѣ въ расходахъ на народное образованіе, чтó, при соприкосновеніи нашего отечества съ Европою, было настоятельно и неотложно необходимымъ. Онъ желалъ мира для преуспѣянія своей родины и развитія ея матеріальныхъ силъ. Онъ желалъ, напримѣръ, сократить праздники, т.-е. соединить ихъ съ первыми воскресными днями (чтò относительно табельныхъ только дней установлено уже при императорѣ Александрѣ II-мъ), чтобъ усилить производительность края, которому, при общеніи съ дѣятельною и промышленною Европою, приходилось испытывать экономическое порабощеніе. Но Завадовскій не могъ не осуждать увлеченій и горячности, съ какою принимались за ломку стараго, разрывая съ нимъ всякую связь. Это вскорѣ по достоинству оцѣнилъ и самъ Императоръ, потерявъ вѣру въ государственную мудрость своихъ сподвижниковъ. А всего тяжелѣе было Завадовскому видѣть, когда незнаніе Россіи и не прямое желаніе ей пользы, а личное тщеславіе, расчеты поддѣлаться и имѣть вліяніе на Императора, руководили нашими верхохватами въ сочиненіи проектовъ. Такъ смотрѣлъ онъ на проектъ графа Сергѣя Петровича Румянцова о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Проектъ этотъ, сшитый на живую нитку по Европейскому образцу, имѣлъ въ виду освобожденіе крестьянъ безъ надѣла землею (чтó составляетъ величайшую мудрость реформы императора Александра II-го). Сѣтовалъ онъ на графа Н. П. Румянцова, который успѣвалъ въ Комитетѣ Министровъ отстаивать свои проекты, благодаря способности утомлять всѣхъ своею рѣчью.

И вотъ, подъ давленіемъ сознанія, что единичный голосъ его не имѣетъ силы, что онъ лишній въ кругу новыхъ людей («плугъ худо пашетъ въ запряжкѣ стараго быка съ юнымъ»), Завадовскій, извѣщая Семена Романовича объ отставкѣ брата его Александра, присовокупилъ: «Кто жилъ довольно и наглядѣлся на волны житейскаго моря, тотъ не пріобщится заблужденіямъ и отойдетъ, чтобы издали смотрѣть, опираясь на свой посохъ». Любимый и чтимый Завадовскимъ, графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ въ Январѣ 1804 г. удалился отъ дѣлъ. «По свычкѣ долговременной», писалъ Завадовскій его брату, «по дружбѣ усердной, я находилъ въ немъ одномъ сущую отраду для своей души». Смерть Александра Романовича въ концѣ 1805 года лишила Завадовскаго,

какъ выразился онъ, «искреннѣйшаго друга и непоколебимаго въ тридцатилѣтней привязанности. Теперь моя участь, какъ пня изсохшаго, заслоняемаго лѣсомъ, выросшимъ вскорѣ. Нѣтъ тяготы въ томъ, поелику очередь призываетъ къ праху, въ который претворились, исключая тебя, всѣ мои любимые союзники». Завадовскій называлъ Александра Воронцова своимъ наставникомъ. «Кланяюсь благому и любезному моему наставнику, графу А. Р.», писалъ онъ еще въ 1777 году. Имѣя страсть къ просвѣщенію и находя въ образованіи своемъ пробѣлы, онъ привязался къ Александру Воронцову, просвѣщеннѣйшему человѣку того времени, заимствуя отъ него и знанія, и ревность къ собственному обогащенію ими.

Въ 1809 году дряхлый физически, хотя еще бодрый умомъ, Завадовскій сталъ думать объ отставкѣ. Онъ часто хворалъ, какъ видно изъ писемъ его къ Разумовскому; силы покидали его. Лѣтомъ 1809 года писалъ онъ Разумовскому о непремѣнномъ намѣреніи удалиться, при чемъ добавилъ: «Но мой примѣръ не для васъ. Вы, въ самыхъ сущихъ лѣтахъ, носите званіе почтенное въ томъ городѣ, гдѣ основали пребываніе. Я же старъ и люблю деревню; никакихъ выгодъ не приспособилъ для себя въ столицѣ» [81]).

Неудовольствіе, которое питала публика къ учебной реформѣ Завадовскаго, вызывало у многихъ желаніе видѣть на его мѣстѣ другаго. Но кого другаго? Выборъ былъ не богатый, и Императоръ колебался въ назначеніи преемника Завадовскому. Онъ думалъ о Карамзинѣ, но чинъ Карамзина мѣшалъ этому назначенію.

Накануне новаго 1810 года Завадовскій получилъ увольненіе отъ должности министра съ назначеніемъ въ предсѣдатели Департамента Законовъ вновь образованнаго Государственнаго Совѣта. Сперанскій, имѣвшій въ ту пору большое вліяніе на Государя, указалъ на Разумовскаго. Государь, которому памятно было посѣщеніе Московскаго университета, охотно на это согласился, и 11 Апрѣля 1810 года Разумовскій былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія. «Сперанскому надобно было не Завадовскаго, а того, кто бы ему не мѣшалъ», писалъ М. Н. Лонгиновъ графу С. Р. Воронцову» [82]).

Графъ А. К. Разумовскій, сдѣлавшись министромъ народнаго просвѣщенія, заплатилъ Завадовскому рѣзкимъ порицаніемъ его дѣятельности; а между тѣмъ весь порядокъ и система, установленные Завадовскимъ, оставались безъ измѣненій во все время управленія Разу-

---

[81]) Семейство Разумовскихъ, т. 2-й, стр. 251.

[82]) Русскій Архивъ 1882 г., кн. 4, стр. 179.

мовскаго. Исключеніемъ было развѣ одно печальное явленіе,—это закрытіе Главнаго Правленія Училищъ, живаго органа въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія. Порицанія Разумовскаго построены были на отзывѣ Сардинскаго посланника Жозефа Местра, по мнѣнію котораго затраты на народное образованіе въ Россіи были лишни и непроизводительны. Местръ твердилъ, что для Царя нужны люди двоякаго рода: храбрые и честные; все остальное не нужно и придетъ само собою и т. п. Мнѣніе лукаваго Итальянца на столько было сильно въ глазахъ Разумовскаго, что онъ рѣшился представить его на благоусмотрѣніе Государя. Къ удивленію, Государь принялъ его благосклонно и выразилъ довѣріе къ преданности графа Местра [83]). Такимъ образомъ ослаблена плодотворная дѣятельность дальновиднаго государственнаго человѣка порицаніями Сардинскаго посланника, питомца и покровителя іезуитовъ. Вотъ терновый вѣнецъ, которымъ увѣнчанъ былъ Завадовскій.

Разбирая труды Завадовскаго по управленію Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, послѣ уже его смерти, одинъ изъ профессоровъ Виленскаго университета высказалъ между прочимъ слѣдующее: «Всѣ эти установленія проникнуты цѣлію нравственнаго возвышенія человѣка, связаны одними правилами, раздѣляющимися подобно отросткамъ и сходящимися какъ къ одному корню, къ власти министерской, дающей всей этой машинѣ движеніе, поддерживающей ея жизнь, ростъ и зрѣлость; а все это подъ высшею властію и попеченіемъ Монарха». «И этимъ прекраснымъ учрежденіемъ заявило себѣ благодѣтельное для науки царствованіе Государя, а восьмилѣтнимъ управленіемъ Завадовскаго, для пользы общества, возвышено это дѣло» [84]).

Это была единственная изъ возлагавшихся на Завадовскаго должностей, отвѣчавшая его склонности. «Изъ всѣхъ служебныхъ обязанностей ни одна не была такъ близка душѣ Завадовскаго, какъ управленіе Коммиссіею Училищъ и Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Памятникомъ заслугъ Завадовскаго въ дѣлѣ народнаго образованія служитъ послѣдовательный рядъ зрѣло обдуманныхъ и благотворныхъ для народной жизни дѣйствій училищной коммиссіи и Главнаго Правленія Училищъ. Время управленія Завадовскаго останется навсегда блестящею эпохою въ исторіи народнаго просвѣщенія въ Россіи». Такъ говоритъ академикъ Сухомлиновъ [85]).

---

[83]) Семейство Разумовскихъ А. А. Васильчикова, т. 2, стр. 72, 251, 255.

[84]) Рѣчь на публичномъ актѣ въ Виленскомъ университетѣ 1817 года.

[85]) Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I-го. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1865 г. Октябрь.

Годы и упадокъ силъ заставляли Завадовскаго думать о покоѣ, о прекрасныхъ Ляличахъ, куда сильно тянуло его и куда доводилось ему пріѣзжать лишь на короткое время. Но подроставшая семья привязывала его къ Петербургу, и мысль, которую онъ носилъ при себѣ всю жизнь, о деревенскомъ покоѣ, болѣе чѣмъ когда нибудь трудно было исполнить. Отлучаясь въ это время въ деревню на 2—3 недѣли, онъ такъ дорожилъ каждою минутою, что во все время пути не останавливался даже для обѣда, а питался пирожками и разными «попутниками», которыми снабжали его сыновей на дорогу, отбирая то отъ одного, то отъ другаго. Въ послѣдній пріѣздъ его въ Лядичи, лѣтомъ 1810 года, за полтора года до кончины, съѣхались къ нему сосѣди. Послѣ обѣда, когда по его приказанію пѣсенники запѣли Малороссійскую пѣсню: «Ой, ты живешь на горі, а я пидъ горою», онъ расплакался; усердно вторили ему старики-сосѣди; а прощаясь онъ сказалъ имъ, что болѣе съ ними не увидится.

Императоръ Александръ выражалъ ему свое благоволеніе: отроки-сыновья его поступили въ камеръ-юнкеры; въ 1805 году онъ получилъ алмазные знаки Андрея Первозваннаго; въ 1806 году графиня-жена его пожалована кавалерственною дамою Св. Екатерины.

*

Завадовскій высказалъ въ письмѣ С. Р. Воронцову слѣдующія замѣчанія объ учрежденіи министерствъ и о нѣкоторыхъ первыхъ министрахъ. «Въ учрежденіи администраціи государственной я не имѣлъ участія и не прежде о томъ узналъ, какъ дѣло о томъ уже рѣшено. Въ основаніи своемъ благоразумна она и къ устройству государства преполезнѣйшая; но ты самъ вѣдаешь, что, спѣша одержать лучшій образъ управленія и дабы не заклепать въ долгій ящикъ, во многомъ система сшита на живую нитку. Потому старый обрядъ съ новымъ часто сталкиваются; конечно, со временемъ всѣ отдѣленія установятся въ предположенный имъ бытъ, къ чему простерто стараніе, но доселѣ еще квасъ бродитъ образуемаго хаоса. Настанутъ министры, способные довершить вещи, а первымъ и то въ славу, чтó проложили лучшую дорогу. Комитетъ министерскій чѣмъ далѣе, меньше воды имѣетъ на свою мельницу. По установленію должны бы всѣ дѣла чрезъ оный проходить, но министръ безпосредственные Государю дѣлаетъ доклады, о чемъ Комитетъ и не вѣдаетъ. Едино еще не измѣняется, что самъ Государь всякій разъ присутствуетъ въ ономъ, хотя дѣла и не всегда важны». Указавъ, какъ трудно удержать учрежденію его благую задачу, вслѣдствіе наклонности человѣка къ произволу, путемъ котораго на первыхъ же порахъ наши министры ослабили значеніе Комитета Министровъ, онъ жаловался и на нарушеніе правъ Сената, кото-

рый послѣ Петра считали впервыя возвышеннымъ. Говоря о столкновеніи съ Сенатомъ Державина, по поводу мнѣнія Потоцкаго, онъ замѣчаетъ: «По сумасбродству министра, которое природно ему, дѣло сіе столько коверкано противъ обрядовъ сенатскихъ, что трудно предузнать, чѣмъ оно рѣшится. Вовсе голова министра не по мѣсту: школа Аполлона требуетъ воображенія, вѣсы Ѳемисы держатся здравымъ разсудкомъ. Открывается, что благодать сія намъ пришла отъ Зубовыхъ и хотя не могу думать, чтобъ комета пребыла долго, которой пища—розыски и доносы, но и въ малые дни слѣды колобродства не на поверхности останутся». Черезъ семь мѣсяцовъ, по поводу удаленія Державина, Завадовскій извѣщалъ Воронцова: «Общее возрадованіе, что князь Лопухинъ перемѣнилъ Державина. Не дай Богъ, чтобъ когда-нибудь въ министерствѣ очутился подобный поэтъ». Державинъ, полагать надо, убилъ въ Завадовскомъ довѣріе къ поэтамъ вообще: такъ на просьбу Воронцова о Кутузовѣ [86]) Завадовскій отвѣчалъ ему: «Я его знаю по его поэзіи, а поэты рѣдко способны править другими возжами кромѣ Пегасовыхъ».

«Возжи торговли попались въ руки точно такого, какъ ты описываешь: не то объектъ, что́ подъ глазами; но мудримъ, чтобъ дальніе концы свѣта притянуть къ нашей точкѣ. Удивительный бредъ! Никогда не уразумѣетъ вещей, потому что самолюбіе обольстило его всевѣдѣніемъ. Рѣдкій человѣкъ! Во всякомъ словѣ самъ себѣ панегиристъ». Рѣчь идетъ о графѣ Н. П. Румянцовѣ. Далѣе говоритъ о немъ Завадовскій: «Представь себѣ министра коммерціи съ той стороны, которую всѣ видятъ; но отзываются, что онъ безкорыстенъ и человѣкъ претвердый; а придворной маски никто лучше его не носитъ», «неспящъ во дворской сферѣ». Какъ образчикъ увлеченій Румянцова, служитъ проектъ его установить торговыя сношенія наши съ Японіею, не имѣя ни торговаго флота, ни прочно развитой промышленности, ни выгоды разстоянія въ сравненіи съ другими державами, ничего, что́, казалось бы, могло ручаться за нашъ успѣхъ въ соперничествѣ съ ними. «Министръ коммерціи торжествуетъ велегласно», писалъ Завадовскій, «получивъ на сихъ дняхъ увѣдомленіе, что экспедиція его достигла Камчатки, а оттуда идетъ въ Японію. Наибольше рѣчей о проходѣ экватора, который Англичане, Датчане и Голандцы повсегодно переплываютъ безъ всякихъ о томъ проповѣдей. Дорогу другими уже битую принимаемъ за новое открытіе. Увидишь на дѣлѣ, каковы дастъ плоды сіе предпріятіе не - неубыточное. Мы еще не достигли того,

[86]) Павлѣ Ивановичѣ.

чтобъ учредить выгоднымъ образомъ нашу близкую торговлю и уже шагаемъ связать оную съ краемъ наиотдаленнѣйшимъ».

«Министръ финансовъ *(графъ Васильевъ)* въ пространномъ смыслѣ его званія, я не спорю, имѣетъ недостатки; но у насъ сія часть, въ сравненіи съ другими государствами, иной образъ, иныя правила имѣетъ. Наблюдать статьи приходовъ и расходовъ только и дѣла; по сему образу начальникъ можетъ управлять первыми правилами ариѳметики. Благополучны мы въ томъ, что еще не достигли до тонкихъ умственныхъ изворотовъ, требующихъ отличной головы. Злословіе не щадитъ и добраго человѣка». «Я не почему не замѣтилъ худой въ немъ нравственности, а напротивъ по своему благопріятству онъ вообще любимъ. Впрочемъ, люди въ мѣстахъ не могутъ пробыть безъ враговъ, а корыстолюбіе порицается можетъ праведно, можетъ и ложно. Я ни отрицаю, ни утверждаю, ибо не знаю того; но въ числѣ маломъ я нахожу его лучшимъ человѣкомъ, къ тому имѣетъ духъ и твердость».

Графъ Кочубей «мало по малу отъ насъ отпадаетъ въ удостовѣреніи на свой внутренній вѣсъ. Въ нравѣ его есть скрытность и большое самолюбіе; нѣсколько назадъ пошатнули было кредитъ его, угожденіями хотѣнію поправилъ себя. Чѣмъ больше вникаю, больше удостовѣряюсь, что нѣтъ у насъ неподвижныхъ планетъ, а всѣ преходящія, на подобіе волны, чтó одна другую сбиваетъ.»

Беклешовъ «отнѣкивался долго (отъ должности Московскаго генералъ-губернатора) словами, а не сердцемъ. Случай имѣлъ изложить велерѣчиво прежнія себѣ досады и, увлекаясь честолюбіемъ, чѣмъ душа его горитъ, предался предложенію». «Пристрастіе къ нему вижу, въ той же мѣрѣ, какъ было къ поэту (Державину); отъ сего выбора я предвижу неминуемыя слѣдствія, что будутъ раскаиваться: будетъ басня Эзопова, что лягушки, недовольны будучи колодою, получили журавля». «Столько хитръ, какъ я того и не воображалъ. При всей кичливости онъ довольно оборотливъ; въ первыхъ дняхъ полукавитъ, маскируя свой характеръ передъ лицемъ Москвичей. Вѣрь мнѣ, на первомъ порогѣ не поткнется».

Графъ А. И. Марковъ (по увольненіи отъ должности посла во Франціи) «внутренне сгараетъ честолюбіемъ, не обнаруживая того передъ всякимъ, что обойденъ другими въ ролѣ дѣловой. Чувствуетъ свою степень и опытность. Изрѣдка бесѣдуетъ со мною, причемъ не трудно мнѣ проникнуть его неудовольствіе. Всему противорѣчитъ всегдашній его нравъ; но должно отдать ему ту справедливость, что, при свѣтскихъ обращеніяхъ, онъ сохраняетъ въ себѣ благородныя чувства. На половинѣ у вдовствующей императрицы всегдашнимъ собесѣдникомъ; говоритъ тамъ, я слышу, и много, и сильно, чтò, я думаю, и передается.

Я по сему пункту остерегалъ, но онъ показалъ мнѣ свое равнодушіе противъ слѣдствій отъ того. Сколько я понимаю, то извѣстная тебѣ лига прилѣпилась къ нему, чтобъ пустыя мысли перецѣживать на его сито».

«Распорядокъ на страну Оренбургскую хорошъ былъ на головѣ Неплюева; но въ нашъ вѣкъ возлагаютъ на юродиваго и шута» (князя Г. С. Волконскаго).

Графъ С. П. Румянцовъ. «Острота и странность нрава въ одну мѣру слиты». «Острота безъ покрышки хуже простоты». «Сергѣй Петровичъ опять въ Совѣтѣ; братъ упросилъ, представляя, что онъ хотя своимъ товарищамъ будетъ тяжелъ, но Государю и Отечеству полезенъ, и симъ хвастаетъ. Въ немъ полагаютъ бичъ на министровъ. Еще бы не великая бѣда, еслибы одно только министерство получало раны отъ сихъ новыхъ Гракховъ». «Еще не загремѣлъ по Совѣту никакимъ голосомъ, а удерживаетъ всегдашнее свое свойство, переча при всякомъ артикулѣ». «При двухъ новыхъ Гракхахъ дѣла не въ ходу, а во всегдашнихъ спорахъ».

Графъ В. А. Зубовъ «всучился въ значущій фаворъ. Сбылось твое пророчество о немъ. Хитрыми уловками одолѣлъ оплотъ, препятствовавшій ходу его. Стрегущіе не имѣли проразумѣнія. Комета имѣетъ свой огонь, чтобы блистать и расширяться и отражать пружины, влекущія къ закату».

Князь А—й Б. Куракинъ «еще не открылъ своихъ представленій, а я считаю, они будутъ».

Козадавлевъ. «Еще у насъ показался новый Гракхъ Козадавлевъ; я думаю, сообщать тебѣ его мнѣніе, представленное Сенату о Польскихъ Филипонахъ [87]); почувствуешь въ немъ запахъ, пріятный обонянію настоящаго времени».

Трощинскій. «Онъ одинъ таковъ, что смѣло правду говоритъ, выдерживая и непріятность».

Способность Завадовскаго познавать людей отмѣтила въ молодомъ графѣ Михаилѣ Воронцовѣ будущаго героя. Когда онъ, прослуживъ на Кавказѣ, по волѣ отца, два года, долженъ былъ оставить военное поприще и уже приготовился подать прошеніе въ отставку, Завадовскій не допустилъ его до этого, взявъ на себя отвѣтственность передъ отцемъ за нарушеніе его воли. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ написалъ гр. Семену Романовичу объ этомъ и представилъ ему, что онъ, насилуя желаніе сына, заставляетъ его идти противъ призванія. Старикъ Воронцовъ послушался совѣта стараго и опытнаго своего

---

[87]) Старообрядцахъ.

друга, которому такимъ образомъ Россія обязана славнымъ фельдмаршаломъ.

Завадовскій еще въ 1794 году говорилъ о Россіи: «нашъ періодъ рости». Успѣхи Россіи онъ ставилъ въ зависимость главнымъ образомъ отъ политическаго положенія сосѣдей, т.-е. Австріи и Пруссіи. «Сосѣди новые», говорилъ онъ, «одинъ другому естественно врагъ. Слѣдственно или тотъ или другой будетъ на нашей сторонѣ, а особнякомъ ни который не наведетъ опасности». Но при этомъ прибавлялъ онъ: «когда свои границы не крѣпки, всякій барьеръ пустая мечта.» Замѣтить надо, что это говорено назадъ тому 90 лѣтъ!

Завадовскій, какъ другъ мира, необходимаго для внутренняго преуспѣянія Отечества, ратуя за нейтралитетъ Россіи, всегда говорилъ за развитіе нашихъ оборонительныхъ средствъ и противъ жертвъ Россіи въ пользу другихъ. Онъ не одобрялъ политики, благодаря которой Россія ослабляла себя ради Нѣмцевъ, давая имъ крѣпнуть. Тотъ же взглядъ онъ высказывалъ и теперь, въ царствованіе Александра. Онъ желалъ мира Россіи, необходимаго для ея внутренняго развитія. Такъ въ 1804 году писалъ онъ Воронцову: «заключенія идутъ на Европейскую войну, которую отврати Господи отъ насъ». Въ Февралѣ 1806 года писалъ онъ: «Дѣла, сколько я чувствую однимъ слухомъ, тупо идутъ къ рѣшительной точкѣ. По удостовѣренію во многомъ, весьма желаю, чтобъ поворотились къ миролюбивой». Онъ опасался, что Россія вмѣшается въ Европейскую войну, видя наклонность къ тому Государя и главнаго его совѣтника Чарторыжскаго, бывшаго товарищемъ министра иностр. дѣлъ. Формированіе нашихъ боевыхъ силъ, что̀ Воронцовъ называлъ осторожностью, сильно заботило Завадовскаго, потому что въ этомъ читалъ онъ другую цѣль и писалъ Воронцову: «Пунктъ охраненія себя тѣмъ ли начинается, чтобъ шагать на вызовъ? А мы уже задѣли. Что осторожность не почитаешь за войну, въ томъ я согласенъ съ тобою; но когда изъ осторожности выходятъ тѣже слѣдствія, что̀ отъ объявленія войны, то имена не перемѣняютъ вещей». Вызовъ состоялъ во вмѣшательствѣ нашего правительства въ отношенія Франціи къ Германіи и настойчивомъ требованіи вознагражденія Сардинскому королю. Завадовскій съ опасеніемъ смотрѣлъ на нашу солидарность съ Европою, предвидя, что мы будемъ въ накладѣ. Поборники войны представляли о необходимости положить конецъ властолюбію Наполеона, который, захвативъ Данію, можетъ запереть Зундъ и стѣснить нашу отпускную торговлю. Завадовскій на все это возражалъ: «Ежели Бонапартъ рѣшился вторгнуться въ Данію, поспѣемъ ли мы положить ему въ томъ преграду? Онъ заранѣе учредитъ всѣ сильные способы, а наши пришли бы поздно, да и неровные. Запе-

реть Зундъ не такъ легко для нашихъ продуктовъ всѣмъ нужнымъ, и тогда перемѣнились бы токмо руки покупщиковъ. Убытокъ отъ того только во мнѣніи; а вооруженіе, поглощающее милліоны, чѣмъ вознаградить? Въ Германскихъ дѣлахъ господствуетъ интересъ не нашъ, а другихъ державъ по себѣ важчыхъ; онѣ не движутся, будучи, по видимому, безбоязненны въ томъ, чтобъ огонь у ихъ пороговъ былъ опасенъ. Не вчужѣ ли мы кидаемъ громъ? Тихія ихъ политики можетъ быть тотъ предметъ, что чѣмъ болѣе угнетены Германцы отъ Французовъ, тѣмъ ближе къ крайности составить у себя общее дѣло; ибо есть черта, на которой подымается духъ и у слабыхъ народовъ въ преломленіе насилія. Я считаю настоящее нашествіе на Германію за преходящее. Въ прежнихъ войнахъ между Императоромъ и Франціею меньше ли страдали? Необыкновенное будетъ токмо то, ежели мы за грабежи Германцамъ станемъ опустошать свои карманы».

Завадовскій отрицалъ представляемую опасность со стороны Швеціи, а находилъ, что «главный и внимательнѣйшій для насъ пунктъ есть Турція». Онъ указывалъ, что военныя силы наши на границѣ ея ничтожны, что ихъ слѣдуетъ усилить, а въ видахъ защиты Порты и своихъ интересовъ «можемъ вносить оружіе и въ ея предѣлы». Однако, по своей дальновидности, Завадовскій, замѣтилъ, что, «подвигая Турковъ стать за себя, надо оглядываться, чтобъ не научить ихъ себя почувствовать». Онъ считалъ необходимымъ, при стѣсненіи отъ Турецкаго правительства подвластныхъ ему Славянъ, возродить въ нихъ надежду на наше сочувствіе и помощь, увѣряя при томъ, что если Французы выйдутъ побѣдителями, то будутъ возбуждать противъ насъ Турцію. «Впрочемъ для важныхъ предпріятій», замѣтилъ онъ, «потребенъ не малый духъ. Укажи мнѣ его. На семъ паче мысль моя шатается». Вотъ это еще болѣе прибавляло душевной тревоги Завадовскому, который притомъ видѣлъ, что въ назначеніи начальствующихъ не руруководились убѣжденіями въ личной способности, а вопросъ рѣшался придворною интригою. Такъ, утверждая, что на постъ намѣстника Кавказскаго по опытности и способности нѣтъ лучшаго какъ графъ И. В. Гудовичъ, онъ добавилъ: «Но, къ несчастію, не можемъ освободиться отъ предубѣжденій, порожденныхъ интригами. Посему начальство падаетъ на безталантныхъ, обходя способныхъ. Кустарникъ, очищая себѣ ростъ, повалилъ дубы, чтобъ надъ нимъ не первенствовали».

Во главѣ нашей политики стоялъ Полякъ, ненавидѣвшій нашихъ министровъ, презиравшій Россію и злоупотреблявшій довѣріемъ Императора, направляя его либеральныя наклонности въ пользу своей родины. При такихъ его расчетахъ положеніе политическихъ дѣлъ скрывалось отъ нашихъ государственныхъ людей. Зная пылкость и

неопытность Государя и его сподвижниковъ, способность увлекаться и грозныя для страны послѣдствія отъ ихъ политическихъ промаховъ, Завадовскій просилъ Воронцова употребить вліяніе на измѣненіе подобнаго порядка. «Есть случаи», писалъ онъ, «гдѣ иностранныя дѣла требуютъ глубокой тайны; но происшествія явныя, входящія въ виды государственные, слѣдуетъ ли таить отъ членовъ государственнаго правленія, обязанныхъ одинаковою клятвою споспѣшествовать тому и сохранять тайну во всемъ подлежащемъ оной? Ты, мой другъ, знаешь меня, сколько я не алченъ къ дѣламъ; спокойнѣе жить, когда меньше заботы, и я говорю токмо о порядкѣ вещей, который дѣйствуетъ на слѣдствія оныхъ. Несходно въ государственномъ правленіи дѣлать всякому про себя, или что̀ творитъ десная того не знаетъ шуйца. Если ты считаешь, что внемлютъ твоимъ совѣтамъ, внуши истину пословицы: одинъ умъ хорошъ, а два лучше. Не по моимъ какимъ-либо видамъ (я ихъ имѣть не могу, полагая удалиться), но ради общей пользы, я ищу въ тебѣ орудія, каковаго здѣсь не вижу ни въ комъ».

Иногда для сужденія о политическихъ дѣлахъ собирался Совѣтъ, но вопросъ предварительно былъ рѣшаемъ въ кабинетѣ Государя. Такъ весною 1804 года, послѣ убіенія герцога Энгіенскаго, жаловался Завадовскій, что Совѣтъ держанный былъ только «pro forma. Зная волю непреложную, претило благоразуміе говорить вопреки». Но когда въ Декабрѣ 1806 г. политическій горизонтъ нашъ потемнѣлъ отъ тучъ, когда Императоръ созвалъ Государственный Совѣтъ для обсужденія вопроса: какое должна принять положеніе Россія въ виду угрожавшей ей и Европѣ опасности, Завадовскій высказалъ свое мнѣніе съ тою же твердостію и дальновидностію, какими отличались мнѣнія его при Екатеринѣ. Онъ утверждалъ, что «Россія стоитъ внѣ опасности со стороны умысла Наполеона къ возмущенію Польши, такъ какъ тамъ въ вольности и народоправленіи главная масса жителей никогда не участвовала и не имѣетъ о томъ понятія» и полагалъ теперь возможнымъ и удобнымъ для Наполеона дѣйствовать на Турцію, почему находилъ необходимымъ «войти въ сношеніе по сему предмету съ Англійскимъ министерствомъ, предупредить Оттоманскую Порту на счетъ угрожающей ей гибели, послать эмиссаровъ въ Греческія и Славянскія области Турціи для противодѣйствія пагубнымъ внушеніямъ Французовъ и, наконецъ, съ наступленіемъ лѣта, размѣстить сильную армію на Молдавской границѣ и пріуготовить къ дѣйствію флотъ въ Черноморскихъ гаваняхъ, а между тѣмъ открыть непосредственно подъ благовиднымъ предлогомъ переговоры съ Наполеономъ». Это мнѣніе, съ незначитель-

ными дополненіями о недопущеніи Пруссіи къ тѣсному союзу съ Франціею, было потомъ принято Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ [88]).

Не-безъинтересенъ отзывъ Завадовскаго о Наполеонѣ въ Февралѣ 1804 г. «Кинувъ въ одну сторону мирную уду, ставитъ въ другой пушки; въ необыкновенномъ человѣкѣ необыкновененъ и образъ его соображенія и дѣятельности; безспорно, что плутъ, но плутъ огненный и духа дерзновеннаго».

Завадовскій не дожилъ до войны 1812 года, и мы можемъ приложить къ нему же его слова, сказанныя послѣ Аустерлицкаго сраженія относительно друга его А. Р. Воронцова: «Душа его не покидала своей дѣятельности до самой вѣчной точки, наставшей прежде чѣмъ могли поразить его пренесчастныя дѣянія міра. Въ семъ пунктѣ умершіе счастливѣе живущихъ».

Завадовскій, среди дворскаго чада, былъ скроменъ, привѣтливъ и учтивъ, какъ и во всю свою жизнь, съ удовольствіемъ дѣлалъ благодѣянія и никогда не вспоминалъ о нихъ, но полученныхъ не забывалъ. Въ подтвержденіе вѣрности настоящаго отзыва можетъ служить письмо Завадовскаго къ графу С. Р. Воронцову, ставившему ему въ упрекъ, что люди, которымъ онъ благодѣтельствуетъ, ему вовсе не платятъ признательностію. Завадовскій отвѣчалъ ему: «Если добро дѣлаю, то не для прибыли, и не я тому причиною, когда люди непризнательны. Они должны стыдиться, а не я». И какъ бы въ успокоеніе свое онъ приводитъ затѣмъ въ примѣръ Румянцова: «Посмотри на Румянцова, благодѣтеля рода человѣческаго. Но кто признателенъ?» Были люди однако признательные Завадовскому. Его внуку случилось пріобрѣсти портретъ [89]) собственно для надписи, какъ историческій памятникъ, свидѣтельствующій о благодѣяніяхъ дѣда и признательности за нихъ. На оборотной сторонѣ этого портрета сдѣлана слѣдующая надпись: «Вотъ мужъ, образъ котораго останется въ душѣ моей до гроба, и вы, дѣти, напечатлѣйте почтенныя сіи черты въ душахъ вашихъ съ тѣми чувствами признательности, какія должны вы питать къ благотворителю отца вашего. 1804 года Марта 1 дня».

Такъ понимало Завадовскаго если не все современное ему общество, то большинство, голосъ и судъ котораго высказался въ замѣчательномъ надгробномъ словѣ славнаго Филарета, которое онъ произнесъ при погребеніи Завадовскаго въ Александро-Невской лаврѣ 17 Января 1812 года. Слово сказано на текстъ «Блаженъ мужъ, иже въ премудрости помышляетъ правая и иже въ разумѣ поучается

---

[88]) Богдановичъ. Исторія царствованія Александра I, т. 2.

[89]) Копія съ портрета Лампи.

святынѣ». (Сир. XIV, 21). «Если, по слову Премудраго, свѣтла и неувядаема есть премудрость, то почто гробъ избраннаго служителя державной премудрости столь мрачную простираетъ окрестъ себя сѣнь смерти?» —«Ты, безсмертная премудрость, Ты, свѣтоносная истина, неужели оставляешь въ смерти того, кто жилъ для распространенія и огражденія Твоего владычества отъ коварства и порока. Пріиди, предстани: Твой образъ освѣтитъ сердца, огорченныя печалію; гласъ Твоего суда и утѣшитъ насъ и наставитъ». Филаретъ указывалъ, какъ велика была жажда знаній у Завадовскаго, которому на смертномъ даже одрѣ собесѣдникомъ и врачемъ была книга, и что истинное любомудріе его было «не занятіе празднаго времени, но подвигъ и польза». По словамъ Филарета, «почившій, не смотря на свое благородство, не гнушался низшими ступенями общественныхъ должностей, и его способности обратили на него вниманіе «Задунайскаго героя», что̀ въ свою очередь еще болѣе раскрыло его способности, и тогда «мечемъ побѣдителя изощрялось перо политика». «Сіе то счастливое перо привело его потомъ къ подножію Престола и толико кратъ освятилось начертаніями священной державной воли». Указавъ на заслуги Завадовскаго по части законодательной и народнаго образованія, «требующаго толикой прозорливости, духа и силы», на ихъ значеніе для Россіи, на рвеніе и усердіе, которое возрастало въ Завадовскомъ чѣмъ болѣе на него возлагаемо было трудовъ и обязанностей, отъ которыхъ не уклонялся онъ даже преступивъ обыкновенный предѣлъ человѣческой жизни, проповѣдникъ заключилъ: «Сколько за сими знаменитыми подвигами сына Отечества скрывается скромныхъ добродѣтелей человѣка, но которыя, будучи ближе къ сердцу, ручаются за чистоту дѣяній блистательныхъ! Кротость и чадолюбіе въ семействѣ, твердость въ дружбѣ, для которой онъ забывалъ себя, снисходительность въ домочадствѣ, умѣренность во власти, справедливость безъ строгости, милость безъ пристрастія. Можетъ быть, васъ не напишутъ на мраморѣ, но за то въ сердцахъ вы неизгладимы останетесь!»

Какъ нѣженъ былъ Завадовскій къ семьѣ свидѣтельствуютъ приведенные выше отрывки изъ его писемъ и благоговѣйная память о немъ дѣтей.

*

Съ цѣлію обновить въ памяти Русскихъ людей образъ достопамятнаго человѣка, мы приняли непосильный для насъ трудъ составить біографическій очеркъ Завадовскаго. Его личныя свойства и заслуги достойны изученія болѣе глубокаго. «Не разрушалъ онъ своимъ примѣромъ то, что̀ назидалъ словомъ или властію», сказалъ о немъ Филаретъ. Пройдутъ вѣка вмѣстѣ съ насажденнымъ Завадовскимъ просвѣщеніемъ, и его жизнь будетъ служить назиданіемъ потомству и ободреніемъ честному труженнику въ борьбѣ за правду и благо своей родины.

И. Листовскій.

*

У графа Петра Васильевича осталось два сына и три дочери. Старшій сынъ графъ Александръ велъ жизнь разсѣянную, хотя былъ человѣкомъ ума недюжиннаго. Онъ извѣстенъ въ преданіяхъ своимъ поединкомъ съ гвардейскимъ офицеромъ Шереметевымъ. Императоръ Николай Павловичъ, встрѣтивъ его разъ, замѣтилъ ему, что онъ нехорошо дѣлаетъ, что не служитъ, и высказалъ желаніе видѣть его на службѣ. Графъ Александръ Петровичъ записался въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ съ чиномъ актуаріуса, въ которомъ и окончилъ жизнь, холостякомъ. Братъ его графъ Василій Петровичъ [40]), сенаторъ, женатъ былъ на извѣстной красавицѣ Е. М. Влодекъ. Единственный сынъ ихъ, графъ Петръ Васильевичъ, умеръ въ Римѣ 16 лѣтъ отъ роду. Старшая дочь графа Завадовскаго († 1830) Софія Петровна была за генераломъ маіоромъ княземъ Владиміромъ Николаевичемъ Козловскимъ, имѣла отъ него одного сына Николая, умершаго молодымъ полковникомъ на Кавказѣ, гдѣ онъ служилъ при князѣ Воронцовѣ. Вторая дочь графа Завадовскаго Аглаида Петровна замужемъ была за Могилевскимъ дворянскимъ предводителемъ К. Ю. Мержіевскимъ; у нея осталась одна дочь Марія, замужемъ за Суражскимъ предводителемъ Иваномъ Степановичемъ Листовскимъ, написавшимъ эту біографію. Меньшая дочь Татьяна Петровна, за д. т. с. Каблуковымъ, имѣла сына Владиміра, умершаго бездѣтнымъ и дочерей: Олимпіаду за княземъ Анатоліемъ Ивановичемъ Барятинскимъ, Вѣру за княземъ Голицынымъ и Клеопатру за г. Мессингъ.

Великолѣпное помѣстье графа Завадовскаго, Ляличи (на рѣчкѣ Ипути, близъ города Суража) было продано сыномъ его Василіемъ г-ну Энгельгардту, отъ него перешло къ барону Черкасову, потомъ къ Атрыганьеву, затѣмъ къ купцу Самыкову, и теперь владѣетъ имъ Еврей.

Князь П. И. Шаликовъ въ началѣ нынѣшняго вѣка былъ въ Ляличахъ и описалъ ихъ въ своемъ «Путешествіи въ Малороссію». Тому назадъ лѣтъ двадцать одинъ путешественникъ также посѣтилъ Ляличи

[40]) Графъ Василій Петровичъ, до смерти своей, носилъ при себѣ большой золотой закрытый медальонъ, нынѣ принадлежащій его наслѣдницѣ, внутри котораго былъ портретъ его отца и надпись съ означеніемъ, когда онъ скончался: „несчастный день моей жизни послѣдовалъ 10 Января 1812 года“.

и, проведя нѣсколько дней подъ гостепріимнымъ кровомъ тогдашнихъ владѣльцевъ, написалъ слѣдующіе стихи, включивъ въ нихъ и мѣстныя легенды.

Вотъ здѣсь великая Царица
Пріютъ любимцу создала,
Сюда искусства созвала,
И все чѣмъ блещетъ лишь столица
Въ нѣмую глушь перенесла.
Планъ начерталъ Гваренги смѣлый,
Возникъ дворецъ, воздвигнутъ храмъ,
Красивыхъ зданій городъ цѣлый
Вездѣ виднѣетъ здѣсь и тамъ.

Великолѣпные чертоги!
Ротонда, залъ роскошныхъ рядъ,
Со стѣнъ на путника глядятъ,
Съ ковровъ красавицы и боги.
И полный водъ, луговъ и тѣней,
Обширный паркъ облегъ кругомъ;
Кіоски и бесѣдки въ немъ,
И бѣгаютъ стада оленей
Въ звѣринцѣ темномъ и густомъ.
Подъ куполомъ на возвышеньи
Руки художника творенье,
Стоялъ Румянцова колоссъ.

Но все токъ времени унесъ.
Еврей Румянцова увезъ,
Широкій дворъ травой поросъ,
И воцарилось запустѣнье
Въ дворцѣ и паркѣ. Только тамъ
Порою бродитъ по ночамъ
Жена подъ чернымъ покрываломъ
Въ одеждѣ черной... Кто она?
Идетъ по опустѣлымъ заламъ....
Ея походка чуть слышна,
Да платья шумъ, да въ мглѣ зеркалъ
Порою ликъ ея мелькалъ.

Еще видѣніе другое:
По парку ѣздитъ въ часъ ночной
Карета. Стукъ ея глухой
Далеко слышенъ. Что̀ такое
Карета та? Кто въ ней сидитъ?
Молва въ народѣ говоритъ,
Что будто въ ней сама царица
Съ своимъ любимцемъ въ паркѣ мчится....

*

Бронзовая статуя графа Румянцова, воздвигнутая Завадовскимъ въ Ляличахъ, внушила И. И. Дмитріеву слѣдующіе стихи, которые онъ влагаетъ въ уста самому Завадовскому:

Почтенный ликъ! Когдабъ ты былъ изображенъ
Съ перуномъ пламеннымъ на берегахъ Кагула,
Гдѣ гордый масульманъ растерзанъ, низложенъ,
И гдѣ земля въ крови несчастныхъ жертвъ тонула,
Тогда бы, на тебя взирая, каждый рекъ:
Румянцовъ славный вождь! — и мимо бы протекъ.
Но здѣсь, здѣсь всякъ тебя прохожій лобызаетъ:
Здѣсь не герой въ тебѣ блистаетъ,
Прославившій себя единою войной,
Обрызганъ кровію враговъ среди сраженій;
Но другъ, но ближній мой
И благотворный геній!

(Соч. И. И. Дмитріева, М. 1818, I, 113).

*

Любовь, дружба, страсть къ здравому просвѣщенію и политическая мудрость одушевляли достопамятнаго человѣка, изображеніе котораго (снятое съ современнаго портрета, писаннаго на полотнѣ и сообщеннаго намъ И. С. Листовскимъ) приложено къ настоящей книгѣ Русскаго Архива. Со временемъ, когда обнародуются письма къ нему Екатерины Великой и будутъ найдены его бумаги, привлекательный его образъ обрисуется еще ярче и живѣе. П. Б.

ЗАПИСКА А. Н. МУРАВЬЕВА О СОСТОЯНІИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВЪ РОССІИ.

Съ тѣхъ поръ, какъ окончилось мое служеніе при Св. Синодѣ *), старался я постепенно примѣнять ту малую опытность, какую пріобрѣлъ въ познаніи отечественной церкви, къ изученію другихъ церквей, православныхъ и неправославныхъ, въ самомъ средоточіи ихъ дѣятельности духовной, чтобы повѣрить свои впечатлѣнія внѣшними и, буде есть возможность, употребить ихъ на пользу. Мнѣ бы хотѣлось, съ искренностію православнаго сына Россійской церкви, изложить то, чтó замѣтилъ я во внѣшнемъ быту ея; ибо, благодареніе Господу, она чиста внутри и сіяетъ предо всѣми другими православіемъ своихъ догматовъ и обрядовъ.

Грустно было мнѣ слышать, особенно въ Римѣ, неблагопріятныя сужденія, не о православіи вообще, котораго тамъ не разумѣютъ (по матеріальности политической Римскаго католичества), но собственно о нашей Россійской церкви. Еще грустнѣе было читать такого рода сочиненія, каково «Русская Государственная Церковь» (Russiche Staats-Kirche) знаменитаго богослова Тейнера, съ которымъ я много состязался, хотя во глубинѣ моего сердца сознавалъ иногда, что есть и такія обвиненія, въ коихъ онъ имѣетъ причину укора, и еще другіе важные недостатки домашняго быта нашей церкви, которые еще не обнаружились предъ лицомъ Запада.

Чтó же въ такомъ случаѣ слѣдуетъ дѣлать любящему искренно церковь свою и отечество? Равнодушно ли смотрѣть на то, чтó еще можетъ быть исправлено благонамѣреннымъ вниманіемъ и ожидать, чтобы накопившееся зло обнаружилось само собою, хотя бы и въ бóльшей силѣ, отъ умноженія времени, съ меньшею возможностію его

*) Записка эта составлена гораздо позднѣе. П. Б.

исправить? Но будетъ ли это согласно съ совѣстію христіанскою и даже съ долгомъ присяги вѣрноподданнаго?

Трудно даже повѣрить, чтобы, при столь блистательной внѣшности церкви отечественной, могли таиться внутри ея такія неустройства. Унія возвратилась въ лоно православія, и возстановились сношенія со вселенскими патріархами. Сколько новыхъ эпархій возникло, кромѣ викаріатствъ; даже въ дальней Америкѣ и въ дикой Абхазіи стали каѳедры епископскія. Сколько процвѣло новыхъ обителей; просвѣщеніе духовное пролилось изъ вновь открытыхъ академій духовныхъ и семинарій. Отъ чего же неустройства церковныя, при благонамѣренномъ и ревностномъ желаніи ихъ исправить? Иногда и большею частію отъ того, что только поверхностно ихъ коснулись, не проникнувъ до самаго корня, потому что средства исполненія не соотвѣтствовали благой цѣли. Я постараюсь изложить здѣсь, по крайнему моему разумѣмѣнію, то, чтó наиболѣе можетъ поразить взоры въ столь обширномъ предметѣ, испрашивая милостиваго снисхожденія, если въ чемъ ошибаюсь по немощи человѣческой.

Прежде всего начну говорить о положеніи нашего священства, какъ о вопросѣ, который наиболѣе занимаетъ и служитъ постояннымъ предметомъ заботъ правительственныхъ, потому что съ нимъ тѣсно связано и нравственное благосостояніе народа.

Въ началѣ сего столѣтія и въ минувшее царствованіе многое было сдѣлано для нравственнаго образованія и вещественнаго благосостоянія сего многолюднаго въ Россіи класса. Не говоря о постепенно получаемыхъ имъ привиллегіяхъ, о умноженіи средствъ и мѣстъ духовнаго образованія, для котораго предназначенъ свѣчной сборъ съ церквей всей Имперіи, еще недавно попечительное правительство не пожалѣло 14 милліоновъ ежегоднаго расхода государственнаго для того только, чтобы обезпечить содержаніе священнослужителей и прекратить неблаговидное домогательство денегъ при совершеніи ими требъ. Не думаю, чтобы какое-либо государство въ Европѣ могло похвалиться такими благодѣтельными мѣрами въ отношеніи своего духовенства. И однакоже, не смотря на все это, хотя и замѣтно въ немъ нѣкоторое нравственное усовершествованіе, духовные наши еще далеко не удовлетворяютъ благимъ о нихъ видамъ и надеждамъ; слышатся противъ нихъ жалобы народа и людей свѣтскихъ.

Отъ чего же это проистекаетъ? Отъ того, что въ церковномъ чиноположеніи нашемъ не соблюдается іерархическая постепенность, хотя самыя степени существуютъ со временъ апостольскихъ. Ученикъ семинаріи, едва достигшій совершеннолѣтія гражданскаго, прямо получаетъ высшую степень, которая для него есть вмѣстѣ и первая и

послѣдняя (ибо за нею слѣдуютъ однѣ мірскія награды): онъ дѣлается пастыремъ душъ, отцемъ духовнымъ—старцевъ, когда самъ еще младенчествуетъ разумомъ и не успѣлъ пріобрѣсти ни малѣйшей опытности не только въ жизни, но даже и въ богослужебныхъ обрядахъ. Сверхъ того онъ, въ тоже самое время, налагаетъ на себя узы брачныя, большею частію по нуждѣ, чтобы получить мѣсто и санъ, и супружествомъ своимъ иногда повергается заблаговременно въ тяжкую нищету, если беретъ за себя сироту и съ нею цѣлое семейство, какъ необходимое условіе для полученія мѣста. Все это падаетъ на рамена неопытнаго юноши, когда и опытный человѣкъ призадумается, какъ понести такое бремя. И отъ сихъ-то стѣснительныхъ условій жизни поневолѣ развивается стремленіе къ корысти, ради насущнаго хлѣба. Есть ли ему время думать о исполненіи священныхъ обязанностей въ отношеніи чадъ своихъ духовныхъ, когда голодаетъ его семейство? Самъ онъ едва разумѣетъ, какія узы на себя возложилъ, ибо санъ священства былъ для него болѣе средствомъ жизни, нежели цѣлію. Я слыхалъ отъ благоговѣйныхъ священниковъ, что только по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ начинали они какъ бы опамятоваться и проникаться важностію своего званія. Чего же ожидать отъ неблаговѣйныхъ, оставленныхъ на свой произволъ и безъ добраго примѣра, въ какомъ либо селеніи, гдѣ еще иногда встрѣчаютъ неблагонравный причетъ, который пользуется самою ихъ неопытностію, чтобы восгосподствовать надъ ними? Въ случаѣ же неединомыслія, онъ можетъ вовлечь ихъ въ отвѣтственность, обыскомъ брачнымъ или метрическимъ свидѣтельствомъ. Что касается до богослуженія, то грустно видѣть, до какой степени люди совершенно неопытные назначаются въ приходы, къ крайнему соблазну раскольниковъ (если они тамъ обрѣтаются) и конечно не къ назиданію своей паствы. Потому и нѣтъ надежды, чтобы они могли ее утверждать противъ нападенія искусныхъ ревнителей раскола, особенно держащихся буквы служенія церковнаго.

Не говоря о томъ, что у насъ болѣе учатъ, нежели образуютъ молодыхъ студентовъ, и потому часто, при большихъ познаніяхъ, выходятъ они съ несовершенствами нравственными,—я коснусь только одной богослужебной стороны. Въ семинаріяхъ Римскихъ, дѣтьми еще, ученики пріучаются къ службѣ церковной, попеременно прислуживая у алтаря священнодѣйствующему, и каждый день обязаны, предъ началомъ классовъ, присутствовать при краткой литургіи; посему и весьма опытны они во всѣхъ ея обрядахъ. Разумѣется, у насъ это невозможно по причинѣ продолжительности нашей обѣдни; но по крайней мѣрѣ въ Среды и Пятки, можно бы пожертвовать часомъ времени для сего благоговѣйнаго приготовленія, съ бо́льшею пользою нежели

для какой-либо науки. Недостатокъ сей особенно чувствителенъ великимъ постомъ, когда всѣ православные обыкновенно ходятъ къ обѣднѣ преждеосвященной, а приготовляющіеся совершать ее заняты въ это время классами, какъ будто можно ее замѣнять ученіемъ? Отъ сего упущенія молодые священники мало и даже вовсе не знаютъ ея чиноположенія, особенно если ихъ рукоположеніе случится не во время поста.

Страшно подумать, какъ пріучаются они служить и обыкновенныя литургіи, къ которымъ не успѣваютъ привыкнуть въ семинаріяхъ, по воскреснымъ днямъ, стоя въ церкви, но не прислуживая священнику внутри алтаря (ибо должность сія большею частію предоставляется сторожамъ). Да простится мнѣ тяжкое слово! Первая обѣдня, совершаемая молодымъ, неопытнымъ священникомъ, гдѣ либо въ приходѣ, куда онъ назначается для ея изученія недѣль на шесть, подъ надзоромъ старшаго, можетъ поколебать всякія чувства благоговѣнія въ присутствующихъ. Часто я самъ видѣлъ, за ранними обѣднями, какъ новопоставленные, вовсе не зная порядка службы (извѣстнаго даже благочестивымъ мірянамъ), по рѣдкому ихъ хожденію въ храмъ, ошибаются въ каждомъ словѣ и дѣйствіи; они повторяютъ, вслѣдъ за равнодушно присутствующимъ ихъ учителемъ, даже самыя страшныя тайнодѣйственныя слова, прелагающія Духомъ Святымъ хлѣбъ и вино въ тѣло и кровь Христову, и такимъ образомъ, съ перваго раза, пріучаются сами быть равнодушными къ неизглаголанному таинству. Что́ можетъ быть сего ужаснѣе? И какъ можетъ онъ, въ короткій срокъ, изучить весь уставъ церковный, столь многообразный, если и успѣетъ узнать, хотя въ усѣченномъ видѣ, утреннія и вечернія службы? Этого бы не случалось, еслибы всякій, предназначаемый къ священству, проходилъ сперва должность причетническую, въ теченіи двухъ лѣтъ, и столько же времени былъ бы діакономъ: обряды церковные сдѣлались бы ему извѣстны, отъ ежедневнаго присутствія въ храмѣ Божіемъ, и онъ не изучалъ бы ихъ послѣ, надъ самымъ таинствомъ. Тутъ было бы и другое благопріятное обстоятельство: въ продолженіи двухлѣтней службы причетникомъ, молодой человѣкъ возмужалъ бы и имѣлъ болѣе времени для выбора себѣ невѣсты, и потомъ, какъ въ эти два года, такъ и въ послѣдующіе два діаконскаго служенія, можно бы было, по развитіи его характера, опытнѣе узнать, достоинъ ли онъ быть священникомъ? Менѣе было бы неудачныхъ рукоположеній, и степень діаконовъ и дьячковъ не означала бы, какъ теперь, людей не заслуживающихъ высшаго званія, по недостаткамъ нравственности или ученія; а между тѣмъ болѣе было бы смиренія и въ молодыхъ священникахъ.

Да и должно ли рѣшаться на такое скорое рукоположеніе вопреки ясной заповѣди апостола Павла Тимоѳею, ученику своему: «Руки скоро не возлагай ни на кого, ниже пріобщайся чужимъ грѣхамъ?» Ибо дѣйствительно, рукополагающій такимъ образомъ дѣлается участникомъ грѣховъ того, кто имъ безъ вниманія поставленъ въ руководителя паствы. И шестой вселенскій соборъ, строго подтверждая заповѣдь апостольскую, 14-мъ правиломъ своимъ положилъ слѣдующее. «Правило святыхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ да соблю«дается и въ семъ, дабы въ пресвитера прежде тридесяти лѣтъ не ру«кополагали, аще бы человѣкъ и весьма достоинъ былъ, но отлагати «до уреченныхъ лѣтъ; ибо и Господь Іисусъ Христосъ въ тридесятое «лѣто крестился и началъ учити. Подобно и діаконъ, прежде двадеся«ти пяти лѣтъ, да не поставляется». Въ слѣдующемъ же за симъ правилѣ присовокупилъ: «Аще же бы кто, въ какую бы то ни было свя«щенную степень поставленъ будетъ прежде опредѣленныхъ лѣтъ, да «будетъ изверженъ». Тутъ опредѣлительно выражено даже и то обстоятельство: «аще бы человѣкъ и весьма достоинъ былъ», и не смотря на то положено строгое запрещеніе. На какомъ же основаніи, вопреки вселенскимъ соборамъ, которыхъ память чествуется даже торжествомъ церковнымъ, вошло въ обычай совершенно противное имъ правило?

На это могутъ сказать, что, при строгомъ соблюденіи сего правила, почувствуется недостатокъ въ священникахъ образованныхъ. Можетъ быть, но только на нѣкоторое время, а потомъ все пойдетъ обычнымъ порядкомъ, особенно если будетъ соблюдаться двухлѣтній срокъ степеней причетнической и діаконской. Странно, что въ монашество, гдѣ хочетъ человѣкъ спасаться самъ для себя, не постригаютъ ранѣе 30-ти лѣтняго возраста, и то съ трехлѣтнимъ искусомъ, а въ священство, безъ разбора, поставляютъ юношей, хотя это служеніе общественное, отъ котораго зависитъ душевное спасеніе многихъ. Мнѣ сказывалъ, на Св. Горѣ Аѳонской, одинъ старецъ-игуменъ, весьма святой жизни, на вопросъ мой: «почему оставилъ онъ отечество свое и поселился на чужбинѣ, когда бы могъ быть полезенъ своей родной церкви?»—«отъ того, что меня сдѣлали духовникомъ ставленниковъ, которые приходили открывать мнѣ на исповѣди, наканунѣ дня своего посвященія, такіе грѣхи, по которымъ не могли они получать сана священства; когда же я хотѣлъ поступать по строгости правилъ, они умоляли меня не дѣлать ихъ несчастными, потому что уже женились и взошли въ издержки, и я, по малодушію, видя, что уже поздно, не рѣшался обличать ихъ; это тяготило мою совѣсть». Казалось, слѣдовало бы сперва испытать совѣсть ставленника, можетъ ли онъ быть

рукоположенъ, и тогда только позволять ему вступать въ бракъ и дѣлать всѣ нужныя приготовленія.

По этому печальному примѣру можно судить, какъ легко производять на степень священства изъ воспитанниковъ семинарій, не испытавъ достаточно ихъ нравственности, лишь бы только они окончили положенный курсъ ученія. Можно ли ожидать какой-либо отъ нихъ пользы, и не гораздо ли лучше для народа такъ-называемые простые и неученые, которые болѣе понимаютъ его нужды? Можно на первое время, для дополненія недостающаго числа, найти таковыхъ изъ вдовыхъ діаконовъ, которые иногда потому только не достигли высшей степени, что у нихъ преждевременно скончалась жена. Не должно почитать это препоною для священства и особенно тогда, когда діаконская степень сдѣлается опять необходимою? Никакими правилами не запретила сего Святая Церковь, а только положила на шестомъ вселенскомъ соборѣ, чтобы послѣ посвященія въ санъ діакона, или пресвитера, люди, посвятившіе себя Богу, не связывали себя семейными узами. Но тутъ происходитъ совсѣмъ противное: обязываютъ ими священнослужителей для сохраненія ихъ нравственности, какъ будто бы недостаточно для благоговѣйныхъ страха Божія! Это крайность, противоположная Римской церкви, наложившей насильственное безбрачіе. Въ Греческой златая средина, ибо тамъ есть много священниковъ безбрачныхъ, хотя и не произнесшихъ монашескихъ обѣтовъ; потому и могли они, какъ не связанные семейными узами, перенести мужественно, вмѣстѣ съ паствою, столько гоненій магометанскихъ, въ теченіи многихъ вѣковъ, и не составляютъ особенной касты, которой умноженіе становится у насъ чувствительно. Много таковыхъ безбрачныхъ священниковъ приняли мы изъ Уніи, и не остаются ли таковыми же тѣ изъ молодыхъ священниковъ, которые лишились преждевременно своихъ женъ?

Не странная ли дѣйствительно вещь? Человѣкъ желаетъ посвятить себя исключительно Богу, а ему говорятъ: «женись прежде». Но для этого собственно и не хочетъ онъ возложить на себя узъ брачныхъ, чтобы совершенно предать себя на сіе служеніе. Тогда опять говорятъ ему: «и такъ иди въ монахи!» Но монашество и священство двѣ совершенно различныя вещи; иной можетъ быть прекраснымъ священникомъ, но не въ состояніи выполнить обѣтовъ иноческой жизни, усиленныхъ поста и молитвъ, заключенія неисходнаго изъ стѣнъ обители; иначе для чего и постригаться человѣку, обдумывающему въ началѣ, на какой онъ рѣшается подвигъ? Я только слегка коснулся сего вопроса, зная, что онъ представитъ много пререканій; но и этотъ во-

цросъ облегчился бы, если не будутъ спѣшить рукоположеніемъ въ священство.

Обращаюсь къ устройству внутреннему семинарій духовныхъ, о благолѣпіи коихъ столько приложено стараній въ послѣднее время. Епископы эпархіальные, которые и прежде недостаточно входили своею личностію и прямою заботою въ ихъ управленіе внутреннее, хотя это собственно есть апостольская сторона ихъ великаго сана, теперь еще болѣе устранились, съ тѣхъ поръ, какъ ректоры поступили подъ вѣдѣніе духовно-учебнаго правленія, канцелярская формальность замѣнила пастырскія попеченія, и ректоры, зная, что они отвѣтственны сему правленію болѣе, нежели собственному эпархіальному начальству, иногда не обращаютъ на него вниманія; а епископы, съ своей стороны, чувствуя эти взаимныя отношенія, рукополагаютъ большею частію тѣхъ, которыхъ имъ представляютъ достойными, какъ выдержавшихъ хорошо экзаменъ; они обязаны даже, по степени сего испытанія, давать лучшія мѣста ученикамъ: иначе на нихъ поступятъ жалобы высшему начальству. Можно ли ожидать христіанскихъ плодовъ отъ такого отчужденія, въ самыхъ началахъ воспитанія духовнаго, прямой заботы пастырской отъ имѣющихъ поступить подъ ихъ начальство въ санѣ священства?

Въ чемъ же состоитъ нравственнее вліяніе ректоровъ и инспекторовъ на своихъ учениковъ? Хотя они и облечены въ санъ священства, но никогда почти не бываютъ ихъ духовными отцами; ибо на нихъ смотрятъ, какъ на начальниковъ, отъ которыхъ надобно стараться скрывать всѣ возможные безпорядки. Съ нѣкотораго времени завелся обычай назначать инспекторовъ изъ мірянъ, чѣмъ еще умножается къ нимъ неуваженіе учениковъ и внѣшнихъ людей, привыкшихъ издавна, чтобы сіи начальственныя степени занимаемы были монашествующими. И ректоровъ и инспекторовъ видятъ наиболѣе въ классахъ, или при случаяхъ служебныхъ; мало общенія между ними и ихъ малымъ стадомъ, хотя въ числѣ ихъ есть весьма достойные люди; но такой уже завелся порядокъ, и они, держа себя далеко и высоко, думаютъ стяжать тѣмъ больше уваженія, а между тѣмъ ученики ихъ оставлены на свой произволъ, иногда весьма печальный.

Счастливы тѣ изъ нихъ, у которыхъ есть благонравные родители, могущіе наблюдать дома за ихъ нравственностію, но большею частію они въ отсутствіи; посему, въ свободные часы и при увольненіи, бываютъ случаи безнравственности, за которыми никто усмотрѣть не можетъ изъ внутри, а внѣшніе ихъ видятъ. Однимъ лишь формальнымъ образомъ дѣйствовать, при воспитаніи духовномъ, нельзя, ибо сухое сѣмя не принесетъ плода; этотъ недостатокъ кроткаго

начальственнаго вниманія и христіанской любви отзывается на всю будущность учениковъ, дѣлая ихъ по большей части людьми боязливыми и неискренними, не говоря о порокахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Невольно вспомнишь примѣръ незабвеннаго князя-инока Аникиты Шихматова, который, будучи отдѣленнымъ офицеромъ въ Морскомъ Корпусѣ, имѣлъ такое спасительное вліяніе на своихъ кадетовъ, что былъ ихъ умиротворителемъ и отцемъ, и все свое отдѣленіе сдѣлалъ нравственнымъ, пріучивъ къ молитвѣ, хотя и не былъ еще облеченъ духовнымъ саномъ. Вотъ какъ дѣйствуютъ слово любви христіанской и примѣръ благочестивой жизни наставника, а гдѣ же ихъ искать преимущественно, если не въ духовномъ училищѣ? Нравственный надзоръ старшихъ за младшими гораздо удобнѣе въ отдѣльныхъ комнатахъ, нежели въ одномъ общемъ залѣ, гдѣ смѣшаны всѣ возрасты; что̀ касается до общихъ спальныхъ палатъ, то хотя онѣ, сколь возможно, и раздѣлены по возрастамъ, однако ими притупляется чувство стыдливости, которое весьма важно въ молодомъ человѣкѣ, приготовляющемъ себя къ духовному званію; если же не будетъ преимущественно развито нравственное воспитаніе учениковъ, чрезъ отеческое наблюденіе и назиданіе ближайшихъ духовныхъ попечителей, то мало принесутъ пользы всѣ науки, которымъ научится только умъ, безъ образованія сердца,—и самая вѣра отъ того пострадаетъ. Къ сожалѣнію должно замѣтить, что, не смотря на вновь издаваемыя прекрасныя учебныя книги и на всѣ усилія утвердить въ семинаріяхъ ученіе Православія на прочныхъ началахъ, ученики выходятъ часто безъ теплой вѣры и не разумѣютъ своего высокаго званія.

Многое бы можно еще сказать о способѣ преподаванія и самомъ распредѣленіи наукъ, но это завлекло бы слишкомъ далеко отъ моего предмета; нельзя не замѣтить однако мимоходомъ, что необходимо изученіе болѣе благоговѣйное и практическое церковнаго устава, во всѣхъ его видахъ, для готовящихся къ священству, и что классъ полемическаго богословія противъ собственныхъ расколовъ, столь многоразличныхъ и мало извѣстныхъ, полезнѣе изслѣдованія иныхъ ересей, давно оставленныхъ, или существующихъ на чужбинѣ. Это приготовило бы священника къ противодѣйствію расколу, хотя по истинѣ лучшее противодѣйствіе есть добрая его жизнь и благоговѣйное совершеніе чина богослуженія, къ сожалѣнію слишкомъ часто опускаемаго съ пренебреженіемъ.

Не въ укоръ и осужденіе духовнымъ училищамъ раскрываю здѣсь ихъ внутреннія неустройства, но для возможнаго исправленія, свидѣтельствуя при томъ, что много истинно-достойныхъ людей вышло на высокія степени изъ сихъ разсадниковъ духовныхъ, и что

между новымъ поколѣніемъ священниковъ есть также много замѣчательныхъ служителей церкви. Желательно, чтобы мои благонамѣренныя замѣчанія объ образованіи учениковъ, достигши самыхъ образователей, не возбудили, вмѣсто соревнованія исправить недостатки, непріятное чувство оскорбленнаго самолюбія; это однако не должно закрывать уста желающему лучшаго, по убѣжденію своей совѣсти.

Слѣдствіемъ такого воспитанія духовнаго, еще болѣе нежели убожества, есть то корыстолюбіе, которымъ страждетъ наше духовенство и противъ котораго попечительное правительство старалось дѣйствовать различными мѣрами, обративъ особенное вниманіе на требы. Конечно не въ томъ состоитъ неблаговидность, что священникъ пользуется нѣкоторымъ возмездіемъ за совершаемыя имъ требы (хотя это многихъ соблазняетъ), потому что и самъ Апостолъ въ посланіи къ Коринѳянамъ говоритъ: «Не вѣсте ли яко дѣлающіи священная отъ святилища ядятъ и служащіи алтарю со алтаремъ дѣлятся! Такъ и Господь повелѣ проповѣдающимъ благовѣстіе отъ благовѣстія жити.» (I Кор. IX, 13, 14). Слѣдственно въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго нареканія, и даже не можетъ существовать иной порядокъ; ибо и священникъ, по немощи человѣческой, кромѣ духовныхъ побужденій, долженъ имѣть, особенно въ состояніи бѣдности, нѣкоторыя и вещественныя побужденія, чтобы на всякій часъ быть готову стремиться во всѣ стороны, на помощь своихъ прихожанъ, въ отдаленныя селенія. Но церковь оградила таинство причащенія строгимъ вселенскимъ правиломъ шестаго собора отъ всякаго малѣйшаго воздаянія.

Однако, общій ропотъ на вымогательство за требы побудилъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, опредѣлить свѣчной сборъ со всѣхъ церквей Имперіи, кромѣ монастырскихъ, для составленія платы общественной за сіи требы, такъ чтобы уже не могли оной домогаться священнослужители. Но собираемая сумма оказалась при началѣ недостаточною для удовлетворенія столь великаго числа людей, и ее обратили на устройство духовныхъ училищъ. Отъ этого произошло другое нравственное зло: съ одной стороны народъ роптал, что деньги, жертвуемыя имъ на благолѣпіе церковное, употребляются на иной предметъ, и что поставляемыя имъ предъ иконами свѣчи скоро гасятъ для того, чтобы воспользоваться большею массою воска для продажи новыхъ свѣчей; съ другой, самые священнослужители поставлены въ щекотливое для ихъ совѣсти положеніе. Съ нихъ требуютъ каждогодно вѣрнаго отчета въ свѣчномъ сборѣ и кто болѣе представляетъ денегъ или умножаетъ сей сборъ, тотъ представляется къ наградамъ; а между тѣмъ, если бы они отдавали всю сумму свѣчную, то одного кошельковаго сбора недостаточно было бы для поддержанія необходимаго въ

храмахъ благолѣпія. Для сего священнослужители обязаны дѣлать тайныя сдѣлки съ церковными старостами, чтобы отдѣлять часть свѣчнаго сбора въ кошельковый, и такимъ образомъ обманывать, съ ущербомъ своей совѣсти, эпархіальное начальство, которое также, зная, что тутъ дѣйствуетъ крайность, смотритъ на это слегка, чтобы не раззорять церквей. Достойно ли священнаго сана такое ложное дѣйствованіе, которое однако поставляетъ священниковъ въ зависимость отъ своихъ старостъ? Кажется, если мѣра сія была неизбѣжна въ началѣ, для составленія училищнаго капитала, то теперь, когда уже его собрано достаточно, чтобы содержать училища духовныя изъ однихъ процентовъ, не время ли прекратить такой сборъ, хотя до нѣкоторой степени? Недостающее, если окажется надобность, можно бы дополнить изъ той суммы, которая вновь назначена для прекращенія платы за требы, и къ сожалѣнію не съ полнымъ успѣхомъ. При такомъ большомъ и благонамѣренномъ пожертвованіи со стороны правительства, которое не щадитъ собственныхъ средствъ для блага своихъ подданныхъ, едва ли не болѣе произошло вреда нежели пользы для церкви отъ сей мѣры, которая, казалось, должна была удовлетворить всѣ требованія и нужды какъ священнослужителей, такъ и прихожанъ. Вникнемъ въ причины сего неуспѣха.

Первая причина, какъ я уже сказалъ, есть нравственный недостатокъ образованія сердечнаго, при образованіи умственномъ, нашихъ духовныхъ, которые, выходя изъ училищъ, почитаютъ всякаго рода вымогательства позволенными, потому что привыкли къ сему въ домашнемъ быту и поставлены въ крайнее положеніе вынужденнымъ бракомъ. Сколько бы ни положило имъ жалованья правительство, оно ихъ не удовлетворитъ, при возрастающемъ вкусѣ къ роскоши и утратѣ первобытной простоты; деньги за требы, позволенныя и не позволенныя, сдѣлаются имъ необходимы. Если они нравственно не убѣждены въ безнравственности такого рода вымогательства, то довольно скромною платою ихъ нельзя исцѣлить отъ сего порока, тѣмъ болѣе, что самые благочинные, приставленные смотрѣть за ними, не только не подаютъ имъ благаго примѣра, но сами, подъ предлогомъ необходимыхъ разъѣздовъ, обкладываютъ ввѣренныя имъ церкви ежегоднымъ оброкомъ въ свою пользу. Можно ли сверхъ сего поручиться, чтобы и самое жалованье духовенства, разсылаемое чрезъ посредство консисторій, доходило сполна во всѣ приходы безъ малѣйшаго вычета въ пользу чиновниковъ?

Вторая и существенная причина есть та, что средства не соотвѣтствовали цѣли, оттого что ихъ хотѣли безразлично, повсюду одинаково, распространить и, вмѣсто ожидаемой пользы, произошелъ ви-

димый вредъ. Мѣра сія, столь же щедрая, сколько и благонамѣренная, дѣйствительно была полезна въ западномъ краѣ, гдѣ мало духовенства, почти не было діаконовъ, и священнослужители находились въ совершенномъ убожествѣ при большихъ приходахъ, потому что паства ихъ, недавно обращенная изъ Уніи, не имѣла средствъ платить имъ за требы. Она была полезна и въ нѣкоторыхъ смежныхъ губерніяхъ, и даже въ Новороссійскихъ, потому что тамъ еще не усвоился древній бытъ нашей церкви. Но какъ только начали распространять туже мѣру на внутреннія многолюдныя наши эпархіи, гдѣ уже давно существовало множество церквей, даже съ двумя и тремя причтами, и гдѣ народъ искони привыкъ къ благолѣпію богослуженія, по особенному своему усердію къ святынѣ, сейчасъ отозвались неудачныя примѣненія сей мѣры, неудовольствіемъ прихожанъ, которыхъ лишали ихъ духовнаго утѣшенія, и бѣдствіемъ духовенства, которое повергалось въ крайнюю нищету вмѣсто помощи.

Главная ошибка состояла въ томъ, что приняты были въ соображеніе не лица, а деньги, и для того, чтобы уравнять сумму по числу приходовъ, которые раздѣлили на различные классы, рѣшились сократить многіе изъ нихъ и приписать церкви одну къ другой, дабы на все достало предположенной суммы. Наконецъ, для достиженія той же экономической цѣли, рѣшились коснуться древняго чина церковнаго, столь отчетисто устроеннаго и котораго малѣйшее измѣненіе всегда опасно, особенно въ нынѣшнія времена. Не только закрыли церкви, но и уничтожили двойные причты, которые однако издавна существовали, и не по прихоти, а по необходимости мѣстной или какой либо особенно чтимой святыни, и безъ обремененія прихожанъ, болѣе роптавшихъ на лишеніе, нежели на содержаніе оныхъ,—но даже сократили существенный, необходимый штатъ приходской церкви, діаконовъ, которыми хвалится Восточная церковь, когда ихъ почти уничтожила у себя Западная, и которые необходимы, не только для благолѣпія богослуженія, но и для пособія священнику, при болѣзни клириковъ, уничтожили почти вовсе, такъ что они остались въ однихъ только городахъ, или тамъ, гдѣ впослѣдствіи захотѣли удержать у себя прежнихъ сами прихожане; а бывало прежде, всякій приходъ, считающій болѣе 500-тъ душъ, имѣлъ у себя діакона и тѣмъ утѣшался.

Кромѣ того, изъ двухъ причетниковъ упразднили одного, и вмѣсто сего положили окладъ для просвирни. Бывшіе діакониссы въ первенствующей церкви смотрѣли за болящими и странными; но просвирня, пекущая просфоры для своей пользы, ибо не безденежно ихъ отпускаетъ, есть ли необходимое лице для церкви? Къ тому же, какъ священникъ можетъ довольствоваться, для совершенія литургіи и осо-

бенно всенощной службы, однимъ дьячкомъ? Мы видимъ въ Римской церкви, что достаточно одного мальчика, дабы прислуживать на тайной обѣднѣ священнику; но можетъ ли это сравниться съ нашимъ многосложнымъ богослуженіемъ; тѣмъ болѣе что, по правиламъ соборнымъ, никто не долженъ входить въ алтарь кромѣ клирика? Какъ же основывать новое положеніе на нарушеніи древняго соборнаго правила? Можно ли въ одно время пѣть, читать на клиросѣ и подавать кадило, и даже выходить для звона? Каково одному прочитать все положенное на всенощной? А въ случаѣ болѣзни причетника, кто замѣнитъ его въ церкви и съ кѣмъ обходить приходъ? Неужели надѣяться на усердныхъ прихожанъ, особенно въ селахъ, гдѣ мало грамотныхъ и люди заняты работами? Да и самъ священникъ, если онъ одинъ и обремененъ приходомъ въ 700 и болѣе душъ, можетъ ли совѣстливо исполнить пастырскую свою обязанность, при многочисленныхъ требахъ его отвлекающихъ во всѣ стороны и которыя не могутъ никакъ сравниться съ западными? Какихъ трудовъ стоитъ одинъ великій постъ, чтобы приготовить столькихъ прихожанъ, ежедневнымъ служеніемъ, кромѣ постороннихъ требъ; ибо всѣ вмѣстѣ, въ большомъ числѣ, говѣть не могутъ! Если же, ради невозможности, начнутся сокращенія или совершенныя опущенія службы божественной (что̀ по необходимости и началось въ тѣхъ приходахъ, гдѣ уничтожили двойные причты и сократили единственные) то не охладѣетъ ли ревность прихожанъ къ церкви, когда вмѣсто полнаго благолѣпнаго богослуженія, къ которому искони привыкли, видятъ усѣченное, не разумѣя сами что̀ это значитъ? Внятное богослуженіе, по большей части, составляетъ катихизическое ученіе нашего народа, не имѣющаго иного; тѣмъ болѣе надобно оберегать его, а не умалять изъ видовъ экономическихъ, ибо легко отучить отъ церкви, но трудно опять пріучить; и какое это будетъ торжество для раскольниковъ, пользующихся всѣми случаями равнодушія и безнравственности клира и прихода, чтобы завлечь въ свой расколъ?

До̀стойно вниманія и то, что въ иныхъ мѣстахъ, тамъ, гдѣ народъ не роипталъ на содержаніе своего клира, какъ только узналъ, что положено жалованье священнослужителямъ, сталъ почитать уже себя необязаннымъ содержать ихъ, и даже сдѣлался взыскательнѣе, полагая, что, ради сего жалованья, они непремѣнно должны исполнять всѣ требы безмездно. Раскольники же прямо стали называть ихъ гражданскими чиновниками, такъ что, и въ нравственномъ отношеніи, мѣра сія нарушила древнее патріархальное отношеніе между пастыремъ и паствою, хотя и сопряженное иногда со злоупотребленіями, которыя впрочемъ не прекратились тамъ, гдѣ не добрые пастыри.

Въ отношеніи же самихъ священнослужителей она поставила въ затруднительное положеніе эпархіальное начальство во внутреннихъ губерніяхъ. Вмѣсто того, чтобы раздѣлять оклады между существующими причтами, въ видѣ пособій, начали упразднять самые причты, и такимъ образомъ много священниковъ, діаконовъ и клириковъ, съ ихъ семействами, остались совершенно безъ мѣстъ и слѣдственно безъ пропитанія, на рукахъ попечительства духовнаго, которое не могло содержать до двухъ сотъ семействъ, особенно въ большихъ эпархіяхъ. Нѣкоторые оставались до времени на мѣстахъ, тамъ гдѣ прихожане и большею частію помѣщики пожелали ихъ содержать; другихъ велѣно было размѣстить на первыя открывающіяся вакансіи. Но если это легко было сдѣлать въ южныхъ губерніяхъ, то весьма оказалось затруднительнымъ во внутреннихъ, такъ что и до сихъ поръ многіе безъ мѣста, а между тѣмъ велѣно было не производить новыхъ священнослужителей. Чрезъ это переполнились семинаріи, потому что, отъ множества безмѣстныхъ и отъ сокращенія самыхъ мѣстъ діаконскихъ и причетническихъ, уже некуда было опредѣлять учениковъ. Это обстоятельство само собою привело къ новой мѣрѣ, не менѣе стѣснительной для духовенства, которую и прежде уже приготовляло безпрестанно умножающееся число учениковъ въ духовныхъ училищахъ,—сокращеніе числа ихъ. Священнослужители, привыкшіе къ сему единственному пути образованія своихъ дѣтей, теперь не знаютъ, чтó съ ними дѣлать; а такой многолюдный классъ людей, безъ всякихъ средствъ къ пропитанію, хотя временно и не будетъ обременять содержаніемъ своимъ духовныя училища, но тѣмъ не менѣе останется тяжкимъ, а можетъ быть и не-безвреднымъ бременемъ для государства.

Если бы остановилась новая система сокращенія приходовъ и причтовъ (которая еще не коснулась всѣхъ эпархій, и особенно столицъ и городовъ, но весьма чувствительна въ селахъ) и возобновились прежнія діаконскія и причетническія мѣста, тамъ, гдѣ они упразднены (хотя это и довольно трудно теперь) и ежели бы, сверхъ того, каждый готовящійся къ священству долженъ былъ необходимо проходить по два года двѣ нижнія степени, то открылось бы опять много вакантныхъ мѣстъ. Оклады могли бы раздѣляться между нуждающимися вмѣсто того, чтобы принадлежать исключительно одному причту; помѣщики, которые въ иныхъ селахъ пожелали сохранить прежній штатъ священнослужителей, приглашены были бы къ содѣйствію вспомогательному, которое не должно лежать на раменахъ одного правительства; тогда, быть можетъ, возстановился бы старой порядокъ, который еще такъ недавно нарушенъ, что не успѣлъ укорениться новый, и отъ того бы умножилось благолѣпіе церковной службы, столь необходимое для

православнаго народа. Приведу въ примѣръ село Лысково, бывшее князя Грузинскаго, въ Нижегородской губерніи, которое, кажется, еще не подверглось сокращенію штатовъ. Тамъ до семи церквей, при одной соборной, и богослужіе совершается какъ въ обителяхъ; народъ гордился благолѣпіемъ церковнымъ и говоритъ, что въ городѣ нѣтъ подобнаго, но начиналъ уже скорбѣть, почему не опредѣляютъ новыхъ діаконовъ, ибо остался только одинъ при соборѣ. Конечно, число церквей слишкомъ велико по одному селу, хотя и многолюдному; но какой же отъ этого вредъ, когда народъ безъ ропота ихъ содержитъ при помощи помѣщика? Будетъ ли лучше, если запрутъ пять изъ семи и припишутъ ихъ къ собору? Не остынетъ ли ревность народа къ богослуженію, и не дастъ ли это средствъ къ водворенію раскола? Теперь народъ боится сокращенія, а потомъ уже не захочетъ стараго порядка, какъ случилось во многихъ мѣстахъ. Я привожу одинъ только примѣръ изъ многихъ, чтобы указать, какъ возникла въ нашей церкви сія новая болѣзнь, прежде не существовавшая и единственно отъ добраго желанія уврачевать иныя болѣзни. Но трудно врачевать ихъ издали, безъ опытности мѣстной, которая можетъ быть только у ближайшихъ надзирателей или епископовъ, по точному переводу сего Греческаго слова; ибо епископъ значитъ собственно *надзиратель*, а посему, отъ самаго начала церкви христіанской, они и находились почти въ каждомъ городѣ, для ближайшаго наблюденія за своею паствою.

Да будетъ мнѣ позволено распространиться нѣсколько о семъ предметѣ, какъ о самомъ жизненномъ для церкви; ибо не можетъ она существовать безъ епископовъ, и тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, угасаетъ, какъ мы это видимъ въ обществахъ протестантскихъ. Римская хвалится осмью стами своихъ епископовъ, какъ знаменіемъ вселенства, и даже бѣдствующая церковь Греческая считаетъ ихъ около двухъ сотъ, въ четырехъ областяхъ патріаршихъ, и съ ними только могла вынести четырехъ вѣковую бурю магометанства. Мы же не можемъ похвалиться большимъ числомъ ихъ: при столь необъятномъ пространствѣ вселенской можно сказать Имперіи, простирающейся въ три части свѣта, не насчитаемъ и 60-ти эпархій, изъ которыхъ есть столь многолюдныя, что онѣ заключаютъ въ себѣ до двухъ милліоновъ жителей. Есть ли возможность пастырскимъ окомъ обозрѣть такую паству и принести ей живую дѣятельную помощь Слова Божія и прямаго наблюденія за ея нравственнымъ усовершенствованіемъ? Достойно вниманія, что и въ предѣлахъ Имперіи таже несоразмѣрность паствы Римской и Православной, въ отношеніи своихъ пастырей; такъ напримѣръ, въ Подольской эпархіи, архіерей Римскаго исповѣданія управляетъ только

120-ю приходами, православный же имѣетъ ихъ около 1400; такъ и въ другихъ эпархіяхъ.

Въ первыя времена христіанства, когда, по манію Великаго Константина, церковь вызвана была изъ катакомбъ и внезапно явилась на пространствѣ всей его необъятной Имперіи, и въ послѣдующіе за тѣмъ вѣка вселенскихъ соборовъ, чрезвычайно дѣятельно было участіе пастырей въ духовномъ направленіи своего стада. Дважды въ годъ, всѣ мѣстные епископы собирались въ областной городъ къ первенствующему между ними архіепископу, который носилъ титло митрополита, если былъ епископъ столицы, т.-е. митрополіи. Отъ чего же, при томъ глубокомъ уваженіи, какимъ пользуются у насъ архіереи, и при христіанскихъ добродѣтеляхъ, которыми почти всѣ они украшены, не столько видимъ мы успѣха нравственнаго во ввѣренныхъ имъ эпархіяхъ, сколько бы надлежало того ожидать? Много тому найдется причинъ, если доходить до самаго источника. Первая— есть недостатокъ, у пастырей нашихъ, опыта житейскаго и даже иногда монашескаго; хотя епископы облечены во внѣшній образъ иночества, но не всѣ имѣли случай жить въ монастыряхъ. Проходя сперва должности профессорскія, потомъ обязанности инспекторовъ и ректоровъ, они по необходимости имѣютъ болѣе школьное направленіе, а если и присутствовали, какъ члены, въ консисторіяхъ, то это дало имъ только навыкъ къ дѣламъ бумажнымъ; но нѣтъ въ нихъ той общежительности и познанія людей, которыя столь утѣшительны во взаимныхъ отношеніяхъ пастырей съ ихъ паствою. Качества сіи болѣе встрѣчаются между поступившими въ санъ архіерейскій изъ вдовыхъ священниковъ; но здѣсь, наоборотъ, не всегда преодолѣваются свѣтскіе обычаи духомъ иночества, котораго мы привыкли желать въ пастыряхъ нашихъ, облеченныхъ двойнымъ характеромъ инока и епископа.

Если бы епископы избирались не только изъ однихъ ректоровъ, а иногда, какъ бывало встарину, рукополагались бы изъ заслуженныхъ настоятелей обителей: то большая бы проистекала отъ ихъ духовной опытности польза, и для эпархіи, и для самыхъ монастырей; покрайней мѣрѣ много такихъ примѣровъ видали въ прежнія времена. Назидательное ихъ слово, съ простотою обращенія, дѣйствовало бы ближе и сильнѣе на сердца паствы, ибо они сами руководились бы многолѣтнимъ опытомъ духовной жизни. И теперь, не смотря на тѣ недостатки, которые могутъ встрѣчаться въ нынѣшнихъ епископахъ, такъ священно и благоустроенно апостольское учрежденіе сего высокаго сана, проручествуемаго благодатію Св. Духа, и столь глубоко вкоренились въ сердца православныхъ любовь и уваженіе къ своимъ

пастырямъ, что, при малѣйшемъ соревнованіи ихъ къ добру, многое могутъ они сдѣлать; самые ихъ недостатки скрываются подъ сѣнію той святыни, какою они облечены въ глазахъ своей паствы, помнящей слова Господа Своимъ ученикамъ: «слушаяй васъ, Мене слушаетъ, и отвергающій васъ, Мене отвергается».

Есть и другія внѣшнія причины, препятствующія успѣху ихъ проповѣди; одна изъ самыхъ главныхъ—частое ихъ перемѣщеніе съ одной каѳедры на другую. Правило перваго вселенскаго собора строго запрещало перемѣщеніе епископовъ изъ града въ градъ, и самъ великій свѣтильникъ церкви, св. Григорій Богословъ, принужденъ былъ удалиться съ каѳедры Цареградской, на второмъ вселенскомъ соборѣ, потому только что онъ призванъ былъ туда съ иной каѳедры, вопреки Никейскому правилу. Достойно вниманія и то, что, при рукоположеніи священниковъ, не называется церковь, къ которой они поставляются, а при рукоположеніи епископа ясно обозначается эпархія его, какъ нѣчто неподвижное, сими словами: «избраніемъ боголюбезнѣйшаго собора, божественная благодать, всегда немощныя врачующи, проручествуетъ благоговѣйнѣйшаго архимандрита NN во епископа богоспасаемаго града (имя)» и проч. Поставленіе епископа пастыремъ извѣстной церкви есть какъ бы духовное обрученіе съ нею, и такъ сильно укоренилась мысль сія на Востокѣ, что хотя въ Константинопольскомъ патріархатѣ и допускаются, по тѣснымъ обстоятельствамъ, перемѣщенія, но уже послѣ трехъ разъ перемѣщаемый архіерей не называется болѣе архіепископомъ или митрополитомъ такого-то города, а только *предстоятелемъ*, по тому тайному сознанію, что четвертый бракъ запрещенъ церковью. Въ Римской церкви весьма рѣдко, и развѣ только въ особенныхъ случаяхъ, бываютъ перемѣщенія епископовъ, коль скоро они уже назначены изъ *титулярныхъ* (in partibus infidelium) *въ дѣйствительные* какой либо эпархіи. У насъ же, напротивъ, перемѣщенія съ каѳедры на каѳедру становятся все болѣе и болѣе часты, такъ что случалось инымъ епископамъ по два раза въ годъ перемѣнять свои эпархіи; а если которые остаются на мѣстѣ, кромѣ разумѣется митрополитовъ, то это какъ будто служитъ знакомъ малаго къ нимъ вниманія, по ихъ неспособности. Но можетъ ли при такихъ частыхъ перемѣнахъ водворяться желаемый порядокъ въ эпархіяхъ, когда епископъ не имѣетъ почти времени ознакомиться, не только съ лицами, но и съ дѣлами? Если это знаніе необходимо и для гражданскаго начальства, то кольми паче для духовнаго, которое должно проникать не только въ одну внѣшность, но и глубже изучать нравы своей паствы и подчиненныхъ ему пастырей, чтобы дѣйствовать на нихъ съ успѣхомъ, особенно

гдѣ нужно искоренять расколъ? А между тѣмъ священники и паства, привыкнувъ къ частой перемѣнѣ, дѣлаются равнодушными къ безпрестанно переходящимъ своимъ пастырямъ и не стараются исправиться въ ожиданіи новаго; да и самые архіереи не столько радѣютъ о своихъ духовныхъ чадахъ, зная, какъ не прочно ихъ жительство между ними, и ничего не могутъ предпринять для ихъ душевной пользы, ибо ежечасно ожидаютъ своего перемѣщенія. Можно ли тутъ ожидать успѣха нравственнаго, и не грустно ли такое положеніе, въ которомъ сама собою уничтожается дѣятельность пастырская, обращаясь въ одну только представительность на торжественные случаи? Посему нѣкоторые изъ нихъ довольствуются однимъ частымъ священнослуженіемъ и рукоположеніемъ, слегка лишь наблюдая за теченіемъ дѣлъ консисторскихъ и отклоняя отъ себя всѣ трудные вопросы, какъ бы имъ чуждые, ожидая лучшей эпархіи: ибо они сердечно не связаны съ тою, на чьей каѳедрѣ временно обрѣтаются. Конечно, есть необходимые случаи, въ которыхъ неизбѣжно перемѣщеніе епископовъ, но они рѣдки: ибо той пользы, которую могутъ принести въ частности, нельзя сравнить съ тѣмъ нравственнымъ ущербомъ, какой вообще неразлученъ съ перемѣщеніемъ.

Приведу нѣсколько примѣровъ въ подтвежденіе моихъ словъ. Часто слыхалъ я отъ ревностнаго пастыря архіепископа Игнатія, бывшаго Олонецкаго, когда онъ засѣдалъ въ Св. Сѵнодѣ, будучи уже Воронежскимъ: «что если бы его не перевели на Донъ и оставили бы еще лѣтъ пять во вновь устроенной эпархіи Олонецкой, гдѣ онъ былъ первымъ епископомъ, то, съ Божіею помощію, онъ бы надѣялся обратить тамъ всѣхъ раскольниковъ». И этому можно было повѣрить. Пастырь сей, уроженецъ сѣверный, изучилъ расколъ во всѣхъ его отрасляхъ и многое противъ него написалъ; онъ имѣлъ удивительное искусство и терпѣніе состязаться съ раскольниками, входилъ въ ихъ скиты и, иногда, по цѣлымъ днямъ просиживалъ въ избахъ крестьянскихъ, на что конечно не каждый рѣшится; и потому спасительный успѣхъ увѣнчалъ его пастырскія старанія. Но дѣло *обращенія* само собою остановилось, когда на его мѣсто поступилъ изъ здѣшнихъ викаріевъ преосвященный Венедиктъ, человѣкъ вовсе не приготовленный къ такого рода занятіямъ и сверхъ того постоянно отсутствовавшій изъ своей эпархіи по засѣданію въ Св. Синодѣ. Будучи уроженцемъ западныхъ губерній, онъ слылъ обливанцемъ между раскольниками и, употребляя табакъ, служилъ для нихъ предметомъ соблазна, хотя жизнь его была неукоризненна.

Послѣ него болѣе года эпархія Олонецкая оставалась безъ пастыря, и такое сиротство конечно благопріятствовало расколу, доколѣ

наконецъ былъ назначенъ туда преосвященный Аркадій Пермскій, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, который въ теченіи двѣнадцати лѣтъ дѣйствовалъ съ пользою у себя въ эпархіи противъ своихъ раскольниковъ. Другимъ примѣромъ можетъ послужить преосвященный Нижегородскій, недавно здѣсь скончавшійся и оставившій по себѣ память великаго подвижника. Семнадцать лѣтъ, съ чрезвычайною ревностью, заботился онъ объ искорененіи раскола, въ бывшей своей Саратовской эпархіи, и успѣлъ устроить тамъ единовѣрческую церковь, по тому глубокому уваженію, какое питалъ народъ къ его подвижнической жизни, ибо это всего болѣе дѣйствуетъ на раскольниковъ. Его мѣсто заступилъ изъ здѣшнихъ викаріевъ преосвященный Аѳанасій, человѣкъ ученый; но перемѣна въ пастырѣ произвела чувствительное вліяніе на раскольниковъ. Открытіе новой Самарской эпархіи будетъ для нихъ сильнымъ противодѣйствіемъ при ревностныхъ трудахъ преосвященнаго Евсевія.

Много другихъ примѣровъ можно бы представить; но легче говорить о усопшихъ пастыряхъ, нежели о живыхъ, для того, чтобы не показалось личностью искреннее слово. Святители наши, какъ Митрофанъ Воронежскій, Иннокентій Иркутскій, Димитрій Ростовскій, полагали кости свои, во утвержденіе своей паствы, тамъ гдѣ они много лѣтъ священнодѣйствовали, и лѣтописный рядъ гробовъ архіерейскихъ въ церквахъ соборныхъ возбуждаетъ благоговѣйную о нихъ память въ народѣ; ибо преданіе о нихъ переходитъ изъ устъ въ уста, какъ напримѣръ о святителѣ Митрофанѣ и Тихонѣ. Частые же ихъ переходы дѣлаютъ то, что они не оставляютъ никакого впечатлѣнія въ сердцѣ народа; ибо, перемѣнивъ многія эпархіи, приходятъ уже старцами гдѣ либо доживать вѣкъ свой, какъ бы на чужбину, не утѣшаемые любовію невѣдомой имъ паствы. Трудно было бы составить теперь списокъ іерархическій эпархіальныхъ архіереевъ, при столь частыхъ перемѣнахъ, и самая степень древнихъ эпархій, которая столько соблюдается на Востокѣ, теряетъ у насъ свое значеніе.

Самая обширность нѣкоторыхъ изъ нихъ не позволяетъ заботливому пастырю обозрѣть ее наблюдательнымъ окомъ, дабы лично убѣдиться во всѣхъ ея нуждахъ, и не только изучить паству, но и самыхъ священнослужителей, которымъ по необходимости ввѣряетъ ея духовное назиданіе. Естьли физическая возможность одному архіерею обозрѣть до 800 или 1000 и болѣе приходовъ, при полутора и двухъ милліонахъ жителей? А иногда меньшее число приходовъ раскинуто на необъятномъ пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ верстъ, какъ въ нашихъ сѣверныхъ и Сибирскихъ губерніяхъ. Онъ долженъ, по необходимости, ограничиваться заочнымъ управленіемъ, основаннымъ на

однѣхъ бумагахъ, что̀ весьма гибельно для паствы. Отъ того, кромѣ неблагонравности клира, за которымъ нельзя усмотрѣть, возникаетъ множество тяжебныхъ дѣлъ, которыя архіерей могъ бы прекратить своею личностью на самомъ мѣстѣ, какъ это бываетъ на Востокѣ, гдѣ епископы словесно входятъ въ разборъ и умиротворяютъ распри. Преосвященный Камчатскій Иннокентій, мужъ по истинѣ апостольскій, странствуетъ по своей необъятной эпархіи, изъ конца въ конецъ, непрестанно переплывая Океанъ и совершая до 13.000 верстъ, по безпріютнымъ пустынямъ, на собакахъ и оленяхъ; но есть ли еще другой Иннокентій, не только въ Россіи, но и въ иныхъ земляхъ? *)

Многое было сдѣлано въ минувшее царствованіе для облегченія архіереевъ, сокращеніемъ ихъ эпархій, въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ было прежде: Олонецкая отдѣлена отъ Новгородской и Петербургской, Саратовская отъ Пензенской, Симбирская отъ Казанской, Херсонская отъ Екатеринославской, Донская отъ Воронежской, и потомъ еще отъ нея и отъ Астрахани отдѣлилась Кавказская, Томская отъ Сибирской; возникли вновь Камчатская, охватившая Сѣверъ Америки, Варшавская, утвердившая православіе въ нѣдрахъ царства Польскаго, и Рижская—въ провинціяхъ Остзейскихъ.

Въ тоже время двѣ новыя эпархіи присоединились изъ Уніи, Виленская и Полоцкая; еще недавно Самарская устроилась изъ трехъ смежныхъ эпархій. И въ предѣлахъ Грузіи, подъ начальствомъ экзарха, учредилось еще три эпархіи: Мингрельская, Гурійская и недавно Абхазская. Сверхъ сихъ семнадцати эпархій учреждены еще особые викаріаты въ Екатеринбургѣ, на Волыни и Подоли, въ Ковнѣ и Гроднѣ, Воронежѣ и Тифлисѣ. И такъ до 23-хъ новыхъ епископовъ стали на чреды свои, чтобы распространять свѣтъ православія по необъятнымъ предѣламъ Имперіи, и со всѣмъ тѣмъ, сколь ни велико число сіе, еще недостаточно пастырей для пасомыхъ, которые всѣ подъ сѣнію одного Русскаго Царя!

Наиболѣе нуждаются въ особыхъ пастыряхъ Востокъ Россіи—Сибирь, которая распространяется къ Югу и умножается народонаселеніемъ; а между тѣмъ расколъ и язычество представляютъ въ ней обильную жатву для дѣлателей. Но безъ епископовъ не будетъ жизни христіанской въ сихъ дикихъ племенахъ, или отпавшихъ дѣтяхъ церкви.

---

*) Стало быть, эта записка составлена раньше 1868 года, когда преосвященный Иннокентій перемѣщенъ въ Москву. А. Н. Муравьевъ указалъ на него, какъ на преемника Филарету. По кончинѣ сего послѣдняго, Муравьевъ неожиданно явился къ одной изъ ежедневныхъ собесѣдницъ покойной Государыни Маріи Александровны и, ставъ передъ нею на колѣна, просилъ доложить, для представленія Государю, что лучшаго митрополита нельзя назначить для Москвы. П. Б.

Для Забайкальскаго края необходимъ особый епископъ, гдѣ бы онъ тамъ ни поселился, и даже отдѣльная эпархія отъ Иркутской можетъ тамъ возникнуть. Епископъ викарный нуженъ въ Красноярскъ, гдѣ средоточіе золотыхъ промысловъ и стеченіе промышленниковъ требуютъ болѣе надзора и примѣра духовнаго. Важно и то обстоятельство, что въ случаяхъ смерти или перемѣщенія архіепископа Иркутскаго, викарій его, живущій въ Красноярскѣ, можетъ заступить его мѣсто, до новаго назначенія, и сіи обширныя страны не будутъ оставаться на нѣсколько мѣсяцевъ безъ пастыря, какъ это случилось послѣ смерти Михаила и удаленія Иринея. Необходимъ епископъ и въ Омскѣ, въ качествѣ ли викарія Тобольскаго, или отдѣльно; потому что граница наша отнесена на 800 верстъ къ Югу, и весь военный штабъ генералъ-губернатора Западной Сибири тутъ находится. Таже необходимость въ епископѣ-викаріи, или даже отдѣльномъ, чувствуется и въ Оренбургѣ, по тѣмъ же причинамъ распространенія къ Полдню нашихъ предѣловъ, и потому что это важный пунктъ сообщенія нашего съ Азіятскими народами, которые, быть можетъ, со временемъ обратятся къ свѣту Христову. Мы видимъ, какъ спасительно было назначеніе Иннокентія въ Америку, гдѣ тысячи язычниковъ, никогда не слыхавшихъ о христіанствѣ, начинали креститься. Таврическая губернія, гдѣ еще столько Татарскихъ поселенцевъ, потребуетъ также каѳедры епископской, когда отыдетъ на покой живущій въ ней митрополитъ Греческій Агаѳангелъ. И на Сѣверѣ нашего отечества, обширность трехъ смежныхъ между собою эпархій была бы сокращена учрежденіемъ каѳедры въ Великомъ Устюгѣ, о которой уже давно было сужденіе. Это самыя необходимыя; быть можетъ, и еще новыя возникнутъ.

Большую бы принесло пользу и умноженіе викаріевъ въ многолюдныхъ эпархіяхъ, какова наприм. Орловская и другія, гдѣ народонаселеніе доходитъ до милліона и болѣе, съ тѣмъ однако, чтобы сіи викаріи жили въ главнѣйшихъ уѣздныхъ городахъ, для ближайшаго надзора, и занимали мѣсто своихъ эпархіальныхъ, въ случаѣ ихъ отлучки. Весьма чувствительно для паствы, когда архіерей отсутствуетъ, иногда по три года и болѣе, на чередѣ въ Св. Синодѣ, и она ввѣрена надзору ближайшаго епископа (иногда весьма отдаленнаго) или если долго остается праздною каѳедра епископская по кончинѣ представителя, какъ это было съ Олонецкою и Нижегородскою и теперь продолжается въ древней Псковской эпархіи, скорбящей о лишеніи пастыря, ибо искони привыкла его имѣть у себя. Иногда же по двѣ эпархіи рядомъ бываютъ лишены архіереевъ довольно долгое время, по ихъ отсутствію или болѣзни, и тогда священнослужители принуждены

ѣздить за посвященіемъ по нѣскольку сотъ верстъ, чтó весьма для нихъ раззорительно, да и внутреннее устройство эпархіи отъ того страдаетъ. Все бы это устранилось, если бы въ старѣйшихъ и болѣе многолюдныхъ были поставлены викаріи, хотя должно сказать правду, кромѣ митрополій, въ которыхъ издавна къ нимъ привыкли, другіе эпархіальные архіереи не всегда умѣютъ уживаться съ своими викаріями, потому что не довольно распредѣлены ихъ взаимныя отношенія.

Это происходитъ отъ недостатка взаимнаго общенія между архіереями нашими, которое было бы чрезвычайно для нихъ полезно; потому что старшіе наставляли бы младшихъ, въ такихъ вопросахъ, которые не всегда можно излагать письменно. Въ прежнія времена церкви были ежегодно двукратныя собранія областныхъ епископовъ, собственно для нѣкоторыхъ предметовъ дисциплины или благочинія церковнаго, потому что для догматовъ и противъ ересей созывались помѣстные и вселенскіе соборы. Хотя Святѣйшій Синодъ и замѣняетъ у насъ постоянный соборъ, но онъ обремененъ текущими дѣлами, и все изъ него истекающее облечено формальностію закона, которая не можетъ быть усвоена всѣмъ маловажнымъ случаямъ жизни церковной. Мы видимъ и въ гражданскихъ дѣлахъ многообразные комитеты, которые безпрестанно собираются для разсужденія о какой либо правительственной мѣрѣ, при непрестающемъ однако дѣйствованіи правительственныхъ мѣстъ, облеченныхъ властію. У кого же лучше, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, могли бы найти себѣ совѣтъ и рѣшеніе на многіе случайные вопросы по эпархіи молодые епископы, если не у ближайшихъ старшихъ архіепископовъ, или у первенствующихъ членовъ, которые, по своему постоянному присутствію въ Святѣйшемъ Синодѣ, могутъ яснѣе видѣть направленіе дѣлъ? А новопосвященные архіереи иногда на всю жизнь остаются безъ совѣта, потому что не могутъ найти его у своихъ подчиненныхъ.

Не странно ли, напримѣръ, что въ семи епархіяхъ, составляющихъ какъ бы вѣнецъ около Московской, никому изъ архіереевъ не приходитъ на мысль посѣтить столицу для поклоненія ея святыни и для совѣщанія съ ея архипастыремъ, который однако уже болѣе тридцати лѣтъ, безъ лести сказать, свѣтитъ своею духовною мудростію всей церкви Россійской? Иногда только проѣздомъ въ Петербургъ, навѣщаютъ его нѣкоторые изъ вызываемыхъ для засѣданія въ Св. Синодѣ архіереевъ; а кажется есть чему у него поучиться, и можно получить отъ него ясное разрѣшеніе на многія недоумѣнія, ибо и изъ Св. Синода часто къ нему обращаются съ вопросами, если только они нѣсколько трудны. Однако окружающіе его епископы, которые могли бы съ нимъ видѣться, если не въ столицѣ, то во время его разъѣздовъ по

эпархіи, въ лаврѣ, или въ пограничныхъ городахъ, смежныхъ съ ихъ крайними уѣздами, вѣроятно не почитали для себя полезнымъ такое свиданіе. Недавно умершій епископъ Калужскій Николай, хотя былъ самъ изъ викаріевъ Московскихъ и глубоко уважалъ митрополита, однако, въ теченіи 20-ти лѣтняго жительства въ Калугѣ, ни одного раза не видался съ бывшимъ своимъ архипастыремъ.

Мы не можемъ понять такихъ отношеній по нашему свѣтскому образованію; но къ сожалѣнію мнительность есть общая болѣзнь, которою большею частію страждутъ всѣ духовные, отъ стѣснительнаго для сердца образа ихъ воспитанія, о которомъ я уже говорилъ прежде. Что же происходитъ отъ сего недостатка общительности? То, что, не довѣряя или чуждаясь равныхъ себѣ собратій, отъ которыхъ можно получить совѣтъ искренній, хотя и не всегда пріятный, епископы наши, по состоянію своего одиночества, требующаго какого бы то ни было общенія, часто подпадаютъ подъ вліяніе неблагонамѣренныхъ изъ числа своихъ подчиненныхъ, особенно домашнихъ письмоводителей или секретарей консисторіи, что́ весьма вредно для эпархіи: люди сіи хотя, и происходятъ также изъ духовнаго званія, но стоятъ на гораздо нисшей степени образованія и нравственности и могутъ быть только исполнителями подъ руководствомъ преосвященныхъ, не пользуясь однако полною довѣренностію, которая почти всегда ихъ превозноситъ и увлекаетъ въ корыстные виды, бросающіе непріятную тѣнь на самихъ епископовъ и на консисторіи. Самый кругъ понятій, обращаясь постоянно въ одной и той же рамѣ консисторскихъ дѣлъ, невольнымъ образомъ можетъ стѣсниться у архіереевъ; вмѣсто того, чтобы проникать дѣятельно въ нужды церковныя, они облекаются, какъ бронею, въ консисторскія формы и становятся недоступными, кромѣ какъ для своихъ присныхъ или для нѣсколькихъ почетныхъ лицъ въ губерніи, съ которыми, разумѣется, и разговоры свѣтскіе. Грустно видѣть такое расположеніе во врачѣ духовномъ, которое могло бы исцѣлиться взаимнымъ общеніемъ съ равными себѣ, когда отъ времени достигало бы до его слуха не лестное, но твердое слово, разсѣевающее недоумѣнія. Довольно странно, что эпархіальные архіереи, переходя съ каѳедры на каѳедру, какъ будто избѣгаютъ взаимнаго свиданія, и вновь поступающій выжидаетъ отъѣзда своего предмѣстника, чтобы прибыть, хотя бы могъ воспользоваться его опытностію, очень необходимою при вступленіи въ новую эпархію.

Экзархъ Грузіи, заступая мѣсто прежняго католикоса, какъ архіепископъ всея Иверіи, съ пользою служитъ такимъ общительнымъ духовнымъ центромъ для подчиненныхъ ему епископовъ Имеретіи, Мингреліи, Гуріи и Абхазіи, кромѣ собственнаго викарія, и его пастыр-

скими заботами оживаетъ церковь Грузинская. Москва и Кіевъ, гдѣ также украшены пастырскими добродѣтелями старцы-митрополиты, и старшія епископіи, Казанская на Востокѣ и Виленская на Западѣ Россіи, особенно при такихъ архипастыряхъ, каковы Григорій и Іосифъ, могли бы дѣйствовать столь же назидательно на окружающія ихъ эпархіи, по крайней мѣрѣ на ближайшія; а это бы дѣйствовало на благочиніе церковное и на самые расколы: потому что опытность старшихъ помогала бы младшимъ, и сверхъ того самая святыня Кіева и Москвы согрѣвала бы еще болѣе сердца посѣщающихъ ее епископовъ. Такъ доселѣ бываетъ и на Востокѣ, гдѣ титло архіепископа и митрополита не есть только одна личная степень, но (какъ у насъ въ Грузіи) выражаетъ и нѣкоторое преимущество старшаго надъ младшимъ, при равенствѣ степеней епископскихъ въ служеніи.

Скажу еще одно обстоятельство, которое необходимо для успѣшнаго дѣйствованія архіерея внутри своей эпархіи: это внѣшнее, собственное его благосостояніе, безъ котораго у него связаны руки, и я приведу въ подкрѣпленіе сему слова покойнаго архіепископа Іакова Нижегородскаго, котораго конечно нельзя упрекнуть въ любви къ роскоши, потому что онъ велъ самую строгую жизнь отшельника, на каѳедрѣ архіерейской. «Мы не желаемъ излишняго, желали бы только крайне необходимаго; ибо, по нашему высоко поставленному званію, отъ насъ многаго требуютъ. Народъ, видя насъ въ церкви облеченныхъ въ золото и осыпанныхъ драгоцѣнными камнями, не можетъ повѣрить, что у насъ собственно едва есть порядочная ряса подъ такимъ блескомъ, если хотимъ жить совѣстливо, и приписываетъ нашей скупости невозможность существенную помогать убогимъ, что́ должно бы быть нашимъ первымъ долгомъ. Мы сами весьма убоги и не всегда можемъ даже раздавать мѣдныя деньги нищимъ; а это вселяетъ охлажденіе между пастыремъ и пасомыми и внушаетъ о насъ неблагопріятное мнѣніе въ народѣ». Едва ли не справедливы слова праведнаго мужа.

Достойно вниманія, что и другой совершенно апостольскій мужъ, преосвященный Иннокентій, архіепископъ Камчатскій, безпрестанно странствующій по своимъ пустынямъ и Океану и обязанный, какъ занимающій вездѣ первое мѣсто, содержать, кромѣ своей свиты, и приходящихъ еще раздѣлить его убогую трапезу въ городахъ, получаетъ всего содержанія только 4 т. р. ассигн., такъ что не можетъ имѣть болѣе одного при себѣ служителя. Можно ли сравнить этотъ убогій окладъ архіепископа, столь необходимаго для духовнаго спасенія многихъ тысячъ просвѣщаемыхъ имъ язычниковъ, при его апостольской невѣроятной почти дѣятельности, съ богатыми окладами нѣкоторыхъ

высшихъ лицъ духовенства *иновѣрнаго* и свѣтскихъ чиновниковъ духовнаго вѣдомства? Правда, много было сдѣлано для улучшенія содержанія архіереевъ, особенно въ западныхъ епархіяхъ, гдѣ, можно сказать, они вполнѣ обезпечены; нѣкоторые архіереи и внутреннихъ эпархій, по частнымъ своимъ просьбамъ, исходатайствовали себѣ вспомогательные оклады, и еще недавно положенъ весьма достаточный Рижскому архіепископу, завѣдывающему и Псковскою епархіею; но еще весьма многіе терпятъ отъ нищеты, особенно въ губерніяхъ отдаленныхъ, какова напримѣръ Архангельская и другія, ибо они не имѣютъ иныхъ неокладныхъ доходовъ, которыми пользуются нѣкоторыя изъ древнихъ.

Съ нѣкотораго времени вошло въ обычай, для вспоможенія архіерейскихъ каѳедръ, приписывать къ нимъ богатѣйшіе монастыри въ эпархіяхъ, подобно Лубенскому въ Полтавской, Корсунскому въ Херсонской и другимъ, и въ основаніе сему берутъ лавры, въ которыхъ, съ прошедшаго столѣтія, митрополиты называются архимандритами. Но положеніе митрополитовъ, обезпеченныхъ и другими средствами на высшей степени духовной, и постоянно живущихъ, кромѣ Московскаго, въ своихъ лаврахъ, не можетъ быть принято въ сравненіе съ преходящими архіереями, которые только пользуются доходами приписанныхъ имъ монастырей и мало о нихъ заботятся; а между тѣмъ такая раздача лучшихъ монастырей епископамъ приводитъ ихъ въ нравственный упадокъ. Если какая либо пустынь, своими средствами, достигаетъ цвѣтущаго состоянія, то конечно отъ внутренняго ея благоустройства, подъ надзоромъ какого либо опытнаго настоятеля; но какъ только ее припишутъ къ архіерейскому дому, то на нее уже смотрятъ какъ на источникъ дохода, и экономъ или казначей сего дома, поставляемый въ намѣстники, заочно ее раззоряетъ и еще болѣе духовно, такъ что въ короткое время нельзя ее узнать. Потому и трепещутъ благоденствующія пустыни, какъ напримѣръ: Саровская — въ Тамбовской эпархіи, Оптина—въ Калужской, Оранская—въ Нижегородской, Софроніева и Коренная—въ Курской и многія другія, подпасть такому причисленію.

Тоже можно сказать и о тѣхъ древнихъ монастыряхъ, которые раздавались ректорамъ академій и семинарій для того, чтобы они могли имѣть изъ нихъ содержаніе и прислугу, хотя чрезъ это въ конецъ раззорились монастыри; такъ напримѣръ два лѣтописные монастыря, Пафнутіевъ-Боровскій въ Калужской епархіи и Толгскій—въ Ярославской были одинъ за другимъ въ управленіи ректоровъ Петербургской Академіи, и первый совершенно упалъ отъ заочнаго управленія. Но еще многіе остались въ томъ же положеніи у иныхъ ректо-

ровъ семинарій; и доселѣ, такъ какъ многіе епископы менѣе академическихъ ректоровъ обезпечены, особенно во вновь открытыхъ эпархіяхъ, прибѣгаютъ и въ отношеніи ихъ къ той же мѣрѣ, столь гибельной для монастырей. Однако, со всѣмъ тѣмъ, духовное начальство желаетъ благосостоянія обителей и требуетъ отъ нихъ нравственнаго усовершенствованія. Какъ же согласить одно съ другимъ?

Много дѣлаетъ вреда для благочинія монастырскаго и то, что вдовые діаконы и священники почти по неволѣ туда заключаются; иные же хотя и добровольно, но безъ всякаго монашескаго призванія, а только для того, чтобы уступить свои мѣста дѣтямъ. Не менѣе вредно и заключеніе подначальныхъ лицъ въ обителяхъ, гдѣ нѣтъ средствъ за ними усмотрѣть; они же, своимъ примѣромъ, портятъ юныхъ послушниковъ. Все зависитъ въ монастырѣ отъ выбора хорошаго настоятеля; ибо мы видимъ, что при одномъ человѣкѣ процвѣтаетъ запустѣвшая до него обитель, а при другомъ цвѣтущая мгновенно падаетъ. Это какъ рой пчелъ въ ульѣ: прилетаетъ матка и сотомъ наполняетъ улей. Другое лице, столь же необходимое, опытный и безкорыстный благочинный надъ монастырями въ эпархіи. Мы видимъ оба примѣра передъ глазами въ одномъ лицѣ; архимандритъ Игнатій поднялъ изъ развалинъ можно сказать, Сергіеву пустынь и, будучи назначенъ благочиннымъ, оживилъ упадшій нравственно Валаамъ и всѣ прочіе монастыри Петербургской эпархіи, замѣнивъ всѣхъ настоятелей своими монашествующими, которыхъ испыталъ чрезъ личныя безпрестанныя сношенія. Онъ этого достигъ не кабинетною ученостію, но по своему природному образованію и по искренней общительности съ братіею, которая давала ему возможность узнавать людей.

Если бы также обители иноческія (разумѣется, не древнія лѣтописныя, которыя должны существовать уже по своей именитости исторической и по воспоминанію оказанныхъ ими заслугъ отечеству, но малыя и незначительныя) упразднялись тамъ, гдѣ онѣ не приносятъ пользы, какъ напримѣръ въ сѣверныхъ губерніяхъ, по движенію населенія и торговли къ Югу Россіи, и штатъ ихъ переносился бы туда, гдѣ чувствуется въ нихъ духовная потребность, то много бы процвѣло опять обителей. Такимъ образомъ, въ эпархіи Вологодской, нѣсколько ихъ было закрыто, а между тѣмъ другія возникли въ Харьковской и Таврической; этотъ оборотъ былъ весьма утѣшителенъ, потому что до *ста* и болѣе человѣкъ собрались внезапно на этихъ точкахъ, по духовной потребности самаго края: напримѣръ въ Святыхъ Горахъ, гдѣ Донъ и вся Украйна оживились возобновленіемъ древней запустѣвшей обители. При нынѣшнемъ оскудѣніи иночества и недостаткѣ монашествующихъ, которыхъ считается во всей Россіи обоего пола и съ послушниками

18.000 чел., а постриженныхъ только 5.100 мужескаго и 2600 женскаго, облегчительною мѣрою было бы дозволеніе мѣстнымъ епископамъ разрѣшать имъ постриженіе, не представляя о томъ Св. Синоду; ибо уже миновалось то время, когда, отъ избытка вещественнаго въ обителяхъ, наполнялись онѣ монашествующими; теперь, напротивъ, не знаютъ, откуда ихъ взять и для степеней духовныхъ и для нравственной пользы народа: ибо древнія обители, лавры и пустыни, служатъ ему училищемъ благочестія, возбужденіемъ вѣры, и какъ бы катихизическою сѣтію обняли они всю Имперію, замѣняя недостатокъ церковнаго обученія.

Если, быть можетъ, при внѣшнемъ благолѣпіи церкви отечественной, мрачную представилъ я картину внутренняго ея неустройства: то не для чего инаго, какъ только ради бо́льшаго ея усовершенствованія, тѣми средствами, какія еще возможны въ настоящемъ ея положеніи. Когда бы церковь наша могла оставаться неподвижною, и въ томъ видѣ въ какомъ она теперь, еще бы можно до времени отлагать врачеваніе ея недуговъ; но опасность отъ нихъ умножается со дня на день, и въ той же мѣрѣ уменьшаются способы исцѣленія. Я хочу говорить о расколахъ, которые, не извнѣ, но изнутри ее раздираютъ и растутъ по причинѣ духовнаго къ нимъ равнодушія, при ихъ собственной зловредной ревности, хотя и не обличено еще все ихъ множество. Страшно думать, что когда нибудь, изъ подъ сѣни господствующей православной церкви, внезапно возникнутъ многоглавныя общества, облеченныя именемъ христіанскимъ, одни еще подобящіяся своими обрядами православію, другія же совершенно ему чуждыя и напитанныя всѣми ужасами нечестія.

Это не одно мечтательное предположеніе, но по несчастію горькая дѣйствительность, которая основана на возрастающихъ успѣхахъ раскола. Скажу о томъ вкратцѣ, и сперва о поповщинѣ, какъ о самомъ многолюдномъ и сильномъ, я бы присовокупилъ и менѣе вредномъ, по духу внѣшняго благочестія, которое покрываетъ то, что́ внутри его таится; но непрестанное нарушеніе правилъ церковныхъ и гражданскихъ, основанное на явныхъ подлогахъ, не можетъ дать имени безвреднаго и сему расколу. Гнѣздо его въ Москвѣ на Рогожскомъ кладбищѣ, вѣтви по всей Россіи и даже за границею, связанныя между собою самымъ жаркимъ прозелитизмомъ и внѣ правительственной власти, хотя будто бы есть нѣкоторый гражданскій надзоръ за самымъ кладбищемъ. Можно судить о его успѣхахъ по тому, что въ недавнее время исполнилось давнее пламенное желаніе поповщины: имѣть у себя своего епископа, который бы далъ средство не прибѣгать къ бѣглымъ попамъ. Держась однако преданія церковнаго и зная твердо, что

никто кромѣ епископа, каковъ бы онъ ни былъ, не можетъ рукополагать священниковъ, старообрядцы, какъ они сами себя величаютъ, мечтали нѣкогда добыть себѣ сіе посвященіе епископское чрезъ наложеніе нетлѣнной руки святителя Іоны митрополита, почіющаго въ Успенскомъ соборѣ, на главу избраннаго ими, но и сего не могли достигнуть. Нынѣ же они весьма легко достигли своей цѣли чрезъ сношенія заграничныя съ бѣглымъ митрополитомъ Греческимъ, жившимъ въ Буковинѣ, который уже посвятилъ имъ двухъ епископовъ, и оба въ Россіи, а по правиламъ церковнымъ двое могутъ посвятить третьяго; слѣдственно нѣтъ причинъ, чтобы не возникла цѣлая тайная іерархія старообрядческая, съ которою конечно гораздо труднѣе будетъ управиться, нежели съ простыми попами. Между тѣмъ эти епископы, странствуя по Россіи, посвящаютъ по городамъ своихъ поповъ и служатъ въ подвалахъ тайныя литургіи, которыя мѣстная полиція не можетъ открыть. Съ другой же стороны, старшины Рогожскаго кладбища, обвѣшанные медалями, которыя едвали законно носятъ (потому что такого рода отличія суть преимущества православныхъ) фарисейски вопіютъ: «что гибнетъ ихъ общество, потому что у нихъ остались только престарѣлые попы, съ кончиною коихъ должны упраздниться ихъ церкви, и всѣ они будто бы перейдутъ въ безпоповщину». Зачѣмъ имъ бѣглыхъ, о которыхъ такъ настоятельно просятъ, когда у нихъ есть множество тайныхъ? И нравственно ли будетъ явное признаніе бѣглаго служителя церкви, нарушившаго присягу своей вѣрности, когда всякаго бѣглаго, и солдата, и крестьянина, не облеченнаго такимъ священнымъ саномъ, ловятъ повсюду, чтобы возстановить должный порядокъ?

Если не всегда принимаются должныя мѣры мѣстными свѣтскими властями, для легкаго иногда отысканія укрывающихся поповъ, то съ другой стороны нельзя и оправдать равнодушія духовныхъ властей къ безнравственности и упущеніямъ богослужебнымъ приходскихъ священниковъ, подающихъ поводъ къ соблазну. Есть между ними люди заклейменные общимъ мнѣніемъ, и не смотря на то всегда оправдываемые повальнымъ обыскомъ, на которомъ вино и обѣщаніе разрѣшить присягу дѣйствительно уничтожаютъ ея силу. Прихожане добросовѣстные боятся даже доносить на недостойныхъ священниковъ, чтобы не подвергнуться отвѣтственности по слѣдствію, которое часто ихъ оправдываетъ. А между тѣмъ такіе священники записываютъ православными, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, цѣлыя селенія, въ коихъ церкви существуютъ только по виду, и не смотря на то они терпимы многіе годы при своихъ приходахъ. До какой степени, напротивъ того, благодѣтельно вліяніе добрыхъ приходскихъ священниковъ, не только

на свою паству, но и на самые расколы, видно изъ примѣровъ извѣстныхъ по своей добродѣтели: протоіерея Матѳея, дѣйствующаго въ г. Ржевѣ, въ самомъ гнѣздѣ раскола, и протоіерея Путятина, который многихъ обратилъ въ г. Рыбинскѣ, простыми и краснорѣчивыми своими проповѣдями.

Нельзя иногда опредѣлить, къ какому собственно толку принадлежитъ расколъ, какъ наприм. въ Ярославской губерніи, гдѣ онъ основанъ не на сердечномъ убѣжденіи, но на развратномъ образѣ жизни поселянъ, большею частію странствующихъ и оставляющихъ женъ своихъ на произволъ бродягъ. Потому и завелась тамъ особая секта *странныхъ*, которыхъ добродѣтель состоитъ въ укрывательствѣ бѣглыхъ солдатъ и безпаспортныхъ, для коихъ устроены въ большихъ селеніяхъ особенные тайники въ домахъ; люди, сокрытые такимъ образомъ, совершенно обезпечены и могутъ переходить во многія губерніи, потому что вездѣ есть для нихъ притоны на дорогѣ. Если же бы и духовное начальство присоединило свои усилія и гражданское употребляло на самомъ мѣстѣ людей неукоризненныхъ, изъ ближайшихъ надзирателей, то конечно отъ такого ихъ дружескаго дѣйствія можно бы ожидать болѣе успѣха, нежели отъ слѣдственныхъ коммисій, издали посылаемыхъ: онѣ возбуждаютъ только на время опасенія, и потомъ, можно сказать, укореняется расколъ, потому что послѣ нихъ все приходитъ опять въ первобытное положеніе, и даже раждается увѣренность въ безопасности.

Я сказалъ о расколѣ въ Ярославлѣ, какъ болѣе безнравственномъ; но тоже можно сказать о другихъ внутреннихъ губерніяхъ, гдѣ столь же слабыя средства гражданскія и духовныя употребляются противъ усиливающейся пропаганды. Въ Олонецкой, Пермской, Саратовской, Черниговской и другихъ расколъ болѣе проникнутъ духовнымъ началомъ, и потому въ нихъ болѣе фанатизма закоснѣлаго, основаннаго на старой ненависти къ православной церкви и къ власти гражданской; посему въ тѣхъ губерніяхъ и противодѣйствія должны, по мѣрѣ возможности, сопрягаться съ убѣжденіемъ со стороны духовенства, какъ тому показали спасительные примѣры епископы, бывшій Олонецкій Игнатій и Саратовскій Іаковъ, обратившіе многихъ къ единовѣрію, ничѣмъ инымъ какъ теплымъ словомъ пастырскимъ, испытаннымъ безкорыстіемъ и жизнію совершенно апостольскою. Однако и проповѣдь духовная, безъ помощи мѣстныхъ властей, противъ лукавыхъ начальниковъ, возбуждающихъ цѣлыя селенія неопытныхъ, не можетъ быть дѣйствительна. Но главное гнѣздо раскола, безпоповщины, равно какъ и поповщины, опять въ Москвѣ,

которой по странной судьбѣ приходится быть и сердцемъ православія, и сердцемъ двойственной ереси, его раздирающей.

Не буду распространяться о расколахъ, потому что они не были собственно предметомъ моей записки; но нельзя было и умолчать о нихъ, такъ какъ они относятся до внутренняго неустройства церкви.

Сколько можно кратко, и по крайнему моему разумѣнію, старался я изобразить ея нынѣшнее положеніе, и если, быть можетъ, въ чемъ-либо ошибся, или изложилъ мнѣніе несовершенное о нѣкоторыхъ предметахъ, то конечно не по какой-либо личности;—нѣтъ, она не должна и не можетъ быть, при искреннемъ и совѣстливомъ изліяніи чувствъ и мыслей о томъ, что́ должно быть такъ близко сердцу, какъ церковь отечественная и вообще все православіе. Благая цѣль, къ которой я стремился, да послужитъ мнѣ извиненіемъ въ моихъ погрѣшностяхъ, и если хотя что-либо изъ многаго, представленнаго мною, найдено будетъ полезнымъ и возможнымъ къ исправленію, то я почту себя счастливымъ, что рѣшился высказать таившееся у меня давно уже въ сердцѣ. Господь же Іисусъ Христосъ, Котораго священное имя дерзаю призывать во свидѣтельство въ томъ, что́ касается Святой Его церкви, видитъ, отъ искренняго ли сердца я это высказалъ, и была ли у меня на душѣ иная какая мысль, кромѣ пламеннаго желанія принести ей пользу, по мѣрѣ слабыхъ моихъ силъ.

ПРИКАЗЪ ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТА И. А ВЕЛЬЯМИНОВА.

Секретно.

Получено 10 Сентября, въ 6 часовъ пополудни.

Господину полковнику и кавалеру Ладинскому.

На все прописанное вами въ письмѣ вашемъ ко мнѣ отъ 8-го Сентября сего года, относящееся до поимки бѣглаго царевича Александра, васъ въ полной мѣрѣ разрѣшаю; ибо испрашивать но то разрѣшенія главнокомандующаго, по краткости времени, некогда. Жизнь царевича старайтесь сохранить и лишить его оной только въ крайности. Персіянами, которые будутъ въ свитѣ царевича, не затрудняйтесь: если не уйдутъ они или не сдадутся, то ихъ истребляйте; ибо сіе не только не есть нарушеніе трактата съ нашей стороны, а напротивъ оно будетъ нарушеніе доброй пріязни съ ихъ стороны. Въ разсужденіи обѣщанной вами награды 1000 черв. и пенсіоновъ, я донесу главнокомандующему и надѣюсь, что онъ въ томъ не откажетъ. Вмѣсто 50-ти Донскихъ казаковъ храбрыхъ и на хорошихъ лошадяхъ, я предписалъ генералъ-маіору Сысоеву, прибывшему съ линіи, чтобъ откомандировалъ къ вамъ оныхъ, которые не замедлятъ къ вамъ явиться, какъ равно 20-ть или 25-ть казаковъ линейныхъ и хорошо вооруженныхъ.

Если Богъ благословитъ наше предпріятіе и вамъ удастся схватить царевича, то, давъ мнѣ о томъ знать, не отсылайте его въ Тифлисъ; ибо слишкомъ много сдѣлаетъ шуму. А я между тѣмъ сдѣлаю распоряженіе, чтобъ его отправить чрезъ селеніе мимо Тифлиса въ Анануръ и далѣе въ Моздокъ.

Генералъ-лейтенантъ Вельяминовъ.

№ 122.
Г. Тифлисъ,
1818 года Сентября 9 дня.

КАНЦЛЕРЪ КНЯЗЬ ГОРЧАКОВЪ О ПУШКИНѢ.

(Изъ письма князя А. И. Урусова къ издателю Русскаго Архива).

С.-Петербургъ, 20 Апрѣля 1871.

Спѣшу исполнить обѣщаніе, данное мною еще въ прошломъ году. Я только что вернулся домой отъ князя А. М. Горчакова и хочу немедленно возстановить въ памяти все, что̀ онъ мнѣ, съ крайнею обязательностью, сообщилъ о значеніи двухъ стиховъ Пушкина въ Лицейской Годовщинѣ:

Невзначай проселочной дорогой
Мы встрѣтились и братски обнялись.

Вы интересовались вопросомъ, представляютъ ли эти стихи только аллегорическій оборотъ рѣчи или содержатъ указаніе на дѣйствительный случай въ жизни Пушкина? Я просилъ князя сообщить мнѣ свои воспоминанія по этому предмету, объяснивъ ему, что эти свѣдѣнія нужны мнѣ для издателя «Русскаго Архива».—«Я постоянно его читаю», сказалъ министръ, и совершенно ясно помню, къ чему относились эти стихи».

Вотъ что удалось мнѣ записать въ памятную книжку въ то время, когда князь Горчаковъ, съ свойственною ему живостью и изящной красотою языка, разсказывалъ свои воспоминанія о дружбѣ съ Пушкинымъ—воспоминанія, которыми онъ видимо дорожитъ.

Въ 1825 году, князь Александръ Михайловичъ возвратился въ Россію изъ Спа, гдѣ лѣчился. Онъ посѣтилъ своего дядю, Пещурова, который жилъ въ это время въ своей вотчинѣ, Псковской губерніи, въ селѣ Лямоновѣ. Пещуровъ принималъ большое участіе въ судьбѣ Пушкина, жившаго въ изгнаніи въ деревнѣ, въ извѣстномъ Михайловскомъ. По пріѣздѣ его изъ Одессы, къ поэту былъ приставленъ полицейскій чиновникъ съ спеціальною обязанностью наблюдать, чтобы Пушкинъ ничего не писалъ предосудительнаго... Понятно, какъ раздражалъ Пушкина этотъ надзоръ. Пещуровъ, изъ любви къ нему, ходатайствовалъ у маркиза Паулуччи (тогдашняго Рижскаго генералъ-

губернатора) о томъ, чтобы этотъ надзоръ былъ снятъ, а Пушкинъ отданъ ему на поруки, обѣщая, что поэтъ ничего дурнаго не напишетъ. Ходатайство имѣло успѣхъ, и Пушкинъ вздохнулъ свободнѣе.

Узнавъ о пріѣздѣ князя Горчакова, Пушкинъ тотчасъ пріѣхалъ изъ Михайловскаго въ Лямоново и здѣсь, на проселочной дорогѣ, друзья дѣйствительно встрѣтились и «братски обнялись». Цѣлый день провелъ Пушкинъ у Пещурова и, сидя на постелѣ вновь захворавшаго князя Горчакова, читалъ ему отрывки изъ «Бориса Годунова» и между прочимъ наброски сцены между Пименомъ и Григоріемъ. «Пушкинъ вообще любилъ читать мнѣ свои вещи», замѣтилъ князь съ улыбкою, «какъ Мольеръ читалъ комедіи своей кухаркѣ». Въ этой сценѣ князь Горчаковъ помнитъ, что было нѣсколько стиховъ, въ которыхъ проглядывала какая-то изысканная грубость и говорилось что-то о «слюняхъ». Онъ замѣтилъ Пушкину, что такая искусственная тривіальность довольно непріятно отдѣляется отъ общаго тона и слога, которымъ писана сцена... — «Вычеркни, братецъ, эти слюни. Ну къ чему онѣ тутъ?» — «А посмотри у Шекспира и не такія еще выраженія попадаются», возразилъ Пушкинъ. — «Да; но Шекспиръ жилъ не въ XIX вѣкѣ и говорилъ языкомъ своего времени», замѣтилъ князь. Пушкинъ подумалъ и передѣлалъ свою сцену.

Пользуясь своимъ вліяніемъ на Пушкина, князь Горчаковъ побудилъ его уничтожить одно произведеніе, «которое могло бы оставить пятно на его памяти». Пушкинъ написалъ было поэму «Монахъ». Князь Горчаковъ взялъ ее на прочтеніе и сжегъ, объявивъ автору, что это недостойно его имени. Эстетическое развитіе князя Горчакова, его любовь къ искусству (онъ составилъ себѣ превосходную коллекцію картинъ, въ числѣ которыхъ, по отзыву знатоковъ, нѣтъ посредственностей) должны были дать ему значительный вѣсъ въ глазахъ чуткаго и воспріимчиваго поэта.

Князь Урусовъ.

ПИСЬМО Ѳ. В. ЧИЖОВА КЪ ОДНОМУ САНОВНИКУ.

Вашему высокопревосходительству угодно было не признать возможнымъ утвердить меня редакторомъ газеты «День», безъ указанія повода такой невозможности.

Какъ редакторъ журнала и газеты, не заподозрѣнныхъ ни однимъ изъ вашихъ предшественниковъ въ неблагонамѣренности, какъ писатель, которому правительство предлагало изданіе газеты, долженствовавшей замѣнить запрещенную тогда газету «Парусъ», я имѣлъ право надѣяться, что мнѣ не можетъ быть препятствій сдѣлаться редакторомъ «Дня».

Но привыкши уважать законность во всѣхъ ея явленіяхъ, даже и въ тѣхъ, гдѣ она ограничивается одною юридическою внѣшностію правды, я безропотно снесъ бы неуваженіе ваше къ правамъ редактора и писателя, еслибъ при настоящихъ обстоятельствахъ, весьма грустныхъ для всякаго Русскаго, молчаніе мое не могло быть объяснено опасеніемъ съ моей стороны, что я дѣйствительно навлекъ на себя подозрѣніе правительства въ неблагонамѣренности. Не скрою отъ вашего высокопревосходительства, что я ни на минуту не могъ унизить себя такимъ опасеніемъ и потому собственно съ покорностію принялъ лаконизмъ вашего непризнанія возможности утвердить меня редакторомъ «Дня».

Въ былыя, довольно жесткія времена, высокая образованность министра народнаго просвѣщенія графа Уварова умѣла смягчать всякую рѣзкость времени и избаловала насъ, писателей той поры, учтивостію тона, самому произволу дававшею видъ законной причины. Образованные люди не могли не исполнять требованій чуть чуть не азбуки образованности. Даже и не въ такихъ сношеніяхъ, наши съ вами отцы и дѣды, взросшіе на всей безцеремонности крѣпостнаго

права, не позволяли себѣ отказывать въ просьбѣ своему старостѣ, не показавши причины. Даже, еще ступенью ниже, уголовному преступнику неиначе отказывалось въ просьбѣ, какъ съ указаніемъ причины отказа. Вашему высокопревосходительству неугодно почтить писателя, необъявленнаго преступникомъ, указаніемъ того, почему онъ лишается права быть дѣятелемъ на томъ или другомъ поприщѣ. Вашему высокопревосходительству угодно показать скорость и необдуманность общей нашей радости о томъ, что будто бы съ уничтоженіемъ юридическаго существованія крѣпостныхъ отношеній они уничтожились въ понятіяхъ и дѣйствіяхъ нашего такъ называемаго передоваго общества.

Глубоко чтя законность, покоряюсь такому, непривычному даже и для насъ, ея проявленію, которое дошло до такой степени простоты, что цензурный комитетъ до сихъ поръ не удостоилъ меня, одного изъ просителей, даже объявленія объ отказѣ на мою просьбу. Я узналъ объ немъ недавно, и то уже только отъ Аксакова.

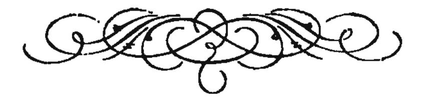
Съ чувствомъ должнаго уваженія честь имѣю быть вашего высокопревосходительства

покорный слуга

Ѳедоръ Чижовъ.

(Іюль 1862.)

(Сообщилъ въ спискѣ А. Ѳ. Т.)



XLIII.

S-t Pétersbourg, le 19 avril 1817.

L'Empereur, ayant appris la mort de la princesse de Géorgie, a fait savoir des nouvelles le jour même, et hier matin il est venu en personne; j'avais été prévenue de sa visite et j'y suis allée afin de rompre la monotonie de ce presque tête-à-tête. Cela s'est très-bien passé, il y est resté à peu près une heure. Vous voyez combien son amabilité se soutient pour les gens qu'il prend en affection, surtout lors qu'il vient à se convaincre qu'on n'a aucun intérêt en vue. Je prêche ma princesse pour qu'elle reste bien tranquille et ne demande jamais rien, et je dois lui rendre justice qu'elle met en oeuvre ma morale. Je voudrais beaucoup aussi que le silence fût observé sur les visites qu'on reçoit; mais pas moyen: il lui est impossible de se taire, il faut qu'elle le dise à tout ce qui lui tombe sous la main, à commencer par son cher m-r de Noaïlles dont elle fait absolument un intime.

Que direz-vous maintenant de la destinée de Lise Troubetzkoy? Ne pourrait-on pas imaginer que la Providence la destine à Dolgorouky?

Bloome est accouru hier matin pour sonder le terrain, mais comme c'était pendant la visite de l'Empereur, il n'a pu entrer. La princesse Boris était à regretter de ne l'avoir pas vu; elle voulait lui écrire aujourd'huy. Je l'ai arrêtée à tems en lui représentant qu'il ne fallait pas se compromettre de nouveau, d'autant qu'on ne sait pas ce que la jeune personne a pu décider pour son compte. Je ne doute pas que Potemkine n'ait pris la poste aussitôt qu'il aura su la mort de la grand' maman; et une fois vis-à-vis de lui, Lise ne se trouvera jamais la force de le refuser. L'oncle, le frère, tout cela parlera en sa faveur; on fera valoir le désir qu'avait la défunte de voir ce mariage s'accomplir, et comme la faiblesse de Lise est extrême, elle en passera par où l'on voudra. Si elle était ici, on l'aurait montée pour un refus. La princesse Boris, dans le premier moment de son affliction, a écrit à sa nièce pour lui offrir sa maison et la protection au cas qu'elle veuille revenir à Pétersbourg.

Si vous aviez vu comme la personne en question à été contente de notre rencontre d'hier, toutes vos craintes se seraient dissipées. C'est pour la première fois que mère et fille ont été témoins *de notre manière d'être ensemble*; elles ont bien vu que j'aurais tout lieu de me rengorger un peu, mais j'en suis incapable, car cela est au-dessous de moi. J'ai dans l'idée qu'un de ces jours on viendra me voir; on ne m'en a pas dit une parole cependant.

XLIV.

Moscou, le 26 avril 1817.

Mon Dieu, que j'approuve que vous ne vous mêliez point sur le quai de la cour avec tous ces chapeaux et ces parasols de mille couleurs! Une capotte gros bleu, un chapeau blanc, Nadejda et le quai Anglais me semblent l'enseigne de la modestie et de la raison; il y a même dans cette recherche de simplicité une espèce de coquetterie très-permise et très-bien placée: celle de plaire aux gens sensés par l'éloignement du tourbillon. Si j'étais à Pétersbourg, je serais bien de votre promenade, de préference à toute autre. L'Empereur est un excellent consolateur, et s'il lui plaît de continuer ses visites de condoléance dans les occasions, la princesse Boris pourra perdre ses plus chers parens sans courir le risque d'en mourir de douleur. C'est pourtant bien heureux d'être faite ainsi! Vous la blâmez de dire à tout le monde les faveurs qu'elle reçoit; mais ne concevez-vous pas que cette confidence double le plaisir et que la princesse, n'ayant en elle aucun *intérieur*, est forcée de chercher et de prendre les jouissances *extérieures* qui seules sont à sa portée. Cela ne l'empêche point d'être une excellente personne, surtout quand elle est entourée de bons gens; car elle tire ses qualités de ce qui l'entoure plutôt que de la richesse de son fond. Soutenez là de vos bons avis, si vous ne voulez qu'elle fasse au premier moment quelque bévue.

Quant au *laissez-aller* de feu mad. Aprélew et de beaucoup de nos dames, vous saurez bien vous en préserver: c'est un défaut de caractère et non de figure, et si le Ciel vous veut ronde, vous porterez votre rotondité avec grâce et légèreté, et vous ne ressemblerez jamais à la Smirnow ni à mad. Ladigenska qui ont l'air d'être enceintes de trois enfants pour le moins, quoiqu'elles relèvent de couche. Je ne serai jamais en peine de votre tournure: elle sera toujours élégante et gracieuse, comme votre mise sera toujours de bon goût, même dans la plus grande simplicité.

Je suis ravi de ce que vous me dites sur le plaisir qu'on a marqué en vous rencontrant chez la princesse Boris; mais je voudrais qu'on se donna ce plaisir plus souvent chez vous que chez elle: car en vérité, pour elle il me semble qu'en voilà bien assez, et même je vous confesse que je ne comprends pas ce qui peut attirer là pour la troisième fois une personne qui doit avoir des matinées si remplies.

Ce Moscou n'a pas le sens commun avec ses contes bleus. Aujourd'hui on ne doute pas de l'arrivée de la cour à cause des casernes qu'on a l'ordre de réparer, ce qui annonce qu'il y aura beaucoup de troupes; demain on trouvera une autre raison pour prouver que le voyage n'aura pas lieu. *Qui vivra verra*, dit un vieux proverbe, et je l'applique à ces incertitudes.

XLV.

S-t Pétersbourg, le 25 avril 1817.

Comment voulez-vous que je ne connaisse pas le rescrit de Langéron? Il n'est rien moins qu'agréable pour ce pauvre homme, et de plus je le prends tout-à-fait dans le sens que vous l'entendez. Si nous étions à même de causer sur le chapitre de cette tolérance à laquelle on donne, je crois, trop d'extension, je vous dirais mille choses singulières; traiter ce sujet par lettres deviendrait imprudent: il vaut mieux l'abandonner jusqu'au tems où il plaira au Ciel de me ramener à Moscou et d'ici-là ne plus nous en occuper. Toute fois il est impossible de n'être pas frappé de la contradiction qui se trouve entre les deux oukases que vous citez; j'y ai pensé bien avant votre observation. Au lieu donc de vous parler des Douchobortzy, je vous donnerai des nouvelles. Vous saurez d'abord que m-r Olénine est nommé président de l'Académie des beaux arts, le comte Boutourline sénateur, et un petit prince Bagration, marié à une Walaque, a été fait directeur des colonies nouvelles dans les provinces de Midy. Il est très-probable que Boutourline n'ira jamais au Sénat, car il est toujours malade. Depuis le commencement de sa carrière sa destinée n'a cessé d'être bizarre. On le fit chambellan, et il n'alla jamais à la cour; il fut nommé gardien de l'Hermitage, il n'y a jamais déplacé un tableau; on le fit ministre à Rome, et il alla à Belkina. Vous verrez qu'il en sera de même pour son titre de sénateur, il n'en fera rien du tout; mais vous conviendrez au moins qu'il est plaisant d'avoir voulu le devenir, quand on est souffrant les trois quarts de la journée et qu'on se tient dans son fauteuil. Je l'ai vu il y a une quinzaine de jours; il faisait peine, car à chaque morceau qu'il avalait il avait l'air d'étouffer.—Modène est arrivé, je ne l'ai pas encore aperçu; on prétend qu'il a obtenu, sur tout ce qu'il avait demandé, une donation de cent mille francs une fois payés. Il me contera sûrement tout ce qui lui est arrivé à la cour de France. Si quelqu'un est heureux, c'est sa femme: elle ne se possède pas de joye de pouvoir le regarder du matin au soir. Quant au cher mari, je

ne le crois pas du tout de moitié dans cette joye. Si Modène est de la cour de monseigneur Nicolas, comme on l'assure, nous l'aurons à Pawlowsky, et si le comte Czernichew y vient aussi, la société de ces deux messieurs en rendra le séjour plus agréable encore qu'il ne l'a été l'année dernière, et j'espère qu'ils remplaceront Branitzky et Fitzthum, qui venaient régulièrement passer l'avant-soirée dans ma chambre. On se réunit au salon à 8 heures, mais de six à huit je suis enchanté d'avoir des gens aimables pour causer ou pour lire quelques nouveautés. L'Impératrice fut à Pawlowsky avant-hier, et m-lle Kotchttow, qui l'a accompagnée, m'a dit que la campagne était déjà fort jolie, la verdure commence à se faire voir; elle a apporté quelques fleurs cueillies en plein air, et à l'entendre on pourrait déjà y passer; mais on bâtit des cuisines qui ne sont pas achevées, et à la manière dont les ouvriers travaillent, je prévois que nous ne pourrons pas bouger d'ici avant le 15 ou le 18 de may. C'est chez vous à Moscou que les ouvrages vont merveilleusement. M-r Apraxine qui est venu chez moi Dimanche, m'a conté tout ce qui se passe au Kremlin et ailleurs. Vous avez des places magnifiques pour exercer, si bien que rien ne nous manquera, une fois que nous vous arriverons. Apraxine a tout de suite grimpé mes 113 marches; j'ai été touchée de cet empressement que j'aime mieux attribuer à son amitié qu'à tout autre sentiment. Il lui a suffi de me voir un instant, je crois, pour asseoir ses idées sur ma personne. Nous avons causé beaucoup, mais les conseils qu'il voulait me donner sont restés dans sa poche. La noce de sa fille se fera Dimanche 29 dans la chapelle du prince Galitzine du Synode; il n'y aura que les parents les plus proches et Serge Strogonow qui tiendra la couronne sur le promis.

J'ai dîné hier avec m-r Kriwtzow; il m'a parlé de vous et beaucoup de lui-même; il a de l'esprit et une certaine phylosophie très-gaye qui lui fait envisager la perte de sa jambe comme l'évènement du monde le plus fortuné. Tant mieux s'il le prend de la sorte; mais que ce simulacre de jambe et de cuisse même est artistement travaillé! A le voir il est impossible de croire que c'est une jambe de bois. Savez-vous que m-r Kriwtzow vous ressemble; avec ses lunettes et une certaine manière de porter son frac, il vous a extrêmement rappelé à moi; non pas cependant tel que je vous ai vu la dernière fois, mais à mon premier voyage, lorsque je vous apportais la lettre de mad. de Noiseville et que vous vîntes me voir dans cet appartement que Sophie occupe aujourd'hui et où nous étions entassés les unes sur les autres. Tenez, je crois être à ce jour: vous aviez un habit brun et la perruque

que vous avez quittée depuis. Eh bien, je vous assure que vous ressembliez alors à m-r Kriwtzow, comme je l'ai vu hier.

Je me donne la douceur de rester aujourd'hui chez moi, j'ai commandé un dîner de trois roubles, et jusqu'au soir je serai fine seule. Mais à 9 heures il faudra aller chez Théodore qui reçoit du monde pour la dernière fois; car il va s'en aller à Czarsko-Célo où il a acheté la maison Armfeldt; la princesse devant y faire ses couches, on se dépêche de déménager au plus tôt.

La brochure du comte Grégoire Razoumowsky est un vrai délire. Quel a été son but? De dire des sottises à sa propre soeur mad. Zagriajsky; encore si c'était avec esprit! Ce n'est qu'un fatras d'extravagances. En attendant Malenis (c'est ainsi qu'il nomme sa première femme) a gagné son procès contre lui; c'est elle qui demeura la véritable comtesse Razoumowsky; *Élisa* n'est point reconnue, il ne lui revient que la dédicace de ce précieux ouvrage. La c-sse Léon respire plus librement depuis la mort de Galitzine; je ne pense pas qu'elle l'ait beaucoup regretté, mais à coup sûr elle aura pleuré, car ses yeux en ont pris une véritable habitude: quelque chose qui arrive, il faut qu'elle pleure absolument.

Le 26 avril.

J'ai passé une jolie soirée chez Théodore, beaucoup de monde, plusieurs personnes que j'aime à rencontrer. Modène y était encore tout hâlé et échauffé de la route, mais revenu aussi Français qu'il lui est permis de l'être. Il m'a beaucoup parlé de Paris qu'il a revu avec un extrême plaisir. Le roi, les princes, l'ont traité à merveille; les cent mille francs sont, comme je l'ai dit; mais il ne les touchera qu'au mois de janvier prochain; cette somme est répartie sur les deux frères, notre Modène recevra 65 mille francs et Hyppolite 35 mille. Ce dernier, grâce à l'intercession de son frère, vient d'obtenir une place superbe dans la garde royale. Il avait été chef de l'état-major à Strasbourg, actuellement il va rester à Paris. Le roi a mis une grâce particulière à lui accorder ce qu'il désirait. Ce bon roi est aimé véritablement, à ce qu'assure Modène; mais les membres de la famille sont entre eux comme chiens et chats. Il me semble que la duchesse d'Angoulême veut se mêler de tout, ce qui parfois la fait prendre part à des tripotages qui certes ne sont pas du ressort d'une femme de son état. La duchesse de Berry ne sait pas dire deux mots de suite: c'est une petite fille mal élevée, une figure des plus insignifiantes, aucune grâce dans la tournure. Quand Modène est venu prendre congé d'elle,

jamais rien n'a pu sortir de sa bouche; son mari avait beau la pousser, la mettre sur la voye: point, elle a continué à se taire et s'en est tirée avec les seules révérences. Quand je pense à la différence qu'il y a entre tout ce monde-là et nos princesses, il est impossible de ne pas convenir qu'elles ont été élevées à miracle, et que madame de Lieven est peut-être la première institutrice qu'il y ait dans l'univers. Madame Anne, par exemple, que j'ai vue tenir cour à 13 ans! Plus de cent personnes dans le salon, et elle allait adressant la parole à tout le monde et sans le moindre embarras, avec l'air aisé d'une femme de 30 ans, bien habituée à la société.

XLVI.

Moscou, le 3 may 1817.

Pendant que votre prince Stcherbatow se mariait la nuit de Dimanche à Lundy, un autre Stcherbatow, oncle de m-lle Mamonow, mourait ici au même moment, après une agonie longue et douloureuse. Il est généralement regretté de tous ceux qui le connaissaient.

Je ne sais que penser de Lise, mais il me tarde de savoir quel sera son sort. J'ai peur, comme vous, que l'oncle et les frères ne la fassent aller à l'église sans lui donner le tems de se reconnaître. André Gagarine semble avoir abandonné Potemkine; il est le premier à présent à blâmer ses dépenses et prétend qu'il passe sa vie avec des maquignons et que dernièrement il a perdu 14 mille roubles à un de ces marchands de chevaux en jouant tête-à-tête avec lui *à croix ou pile*. On ajoute que ce trait-là peint au naturel cet aimable promis. Jugez de ce que fera Lise avec un homme de ce genre!

Comment, vous ne dépensez donc que trois roubles quand vous dînez à la maison? Vous ne devez pas faire trop bonne chère pour ce prix-là, ce me semble; mais vous avez raison: cela mortifie votre chair et rétablit votre estomac, c'est très-salutaire sous tous les rapports.

Je n'avais pas imaginé les allusions que vous me dites dans la brochure du c-te Razoumowsky; cette vieille qui dévore le crâne de son frère, c'est donc madame *Zagriajsky*. Cela fait horreur, et un tel homme devrait être banni de la société et relégué à plus juste titre encore que notre Sakownine qui est déjà de retour et qui a reparu sur le boulevard où Wéra n'osera plus se montrer, car il jure qu'il se mettra encore à ses genoux.

Les Tolstoï partent pour leur terre près de Mtzensk ces jours-ci; je ne suis pas allé chez eux depuis leur dernière sortie contre Virginie, et personne n'a paru chez moi. Ce sont gens que j'aime et que j'estime, pour qui je ferai en toute occasion ce que je pourrais pour leur prouver mes sentiments, excepté de leur accorder le droit de diriger ma conduite quand elle n'a rien de repréhensible. Comme personne ne leur écrit à Troïtza et que je sais qu'ils aiment à être au courant et que mes lettres leur font plaisir, je leur écrirai s'il se présente quelque chose à mander qui en vaille la peine, et je le ferai comme si de rien n'était. Peut-être comprendront-ils par cette manière d'agir, qu'il vaut mieux me garder pour ami *à ma manière* que de vouloir perdre mon amitié en me forçant d'agir à leur façon.—A propos. Mon Dieu, que je vous dise une grande nouvelle. Le portrait de m-lle de Markow, volé si misterieusement il y a 14 mois, est retrouvé, et le voilà devant mes yeux. C'est une histoire si extraordinaire que je ne peux pas l'écrire. Il a fallu bien de l'adresse pour engager la police à le réclamer, quand le hasard m'a découvert le lieu où il était. Je vous conterai cela et ne vous l'écrirai point. *J'ai tout sauvé*, et tout s'est passé sans bruit; mais, au bout d'un mois des poursuites inutiles de la police, j'ai déclaré que si *elle* n'en finissait pas, je serais obligé d'aller porter ma plainte à m-r de Tormassow et de faire un éclat *fâcheux* pour le recéleur qui prétend avoir acheté. Quand on m'a vu bien décidé à faire l'esclandre, on m'a renvoyé le tableau.

XLVII.

S-t Pétersbourg, le 30 avril 1817.

Le grand-duc Nicolas est arrivé le 27 de grand matin. On le dit enchanté de l'Angleterre. Je ne l'ai pas encore vu. Le jour de son arrivée il y eut spectacle chez l'Impératrice, mais mon indisposition m'empêcha d'y aller. La princesse de Prusse n'arrivera que pour le 20 juin, de sorte que nous irons à Pawlowsky avant elle.

J'ai oublié de vous répondre sur l'article de madame Kwostow. Je connais son ouvrage, je l'ai lu deux fois; il y a des choses qui me plaisent, d'autres auxquelles je ne conçois goutte. Il me semble qu'elle a quelque prétention à imiter madame Guyon; si j'étais de ses amies, je lui donnerais le conseil de n'écrire que pour eux et de ne jamais rien imprimer. Sur la quantité de personnes qui ont lu ces Lettres Chrétiennes les trois quarts en sont restées scandalisées, et vous savez qu'il

n'est pas bon de scandaliser. Cette même madame Kwostow vient de présenter un projet pour l'établissement d'un chapitre. Toute femme ou fille qui voudrait se retirer du monde et se vouer à la solitude y trouverait un asile. Mais elle devrait y apporter une dot de 5 mille roubles; pour cet argent elle serait logée et nourrie. La maison devra être assez grande pour y avoir un hôpital; les personnes qui désireraient soigner les malades pourraient le faire sans sortir de là; d'autres travailleraient pour des pauvres. Il y aurait une règle à suivre; le chapitre devrait avoir une supérieure, et mad. Kwostow a proposé à la comtesse Apraxine (Élisabeth Kirilowna) de le devenir. Elle-même se chargerait des détails du ménage. Il y a longtems que tout cela est dans sa tête; on en a parlé il y a deux ans, et voilà qu'on en reparle encore. Cependant le projet n'a point encore été reçu par le gouvernement, et je n'ai pas ouï-dire qu'aucune dame voulût entrer dans ce chapitre; je sais bien que si je voulais me consacrer à la retraite, je n'irais pas là. Lorsqu'on a le bonheur d'avoir un coin, on s'y tient sans aller chercher midy à quatorze heures. Quant à toutes les compositions qui paraissent depuis quelque tems, il y en a très-peu que je lise. Mais à propos de ce sujet, Modène m'a conté que la moitié des femmes de Paris ne parlent que visions, miracles, etc. etc. Le magnetisme, la seconde vue, est ce qui les occupe principalement; est-ce de bonne foy, ou parce que cela est devenu à la mode, Modène n'en sait rien; le fait est que c'est la conversation de presque tous les salons. Ce sont les rêveries de l'Allemagne qui sont venues se réfugier à Paris. Avouez que nous vivons dans un tems extraordinaire et qu'il se passe des choses tout-à-fait curieuses.

Le comte Schouwalow est parti pour Paris, et l'Empereur, quand il a pris congé, lui a dit: «à revoir à Moscou dans six mois». Voilà qui est clair.

XLVIII.

Moscou, le 7 may 1817.

Je crois que rien ne serait plus triste et plus dangereux en même tems pour une jeune femme pleine de vie, de force et de santé, que d'être associée à un homme qui fairait toujours naître des désirs qu'il ne pourrait jamais éteindre, et qui commencerait souvent avec zèle et bonne volonté *des amitiés* qu'il n'amenerait jamais à une bonne fin, complète et heureuse! Je sens bien que vous ne comprenez pas un mot de ce que je vous dis-là; mais enfin je ne laisse pas de l'écrire pour exercer votre imagination à chercher le mot de l'énigme.

Je ne crois pas que le projet de chapitre formé par madame Kwostow puisse prendre. Monsieur Swetchine me disait hier à ce sujet, qu'on devrait prendre les Hernhuters pour modèle. Où diable va-t-il chercher ses exemples! Qu'on laisse encore un peu courir les imaginations en matière religieuse, et nous aurons bientôt des Hernhuters, des Quakers, des Anabatistes et même des Adamistes. Car enfin, d'où est-ce que ces sectes ont pris naissance, si ce n'est des idées exaltées, de gens qui s'écartaient de la règle prescrite par l'Église. Ah, qu'une autorité unique est indispensable, et qu'il serait à souhaiter que l'église Grecque eût un patriarche qui décidât sans appel en matière de controverse! Au défaut de ce point central, la religion Grecque court le risque de diverger en mille sens divers et de finir par devenir méconnaissable, surtout si cette manie d'innover en pieté ne tombe pas incessamment. Je crois vous donner un conseil d'ami en vous conjurant de vous en tenir à votre cathéchisme et aux actes qu'il prescrit, sans aller plus loin, ni vous laisser tenter par la perfection.

XLIX.

S-t Pétersbourg, le 7 may 1817.

C'est absolument par oubli que j'ai négligé de vous parler de Nicolas Galitzine. Soyez tranquile: il n'est arrivé à Naples que m-r de Markow en était parti depuis deux mois; il ne l'a rencontré nulle part; ces amours sont finis, je crois, à tout jamais, et si le comte revient en Russie, j'espère qu'il aura le bon esprit de marier sa fille tout de suite. Elle a 20 ans, elle se porte bien à présent, il ne faudrait pas lanterner.

Nous avions reçu l'ordre de faire nos paquets pour Jeudy 10 du mois; mais cela vient d'être changé. Le grand-duc Nicolas désire de passer le jour de la Pentecôte en ville, parce que c'est la fête de son régiment; il m'a dit hier à la société qu'il avait prié l'Impératrice de rester jusqu'au 13. Je pense qu'il y aura un dîner pour les officiers et que monseigneur désire que toute la cour y assiste. Cela fait que nous ne partirons que Dimanche vers le soir, et pour ne plus revenir en ville que pour la réception de la princesse Charlotte de Prusse, qui arrivera sur la fin de juin. Nous aurons six semaines de campagne sans en sortir; je vais travailler tout ce tems-là à me *dégraisser*, quoique vous en disiez; mais plus de petit lait: on dit que c'est mauvais pour l'estomac. J'observerai simplement un régime et de tems à autre je me purgerai légèrement avec une petite pilule que j'appelle une petite

furie; elle n'est pas plus grande que la tête d'une grosse épingle, et malgré cela elle est si active qu'il n'est sorte de coin dans lequelle elle ne vienne à passer; elle en chasse tout ce qu'il y a de mauvais et vous rend légère comme une plume. Pendant les huit jours que je suis restée chez moi pour mon mal de gorge, je me suis donné deux fois le plaisir de cette petite furie qui m'a fait un bien infini. Savez-vous que je n'ai pas vu comment ce tems de retraite a passé; et pourtant j'ai été presque toujours seule, avec des livres, les gazettes et mon ouvrage. J'étais le mieux du monde.

Le comte Strogonow a été fort mal il y a quatre jours; si mal, que toute sa maison en a été en alerte. Avant-hier il s'est trouvé mieux, et comment! Il a eu la force de donner à dîner aux nouveaux mariés Stcherbatow, lui-même a découpé certaines viandes et a servi le vin. Voilà ce que le prince Dmitri m'a conté hier. Vous conviendrez que c'est merveilleux. Il devait partir demain pour Cronstadt, le tems est devenu mauvais. Dès qu'il se remettra au beau, il s'embarquera. On veut voir comment il supportera la mer. Si cela va bien, on ira droit en Angleterre. Pour peu que cela aille mal, son beau-frère Galitzine qui l'accompagne jusqu'à Riga, le ramènera ici. Madame Strogonow avait eu l'intention de partir avec son mari, mais lorsqu'elle en a parlé à la princesse Woldemar, celle-ci lui a signifié qu'elle la suivrait partout et qu'elle n'existerait pas un jour sans elle. Vous jugez comme Strogonow a été peu charmé de cette résolution; de sorte que pour ne pas avoir avec lui une belle-mère qui l'excède, il a dû renoncer à prendre sa femme. Voilà comment cette vieille moustache entrave tout avec son inconcevable égoïsme! Et après cela elle parle de l'amour qu'elle a pour ses enfans.

M-r La Harpe n'est pas mort, comme je crois vous l'avoir mandé; il est au contraire plein de vie et de santé et vient d'être élu pour présider le conseil du pays de Vaud.

Le prince Théodore est déjà établi à Czarsko-Célo. A tous les agréments de la campagne il réunit celui d'un whist pour tous les jours; Troubetzkoy, Léwaschow et Wassilitchkow sont là sous la main, et comme Théodore ne peut plus exister sans jouer, vous imaginez quelle félicité! J'ai vraiment cru un moment que la maison n'avait été achetée que pour le whist.

A propos, savez-vous que ma princesse Boris fait des folies? Il y a quelques jours qu'Alexandrine est retombée malade et a de nouveau de la fièvre; Creighton ordonne l'air de la campagne, mais déconseille Kamennoï-Ostrow, comme trop entouré d'eau. Là-dessus ma princesse députe son fils André à l'Empereur pour demander quelques chambres

à Czarsko-Célo, et on lui a répondu qu'elle sera servie à souhait. Aller demander un logement, quand on peut en louer une, me semble indiscret. On le lui donne, c'est très-bien; mais qu'elle se taise au moins. Au lieu d'être discrète, je m'attends qu'elle le dira à tout ce qui passera le seuil de sa porte. Je vous avoue que son bavardage fait mon désespoir; je voudrais bien la prêcher à cet égard, mais j'ai vu que mes avis ne sont pas toujours bien reçus. Sophie lui fait faire aussi un tas d'extravagances: elle la fait courir sur les quais à certaines heures où l'on est sûr d'y rencontrer l'Empereur.... Si mad. de Noiseville voyait tout cela, je vous réponds qu'elle ne dirait son sentiment à la mère et à la fille.

L.

Moscou, Samedy, 12 may 1817.

Hier au soir, en quittant ma plume, je sortis à pied de chez-moi; je rencontrai à ma porte une calèche élégante, je vois une grande belle jeune femme assise à côté d'une espèce de singe, je crois reconnaître Lise Troubetzkoy et m-r Potemkine, mais la vitesse des chevaux les fait disparaître aussitôt. A quatre pas de là je vois m-r Neiélow.—Avez-vous vu cette calèche?—Sans doute, me dit-il, c'est le comte et la comtesse Potemkine.—Comment, ils sont mariés?—Mais certainement, ce n'est pas une nouveauté, il y a six mois qu'ils sont promis. Vous comprenez bien à quoi je pensais en me récriant, mais je n'en dit mot à Neiélow; je me contentai de lui demander: où logeaint les époux?—Chez le prince André Gagarine, me répondit-il, en attendant qu'ils ayent acheté une maison. C'est une réunion délicieuse, ajouta Neiélow: deux femmes charmantes qui s'aiment beaucoup, j'y vais dîner demain. Je l'en félicitai et je m'en allai en riant du domicile choisi, mais en faisant de tristes réflexions sur ce mariage que je croyais que la mort avait voulu rompre.

LI.

Pawlowsky, le 14 may 1817.

Nous sommes arrivées ici hier à 9 heures du soir, et tellement abîmées de poussière qu'il n'y a pas eu moyen de se présenter au salon; nos femmes de chambre n'étaient pas avec nous, aucune possibilité de faire toilette. A l'appel réitéré qui nous fut fait de descendre il a toujours fallu répondre que cela ne se pouvait pas. A dix heures point d'infante encore, à onze heures pas davantage; alors, après avoir pensé un moment, je pris la résolution d'aller chez la princesse Prozorowsky et de lui demander l'hospitalité pour la nuit. En effet, c'était le parti le plus sage. Je descendis, la princesse fut enchantée de me voir, je me déshabillai, je me lavai, et avec une robe de chambre de la princesse je restai avec elle jusqu'à minuit que nous allâmes nous coucher. Avant sept heures j'étais sur pied, je revins chez moi et je trouvai mes femmes qui ne faisaient que d'arriver; les malheureuses n'avaient eu de chevaux qu'à deux heures après minuit, et elles avaient attendu toute la journée d'hier vainement les reins ceints comme les Israëtites, mangeant de bout et croyant partir d'un moment à l'autre. C'est que le nombre des équipages s'est trouvé si grand qu'il n'y a pas eu moyen de fournir des chevaux à tout le monde à la fois. M-lle de Modène, qui n'a pas fermé l'oeil de la nuit, a l'air de s'éteindre; Nadejda est d'une humeur de dogue, parce qu'elle n'a pas encore dîné. Quant à moi, je sors de table. Nous avons eu l'Empereur, l'Impératrice Élisabeth, la duchesse de Wurtemberg. Tout ce monde a déménagé également hier à Czarsko-Célo. Deux jours avant de quitter la ville, c'est-à-dire Vendredy, j'eus la visite de *m-r le Grand*; elle a été toute aussi longue que de coutume, depuis 9 heures jusqu'à onze et demie. Nous avons pris du thé, causé, raisonné, ri; il était adorable! Voyez-vous, ma confiance en cet homme est tellement grande que je suis bien certaine que jamais il ne pourra changer à mon égard; je me suis donné le plaisir de le lui dire, et il m'a répondu que le tems prouvera combien cette confiance est bien placée, et je suis convancue que ce n'est pas là une phrase qu'il m'aura faite, mais bien une vérité. Je suis fort contente qu'il soit dans le voisinage, parce que nous le verrons souvent.

Vous avez déviné: le marieur que je vous annonçais est le prince S.; il a été fiancé hier avec Nathalie ***. C'est l'ouvrage de Théodore, à lui seul en revient la gloire; il a mis une telle activité à cette affaire qu'en le voyant aller et venir on l'eût supposé léger com-

me une plume. S. se laisse marier pas son frère, car au fond il a autant d'envie d'épouser que moi d'aller me jetter dans la rivière; mais une fois la chose arrêtée, il va se persuader qu'il est enchanté. Nathalie, qui a de l'esprit, en fera d'ailleurs ce qu'elle voudra: il est du caractère le plus aimable et le plus accommodant. Quand à l'article qui vous inquiète, je ne sais ce qu'en pensera Nathalie, mais je sais que pour moi c'eût été un bonheur! Imaginez qu'un homme de la sorte est inappréciable à mes yeux, comme amant du moins (comme mari je ne saurais pas vous le dire); toute ma vie j'ai rêvé creux à cet égard, j'ai précisement toujours désiré quelque chose qui n'amenât jamais à la fin *complète* et *heureuse* que vous voudriez-vous. Ce qui m'a causé prodigieusement de chagrin, est qu'on n'ait pas voulu m'entendre là-dessus; j'avais beau représenter que ceci et cela suffisait, point du tout: on voulait toujours davantage. Il m'a été impossible de vaincre ce qu'on appelait *des scrupules*, et voilà ce qui a été le motif d'une affliction cruelle qui a renversé toute mon existence. Cet hyver encore j'ai été dans le cas de soupirer après un être de la façon dont vous dépeignez S. Je ne fais pas la petite bouche, comme vous voyez, en cherchant à vous persuader que je n'ai rien compris à ce que vous me dites. Hélas! Je vous entends bien, et voilà quelle est ma manière de penser. Vous la trouverez pitoyable, mais telle qu'elle est, il faut que ces folies restent entre nous. Je vous dis ce qui me passe par la tête. La noce de S. se fera à Lgowa; et comme je n'en serai pas, c'est à vous qu'il est réservé de m'en donner les détails.

Tandis que nous étions en peine du sort de Lise Troubetzkoy, elle arrangeait ses petites affaires à sa fantaisie, elle épousait le comte Potemkine. Lorsque cette lettre vous arrivera, peut-être l'aurez-vous déjà vue à Moscou où elle devait arriver le 15. Son frère lui a fait voir à tems la lettre de la princesse Boris; il dit qu'elle la lue d'un bout à l'autre, qu'elle y a réfléchi et qu'ensuite elle a dit que son parti était pris, qu'elle refusait Dolgorouky. Je ne pense pas que Troubetzkoy ait plaidé la cause de ce dernier; le roi du Wolga pas davantage, de sorte qu'aussitôt qu'on a eu Potemkine sous la main, on a procédé à l'oeuvre. Lise m'écrit le lendemain de ses fiançailles qui ont eu lieu le 24 avril, jour de son nom. Elle m'a l'air très-contente et très-heureuse. Le promis écrit dans le même sens à la princesse Boris qu'il appelle déjà *sa chère tante*; enfin il n'y a plus qu'à leur faire compliment à tous deux. Je désirerais extrêmement que vous pussiez fréquenter cette maison afin d'être utile à cette pauvre Lise que j'aime. Il vous sera bien facile de faire connaissance avec le mari, et qui sait le bien que vous pourriez faire à une jeune personne sans expérience et vraiment intéressante.

Ne croyez point qu'André Gagarine abandonne Potemkine: bien loin de là, c'est chez lui que le nouveau ménage va loger en arrivant à Moscou. J'ai vu par hasard une petite partie des belles choses que cet extravagant Potemkine a faites faire ici pour Lise. Étant allée chez un nommé Angélo, qui a levé dernièrement un magazin, il m'a montré des caisses déjà fermées remplies de magnificences; ce que j'ai pu voir encore était une capotte de 1100 roubles, des dentelles d'une grande beauté, un déjeuné de porcelaine et différents objets de toilette. En un mot, Angélo en a fourni pour 50 mille roubles; treize châles de Cachemir achetés à Moscou sont estimés 50 mille roubles aussi; les perles sont superbes et sans prix, et je suis sûre que quand tout cela aura été étalé, les habitants de Nijnei auront poussé des cris d'admiration et que ce moment aura tué le souvenir de Dolgorouky, qui écrit des choses si tendres, si sensibles à Schoulépow, qu'il y a de quoi le comparer à Grandisson. Quand il apprendra qu'on lui a préféré ce marquis de Caraba, il n'aura plus qu'à chanter: *je veux percer mon pauvre coeur, me noyer ou me pendre.*

LII.

Moscou, le 21 may 1817.

Aurez-vous fait attention aux dates? Aurez-vous remarqué que tandis que vous étiez tête-à-tête avec l'Empereur Vendredy soir, causant, riant et probablement fort occupée des affaires de ce bas monde, j'étais moi au chevet de ce bon vieillard Evers, lui faisant administrer l'extrême onction, lui faisant lire par le curé les prières des agonisants et recevant son dernier soupir précisement au moment où S. M. vous disait adieu! Je ne puis m'empêcher de faire ces rapprochements chaque fois que l'occasion s'en présente. Je voyais devant moi tout le néant de la vie, vous en goûtiez tous les charmes et vous en aperceviez toute la gloire.

Si je ne vous connaissais pas pour très-véridique, je croirais que vous mentez *un peu* quand vous m'assurez que ce serait un bonheur pour vous d'avoir un amant fait sous un certain rapport sur le modèle du mari de m-lle ***! Ah mon Dieu, si vous dites vrai, je suis tout juste l'homme qu'il vous faut, ou plutôt *l'ombre* que vous désireriez. Ce serait charmant de trouver une femme de votre goût; je n'en ai jamais rencontré que de fort exigeantes, et c'est à force d'en trouver de ce genre que je suis devenu comme le cher S. que peut-être on

calomnie aussi, et c'est ce que nous verrons l'année prochaine. Ne me direz-vous donc jamais qui est cet être heureux auquel vous auriez souhaité mes *infirmités* et dont j'envie les avantages?.... Vous m'avez défendu de traiter ce chapitre-là, laissons le reposer jusqu'à l'automne où nous aurons le tems de le remettre sur le tapis. Oui, je tâcherai de vous donner les détails de la noce qui se fera à Lgowa; mais qui me les donnera ces détails? Les femmes en sauront plus que moi, et Sophie qui en sera vous dira point pour point comment les choses iront, si toute fois elles vont jusqu'à entière consommation.

Juste Ciel, que désirez vous-là que je sois le conseiller de madame Potemkine! D'abord il est très-douteux qu'elle veuille des avis, et elle a fort mal reçu ceux que deux de ses parentes lui ont donné. Ensuite, je serais reçu dans cette société d'incroyables et de merveilleuses, comme un chien dans un jeu de quilles, et ce serait à qui me chasserait par une raillerie ou par un quolibet; Dieu me préserve d'essayer! Vous pensez bien qu'il n'est question ici que de cette nouvelle mariée; mais ce que je vous apprendrai c'est qu'elle débute dans le monde d'une manière fort extraordinaire. Primo, elle a jetté son deuil et paraît dans tout l'éclat de la plus brillante toilette; ensuite, elle fait ses visites seule, et son mari ne l'accompagne nulle part, pas même au théâtre ni aux promenades où elle se montre *in fiocchi*, avec une d-lle de compagnie, ce qui n'est ni dans les usages, ni dans les régles de la décence. Enfin, elle demeure chez André Gagarine, et elle y demeure seule, son mari étant parti hier pour ses terres, la laissant ici à la gueule de loup. André a une campagne tout près de Moscou où il va conduire sa femme et ses enfants et où il sera sensé demeurer luimême. Lise restera toute fine seule dans cette grande maison, et Gagarine, comme vous croyez bien, fera souvent des courses en ville pour ses affaires et pour les bâtiments qu'il fait construire. Voyez-vous bien où cela mène? Je plains Lise de toute mon âme d'être ici sans un chaperon qui ait quelque poids. Au reste, je vous répète qu'elle a reçu avec dédain de fort bons avis. Sa pauvre tête a tourné de tant de fortune; ses livrées, ses équipages, ses châles, ses perles et ses diamants occupent toutes ses pensées; mais si elle vient à perdre ces futiles avantages, comme cela est très-probable, que lui restera-t-il? Des regrets et du repentir. La raison et le bon sens, qui selon moi sont la base de tout bonheur durable, semblent étrangers à ce jeune ménage; la vanité y joue un très-grand rôle, et personne ne la réprime. Je crois l'état de Lise fort précaire, et je crains que son début ne lui fasse contracter des habitudes qui nuiront à la paix du reste de sa vie. Ne me citez pour aucun des détails que je vous donne en parlant à la prin-

cesse Boris; voici une lettre pour sa fille Sophie à qui je dis sur ce menage tout ce que je veux qu'on ne sache par moi. Le paquet pour mad. de Noiseville est énorme, parce que je lui envoye des lettres qu'elle me demande pour Genève. A propos, hier est venu chez moi un jeune Suisse m-r de Saugy, qui s'est présenté au nom de m-r de Ribeaupierre, et quoiqu'il ne m'apportât nulle recommandation de ce dernier, je ne l'en ai pas moins reçu de mon mieux et je lui rendrai tous les services en mon pouvoir. Je vous prie de le mander à votre ami dans l'occasion.

Avez-vous ouï-dire que la princesse Serge Galitzine, née Izmaïlow, désire à présent le divorce qu'elle refusait autrefois, et qu'elle le souhaite pour devenir madame Michel Orlow? Ce bruit court ici, je ne sais sur quel fondement. J'oublie de vous dire qu'hier, pendant la messe au monastère Страстной, un homme *enragé* s'est jetté dans l'église et a mordu 4 ou 5 femmes et filles à leur emporter la pièce; il a fallu appeler une escouade de police pour en faire façon; on l'a lié et porté à l'hôpital; c'est un musicien de maison qu'on croit mordu d'un chien enragé.

LIII.

Pawlowsky, le 19 may 1817.

Savez-vous bien qu'après avoir fait partir ma dernière lettre j'ai éprouvé quelque honte de vous avoir débité toutes ces folies au sujet de S. et des *fonctions* qu'il doit exercer sous peu, mais j'espère que le tout est entre nous. Je suis tenté de croire que ce bon S. a été calomnié: il est tellement persuadé de son fait qu'il est déjà à chercher dans l'almanach le nom qu'il donnera à son fils où à sa fille; très-sérieusement, nous avons discuté cette matière, lui voulant Michel ou Nathalie, moi proposant Étienne ou Catherine.

Le comte Strogonow est très-mal, Creighton n'a plus le moindre espoir. Toute la famille Woldemar va aller à Cronstadt pour le voir encore une fois avant qu'il ne s'embarque. Pendant leur absence Serge sera à Czarsko-Célo chez son frère. J'ai été voir ce dernier. Il a tiré de sa maison tout le parti possible, il s'est arrangé un cabinet délicieux, une chambre à coucher charmante, un jardin qui dans ce moment est peu de chose, mais qui deviendra charmant aussi. Enfin c'est un magicien que ce Théodore. Ne me dites pas que rien n'est si facile avec de l'argent; sûrement il est aisé de se procurer de belles choses

quand on peut les payer, mais encore faut-il du goût, et voilà précisément ce qu'il possède comme personne: une izba chez lui deviendrait un bijou.

Dimanche, 20.

Nous avons eu du monde de la ville aujourd'hui, toutes les dames d'honneur et quelques hommes. Demain nous aurons cohue: ce sera la fête du grand-duc Constantin; on sait en ville que l'Empereur dîne ici, on accourre, les merveilleux aussi bien que les merveilleuses. Je n'aurai pas un moment de libre, voilà pourquoi je veux finir ma lettre ce soir. Je vous disais hier qu'on attendait la princesse Boris, tandis qu'elle était arrivée de la veille; elle est venue chez moi tout aussitôt qu'elle l'a pu. Sa fille n'est pas bien jusqu'à présent: elle pleure, elle s'effraye de tout, elle est très-faible, on croit que l'air est ce qui peut la remettre. Dieu le veuille, car en vérité il serait cruel qu'Alexandrine donnât encore des inquiétudes dans le genre de sa soeur Kourakine. Cette dernière passera l'été à Kamennoï-Ostrow où l'on veut lui faire prendre des douches; s'il n'en résulte aucun bien, son mari la ménera en Angleterre pour la mettre entre les mains d'un célèbre médecin de fous qui a fait des cures merveilleuses. Je me trompe fort ou elle ne sera jamais guerrie, car c'est moins folie qu'imbécillité complète, et voilà ce qui désespère les médecins d'ici. J'ai le projet d'aller mardy à Czarsko-Célo; je demanderai la permission d'y passer toute la journée. Je puis dire que nous jouissons bien de la campagne: depuis huit jours que nous y sommes, le tems est beau comme au milieu de l'été. Nous dînons en plein air sous la colonnade, le soir on se promène en ligne ou à pied, on soupe au Pavillon des Roses ou à la Ferme; hier on soupa au *Pavillon Élisabeth* dont la position est des plus agréables, mais on y est abîmé par les cousins. Théodore a eu la permission de venir ici, quand il le jugera à propos, il est donc venu hier passer la soirée. Nous avons aussi Modène comme maréchal de la cour, ad interim; m-r Pachkow étant accablé de travail pour les noces prochaines du grand-duc, est obligé de rester en ville, et Modène le remplace ici. Quoiqu'il en soit fort contrarié, j'avoue que je suis enchantée de cette acquisition: il vient passer les après-midy chez moi, il est inépuisable sur la France, il conte les choses du monde les plus intéressantes. Votre ami le marquis de La Maisonfort est tout cacochyme, accablé de rhumatisme, il a des playes aux jambes, il est en un mot gisant sur le grabat; mais le roi lui faisant un très-bon traitement, il a de quoi se faire soigner. Modène a vu toutes les sociétés, celle du

faubourg S-t Germain, appelée celle des exagérés, et puis les gens du nouveau régime. Je ne puis vous cacher qu'il a trouvé parmi ces derniers des personnes de beaucoup d'esprit, de mérite et parfaitement aimables. M-r de Rostopchine est en ce moment très-goûté à Paris; on lui trouve l'esprit tout français, et plusieurs de ses bons mots ont eu le plus grand succès; il voit beaucoup m-r de Talleyrand qui n'est point rentré dans le ministère, mais qui est revenu à la cour où il remplit sa charge de grand-chambellan. A l'ouverture des chambres il devait occuper un tabouret tout près du fauteuil du roi, et cela en vertu de ses fonctions. Mais comme on le savait en disgrâce, il plut à m-r de Brézé, maître des cérémonies, de lui indiquer sa place parmi les pairs; il y est allé sans mot dire; mais le roi le trouve mauvais et en fit une semonce à m-r de Brézé, qui, le jour où le roi reçut l'adresse des chambres, conduisit m-r de Talleyrand là où il devait être. Il est positif qu'il aime sa nièce mad. de Perigord, tout Paris en a connaissance; sa femme est reléguée dans une terre. Dernièrement elle revint à Paris pour obtenir quelqu'augmentation de traitement; le roi, en apprenant qu'elle y était, dit au grand-chambellan: «m-r de Talleyrand, on dit que votre femme est revenue?»—Hélas, sire, il n'est que trop vrai, et j'en fais mon 20 mars. Voilà comment il traite madame. Modène m'a conté les disputes fréquentes que m-r de Rostopchine a eues avec mad. de Staël et dont il est toujours sorti triomphant. Celle-ci se démène toujours; elle est tantôt pour le ministère et tantôt contre; elle dit continuellement *mon parti*. Rostopchine n'a pas laissé échapper cette phrase pour la tourner en ridicule. Quelqu'un lui demandant ce qu'il ferait de sa soirée: je vais d'abord, dit-il, voir *la Pie Voleuse*, en suite *la Pie Séditieuse*. C'est qu'il allait souper chez mad. de Staël. Je crois que si Modène n'avait pas sa femme, telle que le Ciel l'a faite, il serait bien tenté de faire encore un voyage à Paris. Adieu; il est minuit. Dites moi donc un mot sur le portrait de la petite Markow; où était-il? Je ne verrai plus m-r Apraxine, par conséquent il ne pourra pas me l'apprendre.

Contez-moi cela tout uniment: vous avez piqué ma curiosité.

LIV.

Moscou, le 28 may 1817.

Vous avez toute raison de craindre cette guerre de plume sur les matières religieuses. Il serait à souhaiter que l'autorité synodiale empêchât la publication de tout livre ou pamphlet sur ce sujet, et ne publiât que ce qui doit servir à l'instruction des sujets Grecs de l'Empire. Le Consistoire de Mohilew en ferait de même pour les sujets Catholiques, et de part et d'autre toute controverse serait réprimée: chacun suivrait sa croyance en paix, et personne n'écrirait. Il serait permis à mad. Kwostow et à qui le pourrait, de voir le Diable, mais expressément défendu de parler de ses visions et surtout d'en écrire. J'ai eu en effet quelques notions sur vos liaisons qui m'ont pu faire craindre que votre imagination ne restât pas toujours soumise aux règles de dépendance qu'exigent les matières de foy. Mais jamais je n'ai rien entendu contre votre doctrine, et je suis convaincu de sa pureté. On m'a dit simplement que vous fraternisiez avec m-r Labzine, qui passe pour un cerveau exalté, et j'aurais autant aimé qu'un homme qui se singularise vous demeurât étranger. Dites-moi un mot de lui, si vous croyez pouvoir le faire? Quant à vos pratiques religieuses, conservez les précieusement. Je ne suis pas bigôt, mais je crois très-nécessaire qu'un Chrétien qui en a le tems, prie souvent, invoque la Vierge et les saints et dise tout bonnement son chapelet. Tout ce tems-là est bien employé quand il n'est pris que sur le monde et sur ses plaisirs. Pourquoi l'Église Romaine a-t-elle prescrit à ses prêtres ce long bréviaire, divisé en quatre parties du jour, et qu'ils ne peuvent se dispenser de lire tous les jours de leur vie sous peine de péché mortel? Ce n'est pas qu'elle ne sût qu'il y aurait bien des distractions au milieu de ces prières; mais elle savait mieux encore que ce n'est qu'en assujettissant l'homme à des devoirs précis qu'on dompte son imagination et qu'on surmonte son penchant aux nouveautés. Tout prêtre de bonne foy vous avouera que s'il lui est arrivé de s'égarer dans quelques moments de sa vie, son égarement a toujours commencé par se soustraire au bréviaire.

M-r de Rostopchine sera très-goûté des Parisiens tant qu'il les fera rire par ses bons mots; mais faire rire, ce n'est pas se faire estimer, et croyez-moi qu'il est en bon lieu pour être percé à joue et qu'on n'est pas à savoir à ce moment que sauf ses quolibets; c'est un être nul, sans instruction, sans connaissances et, qui pis est, sans jugement. M-r de La Maisonfort m'a écrit que Modène a été bien séduit

de Paris, parce qu'il n'y a été qu'en qualité d'étranger; mais que s'il y passait deux ans comme Français, il en serait bien vite dégoûté par la nécessité de prendre part à toutes les intrigues qui divisent la société et la rendent insoutenable à la longue.—Le portrait de Warinka (puisque vous voulez le savoir) était chez m-r Bergmann, beau-frère des Stcherbatow, qui avait autrefois loué une aile de cette maison-ci. Je vous dirai cette vilaine et infâme histoire qu'on ne peut écrire. Je l'ai dite à votre oncle qui me l'a demandée et qui n'en est pas moins un des grands protecteurs *du personnage* qu'il a introduit à la commission, parce qu'il a été jadis ami de son père.—Je vous ai conté l'aventure de l'homme enragé qui a mordu cinq femmes à l'église il y a 8 jours; eh bien, cet homme mourut le lendemain à l'hôpital, sans qu'on sache la cause de cette frénésie, et les pauvres blessées sont dans la terreur de devenir enragées. Il est arrivé un autre accident assez grave, et voici comment je l'ai appris. J'avais fait demander Penna, sculpteur Italien avec lequel j'avais à faire, et il m'avait promis d'être ici avant-hier à midy précises; je l'attendis vainement toute la matinée. Hier il s'excusa et me dit: Comment serais-je venu, monsieur, après ce qui m'est arrivé le matin; j'avais un chat que j'aimais beaucoup et qui se portait à merveille, voilà qu'au moment de prendre mon chapeau pour sortir, ce chat est saisi de convulsions et meurt sur mon lit. J'avais un cheval superbe qui m'amenait un bloc de marbre et je le rencontre sous ma porte-cochère, tout-à-coup le cheval tombe et meurt en cinq minutes. Je vais au Kremlin où j'avais à faire avant de passer chez vous; voilà que me trouvant devant Ivan Wéliky, un jeune homme tombe du haut du clocher où il travaillait, passe à quatre doigts de mon visage et se tue roide à mes pieds. Monsieur, voyez vous bien, si l'Empereur même m'eût attendu, j'aurais manqué de parole; je suis rentré chez moi bien décidé à ne plus faire aucune affaire un jour comme celui-là, et je me suis enfermé jusqu'après le coucher du soleil.

Hélas, j'ai bien peur que le comte Strogonow ne revienne bientôt dans la même frégate qui le conduit, mais qu'il ne revienne que pour se faire enterrer; c'est l'année passée qu'il eût fallu le conduire en Portugal ou en Andalousie. Si Creighton n'a plus d'espoir, c'est probablement qu'il n'y a plus de ressource. Quand j'arrivai en Russie, il était l'objet de l'envie de toute sa génération: beau, jeune, riche, fait pour aller à tout. Bientôt après il épousa une femme charmante, une famille assez nombreuse ne tarda pas à naître et à promettre un avenir flatteur.... Tout cela s'évanouit à ses yeux, et les réflexions qui

occupent son esprit doivent être d'une philosophie bien chrétienne pour lui donner la résignation nécessaire.

Où en est le voyage de la cour? Les meubles de l'Empereur sont arrivés, et en même tems Sancerotte, dentiste de l'Impératrice (l'autorité est respectable pour la véracité) écrit que S. M. l'Impératrice-mère lui a dit que rien n'est moins certain que son voyage à Moscou. Vous devez bientôt savoir à quoi vous en tenir.

LV.

Pawlowsky, le 24 may 1817.

J'ai reçu votre № 157 qui m'annonce la mort de m-r Evers. Ce bon vieillard avait 72 ans, et pourtant sa fin m'a causé un mouvement de surprise qui prouve que je ne l'attendais pas sitôt. Dieu fasse paix à son âme, c'était un brave et excellent homme! Je trouve bien simple que ce soit à vous qu'il ait légué son petit avoir. Vous avez été pour lui une seconde Providence, et si quelque chose vous a entièrement gagné mon coeur, c'est le soin affectueux que vous avez pris de son excellente femme. Jugez à quel point lui devait être reconnaissant! La lettre de change de ma soeur que vous dites m'appartenir ne saurait être à moi, puisque le testateur n'en a point manifesté la volonté; je n'entre pas dans les raisons qui l'ont porte à contrevenir aux intentions de sa femme; soit humeur, soit oubli, qu'importe, mon nom n'est point dans le testament. Au reste, si le testateur m'avait légué ce papier, j'en aurais fait ce que vous avez fait vis-à-vis de Sophie; je n'ai jamais eu aucun compte avec mes soeurs. Que dites vous de Nathalie, qui, en recevant 500 roubles auxquels elle n'aurait jamais pu s'attendre, se jette à vos pieds pour attrapper encore le samovar et la pendule? Ah, que c'est bien là un trait de domestique russe. Je vous assure que je ne serais pas étonnée que m-elle de Modène, toute civilisée qu'elle est, ne vienne aussi à convoiter à ma mort quelques hardes, quand même elle est bien sûre que je lui laisserai une récompense de ses longs services.

J'ai beaucoup marché à Czarsko-Célo; j'ai été voir toutes les nouvelles promenades que l'Empereur y a faites; on y travaille avec une activité admirable; on a planté dernièrement pour 12 mille roubles de lilas, ce qui produit une allée d'une belle longueur; tous ces arbres une fois en fleurs, vous pouvez vous représenter quel coup d'oeil et en même tems quelle odeur dans cette allée! Il y avait ce jour-là

une foire à Czarsko-Célo; en sortant du jardin, je suis allé voir ce qui s'y passait; on vendait toutes sortes d'objets, j'ai acheté six savonnettes pour cinq roubles afin d'apporter quelque chose à nos demoiselles. Après cela j'ai été chez Théodore, il allait faire un whist; sa femme, couchée dans une autre chambre, m'avait l'air de vouloir accoucher, si bien que craignant de m'arrêter davantage, je pris le parti de retourner de nouveau chez ma princesse Boris; j'étais fatiguée comme un chien, de sorte que pour ne pas aller à pied, j'enlevai le droschky de Léwachow que j'avais laissé chez Théodore et je me fis mener. J'avais quelque peur d'aller avec un cheval fringant lorsque tout-à-coup le cocher s'arrêtat pour me dire qu'un monsieur lui faisait signe de ne pas aller plus loin. C'était l'Empereur qui à l'aide de sa lorgnette m'avait reconnue. Très-surpris de me voir en équipage si leste, il voulut savoir comment je m'y trouvais. Alors je lui contai mon histoire, je renvoyai le droschky et je continuai ma promenade à pied avec lui jusque chez la princesse Boris qui vint à notre rencontre et engagea l'Empereur à monter pour prendre du thé. Il le fit de la meilleure grâce du monde et resta là environ trois quarts d'heure. Vous voyez que ma journée de Czarsko-Célo a été fort bonne.—Je ne m'étais pas trompée sur la princesse Théodore qui souffrait véritablement pendant que je me trouvais chez elle: la même nuit elle accoucha d'une fille qui se nomme Alexandrine.—Lundy il y a eu ici un monde infini, cent quarante personnes à dîner, le soir bal que je me suis refusé. La comtesse de Lieven, qui était un peu malade, m'avait engagée à venir passer la soirée chez elle, et je saisis l'occasion avec transport. Je lui fis une lecture assez intéressante: c'était une brochure intitulée Manuscript de S-te Hélène qu'on prétend être de Bonaparte lui-même; si ce n'est de lui, c'est du moins de quelqu'un qui l'approche ou l'a approché souvent, car on y retrouve beaucoup de son esprit et le style a une grande ressemblance avee ce que nous connaissons du sien. C'est en Angleterre que cette brochure a paru, et c'est pourtant de Paris qu'on en a envoyé quelques exemplaires. Demandez à Miatlew qu'il tâche de vous en procurer un, peut-être le pourra-t-il; celui que j'ai lu appartient à l'Impératrice.

La princesse Boris ne savait pas sa nièce à Moscou, je lui en ai donné la première nouvelle. Schoulépow qui s'était toujours flatté que le mariage ne se ferait pas, est resté atterré quand je lui ai conté qu'on avait déjà vu Lise mariée. Il ne veut plus en écrire un mot à Dolgorouky, qui n'a qu'à l'apprendre par les siens. La mère Dolgorouky et le frère Basile sont assurément bien aise de n'avoir plus cette épine sous leur oreiller. Je voudrais vraiment que vous pussiez fré-

quenter la maison Potemkine: la jeune femme avec la faiblesse de caractère que je lui connaisse st absolument livrée à ce ménage G***, et ce que je sais des intentions du mari m'effraye tellement que j'aimerais bien qu'on la suivît un peu de près pour la tenir en garde contre ses intentions.

Le comte Strogonow est parti, et sa femme l'a suivi. La veille du jour où le vaisseau devait mettre à la voile, elle a pris la résolution de l'accompagner, dût-il aller jusqu'au cap de Bonne Espérance. Elle est venue demander la bénédiction de sa mère qui, la voyant dans un état affreux, a consenti à son départ. Elle se rendit aussitôt à bord de la frégate avec sa femme de chambre et son médecin, et le lendemain les coups de canon apprirent le départ de la flotte. Toute la famille Woldemar est revenue en ville fort affligée. Le jeune Apraxine m'a conté que dans la maison Strogonow tout le monde est resté ébahi en apprenant le départ inopiné de la comtesse.

LVI.

Moscou, le 31 may 1817.

Je vous ai répondu sur le désir que vous avez de me voir introduit chez Potemkine. Rien au monde n'est moins faisable vu la société où ce nouveau ménage s'est jetté; *des incroyables charmants et des merveilleuses,* comme dit la chanson. Que ferait ma tête chauve au milieu de ces écervelés qui, entre eux tous, n'ont pas un grain de raison ni de bon sens! Au reste, croyez que, *si mal doit y avoir, mal y aura*: aucun conseil ne pouvait arriver à tems. Cette pauvre jeune femme, livrée par de jeunes frères à un fou de mari, abandonnée par ce mari 15 jours après ses noces, et laissée entre les mains d'un jeune homme qui se pique de *rouerie* et se vante d'être un Lovelace, demeurée seule avec ce dangereux ami, doit nécessairement subir sa destinée, à moins d'une protection presque miraculeuse de la Providence. Tant qu'elle sera riche, elle aura des amis qui la soutiendront un peu; mais si, selon les apparences, son mari se ruine bientôt, elle trouvera alors des envieux pour la déchirer, des méchants pour l'accabler, et pourtant elle sera bien plus digne de pitié que de blâme.

Je trouve bien naturelle la résolution de la comtesse Strogonow; on commençait à ne la pas croire susceptible de cette preuve d'attachement. Ce sera un triste voyage. On m'a assuré que le médecin a engagé le prince Dmitri à se pourvoir d'un cercueil afin que l'on pût

ramener le corps et ne le point jetter à la mer, et que ce cercueil bien emballé fait partie du bagage de la frégate. Je ne conçois rien de plus triste pour le prince Dmitri et pour ceux qui sont au fait d'une précaution de ce genre. Le fils a été ramené de même, et en bien peu d'années trois générations auront passé comme une ombre.

Vous ne me direz plus pour le coup que le vieux comte de Maistre n'est pas parti, car je l'ai lu sur la gazette officielle, et il semble même qu'on ait fait une grâce à son fils en l'acceptant pour chargé d'affaires. J'ai lu aussi sur la gazette l'extrait de ce Manuscript de S-te Hélène qui m'a paru comme à vous tenir beaucoup du style de Bonaparte; mais de fréquents anachronismes m'ont prouvé qu'il n'en est pas l'auteur.—Félicitez, je vous prie, de ma part le prince et la princesse Théodore sur la naissance de mademoiselle Alexandrine. Je plains l'accouchée de ne pouvoir point se promener dans l'allée de lilas; quand on plante pour douze mille roubles de lilas, cela doit faire une allée infinie et d'un charmant effet. Les nôtres sont en pleine fleurs depuis huit jours; vous êtes donc un peu plus retardée que nous, ce qui n'est que juste, au reste, vu votre attitude.

Je viens de recevoir une longue lettre du comte Markow de Paris du 12 may. Il me dit que madame de Staël est très-mal et qu'on craint qu'elle n'en revienne point; il l'a vue deux fois. Quant à Warinka, elle se porte bien, elle a fait sensation, et on la lui a demandé en mariage pour des ducs, des princes de l'ancien régime, qui je crois auraient bien voulu racommoder leurs affaires avec l'argent de Podolie; mais le comte, décidé à ne la marier qu'à un Russe, a tout refusé. Il va faire une course à Bruxelles pour faire sa cour à madame la princesse d'Orange; puis il retournera prendre sa fille à Paris et la ramènera dans ses foyers avec le trousseau le mieux troussé qu'on puisse voir. Les Russes quittent Paris à force: le comte Panine va en Angleterre, le prince Bariatinsky en Italie; il ne demeure, ajoute Markow, que la princesse Michel Galitzine. Il ne parle ni de Rostopchine, ni de mesdames Swetchine et Gagarine, ni des Démidow que pourtant je crois à Paris. Royalistes et révolutionnaires tous sont mécontents, et il faut toute la prudence du roi et du gouvernement et la persévérance des troupes alliées pour contenir les esprits de part et d'autre. Cette situation influe infiniment sur la société; les salons ne sont guères que des arènes politiques, ennuyeuses pour les étrangers; les théâtres sont tombés, la danse seule se soutient et se perfectionne. Voilà comme Paris se présente aux yeux du comte Markow. Il y voit de tems en tems mad. de Staël qui est encore grièvement malade et au point que plusieurs médecins doutent qu'elle s'en tire. Il paraît qu'Eudoxie et son mari ne sont plus à Paris, puisqu'il n'en parle point.

LVII.

Pawlowsky, le 29 may 1817.

Comment, le deuil quitté, le mari décampé, et madame courant seule en voiture? Voilà qui est fort bien commencé! N'est-il pas bien malheureux pour cette pauvre Lise d'être ainsi abandonnée à elle-même ou plutôt à la merci d'une jeune femme sans expérience et d'un homme aussi peu moral que semble l'être cet A. . . . ne. Je la plains d'autant plus que je n'y vois pas le moindre remède; puisqu'elle vient de rélancer les parents qui se sont permis de lui donner des avis, quel est l'étranger qui voudra se mêler de sa conduite? Pour l'acquit de ma conscience, je vais lui écrire dans le sens que je voudrais qu'on lui parlât; libre à elle ensuite de suivre mes conseils ou de s'en moquer. La p-sse Boris a prévu tout ce que vous m'apprenez; elle m'a toujours répété que sa nièce était d'une insensibilité qui passait toute idée. Mad. de Noiseville qui l'avait démêlée depuis longtems le disait aussi, et toutes deux se trouvaient avoir raison. Je ne saurais assez m'étonner de cette légèreté qui fait oublier à Lise tout ce qu'elle doit à la mémoire de sa grand'mère. Si cette pauvre défunte n'eût été que sa gouvernante, encore devrait-elle s'en souvenir plus longtems; mais une parente aussi proche, qui l'a élevée et à qui elle vient de fermer les yeux il y a six semaines, cela passe toute conception; il entre la dedans du mauvais coeur et un mépris complet pour les usages reçus. Je suppose que le mari n'est point jaloux, puisqu'à peine uni à une femme dont il se dit amoureux, il vient de la quitter si lestement, ou bien sa confiance dans le couple * est sans borne. La princesse Boris n'a pas joué le désespoir à la mort de sa mère; cependant elle a observé toutes les convenances d'usage; jusqu'à présent elle n'est point sortie, ni Sophie non plus. Celle-ci ne paraîtra à la cour que pour les noces du grand-duc, et à cette époque il y aura déjà trois mois de deuil écoulés. Au reste, si je suis contente de ces dames sous ce rapport, j'en suis parfaitement mécontente pour la conduite qu'elles tiennent à l'égard de *certaine personne*: elles y mettent si peu de mesure qu'on s'en moque ouvertement; plusieurs personnes m'en ont parlé hier encore. On ne s'étonne pas de la mère qu'on sait être *ce qu'elle est*; mais la fille, à qui on suppose plus de raison, excite une véritable surprise. C'est qu'elles ont entièrement perdu la tête! Le besoin qu'elles ont de conter leurs petits triomphes fait qu'elles bavardent à tort et à travers. Moi, qui ai pour elles un véritable attachement, je gémis de cette absence de tact. Mais il est impossible de leur dire qu'il y a de la sottise et

de la maladresse dans leur fait: elles prendraient cet avis fort mal, j'en suis sûre. Je ne les ai plus dans mon voisinage: depuis avant-hier elles sont à Kamennoï-Ostrow.

La promptitude avec laquelle je réponds à votre № 158 vous prouve l'empressement de m-r Kosadawlew, il me sert comme les fées; aussi lui ai-je fait dernièrement chez l'Impératrice bon nombre de révérences. Avant-hier, à travers un bal que nous avions ici, il arriva un courrier de Berlin: c'était un aide-de-camp du grand-duc qui avait été envoyé pour savoir au juste le départ de la princesse. C'est le 31 qu'elle se met en route; le 10 juin elle sera à Polangen, notre monde partira Vendredy prochain pour être là 24 heures avant elle. Monseigneur, en partant d'ici le 5, y sera également à tems. Il nous vient à la suite de cette princesse, trois dames, son frère et plusieurs cavaliers, maîtres et serviteurs au nombre de soixante. Comment trouvez-vous ce procédé? Moi je n'y vois pas autre chose que l'envie de se remplir les poches de cadeaux. Comme ces bons Allemands connaissent la générosité de notre cour, et qu'ils ont l'âme preneuse, ainsi que disait mad. de Sévigné, vous imaginez quelle récolte ils vont faire ici. Nos messieurs et dames de Weymar l'année dernière ont joliment attrapés de bagues et de boîtes de coliers et bracelets, de perles etc. etc. Pour en revenir à la princesse de Prusse, elle arrivera le 19 juin ici à Pawlowsky; le 20 toute la cour se rendra en ville; le 24 la confirmation; le 25, jour de naissance du grand-duc, les fiançailles; le 1-er juillet, jour de naissance de la princesse, les noces. Les bals et les fêtes pourraient bien nous retenir en ville jusqu'au 6 ou au 7, après quoi on revient ici pour ne plus en bouger.... Mais qu'est ce que je dis? Et la fête de Peterhof pour le 22!—Avant-hier soir on a beaucoup parlé de Moscou. L'Impératrice arrangeait la manière dont elle voyagerait; elle disait qu'elle ne s'arrêterait que le soir pour manger et pour coucher, mais qu'elle serait en voiture toute la journée. En disant cela, elle nous regardait toutes, et puis elle disait: Nous ferons donc comme cela? Cependant il est toujours question de restreindre le nombre des équipages, et on ne parle que de deux demoiselles d'honneur destinées pour ce voyage. J'en ai glissé un mot à la comtesse de Lieven qui ignore tout, mais qui ést bien sûre que si je voulais dire une seule parole à *m-r Le Grand*, je serais bien vite choisie. Je ne me presserai pas de parler; le tout en son tems.—Je vous remercie du bon acceuil que vous avez fait à m-r de Saugy; je serais bien aise de savoir comment est ce jeune homme, s'il est content de son service et s'il a le projet de rester en Russie; dites-moi tout cela. De mon côté

je ne manquerai pas d'informer Ribeaupierre de vos bonnes dispositions à l'égard de son cousin.

La princesse Youssoupow va passer une couple de mois avec sa fille; ses terres de Smolensk exigeant sa présence, elle profite de cette occasion pour aller chez son gendre. Elle y jouera au reversis du matin au soir.—Le comte Litta a perdu un frère à Milan ce qui vient de le mettre en retraite; je suis fâchée que nous ne l'ayons pas ici: il fait très-bien au dîner, il cause beaucoup et du moins quand il y est, n'a-t-on pas l'air de s'endormir. Hier nous avons eu H. K.; c'est par exemple un impitoyable bavard celui-là. Depuis qu'il a fouillé dans les archives de Moscou, il croit avoir acquis la science universelle; il pérore sur toutes choses et pérore sans fin, et à force de pérorer il finit par ennuyer. Voilà du moins l'effet qu'il produit sur Modène et sur moi.

Si vous lisez la gazette de Francfort, vous y aurez vu un article sur mad. de Krudener; elle prêche les pauvres et tout en les catéchisant elle les excite à la révolte contre les riches; je crains bien qu'on ne la chasse de Basle.

LVIII.

Moscou, Mercredy soir, 6 juin 1817.

J'ai reçu ce matin votre № 26 au moment où je partais avec le grand Wassiltchikow pour aller dîner à Petrowsky chez le comte Léon Razoumowsky. Nous y avons trouvé l'intendant Wolkonsky, arrivant de Pétersbourg et nous donnant des nouvelles du c-te Strogonow de la hauteur de Rével. Langéron, arrivé il y a quatre jours, nous avait dit les mêmes bonnes nouvelles, m-r Miatlew me les écrit aussi, et voilà qu'on a l'air de le croire guéri, parce qu'il a bien supporté la première journée de son voyage. Cette espérance me fait pitié: c'est vouloir se flatter à beau plaisir.—Langéron est plus jeune que jamais et gay comme pinçon; je dînai hier avec lui chez Virginie, il nous fit mourir de rire, et aujourd'hui à Petrowsky il était tout aussi gay. Il reviendra cet hyver, et nous le marierons: car il veut avoir une femme et il se rabât sur les riches veuves, laissant les demoiselles de 18 ans pour ceux qui auront le mauvais goût d'en vouloir. Vous en êtes encore à vous récrier sur le début de Lise Potemkine; nous y sommes tout accoutumés nous autres, et les choses ont marché si grand train que je crois le roman bien près de la queue. Imaginez que la princesse *** s'en est allée à la campagne avec ses enfans il y a

10 jours, et que Lise et A. sont demeurés tout fins seuls dans la même maison, jusqu'à hier qu'A. est allé rejoindre sa femme. Vous conviendrez que cela s'appelle braver le public et se moquer du *qu'en dira-t-on*? Mais c'est la mode de cette société de se mettre au dessus de tous les conseils. Si la princesse W . . . . eût écouté ceux de la raison, elle ne serait pas tourmentée par l'obsession de ce S . . . . qui l'a suivie à la campagne de Kologriwow près de Kalouga où il a fait des scènes encore. Kologriwow l'a arrêté, a été obligé de le retenir deux jours enfermé dans une chambre et d'envoyer un exprès au comte Tormassow qui l'a fait ramener à Moscou où on le garde. Il n'est point fou cependant, et j'ai vu de ses lettres fort sensées; mais on a un peu coquétté avec lui, il a pris la chose au sérieux, et il veut continuer à parler d'un amour dont on n'aurait jamais du souffrir la première confidence. Au reste, W... est, je crois, plus flattée qu'affligée de tout cela: on parle d'elle, et c'est un grand point pour la vanité. Ceci entre nous, de grâce.

Le jeune du Saugy est fort content de son service; mais il fait pourtant le projet de retourner en Suisse dans quelques années, ce dont je l'ai blâmé: car nulle contrée du monde n'offre les ressources qu'un étranger trouve en Russie, à la tête desquelles je place la facilité d'y faire un bon mariage. Imaginez que Saugy, venant chez moi de la part de Ribeaupierre, ne me dit pas un mot qu'il soit son parent et le neveu de madame de Roverea, en sorte que nous n'avons parlé que de ma famille qu'il connaît, et point de la sienne que je croyais ne pas connaître, et sur laquelle, par discrétion, je n'ai fait aucune question, surtout m'étant mis dans la tête qu'il était envoyé en Russie par La Harpe, qui fait profession d'être ennemi de moi et des miens. Ce n'est qu'après son départ que Wassiltchikow m'a conté toute cette parentée. J'ai écrit à Saugy à Kassimow pour le gronder de cette réserve; au reste, il eût été le propre frère de Ribeaupierre que je n'aurais pu le mieux recevoir que je l'ai fait. Je suis charmé pour ce dernier que la princesse Youssoupow aille chez eux; peut-être sa tendresse maternelle se rallumera-t-elle à la vue de ce bon ménage et de cette intéressante famille. Je crois cette maison beaucoup plus faite pour intéresser que celle de m-r Borinka.

J'irai au club lire le Journal de Francfort pour l'article de mad. de Krudener. Je ne suis étonné de rien de la part d'une tête fanatique, mais je ne conçois pas que les extravagances de celle-ci ne servent pas d'avertissement sur le danger des autres qu'on souffre et qu'on accueille même. Ce mauvais arbre-là portera son fruit tôt ou tard, et alors on ouvrira les yeux. Le goût du moment me semble perverti en

tout et partout; l'attention qu'on donne à K—ne et le cas qu'on fait de son esprit de travers en est une preuve; jamais je n'ai trouvé un homme qui déraisonnât plus constamment et plus méthodiquement que lui, et je suis charmé pour vous et pour Modène qu'il vous fasse l'effet qu'il a toujours produit sur moi. Hé bien, *à les entendre*, c'est cependant là un homme *supérieur*. Ah que nous sommes bien dans le pays des aveugles, où les borgnes sont rois!

Les 60 Prussiens qui arrivent m'ont bien l'air, comme vous dites, de venir chercher des boîtes et des bagues. Que voulez-vous! Les bijoux ne poussent pas dans les sables de la Poméranie et du Brandebourg; on ne marie pas tous les jours une princesse royale au frère d'un Empereur de Russie, il faut bien profiter de l'occasion et la prendre au toupet. Au reste, l'intendant Wolkonsky, arrivant de Pétersbourg, dit que les Prussiens sont au nombre de 70. L'exagération m'a semblée bien petite; les premiers qui rendront la nouvelle à nos bons Moscowites diront *cent*, et dans huit jours nous entendrons dire que la princesse Charlotte est accompagnée de 500 personnes, je compte sur ce nombre pour le moins.

LIX.

Pawlowsky, le 6 de juin 1817.

N'en déplaise à Sancerotte: il ne sait ce qu'il dit. Le voyage de Moscou est si peu douteux qu'on a déjà fait la liste de toutes les personnes qui suivent la cour. J'ai prié m-r Apraxine d'apprendre à ma tante que je suis sur cette liste et je le lui écris encore aujourd'hui. Dimanche matin un laquais de mad. de Lieven vint nous intimer l'ordre de nous rendre toutes chez la comtesse. D'abord ce fut une frayeur générale, car on ne pouvait pas trop comprendre à quelle fin nous étions ainsi mandées; ensuite chacune se répandit en conjectures. Vous verrez que c'est pour règler un service quelconque quand la princesse Charlotte sera arrivée, disait m-lle Nélédinsky.—Quelle bêtise, reprenait mad-lle Samoïlow: je suis sûre qu'on nous rassemble pour nous gronder.—Cela pourrait bien être, dis-je à mon tour, car j'ai observé que les familiarités avec les grands-ducs passent toute mesure. Et en avançant cette opinion, je vous avoue que je récapitulais toutes mes actions de la veille depuis l'heure de mon lever jusqu'à celle de mon coucher, et que je me condamnais déjà sur bien des points.—Voulez-vous parier, s'écria m-lle Samarine, qu'il va être question de Moscou?—

Bah! Qu'elle folie! La Samoïlow a raison: c'est pour une lavasse.— Tout en discutant ainsi, nous entrâmes chez mad. de Lieven, qui nous parut avoir une expression de sévérité sur le visage. Elle, de son côté, apercevant la frayeur dont nous étions saisies, nous dit: Qu'est-ce qui vous arrive donc, mesdames? Pourquoi me regardez vous ainsi dans le blanc des yeux? A ces mots nous ne pûmes retenir un fou rire et nous fîmes l'aveu de nos craintes. La comtesse rit plus fort que nous encore, et cela occasionne une scène fort plaisante. Enfin, elle nous annonça que l'Impératrice faisait signifier qu'on n'irait à Moscou qu'autant qu'on le voudrait, et que par conséquent chacune de nous devait dire quel était son désir. Je dis que mon projet était d'y aller cet hyver, soit que la cour y fût ou non, et aussitôt mon nom fut porté en tête de la liste. J'ignore quelles seront les autres, mais il me paraît que toutes celles de Pawlowsky en ont passablement envie. Le lendemain l'Impératrice, ayant su ce qui s'était passé chez mad. de Lieven, s'en est fort amusée, et on ne parla toute la soirée que du voyage de Moscou et de la manière dont on le ferait. Je voudrais beaucoup qu'on nous expédie avant la cour, parce qu'étant seules nous irions plus agréablement sans être assujetties à l'embarras de la toilette et libres de nous arrêter, comme cela nous conviendrait. A présent j'ai la certitude de loger au Kremlin et, pourvu que la chambre qu'on m'y donnera soit bien située, je ne me mets pas en peine de l'ameublement: avec votre aide nous tâcherons d'arranger quelque chose de commode, si ce n'est de joli. Et attendant, je vous promets de vous faire dire mon arrivée dès que je mettrai le pied à Moscou. Il n'en sera pas cette fois, s'il plaît à Dieu, comme de la dernière, où la vue de ma soeur me fit tant de mal que je ne songeai plus à rien. Mais vous représentez-vous le plaisir que j'aurai à vous revoir, et cette possibilité de se retrouver chaque jour pendant six ou sept mois? Je vous assure que c'est là surtout ce qui m'enchante!

Notre dernier Dimanche a été encore très-brillant, un bal où on a dansé comme des foux. Moi j'ai fait un cassino avec madame Gérebzow et m-lle Kotchetow. Cependant, pour faire notre cour à l'Impératrice, nous nous sommes lancées dans une tempête qui a failli m'abîmer: tant j'ai perdu l'habitude de la danse. A tout prendre, j'aurais dû la faire entrer dans le régime que je me suis imposé pour maigrir et qui jusqu'ici ne fait rien du tout; cependant, je ne perdu pas courage et je m'en tiens strictement à ma soupe et à mon rôti. J'ai découvert que les asperges étaient venteuses et je les ai remplacé par un peu de salade. Hier, profitant d'une journée entièrement libre (l'Impératrice ayant été en ville), je l'ai passée à Czarsko-Célo chez Théodore. Sa

femme est parfaitement rétablie de ses couches, il n'y paraît plus, sinon qu'elle dîne dans sa chambre. Quelques personnes de la ville étant venues, nous avons fait une promenade. J'ai été en droschky avec Modène n'ayant pas voulu grimper dans le carrik de Théodore, de peur que mon poids réuni an sien n'en fît rompre les ressorts; il m'assura pourtant qu'à la rigueur il pourrait y faire entrer un autre lui-même et je n'en suis pas encore là. Aujourd'huy nous avons eu à dîner une dame de Moscou, c'est la maréchale Kamensky que j'ai trouvée fort bien encore et avec une mise très-convenable; nous l'avons gardée pour ce soir qu'on la fera promener, je suppose, afin de lui faire les honneurs en plein. Demain, je crois, nous aurons de nouveau champ libre: l'Impératrice veut commencer ses dévotions. Il est probable qu'elle restera chez elle et que nous ne serons point reçues; donc permission de s'absenter. Dans ce cas je retournerai à Czarsko-Célo pour voir cette fois m-r Kotchetow et mad. Wassiltchikow, née Pachkow. On assure que la princesse Boris va nous revenir pour le 15 du mois. Elle dit en ville qu'elle l'a promis à l'Empereur et qu'elle ne peut y manquer. Cela fait gloser les envieux et les oisifs. Moi je ne dis mot, mais je crains toujours qu'elle n'en fasse trop et qu'elle en finisse par se rendre ridicule aux yeux même de celui qu'elle a tant d'intérêt à ménager. Au surplus, ce sont ses affaires; il n'est guère possible de faire la leçon à une femme qui vit dans le monde depuis bien plus longtems que moi.

Vous me demandez quel homme c'est que m-r Labzine. Je ne le connais pas. Je ne l'ai vu qu'une seule fois en ma vie. Ce fut à un dîner cet hyver chez une tante à moi; il se trouva placé à mes côtés, et en qualité de voisin il crut devoir m'enteretenir, mais nous ne parlâmes que de la pluye et du beau tems. Il est le rédacteur d'un journal appelé *Courrier de Sion*; il a dédié ce journal à Jésus Christ, ce que j'ai trouvé passablement présomptueux; mais lorsque j'ai vu dans un des numéros de ce journal un acrostiche pour madame Kwostow, je l'ai trouvé scandaleux. Feu m-r Swistounow le voyait beaucoup et lui attribuait en grande partie le changement qui s'était opéré en lui. Pour moi il en est, comme je viens de vous le dire. Ce n'est qu'à ce dîner que nous avons *fraternisé*, pour me servir de vos expressions.

Nous avons eu à Czarsko-Célo une aventure qui a pensé devenir tragique. La gouvernante des enfans de la princesse Pierre Wolkonsky, malade à peu près comme Lise Kourakine depuis quatre ou cinq mois, a eu tout-à-coup la fantaisie d'aller se noyer. Elle s'est échappé de sa chambre à quatre heure du matin, a fait le tour du jardin, est venue se poster sur un petit radeau et après avoir détaché la corde qui

le retenait au rivage, elle le laissa aller à son gré. Comme elle était déjà au milieu de la pièce d'eau que vous connaissez, elle s'entendit appeler par une soeur de charité qui la soignait depuis quelque tems, qui en s'éveillant, ne l'ayant pas aperçue dans son lit, avait été en grande hâte la chercher. Jugez de sa surprise en découvrant la malade sur le radeau! Elle l'appella donc à grand cris, et celle-ci, au lieu de retourner, lui fit signe de la main, puis s'élança dans l'eau. La soeur redoubla ses cris, deux soldats accoururent, l'un d'eux se jetta à la nage et parvint au bout de quelques minutes à retirer cette pauvre folle, mais évanouie au point de la croire morte. On la fit revenir cependant au bout de deux heures; elle parla et parut avoir regret à ce qu'elle venait de faire. Depuis ce moment elle est assez calme. Cette gouvernante est une Suisse, on l'appelait mad-lle Wildermet avant qu'elle eut épousé un certain Raupach. Sa soeur est placée auprès de la princesse de Prusse et arrive avec elle. Cécile (c'est le nom de la malade) est depuis longtems chez la princesse Wolkonsky. C'était une charmante fille, plutôt l'amie de la maison que simple gouvernante. Pendant l'absence de la princesse, qui a été plus de deux ans dans l'étranger, elle est restée avec les enfans, au palais d'hyver. Je la voyais assez souvent soit à l'église, soit à l'Hermitage. Elle causait très-agréablement. Depuis son mariage sa santé est devenue mauvaise, une grossesse penible l'avait maigrie extrêmement, elle se plaignait de ses nerfs, et depuis ses couches cela a toujours été en empirant; on croit que sa maladie est un lait répandu. La princesse la soigne comme une mère et ne peut se résoudre à s'en séparer.

LX.

Moscou, le 14 juin 1817.

Ah, chère princesse, vous n'avez pas la conscience tout-à-fait nette sur le fait des grands-ducs: la frayeur que vous avez eue de mad. de Lieven le prouve sans réplique: c'est au moment du danger qu'on voit clair dans son âme. Cela m'a fait rire. Si je juge du plaisir que vous aurez à me voir par celui que je me promets de votre arrivée, j'en aurai une idée qui pourrait bien passer la mesure.

On dit ici que l'Empereur s'intéresse fort au mariage de Sophie et d'Alexandrine, qu'il les recommande à tout ce qui est à marier et que la princesse Boris ne veut accepter de gendre que de la main de Sa Majesté. On dit que cette tant illustre maison Galitzine verrait avec

plaisir renaître les anciens usages des tzars qui prenaient des femmes parmi leurs sujettes et que, si ce tems pouvait revenir, on accorderait sans trop de difficultés Alexandrine au grand-duc Michel. Enfin, on s'amuse à Moscou sur le sujet de notre pauvre princesse; mais tout en bavardant on crève d'envie de cette faveur. Je connais un certain orgueuil que vous devinerez peut-être, qui est surtout mortellement blessé. Tout cela me donne la comédie, car rien n'est plus curieux que d'observer les passions dont on a le bonheur d'être exempt. C'est comme lire l'histoire de la cour de Louis XIV; les agitations des courtisans de ce grand roi me font beaucoup penser et ne m'agitent point, elles élèvent ma pensée plus haut que cette terre, et je me demande ce que sont devenus tous ces grands personnages qui ont fait tant de bruit pendant un demi-siècle! Aujourd'hui, quand je vois les grandes boursouflures de cet orgueuil qui m'est antipathique, je me dis de même: Qu'est ce que tout cela sera dans 50 ans! Poussière, poussière! Pauvre humanité, misérables humains! Il y a bien de quoi se laisser aller à l'envie, à la haine les uns des autres! Ne courez-vous pas tous vous confondre dans une éternité que vous touchez de la main et où toutes vos prétentions seront anéanties!.... Mais je m'aperçois que je prêche, et ce n'est pas mon intention.

J'ai connu il y a 35 ans cette famille Wildermet qui est de la ville de Vienne et qui y passait pour n'avoir pas la tête fort saine. Ce que vous me dites de cette pauvre Cécile ne m'étonne donc guères. Dieu veuille que ce ne soit qu'un lait répandu; mais elle est la seconde de son nom atteinte de démence en Russie. En 1795, m-lle Kitti Wildermet élevait les jeunes comtesses Branitzky et demeurait aussi au palais d'hyver; elle y devint folle, mais folle à lier au point que l'Impératrice Catherine ordonna qu'elle fût enfermée. Madame Laurent, qui élevait les comtesses Soltikow, aidée de quelques Suisses, parvint à la soustraire à cet ordre et la fit partir pour la Suisse où elle est morte en démence. Informez-vous, je vous prie, si cette Cécile, que je ne connais pas, est soeur ou nièce de Kitty. Celle-ci aurait à présent 50 ans pour le moins; elle avait un frère marié en Prusse ou dans le Hanovre, mais au service de Prusse; c'est peut-être le père de Cécile. Tâchez de me tirer cela au clair; car je m'intéresse à tout ce que j'ai connu dans ma jeunesse. Quel âge a cette Cécile?

Vous saurez que votre petite cousine fardée est une franche coquette. Cet hyver elle a refusé notre grand épouseur, Langéron, et voilà qu'e l'autre jour, elle le rencontre aux étangs où tout le beau monde était rassemblé; il y était en gala, son cordon bleu, ses ordres etc.; passant près de la belle, il ôte son chapeau très-respectueusement sans

dire un mot; la petite l'appelle, lui demande force nouvelles de Pétersbourg; la tante ajoute son mot, cela dure 5 minutes sans marcher, après quoi le monsieur tire sa révérence et au lieu de rebrousser avec les dames, continue son chemin en sens contraire. Au second tour même rencontre et même appel; pour le coup la modestie du cavalier n'a pas pu se dissimuler qu'on aurait été bien aise de se parer de sa personne pour faire un tour et le montrer ainsi à toute la ville; mais il n'a point donné dans le panneau et a suivi sa route. Toutefois il est venu le soir chez Virginie conter son aventure et croyant fermement qu'on pourrait reprendre la négociation en sous-main et que cette fois-ci la petite comtesse serait moins récalcitrante et moins dédaigneuse. Il reviendra cet hyver et peut-être, s'il sait s'y prendre sans mettre la terre entière dans sa confidence, pourra-t-il réussir; mais sa bavarderie lui nuira dans tout.

LXI.

Pawlowsky, le 9 juin 1817.

Je commencerai par vous donner des nouvelles du comte Markow; il est déjà à Bruxelles, ou pour mieux dire il y a été. La princesse d'Orange écrit à sa mère qu'elle a été enchantée de le revoir, qu'il lui est arrivé un beau matin en manière de surprise, mais que cela a été une suprise des plus agréables. Elle espérait le garder quelques jours. Dans ce moment je le suppose en chemin pour revenir en Russie. Je n'ai aucun doute sur la demande qu'on a pu lui faire à Paris de sa fille: une fortune comme celle qui l'attend n'est point à dédaigner dans aucun pays du monde, et je suis bien certaine que plus d'un duc et pair se serait accommodé des domaines de Létitchew. Le vieux fait sagement de ne vouloir la donner qu'à un Russe; c'est très-bien entendu. Aidez-le donc à trouver un mari pour cette petite, et s'il vient à vous tomber sous la main un homme de moeurs et qui tienne à une famille comme il faut, je serais d'avis qu'on ne s'inquiétât pas des grandes noces.

Demain nous rentrons dans nos fonctions respectives, et déjà m-lle de Modène s'occupe de la robe qui doit figurer tant pour le matin que pour le bal du soir. Il nous arrive demain le duc de Devonshire, qui doit demeurer à Pawlowsky. C'est un jeune homme qui s'est passionné pour le grand-duc Nicolas à Londres, qui l'a beaucoup vu et qui lui ayant promis de venir assister à son mariage, arrive pour tenir sa parole; il est richissime: on conte qu'il a près de trois millions de rente.

Lundy matin.

Le duc de Devonshire n'est ni aussi gauche ni aussi sourd qu'on nous l'avait annoncé; c'est la tournure anglaise que nous connaissons tous. De tous les Anglais que j'ai vu jusqu'ici c'est celui qui danse le mieux; il valze fort bien et pas du tout hors de mesure. Je lui ai fait les honneurs de ma table à souper, où le hasard l'a conduit. Il est tellement charmé de Pétersbourg qu'il ne trouve pas de terme pour exprimer son admiration; c'est la Néwa surtout qui l'enchante. Il a passé la nuit ici, et ce matin le grand-duc lui fait faire une promenade dans les environs de Pawlowsky et de Czarsko-Célo.

M-r de Maistre est parti, et avant de s'embarquer (car il est allé par mer) il m'a écrit une lettre des plus aimables, comme des plus tristes. Il est fâché de quitter ce pays; il en avait l'habitude et il y laisse de véritables amis. Je pense toujours que si ce n'eût été l'histoire des Jésuites, il serait resté ici toute sa vie; mais tous ces clabaudages lui ont donné beaucoup de chagrin, et puis on lui en a su mauvais gré dans son pays. Son fils reste chargé d'affaires jusqu'à l'arrivée de celui qui le remplace. C'est dit-on un jeune homme très-beau, très-riche et très-bien né; je ne sais pas son nom, c'est-à-dire je l'ai oublié.

Que dites-vous de la révolution du Brésil qui a éclaté comme une bombe? Savez-vous que ce n'est point une plaisanterie et qu'à mesure qu'elle s'étend, elle s'organise sans secousse ni opposition. A Fernambouc seulement il y a eu une légère émeute où 7 ou 8 personnes ont été tuées ou blessées. On croit que la cour sera obligée de quitter Rio-Janéiro, car il est à craindre qu'on ne s'empare de sa majesté. Les Anglais envoyent, dit-on, une escadre sur les côtes pour protéger la famille royale. L'archi-duchesse d'Autriche qui allait épouser l'infant, s'est arrêtée, et son voyage pourrait bien se borner à Lisbonne où probablement toute la cour va revenir.

LXII.

Moscou, le 18 juin 1817.

Je vous remercie pour les nouvelles du comte Markow qui sont plus fraîches que celles que j'ai directement de lui. Croyez que le mari de sa fille est tout trouvé, pourvu que la petite en veuille. Il y a longtems que je vous aurais fait part de ce secret si je vous voyais, mais l'écrire est fort délicat. Cependant, comptant sur votre entière discrétion, je vais hasarder de vous mettre au fait, à condition que bien adroitement vous prendrez tous les renseignements sur le futur qui jusqu'ici est de mon choix, le père ni la fille ne l'ayant jamais vu. C'est le jeune prince Serge Galitzine, officier de la garde à cheval, fils du prince Jaques Alexandrowitch et de la princesse Nathalie Nicolawna. Tout ce que j'ai vu de lui, tout ce que j'en ai entendu dire, me persuade que c'est un jeune homme de bonnes moeurs, sans vices et d'une conduite exemplaire. Il ne connaît Warinka que sur son portrait et la trouve charmante. Je ne me dissimule pas que la fortune lui paraît plus belle encore, quoiqu'il n'en dise mot; il suffit que lui, aussi bien que ses parents, désirent extrêmement ce mariage, que les inconvénients de la mère ne font pas le plus petit pli à la chose, et que si le jeune homme, dont l'extérieur est agréable, plaît à mad-lle Barbe, les domaines de Létitchew reléveront cette branche de la maison Galitzine. J'en ai écrit au comte Markow qui m'a répondu que pour lui il ne demande pas mieux, et m'a chargé de dire aux parents, que si leur fils convient à sa fille, dont il ne veut pas gêner l'inclination, c'est une affaire faite. Voilà où en est la chose depuis plus d'un an. Serge arrive avec la garde à cheval, la petite sera ici cet hyver, et nous verrons ce qui en arrivera. L'oncle Golowine est seul dans le secret que vous n'aurez jamais l'air de savoir; mais je ne peux m'empêcher de vous dire ce qui est arrivé à cette occasion avec m-r Gouriew. Le comte Golowine sachant qu'il est, ou du moins fait profession, d'être le meilleur ami du comte Markow et qu'il est même nommé tuteur de la petite en cas que le père meure avant de l'avoir mariée, fut l'été dernier chez lui, et sans lui rien dire de positif prit sur Warinka des renseignements assez particuliers pour faire soupçonner le but auquel on dirigeait toutes ces questions. M-r Gouriew tout-à-coup s'arrête (on se promenait) et dit: „Écoutez, mon cher comte; cette jeune fille est riche, rien n'est plus vrai; mais si vous y songez pour un mariage, je vous préviens qu'elle est *épileptique*, et je ne pense pas qu'il y ait de fortune qui puisse faire passer par-dessus une maladie de ce

genre“. Si le fait était vrai, je doute que ce fût à l’ami du père, au tuteur de la fille, à son protecteur par conséquent, à le divulguer; mais la chose étant fausse de toute fausseté, comment, chère princesse, trouvez-vous ce petit procédé amical? Le comte Golowine n’eut rien de plus pressé que d’écrire le tout à sa soeur, et celle-ci vint aussitôt me mettre au pied du mur pour savoir la vérité de cette maladie. Je la persuadai bien vite du contraire en lui déclarant que ce ne pouvaient être que des ennemis du père et de la fille qui répandaient de semblables contes. Je ne puis vous exprimer quel fut mon étonnement quand la princesse me dit: „Qu’appelez vous *ennemis*? C’est le meilleur ami du c-te Markow, c’est m-r Gouriew qui l’a dit positivement à mon frère en lui déconseillant de penser à une telle alliance“. Je sais depuis longtems que le gros comte Héracli Markow fait sur sa nièce des contes aussi faux qu’injurieux pour son frère et qu’à force de parler sur ce sujet il réussit à inspirer de l’intérêt pour sa nombreuse famille qu’il représente comme ruinée par l’intrusion de cette nièce. Mais est-ce donc aux amis du père à entrer dans ces discussions-là? Ce qu’il y a de fâcheux, c’est que mad. T. . . . , femme du second tuteur, est encore mille fois moins bien disposée pour cette pauvre petite, et que son *mépris* pour elle perce en toute occasion. Voilà les amis de ce monde! Le comte Markow n’en a qu’un seul, *c’est moi.* Les autres n’en ont que le semblant.

Pendant la journée fatiguante que vous éprouviez Dimanche dernier à Pawlowsky, j’étais moi à Ouska pour la première fois de ma vie avec tout l’état-major du comte Tolstoï, Wassiltchikow et quelques autres hommes; pas une femme. Je revins le soir à 10 heures faire un boston chez Virginie et je me disais que vous étiez en gala, selon toute apparence; je ne me trompais donc pas.—J’ai beaucoup connu la duchesse de Devonshire avant la naissance de son fils, et quand celui-ci était tout petit et s’appelait le marquis de Hartington. Cette duchesse était la plus jolie, la plus aimable et la plus gracieuse des femmes; elle avait eu le secret de se faire adorer de tous ceux qui la connaissaient. La naissance de ce jeune duc d’aujourd’hui a couté 150 mille livres sterlings à son père: c’est une anecdote dont j’ai été témoin. Mylady Spencer maria sa fille, malgré elle, au duc de Devonshire qui était sans contredit le premier parti des trois royaumes tant pour la fortune que pour la naissance; les pleurs de la jeune personne n’eurent point le pouvoir de rompre un engagement si avantageux; elle aimait le duc de Hamilton et elle en était aimée. Tout cela fut compté pour rien, on la fit duchesse de Devonshire; elle obéit, mais jura de demeurer fidèle à celui qu’on lui faisait sacrifier, et pour cet

effet elle fit dès le jour de ses noces ce que fit depuis la princesse Galitzine née Izmaïlow: elle refusa toute communication avec son mari et tint bon pendant plusieurs années. Le duc de Hamilton ne fut pas moins fidèle ni moins romanesque; il se retire dans ses terres en Écosse et laissa croître sa barbe qu'il porta comme nos mougiks jusqu'à sa mort que le désespoir hâta. Cependant la jeune duchesse demeurait chez son mari, faisait les honneurs de sa maison, et le duc avait une épouse sans avoir de femme ce qui ne l'accommodait point. C'était le plus froid et le plus triste des mortels en société, et on assure que c'était aussi le plus ardent des hommes en amour. Ne pouvant vaincre le caprice de sa femme, il prit chez lui une amie appelée lady Élisabeth Forster, et en eut plusieurs enfans. La duchesse le savait et le trouvait fort bon: elle était la meilleure amie de lady Élisabeth et on n'allait point à Devonshire-house sans y trouver ces deux amies. Le secret de ce singulier ménage fut bientôt connu publiquement, le d-r Farquar élevait les enfans du duc et de lady Élisabeth sous des noms supposés, et l'on croyait que cette riche et illustre maison des Cavendish allait s'éteindre dans la ligne légitime. Heureusement que la jeune duchesse, ennuyée du vide de sa vie, donne à plein colier dans le jeu. Elle perdit un hyver cent mille livres sterlings, ce qui fait aujourd'hui deux millions et demi de roubles. Effrayée de sa situation, elle ouvrit son coeur à mylady Spencer sa mère et à son frère lord Spencer, alors ministre d'état; ceux-ci firent leur possible pour la sauver, rassemblèrent tout leurs fonds disponibles, mais ne purent jamais arriver à la moitié de la somme. Il fallut parler au mari. Lady Spencer va le trouver et après un long préambule où elle faisait entrer la bonne volonté de la famille, elle avoua la dette de sa fille et le besoin qu'on avait du secours du mari pour en achever le payement. Le duc très-flegmatiquement demanda à combien se montait la somme totale?—A cent mille livres, lui dit-on.—C'est beaucoup, reprit-il, mais je veux la payer seul à condition de devenir enfin le mari de ma femme. Les parents, désolés depuis tant d'années de la résistance de la duchesse, trouvèrent le procédé du mari fort généreux et ses conditions très-légitimes et très-raisonnables. On se hâta d'en écrire à la duchesse, qui pendant cette négociation était allée faire un tour à Spa pour éviter la colère de duc. On lui manda qu'on avait conclu ce traité avantageux pour elle et qu'elle eut à venir sur-le-champ pour le ratifier en personne. Mais le duc, fort galant, voulut être le porteur de la lettre; il paya tout; parut à Spa chez sa femme, lui remit d'une main la quittance de ses dettes, et de l'autre les lettres de toute sa famille. Vous dire si ce fut avec répugnance ou de bonne grâce qu'elle accéda

au traité, c'est ce que je ne pourrais faire; ce que je sais seulement c'est qu'elle revint enceinte de Spa, à la très-grande joye de son mari et de tous ses parens. Mais à leur très-grande douleur elle ne mit au monde qu'une fille, et retomba dans ses rigueurs pendant plusieurs années encore. Les joueurs qui la trouvaient une bonne pratique, et qui peut-être s'entendirent cette fois avec le mari, l'engagèrent de nouveau dans le pharaon, et elle y perdit sur nouveaux fraix cinquante mille livres sterlings que le mari s'engagea à payer à condition que le traité de Spa serait renouvellé pour toujours, et qu'il en mettrait les clauses en exécution, toutes et quantes fois cela lui semblerait agréable. C'est à la suite de ce renouvellement d'alliance que vint au monde le jeune homme que vous voyez aujourd'hui. Les faits m'ont été contés par sa mère, et fort en détail pas sa grand'mère lady Spencer et par sa tante lady Besborough. Cette pauvre duchesse est morte fort jeune, et son mari lui a peu survécu, mais il avait épousé lady Élisabeth Forster en secondes noces. Voyez à quoi a tenu l'existence du jeune duc; il ne se doute peut-être pas qu'il est le fils d'un Pharaon. Il doit aimer ce jeu pas reconnaissance, car son existence est une des plus belles de l'Europe.

La révolution du Brésil ne m'amuse point; je n'aime pas les révolutions, même en Amérique, et pourtant je me dis qu'il faut s'attendre à en voir partout, tôt ou tard. Les esprits y tendent en général, et les personnages qui devraient reprimer ce penchant travaillent au contraire à le propager, ce qui à mes yeux ne peut provenir que d'un aveuglement que Dieu permet pour quelque fin qui nous est inconnu. Je Le prie de me retirer de ce monde avant l'époque où ce pays voudra s'en mêler aussi. Les révolutions sont fort dangereuses pour la génération qui en est témoin, et je crois fort douteux que les générations futures y gagnent beaucoup. Jusqu'ici je ne vois pas ce que la France a acquis depuis 30 ans qu'elle est en combustion. Elle a un gouvernement constitutionnel, il est vrai; mais il lui faut le secours des armées russes, autrichiennes, prussiennes et, qui pis est, anglaises pour contenir ses perturbateurs. Voilà un beau résultat!

Nous avons ici une nouveauté: une brebis a mis au monde une espèce *du petit garçon* qu'on va conserver dans de l'esprit de vin à l'académie de chirurgie. On parlait de cela l'autre jour dans une maison où l'on servait du thé; le laquais, qui le présentait et dont on ne connaissait presque pas la voix, s'avisa de dire: Que la chose était toute simple, attendu que dans ce moment on fondait des cloches à Moscou, et que quand cette opération a lieu on sait bien qu'il arrive toutes sortes de choses extraordinaires. Voilà comme on apprend toujours quelque chose: je ne savais point du tout cette analogie, je l'avoue.

LXIII.

S-t Pétersbourg, le 18 juin 1817.

Quand je vous disais dernièrement que je me voyais à la veille des fêtes de la noce, je ne me doutais pas que je ne verrais point l'arrivée de la princesse Charlotte. Je suis en ville depuis Vendredy soir, et cela pour la mort de cette tante qui était si malade. Elle avait été beaucoup mieux en dernier lieu et j'en recevais des nouvelles rassurantes. Voilà que Jeudy, 14, elle s'est trouvée plus mal. Vendredy, 15, elle n'existait plus. Croyant pouvoir arriver à tems sur les nouvelles du Jeudy, je pris une voiture et j'accourus en ville; il était trop tard: avant que je montasse chez la malade un laquais vint au-devant de moi et me dit que tout était fini. J'ai une sotte peur des morts qui m'empêcha absolument d'entrer; il venait de sonner minuit; au lieu d'aller chez la soeur de la défunte, je me fis conduire au château qui me parut un vrai désert. En traversant les escaliers et les corridors après la bonne odeur de la campagne, je me croyais dans un égout. Enfin, parvenue jusqu'à ma chambre, il me fallut une peine infinie pour débarricader ma porte et me faire avoir de la lumière. Je n'avais avec moi que Nadejda; je me sentais mal à mon aise et je la fis coucher dans la pièce voisine; toute la nuit ma tante était devant mes yeux; heureusement que dans cette saison il fait clair toute la nuit et que je pouvais lire. Je pris „l'Année Spirituelle". Cependant sur les six heures je parvins à m'endormir; mais à huit, je donnai ordre d'aller chercher une voiture et je me rendis chez ma tante ayant bien soin d'entrer du côté opposé à celui où était placé le corps. (Ah, Seigneur, combien ne donnerais-je pas pour n'avoir point cette ridicule frayeur!) Cette pauvre soeur qui survit à l'autre est dans une douleur qu'il m'est difficile de vous dépeindre. Elles étaient amies intimes et ne s'étaient pas quittées depuis plus de quarante ans. La défunte s'était toujours occupée du ménage et avait un grand plaisir à prévenir son aînée dans tout ce qu'elle supposait pouvoir lui être agréable. Celle-ci, beaucoup plus habituée au monde, redressait souvent les habitudes singulières que l'autre avait conservées de son éducation de couvent; enfin, elles se voyaient nécessaires l'une à l'autre à tous les instants du jour. Vous imaginez le vide que cette pauvre personne doit sentir! Je ne puis pas comprendre comment elle fera pour vivre seule; et quoique depuis neuf mois que sa soeur était malade, elle ait eu l'occasion et la nécessité de s'occuper de sa maison, je suis sûre que la tête lui tourne de se voir chargée entièrement d'une besogne qui lui a tou-

jours répugné. La princesse Marie Adamovna lui propose de venir demeurer avec elle, et comme ma tante est fort à son aise, je serais d'avis qu'elle louât un petit logement que la princesse a de trop et qu'elle vécût ainsi près d'une parente de son âge. Mais Dieu sait si nous parviendrons à la sortir de son logis. Vous sentez qu'au lieu de penser aux fêtes, je passe la moitié de mon tems auprès de cette pauvre femme affligée. Avant-hier seulement je me suis donnée deux heures de récréation à l'hôtel Litta. Si vous saviez aussi quelle terreur j'ai éprouvé ces deux jours en me sentant si proche d'un corps mort, vous me prendriez en pitié. Je n'ai pas eu le courage de dépasser les sept heures du soir; et à l'issue de la première visite mon effroi fut tel que j'en eus un saignement de nez. Aujourd'hui que se fait l'enterrement, je vais y passer la moitié de la journée.

Tout doit être en l'air à ce moment à Pawlowsky: l'Impératrice va aujourd'hui à la rencontre de la princesse. Quand elle aura passé quelques heures avec elle, elle s'en reviendra à Pawlowsky où la jeune personne arrivera demain pour dîner. On a invité à cette occasion tous les grands dignitaires. Comme je suis partie l'autre jour fort à la hâte, j'ai laissé sur ma table toutes mes lettres, et votre dernière est du nombre; je ne me rappelle plus dutout son contenu: voilà pourquoi je n'y puis répondre aujourd'hui. J'espère que m-lle de Modène m'apportera tout cela après demain, et comme en même tems la cour sera de retour, je pourrai Vendredy prochain vous envoyer une lettre un peu plus gaye et plus intéressante que celle-ci. Mais ne vous ayant pas écrit par la dernière poste, il m'était impossible d'en manquer une seconde.

Le 18 au soir.

Il est 9 heures, je reviens de chez ma tante, qui a un violent accès de goutte volante. Je l'ai trouvée au lit, souffrant le martyre. Plusieurs personnes sont venues la voir dans la journée, et pour la nuit je lui ai laissé quelqu'un sur qui on peut se reposer. Si je n'avais pas ces fatales terreurs, je serais restée chez elle, mais je suis sûre qu'à tout moment j'aurais cru voir revenir l'autre. Demain matin je retournerai de nouveau. Adieu; je suis accablée de tristes pensées et je veux aller me distraire chez quelque voisine. Aujourd'hui je sens le besoin de voir une figure quelleconque pour entendre parler, n'importe de quoi.

LXIV.

Moscou, le 25 juin 1817.

Ah mon Dieu, quand je vous croyais dans les préparatifs de noces, vous étiez dans le deuil et l'affliction. Je conçois tout ce que vous avez dû éprouver de la perte de cette parente et surtout de l'affliction de la soeur qui lui survit; c'est elle qui est bien plus à plaindre que la défunte. Une habitude de 40 ans ne se remplace point, et rien ne dédommage d'une perte de ce genre. Tout cela est arrivé bien mal à propos pour vous, chère princesse; cependant j'espère que le degré de parenté n'est pas assez rapproché pour devoir vous interdire la cour dans le moment de cette noce où votre devoir est d'assister. Dites-moi comment vous est venue la faiblesse de craindre à ce point les morts; on a sûrement négligé dans votre enfance de vous en faire voir et de vous accoutumer à l'image de notre destruction qui n'a rien de bien affreux, je vous assure. La maladie est bien plus cruelle, et ordinairement les traits reprennent après le trépas un air de sérénité que les souffrances leur avait fait perdre. C'est un spectacle qui fait naître en nous mille réflexions profondes que je ne redoute point. Vous sentez vous-même que si la *répugnance* peut se justifier, du moins *la peur* est tout-à-fait *puérile....* Un mort est paisible et innoffensif, et les vivants sont bien plus à craindre.

Moscou ne fournit pas un pauvre mot à vous dire; on y bâtit partout; on y est étouffé par la poussière ou inondé par des orages fréquents. L'été est fort peu agréable et ressemble à un carème qui précède la grande fête de l'arrivée de la cour. Cependant nos bons Moskowites commencent à s'agiter beaucoup sur ce qui suivra cette arrivée. Y aura-t-il des présentations, ou n'y en aura-t-il pas? La cour acceptera-t-elle des fêtes des particuliers ou se contentera-t-elle d'en donner? Voilà les principales questions qui se débattent et qui mettent bien des amours-propres en campagne. C'est un grand bonheur et une source de tranquilité inépuisable pour l'hyver prochain, de n'avoir aucun genre de prétention et de penser que tout ce brouhaha tournera autour de moi sans m'atteindre. J'en aurai le plaisir de vous voir sans la peine de courir après le reste, et je suis peut-être le seul à Moscou qui se promet de ce grand évènement un plaisir sans mélange.

LXV.

S-t Pétersbourg, le 21 juin 1817.

Je vais vous conter aujourd'hui tout ce que je sais de l'arrivée de la princesse Charlotte pour m'aquitter de ma promesse. Vous saurez donc que Lundy S. M. l'Impératrice-mère, monseigneur Michel et m-lle Kotchetow s'en allèrent à Czarsko-Célo prendre l'Empereur pour se rendre à Caskowa à la rencontre de la princesse de Prusse. On y arriva deux heures avant elle. Si vous avez jamais été dans l'attente d'une personne que vous êtes impatient de voir, vous vous représenterez facilement tout ce qu'on dit et fait en pareil cas. Eh bien, voyez-vous venir?—Non pas encore.—Ah, mon Dieu, voilà quelque chose qui arrive.—C'est un détachement de cosaques.—Regardez donc quelle poussière; est-ce cela?—Pas du tout; c'est une calèche et non pas un carosse.—Mais qui est dans cette calèche?—C'est... attendez.... ah oui, c'est le comte Czernichew.—Il précède la princesse; elle est à une demi-heure de marche. Elle va paraître. Enfin elle arrive. L'Empereur va à la portière; le grand-duc l'ouvre, et on voit une jeune personne s'élancer et se jetter au cou de Sa Majesté en l'embrassant de tout son coeur. L'Empereur la passe à l'Impératrice qui la baise, la rebaise, et elle de se jetter sur les mains.... des pleurs, des attendrissements, et cela dure un bon quart d'heure, après quoi la famille se retire dans une chambre particulière, et m-lle Kotchetow reste dans la pièce qu'on vient de quitter avec la dame d'honneur Wolkonsky, nos jeunes demoiselles et les trois Berlinoises. On fait connaissance, on cause; à huit heures l'Empereur repart pour Czarsko-Célo et l'Impératrice pour Pawlowsky. La princesse Charlotte restait à Caskowa jusqu'au lendemain. Lundy, les grands dignitaires, mad. de Litta, la princesse Woldemar et toutes les dames logeant à Czarsko-Célo furent invitées à Pawlowsky. Sur les deux heures la princesse Charlotte arriva. On la reçut au petit jardin de l'Impératrice sous des berceaux de roses et de lilas. L'Impératrice Élisabeth s'y trouvait; on s'embrassa de nouveau, et puis la princesse suivit sa future belle-mère dans son appartement pour changer de toilette, car elle était en habit de voyage. A sa rentrée dans le salon l'Impératrice-mère lui présenta toutes les dames qui fesaient semblant de vouloir baiser sa main et qu'elle embrassait. Ensuite vint le tour des hommes, et ce fut l'Empereur qui les nomma l'un après l'autre; ils lui baisèrent la main tout de bon. On dîna dans la plus belle des sales, il y eut 120 couverts; la santé du roi de Prusse fut portée la première, ensuite celle de la nouvelle arrivée, puis celle

du prince Guillaume son frère, qui l'accompagne, les trompettes sonnaient à chaque santé. A la troisième on vit le jeune prince quitter sa chaise et le verre à la main venir remercier l'Empereur au nom du roi son père. On a trouvé cela fort bien. Après le dîner il y a eut un bout de cercle dans sa sale Grecque, et puis on congédia le monde. La soirée se passa en famille chez la jeune personne qui se promena avec l'Impératrice avant le souper. Hier, après un déjeuner dînatoire, on partit de Pawlowsky à 3 heures, on s'arrêta près du canal de Ligova dans une maison, pour changer de toilette. Les carosses dorés attendaient à la porte. On y entra, et à cinq heures, au son de la musique, au bruit du canon, le cortège entra en ville. La princesse dans une grande voiture entre les deux Impératrices, la duchesse de Wurtemberg et sa fille sur le devant, puis venaient les dames de la suite dans de nombreuses voitures de parade. L'Empereur, ses frères, le prince de Prusse à cheval avec tout l'état-major. La garde était sous les armes rangée depuis le pont d'Obouchow jusqu'au château; toute la cour au bas de l'escalier pour recevoir la princesse; on alla droit à la chapelle où le clergé, ayant le métropolite à sa tête, attendait avec l'eau bénite. On entonna le Te Deum, et lorsqu'il fut chanté, on alla sur le balcon pour voir défiler la troupe. Il y eut des hourra sans fin, tant pour la princesse que pour l'Empereur qu'on avait l'air de voir pour la première fois. Le soir la ville fut illuminée, et sur le boulevard, vis-à-vis des fenêtres de la jeune personne, la musique du régiment d'Izmaïlowsky exécuta différentes marches et symphonies, tant que la princesse fut éveillée.

Si vous croyez que j'ai vu quelque chose de cette brillante entrée, vous vous trompez. Je n'ai pas bougé du château, il est vrai; mais tandis que tout s'agitait en dedans et en dehors, j'étais dans la chambre de la comtesse de Lieven à faire sa partie de piquet. La comtesse était venue avant tout le monde, parce qu'ayant mal aux yeux elle craignait le soleil et la poussière et la fatigue de cette longue cerémonie. En arrivant, me sachant en deuil, elle me fit chercher; nous dînâmes tête-à-tête, elle me conta tout ce qui s'était passé la veille. Voilà comment nous étions seules tranquilles au milieu de tout ce bruit. Mais si quelqu'un m'a amusé, ce fut le laquais de la comtesse de Lieven, qui ouvrait tous les cinq minutes la porte pour nous dire: „On arrive, on est déjà sur Pont Bleu, sur la place d'Isaak, sur le boulevard, près du château, dans la cour“.... Et chaque fois qu'il entrait, je voyais sa surprise de ce que, sans quitter nos cartes, nous répondions froidement хорошо, sans courir aux fenêtres. Quand je me levai pour m'en aller chez moi, il ne put s'empècher de m'en témoigner son étonnement. Au

reste, voulez-vous croire que, malgré beaucoup de vivacité naturelle, je ne puis souffrir ce qu'on appelle agitation; dès que j'en aperçois, je tombe dans l'apathie, et plus on s'agite, plus je sens que le calme me gagne. De plus, pour peu que Dieu me prête vie, je jouirai en plein de l'honneur de voir son altesse royale.

Je fus hier soir pour la première fois à Kamennoï-Ostrow chez la princesse Boris; j'ai révu ce monde avec bien du plaisir. Elle est parfaitement bien établie à cette campagne, mais elle avoue qu'elle s'y ennuye mortellement et elle veut rotourner à Czarsko-Célo entre le 5 et le 15 juillet, parce que vers ce tems nous y *allons tous*. La bonne princesse ne pourra pas se lancer dans les fêtes, mais elle veut que Sophie en prenne sa part, et je le trouve assez naturel. Je lui ai proposé de me donner sa fille pour la faire loger à Peterhof dans ma chambre, et si je l'y tiens, je vous promets de lui faire faire un cours de morale de ma façon. J'aime ces d-lles, surtout Sophie, qui a toujours été ma favorite; je voudrais donc beaucoup qu'elle se tint en mesure vis-à-vis même de *l'objet important*, qui a un tact exquis pour démêler le sentiment qui fait agir les personnes qu'il a l'air de distinguer; j'ai là-dessus des données bien positives. Quant à ce qu'on en dit à Moscou, ce sont des méchancetés, et ceux qui les débitent donneraient peut-être leur doigt à couper pour attraper une partie de cette faveur. Vous verrez comme cet hyver les chers Moscowites s'arracheront le blanc des yeux réciproquement; un mot qu'on aura dit à quelqu'un, une polonaise qu'on aura dansée avec telle petite fille, introduiront une véritable guerre civile, dont nous pourrons nous amuser vous et moi.

Je suis bien aise que Langéron se soit montré sage vis-à-vis de ma petite cousine; je m'aperçois qu'il a profité de mes leçons, car je lui ai bien recommandé de ne plus revenir à la charge par la bonne raison que la demoiselle aimera mieux épouser quelque galopin un peu merveilleux qu'un vieillard de 60 ans, tout général en chef et cordon bleu qu'il soit. Si ce cher homme nous revient cet hyver, nous l'adresserons plutôt à quelque veuve, cela vaudra mieux. Marie Adamovna est toute joyeuse du mariage d'Aimée, je crois qu'elle en est aussi aise que le peut être sa propre mère. M-r Polouyéktow est un homme fort distingué, je le connais depuis bien longtems.

LXVI.

Moscou, le 28 juin 1817.

On assure qu'il y aura de nombreuses promotions le jour du mariage, entr'autres quatre grands cordons de S-te Catherine, pour lesquels on désigne la maréchale Kamensky, la maréchale Pouchkine, la princesse Wolkonsky et la fée Moustachine. On dit encore 12 demoiselles d'honneur, et je ne sais combien de grades militaires. Wsewolojsky attend ici un beau gouvernement; il ne voudrait pas de Twer où il n'y a pas de l'eau à boire; il aura peut-être Moscou, mais il préférerait Nijni à cause de la foire. Vous devez avoir à présent le prince Boris; il a dit à votre oncle que sa femme le ruine et qu'elle le presse de reprendre du service, ce à quoi il ne veut pas entendre; toute fois, si elle se met bien cela dans la tête, il faudra qu'il cède enfin, attendu que: *ce que femme veut, Dieu le veut*, dit le proverbe. Elle a grand tort de vouloir le tirer de ses tonneaux d'eau de vie qui font si bien aller la marmite; quel grade, quel poste pourrait lui valoir celui de fermier-général qu'il remplit si lucrativement? Mais le service de monsieur pourrait procurer la cocarde à madame, et cette considération l'emportera sur tout le reste dans cette pauvre tête pleine de vanité. Vous dites fort bien: nous nous donnerons la comédie ici de toutes les passions que nous verrons en jeu. C'est vraiment dans ma position qu'on peut étudier le coeur humain; or, le coeur des courtisans fournit plus d'observation en un mois, que celui d'un particulier, dépourvu d'ambition, n'en fournit en une année. Si l'Empereur, comme vous le dites, a le tact exquis de démêler le sentiment qui fait agir les personnes qu'il a l'air de distinguer, il doit avoir une bien pauvre opinion du genre humain; et nous voyons qu'en général les souverains estiment peu de monde, parce qu'ils sont plus souvent trompés que les autres hommes et qu'ils voyent de plus près le jeu des grandes passions qui mettent au jour tant de bassesses et de vilenies.

Il paraît que la révolte de Fernambouk ne s'étend pas aussi loin qu'on l'avait cru d'abord; mais Rounitch, qui sort d'ici et qui veut que je le rappelle à votre souvenir, prétend qu'il vient de lire dans l'Invalide la relation d'un complot découvert en Portugal pour mettre un étranger sur le trône; et le bon Rounitch, qui a lu ces détails ce matin, n'a pas su me dire en quoi ce complot consistait. Il prétend qu'on voulait mettre le duc d'Abrantès à la place du roi, et il fait de ce duc d'Abrantès *un petit neveu du prince de Condé*! Voilà comme

nos messieurs connaissent l'histoire de nos jours; jugez où ils en sont sur celle des siècles passés!

J'ai écrit à mad. de Noiseville à Genève, et la voilà à Luques. Je crois que Mulhausen aura fait de son mieux pour empêcher m-r Potemkine d'aller dans sa ville natale où on le dit fils d'un perruquier; si cela est vrai, il n'aura pas eu d'empressement à montrer sa famille aux voyageurs.—Je suis de nouveau fort en peine de la santé de Virginie. Ses nerfs sont dans un état déplorable, et ses forces se perdent chaque jour. Il est certain que l'époque critique est le fond de tout cela; mais Dieu sait si elle aura la force de la supporter jusqu'au bout. Quelquefois j'en désespère, et je suis fort occupé à dissiper les craintes qu'elle n'a que trop elle-même; car pour la résignation elle en est à cent lieues, et c'est le propre de tous les maux qui tiennent aux nerfs.

LXVII.

S-t Pétersbourg, le 28 juin 1817.

J'ai paru à la cérémonie de la confirmation, à celle des fiançailles, et le lendemain je fus complimenter la promise. Je lui ai fait ma révérence comme tant d'autres, elle m'a embrassée, et malgré cela je serais fort embarrassée de vous dire quelle mine elle a: je n'ai pas pu distinguer encore ses traits. Je puis vous dire seulement qu'elle est grande, trés-maigre, ayant peu de couleurs; il me semble que ses yeux sont bruns, qu'elle a le regard vif; mais ne vous en rapportez pas à moi pour leur couleur véritable. C'est à Pawlowsky seulement que je pourrai décider de tout cela, et comme nous y allons le 5 juillet, vous en aurez bientôt des nouvelles. On dit qu'elle a beaucoup d'esprit, qu'elle est très-naturelle, un peu enfant, et par conséquent fort portée à s'amuser comme il appartient à cet âge; et puis son éducation ayant été à peu près celle d'une particulière, elle est facile à faire connaissance, ce qui la rend très-prévenante. L'Empereur a beaucoup d'amitié pour elle, et l'Impératrice-mère la mange de caresse, ce qui aussi la met fort à son aise, et elle répond à tout cela le mieux du monde. Les dames de Berlin ouvrent de grands yeux en voyant le ton sur lequel notre cour est montée; elles en sont dans l'étonnement. Quelqu'un qui vient de là, m'assure que la princesse n'avait dans sa chambre à coucher qu'un paravent en perse, et ici m-lle Wildermet est meublée en damas avec tout le reste en proportion. Aussi, je crois que la jeune princesse s'accoutumera facilement à sa nouvelle existence. Nos gran-

des-duchesses, en se mariant, ont eu à décompter; mais les princesses qui viennent s'établir chez nous ne peuvent que gagner au change.

Le comte Strogonow, ainsi que nous l'avions tous prévu, est mort en quittant Copenhague. Deux jours avant il a voulu que sa femme le quittât; les prières de celle-ci ne servirent à rien: il exigea qu'elle restât à Copenhague, et sans lui faire aucun adieu, il ordonna qu'on leva l'ancre, et 36 heures après il n'existait plus. Le baron Strogonow seul été témoin de sa fin; il s'est éteint comme une lampe. Quelques jours avant d'arriver à Copenhague, il avait reçu les sacrements et s'était même fait donner l'extrême onction se croyant bien certain de n'en pas revenir; et pourtant quelque jours après il s'occupa en Danemark d'achat de vins qu'il voulait envoyer à Pétersbourg! Dites-moi un peu ce qu'est l'homme! La frégate ramène le corps. La comtesse a écrit un mot à sa mère pour lui dire qu'elle se porte bien et qu'elle désire de la voir; et aussitôt la princesse Woldemar est partie avec madame Apraxine, les deux aînées Strogonow et le jeune Apraxine pour aller au devant d'elle. Quand je vous dirai que toute la cour a été chez ces dames, l'Empereur tout le premier, vous le trouverez fort naturel. Madame Apraxine ne tardera pas, je crois, à partir pour Moscou, elle n'attend que de voir sa soeur réunie à sa mère pour s'en aller. Il est tems en effet que cette pauvre femme s'en aille respirer un peu chez elle, car cette vieille mère la traite absolument en petite fille.—Le prince Boris Galitzine est arrivé, il viendra me voir sans doute, et nous discuterons en plein l'histoire de ses fermes. Il jette feu et flamme contre Gouriew à cause du nouveau réglement qui va être mis en vigueur; il prétend que Moscou et les provinces sont en pleine révolte contre la mesure arrêtée; dites m'en quelque chose, je vous prie. Sa femme est venue hier me conter tout ceci en abîmant m-r Gouriew plus que jamais. Je l'ai laissé dire, car je ne me mêle pas de défendre son administration, n'entendant rien aux finances. La princesse a donc parlé tant qu'elle a voulu, mais si je voulais la punir d'en avoir trop dit, je le pourrais facilement: je n'aurais qu'à aller dîner ou souper chez mad. Gouriew deux ou trois jours de suite; vous savez que c'est là une rivale des plus dangereuse et qu'elle me reproche cette maison toutes les fois qu'elle le peut.

M-r Czernichew, qui avait été envoyé à Bruxelles, est de retour; sa femme est venue me faire une visite; ils voudraient me faire aller dîner chez eux, et je ne m'en soucie pas du tout; je ne sais pas trop comment cela finira. Quand je regarde cette femme, je ne conçois pas quel vertige a pris Czernichew de vouloir l'épouser: elle n'a rien de séduisant, mais ce qui s'appelle rien du tout.

1878 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1878. Воспоминанія принца **Евгенія Виртембергскаго** о послѣднихъ дняхъ Павловскаго царствованія и о событіи четырнадцатаго Декабря 1825 г.
Политическія записки и письма **графа Ѳ. В. Ростопчина.**
Записки **Марьи Сергѣевны Мухановой** о временахъ Екатерины Второй, Павла, Александра и Николая Павловичей.
Записки **Н. В. Ваталина**, доктора **К. К. Зейдлица** и **В. А. Еропкина.**
Приключенія **Лифляндца** въ Петербургѣ.
Письма императрицъ **Елисаветы Петровны, Екатерины Второй,** имп. **Александра Перваго,** **князя Суворова** и проч.

КНИГА ВТОРАЯ 1878. Хивинскій и Акъ-Мечетскій походы **графа В. А. Перовскаго,** по его письмамъ.
Бумаги **С. П. Шевырева.**
Воспоминанія генералъ-адъютанта **С. П. Шипова.**
Приключенія **Лифляндца** въ Петербургѣ.
Воспоминанія о князѣ В. А. Черкаскомъ.
Письма **А. С. Хомякова** къ Гильфердингу.
Записка **В. А. Жуковскаго** объ Англійской политикѣ.
Похожденія монаха **Палладія Лаврова.**

КНИГА ТРЕТЬЯ 1878. Письма **Екатерины Великой** къ барону Гримму. 1774—1796.
Исторія пріобрѣтенія Амура и дипломатическія сношенія съ Китаемъ. Статья **П. В. Шумахера** (по новымъ документамъ).
Письма **А. С. Пушкина** къ С. А. Соболевскому.
Графъ Моцениго. Разсказъ **графа С. Р. Воронцова.**
Бумаги **графа П. И. Панина.**
Записки **Саввы Текели.**

1879 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1879. Петръ Первый, соч. **М. П. Погодина.**
Разсказъ **графа П. И. Панина** объ Екатерининскомъ восшествіи.
Біографія гр. С. Р. Воронцова съ его портретомъ.
Письма **Хомякова** къ графинѣ Блудовой.

КНИГА ВТОРАЯ 1879. Наши сношенія съ Китаемъ.—Біографія Зорича съ его портретомъ.—Исторія Яицкаго войска.
Письма князя **Вяземскаго** къ Пушкину и Булгакову.

КНИГА ТРЕТЬЯ 1879. Памятныя Записки Ильинскаго, Андреева и Кольчугина.—Бумаги графа Румянцова-Задунайскаго, князя Потемкина и графа Перовскаго.—Уединенный Пошехонецъ.
Воспоминанія графини Блудовой. — Письма **Хомякова** къ Кошелеву и Самарину, съ портретомъ Хомякова.

1880 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ. Путевыя Записки Стрюйса. — Павелъ Полуботокъ. — Переписка Екатерины съ Іосифомъ. — Кавказскія воспоминанія Венюкова.—Воспоминанія Московскаго кадета.

КНИГА ВТОРАЯ. Петръ Алексѣевъ.—Записки Эйлера.—Записки и бумаги Пушкина.

КНИГА ТРЕТЬЯ. Дидеротъ и Екатерина.—Исторія крестьянства, ст. князя Черкаскаго.—Княгиня Дашкова и ея подлинныя Записки.—Новая глава „Капитанской Дочки".

Каждая книга имѣетъ особый азбучный указатель.

Немногіе оставшіяся годовыя изданія 1881 года продаются по 8 р., съ пересылкою 9 р.

*

Русскаго Архива 1882 года въ продажѣ болѣе не имѣется.

Москва, Ермолаевская Садовая, 175.

РУССКІЙ АРХИВЪ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

1883

4.

Переписка Кристина съ княжной Туркестановой.

(Іюль—Августъ 1817 года).

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ) на Страстномъ бульварѣ.

1883.

Въ Конторѣ Русскаго Архива (Москва, Ермолаевская Садовая, домъ 175-й) продаются

СОЧИНЕНІЯ А. С. ХОМЯКОВА.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ.

Томъ первый: статьи политическаго содержанія.

Томъ второй: статьи богословскаго содержанія, полный безъ пропусковъ текстъ съ предисловіемъ *Ю. Ѳ. Самарина* и съ гравированнымъ портретомъ автора.

Томъ третій: Записки о всемірной исторіи.

Цѣна каждому тому ТРИ рубля съ пересылкою.

Стихотворенія А. С. Хомякова. Новое изданіе. Ц. 30 к.

*

ВЫШЛА XXVIII КНИГА

АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

Цѣна **3** рубля.

XXIX КНИГА АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА ПЕЧАТАЕТСЯ.

Русскій Архивъ 1874 года (два большихъ тома съ гравированными на стали портретами князя Одоевскаго и поэта Тютчева) продается по **6** рублей, съ пересылкою по **7** рублей.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры четырехъ годовыхъ изданій (1877—1880) **Русскаго Архива** (каждый годъ по три книги) можно получать по ПЯТИ рублей за годъ, съ пересылкою по ШЕСТИ рублей. Каждая книга отдѣльно по ДВА рубля.

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ.

1877 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1877. Записки **Г. С. Винскаго.**

Біографія канцлера князя Безбородки.

Бумаги контръ-адмирала **Истомина.**

Взятіе Карса въ 1828 году. Изъ Записокъ **Н. Н. Муравьева-Карскаго.**

Очерки и воспоминанія **князя П. А. Вяземскаго.**

Старая Записная Книжка. **Его же.**

Записки оберъ-камергера **графа Рибопьера.**

КНИГА ВТОРАЯ 1877. Записки **графа Гордта** о Россіи при Елисаветѣ Петровнѣ и Петрѣ III-мъ.

Записки **графа А. И. Рибопьера** (царствованія Александра и Николая Павловичей).

Авдотья Петровна Елагина, біографическій очеркъ.

Разсказы объ адмиралѣ Лазаревѣ.

Н. И. Второвъ, біографическая статья **М. Ѳ. Де-Пуле.**

Самаринъ-ополченецъ, воспоминанія **В. Д. Давыдова.**

Историческіе разсказы, анекдоты и мелочи **Толычовой.**

КНИГА ТРЕТЬЯ 1877. Записки Французскаго короля **Людовика XVIII-го** объ его жизни въ Россіи.

Записки декабриста **Н. И. Фаленберга.**

Депеши князя Алексѣя Борисовича Куракина изъ Парижа въ 1810 году.

Записки **М. А. Дмитріева-Мамонова.**

Записки о Турецкой войнѣ 1828 и 1829 г. **В. М. Еропкина и И. Г. Поливанова.**

ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ.

Въ бытность Его Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.

*Печатаются съ Высочайшаго соизволенія *).*

XXVI.

Вчера получилъ я письмо изъ Петербурга, которое меня весьма опечалило. Вдова Врангеля увѣдомила меня о смерти мужа: это истинная потеря не только для оставшагося семейства, но и для отечества. Врангель добрый, скромный, человѣкъ чистѣйшей нравственности, былъ богатъ свѣдѣніями по своей части и постоянно усерденъ въ исполненіи своихъ обязанностей. Ваше Высочество имѣли возможность оцѣнить свойства этого рѣдкаго человѣка. Могу засвидѣтельствовать Вамъ, что онъ, имѣя счастіе исправлять при васъ должность учителя правовѣдѣнія, былъ лично къ Вамъ привязанъ всѣмъ сердцемъ и часто трогалъ меня выраженіемъ этой привязанности. Теперь его нѣтъ! На немъ лежало благоденствіе большаго семейства, и онъ же былъ подпорою отца, который въ глубочайшей старости (ему теперь между 80 и 90 годами, если только онъ не умеръ въ нынѣшнемъ году) имѣлъ несчастіе положить въ гробъ сына, обѣщавшаго еще долгую жизнь. Врангелю, при отставкѣ его въ званіи Вашего учителя, была опредѣлена, кажется, половина его жалованья въ пенсіонъ; но этотъ пенсіонъ, какъ меня увѣдомляетъ вдова, не будетъ сохраненъ ей; она получила 5000 единовременно. Она проситъ о сохраненіи ей если не всего, то хотя половины этого пенсіона, и я отъ себя прошу о томъ же Ваше Высочество: будьте добрымъ ангеломъ цѣлаго семейства, будьте бла-

*) Первыя XXV писемъ см. въ Р. Архивѣ сего года, въ первомъ и третьемъ выпускахъ. П. Б.

готворителемъ памяти добраго человѣка, который конечно, умирая, думалъ о Васъ и мысленно ввѣрялъ Вамъ судьбу покидаемой имъ вдовы и сиротъ своихъ, теперь осужденныхъ терпѣть недостатокъ. Здѣсь благотвореніе на своемъ мѣстѣ и достойно Вашего сердца. Сдѣлайте тоже для семейства Врангеля, что̀ было сдѣлано для семейства Рейнгольда. Я былъ бы несказанно счастливъ, еслибы мой голосъ, всегда доступный Вашей прекрасной, горячей душѣ, и въ этомъ случаѣ также въ ней отозвался, какъ отзывался всегда. Вдова Врангеля проситъ меня писать объ ней къ самому Государю Императору. Этого взять на себя я не смѣю; еслибъ я былъ въ Петербургѣ, то, можетъ быть, осмѣлился бы лично Его Величеству представить просьбу ея. Но эта просьба болѣе обращается къ Вамъ, и Вы можете исполнить ее, не безпокоя Его Величества. Я увѣренъ, что Вы примете ее отъ меня милостиво и сдѣлаете все, что̀ возможно. Ввѣряя Вамъ судьбу Врангелевыхъ сиротъ, съ живѣйшею надеждою на Вашу благотворительную душу, цѣлую всѣмъ сердцемъ Вашу руку, руку моего милаго личнаго благотворителя.

Жуковскій.

5 (17) Генваря 1842.
Дюссельдорфъ.

XXVII.

Съ живѣйшимъ чувствомъ прочиталъ я письмо Вашего Высочества и благодарю Васъ отъ всего сердца за то, что Вы его мнѣ написали; благодарю за раздѣленіе со мною Вашей надежды, которую да благословитъ Богъ для Вашего счастія и для счастія нашего отечества. Вполнѣ понимаю, что̀ Вы теперь должны чувствовать и какое освященіе долженъ былъ получить для Васъ теперь союзъ супружескій. И такъ черезъ семь мѣсяцевъ? Это должно быть въ Іюлѣ. Съ сердечною молитвою къ Богу объ Васъ буду ожидать этого срока. Уже второе поколѣніе началось около Государя; онъ радуется внуками. Но внукъ ему отъ Васъ—какое благословеніе Божіе ему и всему царству!

О себѣ мнѣ Вамъ сказать совершенно нечего: жизнь моя тиха и однообразна; она не выходитъ изъ тѣсной границы моего домика. Я принялся опять за поэтическую работу и предпринялъ довольно трудную, которая всегда мнѣ представлялась какъ заключительная, послѣдняя, и обѣщала мнѣ много наслажденія. Я принялся за Гомерову Одиссею, которую, съ помощію знающаго весьма хорошо Греческій языкъ профессора, перевожу съ оригинала. Этотъ трудъ при-

личенъ моимъ лѣтамъ, въ которыя нѣтъ уже въ насъ прежняго огня, но въ которыя мы еще очень хорошо можемъ *разсказывать*. Переводъ Одиссеи, если онъ удастся, будетъ памятникомъ достойнымъ отечества и который, какъ вы видите, хочу я оставить ему на своей могилѣ. Трудъ этотъ весьма прiятно меня занимаетъ; его довольно будетъ, чтобы наполнить все то время, которое я предполагаю провести съ женою моею за границей, и мнѣ будетъ очень радостно возвратиться въ отечество съ новымъ поэтическимъ произведенiемъ, не совсѣмъ недостойнымъ его вниманiя. Я назвалъ Вамъ свой главный или, лучше сказать, свой единственный трудъ; остальное время мое исключительно посвящено домашней жизни, и ничто постороннее въ нее не входитъ. Нынѣшнiй день однако будетъ отъ другихъ отличенъ: мы ждемъ сегодня ввечеру Прусскаго короля. Много было приготовленiй для его принятiя, но все отказано; ибо король, по своей болѣзни, остановится только для минутнаго отдыха въ Дюссельдорфѣ и никого не увидитъ. Нынче ввечеру онъ въ самомъ маленькомъ кругу будетъ ужинать у принцессы Фридрихъ; а завтра, взглянувъ на выставку картинъ здѣшней школы, для него приготовленную, отправится далѣе. Надѣюсь увидѣть его на выставкѣ. Болѣзнь его есть легкая простуда, но докторъ требуетъ осторожности.

Простите, Ваше Высочество. Прошу Васъ изъявить передъ Государынею Великою Княгинею мое глубочайшее почтенiе. Да сохранитъ Богъ ея драгоцѣнное здоровье!

Я хотѣлъ непремѣнно *нынче* написать къ вамъ отвѣтъ на письмо Ваше, принесшее мнѣ такую *вѣсть*: нынче день моего рожденiя; сколько лѣтъ сряду я его праздновалъ подлѣ Васъ! Надѣюсь, что Вы обо мнѣ въ этотъ день вспомнили.

Моя жена, которая все еще не оправилась отъ того, что̀ съ нею было, приноситъ Вашему Высочеству сердечную благодарность за милостивое о ней воспоминанiе.

Жуковскiй.

29 Января 1842.
Дюссельдорфъ.

XXVIII.

Не умѣю самъ себѣ изъяснить, какимъ образомъ послѣднее письмо, которымъ Ваше Высочество меня осчастливили, оставлено было мною до сихъ поръ безъ отвѣта. Это коротенькое письмо дало мнѣ нѣсколько истинно-счастливыхъ минутъ. Ваше воспоминаніе обо мнѣ меня несказанно тронуло, хотя въ немъ нѣтъ ничего для меня необыкновеннаго. Я знаю Ваше сердце; знаю, что оно въ своихъ привязанностяхъ постоянно и вѣрно, и сплю спокойно на этой мягкой подушкѣ довѣренности къ Вамъ, видя прекрасные, веселящіе душу сны, которые, хотя и сны, но не мечта. Одинъ разъ навсегда прошу Васъ, для моего сердечнаго покоя: не изъясняйте невыгоднымъ для меня образомъ (то есть невыгоднымъ на счетъ моей любви къ Вамъ) моей неаккуратности въ перепискѣ съ Вами. Иногда лѣнь писать письма находитъ на меня какъ болѣзнь: мнѣ до того становится невозможнымъ приняться за перо, что я, чувствуя необходимость писать и нося на сердцѣ и совѣсти упрекъ неисполненной обязанности, становлюсь грустенъ, почти боленъ и все-таки не пишу. А письма, на которыя надобно отвѣчать, между тѣмъ скопляются; на совѣсти становится часъ отъ часу тяжелѣ, я наконецъ становлюсь недоволенъ и собою, и всѣмъ, что̀ меня окружаетъ, и это продолжается до той минуты, въ которую находитъ на меня отчаянная героическая рѣшимость. Тогда разомъ 15 и 20 писемъ сливается съ пера, и я чувствую себя какъ будто воскресшимъ изъ мертвыхъ, становлюсь веселъ, спокоенъ, дѣятеленъ, здоровъ. Все, что́ я здѣсь сказалъ, справедливо à la lettre, хотя Вы этого и не поймете. Ваше послѣднее милое, безцѣнное письмецо застало меня посреди описаннаго мною припадка, и мнѣ нечего другаго теперь дѣлать какъ просто передъ Вами покаяться, безъ всякой однако надежды на исправленіе. Правда, однако, и то, что я въ послѣднія двѣ недѣли былъ боленъ: началась было моя старая болѣзнь, и я весьма было затревожился; но теперь, кажется, она приняла хорошій оборотъ, и худыхъ слѣдствій не будетъ. Въ это время я имѣлъ счастіе получить отъ Государыни Императрицы милостивое письмо, на которое болѣзнь нѣсколько дней помѣшала мнѣ отвѣчать. Въ моемъ отвѣтѣ Ея Величеству Вы найдете подробности обо мнѣ, если полюбопытствуете узнать ихъ; а я здѣсь скажу то, что̀ особенно касается до меня и до Васъ. Вы главный мой благотворитель; Вамъ особенно обязанъ я тѣмъ, что́ имѣю теперь, въ Васъ вижу надежду моего будущаго. Въ послѣдніе дни,

когда я чувствовалъ свою болѣзнь, я часто объ Васъ думалъ. Всѣ эти разныя думы выражу здѣсь въ одной короткой просьбѣ: если меня не будетъ, обезпечьте будущее моей жены (и вѣроятно уже *не одной*). Благодаря Вамъ, чтó имѣю теперь мнѣ совершенно достаточно вмѣстѣ съ моимъ семействомъ; но оно соединено съ моею жизнію. Чтó будетъ, когда меня схоронятъ? Я желалъ бы смотрѣть на эти похороны (какъ знать, можетъ быть скорые) безъ страха и печали. Ввѣряю это Вамъ заранѣе.

Это письмо получите Вы за нѣсколько дней до Вашего рожденія; поздравляю Васъ заранѣе и прошу Васъ въ этотъ день за меня поцѣловать руку Государыни Великой Княгини. Я увѣренъ, что въ этотъ день Вы вспомните съ любовію о своемъ пророкѣ. Говорю вамъ также отъ всего сердца: Христосъ Воскресе! Больно быть далеко отъ Васъ въ такіе дни; но дѣлать нечего: на землѣ всякое счастіе продается дорого, и я теперь за свое семейное счастіе долженъ заплатить разлукою съ Вами. За то и привязанность моя къ Вамъ составляетъ блаженную придачу къ этому личному счастію; мысль, что оно устроено Вами даетъ ему необыкновенное очарованіе. Благодарность есть строгій долгъ; но счастливъ тотъ, для кого благодарность и любовь одно и тоже.

Прижимаю Васъ къ сердцу и цѣлую Вашу милую руку. Жена приноситъ вамъ усерднѣйшую благодарность за милостивое о ней воспоминаніе.

Жуковскій.

4 (16) Апрѣля 1842.
Дюссельдорфъ.

XXIX.

Христосъ Воскресе! Поздравляю Ваше Высочество съ великимъ праздникомъ, который черезъ два дня для насъ наступитъ, и мысленно цѣлую Васъ братскимъ поцѣлуемъ христіанина. Въ нынѣшній же день поздравляю Васъ (и себя) съ Вашимъ рожденіемъ и мысленно сердцемъ и устами цѣлую Вашу руку, милую руку, которая была уже въ моей черезъ нѣсколько минутъ послѣ Вашего появленія на свѣтъ, которая была въ моей во всѣ дни Вашего младенчества, отрочества и юношества съ довѣренностію и дружбою, которая и теперь въ моей съ той же довѣренностію и дружбою (въ чемъ никогда не перестану быть увѣренъ). Но роли теперь перемѣнились. Тогда моя рука поддерживала Вашу и помогала отроку и юношѣ идти по дорогѣ жизни; теперь Ваша стала подпорою моей: она отворила мнѣ дверь моего теперешняго спокойнаго семейнаго пріюта; она благословила меня на старости лѣтъ вступить на новую дорогу, на которой я встрѣтилъ новую молодость; наконецъ, она же, осыпавъ меня благотвореніями въ настоящемъ, бережетъ мое будущее, отогнавъ отъ дверей моего дома всѣ заботы, губящія земное счастіе. Въ Воскресенье, въ самый день Пасхи, вся моя семья соберется у меня, и мы всѣ вмѣстѣ отпразднуемъ безцѣнный нашъ праздникъ. За питьемъ Шампанскаго будетъ пальба и пѣніе «Боже, Царя храни». Дай Богъ, чтобы Россія долго, долго праздновала этотъ день и въ немъ благословляла свое счастіе. Дай Богъ и мнѣ подолѣ остаться въ кругу тѣхъ, кто будетъ ежегодно соединяться для торжества его.

Прошу Ваше Высочество принести мое усердное поздравленіе Государынѣ Великой Княгинѣ.

Жена моя, которая уже привыкла любить въ Васъ благотворителя семьи своей, теперь съ двойною къ вамъ благодарностію присоединяетъ свое поздравленіе къ моему и вмѣстѣ со мною проситъ Бога даровать свое благословеніе на каждую минуту Вашей жизни.

Жуковскій.

17 (29) Апрѣля 1842.
Дюссельдорфъ.

XXX.

Я отложилъ отвѣчать на послѣднее любезное и милостивое письмо Вашего Высочества для того, чтобы ввѣрить отвѣтъ мой шурину моему, Александру Рейтерну, который отправляется въ Петербургъ на службу Царю и котораго, съ надеждою на Вашу ко мнѣ милость и любовь, предаю въ Ваше высокое покровительство. Государь Императоръ оказалъ уже величайшее благотвореніе Александру Рейтерну, соизволивъ повелѣть включить его въ корпусъ дворянскаго полка. Это для него во многихъ отношеніяхъ выгодно: не говоря уже о ходѣ самой службы, онъ будетъ имѣть время выучиться по-русски и такимъ образомъ, не вступая въ дѣйствительную службу, устранить то, что̀ ее могло бы для него сдѣлать затруднительною. Я здѣсь не могъ помочь ему начать изученіе Русскаго языка; этому причиною было то, что онъ во все послѣднее время находился въ Кельнѣ, а не въ Дюссельдорфѣ, дабы слушать тамъ лекціи въ военной офицерской школѣ; онъ не потерялъ своего времени и получилъ хорошіе аттестаты отъ наставниковъ, съ которыми имѣлъ бы право на произведеніе въ офицеры въ Прусской арміи. Это будетъ ему хорошимъ приготовленіемъ для изученія службы Русской въ школѣ дворянскаго полка, и онъ будетъ теперь имѣть время заняться со всевозможнымъ вниманіемъ своимъ языкомъ. Отвѣчаю вамъ за его усердіе. Въ тоже время отвѣчаю Вамъ и за него самого: въ семьѣ отца научился онъ любить отечество и Государя; это чувство вошло въ душу его и долголѣтнею привычкою, и отцовскими наставленіями, и тѣмъ, что̀ онъ ежедневно видѣлъ и слышалъ въ своемъ семейномъ домѣ. Нравственность его сохранилась чистою: онъ полонъ рвенія, и при взглядѣ на него, вы сами легко убѣдитесь, что изъ него выйдетъ бодрый солдатъ. Увѣряю Васъ, что онъ теперь всѣми чувствами преданъ Царю своему и его Наслѣднику; какъ говорится, онъ съ ногъ до головы, на яву и сонный, царевъ и Вашъ и сочтетъ блаженствомъ (когда дойдетъ до того) положить голову и жизнь за него и за Васъ. Теперь онъ вступитъ въ дворянскій полкъ; когда же придетъ пора ему войти въ настоящую службу, то примите его милостиво подъ Ваше особенное покровительство; это будетъ новымъ мнѣ отъ Васъ благотвореніемъ.

Нѣсколько словъ въ отвѣтъ на Ваше безцѣнное письмо. Не могу сказать, какъ меня тронуло то слово Государыни, которое вы мнѣ сообщили. Во всѣ тѣ дни я былъ безпрестанно мыслію вмѣстѣ съ Вами и разсчитывалъ, глядя на часы, что̀ въ какое время у Васъ происхо-

дило. Я не могъ съ Вами раздѣлить Вашихъ святыхъ занятій, бывшихъ намъ столько времени въ эти дни общими; но думалъ объ нихъ и объ Васъ всѣмъ сердцемъ, и какое для меня счастіе въ томъ, что въ сердцѣ моей милостивой Императрицы, которое никогда не измѣняетъ чувствамъ своимъ, нашлось въ такую минуту воспоминаніе и для меня, несмотря на разстояніе мѣста и времени. Благослови ее Богъ и Васъ!

Вы въ безпрестанной разнообразной дѣятельности. Около меня тишина. Передо мною и Вами одинакая надежда. Ваша исполнится прежде моей: благослови ее Всевышній и обрати ее въ твердое благо Вамъ и намъ! А я долженъ признаться, что подхожу къ своей съ какою-то тревогой. Этому быть не должно. Я не оправдываю своего чувства; ибо теперь болѣе нежели когда-нибудь убѣжденъ, что нѣтъ на землѣ другаго блага кромѣ твердой вѣры.

Простите. Всѣми чувствами неизмѣнно принадлежу Вамъ до конца жизни.

Жуковскій.

18 (30) Мая 1842.
Дюссельдорфъ.

XXXI.

Приношу Вашему Императорскому Высочеству мое сердечное поздравленіе съ нашимъ общимъ радостнымъ праздникомъ, съ торжествомъ двадцатипятилѣтія семейной жизни царской, съ праздникомъ такого счастія, какое рѣдко дается людямъ, какое рѣдкіе, получивъ, сохранить умѣютъ. Награди Богъ Государя за это счастіе, которое столь долго сохранилъ онъ во всей его чистотѣ для блага своего народа, въ примѣръ общій, въ утвержденіе добрыхъ нравовъ въ своемъ царствѣ! Получить такое счастіе есть милость Божія; сохранить его чистымъ въ продолженіи долгихъ лѣтъ есть добродѣтель. Счастливъ тотъ народъ, которому дано радоваться такою добродѣтелью въ царѣ своемъ, который серебряную свадьбу царя можетъ праздновать вмѣстѣ съ царемъ своимъ, какъ общій праздникъ семейный, праздникъ супружескаго согласія и нѣжной любви родительской. Весьма горестно мнѣ быть далеко отъ васъ въ это время: какъ было бы мнѣ сладостно принести мое поздравленіе доброму Царю-семьянину; и я увѣренъ, что Государь и Государыня приняли бы отъ меня это поздравленіе съ милостивою довѣренностію къ тому сердцу, которое принесло бы его имъ, которому ихъ счастіе столь же дорого, какъ собственное, которое полно къ нимъ несказанной благодарности. Мое отдаленіе весьма

для меня печально. Долго въ мысляхъ я дѣлалъ планы путешествія; но когда пришло время ихъ исполнить, то не могъ рѣшиться покинуть жену въ ея теперешнемъ положеніи, которое часто наводитъ на меня жестокую тревогу: ибо я все еще боюсь, что то, что̀ съ нею *было*, можетъ повредить тому, что̀ *происходитъ съ нею теперь*. Вамъ будетъ легко понять меня. Однимъ словомъ, я принужденъ отказаться отъ счастія быть на этомъ праздникѣ, который, можно сказать, мой собственный, который, сверхъ его общаго значенія, выражаетъ для меня и значительнѣйшее время *моей* жизни. Прошу васъ, безцѣнный Великій Князь, чтобы вознаградить мнѣ мою потерю, вспомнить обо мнѣ 1-го Іюля, быть моимъ представителемъ передъ Государемъ и Государынею и передать имъ мое поздравленіе. А я здѣсь всею семьею буду праздновать этотъ день, и всею семьею молиться, чтобы Богъ продолжилъ заслуженное счастіе на долгіе годы Царю и его семейству.

Я пишу къ Вашему Высочеству черезъ Любекъ съ пароходомъ, ибо при семъ письмѣ есть посылка: картина, приношеніе моего Рейтерна Государю и Государынѣ по случаю торжества ихъ серебряной свадьбы. Прошу Васъ милостиво взять эту картину подъ Ваше покровительство. Я потому и взялъ смѣлость послать ее на Ваше имя, что Вамъ будетъ легко ее представить Ихъ Величествамъ въ надлежащее время. Такимъ образомъ трудъ нашего безрукаго Апеллеса, предпринятый и оконченный съ любовію, не останется втунѣ. Взгляните на его картину. Вы увидите, что по искусству живописи она можетъ быть названа совершенною. Содержаніе ясно: Георгій Побѣдоносецъ, покровитель Россіи, приноситъ Царю и Царицѣ свое поздравленіе; чего онъ имъ желаетъ, то выражено въ надписи. Необходимо нужно, чтобы картина, когда она будетъ представлена, стояла такъ, чтобы *свѣтъ падалъ съ правой стороны зрителя*. Надобно также, чтобы ее и принадлежащую къ ней раму вынули изъ ящика осторожно и чтобы то, что̀ могло испортиться отъ дороги, было заранѣе исправлено. Прошу Ваше Высочество поручить заботу обо всемъ этомъ Зауервейду; онъ вынетъ картину изъ ящика, осмотритъ ее и все, что̀ можетъ быть испорчено—поправитъ. Она прибудетъ вѣроятно за нѣсколько дней до праздника; но прошу Васъ ея никому не показывать до этого срока; желалъ бы только, чтобы Вы сказали о ней напередъ Его Величеству королю Прусскому: къ нему писалъ объ ней графъ Гребенъ, и онъ, будучи весьма милостиво расположенъ къ Рейтерну, конечно приметъ участіе въ судьбѣ его картины; а эта судьба состоитъ единственно въ томъ, чтобъ Государь и Государыня милостиво приняли съ нею выраженія того чувства глубокой любви и благодарности, которое водило кистію и лѣвою рукою живописца. Простите, Ваше Высо-

чество, что возлагаю на Васъ эти хлопоты; не откажитесь отъ нихъ: это будетъ новымъ знакомъ Вашей ко мнѣ милости; да Вы и сами любите моего Рейтерна, который всею душею и всею своею семьею Васъ обожаетъ. Прошу Васъ отвѣчать мнѣ въ двухъ словахъ, по полученіи этого письма и посылки моей.

Всѣмъ сердцемъ и всѣми мыслями преданъ Вамъ на всю жизнь здѣсь и тамъ.

Жуковскій.

12 (24) Іюня 1842.
Дюссельдорфъ.

XXXII.

Повторяю мое сердечное поздравленіе Вашему Императорскому Высочеству. Вы уже его получили дня за два передъ симъ, какъ я думаю, съ картиною моего Рейтерна, которую снова повѣряю Вашему высокому покровительству. Вотъ къ ней дополненіе—мои стихи. Мы хотѣли соединиться для поднесенія нашего поздравленія Государю и Государынѣ и поручили за нихъ выразиться Георгію Побѣдоносцу; желаю, чтобы мой письменный Георгій столь же былъ краснорѣчивъ, какъ Рейтерновъ живописный. Въ письмѣ своемъ къ Государю Императору я упомянулъ о своихъ стихахъ, которые Ваше Высочество получите при семъ письмѣ; если найдете, что ихъ переписывать не нужно, то прошу Васъ благоволить ихъ представить Его Величеству въ моемъ спискѣ; другаго сдѣлать не успѣлъ: спѣшу на почту, чтобы это письмо, какъ я полагаю, поспѣло ровно въ самый день праздника. Если Вы захотите напечатать стихи, то нужно съ ними вылитографировать контуръ Рейтерновой картины: безъ этого контура стихи будутъ непонятны. Контуръ можетъ сдѣлать Зауервейдъ.

Еще одна просьба, которую прошу Ваше Высочество поскорѣе разрѣшить. Его величество, король Прусскій, оказалъ мнѣ неожиданно самый лестный и для меня несказанно-трогательный знакъ своего благоволенія: онъ пожаловалъ мнѣ орденъ pour le mérite, поставивъ меня въ число весьма немногихъ, имъ избранныхъ, ученыхъ и литераторовъ. Зная себѣ цѣну, вижу въ этомъ только его милость, которую цѣню высоко; ибо люблю его отъ глубины сердца и въ душѣ восхищаюсь имъ, какъ человѣкомъ чистѣйшимъ и какъ государемъ достойнымъ удивленія и довѣренности всемірной. Насчетъ же заслуги своей не ослѣпляюсь. Но этотъ орденъ меня несказанно обрадовалъ. Испросите у Государя Императора мнѣ высочайшее позволеніе принять его и носить какъ слѣдуетъ. Къ его величеству королю я писалъ, но думаю, что уже письмо мое не застанетъ его въ Берлинѣ. Вы сдѣлаете мнѣ большую милость, если поблагодарите его величество за меня

отъ себя, ибо мнѣ этотъ орденъ и за Васъ достался, чтó еще болѣе ему придаетъ въ глазахъ моихъ цѣны.

Простите, Ваше Высочество! Спѣшу. Прошу васъ принести мое поздравленіе Государынѣ Цесаревнѣ, Ихъ Высочествамъ Великимъ Князьямъ и Княжнамъ.

Жуковскій.

22 Іюня 1842.
Дюссельдорфъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Письмо къ Государю Николаю Павловичу.

Всемилостивѣйшій Государь!

Благоволите съ царскою милостію принять мое вѣрноподданническое поздравленіе съ Вашимъ и нашимъ радостнымъ праздникомъ. Вся Россія торжествуетъ этотъ день съ благодарностію къ Богу, даровавшему ей въ теченіи двадцати пяти лѣтъ видѣть неизмѣннымъ семейное счастіе Царя своего, такóе счастіе, которому всякій изъ его подданныхъ могъ бы позавидовать, когда бы оно не было общимъ народнымъ.

Принужденный по обстоятельствамъ семейнымъ отказаться отъ величайшей радости лично поздравить моего всемилостивѣйшаго Государя, великодушнаго благотворителя жизни моей, я буду здѣсь, вдали отъ отечества, вмѣстѣ съ моими домашними, въ этотъ день, для насъ священный, молить Бога, чтобы Онъ благословилъ и сохранилъ на долгіе годы нашего великаго Царя, который не однимъ своимъ царскомъ владычествомъ, но и своимъ личнымъ счастіемъ благотворитъ вѣрному своему народу.

Осмѣливаюсь положить къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества мое ничтожное приношеніе. Вмѣстѣ съ моимъ тестемъ, однорукимъ инвалидомъ Рейтерномъ, желалъ я нынѣ выразить чувства свои заодно: онъ кистію, я перомъ. Благоволите всемилостивѣйше обратить минутное вниманіе на мои строки, служащія дополненіемъ картины, которую Рейтернъ осмѣлился поднести всеподданнѣйше Вашему Величеству и Государынѣ Императрицѣ. Въ моихъ стихахъ я хотѣлъ выразить и наше прошедшее съ его бѣдами и славою, и наше настоящее съ его могуществомъ и наставшимъ твердымъ покоемъ. Будущее въ рукѣ Бога, но мы можемъ смотрѣть на него съ радостнымъ упованіемъ: Богъ сохранитъ намъ нашего Царя, ибо за него и его семейство молится весь народъ Русскій вѣрный, любящій и благодарный. Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный

Василій Жуковскій.

4 Іюля (22 Іюня) 1842.
Дюссельдорфъ.

XXXIII.

Вотъ уже и Августъ. Этотъ мѣсяцъ будетъ важенъ въ жизни Вашего Императорскаго Высочества. Съ живымъ волненіемъ сердца буду ждать отъ васъ извѣстія и заранѣе прошу васъ *немедленно*, хотя одною строкою, увѣдомить меня о томъ, чѣмъ Богъ благословитъ наши надежды, или если, какъ я и думаю, самимъ Вамъ не будетъ досуга обо мнѣ вспомнить, прикажите *напередъ* Олсуфьеву, чтобы, нисколько не откладывая, написалъ ко мнѣ о томъ что̀ случится. Прошу Ваше Высочество объ этомъ убѣдительно: неизвѣстность на чужѣ весьма мучительна. Теперь Вы будете безпрестанно въ моихъ мысляхъ. Почта изъ Россіи приходитъ ежедневно, и всякій день буду я съ нетерпѣніемъ дожидаться почтоваго часа, ибо всякій день можетъ быть мнѣ вѣстникомъ благодатнымъ. Богъ услышитъ молитвы, которыя теперь весь добрый Русскій народъ конечно приноситъ Ему за Васъ и за будущее Ваше семейство.

Я писалъ три раза къ Вашему Высочеству, но еще не получилъ на письма мои отвѣта. Въ послѣднее тревожное время Вамъ конечно было не до писемъ, и я даже не могу позволить себѣ ожидать отъ Васъ отвѣта, зная, какъ много и безпрестанно Вы заняты; но желалъ бы только узнать, что̀ совершилось съ картинами моего тестя Рейтерна: одну послалъ онъ давно черезъ Шамбо Государынѣ Императрицѣ; другую, написанную на случай серебряной свадьбы, я осмѣлился поручить Вашему покровительству; послѣ къ Вашему же Высочеству послалъ я стихи свои, дополняющіе картину, прося Васъ представить ихъ Государю и Государынѣ. Не знаю, дошло ли мое послѣднее письмо и дошли ли тѣ письма, въ коихъ я имѣлъ счастіе поздравить Ихъ Величества съ радостнымъ ихъ праздникомъ. Я полагалъ, что письмо мое и стихи придутъ въ самый день праздника. Прошу Ваше Высочество велѣть Олсуфьеву написать мнѣ обо всемъ этомъ нѣсколько строкъ.

Я здѣсь почти ничего не знаю о томъ, что̀ было на царскомъ семейномъ праздникѣ. За то много слышалъ безумныхъ вѣстей. Ни одна меня не потревожила, ибо всѣ онѣ разительно невѣроятны; но слушать досадно, также какъ и читать, всѣ нелѣпости, которыя объ насъ пишутъ и печатаютъ. А мы, по старой привычкѣ, молчимъ и даемъ укореняться объ насъ самому уродливому и враждебному мнѣнію. Разумѣется, что не сто̀итъ труда выходить въ бой съ каждымъ на-

хальнымъ журналистомъ. Но журналы перекликаются: одинъ, какъ эхо, повторяетъ голосъ другаго и, какъ эхо, его удвоиваетъ и удесетеряетъ; изъ этихъ криковъ составляется одинъ общій. Мало-по-малу изъ шумнаго крика образуется мнѣніе, ни на чемъ дѣйствительномъ не основанное, но тѣмъ болѣе упорное и непобѣдимое, что нѣтъ никакого средства указать на его генеалогію. Хорошо бы было одною статьею, просто и ясно написанною, отвѣчать на *все,* чтó въ послѣднія десять лѣтъ (со времени Польскаго возстанія) наврано въ публичныхъ листахъ насчетъ Россіи. Для этого сдѣлать бы нужно короткій *сводъ* всѣхъ обвиненій (изъ которыхъ теперь составлено одно враждебное намъ общее мнѣніе), коротко опровергнуть ихъ и доказать фактами, что Россія не только не врагъ, но искренній другъ и необходимая подпора общаго благоденствія Европы, безъ всякихъ (ей ненужныхъ) замысловъ быть ея диктаторомъ. Такого рода статья требуетъ пера опытнаго и искуснаго. Она должна быть написана безъ всякаго дипломатическаго витійства, но съ тою искренностію и простотою, которыя приличны и могуществу державы, и прямодушію рыцарскому ея Императора.

Мы получили здѣсь весьма печальное извѣстіе о нашемъ Александрѣ Рейтернѣ: въ ту самую минуту, какъ самыя живыя надежды его должны были исполниться, онъ занемогъ жестоко. Большое счастіе, что эта болѣзнь началась прежде его вступленія въ службу. Полагаю, что она есть слѣдствіе перемѣны климата и что ея слѣдствія будутъ ему полезны; но должно, чтобы она была совершенно исцѣлена, прежде нежели онъ примется за палашъ: иначе тягость службы разрушитъ тѣло, а послѣ сама служба сдѣлается отъ того невозможною. Прошу убѣдительно Ваше Высочество обратить на это обстоятельство милостивое ваше вниманіе; благоволите спросить Арендта, который лѣчитъ Рейтерна, и если Арендтъ найдетъ, что больному надобно долѣчиться употребленіемъ водъ, то благоволите довести это до свѣдѣнія Его Величества. Во всякомъ случаѣ надобно, чтобы Рейтернъ *совершенно* возстановилъ свое здоровье, *прежде* нежели войдетъ въ службу. Прошу Ваше Высочество въ этомъ случаѣ, столь печальномъ для насъ, оказать моему шурину благодѣтельное содѣйствіе.

Буду ожидать съ нетерпѣніемъ отъ васъ отзыва; напишите или велите написать.

Благослови Богъ Васъ и Великую Княгиню.

Жуковскій.

3 (15) Августа 1842
Дюссельдорфъ.

XXXIV.

Отъ всего сердца цѣлую Вашу милую руку, написавшую ко мнѣ это письмо, котораго я ожидалъ съ такимъ волненіемъ, которое принесло мнѣ такую радостную вѣсть, которое всѣхъ насъ здѣсь осчастливило. Благодарю за Васъ Бога, радуюсь за Васъ вмѣстѣ съ Вашимъ семействомъ (большимъ и малымъ) и поздравляю Васъ и Великую Княгиню съ новымъ званіемъ отца и матери, котораго Ваше сердце достойно, которое Вы способны цѣнить во всей его святости и которое умножитъ Ваше счастіе благословеніемъ свыше, выразившимся для Васъ въ дарованіи Вамъ Вашего милаго младенца. Жалѣю и горюю о томъ, что не могло быть теперь со мною того же что̀ было въ Москвѣ, когда я такъ радостно встрѣтился съ Вами на первой Вашей земной прогулкѣ; но тогда не могъ я воображать, что и мнѣ самому, въ одно время съ младенцемъ, тогда лежавшимъ передо мною въ первыхъ пеленкахъ, придется нѣкогда быть отцомъ. Черезъ два мѣсяца ожидаю отъ Бога того же благословенія, которое послалъ Онъ Вамъ, и да пошлетъ Онъ его мнѣ съ такою же полнотою, какъ нынѣ Вамъ оно послано.

Нашъ Георгій Побѣдоносецъ, представитель Россіи и ея защитникъ, принесъ пророчество и Вамъ вмѣстѣ съ поздравленіемъ Царю и Царицѣ. *И увидишъ сыны сыновъ твоихъ!* Теперь наше отечество, радостно встрѣчая Вашу дочь, можетъ надѣяться, что и Васъ окружитъ такое же благословенное семейство, какое разцвѣло около Вашихъ родителей. Сохрани намъ Богъ нашу милую Великую Княгиню и утверди между Вами то счастіе, основанное на взаимномъ согласіи и чистотѣ нравственной, какою отличается семейство Русскаго Царя, Вашего отца, доселѣ у насъ безпримѣрное на землѣ. Въ эти радостныя минуты, которыя теперь возвышаютъ душу Вашу и усиливаютъ въ ней съ чувствомъ земнаго счастія вѣру въ Бога, въ эти радостныя минуты, не могу пожелать для Васъ инаго какъ только сохраненія и продолженія того, что̀ Вы уже по милости Божіей имѣете. Могу развѣ только прибавить то желаніе, которое должно быть ежечасною молитвою за Васъ всякаго Русскаго: то, чтобы онъ просвѣтилъ Вашу душу царскими мыслями и чтобы научилъ Васъ знать, въ чемъ состоитъ Его правда, дабы Вы послѣ смиренно покорились этой правдѣ и мыслію и дѣломъ во благо народа Русскаго. Но, зная Ваше сердце, я увѣренъ, что никто за Васъ усерднѣе Васъ самихъ не приноситъ этой молитвы, и Богъ несомнѣнно ее услышитъ.

Скажу опять, что черезъ два мѣсяца, вѣроятно въ половинѣ Ноября н. ст., и я буду имѣть тоже, что̀ Богъ даровалъ нынѣ Вамъ. Если родится у меня сынъ, то захотите ли Вы быть его крестнымъ отцемъ? Прошу Васъ отвѣчать мнѣ на этотъ вопросъ немедленно, ибо мнѣ не хочется отлагать крестинъ, и я желалъ бы знать теперь же отвѣтъ Вашъ. Увѣренъ, что не получу отказа.

Еще разъ, съ глубочайшимъ чувствомъ любви къ Вамъ, благодарю Васъ за Ваше милое письмо, также и за желаніе, которое въ концѣ его Вы выразили отъ себя и отъ Великой Княгини. Прошу Васъ принести Ея Высочеству мое искреннее поздравленіе. Да весьма будетъ отъ Васъ мило, если Вы за меня поцѣлуете свою малютку. Какъ буду счастливъ, когда мнѣ будетъ возможно самому это исполнить.

Если же родится у меня дочь, то буду просить Государыню Императрицу быть ея крестною матерью; объ этомъ завтра буду писать къ Ея Величеству.

Жуковскій.

31 Августа (12 Сентября) 1842.
Дюссельдорфъ.

XXXV.

Примите, Ваше Высочество, участіе въ моей несказанной радости: Богъ даровалъ мнѣ дочь. Жена родила благополучно 30 Октября (11 Ноября), и вчера мое дитя крещено. Все идетъ, благодаря Бога, наилучшимъ образомъ: мать здорова, ребенокъ также; я вполнѣ въ эту минуту счастливъ и увѣренъ, что Вы раздѣлите мое счастіе, сами столь недавно понявъ его невыразимую святость и прелесть. Чувство отца несказанно; угадать его нельзя. Кто еще не зналъ его, тотъ еще не всю жизнь свѣдалъ: онъ могъ наслаждаться кипучею сладостію юношества, могъ знать любовь, наслаждаться поэзіею, умственною дѣятельностію и дѣятельностію публичною, могъ быть счастливымъ супругомъ. Всѣ эти степени принадлежатъ къ житейской лѣстницѣ; но степень отца самая высшая (я говорю только о здѣшней жизни). Чувствомъ отца жизнь довершается, бытіе пріобрѣтаетъ бо́льшее достоинство, бо́льшую значительность; душа, такъ сказать, двоится и теряетъ свой эгоизмъ. Все это Вы теперь знаете на опытѣ, и все это я въ самомъ себѣ теперь чувствую, проживъ къ сожалѣнію болѣе двухъ третей жизни безъ этого чувства, которое теперь вдругъ озарило ее, какъ новая молодость, какъ заря новаго дня... Дологъ ли

будетъ этотъ новый день? Но объ этомъ мнѣ и думать не должно: мы въ рукѣ Божіей; слѣдовательно все, чтó ни случится, къ добру.

Моя дочка радуетъ меня, какъ ребенка. Общая молва говоритъ, что она на меня похожа. Ей уже теперь восемь дней, и уже развернулись въ ней нѣкоторые таланты, а именно: талантъ аппетита и сна; ужъ въ глазахъ ея, до сихъ поръ бродившихъ кругомъ механически, начинаетъ показываться внимательный взглядъ; но руки, которымъ еще не удалось сдѣлать никакого опыта, копышатся, какъ раковыя клешни. Голова покрыта темными волосами, и такихъ густыхъ волосъ мнѣ еще не удавалось видать на головѣ ребенка. Но всего прелестнѣе голосъ, котораго всякій звукъ прямо входитъ въ сердце; она же, будучи, благодаря Бога, совершенно здорова, не кричитъ жалобно, а только подаетъ голосъ жизни. Простите, что сообщаю Вамъ всѣ эти подробности: онѣ принадлежатъ не Великому Князю, а молодому отцу, съ которымъ дѣлится своимъ счастіемъ старый его другъ, помолодѣвшій какъ отецъ.

Дочь моя названа въ крещеніи Александрою; это имя, столь давно мнѣ милое, трогаетъ меня особенно, какъ имя моей дочери. Не знаю, чтó сдѣлалось съ моимъ письмомъ, въ которомъ я просилъ Государыню Императрицу быть крестною матерью моего младенца, если у меня родится дочь. Я не получилъ на это письмо отвѣта. Никакъ не могу подумать, чтобы моя милостивая Императрица захотѣла меня оставить безъ отвѣта въ такомъ важномъ случаѣ жизни моей: какое нибудь враждебное стеченіе обстоятельствъ все здѣсь перепутало и лишило меня счастія видить духовную мать моей дочери въ той, къ которой сердце такъ давно привязано всѣми лучшими своими чувствами. Нѣсколько времени былъ я въ нерѣшимости и на счетъ Вашего Высочества; но, перечитавъ Ваше послѣднее письмо, въ которомъ именно сказано, что Вы соглашаетесь быть крестнымъ отцомъ моего ребенка, *если у меня родится сынъ*, я не могъ себѣ позволить располагать произвольно Вашею милостію въ пользу моей дочери. Какъ быть! Это для меня невозвратимая потеря. Но она называется Александрою; пусть будетъ это имя знаменованіемъ того, чѣмъ она по душѣ своей должна быть и въ здѣшней, и въ будущей жизни.

Прошу Васъ, благословивъ моего младенца, поручить его въ милость Государыни Великой Княгини. Прошу Бога о Вашемъ здоровьи и благословеніи Вашего семейства.

Жуковскій.

7 (19) Ноября 1842
Дюссельдорфъ.

XXXVI.

Приношу Вашему Императорскому Высочеству и Государынѣ Великой Княгинѣ усерднѣйшее поздравленіе съ новымъ годомъ отъ себя, жены и дочери. Не имѣю нужды въ этотъ день особенно выражать передъ Вами тѣ желанія, которыя каждый день свѣжія возобновляются для Васъ въ моемъ сердцѣ. Ваша душа способна постигать истинное земное счастіе, а Богъ—всегда вѣрный помощникъ душѣ, желающей такого счастія и постоянно къ нему стремящейся. Въ чемъ оно для Васъ состоитъ, это Вы теперь знаете лучше меня. Нѣкогда вмѣстѣ мы разбирали и объясняли понятія объ этомъ счастіи; теперь Вы успѣли оглянуться вокругъ себя, и опытъ зрѣлой молодости, лучшій изъ всѣхъ наставниковъ, дополнилъ для Васъ наставленія дней беззаботнаго юношества. Да поможетъ Вамъ Богъ воспользоваться, какъ должно, теперешнимъ временемъ свободы и безотвѣтственности, дабы утвердить въ Вашихъ мысляхъ вѣрныя понятія о томъ, чтó составляетъ Вашъ долгъ вообще, чтобы согласить съ этимъ понятіемъ Вашу волю, чтобы приготовить Васъ къ Вашей самобытной дѣятельности основательнымъ знаніемъ Вашего отечества и его теперешнихъ нуждъ и знаніемъ Вашего времени, къ которому мы принадлежимъ, составляя одно семейство съ современными намъ народами. Вамъ болѣе всего нужна истина. Сердце Ваше искренно желаетъ добра; со временемъ будете имѣть и власть, для произведенія добра необходимую. Но если не будете *знать* въ чемъ достоитъ добро, то и съ чистѣйшими намѣреніями и съ неограниченною властію произведете или добро на минуту, или вмѣсто его зло. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ всѣхъ царскихъ вѣнцовъ самый тяжелый достался Русскому Царю. Какъ самодержецъ, онъ можетъ *все*; но за то онъ одинъ и отвѣчаетъ за все передъ Богомъ, собою и судомъ потомства, произносимымъ въ Исторіи. Ему болѣе нежели кому изъ другихъ владыкъ земныхъ нужна истина, то есть вѣрное понятіе о томъ, чтó есть и чтó быть должно. Помоги Вамъ Богъ воспользоваться остающимся Вамъ временемъ для Вашего приготовительнаго образованія и для знакомства съ этою святою истиною; прибавлю: сохрани Вамъ Богъ сколь можно долѣе *въ жизни Вашего отца и Государя* образецъ столь поучительный для Вашего будущаго. Между тѣмъ Онъ далъ Вамъ въ Вашей молодой супругѣ товарища Васъ достойнаго: чтó слышу о ней, то радуетъ сердце. У нея умъ, способный понять и оцѣнить назначеніе, данное ей Провидѣніемъ. Да

утвердитъ Богъ навсегда между Вами и ею то согласіе мыслей и чувствъ, ту семейную чистую любовь, которыя теперь, благородствуя Вашу молодость, будутъ со временемъ лучшимъ сокровищемъ и утѣхою Вашей дѣятельной жизни. То чтó Вы видѣли въ семействѣ отца Вашего пускай, чистое, постоянное, ничѣмъ неискаженное, утвердится и въ Вашемъ. Примѣръ нравственности въ семействѣ царскомъ есть благотвореніе всенародное; въ особенности высокая нравственность есть палладіумъ Государя самодержавнаго: ибо власть безсильна, когда она не опирается на уваженіи и довѣренности. Въ нашемъ вѣкѣ это болѣе нежели когда-нибудь неоспоримая истина.

По случаю новаго года я заговорилъ съ Вашимъ Высочествомъ *старымъ* языкомъ; но увѣренъ, что онъ не будетъ Вамъ непріятенъ: мы привыкли дѣлиться мыслями. Къ сожалѣнію, это теперь должно случаться рѣже, чѣмъ прежде. Моя дорога идетъ особнякомъ, и это иначе быть не можетъ. Въ моей судьбѣ есть чтó отличнаго отъ обыкновеннаго хода вещей. Для другихъ обыкновенно семейный бытъ идетъ рядомъ со всѣми другими событіями жизни; я, напротивъ, начинаю свою семейную жизнь раздѣлавшись со всѣмъ прочимъ. Общественное дѣло мое, взявшее лучшіе мои годы, кончено. Богъ указалъ мнѣ путь прекрасный, не по моему достоинству. Смиренно признавая передъ самимъ собою сіе недостоинство, знаю только то, что, при всемъ моемъ безсиліи, я былъ искренно, всѣмъ сердцемъ привязанъ къ своему долгу; но этотъ путь мой конченъ. Чтó же касается до моихъ свѣтскихъ отношеній, то они всѣ опредѣлены. Если играли въ душѣ какія страсти, то ихъ игра совершенно прекратилась; свѣтъ, сколько я могъ узнать его, не имѣетъ для меня ни новизны, ни приманки; связи знакомства и дружбы всѣ сдѣланы, одни скрѣплены, другія сами собою ослабѣли и исчезли; новыхъ дѣлать не хочу и не могу. Изъ всего этого осталась мнѣ еще любовь къ авторскимъ занятіямъ; но и тутъ главное сдѣлано: не могу, какъ молодой человѣкъ, заботиться о такъ-называемой авторской славѣ; могу *въ авторствѣ любить* одно выраженіе внутренней дѣятельности, безъ всякой внѣшней, посторонней цѣли. Однимъ словомъ, всѣ счеты жизни были сведены, и въ эту минуту, въ которую оставалось только подвести *итогъ*, вдругъ начинается для меня новая жизнь, отдѣльная отъ всего прошлаго или, лучше сказать, заступающая его мѣсто. Къ счастію, будучи по календарю старикомъ (въ концѣ Генваря мнѣ стукнетъ ровно 60 лѣтъ), я еще не устарѣлъ ни сердцемъ, ни мыслію (во многомъ даже еще дитя), и могу съ свѣжею живостію предаться новому своему быту. Но я долженъ теперь исключительно, безъ раздѣла, ему предаться. Въ мои лѣта за *двумя зайцами гнаться* нельзя; мой кругъ долженъ быть тѣсенъ, и въ немъ должно быть тихо и мирно.

Такъ оно и есть. Одна только мысль нарушаетъ иногда эту тишину, мысль, что это для меня по закону природы сохранится недолго; но этимъ однако тревожиться не должно: все въ рукѣ Божiей. Изъ прошедшей моей дѣятельности сохраню только давно оставленную авторскую; но она должна быть сообразна моей теперешней жизни и моимъ лѣтамъ.

Вы спрашиваете меня: *когда возвращусь?* На это не могу отвѣчать Вамъ опредѣлительно. Государь Императоръ, отпуская меня, не ограничилъ моего отсутствiя; я увѣренъ, что мнѣ въ этомъ отношенiи будетъ позволено произвольно сообразоваться съ требованiемъ моихъ обстоятельствъ. Еслибы я женился не за границею, то конечно не подумалъ бы тронуться съ мѣста и тотчасъ основался бы тамъ, гдѣ бы для меня было удобнѣе внутри отечества. Но, очутившись въ минуту женитьбы въ Дюссельдорфѣ (который для меня точно какъ пустынный островъ посреди океана), я нашелъ для себя весьма удобнымъ провести первые годы своей семейной жизни внѣ всякихъ отношенiй общественныхъ, въ полной независимости отъ всего внѣшняго. И подлинно, я здѣсь совершенно принадлежу своему домашнему быту: съ здѣшнимъ большимъ свѣтомъ я не познакомился; литературныхъ связей никакихъ не сдѣлалъ; до политики мнѣ дѣла нѣтъ; живу дома, то есть у себя и въ семьѣ своего тестя и, можно сказать, не на чужѣ, а въ Россiи. И такъ *первая причина*, для которой я рѣшился продолжить мое пребыванiе за границею, есть желанiе пожить нѣсколько времени *вполнѣ для себя* и безъ всякой внѣшней тревоги ознакомиться съ домашнею жизнiю, чтó, можетъ быть, въ мои лѣта труднѣе, нежели въ годы молодые. Другая причина-чисто *экономическая*: хочу въ теченiе этихъ лѣтъ, живучи съ величайшею умѣренностiю, скопить для себя столько, чтобы имѣть *весь свой годовой доходъ впередъ*. Если это удастся сдѣлать, то конечно моя будущая жизнь относительно хозяйства весьма облегчится и устроится. Мы часто видимъ, что богачи для приведенiя въ порядокъ разстроеннаго имѣнiя уѣзжаютъ или изъ столицы въ деревню, или изъ отечества за границу, дабы, внѣ всѣхъ привычныхъ отношенiй общественныхъ, пожить малымъ и чрезъ то поправить дѣла свои. Я, напротивъ, хочу *предупредить* разстройство; хочу напередъ безъ помѣхи привести все въ порядокъ и, какъ говорится, запастись деньгóю про черный день. Этого бы я не могъ сдѣлать ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ, и здѣсь я до сихъ поръ только что тратилъ, ибо много денегъ пошло на обзаведенiе. Сверхъ того, надобно замѣтить, что всегда первый годъ семейной жизни есть годъ науки, за которую платишь довольно дорого. Я никогда не занимался хозяйствомъ; жена, хотя и привыкла жить малымъ, еще не имѣла на ру-

кахъ цѣлаго дома; за неопытность эту надобно было заплатить, и она стоила намъ довольно дорого, хотя мы здѣсь и не имѣемъ случая для большихъ расходовъ, не приглашая къ себѣ общества и не участвуя въ здѣшнихъ свѣтскихъ удовольствіяхъ. Дюссельдорфъ не дешевое мѣсто; но своей уединенной въ немъ жизни я весьма много обязанъ: она меня учитъ, и за умѣренную цѣну, если сравнить съ этою цѣною то, чтó за туже науку я заплатилъ бы въ Москвѣ или въ Петербургѣ. Но учебный годъ мой кончился; теперь я могу начать откладывать, а въ тоже время исподоволь приготовлять свою осѣдлую жизнь въ отечествѣ.

Къ двумъ вышеозначеннымъ причинамъ заграничной моей жизни надобно прибавить *третью*, *литературную*. Здѣшняя уединенная жизнь поможетъ мнѣ начать и кончить поэтическую работу, которая можетъ остаться литературнымъ памятникомъ для Россіи; эта работа, уже начатая, есть переводъ Одиссеи. Есть въ головѣ и другіе планы, для исполненія которыхъ нужно полное, беззаботное уединеніе. Согласить ихъ съ разсѣянностію и обязанностями общества (не говорю уже большаго свѣта, къ которому я никогда не принадлежалъ) невозможно: пойдутъ впередъ слишкомъ медленно, а мнѣ откладывать нельзя. Одиссея моя не сдѣлала еще многихъ шаговъ впередъ, дорога трудная; но, сколько могу судить самъ, первые шаги ея довольно удачны. Сама же работа имѣетъ для меня неизъяснимую прелесть. Въ наше время, когда и въ поэзію врывается буйство враждебнаго, всеразрушающаго демократизма, есть невыразимое наслажденіе предаваться этой первобытной, свѣтлой поэзіи, которая живетъ дѣвственными преданіями древности и образуетъ особенный міръ, недоступный земному грязному эгоизму. Я живу въ мірѣ Гомера и, прислушиваясь къ его сладкому пѣнію, не слышу визговъ сумасшедшаго Гервега и комп., которымъ рукоплескаетъ еще не образумѣвшаяся молодежъ, посреди которой встрѣчаются и молокососы съ просѣдью. Изъ цвѣтовъ этой поэзіи хочу свить послѣдній свой поэтическій вѣнокъ, дабы положить его при прощаньи на алтарь отечества, ему въ благодарный даръ, а себѣ на память. Таковы мои планы. Назовете ли ихъ воздушными замками?

Простите, мой безцѣнный Великій Князь, что вхожу въ такія подробности и говорю такъ много о своемъ настоящемъ и будущемъ бытѣ. Вы навлекли на себя эту экономическую диссертацію своимъ вопросомъ: *когда я возвращусь въ Россію?* Я очень радъ, что Вы этотъ вопросъ мнѣ сдѣлали: онъ подалъ мнѣ случай дать Вамъ настоящее понятіе о моихъ намѣреніяхъ и тѣмъ предохранить себя отъ недоразумѣній и недоброжелательныхъ толковъ, отъ которыхъ никто не бываетъ въ безопасности. Чего добраго, и меня могутъ представить

отступникомъ отъ отечества. Хотя я и увѣренъ, что мое прошедшее защититъ меня въ глазахъ моего милостиваго Императора, благотворителя всѣхъ минутъ прежней и теперешней моей жизни; но я въ отдаленіи, и мнѣ было бы несказанно больно, когда бы хотя малѣйшая тѣнь недоразумѣнія на счетъ мой могла образоваться. Впрочемъ, подумайте, гдѣ я. Добро бы, если бы я еще жилъ въ Италіи, посреди наслажденій природы и искусствъ, или въ Парижѣ, посреди увлекательнаго общественнаго и политическаго движенія; но я живу въ Дюссельдорфѣ, непріятномъ и скучномъ, тамъ, гдѣ живописный Рейнъ стастановится плоскою рѣкою болотной Голландіи, гдѣ меня ничто не привлекаетъ (кромѣ развѣ одного искусства), гдѣ все напротивъ втѣсняетъ меня болѣ и болѣ въ мой уголокъ семейный (и это для меня главное). Все мое здѣшнее общество состоитъ въ семьѣ моего тестя, составленной изъ двухъ взрослыхъ (отца и матери), двухъ молодыхъ дочерей, малолѣтняго сына и еще трехъ малютокъ, къ которымъ надобно еще прибавить бѣлаго престарѣлаго пса Joli, котораго дѣти любятъ, какъ брата, а старики уважаютъ, какъ друга. Въ этотъ кругъ иногда входитъ добрый графъ Гребенъ (котораго Вы знаете), директоръ здѣшней академіи Шадовъ, три живописца, два пастора и еще три старыя графини; вотъ весь мой здѣшній міръ. Дюссельдорфъ не заставитъ меня отвыкнуть отъ Россіи. Но пожить мнѣ здѣсь на просторѣ необходимо, чтобы устроить безъ помѣхи матеріальное будущее для моего семейства. Дюссельдорфъ—мой экономическій карантинъ. Дайте мнѣ полную свободу его выдержать, дабы я могъ со временемъ возвратиться на родину предохраненный отъ заразы долговъ и отъ ужасной чумы пустокарманія.

Я бы еще о многомъ хотѣлъ переговорить съ Вашимъ Высочествомъ; но оставляю это до другаго времени: письмо мое непомѣрно разбухло. Кончу выраженіемъ сердечной благодарности за милостивое вниманіе, оказываемое Вашимъ Высочествомъ моему шурину А. Рейтерну; онъ горитъ желаніемъ заслужить Ваше высокое одобреніе; въ немъ будете имѣть добраго солдата, жаркимъ сердцемъ преданнаго Царю своему. Отецъ его несказанно тронутъ Вашимъ о немъ воспоминаніемъ и тѣми милыми, безцѣнными словами, которыми оно выражено въ Вашемъ ко мнѣ письмѣ; вся душа его принадлежитъ Вамъ. Въ дѣтяхъ его найдете сердце отца, полное вѣрностію и любовію къ Царю и отечеству. Нынѣшній годъ (то есть минувшій) былъ для него тяжелымъ годомъ испытанія. Съ прошлаго лѣта, то есть съ окончанія его картины Георгія, онъ въ безпрестанной борьбѣ съ разными болѣзнями, которыя не даютъ ему приниматься за кисть. Однажды чуть не отправился на тотъ свѣтъ: пуля на излетѣ попала ему въ

лобъ, и онъ былъ бы убитъ на мѣстѣ, когда бы направленіе пули было хоть немного прямѣе. Кто выстрѣлилъ, неизвѣстно. А теперь уже болѣе двухъ мѣсяцовъ онъ страдаетъ жестокимъ ревматизмомъ. Зима у насъ легка (вчера въ первый разъ выпалъ снѣгъ), но нездорова. И я хворалъ во все послѣднее время.

Простите, Ваше Высочество. Жена приноситъ Вамъ глубочайшую свою благодарность за милостивое объ ней воспоминаніе. Въ другое время доставлю Вашему Высочеству подробное описаніе моей дочки, которая въ два мѣсяца жизни удивительно развернулась.

Жуковскій.

1 (13) Генваря 1843.
Дюссельдорфъ.

XXXVII.

Спѣшу сообщить Вашему Императорскому Высочеству письмо, полученное мною отъ нашего Итальянскаго спутника Лауница. Изъ него Вы усмотрите, что касса Вашего Высочества должна ему 225 рублей серебромъ за пересылку гипсовъ, которые Ваше Высочество должны были уже давно получить изъ Италіи. Прошу Васъ дать кому слѣдуетъ приказаніе о уплатѣ этихъ денегъ.

Къ этому прибавляю отъ себя: я бы желалъ и было бы весьма справедливо, прилично и любезно съ Вашей стороны, еслибы Вы оказали какой-нибудь знакъ Вашего милостиваго вниманія доброму и почтенному Лауницу. Въ этомъ дѣлѣ онъ работалъ con amore: множество гипсовъ пришло къ нему въ кускахъ, и ему стоило величайшаго труда, чтобы все разбитое склеить и уложить снова. Не знаю, въ какомъ видѣ дошли эти гипсы въ Петербургъ и что́ съ ними сдѣлано. Они были бы отъ Вашего Высочества прекраснымъ подаркомъ Академіи Наукъ; ибо выбраны съ умомъ, слѣплены съ оригиналовъ, и другихъ экземпляровъ ихъ до сихъ поръ не было въ Европѣ. Лауницъ взялъ со всѣхъ нихъ формы. Вы меня весьма обяжете лично, если окажете особенное вниманіе Лауницу, который это заслуживаетъ и какъ артистъ, ученикъ Торвальдсена, теперь уже знаменитый въ Европѣ, и какъ человѣкъ, Вамъ душевно преданный и употребившій все усердіе на исполненіе дѣла, ему Вашимъ Высочествомъ порученнаго.

Другое дѣло. Ваше Высочество помните наше путешествіе водою въ Армянскую Академію Св. Лазаря въ Венеціи. Тогда Вы приняли посвященіе Армянско-Русской грамматики. Эта грамматика напечатана,

и мнѣ доставленъ сюда экземпляръ ея для доставленія Вашему Высочеству съ письмомъ на мое имя, давнымъ-давно написаннымъ. Имѣю честь представить Вашему Высочеству и то и другое, прося Васъ приказать отвѣчать аббату Св. Лазарской Академіи. Само по себѣ разумѣется, что авторъ грамматики заслуживаетъ награжденія за полезный трудъ свой.

Тому уже три или четыре дня, какъ я писалъ къ Вашему Высочеству; съ тѣхъ поръ въ моемъ тихомъ уголкѣ ничего новаго не случилось; а въ старомъ главное то, что я со всѣми своими принадлежу Вамъ всѣмъ сердцемъ.

Жуковскій.

4 (16) Генваря 1843.
Дюссельдорфъ.

XXXVIII.

Христосъ Воскресе! Приношу вмѣстѣ съ женою и дочерью Вашему Императорскому Высочеству и Государынѣ Великой Княгинѣ наше сердечное поздравленіе съ свѣтлымъ праздникомъ и съ днемъ Вашего рожденія, которымъ въ этотъ разъ будетъ заключена Святая недѣля. За двадцать пять лѣтъ мы торжествовали этотъ день также на Святой недѣлѣ. Это одно изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній моей жизни, и оно возобновляется теперь въ моей душѣ съ новой благодарностію къ Богу, Который сохранилъ Васъ, далъ разцвѣсть и возмужать Вашей жизни и будетъ несомнѣнно ея покровителемъ для Вашего и нашего счастія. Тогда съ цѣлою Москвою радовался я благословенному свыше событію, теперь радуюсь воспоминаніемъ о немъ и мыслію объ Васъ въ уединенномъ, тихомъ уголку моего семейнаго дома. Тогда Кремлевская площадь кипѣла народомъ, который на мою поднятую изъ окна рюмку Шампанскаго отвѣчалъ громкимъ ура, и ему вторилъ Ивановскій колоколъ съ братіею; теперь передъ моимъ открытымъ окномъ спокойный паркъ, дерева одѣваются молодою зеленью, все дышетъ весною, весь воздухъ наполненъ пѣньемъ птицъ, между которыми отличается очень голосистый соловей, поселившійся въ моемъ сосѣдствѣ; весь же народъ, который теперь будетъ отвѣчать громкимъ *ура* на мою поднятую рюмку Шампанскаго, состоитъ теперь изъ моей доброй жены, изъ нашей малютки-дочери и изъ безрукаго инвалида, моего тестя съ его женою и дѣтьми. Но наше ура, хотя и менѣе звучное, не уступитъ Кремлевскому.

Все это однако будетъ еще черезъ двѣ недѣли. Я пишу къ Вамъ въ началѣ Страстной. Вы теперь говѣете. Я увѣренъ, что Вы вспомните обо мнѣ и въ Середу, и въ Четвергъ. Я собрался было ѣхать для говѣнья въ Штутгардтъ и уже предувѣдомилъ о своемъ пріѣздѣ священника; хотѣлъ причаститься въ той же церкви, въ которой вѣнчался; но болѣзнь жены, которая все еще со времени родинъ не можетъ оправиться (хотя родины и были благополучны), заставила меня перемѣнить намѣреніе. Исполню его или въ концѣ Мая, или въ Іюнѣ мѣсяцѣ, ибо въ это время полагаю съѣздить съ женою въ Ганау къ доктору Коппу; а послѣ, можетъ-быть, надобно будетъ отвезти ее на какія-нибудь воды. Впрочемъ, эта болѣзнь не имѣетъ ничего опаснаго; она тревожитъ меня; но этому бы быть не надлежало: спокойствіемъ духа и покорнымъ терпѣніемъ долженъ я заплатить за то сокровище, которое Богъ даровалъ мнѣ въ моей милой дочкѣ; она несказанно меня радуетъ. Хотя и крѣпко порываетъ меня Вамъ описать ее; но этого себѣ не позволю сдѣлать, чтобы Вамъ не наскучить.

Здѣсь сказали было, что Государыня Великая Княгиня должна быть весною въ Дармштатѣ; теперь другіе слухи: говорятъ, что получено отъ Ея Высочества письмо, въ которомъ она извѣщаетъ, что *особенная причина* препятствуетъ ея путешествію. Справедливы ли эти слухи? Въ самомъ ли дѣлѣ существуетъ эта особенная причина? Сердце радуется за Васъ. Благослови Васъ Богъ и исполни Ваше желаніе всѣмъ намъ на радость! Вы мнѣ окажете большую милость, если напишите мнѣ что нибудь объ этомъ столь важномъ для меня предметѣ.

Въ послѣднемъ Вашемъ письмѣ Ваше Высочество изъявили желаніе знать подробности о томъ что̀ случилось съ Рейтерномъ. Мы никакихъ подробностей не знаемъ: прилетѣла пуля и стукнула его въ лобъ; но это было только для того, чтобы напомнить, что опасностей вокругъ насъ много и что Богъ бережетъ отъ нихъ. Кто выстрѣлилъ, неизвѣстно; но убійства въ виду не было. Здѣсь безпрестанно по улицамъ стрѣляютъ; полиція смотритъ на это сквозь пальцы; какой нибудь сумасшедшій хотѣлъ застрѣлить въ саду своемъ голубя пулею, не подумавъ, что эта пуля можетъ перелетѣть черезъ заборъ и попасть въ человѣка. Такихъ случаевъ было уже здѣсь довольно. Бѣдный мой Рейтернъ, во всю зиму, съ самыхъ крестинъ моей малютки, не выходилъ изъ дому за болѣзнію; теперь онъ уже начинаетъ гулять и прилежно принялся за работу. Живописецъ Штильке, который пишетъ для Вашего Высочества Іоанну д'Аркъ, почти кончилъ свою работу: картина прекрасная, она будетъ готова въ Маѣ. Позволите ли ее выставить въ Кельнѣ и Франкфуртѣ? Это продержитъ ее еще здѣсь весь Іюнь мѣсяцъ, можетъ-быть до половины Іюля; въ на-

чалѣ Августа она можетъ быть въ Петербургѣ. Благоволите мнѣ прислать Ваше *да* или *нѣтъ*, чтобы я могъ сообщить то или другое Убрилю, которому поручено заплатить живописцу за его работу.

Прошу Ваше Высочество принести мое всеподданнѣйшее поздравленіе съ праздникомъ Его Императорскому Величеству Государю Императору и Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ.

Жуковскій.

5 (17) Апрѣля 1843
Дюссельдорфъ.

XXXIX.

15 (27) Іюня 1843 г. Эмсъ.

Приношу Вашему Императорскому Высочеству сердечную мою благодарность за Ваше милостивое письмо, которое я получилъ здѣсь въ Эмсѣ, куда пріѣхалъ изъ Ганау, посѣтивъ Вашего знакомца доктора Коппа, который послалъ мою жену сюда на питье и купанье. Мнѣ несказанно пріятно было получить это милое письмо, исполненное выраженія драгоцѣнной для меня дружбы, и особенно было пріятно прочитать его здѣсь, гдѣ все такъ живо напоминаетъ о Васъ и о рѣшительной эпохѣ жизни моей, въ которой Вы играете такую важную роль. Не сонъ ли это? Когда оглянусь вокругъ себя—тѣже кругомъ горы, таже рѣка, тѣже зданія, ничто не измѣнилось. А посмотрю около себя—подлѣ меня жена, слышу звонкій голосокъ моей дочери. Прежніе спутники бывшаго міра моего далеко; вокругъ меня новый міръ, и все въ немъ иное. И, не смотря на это измѣненіе, всѣ прежнія связи такъ крѣпки, такъ чувствительны сердцу, какъ будто ничто не протѣснилось между мною и этимъ милымъ прошедшимъ. И это такъ быть должно. Въ моемъ прошедшемъ самое драгоцѣнное было и есть для меня то, что́ было любезно сердцу; оно не подвержено вліянію времени, мѣста и обстоятельствъ. Все остальное, внѣшнее есть только случайный придатокъ. Первое никогда не теряется; измѣненіе или потеря послѣдняго не можетъ быть замѣтна. Сошедши съ первой дороги моей на тихую, стороннюю тропинку семейной жизни, я не разстался ни съ однимъ милымъ товарищемъ моего прежняго путешествія. А Вы, мой любезнѣйшій прежній спутникъ, идете рядомъ со мною, и Вашъ знакомый, сердцу сладкій голосъ, какъ будто явственнѣе прежняго мнѣ слышится. И здѣсь, въ Эмсѣ, мнѣ было особенно сладко вспомнить все то, что́ случилось со мною на этомъ мѣстѣ, за

три года. Тогдашнее чувство (когда еще все было для меня впереди, все еще было нерѣшеннымъ) оживилось и слилось съ теперешнимъ, когда все рѣшено давно, когда тогдашнія загадки будущаго такъ благотворно разгаданы Провидѣніемъ, когда надежда обратилась въ исполненіе и когда это исполненіе уже ничего болѣе не оставляетъ желать сердцу, ничего болѣе кромѣ развѣ полной всегдашней готовности произнести съ покорностію главное слово жизни: *да будетъ воля Твоя*!

Эмсъ замѣчательное для меня мѣсто по вліянію его на судьбу мою: два раза его воды спасли мнѣ жизнь; здѣсь я въ первый разъ встрѣтился и познакомился съ Рейтерномъ; здѣсь рѣшилась теперешняя жизнь моя. Теперь Эмсъ благотворитъ моей женѣ: ея здоровье возстановляется. По назначенію Коппа, ей надобно было пробыть здѣсь только три недѣли; но здѣшній докторъ оставилъ ее еще недѣли на двѣ, обѣщая за то полное излѣченіе. Я хочу воспользоваться этимъ временемъ, чтобъ съѣздить въ Штутгардтъ; хочу исполнить долгъ христіанскій, который обстоятельства не попустили исполнить въ великій постъ. Мое путешествіе продолжится не болѣе десяти дней. Отправлюсь дня черезъ два, если только здоровье позволитъ: я самъ былъ здѣсь около недѣли болѣнъ.

Въ Эмсѣ теперь есть нѣсколько Русскихъ семействъ: Хитровъ (г. контролеръ) съ женою и дочерью, Марья Яковлевна Нарышкина, семейство Убриля, генералъ Ростовцевъ съ женою; завтра здѣсь будетъ графъ Канкринъ съ семействомъ; долженъ пріѣхать Васильчиковъ (братъ княгини Кочубей). Горницы, гдѣ Вы жили въ первый разъ и гдѣ потомъ жила Государыня Императрица, заняты принцемъ и принцессою Нейвидскими.

Письмо мое должно быть въ Петербургѣ 24-го Іюня. Прошу Ваше Высочество быть за меня изъяснителемъ глубочайшей моей преданности Государю Императору и положить къ стопамъ Его Величества мое усердное поздравленіе со днемъ его рожденія. Продолжи и благослови Богъ дни его на счастіе Россіи!

Благодарю Ваше Высочество за Англійскую фразу, столь значительную своимъ смысломъ. Дай Богъ намъ ее скоро повторить переведенную на коренной Русскій языкъ. Комментаріемъ этого перевода будетъ всеобщее громозвучное ура.

Жена моя приноситъ Вашему Высочеству свою искреннюю благодарность за Ваше милостивое воспоминаніе. И она, и я просимъ Васъ положить къ стопамъ Государыни Цесаревны наше глубочайшее почтеніе.

Жуковскій.

XL.

Я имѣлъ счастіе писать къ Вашему Императорскому Высочеству передъ моимъ отъѣздомъ изъ Дюссельдорфа. Вотъ, по прошествіи двухъ мѣсяцевъ съ половиною, я возвратился и, пробывъ дней пять дома, опять ѣду и разстаюсь на двѣ съ половиною недѣли съ своимъ семействомъ. Ѣду въ Штутгардтъ, чтобы тамъ говѣть и, немедленно по совершеніи этого долга, отправлюсь назадъ; заѣду только по дорогѣ на одинъ день въ Баденъ, чтобы тамъ увидѣть Государыню Великую Княгиню *). Еслибы не важная обязанность, отъ исполненія которой отказываться нельзя, то конечно бы я не тронулся съ мѣста: жена больна; нѣкоторые изъ прежнихъ припадковъ ея уменьшились; но ихъ мѣсто заступили другіе; говорятъ, что это знакъ добрый, что это показываетъ дѣйствіе водъ, коихъ польза окажется недѣли черезъ три-четыре. Дай Богъ, чтобы это такъ было. Между тѣмъ все, чтó съ нею дѣлается, весьма похоже на болѣзнь: она очень слаба и очень похудѣла, и все это меня несказанно тревожитъ. Если въ означенный срокъ съ нею не будетъ лучше, то брошу Дюссельдорфъ, котораго климатъ совсѣмъ не добрый и гдѣ нѣтъ ни одного порядочнаго доктора и отвезу ее во Франкфуртъ къ своему доброму Коппу, на котораго болѣе нежели на кого другаго полагаюсь. Изъ всего сказаннаго Ваше Высочество видите, что результатъ моего пребыванія на водахъ не совсѣмъ удовлетворительный. Не хочу однако терять надежды; весьма вѣроятно, что по возвращеніи своемъ изъ Штутгарда найду все въ лучшемъ порядкѣ.

А у Васъ между тѣмъ новая радость. При моемъ выѣздѣ изъ Швальбаха услышалъ я въ первый разъ о помолвкѣ Ея Высочества Великой Княжны Александры Николаевны; но я не повѣрилъ извѣстію, полагая, что оно только слухъ газетный. Первое вѣрное увѣдомленіе пришло въ наше семейство отъ нашего молодаго кирасира Александра Рейтерна. Теперь могу позволить себѣ Васъ поздравить. Прошу Ваше Высочество принести мое усердное поздравленіе Ихъ Императорскимъ Величествамъ. Я много слышалъ похвалъ о женихѣ; дай Богъ, чтобы онъ вполнѣ оцѣнилъ то милое Русское сокровище, которымъ его теперь награждаетъ Провидѣніе.

А Вашему Высочеству желаю продолжать радоваться своимъ семейнымъ счастіемъ и не имѣть тѣхъ тревогъ, которыя его иногда омрачаютъ. Но это послѣднее желаніе напрасно: тревоги эти неиз-

*) Елену Павловну? П. Б.

бѣжны; желать, чтобы ихъ не было, значитъ желать невозможнаго; надобно просто желать терпѣнія и смиренной преданности въ вышнюю волю. Это послѣднее есть лучшее изъ благъ земныхъ; но его пріобрѣтеніе и постоянное сохраненіе весьма трудно, и кто умѣлъ его пріобрѣсти вполнѣ, тотъ выше всѣхъ завоевателей, столь знаменитыхъ въ Исторіи.

Возвратясь изъ Штутгарда, буду имѣть счастіе опять писать къ Вашему Высочеству и дамъ отчетъ въ своемъ путешествіи. Желаю, чтобы Вы были совершенно здоровы, всѣмъ довольны и всегда въ ладу съ собою.

Жуковскій.

3 (15) Августа 1843.
Дюссельдорфъ.

Буду поздравлять Ея Высочество Великую Княжну не прежде, какъ получивъ отъ Васъ подтвержденіе тому, о чемъ пишу къ Вамъ. Если же все правда, то прошу Ваше Высочество благоволить предварительно поздравить отъ меня Государыню Великую Княжну.

XLI.

30 Августа 1843 года. Берлинъ.

Приношу Вашему Императорскому Высочеству мое усерднѣйшее поздравленіе со днемъ Вашего Ангела. Какъ видите, пишу къ Вамъ изъ Берлина, куда я пріѣхалъ (тому уже три недѣли), дабы имѣть счастіе увидѣть Государя Императора. Пробуду здѣсь до отъѣзда Его Величества, слѣдственно еще недѣлю. Къ великой своей радости я нашелъ Государя совершенно здоровымъ, но въ тоже время нашелъ, что Онъ нѣсколько похудѣлъ. Это, я думаю, къ лучшему. Тоже, сказывали мнѣ, и съ Вами послѣ кори, которую Вы выдержали семейнымъ образомъ вмѣстѣ съ Великою Княгинею, также какъ было во время оно съ Государемъ и Императрицею.

Какъ я попалъ въ Берлинъ, спросите Вы, такъ во̀-время, почти къ самому пріѣзду Государя? Объ этомъ пріѣздѣ узналъ я въ Баденѣ отъ Великаго Князя Михаила Павловича, который между прочимъ порадовалъ мое сердце разсказами о Васъ и Великой Княгинѣ. Онъ любитъ Васъ и ее сердечно; мнѣ усладительно было слушать то, что̀ онъ говорилъ о Васъ, о характерѣ и умѣ Великой Княгини, о Вашемъ счастливомъ домашнемъ бытѣ. Сохрани Вамъ Богъ это сокровище; но Онъ Вамъ его сохранитъ, ибо Вы сами знаете его цѣну. Богъ помощникъ вѣрный тѣмъ, кто произвольно принимаетъ Его по-

мощь. Наша душа есть чаша, въ которую Онъ наливаетъ Свою благодать; но мы сами должны подставлять эту чашу, дабы могла наполнить ее вода жизни. Съ горемъ скажу Вамъ, что мнѣ не удалось поздравить Государя съ нынѣшнимъ празникомъ; я опоздалъ: онъ ранехонько уѣхалъ на маневры. Здѣсь теперь совершенный кипятокъ: со всѣми можно встрѣтиться, никого нельзя видѣть.

Но какъ я попалъ въ Баденъ, спросите Вы еще. Во все это время я не согрѣлъ мѣста: былъ въ безпрестанныхъ разъѣздахъ. Вотъ мои похожденія. Съ самыхъ родинъ, то-есть съ Ноября мѣсяца 1842, жена хворала; наконецъ, я рѣшился въ Маѣ мѣсяцѣ ѣхать съ нею во Франкфуртъ, дабы показать ее Коппу; онъ послалъ ее въ Эмсъ, мы пробыли въ Эмсѣ около пяти недѣль (о чемъ я уже и увѣдомлялъ Ваше Высочество). Эмскія воды ей помогли; докторъ присовѣтывалъ присоединить къ Эмсу Швальбахъ; мы поѣхали въ Швальбахъ и пробыли тамъ три недѣли; но дѣйствіе Швальбаха оказалось вреднымъ, и я долженъ былъ его покинуть. Отвезши жену въ Дюссельдорфъ, я отправился тѣмъ же путемъ въ Штутгардъ для говѣнья. Изъ Штутгарда заѣхалъ по дорогѣ въ Баденъ для свиданія съ Великимъ Княземъ. Изъ Бадена возвратился на недѣлю въ Дюссельдорфъ, дабы узнать, чтó дѣлается съ моею больною женою; нашелъ ее лучше; но все еще не могу воскликнуть: побѣда! Напротивъ, думаю, что мнѣ надобно будетъ ее или зимою, или въ началѣ весны перевезти во Франкфуртъ въ сосѣдство Коппа; здѣсь, въ Дюссельдорфѣ нѣтъ порядочнаго доктора, а ей необходимо солидное лѣченіе. Милая моя дочка разцвѣтаетъ. Дай Богъ мнѣ со временемъ счастіе показать мою семью Вамъ. На всякій случай ввѣряю ихъ Вашему покровительству заранѣе. Мысль о Государѣ и Васъ дѣлаетъ меня спокойнымъ на счетъ ихъ будущаго. Но и Вы, и мы, всѣ въ рукѣ Божіей: чтó съ нами бываетъ, то есть Его воля, слѣдственно добро—добро, хотя иногда и имѣетъ наружность зла. На укрѣпленіе этого убѣжденія въ своемъ сердцѣ хочу посвятить остальные годы жизни; это главное ея дѣло—покорность, безусловная полная покорность вышней волѣ: вотъ въ одномъ словѣ вся сумма житейскихъ вѣрныхъ благъ. Мнѣ остается, если только будетъ угодно Богу дать мнѣ на то время, разсчитаться съ моимъ прошедшимъ и, отбросивъ всю шелуху, выбрать изъ него только то, чтó достойно сохраненія, если такое найдется. При этомъ собственномъ дѣлѣ, главною заботою моею теперь должно быть утвержденіе на прочномъ основаніи блага семьи моей; на это имѣю помощникомъ чистаго ангела, жену мою. И Вамъ, Великій Князь, на Вашемъ высокомъ мѣстѣ, тоже назначеніе, какое мнѣ на моемъ смиренномъ и скрытомъ отъ свѣта: покорность вышней волѣ. Если поймете это

назначеніе во всемъ его смыслѣ, то для Васъ ни въ какую минуту жизни не будетъ сомнѣнія. При началѣ всякаго дѣла, и большаго, и мелкаго, легко сдѣлать себѣ вопросъ: а чтó скажетъ Богъ? Совѣсть, если только она не подкуплена, всякій разъ будетъ отвѣчать коротко и ясно. Дѣло только въ томъ, чтобы *успѣть* спросить *во-время* и съ надлежащимъ благоговѣніемъ. Вамъ, наслѣднику Русскаго царства, болѣе нежели кому-нибудь нужна привычка къ этому благоговѣнію. Не думайте, чтобы Вы могли устроить по волѣ своей будущее Ваше и Вашего народа. Нѣтъ, это—обманъ! Наполеонъ пережилъ свое созданіе. Петръ Великій, могучій нашъ созидатель, оставилъ намъ кучу обломковъ. Богъ не терпитъ въ своемъ царствѣ соперника. Онъ одинъ Создатель и во времени, и въ вѣчности. А наша сила въ покорности, то-есть въ исполненіи Божіей правды. Храните правду Его во всякую минуту жизни, не отступайте отъ нея ни на волосъ, coûte qui coûte, не жертвуйте *настоящимъ вѣрнымъ* благомъ *вѣроятному будущему*, не будьте никогда сами выше закона, хотя Вы сами законодатель; ибо законъ, нарушаемый Вами, впадаетъ и у другихъ въ презрѣніе. Бойтесь опаснаго правила, которое столько зла надѣлало въ свѣтѣ, правила, что для *общаго* блага, такъ называемаго *государственнаго блага*, надобно жертвовать *частнымъ* (другими словами, для общаго добра позволять себѣ частныя несправедливости). Чтó такое *общее благо*? Идея служащая часто маскою самыхъ зловредныхъ намѣреній, самыхъ опасныхъ заблужденій. Общее благо есть сумма благъ частныхъ. Можетъ ли же оно существовать въ цѣломъ, когда нѣтъ его по частямъ? Средства не оправдываются цѣлію. Изъ семянъ неправды не произрастаетъ жатва благоденствія. Прибавлю Вамъ, какъ наслѣднику Русскаго престола: сохраните святыню сомодержавія во всей ея неприкосновенности. Изъ всѣхъ властей земныхъ самый святѣйшій характеръ, безпрекословно, имѣетъ самодержавіе; ибо въ немъ самое простое выраженіе верховной божественной власти. Но въ тоже время эта власть изъ всѣхъ земныхъ властей есть самая трудная для властителя: вся отвѣтственность лежитъ на немъ, но эта отвѣтственность не передъ людьми, а передъ Богомъ. Богъ молчитъ, а изъ людей говорятъ смѣло и громко только льстецы. Какая же сила души потребна тому, кто, посреди этого говора, льстящаго всѣмъ страстямъ, долженъ слышать только этого молчащаго Бога, понятнаго только вѣрному передъ Нимъ сердцу? Самодержавіе есть только высшая степень покорности Божіей правдѣ. Его опаснѣйшій врагъ есть самовластіе, въ которомъ мѣсто Божіей воли заступаетъ наша собственная, и мы изъ исполнителей этой высшей воли становимся ея врагами. И наказаніе самовластія заключается въ немъ самомъ:

оно губитъ истинную власть. Однимъ словомъ, правда, Божія правда всегда, во всемъ, вездѣ, во что́ бы то ни стало. Ею одною сильны цари, ею одною человѣкъ пріобрѣтаетъ достоинство сына Божія, она есть главное на землѣ, ибо главное на землѣ есть душа человѣческая. Царства исчезаютъ; все что́ человѣкъ создаетъ, или не совершается, или обращается въ прахъ; самый родъ человѣческій есть только измѣняющееся явленіе. Одно существуетъ, одно принадлежитъ Богу на всѣ вѣки—наша душа и все то, что́ въ ней сохранилось, взятое ею изъ здѣшней временной жизни. Въ подтвержденіе всего, что́ мною сказано (и все это само собою сказалось, я не думалъ, взявши въ руку перо, что напишу къ Вамъ такое письмо), въ подтвержденіе сказаннаго посылаю Вамъ въ подарокъ на нынѣшній день книгу, которую Вы уже вѣроятно имѣете и уже читали; но прочтите ее въ другой разъ, много замѣтьте и это замѣченное многое перечитывайте какъ можно чаще. Я не могъ не плакать, читая эту біографію Вашего благословеннаго дѣда. Многое новое, найденное мною въ ней, такъ живо напомнило мнѣ многое старое, что́ я самъ въ немъ видѣлъ. Какая неизъяснимая сладость благословлять въ сердцѣ своемъ такую память! И такая душа была душею царя! Въ области правды нѣтъ категорій: всѣ вѣрные правдѣ равны передъ Богомъ; но здѣсь, на землѣ, самое восхитительное зрѣлище есть правда въ лицѣ государя, покорнаго исполнителя воли всевышней. Помоги и Вамъ Всевышній быть представителемъ Его правды, и дай Богъ тѣмъ, кто придутъ послѣ Васъ, также плакать надъ чтеніемъ книги земныхъ Вашихъ дѣлъ, какъ плакалъ я отъ умиленія, любви и благодарности, читая повѣсть о свѣтлой, чистой, справедливой и благостной душѣ Фридриха Вильгельма III-го. Простите. Жду съ надеждою на Бога радостнаго отъ Васъ благовѣстія.

Жуковскій.

XLII.

Вчера ввечеру я испыталъ величайшую радость. Возвратясь наканунѣ изъ Берлина, я сидѣлъ спокойно дома съ моею женою и моею милою дочкою. Было восемь часовъ вечера. Вдругъ слышу стукъ колесъ: у моего крыльца остановилась коляска; является фельдъегерь; эту коляску прислалъ за мною великій князь Михаилъ Павловичъ. Онъ, на проѣздѣ изъ Майнца въ Роттердамъ, остановился на минуту въ Дюссельдорфѣ для перемѣны парохода и захотѣлъ сообщить мнѣ радостную вѣсть, имъ въ этотъ же день въ Майнцѣ полученную, радостную вѣсть о Вашемъ новомъ счастіи семейномъ. Какъ я былъ обрадованъ! И какъ остаюсь благодарнымъ Великому Князю за эту поспѣшность меня обрадовать, въ которой такъ выражается его доброе, прекрасное сердце. Итакъ Богъ благословилъ наши надежды и молитвы! Онъ даровалъ Вамъ сына. Примите отъ души моей радостное поздравленіе и съ нимъ вмѣстѣ желаніе, чтобъ этотъ младенецъ былъ Вамъ и намъ сохраненъ и былъ со временемъ на радость отцу, утѣшеніемъ и честію своего отечества. Какъ съ его появленіемъ на свѣтъ умножилось теперь значеніе Вашей жизни и для Васъ самихъ, и для Россіи! Не для себя одного теперь собирать Вамъ сокровище знаній, опытовъ и дѣлъ: уже и у Васъ есть нѣкто, *Вашъ собственный*, ученикъ Вашей жизни, наслѣдникъ Вашихъ дѣлъ, какъ Вы ученикъ и наслѣдникъ отца Вашего. Помоги Вамъ Богъ даровать ему примѣръ великій въ науку жизни и наслѣдство славныхъ и добрыхъ воспоминаній, въ поощреніе на исканіе и пріобрѣтеніе доброй славы. Всѣмъ сердцемъ раздѣляю и понимаю Ваше теперешнее счастіе. Чувство отца для всѣхъ людей, во всѣхъ состояніяхъ, одинаково: въ младенцѣ своемъ видишь самого себя, и жизнь наша пріобрѣтаетъ какую-то прочность, какую-то бо́льшую значительность и продолжительность для здѣшняго міра. Въ царской жизни съ этимъ чувствомъ должно соединяться что-то особенно высокое: передать себя въ своихъ дѣтяхъ слѣдующимъ поколѣніямъ, передать благотвореніемъ и славою,—это не мечта гордости, а прекрасная, на существенности основанная надежда. И если семейныя радости необходимы для царскихъ мучениковъ, для облегченія ихъ отъ тяжкаго бремени высокой судьбы ихъ, для смягченія ихъ сердца, для сохраненія между ими и далекими отъ нихъ людьми человѣческаго союза: то еще болѣе необходимо для нихъ не быть одинокими на тронѣ и жить въ будущемъ своего народа не одною строгою, суровою должностію царя, но и сладкою любовію п

трогательною надеждою отца, соединяющаго съ своимъ настоящимъ, часто тревожнымъ и смутнымъ, будущее своихъ милыхъ, озаренное для нихъ вѣрою въ Провидѣніе. Государь испыталъ это счастіе: онъ окруженъ цвѣтущимъ семействомъ. Богъ даровалъ ему теперь радость передать это счастіе своему Наслѣднику. Да сохранитъ его неизмѣннымъ, и прекрасное начало пускай дойдетъ къ такому же прекрасному концу. А чтобы это непремѣнно случилось, съ Вашей стороны нужно одно: храните Божію правду, въ ней заключается и Божія помощь.

Прошу Ваше Высочество принести мое душевное поздравленіе Ихъ Императорскихъ Величествамъ и Государынѣ Великой Княгинѣ, счастливой, благословенной матери. Не могу надѣяться, чтобы Вы сами скоро ко мнѣ написали; но усердно прошу Васъ велѣть кому-нибудь увѣдомить меня о томъ, что̀ теперь дѣлается въ Вашемъ семействѣ, особенно же о здоровьи Великой Княгини. Простите. Отъ всего сердца цѣлую Вашу милую руку.

Жуковскій.

13 (25) Сентября 1843.
Дюссельдорфъ.

XLIII.

Я получилъ черезъ Барятинскаго письмо Вашего Высочества, милое, драгоцѣнное письмо, написанное четыре часа спустя послѣ рожденія Вашего сына. Я прочиталъ его съ живѣйшею радостію, которая въ тоже время была и благодарность къ Вамъ за Вашу дружбу, не забывшую меня въ такую важную минуту Вашей жизни. Теперь имѣю другое Ваше письмо, которое также меня живо тронуло и обрадовало, письмо изъ Москвы. Оно получено мною въ ту минуту, какъ я кончилъ письмо къ Государынѣ Императрицѣ, въ которомъ выразилъ сожалѣніе, для чего я теперь съ Вами не въ Москвѣ. Вышло, что и Вы, посреди Вашего семейнаго Русскаго праздника въ Кремлѣ, обо мнѣ также пожалѣли. Я увѣренъ, что Москва по старинному отпраздновала этотъ праздникъ и радушно поздравила Васъ, своего сына, съ Вашимъ отеческимъ счастіемъ. Теперь я въ пріятномъ ожиданіи свиданія съ Вами. Я слышалъ прежде о прибытіи Вашемъ и Великой Княгини въ Ноябрѣ въ Дармштадтъ; но это мнѣ не вѣрилось. Какъ ѣхать въ такое позднее время? Но теперь это вѣрно. Дай Богъ встрѣтить Васъ здоровымъ. Если бы Вы пріѣхали будущею весною,

то нашли бы меня живущимъ въ сосѣдствѣ Дармштадта. Хочу весною переѣхать во Франкфуртъ; тамъ есть у меня докторъ Коппъ, которому я и жена вѣримъ; а женѣ нужно будетъ порядочное лѣченіе и лучшій климатъ. Эмсъ помогъ ей, но не на долго. Вообще ей теперь лучше; но главная болѣзнь, *боль въ боку*, возвратилась и сильнѣе прежняго. Буду покойнѣе, когда переѣду въ сосѣдство къ Коппу. Я бы это сдѣлалъ теперь же, но этому препятствуютъ обстоятельства Рейтерна, который также долженъ убѣжать во Франкфуртъ отъ здѣшняго сыраго климата, но которому теперь еще этого сдѣлать невозможно. А я живу въ Дюссельдорфѣ для него, и его семейство служитъ мнѣ большою помогою въ семейныхъ моихъ обстоятельствахъ. Но тревоги семейныя весьма тяжелы; если нѣтъ настоящаго счастія земнаго безъ семейства, то конечно только въ семействѣ могутъ встрѣтиться и настоящія муки сердечныя. Что̀ бы то ни было, а самое лучшее благо на здѣшнемъ свѣтѣ есть добрая жена, доставшаяся намъ по сердцу. И такъ да здравствуютъ добрыя жены! Съ этимъ тостомъ надѣюсь выпить съ Вами бокалъ Шампанскаго въ Дармштадтѣ. До радостнаго свиданія! Жена сердечно благодаритъ Ваше Высочество за милостивое объ ней воспоминаніе. Дочка наша теперь ужъ кусается семью зубами; она очень мила и даже разумна, очень много понимаетъ, начинаетъ ломать языкъ; но еще не ходитъ и даже не ползаетъ... Прошу Вашего ей благоволенія.

Жуковскій.

14 (26) Октября 1843.
Дюссельдорфъ.

Въ Декабрѣ 1843 г. Жуковскій ѣздилъ на свиданіе съ Александромъ Николаевичемъ въ Дармштадтъ.

XLIV.

Возвратясь въ свою семью, спѣшу принести Вашему Императорскому Высочеству снова мою сердечную благодарность за счастливыя минуты, которыя мнѣ даровала Ваша милость при нашемъ свиданіи. Несказанная была для меня радость найти въ Васъ все мое прежнее неизмѣнившимся; благодарю за это Бога, Который незаслуженно и неожиданно, наградивъ меня семейнымъ счастіемъ, сохранилъ мнѣ и все то, что̀ въ прежней жизни моей было для меня самымъ драгоцѣннымъ: благоволеніе тѣхъ, кому принадлежало и вѣчно принадлежать будетъ сердце мое, теперь еще болѣе присвоенное имъ благодарностію; ибо безъ нихъ не отворилась бы для меня дверь въ тотъ пріютъ, въ которомъ мнѣ теперь, на послѣднихъ годахъ жизни, такъ радостно и беззаботно живется.

Мой пріѣздъ былъ неожиданною радостію для жены, которая не полагала увидѣть меня прежде новаго года. Моя дочка узнала меня и мнѣ обрадовалась; я нашелъ ее спящую въ своей колыбелкѣ; когда она проснулась и когда ее принесли ко мнѣ съ разгорѣвшимися отъ сна щеками, съ разбросанными длинными волосами и съ яркими голубыми глазками, то надобно было видѣть эту улыбку, которая выразилась на ея губкахъ и робкую, и радостную; она узнала что-то ей ужъ близкое, и передъ нею было что-то новое; она вдругъ и оторопѣла, и обрадовалась; но послѣднее чувство скоро взяло верхъ надъ первымъ, и моя малютка потянулась ко мнѣ на руки и, прижавшись ко мнѣ, начала меня своею крошечною рученкою трепать по плечу. Простите мнѣ эти подробности: Вамъ онѣ теперь не могутъ быть ни скучны, ни смѣшны; тоже Васъ ожидаетъ при возвращеніи Вашемъ домой.

Хочу здѣсь повторить Вашему Высочеству на письмѣ то, чтó изъяснилъ Вамъ словесно; это необходимо для моего совершеннаго успокоенія. При свиданіи моемъ съ Государемъ Императоромъ въ Берлинѣ я не имѣлъ времени порядочно объясниться съ Его Величествомъ на счетъ моего пребыванія за границею. Вотъ въ немногихъ словахъ содержаніе того, чтó я говорилъ Вамъ въ Дармштадтѣ.

Никому не можетъ придти на мысль, чтобы я жилъ за границею, потому что предпочитаю чужую землю отечеству; еще менѣе можно вообразить, чтобъ я имѣлъ намѣреніе навсегда внѣ отечества поселиться. Такое подозрѣніе на счетъ мой уничтожается всею моею прошедшею жизнію и всею теперешнею моею дѣятельностію: ибо я посвящаю свои послѣдніе годы перу. Но для кого же мнѣ писать, какъ не для Русскихъ? Кто станетъ меня читать въ остальной Европѣ? Но я *очутился за границею женатый*, потому что долженъ былъ *выѣхать* изъ Россіи для женитьбы; если бы *я женился въ Россіи*, то конечно бы не подумалъ и выѣзжать изъ нея.

Но, разъ очутившись за границею, я тамъ остался просто для того, чтобы посвятить первые годы своего семейнаго быта *вполнѣ* этой новой, тихой, счастливой жизни, до которой добился я на шестидесятомъ году моемъ, чтобъ провести эти годы безъ всякаго разсѣянія, внѣ всѣхъ отношеній свѣтскихъ. Этому роду жизни благопріятствовало мое пребываніе за границею. Въ Россіи я не могъ бы запереть себя въ стѣнахъ моего семейнаго дома; здѣсь это мнѣ вполнѣ возможно. Для этого было особенно удобно и пребываніе мое въ Дюссельдорфѣ, гдѣ съ Мая 1841 по конецъ 1843 я прожилъ совершеннымъ отшельникомъ, ограничивъ связи свои семействомъ жены и еще можетъ быть пятью или шестью человѣками, съ которыми видался рѣдко.

Если бы я попросилъ у Государя Императора позволенія продолжить этотъ родъ жизни на весь пятилѣтній закономъ установленный срокъ, то конечно, какъ и всѣ другіе, не получилъ бы отъ Его Величества на это отказа. Смѣю быть твердо увѣреннымъ, что въ этомъ родѣ жизни ничто не можетъ быть найдено предосудительнымъ. Мнѣ же, въ мои шестьдесятъ лѣтъ, весьма естественно любить покой домашній и хотѣть вполнѣ воспользоваться душеспасительнымъ счастіемъ семейнымъ, до сихъ поръ мнѣ чуждымъ и которымъ, быть можетъ, уже буду не долго пользоваться, ибо жизнь въ послѣдніе годы бѣжитъ подъ гору. Я же здѣсь устроился, и къ моему домашнему покою присоединяется еще и то, что здѣшняя жизнь мнѣ стоитъ не дорого въ экономическомъ отношеніи.

Но къ вышеозначеннымъ причинамъ присоединяются двѣ, которыя *пріятное* дѣлаютъ для меня *необходимымъ*. 1-я. *Разстройство здоровья жены послѣ родовъ*. Я полагаю святѣйшею обязанностію дождаться ея совершеннаго возстановленія прежде переѣзда въ Россію; первое, для того, чтобы разстроенное здоровье не разстроилось еще болѣе отъ нашего суроваго климата; второе, чтобы не подвергнуть себя необходимости снова покидать Россію для новаго лѣченія и для лучшаго климата, что̀ было бы для меня самою бѣдственною и разорительною необходимостію. Это разстройство здоровья жены рѣшило меня переселиться изъ Дюссельдорфа (гдѣ климатъ сырой и гдѣ нѣтъ докторовъ) во Франкфуртъ (гдѣ хочу ввѣрить жену попеченіямъ Коппа и откуда всѣ минеральныя воды близко); будущимъ лѣтомъ она вѣроятно будетъ должна опять пользоваться Эмскими водами. 2-я причина: *моя теперешняя работа*. Я принялся за переводъ Одиссеи. Этотъ трудъ, который вѣроятно будетъ послѣднимъ памятникомъ моей жизни и памятникомъ достойнымъ отечества (если совершится какъ должно), этотъ трудъ требуетъ свѣжихъ силъ, совершеннаго досуга и уединенія. Все это я здѣсь имѣю вполнѣ. Еще духъ бодръ, но уже откладывать не должно: съ каждымъ новымъ годомъ расходъ силъ душевныхъ становится ощутительнѣе. Возвратясь теперь въ Россію, я буду надолго оторванъ отъ работы, въ которую только что углубился; меня займутъ хлопоты объ устройствѣ домашняго моего быта; меня разсѣютъ надолго мои внѣшнія отношенія; здѣсь же я запертъ у себя и весь преданъ своей еще не совсѣмъ одряхлѣвшей Музѣ. Она еще свѣжая старушка, и прежняго огня осталось еще въ ней много; но если теперь разстанусь съ нею на годъ, то едва ли она мнѣ откликнется по прошествіи года; а если и откликнется, то уже гораздо слабѣйшимъ голосомъ: лишній годъ на плечахъ шестидесятилѣтней Музы

великое время. Черезъ годъ же или черезъ полтора привезу къ Вамъ (если Богъ позволитъ) и себя, и семью, и Гомера.

Но успѣшное окончаніе моего труда и самый этотъ трудъ могутъ быть для меня возможны только тогда, когда я буду совершенно спокоенъ духомъ; для этого же душевнаго спокойствія необходимо нужно мнѣ имѣть увѣренность, что на мнѣ не лежитъ неудовольствія Государя Императора. Его Величеству непріятно, когда наши Русскіе странствуютъ по чужимъ землямъ, покидая на долго отечество. Но я по вышесказаннымъ обстоятельствамъ могу быть выставленъ изъ ряду другихъ: я не странствую, я живу здѣсь болѣе уединенно нежели когда-нибудь, живу про себя, про свою семью, про свою работу. Притомъ же смѣю думать, что моя прошлая жизнь служитъ порукою за мою будущую и что шестидесятилѣтнему старику, осыпанному благотвореніями своего Государя, можно повѣрить на слово, что, гдѣ бы онъ ни былъ, онъ уже не измѣнится и останется вѣренъ тому, что́ неизмѣнно любилъ въ теченіе всей своей жизни. Прошу Ваше Высочество даровать мнѣ это необходимое душевное спокойствіе. Повторяю: я не имѣлъ времени и не умѣлъ объясниться съ Государемъ при свиданіи моемъ въ Берлинѣ съ Его Величествомъ. Вѣра въ его ко мнѣ благоволеніе есть мое драгоцѣннѣйшее благо; малѣйшее сомнѣніе о утратѣ его милости можетъ испортить для меня спокойствіе моей свѣтлой семейной жизни. Прошу Васъ избавить меня отъ этого жестокаго сомнѣнія, которое готово, какъ мечь Дамоклесовъ, повиснуть на тонкомъ волоскѣ надъ головою моею. Я съ Вами объяснился уже на словахъ, теперь на письмѣ; желалъ бы, чтобъ это мое объясненіе было, какъ оно есть, доведено Вами до моего всемилостивѣйшаго благотворителя. Если бы онъ удостоилъ прочитать это письмо мое, то конечно бы благоволилъ мнѣ дать свое соизволеніе, и тогда бы ясный покой навсегда водворился въ моемъ сердцѣ; старушка-Муза моя бы помолодѣла, и я бы могъ смѣло обѣщать Вамъ возвратиться на родину не съ одною женою и дочерью, но и съ пріемышемъ моимъ Гомеромъ.

Простите мнѣ мое длинное письмо. Теперь не прошу отъ Васъ отвѣта; но не полѣнитесь написать мнѣ строки двѣ, возвратясь въ Россію; также благоволите предувѣдомить меня, когда соберетесь опять въ Дармштадтъ, дабы я могъ согласить переселеніе мое во Франкфуртъ съ Вашимъ маршрутомъ.

Приказаніе Государыни Великой Княгини будетъ скоро исполнено; я уже просилъ директора здѣшней Академіи отобрать рисунки у живописцевъ; когда они будутъ въ моихъ рукахъ, то отправлю ихъ не медля въ Дармштадтъ на разсмотрѣніе Ея Высочества.

Жена съ дочерью, Рейтернъ и все его семейство приносятъ Вашему Высочеству свое глубочайшее почтеніе. Желаю Вамъ благополучнаго путешествія и радостной встрѣчи дома. Съ неизмѣнной любовію Вашъ

Жуковскій.

17 (29) Декабря 1843.
Дюссельдорфъ.

Перечитавъ письмо мое, нахожу, что оно непомѣрно длинно. Вотъ все въ двухъ словахъ: прошу всемилостивѣйшаго Государя Императора не лишить меня своего благоволенія за то, что хочу продолжить свое пребываніе за границею до совершеннаго исцѣленія жены моей и до окончанія съ полнымъ досугомъ начатаго мною перевода Одиссеи. Во всякомъ случаѣ, возвращусь гораздо прежде опредѣленнаго закономъ срока.

XLV.

Въ самый день новаго года пишу къ Вашему Императорскому Высочеству, чтобы отъ всей души принести Вамъ свое поздравленіе и словами выразить безпрестанное желаніе мое, чтобы Ваша милая мнѣ жизнь была осыпана благословеніями свыше на долгіе, долгіе годы. Прошу Васъ принести отъ меня мое всеподданнѣйшее поздравленіе Ихъ Императорскимъ Величествамъ. Надѣюсь, что Вы успѣли еще до новаго года прибыть въ Петербургъ и встрѣтили его вмѣстѣ со всѣмъ своимъ семействомъ и все дома нашли по сердцу и что Ваши два ангела весело выпрыгнули къ Вамъ на встрѣчу изъ своихъ колыбелей.

На сихъ дняхъ, по желанію Государыни Великой Княгини, отправляю къ Ея Высочеству въ Дармштадтъ цѣлый ящикъ съ рисунками здѣшнихъ живописцевъ; надѣюсь, что нѣкоторые будутъ ей угодны. Самъ же начинаю готовиться къ своему переселенію во Франкфуртъ, которое становится нужнымъ для здоровья жены и которое послѣдуетъ вѣроятно около Вашего возвращенія въ Дармштадтъ. Желалъ бы однако знать съ точностію, когда Ваше Высочество располагаетесь туда возвратиться.

Вмѣсто подарка на новый годъ хочу принести Вашему Высочеству просьбу, какой, можетъ быть, Вы и во снѣ бы отъ меня не ожидали. Вотъ какая эта просьба: не почитайте меня католикомъ. Съ

чего могла она придти мнѣ въ голову? спросите Вы. Вотъ съ чего. Черезъ Парижъ узналъ я, что въ Петербургѣ, и именно при дворѣ, ходятъ толки, будто я сдѣлался католикомъ. Это пишетъ въ Парижѣ дама, которая могла это слышать своими ушами. Извѣстіе такое меня разсмѣшило. Но хотя я и смѣло увѣренъ, что такіе сумасбродные толки не могутъ имѣть вліянія на мнѣніе обо мнѣ Государя Императора, все долженъ изъ этого заключить, что есть какой-нибудь тайный врагъ, который хочетъ мнѣ повредить, мнѣ, который ни къ кому вражды не имѣю. Прошу Васъ защитить меня противъ дѣйствій этой тайной вражды. Мы съ Вами были вмѣстѣ въ Римѣ; Вы сами видѣть могли, что я былъ довольно равнодушенъ къ папѣ; еще менѣе могу влюбиться въ него заочно. А безъ романической страсти къ папѣ нельзя сдѣлаться католикомъ. Но въ шестьдесятъ лѣтъ не могу уже бояться, чтобы подобная страсть овладѣла моимъ сердцемъ. Другими же доказательствами убѣждать Васъ вѣрить, что я не католикъ и не могу быть католикомъ, было бы для меня неприлично, а для Васъ смѣшно и скучно. И такъ dixi одинъ разъ на всегда.

Моя жена, дочь, Рейтернъ и все его семейство приносятъ Вашему Высочеству ихъ усерднѣйшія поздравленія. Повѣрьте, что ни въ какой семьѣ Русской не можетъ быть болѣе теплой любви къ Вамъ, болѣе благодарнаго благоговѣнія къ Царю и его дому, какъ въ моей. Сохрани Богъ Ваше и ихъ драгоцѣнное здоровье и счастіе.

Жуковскій.

1 (13) Генваря 1844.
Дюссельдорфъ.

XLVI.

Приношу Вашему Императорскому Высочеству сердечную благодарность за два письма. Въ одномъ Вы сообщаете мнѣ съ такою любезною заботливостію успокоительный для меня отзывъ Государя Императора на счетъ моей заграничной жизни; а во второмъ съ обыкновенною вамъ, а для меня трогательною, внимательностію поздравляете своего стараго педагога со днемъ его рожденія, хотя теперь такого рода поздравленіе напоминаетъ болѣе о гробѣ, нежели о колыбели. Переступивъ за пятьдесятъ лѣтъ, мы начинаемъ идти подъ гору, а подъ гору идется скорѣе; но все можно поздравлять со днемъ рожденія, даже и наканунѣ смерти, если только жизнь принять въ ея настоящемъ христіанскомъ смыслѣ. Въ теперешнихъ моихъ обстоятельствахъ она мнѣ и дороже, и святѣе, хотя я и ближе познакомил-

ся съ ея тревогами. Въ эту же минуту прошло по ней темное облако: у насъ въ семьѣ случилось неожиданное, для меня болѣзненное, несчастіе, о которомъ конечно уже и вы слышали. Старшая Воейкова [1]), милая, умная, добрая, вдругъ умерла въ ту минуту, какъ сбиралась ѣхать въ Петербургъ, за младшею сестрою [2]), которая теперь должна быть выпущена изъ института. Смерть для *живыхъ* есть зло. Жаль съ двухъ сторонъ: старшая потеряла въ ней своего товарища жизни, а младшая, начиная знакомиться съ свѣтомъ, на порогѣ этого свѣта, находитъ гробъ сестры; мрачное предзнаменованіе для будущаго. Достойна жалости ихъ бабушка [3]) которая, схоронивъ всѣхъ дѣтей, должна теперь подъ старость хоронить и внучекъ. Мнѣ это чувствительная потеря.

Къ 1 Апрѣля н. ст., то-есть въ Воскресенье на Страстной недѣлѣ, являюсь въ Дармштатдъ. Еще разъ Богъ приведетъ мнѣ говѣть вмѣстѣ съ Вами. Это меня весьма радуетъ. Жена приноситъ Вашему Высочеству глубочайшую благодарность за воспоминаніе объ ней, также и мой инвалидъ-тесть, который въ нынѣшнемъ году много работаетъ: у него подъ кистью теперь прекрасная картина, которая будетъ *классически-прекрасна*; но лѣвою рукою работать трудно, особливо большія картины.

Какъ весело, заключая письмо мое, сказать Вашему Высочеству: до свиданья!

Жуковскій.

7 Марта (24 Февраля) 1844.
Дюссельдорфъ.

Весною 1844 года Александръ Николаевичъ, снова пріѣхавшій въ Дармштадтъ (куда къ нему пріѣзжалъ Жуковскій) на пути оттуда довезъ Жуковскаго на своемъ пароходѣ въ Дюссельдорфъ, самъ отправился въ Гагу и на обратномъ пути посѣтилъ своего наставника въ Дюссельдорфѣ. П. Б.

[1]) Екатерина Александровна, скончавшаяся въ Москвѣ въ 1844 году П. Б.

[2]) Марьей Александровной, нынѣ графиней Бреверпъ-Делагарди. П. Б.

[3]) Екатерина Аѳанасьевна Протасова, проживавшая въ деревнѣ подъ Орломъ, съ зятемъ своимъ И. Ф. Моейеромъ и внукою (его дочерью), Екатериной Ивановной (нынѣ) Елагиной. П. Б.

XLVII.

1 (13) Апрѣля 1844.

Il n'y a pas de fête sans lendemain *), говоритъ пословица. Я радуюсь моимъ вчерашнимъ праздникомъ, который Вы, безцѣнный Великій Князь, дали мнѣ и моей семьѣ; радуюсь имъ нынче съ какимъ-то новымъ чувствомъ. Онъ быстро пролетѣлъ для меня, какъ сонъ, минутный, радостный сонъ, повторившій вдругъ всю мою прошлую жизнь съ Вами. Жаль мнѣ, что надобно покинуть этотъ маленькій Дюссельдорфскій домикъ, гдѣ я такъ мирно и счастливо провелъ три года и къ которому теперь приклеилось такое милое о Васъ воспоминаніе. Кто бы мнѣ сказалъ тогда въ Москвѣ, когда я въ первый разъ держалъ васъ на рукахъ, что когда-нибудь увижу васъ на берегу Рейна, держащаго на рукахъ дочь мою, родившуюся нѣсколькими недѣлями послѣ Вашей. Замѣчательно то, что моя малютка, которая вдругъ очутилась посреди множества незнакомыхъ ей лицъ и нѣсколько времени дичилась, только объ Васъ сохранила воспоминаніе и на своемъ языкѣ отвѣчаетъ, когда спросятъ ее: *кто тебя вчера держалъ на рукахъ*? Бай Mann. Бай—на ея діалектѣ есть похвала. Великое, великое для меня счастіе, что Вы своими глазами видѣли минутный обращикъ теперешней моей жизни, по которому можете судить о полномъ ея содержаніи. Не разнообразно, просто, тѣсно, но хорошо и вполнѣ удовлетворительно. Лицо жены моей есть чистое изображеніе ея характера, ума и ея вліянія на мою жизнь; моя дочка есть прекрасное ея дополненіе и, если Богъ ее благоволитъ намъ сохранить, то она будетъ не только радостью, но и освященіемъ будущей здѣшней жизни. Прибавьте къ этому прелесть поэтическаго занятія, къ которому возвратился я съ несказаннымъ наслажденіемъ: дѣятельность по сердцу, вдохновенныя уединенныя бесѣды съ геніемъ Гомера и гармоническій голосъ его Музы, слитый часто съ звонкимъ голомъ малютки-дочери; наконецъ, чтобы все выразить въ немногихъ словахъ, повторю здѣсь сказанное Вамъ вчера при прощаньи: благодарю Васъ за то, что Вы были для меня въ *прошедшемъ*, благодарю Васъ за мое мирное, счастливое *настоящее*, которое все вы видѣли теперь своими глазами въ лицѣ моей жены и моей дочери; благодарю напередъ васъ и за *будущее*, за то, что́ конечно Вы для меня всегда будете, для меня и

* Не бываетъ праздника безъ завтрашняго дня. П. Б.

особенно для нихъ: ибо, слѣдуя порядку вещей, мнѣ надобно будетъ задолго до Васъ и до нихъ покинуть здѣшнюю общую съ Вами и съ ними дорогу. Примите еще разъ особенную благодарность за вчерашній счастливый день, который останется навсегда свѣтлымъ эпизодомъ моей жизни и свѣтлымъ воспоминаніемъ въ семьѣ моей. Жена говоритъ, что ей жаль теперь разстаться съ здѣшнимъ нашимъ домомъ; но дѣлать нечего: оставить его должно. Она съ глубокимъ чувствомъ благодаритъ Васъ за то, какимъ Вы себя явили намъ въ эти немногія счастливыя минуты, то-есть она благодаритъ Васъ за то, что Вы есть и всегда будете. У моей малютки, къ несчастію, память еще коротка, и *бай Мапп* скоро изгладится изъ ея воспоминанія; но она научится отъ отца и матери его любить и знать, и они сберегутъ для нея это преданіе ея младенчества. Мое письмо застанетъ васъ на отъѣздѣ въ Петербургъ. Благослови Богъ Вашъ путь и Ваше возвращеніе полною радостію свиданія. Когда будете описывать Государю и Императрицѣ Ваше посѣщеніе Дюссельдорфа, то поцѣлуйте ихъ милостивую руку за то счастіе, которое они такъ благотворно черезъ Васъ устроили. Простите. Богъ да сохранитъ васъ и Великую Княгиню, у которой съ сердечной привязанностію цѣлую руку вмѣстѣ съ Вашею.

Жуковскій.

XLVIII.

Въ недоумѣніи, которое сильно тревожитъ меня, я нахожу, что мнѣ всего лучше обратиться прямо къ Вашему Высочеству, чтобы узнать что-нибудь вѣрное. Я увѣренъ, что Вы не откажете мнѣ въ милости написать ко мнѣ немедленно нѣсколько строкъ или хотя заставите кого-нибудь написать ихъ отъ Вашего имени. Вотъ уже вторая недѣля, какъ я переселился со всѣмъ моимъ семействомъ во Франкфуртъ. При переѣздѣ сюда я полагалъ здѣсь прожить только недѣлю и тотчасъ по полученіи извѣстія о прибытіи Государыни Императрицы ѣхать въ Берлинъ. Пріѣхавъ же во Франкфуртъ, узнаю о путешествіи Государя въ Лондонъ и его намѣреніи ѣхать въ Киссингенъ, что̀ дало мнѣ надежду увидѣть Его Величество на проѣздѣ черезъ Франкфуртъ или Майнцъ. Теперь все перемѣнилось, и всѣ эти надежды рухнули. Отъѣздъ Государыни изъ Петербурга отложенъ; другіе же говорятъ, совсѣмъ отмѣненъ; а Государь, говорятъ, прямо изъ

Англіи возвращается въ Петербургъ и не будетъ уже въ Киссингенѣ. Всей этой перемѣнѣ причиною болѣзнь Великой Княгини Александры Николаевны, и все, что̀ говорятъ объ этой болѣзни, приводитъ въ великое безпокойство. А какъ изъ него выйдти? Какъ узнать настоящую правду? Слухи обыкновенно все преувеличиваютъ: это нѣсколько утѣшаетъ. Не менѣе того страхъ беретъ, и всему худому поневолѣ вѣришь, и нѣтъ никакой причины сказать себѣ, что то, чему вѣришь, несбыточно. Прошу Ваше Высочество оказать мнѣ истинное благодѣяніе и написать или велѣть написать мнѣ всю правду. Если эта правда, отъ чего сохрани насъ Боже, будетъ печальная, тоя конечно сохраню это въ тайнѣ. Но я не дѣлаю Вамъ никакихъ вопросовъ, ибо мнѣ страшно и грустно ихъ Вамъ дѣлать. Буду ждать съ лихорадкою нетерпѣнія того, что̀ вы мнѣ напишите; а до тѣхъ поръ не стану вѣрить слухамъ и даже буду избѣгать новостей иногда столь безжалостно обманчивыхъ. Ваше письмо выведетъ меня изъ недоумѣнія. О, дай Богъ, дай Богъ, чтобы оно принесло мнѣ радость, а не горе. Мы всѣ подъ рукою Божіею; да сохранитъ она Васъ и ихъ всѣхъ, которыхъ счастіе намъ такъ драгоцѣнно.

Два слова о себѣ. Я думалъ, что, по пріѣздѣ во Франкфуртъ, отвезу жену въ Эмсъ; но и здѣсь иное: въ теперешнемъ ея *положеніи* Эмсомъ ей пользоваться нельзя. Между тѣмъ ея болѣзнь въ боку продолжается, и это меня сильно тревожитъ. Но и на это все тотъ же отвѣтъ: мы всѣ подъ рукою Божіею.

Прошу Васъ не замедлить отвѣтомъ. Это будетъ для меня новымъ отъ Васъ благодѣяніемъ. Божія милость съ Вами и съ Вашимъ семействомъ.

Жуковскій.

29 Мая (10 Іюня) 1844.
Франкфуртъ на Майнѣ.

XLIX.

Болѣе мѣсяца какъ я писалъ къ Вашему Императорскому Высочеству, но еще не получилъ отвѣта и не могу на это жаловаться мнѣ слишкомъ горестнымъ образомъ понятно, въ какомъ Вы теперь положеніи; Вамъ теперь не до меня. Мы здѣсь совсѣмъ безъ извѣстій и это незнаніе несказанно-тягостно; изъ Бадена только было письмо отъ Вьельгорскаго болѣе утѣшительное, нежели общіе слухи, но вновь уже давно ничего нѣтъ. Теперь я долженъ заниматься устройствомъ своего Франкфуртскаго жилища, гдѣ надѣялся провести нѣсколько времени въ беззаботной тишинѣ семейной, послѣ поѣздки въ Берлинъ, гдѣ думалъ увидать Государыню; но все испорчено, ни къ чему не лежитъ сердце; что́ бы ни занимало его, всякую минуту судорожная боль его сжимаетъ, мечъ Дамоклесовъ надъ головою; безпрестанно переносишься мыслію къ Вамъ, и воображеніе въ страхѣ, а Ваше молчаніе какъ будто подтверждаетъ этотъ страхъ: если бы было что утѣшительное сказать, Вы бы не замедлили написать ко мнѣ.

Нынѣ день рожденія нашей несравненной Императрицы. Я не смѣю писать къ ней лично, но всякую минуту повторяю внутренно: благослови и подкрѣпи Богъ ее и страждущую душу Государя! Въ минуты испытанія, то-есть въ такія минуты, когда Богъ лицемъ къ лицу говоритъ съ нашею душею, кроткая и твердая душа Императрицы является во всемъ своемъ свѣтѣ; этому я бывалъ свидѣтелемъ. Эта душа всегда готова и достойна вступить въ разговоръ *лицемъ къ лицу* съ своимъ Создателемъ и Спасителемъ, и никакое человѣческое ободрительное или утѣшительное слово не можетъ выразить того, что́ она способна услышать въ продолженіе такого божественнаго разговора. Теперь настала минута испытанія, и что́ теперь ей скажетъ Самъ Богъ, то прольетъ въ душу ея свѣтъ истины, миръ смиренія, мужество покорности. При мысли о ея страданіи благоговѣешь, но словъ на языкѣ нѣтъ, и молча передаешь ее въ волю Бога. Да будетъ эта святая воля надъ всѣми нами. Въ ней изъясненіе всего земнаго и радостнаго, и горестнаго.

Простите; цѣлую Вашу милую руку. Нѣсколько словъ отъ Васъ или объ Васъ отъ Олсуфьева были бы мнѣ великою отрадою.

Жуковскій.

1 (13) Іюля 1844.
Франкфуртъ на Майнѣ.

Въ это время кончала жизнь Великая Княгиня Александра Николаевна.

П. Б.

L.

То, чего давно съ трепетомъ ожидали, наконецъ свершилось; но оно поразило душу какъ неожиданное. Все казалось, несмотря на неизбѣжность очевидную, что эта чаша еще можетъ пройти мимо. Подкрѣпи Богъ душу отца и матери! Мысль о нихъ безпрестанно отзывается въ сердцѣ. Не могу сказать Вашему Высочеству, какъ мнѣ грустно быть въ сторонѣ тогда, какъ первое несчастіе семейное посѣтило домъ царскій, гдѣ въ свое время я со всѣми Вами дѣлилъ однѣ только радости. Тоской по отчизнѣ наполнилось сердце, когда мнѣ разсказаны были немногія здѣсь извѣстныя подробности кончины нашей ангельской Великой Княгини, и ничто бы меня здѣсь теперь не удержало, если бы я былъ одинъ, если бы положеніе жены моей не лишало насъ всякой возможности тронуться съ мѣста. Но отдаленіе въ такія минуты можно назвать несчастіемъ. Какъ многое тревожитъ! Какъ многое необходимо знать! И нѣтъ никакого способа успокоить свою тревогу. Что̀ Государь? Что̀ Государыня? Теперь только, послѣ мучительныхъ заботъ, которыя наполняли всѣ минуты, пока продолжалась болѣзнь, а съ нею и надежда на спасеніе, наступили минуты покойнаго, безнадежнаго убѣжденія, что все кончилось. Боюсь этихъ минутъ для родительскаго сердца; конечно, когда оно перейдетъ черезъ нихъ, когда вознесется на высоту человѣческаго страданія, то съ этой высоты откроется глазамъ иной горизонтъ. Въ каждой земной утратѣ слышится намъ голосъ: *Пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Азъ упокою Вы!* Счастлива душа, способная слышать этотъ призывъ; а всякая печаль есть не иное что какъ путь, по которому медленнѣе или скорѣе мы доходимъ къ этому призывающему Успокоителю. А здѣсь столько умиляющаго, усмиряющаго вѣрующую душу. Кого отпустили мы въ лучшую жизнь? Чистаго ангела, достойнаго всѣхъ ея радостей. И какъ будто въ награду за страданія, перенесенныя такъ смиренно въ продолженіи тяжкой болѣзни, Богъ обратилъ ея послѣднія минуты въ радость матери; она слышала голосъ этого младенца, и душа сына, котораго здѣсь она въ лице не видала, первая встрѣтила ее на порогѣ той жизни—два товарища неразлучные на цѣлую вѣчность, равно чистые: одна *непорочной* жизнію, другой *незнаніемъ* здѣшней жизни, въ которой только успѣлъ получить право на вѣчную, не испытавъ никакихъ здѣшнихъ превратностей и искушеній. Все это трогаетъ и возвышаетъ сердце. *Земная* сторона этого событія представляетъ во всей разительности ничтож-

ность земныхъ благъ и упованій. Чтó бы сказалъ какой-нибудь Боссюэтъ, смотря съ одной стороны на гробъ, въ которомъ столько прелести вдругъ затворилось, а съ другой на сокрушеніе отца и матери съ цѣлымъ народомъ и на несчастнаго вдовца, который долженъ теперь возвратиться въ свою землю съ однимъ только гробомъ минутнáго своего сына. Но сторона *небесная* этой утраты возноситъ душу. Эта ангельская кончина, эта вѣрность вѣчныхъ радостей не слишкомъ дорогою цѣною купленныхъ, это свѣтлое вѣчное товарищество двухъ родныхъ душъ, эта неразлучность со своими и на землѣ, наконецъ самая эта скорбь родительская, отозвавшаяся во всѣхъ сердцахъ семьи народной и обращающаяся въ благословеніе Богу,—чтó передъ этимъ все остальное? Государь въ несравненномъ своемъ письмѣ, написанномъ въ кипѣніи первой скорби, выразилъ всю тайну этой высокой скорби. Не одни небесныя утѣшенія для него существуютъ; для него много и земныхъ, столь же вѣрныхъ, какъ тѣ. А она между тѣмъ блаженствуетъ, и навсегда.

Не могу надѣяться, чтобы Ваше Высочество нашли время написать мнѣ и сообщить подробности кончины Великой Княгини, которыя всѣ для меня драгоцѣнны; если Вамъ нѣтъ возможности подарить меня письмомъ, то сдѣлайте мнѣ другой подарокъ Я этого подарка хотѣлъ просить у нея самой, но не успѣлъ: она вѣрно бы мнѣ не отказала. За посвященіе ей моей поэмы «Наль и Дамаянти», я хотѣлъ просить ее прислать мнѣ маленькую копію акварелью, сдѣланную Гау съ ея портрета. Теперь мнѣ чрезвычайно грустно, что я этого сдѣлать не успѣлъ. Не можете ли Ваше Высочество дать мнѣ эту копію? Для меня было бы весьма дорого получить ее отъ Васъ, а Вамъ ее мнѣ дать весьма легко: стоитъ только захотѣть и сказать одно слово. Я и надѣюсь отъ Васъ этой милости.

Здѣсь говорятъ о поѣздкѣ Государыни Императрицы въ Берлинъ и даже въ Италію. Есть ли чтò справедливое въ этихъ слухахъ? Но я дѣлаю Вашему Высочеству вопросы, какъ будто вызывая Васъ на отвѣтъ. Никакъ не хочу Васъ теперь этимъ тревожить. Поручите опять Олсуфьеву или Толстому написать ко мнѣ. Особенно прошу подробностей о состояніи здоровья Вашего и Великой Княгини.

Да будетъ надъ Вами всѣми покровительство Божіе!

Жуковскій.

14 (26) Августа 1844.
Франкфуртъ на Майнѣ.

LI.

Нынѣшній разъ Вы печально будете праздновать день Вашего ангела; приношу Вамъ не поздравленіе, а нѣжное сочувствіе любящаго Васъ сердца. Конечно въ нынѣшній день Вы строже взглянете на жизнь, въ которой все здѣшнему міру только принадлежащее такъ невѣрно, такъ скоро исчезаетъ, но которая все-таки есть богатая почва для безсмертія. Самые краснорѣчивые наши учители въ жизни суть наши сердечныя утраты: онѣ даютъ намъ истинную цѣну того, чтó истинно наше; но онѣ не отымаютъ у жизни ея достоинства, напротивъ, возвышаютъ его, научая насъ отъ призрака отдѣлять существенное. Помоги Вамъ Богъ успѣть въ этой наукѣ: она нужна Вамъ на великой, но трудной вашей дорогѣ.

Я смѣю думать, что въ нынѣшній день Вы обо мнѣ съ Вашею милою дружбою вспомните; а эти строки пускай Вамъ скажутъ, что я нынѣшній день особенно передъ другими прошу Вамъ отъ Бога достойнаго Васъ счастія. Это чувство раздѣляется всѣмъ моимъ семействомъ, которое васъ любитъ и благословляетъ. Всѣ мы цѣлуемъ милую руку Государыни Великой Княгини.

Жуковскій.

30 Августа 1844.
Франкфуртъ на Майнѣ.

LII.

Отъ всего сердца приношу Вашему Императорскому Высочеству благодарность за письмо Ваше, котораго чтеніе было трогательно и умилительно для меня и для всего моего семейства. На берегу Майна (который, какъ Лѣта, благодатная рѣка забвенія, отдѣляетъ насъ отъ Франкфурта многошумнаго), мы составляемъ особенную колонію, гдѣ каждый съ особенною нѣжностію васъ любитъ. Чтеніе Вашихъ писемъ составляетъ для насъ отъ времени до времени семейный праздникъ, въ которомъ, разумѣется, я бываю корифеемъ.

Особенно благодарю Васъ за увѣдомленіе о здоровьѣ Государя Императора и Императрицы: помоги имъ Богъ вынести тяжелый крестъ, Имъ на нихъ положенный. Извѣстіе, что ихъ здоровье не потерпѣло отъ послѣдняго удара, всѣхъ насъ утѣшило и ободрило.

Недѣли двѣ тому назадъ я былъ въ Румпенгеймѣ, о которомъ Вы говорили мнѣ во время пребыванія Вашего въ Дармштадтѣ, обѣщая мнѣ тамъ веселое свиданіе. Я былъ тамъ на свиданіи, но съ маленькимъ гробомъ, который вдругъ изъ далекой земли, переплывши море, здѣсь очутился и который такъ разительно выразилъ для меня всю ненадежность земнаго. Мнѣ хотѣлось навѣстить эти останки минутнаго младенца, которые такъ одиноко, такъ далеко отъ останковъ матери скрыты въ землѣ, тогда какъ живыя души матери и сына такъ радостно вмѣстѣ. Румпенгеймъ (который конечно видѣли и Вы съ дороги, проѣзжая изъ Ганау во Франкфуртъ) есть маленькій за̀мокъ съ маленькими тѣсными горницами весьма просто убранными. Подлѣ церкви, также весьма простой, находится маленькая часовня, заключающая гробницы Гессенскихъ ландграфовъ. Между большими гробами стоитъ этотъ маленькій гробъ съ именемъ Вильгельма, родившагося и умершаго въ одинъ и тотъ же часъ въ Царскомъ Селѣ. Я хотѣлъ видѣть горницы, приготовленныя для его матери; я видѣлъ въ нижнемъ этажѣ замка четыре маленькія горницы, въ которыхъ была бы и прихожая, и два кабинета и спальню. Видъ изъ оконъ однообразно пріятный, передъ окнами простая земляная терраса, подъ террасой течетъ Майнъ въ ровень съ зелеными берегами, по тихой поверхности его плывутъ суда, иногда ее буровятъ пароходы; за Майномъ широкая равнина, ограниченная рощами, изъ-за которыхъ вправѣ видѣнъ Ганау, а влѣвѣ свѣтлоголубой пирамидой подымается Таунусъ. Странное чувство пробуждается въ душѣ, когда посѣщаешь такое мѣсто, въ которомъ *не жилъ* нашъ милый знакомый умершій, а *жилъ бы*. Его слѣдовъ тамъ нѣтъ, ничто не напоминаетъ о его *прошедшей* жизни, а скорѣе представляется душѣ какъ будто *воспоминаніе о его будущемъ*, которое здѣсь уже никогда не совершится; думаешь не о томъ, что̀ здѣсь съ нимъ было, а о томъ, что̀ могло бы быть, еслибъ онъ самъ былъ на свѣтѣ. Здѣсь менѣе представляется мысль о его *утратѣ* (которая живо пробуждается въ душѣ, когда бываешь самъ, гдѣ бывалъ *съ нимъ вмѣстѣ*), напротивъ, болѣе думаешь о томъ, что земныя превратности для него миновались, что онъ въ лучшемъ мѣстѣ, нежели здѣсь, гдѣ *могъ бы* встрѣтить много печалей житейскихъ. Вспоминая о нашихъ милыхъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ мы ихъ видали, гдѣ они жили, мы вспоминаемъ о нихъ самихъ и о жизни ихъ, въ которой все намъ извѣстно и которую мы можемъ вполнѣ оцѣнить, не пугаясь ничѣмъ неизвѣстнымъ и возможнымъ; напротивъ, пришедъ на такое мѣсто, гдѣ они *могли бы жить*, мы, вспоминая объ нихъ, *воображаемъ* жизнь ихъ намъ *неизвѣстную*, со всѣми ея возможностями, и тогда мысль о ихъ теперешней вѣр-

ной, свѣтлой, неизмѣнной ничѣмъ жизни беретъ верхъ надъ чувствомъ ихъ утраты и проливаетъ на нее свѣтъ утѣшительный.

Вотъ что̀ пришло мнѣ въ мысли, когда я стоялъ на террасѣ Румпенгеймскаго замка. Что́ бы *она* нашла здѣсь, не знаю; но что́ *она* нашла теперь, то лучше всего на землѣ возможнаго. Прилагаю здѣсь для васъ абрисъ церкви Румпенгеймской, близъ которой въ кустахъ видна и часовня.

На сихъ дняхъ отправится (а можетъ быть уже отправился) къ Вашему Высочеству ящикъ съ двумя портретами. Одинъ портретъ отца—желали имѣть Вы сами; а другой, портретъ дочери—есть приношеніе отъ самаго отца Великой Княгинѣ; это самый тотъ, который такъ понравился Ея Высочеству въ Дармштадтѣ. Поручаю оригиналъ этого портрета Вашей любви и Вашему покровительству. Онъ, по обыкновенному порядку вещей, долго долженъ остаться на семъ свѣтѣ, послѣ того, какъ оригиналъ другаго портрета уйдетъ изъ свѣта. Живой, этотъ послѣдній былъ свидѣтелемъ веселыхъ дней Вашей жизни, дней младенчества непорочнаго и юношества прекраснаго. Мертвый, пусть будетъ онъ нѣмымъ свидѣтелемъ доброй жизни, достойной Вашего высокаго званія.

Жена моя приноситъ Вашему Высочеству сердечную благодарность за милостивое о ней воспоминаніе. Она не больна, но съ нѣкотораго времени должна много лежать, даже не покидать постели по обстоятельствамъ ея теперешняго положенія, требующимъ большой осторожности.

Прошу Ваше Высочество принести наше глубочайшее почтеніе Государынѣ Великой Княгинѣ.

Жуковскій.

11 (23) Октября 1844.
Франкфуртъ на Майнѣ.

LIII.

Обращаюсь къ Вашему Императорскому Высочеству съ просьбою. Вотъ въ чемъ она состоитъ. Недѣли черезъ три или четыре будетъ у меня или сынъ, или дочь. Если будетъ *сынъ*, то могу ли надѣяться, что Вы благоволите быть его крестнымъ отцомъ? Отвѣчайте на это просто *да* или только двѣ строки напишите: Вамъ много писать некогда. Долженъ однако предупредить Васъ, что я не могу назвать моего сына драгоцѣнными для меня именами Николая и Александра. Посвящая земную жизнь его Вамъ, какъ отцу крестному, я обѣщался ввѣрить, въ особенности, его духовную жизнь покровительству того, кто и отцу, и матери много уже открылъ истинныхъ благъ, именно апостолу Павлу, величайшему изъ учителей христіанскихъ: крестникъ Вашъ назовется Павломъ. Но если будетъ у меня опять дочь, то я желалъ бы просить Государыню Императрицу быть ея воспріемницею; но на этотъ счетъ нахожусь въ большомъ затрудненіи. Передъ рожденіемъ моей Саши я просилъ этой милости у Ея Величества и не получилъ на письмо мое *никакого отвѣта* и, не смѣя безъ ея соизволенія назвать ее крестною матерью моей дочери, удовольствовался только тѣмъ, что далъ ей имя Александры, мнѣ несказанно милое. Теперь я въ великомъ недоумѣніи: если Государыня *не отвѣчала* на письмо мое, получивъ его, то мнѣ никакъ не должно повторять просьбы, на которую не дано мнѣ было согласія. Если же я не получилъ *отвѣта* на письмо мое только потому, что оно *не дошло до Ея Величества*, то, не написавъ къ ней теперь, самъ произвольно лишу себя того счастія, которое имѣть мнѣ такъ дорого. Не можете ли, Ваше Высочество, вывести меня изъ этого затруднительнаго положенія? Не можете ли Вы быть моимъ ходатаемъ передъ Государынею Императрицею? Вы объясните ей, *почему* я самъ лично не могу позволить себѣ обезпокоить Ея Величество письмомъ моимъ. Но мой младенецъ можетъ явиться на свѣтъ, прежде нежели придетъ ко мнѣ отвѣтъ Вашего Высочества. Въ такомъ случаѣ, если то будетъ сынъ, я осмѣлюсь, и *не дожидаясь* письма Вашего, провозгласить Васъ крестнымъ отцомъ его, ибо уже за два года передъ симъ получилъ на то Ваше согласіе. Если же родится дочь и если состояніе здоровья ея будетъ таково, что можно будетъ ждать, то отложу крестины до отвѣта Вашего отъ имени Государыни Императрицы. Двѣ только строчки, не болѣе, но немедленно; хотя заставьте написать Олсуфьева.

Простите мнѣ длинное письмо мое. Пишу Вамъ, какъ пишется, и это чувство полной свободы сердца при Васъ, и на лицо, и въ отсутствіи, усиливается во мнѣ со временемъ и лѣтами. Оставьте меня быть съ Вами на-распашку: и Вашему сердцу это нужно. На сихъ дняхъ получили мы письмо отъ Александра Рейтерна, Вашего кирасира. Это гимнъ молодой души, кипящей благодарностію и энтузіазмомъ. Вы его къ себѣ призывали и говорили съ нимъ. Вижу Васъ отсюда съ благородною Вашею осанкою и съ простосердечіемъ благоволенія. А что̀ произвели Ваши немногія слова (и поклонъ, посланный сестрѣ), и послѣ увѣдомленіе, при встрѣчѣ на дорогѣ, что есть отъ меня къ Вамъ письмо, то живо трепещетъ въ письмѣ сына къ отцу, письмѣ, читанномъ въ кругу семейства съ благословеніями Цареву Наслѣднику, который такъ умѣетъ притягивать къ себѣ души своею прекрасною душою. Я бы желалъ, чтобы всѣ письма Рейтерна къ его семейству были Вамъ извѣстны: Вы бы узнали крѣпкую, высокую душу; въ немъ много качествъ отца, а отецъ его одинъ изъ лучшихъ людей на свѣтѣ. Ваше чутье угадало его. Сохраните свято эту врожденную Вамъ привлекательность: она есть истинно-царское качество. Если бы знали всегда земные цари, сколько могущества заключается въ благоволеніи, въ ласковомъ взглядѣ и словѣ и особенно въ уваженіи, оказываемомъ въ лицѣ каждаго достоинству человѣка; если бы знали это *безпрестанно* и въ тоже время, какъ это *легко* и какъ недостойно для могущества вселять только страхъ и трепетъ; если бы все это помнили во всякій часъ и во всякое время: какая бы непобѣдимая армія изъ любви и вѣрности около Васъ сомкнулась! Но Вамъ это *знаніе* вложено въ душу безъ Вашего вѣдома Создателемъ души Вашей; оно у Васъ всегда и будетъ. Благодарите Создателя и храните даръ Его.

Жуковскій.

На письмѣ не означено числа и года. Оно должно относиться къ исходу 1844 года, такъ какъ 1 Января 1845 г. родился у Жуковскаго сынъ Павелъ Васильевичъ. П. Б.

LIV.

Могу только принести мою сердечную благодарность за Ваше послѣднее письмо, которое, какъ и всякое Ваше письмо, порадовало мнѣ душу, и присоединить обыкновенное поздравленіе съ новымъ годомъ. Я давно хочу написать большое письмо къ Вашему Высочеству, и все не могу. Вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ боленъ и не покидаю горницы. Это весьма не кстати въ теперешнихъ моихъ обстоятельствахъ. А было со мною что-то похожее на то˙ что́ меня уже два раза выгоняло изъ Россіи больнаго. Теперь не столь сильно; но я осужденъ еще пролѣчиться недѣль пять. Болѣзнь моя началась въ самый тотъ день, какъ мнѣ надлежало ѣхать въ Дармштадтъ обѣдать. Этому уже будетъ недѣль пять, и съ тѣхъ поръ я ни съ мѣста. Между тѣмъ жду съ часу на часъ гостя или гостью. Вчера подала примѣръ женѣ моей княгиня Суворова, у которой родилась дочь. Дай Богъ мнѣ сына, чтобъ былъ Вашимъ крестникомъ; но если будетъ дочь, не менѣе радъ буду.

Жуковскій.

1 (13) Генваря 1845.

LV.

Очень сожалѣю, что вчера, желая принести Вашему Императорскому Высочеству наше поздравленіе *въ самый первый* день года, я поспѣшилъ отправить свое письмо на почту: еслибъ оно подождало до шести часовъ съ половиною вечера, то не только я съ женою и дочерью, но съ нами и новорожденный сынъ нашъ Павелъ поздравилъ бы Васъ съ новымъ годомъ. Онъ конечно поздравилъ бы Васъ однимъ только пискомъ и какимъ-то мурлыканьемъ; но я знаю *смыслъ* этого писка и мурлыканья. Двѣ будутъ мои заботы о немъ: 1-я, сдѣлать его, покорностію Богу, достойнымъ даннаго ему имени; 2-я, научить его быть вполнѣ моимъ наслѣдникомъ въ вѣрности и любви къ Царю и его семейству, которыми все мое такъ облагодѣтельствовано въ здѣшней жизни. А Васъ прошу начать Ваши благотворенія Вашему крестнику, положивъ его отъ себя и отъ меня къ стопамъ его Государя и совершивъ такимъ образомъ его посвященіе на всю здѣшнюю жизнь. Испросите ему отъ Государыни Императрицы того же благо-

воленія, которое такъ благотворно дѣйствовало на душу его отца въ продолженіе главной половины его жизни. Повергаю его въ особенную милость Государыни Цесаревны. Будьте его милостивымъ предстателемъ передъ всѣмъ Вашимъ семействомъ, гдѣ все мнѣ такъ мило и дорого. Но сердце въ груди поворачивается отъ умиленія, когда подумаю, что все это говорю *Вамъ о моемъ сынѣ*. Да будетъ благословеніе Божіе надъ Вами и надъ Вашими!

Жуковскій.

2 (14) Генваря 1845.

LVI.

Что теперь дѣлается вокругъ Васъ? Съ величайшимъ безпокойствомъ ожидаю извѣстій. Боже мой! Съ какимъ ужаснымъ сходствомъ всѣхъ обстоятельствъ тоже бѣдствіе [1]) и такъ скоро вслѣдъ за первымъ [2]) повторилось въ семействѣ царскомъ! Что̀ Великая Княгиня [3])? Страшусь за нѣжное сердце отца [4]), чтобы этотъ ударъ не раздробилъ его. Страшусь за всѣхъ. Государь, говорятъ, нездоровъ; Государыня Императрица слаба и безпрестанно слабѣетъ. Какое время! Сколько вдругъ испытаній! Принимая эти горестныя испытанія, какъ должно Христіанину, будьте Вы, безцѣнный Великій Князь, тверды духомъ посреди Вашего начинающагося благословеннаго семейства; глядите на все съ участіемъ любящаго сердца, но съ высоты вѣры; будьте бодры и давайте бодрость другимъ. О, да будетъ эта смерть послѣднею, и да водворится покой въ страждущія сердца покорностію волѣ Божіей!

И въ это время, когда новая жестокая печаль посѣщаетъ семейство моего благотворителя Государя, я долженъ извѣщать Ваше Высочество о томъ, что̀ у меня радостнаго происходитъ въ семействѣ: новое доказательство, что въ здѣшней жизни всякое счастіе идетъ рука въ руку съ утратою и что мы не должны забываться посреди нашихъ земныхъ сокровищъ. 29-го Генваря, въ самый день моего рожденія, былъ окрещенъ мой сынъ. Вы отсутственно присутствовали, какъ отецъ крестный, при совершеніи таинства; видимымъ же Вашимъ

---

[1]) Т.-е. кончина великой княжны Елисаветы Михайловны, 16 Января 1845 года.

[2]) Кончина великой княжны Александры Николаевны 29 Іюля 1844 года.

[3]) Елена Павловна.

[4]) Михаила Павловича.

представителемъ для принятія младенца отъ купели былъ Суворовъ. Воспріемницею была (также въ отсутствіи) Екатерина Аѳанасьевна Протасова, которая имѣетъ счастіе быть Вашему Высочеству извѣстна лично, бабушка Воейковыхъ. Ваше Высочество знаете, для чего я выбралъ сыну моему имя Павла. Имя—великое дѣло, если только издѣтства познакомишься съ его знаменованіемъ и, такъ сказать, свыкнешься съ мыслію, что своею жизнію мы должны соотвѣтствовать своему имени, какъ книга соотвѣтствуетъ своимъ содержаніемъ своему титулу. А какое имя значительнѣе имени великаго Апостола, своимъ паденіемъ возвеличеннаго и смертію запечатлѣвшаго свою любовь и вѣру? Съ *его горнимъ* покровительствомъ пускай соединится *Ваше земное*: будьте моему сыну тѣмъ же, чѣмъ Вы были, есть и конечно всегда будете, мнѣ самому. Дай Богъ, чтобы ему досталось еще много цвѣтущихъ лѣтъ жизни посвятить на службу Царя, которому отецъ его обязанъ всѣми земными своими благами, и чтобы потомъ онъ былъ вѣрнымъ слугою Вамъ и Вашимъ дѣтямъ, чтобы онъ положилъ жизнь за любовь свою и вѣру, твердый въ вѣрности трону и отечеству, наслѣдникъ отца своего въ любви и благодарности къ царскому семейству.

То, что́ остается мнѣ сказать Вашему Высочеству, могло бы привести меня въ затрудненіе; но я приступаю къ этому предмету съ легкимъ сердцемъ, ибо считаю святою обязанностію и передъ семействомъ своимъ, и передъ Вами быть съ Вами откровеннымъ. Давно уже это лежитъ у меня на сердцѣ; то, что̀ скажу Вамъ теперь, услышали бы Вы отъ меня послѣ моей смерти, и я уже приготовилъ было свое письмо къ Вамъ изъ-за могилы. Но рожденіе сына и болѣзнь, которая продолжается болѣе шести недѣль, заставили меня о многомъ подумать, и я рѣшился *за-живо* кончить самъ то дѣло, которое хотѣлъ было поручить своей смерти. Вашимъ нѣжнымъ обо мнѣ заботамъ былъ я обязанъ возможностію пріобрѣсть для себя семейное счастіе и пользоваться имъ съ смиреннымъ довольствомъ. Мои обстоятельства, благодаря милости царской и Вамъ, таковы, что мнѣ для себя ничего желать не остается; молю Бога объ одномъ, чтобы Онъ благоволилъ сохранить намъ то, чѣмъ такъ щедро наградилъ черезъ Государя и Васъ. Одно только можно прибавить къ этому полному счастію, и это одно *не для меня въ этой жизни*, а для моей жены и дѣтей *послѣ моей смерти*. Для меня же собственно-необходимо только одно: *знать за-живо*, что будущее моей семьи устроено на прочномъ основаніи. Теперь я сижу на веселомъ пиру жизни, этотъ пиръ устроенъ мнѣ Вашею милою рукою; но мечь Дамоклесовъ иногда, какъ привидѣніе, является надъ головою моею, висящій на тонкомъ волоскѣ:

онъ пугаетъ воображеніе и иногда тревожитъ мое мирное, сладкое настоящее. Этотъ *мечь, на тонкомъ волоскѣ висящій*, есть *мысль*, что все, *теперь* составляющее мое добро и благосостояніе семьи моей, должно само *по себѣ прекратиться въ минуту моей смерти.* А гдѣ эта минута? За горами или за плечами? Правда, когда глаза видятъ мечъ и тонкій волосокъ, вѣра видитъ невидимую Божію руку, которая поддерживаетъ мечь и не даетъ волоску перерваться. Я вѣрю этой рукѣ, вѣрю благости Царя, вѣрю Вашей любви: семья Жуковскаго не будетъ оставлена безъ покрова. Но сердце все требуетъ вѣрнаго успокоенія. Теперь я съ ними; теперь я самъ могу говорить съ Вами о нихъ, какъ съ хранительнымъ другомъ. А тогда? Невольно входитъ въ душу тревожная мысль о томъ, какъ много встрѣчается здѣсь препятствій неожиданныхъ, вдругъ уничтожающихъ наши драгоцѣннѣйшія надежды. Знаю, что Богъ не оставитъ моихъ, какъ не оставлялъ никогда меня самого донынѣ; но самая вѣра въ Его защиту не только не запрещаетъ отцу заботиться о судьбѣ своихъ дѣтей, но и нѣкоторымъ образомъ требуетъ для нихъ его заботы. И такъ, Вы поймете, взглянувъ на собственныхъ Вашихъ дѣтей, какъ мнѣ естественно желать, чтобы мысль о смерти не возбуждала во мнѣ тревоги на счетъ будущаго моихъ и не портила моего настоящаго. Вы поймете, какое будетъ для меня душемирительное счастіе знать *за-живо*, что съ моею смертію не кончится смиренное благосостояніе моего семейства. Знаю также, что и Вамъ самимъ будетъ въ сладость даровать моей душѣ этотъ покой несказанный. Теперешній случай представляетъ Вамъ возможность все однимъ словомъ устроить. Принимая отъ купели моего сына, Вы можете разомъ обезпечить судьбу начинающейся его жизни и въ тоже время успокоить мои устарѣлые годы. Государь нѣкогда, по представленію моему, успокоилъ послѣдніе дни Карамзина, и тотъ *за-живо* узналъ, что жена и дѣти его на всю ихъ жизнь обезпечены. Я же отъ Государя принесъ умирающему Пушкину вѣсть о царской милости его семейству. Всѣмъ сердцемъ уповаю, что и мнѣ самому въ подобной милости Государь не откажетъ: единымъ словомъ онъ можетъ на весь остатокъ жизни даровать мнѣ покой души, *повелѣвъ, чтобы то, что̀ самъ я, по милости его, имѣю, было обращено и на жену мою, и на дѣтей моихъ по смерть ихъ.* Смѣю надѣяться отъ его благости, что сдѣланное имъ для семейства Мердерова будетъ также милостиво имъ сдѣлано и для моего; здѣсь будетъ только одна разница, именно та, что я *еще живой* буду обрадованъ исполненіемъ той надежды, которая была утѣшеніемъ Мердера въ часъ его смерти.

Для обозрѣнія того, что̀ я имѣю отъ щедротъ Его Величества, прилагаю здѣсь копію съ бумаги, мною при увольненіи моемъ полу-

ченной отъ князя Волконскаго. Если бы всемилостивѣйшій Государь благоволилъ повелѣть, чтобы тотъ же князь Волконскій написалъ ко мнѣ, что означенное въ сей бумагѣ содержаніе мое обращается на жену и дѣтей моихъ по смерть ихъ, то одною строкою было бы дано мнѣ все, чего только я въ жизни желать могу.

Передаю себя Вамъ откровенно и говорю съ Вами безъ оглядки. Можно ли Вамъ будетъ или не можно исполнить мою надежду, я почиталъ обязанностію ее передъ Вами свободно выразить. Вы поймете чувство мужа и отца, котораго всѣ блага земныя заключены въ его семействѣ. Раздѣляя съ Вами такъ вольно мои о немъ заботы, я только доказываю Вамъ и мою вѣру въ Васъ, и мое убѣжденіе, что Вы, коротко меня зная, вполнѣ оцѣните то чувство, которое побудило меня быть такъ искреннимъ съ Вами. Кончивъ это письмо, я чувствую, что сложилъ великое бремя съ сердца; остальное въ рукѣ Божіей. Да сохранитъ Она Васъ и все царево семейство!

Жуковскій.

1 (13) Февраля 1845.
Франкфуртъ на Майнѣ.

LVII.

Добрая жена моя (которая *NB.* вслѣдствіе родовъ своихъ, хотя уже и прошло болѣе шести недѣль, все еще принуждена лежать неподвижно, и которой я сообщилъ содержаніе послѣдняго моего письма, написаннаго къ Вашему Императорскому Высочеству) сожалѣетъ, что я написалъ это письмо. Она думаетъ, что мнѣ не надлежало бы обращаться къ Вамъ съ такою просьбою, которой исполненіе теперь еще не нужно, которая можетъ привести Васъ въ затрудненіе, тѣмъ болѣе для Васъ тягостное, что Вы всѣмъ сердцемъ захотите исполнить ее и что въ такомъ случаѣ неудача будетъ для Васъ болѣе прискорбна, нежели для самаго меня. Моя добрая жена говоритъ сущую правду, и вслѣдствіе этого разговора съ нею спѣшу просить Ваше Высочество ничего не предпринимать по моей просьбѣ. Но я нимало не раскаиваюсь, что письмо мое къ Вамъ написано; я увѣренъ, что я исполнилъ необходимый *долгъ* отца и мужа. Великая тяжесть упала съ моего сердца: я *за-живо* передалъ всѣ земныя заботы свои Вамъ, т.-е. передалъ ихъ такому сердцу, которому наиболѣе вѣрю на свѣтѣ. Не знаю, удалось ли бы послѣ мнѣ сказать Вамъ то, что̀ теперь вполнѣ высказано. Но, ввѣривъ Вамъ свою тайну, я себя успокоилъ; я поставилъ Васъ сто-

рожемъ будущей судьбы моего семейства; остальное передаю Богу. Онъ поможетъ Вамъ устроить все наилучшимъ образомъ; если же что̀ не исполнится, то въ этомъ неисполненіи выразится Его же отеческая воля; а мы здѣсь живемъ только для того, чтобы научиться говорить во всякое время и мыслію, и словомъ, и дѣломъ: *да будетъ Твоя воля!* И такъ, все то, что̀ *я живой могъ* и *долженъ* былъ сказать Вамъ, теперь сказано. Со временемъ придетъ смерть и краснорѣчиво доскажетъ Вамъ за меня остальное. Берегите письмо мое: оно въ одно время есть и свидѣтельство моей любви, уваженія и довѣренности къ Вамъ *при жизни*, и нѣкогда будетъ Вамъ добрымъ памятникомъ обо мнѣ мертвомъ. Примите отъ меня и отъ жены моей душевную нашу благодарность за Ваше послѣднее милое письмо и за благословеніе, данное Вами нашему сыну; оно, кажется, пошло ему въ прокъ: сильный и здоровый мальчишка съ пріятнымъ выраженіемъ лица, съ большою живостію и классическимъ обжорствомъ. Мать не могла продолжать его кормить, и онъ теперь питается коровьимъ молокомъ и толстѣетъ весьма усердно. О себѣ скажу Вашему Высочеству, что я все еще не оправился: днемъ тревожитъ меня иногда біеніе сердца, а по ночамъ измѣняетъ часто мнѣ сонъ, доселѣ бывшій мнѣ неизмѣннымъ. Доктора осуждаютъ меня на Киссингенъ.

Сохрани Богъ Васъ и благословенное Ваше семейство!

Жуковскій.

19 Февраля (3 Марта) 1845.
Франкфуртъ на Майнѣ.

LVIII.

По поводу рожденія Государя Императора Александра Александровича.

Радостнымъ сердцемъ спѣшу поздравить Ваше Императорское Высочество съ новымъ счастіемъ Вашимъ, народнымъ и, смѣю прибавить, собственно моимъ. И такъ еще сына даровалъ Вамъ Богъ. Новымъ залогомъ упрочилъ Онъ покой, порядокъ и благоденствіе будущаго и для Васъ, и для Россіи. Благодареніе Его несказанной благости! Да сохранитъ Онъ Вамъ Свой даръ благодатный!

Понимаю, что̀ должно чувствовать теперь Ваше сердце и какое чувство должно наполнять и возвеличивать душу счастливой матери. Передавать себя потомству въ сыновьяхъ есть мысль для души животворная и въ нашей судьбѣ смиренной: отъ этой мысли наша здѣш-

няя дѣятельность пріобрѣтаетъ какую-то особенную значительность и прочность; мы уповаемъ пережить самихъ себя и завѣщать нашу жизнь человѣчеству въ томъ, что̀ намъ мило; и наши благія намѣренія становятся для насъ самихъ драгоцѣннѣе потому, что мы еще заживо можемъ передать ихъ роднымъ наслѣдникамъ, которые радуютъ насъ, какъ продолжатели насъ самихъ, какъ довершители того, что̀ мы здѣсь начали съ любовью и чего привести къ концу не успѣли. Что̀ же такая мысль должна быть для Васъ, Наслѣдника великой Русской имперіи! Я не буду здѣсь стараться ее выразить, ибо она имѣетъ обширность несказанную. Народъ смотритъ теперь на Вашихъ двоихъ сыновей, какъ на свое олицетворенное будущее, котораго характеръ будетъ много зависѣть отъ того вліянія, какое Вы и Ваше время произведете на сыновей Вашихъ. Но теперь, пока еще они въ колыбели, этотъ добрый народъ къ Вамъ лично ощущаетъ благодарность за благословеніе Божіе, надъ Вами и надъ нимъ совершившееся въ Вашихъ дѣтяхъ, и радуется въ сердцѣ молодою женою Царева Наслѣдника, которая въ сыновьяхъ своихъ заключила съ нимъ союзъ твердый на будущее время. Не стану выражать передъ Вами собственной радости при полученіи неожиданной вѣсти: Вы ее вполнѣ угадаете. Сожалѣю только о томъ (и этой потери ничто не замѣнитъ мнѣ), что въ лучшія минуты Вашей жизни я былъ отъ Васъ далеко. Но любовь моя была и будетъ неотлучно при Васъ до послѣдней моей минуты.

Сію минуту приносятъ мнѣ письмо Вашего Высочества, которое Дюгамель прислалъ мнѣ изъ Дармштадта. Благодарю изъ глубины сердца за милыя Ваши строки и за то, что Вы сами хотѣли мнѣ сообщить Ваше новое счастіе и, такъ сказать, подѣлиться со мною драгоцѣнною собственностью. Благодарю также самъ, вмѣстѣ съ моею женою и съ моими дѣтьми, за слово царское, мнѣ Вами переданное,— новый даръ Вашей ко мнѣ милости, новое благотвореніе моего Государя. Это одно слово даетъ мнѣ покой на будущее время.

Жуковскій.

11 (23) Марта 1845.
Франкфуртъ на Майнѣ.

LIX.

Пишу къ Вашему Императорскому Высочеству изъ водяной осады. Домъ мой окруженъ водою: Майнъ, на берегу котораго онъ состоитъ, залилъ половину Франкфурта. Вотъ уже четвертый день какъ эта война продолжается. Она открылась сильнымъ движеніемъ льда, и была минута весьма опасная; ниже города былъ запертъ Майнъ льдомъ. Онъ къ счастью тронулся; но еслибъ это случилось десятью минутами позже, то ледъ, который въ огромномъ количествѣ вдругъ пришелъ съ вершины рѣки, выбѣжалъ бы съ рѣкою изъ береговъ, и многіе домà были бы имъ разомъ разрушены. Этотъ дебютъ наводненія обѣщалъ, что оно будетъ смирно и кротко; но это была только военная хитрость. Воды начали рости быстро и, при сильномъ противномъ вѣтрѣ, мѣшавшемъ ихъ теченію, такъ поднялись, что всѣ домà на моемъ берегу потопило, и половина Франкфурта очутилась въ водѣ. Въ домѣ Рейтерна весь нижній этажъ полонъ воды. Въ моемъ домѣ (который построенъ былъ пятью футами выше черты, до которой доходило самое сильное, здѣсь бывшее наводненіе) полны только погреба, и вода остановилась на первыхъ ступеняхъ крыльца моего. Вся семья Рейтерна у меня, и мы живемъ какъ на пароходѣ. Нынѣшнюю ночь вода нѣсколько упала; но весьма вѣроятно, что опять подымется, понеже въ горахъ еще снѣгъ не тронулся. Такого наводненія съ 1784 года здѣсь не было.

Вотъ все чтó могу сказать Вамъ о томъ, чтó со мною или около меня дѣлается въ минуту Дюгамелева отъѣзда. Да сохранитъ Васъ Богъ съ Вашимъ благословеннымъ семействомъ!

20 Марта (1 Апрѣля) 1845.

LX.

Олсуфьевъ увѣдомилъ меня о новомъ благотвореніи, которое Ваше Высочество мнѣ оказали. Всѣмъ сердцемъ благодарю Васъ за себя, за добраго моего Рейтерна, столь достойнаго Вашего благоволенія и за молодаго сына его, которому Вы вдругъ облегчили дорогу его, совершеніе которой съ успѣхомъ часто зависитъ отъ перваго на ней шага. Ручаюсь за него: онъ будетъ служить вѣрою и правдою и по влеченію сердца, и по правиламъ, которыя вложило въ него прекрасное домашнее воспитаніе. Меня же въ новой Вашей милости все несказанно тронуло: и самая милость, которая превзошла мое ожиданіе, и скорость, съ какою послѣдовало исполненіе просьбы за ея выраженіемъ, и самое Ваше молчаніе. Знаю, что Вамъ пріятно мнѣ благотворить; но мнѣ конечно еще пріятнѣе быть Вамъ благодарнымъ и видѣть въ Васъ, въ *прежнемъ* миломъ младенцѣ, котораго я почти первый встрѣтилъ на семъ свѣтѣ и который разцвѣлъ на моихъ глазахъ, *нынѣшняго* покровителя моей жизни, устроившаго мое настоящее и пекущагося о моемъ и загробномъ будущемъ. Еще разъ благодарю и цѣлую Вашу милую руку.

Теперь я долженъ дать Вамъ отчетъ о себѣ и своихъ планахъ. Я сбирался нынѣшнимъ годомъ возвратиться въ Россію; но это невозможно: положеніе жены моей тому препятствуетъ. Вотъ уже наступилъ четвертый мѣсяцъ послѣ родовъ ея, а она только что начинаетъ ходить; но эта ходьба—не иное что́, какъ переходъ съ постели на софу или раза три прогулка по горницѣ взадъ и впередъ, чтобы не совсѣмъ опостелѣть отъ лежанія. Ея положеніе не есть болѣзнь опасная и разрушающая, но слѣдствіе родовъ, оказавшееся еще послѣ первыхъ, усиленное послѣ послѣднихъ и требующее долгой неподвижности и порядочнаго пользованія. Когда отъ этого пользованія произойдетъ полное исцѣленіе, я не могу предвидѣть; но безъ сего полнаго исцѣленія не могу рѣшиться тронуть ее съ мѣста и перевезти въ нашъ климатъ съ опасеніемъ, что опять, можетъ быть, долженъ буду везти ее за границу для новаго лѣченія. Мнѣ хочется, напротивъ, возвратиться и болѣе уже не трогаться съ мѣста. Я самъ также былъ три мѣсяца боленъ, и Коппъ боялся возвращенія той болѣзни, которая дважды гоняла меня за границу. Теперь, слава Богу, я поправился. Коппъ уже не посылаетъ меня въ Киссингенъ, а позволяетъ мнѣ пить Киссингенскія воды до́ма; но послѣ надобно будетъ ѣхать въ Швальбахъ и брать ванны. Вотъ Вамъ мое донесеніе. Благоволите объ немъ

молвить слово Государю Императору, дабы не было на счетъ моей медленности мнѣнія мнѣ неблагопріятнаго. Впрочемъ я возвращусь къ законному сроку, нимало не нарушивъ общаго постановленія.

Прошу Васъ также принести мое вѣрноподданническое поздравленіе Ихъ Величествамъ Государю и Государынѣ съ новою внукою. Благодареніе Богу за новое утѣшеніе, имъ ниспосланное въ горѣ, Имъ же Самимъ прежде для нихъ уготованномъ. Да сохранитъ Онъ ихъ и Васъ отъ новыхъ печалей, и Вамъ особенно да упрочитъ Ваше семейное счастіе и въ немъ наши святыя народныя надежды.

Приношу глубочайшее почтеніе Государынѣ Великой Княгинѣ отъ себя и отъ жены, которая съ растроганнымъ сердцемъ благодаритъ Ваше Высочество за новую милость, оказанную ея семейству.

Жуковскій.

7 (19) Апрѣля 1845.
Франкфуртъ на Майнѣ.

Это письмо дойдетъ къ Вашему Высочеству на праздникѣ. Заранѣе говорю Вамъ: Христосъ Воскресе! А теперь прошу у Васъ заочно прощенія во всемъ, въ чемъ могу быть виноватъ передъ Вами: ѣду говѣть въ Висбаденъ.

LXI.

Приношу или лучше сказать, приносимъ: я, жена, сынъ, дочь и тесть мой съ полдюжиною дѣтей наше сердечное поздравленіе съ днемъ Вашего рожденія, нашъ добрый, милый, постоянный благотворитель; да будетъ съ Вами благословеніе Божіе, съ Вами и съ Вашею семьею, въ которой уже скопилось такъ много будущаго блага для нашего общаго отечества. Примите милостиво наше поздравленіе. Я отпраздную всею семьею въ домѣ своемъ этотъ день, столь радостный мнѣ въ особенности и столь значительный въ судьбѣ моей собственной жизни. Надѣюсь на милость Божію, что этотъ день будетъ и въ царской семьѣ отпразднованъ безъ всякой примѣси огорченія; что онъ найдетъ всѣхъ вмѣстѣ, *радующихся* тѣмъ богатымъ счастіемъ, которое *сохранено* имъ и *успокоенныхъ* въ сердцѣ своемъ на счетъ того милаго, чтó Богъ не отнялъ, а только прибралъ, чтобъ послѣ возвратить съ лихвою.

Прошу Ваше Высочество отъ всѣхъ насъ молвить наше поздравленіе Государынѣ Великой Княгинѣ. Живѣйшее желаніе всѣхъ насъ есть то, чтобы Ваше счастіе было неизмѣнно и продолжительно. Да исполнитъ Богъ нашу всегдашнюю объ Васъ молитву.

Жуковскій.

17 (29) Апрѣля 1845.
Франкфуртъ на Майнѣ.

LXII.

Приношу Вашему Императорскому Высочеству мою сердечную благодарность за Ваше послѣднее милостивое письмо изъ Елисаветграда. Точность какую Ваше Высочество наблюдаете въ Вашей перепискѣ, при множествѣ Вашихъ теперешнихъ занятій и которая у Васъ не на одну переписку простирается, меня несказанно за васъ радуетъ. Кто-то сказалъ: точность есть учтивость государей. Этого мало: точность есть экономія времени своего и чужаго. Ничто такъ безжалостно не тратится, какъ время; ибо оно тратится непримѣтно, по минутамъ, и совѣсть наша молчитъ при безпрестанныхъ, произвольныхъ убійствахъ этихъ минутъ; въ жизни же царской какое великое значеніе имѣетъ каждая минута!

Наконецъ Вы въ Петербургѣ. По газетнымъ разсказамъ Вы были уже въ Ботценѣ, въ Миланѣ, видѣли тамъ Императрицу и должны были ей сопутствовать въ Палерму. Все это вышли газетныя сплетни. Надѣюсь, что Вы нашли все семейство свое въ полномъ благоденствіи. А я долженъ извѣстить Ваше Высочество, что я имѣлъ счастіе видѣть Государыню Императрицу. Я дождался ея прибытія въ Ниренбергъ, гдѣ она провела цѣлые сутки и тамъ имѣлъ несказанную радость представить Ея Величеству жену и дочь. Этотъ день въ Ниренбергѣ былъ для меня и для моихъ днемъ счастія и никогда не изгладится изъ памяти. Кому лучше Васъ можно знать, какое впечатлѣніе остается въ сердцѣ, когда удастся свободно и близко подойти къ нашему ангелу-Императрицѣ, увидѣть лицемъ къ лицу ея душу и почувствовать всю прелесть доброты, льющейся изъ глубины этой души, въ которой все есть чистая правда. Это свиданіе и потому еще было для меня великимъ счастіемъ, что оно успокоило меня на счетъ ея драгоцѣннаго здоровья: нѣтъ никакого сомнѣнія, что путешествіе, дѣйствіе климата Италіи и спокойствіе будутъ (съ помощію Божіею) для нея цѣлительнымъ лѣкарствомъ. Благослови Богъ ея возвращеніе въ отечество.

Обращаясь къ самому себѣ, скажу Вашему Высочеству, что я рѣшился въ будущемъ году возвратиться на родину съ тѣмъ, чтобы пустить тамъ свои корни и болѣе ни съ мѣста. Долженъ однако признаться, что для меня было бы великою милостію отъ Государя Императора, когда бы Его Величество благоволилъ позволить мнѣ остаться еще на одинъ годъ, то-есть, до Мая мѣсяца 1847. Вотъ причины, заставляющія меня желать этой отсрочки.

1-я. *Состояніе здоровья жены и мое собственное.* И ей и мнѣ надобно будетъ необходимо взять курсъ лѣченія въ Швальбахѣ. Этотъ курсъ начинается обыкновенно не прежде Іюля и оканчивается въ половинѣ Августа. Вслѣдствіе этого намъ придется пріѣхать въ Россію къ началу осени. Еслибы у меня былъ какой-нибудь готовый собственный пріютъ, то это было бы еще легко; но мнѣ, въ первые мѣсяцы по пріѣздѣ и именно въ самые холодные, надобно будетъ вести жизнь трактирную, безъ всякихъ удобствъ, что́ съ женою и съ двумя малютками, которымъ надобно еще мало-по-малу привыкать къ нашему суровому климату, будетъ весьма затруднительно. Признаюсь, что такая перспектива для нихъ несказанно меня пугаетъ.

2-я причина *экономическая.* Нынѣшній годъ отъ разныхъ обстоятельствъ (изложеніемъ которыхъ не буду скучать Вашему Высочеству) былъ раззорителенъ для моихъ финансовъ. И вотъ теперь надобно будетъ, не исправивъ стараго deficit *), входить въ новыя издержки, все заведенное здѣсь для до́ма бросить или, что́ все равно, продать за безцѣнокъ и по пріѣздѣ все дорогою цѣною заводить снова, не говоря уже объ издержкахъ, нужныхъ на самое путешествіе и весьма значительныхъ, когда путешествуешь съ семействомъ. Но я бы легко исправился, еслибы, оставшись на мѣстѣ еще годъ, могъ экономіею вознаградить свою утрату и дать себѣ возможность предпринять новыя издержки, не входя въ долгъ, чего боюсь, какъ огня.

Наконецъ 3-я причина. Еслибы я имѣлъ передъ собою этотъ полный годъ до Мая мѣсяца 1847, то могъ бы кончить начатую мною работу, для которой необходимо то уединеніе и то спокойствіе, какими здѣсь могу вполнѣ пользоваться. Въ нынѣшнемъ году я почти ничего не могъ сдѣлать: болѣзнь моя, начавшаяся въ послѣднихъ мѣсяцахъ прошлаго года, не позволила мнѣ ни за что́ приняться до начала Іюля; потомъ я долженъ былъ ѣхать лѣчиться въ Швальбахъ, гдѣ пробылъ до конца Августа; потомъ другія необходимыя поѣздки; словомъ, я только что теперь начинаю приниматься за брошенный трудъ, и меня уже издали тревожитъ мысль, что не успѣю его кончить до отъѣзда и что, по возвращеніи въ Россію, долго не буду имѣть возможности за него снова приняться. А мнѣ страшно откладывать: все кажется, что не доживу. Въ этомъ отношеніи одинъ полный годъ здѣшней беззаботной жизни, исключительно посвященной труду моему, былъ бы для меня великимъ благодѣяніемъ.

---

*) Недобора. П. Б.

Прошу Ваше Высочество представить все это на благоусмотрѣніе Государя Императора. Если Его Величество соизволитъ признать мои причины неосновательными, то для меня, передъ священнымъ долгомъ покориться волѣ Его, должно исчезнуть всякое затрудненіе. Въ такомъ случаѣ буду просить только милостиваго позволенія остаться до конца моего курса въ Швальбахѣ, то-есть до конца Августа, что́ будетъ четырьмя мѣсяцами позже законнаго для возвращенія моего срока. Благоволите, Ваше Высочество, увѣдомить меня о томъ, что́ соизволитъ рѣшить Государь Императоръ. Будетъ для меня великою Вашею милостію, если Вы, по возможности, не замедлите симъ увѣдомленіемъ.

В. Жуковскій.

22 Октября (3 Ноября) 1814.
Франкфуртъ на Майнѣ.

LXIII.

Къ тремъ личнымъ причинамъ, побуждающимъ меня продлить мое здѣсь пребываніе, я смѣю прибавить четвертую; я не хотѣлъ упоминать о ней въ послѣднемъ письмѣ моемъ къ Вашему Императорскому Высочеству, опасаясь васъ испугать огромностію моей эпистолы. Прошу обратить вниманіе ваше на слѣдующее.

Вашему старшему сыну два года и два мѣсяца; вашему младшему нѣтъ еще года. Разстояніе между ними невелико, они будутъ товарищи. Само по себѣ разумѣется, что объ ихъ воспитаніи теперь еще нечего много думать (хотя впрочемъ всякое воспитаніе начинается съ колыбели); пускай растутъ, толстѣютъ, ползаютъ, бѣгаютъ, кувыркаются, живутъ и разцвѣтаютъ всякою матеріальною жизнію. Первые годы младенческой жизни должны принадлежать безотчетному счастію сладости чувствовать жизнь свою. Надобно только отцу и матери стоять на часахъ у дѣтской колыбели и не допускать къ ней главнаго, злѣйшаго врага младенческихъ лѣтъ: *худой привычки*. А главная *добрая привычка*, которую прежде всякой другой и чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше должно дать младенцу, есть *привычка покорности* передъ отцемъ и матерью. Дать ее на первыхъ порахъ весьма легко, въ ней сѣмя всѣхъ добрыхъ привычекъ, въ ней сѣмя вѣры: кто во младенчествѣ былъ наученъ безусловно покорствовать волѣ отца земнаго, тому понятна будетъ въ послѣдствіи покорность Отцу Небесному.

Но дѣло не о томъ. Лѣтъ черезъ пять настанетъ пора болѣе строгаго воспитанія и вмѣстѣ съ тѣмъ *ученія*. Для перваго, то-есть для *воспитанія*, для *нравственнаго образованія*, для *развитія* всѣхъ силъ человѣческихъ, тѣлесныхъ и душевныхъ, помоги Вамъ Богъ найти человѣка достойнаго Вашей довѣренности, знающаго сердце человѣческое вообще и душу ребяческую въ особенности, хорошо, неповерхностно, не односторонне-образованнаго, любящаго свѣтъ науки, православнаго христіанина не по одному только имени, знающаго Европу и Россію, Русскаго умомъ и сердцемъ, но Русскаго безъ фанатическаго презрѣнія ко всему иноземному, даже и хорошему, потому только, что оно не наше, безъ уродливаго энтузіазма ко всему своему, даже и худому, потому только, что оно свое. Дай Богъ Вамъ найти такого человѣка, который бы овладѣлъ душею своихъ питомцевъ и, вызвавъ изъ нея все прекрасное и высокое, вселенное въ нее природою, упрочилъ это естественное силою христіанства; такого, который бы зналъ свое время и могъ бы поставить своихъ питомцевъ на высоту его, вооруженныхъ всѣми тѣми силами, которыя необходимы, чтобы согласоваться безъ рабской покорности съ его требованіями и успѣшно бороться съ его революціоннымъ буйствомъ. Чтобы найти такого человѣка, Вамъ надобно уже теперь начинать около себя оглядываться и высматривать качества будущаго образователя сыновей Вашихъ. Смотрите на *молодыхъ* (но только смотрите безъ всякаго личнаго пристрастія и судите строже всякаго, кто вамъ по чему-нибудь лично нравится); черезъ пять лѣтъ двадцатипятилѣтній сдѣлается тридцатилѣтнимъ: самая лучшая пора. Надобно, чтобы воспитатель могъ быть молодъ и свѣжъ съ своимъ питомцемъ. Усердно совѣтую вамъ *замѣтить теперь* и *теперь выбрать* такого, кому бы Вы могли поручить со временемъ великое дѣло воспитанія Вашихъ сыновей. Сдѣлавъ этотъ выборъ (съ надлежащею осторожностію), сообщите избранному Ваши на него виды съ тѣмъ, чтобы онъ употребилъ все время теперь ему остающееся на приготовленіе себя къ своему будущему назначенію, то-есть на совѣстливый *пересмотръ*, на *очищеніе* своего ума и сердца и своихъ правилъ, во власти которыхъ будутъ умъ и сердце, съ которыми должны будутъ согласоваться правила его будущихъ питомцевъ, на *обозрѣніе*, усовершенствованіе, примѣненіе къ своему назначенію и приведеніе въ порядокъ своихъ знаній, которыя нужны будутъ ему не для того, чтобы учить самому, а для того, чтобы управлять ученіемъ и учащими; наконецъ, на *пріобрѣтеніе* основательнаго, не книжнаго, а личнаго и опытнаго знакомства съ тою сценою, на которой опредѣлено дѣйствовать его воспитанникамъ, на

и часть Азіи, сопредѣльную съ Россіею). Открывши Ваше намѣреніе такому избранному Вами теперь, Вы бы могли дать ему и средства употребить себя на вышеозначенное необходимое приготовленіе къ дѣлу въ продолженіе пяти или шести лѣтъ ему остающихся, до вступленія въ свою дѣятельность; онъ бы съ успѣхомъ это могъ исполнить, занявшись сперва въ уединеніи кабинета собственнымъ образованіемъ и потомъ довершивъ это образованіе путешествіемъ по Европѣ и Россіи. Если это исполните съ своей стороны, то будете имѣть человѣка *готоваго* къ своему дѣлу, и выборъ Вашъ не падетъ à l'improviste *) на такого, который только по нѣкоторымъ хорошимъ свойствамъ знакóмъ Вамъ или пріятенъ и который конечно въ первую минуту самъ ужаснется падшаго на него жребія и потомъ принужденъ будетъ дѣйствовать au jour la journée **) и, ощупывая около себя, дѣлать опыты, тогда какъ ему съ первой минуты надобно знать во всей подробности и во всей обширности и теоретически, и практически чтó ему дѣлать. Убѣждаю Ваше Высочество заняться безотлагательно симъ дѣломъ, несказанно-важнымъ для Васъ и всего государства. Я бы желалъ, чтобы Вы нашли свободную минуту высказать мнѣ Ваше собственное мнѣніе о семъ предметѣ; изложеніемъ его на письмѣ Вы сами для себя объясните собственныя Ваши мысли и дадите бóльшую ясность моимъ, и мнѣ, можетъ быть, удастся еще многое представить на Ваше разсмотрѣніе.

Все, о чемъ я до сихъ поръ говорилъ, есть собственно *Ваше*; обращаюсь теперь къ *моему*. Мнѣ уже нельзя и во снѣ думать о томъ, чтобы принять какое-нибудь дѣятельное, непосредственное участіе въ образованіи сыновей Вашихъ: моя дорога пошла отъ Васъ въ сторону, и я уже иду по ней съ хромоногимъ медлительнымъ товарищемъ—со старостію, у которой въ котомкѣ уже полные шестьдесятъ два года. Но мнѣ бы хотѣлось и на старости сдѣлать что-нибудь полезное для сыновей Вашихъ. Я бы желалъ заняться на досугѣ приготовленіемъ всего того, чтò можетъ быть нужно для ихъ первоначальнаго учебнаго курса, т.-е. я желалъ бы предварительно, нà-чисто, по *моей, извѣстной Вамъ, методѣ обработать если не всѣ, то хотя нѣкоторые главные предметы*, долженствующіе войти въ составъ этого первоначальнаго курса и въ тоже время *собрать лучшія дѣтскія учебныя книги*, которыя могли бы служить пособіемъ для того, кому будетъ поручено преподаваніе первоначальное. Если ученіе начнется съ 7-ми лѣтъ, то первые два года, то-есть 8 и 9, должны быть просто

*) Внезапно.

**) Изо дня въ день.

посвящены практическому развитію тѣлесныхъ силъ и нравственныхъ способностей, наставленію въ чтеніи и письмѣ и особенно повѣствованіямъ изъ Священной Исторіи, которыми молодое сердце питомца наилучшимъ образомъ приготовится къ принятію въ послѣдствіи вѣры, если только онѣ будутъ переданы сердцу устами вѣрующаго наставника. Что же касается до самаго курса (я разумѣю здѣсь предварительный систематическій курсъ), то онъ можетъ начаться на 10-мъ году и продолжаться четыре года строгимъ порядкомъ. Четырнадцати лѣтъ питомецъ можетъ начать окончательный курсъ. О подробностяхъ всего плана говорить не нужно. Моя метода принадлежитъ особенно къ періодамъ отъ 7-ми до 9-ти и отъ 9-ти до 14-ти лѣтъ. Но, чтобы она могла произвести свое дѣйствіе и свою истинную пользу, необходимо нужно, чтобы тотъ, кому поручено будетъ преподаваніе главное, предварительно коротко съ нею познакомился, ее совершенно себѣ присвоилъ и былъ бы въ этомъ отношеніи вполнѣ *готовъ* къ дѣлу прежде начала преподаванія. Это необходимо, и необходимость этого доказалъ мнѣ мой и Вашъ опытъ. Я твердо увѣренъ, что метода моя можетъ быть практически весьма полезна, что она образовательна для ума, крѣпительна для памяти и весьма способствуетъ къ тому, чтобы логически привести въ одно цѣлое всѣ разные предметы преподаванія. Но она ни къ чему не годится и можетъ производить только путаницу, если преподаватель съ нею предварительно не свыкнется и если согласно съ нею самъ для себя не приведетъ въ порядокъ, не *приспособитъ къ ней*, тѣхъ знаній, которыя послѣ преподавать будетъ обязанъ. То и вышло съ моими таблицами. Сдѣлалъ ихъ я, но ни одинъ изъ учителей нашихъ не могъ ихъ какъ должно употребить въ дѣло; привыкши къ собственному ходу, ни одинъ не могъ пойти новымъ, указаннымъ ему ходомъ, и хотя этотъ ходъ былъ самый простой, логическій и образовательный, но онъ не могъ быть такимъ для тѣхъ, которые уже имѣли свою долговременную рутину преподаванія; къ этому ходу надлежитъ приготовиться предварительно, а чтобы приготовиться, учителю надлежитъ имѣть *готовые матеріалы.* Это все было невозможно при Вашемъ ученіи. Я началъ обрабатывать свою методу (и это не могло идти скоро) въ такое время, когда уже всѣ учители были на сценѣ съ своими собственными рутинами; имъ невозможно было отдѣлаться отъ старыхъ собственныхъ привычекъ для пріобрѣтенія новыхъ, имъ чуждыхъ; да и времени на то не доставало: ученіе шло впередъ своимъ чередомъ, за нимъ тащились мои таблицы и почти всегда опаздывали, и преподаватели не могли ими пользоваться сами, и такимъ образомъ не могло установиться одного

въ одно стройное цѣлое. Я работалъ прилежно, но работалъ съ печальною мыслію, что трудъ мой напрасенъ. Такъ по большей части и вышло. Для нѣкоторыхъ мои таблицы были полезны, нѣкоторые не захотѣли на нихъ обратить вниманія (чего я отъ нихъ не могъ потребовать, опасаясь ихъ сбить съ собственной ихъ дороги); нѣкоторые хотя и хотѣли, но не умѣли воспользоваться предложеннымъ пособіемъ, и имъ надлежало отъ него отказаться. Все это произошло отъ того, что матеріалы преподаванія не были приготовлены заранѣе и что преподаватели не могли съ ними предварительно ознакомиться и ихъ себѣ присвоить. Теперь у насъ довольно времени впереди, и я бы желалъ посвятить часть своего на то, чтобы *заранѣе приготовить тѣ учебные матеріалы, которые нужны будутъ не прежде какъ черезъ шесть лѣтъ.*

И вотъ та *четвертая* причина, которая побуждаетъ меня желать, чтобы мое пребываніе здѣсь продлилось. Возвратясь въ Россію, я долго еще буду принужденъ вести жизнь кочевую или трактирную: тамъ еще нѣтъ у меня такого покойнаго угла, какой я здѣсь себѣ устроилъ. Здѣсь же я совершенно одинъ, внѣшній міръ мною не владѣетъ, все время принадлежитъ исключительно мнѣ. Конечно все это я могу имѣть и въ Россіи, но могу *со временемъ*; первый годъ по моемъ возвращеніи весь пройдетъ въ разсыпную, и не одинъ первый годъ, а мнѣ надобно работать теперь, не откладывая. Здѣсь же мнѣ легко имѣть всѣ нужные учебные матеріалы. Однимъ словомъ, я могъ бы употребить свое здѣшнее свободное время *хотя на составленіе курса Исторіи* по своей методѣ со всѣми принадлежащими къ оному приложеніями, картами и таблицами. Въ тоже время я могъ бы собрать *лучшія учебныя книги* во всѣхъ родахъ, Нѣмецкія, Французскія и Англійскія. Много напечатано новаго и хорошаго съ тѣхъ поръ, какъ (за двадцать лѣтъ передъ симъ) началась составляться Ваша библіотека; ее бы надобно было *дополнить главнѣйшими во всѣхъ родахъ книгами*, безъ чего вся новѣйшая литература будетъ въ ней недостаточна. Чѣмъ же дополнить? На это лучшій отвѣтъ дать можетъ завѣдыватель Вашей библіотеки Жилль.

Чтò скажете, Ваше Высочество? Если мое безконечное письмо не испугало Васъ и если Вы дочитали его, то благоволите сказать Ваше мнѣніе какъ на это, такъ и на предъидущее, составляющее съ нимъ одно. Если найдете, что сказанное мною основательно, то Вы конечно найдете средство представить все Государю Императору такъ, что Его Величество не останется съ невыгоднымъ противъ меня впечатлѣніемъ. Впрочемъ, я могъ бы въ началѣ Мая, то-есть въ концѣ пятилѣтняго моего срока, явиться одинъ безъ семейства, въ Пе-

тербургъ и, исполнивъ установленное закономъ, опять возвратиться на житье въ мой тихій Франкфуртскій уголокъ, чтобы приняться съ новою ревностію за работу; но я могу опасаться, что это произведетъ неблагопріятное противъ меня впечатлѣніе и что мое удаленіе изъ Россіи покажется отчужденіемъ отъ нея, тогда какъ, напротивъ, всѣ мои теперешнія работы и мысли принадлежатъ единственно Россіи, для которой еще я долженъ образовать и дѣтей моихъ. Вотъ почему и хотѣлъ бы я, чтобы мои *причины* были во всякомъ случаѣ *предварительно извѣстны.* Если Государь Императоръ благоволитъ ихъ одобрить и скажетъ мнѣ: *оставайся*, то я все-таки, дабы законъ былъ въ точности исполненъ, явлюсь одинъ въ началѣ Мая; остальное же устроится само собою. Буду ожидать съ нетерпѣніемъ Вашего милостиваго отвѣта, и опять прошу мнѣ простить мое многорѣчіе.

Жуковскій.

Октября 30 (Ноября 12) 1845.
Франкфуртъ.

LXIV.

Добрый и почтенный генералъ Игнатьевъ пишетъ ко мнѣ, что онъ имѣлъ счастіе говорить съ Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ о моемъ желаніи получить помѣщеніе во дворцѣ, принадлежащемъ Государынѣ Императрицѣ въ Москвѣ (въ бывшемъ загородномъ домѣ графини Орловой) и увѣдомляетъ меня о Вашемъ милостивомъ расположеніи оказать мнѣ и въ этомъ случаѣ Ваше покровительство. Спѣшу принести Вашему Высочеству мою сердечную благодарность за новый знакъ Вашего благоволенія и вмѣстѣ изъявить передъ Вами, что я того, о чемъ говорилъ Вамъ генералъ Игнатьевъ, желать не могу и еще менѣе могу о томъ просить. Для меня все сдѣлано, что̀ можно; я вполнѣ доволенъ; я даже успокоенъ и на счетъ того, что̀ можетъ быть съ моимъ семействомъ, когда надо мною затворится гробовая кровля. Единственное мое чувство къ Царю и къ Вамъ есть благодарность, благодарность и благодарность. Требовать отъ Васъ новыхъ благотвореній была бы непозволенная роскошь. Тоже, что̀ сказалъ обо мнѣ мой добрый Игнатьевъ, была его собственная дружеская мысль, которую онъ хотѣлъ сообщить Вашему Высочеству при случаѣ. Я же съ своей стороны не могу еще и рѣшить, гдѣ выберу свое постоянное пребываніе по возвращеніи въ Россію; это можетъ быть рѣшено только на мѣстѣ. Между тѣмъ вижу изъ письма Игнатьева ко мнѣ, что мои послѣднія длинныя письма ничего не объ-

яснили передъ Вашимъ Высочествомъ на счетъ моей заграничной жизни. Въ *первомъ* моемъ письмѣ я изъявилъ свое желаніе провести будущій 1846 г. за границею; это необходимо и мнѣ, и женѣ, потому что намъ нужно взять еще курсъ лѣченія въ Швальбахѣ (мое здоровье все еще не уходилось: нервы шалятъ). Во *второмъ* я имѣлъ счастіе сообщить Вашему Высочеству, что желалъ бы, пользуясь беззаботнымъ и неразсѣяннымъ досугомъ здѣшней моей жизни, заняться нѣкоторыми работами, которыя со временемъ могли бы быть полезны для ученія дѣтей Вашихъ. Но вотъ что́ пишетъ Игнатьевъ, которому Ваше Высочество благоволили сообщить мои письма: «Хотя мы и не усумнимся никогда въ Вашей привязанности къ царскому дому и къ Россіи; но тяжела для насъ мысль, что Вы навсегда отвергаете объятія, къ Вамъ простертыя». Это *навсегда* привело меня въ недоумѣніе: слѣдовательно и Ваше Высочество могли заключить изъ моихъ писемъ, что я сбираюсь навсегда остаться за границею. Напротивъ, я думаю только о томъ, какъ бы переселиться на родину съ мѐньшими хлопотами для своего семейства, не разстроивъ своихъ домашнихъ обстоятельствъ и такъ, чтобы уже послѣ не имѣть нужды заглядывать за границу.

Но остановимся теперь на одномъ, отбросивъ въ сторону все то, о чемъ я имѣлъ счастіе писать къ Вашему Высочеству въ послѣднихъ двухъ письмахъ. Срокъ моего пребыванія за границею долженъ кончиться въ началѣ Мая 1846 года. Въ исполненіе существующаго (закона) я къ этому сроку явлюсь лично; но въ томъ же 1846 г. мнѣ необходимо быть къ началу Августа въ Швальбахѣ какъ для себя, такъ и для жены. Прошу Ваше Высочество теперь объ одномъ: благоволите узнать, могу ли надѣяться, что Государь Императоръ соизволитъ согласиться, чтобы я, *представившись по обязанности въ будущемъ Маѣ* въ Петербургъ, могъ опять *возвратиться сюда еще на годъ, то есть до начала Мая 1847 г.* Мнѣ нужно знать это *предварительно*, дабы сдѣлать свои распоряженія, смотря по тому, дано ли мнѣ будетъ высочайшее согласіе или нѣтъ. *Если будетъ дано*, то, какъ сказалъ, пріѣду *въ Маѣ одинъ*; если же *не будетъ дано*, пріѣду *со всѣмъ семействомъ*, но уже нѣсколько позже, *въ началѣ Сентября*, по окончаніи курса въ Швальбахѣ. Но величайшею было бы для меня милостію отъ Государя Императора, если бы въ такомъ случаѣ, когда мнѣ будетъ позволено остаться за границею до начала Мая 1847 г., Его Императорское Величество соизволилъ мнѣ дать и всемилостивѣйшее *разрѣшеніе не являться въ будущемъ 1846 г.*: я чрезъ это *берегъ бы мѣсяца четыре для своей Одиссеи*, за которую все еще не могъ порядкомъ приняться отъ слѣдствій болѣзни и которую весьма бы желалъ кон-

чить до возвращенія моего въ отечество. Но я не смѣю просить объ этомъ Государя Императора; поручаю себя въ этомъ случаѣ Вашему милостивому покровительству: Вы лучше меня знаете, чего просить можно и чего нѣтъ. Въ этихъ немногихъ строкахъ изъяснено все, на что̀ прошу Ваше Высочество благоволить мнѣ отвѣтствовать. Оканчиваю, снова принося Вамъ сердечную мою благодарность за Вашу ко мнѣ безцѣнную милость, которой ни время, ни разлука не измѣняютъ.

Жуковскій.

1845. Декабря 3 (15).
Франкфуртъ на Майнѣ.

LXV.

Приношу Вашему Императорскому Высочеству душевную благодарность за милостивое письмо Ваше и за Вашу обо мнѣ заботливость, которая до глубины сердца меня тронула. Благодаря этой заботливости, я могу теперь спокойно посвятить цѣлый годъ и своему леченью, и окончанію *начатыхъ* моихъ работъ. Для меня будетъ большою радостію возвратиться въ Россію съ обновленными силами и съ *Одиссеею*, которая вѣроятно будетъ *послѣднимъ* моимъ *поэтическимъ* трудомъ, но въ которой оставлю отечеству добрую о себѣ память, смиренно присосѣдясь къ великому Гомеру и съ совѣстливою ревностію повторяя пѣснь его, которая и послѣ трехъ тысячъ лѣтъ сохранила свою звонкость и свѣжую прелесть. Окончаніемъ Одиссеи заключится важный періодъ жизни моей, періодъ поэзіи. Тогда начнется другой (если только Богу угодно будетъ продлить мнѣ жизнь)—періодъ прозы: посвящу себя вполнѣ воспитанію дѣтей и для этого приведу въ порядокъ, сколько будетъ возможно, предварительный курсъ преподаванія по моей собственной методѣ, которая была изобрѣтена мною для Васъ, но не была такъ употреблена въ дѣло, какъ бы мнѣ того хотѣлось. Если удастся совершить этотъ трудъ какъ должно, то онъ можетъ пригодиться и для Вашей второй генераціи. Между тѣмъ я бы желалъ (и объ этомъ я писалъ уже къ Вашему Высочеству), чтобы Вы на всякій случай дали мнѣ разрѣшеніе, собирать ли для Васъ *учебныя* книги, то есть такія, которыя со временемъ могутъ быть нужны для преподавателей Вашихъ дѣтей, особенно въ первый періодъ преподаванія, когда надобно имѣть подъ руками весьма много *разнаго*, чтобы изъ многаго составлять одно цѣлое. Особенно нужно

собрать лучшія *элементарныя* книги и для нихъ гравюры во всѣхъ родахъ, дабы чувственнымъ впечатлѣніемъ дополнять наставленіе учебное. Для собранія гравюръ можно составить особый планъ (какой у меня и есть), и совсѣмъ не нужно, чтобы гравюры были дорогія: нужно только, чтобы ихъ собраніе было полное, чтобы онѣ обнимали сколько можно весь курсъ предварительнаго ученія, отъ *первыхъ понятій* до *Всеобщей Исторіи*. Здѣсь такое собраніе легко составить; въ Петербургѣ это не будетъ возможно. И я, собравши гравюры, могъ бы ихъ привести въ систематическій порядокъ. И я не думаю, чтобы собраніе это могло дорого стоить; здѣсь же конечно станетъ оно дешевле, нежели когда собирать изъ Петербурга, гдѣ и надлежащей полноты собранію дать не будетъ возможно. Прошу Ваше Высочество благоволить мнѣ отвѣтствовать на этотъ запросъ, а я послѣ доставлю Вамъ планъ предполагаемаго собранія.

Теперь Вы конечно вполнѣ довольны: Государь долженъ быть теперь съ Вами; по газетамъ онъ долженъ былъ пріѣхать въ Петербургъ наканунѣ нашего новаго года. Его путешествіе по своей быстротѣ казалось волшебнымъ полётомъ, а по своему значенію составляетъ историческую эпоху: въ первый разъ Ватиканъ увидѣлъ Русскаго Царя. А всезнающія газеты уже и разсказываютъ цѣлому свѣту о томъ, что̀ Самодержецъ Сѣвера говорилъ на-единѣ съ главою католической церкви. По сказанію ихъ, Государыня Императрица въ началѣ Февраля будетъ въ Римѣ, гдѣ проведетъ карнавалъ. Правда-ли это? Въ Сициліи конечно долго теперь оставаться нельзя: начнутся скоро жары. Въ Февралѣ же Римъ долженъ быть прелесть.

Заключаю мое письмо сердечною благодарностію за Рождественскій подарокъ, которымъ Ваше Высочество меня осчастливили. Вашъ портретъ сходенъ и несходенъ: онъ вѣрно сходенъ съ оригиналомъ рисунка; литографъ же испортилъ это сходство, сдѣлавъ его непріятнымъ и не поймавъ выраженія Вашего лица. Въ портретахъ дѣтей нахожу, что Великіе Князья имѣютъ большое сходство съ императоромъ Александромъ Павловичемъ. Такъ ли это въ натурѣ?

Не имѣя отвѣта на послѣднее длинное письмо мое, я начинаю тревожиться. Не сдѣлало ли оно на Васъ дурнаго впечатлѣнія? Не нашли ли Вы, что я присвоилъ себѣ непринадлежащее мнѣ право, написавъ къ Вамъ такое письмо? Я увѣренъ, что Вы скажете мнѣ искренно Ваше мнѣніе не на счетъ содержанія письма моего, а на счетъ того, что я позволилъ себѣ его написать. Въ тоже время я увѣренъ, что Вы поймете и оправдаете передъ собственнымъ Вашимъ сердцемъ чистоту моего намѣренія; этого будетъ для меня довольно. Скажу здѣсь опять: Вамъ нужно слышать отъ любящаго Васъ чело-

вѣка голосъ истины; но здѣсь истиною называю я не то, что̀ *говоритъ*, а то, что̀ самъ *почитаетъ* истиною говорящій. Онъ тѣмъ подаетъ поводъ къ собственному совсѣхстороннему воззрѣнію на предметы и тѣмъ самымъ ведетъ къ открытію истины. Не бойтесь противорѣчія; напротивъ, любите его и уважайте. Нѣтъ ничего выше и достойнѣе уваженія, какъ, имѣя власть матеріальную, умѣть произвольно покоряться власти убѣжденія и справедливости: это главная добродѣтель царей, которымъ Богъ даровалъ и сохранилъ могущество неограниченное, и эта добродѣтель есть въ тоже время главная опора этого Богомъ даннаго могущества.

Жуковскій.

10 (22) Генваря 1846.
Франкфуртъ на Майнѣ.

LXVI.

Спѣшу раздѣлить съ Вашимъ Императорскимъ Высочествомъ чувство, произведенное во мнѣ чтеніемъ рескрипта, который Вы имѣли счастіе получить отъ Государя Императора; спѣшу Васъ поздравить съ полученною и заслуженною наградою. Конечно вся Россія съ одинаковымъ чувствомъ со мною прочитала прекрасныя слова этого рескрипта (до меня дошли они въ Нѣмецкомъ переводѣ). Такого событія на Руси еще не видано. Но это потому, что никогда еще такого царскаго семейства не бывало на Русскомъ тронѣ. Государь въ этомъ отношеніи стоитъ выше всѣхъ своихъ современниковъ и не имѣлъ никого образцемъ между своими предшественниками; какъ отецъ своей семьи, онъ представляетъ зрѣлище необыкновенно-трогательное и высокое. Его любовь къ дѣтямъ есть въ одно время и величественно-царская, и простосердечно-отеческая (я бы даже сказалъ: матерински-нѣжная). Тогда какъ во всѣ времена Исторія говоритъ намъ о недовѣрчивости государей къ своимъ наслѣдникамъ и тайной или явной опозиціи наслѣдниковъ престола съ ихъ отцами: мы видимъ у себя нѣжнѣйшую заботливость Царя о своемъ сынѣ (не по одной необходимости политической, но просто по глубокому родительскому чувству), заботливость о томъ, кто нѣкогда долженъ заступить его мѣсто на тронѣ, заботливость безкорыстную, безъ малѣйшаго эгоизма, безъ всякой оглядки, простое искреннее попеченіе о будущемъ нѣжно-лю-

бимаго сына, а въ немъ и о счастiи царски-любимаго народа. И для Васъ конечно было великимъ событiемъ, могущимъ оставить благотворный слѣдъ на цѣлую жизнь, надѣть на себя эту Владимiрскую ленту, видимый знакъ заслуженнаго одобренiя отъ Царя и отца передъ лицемъ всей Русской имперiи, которая, смотря на Васъ съ упованiемъ, благодаритъ своего Царя за его къ ней любовь, столь величественно выражающуюся въ его усилiяхъ заблаговременно прiучить своего сына къ тяжкому дѣлу царствованiя. Это событiе напоминаетъ мнѣ о первомъ важномъ событiи Вашей жизни, котораго я былъ свидѣтелемъ, о присягѣ Вами произнесенной, когда исполнилось Ваше совершеннолѣтiе. Теперь Вы получили царское благоволенiе за вѣрность этой присягѣ; сожалѣю, что я не могъ быть свидѣтелемъ и не раздѣлилъ съ Вами лично теперешняго Вашего счастiя. Радуюсь имъ въ отдаленiи и прошу Бога, чтобы Онъ, научивъ Васъ съ смиренiемъ принять блистательную царскую награду и давъ Вамъ во всей силѣ почувствовать ея высокое значенiе, сохранилъ Васъ на Вашемъ пути и вразумилъ, какъ продолжать по немъ идти, наблюдая *Его* правду, радуя сердце отца и Государя и часъ отъ часу ближе знакомясь съ тѣмъ, что̀ составляетъ вѣрное благоденствiе народное.

Жуковскiй.

15 (27) Генваря 1846.
Франкфуртъ на Майнѣ.

Въ предъидущемъ 1845 году, во время продолжительнаго заграничнаго путешествiя Николая Павловича, на Александра Николаевича возложено было управленiе текущими государственными дѣлами. П. Б.

LXVII.

Мнѣ пришла въ голову мысль, которую позволяю себѣ сообщить Вашему Высочеству. Рескриптъ, Вами полученный, могъ бы быть важною эпохою для Владимірскаго ордена. Этотъ орденъ совершенно потерялъ свое истинное значеніе. Екатерина установила его первоначально для того, чтобы онъ служилъ наградою *достоинства*, а изъ него вышла награда *по службѣ*, и онъ раздается, какъ всѣ остальные ордена, по установленному порядку службы, по старшинству, по чину. Ваше наименованіе кавалеромъ Владиміра 1-й степени могло бы послужить поводомъ возвращенія Владимірскому ордену его первоначальнаго значенія. Слѣдовало бы только постановить, что съ 1-го числа Генваря 1846 года этотъ орденъ не будетъ иначе даваться какъ по достоинству и что его степени будутъ соотвѣтствовать не классу и чину, а степенямъ заслуги. И дабы отличить этотъ возобновленный орденъ отъ прежняго, надлежало бы сдѣлать нѣкоторое измѣненіе въ самомъ орденскомъ знакѣ.

Чтò скажите объ этой мысли? Я полагаю, что установленіе или, лучше сказать возобновленіе достоинства ордена было бы весьма на Руси полезно.

Начинаю письмо свое поздравленіемъ Вашего Императорскаго Высочества съ Вашею и нашею семейною радостію. Пошли Богъ Свою благодать этому браку и утѣшь имъ вполнѣ сердца родителей, столь тяжкое перенесшихъ испытаніе. Прошу Ваше Высочество быть изъяснителемъ моего сердечнаго радостнаго чувства передъ Государемъ Императоромъ и принести Его Величеству вѣрноподданническое поздравленіе мое и всего моего семейства, столь много милостями его осчастливленнаго.

Всѣмъ сердцемъ благодарю Ваше Высочество за послѣднее Ваше письмо, которое несказанно меня обрадовало. Я не отвѣчалъ на него, дабы не обременить Васъ частою перепискою, но былъ имъ вполнѣ успокоенъ и утѣшенъ. Данное мнѣ Вами позволеніе говорить Вамъ не обинуясь всякую правду есть для меня сокровище неоцѣненное; дай Богъ, чтобы я умѣлъ имъ воспользоваться и чтобы мои мысли, Вамъ передаваемыя, всегда были свѣтлыя и правильныя. Смѣю Вамъ напередъ поручиться, что онѣ во всякомъ случаѣ будутъ выходить изъ источника чистаго, безъ всякой примѣси своекорыстія и если не всегда будутъ безошибочны, то будутъ всегда выраженіемъ вѣрной къ Вамъ любви, выраженіемъ желанія, чтобы Ваша жизнь была права передъ

Богомъ и служила для распространенія правды Его въ Вашемъ народѣ. Это право, данное мнѣ Вами, право быть выразителемъ и оцѣнщикомъ для Васъ общаго мнѣнія, шпіономъ не лицъ, а времени, даетъ мнѣ званіе особеннаго рода, которое могу исполнять и не находясь при Васъ лично; скажу даже, что исполненіе его издали можетъ быть успѣшнѣе, чѣмъ вблизи. Выражаться на письмѣ удобнѣе, нежели на словахъ: слово конечно живѣе и быстрѣе, но оно часто зависитъ отъ вліяній внѣшнихъ; писанное, напротивъ, бываетъ обдумано на свободѣ, передается въ порядкѣ, принимается спокойно и можетъ быть часто повѣряемо, ибо оно остается. Но я не знаю, долго ли буду пользоваться своимъ драгоцѣннымъ правомъ. Надо мною сбирается темная туча: глаза начинаютъ мнѣ измѣнять; правый глазъ уже совсѣмъ почти задернутъ туманомъ; лѣвый видитъ, но я замѣчаю, что и онъ начинаетъ слабѣть; читаю съ трудомъ, пишется легче. Воля Божія! Человѣческая доля есть покорность. Но покорность бываетъ трехъ родовъ: одна прискорбная и ропщущая или рабская, другая безропотная и равнодушная или свободная, третья любящая и благодарная за ниспосылаемое испытаніе или христіанская. Дай Богъ послѣдней. Между тѣмъ, пока еще вижу и могу писать, буду пользоваться этимъ благомъ, какъ могу. Можетъ быть и то, что чаша пройдетъ мимо; надѣюсь, но.... воля Божія.

Теперь обращаюсь къ Вашему Высочеству съ просьбою. Вы всегда были милостиво расположены къ моему тестю Рейтерну и оцѣнили вполнѣ его высокій и чистый характеръ; Вамъ конечно будетъ пріятно сдѣлать ему добро, весьма важное въ тѣсныхъ его обстоятельствахъ. Я пишу все это безъ его вѣдома, дабы не возбудить въ немъ надежды, которая можетъ не быть исполнена. Вотъ въ чемъ дѣло. Въ нынѣшнемъ году онъ, по установленію, долженъ явиться въ Петербургъ, и онъ готовится это исполнить. Но отъ этой поѣздки произойдетъ въ его дѣлахъ величайшее разстройство, трата времени, трата денегъ и чтó еще всего важнѣе неминуемая трата здоровья. Позвольте войти предварительно въ нѣкоторыя объясненія. Мой тесть потерялъ руку на девятнадцатомъ году жизни. Рана его была исцѣлена; но съ тѣхъ поръ начался для него рядъ жестокихъ страданій, которыя часто и почти періодически возобновляются теперь точно такъ, то-есть въ такой же силѣ, какъ начались тогда. Малѣйшее дѣйствіе атмосферы сильно отзывается въ его несуществующей рукѣ, и за всякое постоянное въ погодѣ измѣненіе, за переходъ изъ холода въ тепло, изъ тепла въ холодъ, изъ одного времени года въ другое и прочее, онъ платитъ всегда 24 часами жестокой пытки (замѣчательно то, что эта пытка совершается надъ тѣми частями его руки, которыхъ нѣтъ). Весьма есте-

ственно, что эта, часто возобновляющаяся, пытка дѣйствуетъ сильно на нервы и ихъ раздражаетъ. Со времени женитьбы своей (съ соизволенія покойнаго Государя Александра Павловича, который былъ особенно милостивъ къ моему тестю и которому онъ обязанъ всѣмъ своимъ существованіемъ, нынѣ столь улучшеннымъ благотвореніями всего царскаго семейства), мой тесть поселился въ климатѣ умѣренномъ; возвратиться ему подъ вліяніе нашего холода было бы произвольно отдаться на вѣрную смерть. Изъ всего этого Вы видите, что его пребываніе за границею не есть произвольное, а необходимое. Но онъ, какъ могъ, употребилъ на пользу свою жизнь, оторванную такъ рано отъ той дѣятельности, которая была ему такъ по сердцу: онъ посвятилъ ее на воспитаніе дѣтей, которыя всѣ выросли или, выростаютъ въ любви къ своему отечеству и конечно на полезную ему службу; самъ же, выронивъ саблю изъ правой руки или правильнѣе, потерявъ правую руку для сабли, принялся лѣвою за карандашъ, потомъ за кисть и, благодаря пособію, которое получилъ отъ милостиваго Царя своего, сдѣлался теперь живописцемъ въ своемъ родѣ превосходнымъ. Какого труда это ему стоило при непомѣрныхъ помѣхахъ, происходившихъ отъ лишенія правой руки, это легко Вы можете вообразить. Но затрудненія побѣждены; онъ вполнѣ артистъ (такъ судятъ о немъ всѣ знатоки искусства); осталось только то, что онъ, какъ безрукій, не можетъ работать много и скоро, и что его частые нервическіе недуги поминутно прерываютъ его работу. Кончивъ курсъ практической живописи въ Дюссельдорфѣ, онъ переселился во Франкфуртъ на Майнѣ по двумъ причинамъ: первая та, что Дюссельдорфскій климатъ, хотя и весьма умѣренный, но сырой, началъ ему вредить; вторая та, что во Франкфуртѣ существуетъ школа живописи, которой направленіе будетъ теперь ему гораздо полезнѣе Дюссельдорфской практики, что̀ и дѣйствительно оказалось на самомъ дѣлѣ. У него теперь начаты двѣ картины не въ томъ уже родѣ, какой онъ предпочиталъ прежде (эскизъ одной изъ нихъ Ваше Высочество видѣли въ Дюссельдорфѣ въ моемъ домѣ); но работа до сихъ поръ была часто прерываема отъ нездоровья и отъ нерасположенія духа, которому всякій артистъ, наипаче больной, часто бываетъ подверженъ; теперь однако онъ начинаетъ болѣе нежели когда нибудь входить и съ большимъ успѣхомъ въ трудъ свой; и кто знаетъ жизнь артистовъ, кто знаетъ, какъ независимо отъ ихъ воли то вдохновеніе, безъ котораго никакой трудъ не можетъ быть успѣшенъ, тотъ пойметъ, какъ должно быть драгоцѣнно имъ то время, въ которое они чувствуютъ въ себѣ это сильное стремленіе души, эту необходимость творить и дѣйствовать. Все сказанное мною выше оправдываетъ меня принести Вашему Высочеству (безъ

вѣдома моего тестя) сердечную мою просьбу, чтобы Вы благоволили объяснить его обстоятельства передъ всемилостивѣйшимъ Государемъ Императоромъ. Въ нынѣшнемъ году (если не помѣшаетъ опять болѣзнь) обѣ картины его были бы кончены; но предстоящая поѣздка въ Россію опять на долго прерветъ его работу; а онъ желалъ бы явиться не съ пустыми руками, желалъ бы представить своему благотворителю Государю произведеніе не совсѣмъ недостойное его вниманія. Между тѣмъ мысль, что работа его можетъ не поспѣть во̀-время или можетъ быть прервана, тревожитъ его и становится препятствіемъ самой работѣ, дѣлая ее, такъ сказать, срочною и отымая у него ту свободу духа, которая одна полный успѣхъ дѣлаетъ возможнымъ. Всѣ сіи обстоятельства не могутъ быть извѣстны Государю Императору. Если бы Ваше Высочество, съ тѣмъ доброжелательствомъ, которымъ такъ богато Ваше сердце, благоволили объяснить ихъ въ подробности Его Императорскому Величеству, то смѣю думать, что Государь Императоръ, нашедъ справедливымъ принять въ разсужденіе и тѣсныя обстоятельства отца семейства, и тревоги артиста, и неудачи инвалида, соблаговолилъ бы сдѣлать и для него такое же исключеніе изъ общаго правила, какое сдѣлано было для многихъ и позволилъ бы ему явиться тогда только, когда начатый имъ трудъ будетъ совершенно оконченъ. Прошу Ваше Высочество благоволить обратить милостивое вниманіе на просьбу мою. Прибавлю здѣсь одно, что еслибы Рейтернъ могъ быть причисленъ къ Франкфуртской миссіи (какъ напримѣръ Киль къ Римской, но только безъ всякаго жалованья) и еслибы на него возложено было званіе корреспондента нашей Академіи Художествъ, которой онъ могъ бы отъ времени до времени доставлять многія свѣдѣнія по части художествъ изящныхъ и ихъ литературы, свѣдѣнія, которыя собирать здѣсь, въ центрѣ Германіи и всей западной и южной Европы, гораздо удобнѣе нежели во всякомъ другомъ мѣстѣ: такимъ назначеніемъ пребываніе Рейтерна за границею, обстоятельствами вынуждаемое, обратилось бы въ обязанность, могущую приносить и непосредственную пользу правительству.

За симъ слѣдуетъ описаніе минутнаго поэтическаго сновидѣнія, которое мнѣ причудилось въ ту минуту, какъ поставилъ послѣднюю точку и которое весьма легко можетъ обратиться въ событіе однимъ волшебнымъ царскимъ словомъ. Мнѣ привидѣлся нашъ милый Наслѣдникъ; вижу, что онъ вышелъ изъ кабинета царева, и лице его сіяло отъ удовольствія, и по этому сіянію догадался я, что ему удалось исполнить просьбу своего старика Жуковскаго; и Наслѣдникъ сказалъ кому-то, лица я не разглядѣлъ, похожъ былъ на Семена Алексѣеви-

ча *), только за плечами его было крылышко: написать приказъ, чтобы явился корнетъ кирасирскаго Его Высочества полку Александръ Рейтернъ. Корнетъ Рейтернъ явился (во снѣ почта ходитъ скоро), и Наслѣдникъ сказалъ корнету Рейтерну: тебѣ данъ отпускъ на 28 дней; поѣзжай къ своимъ роднымъ, отдай Жуковскому это письмо и возвратись къ сроку. И.... но въ это мгновеніе сонъ исчезъ; я увидѣлъ себя по прежнему передъ своимъ письменнымъ столомъ.... и передо мною стоялъ бронзовый образъ Наслѣдника.... и этотъ бронзовый молчалъ.... А что́ скажетъ мнѣ живой, не знаю.... А у меня одно про него слово: благослови Богъ всякую минуту его жизни!

Жуковскій.

15 (27) Февраля 1846.
Франкфуртъ на Майнѣ.

LXVIII.

Сію минуту получилъ я письмо офиціальное отъ Олсуфьева и спѣшу въ этихъ строкахъ поцѣловать благодѣтельную руку Вашего Высочества. Мой добрый Рейтернъ и все его семейство неожиданно обрадованы и успокоены и вдвойнѣ тому радуются, что этимъ обязаны Вашей милости, столь несказанно намъ всѣмъ драгоцѣнной; а я не умѣю выразить, какъ я до глубины чувствую, какое для меня счастіе знать, что мое мѣсто въ Вашемъ сердцѣ мнѣ сохранено и надѣяться, что оно всегда моимъ останется. Простите, что я потревожилъ Васъ своимъ послѣднимъ письмомъ. Я всегда былъ мнителенъ, подъ старость отъ этой болѣзни не вылечишься, но съ Вами она неумѣстна: Ваше милое сердце вѣрно какъ золото. Еще разъ благодарю. Теперь мой домашній Рафаэль съ свободнымъ духомъ примется за работу, и я могу напередъ Вамъ предсказать, что это будетъ нѣчто превосходное. Какъ будетъ ему пріятно представить ее своимъ высокимъ благотворителямъ! Простите, благослови Васъ Богъ!

Жуковскій.

1846. Марта 6 (Апрѣля 24),
Франкфуртъ на Майнѣ.

---

*) Юрьевича. П. Б.

LXIX.

Приношу Вашему Императорскому Высочеству сердечную, глубочайшую благодарность за Ваше последнее милостивое письмо, которое всю мою душу обрадовало. Ваша милость ко мнѣ, такъ похожая на дружбу, есть мое милѣйшее сокровище; да сохранитъ его мнѣ Богъ до конца моей жизни и да передастъ его *моимъ*, когда могила покроетъ мои кости. Благодарю Васъ за доставленіе мнѣ прелестнаго письма отъ нашей благословенной невѣсты *); оно несказанно тронуло меня: въ немногихъ строкахъ она съ удивительною простотой высказала свою душу и свое теперешнее счастіе, которое да упрочитъ ей Богъ во славу Его имени. Къ несчастію не удастся мнѣ поблагодарить ее лично за это письмо. Мы полагали до Вашего письма, что Государыня поѣдетъ, какъ прошлаго года, на Ниренбергъ; теперь, и слишкомъ поздно, узнаёмъ, что она ѣдетъ въ Прагу. Гдѣ же возможно будетъ съ нею встрѣтиться?

Жуковскій.

3 (16) Мая 1846.
Франкфуртъ на Майнѣ.

Въ самую ту минуту, какъ я хотѣлъ печатать мое письмо, пришла мнѣ въ голову мысль и пришла такъ неожиданно, такъ живо, что я не могу не принять ея за указаніе, которому долженъ послѣдовать. Пусть будетъ изъ этого что̀ Богу угодно. Въ семьѣ царевой радость и праздникъ. Народъ Русскій радуется и празднуетъ. Пускай же къ радости и празднику присоединится утѣшеніе горя и прощеніе вины. Еслибы въ эту минуту я находился близъ Государя и еслибы имѣлъ право передъ нимъ выразить свою душу, я бы свободно сказалъ ему (и знаю, что его высокая душа не оскорбилась бы моимъ словомъ даже и тогда, когда бы оно было несогласно съ его мнѣніемъ), я бы сказалъ ему: «Государь, дайте волю Вашей благости; она есть высочайшая привилегія самодержавія; помилуйте изгнанниковъ. Двадцать лѣтъ изгнанія удовлетворяютъ всякому правосудію; а между ими уже много такихъ, которые, перетерпѣвъ заслуженное наказаніе, заслуживаютъ теперь не гнѣвъ, а уваженіе». Вотъ что́ бы я сказалъ нашему

*) Великой Княжны Ольги Николаевны. П. Б.

великодушному Царю, указавъ на страницу Евангелія, гдѣ стоитъ слово Спасителя: *Блаженни милостивые, яко тіи помилованны будутъ*, и въ тоже время указавъ на его счастливую дочь, которую онъ передалъ въ руки судьбѣ Божіей съ молитвою къ Богу, чтобы сохранилъ ее на трудномъ пути царства; а Богъ слышитъ и исполняетъ наши молитвы, когда мы сами слышимъ насъ умоляющихъ. Если же не могу говорить прямо Царю, то говорю прямо его Наслѣднику. Если не можетъ быть дано всепрощенія, то пускай хотя нѣкоторые почувствуютъ на себѣ благодать царскаго семейнаго счастія. Я вспомнилъ теперь особенно о двухъ. Одного я видѣлъ въ Курганѣ, другаго хотѣлъ видѣть въ Ялуторовскѣ, но это не удалось мнѣ. (Вы помните эти обстоятельства нашего путешествія). Первый есть *Бригенъ*; онъ теперь живетъ въ Курганѣ и истинно достоинъ уваженія по тому смиренію, съ какимъ сноситъ свою участь. Я получилъ отъ него переводъ *Кесаревыхъ Записокъ*, весьма замѣчательный, который ему позволено мнѣ посвятить и напечатать. Другой *Якушкинъ* (онъ, сколько я помню, пострадалъ за безумное, преступное намѣреніе, которое въ немъ родилось въ такое время, когда онъ былъ какъ безумный самъ отъ обстоятельствъ, и которое въ немъ исчезло гораздо прежде нежели заговоръ открылся, ибо его обстоятельства перемѣнились, и онъ былъ ужѐ мужъ и отецъ семейства). Когда я былъ въ Москвѣ, я читалъ многія письма, имъ писанныя къ женѣ (которой онъ не позволилъ къ себѣ пріѣхать, ввѣривъ ей воспитаніе дѣтей) и къ дѣтямъ. Увѣряю Васъ, что я ничего трогательнѣе не читалъ: ни слова ропотнаго, удивительная ясность и твердость, мужеское христіанское смиреніе (Якушкинъ былъ совершенно невѣрующій, когда былъ взятъ; но въ тюрьмѣ сдѣлался онъ инымъ человѣкомъ, и это великое дѣйствіе несчастія не только не прекратилось, но и произвело совершенное преобразованіе души его). Прочитавъ многія изъ писемъ его, я съ благоговѣніемъ почувствовалъ все величіе испытанія, когда оно принимается христіанствомъ. По настоящему изгнаніе обратилось для него въ добро истинное, ибо (какъ сказалъ Карамзинъ) здѣсь все для души человѣческой. Признавъ себя виновнымъ и покорясь наказанію Божію, онъ не считаетъ себя въ правѣ умолять о помилованіи. Но благость царская сама должна найти его; и какъ она будетъ трогательна и дѣйствительна для народа, когда онъ въ ней увидитъ въ тоже время и выраженіе нѣжнѣйшей любви родительской. Повѣряю Вашему Высочеству эти строки; я и въ мысляхъ не имѣлъ написать ихъ: онѣ вдругъ, неожиданно слились съ пера моего. Скажу Вамъ, что *Бригена* я видѣлъ

только одинъ разъ въ жизни, въ Курганѣ; *Якушкина* же я зналъ ребенкомъ, когда еще онъ былъ въ пенсіонѣ; послѣ я съ нимъ никогда не встрѣчался; слѣдовательно говорю объ обоихъ безъ личнаго пристрастія.

LXX.

Давно уже не имѣлъ я счастія писать къ Вашему Высочеству. Вообще во весь этотъ годъ, начиная съ самаго перваго дня его, я былъ почти ни на что не годенъ: всю зиму хворалъ; потомъ долженъ былъ пить Киссингенскія воды и брать дома ванны, потомъ для подкрѣпленія силъ отправился въ Швальбахъ, гдѣ провелъ цѣлый мѣсяцъ. Теперь послѣдній день моего здѣсь пребыванія. Думаю, что воды и купанье принесли мнѣ пользу; она однако должна оказаться явственнѣе мѣсяца черезъ два. Швальбахъ былъ мнѣ особенно нуженъ и потому, что, не задолго передъ моимъ туда отправленіемъ, началось у меня біеніе сердца, соединенное съ остановкою пульса; теперь оно поднялось и только на короткое время иногда возвращается.

Въ Швальбахѣ встрѣтилъ я многихъ Русскихъ, между прочими Игнатьева, Лазарева, Анрепа. Первые два отправлялись въ Петербургъ; послѣдній остается еще здѣсь съ женою, которая очень слаба: ея леченіе въ Киссингенѣ было весьма разстроенно неожиданнымъ извѣстіемъ о скоропостижной смерти ея матери графини Эльмптъ. Мнѣ пріятно встрѣчать нашихъ Русскихъ; но особенно пріятно потому, что всѣ ихъ вѣсти о Васъ радуютъ мое любящее Васъ сердце; всѣ говорятъ о Васъ съ любовію и съ уваженіемъ къ Вашему благородному характеру; въ этихъ изъявленіяхъ нѣтъ лести: они заочныя, и потому нѣтъ нужды передо мною притворствовать. Помоги Вамъ Богъ заслужить всеобщую неподкупную любовь народа! И здѣсь слово *помоги Богъ* не есть обыкновенная фраза, употребляемая, какъ всѣ другія обыкновенныя фразы; нѣтъ, это слово имѣетъ смыслъ глубокій: любовь народа есть непосредственный даръ Божій, она есть награда посылаемая свыше царямъ за вѣрность ихъ къ Богу въ праведной любви къ народу. Для пріобрѣтенія ея необходима непосредственная помощь Божія; а Богъ помогаетъ только тѣмъ изъ царей и изъ дѣтей царскихъ, которые во всякое время, во всякомъ дѣлѣ, маломъ и великомъ, хранятъ *Его*, а не *свою* правду, творятъ *Его*, а не *свою* волю и, признавая себя представителями Божіими на землѣ, ви-

дять въ этомъ званіи не свое неограниченное полновластіе (весьма легко обращающееся въ самовластіе), а уничтоженіе воли своей передъ высшею, уничтоженіе, изъ котораго выходитъ истинная власть земная, истекаетъ непоколебимое земное могущество. И такое уничтоженіе воли человѣческой передъ Божественною наиболѣе необходимо самодержавію; ибо самодержавіе можетъ быть твердо одною Божіею правдою, которая одна есть его законъ, одна можетъ имъ руководствовать, одна есть его судъ и осужденіе; нарушеніе этой правды есть самоубійство самодержавія. Тогда самодержавіе становится съ одной стороны бунтомъ противъ Бога (съ Которымъ война не даетъ побѣды), а съ другой раздоромъ съ народомъ, который въ великомъ Божественномъ узнаетъ тогда слабое человѣческое и, потерявъ къ нему свое уваженіе, тѣмъ разрушаетъ его существенную силу, которая тогда будетъ опираться не на твердой колоннѣ любви и благоговѣнія, а на невѣрныхъ и ломкихъ клюкахъ страха и раболѣпства. Я почитаю весьма кстати сказать Вамъ такія слова въ день Вашего Ангела: ибо этотъ ангелъ, этотъ данный Вамъ церковью покровитель, котораго великое имя Вы носите, былъ нѣкогда на землѣ Александръ Невскій, положившій душу свою за людей своихъ во исполненіе воли небеснаго Царя своего. Въ тоже время я смѣло увѣренъ, что такой языкъ мой съ Вами не покажется Вамъ никогда неприличнымъ; это не есть языкъ заносчиваго наставленія, а просто выраженіе чувствъ и мыслей, которое у меня съ Вами должно быть свободно. Этимъ святымъ правомъ говорить Вамъ все, что̀ на умѣ и сердцѣ я буду и обязанъ пользоваться безъ всякой оглядки; въ этомъ правѣ, сохранившемся мнѣ отъ нашихъ прежнихъ взаимныхъ отношеній, заключается моя драгоцѣнная съ Вами связь, въ немъ всѣ мои противъ Васъ обязанности, въ немъ вся моя къ Вамъ любовь, и конечно Вамъ будетъ всегда и дорого, и сладостно имѣть во мнѣ человѣка, который во всякое время, не обинуясь, будетъ доводить до Васъ все, что̀ по своему чувству и уму будетъ считать правдой, безъ всякой надменной мысли, чтобы его мнѣніе было лучшее, всегда самое правильное. И было бы горе намъ обоимъ и болѣе горя Вамъ, еслибы какой нибудь страхъ передъ Вами наложилъ молчаніе на уста мои: это было бы Вашимъ осужденіемъ, а для меня сердечнымъ несчастіемъ. Но отъ Васъ такого горя произойти не можетъ: Богъ хранитъ вашу душу; Онъ недаромъ создалъ ее доступною всякому добру, и Вы конечно произвольно не разрушите Его дара. Для всѣхъ насъ правда есть главное дѣло жизни; но для царей особенно она есть манна, падающая съ неба для спа-

сенія цѣлаго народа. Они должны ее любить и радоваться ея встрѣчѣ, въ какомъ бы видѣ она имъ ни представлялась.

Съ неизмѣнною, вѣрною любовію вашъ

Жуковскій.

Франкфуртъ на Майнѣ.
23 Августа (1846).

На подлинномъ письмѣ не означено времени. Можетъ быть, мы и ошиблись, помѣстивъ его здѣсь, и оно относится къ 1845 году. П. Б.

Это письмо, написанное въ Швальбахѣ, отправляется изъ Франкфурта; по возвращеніи моемъ сюда, я получилъ письмо, въ которомъ увѣдомляютъ мéня о днѣ отъѣзда Государыни Императрицы изъ Петербурга. Нынче 23 Августа (4 Сентября); завтра вѣроятно Ея Величество прибудетъ въ Берлинъ. Не знаю, долго ли тамъ она останется и, боясь тамъ ея не застать, я рѣшился ѣхать на перерѣзъ ея дороги въ Ниренбергъ. Если бы я ѣхалъ одинъ, то отправился бы прямо въ Берлинъ; но я ѣду съ женою и дочерью, слѣдственно не могу ѣхать день и ночь, слѣдственно могу бояться разъѣхаться съ Государынею. Въ Ниренбергъ напротивъ пріѣду во всякомъ случаѣ прежде ея и тамъ дождусь ея прибытія. Благослови Богъ ея путешествіе! Зима, проведенная въ тепломъ климатѣ, конечно возвратитъ ей ея силы; самое нужнѣйшее для нея есть совершенный покой. Пошли Богъ Своего небеснаго Ангела-Хранителя въ сопутники нашему доброму земному ангелу!

LXXI.

Пишу нѣсколько строкъ къ Вашему Императорскому Высочеству, чтобы увѣдомить Васъ о неожиданной, живѣйшей радости, какую имѣлъ я въ эту минуту. За полчаса передъ этимъ, когда я сидѣлъ у постели больной жены моей (которая уже третью недѣлю не встаетъ на ноги), вызываетъ меня мой камердинеръ и говоритъ: «на крыльцѣ стоитъ Кавелинъ и проситъ Васъ выйдти къ нему».—Какой Кавелинъ?—«Генералъ-адъютантъ Кавелинъ».—Ты бредишь.—Я побѣжалъ внизъ, и передо мною лицемъ къ лицу Кавелинъ, совсѣмъ здоровый, не худой, какимъ мнѣ его описали, съ своимъ старымъ, знакомымъ мнѣ выраженіемъ въ лицѣ, словомъ точно такой, какимъ я оставилъ его при моемъ отъѣздѣ изъ Петербурга. Можете вообразить, какъ я обрадовался и какъ мнѣ было трогательно увидѣть его воскресшимъ не изъ мертвыхъ, а хуже чѣмъ изъ мертвыхъ. Нѣсколько мѣсяцевъ совершеннаго покоя и потомъ морское купанье, укрѣпившее нервы его, совершенно исцѣлили его отъ болѣзни. Онъ пріѣхалъ во Франкфуртъ для свиданія съ Коппомъ и теперь составитъ планъ жизни для своей зимы, гдѣ бы провести ее. Объ этомъ мы соберемъ общій совѣтъ подъ предсѣдательствомъ Коппа. Какое неожиданное счастіе! Впрочемъ я всегда полагалъ, что спокойствіе будетъ ему цѣлительнымъ лекарствомъ. Я увѣренъ, что это извѣстіе принесетъ Вамъ великую радость (хотя уже Вы конечно давно имѣете всѣ подробности его выздоровленія), почему и поспѣшилъ написать. О себѣ скажу, что эти послѣднія три недѣли были для меня тяжелымъ испытаніемъ: болѣзнь жены была тяжкая—нервная горячка; здѣсь называютъ особенный родъ ея Schleimfieber. До рѣшительной опасности не доходило, благодаря Бога, но она была близко, и моя бѣдная больная очень страдала, ибо ея нервы весьма раздражительны. Началомъ этой болѣзни или ея особенною причиною былъ испугъ отъ землетрясенія. Она еще не кончилась, но уже подошла къ порогу выздоровленія. Къ сожалѣнію, она лишила меня счастія встрѣтить въ Веймарѣ Государыню Великую Княгиню. Когда жена станетъ на ноги, отправлюсь въ Штутгардтъ.

Не получивъ отъ Вашего Высочества отвѣта на многія письма мои, я иногда прихожу въ тревожное недоумѣніе: нѣтъ ли какой особой причины, для меня печальной, Вашего молчанія? Хотя здравый разсудокъ и толкуетъ мнѣ, что Вамъ, при важныхъ разнообразныхъ занятіяхъ Вашихъ, и нѣтъ возможности быть точнымъ въ перепискѣ; но Вы вѣдь знаете мою натуру, какъ она въ подобныхъ случаяхъ пуглива. Не прошу отъ Васъ длиннаго письма, но только въ двухъ словахъ увѣренія, что если Вы *молчите*, то старое по старому; если же *есть* что у Васъ на сердцѣ, тогда не промолчите, а *все выскажете*. Если я буду одинъ разъ навсегда въ этомъ увѣренъ, то и всѣ концы въ воду. Благослови Богъ Васъ и все Ваше семейство.

Жуковскій.

8 (20) Сентября 1846.
Франкфуртъ на Майнѣ.

LXXII.

При наступленіи новаго года спѣшу изъявить Вашему Императорскому Высочеству мое сердечное желаніе, чтобы Ваше благоденствіе семейное и народное было имъ увеличено и упрочено. Прошу Васъ быть милостиво моимъ представителемъ передъ Государемъ Императоромъ и принести Его Величеству мое поздравленіе, выражаемое съ вѣрноподданническимъ благоговѣніемъ и съ глубокою благодарностію за царскія его милости. Начиная этотъ годъ, вспомните съ обыкновенною Вашею милостію и обо мнѣ, и о моемъ семействѣ, гдѣ всѣ видятъ въ Васъ своего добраго генія, всѣ Васъ любятъ нѣжною, благодарною любовію. Это послѣдній годъ, который я и моя семья встрѣчаемъ внѣ отечества; надѣюсь, что при концѣ его буду имѣть великое счастіе лично сказать Вамъ, какъ Вы мнѣ дороги, какъ мое сердце вполнѣ принадлежитъ Вамъ и заставить тоже пролепетать передъ Вами моего сына, Вашего крестника. Прошлый годъ былъ почти ко всѣмъ суровъ и неблагосклоненъ. Горькую память о себѣ оставилъ онъ царскому семейству. И подъ моею смиренною кровлею немного было радости. Я не могу похвалиться и 1845-мъ годомъ: я самъ былъ боленъ и едва не попалъ, какъ увѣряетъ Коппъ, въ водяную. Но прошлый годъ познакомилъ меня съ такими страданіями, какихъ я во всю мою жизнь не испытывалъ. Болѣзнь жены (сильное нервическое разстройство послѣ горячки, мучительное физически и ужасно дѣй-

ствующее на нравственное состояніе души) была для меня богатымъ источникомъ всякаго рода скорби. Не буду Вамъ скучать подробностями. Прошу Бога, чтобы Онъ Васъ избавилъ отъ подобныхъ испытаній. Не смѣю сказать, чтобы теперь женѣ было лучше: Коппъ не находитъ никакой опасности въ ея болѣзни; но онъ не обѣщаетъ, чтобы исцѣленіе пришло прежде весны. Однимъ словомъ, пока эта бѣда передъ глазами, нельзя думать ни о какомъ счастіи. Даже и занятія мои какъ будто разбиты параличемъ: Гомеръ мой въ оба послѣдніе года не подвинулся ни на шагъ впередъ. Дни уходятъ за днями механически; вижу, что мнѣ суждено кончить главный свой трудъ подъ отечественнымъ небомъ, а не съ оконченнымъ трудомъ на родину возвратиться. Постараюсь однако снова въ началѣ года приняться за работу: авось хоть треть ея кончу до своего отъѣзда, о которомъ теперь безпрестанно думаю. Помоги Богъ моей бѣдной женѣ! Говоря объ отъѣздѣ своемъ, я долженъ принести Вашему Императорскому Высочеству мою сердечную благодарность за позволеніе переслать мои немногіе пожитки на Ваше имя. Писавъ объ этомъ къ Олсуфьеву, я самъ просилъ его предварить Васъ, что прошу объ этомъ не для того, чтобы привезти что-нибудь запрещенное и избавить себя отъ издержки за перевозку, а только для того, чтобы избѣжать для вещей моихъ осмотра въ таможнѣ, который весьма часто бываетъ истребителенъ отъ небрежности осмотрщиковъ и обыкновенно продолжителенъ до крайности. Принося Вамъ мою благодарность, прошу Васъ милостиво простить меня, что я позволилъ себѣ наскучить Вамъ просьбою такого рода: Вы слишкомъ избаловали меня своею необыкновенною ко мнѣ снисходительностію; не умѣю Вамъ сказать, какъ мысль о ней меня трогаетъ и какъ все мое сердце Вамъ вполнѣ предано, и какъ оно Васъ нѣжно, сладостно любитъ. Думая объ Васъ и воспоминая мысленно черты Вашего лица, я вижу передъ собою и свѣтлый образъ прошедшаго, лучшаго времени моей жизни, и олицетворенную подпору моей старости, посвященной семейству, и надежду моей семьи, которой вѣроятно надобно будетъ и безъ меня пожить на здѣшнемъ свѣтѣ. Прошу у Бога еще нѣсколькихъ лѣтъ жизни для того единственно, чтобы успѣть оставить моимъ дѣтямъ нѣсколько добрыхъ привычекъ, которыя послѣ помогли бы имъ жить согласно съ Его волею. Сынъ мой добрый и умный мальчишка; съ помощію Божіею обѣщаю образовать въ немъ Русскаго, вѣрнаго слугу отечества, Царя и дѣтей Его. И только для этого прошу отъ Бога жизни.

Заключаю письмо мое вопросомъ: когда я въ послѣдній разъ былъ въ Дармштадтѣ, мнѣ сказали, что весною ожидаютъ тамъ Госу-

дарыню Великую Княгиню. Правда ли это? И не будетъ ли проводникомъ ея Государь Наслѣдникъ?

Жуковскій.

1846. 18 (30) Декабря.
Франкфуртъ на Майнѣ.

LXXIII.

Приношу Вашему Императорскому Высочеству покорнѣйшую просьбу оказать мнѣ милостивое пособіе въ дѣлѣ, изложенномъ въ прилагаемой здѣсь просьбѣ моей на высочайшее имя Государя Императора, которую благоволите взять на себя трудъ представить на Его монаршее разсмотрѣніе. Если я буду такъ счастливъ, что Его Величество найдетъ мое прошеніе справедливымъ (здѣсь законъ противъ меня, но справедливость за меня), то не откажитесь взять подъ Вашъ высокій покровъ моихъ сиротъ Воейковыхъ и позаботьтесь милостиво о томъ, чтобы дѣло было приведено къ окончанію, чтó можетъ быть сдѣлано безъ всякаго замедленія, какъ то изложено въ прилагаемой здѣсь запискѣ *). Въ этомъ дѣлѣ, какъ Ваше Высочество изъ самой просьбы моей увидите, я хлопочу не о собственной выгодѣ, а только о томъ, чтобы денежный капиталъ, мною данный и составленный въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ изъ собственнаго моего имущества, достался тѣмъ, кому былъ мною назначенъ. Если я предварительно не выразилъ воли своей на бумагѣ, то я, самъ живой, могу столько же значить, какъ мертвая, мною же подписанная бумага, и мое теперешнее личное свидѣтельство можетъ имѣть такую же силу, какую бы имѣло мое предварительное письменное. Я прошу не нарушенія закона существующаго, а его дополненія въ такомъ случаѣ, который не былъ имъ предвидѣнъ и гдѣ онъ въ противорѣчіи съ справедливостію. Жаль мнѣ будетъ, если мое пожертвованіе пойдетъ на вѣтеръ. Хорошо еще, что не весь капиталъ, данный мною Екатеринѣ Воейковой, внесенъ въ казенное мѣсто на ея имя и что почти половина его положена на мое: по крайней мѣрѣ эту половину я сохраню для тѣхъ, которымъ вся сумма была мною назначена. Но смѣю думать, что высочайшая воля Государя Императора найдетъ возможнымъ согласить законъ съ справедливостію.

---

*) Приложеній при письмѣ не имѣется. Дѣло идетъ о наслѣдствѣ послѣ умершей Е. А. Воейковой, которое, по закону, присуждалось ея брату, находившемуся въ умственномъ разстройствѣ. П. Б.

Пользуюсь симъ случаемъ, чтобы предварить Ваше Высочество на счетъ одного непріятнаго для меня обстоятельства. Болѣзнь жены моей продолжается: она очень мучительна, но не опасна, и я крѣпко надѣюсь, что весна возвратитъ ей здоровье и что моему отъѣзду въ Россію помѣхи не будетъ. Но вотъ чтó случилось. Здѣсь, во Франкфуртѣ, находится графиня Еглофштейнъ, которую и Вы знаете лично, бывшая фрейлина при дворѣ Веймарскомъ. Она сказывала моему тестю Рейтерну (а я объ этомъ узналъ отъ него), что она писала о положеніи жены моей къ Ея Высочеству Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ и что Великая Княгиня въ своемъ отвѣтѣ графинѣ увѣдомляетъ ее, что намѣрена писать къ Государынѣ Императрицѣ о томъ, чтобы мнѣ позволено было остаться за границею. Если подлинно Великая Княгиня объ этомъ писала, то для меня (при всей моей благодарности за доброе намѣреніе Ея Высочества) это весьма, весьма непріятно, и я убѣждаю Ваше Высочество поправить это дѣло, предупредивъ Ея Величество, что я не прошу и не желаю отпуска. Я во всякомъ случаѣ исполню свою обязанность: если жена моя оправится, то пріѣду съ нею; если же будетъ не въ состояніи ѣхать, то пріѣду одинъ. Государь былъ слишкомъ милостивъ, соизволивъ одинъ разъ дать мнѣ отсрочку (которая была впрочемъ нужна для моего собственнаго леченія); теперь этой причины нѣтъ, и я непремѣнно пріѣду. Это мнѣ самому необходимо: я слишкомъ давно не видалъ отечества, и здѣсь покорность волѣ Государя есть всепревышающая обязанность.

Прошу Бога о сохраненіи драгоцѣннаго здоровья Вашего Высочества и о продолженіи мнѣ Вашей милости.

В. Жуковскій.

Генваря 20-го 1847.
Франкфуртъ на Майнѣ.

LXXIV.

Послѣ моего послѣдняго письма къ Вашему Императорскому Высочеству много печальнаго произошло въ моемъ семействѣ. Я осмѣливаюсь, обращая Ваше вниманіе на эти подробности, отнять у Васъ нѣсколько минутъ изъ Вашего времени, столь огромнымъ занятіямъ посвященнаго. Изъ того всеобъемлющаго круга, въ которомъ, дѣйствуя на одно *цѣлое*, Вы такъ далеко бываете отъ всего *частнаго*, Вамъ необходимо иногда заглядывать туда, гдѣ въ маленькомъ кругѣ совершается чисто-человѣческое, дѣйствующее на одну только душу,

безъ всякой примѣси внѣшняго. На старости лѣтъ, въ школѣ семейной жизни, я много почерпнулъ тѣхъ знаній, которыя наиболѣе для насъ необходимы. Но въ послѣдніе два года и особенно въ послѣдніе дни преподаваніе этихъ уроковъ было строже обыкновеннаго: болѣзнь жены не миновалась; она пріобрѣла какой-то періодическій характеръ; двѣ недѣли ей легче, двѣ недѣли гораздо тяжелѣ. Но до сихъ поръ семейство моего Рейтерна было намъ въ помощь: безпрестанно или мать или одна изъ сестеръ жены были съ нами и помогали моей страдалицѣ. Вдругъ занемогъ самъ Рейтернъ, не тяжело, но болѣзнь заперла его дома; это насъ разлучило, но не совсѣмъ. Потомъ (назадъ тому болѣе трехъ недѣль) занемогъ нервическою горячкою одинъ изъ младшихъ сыновей Рейтерна, прекрасный, полный надежды мальчикъ; это насъ совсѣмъ разрознило. И вотъ, наконецъ, за двѣ недѣли передъ симъ, слегла въ постелю старшая изъ сестеръ жены, милое, доброе созданіе, прелесть лицемъ и свойствами; у ней открылся сильный тифусъ. Тутъ разлука съ семействомъ сдѣлалась новою, ужасною болѣзнію для жены моей; и я, будучи ежедневно съ нею, одинъ, глазъ на глазъ, долженъ былъ, безъ всякой возможности ей помочь, считая тяжелый ходъ минутъ, быть свидѣтелемъ, какъ она, подъ когтями собственной муки, была въ безпрестанномъ трепетѣ о томъ, что̀ происходило въ ея семьѣ. Это время было тяжкимъ урокомъ терпѣнія. Наконецъ, на десятый день болѣзни сестры, приговоръ доктора рѣшилъ, что къ ея спасенію не было ни малѣйшей надежды. Тутъ началось для меня зрѣлище инаго рода: открылся рядъ мыслей и чувствъ, которыя тогда только во всей глубинѣ своей намъ понятны, когда не изъ нашихъ бѣдныхъ умствованій, а непосредственно изъ Божіихъ испытаній проистекаютъ. Я увидѣлъ передъ собою отца-христіанина, безропотно отдающаго свое дитя въ руку Бога. И всѣ обстоятельства бѣдствія, отъ пролившейся на него отрады свыше, сдѣлались умилительно-прекрасны. Умирающая, которая только въ началѣ болѣзни сильно страдала, была въ эту минуту спокойна и какъ будто весела, ибо наканунѣ въ полной памяти причастилась Св. Таинъ, и все для нея просіяло: болѣзнь свирѣпствовала надъ тѣломъ; но всякій разъ, когда живая душа проглядывала сквозь кору этого мертвѣющаго тѣла и брала надъ нимъ верхъ, на болѣзненномъ лицѣ выражалась ясность этой уже очищенной души, ожидающей своего освобожденія. На другое утро отецъ и сестра сидѣли надъ больною; она лежала тихо, ни малѣйшаго не было страданія; была чувствительна еще теплота жизни, но память уже исчезла, глаза были закрыты. Отецъ и сестра смотрѣли пристально въ спокойное лицо; послышался не вздохъ, а тихій, гармоническій шепотъ; отецъ ищетъ пульса, его нѣтъ; кладетъ руку

на сердце, оно молчитъ. Что̀ это? спрашиваетъ онъ у женщины, смотрѣвшей за больною. Та отвѣчаетъ: это смерть. Такъ тихо и незамѣтно совершилось удаленіе этой души изъ свѣта. Все, что̀ пролилось въ нее съ таинствомъ Причащенія, осталось отпечатаннымъ на лицѣ, поблѣднѣвшемъ какъ мраморъ, но сохранившемъ въ неподвижныхъ чертахъ своихъ то чувство, которое наполняло душу въ ея послѣднюю земную минуту. Когда я пришелъ къ отцу, я нашелъ въ немъ что-то торжественное, что-то похожее на радость, и его крѣпость перелилася въ душу бѣдной матери. Тутъ мнѣ стало ясно, что̀ такое отецъ въ своемъ семействѣ: онъ первосвященникъ въ храмѣ; онъ приноситъ жертву, и вся семья за нимъ ее приноситъ. Какая бы ни была эта жертва, назначаемая самимъ Создателемъ—мелкая ли ежедневная, великая ли и, такъ сказать, праздничная, жертва ли принятія или утраты земнаго блага, ей все одно имя—жертва. И вотъ какія слова я услышалъ въ эту минуту семейной праздничной жертвы: «Надъ нами совершилось великое», сказалъ онъ матери; «будь благословенъ Богъ! Мы своими глазами видѣли переходъ нашей дочери въ Божій домъ; мы знаемъ *навѣрное*, безъ малѣйшаго земнаго сомнѣнія, по свидѣтельству Христа Спасителя, что она получила все, чего бы мы только могли пожелать, но чего никакою силою нашей любви не могли ни дать, ни сохранить ей въ здѣшней жизни. Мы можемъ только благодарить. И съ этой поры, послѣ такого яснаго узнанія милости неизреченной, не позволимъ себѣ никогда ни пожалѣть, что она отъ насъ взята, ни пожелать, чтобы она была съ нами. Мы же будемъ смирны, и чтобы наше горе не пересилило никогда нашей теперешней радости. Если дадимъ волю этому своекорыстному горю, то оно мало по малу перетянетъ насъ въ темноту свою, и чистый свѣтъ Божіяго дѣла для насъ потемнѣетъ. И такъ за самихъ себя покорность и слезы безъ ропота, за нее благодареніе и радость!» Какой необъятный смыслъ имѣютъ подобныя слова, когда ихъ отецъ произноситъ надъ смертною постелію дочери! Для меня были они святѣйшимъ поученіемъ и опытомъ сердца; для такихъ поученій мы и на старости лѣтъ младенцы. Это высокое христіанское спокойствіе (не мгновенная вспышка, а глубокое смиреніе души, принесшей Авраамову жертву) сохранилось въ немъ неизмѣнно. Вчера онъ отпустилъ изъ своего дома земные остатки милой дочери, проведшей подъ его кровлею двадцать шесть прекрасныхъ лѣтъ; самъ онъ ея не проводилъ, но за то собрались всѣ жители Саксенгаузена (предмѣстіе Франкфурта за Майномъ, гдѣ мы живемъ въ полномъ уединеніи); ихъ дочери съ вѣнками изъ цвѣтовъ пошли передъ гробомъ, который, осыпанный цвѣтами, на черныхъ дрогахъ своихъ, стоялъ какъ корзина полная цвѣтовъ весеннихъ; отцы

и матери пошли позади, и такимъ образомъ цѣлое населеніе собралось, чтобы отдать почесть молодой умершей дѣвушкѣ, безъ всякаго съ нашей стороны приглашенія, изъ одной любви къ доброму отцу ея. Теперь въ домѣ его стало тихо; но эта тишина гораздо тягостнѣе первыхъ минутъ утраты. Въ эти первыя минуты, когда представляется душѣ воля всевышняя во всемъ своемъ величіи, она преисполнена приносимою отъ нея жертвою; но когда уже все кончено и когда милый мертвый покинулъ домъ, оставивъ въ немъ послѣ себя одно опустѣлое мѣсто свое, когда начинается опять ежедневное, душа спускается съ высоты своей въ низменность жизни, и тогда нужна ей вся ея сила, чтобы посреди разрушенныхъ привычекъ, при безпрестанно возобновляющихся судорогахъ воспоминанія и сѣтованія, сохранить въ себѣ первоначальное спокойствіе смиренія и вѣры. Богъ поможетъ отцу устоять на ногахъ подъ крестомъ, который онъ такъ покорно принялъ; а на него обопрется и плачущая мать. Между тѣмъ ихъ тревога о больномъ сынѣ продолжается, и его болѣзнь тяжкая: онъ все еще не вышелъ изъ сомнительнаго положенія, все на волоскѣ. Отецъ, смотря на больнаго, говоритъ: «Нашъ долгъ одинъ— ждать покорно что́ повелитъ всевышняя воля, не дѣлая съ нею никакихъ условій».

Таковы были для меня послѣдніе дни. Я описалъ Вашему Высочеству все подробно, ибо чувствовалъ нужду въ Вашемъ участіи. Сверхъ того мнѣ хотѣлось на минуту перевести Васъ изъ царскаго дворца подъ кровлю смиреннаго инвалида, отъ житейскихъ величій къ святилищу смерти, отъ многообъемлющихъ дѣлъ государственныхъ къ тѣснымъ (по видимому) дѣламъ души человѣческой. Эти дѣла, незамѣтно совершающіяся посреди грома и возни событій житейскихъ, кажутся потому ничтожными; но по настоящему въ нихъ заключается все существенное. Съ тѣхъ поръ, какъ міръ стоитъ, сколько народовъ и царствъ исчезло. Все ихъ безсмертіе заключено для потомковъ, столь же скоро переходящихъ какъ и они, въ однихъ легкихъ листахъ Исторіи, невѣрныхъ хранителяхъ минувшаго и столь же тлѣнныхъ, какъ тѣ поколѣнія, которымъ они проповѣдуютъ безъ успѣха о томъ что́ было, не исцѣляя бѣдъ настоящаго, не отвращая неизбѣжнаго будущаго. Но съ тѣхъ поръ какъ міръ стоитъ, еще ни одна душа человѣческая не уничтожилась; что́ въ каждой совершилось, то въ ней и съ ней пребываетъ вѣчно; что́ была она въ минуты испытаній житейскихъ и въ полную откровенія минуту смерти, то есть ея исторія истинная, написанная рукою Вѣчнаго Бытописателя. Мы всѣ встрѣчали и будемъ встрѣчать эти минуты испытанія; ни одинъ изъ насъ не уйдетъ отъ этой минуты смертной, въ которую откроется ему, что

все насъ окружающее, все земное, такъ нами желанное, или такъ страшное, всѣ удивляющія насъ величія, тяжкія бѣдствія, легкія радости, не иное что, какъ явленія, пролетающія быстро одно за другимъ передъ нашею душею, дабы она, посреди ихъ измѣняемости, схватывая на лету ихъ все ей принадлежащее неизмѣнное, могла созрѣть для своего истиннаго, вѣчнаго назначенія, созрѣть здѣсь на землѣ, на какомъ бы то ни было земномъ мѣстѣ, посреди ли всемогущества царскаго, подъ кровлею ли нищеты, на сценѣ ли всенародной, въ уединенномъ ли уголку семейномъ. *Здѣсь все для души человѣческой*, сказалъ незабвенный Карамзинъ. Такимъ образомъ и теперь принять съ участіемъ человѣческимъ въ Вашу царственную душу то, что̀ произошло въ душѣ отца-христіанина при вѣчной его разлукѣ съ дочерью будетъ: *заняться на минуту важнѣйшимъ дѣломъ души человѣческой*, именно тѣмъ, что̀ должно служить основаніемъ дѣйствій, совершаемыхъ каждымъ изъ насъ на томъ мѣстѣ, которое здѣсь намъ указано Божіимъ Промысломъ, которое мы покинемъ, съ которымъ покинемъ и всѣ призраки блестящіе или мрачные, радостные или печальные, его теперь окружающіе, сами по себѣ ничтожные, но для насъ существенные потому, что безъ нихъ мы не имѣли бы случая опытомъ пріобрѣсти нашего главнаго блага:—покорности вышней волѣ. А эта высшая воля во всякую минуту жизни и всякимъ событіемъ, и ежедневнымъ, и необычайнымъ, изъявляется намъ ясно, и если мы будемъ, подчиняя ей собственную, во всякую настоящую минуту, слѣдовать яснымъ ея указаніямъ, не заботясь о послѣдствіяхъ, то сіи послѣдствія составятъ наконецъ гармоническое цѣлое, и наша душа пріобрѣтетъ, какъ награду, то великое спокойствіе Божіе или лучше сказать то смиреніе, которое одно даетъ надлежащую значительность дѣяніямъ здѣшнимъ и будетъ неутратнымъ сокровищемъ жизни вѣчной.

Прося Ваше Высочество милостиво простить моей старости ея сердечное многословіе, обращаюсь теперь къ самому себѣ. Въ прошломъ году я осмѣлился обратиться къ Государю Императору съ моею всеподданнѣйшею просьбою позволить остаться мнѣ до половины нынѣшняго года за границею. Его Величество всемилостивѣйше благоволилъ исполнить эту просьбу. Но вотъ, ничто изъ того не исполнилось, для чего я просилъ себѣ отстрочки: жены Швальбахъ не исцѣлилъ; знойное лѣто разстроило ея здоровье; съ самаго Сентября она почти не покидаетъ постели. Я здоровъ въ эту минуту совершенно; но сперва отъ собственной болѣзни моей, потомъ отъ безпрестанныхъ тревогъ душевныхъ мои работы разстроились: я не могъ продолжать главнаго труда своего, для котораго мнѣ такъ нужны досугъ и уединеніе. Все это служитъ новымъ доказательствомъ, что мы

не должны загадывать въ даль, что намъ надобно слѣдовать однимъ указаніямъ настоящей минуты и въ ней прислушиваться къ голосу своего долга. Мой теперешній долгъ мнѣ ясенъ; онъ же согласенъ и съ моимъ сердечнымъ желаніемъ: я обязанъ возвратиться въ отечество. Но обстоятельства неожиданно-горестнымъ образомъ перемѣнились. Въ семействѣ жены моей, не испытавшемъ никакихъ утратъ донынѣ, одно мѣсто вдругъ опустѣло. Останется ли занятымъ другое, это знаетъ Богъ. Перемѣна мѣста и путешествіе могутъ благодѣтельно дѣйствовать на болѣзнь жены моей; это я знаю; но что̀ произведетъ въ ея душѣ разлука съ семьею въ такихъ обстоятельствахъ, этого не знаю. Почитать ли эти обстоятельства указаніемъ свыше, и этого не знаю. Не могу выбрать между двумя обязанностями, равно для меня святыми; не могу ни просить одного, ни оставить безъ вниманія другаго. Помогите мнѣ въ этомъ тяжкомъ внутреннемъ раздорѣ. Покажите эти строки Государю: то, что́ въ нихъ описано, было вполнѣ извѣдано его отеческою душею. Онъ прочтетъ ихъ съ участіемъ. А то, что̀ онъ рѣшитъ, будетъ для меня выраженіемъ высшей воли, при которомъ мнѣ не останется никакого сомнѣнія и выбора: я буду успокоенъ сердцемъ, которое въ благодарномъ исполненіи воли его найдетъ полное для себя удовлетвореніе. Но съ другой стороны, безъ всякаго колебанія и сомнѣнія, осмѣливаюсь положить на его отеческое сердце слѣдующую просьбу: одно его царское слово можетъ пролить цѣлебный бальзамъ на рану отца, схоронившаго милую дочь. Повергаюсь къ стопамъ Его Величества съ уповающею молитвою позволить сыну Рейтерна посѣтить свое семейство, съ которымъ онъ ужъ болѣе четырехъ лѣтъ въ разлукѣ. Въ теперешнюю минуту это будетъ благотвореніемъ несказаннымъ. Отецъ не знаетъ о моей просьбѣ; я не хочу возбуждать въ немъ надежды, которая, можетъ быть, не должна исполниться; но смѣю самъ надѣяться, что моя молитва не будетъ отвергнута Государемъ, котораго милостями все мое семейство такъ щедро осыпано. Будьте за насъ ходатаемъ. Цѣлую Вашу милую руку.

Жуковскій.

16 (28) Февраля 1847.
Франкфуртъ на Майнѣ.

LXXV.

Письмо Вашего Императорскаго Высочества, несказанно милостивое, тронуло меня до глубины сердца. Благодарю, благодарю Васъ за эти милыя строки, которыя въ настоящихъ моихъ обстоятельствахъ вдвое для меня утѣшительны. Прошу Бога, чтобы Онъ сохранилъ мнѣ навсегда это мѣсто въ Вашемъ сердцѣ, гдѣ мнѣ такъ пріютно и радостно и гдѣ на старости лѣтъ я такъ молодѣю чувствомъ и мыслію. Оно мнѣ такъ же дорого, какъ мѣсто въ моемъ семействѣ, и въ него я переношу все свое лучшее, какъ въ свой любезный кругъ домашній.

Цѣлую милостивую руку Государя, написавшую на моей просьбѣ тѣ строки, которыя прочиталъ я съ глубочайшей къ нему благодарностію. Причины, изъявленныя министромъ юстиціи, по которымъ не можетъ быть въ пользу моего требованія, основаннаго на справедливости, сдѣлано изъятіе изъ существующаго закона, ясны и неоспоримы. Полагая возможнымъ не *изъятіе* изъ закона, а его *дополненіе* и на будущіе подобные моему случаи, имъ не предвидѣнные, я почиталъ себя обязаннымъ представить на высочайшее разрѣшеніе мои обстоятельства, самъ напередъ признавая, что законъ имъ противорѣчитъ. Министръ юстиціи совершенно правъ, утверждая, что *изъятіе* въ семъ частномъ случаѣ было бы весьма опасно и потрясло бы законъ коренной въ его основаніяхъ. Можно ли тутъ сѣтовать? Твердая законность есть подпора порядка и благоденствія государственнаго. Я только могу радоваться милостію Государя, такъ благосклонно обратившаго свое вниманіе на мою всеподданнѣйшую просьбу. Прошу Ваше Императорское Высочество положить къ стопамъ его выраженіе моей благодарности за его царскую драгоцѣнную милость.

Вы уже теперь имѣете въ рукахъ мое послѣднее письмо. Прибавлю къ нему, что бѣдный сынъ Рейтерна все еще болѣнъ и тяжело. Дней за пять передъ симъ отецъ думалъ, что и его отнесетъ въ могилу; но ему теперь лучше. Коппъ позволяетъ надѣяться, надѣяться въ человѣческомъ смыслѣ; въ настоящемъ же, истинномъ смыслѣ можно и должно только *ожидать* съ покорностію чтó повелитъ всевышняя воля, не упреждая ея ни желаніемъ, ни надеждою.

Я и буду ожидать съ покорностію чтó повелитъ мнѣ воля Государя, которая теперь мнѣ будетъ выраженіемъ воли верховной; во всякомъ случаѣ утѣшаю себя мыслію, что увижу здѣсь Ваше Высо-

чество. Благослови Богъ Вашъ путь и пошли полный успѣхъ тому, для чего Вы намѣрены предпринять его.

Моя больная жена благодаритъ Ваше Высочество за милостивое воспоминаніе. И она и я приносимъ глубочайшее наше почтеніе Государынѣ Великой Княгинѣ.

Жуковскій.

21 Февраля (5 Марта) 1847.
Франкфуртъ на Майнѣ.

LXXVI.

Приношу Вашему Императорскому Высочеству мое и всей моей семьи сердечное поздравленіе со днемъ Вашего рожденія. Нынче начинается тридцатый годъ съ того дня, въ который вся Россія, представляемая Москвою, привѣтствовала Васъ при вступленіи въ свѣтъ, и въ которой я одинъ изъ первыхъ увидѣлъ васъ обвитаго первыми пеленками на рукахъ незабвенной нашей императрицы Маріи Ѳедоровны. Нынѣшній день есть, можно сказать, первый *полной мужественной жизни.* Благослови его Всевышній, и да будутъ услышаны Имъ тѣ молитвы, которыя въ этотъ день посылаетъ къ нему за Васъ мое любящее Васъ сердце. Будетъ уже почти конецъ Апрѣля, когда дойдетъ до Васъ это письмо; оно, можетъ быть найдетъ уже Ваши и наши надежды исполненными... О, да будутъ онѣ исполнены къ радости! Во всякомъ случаѣ мы въ отеческой рукѣ Всемогущаго, и Его всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ. Прошу у Васъ величайшей милости—напишите мнѣ хоть строку о томъ, чтó у Васъ по волѣ Божіей будетъ или велите написать, только немедленно. Правда, я могу имѣть самыя скорѣйшія извѣстія, ибо тотчасъ отправится курьеръ въ Дармштадтъ, куда дорога изъ Франкфурта почти мимо моего дома. Мы ждемъ съ молитвою за Васъ и съ довѣренностію къ Божію Промыслу этой святой минуты; да принесетъ она намъ новое счастіе, достойное Вашего чистаго сердца.

На послѣднее письмо мое я еще не имѣлъ счастія получить отъ Вашего Высочества отвѣта; это, думаю отъ того, что Вы хотите мнѣ дать его съ Рейтерномъ; онъ еще до сихъ поръ не могъ отправиться въ путь свой; но отъ него я имѣю извѣстіе о милости, ему оказанной по Вашему высокому ходатайству. Цѣлую Вашу руку за этотъ новый знакъ благоволенія ко мнѣ и къ моему семейству. У насъ тихо и грустно; характеръ этой грусти не перемѣнился, она все таже,

преданная покорно Тому, Кто ниспослалъ Свое испытаніе, какъ Отецъ Всемогущій, слѣдовательно какъ благостный, ибо всемогущество и благость одно и тоже. Не болѣе десяти дней, какъ младшій братъ, за недѣлю до болѣзни сестры занемогшій, вышелъ изъ крайней опасности; но выздоровленіе продержитъ его еще недѣли четыре въ постели. Нервы моей жены поуспокоились; она начала поправляться; весна, которая однако еще все похожа на зиму, ей помогла. Коппъ увѣряетъ, что она на дорогѣ къ полному выздоровленію, но еще медлитъ сказать рѣшительный приговоръ свой. Начало нынѣшняго года и послѣдняя половина прошедшаго составляютъ самую тревожную и печальную эпоху моей жизни; но, благодареніе Богу, въ эти-то эпохи Онъ громче стучится у дверей сердца: мнѣ внятнѣе слышался Его голосъ, и понятнѣе сдѣлалось дѣйствіе любви Его надъ нашею душею. Что̀ были бы мы всѣ безъ этого свѣта и безъ этой силы, которые даетъ намъ Его откровеніе, присланное Имъ въ лицѣ Искупителя? И какъ все житейское вполнѣ разрѣшается однимъ слово: *покорность вышней волѣ*!

Въ Іюнѣ надѣюсь Васъ увидѣть на берегу Рейна, и эта надежда всѣхъ насъ радуетъ. Здѣсь пронесся слухъ, что Государь Императоръ будетъ въ Штутгардтѣ; теперь говорятъ, что не будетъ. Слухи о нездоровьи Его Величества насъ было встревожили; но, благодаря Бога, не надолго. Я писалъ въ Штутгардтъ, но оттуда не получилъ никакого опредѣленнаго извѣстія о прибытіи Государя. Осмѣливаюсь просить Ваше Высочество дать мнѣ знать объ отъѣздѣ Его Величества *вмѣстѣ съ его отъѣздомъ черезъ кого нибудь изъ сопутствующихъ*, дабы я не пропустилъ времени и могъ имѣть счастіе увидѣть моего всемилостивѣйшаго Императора.

Жуковскій.

17 (29) Апрѣля 1847.
Франкфуртъ на Майнѣ.

LXXVII.

Ваше Императорское Высочество можете легко вообразить, какъ меня и всѣхъ моихъ обрадовало извѣстіе о благополучномъ рожденіи третьяго Русскаго Владиміра. Слухи объ этомъ счастливомъ событіи, по милости телеграфа, за два дня до прибытія курьера достигли къ намъ во Франкфуртъ; мы имъ вѣрили, потому что они пришли къ намъ изъ Дармштадта; не менѣе того явленіе фельдъегеря съ письмомъ отъ Васъ было свѣжею, живою радостію. Приношу Вамъ и Государынѣ Великой Княгинѣ наше сердечное поздравленіе; прошу также положить изъявленіе нашихъ радостныхъ чувствъ къ стопамъ Ихъ Величествъ Государя и Государыни. Теперь будемъ ждать съ нетерпѣніемъ дальнѣйшихъ извѣстій о состояніи драгоцѣннаго здоровья Государыни Великой Княгини; вѣроятно Вы прикажете мнѣ что нибудь съ молодымъ Рейтерномъ. Живо чувствую Вашу милость въ томъ, что Вы почти въ самыя первыя, всегда смутныя, минуты радости вспомнили обо мнѣ и подарили меня драгоцѣннымъ собственноручнымъ письмомъ, которое такъ для меня трогательно и тѣмъ, что́ Вы говорите о себѣ и тѣмъ, что́ говорите объ насъ. Дай Богъ Владиміру жизни, достойной его имени, ознаменованной такою же дѣятельностію, какая прославила двухъ его древнихъ соименниковъ, изъ которыхъ первый освѣтилъ Россію свѣтомъ, а второй былъ, въ образецъ всѣмъ, неизмѣннымъ блюстителемъ Божіей правды. Смотря на Русскаго крѣпкаго Царя, окруженнаго четырьмя сыновьями и тремя внуками, еще цвѣтущаго силою посреди разцвѣтшихъ и разцвѣтающихъ двухъ поколѣній, убѣждаешься, что Провидѣніе заботится о утвержденіи Русскаго трона. Будь Его благословеніе надъ Царемъ, Наслѣдникомъ царевымъ и нашею Россіею!

Благодарю Ваше Высочество за исходатайствованіе мнѣ новой милости царской въ позволеніи остаться до тѣхъ поръ на мѣстѣ, пока того будетъ требовать здоровье жены моей. Теперь, благодаря дѣйствію весны, ей лучше, и если это такъ продолжится, то нашему путешествію препятствія не будетъ. Душа успокоится, когда я увижу себя и своихъ на постоянномъ мѣстѣ. Но долженъ признаться, что будетъ тяжело мнѣ отрывать жену мою отъ ея семьи, съ которою и я такъ сжился въ теченіе шести лѣтъ, самыхъ мирныхъ во всей моей жизни: я провелъ эти года въ совершенномъ отлученіи отъ внѣшняго міра, жилъ для одной семьи и для однихъ своихъ литературныхъ работъ, которыя, по окончаніи Одиссеи (если Богъ позволитъ), должны

получить *иной* характеръ. Другой жизни мнѣ и искать теперь не можно: послѣдніе мои годы должны быть посвящены моей душѣ для *моего* нездѣшняго будущаго и душѣ моихъ дѣтей для ихъ здѣшней жизни. Вотъ почему мнѣ особенно жаль, что послѣдніе два года, въ которые было такъ много болѣзней, не подвинули впередъ моего поэтическаго труда. Мнѣ хотѣлось воротиться на родину, довершенно отдѣлавшись отъ всякой другой заботы, съ трудомъ совершеннымъ (который долженъ остаться моимъ памятникомъ отечеству), съ полною свободою перейти къ другимъ занятіямъ; для окончанія этого труда необходимо для меня это полное уединеніе, эта совершенная отлученность отъ внѣшняго. Въ первое время по возвращеніи въ Россію я долженъ буду заняться матеріальнымъ дѣломъ жизни—основаніемъ моего дома; это оторветъ меня отъ труда моего. На долго ли? Не знаю. А жизнь старѣется и бѣжитъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ старѣе становится. Во всякомъ случаѣ дождусь здѣсь Вашего прибытія. Теперь еще нельзя и думать объ отъѣздѣ; но къ началу Августа, можетъ быть и ранѣе, все, надѣюсь, придетъ въ порядокъ.

Жуковскій.

9 Мая (27 Апрѣля) 1847.
Франкфуртъ на Майнѣ.

LXXVIII.

Ваше Императорское Высочество полагаете, вѣроятно, что я теперь уже у подошвы Альповъ и пью живительный горный воздухъ. А я, напротивъ, въ Эмсѣ, въ тѣхъ самыхъ горницахъ, гдѣ видѣлъ нѣкогда Васъ и гдѣ потомъ имѣла свое пребываніе наша милостивая Императрица. Коппъ нашелъ, что болѣзнь жены моей требуетъ не одного отдыха, но еще и кореннаго лѣченія; онъ перемѣнилъ свой приговоръ и послалъ ее пить Эмскія воды, чтобъ послѣ довершить ихъ дѣйствіе вліяніемъ горнаго Швейцарскаго воздуха.—Чудно мнѣ было, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, очутиться опять на томъ мѣстѣ, гдѣ столько рѣшительнаго въ жизни моей совершилось, гдѣ, такъ сказать, была колыбель, изъ которой я на старости лѣтъ вышелъ ребенкомъ для новой здѣшней жизни, совсѣмъ непохожей на прежнюю. Какъ живо являются предо мною тѣ лица, которыя тогда окружали эту старческую колыбель и которыя, какъ то случается въ волшебныхъ сказкахъ, подобно благодѣтельнымъ феямъ и волшебникамъ, слетѣлись вокругъ новорожденнаго, чтобы его осыпать на жизненный путь своими чудными дарами. Между этими, тогда мнѣ являвшимися лицами, яснѣе другихъ сіяетъ моему воспоминанію Ваше милое, дружеское, одобряющее ду-

к.

шу лице и лице этого ангела, нашей Императрицы, и съ этимъ видѣніемъ сердца соединяется воспоминаніе обо всемъ, что̀ въ этомъ промежуткѣ времени случилось..... *Здѣсь* моя жена и мои два младенца.... а *тамъ* Ваше разцвѣтшее семейство. Эта дочь, какъ легкая Сильфида, мнѣ знакомая, и эти три сына, которыхъ еще глаза мои не видали..... и при этомъ все, что̀ *съ нами* еще на свѣтѣ.... и то наше милое, чего уже *нѣтъ*.... Въ маленькомъ отрывкѣ вся человѣческая жизнь, какою даруетъ ее Богъ съ ея радостями, дабы мы могли дорожить ею и знать ея цѣну *здѣсь*, и съ ея печалями, дабы мы знали того, Кто даетъ ее, дабы мы знали нѣчто лучшее нежели самая жизнь и ея быстрыя радости. Помоги Богъ мнѣ и моей бѣдной женѣ! Послѣ поѣздки въ Дармштадтъ ей сдѣлалось хуже; это заставило Коппа послать ее сюда. Эмсъ ей будетъ спасителенъ, если на то есть воля Божія.

Приношу всѣмъ моимъ семействомъ Вашему Высочеству поздравленіе съ нынѣшнимъ праздникомъ, днемъ рожденія доброй Царицы. Благослови насъ Богъ ея полнымъ выздоровленіемъ! А Ваше Высочество прошу убѣдительно, если найдете время, написать мнѣ двѣ строки о томъ, какъ дѣйствуютъ Киссингенскія воды на здоровье Государыни Великой Княгини; по крайней мѣрѣ, прикажите написать ко мнѣ Олсуфьеву; теперь уже почти три недѣли, какъ лѣченіе продолжается; пошли Богъ ей свое благословеніе!

Жуковскій.

Эмсъ.
1 (13) Іюля 1847.

LXXIX.

Приношу Вашему Императорскому Высочеству сердечную благодарность за послѣднее милостивое письмо Ваше. Теперь радуюсь добрыми вѣстями, отъ Васъ полученными. И о себѣ могу дать Вамъ вѣсти нѣсколько лучшія прежнихъ. Благодаря Бога, могу сказать, что нынѣшняя зима не похожа для меня на прошлую. Эмсъ принесъ женѣ видимую пользу. Тогда она почти безпрерывно страдала; теперь изъ четырехъ недѣль три добрыя, а только четвертая худая: это по сію пору идетъ, какъ заведенные часы. Еще не знаю (это рѣшитъ будущая весна), найдетъ ли Коппъ необходимымъ послать жену въ другой разъ въ Эмсъ; но во всякомъ случаѣ желаю знать предварительно волю Государя Императора: будетъ ли угодно Его Величеству подтвердить на счетъ моей жены позволеніе, ей столь милостиво данное, остаться за границею до полнаго исцѣленія. Что̀ же касается до меня самаго, то я непремѣнно буду весною въ Петербургѣ. Я былъ бы тамъ и прошлою весною, еслибы прибытіе Вашего Высочества не побудило меня перемѣнить планъ мой. Мое долговременное отсутствіе становится мнѣ тошно: мнѣ необходимо надобно освѣжить себя воздухомъ родины и взглянуть на столькихъ милыхъ душѣ, съ которыми я такъ давно розно.

Баронъ Ливенъ уже съ нѣкотораго времени здѣсь во Франкфуртѣ; онъ проведетъ здѣсь зиму. Ему гораздо лучше: рана, произведенная жестокою операціею, еще даетъ себя чувствовать; но это уже не болѣзнь, а просто заживаніе болячки. Я сообщилъ ему то, что̀ Ваше Высочество о немъ пишете; онъ былъ глубоко тронутъ Вашими строками. Само по себѣ разумѣется, что для всѣхъ насъ исполненіе воли царской есть главное; но мы оба, онъ за себя, а я за него, вздохнули объ утраченной прекрасной надеждѣ. Я не знаю лично Зиновьева. Ливенъ, который его знаетъ, говоритъ, что человѣкъ онъ вполнѣ достойный уваженія. Но прежде нежели я произнесъ его имя, Ливенъ, стараясь угадать, спросилъ: не Александръ ли Гельмерсенъ? Этимъ вопросомъ напомнилъ онъ и мнѣ о человѣкѣ благородномъ, нравственномъ, еще полномъ свѣжей жизни. Почитаю обязанностію, безъ всякаго намѣренія что нибудь совѣтовать, наименовать его здѣсь Вашему Высочеству. Благослови Богъ Вашъ выборъ. Но когда онъ совер-

шится (а этого откладывать не должно), умоляю Васъ, дайте тому, на кого падетъ онъ, свободное время приготовиться на просторѣ къ своему важному дѣлу, въ которое нельзя перепрыгнуть вдругъ однимъ прыжкомъ изъ другаго круга идей и занятій. Оно требуетъ глубокаго обдуманія. Вы имѣете еще по крайней мѣрѣ два года впереди; дайте эти два года Вашему избранному на полное распоряженіе самимъ собою; это столько же нужно ему самому, какъ и будущимъ его воспитанникамъ. Ему надобно напередъ сродниться съ своимъ высокимъ назначеніемъ, пересмотрѣть и самаго себя, и свои знанія; многое дополнить, все привести въ порядокъ и приспособить къ будущему дѣлу. Ему конечно не нужно быть *педагогомъ*, то есть самому входить въ подробности *ученія*; но онъ необходимо долженъ умѣть цѣнить предметы ученія, слѣдовать за его ходомъ, контролировать учащихъ и ихъ методы. Самъ же онъ долженъ быть *воспитателемъ.* Та опытность, которую онъ по сему предмету могъ пріобрѣсть, не только ему не поможетъ, но и въ нѣкоторомъ отношеніи можетъ быть ему и помѣхою: ибо его воспитанники будутъ не простыя дѣти. Многое годное для питомцевъ, готовящихся дѣйствовать въ тѣсномъ кругѣ, можетъ не быть таковымъ для дѣтей царскихъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ воспитатель долженъ будетъ дать качествамъ своихъ воспитанниковъ не только возможное лучшее *человѣческое* направленіе, но и направленіе, соотвѣтствующее будущей судьбѣ ихъ; они должны быть приготовлены привычками, чувствами, мыслями, знаніями и дѣйствіями къ тому мѣсту, которое должны будутъ занять въ свое (уже не наше) время. Чтобы напередъ разгадать это роковое время, надлежитъ оглянуться на время настоящее, на все, что̀ дѣлается у насъ и кругомъ насъ, и все это обозрѣть не одними глазами любопытства и участія, какими всякій изъ насъ долженъ смотрѣть на событія современныя, въ которыхъ онъ самъ дѣйствуетъ, но съ живымъ вниманіемъ, со страхомъ и трепетомъ человѣка, который свои опытныя знанія долженъ послѣ вложить въ душу будущаго Царя, дабы правилами, изъ нихъ извлеченными, опредѣлить судьбу Царя и царства. Въ наше время, болѣе нежели въ какое другое, все зависитъ отъ чистоты, вѣрности и твердости *правилъ*. Сила матеріальная издыхаетъ. Не обширность границъ, не многолюдство народа, не огромность силы военной, можно даже сказать и не богатство матеріальное всего болѣе нужны теперь государствамъ: имъ нужна *сила нравственная*, истекающая изъ порядка *общаго*, основанная на благѣ *частномъ; чистое просвѣщеніе*, состоящее не просто въ многознаніи, а въ многознаніи нравственномъ, то-есть просвѣщеніе христіанское или знаніе управлять силами естественными и умственными, согласно съ высшею цѣлію. И все это

должно быть съ первыхъ лѣтъ юношества мало по малу, но глубоко, въ немногихъ, но непреложныхъ правилахъ, врѣзано въ душу будущаго Царя, дабы въ послѣдствіи излиться изъ души царской благоденствіемъ царства. Могущество Царя тогда только твердо, когда оно оперто на нравственности народа; но чтобы была въ народѣ нравственность, а съ нею и могущество у Царя, надлежитъ, чтобы душа царева была святилищемъ этой нравственности; а что же утвердитъ (привычками и правилами) въ душѣ такую нравственность, какъ не воспитаніе? Но воспитатель (сколь бы онъ впрочемъ ни былъ высокъ и образованъ лично) не будетъ въ состояніи произвести съ успѣхомъ сего важнаго дѣйствія, если не будетъ имѣть всегда передъ глазами яснаго, имъ самимъ обдуманнаго и составленнаго, плана. Для такого обдуманія нужны время, просторъ й свобода. Тотъ, кто будетъ Вами выбранъ, не получитъ вмѣстѣ съ симъ выборомъ ни внезапнаго, полнаго *откровенія, что̀ и какъ дѣлать*, ни *готовности* и *возможности* въ туже минуту приступить къ своему дѣлу. Однимъ словомъ, дайте ему эти два года, которые у Васъ еще впереди, на свободное приготовленіе. Эти два года будутъ для него самаго несказанно благотворны; душа, устремленная въ продолженіи ихъ къ одной главной идеѣ, сроднится съ нею, и въ ней глубоко поселится тотъ энтузіазмъ, та любовь, которые нужны для успѣха во всякомъ предпріятіи, и, обозрѣвъ предварительно предлежащій путь, онъ не робкою, а твердою ногою вступитъ въ него и никогда не потеряетъ изъ глазъ своей цѣли. Но при *общемъ обозрѣніи* своего дѣла Вашъ избранный въ особенности долженъ будетъ посвятить два данные ему года, *одинъ* на обозрѣніе своими глазами *Европы, другой* на обозрѣніе своими глазами *Россіи*. Міръ современный долженъ быть главною наукою Царя; но такой науки нѣтъ въ учебныхъ книгахъ, и для нея нѣтъ учителя ни въ гимназіяхъ, ни въ университетахъ. Ее можетъ преподавать только тотъ, для кого самъ этотъ міръ современный былъ учебною книгою: надобно вслушаться своими ушами въ голосъ своего времени, чтобы сдѣлать его доступнымъ уху воспитанника царскаго, который нѣкогда будетъ однимъ изъ главныхъ его дѣйствователей, который не долженъ быть ни его невольникомъ, ни его притѣснителемъ (что̀ всегда происходитъ отъ невѣжества), а его путеводительнымъ спутникомъ ко благу, согласно съ верховною правдою. И такъ дайте, дайте эти два года въ полное, свободное распоряженіе Вашему избранному; такая свобода будетъ ему несказанно полезна, не менѣе полезна и его будущимъ воспитанникамъ. Въ этомъ я убѣжденъ совершенно. Въ заключеніе скажу: помоги Вамъ Богъ и устрой все къ лучшему концу, къ Вашему и нашему счастію! А Вы простите мнѣ мое многословіе: я не

могъ не высказать Вамъ всего, что́ у меня на сердцѣ. Прошу Васъ сдѣлать мнѣ большую милость, увѣдомить меня, чѣмъ все кончится.

Здѣсь во Франкфуртѣ находится теперь графъ Штейнбокъ, жалкій огрызокъ Кавказа. Ему достался жребій не легкій: онъ еще въ полномъ развитіи жизни, а ужъ все его будущее пропало; бѣдный рабъ своихъ костылей, онъ еще осужденъ на страданія жестокія; каковы его страданія, я это знаю по моему тестю. Но потерять ногу еще тяжелѣ, нежели руку. Сверхъ того бѣдный Штейнбокъ, вмѣсто того, чтобы жить на родинѣ и пользоваться пособіями родныхъ своихъ, долженъ скитаться по Европѣ, убѣгая нашего суроваго климата. И это не всегда удается: онъ ѣздилъ въ Англію, чтобы заказать механическую ногу, истратился на путешествіе и на покупку ноги, и вышло, что ему никакъ нельзя употреблять ее. А теперь, собравшись ѣхать на зиму въ Неаполь, онъ занемогъ отъ воспаленія въ его ранѣ, пропустилъ время, зима захватила его во Франкфуртѣ; правда, холодъ не сильный, но будетъ ли ему возможно пуститься въ путь, это сомнительно. Да, кажется и въ карманѣ его стало пусто. Однимъ словомъ, онъ представляетъ самое жалкое зрѣлище глазамъ моимъ.

Моя жена и съ нею все мое семейство приносятъ Вашему Императорскому Высочеству сердечную благодарность за Ваше милостивое о нихъ воспоминаніе. Примите отъ всѣхъ насъ и поздравленіе съ наступающимъ новымъ годомъ. Чего мы Вамъ желаемъ, это знаетъ Ваше сердце. Прошу Васъ быть изъяснителемъ чувствъ нашихъ передъ Ея Высочествомъ Государынею Великою Княгинею. Я и жена сохраняемъ неизгладимое воспоминаніе о послѣднихъ минутахъ, которыя мы имѣли счастіе провести съ нею.

Простите. Прошу Бога о сохраненіи Васъ и всего Вашего семейства.

Жуковскій.

15 (27) Декабря 1847.
Франкфуртъ на Майнѣ.

РАЗСКАЗЫ И АНЕКДОТЫ ПРО ПЕТРА ВЕЛИКАГО *).

Въ числѣ лицъ, со словъ которыхъ Штелинъ записывалъ свои анекдоты о Петрѣ Великомъ, упоминается заводчикъ Петръ Миллеръ. Отецъ этого Миллера былъ одинъ изъ первыхъ Нѣмцевъ, переселившихся въ Россію при Алексѣѣ Михайловичѣ. По привилегіи, данной ему царемъ, Миллеръ построилъ въ селѣ Истьѣ желѣзный заводъ. Заводъ этотъ доставилъ Петру огромное количество пушекъ, мортиръ, бомбъ, ядеръ и проч. для арміи и флота. Петръ, какъ извѣстно, любилъ посѣщать всякія мастерскія, фабрики и заводы и своимъ вниманіемъ ободрялъ рабочихъ. Не упускалъ онъ случая посѣтить и заводъ Миллера, когда бывалъ на Истьи. Однажды онъ провелъ тамъ, лѣчась минеральными водами, четыре недѣли. Въ это время онъ самъ работалъ на заводѣ и учился тянуть въ полосы желѣзо. Быстро усвоивъ это искусство, царь, незадолго передъ своимъ отъѣздомъ, выдѣлалъ въ одинъ день 18 пудовъ желѣза и каждую полосу заклеймилъ своимъ штемпелемъ. Во время этой работы, бояре и вельможи должны были помогать царю, носить уголья, раздувать огонь мѣхами и проч. Возвратясь въ Москву, царь пришелъ къ хозяину завода Вернеру Миллеру, хвалилъ его распоряженія на заводахъ и спросилъ, почемъ онъ платитъ мастеру за пудъ выкованнаго желѣза.

„По алтыну", отвѣчалъ Миллеръ.

— „Изрядно", сказалъ Государь. „Такъ я выработалъ 18 алтынъ, и ты долженъ мнѣ ихъ заплатить".

Миллеръ тотчасъ же вынулъ изъ денежнаго ящика 18 червонныхъ и, отсчитавши ихъ Царю, сказалъ: „Такому работнику, какъ Ваше Величество, меньше нельзя заплатить за пудъ".

— „Мнѣ не надо твоихъ червонцевъ", отвѣчалъ Государь: „я не лучше другихъ мастеровъ работалъ. Заплати и мнѣ тоже, что̀ ты обыкновенно дру-

*) См. Русскій Архивъ 1883 г., выпускъ 2-й, стр. 349.

гимъ платишь. На эти деньги куплю я себѣ новые башмаки, въ которыхъ мнѣ теперь нужда".

При этихъ словахъ онъ указалъ на свои башмаки, покрытые заплатками и протоптанные. Взявъ затѣмъ 18 алтынъ, онъ поѣхалъ въ ряды и купилъ себѣ новые башмаки.

Петръ любилъ потомъ показывать ихъ всѣмъ, приговаривая: „вотъ башмаки, которые заработалъ я себѣ тяжелымъ трудомъ".

*

Отъ того же Петра Миллера Штелинъ слышалъ слѣдующій анекдотъ.

Петръ Великій прослышалъ, что есть на Москвѣ стряпчій, который отлично знаетъ законы и указы, такъ что нерѣдко даетъ дѣльные совѣты самимъ судьямъ, и, что̀ всего удивительнѣе, отличается неподкупною честностью, согласенъ лучше проиграть тяжбу, чѣмъ поступить противъ закона. Такой человѣкъ, конечно, не могъ не обратить на себя вниманія правдиваго Монарха, который, не полагаясь на одни слухи, пожелалъ самъ убѣдиться въ ихъ справедливости. Онъ не разъ призывалъ къ себѣ этаго стряпчаго, разговаривалъ съ нимъ о разныхъ дѣлахъ и, дѣйствительно, нашелъ въ немъ отличное знаніе законовъ, здравое разсужденіе и честность. Тогда Царь принялъ его на службу и изъ простаго стряпчаго прямо сдѣлалъ главнымъ судьею въ Новгородской губерніи. Давая ему это назначеніе, Государь сказалъ, что полагается на его знаніе и правосудіе и надѣется, что онъ прекратитъ, наконецъ, крючкотворство и тяжбы, отъ которыхъ страдала Новгородская губернія, и будетъ строго соблюдать правосудіе, не смотря ни на знатность лицъ, ни на подарки. Новый судья обѣщалъ оправдать царское довѣріе исполненіемъ долга и, къ величайшему удовольствію Петра, держалъ нѣсколько времени свое слово.

Черезъ нѣсколько лѣтъ пошли однако слухи, что онъ беретъ взятки и рѣшаетъ дѣла несправедливо. Жалобы на это дошли до Государя; но онъ, думая, что знаетъ этого человѣка, считалъ жалобы за клевету. Между тѣмъ жалобы не прекращались, и скоро Петру пришлось удостовѣриться въ ихъ справедливости. Судья дѣйствительно бралъ взятки и неоднократно продавалъ правосудіе. Государь потребовалъ къ отвѣту виновнаго, и тотъ сознался, что, прельстившись деньгами, рѣшалъ нѣкоторыя дѣла не по совѣсти.

„Никогда я этого отъ тебя не ожидалъ", сказалъ Государь. „Но что тебя до того довело?"

— „Нужда", отвѣчалъ судья. „При всѣхъ моихъ трудахъ я долженъ былъ проживать мое жалованье и не могъ ничего изъ него сберечь, чтобы послѣ себя женѣ и дѣтямъ оставить, какъ то дѣлалъ прежде, получая больше до-

ходу; да и притомъ не могъ еще, не входя въ долги, жить такъ хорошо, какъ живутъ другіе мнѣ равные".

„А сколько надо тебѣ жалованья, чтобы не имѣть нужды брать взятки и для денегъ дѣлать несправедливости?"

— „По крайней мѣрѣ вдвое противъ нынѣшняго моего жалованья".

„И ты совершенно будешь доволенъ? И не станешь брать взятокъ?"

— „Совершенно буду доволенъ, всемилостивѣйшій Государь, и подвергаю себя самой жесточайшей казни, если буду уличенъ въ неправомъ рѣшеніи дѣла изъ корысти, во взяткахъ, въ неправосудіи или въ какой-нибудь невѣрности противу Вашего Величества".

„Изрядно! На сей разъ я тебя прощаю и опредѣляю тебѣ двойное жалованье и сверхъ того еще половину. Но смотри же, сдержи свое слово и исполняй должность честно и справедливо, какъ я отъ тебя надѣюсь. Увѣряю тебя, что буду примѣчать за тобою и, если ты еще, прельстившись деньгами или подарками, сдѣлаешь несправедливость, то непремѣнно прикажу тебя повѣсить".

Обрадованный судья палъ къ ногамъ Монарха и благодарилъ его. Нѣсколько лѣтъ свято соблюдалъ онъ свое слово, но наконецъ нарушилъ его, думая, что и Государь не помнитъ о своемъ, и началъ по прежнему брать взятки и дѣлать несправедливости.

Петръ, узнавши о томъ, отдалъ его подъ судъ и сдержалъ свое слово— повѣсилъ преступника.

*

Петръ Великій, хотя любилъ своего оберъ-кухмистера Фельтена, не прощалъ ему однако его провинностей. Фельтенъ, съ которымъ Штелинъ познакомился вскорѣ по своемъ пріѣздѣ въ Россію, былъ весельчакъ и не скрывалъ, что Государь не разъ билъ его собственноручно палкою, но послѣ по прежнему обращался милостиво. Разъ Фельтенъ въ кунсткамерѣ увидѣлъ между прочимъ и знаменитую дубинку покойнаго Государя. „Эту вещь, зятюшка", сказалъ Фельтенъ, обращаясь къ Шумахеру, который завѣдывалъ Кабинетомъ, можно бъ и спрятать, чтобъ она не всякому на глаза попадалась: можетъ быть, у многихъ, какъ и у меня, зачешется спина, когда вспомнятъ, какъ она у нихъ по спинѣ гуливала".

Фельтенъ разсказывалъ о себѣ, какъ онъ однажды былъ побитъ этою палкою за кусокъ Лимбургскаго сыра. Петръ Великій, по Голландскому обычаю, ѣлъ послѣ обѣда масло и сыръ, особено Лимбургскій, который очень любилъ. Разъ былъ поданъ на столъ цѣлый сыръ. Государь смѣрилъ кусокъ и записалъ мѣру въ записную книжку. Фельтена не было при этомъ. Когда онъ явился, Государь сказалъ: „Этотъ сыръ отмѣнно хорошъ и мнѣ очень

полюбился; спрячь его, не давай никому и ставь всегда на столъ, пока не выдетъ".

На другой день сыръ былъ поданъ на столъ; но, на бѣду, не осталось его и половины. Государь тотчасъ примѣтилъ это, смѣрилъ снова и велѣлъ позвать оберъ-кухмистера.

„Отчего столько убыло сыру со вчерашняго дня?"

— „Не знаю", отвѣчалъ Фельтенъ: „я его не мѣрилъ".

„А я его вымѣрялъ", сказалъ Петръ и, приложивши мѣрку, показалъ, что половины сыру не доставало. „Не приказывалъ ли я тебѣ спрятать этотъ сыръ?"

— „Такъ", отвѣчалъ Фельтенъ, „но я позабылъ".

„Погоди жъ, я тебѣ напомню!" Государь, всталъ изъ-за стола, схватилъ трость и, поколотивши оберъ-кухмистера, сѣлъ опять кушать и преспокойно принялся за сыръ, остатки котораго еще нѣсколько дней послѣ того подавались на столъ.

*

Извѣстно, что дворяне неохотно посылали своихъ дѣтей въ службу, и Петру приходилось вести борьбу съ родительскою привязанностью разныхъ Простаковыхъ къ своимъ Митрофанушкамъ. Одна изъ такихъ Простаковыхъ, волей-неволей рѣшившаяся разлучиться съ восемнадцатилѣтнимъ сынкомъ-недорослемъ, привезла его изъ деревни въ Петербургъ и записала въ Ингерманландскій полкъ въ рядовые.

За нѣсколько лѣтъ до этого былъ отданъ въ солдаты ихъ дворовый человѣкъ Иванъ. Теперь Иванъ былъ уже сержантомъ въ томъ же полку и слѣдовательно начальникомъ своего барина, который все еще думалъ, что передъ нимъ прежній его крѣпостной Ванька, и не хотѣлъ исполнять его приказаній. Сержантъ жестоко приколотилъ его палкою, а барченокъ пожаловался матушкѣ, что Ванька больно прибилъ его. Та взвыла и стала просить у Государя управы на Ваньку. Государь распросилъ, кто ея сынъ и кто таковъ Ванька, приказалъ обоихъ привести къ себѣ и спрашиваетъ сержанта, за что онъ прибилъ сына помѣщицы.

„За непослушаніе: я приказалъ ему быть въ четвертомъ часу на ученьи, а онъ не пришелъ. Я велѣлъ его привести силою и наказалъ, какъ ослушника".

Государь, бывъ на то время веселъ, мигнулъ сержанту и снова спросилъ: „Да какъ ты его билъ?"

Сержантъ, понявъ намѣреніе Государя, велѣлъ своему барину стать во фронтъ и далъ ему еще нѣсколько палочныхъ ударовъ, приговаривая: „не ослушайся, не ослушайся!"

„Вотъ какъ я билъ его, Государь!"

Мать завыла, а Петръ сказалъ ей: „Видишь, старуха, какой Ванька-то твой озорникъ, что и въ моемъ присутствіи не унимается; я совѣтую тебѣ поскорѣе убраться, чтобъ и тебѣ самой чего отъ него не досталось; вѣдь за непослушаніе вездѣ бьютъ".

*

Ѣдучи въ Голландію, Петръ остановился на нѣсколько дней на Пирмонтскихъ водахъ. Графъ Вальдекъ пріѣхалъ туда же и просилъ его величество посѣтить его въ недавно выстроенномъ замкѣ Аргольцерѣ. Государь далъ слово и въ назначенный день исполнилъ обѣщаніе. Послѣ обѣда, который отличался великолѣпіемъ и продолжительностію, радушный хозяинъ повелъ гостя по замку и все ему показывалъ. Въ заключеніе графъ спросилъ у него, какъ понравилось ему новое строеніе. Русскій царь, привыкшій къ умѣренной жизни, отвѣчалъ, что мѣстоположеніе замка прекрасно, а самое зданіе великолѣпно, но онъ замѣтилъ въ немъ одну большую ошибку. Графъ, задѣтый за живое, пожелалъ узнать, въ чемъ она заключается. „Она только въ томъ состоитъ", отвѣчалъ Петръ, „что кухня слишкомъ велика".

*

Кратковременное пребываніе Петра Великаго въ Лондонѣ, во время перваго заграничнаго путешествія, показалось ему, по его словамъ, еще короче отъ множества замѣчательныхъ вещей, которыя онъ тамъ видѣлъ. Каждый день онъ ходилъ и ѣздилъ по городу, и вечеромъ разказывалъ приближеннымъ объ всемъ, что̀ видѣлъ, при чемъ нерѣдко повторялъ, что надо бы еще побывать въ Англіи, потому что тамъ многому можно поучиться. Рондо, бывшій въ Петербургѣ резидентомъ, имѣлъ случай часто бесѣдовать съ Государемъ объ Англіи и сообщилъ Штелину слѣдующій анекдотъ.

Однажды утромъ Петръ осматривалъ великолѣпный Гринвичскій гошпиталь для отставныхъ матросовъ, а обѣдалъ съ королемъ Вильгельмомъ. За столомъ король спросилъ, какъ показался ему гошпиталь. „Весьма хорошъ", отвѣчалъ Государь, „и такъ хорошъ, что я совѣтовалъ бы вашему величеству взять его для своего дворца, а дворецъ свой уступить живущимъ тамъ матросамъ".

*

Однажды Государь въ Петербургѣ, на Адмиралтейской площади, дѣлалъ смотръ матросамъ. Проходя по фронту, онъ внимательно осматривалъ каждаго и вдругъ, при взглядѣ на одного солдата, съ ужасомъ отскочилъ отъ него и тотчасъ приказалъ его арестовать. Матросъ повалился въ ноги и сталъ кричать: „Виноватъ! Помилуй, Государь, помилуй!“ Никто изъ стоявшихъ, ни офицеры, ни товарищи его, не понимали, что̀ это значитъ, потому что всѣ знали этого матроса уже нѣсколько лѣтъ за человѣка порядочнаго, исправнаго и никогда не штрафованнаго. Государь, оправившись отъ перваго впечатлѣнія, спросилъ: „Не тотъ ли ты самый стрѣлецъ, который въ Троицкомъ монастырѣ въ алтарѣ приставилъ мнѣ ножъ къ груди?“ „Такъ, Государь, я тотъ самый“. Государь продолжалъ расспрашивать, и матросъ разсказалъ, что онъ въ молодости былъ стрѣльцомъ и участникомъ въ бунтѣ, но вскорѣ, раскаявшись въ своемъ преступленіи, спасся бѣгствомъ прежде, нежели бывшіе его единомышленники были переловлены и казнены; скитался нѣсколько лѣтъ по отдаленнымъ мѣстамъ, наконецъ, сказавшись Сибирскимъ крестьяниномъ, записался въ матросы въ Архангелогородскомъ адмиралтействѣ и по сіе время служилъ вѣрно и честно. Государь былъ тронутъ чистосердечнымъ признаніемъ, простилъ его преступленіе и даровалъ жизнь, прибавя, что подвергнетъ его жесточайшей казни, если еще разъ когда-нибудь увидитъ его. Матроса сослали въ одинъ изъ отдаленнѣйшихъ угловъ Россіи, и Петръ могъ быть увѣренъ, что никогда уже его не увидитъ.

*

Извѣстно, что Петръ Великій ласкалъ пріѣзжавшихъ въ Россію иностранныхъ купцовъ и не рѣдко посѣщалъ ихъ въ Нѣмецкой Слободѣ, пріѣзжая къ нимъ на обѣды и ужины. Особенно любилъ онъ Голландцевъ Бранта, Любса, Гутфеля и Гоппа. Желая, чтобы и близкіе къ нему люди раздѣляли его склонность, Петръ привозилъ на эти собранія своихъ невѣстокъ и сестеръ. Однажды онъ позвалъ старшую невѣстку свою, царицу Маѳу Матвѣевну, ѣхать къ Гоппу. Его Величество имѣлъ обыкновеніе пить постоянно изъ одного стакана или кубка. Хозяева знали это и всегда ставили передъ нимъ одинъ и тотъ же кубокъ, изъ котораго онъ пилъ, въ каждый свой пріѣздъ. У Гоппа былъ для этого приготовленъ серебряный кубокъ съ крышкой весьма искусной работы. Послѣ ужина были танцы. Петръ захотѣлъ пить и попросилъ меду. Видя, что его не подаютъ, онъ сказалъ хозяину: „Если весь медъ вышелъ у тебя, такъ вели подать полпива.“ „Медъ-то есть, но кубка, изъ котораго Ваше Величество жалуете пить, не могутъ отыскать, и сказываютъ-де, что во время уборки со стола онъ пропалъ“.—„Поэтому его украли. Но вору должно быть въ домѣ. Я его найду“, сказалъ Государь и

отдалъ приказаніе тотчасъ же запереть ворота дома и никого не выпускать; затѣмъ позвалъ къ себѣ всѣхъ людей, находившихся на дворѣ и каждаго спрашивалъ, не выходилъ ли кто изъ комнатъ послѣ стола. Одинъ сказалъ, что видѣлъ пажа, выходившаго къ каретѣ Ея Величества. Пажъ этотъ былъ Юрловъ. Государь пошелъ къ каретѣ, осмотрѣлъ все въ ней и нашелъ кубокъ. Все это было сдѣлано безъ шума, такъ что царица ничего и не знала. Тѣмъ дѣло и кончилось. Государь казался по прежнему спокоенъ, но при разъѣздѣ сказалъ потихоньку нѣвѣсткѣ: „Завтра поутру въ восемь часовъ пришли ко мнѣ пажа Юрлова, которому нѣчто надобно приказать.“

Царица, возвратясь домой, призвала къ себѣ Юрлова и спросила:

„Не сдѣлалъ ли ты въ Гоппововъ домѣ чего непристойнаго? Государь велѣлъ тебя завтра прислать къ себѣ, чего никогда прежде не бывало.“

Пажъ упалъ въ ноги и признался въ кражѣ кубка, прибавивъ при этомъ, что самъ Государь нашелъ кубокъ въ ея каретѣ, куда онъ былъ спрятанъ.

„Что̀ ты сдѣлалъ, проклятый! Вѣдь Государь высѣчетъ тебя и вѣрно запишетъ въ матросы, или по крайней мѣрѣ въ солдаты!“

Слезы, страхъ и раскаяніе пажа разжалобили добрую царицу. Она дала ему нѣсколько червонныхъ и велѣла спасаться, какъ онъ самъ знаетъ. Виновный въ туже ночь вобрался изъ Москвы и ушелъ, какъ узнали послѣ, въ Вологду.

На слѣдующій день поутру, Петръ, не видя Юрлова, послалъ за нимъ къ царицѣ. Та отвѣчала, что не могутъ его сыскать. При личномъ свиданіи съ невѣсткою, Государь сказалъ ей, что Юрловъ своимъ поступкомъ опозорилъ нашъ дворъ и потому заслуживаетъ примѣрнаго наказанія, „а безъ того“, прибавилъ Государь, „можетъ остаться онъ навсегда бездѣльникомъ и негоднымъ ни къ какой должности.“ Царица призналась, что она уже знаетъ объ этомъ, на что слезы и раскаяніе убѣдили ее отпустить преступника, а теперь она не знаетъ, гдѣ онъ. Петръ сдѣлалъ царицѣ чувствительный выговоръ, замѣтивъ, что ея неумѣстная жалость погубила молодаго человѣка.

А Юрловъ постригся въ Вологдѣ въ монахи подъ именемъ Льва и впослѣдствіи былъ архіереемъ въ Воронежской эпархіи.

*

Капитанъ гвардіи Преображенскаго полка Спицынъ, бывшій у Петра Великаго и въ особенности у Екатерины въ большой милости, имѣлъ въ Новгородской губерніи деревню въ сосѣдствѣ съ дворяниномъ Неплюевымъ, который по смерти отца оставался малолѣтнимъ. Спицынъ завладѣлъ деревнею этого безпомощнаго сироты, а чтобы упрочить ее за собой, повелъ дѣло

такъ, что обиженный подалъ на него челобитную. Дѣло стало переходить изъ мѣста въ мѣсто и дошло наконецъ до Сената. Того только и нужно было Спицыну. Онъ не сомнѣвался, что рѣшеніе послѣдуетъ въ его пользу, потому что сенаторы, Меншиковъ и сама Императрица были за него. Сверхъ того, стряпчій Спицына придалъ дѣлу такой видъ, что самые безпристрастные изъ сенаторовъ были введены въ заблужденіе. Спицынъ, конечно, выигралъ дѣло и боялся только, какъ бы обиженный не подалъ жалобы самому Государю. Чтобы обезопасить себя и съ этой стороны, Спицынъ устроилъ дѣло такъ, что несчастный юноша, якобы за неправое утружденіе Сената, былъ сосланъ въ Олонецкъ, съ запрещеніемъ выѣзжать оттуда безъ особаго указа. Вскорѣ послѣ того открылись въ Олонецкѣ минеральныя воды. Петръ Великій, со всѣмъ дворомъ, прибылъ туда. При ихъ величествахъ находился и Спицынъ. Неплюевъ, улучивъ удобную минуту, палъ въ ноги Монарху и объяснилъ все дѣло.

„Слышишь-ли, Спицынъ?“ спросилъ Государь у бывшаго при этомъ Спицына.

Нисколько не смутясь, тотъ отвѣчалъ, что нельзя вѣрить глупому мальчишкѣ въ томъ, что̀ уже разсмотрѣлъ и рѣшилъ Сенатъ.

„Здѣсь разсмотрѣть твоего дѣла не можно,“ сказалъ Петръ просителю.“ „Поѣзжай со мною въ Петербургъ“.

— „Страшусь, всемилостивѣйшій Государь“, отвѣчалъ Неплюевъ, и чтобы далѣе еще куда меня не услали“.

„Врешь, будь при мнѣ: никто тебѣ ничего не сдѣлаетъ.“

По возвращеніи въ Петербургъ, Петръ Великій разсмотрѣлъ дѣло и удостовѣрился въ несправедливости сенатскаго рѣшенія. Онъ сдѣлалъ Сенату грозный выговоръ и опредѣлилъ: секретаря и повытчика, исправлявшаго секретарскую должность, какъ лицъ причастныхъ плутовству Спицына, лишить чиновъ и отдать въ солдаты; деревню, захваченную Спицынымъ, возвратить законному владѣльцу и всѣ понесенные имъ убытки вдвое вознаградить на счетъ обидчика.

Но этимъ дѣло еще не кончилось. Государь приказалъ сенаторамъ прибыть въ Преображенскій полкъ, пріѣхалъ самъ и велѣлъ предъ собраннымъ полкомъ читать секретарю выписку изъ дѣла, въ которой былъ разъясненъ поступокъ Спицына.

„Ты достоинъ, бездѣльникъ, всякаго наказанія, и мнѣ стыдно, что я такъ обманулся въ тебѣ“, сказалъ Государь Спицыну. Затѣмъ онъ велѣлъ снять съ него гвардейскій мундиръ, разжаловать изъ капитановъ гвардіи въ армейскіе прапорщики и послать въ дальній Сибирскій гарнизонъ.

*

Петръ Великій самъ сознавалъ свои слабости и обыкновенно говорилъ: „Я знаю, что я подверженъ погрѣшностямъ и часто ошибаюсь, и не буду на того сердиться, кто захочетъ меня въ такихъ случаяхъ остерегать и показывать мнѣ мои ошибки, какъ то Катенька моя дѣлаетъ.“

Чаще всего ему приходилось раскаиваться въ своей вспыльчивости.

Государь очень любилъ токарное дѣло, и во дворцѣ была особая комната, гдѣ стояли разные станки. Тутъ работалъ токарный мастеръ Андрей Нартовъ, при которомъ состоялъ его ученикъ. Петръ любилъ этого мальчика за смѣтливость и расторопность.

Однажды Государь пришелъ въ колпакѣ въ токарную и, сѣвъ за работу, велѣлъ, по обыкновенію, чтобъ мальчикъ снялъ съ него колпакъ. Тотъ исполнилъ приказаніе, но какъ-то вмѣстѣ съ колпакомъ захватилъ нѣсколько волосъ и выдернулъ ихъ. Государя такъ раздражила эта боль, что онъ вскочилъ съ мѣста, схватился за кортикъ и разрубилъ бы мальчишкѣ голову, еслибы тому не удалось убѣжать изъ комнаты. Петръ приказалъ привести его, но мальчика нигдѣ не могли найти. На другой день Государь пришелъ въ токарную и шутя сказалъ: „Проклятый мальчишка больно дернулъ меня за волосы; однако онъ, вѣрно, не нарочно это сдѣлалъ, и я очень радъ, что онъ ушелъ отсюда, пока я еще не успѣлъ вынуть кортикъ.“

Узнавъ, что мальчикъ не приходилъ въ токарню, Петръ приказалъ Нартову искать его у родственниковъ и сказать ему, чтобы онъ возвратился и только впередъ осторожнѣе снималъ съ Государя колпакъ, а теперь Государь прощаетъ его проступокъ и болѣе не гнѣвается. Но мальчика не могли нигдѣ сыскать. Тогда приказано было чрезъ полицію по всему городу, чтобы тѣ, кто знаютъ, гдѣ находится ученикъ, представили его во дворецъ.

Узнавъ, что мальчикъ все еще не приходитъ въ токарную, Петръ приказалъ еще искать его и увѣрить, что Государь уже болѣе не гнѣвается на него. Но всѣ поиски были тщетны: бѣдняга бѣжалъ изъ Петербурга въ Вологду, гдѣ выдалъ себя за сироту, отецъ котораго, ѣдучи изъ Сибири, будто на дорогѣ умеръ. Одинъ тамошній стекольщикъ изъ сожалѣнія принялъ его къ себѣ; мальчикъ научился стекольному ремеслу и десять лѣтъ служилъ своему благодѣтелю. Только по кончинѣ Петра Великаго рѣшился молодой человѣкъ открыть свое настоящее имя и разсказалъ свою исторію. Хозяинъ посовѣтовалъ ему ѣхать въ Петербургъ и явиться къ прежнему своему мастеру Нартову. Тотъ узналъ его тотчасъ же и представилъ въ придворную контору, гдѣ его и приняли стекольщикомъ.

*

Во время втораго путешествія за границу, въ 1716 году, Петръ Великій проѣздомъ посѣтилъ Данцигъ. День былъ воскресный, но улицы были пусты, и путешественники не встрѣтили ни души до самаго того трактира, гдѣ имъ надо было остановиться. Петръ спросилъ у трактирщика, почему не видно народа на улицахъ, и узналъ, что всѣ въ церкви и слушаютъ проповѣдь. Государь не хотѣлъ упустить случая видѣть тамошнее воскресное богослуженіе и просилъ хозяина гостинницы проводить себя въ церковь. Между тѣмъ бургомистръ, находившійся тамъ, уже былъ извѣщенъ о царскомъ пріѣздѣ. Онъ встрѣтилъ Царя и провелъ на бургомистерское мѣсто въ церкви. Петръ сѣлъ и слушалъ проповѣдь очень внимательно. Народъ больше смотрѣлъ на Государя, чѣмъ на проповѣдника.

Между тѣмъ Петръ почувствовалъ, что открытой его головѣ холодно и, не говоря ни слова, снялъ съ сидѣвшаго подлѣ него бургомистра большой парикъ и надѣлъ себѣ на голову. Такъ до окончаніи проповѣди бургомистръ сидѣлъ съ непокрытою головою, а Петръ въ большомъ парикѣ, потомъ онъ возвратилъ парикъ бургомистру, поблагодаривъ небольшимъ наклоненіемъ головы.

Поступокъ Государя чрезвычайно удивилъ гражданъ Данцига.

По окончаніи богослуженія, городской магистратъ прислалъ къ Петру депутатовъ засвидѣтельствовать ему почтеніе отъ всего города и пожелать счастливаго пути. Этимъ депутатамъ было объяснено, что Данцигское богослуженіе очень понравилось Его Величеству, и что приключеніе въ церкви съ парикомъ господина бургомистра не должно никого смущать, потому что Его Величество не смотритъ на мелочныя приличія и привыкъ, когда въ церкви головѣ его станетъ холодно, снимать парикъ съ князя Меншикова или съ кого другаго изъ находящихся подлѣ и надѣвать на себя.

*

Принимая къ себѣ на службу иностранцевъ, Петръ Великій сообразовался при назначеніи жалованья съ ихъ національными особенностями. „Французу“, говорилъ онъ, „всегда надо давать больше жалованья: онъ весельчакъ (bon vivant) и все, что получаетъ, проживаетъ здѣсь. Нѣмцу также надо давать не менѣе, потому что онъ любитъ хорошо попить и поѣсть, и у него мало изъ заслуженнаго остается. Англичанину надо давать еще болѣе: онъ любитъ хорошо жить, хотя бы долженъ былъ и изъ своего прибавлять къ жалованью. Но Голландцамъ можно давать менѣе, ибо они едва досыта наѣдаются, чтобы скопить больше; а Итальянцамъ еще менѣе, потому что они вообще умѣренны, и у нихъ всегда остаются деньги; да они и не скрываютъ, что только для того служатъ въ чужихъ земляхъ, чтобы накопить денегъ и послѣ спокойно проживать ихъ въ своемъ раю, въ Италіи, гдѣ въ деньгахъ недостатокъ“.

*

Петръ Великій любилъ скорое исполненіе правосудія и терпѣть не могъ продолжительныхъ тяжебъ. Виноватыхъ онъ наказывалъ немедленно палкою или корабельнымъ канатомъ, такъ что наказанный долго послѣ чувствовалъ послѣдствія скораго суда. При этомъ, разумѣется, бывали иногда и недоразумѣнія: доставалось правому вмѣсто виноватаго. Въ такихъ случаяхъ Петръ въ утѣшеніе невинностpадавшаго говаривалъ: „Ну какъ-же быть! Напомни мнѣ объ этомъ, когда ты въ другой разъ заслужишь наказаніе; тогда я тебя прощу.“ Разъ вышелъ такой случай. Государь былъ на яхтѣ между Петербургомъ и Кронштадтомъ. По случаю штиля пришлось простоять на одномъ мѣстѣ цѣлый день. Послѣ обѣда легъ онъ, по своему обыкновенію, спать въ каютѣ, а офицеры играли на палубѣ и расшумѣлись такъ, что Государь проснулся. Услыхавъ, что онъ всталъ, офицеры разбѣжались и спрятались кто куда.

Государь вышелъ на палубу съ канатомъ и, не найдя никого кромѣ маленькаго пажа-арапа, который, ничего не опасаясь, сидѣлъ на лѣсенкѣ, схватилъ его за волосы и побилъ канатомъ, приговаривая: „Когда я сплю, такъ ты сиди смирно и не мѣшай мнѣ спать.“

Потомъ Государь сошелъ въ каюту и опять заснулъ. Бѣдный пажикъ горько плакалъ, а капитанъ баронъ Любрасъ, лейбъ-хирургъ Лестокъ и двое Русскихъ офицеровъ, которые шумѣли, вышли потихоньку на палубу и уговаривали мальчика, чтобы онъ не плакалъ, если не хочетъ быть еще битъ. Государь между тѣмъ выспался и съ веселымъ видомъ вышелъ изъ комнаты. Увидя мальчика, онъ спросилъ у него, о чемъ онъ плачетъ.

„О томъ, что ты меня больно побилъ напрасно“, отвѣчалъ тотъ. „Я сидѣлъ на лѣстницѣ и съ мѣста не трогался, а шумѣли и мѣшали тебѣ почивать Лестокъ и Любрасъ.“

— „Хорошо“, сказалъ Государь. „Если ты теперь невинно вытерпѣлъ побои, такъ они тебѣ впредъ зачтутся, когда ты будешь виноватъ“.

Черезъ нѣсколько дней пажъ дѣйствительно провинился въ чемъ-то, и Петръ, схватя его за волосы, хотѣлъ бить. Мальчикъ упалъ на колѣни и закричалъ: „Помилуй, Государь! Бога ради, помилуй! Ваше Величество приказали мнѣ напомнить, что вы недавно напрасно меня побили и обѣщали зачесть эти побои при случаѣ.“

„Правда“, сказалъ Государь, переставъ гнѣваться. „Я это помню. Встань; я теперь прощаю тебѣ: ты напередъ ужъ былъ побитъ.“

*

Петръ Великій не любилъ пышности и предоставлялъ ее князю Меншикову. Для своихъ личныхъ услугъ онъ имѣлъ только одного камердинера. Кромѣ того онъ всегда имѣлъ при себѣ деньщиковъ, которые отправляли у

него службу адъютантовъ, камергеровъ, камеръ-юнкеровъ и т. п. Они же занимали мѣста гайдуковъ и обыкновенно стояли назади у одноколки, когда Государь куда-нибудь выѣзжалъ. Петръ выбиралъ себѣ деньщиковъ изъ молодыхъ дворянъ, которые уже были записаны въ гвардiю, или и безъ того казались ему способными къ такой службѣ. Черезъ десять лѣтъ, либо раньше, а иногда и позже, опредѣлялъ онъ своего деньщика въ военную или гражданскую службу, смотря по способности. Деньщикъ долженъ былъ раздѣлять съ Государемъ всѣ его труды, а иногда служить ему вмѣсто подушки. Когда Петръ Великiй ложился во время своихъ переѣздовъ спать на солому, то имѣлъ обыкновенiе класть голову на спину своему деньщику, которому доводилось лежать въ этихъ случаяхъ неподвижно, чтобъ не разбудить Государя, потому что онъ бывалъ сердитъ, когда ему мѣшали спать.

*

Вниманiе Петра Великаго къ нуждамъ народа простиралось до мелочей. Увидѣвъ разъ, что Чухны носятъ худые лапти, и узнавъ, что они не умѣютъ плести хорошихъ, Государь приказалъ прислать въ Петербургъ изъ Новгородской и Казанской губернiй нѣсколько лучшихъ лапотниковъ и отправить ихъ въ Выборгъ къ тамошнему губернатору. Оттуда эти лапотники были разосланы по Финляндскимъ селамъ и, подъ наблюденiемъ сельскихъ священниковъ, должны были учить тамошнихъ мужиковъ плести лапти. Пасторы обязаны были каждый мѣсяцъ доносить Выборгскому губернатору объ успѣхахъ ученья и получали отъ него деньги для раздачи каждому учителю по рублю въ недѣлю. Такимъ образомъ Финляндскiе крестьяне въ нѣсколько мѣсяцевъ научились плести хорошiе лапти и предохранили себя отъ болѣзней, которыя прежде обыкновенно бывали между ними отъ худой обуви.

*

Нижегородскiй дворянинъ Иванъ Прокудинъ, служившiй во флотѣ, узналъ, что дядя его, котораго онъ былъ ближайшимъ наслѣдникомъ, скончался, оставя большое имѣнiе и крестьянъ около 700 душъ, и что другiе вступаются въ наслѣдство. Объяснивъ все это Государю, офицеръ просилъ отпуска въ деревню, чтобы не лишиться наслѣдства.

„Врешь“, сказалъ Государь, „когда ты по законамъ ближайшiй наслѣдникъ, то никто у тебя его не отниметъ, а отпустить тебя до зимы не можно.“

На другой день таже просьба.

„Я уже сказалъ, что нельзя тебя отпустить прежде зимы.“

На третiй день офицеръ опять проситъ о томъ же. Государь съ гнѣвомъ кричитъ на него: „Чтò ты привязался ко мнѣ, наглецъ! Поди прочь!“

Но проситель не отходитъ и говоритъ: „Бѣдный времени не терпитъ.“ Выведенный изъ терпѣнія, Петръ даетъ ему звонкую пощечину, но сейчасъ же раскаивается и говоритъ ласково:„ Ты вывелъ меня изъ терпѣнія своею неотвязностію“.

Такое обращеніе трогаетъ офицера до слезъ. Онъ падаетъ въ ноги Государю, сознается въ своей винѣ и проситъ прощенія. Государь поднялъ его, отпустилъ въ деревню и далъ 50 рублей на дорогу.

Получивъ наслѣдство, Прокудинъ просилъ у Государя отставки для поправленія своего хозяйства. Государь, хотя и рѣдко соглашался на подобныя просьбы, тутъ однако согласился и отставилъ Прокудина съ чиномъ колежскаго ассесора.

*

Когда строился Ладожскій каналъ, Петръ Великій часто пріѣзжалъ наблюдать за ходомъ работъ и обыкновенно останавливался въ Старой Ладогѣ у знакомаго купца Барсукова, котораго за расторопность любилъ, и называлъ братомъ. Государь поручилъ ему наблюдать за работою. Тому же Барсукову предоставлено было выбрать купцовъ для переселенія изъ Старой Ладоги въ Новую.

Въ домѣ Барсукова была отведена особая комната нарочно для пріѣздовъ Государя. Когда Петру случалось пріѣзжать ночью, то онъ останавливался у воротъ и посылалъ узнать, спитъ ли хозяинъ. Если тотъ спалъ, то Государь безъ шума проходилъ къ себѣ, не тревожа хозяина, такъ что тотъ узнавалъ о прибытіи Царя только поутру. Когда, бывало, Барсуковъ приходилъ и извинялся, что не встрѣтилъ, Петръ ему говорилъ: „Я не люблю, когда меня кто разбудитъ; такъ долженъ судить по себѣ, что непріятно и тебѣ, когда кто разбудитъ и тебя. Зачѣмъ же мнѣ безъ нужды безпокоить тебя?“

У этого купца была молодая жена, красавица, умная и живая. Она умѣла угодить Государю своею стряпнею и особенно приготовленіемъ щей, которые любилъ Петръ. Частыя посѣщенія и простое обращеніе Государя освоили съ нимъ хозяйку, которая разговарила съ нимъ и шутила.

Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ купца не случилось дома. Утромъ на другой день, хозяйка пришла къ гостю рано, когда еще никого у него не было и, поздравя съ прибытіемъ, спрашивала, не угодно ли будетъ ему приказать чего. Петръ, разговаривая съ нею, сдѣлалъ ей любовное предложеніе. Но какъ онъ удивился, когда красавица вдругъ ему строго стала говорить, что-де никакъ не воображала, чтобы Государь, который долженъ собою подавать примѣръ добродѣтели подданнымъ, могъ сдѣлать такое предложеніе. „Развѣ потому вы назвали моего мужа братомъ, чтобы отнимать честь у его жены?“

„Спасибо, невѣстка, что ты такова,“ отвѣчалъ Петръ, оправляясь отъ смущенія; „я хотѣлъ только пошутить, чтобы испытать твою добродѣтель и

честность, и съ удовольствіемъ вижу, что не обманулся въ тебѣ: я хвалю тебя за то и еще болѣе буду любить обоихъ васъ." И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ Петръ обращался съ Барсуковой очень почтительно.

*

Государь никогда не отказывалъ тѣмъ кто звалъ его къ себѣ крестить дѣтей. Разъ священникъ Троицкаго собора въ Петербургѣ просилъ его сдѣлать ему честь воспріятіемъ отъ купели новорожденнаго сына. Государь обѣщалъ пріѣхать на другой день къ вечеру.

„Кого благоволите назначить кумою?" спросилъ священникъ.

„Кого ты выберешь изъ своихъ родственницъ," сказалъ Государь.

Священникъ приготовился къ принятію кума; но Петръ за болѣе важными дѣлами забылъ про данное слово и вспомнилъ о немъ только ложась спать. „Ахъ", сказалъ онъ Екатеринѣ, „я забылъ, что обѣщался къ попу. Въ какомъ безпокойствѣ долженъ быть онъ и всѣ его домашніе. Чаю, по сію еще пору ждутъ меня". И, не смотря на поздній часъ, на осеннее, ненастное время, Государь немедленно всталъ и потребовалъ одѣваться. Мостовъ тогда черезъ Неву не было. Нашли верейку, и на ней Государь переѣхалъ съ деньщикомъ своимъ Татищевымъ.

Священникъ уже давно пересталъ ждать, отпустилъ куму и легъ спать. На стукъ у воротъ отперли. Можно представить себѣ переполохъ хозяина! Онъ едва успѣлъ встрѣтить гостя у порога.

Государь просилъ извиненія, что надѣлалъ столько безпокойства.

„Я за суетами забылъ, что обѣщалъ быть къ тебѣ", сказалъ онъ. „Здѣсь ли еще кума?" Узнавъ, что ея уже нѣтъ, онъ послалъ за нею. Прошло еще болѣе получаса, пока привезли куму.

Окрестивъ младенца, Государь отнесъ его самъ къ родильницѣ, поцѣловался съ нею и съ кумою, выпилъ стаканъ пива и, пожелавъ доброй ночи, уѣхалъ.

*

Вскорѣ послѣ устройства Адмиралтейства накопилось въ немъ столько щепы отъ постоянныхъ работъ, что не хватило уже и мѣста. Коллегія опредѣлила для вывоза щепъ вызвать подрядчиковъ. Петръ съ неудовольствіемъ сказалъ: „У васъ все подряды, да подряды!" И тогда же приказалъ объявить, что желающіе могутъ брать щепки изъ Адмиралтейства даромъ. Наѣхало множество повозокъ со всѣхъ концовъ Петербурга.

Однажды Государь ѣхалъ въ своей одноколкѣ въ Адмиралтейство и, когда сталъ въѣзжать на подъемный мостъ, то деньщикъ, стоявшій за одноkол-

кою, увидя въѣхавшій на мостъ возъ со щепками, закричалъ, чтобы онъ свернулъ съ дороги.

„Молчи!“ сказалъ Государь; „и того-то ты не можешь разсудить, что поворотиться возу уже невозможно, а легче намъ съ одноколкою взять въ сторону“.

Съ этими словами Государь вышелъ изъ экипажа, своими руками поворотилъ его и пропустилъ возъ.

Человѣкъ, ѣхавшій съ возомъ, былъ слуга корабельнаго секретаря Новикова, Ларіонъ.

Черезъ нѣсколько дней Государь опять встрѣчается на Адмиралтейскомъ мосту съ Ларіономъ. Такъ какъ на сей разъ государева одноколка въѣхала на мостъ первая, а возъ только еще подъѣзжалъ къ мосту, то Государь и закричалъ, чтобы возъ остановился. Но Ларіонъ продолжалъ ѣхать. Тогда Петръ вышелъ изъ одноколки и, узнавъ Ларіона, спросилъ его:

„Вѣдь ты же былъ тотъ, для котораго я поворотился съ одноколкою моею назадъ и тебя пропустилъ?“

— „Я“, отвѣчалъ Ларіонъ.

„Но тогда взъѣхалъ на мостъ прежде ты съ возомъ своимъ, и поворотиться тебѣ уже было неудобно; а теперь видѣлъ ты, что прежде въѣхалъ на мостъ я, а ты только что подъѣзжалъ, и поворотиться было мнѣ уже неудобно; да я же и кричалъ тебѣ, чтобъ ты остановился и пропустилъ меня, а ты все ѣдешь“.

— „Виноватъ“, отвѣчалъ слуга.

„Такъ надобно, чтобъ ты лучше помнилъ и не озорничалъ впередъ“, сказалъ Государь, и тутъ же далъ ему нѣсколько ударовъ палкою, приговаривая: „не озорничай, не озорничай и пропускай тѣхъ, кто прежде тебя па мостъ взъѣдетъ“

Ларіонъ дожилъ до глубокой старости и все помнилъ этотъ случай, о которомъ всегда разсказывалъ со слезами умиленія, какъ бы гордясь тѣмъ, что самъ Государь изъ своихъ рукъ изволилъ его наказать полкою.

И многіе, наказанные Государемъ, подобно Ларіону, съ благовѣніемъ вспоминали о дубинкѣ Петра Великаго. Это и неудивительно, потому что великій Государь наказывалъ за дѣло, а если и случалось несправедливо, то всегда просилъ прощенія и засчитывалъ на будущее время.

*

Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгорукій находился въ Шведскомъ плѣну и освободился изъ него въ 1711 году слѣдующимъ образомъ.

Шведское правительство рѣшило часть Русскихъ плѣнниковъ, содержавшихся въ Стокгольмѣ, перевезти моремъ въ Готтенбургъ. Въ числѣ ихъ на-

ходился и князь. Такъ какъ Русскихъ на кораблѣ было больше чѣмъ Шведовъ, то у Долгорукаго и явилась мысль овладѣть фрегатомъ и уѣхать въ Россію. Онъ сообщилъ про то своимъ товарищамъ, и они охотно согласились. Назначили Субботу: когда, за всенощной запоютъ Всемірную Славу, то при словахъ: „дерзайте убо, дерзайте, людіе Божіи", броситься всѣмъ сразу на Шведовъ, обезоружить ихъ и овладѣть фрегатомъ. Такъ и было сдѣлано: при послѣднихъ словахъ священной пѣсни, Русскіе, какъ львы, бросились на Шведовъ, обезоружили ихъ, тѣхъ кто сопротивлялся перекололи, перетопили въ морѣ, остальныхъ связали. Оставался свободнымъ одинъ шкиперъ. Князь, приставя къ груди его шпагу, сказалъ: „Ежели хочешь быть живъ, то вези насъ къ Кроншлоту или Ревелю, но берегись измѣнить". Тому оставалось или умереть, или повиноваться. Онъ и привелъ корабль въ Ревель.

Легко себѣ представить, какъ пріятенъ былъ Петру поступокъ Долгорукаго. Когда князь явился къ Государю, онъ обнялъ его и хвалилъ за неустрашимость. Вскорѣ послѣ этого Петръ назначилъ князя Якова сенаторомъ и поручилъ ему Коммисаріатъ.

*

Въ первое время по основаніи Петербурга, по новости дѣла и по неопытности хлѣбныхъ торговцевъ, столица не рѣдко оставалась безъ хлѣба. Области, отнятыя у Шведовъ, были разорены войною, изъ ближайшихъ губерній нельзя было достать много; приходилось вызывать подрядчиковъ и привозить изъ низовыхъ губерній.

Разъ случилось, что хлѣба для войска осталось всего на одинъ мѣсяцъ. Если скупить его у торговцевъ, то жителямъ предстояло голодать, а идущій съ низу водою хлѣбъ прибудетъ въ Петербургъ не раньше двухъ или даже трехъ мѣсяцевъ.

Петръ Великій предложилъ Сенату озаботиться этимъ.

Сенаторы, послѣ долгихъ разсужденій, не могли придумать ничего иного, какъ собрать по четверику съ души крестьянской въ Новгородской губерніи, какъ ближайшей къ столицѣ. Петръ, занятый другими дѣлами, не имѣлъ времени вникнуть въ это дѣло и подписалъ опредѣленіе Сената, приказавъ немедленно послать о томъ, куда слѣдуетъ указы, прибавя только при этомъ, чтобы къ сбору хлѣба опредѣлить людей честныхъ и добрыхъ. Подъ этимъ опредѣленіемъ подписались всѣ сенаторы, кромѣ одного князя Долгорукаго, котораго въ то время не было въ Сенатѣ. Когда онъ пріѣхалъ, ему подали бумаги для подписанія. Князь, прочитавъ ихъ, потребовалъ сургуча и огня, собралъ всѣ бумаги, запечаталъ ихъ, не говоря ни слова, вышелъ изъ Сената и поѣхалъ къ обѣднѣ.

Всѣ сенаторы были удивлены поступкомъ князя: одни жалѣли о немъ; а большая часть радовались, что наконецъ-то этотъ умникъ, какъ они иронически называли его, попадетъ подъ гнѣвъ Государя, который строго приказалъ не медлить этимъ дѣломъ. Они сейчасъ же донесли объ всемъ Петру, не преминувъ прибавить, что подобныя остановки въ дѣлахъ князь Долгорукій всегда дѣлаетъ своимъ несогласіемъ.

Государь былъ въ то время въ Адмиралтействѣ. Онъ немедленно ѣдетъ въ Сенатъ и требуетъ къ себѣ Долгорукаго. Ему отвѣчаютъ, что князь у обѣдни.

Государь приказываетъ послать за нимъ; посланный возвращается и передаетъ, что князь на его слова отвѣчалъ только: „слышу" и больше ничего. Подождавъ нѣсколько времени, Государь снова посылаетъ въ церковь съ приказаніемъ князю Долгорукому быть сейчасъ же. Отвѣтъ тотъ же. Петръ гнѣвается, а сенаторы еще болѣе раздражаютъ его жалобами на князя. Одни пожимаютъ плечами и, какъ будто про себя, говорятъ: „какое дерзкое упорство!" Другіе прямо говорятъ Петру: „Ваше Величество! Изъ такого противоборства волѣ вашей можете заключить, какую мы должны сносить досаду отъ противорѣчій его по дѣламъ".

Раздраженіе Государя доходитъ до крайняго предѣла. Онъ посылаетъ въ третій разъ за княземъ и велитъ сказать ему, что если онъ не придетъ вмѣстѣ съ посланнымъ, то пусть знаетъ, что съ нимъ будетъ поступлено, какъ съ ослушникомъ и оскорбителемъ верховной власти.

Посланный передаетъ все это князю Долгорукому; но тотъ, ничего не отвѣчая, продолжаетъ молиться, повторяя вслухъ: „воздадите Божія Богови, а Кесарево Кесареви". Посланный спрашиваетъ: „Что̀ прикажете донести Государю?"

— „Донеси, что̀ ты видишь и слышишь".

Посланный передаетъ отвѣтъ и слышанныя имъ слова.

Между тѣмъ обѣдня кончилась, и Долгорукій вскорѣ пріѣзжаетъ въ Сенатъ. Петръ уже не владѣлъ собою: увидя князя, онъ бросился на него съ обнаженнымъ кортикомъ.

— „Вотъ грудь моя!" сказалъ Долгорукій. „Я безъ страха готовъ принять смерть за правду: и ты будешь Александръ, а я Клитъ!"

Руки опустились у грознаго Государя. Онъ отскочилъ отъ князя на нѣсколько шаговъ, какъ бы испугавшись; потомъ, поглядя съ полминуты ему въ глаза, сказалъ:

„Какъ ты осмѣлился остановить опредѣленіе, утвержденное мною?"

— „Ты самъ повелѣлъ мнѣ представлять тебѣ истину и стараться о пользѣ твоей и народа твоего; и такъ могу ли по совѣсти исполнить то, что̀ противно истинѣ и пользѣ твоей и народной?"

„Но гдѣ же мы возьмемъ хлѣба?"

— „Изволь-ка сѣсть, Государь. Я тебѣ скажу, гдѣ взять хлѣба. Провіантъ твой будетъ сюда не прежде, какъ черезъ два мѣсяца, а до того времени есть у меня столько-то кулей муки, а мнѣ на продовольствіе дому моего надобно только половину или немного побольше, слѣдственно около половины есть у меня излишняго. У князя Меншикова, за всѣми его расходами, какъ я заподлинно знаю, остается гораздо еще больше половины. У адмирала тоже; у того-то и того столько-то!“ И назвавъ всѣхъ по имени, князь разсчелъ, что у всѣхъ нихъ вмѣстѣ излишняго хлѣба будетъ гораздо болѣе, чѣмъ потребно на продовольствіе войска и бѣдныхъ жителей. „Остатки сіи“, продолжалъ князь, „возьмите у насъ, и такимъ образомъ не будетъ никакой нужды; а какъ подвезутъ ожидаемый хлѣбъ, то и можешь ты всѣмъ намъ взятый у насъ возвратить новою мукою; мы же довольнѣе еще останемся, что вмѣсто лежалой получимъ свѣжую; войско твое и всѣ будутъ снабжены, а бѣдные крестьяне Новгородскіе не потерпятъ излишней тягости. Да не думаешь ли ты, Государь, чтобы крестьянинъ могъ въ такомъ случаѣ раздѣлаться однимъ четверикомъ? Нѣтъ! Ему мало будетъ на раздѣлку сію и двухъ: воры-коммисары сыщутъ къ тому средство. Они, подъ предлогомъ, что мука дурна, прогоркла и т. д., не станутъ ее принимать, и крестьянинъ принужденъ будетъ съ поклонами просить, чтобъ хоть вдвое да взяли, только бы его не мучили. А губернія Новгородская отъ войны гораздо болѣе предъ другими чувствуетъ отягощеніе, и многіе изъ крестьянъ съ нуждою себя съ семействомъ своимъ прокармливаютъ. Такъ разсуди, Государь“, заключилъ свою рѣчь Долгорукій, „какая бы это была для нихъ тягость“.

Петръ все это выслушалъ со вниманіемъ и, обратясь къ примолкнувшимъ сенаторамъ, сказалъ: „Что жъ вы молчите и не противорѣчите? Правду онъ говоритъ или нѣтъ?“

Сенаторы признались, что князь сказалъ дѣльно, и изъявили готовность отдать избытки своего хлѣба.

„Вижу я“, сказалъ Петръ, „что можно вамъ упорство и противорѣчіе его сносить“. Затѣмъ онъ сознался въ собственной неосмотрительности и просилъ прощенія у князя въ напрасномъ на него гнѣвѣ.

*

Разъ понадобилось большое количество муки и хлѣба для флота, и Петръ далъ Сенату указъ доставить хлѣбъ и муку изъ низовыхъ губерній непремѣнно къ веснѣ, чтобъ не задержать флота.

Когда указъ былъ прочтенъ въ полномъ собраніи Сената, князь Яковъ Долгорукій, выслушавъ его, покачалъ головою и промолвилъ: „Спустя лѣто да въ лѣсъ по малину; но полно, можно извинить Государя безчисленными его

заботами, что необдумавши написалъ указъ сей. Ну какъ можно исправиться къ веснѣ поставкою сюда изъ такой дали хлѣба, когда время упущено? А хотябъ и положить, что съ нуждою поставить можно, то въ такомъ случаѣ станетъ онъ вдвое, а самъ же онъ имѣетъ нужду въ деньгахъ".

Сказавъ это, князь положилъ царскій указъ подъ сукно.

Тотчасъ донесли о томъ Государю. Онъ пріѣхалъ самъ въ Сенатъ и съ досадою спросилъ: „Исполнено ли по послѣднему указу?"

— „Не исполнено", отвѣчалъ Долгорукій, „ибо исполнить онаго не можно»....

„Отъ тебя всегда противорѣчіе", перебилъ его съ гнѣвомъ Государь: „съ чѣмъ же я флотъ отправлю?"

— „Не гнѣвайся, Государь, но выслушай сперва".

„Ну что такое?„

— „А вотъ что: время уже упущено, и изъ столь дальнихъ мѣстъ поставить въ Петербургъ къ веснѣ никакъ не можно, а хотябъ и можно было исправиться, то станетъ хлѣбъ цѣною почти вдвое. Такъ зачѣмъ же такая напрасная трата въ деньгахъ, въ коихъ ты еще и нужду имѣешь? А ежели еще и при всемъ томъ не можетъ онъ къ тому времени поставиться, какъ это и думать можно, то не станешь ли ты болѣе еще на насъ тогда гнѣваться? А можно и безъ того исправиться и флоту твоему выдти въ море."

„Да какъ же?"

— „А вотъ какъ. У меня скоро будетъ сюда хлѣба больше, нежели сколько на употребленіе дому моего надобно. У Меншикова, я слышу, идетъ его и гораздо большее количество, нежели сколько ему надобно; да чаю у всей нашей братьи тожъ; такъ ты, Гоаударь, и можешь у всѣхъ насъ излишки тѣ отобрать; а я навѣрно надѣюсь, что сихъ излишковъ будетъ сколько тебѣ надобно. Буде же бы и того было мало, то можно для твоей нужды и изъ настоящей пропорціи намъ по нѣскольку употребить. Но до того, чаю, не дойдетъ, а между тѣмъ не торопясь, въ свое время и безъ передачи въ цѣнѣ, хлѣбъ сюда доставятъ. Тогда ты, Государь, всѣмъ намъ, какъ прежде было, взятое количество отдашь: такъ и ты, и всѣ мы будемъ безъ убытку, а хлопотъ-то уже никакихъ и не будетъ. Вотъ для чего исполнить-то указа твоего было не можно".

Петръ, выслушавъ князя, поцѣловалъ его въ голову и сказалъ. „Спасибо, дядя! Ты, право, умнѣе меня, и не напрасно называютъ тебя умникомъ".

— „Нѣтъ, Государь, я не умнѣе, но у меня меньше дѣла, и потому есть время мнѣ обдумать; а и тутъ иногда ошибаюсь. А тебя же дѣла безъ числа, такъ и не дивно, что ты иного и не обдумаешь".

Государь послѣ этого взялъ свой указъ и при всѣхъ разорвалъ его.

*

Незадолго до заключенія Ништадскаго мира (1721), Петръ Великій повелѣлъ Сенату набрать людей для работъ въ Петербургѣ и его окрестностяхъ. Князь Долгорукій съ обычною смѣлостью и откровенностью сказалъ на это Государю: „Пора бы уже тебѣ губерніи-то отъ сего и освободить".

— „Такъ, по твоему, надо оставить работы?" возразилъ Петръ.

Вмѣсто отвѣта князь сказалъ: „Время уже обѣдать, а хлѣбъ-соль не бранятся. Пожалуй ко мнѣ, Государь, откушать, такъ я скажу тебѣ, что и наряда работниковъ изъ губерній не надобно, и работы твои не остановятся".

— „Хорошо, поѣдемъ. Что-то я отъ тебя услышу!"

По пріѣздѣ домой, хозяинъ, выпивъ съ гостемъ по рюмкѣ, сказалъ:

„Теперь, Государь, у тебя война, слава Богу, приходитъ къ концу, и арміи твоей по крайней мѣрѣ половина дѣла. Если опредѣлишь ты и однихъ праздныхъ солдатъ къ работамъ давая имъ сверхъ жалованья заработанныя деньги, сколько и другимъ платится, то и солдаты, и губерніи твои будутъ довольны; а особливая выгода отъ того будетъ та, что солдаты твои, стоя на квартирахъ не безъ дѣла, не избалуются."

Государь поблагодарилъ умнаго князя за совѣтъ и уничтожилъ свой указъ.

*

При началѣ работъ по устройству Ладожскаго канала Петръ Великій опредѣлилъ, чтобы владѣльцы деревень Новгородской и Петербургской губерній присылали на работу крестьянъ своихъ. Указъ объ этомъ былъ данъ Сенату и подписанъ Государемъ. Князя Якова Долгорукаго въ тотъ день не было въ Сенатѣ, и онъ не зналъ, что̀ безъ него происходило. На другой день, когда надо было приступить къ исполненію указа, пріѣхалъ Долгорукій и по обыкновенію спросилъ прежде всего, о чемъ вчера разсуждали. Ему подали подписанный всѣми сенаторами протоколъ, въ которомъ записано было монаршее повелѣніе о томъ, чтобы крестьяне Новгородской и Петербургской губерній были посылаемы на работу.

Прочитавъ бумагу, князь съ жаромъ сталъ доказывать, что такое повелѣніе противно государственной пользѣ, и что о томъ непремѣнно надо доложить Государю, чтобы не погубить въ конецъ и безъ того уже разоренныя войною губерніи. Чтобы убѣдить его въ невозможности перерѣшить дѣло, ему показали указъ, подписанный самимъ Государемъ, но Долгорукій такъ увлекся, что разорвалъ поданную ему бумагу. Всѣ сенаторы ужаснулись, повскакали съ своихъ мѣстъ и спрашивали его, знаетъ ли онъ, что̀ онъ сдѣлалъ, и что̀ его ожидаетъ за такую дерзость.

„Знаю", отвѣчалъ неустрашимый Долгорукій, „и буду за сіе отвѣтствовать предъ Богомъ, предъ Государемъ и предъ отечествомъ".

Въ это самое время вошелъ въ Сенатъ Петръ. Онъ очень удивился, увидя общее смятеніе, и спросилъ, что́ значилъ этотъ шумъ.

Генералъ-прокуроръ съ трепетомъ подалъ Государю подписанное имъ и разорванное Долгорукимъ опредѣленіе. Царь съ гнѣвомъ обратился къ виновному и спросилъ его:

„Что́ побудило тебя сдѣлать толь неслыханное преступленіе противу верховной власти?“

— „Ничто иное какъ ревность моя къ твоей славѣ и къ благосостоянію твоихъ подданыхъ. Не гнѣвайся на меня, Петръ Алексѣевичъ! Я надѣюсь на твое благоразуміе, что ты собственную свою землю не захочетъ разорять, какъ Карлъ XII разоряетъ свою. Ты поторопился дать сіе повелѣніе и не размыслилъ, въ какомъ состояніи находятся обѣ сіи губерніи, которыя доселѣ больше, нежели всѣ провинціи Россійскія вмѣстѣ, въ настоящую войну претерпѣли. Сколько въ нихъ людей вымерло, и сколь великъ въ оныхъ былъ недостатокъ въ народѣ! Что́ препятствуетъ тебѣ, къ работѣ столь нужнаго для твоего Петербурга канала, взять рабочихъ изъ другихъ провинцій, изъ каждой понемногу? Онѣ несравненно болѣе могутъ дать людей, нежели сіи двѣ безлюдныя почти губерніи. Сверхъ того у тебя довольно военноплѣнныхъ Шведовъ, коихъ ты вмѣсто собственныхъ подданныхъ къ сей работѣ употребить можешь“.

Государь слушалъ это съ видимымъ удовольствіемъ и, когда князь кончилъ, сказалъ: „Все это хорошо, но на чтоже драть подписанное мною опредѣленіе, зная, что такая дерзость нигдѣ не можетъ быть терпима?“

— „Въ этомъ-то только я и виноватъ, Государь, что не утерпѣлъ.“

Послѣ этого Петръ обратился къ сенаторамъ и сказалъ:

— „Хотя я было такъ сперва и положилъ, однакожъ сіе дѣло еще разсмотрю и дамъ Сенату мое послѣднее повелѣніе.“ Тѣмъ дѣло и кончилось.

*

Для приведенія въ порядокъ коммисаріатской части, Петръ поручилъ ее князю Якову Ѳедоровичу Долгорукому. Однажды, за недостаткомъ синяго сукна, отпустилъ онъ въ полкъ Меншикова сукно зеленаго цвѣта. Меншиковъ, не зная тому причины, вообразилъ, что это сдѣлано ему въ угоду, чтобы отличить его полкъ отъ другихъ армейскихъ (потому что зеленые плащи были только въ гвардіи) и остался этимъ очень доволенъ.

По истеченіи извѣстнаго срока, въ тотъ же полкъ было отпущено по прежнему синее сукно. Меншиковъ ужасно на это обидѣлся и посылаетъ къ Долгорукому одного изъ своихъ любимцевъ, котораго за угожденіе и наушничество, производя изъ чина въ чинъ, довелъ до полковниковъ. Этому-то

полковнику Меншиковъ приказалъ спросить у Долгорукаго, почему отпущено сукно не того колера, какъ прежде. Посланный явился и сказалъ:

„Его свѣтлость проситъ ваше сіятельство дать ему знать, для чего на полкъ его отпущено сукно не того калибра?“

— „Чтó ты говоришь?“

„Не того калибра“, повторилъ полковникъ.

— „Глупъ, братъ ты“, сказалъ князь, „да и тотъ таковъ же, кто тебя въ полковники-то произвелъ.“

Полковникъ, возвратясь къ Меншикову, передалъ ему слова князя. Меншиковъ рѣшилъ непремѣнно отомстить своему врагу. Случай скоро представился.

Государь приказалъ сенаторамъ смотрѣть за постройкою кораблей, и чтобъ никакія отговорки не имѣли мѣста: каждый долженъ былъ взять на себя особый корабль и за него отвѣчать. Меншиковъ тоже принялъ на себя построеніе одного корабля. Онъ употребилъ все стараніе, и корабль у него былъ готовъ раньше всѣхъ. На спускѣ этого корабля присутствовалъ Петръ. Онъ былъ очень веселъ и благодарилъ Меншикова. Послѣдній воспользовался благопріятною минутою и представилъ Его Величеству полковника обиженнаго Долгорукимъ, который-де не только его оскорбилъ, но и того кто его въ полковники произвелъ, назвавъ обоихъ дураками. При этомъ полковникъ, ставъ передъ Царемъ наколѣни, просилъ защитить отъ Долгорукаго.

А князь Яковъ ничего не зная, сидитъ себѣ съ пріятелями за особымъ столикомъ и попиваетъ. Адъютантъ его, Ѳедоръ Васильевичъ Наумовъ, впослѣдствіи бывшій сенаторомъ, увидя сцену съ полковникомъ, подошелъ къ князю Якову Ѳедоровичу и сказалъ ему объ этомъ на ухо.

„Пусть ихъ жалуются, какъ хотятъ“, отвѣчалъ съ презрѣніемъ князь.

Между тѣмъ Петръ сильно прогнѣвался на Долгорукаго.

„Давно ли я у тебя въ дураки попалъ?“, съ гнѣвомъ спросилъ Государь у него.

Долгорукій совершенно спокойно отвѣчаетъ, что вопросъ этотъ его удивляетъ, потому что и въ мысли ему прійти этого не можетъ.

„Говорилъ ли ты присланному къ тебѣ отъ Меншикова полковнику, что онъ дуракъ, да таковъ же и тотъ, кто его произвелъ въ полковники?“ снова спрашиваетъ Государь.

— „Говорилъ.“

— „Но кто жъ жалуетъ въ полковники? Вѣдь этó я, слѣдовательно и я у тебя дуракъ?“

— „Нѣтъ, Государь, сего ты на свой счетъ принять не долженъ: ты знаешь, какъ я тебя разумѣю, а сіе сказано мною о Меншиковѣ, который дурака того, изъ низости и изъ измѣнничья сына производя, довелъ до полковника, а ты по его уже убѣжденію пожаловалъ въ полковники. Но ты бъ,

по правотѣ своей, конечно его не пожаловалъ въ такой чинъ, ежелибъ Александръ похвалою службы его тебя къ тому не убѣдилъ. Но спроси, гдѣ онъ служилъ и чѣмъ себя отличилъ, то окажется, что вся его заслуга въ коварномъ только ласкательствѣ и въ наушничествѣ ему Александру."

— „Какого же измѣнника онъ сынъ?"

— „Казненнаго стрѣльца. Я о семъ узналъ достовѣрно и хотѣлъ было тебѣ о томъ сказать, но ты меня самъ предупредилъ."

При этомъ Долгорукій разсказалъ, за что онъ назвалъ полковника дуракомъ.

Петръ вѣрилъ во всемъ князю Якову и обратилъ теперь весь гнѣвъ на Меншикова, но не подалъ вида и сказалъ:

— „Хорошо, дядя; я все сказанное тобою изслѣдую".

А полковника приказалъ сейчасъ же арестовать и отвести въ крѣпость.

Такой оборотъ дѣла былъ очень непріятенъ Меншикову, но дѣлать было нечего: пришлось просить того же Долгорукаго, къ которому онъ и поѣхалъ на другой день.

„Ты не сдѣлалъ несчастнымъ ни одного человѣка", сказалъ Меншиковъ Долгорукому, „такъ можно ли было ожидать, чтобы ты погубилъ ни въ чемъ предъ тобою невиноватаго человѣка".

— „Не я его погубилъ, а ты самъ", отвѣчалъ Долгорукій. „Ты, конечно, не то приказалъ ему сказать мнѣ, что онъ совралъ, за что и назвалъ я его дуракомъ. И тебѣ бы должно о томъ снестись прежде со мною, а не жаловаться Государю."

Меншиковъ признался, что виноватъ и съ покорностью просилъ спасти полковника, котораго онъ очень любилъ.

— „Хорошо", сказалъ Долгорукій, „но надобно для сего дождаться спуска моего корабля. Тогда я не упущу случая просить Государя; а корабль скоро поспѣетъ, ежели ты поможешь мнѣ въ рабочихъ, которыхъ у меня маловато, а достать ихъ не могу".

Меншиковъ, не распуская своихъ рабочихъ, въ тотъ же день всѣхъ ихъ прислалъ къ Долгорукому на корабль, который и былъ черезъ нѣсколько дней готовъ.

Въ день спуска былъ данъ строителемъ обѣдъ, на которомъ присутствовали Государь и всѣ сенаторы. Петръ былъ веселъ и послѣ обѣда взялъ подъ руку Екатерину, подошелъ къ князю и, сѣвши подлѣ него, говорилъ Государынѣ: „Дядя нашъ больше намъ другъ, чѣмъ подданный. Никто столько насъ не любитъ, какъ онъ. Всегдашняя правда, говоренная имъ мнѣ, и ревность его къ отечеству сіе доказываютъ ясно, и ты обязана его столь же много любить, какъ и я. Проси, другъ мой", сказалъ въ заключеніе Петръ, обращаясь къ Долгорукому. „Я все для тебя сдѣлаю".

— „Хорошо“, сказалъ князь. „Посмотрю, сдѣлаешь ли, о чемъ тебя попрошу“.

„Сдѣлаю“.

— „Такъ прости же арестованнаго полковника. Я больше ни о чемъ тебя не тружу“.

Государь исполнилъ просьбу и даже похвалилъ просителя за великодушіе.

Долгорукій, не медля ни минуты, послалъ своего адъютанта Наумова къ арестованному полковнику объявить ему о царской милости и предупредить, чтобы онъ, въ случаѣ, если Государь будетъ его о чемъ спрашивать, говорилъ всю правду, ничего не утаевая. Но до этого дѣло не дошло. Петръ болѣе уже не видалъ полковника: его послали комендантомъ въ одну дальнюю крѣпость.

*

Разговаривая однажды съ княземъ Яковомъ Долгорукимъ о разныхъ вещахъ, Петръ Великій сказалъ между прочимъ, когда рѣчь зашла о войскѣ:

„Благодарю Бога, что довелъ гвардію до таковой степени совершенства, что она можетъ служить всей арміи достойнымъ подражанія образцомъ“.

— „Я знаю“, отвѣчалъ князь, „что она добра; да есть ли изъ офицеровъ оной такіе, на которыхъ бы ты во всемъ полагаться могъ, паче же касательно некорыстолюбія, безпристрастія и вѣрности?“

„Есть“, сказалъ Государь, „и много; а особенно два изъ нихъ достойны всей моей довѣренности“.

— „Кто таковы сіи два?“

— „Ты ихъ знаешь“.

— „Да я и всѣхъ ихъ знаю, но о сихъ отличныхъ догадаться не могу“.

— „Я къ тебѣ ихъ завтра пришлю. Посмотри ихъ“.

На другой день въ пять часовъ поутру явились къ князю офицеры Ушаковъ и Волковъ.

Князь долго бесѣдовалъ съ ними, говорилъ о томъ, съ какимъ усердіемъ должно исполнять всѣ повелѣнія начальства, и особенно верховной власти. Князь тянулъ разговоръ до тѣхъ поръ, когда имъ пора было идти на службу. Офицеры откланялись и спросили, что̀ его сіятельство имъ приказать изволитъ.

— „Ничего“, отвѣчалъ князь.

Тѣ спрашиваютъ его, что̀ могутъ они передать Государю, пославшему ихъ къ князю.

— „Ничего, я самъ съ нимъ увижусь. Да что̀ вы такъ торопитесь?“ промолвилъ онъ. „Вы можете еще побыть у меня и поговорить“.

— „Никакъ не можно“, отвѣчали офицеры: „намъ пора быть у должности“.

„Ну такъ прощайте“, сказалъ князь.

Государь, увидясь съ нимъ въ тотъ же день, спросилъ, каковы показались ему офицеры.

„Я ихъ знаю“, отвѣчалъ Долгорукій, „но не зналъ только того, что ты ихъ отъ прочихъ такъ отличаешь. Ушаковъ подлинно хорошъ; а другой, хотя можетъ быть столько же вѣренъ, но мнѣ показался плоховатъ“.

— „Нѣтъ, дядя“, возразилъ Петръ, „не смотри на видъ, Волковъ не хуже Ушакова можетъ исполнить все, что̀ ему ни поручи. Однимъ словомъ, я равно на обоихъ ихъ положиться во всемъ могу, и ежелибъ я такихъ много у себя имѣлъ, то бы могъ себя назвать совершенно счастливымъ“.

*

Петръ Великій, строгій, когда дѣло касалось дисциплины, былъ очень снисходителенъ въ личномъ обращеніи со служащими. Они всегда могли объясняться съ нимъ о своихъ нуждахъ. Разъ четыре солдата Преображенскаго полка и три Семеновскаго, бывшіе на караулѣ въ селѣ Преображенскомъ, просили у Государя, когда тотъ проходилъ мимо, уволить ихъ въ городъ, въ Московскіе ряды, для покупки необходимыхъ вещей. Государь тотчасъ ихъ отпустилъ, но съ тѣмъ, чтобъ къ вечерней зарѣ они непремѣнно возвратились. Цѣлый день провели они въ Москвѣ и за хлопотами не замѣтили, какъ прошло время. Когда они спохватились, было уже поздно и, чтобъ поспѣть во́ время въ Преображенское, надо было ѣхать. Между тѣмъ извощиковъ нѣтъ. Въ крайности они рѣшили остановить первую повозку, какая попадется, и ѣхать на ней. Вдругъ на встрѣчу имъ карета, въ которой ѣхала графиня Шереметева, супруга фельдмаршала. Солдаты останавливаютъ ее, просятъ уступить карету и выручить ихъ изъ бѣды. Графиня не соглашается и говоритъ, что за такую дерзость они тоже будутъ не менѣе наказаны. Но солдаты не отстаютъ, и наконецъ графиня принуждена была войти въ первый знакомый домъ, а карету оставить солдатамъ, въ которой они и пріѣхали къ назначенному часу въ Преображенское.

На другой день фельдмаршалъ пожаловался Государю на дерзость солдатъ. Петръ приказалъ позвать ихъ и спрашиваетъ, правда ли, что они отняли карету у графини Шереметевой. Тѣ падаютъ въ ноги и разсказываютъ, какъ было дѣло, и какая причина заставила ихъ поступить такъ. Государь былъ тронутъ не столько признаніемъ, сколько тою заботливостью, какую они обнаружили въ исполненіи службы. Сдѣлавъ имъ строгій выговоръ, онъ про-

силъ фельдмаршала простить ихъ, и графъ, въ угоду Царю, долженъ былъ на это согласиться. Затѣмъ Петръ сказалъ солдатамъ: „Вы должны благодарить графа, что онъ васъ простилъ и тѣмъ избавилъ отъ заслуженнаго наказанія. Но если впредъ вы дерзнете что-либо подобное учинить, то вѣдайте, что будете наказаны по всей строгости".

*

Князь Иванъ Борисовичъ Репнинъ, управлявшій до 1697 года Сибирскимъ Приказомъ, былъ вельможа знаменитый своимъ происхожденіемъ, личными заслугами и приверженностію къ старинѣ. Онъ упорно отказывался слѣдовать новымъ обычаямъ и предпочиталъ всѣмъ новымъ титуламъ и чинамъ титулъ ближняго боярина. Петръ Великій снисходилъ къ старику, но за глаза подсмѣивался надъ нимъ. Разъ онъ сказалъ любимому своему деньщику Павлу Ивановичу Ягужинскому:

„Хочешь, Ягужинскій, сегодня получить знатный подарокъ?"

— „Ктобъ сего не хотѣлъ!" отвѣчалъ Ягужинскій.

„Такъ слушай же. Старикъ Репнинъ нынѣ недомогаетъ. Поѣзжай къ нему и спроси отъ меня о здоровьѣ. Но умѣй угодить старинной боярской спѣси: оставь лошадь у воротъ и взойди на дворъ безъ шляпы; вели доложить, что ты присланъ отъ Государя спросить о здоровьѣ его сіятельства. Тебя будутъ просить къ нему, но ты скажи, что недостоинъ видѣть очей его боярскихъ, и не прежде войди какъ по двукратному зову, а взойдя съ раболѣпнымъ видомъ, ставши у дверей, поклонись ему объ ручку, и, если старикъ велитъ тебѣ сѣсть, отнюдь не садись, говоря, что ты недостоинъ столь великой чести. Увѣряю, что не отпуститъ онъ тебя съ пустыми руками".

Ягужинскій поступилъ буквально, какъ было сказано. Князь, польщенный такимъ къ себѣ уваженіемъ, спросилъ:

„Пьешь-ли вино, другъ мой?"

— „Не пью, ваше сіятельство!"

Репнинъ продолжалъ задавать вопросы: давно ли онъ у Государя, довольно ли Его Величество его жалуетъ? и пр. На все это ловкій Ягужинскій отвѣчалъ въ томъ же тонѣ. Старый бояринъ хвалилъ его за все, и за то, что онъ умѣетъ почитать людей старыхъ и заслуженныхъ.

„Я не оставлю похвалить тебя и Государю", прибавилъ князь. Ягужинскій чуть не въ ноги ему поклонился, говоря, что всю жизнь будетъ хвалиться милостію его сіятельства, потомъ откланялся и спросилъ:

„Что́, ваше сіятельство, прикажете донести Государю?"

— „Донеси, другъ мой, что мнѣ, слава Богу, получше, и что я самъ лично буду благодарить Его Величество, что вспомнилъ меня старика. Да по-

будь еще у меня, другъ мой", примолвилъ Репнинъ, „и поговоримъ о чемъ нибудь".

„Не смѣю преслушать повелѣнія вашего сіятельства", отвѣчалъ Ягужинскій съ низкимъ поклономъ.

Князь обратился къ брюхатому дворецкому, стоявшему за креслами: „Поди, въ шкапу лежитъ мѣшечекъ съ червонными. Возьми и принеси его ко мнѣ".

Дворецкій пошелъ, но хозяинъ остановилъ его и прибавилъ: „Принеси еще подносъ серебряный".

И только дворецкій пошелъ, какъ князь еще его остановилъ: „На тотъ подносъ поставь кубокъ вызолоченный съ крышкою, и въ него изъ мѣшечка высыпь червонцы и принеси ко мнѣ".

А Ягужинскій кланяется себѣ да кланяется. Князь велѣлъ еще разъ кликнуть дворецкаго.

„Да поставь на тотъ же подносъ еще чару золотую."

Когда все это было принесено князю, онъ взялъ въ свои руки подносъ и, поддерживаемый дворецкимъ, передалъ Ягужинскому со словами:

„За то, что ты такъ уменъ, возьми это, другъ мой, и съ моей руки разживайся. Да не оставляй и впредъ почитать людей знатныхъ, старыхъ и заслуженныхъ. Тогда Богъ и Царь тебя не оставятъ".

Ягужинскій съ низкими поклонами отказывался принять, говоря, что его сіятельство приводитъ его въ замѣшательство такою неслыханною милостью, и что онъ боится и его сіятельство огорчить отказомъ, и Государя— принятіемъ столь великаго подарка.

„Возьми, возьми, другъ мой, и не опасайся ничего. Коль скоро я выѣду, то буду къ Государю и скажу, что я принудилъ тебя взять оный. Право, Государь умѣетъ выбирать людей. Самъ Богъ его Царя Государя наставляетъ на разумъ".

Ягужинскій пересказалъ все Государю и показалъ полученные подарки. Петръ смѣялся надъ суетностію стариковъ, зараженныхъ своимъ боярствомъ.

„Ну не правду ли я тебѣ сказалъ, что получишь знатный подарокъ?"

Этотъ случай подалъ Государю поводъ говорить за столомъ въ тотъ же день о мѣстничествѣ и вредныхъ его слѣдствіяхъ.

*

Когда Екатерина разрѣшилась отъ бремени царевичемъ Петромъ, обрадованный Государь немедленно послалъ своего генералъ-адъютанта въ крѣпость къ оберъ-коменданту съ приказаніемъ возвѣстить народу эту радость пушечными выстрѣлами. Но такъ какъ передъ тѣмъ отданъ былъ приказъ не пускать въ крѣпость никого послѣ пробитія вечерней зари, то часовой изъ новобранцевъ остановилъ генералъ-адъютанта.

„Поди прочь! Не велѣно никого пускать!“

— „Меня Государь послалъ за важнымъ дѣломъ“.

„Я того не знаю, а знаю то одно, что не велѣно мнѣ никого пускать, и я тебя застрѣлю, ежели не отойдешь“.

Нечего было дѣлать, генералъ-адъютантъ вернулся и доложилъ Государю. Тотъ самъ, какъ былъ, въ простомъ кафтанѣ, безъ всякихъ отличій, идетъ въ крѣпость и говоритъ солдату: „Господинъ часовой! Впусти меня“.

— „Не пущу“.

„Я тебя прошу“.

— „Не пущу“.

„Я приказываю“.

— „А я не слушаю“.

„Да знаешь-ли ты меня?“

— „Нѣтъ“.

„Я Государь твой“.

— „Не знаю, а знаю то одно, что онъ же приказалъ никого не впускать.“

„Да мнѣ нужда есть“.

— „Ничего я слышать не хочу“.

„Богъ даровалъ мнѣ сына, и я спѣшу обрадовать народъ пушечными выстрѣлами“.

— „Наслѣдника? Полно, правда-ли?“

„Правда, правда!“

— „А когда такъ, что̀ за нужда! Пусть хоть разстрѣляютъ меня завтра! Поди и сегодня же обрадуй народъ сею вѣстью“.

Государь приказываетъ коменданту сто однимъ выстрѣломъ извѣстить столицу о рожденіи сына, затѣмъ спѣшитъ въ соборъ, гдѣ при звонѣ колоколовъ благодаритъ Бога за милость, а солдата жалуетъ сержантомъ и десятью рублями.

*

Петръ Великій, нуждавшійся среди разнообразныхъ занятій въ отдыхѣ, уходилъ иногда въ токарню и тамъ за любимымъ развлеченіемъ проводилъ по нѣскольку времени.

Однажды, придя въ мастерскую, онъ приказалъ часовому, стоявшему у дверей ея, никого не пускать къ себѣ. Приходитъ Меншиковъ и, спросивъ у часоваго, здѣсь ли Государь, хочетъ войти.

„Государь здѣсь“, говоритъ солдатъ, „но не велѣлъ никого къ себѣ пускать“.

— „Меня ты можешь впустить“.

„Не пущу“.

— „Но ты знаешь, кто я?“

„Знаю, но не пущу“.

— „Я имѣю до Государя нетерпящую времени нужду“.

„Что ты ни говори, а я знаю приказанное мнѣ“.

—„Вѣдаешь ли ты, дерзкій, что я, какъ подполковникъ твой, велю тотчасъ тебя смѣнить и жестоко наказать?“

„Послѣ часовъ ты воленъ поступать со мною, какъ хочешь, но прежде времени смѣнить меня не можешь, а и тогда долженъ я смѣняющему меня отдать сей же приказъ государевъ“.

Менщиковъ въ досадѣ хотѣлъ было оттолкнуть часоваго и войти; но тотъ, приставя ко груди его штыкъ, грозно закричалъ: „Отойди, или я тебя заколю!“

Князь принужденъ былъ отступить. Крикъ этотъ привлекъ вниманіе Государя, который отворилъ дверь и спросилъ о причинѣ шума. Меншиковъ началъ жаловаться на дерзость солдата, который едва было его не закололъ. Петръ обратился къ часовому, и тотъ разсказалъ, какъ было дѣло.

— „Данилычъ!“ сказалъ Государь, „онъ больше знаетъ свою должность, нежели ты. Мнѣ бы жаль было, ежели бы онъ закололъ тебя, и ты пропалъ бы какъ собака“.

Затѣмъ Государь запретилъ Меншикову наказывать солдата, котораго наградилъ пятью рублями и тутъ же приказалъ придворному живописцу нарисовать на дверяхъ токарной часоваго въ той самой позѣ, въ которой онъ увидѣлъ его, отворивъ дверь.

*

Одинъ солдатикъ изъ новобранцевъ стоялъ на часахъ въ такомъ мѣстѣ, куда, по его разсчету, не могъ придти его командиръ, а тѣмъ менѣе могъ онъ ожидать самого Государя. Время было обѣденное, жара стояла невыносимая, а постъ приходился на самомъ берегу Невы. Солдатъ раздѣлся и сталъ купаться. Вдругъ замѣтилъ онъ приближающагося Государя. Часовой, едва успѣвъ выскочить изъ воды, надѣлъ шляпу и перевязь и вытянувшись отдалъ честь ружьемъ. По строгости, съ какою Петръ соблюдалъ военную дисциплину, надо было ожидать жестокаго наказанія; но Государь не могъ не разсмѣяться, увидя эту странную фигуру, и сказалъ сопровождавшимъ его: „хоть голъ, да бравъ“.

Потомъ онъ спросилъ солдата, давно ли тотъ въ службѣ.

„Недавно, Ваше Императорское Величество“.

— „А знаешь ли ты, что велѣно дѣлать съ тѣми часовыми, которые оставляютъ постъ и кидаютъ ружье, какъ сдѣлалъ ты?“

„Виноватъ!“

— „Ну, быть такъ! Прощается сіе тебѣ, какъ новому, но берегись впредъ дерзнуть сдѣлать что-либо сему подобное“.

*

Петръ Великій, какъ извѣстно, отличался проницательностью и умѣньемъ выбирать людей. Однажды онъ увидѣлъ стоявшаго на часахъ солдата Преображенскаго полка. Посмотрѣвъ на него внимательно, Государь взялъ его къ себѣ въ ординарцы. Этотъ часовой былъ небогатый дворянинъ Александръ Ивановичъ Румянцовъ. Расторопность и вѣрность пріобрѣли ему довѣріе Государя, который пожаловалъ его сержантомъ и часто давалъ ему важныя порученія, которыя всѣ исполнялись къ удовольствію Царя. Бывши уже капитаномъ, Румянцовъ принималъ участіе въ поимкѣ царевича Алексѣя, послѣ чего сталъ еще ближе къ Петру и часто бесѣдовалъ съ нимъ совершенно откровенно. Часто онъ жаловался Государю на недостатокъ средствъ, но всегда получалъ въ отвѣтъ: „подожди“.

„По крайней мѣрѣ, скажите мнѣ, Ваше Величество“, сказалъ однажды потерявшій терпѣніе Румянцовъ, „что̀ за причина, что Вы, удостоивая меня всей вашей довѣренности, въ тоже время заставляете терпѣть нужду въ самомъ необходимомъ“.

— „Надобно научиться терпѣнію. Я ужъ тебѣ не однажды сказывалъ: „подожди“ и теперь тоже говорю: подожди, пока рука моя развернется, и тогда посыплется на тебя всякое обиліе“.

Всѣ видѣли расположеніе Царя къ Румянцову и предугадывали въ немъ будущую силу. Вслѣдствіе этого одинъ изъ вельможъ предложилъ ему въ невѣсты свою дочь съ приданымъ въ тысячу душъ крестьянъ. Для Румянцова въ его положеніи это было неслыханное счастье. Онъ принялъ его съ радостью.

Назначенъ былъ день сговора. Восхищенный Румянцовъ приходитъ къ Государю и, упавъ въ ноги, умоляетъ его дать соизволеніе на бракъ. Петръ поднялъ его и спрашиваетъ: „Видалъ ли ты свою невѣсту, и хороша ли она?“

— „Не видалъ, но слышалъ, что не дурна и не стара“.

„Слушай, Румянцовъ, пированью быть я дозволю, а отъ сговору удержись. Я самъ буду и посмотрю невѣсту, и если она достойна тебя, то не буду препятствовать твоему счастію“.

Въ назначенный день пріѣхали къ отцу невѣсты всѣ родственники, пріятели и женихъ. Прождавъ Государя часу до десятаго, подумали, что онъ не будетъ и открыли пиръ. Между тѣмъ Государь пріѣзжалъ въ самомъ началѣ

пира: никѣмъ не замѣченный, онъ постоялъ въ толпѣ зрителей, видѣлъ невѣсту и, сказавъ довольно громко: „ничему не бывать", уѣхалъ. Хозяинъ и Румянцовъ, узнавъ объ этомъ, опечалились.

Увидѣвъ жениха на другое утро, Петръ сказалъ:

„Нѣтъ, братъ, невѣста тебѣ не пара, и свадьбѣ не бывать. Но не безпокойся: я твой сватъ. Положись на меня, я высватаю тебѣ гораздо лучшую. А чтобъ сего вдаль не откладывать, то приходи ввечеру, и мы съ тобою поѣдемъ туда, гдѣ ты увидишь, правду ли я говорю".

Вечеромъ Государь поѣхалъ съ Румянцовымъ къ графу Матвѣеву и сказалъ хозяину: „У тебя есть невѣста, а я привезъ жениха".

Такая нечаянность крайне смутила отца невѣсты, тѣмъ болѣе, что женихъ казался ему недостойнымъ по своей незнатности. Государь догадался объ этомъ и сказалъ: „Ты знаешь, что я его люблю, и что въ моей власти сравнять его съ самыми знатнѣйшими".

Матвѣевъ, разумѣется, согласился, и бракъ состоялся. Румянцовъ былъ такъ счастливъ, что уже не жаловался на недостатокъ царской милости. Однажды былъ у Меншикова балъ, на которомъ присутствовали Государь и Румянцовъ съ женою. Петръ, увидя ее танцующую, написалъ что-то на клочкѣ бумаги и велѣлъ своему адъютанту передать записку Румянцову. Тотъ сунулъ ее въ карманъ, не думая, чтобъ она заключала въ себѣ что-нибудь не терпящее отлагательства. Между тѣмъ Государь, видя, что его не благодарятъ, послалъ адъютанта спросить, прочелъ ли Румянцовъ записку. Тотъ прочелъ ее и узналъ, что Государь пожаловалъ его чиномъ и большими волостями.

Тотчасъ Румянцовъ взялъ за руку жену, и оба они пали на колѣни предъ Государемъ.

„Я вѣдь тебѣ говорилъ", замѣтилъ Петръ Румянцову, „чтобъ ты подождалъ, пока развернется рука моя. Теперь она развернулась".

„Впрочемъ", заключаетъ Голиковъ свой разсказъ, „и заслуги сего мужа были великія: онъ произвелъ такую отрасль, каковъ есть герой нашего вѣка, графъ Петръ Александровичъ Задунайскій".

*

Послѣ возвращенія своего изъ заграницы въ 1709 г., Петръ Великій жилъ нѣсколько времени въ Москвѣ и иногда ночью ѣзжалъ по городу въ санкахъ въ сопровожденіи одного деньщика. Цѣль этихъ ночныхъ поѣздокъ была та, чтобъ наблюдать за караулами и тишиною въ городѣ. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ, въ первомъ часу ночи, Государь увидѣлъ ярко освѣщенный домъ и послалъ деньщика своего Полозова узнать, кому принадлежитъ этотъ домъ. Полозовъ возвратился и доложилъ, что домъ принадлежитъ одному секретарю.

„Врешь“, сказалъ Государь, „поди, узнай навѣрное“.

Полозовъ возвратясь подтвердилъ прежнее и прибавилъ, что секретарь служитъ въ Помѣстномъ Приказѣ и сегодня пируетъ по случаю крестинъ новорожденнаго сына.

Государь безъ шума въѣхалъ во дворъ, вошелъ въ комнату и, увидя множество гостей, сказалъ:

„Богъ въ помочь, господа!“

Гости и хозяинъ смутились было, но Государь ласковымъ обращеніемъ успокоилъ ихъ.

„Мнѣ показался необыкновененъ свѣтъ у васъ въ домѣ, и я изъ любопытства заѣхалъ къ вамъ и узналъ на крыльцѣ, что у васъ крестины. Такъ поздравляю тебя съ сыномъ; какъ же его зовутъ?“ спрашивалъ Государь. „Какова родильница, и можно ли ее видѣть?“

Затѣмъ, слѣдомъ за хозяиномъ, вошелъ онъ въ спальню его жены, поздравилъ ее съ сыномъ, поцѣловалъ и далъ рубль на зубокъ. Хозяинъ поднесъ Петру рюмку сладкой водки.

„Нѣтъ ли анисовой?“ спросилъ Государь.

Дали анисовой. Государь выпилъ, осмотрѣлъ убранство комнатъ и, пожелавъ гостямъ веселиться, уѣхалъ.

На другой день рано утромъ Петръ послалъ караульнаго офицера къ секретарю и велѣлъ его арестовать. „Но не потревожь родильницы“, прибавилъ Государь, „и для того дождись у воротъ выходу его и взявъ привези въ Преображенское“.

Царь былъ уже въ Преображенскомъ Приказѣ, когда привезли туда секретаря. Поблагодаривъ за вчерашнее угощеніе, Петръ началъ распрашивать его: изъ дворянъ ли онъ, имѣетъ ли помѣстья и сколько получаетъ съ нихъ доходу. Секретарь съ трепетомъ отвѣчаетъ, что онъ не изъ дворянъ, а сынъ подьячаго и что помѣстья и крестьянъ не имѣетъ.

„Богату ли взялъ ты за себя жену?“

— „Не богату“.

„Изъ какихъ же доходовъ построилъ ты такой домъ и такіе задаешь пиры?“

Секретарь упалъ на колѣни. „Все что ни имѣю, всемилостивѣйшій Государь, нажито мною отъ подарковъ помѣщиковъ, имѣющихъ въ Приказѣ тяжебныя дѣла“, сказалъ онъ и, сколько могъ припомнить, тутъ же открылъ, сколько кто изъ помѣщиковъ далъ ему деньгами и припасами.

„Я вижу“, милостиво сказалъ Государь, „что ты не плутъ, и за признаніе твое Богъ тебя проститъ, но съ тѣмъ однакожъ, что, буде ты изъ посяжки какой что возьмешь и будешь дѣла волочить, наровя знатному, то поступлено будетъ съ тобою, какъ съ преступникомъ“.

Обрадованный секретарь падаетъ въ ноги и клянется, что и прежде того не дѣлалъ и дѣлать не будетъ и ни съ кого уже впредъ ничего не возьметъ.

„Изъ благодарности, послѣ справедливаго рѣшенія дѣла, по коему ты трудился, можешь присылаемые къ тебѣ запасы взять, но отнюдь не прежде окончанія дѣла и не прижимая тяжущихся. И берегись!“ замѣтилъ Государь, грозя пальцемъ: „всѣ твои поступки не скроются нынѣ отъ меня.“

Затѣмъ Монархъ, расчисливъ, сколько чиновникъ можетъ тратить, самъ опредѣлилъ его издержки и запретилъ всякую роскошь и пиры въ родѣ вчерашняго. „Разсуди“, прибавилъ Петръ: „ежели будутъ такіе дѣлать расходы секретари, какіе же въ сравненіи съ ними должны дѣлать судьи, какіе—сенаторы и какіе—самъ Государь!“ Потомъ Петръ толковалъ, какое зло можетъ происходить отъ расходовъ несоразмѣрныхъ съ доходами и какъ полезно, когда всякій живетъ по пословицѣ: по одежкѣ протягивай ножки.

*

Однажды Петръ Великій ѣхалъ ночью по Москвѣ въ развальняхъ, съ деньщикомъ и кучеромъ. Подъѣзжая къ Воскресенскимъ воротамъ, они увидѣли, что какая-то карета шестирикомъ опрокинула чьи-то сани и остановилась. Прежде чѣмъ подняты были сани, люди сидѣвшіе въ нихъ получили нѣсколько ударовъ кнутомъ отъ кучера и форейтора.

Въ это самое время подъѣхали къ воротамъ и государевы розвальни. Лакей и кучеръ, увидя ихъ, закричали:

„А тамъ что за чортъ въ розвальняхъ?“

„Не ровенъ чортъ въ коробѣ“, отвѣчалъ Государь, привставши въ розвальняхъ, и послалъ деньщика помочь поднять сани, узнать, кто въ нихъ сидѣлъ и остановить карету.

Стоило деньщику произнести одно слово, что тутъ самъ Государь, какъ шумъ утихъ, сани выпровожены за ворота и рыдванъ остановился. Деньщикъ доложилъ, что въ саняхъ ѣхалъ соборный дьяконъ; но кучеръ, правившій каретою, изъ одного озорничества опрокинулъ сани и прибилъ дьякона, и что въ каретѣ сидитъ жена такого-то боярина.

Монархъ велѣлъ деньщику дать тутъ же кучеру и форейтору по нѣскольку ударовъ палкою, а боярынѣ выговоръ за потворство людямъ. На другой день утромъ Петръ послалъ къ тому боярину также выговоръ и приказаніе высѣчь, въ присутствіи деньщика, кучера, форейтора и лакея, бывшихъ при каретѣ. Дьякону же за побои бояринъ долженъ былъ дать пятьдесятъ рублей.

*

Одинъ купецъ, бывшій выборнымъ при питейныхъ сборахъ, укралъ нѣсколько тысячъ казенныхъ денегъ; но совѣсть не давала ему покоя, и онъ наконецъ покаялся въ грѣхѣ своему духовному отцу. Священникъ сказалъ, что такого рода грѣховъ онъ не имѣетъ права разрѣшать и прощать, и что загладить этотъ грѣхъ можно только возвращеніемъ казнѣ похищенныхъ денегъ. Купецъ отвѣчалъ, что радъ бы возвратить, но боится гнѣва царскаго и не хочетъ быть причиною несчастія жены и дѣтей. Священникъ настаивалъ, чтобъ онъ непремѣнно возвратилъ деньги самому Государю, не опасаясь никакихъ послѣдствій. Тогда купецъ положилъ всю сумму золотомъ на серебряное блюдо, принесъ его къ Петру и повалился въ ноги, моля о прощеніи.

„Богъ тебя проститъ", сказалъ Государь; „но разскажи, какъ ты укралъ эти деньги, и кто присовѣтовалъ тебѣ возвратить оныя?"

Купецъ откровенно разсказалъ все какъ было.

Его чистосердечное признаніе и въ особенности поступокъ священника такъ тронули Монарха, что онъ часть денегъ пожаловалъ купцу, а священника призвалъ къ себѣ, похвалилъ его за благоразуміе и пожаловалъ сто червонныхъ да Китайской шелковой матеріи на рясу.

(Продолженіе будетъ).

ЗАПИСКИ В. А. НАЩОКИНА.

Съ предисловіемъ и примѣчаніями Д. И. Языкова.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ *).

Покойный П. П. Свиньинъ напечаталъ въ своихъ Отечественныхъ Запискахъ (часть XVI, 76—104) начало изъ Записокъ Нащокина, составившее одинъ печатный листъ; но, къ сожалѣнію, съ рукописи, наполненной грубыми описками. Не смотря однакоже на это, содержаніе Записокъ Нащокина было такъ любопытно, что заставило меня жалѣть о неконченномъ изданіи оныхъ и о потерѣ, можетъ статься, самаго подлинника. Долго развѣдывалъ я о немъ и наконецъ былъ чрезвычайно обрадованъ открытіемъ, что онъ хранится у Василія Воиновича Нащокина, роднаго внука Василія Александровича, живущаго близъ Костромы въ наслѣдственномъ своемъ имѣніи, селѣ Шишкинѣ. Не имѣвъ чести быть съ нимъ знакомымъ, я однакоже рѣшился отнестись къ нему, и онъ былъ такъ ко мнѣ благосклоненъ, что прислалъ мнѣ не токмо Записки, но и портретъ своего дѣдушки.

Получивъ эту драгоцѣнность, я немедленно занялся разсмотрѣніемъ оной. Почти вся она писана рукою Василья Александровича, которая такъ нечетка, что съ величайшимъ трудомъ разбирать ее можно, и притомъ множество поправокъ и зачертокъ, кои ясно показываютъ, что тетради сіи были писаны имъ начерно. Сверхъ того, къ величайшему своему сожалѣнію, увидѣлъ я, что на концѣ рукописи нѣсколько листовъ было вырвано. Но счастіе помогло мнѣ.

Одинъ разъ, бесѣдуя съ почтеннѣйшимъ Дмитріемъ Николаевичемъ Бантышъ-Каменскимъ, узналъ я, что у него есть чисто переписанный, полный и по листамъ рукою Нащокина скрѣпленный экземпляръ его Записокъ. Дми-

*) Первое изданіе появилось въ Петербургѣ, въ 1842 г., въ 8-ку, VI и 384 стр.

трій Николаевичъ, по благосклонности своей ко мнѣ, сообщилъ мнѣ сей экземпляръ, который простирается до 1758 года.

Послѣ сего получилъ я отъ Василья Воиновича еще переплетенную тетрадь, писанную весьма четко и также по листамъ скрѣпленную рукою Василія Александровича. Она имѣетъ слѣдующее названіе: „Журналъ достопамятнымъ и нужнымъ запискамъ, начатъ съ 1758 году. Томъ вторый". Скрѣпа по листамъ продолжается до 4 Сентября 1759. За симъ непосредственно слѣдуетъ 31 Декабря 1761, манифестъ о восшествія на престолъ императора Петра III, а потомъ копія съ слѣдующаго Высочайшаго рескрипта императрицы Екатерины II, даннаго правительствующему Сенату въ 28 день Іюня 1762, при отбытіи Ея Величества въ Ораніенбаумъ:

„Господа сенаторы. Я теперь выхожу съ войскомъ, чтобъ утвердить и обнадежить престолъ. Оставляю вамъ, яко верховному моему правительству, съ полною довѣренностію подъ стражу, отечество, народъ и сына моего. Графу Скавронскому и графу Шереметеву, генералъ-аншефу Корфу и подполковнику Ушакову, присутствовать съ вами, и имъ, такъ какъ и дѣйствительному тайному совѣтнику Неплюеву, жить во дворцѣ при моемъ сынѣ."

„Полученъ при дворѣ въ Сенатѣ Іюня 28 дня."

Еще небольшое число листовъ рукописи заключаетъ въ себѣ предметы весьма нелюбопытные, безъ соблюденія порядка во времени.

Благодарность за сохраненіе сихъ Записокъ принадлежитъ исключительно Василью Воиновичу Нащокину, а послѣ него Дмитрію Николаевичу Бантышъ-Каменскому. Мое дѣло состояло только въ томъ, чтобы ихъ напечатать и присоединить къ нимъ нѣкоторыя объясненія и замѣчанія.

Вся политическая жизнь Василья Александровича видна изъ его Записокъ отъ самаго его дѣтства. Прибавлю только нѣсколько словъ о времени его кончины, которое въ точности неизвѣстно; но соображая, что вторая часть его Записокъ скрѣплена его рукою по 4 Сентября 1759 года, можно полагать, что съ сего времени онъ заболѣлъ и не принимался болѣе за продолженіе своего дневника; а въ послужныхъ спискахъ бывшей Военной Коллегіи, кои удалось мнѣ видѣть, онъ показывается въ 1761 году между генералъ-лейтенантами съ отмѣткою: *умре*. Тѣло его, какъ увѣдомилъ меня Василій Воиновичъ, предано землѣ въ Московскомъ Петровскомъ монастырѣ.

Василій Александровичъ Нащокинъ былъ въ тѣсной связи съ княземъ Яковомъ Петровичемъ Шаховскимъ, который въ Запискахъ своихъ (изданіе второе, Спб. 1821, часть II, 16), называя его надежнымъ своимъ другомъ, прибавляетъ, что онъ былъ *неробкаго духа*.

Д. Языковъ.

Записки Василья Александрова сына Нащокина,

что могъ видѣть отъ времени памяти своей, о рожденіи, по достовѣрной запискѣ руки отца своего Александра Ѳедоровича, и какіе случаи достопамятные, въ которыхъ годѣхъ что происходило, явствуетъ въ нижеписанномъ журналѣ, что увѣряю сей журналъ подпискою руки моей по листамъ въ книгѣ сей.

Родился Василій Нащокинъ отъ Александра Ѳедоровича, матери Ульяны Васильевны въ 1707 году, Генваря 7 числа, на первомъ часу дни, въ Четвертокъ, въ Москвѣ.

Былъ я по шестому году отъ рожденія своего, однако очень помню, какъ въ Москвѣ былъ большой пожаръ и подорвало гранатной дворъ, въ 1712 году, Маія 13 дня. Въ томъ же году, вскорѣ послѣ пожара, большая сестра, Дарья Александровна, замужъ шла за подполковника Ѳедора Климонтовича Чихачева.

Въ 1713 году, въ Генварѣ мѣсяцѣ, родилась меньшая сестра, Анна Александровна, и тогда, послѣ пожара, одна свѣтличка была построена. А тезоименитство ея Февраля 3 числа.

Въ 1714 году, братъ большой, Петръ Александровичъ, поѣхалъ въ Малороссію и тамъ записанъ въ драгуны, въ корпусъ Петра Матвѣевича Апраксина.

Въ 1715 году, осенью, не стало кронъ-принцессы, супруги царевича Алексѣя Петровича, и погребена въ Петербургской крѣпости, подъ соборною колокольнею Петра и Павла. Въ исходѣ тогожъ года, братьи мои большіе, Ѳедоръ, Григорій, Иванъ, повезены батюшкою въ Петербургъ на смотръ и опредѣлены въ Академію [1]).

Въ 1716 году и я пріѣхалъ въ Петербургъ и былъ въ школѣ.

Онагожъ года, въ Петербургѣ весьма было малолюдно, и полковъ, кромѣ гарнизона, ничего не было, а были всѣ съ Государемъ въ Нѣмецкихъ краѣхъ, а прочаго знатнаго въ Петербургѣ ничего не происходило.

Въ началѣ 1717 года Государь изволилъ быть въ Нѣмецкихъ краѣхъ и во Франціи. Тогожъ года, въ Мартѣ мѣсяцѣ, изъ Академіи выбраны въ гардемарины знатное шляхетство, въ томъ числѣ взятъ братъ мой Ѳедоръ

---

[1]) Академія. Здѣсь разумѣется Морская, учрежденная Петромъ Великимъ въ 1715 году, для обученія гардемариновъ. Она состояла подъ главнымъ управленіемъ генералъ-адмирала графа Апраксина и помѣщалась въ конфискованномъ домѣ Кикина, близъ Адмиралтейства. (См. Голикова, Дѣянія V, 21).

Александровичъ, и тогожъ Марта мѣсяца опредѣленъ въ Ревельскую эскадру, а поѣхалъ въ Ревель съ князь Михайломъ Бѣлосельскимъ, и служилъ на лице кампанію на кораблѣ Перлѣ, и были при Готландѣ и взяли на морѣ Шведскую шняву.

Тогожъ года Октября 21 дня, Государь изволилъ, и съ Государынею, изо Франціи возвратиться въ Петербургъ. А при первомъ Его Величества пріѣздѣ на яхтѣ изъ Кронштадта, какъ приблизился рѣкою Невою, тогда изъ пушекъ пальба была съ города и Адмиралтейской крѣпости. И по пріѣздѣ изволилъ, немного мѣшкавъ во дворцѣ, пойти въ Адмиралтейство, гдѣ довольно по работамъ изволилъ ходить, а за нимъ мастера корабельные, такожъ и Иванъ Михайловичъ Головинъ.

И я тогда имѣлъ счастіе видѣть своего Государя Монарха впервыя, и хотя и молодъ былъ, однако съ несказаннымъ порадованіемъ остался, увидѣвъ своего Государя и слыша довольно славнаго Монарха великія дѣла. И зѣло насъ много было тогда малолѣтныхъ дворянъ, и какъ мы, по дѣтскости, не однажды заходя, смотрѣли въ очи Его Величества, и Его Величество спросилъ полковника Герасима Ивановича Кошелева, увидя насъ немалымъ числомъ, который доносилъ о насъ, что дворяне пріѣхали къ смотру, а другіе опредѣлены въ Академію.

Изъ Адмиралтейства, при самой ночи, Его Величество изволилъ идти во дворецъ, и за нимъ поѣхалъ Иванъ Михайловичъ Головинъ.

Государь тогда былъ въ платьѣ синемъ, покроемъ Шведскимъ, и въ картузѣ; волосы имѣлъ маленькіе и зачесаны маленькою косою гребенкою. И какъ сперва увидѣли, дивились той первой модѣ, что гребешокъ у Государя въ волосахъ.

По прибытіи Государя изъ Франціи, 13 Декабря публикованъ указъ, чтобъ золота и серебра не носить, что̀ всѣми и было прекращено [2]). Тогожъ мѣсяца лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка маіоръ князь Волконской разстрѣлянъ близъ церкви Живоначальныя Троицы, за нѣкоторое преступленіе, что́ тогда было указомъ объявлено [3]).

Въ 1718 году, Государь изволилъ быть въ Москвѣ, и привезенъ царевичъ Алексѣй Петровичъ изъ Нѣмецкихъ краевъ, и тогда производились немалые розыски, а въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ казнены за преступленія: Степанъ Глѣбовъ и Александръ Кикинъ, который прежде былъ въ великой милости у Государя.

Изъ Академіи другой выборъ былъ во флотъ въ гардемарины; взятъ тогда братъ Иванъ Александровичъ, и тогожъ году пошелъ въ первую кампанію на лице.

---

[2]) Указъ о семъ состоялся 13 Декабря 1717.

[3]) О имени сего князя Волконскаго и за какое преступленіе онъ былъ разстрѣлянъ, я не могъ отыскать свѣдѣній.

Въ 1719 году, Марта 10 дня, я Василій Нащокинъ написанъ въ солдаты, въ дивизію генерала и кавалера барона фонъ-Галларта, въ Бѣлогородской пѣхотной полкъ [4]).

Въ томъ же году весною было погребеніе, съ великимъ церемоніаломъ, покойному первому Россійскому генералъ-фельдмаршалу, Св. Апостола Андрея и Мальтійскаго орденовъ кавалеру, Борису Петровичу Шереметеву, и тѣло его, для погребенія, съ Москвы привезено, и отъ двора его, въ препровожденіи до Александро-Невскаго монастыря, Его Императорское Величество, всемилостивѣйшій Государь, самъ трудиться изволилъ идтить пѣшъ, со всѣми министры. А предъ гробомъ шли два полка лейбъ-гвардіи, Преображенской и Семеновской. И при погребеніи все убрано было глубокимъ трауромъ, и погребенъ во ономъ монастырѣ при отправленіи церковной процессіи. Окончилось то погребеніе троекратною пальбою изъ мелкаго ружья. Въ томъ же монастырѣ, по Высочайшему указу, погребенъ генералъ-аншефъ и кавалеръ Андреевскаго ордена Адамъ Адамовичъ Вейдъ [5]).

---

[4]) Тогдашній Бѣлогородскій пѣхотный полкъ былъ, въ началѣ царствованія Анны Іоанновны, обращенъ на укомплектованіе людьми въ разныхъ другихъ полкахъ.

[5]) Генералъ Вейде (а не Вейдъ) происходилъ отъ Нѣмецкихъ родителей, поселившихся въ Москвѣ еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Они предназначили его къ аптекарскому искуству; но онъ, чувствуя расположеніе къ военной службѣ, поступилъ въ *потѣшные*, изъ коихъ послѣ образовались два гвардейскіе полка, Преображенскій и Семеновскій. Служа въ этомъ корпусѣ, онъ скоро обратилъ на себя вниманіе Петра Великаго до такой степени, что уже въ 1693 г. былъ маіоромъ Преображенскаго полка. Послѣ двухъ Азовскихъ походовъ, гдѣ онъ отличился храбростію и военными познаніями, Вейде сопутствовалъ Государю въ такъ называемомъ большомъ посольствѣ, и въ 1698 году, когда вѣсть о стрѣлецкомъ бунтѣ заставила Петра преждевременно возвратиться изъ Вѣны въ Москву, Вейде находился въ числѣ немногихъ сопровождавшихъ Государя. Въ 1700 году, при учрежденіи регулярнаго войска, Вейде сформировалъ дивизію, съ которою участвовалъ въ несчастномъ для Русскаго оружія сраженіи подъ Нарвою. Тутъ онъ сдѣлалъ все, что только зависѣло отъ личнаго его мужества и свѣдѣній; но наконецъ, бывъ тяжело раненъ, онъ попался въ плѣнъ и отправленъ въ Стокгольмъ. Тамъ томился онъ десять лѣтъ и только въ исходѣ 1710 года былъ размѣненъ на Рижскаго генералъ-губернатора графа Стремберга. Возвратясь въ Россію, онъ скоро отправился на войну съ Турками, которая кончилась Прутскимъ миромъ. По возвращеніи въ Петербургъ, Вейде былъ почти неразлучнымъ спутникомъ Государя въ его личныхъ походахъ противъ Шведовъ и, между прочимъ, много содѣйствовалъ къ одержанію славной морской побѣды при Гангутѣ, за что получилъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго. Но годъ кончины Вейде Нащокинъ показываетъ невѣрно. Онъ умеръ въ Іюнѣ 1720, что доказывается журналомъ С.-Петербургской крѣпости, въ которомъ, подъ 30 числомъ сказаннаго мѣсяца и года, именно написано: „На погребеніи генерала Адама Адамовича Вейде палили съ города (т.-е., съ Петропавловской крѣпости), когда тѣло его провожали въ Невскій монастырь, изъ 25 пушекъ". Мѣсто въ Невскомъ монастырѣ, гдѣ покоится прахъ Вейде, теперь неизвѣстно, и при всемъ моемъ стараніи я не могъ отыскать его.

Въ Запискахъ Брюса (Петра Гейнриха), двоюроднаго племянника графа Якова Вилимовича Брюса, служившаго нѣкоторое время адъютантомъ при генералѣ Вейде, на-

И при гробахъ оныхъ персонъ портреты на знаменахъ.

Въ томъ же году, Маія 29 дня, по полудни, въ Петербургѣ, на Фонтальной рѣчкѣ, близъ дома генералъ-адмирала и кавалера Ѳедора Матвѣевича Апраксина, утонулъ братъ мой большой Григорій Александровичъ, купаючись въ оной рѣчкѣ, а при томъ несчастливомъ случаѣ я самъ случился быть. Найдено тѣло его на другой день, по полуночи въ 9 часу. Отъ рожденія ему было 18 лѣтъ. Погребенъ на Выборгской сторонѣ, у церкви Сампсонія Страннопріимца. Послѣ погребенія на другой день, братъ Ѳедоръ Александровичъ отъ батюшки наслѣдникомъ учиненъ во всемъ недвижимомъ имѣніи, по указу 1714 г. [6]).

шелъ я слѣдующія дополнительныя свѣдѣнія о жизни сего генерала. „Вейде родился въ Москвѣ и въ юности своей служилъ въ Цесарскихъ войскахъ, съ коими былъ во многихъ походахъ въ Венгріи, подъ начальствомъ принца Евгенія, при которомъ онъ находился адъютантомъ. За нѣсколько лѣтъ до кончины его, Государь пожаловалъ ему имѣніе въ Лифляндіи, которое приносило 12 т. р. годоваго дохода. У него были только двѣ дочери: старшая вышла за генералъ-маіора Лефорта, внука царскаго любимца; но вскорѣ послѣ того умерла, оставя только одну дочь. За младшую сватался Ганноверскій министръ Веберъ; но ему отказали, потому что эта свадьба не нравилась Государю по нѣкоторымъ причинамъ. Послѣ сего сталъ свататься за нее генералъ-адъютантъ Румянцовъ; но она не захотѣла выдти за него. Отецъ опасался, что Государь самъ будетъ стараться о Румянцовѣ, и таковому ходатаю уже отказать нельзя; потому онъ, противъ воли дочери, выдалъ ее за генералъ-лейтенанта Бона, котораго она любить не могла, потому что онъ былъ старъ такъ, что скорѣе могъ называться ея отцемъ, чѣмъ мужемъ. Отъ сего она зачахла и вскорѣ умерла. Потеря эта такъ поразила отца, что онъ, бывши и безъ того уже слабъ здоровьемъ, занемогъ и умеръ 4 Іюня 1720. Государь и все войско чрезвычайно жалѣли о его кончинѣ. Не смотря на большую строгость его, солдаты очень любили его; потому что онъ умѣлъ заставлять ихъ повиноваться себѣ съ удовольствіемъ, а провинившимся дѣлалъ выговоры наединѣ, такъ что во все время командованія его войсками, военные суды и наказанія случались очень рѣдко".

Брюсъ описываетъ подробно и похороны Вейде (16 Іюня), кои были торжественны и великолѣпны, ибо стоили 10 т. р. Государь почтилъ память уважавшагося имъ генерала своимъ присутствіемъ и шествовалъ въ процессіи, окруженный всѣми своими вельможами и иностранными министрами. Въ шествіи были также протестантскіе духовные.

Прочихъ обстоятельствъ я не выписываю, потому что они сходны съ нашими; только скажу, что Брюсъ, не знаю на какомъ основаніи, говоритъ, будто, по смерти Шереметева, Государь произвелъ Вейде въ фельдмаршалы, что никакъ не согласуется съ нашими актами.

Брюсъ, умершій въ 1757 году, писалъ свои Записки на Англинскомъ языкѣ, кои были изданы въ Лондонѣ въ 1782. Нѣмецкій переводъ съ нихъ напечатанъ въ Лейпцигѣ 1784, и изъ него-то я заимствовалъ вышеприведенныя свѣдѣнія.

[6]) Указомъ 24 Марта 1714 узаконено было, въ подражаніе Франціи, Англіи и нѣкоторымъ другимъ землямъ, преимущество старшаго сына (маіоратство), т.-е., по кончинѣ родителей, все недвижимое имѣніе доставалось одному только старшему сыну, ежели родители не отклонили его отъ наслѣдства по какимъ-либо законнымъ причинамъ. Меньшіе братья надѣлялись изъ движимаго имущества. Законъ сей, уничтоженный императ. Анною Іоанновною 1730 Декабря 9, имѣлъ въ свое время особенное названіе, *пункты*, потому что раздѣлялся на нѣсколько пунктовъ или статей; даже и послѣ говорили и писали: „онъ родился еще въ *пунктахъ*," т.-е., во время существованія закона о старшинствѣ.

Въ томъ же году Государь, со флотомъ корабельнымъ и галернымъ, изволилъ ходить во Швецію до Ламеланта, а оттуда возвратиться изволилъ со флотомъ корабельнымъ въ Ревель. А генералъ-адмиралъ графъ Апраксинъ на галерахъ ходилъ, съ гвардіею и съ другими полками, далѣе во Швецію за Стекголмъ до Никопина [7]).

А близъ Стекголма, на сухомъ пути, у Шведовъ баталія была съ нашимъ небольшимъ корпусомъ, которымъ съ Россійской стороны командовалъ полковникъ за брегадира князь Иванъ Ѳедоровичъ Борятинской, гдѣ хотя съ нашей стороны съ немалымъ урономъ находились, однакоже Шведовъ сбили, за которую баталію всѣ штабъ и оберъ-офицеры перемѣнены чинами, а унтеръ-офицеры и солдаты награждены жалованьемъ, и онъ г. князь Борятинской пожалованъ брегадиромъ.

Въ тожъ время генералъ-поручикъ Лесси съ корпусомъ ходилъ галерами въ Умы за Стеколной, гдѣ многія мѣстечки взялъ; деревни же разоря пожгли, и возвратились адмиралъ въ Ревель, а Лесси въ Абовъ.

Въ началѣ 1720 года, Англинской флотъ, которымъ командовалъ адмиралъ Норисъ, приходилъ къ Наргинъ-острову, что́ отъ Ревеля недалеко, и къ самому Ревелю и, бывъ нѣсколько на рейдѣ, имѣлъ съ Россійскимъ генераломъ-адмираломъ и кавалеромъ графомъ Апраксинымъ письменную переписку, и возвратился въ Англію безъ всякаго дѣйства.

Тогдажъ кавалерія Россійская великое движеніе имѣла, и шли со всякимъ поспѣшеніемъ къ Ригѣ отъ Смоленска, а осенью паки въ Малороссію и въ другія мѣста возвратились по квартирамъ.

Въ томъ же году Іюля 27 дня, генералъ-аншефъ и ордена Св. Андрея кавалеръ, князь Михайло Михайловичъ Голицынъ имѣлъ морскую баталію въ Финляндіи при Гренграмѣ [8]). Съ нѣсколькими галеры атаковалъ Шведскихъ, одинъ корабль, на которомъ былъ шаутбенахтъ, и взялъ сильною атакою четыре фрегата, а корабль ушелъ, получа многія раны. Съ которою вѣдомостью къ Государю въ Санктпетербургъ отправленъ былъ генералъ-адъютантъ князя Голи-

---

[7]) Ничепинга.

[8]) Гренгамъ (а не Гренграмъ), правильнѣе Гренгамнъ, есть небольшая гавань, находящаяся на островѣ Флиселанденѣ, принадлежащемъ къ такъ называемымъ шхерамъ въ Ботническомъ заливѣ. Взятые у Шведовъ 4 фрегата назывались: *Сторфениксъ*, 34 пушки; *Венкеръ*, 30; *Сискенъ*, 20, и *Данскернъ*, 18; всего 102 пушки, да 407 человѣкъ, въ томъ числѣ 10 офицеровъ. Съ нашей стороны было убитыхъ: офицеровъ 2, нижнихъ чиновъ 80, раненыхъ офицеровъ 6, нижнихъ чиновъ 197. Побѣда Гренгамская, одержанная почти у самыхъ береговъ Швеціи и въ виду Англинскаго флота, пришедшаго для соединенія съ Шведскимъ, доказала рѣшительное преимущество Русскихъ, даже на морѣ, и убѣдила всѣхъ въ необходимости мира для Швеціи.

цына, Никита Михайловъ сынъ Шиповъ, и оный, за привозъ той счастливой вѣдомости, пожалованъ полковникомъ и возвращенъ въ Финляндію. А бывшій при той баталіи генералитетъ особливыя милости отъ Государя получилъ: штабъ-офицерамъ на цѣпяхъ золотыхъ жалованы медали золотыяжъ, которыя чрезъ плечо носили, а оберъ-офицерамъ золотыяжъ медали, на голубой неширокой лентѣ, которыя прикалывая къ кафтанной петли носили; унтеръ-офицерамъ и солдатамъ серебреные патреты на бантѣ голубой ленты, приколотые къ кафтанной же петлѣ, нашивали, съ надписью на тѣхъ медалѣхъ о той баталіи [9]).

Оные взятые въ полонъ четыре фрегата, отъ князь Михайла Михайловича Голицына отправлены, за Россійскимъ конвоемъ, со всѣми взятыми на нихъ служители, въ С.-Петербургъ, и приведены въ Августѣ мѣсяцѣ къ самой пристани на Петербургскую Сторону, противъ церкви Живоначальныя Троицы и Сената, съ которыхъ фрегатовъ, по обычаю военному, Шведскіе флаги спущены внизъ, что̀ значило военное плѣнничество. А противъ Сената сдѣлана была великая перемида, на которой изображено было надписью взятіе на морѣ галерами четырехъ фрегатовъ, точное дѣйствіе всей оной атаки, и значило на той перемидѣ, какъ фрегатъ нашелъ на галеру Троицкаго пѣхотнаго полка поперекъ и потопилъ ее, только люди со оной всѣ спаслись и

---

[9]) Въ Журналѣ Петра Великаго (II, 146) записано: „Въ 30 день Ноября 1720, къ генералу князю Голицыну, за полученную надъ непріятелемъ, во взятіи четырехъ фрегатовъ, викторію, въ знакъ воинскаго его труда, послана шпага золотая съ богатымъ украшеніемъ алмазовъ, да трость съ алмазнымъ же уборомъ; прочимъ же вышнимъ штабу и оберъ-офицерамъ, на той баталіи бывшимъ, золотыя *монеты* съ чепьми, а унтеръ-офицерамъ и рядовымъ, въ той акціи бывшимъ, деньги по Морскому Регламенту. А присланный отъ него маіоръ Шиповъ пожалованъ, за ту викторію, чрезъ чинъ изъ маіоровъ въ полковники“.

Голиковъ (Дѣянія VII, 127, 128) доставляетъ подробнѣйшія свѣдѣнія, заимствуя ихъ изъ журнала князя Голицына. Шпага и трость, какъ выше. Золотыя *медали* на цѣпяхъ даны: генералъ-маіору Дупрею; брегадирамъ: фонъ Менгдену и Борятинскому, и полковому штабу, а оберъ-офицерамъ безъ цѣпей; унтеръ-офицерамъ и урядникамъ *медали* серебряныя, а прочимъ, за взятыя пушки, по Морскому Регламенту, 8960 р. Сверхъ того, Государь ознаменовалъ сію побѣду особою медалью, изображающею: на одной сторонѣ, портретъ его съ обыкновенною надписью, а на другой видна сія морская побѣда съ надписью: *Прилежаніе и храбрость превосходитъ силу*, а внизу: *При Гренграмѣ* 1720, *Іюля* 27. Граверъ Зубовъ, по приказанію Государеву, вырѣзалъ на мѣди планъ сраженія.

Петръ Великій такъ восхищенъ былъ сею побѣдою, что, кромѣ отличнаго торжествованія оной въ Петербургѣ, собственноручно увѣдомилъ о ней всѣхъ губернаторовъ и всѣхъ своихъ министровъ, при иностранныхъ дворахъ находившихся. Нащокинъ хотя и говоритъ, что медали на цѣпяхъ даны были штабъ-офицерамъ для ношенія *черезъ плечо*, но по другимъ свѣдѣніямъ извѣстно, что онѣ носились *на шеѣ*.

большой азартъ приняли отъ потопленія, полѣзли на Шведской фрегатъ, а другіе на близъ идущія галеры свои спаслись, и тотчасъ оной фрегатъ взяли.

А при приводѣ оныхъ фрегатовъ къ пристани, поставлены были на пристани, по обѣ стороны дороги, два лейбъ-гвардіи полка, Преображенской и Семеновской, къ церкви Троицкой, и съ фрегатовъ плѣнные сведены были на пристань и, по учрежденію Его Императорскаго Величества самого, какъ идти за плѣнными конвою, оной полонъ веденъ въ С.-Петербургскую крѣпость. Впереди шелъ взводъ Преображенской, за нимъ часть плѣнныхъ; позади взводъ Семеновской, и такимъ порядкомъ нѣсколько взводовъ одинъ за другимъ, а между ихъ плѣнные, въ самую крѣпость маршировали и, по приводѣ, для содержанія оныхъ плѣнныхъ принялъ въ гарнизонъ той крѣпости комендантъ Яковъ Кирсантьевичъ сынъ Бахніотовъ [10]).

Когда оныхъ плѣнныхъ вели, какъ выше явствуетъ, самъ Государь, будучи въ мундирѣ гвардіи, учреждалъ конвой, и какъ идтить съ плѣнными до крѣпости, а лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка капитанъ старшій Петръ Ивановъ сынъ Вельяминовъ въ то учрежденіе своимъ представленіемъ вмѣшался, котораго Государь, при всей той оказіи, билъ тростью.

Тогожъ дня въ вечеру, въ Сенатѣ, былъ балъ, и солдатомъ, близъ той перемиды, гдѣ военное дѣйствіе написано, выставленъ погребъ, дабы о томъ счастливомъ взятьѣ всѣ подданные веселились.

---

[10]) Журналъ Петра Великаго (II, 143): „Сентября 8, приведены въ С.-Петербургъ взятые Шведскіе фрегаты съ слѣдующимъ тріумфомъ. Учинена была одна изрядная пирамида съ емвлимами (эмблемами) на Троицкой площади и, при вводѣ оныхъ фрегатовъ, изъ С.-Петербургской и Адмиралтейской крѣпостей стрѣляли изъ столькихъ пушекъ, сколько на оныхъ взято, и какъ оные фрегаты были ведены, и сколькими галерами ихъ предводили и замыкали, тому сдѣланъ былъ послѣ въ скоромъ времени чертежъ; потомъ былъ фейерверкъ со множествомъ ракетъ. Съ того вечера иллюминаціи продолжались по три вечера". См. также Голикова Дѣянія VII, 148. Журналъ С.-Петербургской крѣпости: „Сентября 8, по полудни въ 11 часу, приведены въ Петербургъ новозавоеванные Шведскіе 4 фрегата, чего ради палили съ города изъ 51 пушки, и какъ оные подвели противъ Троицы (т.-е. соборной церкви) и стали на якорѣхъ, транспортъ государевъ былъ въ томъ же мѣстѣ и убранъ флагами, и поднятъ былъ на городу штандартъ. Его Величество изволилъ быть у обѣдни у Троицы, и было для сей викторіи веселье по три дни, въ которые и на городу поднимали флагъ воскресной". Комендантомъ въ то время былъ Яковъ Хрисанфовичъ Бахметевъ. Довольно замѣчательно, что какъ здѣсь у Нащокина, такъ и въ Журналѣ С.-Петербургской крѣпости и въ нѣкоторыхъ другихъ тогдашняго времени бумагахъ, пишется онъ *Бахніотовъ*, а чаще *Бахміотовъ*. Думаю отъ того, что тогда выговаривали не Бахметевъ, какъ нынѣ, а *Бахмётевъ*; *іо* надобно читать не раздѣльно, а слитно, отъ чего и выдетъ *ё*.

Тогожъ году князь-папа, Петръ Ивановъ сынъ Бутурлинъ, женился. Свадьба его была курьезная: въ машкарадскомъ были платьѣ. Государь, въ томъ машкарадѣ, былъ въ черномъ бархатномъ матросскомъ платьѣ и Голандская шляпа, а шелъ съ барабаномъ, изволилъ бить бой барабанной. Въ такомъ уборѣ и съ барабаномъ свѣтлѣйшій князь Меншиковъ шелъ. Во оной свадьбѣ выбраны были трое скороходовъ, весьма претолстые люди: Петръ Павловичъ Шафировъ, Иванъ Ѳедоровъ сынъ Бутурлинъ, Иванъ Степановъ сынъ Собакинъ, офицеръ Семеновскаго полку. И все убранство было весьма странное: чрезъ рѣку шлюбки обвиты были зеленымъ хвощемъ; плотъ, сдѣланный изъ бочекъ и обвитой хвощемъ же, былъ буксированъ, на которомъ князь-папа ѣхалъ. А подклетъ молодыхъ былъ въ перемидѣ, сдѣланной на площади, что̀, какъ выше упомянуто, сдѣлана была для торжества счастливаго взятья четырехъ фрегатовъ. На берегъ вышедъ, ѣздили поѣзды цугами на медвѣдяхъ, на собакахъ, на свиньяхъ, и ѣздили по большимъ улицамъ, чтобъ могъ весь народъ видѣть и веселиться, смотря на курьезные уборы, и что на звѣряхъ и на скотѣ ѣздятъ, которые такъ обучены были, что весьма послушно въ запряжкѣ ходили [11]).

Въ 1721 году, въ Февралѣ, по именному Его Императорскаго Величества указу, въ С.-Петербургѣ, противъ адмиралтейства, растертъ былъ на рѣкѣ Невѣ ледъ и спущенъ корабль, которому дано званіе Фридеръ-макеръ [12]).

---

[11]) КнязьПапа. Петръ Великій, между многими другими средствами искоренять дурные обычаи, употреблялъ также средство осмѣянія. Видя, какую неограниченную власть Римскіе католики приписывали главѣ своего духовенства, онъ установилъ у себя достоинство князя-папы, придавъ ему конклавъ, изъ 12 кардиналовъ состоявшій, наряжалъ ихъ смѣшнымъ образомъ, ѣздилъ съ ними о святкахъ на славленье и пр. и пр., а главное преимущество ихъ состояло въ томъ, что они на такихъ праздникахъ могли пить, какъ говорится, сколько душѣ угодно. Князь-папа былъ не шутъ, какъ многіе полагаютъ: ибо первый, облеченный въ это званіе, былъ Никита Моисеевичъ Зотовъ, тайный совѣтникъ, управлявшій Ближнею Государевою Канцеляріею и получившій титулъ графскій. Онъ имѣлъ еще неизъяснимый титулъ Магнуса-Наклеванги: такъ писался онъ во всѣхъ государственныхъ бумагахъ. Подробности о князѣ-папѣ можно читать въ журналѣ Беркгольца и въ Дѣяніяхъ Петра Великаго, изданныхъ Голиковымъ. Зотовъ, имѣя отъ роду лѣтъ 70, вздумалъ жениться, и при семъ случаѣ Государь учредилъ маскарадъ собственнаго своего изобрѣтенія, подробное описаніе котораго Голиковъ помѣстилъ въ Дополнен. X, 233—252. По смерти Зотова, княземъ-папою былъ названъ Петръ Ивановичъ Бутурлинъ, свадьбу котораго описываетъ здѣсь Нащокинъ; а послѣднимъ—одинъ офицеръ, по имени Строгость, произведенный въ это званіе, по смерти Бутурлина, за нѣсколько недѣль до кончины Государя.

[12]) Названіе корабля Фридеръ-макеръ есть Голандское, по русски Миротворецъ. Замѣчательно, что онъ былъ спущенъ на воду въ зимнее время.

Въ ономъ же году Государь пожаловалъ изъ гардемариновъ Россійскаго дворянства во флотъ 60 человѣкъ въ подпоручики. Въ то время и братъ мой Ѳедоръ Александровичъ былъ пожалованъ.

Тогожъ году весною Государь и съ Государынею пошелъ въ Ригу и тамъ весну изволилъ продолжаться, и обучались при Его Величествѣ полки армейскіе екзерциціи на пескахъ; командовалъ г. генералъ-аншефъ Репнинъ. А оттуда изволилъ возвратиться въ Ревель, а изъ Ревеля Государь пошелъ моремъ въ Кронштадтъ, а Государыня сухимъ путемъ въ Петербургъ.

Тогожъ году Августа 30 числа, въ Нейштатѣ, не подалеку отъ Абова, будучи на конгресѣ Россійскіе полномочные министры, Яковъ Вилимовичъ Брюсъ, Андрей Ивановичъ Остерманъ, заключили вѣчный миръ съ Шведскими министры, между Россійскою и Шведскою коронами, и со оною вѣдомостью присланъ былъ отъ министровъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку капралъ Иванъ Обрѣзковъ, которою вѣдомостью нашъ всемилостивѣйшій Монархъ зѣло обрадованъ былъ, и о томъ публиковано было въ С.-Петербургѣ, ѣздя по всѣмъ улицамъ, давая знакъ на трубахъ. А помянутой Обрѣзковъ изъ капраловъ во оной же Преображенской полкъ, за тоё вѣдомость, въ прапорщики пожалованъ и посланъ со объявленіемъ того вѣчнаго мира въ Сибирскую губернію, который тамо получилъ, въ бытность губернатора князь Алексѣя Михайловича Черкасскаго, денегъ тысячъ до семи, да золотую шпагу, у которой какъ ефесъ, такъ и клинокъ, было все золотое.

Тогдажъ велѣно г-ну генералъ-аншефу и кавалеру князю Голицыну со всемъ корпусомъ, изъ завоеванныхъ городовъ, изо всего княжества Финляндскаго, выступить и прибыть въ С.-Петербургъ, который галернымъ флотомъ и пришелъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ, и на Невѣ рѣкѣ, пришедъ оной корпусъ, построился на галерахъ въ три колонги, и, по благодареніи Богу въ церкви Живоначальныя Троицы, учинено было въ Сенатѣ того мира торжество Октября 22 числа. И сдѣланъ былъ великой фейверокъ, на которомъ сдѣланы были растворенные вороты, а какъ зажженъ былъ фейверокъ, то сдѣланы были на подобіе монарховъ, которые съ обѣихъ сторонъ затворяли вороты, то есть знакъ заключенія мира. И за счастливой миръ, въ то торжество, великая была перемѣна чиновъ; многіе жалованы деревнями, и виннымъ свобожденіе. О всемъ томъ происхожденіи любопытной можетъ изъ выданной тогда реляціи, которая въ печатной книгѣ 1721 года, и какое при ономъ торжествѣ Государю отъ сенаторовъ принесено благодареніе, и просили всемъ Сенатомъ, чтобъ Государь изволилъ воспріять Императорскій титулъ, которой отъ того времени всемилостивѣйше и

принять. По поздравленіи же, какія нашъ всемилостивѣйшій Монархъ говорилъ рѣчи къ сенаторамъ, сіи суть нижеизъявленныя:

1) Зѣло желаю, чтобъ нашъ весь народъ прямо узналъ, что Господь Богъ, прошедшею войною и заключеніемъ сего мира, намъ сдѣлалъ.

2) Надлежитъ Бога всею крѣпостію благодарить; однакожъ надѣясь на миръ, не надлежитъ ослабѣвать въ воинскомъ дѣлѣ, дабы съ нами не такъ сталось, какъ съ монархіею Греческою.

3) Надлежитъ трудиться о пользѣ и прибыткѣ общемъ, который Богъ намъ предъ очми кладетъ, какъ внутрь, такъ и внѣ, отъ чего облегченъ будетъ народъ.

А со объявленіемъ того мира во всѣ губерніи посланы заслуженные въ тоё войну гвардіи и морскіе офицеры, которые за то награжденіе подарками въ губерніяхъ, при объявленіи мира, получили [13]).

А вышедшіе изъ Финляндіи полки пошли тоёжъ осень по винтерквартирамъ.

Въ тоже самое время въ С.-Петербургѣ зѣло великая вода была, которую я засвидѣтельствую, что по Морской и Переведенской [14]) и другимъ улицамъ ѣздили въ шлюпкахъ и лодкахъ, перваго дня большой воды; а приходу оной водѣ было по три дни, только по два дни гораздо мельчей приходило, и какъ начнетъ приходить, тогда бьютъ въ колокола и въ барабаны тревогу, чтобъ люди убирались; однако тогда скота великое множество потонуло, и немалой убытокъ отъ разоренія воднаго причинился [15])

А еще въ то время, въ самую глубокую осень, гвардія пошла въ Москву, и Государь, со всею высокою фамиліею, въ Декабрѣ, ту-

---

[13]) Подробное описаніе торжества о заключеніи мира съ Шведами, и увеселеній, при томъ бывшихъ, сдѣлано Берхгольцемъ. Любопытные могутъ читать оное въ Бюшинговомъ Magazin, XIX, 142—150.

[14]) Переведенская улица была тамъ, гдѣ нынѣ Мѣщанскія.

[15]) О семъ наводненіи говорится въ Журналѣ С.-Петербургской крѣпости: „Ноября 1 была большая вода; начала прибывать по полуночи въ 7 часу, а убывать стала по полудни въ 1 часу, и оной прибылой воды было въ крѣпости на три четверти аршина и на два вершка. Ноября 5 была вода прибылая съ моря, въ день, великая, которая во всѣхъ слободахъ, такожъ и въ Петербургѣ въ крѣпости была, а въ канцеляріи была вышиною отъ полу на аршинъ, отъ которой учинился великой убытокъ, какъ государственной, такъ и народной, и многихъ людей потопила. Ноября 10 была вода, въ ночи, прибылая паки, однакожъ меньше первой. Ноября 11, въ ночи, паки была прибылая вода съ моря, но токмо еще меньше первой.“

Берхголцъ также говоритъ о наводненіи 5, 10 и 11 Ноября, прибавляя, что 5 числа дулъ такой сильный вѣтеръ, что срывалъ черепицы съ кровлей (Бюшинг. Magazin XIX, 160—164, 171, 173.)

дажъ изволилъ идти и, собравшись подъ Москвою, въ Тресвятскомъ [16]) съ двѣма полками гвардіи, вступали въ Москву въ великомъ тріумфѣ о мирѣ съ Шведскою короною. Самъ Государь изволилъ идти предъ Преображенскимъ полкомъ въ полковничьемъ мѣстѣ; ружье несли, по окончаніи войны, съ поля, Тверскою улицею и въ Кремль.

И съ такимъ весьма благополучіемъ оной счастливой миръ 1721 года, съ великою государству славою и пользою, окончался, за что Россія вся должна благодарить Бога и своего Монарха, что все то изліяніе милостію Всевышняго Творца и неусыпными трудами въ той долголѣтней войнѣ окончалось въ пользу Россіи, всемилостивѣйшаго нашего Императора Петра Перваго, отца отечества, Государя всемилостивѣйшаго.

Съ начала 1722 года, Его Императорское Величество изволилъ быть со всею высокою фамиліею въ Москвѣ, и еще о мирѣ Шведскомъ учинено въ Москвѣ торжество. Фейверокъ былъ сдѣланъ за Москвою рѣкою на лугу, что слыветъ Царицынъ лугъ, и съ начала Генваря и въ Февралѣ ѣздили по Москвѣ маскарадомъ, какого никогда не бывало, на сдѣланномъ кораблѣ, который воженъ былъ по большимъ улицамъ: и для онаго Тверскіе вороты проломаны были, а у Воскресенскихъ воротъ, внизъ, глубоко прорыто было, чтобъ воротъ для старинной работы не попортить, а оному кораблю со всею оснасткою свободной ходъ былъ, на которомъ сидѣли люди. Въ маскарадѣ жъ были и другія суда устроены и за кораблемъ ѣздили. И тако многому тогда веселію и весьма гражданомъ курьозному дѣлу, что немалой корабль, со всею оснасткою и съ пушками, зѣло устроенъ былъ изрядно и легко былъ воженъ, что великое всѣмъ удивленіе и пріохочиваніе къ смотрѣнію было [17]).

Потомъ насталъ великой постъ. Его Величество трудиться изволилъ, разбиралъ все отставное дворянство: годныхъ опредѣляли къ дѣламъ, а другимъ, за старостію, вольные пашпорты даваны для житья въ домахъ, съ увольненіемъ отъ всѣхъ дѣлъ. Тогдажъ недорослей, по силѣ указа, немалое число явилось; опредѣлены были въ разныя службы.

Во оной же великой постъ велѣно отъ нѣкоторыхъ армейскихъ полковъ идти по баталіону въ города, кои по Волгѣ рѣкѣ, во Тверь, Ярославль, а въ Нижнемъ-Новѣгородѣ главное рандеву было, и приготовили въ вышеозначенныхъ мѣстахъ суда [18]).

---

[16]) Тресвятское или Всесвятское село подъ Москвою.

[17]) Подробное описаніе сего маскарада и прочихъ увеселеній можно читать въ журналѣ Беркгольца (Бюшинг. Magazin XX, 335 и д.).

[18]) Государь отправился тогда въ Персидскій походъ. Для составленія войска взято было по 4 роты отъ 20 пѣхотныхъ полковъ, что составило 20 баталіоновъ.

Его Величество, послѣ праздника Святыя Пасхи, Ихъ Высочествъ Государынь Цесаревенъ, Анну Петровну и Елисаветъ Петровну, Великую Княжну Наталію Алексѣевну, Государя Великаго Князя Петра Алексѣевича и Царевенъ Екатерину Іоанновну и Прасковью Іоанновну, изволилъ въ Москвѣ оставить; а герцогиня Курляндская Анна Іоанновна поѣхала въ свою резиденцію въ Курляндію.

А Его Величество, съ Государынею, изволилъ изъ Москвы идти, гвардіи Преображенскаго и Семеновскаго полковъ съ баталіонами, да съ полками Ингермоландскимъ и Астраханскимъ, которые всегда были при гвардіи; а оные при гвардіи полки укомплектованы были изъ вольницы, холопей боярскихъ, лучшими людьми. И на Москвѣ рѣкѣ въ учрежденныя суда сѣли и поплыли внизъ до Нижняго, и отъ туда Его Величество изволилъ вступить въ походъ для военныхъ дѣйствъ, всѣмъ собраніемъ, за Астрахань, въ Персидскія границы, для распространенія земли и взятьемъ городовъ Персидскихъ къ приращенію Россійскаго государства. И о томъ походѣ и о военныхъ дѣйствіяхъ, гдѣ надлежитъ, хранятся журналы, а я едино для памяти записывалъ то состояніе, что́ могъ узнать и свѣдомъ быть; ибо я въ томъ походѣ самъ не былъ, а при отправленіи всего былъ.

По отсутствіи Его Императорскаго Величества изъ Москвы, при высокой Его Величества фамиліи остался свѣтлѣйшій князь Меншиковъ. Въ то время я отъ генерала и кавалера фонъ Галарта отправленъ въ Нарву въ полкъ Бѣлогородской, при которомъ служилъ, а въ Маіѣ мѣсяцѣ, въ послѣднихъ числѣхъ, отъ генералъ-поручика Бона отпущенъ былъ въ домъ мой на шесть мѣсяцевъ. Тогда встрѣтилъ Государынь Цесаревенъ и всеё Его Величества фамилію ѣдущихъ въ С.-Петербургъ, и при нихъ его свѣтлость князь Меншиковъ, въ селѣ Городнѣ, отъ Твери въ 30 верстахъ, а Сенатъ въ Москвѣ остался.

И тако оное лѣто, какъ довольно извѣстно, было зѣло въ трудномъ воинскомъ походѣ препровождено, и взятъ старинной городъ Персидской Дербентъ Его Величествомъ, и тамо, впредъ для военныхъ дѣйствъ, оставленъ генералитетъ съ арміею.

И тогожъ году Государь съ тѣми полками, съ которыми изволилъ съ Москвы идти [19]), возвратился изъ Персидскаго походу въ Астрахань, а изъ Астрахани изволилъ идти въ Москву, и въ Декабрѣ, въ послѣднихъ числѣхъ, Его Величество, не въѣзжая въ Москву, изволилъ

---

[19]) Здѣсь надлежитъ разумѣть только тѣ полки, съ которыми Государь лично отправился изъ Москвы, т. е. съ баталіонами обоихъ гвардейскихъ полковъ, и съ полками Ингерманландскимъ и Астраханскимъ, а всѣ прочіе остались въ Персіи подъ начальствомъ у генерала Матюшкина.

пребывать, пока всѣ сберутся изъ похода, въ подмосковной Строгоновой, что слыветъ Мельница [20]), и вступали въ Москву изъ онаго Персидскаго походу тріумфомъ: лейбъ-гвардія ѣхала верхами и везли публично отъ города Дербента ключи отъ воротъ.

И начало 1723 года изволилъ Государь быть въ Москвѣ, и нѣкоторое веселіе въ машкарадахъ по торжествѣ о благополучномъ возвращеніи происходило.

А въ Февралѣ Его Величество изволилъ идти чрезъ городъ Ярославль на Олонецъ къ марціальнымъ водамъ для пользованія своего дражайшаго здоровья, и бывъ тамо, въ С.-Петербургъ Его Величество прибылъ послѣднимъ зимнимъ путемъ.

Тояжъ весны весь корабельный флотъ былъ вооруженъ, и чинена была военная екзерциція у Красной Горки всѣмъ флотомъ, чего такой славной екзерциціи цѣлымъ флотомъ, гдѣ было 23 корабля линейныхъ, кромѣ фрегатовъ, никогда не бывало, и со онымъ флотомъ изволилъ идти въ Ревель.

И будучи въ Ревелѣ, случилось мнѣ видѣть, что Государь изволилъ быть у Ревельскаго мѣщанина на свадьбѣ, и по окончаніи свадьбы былъ чрезвычайной дождь. Его Величество вышелъ въ самой большой дождь, сѣлъ верхомъ, надѣвъ синій плащъ, распустя шляпу, и поѣхалъ, а за нимъ господа нѣкоторые намѣрены были сѣсть въ коляски; но видя своего Монарха верхомъ, не взирая на дождь, то и они поѣхали верхами и безъ епанечь. Государь, смотря на нихъ, изволилъ смѣяться и говорилъ, что отъ дождя не развалятся, и изволилъ ѣхать Его Величество на гавань и во флотъ. А на другой день весь флотъ въ море пошелъ, и Его Императорское Величество во флотѣ изволилъ присутствовать, и ходили для гулянья къ острову Дагерорту.

Я тогда случился въ Ревелѣ быть присыланъ изъ Нарвы съ денежною казною, которая казна отправлялась въ Стекголмъ, по мирному трактату съ Шведскою короною, двумиліонной суммы.

Тогожъ лѣта, какъ Его Императорское Величество возвратиться изволилъ въ Ревель со флотомъ и пошелъ сухимъ путемъ въ Нарву, къ прибытію Его Императорскаго Величества изготовлена для караула Бѣлогородскаго пѣхотнаго полку рота съ знаменемъ, капитанъ Алексѣй Ивановъ сынъ Мещериновъ, съ надлежащимъ числомъ офицеровъ; а я, возвратясь изъ Ревеля, былъ при томъ караулѣ сержантомъ. Его Величество, прибывъ въ Нарву, изволилъ кушать у коменданта Михайла

---

[20]) Нынѣ эта подмосковная—извѣстныя Кузминки, по Рязанской дорогѣ, принадлежащія князю С. М. Голицыну. П. Б.

Андреевича Сухотина, и тогожъ дня Его Величество изволилъ отправиться въ Петербургъ.

Потомъ ѣхалъ князь Меншиковъ, и тому рота съ знамемъ была командирована. Оной, ночевавъ, поѣхалъ.

Великій канцлеръ и кавалеръ графъ Гаврила Ивановичь Головкинъ прибылъ въ Нарву, ужиналъ у коменданта и паки отправился въ путь свой.

Въ томъ же году осенью Его Императорское Величество изволилъ прибыть въ Кронштатъ съ Государынею, и всѣ были министры: заложить указалъ крѣпость, и начало той работы самъ Его Величество, лопатку взявъ, нѣсколько земли положилъ; при томъ всѣ знатные тожъ чинили, и вся гвардія употреблена была въ работѣ.

Въ 1724 году Его Императорское Величество изволилъ идти въ Москву, и въ Маѣ мѣсяцѣ, по Высочайшему соизволенію, вселюбезную супругу, нашу всемилостивѣйшую Государыню Екатерину Алексѣевну, изволилъ короновать, при которой коронаціи выбраны были изъ армейскихъ полковъ оберъ-офицеры, лучшіе люди, числомъ 60 человѣкъ, которые были конницею въ супеверстахъ, въ богатомъ мундирѣ, всѣ были въ бѣлыхъ порукахъ [21]), съ ружьемъ, который выборъ нарѣченъ *Кавалергадской корпусъ*, а послѣ коронаціи всѣ распущены въ полки [22]).

---

[21]) Бѣлые поруки, значитъ: *напудреные парики.*

[22]) Сіи кавалергарды состояли изъ одной роты конной. Люди выбраны были изъ всей арміи самые великорослые и видные. Парадный ихъ мундиръ былъ изъ тонкаго зеленаго, а камзолъ и нижнее платье изъ краснаго сукна; кафтанъ выложенъ золотыми галунами. На грудяхъ и плечахъ вышитые золотомъ гербы Императорскіе; черезъ плечо перевязи бархатныя красныя, обложенныя золотымъ галуномъ; ладунки такія же, на коихъ вышито золотомъ вензловое имя Императора подъ короною; портупеи бархатныя же съ галунами. Всѣ пряжки и погоны вызолочены; ремни у карабиновъ и на палашахъ обшиты такимъ же бархатомъ и галунами; ефесы вызолоченые; грифы серебреные; шляпы съ широкимъ галуномъ съ перьями; сапоги лакированные съ вызолоченными шпорами. Лошади рослыя, вороныя, чепраки и чушки красныя суконныя, украшенныя вензловымъ же, золотомъ вышитымъ Императорскимъ именемъ, и обложенныя по борту широкимъ галуномъ и бахрамою изъ массивнаго золота; у пистолетовъ головки вызолоченныя; на влагалищахъ вышиты вензловыя же имена Монаршія и такимъ же галуномъ и бахрамою обложенные; стремена вызолоченые; мундштуки, наперси и пахви украшены вызолоченнымъ наборомъ; уздечки шелковыя. Литавры серебренныя; занавѣсы серебренныя, глазетовыя съ вышитыми золотомъ Императорскими гербами; шнуры, бахрамы и кисти, изъ массивнаго золота. Трубы серебренныя съ такими же шнурами и кистями; мундиръ трубачей богато выложенъ по швамъ галунами. Сею ротою начальствовалъ, въ званіи капитана, генералъ-поручикъ Ягужинскій; офицерами были: поручикомъ генералъ-майоръ Дмитріевъ-Мамоновъ, подпоручикомъ бригадиръ Леонтьевъ, прапорщикомъ полковникъ князь Мещерскій. (См. Голикова Дѣян. IX, 92). Немедленно послѣ коронаціи Екатерины I-й, кавалергарды были распущены по своимъ полкамъ; но Екатерина, возшедъ на престолъ, составила уже не роту, а корпусъ кавалергардскій. Онъ существовалъ до имп.

Знатные многіе, въ торжество коронаціи, пожалованы чинами. Князь Никита Ивановичь Репнинъ генералъ-фельдмаршаломъ и кавалеромъ ордена Андрея Первозваннаго, и въ Военную Коллегію опредѣленъ президентомъ. Павлу Ивановичу Ягужинскому пожалованъ орденъ Св. Андрея. Награжденыжъ нѣкоторые деревнями.

Тогожъ года, Іюня на 9 число, не стало въ Москвѣ отца моего Александра Ѳедоровича Нащокина, и погребенъ въ Петровскомъ монастырѣ.

Съ Москвы Государь изволилъ идти, чрезъ городъ Ярославль на Олонецъ, къ марціальнымъ водамъ, для пользованія отъ болѣзни; ибо тогда Его Императорское Величество, какъ мнѣ довольно случилось видѣть Его Величество въ Москвѣ, весьма отъ болѣзни слабъ былъ. И бывъ у водъ, тогожъ лѣта въ Августѣ изволилъ прибыть въ С.-Петербургъ.

И тогожъ Августа 30 числа мощи Св. Александра Невскаго, во имя его въ построенный монастырь въ С.-Петербургѣ, на берегу Невы рѣки, принесли, которые отъ Шлюшенбурга въ Петербургъ везены водою, и какъ къ берегу пристали, тогда подняли мощи лейбъ-гвардіи старшіе капитаны и несли до мѣста, и для встрѣчи мощей великое собраніе было, и тако перенесеніе мощей изъ города Володимера въ С.-Петербургъ 1724 году Августа 30 дня.

Тогожъ года осенью, придворному кавалеру Вильму Монсу, котораго Государь жаловалъ, за преступленіе голова отсѣчена, о чемъ указомъ публиковано. Сестра его родная, генералъ-майора Балка жена, кнутомъ сѣчена, и другіе при томъ въ наказаніи были [23]).

И тако оной 1724 годъ теченіемъ окончился.

Анны Іоанновны, которая въ 1731 году, учредивъ полкъ Конной Гвардіи, уничтожила кавалергардскій корпусъ. О семъ говоритъ и Нащокинъ далѣе: Екатерина II возобновила сей корпусъ, составивъ его., какъ и прежде, изъ 60 человѣкъ оберъ-офицеровъ. Но, по вступленіи на престолъ им. Павла I-го онъ былъ распущенъ, и мѣсто его занялъ цѣлый кавалергардскій полкъ, составленный изъ одинхъ дворянъ, числомъ до 800 человѣкъ, кои однакоже не имѣли преимущества прежнихъ рядовыхъ кавалергардовъ, т. е., оберъ-офицерскихъ чиновъ. Парадная ихъ одежда состояла изъ серебренныхъ латъ и шишаковъ, подобно стариннымъ рыцарямъ. Полкъ сей былъ распущенъ въ 1798 году. Въ 1799 году Государь Императоръ Павелъ I, учредивъ опять кавалергардскій корпусъ, назвалъ оный гвардіею великаго магистра ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго, а въ 1800 году составился изъ сего корпуса нынѣшній кавалергардскій полкъ.

[23]) Монсъ де-ла-Кроа, родившійся въ Россіи отъ Фламандской фамиліи, былъ камергеромъ при Императрицѣ, второй супругѣ Петра Великаго. Онъ имѣлъ дарованія и хорошую наружность, а потому Государь и Государыня отличали его; но онъ и сестра его употребили милость сію во зло: бывъ уличены во взяткахъ, они подверглись описанному здѣсь наказанію. Сыновья Балковой, изъ коихъ одинъ былъ камергеромъ, а другой пажемъ, были разжалованы въ рядовые.

1725 годъ началомъ своимъ зѣло неблагополучіе Россіи оказалъ: 28 текущаго Генваря, по волѣ всемогущаго Бога, всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій и Самодержецъ Всероссійскій, отецъ отечества, Государь всемилостивѣйшій, Петръ Великій, чрезъ двѣнадцатидневную жестокую болѣзнь, отъ сего временнаго въ вѣчное блаженство отыде. Я не могу, отъ неисскуства пера моего, описать, какъ, при толикомъ общенародномъ неблагополучіи, видимъ былъ общій плачь: старые сѣтуютъ, по что Петра Великаго пережили; молодые говорили: блаженны отцы наши, что жили во дни Петра Великаго, а мы только его видѣли, чтобъ о немъ плакать! Домашніе его рыдали день и нощь. По погребеніи его приходили великимъ множествомъ на гробъ его: всякъ хотѣлъ образъ его помнить. Вездѣ неутѣшная печаль въ Россіи на лицахъ всѣхъ изобразуетъ. Но распространяться о толикой печали недостатокъ моего сложенія прекращаетъ; ибо о томъ печальномъ времени свидѣтельствуютъ исторіи на разныхъ языкахъ, а на Россійскомъ діалектѣ отъ проповѣдниковъ говорено въ день погребенія Его Петра Великаго, Ѳеофаномъ Прокоповичемъ, епископомъ Псковскимъ, въ день же годичнаго препоминовенія въ Петропавловской церкви, гдѣ Его Величества гробъ, отъ архимандрита Троицы Сергіева монастыря Гавріила, которыя проповѣди въ печать преданы, изъ чего довольно видно, какова была тогда ужасная печаль Россіи.

По кончинѣ Его Императорскаго Величества славной памяти, престолъ самодержавства Россійскаго коронованная при жизни Его Величества, вселюбезнѣйшая супруга, наша всемилостивѣйшая Государыня Императрица и Самодержица Всероссійская, Екатерина Алексѣевна, съ Божіею помощію, воспріять изволила и, для поминовенія Его Императорскаго Величества многія милости оказаны: которые офицеры не по порядку, безъ заслугъ, были произведены княземъ Матвѣемъ Гагаринымъ и губернаторами, и за то написаны были въ гвардію въ солдаты, и оные отъ солдатства свобождены, и прежніе чины имъ возвращены.

А оной 1725 годъ, во всемъ государствѣ, въ Москвѣ и въ С.-Петербургѣ, всѣ ходили въ глубокомъ траурѣ, знатные по классамъ носили плюрезы на обшлагахъ, а ихъ домы были убраны трауромъ и люди, и однимъ словомъ, такой былъ глубокой трауръ, что генерально ходили, какъ дворянство, офицерство, приказные чины, до послѣдняго члена, такъ и купечество; но самые бѣдные дворяне и ихъ служители и купечество малоторговое, безъ траура были: а священство въ обѣихъ резиденціяхъ, какъ въ Москвѣ, такъ и въ С.-Петербургѣ, безъ изъятія все ходило въ черномъ.

О погребеніи Его Величества здѣсь, для памяти, въ сей моей запискѣ не упоминаю: ибо тогда я при томъ въ Петербургѣ быть не случился, а отправился, вскорѣ послѣ кончины Его Величества, для дѣлъ, въ военную контору въ Москву.

Тогожъ году Маія 18 дня, по Высочайшему соизволенію Ея Императорскаго Величества, въ С.-Петербургѣ публиковано о бракѣ учиненнаго сговору при жизни Его Величества блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Петра Великаго, супружественнаго трактата между Ея Высочествомъ Анною Петровною, Цесаревною Всероссійскою, и Его Королевскимъ Высочествомъ герцогомъ Голштейнъ-Готторпскимъ. Намѣреніе воспріять изволила оный бракъ, въ мѣсяцѣ Маіѣ, при помощи Вышняго, совершить, и о томъ бракѣ, чрезъ офицеровъ съ трубачами и литаврами, во всемъ С.-Петербургѣ публиковано, и назначенъ тому браку день Маія 21, то есть, въ Пятницу. А церемоніалъ того браку изданъ печатной, которой напечатанъ въ типографіи въ С.-Петербургѣ 1725 года Іюня 30 дня, съ котораго при моихъ книгахъ точная копія.

А по окончаніи онаго браку, въ торжество, Ея Императорское Величество, наша всемилостивѣйшая Государыня Императрица и Самодержица Всероссійская, всемилостивѣйше изволила жаловать чинами: князь Михайла Михайловича Голицына въ генералы-фельдмаршалы, Вейсбаха въ полные генералы, и прочіе получили чины, а другіе кавалеріи ордена Св. Андрея. Во оноежъ торжество жалованы и кавалеріями новаго ордена Св. Александра Невскаго, на пунцовомъ бантѣ. Которые того ордена первые суть кавалеры, и того ради о именахъ ихъ въ сей моей запискѣ изъявляю.

Генералъ-лейтенантамъ: Бону, Лессію.
Генералъ-майорамъ: Ивану Головину, Григорью Чернышеву, Михаилу Волкову, Андрею Ушакову, Ивану Дмитріеву-Мамонову, князь Григорью Юсупову, Семену Салтыкову, Антону Дивіеру. Брегадиру Лихареву. Царевны Анны Петровны оберъ-гофмейстеру Нарышкину. Вице-адмираламъ: Сиверсу, Змаевичу. Шаутбенахту, Науму Сенявину. Двора Его Королевскаго Высочестга герцога Голштейнъ-Готторпскаго: гофканцлеру Штамкену, гофмаршалу Платому (Платену), оберъ-егермейстеру Алефелту, оберъ-камергеру графу Бондію.

Тогожъ году во всей арміи великая перемѣна чинамъ была, и произведены, а долговременно которые служили, получили, по желанію, отставку. Я тогда былъ въ Бѣлогородскомъ пѣхотномъ полку, и сколько есть въ полку штабъ и оберъ-офицеровъ, всѣ перемѣнены чинами, кромѣ полковника.

Тогожъ году въ исходѣ, вся армія вступила въ расположенныя квартиры, гдѣ были построены штабные дворы, и съ дистриктовъ по-

ложенныя подушныя деньги опредѣлено сбирать; отъ тѣхъ сборовъ стали жалованье получать.

Гранодерскіе пѣхотные полки, которые именовались: Галлартовъ, Лессіевъ, Кампенгаузеновъ; первой и второй гранодерскіе, и того пять полковъ, по ротѣ, по полкамъ раскасованы; такожъ и отъ кавалеріи гранодерскіе полки, и съ того времени въ арміи гранодерскіе полки отставлены [24]).

Въ началѣ 1726 года вся армія въ движеніи была: извнутри государства пришли въ Остзею, и лѣто того года пришедъ стояли корпусами въ С.-Петербургѣ немалымъ лагеремъ, на Васильевскомъ острову, при Ригѣ, Ревелѣ и Выборгѣ [25]).

Тогожъ лѣта, которые оберъ-офицеры были изъ полковъ армейскихъ выбраны для коронаціи въ кавалергардской корпусъ, 1724 года, онымъ велѣно явиться въ С.-Петербургъ въ Военную Коллегію, и оные всѣ опредѣлены въ корпусъ кавалергардской, и отъ того времени учрежденъ былъ настоящій корпусъ; офицеры были выбраны лучшіе и собою весьма великорослые и достаточные иждивеніемъ [26]).

Тогожъ лѣта флотъ Англинской къ Ревелю приходилъ и, стоявъ безъ всякаго дѣйства, возвратился.

Тогожъ лѣта князь Меншиковъ, и съ нимъ нѣкоторое число корпуса кавалергардовъ, посыланы были въ Ригу, а изъ Риги онъ Меншиковъ ѣздилъ въ Митаву къ Государынѣ Герцогинѣ Курляндской Аннѣ Іоанновнѣ. Тогда былъ въ Митавѣ Польскаго короля Августа побочной сынъ графъ Морицъ, и о Курляндскомъ герцогствѣ имѣлъ претензію и пріѣзжалъ того искать, а по прибытіи князя Меншикова, оной графъ Морицъ изъ Курляндіи немедленно ретировался, а князь съ кавалергардами въ Петербургъ возвратился [27]).

---

[24]) При Петрѣ Великомъ было гренадерскихъ полковъ, *пѣхотныхъ* 5, *конныхъ* 3. Пѣхотные назывались: 1) Первый или фонъ Гафна, послѣ генералъ-фельдмаршала князя Сапѣги; 2) вторый или Зыкова; нынѣ Австрійскаго Императора; 3) третій или Кампегаузена, нынѣ Муромскій пѣхотный; 4) Галларта, нынѣ Ладожскій и 5) Лассія, нынѣ Бѣлозерскій. Конные: 1) Хлопова, въ послѣдствіи времени Ревельскій драгунскій, расформированный въ 1771 году; 2) Кропотова, нынѣ Ряжскій драгунскій, и 3) Роопа, нынѣ Орденскій кирасирскій. Всѣ они состояли изъ гренадерскихъ ротъ; но, по кончинѣ Государя, велѣно было преобразовать ихъ такъ, чтобы только первыя роты въ нихъ были гренадерскими, и съ тѣмъ вмѣстѣ они сравнены съ прочими полками.

[25]) Это движеніе войскъ было сдѣлано по случаю разрыва мира съ Англіею.

[26]) См. выше примѣчаніе 22.

[27]) Причина поѣздки князя Меншикова въ Курляндію была та, что ему хотѣлось сдѣлаться тамошнимъ герцогомъ. Въ имѣющихся у меня выпискахъ изъ журналовъ бывшаго Верховнаго Тайнаго Совѣта находится, по сему обстоятельству, слѣдующее.

„Принцъ Морицъ, фельдмаршалъ графъ Десаксъ, побочный сынъ Польскаго короля Августа II, былъ избранъ (1726) на сеймѣ въ Митавѣ преемникомъ и наслѣдникомъ со-

Въ то самое время въ Ригѣ, генералъ-фельдмаршалъ и Военной Коллегіи президентъ, и кавалеръ ордена Св. Апостола Андрея, князь Никита Ивановичъ Репнинъ умре. Во время его службы генераломъ, великое несчастіе отъ Шведовъ подъ Головщинымъ имѣлъ, гдѣ знамена и пушки отбиты были, за что онъ написанъ былъ изъ генераловъ въ гвардію въ гранодеры, а послѣ паки пожалованъ полковникомъ и генеральство получилъ. Былъ женатъ на трехъ женахъ, а послѣ держалъ даму и прижилъ незаконныхъ дѣтей, которые имѣютъ фамилію Репнинскихъ, и тако отъ незаконнорожденныхъ нарѣчена новая фамилія отъ князя Репнина, просто Репнинскіе, а мать Репнинскихъ была дѣвка Полька.

старѣвшемуся бездѣтному герцогу Фердинанду. Въ самый день избранія отправлена была депутація ко вдовствующей герцогинѣ Аннѣ Іоанновнѣ съ прошеніемъ, дабы она вступила въ бракъ съ новоизбраннымъ герцогомъ. Герцогиня хотя и весьма желала сего, но отвѣчала, что предается въ томъ на волю Императрицы Россійской. Но сколь велико было ея желаніе вступить въ бракъ съ Морицомъ, это доказываетъ донесеніе Меншикова Государынѣ, писанное изъ Риги, въ которомъ онъ говоритъ, что вдовствующая герцогиня, узнавъ о прибытіи его въ Ригу, отправилась (28 Іюня) изъ Митавы въ коляскѣ съ одною только дѣвушкою, остановилась за Двиною и, призвавъ къ себѣ Меншикова, умоляла его, *съ великою слезною просьбою*, чтобы онъ исходатайствовалъ у Императрицы утвержденіе Морица герцогомъ и согласіе на вступленіе ей съ нимъ въ супружество. Но Меншиковъ отвѣчалъ ей, что это дѣло невозможное; ибо утвержденіе Морица герцогомъ противно выгодамъ Россіи, а бракъ ея съ нимъ неприличенъ, понеже онъ рожденъ отъ *метресы*, а не отъ законной жены, что Ея Величеству и всему государству будетъ безчестно. Выслушавъ это, герцогиня оставила свое намѣреніе, изъявивъ желаніе, чтобы герцогомъ сдѣлался онъ Меншиковъ, понеже она во владѣніи своихъ деревень надѣется быть спокойною." Послѣ сего на другой день, Меншиковъ прибылъ въ Митаву; но выѣхалъ оттуда 2 Іюля: ибо Курляндцы не избрали его потому, что онъ не Нѣмецъ и не Лютеранскаго закона. Возвратясь въ Ригу, Меншиковъ далъ повелѣніе генералу Бону вступить, съ нѣсколькими полками, въ Курляндію, дабы силою заставить избрать себя. Но Императрица остановила его стремленіе: отъ 15 Іюля она писала къ нему, чтобы онъ оставилъ это намѣреніе; ибо оно могло безвременно вовлечь Россію въ войну съ Польшею и подать поводъ Туркамъ, считающимъ Курляндію за одно владѣніе съ Польшею, принять это введеніе войскъ за разрывъ мира. Меншиковъ возвратился въ Петербургъ 21 Іюля 1726.

Не смотря на неудачу, онъ не оставилъ своего намѣренія. Императрица скончалась 6 Мая 1727, и Меншиковъ, въ малолѣтство преемника ея, сдѣлавшись самовластнымъ, заставилъ Верховный Тайный Совѣтъ подписать, 26 Іюля, указъ Рижскому генералъ-губернатору Лессію вступить въ Курляндію съ тремя пѣхотными и двумя конными полками, для изгнанія отъ туда Морица. Но вскорѣ послѣ сего онъ началъ упадать, а 9 Сентября былъ лишенъ всѣхъ чиновъ и сосланъ въ Ораніенбургъ. Въ бумагахъ, отъ Меншикова отобранныхъ, нашлось письмо Морица, въ которомъ онъ пишетъ, что ежели Меншиковъ отступится отъ своего требованія на Курляндію, что можетъ вовлечь Россію въ войну съ Польшею, то онъ Морицъ обѣщаетъ ему Меншикову давать на всю жизнь его по 40.000 ефимковъ въ годъ, и болѣе, а сверхъ того тому, кто сдѣлаетъ это предложеніе дѣйствительнымъ, подаритъ 2000 червонцевъ".

Въ томъ же году я, вмѣсто гранодерской роты, изъ Бѣлогородскаго полку съ ротою перешелъ въ Углицкой полкъ, которому послѣ званія перваго гранодерскаго полку новое наречено Углицкимъ.

Тогожъ году въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, къ Выборгу на галерахъ пошли, и тамо опредѣлено зимовать.

Тоёжъ осени была въ С.-Петербургѣ большая вода, только прежней 1721 года меньше, за тѣмъ, что каналы вездѣ были подѣланы, и у Невы, на Московской дорогѣ, берега подняты и обиты сваями, и того ради на берегъ такъ не взливалась.

Въ началѣ 1727 года князь Меншиковъ объявленъ былъ рейхсмаршаломъ.

Стоящіе около С.-Петербурга, верстахъ во стѣ и больше, полки армейскіе, Генваря къ 6 числу, то есть, ко дню Богоявленія Господня, собраны были въ С.-Петербургъ. Ея Императорское Величество изволила на водоосвященіи присутствовать. Гвардіи оба полка, трех-баталіонной Ингермоландской полкъ, которой подъ именемъ князя Меншикова, яко того полку полковника, весьма полкъ хорошій, и прочихъ, всего съ 30 тысячь, въ томъ парадѣ поставлено было съ гвардіею, полевыми и гарнизонными полками. Учрежденъ былъ на Невѣ рѣкѣ баталіонкаре, зачавъ отъ Васильевскаго острова, по обѣ стороны береговъ Невы рѣки, даже до Охтенской слободы окружностью поставлены были. Государыня изволила идти изъ дворца; половина корпусу кавалергардскаго напереди, другая позади Ея Величества кареты, шли до самой ердани, гдѣ оной корпусъ впервыя вывезъ того корпуса штандартъ. Князь Меншиковъ сѣлъ верхомъ на уборной лошади, имѣвъ на себѣ, для слабости своей, что былъ весьма болѣзненъ, кафтанъ парчевой, серебреной, на собольемъ мѣху, и обшлаги собольи. При немъ немалое число генералитета, и командовалъ всемъ тѣмъ корпусомъ. А на другой день, которые приходили изъ разныхъ мѣстъ полки, паки тудажъ пошли.

Тогожъ году Февраля 15 дня, я въ аудиторы пожалованъ, въ тотъ же Углицкой полкъ.

Тогожъ году, какъ и въ прошломъ 1726, армія вся въ лагерѣ стояла въ тѣхъ же мѣстахъ, а кавалерія на Украйнѣ, при которой былъ генералъ-фельдмаршалъ князь Голицынъ, а при немъ генералъ Вейсбахъ; въ Ревелѣ генералъ Бонъ, въ Ригѣ Ласси; надъ С.-Петербургскимъ и Выборгскимъ, генералъ-лейтенантъ Волковъ, а всею Ея Императорскаго Величества арміею командовалъ рейхсмаршалъ Меншиковъ.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ тайнаго дѣйствительнаго совѣтника графа Петра Андреевича Толстова въ ссылку послали.

Генералъ-полицмейстера, государева генералъ-адъютанта и, ордена Александровскаго кавалера, Дивіера розыскивали и, наказавъ, въ Сибирь послали [28]).

Мая 6, о 9 часѣ по полудни, Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая, Великая Государыня Императрица и Самодержица Всероссійская, Екатерина Алексѣевна, отъ сего временнаго въ вѣчное блаженство отыде, а о принятіи Всероссійскаго престола, подписанною духовною, Ея Величество собственною рукою утвердить изволила всемилостивѣйшему внуку, Государю Великому Князю, о чемъ 7 дня Маія, отъ Его Императорскаго Величества выданнымъ манифестомъ въ народъ публиковано.

---

[28]) Графъ Дивіеръ былъ женатъ на сестрѣ Меншикова, которая вышла за него совершенно противъ воли своего брата, отъ чего сдѣлалась между ими смертельная ненависть. Во время жизни Петра Великаго, они не могли вредить другъ другу; но послѣ его кончины, Меншиковъ, сдѣлавшись самовластнымъ, тѣмъ сильнѣе поразилъ своего врага. Вотъ какъ было дѣло, которое я заимствую изъ тѣхъ же выписокъ изъ журналовъ Тайнаго Совѣта. Меншиковъ своимъ самовластіемъ сдѣлался ненавистнымъ для всѣхъ. Сверхъ того, Толстой, Дивіеръ и другіе были употреблены Петромъ Великимъ по дѣлу Царевича Алексѣя Петровича, и потому боялись, чтобы сынъ его, сдѣлавшись Императоромъ, не погубилъ ихъ. Сей страхъ заставилъ ихъ помышлять о средствахъ лишить его наслѣдства. Они воспользовались отъѣздомъ Меншикова въ Курляндію, и стали внушать Императрицѣ, что для усовершенія юнаго Царевича въ наукахъ, необходимо нужно отправить его въ чужіе краи. Они полагали, что если бы въ это время Екатерина кончила жизнь свою, то имъ можно бы было возвести на престолъ, не Петра, находящагося за границею, а герцогиню Голстинскую Анну Петровну. Но при томъ они знали, что Меншиковъ, возвратясь, легко можетъ уничтожить ихъ замыслы, и потому старались чернить его въ глазахъ Императрицы, что имъ и удалось; ибо и сама Государыня тяготилась уже властію, которую позволила имѣть надъ собою Меншикову, и подписала указъ арестовать его прежде, нежели онъ возвратится въ Петербургъ. Но счастіе и тутъ помогло своему баловню: графъ Басевичъ, министръ герцога Голстинскаго, вздумалъ спасти его; небольшаго труда стоило ему убѣдить своего государя вступиться за Меншикова, а герцогъ столь же легко склонилъ къ тому же и Екатерину.

Меншиковъ, возвратясь въ Петербургъ, узналъ о злоумышленіи на него Дивіера съ товарищами, и искалъ случая низвергнуть ихъ въ ту яму, которую они для него копали; наконецъ, случай сей предсталъ. Въ Апрѣлѣ 1727 года Екатерина впала въ жестокую болѣзнь. Она узнала, что всѣ пріѣзжавшіе во дворецъ вельможи были въ превеликой печали, кромѣ Дивіера, который былъ отмѣнно веселъ, шутилъ, смѣялся и даже не оказывалъ Царевнамъ должнаго рабскаго респекта. Правда ли это было или нѣтъ; но ей такъ сказали, и весьма естественно, что это воспламенило ее гнѣвомъ. Она подписала указъ на имя канцлера графа Головкина, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Голицына, генералъ-лейтенантовъ, Дмитріева-Мамонова и князя Юсупова, и коменданта Фаминцына, произвести слѣдствія о продерзостяхъ, злыхъ совѣтахъ и намѣреніяхъ Дивіера. Указъ состоялся 26 Апрѣля, а на другой день Меншиковъ доставилъ въ сію коммисію и пункты, по которымъ слѣдовало допросить Дивіера, между тѣмъ его взяли въ Тайную Канцелярію. Слѣдствіе съ розысками продолжалось до 5 Мая, въ который состоялся именный указъ: „Сдѣлавъ выписку изъ дѣла и положивъ сентенцію, представить все то на другій день.“ Но въ сей самый день, около 9 часовъ по полудни, Императрица скончилась.

Того жъ году князь Меншиковъ генералиссимусъ объявленъ, и дочь его большая сговорена за Его Императорское Величество и нѣсколько времени была сговоренною невѣстою; а послѣ того публикованъ указъ, Сентября 8 дня, чтобъ нигдѣ за его Меншикова рукою посылаемыхъ указовъ не слушать, и въ скоромъ времени онъ Меншиковъ посланъ въ ссылку съ фамиліею въ Ранебургъ, которое мѣстечко его бывало, а отъ туда въ Сибирь, гдѣ и умеръ въ заточеніи и въ самой бѣдности, которое мѣсто за Тобольскимъ, называемое Березовъ.

Долгорукой князь Алексѣй, весьма нехитраго разума, съ сыномъ своимъ князь Иваномъ, пришелъ въ великую знатность, и родъ Долгоруковыхъ предъ всѣми больше усилился; а князь Алексѣй, ничѣмъ больше, какъ псовою охотою и частыми ѣздами на поля, всѣхъ знатныхъ фамилій отдалилъ наставленіемъ отъ другихъ роду своего; паче многихъ того роду былъ человѣкъ весьма умной, князь Василій Лукичъ. И такъ Государя отъ всѣхъ удалили, что не всегда можно было его видѣть, и Его Императорское Величество, со псовою охотою, тогожъ году осень продолжать себя изволили въ С.-Петербургѣ, въ угодныхъ мѣстахъ для оной псовой охоты.

Въ началѣ 1728 года, Его Величество, прибывъ въ Москву, короноваться изволилъ, по обычаю предковъ своихъ великихъ государей, и продолжался Его Величество въ Москвѣ и отъѣзжая отъ Москвы въ угодныя мѣста со псовою охотою.

До сего дѣло шло только о продерзостяхъ Дивіера во время болѣзни Екатерины. Но когда Меншиковъ сдѣлался еще силинѣе при ея преемникѣ, то онъ усугубилъ обвиненіе открытіемъ умысла лишить Петра II престола. Графъ Толстой, Иванъ Бутурлинъ, Григорій Скорняковъ-Писаревъ и генералъ-лейтенантъ Ушаковъ, были взяты и посажены въ Тайную Канцелярію 22 Мая, а 27 числа изданъ манифестъ, которымъ, на основаніи конфирмаціи покойной Императрицы, повелѣно: „За злоумышленіе противъ Государя, Дивіера, лиша чиновъ, чести и имѣнія и бивъ кнутомъ, послать въ Сибирь, а Толстова съ сыномъ, подвергнувъ таковому наказанію, заключить въ Соловецкій монастырь; Бутурлина, лиша всѣхъ чиновъ, послать въ дальнія его деревни, а деревень у него не отнимать; Скорнякова-Писарева, лиша чиновъ, чести и имѣнія и бивъ кнутомъ, послать въ ссылку. Ушакова же, который знавъ о злоумышленіи, не донесъ о томъ, опредѣлить къ другой командѣ.“ Сверхъ того, Александръ Нарышкинъ и князь Иванъ Доргоруковъ были обвинены въ томъ, что старались препятствовать сватовству Государя за княжну Меншикову, подверглись наказанію: Нарышкинъ былъ лишенъ чина и сосланъ на житье въ деревню, а Долгорукова отлучили отъ двора и, понизивъ чиномъ, написали въ полевые полки. См. Полное Собраніе Законовъ VII, нум. 5084.

Оного жъ году, въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, пожалованъ я подпоручикомъ и опредѣленъ въ Лефортовскій полкъ [29]).

Въ исходѣ того году, Великой Княжны Государыни Натальи Алексѣевны не стало въ Москвѣ и погребена въ Вознесенскомъ монастырѣ.

Такожъ и 1729 годъ изволилъ Государь быть въ Москвѣ и ходилъ въ Тулу для смотрѣнія ружей новаго мастерства.

И того жъ году въ Москвѣ лейбъ-гвардіи полки, Преображенской и Семеновской, стояли въ лагерѣ, близъ Донскова монастыря, а корпусъ армейской, подъ командою генералъ-фельдмаршала князя Долгорукова. Генералъ-аншефы Бонъ и Матюшкинъ при той командѣ обрѣтались, и прочій генералитетъ. И стоялъ оной корпусъ арміи въ лагерѣ на рѣчкѣ Ходынкѣ, отъ Всесвятскаго и до Хорошевской дороги.

Того жъ лѣта, Его Императорское Величество изволилъ указать лейбъ-гвардіи и армейскимъ тремъ полкамъ, Бутырскому и двумъ Московскимъ, быть въ парадѣ близъ Донскова монастыря, и чинили екзерцицію по полкамъ съ пальбою, два полка гвардіи сведя въ баталіонкаре. Армейскими тремя во фрунтѣ командовалъ генералъ-майоръ Борятинской.

Того жъ году, Ноября 19 числа, Его Императорское Величество изволилъ назначить себѣ невѣсту, князь Алексѣя Григорьевича дочь Долгорукова. Послѣ того числа публичное было обрученіе въ Головинскомъ дворцѣ, при которомъ обрученіи была бабка Его Величества, Царица Евдокія Ѳедоровна. Обручалъ архіепископъ Новогородской Ѳеофанъ Прокоповичъ, которую церемонію я самъ довольно видѣлъ, будучи при томъ на ординаціи за генералъ-фельдмаршаломъ княземъ Долгорукимъ.

Въ началѣ 1730 году, Генваря 6 числа, лейбъ-гвардіи полки и стоявшіе въ Москвѣ пѣхотные полки собраны были въ парадъ, и отъ Красныхъ воротъ Его Императорское Величество, передъ Преображенскимъ полкомъ, въ строевомъ убранствѣ, изволилъ идти, въ полковничьемъ мѣстѣ. И полки пошли въ Кремль для освященія воды, а Государь возвратился во дворецъ, и отъ того дня занемогъ воспою, и въ томъ же году Генваря 19 числа Его Императорское Величество, Самодержецъ Всероссійскій, нашъ милостивѣйшій Государь, въ вѣчное блаженство отыде.

---

[29]) Лефортовъ, въ послѣдствіи времени первый Московскій, былъ расформированъ въ 1791 году.

И въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, духовные, весь генералитетъ и знатное шляхетство собрано и, по общему согласію, при собраніи полковъ, объявлена на Россійской престолъ Государынею герцогиня Анна Іоанновна и титулована Ея Императорскимъ Величествомъ.

И со извѣстіемъ изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта отправлены въ Курляндію князь Василій Лукичъ Долгоруковъ, князь Михайло Михайловичъ меньшой Голицынъ, Михайло Ивановичъ Леонтьевъ и прочіе, съ прошеніемъ для прибытія Ея Императорскаго Величества въ Москву.

А когда всемилостивѣйше соизволила прибыть въ Москву съ публичнымъ восшествіемъ, тогда подана была князь Алексѣемъ Михайловичемъ Черкасскимъ челобитная отъ всего шляхетства, чтобъ Ея Императорское Величество изволила принять самодержавство такъ, какъ предки Ея Величества, что̀ отъ того времени и воспріято, и всѣ подданные поздравили.

И тогда жъ Ея Императорское Величество изволила указать генералъ-прокурора Павла Ивановича Ягужинскаго изъ-подъ ареста свободить, которой арестованъ былъ отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта и посаженъ подъ крѣпкой караулъ, за тайное отправленіе отъ себя писемъ послѣ отбытія князь Василья Лукича Долгорукова въ Курляндію, съ Петромъ Спиридоновымъ сыномъ Сумароковымъ, чтобъ онъ Сумароковъ тѣ письма тайно, въ Курляндіи, подалъ Ея Императорскому Величеству, что̀ онъ и учинилъ; а послѣ извѣстно стало, что въ оныхъ писано было, дабы Ея Императорское Величество не изволила подписывать доношенія отъ помянутаго князя Долгорукова: ибо Россійское шляхетство желаетъ Ея Императорское Величество самодержавнѣйшею быть на Россійскомъ престолѣ. Однако оной Сумароковъ отъ Долгорукова взятъ былъ подъ караулъ и битъ жестоко, и содержался, пока свобожденъ Павелъ Ивановичъ [30]).

И того жъ года Апрѣля 28 числа, Ея Императорское Величество, по древнему обыкновенію предковъ своихъ, изволила короноваться въ

---

[30]) О восшествіи на престолъ имп. Анны Іоанновны, безъ всякаго ограниченія самодержавной власти, чему хотѣли было подвергнуть ее нѣкоторые неблагоразумные вельможи, см. манифестъ 1730 Февраля 28, а о винахъ князей Долгоруковыхъ, главнѣйшихъ виновниковъ сего безразсуднаго дѣла, манифестъ того же года Апрѣля 14. См. также примѣчаніе 35.

Москвѣ, а въ Маіѣ мѣсяцѣ, великимъ церемоніаломъ, изволила итти въ Измайлово, и онаго года лѣто тамо изволила продолжаться.

И подъ селомъ Измайловымъ поставленъ былъ лагерь кавалергардской и убранъ по воинскому порядку. Гвардіи полки, Преображенской и Семеновской, по другую сторону дворца, въ лагерѣ стояли жъ и непрестанно въ екзерциціи были. Армейскіе полки, Бутырской, первой и второй Московскіе, по полку, привожены были передъ дворецъ и чинили екзерцицію.

Тогожъ лѣта Семеновскаго полку майоръ Хрущовъ посланъ былъ въ Украйну на линію, которому велѣно набрать изъ ландмилицкихъ полковъ лучшихъ людей, трехбаталіонной полкъ и одну гранодерскую роту, которые въ Сентябрѣ мѣсяцѣ и приведены въ Москву, и по именному Ея Императорскаго Величества указу именованъ оной полкъ лейбъ-гвардіи Измайловскимъ [34]), которому въ рангѣ и въ жалованьи быть противъ лейбъ-гвардіи полковъ, а въ содержаніи комплекта людей противъ Семеновскаго трехбаталіоннаго полку и одной гранодерской роты.

А во оной полкъ объявленъ полковникомъ генералъ-майоръ, Его Императорскаго Величества блаженныя памяти Государя Петра Великаго генералъ-адъютантъ графъ фонъ Левенволдъ; подполковникомъ генералъ майоръ Ямесъ Кейтъ; майоры: изъ премьеръ-майоровъ Азовскаго драгунскаго полка Іосифъ Гампфъ, изъ флигель-адъютантовъ отъ генерала Бона, капитанскаго ранга, Иванъ Шиповъ; изъ Польской службы изъ капитановъ Густавъ Биронъ.

Съ начала учрежденія полка и я, по именному Ея Императорскаго Величества указу, пожалованъ, изъ подпоручиковъ армейскихъ, во оной лейбъ-гвардіи Измайловской полкъ въ адъютанты, а оберъофицеры опредѣляемы были по выбору и представленію полковника графа фонъ Левенволда, изъ разныхъ командъ и изъ службъ другихъ націй. Шляхетства Курляндского и Лифляндского не малое число опредѣлено было въ унтеръ-офицеры и капралы, а Россійскихъ унтеръофицеровъ изъ полковъ армейскихъ опредѣляли. И на оной полкъ мундиръ и аммуниція построена того жъ времени.

А въ исходѣ 1730 года, генералъ фельдмаршалъ, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку полковникъ, князь Михайло Михайловичь Голицынъ, въ Москвѣ умре и погребенъ съ великимъ церемоніяломъ, по его высокому характеру, въ Богоявленскомъ монастырѣ. Зѣло былъ въ войнѣ счастливъ и въ дѣлахъ добраго распорядка, и любимъ под-

---

[34]) Объ учрежденіи лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка, см. указъ 1730 Сентября 22.

командующими въ арміи и, будучи въ войнѣ генералъ-аншефомъ, въ княжествѣ Финляндскомъ, на сухомъ пути и на морѣ, имѣлъ знатныя баталіи противу Шведскаго войска, и находился въ великихъ выигрышахъ, а особливо приводомъ его въ Польшѣ корпусъ разбитъ подъ Добрымъ; въ Финляндіи подъ Вазами великуюжъ одержалъ баталію; при Гренграмѣ на морѣ галерами взялъ 4 Шведскихъ фрегата, о чемъ и выше сего на своемъ мѣстѣ упомянуто.

Февраля 17 дня 1731 года весь полкъ лейбъ-гвардіи Измайловской собранъ былъ за Москвою рѣкою на лугу, что̀ слыветъ Царицынъ, и всѣ чины присягали предъ знаменами о вѣрной службѣ Ея Императорскому Величеству, и служенъ былъ молебенъ, освящена вода и окроплены святою водою знамены, и отнесены были знамены въ домъ Ея Императорскаго Величества, при препровожденіи всего полку. И послѣ того полкъ во всегдашней былъ екзерциціи, и въ службу вступилъ для отправленія карауловъ ко двору Ея Императорскаго Величества, и смѣнилъ стоявшихъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку Мая 28 дня 1731 году.

Тогожъ году весною всѣ полки гвардіи предъ Ея Императорскимъ Величествомъ, за Донскимъ монастыремъ, полками чинили экзерцицію и палили, а потомъ всѣ три полка сведены въ баталіонкаре, и по три патрона выпалено въ томъ же каре залпомъ, причемъ были иностранные послы и посолъ Турецкой Сайдефендій.

Въ томъ же году, Іюня 9 дня, не стало большой сестры моей Дарьи Александровны: больна была горячкою; погребена въ Москвѣ въ Петровскомъ монастырѣ.

Тогожъ лѣта сказанъ походъ въ С.-Петербургъ всѣхъ гвардіи полковъ по два баталіона, а въ Москвѣ осталось всѣхъ полковъ четыре баталіона.

Тожъ лѣта Государыня изволила перейтить въ новопостроенной домъ, которой именованъ Аннингофомъ, и оставшіе баталіоны стояли при Аннингофѣ лагеремъ [32]).

---

[32]) Анненгофъ, увеселительный Императорскій дворецъ въ Москвѣ, на лѣвой сторонѣ рѣки Яузы, противъ Нѣмецкой Слободы. Первоначально стоялъ тутъ домъ графа Ѳ. А. Головина, который въ 1723 году былъ купленъ Петромъ I у наслѣдниковъ. Государь построилъ тутъ дворецъ и развелъ садъ. Въ 1731, Анна Іоанновна, распространивъ садъ и выстроивъ новый деревянный дворецъ, повелѣла называть его по своему имени *Анненгофомъ*; но въ 1743 году, какъ говоритъ Татищевъ въ своемъ Лексиконѣ, старое названіе *Головинскаго* вошло опять въ употребленіе. Сей послѣдній дворецъ сгорѣлъ 1753 Ноября 1, о чемъ говоритъ и Нащокинъ, и на мѣсто его былъ выстроенъ новый подъ названіемъ *Головинскаго* же, который также сдѣлался жертвою огня. Въ послѣдствіи времени мѣсто его занялъ существующій и нынѣ каменный, выстроенный 19 Апрѣля 1774 Екатериною Великою, которая повелѣла называть его *Екатерининскимъ*, однако же сіе

А осенью, для близости ко дворцу, поставлены въ кантониръ-квартиры: Преображенскаго два баталіона въ Лефортовской, а Семеновской и Измайловской въ Вороньей слободахъ, близъ Андроникова монастыря, и съ того времени караульную команду начали майоры водить, а до сего не важивали, а ходили одни капитаны.

Тогожъ году учреждена Конная Гвардія, а приверстанъ въ Конную Гвардію лейбъ-регименть [33]).

Въ томъ же году корпусъ кавалергардской раскасованъ, и бывшіе кавалергарды въ разныя мѣста опредѣлены, а иные вовсе отъ службы отставлены.

Въ томъ же году осенью не стало Государыни Царевны Прасковьи Іоанновны.

Въ томъ же году учреждены кирасирскіе полки: выбраны лучшіе люди изъ кавалеріи [34]).

Въ исходѣ 1731 года, за нѣкоторое преступленіе, генералъ-фельдмаршалъ князь Василій Володимеровичъ Долгорукой посланъ въ ссылку, а племянникъ его, гвардіи Преображенскаго полку капитанъ Юрій Долгорукой, тогожъ времени наказанъ и посланъ въ Сибирь [35]).

послѣднее давно вышло изъ употребленія, а удержалось *Головинское*. Нынѣ онъ обращенъ въ казармы. И въ Петербургѣ былъ Анненгофъ, на взморьѣ, выше Екатерингофа, построенный для старшей дочери Петра Великаго Анны, герцогини Голстинской, и названный ея именемъ.

[33]) О конной гвардіи см. указъ 1730 Декабря 31.—При учрежденіи регулярнаго войска, офицеры для пѣхоты образовались въ обоихъ гвардейскихъ полкахъ, а для образованія таковыхъ же для конницы былъ учрежденъ въ 1721 году драгунскій полкъ, состоявшій изъ однихъ дворянъ, и называвшійся лейбъ-региментомъ.

[34]) Это были первые въ Россіи кирасирскіе полки, учрежденные по докладу Миниха. Сначала для образца былъ составленъ одинъ полкъ, названный Миниховымъ, потому что онъ былъ назначенъ въ него полковникомъ (см. указъ 1731 Ноября 18). Въ составъ сихъ кирасирскихъ полковъ были обращены: три драгунскіе, Выборгскій (нынѣ Орденскій кирасирскій), Ярославскій (нынѣ лейбъ-гвардіи кирасирскій Его Императорскаго Величества) и Невскій (нынѣ лейбъ-кирасирскій Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника). Петръ Великій не имѣлъ возможности учредить тяжелой конницы по недостатку хорошихъ заводскихъ лошадей; но, по кончинѣ его, конскіе заводы стали улучшаться, и при Аннѣ Іоанновнѣ были приведены въ цвѣтущее состояніе стараніемъ Левенволда и Волынскаго.

[35]) Нащокинъ не объясняетъ преступленія князя Василія Володиміровича Долгорукаго. Изъ манифеста 1731 Декабря 23 видно, что преступленіе его состояло въ томъ, что онъ дерзнулъ, не токмо полезныя Государыни Императрицы учрежденія толковать непристойнымъ образомъ, но и собственную Ея Высочайшую персону оскорблять поносительными словами. Вмѣстѣ съ нимъ оказались преступниками: гвардіи капитанъ князь Юрій Долгоруковъ, прапорщикъ князь Алексѣй Боратинскій и Егоръ Столѣтовъ, кои явились виновными противъ Высочайшей персоны и въ возмущеніи государственнаго покоя, въ чемъ были обличены, признались и съ розысковъ утвердились. Наряженный изъ министровъ и генералитета судъ надъ ними приговорилъ всѣхъ ихъ къ смертной казни;

Съ новаго 1732 году лейбъ-гвардія учреждена по новому штату, и прибавлено жалованье противъ ранговъ, и учреждены отъ того времени секундъ-майоры, и коликое число содержать комплекта всѣхъ чиновъ, жалованья противъ ранговъ получать; гранодерскимъ ротамъ быть при всѣхъ ротахъ мушкатерскихъ, только въ строю сводить вмѣстѣ; а оставшіе за комплектомъ оберъ и унтеръ-офицеры отосланы въ Военную Коллегію.

Ея Императорское Величество, тогожъ году Генваря 7 числа, изволила идти въ С.-Петербургъ и послѣ того въ Москвѣ не бывала.

но Ея Величество, по обыкновенной своей милости, освободила ихъ отъ оной, а указала, отобравъ у нихъ чинъ и имѣніе, движимое и недвижимое, послать въ ссылку: бывшаго фельдмаршала (князя В. В. Долгорукаго) въ Шлиссельбургъ, а прочихъ въ вѣчную работу: князь Юрія Долгорукаго въ Кузнецкъ, Борятинскаго въ Охотскій острогъ, а Столѣтова на Нерчинскіе заводы. См. Полное Собраніе Законовъ.

Князь В. В. Долгоруковъ родился въ 1667 году, началъ службу въ гвардіи Преображенскомъ полку и въ 1705 былъ уже капитаномъ, а въ 1708 подполковникомъ Семеновскаго полку. Онъ отличился въ Полтавскомъ сраженіи. По заключеніи мира съ Турками при рѣкѣ Прутѣ (1711) получилъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго. Государь употреблялъ его и по дипломатической части. Въ 1718 году, Долгоруковъ, въ чинѣ генералъ-аншефа, имѣлъ несчастіе подвергнуться гнѣву Петра Великаго по дѣлу Царевича Алексѣя Петровича: онъ лишился чиновъ ордена, имѣнія и былъ сосланъ въ Казань, гдѣ влачилъ горестные дни свои до 1724 года, въ который получилъ свободу и позволеніе вступить въ службу съ чиномъ бригадира. Неизвѣстно, гдѣ онъ послѣ того служилъ; но вѣроятно въ Персіи подъ начальствомъ Матюшкина. Екатерина I, восшедъ на престолъ, возвратила ему (13 Февраля 1726) чинъ генералъ-аншефа и орденъ, и ввѣрила ему войска, находившіяся въ Персіи, гдѣ однакоже громъ оружія уже умолкъ, а производились переговоры о мирѣ. Между тѣмъ Екатерина скончалась, и преемникомъ ея сдѣлался малолѣтный Петръ II, при которомъ сначала всѣмъ управлялъ Меншиковъ; но вскорѣ Долгоруковы низвергли его и, подобно ему, сдѣлались всемогущими. Они не забыли своего родственника, находившагося въ Персіи. Въ день коронованія Императора (25 Февраля 1728) князь Василій Володиміровичь получилъ фельдмаршальскій жезлъ былъ отозванъ изъ Персіи и сдѣланъ членомъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Извѣстно, что по кончинѣ Петра II, Долгоруковы, заставивъ избрать на престолъ Анну Іоанновну, приняли безразсудное намѣреніе ограничить Высочайшую власть и ввести олигархическое правленіе; но фельдмаршалъ, бывшій тогда душею Верховнаго Тайнаго Совѣта, возставалъ противъ сей горячки, хотя и не со всею настойчивостію, какую могъ бы употребить по своему уму и по власти надъ умами своихъ родственниковъ. Какъ бы то ни было, но когда Императрица возвратила свои священныя права, и когда другіе Долгоруковы были посажены въ крѣпость, князь Василій Володиміровичь сохранилъ свое званіе, однакоже не надолго. Восемь лѣтъ томился онъ въ ссылкѣ и наконецъ былъ освобожденъ уже Елисавѣтою Петровною по вступленіи ея на престолъ. Она возвратила ему княжеское достоинство, чинъ фельдмаршала, орденъ и назначила его президентомъ Военной Коллегіи. Онъ спокойно кончилъ дни свои 1746 Февраля 11, на 79 году отъ рожденія.

Дюкъ де Лирія, Испанскій посолъ при Русскомъ дворѣ, въ Запискахъ своихъ говоритъ, что князь Василій Володиміровичь былъ храбръ, честенъ и зналъ военное дѣло, былъ откровененъ даже до излишества, въ дружбѣ вѣренъ, во враждѣ непримиримъ, жилъ пышно, не гналъ иностранцевъ, хотя и не любилъ ихъ; былъ украшеніемъ своего отечества; но, при всѣхъ сихъ достоинствахъ, имѣлъ непомѣрную гордость.

Тогожъ году графъ Минихъ пожалованъ генералъ-фельдмаршаломъ, и отъ того времени перемѣнены въ арміи бой барабанной и экзерциція, и учинены, для смотрѣнія въ арміи экзерциціи и всякихъ добрыхъ порядковъ, и чтобъ военные служители надлежащее получали въ свое время, инспекторы, изъ генералитета выбранные, и первый былъ опредѣленъ генералъ-майоръ и гвардіи подполковникъ Кейтъ и прочіе, и съ сего времени въ арміи наилучшее завелось во всемъ исправленіе.

Въ 1733 году Петръ Павловичь Шафировъ заключилъ миръ, будучи въ Персіи, и бывшему въ низовомъ корпусѣ Россійскому войску велѣно вступить въ Россію [36]).

Въ томъ же году Россійское войско въ Польшу вступило для возведенія на престолъ Польскій бывшаго Польскаго короля Августа сына его, и для изгнанія Лещинскаго, котораго Поляки вторично короновали королемъ Польскимъ; однако онъ, хотя въ томъ имѣлъ Французскую помочь, точно принужденъ былъ отъ войска Россійскаго ретироваться въ вольной городъ Гданскъ.

Въ 1734 году, генералъ-фельдмаршалъ графъ фонъ Минихъ оной городъ Гданскъ атаковалъ, и приступили къ крѣпости, которая называется Гагецбергъ, гдѣ войско Россійское претерпѣло немалой уронъ, а крѣпости той не взято.

Того жъ году ко Гданску, на помощь Лещинскому, пришли моремъ Французы на корабляхъ, которые и засѣли въ крѣпости Вексельминдѣ, и по прибытіи ко Гданску флота Россійскаго, Французскихъ 7 кораблей ретировались отъ Гданска. А войско Французское во оной крѣпости, не стерпя нашихъ бомбъ, учинило противъ войска Россійскаго вылазку, и притомъ главной ихъ командиръ убитъ, а бригадиръ Деламотъ, съ оставшимъ войскомъ Французскимъ, разбиты и взяты въ полонъ, которые флотомъ привезены въ С.-Петербургъ. Оной Деламотъ, и штабъ-офицеры, представленъ былъ предъ Ея Императорское Величество и всемилостивѣйше жалованы къ рукѣ и богато трактованы въ домѣ оберъ-гофмаршала и ордена Св. Апостола Андрея и другихъ кавалера графа фонъ Левенволда. А егда Ея Императорское Величество изволила смотрѣть по полкамъ гвардію, и учинена была экзерциція, тогда онъ Французскій бригадиръ, съ штабъ-офицеры, былъ, и зѣло хвалили войско, что экзерцировано хорошо.

Тогожъ году, въ глубокую осень, отправлено моремъ все взятое Французское войско въ отечество, а городъ Гданскъ сдался на капи-

---

[36]) Низовымъ корпусомъ называлось то войско, которое находилось въ Персіи, потому что оно шло туда *внизъ* по Волгѣ.

туляцію со обѣщаніемъ задержанія знатной короля Лещинскаго суммы денегъ. А Лещинской, въ самой малой свитѣ и зѣло подло, изъ Гданска ушелъ и ретировался въ Прусской городъ Кенигсбергъ, и во ономъ продолжался до отбытія во Францію къ зятю своему, королю Французскому.

И отъ города Гданска пріѣзжали депутаты въ Петербургъ, которымъ дана была аудіенція, и оные предъ Ея Императорскимъ Величествомъ слезно о всемъ городѣ милосердія просили, и для взятья съ города положеннаго числа денегъ посланъ, съ оными депутаты, Ингермоландскаго полку полковникъ баронъ фонъ Иккуль.

Въ 1735 году, оберъ-шталмейстеръ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку полковникъ, ордена Св. Апостола Андрея кавалеръ, Ея Императорскаго Величества генералъ-адъютантъ, графъ фонъ Левенволдъ, который былъ въ Польшѣ полномочнымъ посломъ, и посыланъ былъ къ Цесарю, онъ же и полкъ Измайловскій привелъ въ изрядной регулярной порядокъ и въ лучшую отъ другихъ полковъ экзерцицію, по многихъ его къ государству трудахъ, изъ Нѣмецкихъ краевъ въ С.-Петербургъ возвратился въ тяжкой болѣзни, и просилъ Всемилостивѣйшую Государыню, чтобъ отпущенъ былъ въ деревню его, Дерптскаго уѣзду, въ мызу Ряпину. А при отъѣздѣ, призвалъ онъ всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ, со всѣми прощался и поѣхалъ въ послѣднемъ состояніи своего здоровья и, по прибытіи въ свою деревню, какъ было извѣстно, все домовое распорядя добропорядочно, того году, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, умре. Человѣкъ былъ великаго разума, имѣлъ склонность къ правосудію, къ подчиненнымъ, казалось, былъ строгъ, только въ полку ни единой человѣкъ не штрафованъ приказомъ его, а всѣ въ великомъ страхѣ находились. И такой человѣкъ, какъ оной графъ Левенволдъ, съ справедливыми поступками и зѣло съ великимъ постоянствомъ, съ смѣлостію, съ столь высокими добродѣтели, рѣдко рожденъ быть можетъ. Онъ же при жизни Его Императорскаго Величества, блаженныя памяти Государя Петра Великаго, былъ Его Величества генералъ-адъютантомъ и много употребленъ бывалъ отъ Его Величества въ посылки. Въ жизни своей оной графъ фонъ Левенволдъ имѣлъ охоту къ ружью и охотникъ былъ до лошадей. И такъ я объ ономъ описалъ, какъ подлинное мое есть примѣчаніе безстрастно; ибо я у него въ особливой милости не былъ и чрезъ его рекомендацію никакой милости въ авантажъ свой не получалъ, только писалъ въ сей моей запискѣ изъ почтенія, видя въ жизни моей такова достойнова человѣка, которой, паче своей славы, общее добро, то есть правдолюбіе, наблюдалъ, что̀ мнѣ случилось видѣть и симъ засвидѣтельствовать.

И когда оной Левенволдъ былъ шталмейстеромъ, тогда общимъ проектомъ съ оберъ-камергеромъ фонъ Бирономъ, да генераломъ Волынскимъ, представили Государынѣ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, чтобъ въ государствѣ конскіе заводы размножить, и потому немалое число жеребцовъ и кобылъ куплено въ Нѣмецкихъ краѣхъ и опредѣлено по заводамъ, и конскіе покои, по проекту Артемья Петровича Волынскаго, построены. Симъ лучшій порядокъ при заводахъ учрежденъ, и 1734 году повелись въ государствѣ лучшія лошади [37]). Оные Левенволдъ, Биронъ и Волынской, великіе были конскіе охотники и знающіе въ оной охотѣ. И съ того времени знатные господа, графъ Николай Ѳедоровичъ Головинъ, князь Куракинъ и другіе, немалымъ иждивеніемъ собственные конскіе заводы завели, а до сего великая была скудость въ Россіи въ лучшихъ лошадяхъ верховыхъ и каретныхъ.

Тогожъ году Россійской корпусъ, тысячъ до 30, подъ командою генерала-аншефа фонъ Лессія и генерала-поручика и гвардіи Измайловскаго полку подполковника Кейта, отправился въ цесарскую помощь противъ Французовъ, и пришли въ команду принца Евгенія, генералиссимуса цесарской Римской имперіи, и были подъ командою его при рѣкѣ Рейнѣ.

Тогожъ году Ея Императорское Величество изволила повелѣть Ея Величества генералъ-адъютанту, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку подполковнику, Густаву фонъ Бирону, выбравъ изъ четырехъ полковъ гвардіи знатное дворянство, и паче достаточныхъ содержаніемъ въ лучшемъ экипажѣ, и со онымъ Густавомъ фонъ Бирономъ отправлены были къ той войнѣ на Рейнъ волонтирами, которые были при командѣ онаго принца Евгенія.

Тогожъ году война между цесарскою Римскою имперіею и Франціею прекращена, и какъ г. генералъ фонъ Лессій съ корпусомъ, такъ и оной Густавъ фонъ Биронъ съ волонтирами, во отечество свое возвратились.

Августа 15, Ея Императорское Величество изволила объявить себя полковникомъ въ Измайловской полкъ, чего ради со знаменами собранъ былъ полкъ на Васильевскомъ острову въ лагерь, и объявилъ лейбъ-гвардіи подполковникъ Ушаковъ.

Во окончаніи того году генералу-аншефу и кавалеру ордену Св. Апостола Андрея фонъ Вейсбаху, велѣно съ корпусомъ вступить въ Крымъ, которой предъ тѣмъ походомъ умеръ; а послѣ его смерти, ге-

---

[37]) О конскихъ заводахъ см. указъ 1731 Мая 25 и 26, и выше примѣчаніе 34.

нералу-поручику Леонтьеву, которой отъ мѣстечка Царицынки и вступилъ въ степь; но не дошедъ Крымской Перекопи, за позднымъ временемъ, безъ всякаго воинскаго дѣйства, возвратился.

Въ 1736 году генералъ-аншефъ Лессій пожалованъ генералъ-фельдмаршаломъ и съ цесарскимъ корпусомъ пришелъ для атаки города Азова, а генералъ фельдмаршалъ графъ фонъ Минихъ весною взялъ Крымскую Перекопь и ходилъ въ Крымъ и столичной городъ Бахчисарай разорилъ; а Лессій, чрезъ нѣсколько недѣль, городъ Азовъ въ великое разореніе привелъ, и принуждены были Турки на капитуляцію отдаться, а жители и военные люди отпущены въ Царьградъ, и такими выигрыши въ первой годъ Турецкой войны счастливыя дѣйства оказались.

Того лѣта въ Санктпетербургѣ жестокой пожаръ былъ, двѣ Морскія улицы сгорѣли и гостиной дворъ; отъ того времени во оныхъ улицахъ каменное строеніе началось.

И въ исходѣ того года оба генералъ-фельдмаршалы, Минихъ и Лессій, позваны въ Санктпетербургъ для консиліи о военныхъ дѣйствахъ противъ Турокъ.

Въ 1737 году лейбъ-гвардіи Преображенскаго, Семеновскаго и Измайловскаго полковъ тремъ, по баталіонамъ, сказанъ походъ къ арміи, въ команду генералъ-фельдмаршала и кавалера графа Миниха, и Конной гвардіи три роты. Оной лейбъ-гвардіи деташементъ былъ подъ командою лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подполковника и Ея Императорскаго Величества генералъ-адъютанта барона фонъ Бирона.

Предъ тѣмъ походомъ была перемѣна въ чинахъ. Я тогда изъ адъютантовъ пожалованъ въ капитаны-поручики, Генваря 22 дня 1737 года; адъютантомъ былъ 6 лѣтъ и 4 мѣсяца, и командированъ въ походъ.

Оной деташементъ выступилъ въ походъ Генваря 27 дня и продолжались въ походѣ до рандеву Маія по 11 число. Рандеву было за Днѣпромъ, недалеко отъ мѣстечка Переволочны, при новосдѣланной крѣпости, которая именована по тому мѣсту Мишурной Рогъ, и, по собраніи арміи, выступили въ походъ къ Турецкому городу Очакову. Тогда регулярнаго войска было 110 тысячъ, да не регулярныхъ казаковъ Донскихъ, и Запорожскихъ, и Малороссійскихъ, немалое число.

И какъ лейбъ-гвардія, по сдѣланному на баркахъ мосту черезъ рѣку Днѣпръ перешла ко арміи, тогда генералъ-фельдмаршалъ графъ Минихъ, генералъ-фельдцейхмейстеръ принцъ Гессенъ-Гомбургской и многіе генералитеты, выѣхали смотрѣть, какъ гвардія къ арміи имѣетъ маршъ. Тогда велъ гвардію маіоръ Гампфъ и, какъ увидѣлъ генералъ-фельдмаршала, велѣлъ гвардіи знамена ему уклонить до земли, чего не

надлежало и противно воинскому уставу и, какъ послѣ подполковникъ Биронъ прибылъ, за то маіору чинилъ выговоръ, и послѣ того никогда гвардія знаменами не укланивала, и никому, кромѣ Государя, не должно.

Тогожъ году Маія 29 числа въ Москвѣ былъ великой пожаръ: въ Кремлѣ и въ Китаѣ горѣло, и въ Бѣломъ городѣ; многое число дѣлъ въ коллегіяхъ погорѣло, а особливо въ вотчиной; такожъ Божіихъ церквей многое число погорѣло.

Вскорѣ послѣ того въ Санктпетербургѣ, на Адмиралтейской сторонѣ, въ Миліонной улицѣ, еще великой пожаръ былъ.

Приходя къ городу Очакову, какъ перешли рѣку Бугъ, маршъ былъ зѣло трудной, потому что шли безводными мѣстами, сженою степью, и отъ великихъ жаровъ чрезвычайно армія въ трудахъ находилась, и скотъ въ слабости былъ.

Верстъ за 40 до города, въ степи, двухъ Турковъ поймали наши легкія войски, то-есть 28 Іюня, которые показали, что воономъ городѣ гарнизонъ великой, болѣе 20 тысячъ человѣкъ военныхъ.

Въ день праздника Свв. Апостолъ Петра и Павла, то-есть, 29 числа, непріятель армію встрѣтилъ конницею въ немаломъ числѣ, которой весьма храбро началъ военное дѣйствіе, однако скоро отъ арміи отбитъ и ретировался въ городъ; а наши легкія войски, съ резервомъ регулярныхъ, до самыхъ воротъ, тѣхъ храбрыхъ учтиво проводили. Оной непріятель обыкновенно увозитъ мертвыя тѣла; но гораздо, за учтивость Россійскаго оружія, и обычай свой перемѣнить принужденъ былъ, и множество тѣлъ въ степи осталось.

И вся наша армія, зѣло съ тяжкимъ трудомъ, на вечеръ стала къ городу приближаться, и видѣнъ былъ форштатъ въ Очаковѣ. Турки оной зажгли, гдѣ ихъ всѣ загородные дворы, и съ преизрядными садами и гульбищами, сгорѣли. А наша армія, съ темнотою ночною къ городу пришедъ, обступила городъ кругомъ и, какъ пришли, въ ружье остановились, не смотря на салютацію съ города изъ пушекъ, и тако до свѣта въ ружьѣ пребыли.

Іюля 30 вся армія въ лагерь вступила отъ залива морскова, что́ слыветъ Лиманъ, и до Чернаго моря, и того числа къ лагерю вылазка была; но Турки отбиты съ урономъ.

На 1 число Іюля въ ночи, для дѣланія шанцевъ, 10 тысячъ человѣкъ нашего войска, да для закрытія 10 же тысячъ, пошли къ городу, а по утру Турецкія вылазки начались, и въ непрестанномъ сраженіи чрезъ оружіе были, а на вечеръ непріятель крѣпко сѣлъ въ городѣ, и тогожъ 1 числа и лейбъ-гвардія въ готовые шанцы вступила.

Со стороны Россійской непрестанно началось бомбардированіе, и отъ того, во время ночи, неоднажды въ городѣ загоралось; однако всегда тушено было. А какъ часто отъ нашихъ бомбъ стало загораться и всегда пожаръ тушили, тогда генералъ-фельдмаршалъ принялъ резолюцію, чтобъ изъ шанцевъ выступить и приступить къ палисаднику, дабы непріятель, оставя городъ пожару, самъ для обороны города, въ бой вступилъ, что́ и учинилось: на первомъ часу дня жестокая баталія происходила, гдѣ со стороны нашей 3,700 человѣкъ побито и немалое число ранено; убито лейбъ-гвардіи два капитана, Толстой и Лавровъ; генералъ-поручикъ Кейтъ жестоко раненъ въ ногу, и много генералитета ранено.

И армія наша по прежнему въ шанцы вступила, а между тѣмъ отъ нашихъ бомбъ подорвало въ городѣ порохъ, и такой сильной пожаръ учинился въ городѣ, что народъ принужденъ былъ изъ города бѣжать въ море и укрываться отъ стрѣльбы въ водѣ, и какъ послѣ еще подорвало отъ бомбъ стѣну, тогда города Очакова командиръ Ягія-сераскиръ-паша, принужденъ былъ выслать чаушъ-баша, т.-е. плацъ-маіора, просить генералъ-фельдмаршала о времени для написанія капитуляціи, которому отказано, и на крѣпко ему приказано, чтобъ сдались на дискрецію, а буде мѣшкать станутъ, то силою оружія, безъ пощады, къ тому принуждены будутъ. И какъ скоро оной возвратился въ городъ, тогда сераскиръ-паша, со многими знатными людьми, не стерпя въ городѣ великаго отъ пожара зноя, вышелъ и принятъ плѣнникомъ, и при немъ съ будущими, въ дивизію генерала-аншефа Румянцова, а другіе на близъ стоящія у городской стѣны галеры посѣли: одна галера ушла въ море, а другая пробита была изъ нашихъ полевыхъ пушекъ, потонула и съ людьми.

И тако городъ Очаковъ взятъ 2 числа Іюля мѣсяца 1737 года, то-есть въ Субботу, въ 2 часу по полудни, и къ вечеру Турецкое войско выведено, а 3 и 4 чиселъ убрались въ городѣ, и генералъ-фельдмаршалъ отправилъ съ вѣдомостью къ Ея Императорскому Величеству въ С.-Петербургъ, а 4 числа вся армія была въ парадѣ: въ церкви лейбъ-гвардіи былъ благодарной молебенъ; троекратно для оной викторіи стрѣляли бѣглымъ огнемъ.

И оной сераскиръ, со всѣми знатными, былъ отданъ въ лейбъ-гвардію, къ которому для караула опредѣленъ я безсмѣнно, да безсмѣнножъ въ команду мою, лейбъ-гвардіи полковъ, Семеновскаго поручикъ Иванъ Майковъ, и Преображенскаго подпоручикъ Алексѣй Татищевъ, и еще пять человѣкъ гвардіи офицеровъ, которые смѣнялись.

А 5 числа, оставя въ городѣ надлежащій гарнизонъ, армія въ походъ вступила и продолженъ былъ маршъ, всею арміею вмѣстѣ, до

рѣки Буга, а перешедъ Бугъ, генералъ Румянцовъ и гвардіи подполковникъ Густавъ фонъ Биронъ отпущены отъ арміи съ деташементомъ, гдѣ и гвардія вся и кавалеріи часть, и весь полонъ, которой и приведенъ въ границы Россійскія. А изъ города Нѣжина, со онымъ сераскиромъ и знатными Турецкаго войска служители, отправленъ я, 26 Сентября, въ С.-Петербургъ, и велѣно ѣхать съ поспѣшеніемъ, и 26 Октября пріѣхалъ со онымъ въ Петербургъ.

А Ноября 4 числа, по именному Ея Императорскаго Величества указу, отправленъ я изъ Кабинета въ Турецкую землю къ верховному визирю, гдѣ онъ обрѣтается; а со мною отъ плѣннаго сераскира отправлены письма и, по военному обращенію, нужнѣйшія дѣла.

И какъ я пріѣхалъ въ Кіевъ, то услышалъ, что къ городу Очакову приходило войско Турецкое, и городъ атаковали, точію съ превеликимъ урономъ отъ города отбиты, а въ городѣ сидѣлъ генералъ-майоръ фонъ Штофельнъ. Я наѣхалъ на оное Турецкое войско, марширующее къ Бѣлогородской ордѣ, за рѣкою Днѣстромъ.

Декабря 5 пріѣхалъ я на Дунай, гдѣ Турки меня приняли, яко Поляка; понеже я тогда былъ въ Польскомъ убранствѣ, того ради, чтобъ въ пути Турки не учинили вреда. А какъ за Дунай переѣхалъ, тогда командиру Турецкому объявилъ, что я Россійской присланной, который препроводилъ меня въ городъ Сакчь [38]), гдѣ былъ верховной визирь, и, по докладу верховному визирю, объявлено мнѣ, что 6 числа Декабря въ вечеру будетъ мнѣ аудіенція.

И въ городъ я ввезенъ за Турецкимъ конвоемъ ночью, и тогдажъ на 6 число въ ночи, верховный визирь присланными изъ Царяграда взятъ подъ караулъ и повезенъ въ Царьградъ: извѣстно было за то, что не взялъ Очакова, а команда подунайская до времени приказана сераскиръ-пашѣ Кончаку, которой обрѣтался въ городѣ Хотинѣ, съ 400 верстъ разстояніемъ отъ Сакчи, къ которому меня и повезли. И по привозѣ, ввезенъ я былъ въ городъ ночьюжъ. Онъ имѣлъ со мною по двои сутки конференцію и сбиралъ консиліумъ, отправлять ли меня въ Царьградъ; а послѣ объявлено мнѣ при собраніи многихъ пашей, чтобъ я письма отдалъ, а самъ ожидалъ отвѣта въ городѣ Хотинѣ. Мнѣ тогда паче всего нужда была вѣдать, пойдутъ ли зимою Татары къ Россійской линіи, что̀, съ Божіею помощію, увѣдавъ, донесъ Россійскому Кабинету. Вѣдомость моя, что въ 40 тысячахъ Татары и въ 8 тысячахъ Арнауты идутъ съ 10 числа Декабря къ Россійской линіи,

---

[38]) Исакчи.

пришла въ Петербургъ 12 Генваря, и по той вѣдомости осторожность учинена отъ линіи, и не допустя непріятельской корпусъ разбитъ и съ великимъ урономъ ретировался. За тоё вѣдомость пожалованъ я, заочно, старшимъ капитаномъ 1738 году Генваря 18 дня, а возвратился въ Петербуръ Марта 3 числа и, какъ пріѣхалъ, всемилостивѣйшая Государыня пожаловала мнѣ 400 червонныхъ, кои у меня остались.

И паки въ Турецкую войну я возвратился къ командѣ въ Украину и, ѣдучи черезъ Москву, помолвилъ жениться на вдовѣ Титовой, а по отцѣ Головцыной, Аннѣ Васильевой дочери, и тотъ же день, изъ дома отъ нея, въ путь отправился, какъ выше явствуетъ, въ Турецкую кампанію.

Господа генералъ-фельдмаршалы, графъ Минихъ и Лессій, для консиліи, отъ арміи призваны были въ Петербургъ и по послѣднему зимнему пути поѣхали къ арміямъ.

Графа Миниха команда, въ началѣ весны, собралась на Мишурномъ Рогу и пошла въ походъ, и чрезъ нѣсколько до рѣки Буга дошла, и непріятель не показывался; а какъ за рѣку Бугъ перешла, вскорѣ о непріятелѣ слухъ полученъ, а 8 числа Іюля, тысячахъ въ 60, пришелъ къ Россійской арміи; но отводные караулы, собравшись на предѣлы онаго, отпоръ учинили. Потомъ вскорѣ подспѣшили наши гусары, лейбъ-гвардія пѣхотная и армейскіе полки, и немедленно въ бой вступили, и непріятель въ скорости ретироваться началъ и отдалился въ степь, а непріятель былъ конной. Уронъ съ обѣихъ сторонъ не весьма большой былъ: нашихъ гусаровъ поручикъ Стояновъ раненъ, да писарь раненъ и отъ раны умеръ; гусаровъ побито на мѣстѣ 18 человѣкъ.

И отъ того времени непріятель часто около арміи показывался и непрестанно ее утруждалъ въ разныхъ мѣстахъ тревогами и зѣло мѣшалъ идти; въ походѣ, особливо при переправахъ, чинилъ великую остановку, и отъ времени до времени скотъ, которой отъ медленнаго походу и отъ того, что всегда былъ въ запряжкѣ, а когда отпрягутъ, то непріятель начнетъ тревожить, приведенъ въ крайнюю слабость. И такъ принуждены были держать его всегда въ баталіонкаре. Когда же прошли Польское мѣстечко Соврань и стали приближаться къ рѣкѣ Днѣстру, тогда непріятель зѣло частыя тревоги началъ производить, и всегда были въ частомъ сраженіи. А какъ пришли къ рѣкѣ Днѣстру, жары были великіе и частое утружденіе отъ непріятеля, отъ чего немалая слабость въ арміи стала показываться, а паче скотъ весьма ослабѣлъ. А на другой сторонѣ рѣки Днѣстра видимъ былъ Турецкой лагерь.

Въ ночи отъ нашей арміи нѣсколько тысячъ командировано къ рѣкѣ Днѣстру, и пришедъ намѣрены дѣлать шанцы, точію берегъ былъ зѣло крѣпкой, по большей части камень и земля весьма крѣпкая, и за тѣмъ дѣланіе шанцевъ оставлено, и начали Турецкой лагерь бомбадировать, отъ чего Турки перенесли его далѣе. А какъ стало разсвѣтать, командированные наши возвратились въ лагерь, а къ полудни всею арміею назадъ маршъ воспріятъ. А къ Бендерамъ, видя въ арміи слабость, походъ отложенъ.

Тогда Турки близъ рѣчки Билочи жестокое нападеніе учинили, и конница, посадя пѣхоту за собою на лошадей, подвозила; однако всегда отбиты были. Съ нашей стороны непріятель непрестанно въ полонъ бралъ, не силою, но крадучи, гдѣ увидитъ слабо или безоружейныхъ. И отъ того времени зѣло тяжкой походъ армія имѣла, потому что непріятель отъ нея не отлучался, которымъ проводникамъ мы не очень рады были, и отъ непрестанныхъ тревогъ зѣло утруждены, а паче наше фуражированіе нужное происходило. Однажды, на фуражировъ второй дивизіи, команды генералъ-поручика Загряжскаго, нападеніе учинено, и людей до 700 побито и въ полонъ взято, за что́ онъ, генералъ, преданъ былъ воинскому суду, и полковникъ Тютчевъ, которой командовалъ фуражирами. И, по воинскому суду, генералъ написанъ въ драгуны, а полковникъ разстрѣлянъ [39]). И паче непрестанныя нападенія непріятельскія были; изъ гвардіи нѣсколько солдатъ непріятель нечаянно побралъ, и моей роты одинъ взятъ былъ.

Возвратный походъ арміи отъ часу труднѣе становился: полтретья дня она маршировала къ Польшѣ лѣсами, чрезъ великія дефилеи, безводными мѣстами, отъ рѣчки Билочи до рѣчки Каменки; но за великою трудностью и отъ того, что скотъ слабѣлъ, всею арміею не могли дойтить; принуждены остановиться въ безводномъ мѣстѣ, и за водою тысячъ 12 командировали, и оная команда едва не атакована была отъ непріятеля, съ великой поспѣшностію прибыла къ арміи и воды зѣло мало привезла.

---

[39]) Манштейнъ пишетъ, что за нѣсколько дней до перехода Русскаго войска черезъ Бугъ, непріятель почти совсѣмъ не показывался, и потому не наблюдали большой предосторожности. Симъ обстоятельствомъ воспользовался Аккерманскій султанъ. Ночью подошелъ онъ съ значительною толпою къ Русскому стану и засѣлъ въ глубокомъ буеракѣ. Черезъ день послѣ сего Загряжскій послалъ фуражировъ подъ прикрытіемъ 800 человѣкъ пѣхоты и драгунъ, но только для соблюденія формы, ибо не предвидѣлъ никакой опасности. Фуражиры, опередивъ прикрытіе, разсѣялись по всему полю. Татары, выскочивъ изъ засады, изрубили человѣкъ до 500 и столько же увели въ плѣнъ. Вмѣстѣ съ Загряжскимъ были разжалованы: бригадиръ князь Кантакузинъ и майоръ, посланный съ прикрытіемъ. Послѣдній служилъ рядовымъ только нѣсколько мѣсяцевъ, а оба первые были прощены не прежде какъ по заключеніи мира.

Того жъ числа, раздавъ людямъ необходимо воды и напоивъ скотъ, съ нуждою походъ воспріятъ; съ половины дня и всю ночь маршъ продолжался до рѣчки Каменки, и какъ пришли къ рѣчкѣ Каменкѣ, тогда удовольствовались водою. А отъ вышеписанной нужды немалое число скота пропало; чего ради нѣсколько провіанта, да отъ артиллеріи ящиковъ и аммуничныхъ вещей, за слабостію скота, что везть не въ состояніи, пожжено, а ядра въ землю зарывали.

И, отдохнувъ нѣсколько при оной рѣчкѣ Каменкѣ, маршировали близъ Польши, и до самой рѣки Буга въ трудномъ маршѣ обрѣтались, и непріятель всегда провожалъ насъ. И подходя къ рѣкѣ Бугу, онъ нечаянно напалъ на табуны и немалое число въ полонъ побралъ, а послѣ того наши Донскіе казаки и гусары имѣли съ непріятелемъ сраженіе и, побивъ немалое число непріятеля, въ лагерь возвратились.

И дошедъ до рѣки Буга и переправясь чрезъ оную, маршъ продолжался до самыхъ границъ благополучно.

И пришедъ къ рѣкѣ Днѣпру, у мѣстечка Канёва, на приготовленныхъ судахъ переправились черезъ Днѣпръ и пошли по винтеръ-квартирамъ: баталіоны, Преображенской въ Батуринъ, Семеновской въ Борзну, Измайловской въ Нѣжинъ, а Конной гвардіи три роты въ мѣстечко Коробъ, въ винтеръ-квартиры вступили.

И осенью былъ отпускъ въ домы до 1 числа Апрѣля 1739 года. Тогда и я отпущенъ въ Москву и, пріѣхавъ, на назначенной невѣстѣ, вдовѣ Титовой, 10 Декабря, публично сговорилъ жениться.

Генваря 7 дня 1739 года я женился на ней, а вѣнчался въ церкви, что́ слыветъ Сергія на Трубѣ, и, благополучно окончавъ брачное веселье и исправясь своими нуждами, поѣхалъ съ Москвы въ Украйну, гдѣ баталіонъ винтеръ-квартиру имѣетъ, въ Нѣжинъ, Марта 10 числа, и съ женою.

А прибывъ въ Нѣжинъ, 14 Апрѣля въ походъ пошли къ Кіеву, и прошедъ Кіевъ, стояли нѣсколько въ лагерѣ, по тракту въ Польшу, къ мѣстечку пограничному Василькову, въ урочищѣ Левахахъ, откуда я жену отпустилъ въ Москву, а самъ при арміи въ Польшу въ походъ пошелъ. Тогда жена моя первою дочерью Настасьею была брюхата.

Армія имѣла походъ черезъ Польшу, и оной походъ весьма благополученъ былъ. Прошедъ знатной въ Польской Подоліи городъ Каменецъ, которой и слыветъ Подольской, армія переправилась черезъ Днѣстръ на сторону Волошскаго государства и, отшедъ отъ рѣки Днѣстра, стала въ лагерь.

Іюля 22 Турецкой сераскиръ Кончакъ-паша съ лучшимъ Турецкимъ войскомъ напалъ на нашихъ фуражировъ. Лейбъ-гвардія, отъ арміи пришедъ въ сикурсъ имъ, въ жестокой бой вступила, и происходила съ обѣихъ сторонъ баталія. Взятъ тогда мурза Татарской въ нашу сторону въ полонъ, у котораго нога была отбита изъ пушки, и оной же въ третій день умре [10]). При томъ случаѣ уронъ немалой на обѣ стороны былъ [11]).

А армія отъ того мѣста продолжала маршъ Волошскими деревнями къ Турецкому городу Хотину. Въ маршу были весьма тѣсныя мѣста, гдѣ армія съ трудностью проходила, особливо артиллерія и экипажи. Пропитаніе Волошскою землею весьма было довольно отъ того, что непрестанно къ арміи скота множественнымъ числомъ пригоняли; и самой лучшій волъ, или хорошая корова, цѣною въ рубль продавалась, а баранъ въ гривну, а самой лучшій въ четыре алтына. Скоту полеваго корму и воды всегда было довольно. И тако во оной изобильной землѣ, во время марша, никакой нужды не имѣли.

Августа 14 показался непріятель отъ Хотина, а 15, то есть въ праздникъ Успенія Божіей Матери, на первому часу дня, отслушали литургію; понеже въ вечеру приказъ былъ, чтобъ готовились къ дѣлу, и нѣкоторые по должности христіанской пріобщились Святыхъ Таинъ.

Армія вступила въ маршъ рано, а передъ полуднемъ непріятель показался, и армія стала въ лагерь. До самой ночи легкое наше войско въ напрестанномъ находилось сраженіи съ непріятелемъ; а 16 числа, поутру рано, армія въ маршъ вступила и около полудня непріятеля догнали, которой отъ нашихъ пушекъ и бомбъ былъ принужденъ взять ретираду. А на вечеръ сталъ видимъ быть, на проходающей дорогѣ по горѣ къ городу Хотину, великой Турецкой лагерь, при деревнѣ, Тоучанахъ [12]), и, не доходя до онаго на перестрѣлъ пушечной, Россійская армія въ лагерь стала часа за четыре до ночи.

Турки начали изъ пушекъ стрѣлять, однако ядра не доставали, а нашъ г. генералъ-фельдмаршалъ графъ фонъ Минихъ и генералъ-аншефъ Левендаль Турецкой лагерь и построенныя ихъ батареи довольно обсервовали; а къ вечеру отданъ былъ приказъ, чтобъ къ онымъ

---

[10]) О семъ мурзѣ говоритъ и Манштейнъ, называя его Аліемъ и умнымъ человѣкомъ.

[11]) По словамъ Манштейна, со стороны Русскихъ было убито 54, да ранено 115 человѣкъ. Но на Манштейна не слишкомъ можно полагаться, ибо онъ многія обстоятельства описываетъ совершенно превратно и часто сбивается во времени.

[12]) Ставучанахъ.

батареямъ и къ лагерю на приступъ были готовы. А поутру рано. къ батареямъ учинена была фальшивая атака, и какъ Турки увидѣли, что противъ батарей идутъ готовы къ атакѣ, къ тому мѣсту всѣ силы пріумножили. А по усмотрѣнію генералъ-фельдмаршала, велѣно маршировать прямо къ Турецкому лагерю у рѣки Прута, на неукрѣпленной флангъ, Карлу Бирону, а за нимъ пошли тудажъ тѣ, которые были къ атакѣ готовы. И какъ скоро Турки оной промыслъ предусмотрѣли, то оборотили глаза свои на то мѣсто, повезли пушки и начали дѣлать батарею; но то усмотрѣніе ихъ стало поздно. А Россійская армія построилась противъ того мѣста въ ордеръ-баталіи и, видя, что и Турецкая пѣхота къ баталіи готовится, тотчасъ начала дѣйствовать наша артиллерія, которою командовалъ артиллеріи полковникъ князь Дадьянъ, зѣло съ добрымъ распорядкомъ, и немедленно новозачатая Турецкая батарея совсѣмъ отъ нашихъ пушекъ разорена, и Турки, видя то мѣсто безнадежнымъ, что свободной въ лагерь входъ наша артиллерія учинила, учредя пѣхоту янычаръ, яко ихъ лучшее войско, въ три колонги, а со фланговъ конница, на нашу армію прямо пошли. Тогда я имѣлъ честь служить капитаномъ и командовалъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка третьею ротою. И янычары пришли противъ лейбъ-гвардіи къ самымъ рогаткамъ, и съ обѣихъ сторонъ жестокой огненной бой начался; однако Турки не стерпя побѣжали, оставя немало побитыхъ, а Россійская армія, съ великимъ авантажемъ, поднявъ рогатки, пошла за ними къ лагерю и, безъ всякаго сопротивленія, взошли на высокую гору и овладѣли лагеремъ Турецкимъ и всѣми батареями и на нихъ пушками; а непріятель, съ великою торопностію, побѣжалъ прямо къ рѣкѣ Пруту, оставя и городъ Хотинъ безъ защищенія.

Турецкая армія оной укрѣпленной лагерь, разстояніемъ отъ Хотина за 10 верстъ, имѣла и обнадежилась въ ономъ Россійскую армію остановить и къ Хотину не допустить; но въ томъ обманулась.

Поляки, какъ наши сосѣди, тогда смотрѣли, отъ кого будетъ выиграна баталія, и назади Польскаго войска до 40 тысячъ собрано было. Сохранилъ насъ Господь и далъ великой авантажъ надъ непріятелемъ; а думать было надобно, ежели бъ Турки выиграли, то бъ и Поляки имъ помогли.

И тако, Божіею милостію и разумнымъ распорядкомъ нашего полководца, та генеральная баталія въ полѣ выиграна и лагерь взятъ со всѣмъ, что̀ въ немъ находилось. И то славное дѣло, 1739 года Августа 17 дня, въ Пятницу, послѣ полудни, благополучно окончилось, и съ нашей стороны зѣло мало урону было.

Когда къ Турецкой арміи шли, 16 и 17 числа поутру, вставъ изъ лагеря къ самому воинскому дѣлу пошли, которой день генеральною баталіею Турецкая война окончилась: то во оные числа орлы предъ арміею Россійскою, не быстро, но плаваніемъ, въ обои вышесказанныя числа летали, и яко предводители оказывались впередъ летаніемъ. Сіе самъ я, довольно видя, засвидѣтельствую, и хотя я въ томъ суевѣрнаго примѣчанія не имѣю, только и сіе почитаю древнихъ исторій сходно: ибо въ примѣчаніи, какъ и точно, въ 4 книгѣ Курція, въ главѣ 59, на страницѣ 483, о томъ примѣчаніи пишется.

И тако на 18 число въ томъ лагерѣ мы ночевали; а поутру, въ 9 часу по полуночи, оставя обозы съ довольнымъ прикрытіемъ, къ Хотину пошли, однако не дошедъ, предусмотря довольной кормъ и воду, ночевать остановились. А дорогою, отъ разгнанной Турецкой арміи вездѣ побросано, пушки, порохъ и ядры, и множество возовъ съ провизіею и съ прочимъ. А 19 числа, часу въ 10 по полуночи, пошли мы къ городу Хотину и, какъ на поле вышли, то увидѣли Турковъ, которые высланы отъ Кончака сераскиръ-паши, съ прошеніемъ, что онъ въ городѣ съ малыми людьми остался и сдать городъ обѣщаетъ; ибо-де, для защищенія города, бывшій при арміи сераскиръ-Вели-паша не устоялъ и со всѣмъ войскомъ ушелъ.

Тогоже дня, когда къ городу пришли, то онъ паша и самъ къ фельдмаршалу выѣхалъ и со всѣми военными людьми на дискрецію Ея Императорскаго Величества отдался, прося, чтобъ женъ ихъ и дѣтей отпустить въ Турецкую землю, что̀ и учинено; 20 числа городъ Россійскимъ карауломъ принятъ, и всѣ плѣнные выведены къ Днѣстру рѣкѣ.

На другой день, то есть 21 Августа, армія была въ парадѣ; взятые пушки и бунчуки привезены были лейбъ-гвардіи къ полковой церкви; по окончаніи литургіи отправлялся благодарной молебенъ, и троекратно армія изъ мелкаго ружья стрѣляла бѣглымъ огнемъ, и изъ Турецкихъ пушекъ стрѣляли же трижды.

Оной Кончакъ-паша съ генералъ-фельдмаршаломъ кругомъ всей арміи объѣхали, и Кончакъ-паша говорилъ: «Ежели бы сіе войско не такъ хорошо было, то бъ сераксиры Турецкіе въ Россійскомъ лагерѣ не находились». Генералъ-фельдмаршалъ фонъ Минихъ оныя слова велѣлъ перевесть въ слухъ, чтобъ присутствующимъ слышно было.

Въ ономъ городѣ Хотинѣ Россійское войско немалое число въ добычу получило разныхъ вещей, и того дня лейбъ-гвардіи штабъ и оберъ-офицеры въ городѣ обѣдали у генералъ-фельдмаршала.

И на вечеръ лейбъ-гвардія и отъ арміи два полка пѣхотныхъ, Великолуцкой и Ярославской, и нѣсколько драгунскихъ, командиро-

ваны за Днѣстръ въ конвой за плѣнными Турками, и оной деташементъ, подъ командою лейбъ-гвардіи подполковника фонъ Бирона, чрезъ Польшу къ Кіеву въ маршъ вступилъ.

А генералъ-фельдмаршалъ графъ фонъ Минихъ со арміею, оставя гарнизонъ въ Хотинѣ, пошелъ въ походъ Волошскаго государства къ Яссамъ, которыми безъ противности отъ непріятеля овладѣлъ, и съ арміею изъ Волошской земли возвратился въ послѣднихъ числахъ Ноября въ Россію.

А мы съ показаннымъ деташементомъ и съ полономъ Турецкимъ пришли въ Кіевъ въ Сентябрѣ, и отъ туда пошли въ Нѣжинъ, и нѣсколько бывъ въ Нѣжинѣ, гвардіи баталіоны и конная команда пошли въ Октябрѣ въ Москву.

Въ томъ же 1739 году, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, не стало брата моего большаго Петра Александровича, и погребенъ въ Москвѣ въ Петровскомъ монастырѣ.

Ноября 8 пришла гвардія въ Москву, и велѣно ей быть въ Москвѣ до указу.

Декабря 18 родилась у меня первая дочь Настасья по полудни въ 1 часу. Крестилъ оную Александръ Григорьевичъ Строгоновъ съ княгинею Екатериною Григорьевною Троекуровою.

И послѣ того черезъ двѣ недѣли гвардіи баталіоны и конная команда пошли въ Петербургъ.

Въ началѣ 1740 года, Генваря 27 дня, лейбъ-гвардія, по прибытіи изъ Турецкихъ походовъ, имѣла походъ въ С.-Петербургъ, которую велъ гвардіи подполковникъ Густавъ фонъ-Биронъ. Штабъ и оберъ-офицеры, такъ какъ были въ войнѣ, шли съ ружьемъ, со примкнутыми штыками; шарфы имѣли подпоясаны; у шляпъ, сверхъ бантовъ, за поля были заткнуты кукарды лавроваго листа, чего ради было прислано изъ дворца довольно лавроваго листа для дѣланія кукардовъ къ шляпамъ: ибо въ древнія времена Римляне, съ побѣды, входили въ Римъ съ лавровыми вѣнцы. И было учинено въ знакъ того древняго обыкновенія, что съ знатною побѣдою надъ Турками возвратились. А солдаты такія жъ за полями примкнутыя кукарды имѣли, изъ ельника связанныя, чтобы зелень была.

Маршъ начался отъ Московской Ямской ко дворцу. Тогда, во весь маршъ, съ начала зимы, чрезвычайные морозы были, паче обыкновенныхъ зимъ, и тотъ день, какъ былъ входъ, былъ морозъ и зѣло съ жестоко-проницательнымъ вѣтромъ. И оной маршъ продолжался мимо дворца; а противъ дворца, къ Армиралтейству, сдѣланъ былъ, въ знакъ студеной зимы, ледяной домъ высокою работою и съ преизрядными въ немъ фигурами, и около онаго поставлены были пушки,

мортиры, все леденое, и сдѣланъ былъ льдяной слонъ, что́ весьма была куріозная фигура. И мимо того дома походная гвардія маршировала и, обшедъ по берегу Невы рѣки кругомъ дворца, у дворцовыхъ воротъ свернули знамена и распустили по квартирамъ, а штабъ и оберъ-офицеры позваны ко двору, и какъ пришли во дворецъ, при зажженіи свѣчъ, ибо цѣлой день въ той церемоніи продолжались, тогда Ея Императорское Величество, наша всемилостивѣйшая Государыня, въ рединѣ галлереи изволила ожидать. И какъ подполковникъ со всѣми въ галлерею вошедъ, нижайшій поклонъ учинили, Ея Императорское Величество изволила говорить сими словами: «Удовольствіе имѣю бла«годарить лейбъ-гвардію, что, будучи въ Турецкой войнѣ, въ надлежа«щихъ диспозиціяхъ, господа штабъ и оберъ-офицеры тверды и при«лежны находились, о чемъ я чрезъ генералъ-фельдмаршала графа «Миниха и подполковника Густава Бирона извѣстна, и будете за свои «службы не оставлены».

Выслушавъ то монаршеское слово, паки нижайше поклонились и жалованы къ рукѣ, и Государыня изъ рукъ своихъ изволила жаловать каждаго Венгерскимъ виномъ по бокалу, и съ тѣмъ высокомонаршескимъ пожалованіемъ отпущены.

И тогожъ Генваря 27 дня объявленъ былъ, къ вечеру, Турецкой миръ, и палили изъ пушекъ; а 28 и 29 чиселъ, всѣ походные штабъ и оберъ-офицеры трактованы во дворцѣ богато за убранными столами, и по два дни обѣдали и потчиваны довольно; въ 30 же число соизволила Государыня всемилостивѣйше указать всѣмъ прибывшимъ изъ похода Турецкаго гвардіи унтеръ-офицерамъ и капраламъ ко двору быть, и жалованы къ рукѣ, и оные, за тоё военную службу, отъ своего Государя Монарха получили благодареніе, и указано оныхъ потчивать гофмаршалу Шепелеву.

Послѣ того трактованья назначено, по именному указу, походныхъ штабъ и оберъ-офицеровъ послать со объявленіемъ о Турецкомъ мирѣ, объявя всемилостивѣйше въ указѣхъ, гдѣ будутъ объявлять оной миръ, что за вѣрную службу и храбрые противъ непріятеля поступки, кого сколько подарятъ, то, во удовольствіе за службу, могутъ получить. Я тогда посланъ былъ въ Нижегородскую губернію и, будучи при томъ объявленіи, получилъ 1350 рублей.

А въ тоё Турецкую войну два капитана гвардіи, Измайловскаго Толстой и Преображенскаго Ѳедоръ Лавровъ, убиты при атакѣ города Очакова, о которыхъ Государыня изволила довольно жалѣть, и указано: женамъ ихъ, Толстова, до возрасту дѣтей его, никакихъ исковыхъ по деревнямъ дѣлъ не вчинять; а Лавровой, хотя она осталась бездѣтна, въ родъ деревень не отдавать, а владѣть ей ими по смерть.

Ваканціи, которыя были въ походахъ, тѣ наполнены перемѣною чиновъ изъ походныхъ офицеровъ, а не изъ тѣхъ, кои не были въ походѣ, хотя и старшинство предъ нѣкоторыми имѣли, въ знакъ особливой за службу милости; такожъ и унтеръ-офицеры и капралы походные перемѣнены.

До тогожъ 1740 году была куріозная свадьба. Женился князь Голицынъ, которой тогда имѣлъ новую фамилію *Квасникъ*, для которой свадьбы собраны были всего государства разночинцы и разноязычники, самаго подлаго народа, то есть: Вотяки, Мордва, Черемиса, Татары, Калмыки, Самоѣды и ихъ жены, и прочіе народы съ Украины, и слѣдующіе стопамъ Бахусовымъ и Венеринымъ, въ подобномъ тому убранствѣ, и съ крикомъ для увеселенія той свадьбы. А ѣхали мимо дворца. Женихъ съ невѣстою сидѣлъ въ сдѣланной нарочно клѣткѣ, поставленной на слонѣ, а прочій свадебной поѣздъ выпеписанныхъ народовъ, съ принадлежащею каждому рода музыкаліею и разными игрушками, слѣдовалъ на оленяхъ, на собакахъ, на свиньяхъ. Такожъ куріозныя были сдѣланы сани, на подобіе звѣрей и рыбъ морскихъ, а нѣкоторыя во образѣ птицъ странныхъ. А подклѣтъ [43]) молодыхъ былъ въ вышеупомянутомъ льдяномъ домѣ, которой сдѣланъ былъ въ знакъ отмѣнной отъ другихъ зимъ весьма студеной зимы; но при томъ льдяномъ домѣ, для оной свадьбы и молодого съ молодою, сдѣлана была льдяная баня. На подобіе бревенъ оточенъ былъ ледъ и съ углами, какъ бревенчатому быть надлежитъ; внутри печь съ каменкою; вмѣсто каменья, оточеной ледъ; полки и лавки, и принадлежащая къ банѣ посуда, все льдяное. И какъ во льдяныхъ покояхъ молодыхъ положили, тогда баню затопили соломою. Однимъ словомъ, оная свадьба была убрана великимъ куріозомъ, что̀ было всѣмъ во удивленіе. Поѣздъ страннымъ убранствомъ ѣхалъ такъ, что весь народъ могъ видѣть и веселиться довольно, а поѣзжане каждой показывалъ свое веселье, гдѣ у котораго народа какія веселья употребляются, въ томъ числѣ города Твери ямщики оказывали весну разными высвисты по птичью. И весьма то было во удивленіе, что въ поѣзду, при великомъ отъ поѣзжанъ крикѣ, слонъ, верблюды и весь упоминаемой выше сего необыкновенной къ ѣздѣ звѣрь и скотъ, такъ хорошо служили той свадьбѣ, что нимало во установленномъ порядкѣ помѣшательства не было.

Въономъ же году, кабинетъ-министръ Артемій Петровичъ Волынской, да съ нимъ Андрей Хрущовъ и Петръ Еропкинъ взяты подъ

---

[43]) Подклѣтъ—брачная комната, браутскамера.

караулъ; люди были славные своимъ разумомъ, которые нѣсколько времени слѣдованы и 27 Іюля мѣсяца казнены смертію [14]).

Тогожъ лѣта гвардія была непрестанно въ экзерциціи, и Государыня всегда сама присутствовала при экзерциціяхъ, а въ Петергофѣ была сдѣлана земленая крѣпость, къ которой атакою приступъ былъ, и такая чинена экзерциція, какъ натурально непріятельской городъ атакуется и обороняться долженъ.

Въ ономъ же году зачаты строить въ С.-Петербургѣ гвардейскія слободы.

Послѣ того Государыня изъ Петергофа прибыла въ Петербургъ, и лейбъ-гвардіи полкамъ, предъ Ея Императорскимъ Величествомъ, чинена въ послѣдняя экзерциція съ пушечною пальбою.

А въ Октябрѣ мѣсяцѣ Государыня заболѣла и 17 тогожъ Октября, изволеніемъ Всевышняго Творца, временнаго сего житія отыде въ вѣчное блаженство.

---

[14]) Волынскій началъ военную службу при Петрѣ Великомъ, который однако же употреблялъ его и по дипломатической части, отправивъ его посломъ въ Персію. Настоящая его знаменитость начинается съ царствованія Анны Іоанновны. Она, замѣтивъ въ немъ умъ и способности, къ коимъ присоединялась и хорошая наружность, и въ особенности то обстоятельство, что онъ, при избраніи ея на престолъ, былъ на сторонѣ самодержавія, быстро возвышала его изъ степени въ степень: онъ сдѣлался эгермейстеромъ, главнымъ начальникомъ придворной конюшенской части, а въ 1738 году кабинетъ-министромъ. Тутъ онъ поссорился съ Остерманомъ, а вскорѣ потомъ навлекъ на себя злобу Бирона тѣмъ, что донесъ Государынѣ о злоупотребленіяхъ и жестокостяхъ ея любимца. Для изслѣдованія преступленій Волынскаго составили (1740 Іюня 30) коммисію изъ генераловъ; но 1 Іюля она была закрыта и составлена новая изъ генералъ-прокурора князя Трубецкаго, тайнаго совѣтника Ѳедора Наумова, генералъ-майора Ивана Бахметьева, ревизіонъ-коллегіи совѣтника Ивана Маслова, и Военной Коллегіи совѣтника Ивана Дивова. (См. Полное Собраніе Законовъ XI, нум. 8154). Въ 3 день Іюля состоялся указъ: отписный у него загородный домъ на Фонтанкѣ у Обухова моста назначить для содержанія придворной псовой охоты (см. также нум. 8157). Слѣдственная коммисія пытала его нѣсколько разъ и наконецъ осудила на жестокую смерть: вырѣзавъ языкъ посадить живаго на колъ. Но сей приговоръ былъ нѣсколько смягченъ Императрицею: въ именномъ ея указѣ 1740 Іюля 23 сказано: „Вырѣзавъ языкъ, отсѣчь правую руку, а дѣтей его сослать въ Сибирь, въ дальнія мѣста, дочерей постричь въ разныхъ монастыряхъ, и настоятельницамъ оныхъ имѣть за ними крѣпчайшій присмотръ и никуда ихъ не выпускать, а сына въ отдаленное же въ Сибири мѣсто, отдавъ подъ присмотръ мѣстнаго командира и, по достиженіи 15 лѣтняго возраста, написать въ солдаты вѣчно въ Камчатку; имѣніе же, движимое и недвижимое, отписать на Государя“. Приговоръ былъ исполненъ 27 Іюля на Сытномъ рынкѣ. Тѣло Волынскаго погребено на кладбищѣ у церкви Св. Сампсонія. Такъ кончилъ жизнь злополучный Волынскій.

Биронъ былъ неумолимъ въ преслѣдованіи своихъ враговъ. Преданіе говоритъ, что онъ, поднося Императрицѣ приговоръ суда, вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ къ подписанію два проекта указовъ: казнить или Волынскаго или его самаго.

Нащокинъ отдаетъ справедливость уму Волынскаго. Современникъ ихъ, князь Яковъ Петровичъ Шаховскій въ своихъ Запискахъ (1, 16, втораго изданія) говоритъ, что Во-

По кончинѣ же Ея Императорскаго Величества, въ правленіи государства слѣдовали многія перемѣны, даже до 1741 года Ноября по 25 число.

1741.

Въ 1741 году, отъ начала года, я продолжался у набора рекрутъ въ городѣ Ярославлѣ и, по особливому указу, набралъ въ лейбъ-гвардію нѣсколько великорослыхъ, и со оными, дабы въ пути не утрудить, велѣно идти водою, съ которыми я и пришелъ въ С.-Петербургъ 12 Іюля.

Въ томъ же году Іюля 30, на первомъ часу дня, родилась вторая у меня дочь Елисаветъ, которую крестилъ братъ мой родной Өедоръ Александровичъ съ дочерью своею Аленою въ С.-Петербургѣ.

Тогожъ году Августа 15 дня объявлена противъ Швеціи война, и первая баталія происходила подъ Шведскимъ городомъ Вильманстрандомъ, гдѣ генералъ-фельдмаршалъ Лессій счастливо выигралъ и немалое число побилъ и въ полонъ взялъ генералъ-маіора Врангеля и многихъ штабъ и оберъ-офицеровъ. И оттого до коихъ чиселъ продолжалась война, на своемъ мѣстѣ означено будетъ.

Воономъ году Ноября 25 числа, Божіимъ изволеніемъ, Ея Императорское Величество, наша всемилостивѣйшая Государыня Елисаветъ Петровна, воспріяла наслѣдственный, самодержавный, отеческій престола, судьбами Царя царствующихъ, яко же писано есть въ книгѣ

лынскій былъ изъ лучшихъ въ кабинетѣ монаршемъ дѣльцевъ, и всѣ его дѣла были истиннаго любителя отечества, славы монаршей и пользы общей. Но другій современникъ, генералъ Манштейнъ, отзывается о немъ такъ: „Человѣкъ отличнаго ума, но непомѣрнаго честолюбія, соединеннаго съ большою гордостію и величайшею неосторожностію; онъ часто каверзничалъ и во всю свою жизнь былъ безпокойнымъ человѣкомъ".

И дѣйствительно, разсматривая безпристрастно дѣла Волынскаго, можно убѣдиться, что не благо общее, а личная ненависть къ иностранцамъ погубила его. Онъ самъ подалъ поводъ къ гоненію на себя тѣмъ, что не скрывалъ ненависти своей къ Остерману и Бирону. Гордостію и жестокостью онъ раздражалъ даже людей ему преданныхъ. Но все это не оправдываетъ кровожадности Бирона, рука котораго отяготѣла даже на невинномъ семействѣ его врага.

Вмѣстѣ съ Волынскимъ погибли друзья его: тайный совѣтникъ Андрей Ивановичъ Хрущовъ и гофъ-интендантъ Иванъ Андреевичъ Еропкинъ, на сестрѣ котораго Волынскій былъ женатъ: имъ отрубили головы. Сенаторъ Мусинъ-Пушкинъ былъ лишенъ языка и сосланъ въ вѣчную ссылку; генералъ кригсъ-коммисаръ Соймоновъ, по жестокомъ наказаніи кнутомъ, посланъ въ Сибирь въ каторжную работу. Сверхъ сего, замѣшанные въ тоже дѣло, тайный секретарь Кабинета Эйхлеръ былъ битъ нещадно кнутомъ, а секретарь Зуда плетьми, и оба сосланы въ Сибирь.

Даніила Пророка, глава V, стихъ 21: «Владѣетъ Богъ Вышній царствомъ человѣческимъ, и ему же хощетъ дастъ е». И Ея Императорскому Величеству, по неизрѣченному слову Божію, тако восшествіе исполнилось.

И вскорѣ послѣ того, по слѣдствію надъ бывшимъ генералъ-адмираломъ и кабинетъ-министромъ графомъ Остерманомъ, генералъ-фельдмаршаломъ Минихомъ и кабинетъ-министромъ Головкинымъ учинено публичное наказаніе: выведены были для экзекуціи, и объявлена имъ ссылка въ дальніе города, въ Сибирь, со отобраніемъ всѣхъ чиновъ и имѣнія, а оберъ-гофмаршалъ графъ фонъ Левенволдъ посланъ такожъ въ ссылку къ Соли-Камской [45]).

Въ началѣ 1742 года Ея Императорскаго Величества вселюбезный пломянникъ, государыни цесаревны и герцогини Голстино-Готторпской сынъ, въ Петербургъ прибылъ благополучно.

Отъ того времени орденъ Святыя Анны въ Россіи оказался: въ день его высочества рожденія, Февраля 10 дня, пожалованъ многимъ.

Тогожъ года зимою изволила Государыня въ Москву идти, и пріуготовленіе было къ коронаціи, и 25 Апрѣля тогожъ года Ея Императорское Величество, по древнему предковъ своихъ обычаю, изволила короноваться, и отправлялась церемонія съ великимъ великолѣпіемъ,

---

[45]) См. Полное Собраніе Законовъ XI, нум. 8506.

Всѣ они были осуждены за то, что въ прежнія царствованія устраняли Елисавету отъ законнаго ея права на престолъ. Остерманъ и Минихъ такъ извѣстны, что я считаю излишнимъ говорить о нихъ здѣсь. Графъ Головкинъ, Михаилъ Гавриловичъ, былъ меньшій сынъ государственнаго канцлера. Супругою его была княжна Екатерина Ивановна, *послѣдняя* отрасль князей Ромодановскихъ. (При Императорѣ Павлѣ I тайн. сов. и сенаторъ Николай Ивановичъ Лодыженскій, отрасль княжеской фамиліи Ромодановскихъ по женскому колѣну, получилъ названіе князя *Ромодановскаго-Лодыженскаго*). Она добровольно послѣдовала за мужемъ въ ссылку въ Березовъ, влачила тамъ 14 лѣтъ горестную жизнь безъ всякаго ропота до самой его смерти въ 1756 году и, съ бренными останками своего супруга, возвратилась въ Москву, гдѣ и кончила жизнь 1791 Мая 20.

Левенвольдъ былъ братъ вышеупомянутаго оберъ-шталмейстера. Еще при Петрѣ Великомъ онъ былъ камеръ-юнкеромъ при супругѣ его Екатеринѣ, которая, по восшествіи своемъ на престолъ, пожаловала его въ камергеры. При Аннѣ Іоанновнѣ былъ оберъ-гофмаршаломъ и начальникомъ по соляной части. Онъ былъ всѣми любимъ за свою веселость и привѣтливость, но онъ до безразсудности любилъ играть въ карты и промоталъ почти все. Онъ былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ, вѣроятно, и кончилъ жизнь. Съ нимъ же были осуждены и наказаны: президентъ камеръ-коллегіи Менгденъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Тимирязевъ и еще нѣкоторые другіе. См. Полное Собраніе Законовъ XI, нум. 8506. Манифестъ о нихъ состоялся 22 Января 1742.

Отправленіе всѣхъ сихъ несчастныхъ было возложено на князя Якова Петровича Шаховскаго. Весьма любопытно онъ описываетъ это въ своихъ Запискахъ, представляя живой характеръ каждаго изъ сихъ государственныхъ людей.

какъ обыкновенно, при чемъ многіе получили милости въ награжденіи чиновъ, а въ лейбъ-гвардіи произведены капитаны-поручики во всѣ роты, какъ по старому стату бывало. Во всей же гвардіи перемѣна на порожнія ваканціи произведена, и потомъ маскарадное веселье происходило.

Тогожъ году Іюля 31 родился у меня сынъ въ Москвѣ, въ 12 часу пополудни, которому нарѣчено имя Доримедонтъ, а отецъ велѣлъ звать Воиномъ. Онаго изволили крестить всемилостивѣйшая Государыня съ его королевскимъ высочествомъ герцогомъ Голстинскимъ, съ любезнымъ Ея Величества племянникомъ, а крещеніе было въ придворной церкви Аннингофскаго дворца, Августа 11 дня, въ 10 часу по полудни, при чемъ случился быть Французской полномочной посолъ Шетарди. Всемилостивѣйшая Государыня изволила пожаловать крестнику 500 рублей.

Октября 1 дня, Ея Императорское Величество всемилостивѣйше изволила пожаловать меня деревнями, въ Орловскомъ уѣздѣ сельце Подзавалово и Пирожково, за бытность мою въ нѣкоторой коммисіи, и въ томъ же мѣсяцѣ посланъ на низъ въ посылку, и для исполненія даны указы за подписаніемъ руки Ея Величества.

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ тогожъ года публиковано, что Ея Императорскаго Величества вселюбезнѣйшій племянникъ титуловаться будетъ Великимъ Княземъ и всея Россіи Наслѣдникомъ.

Въ началѣ 1743 года Государыня изволила быть въ Петербургѣ, и оный годъ изволила продолжаться въ Петербургѣ неотлучно.

Въ томъ же году Іюня 18 дня, во 2 часу дня, родился у меня второй сынъ Петръ, въ сельцѣ Шипкинѣ, Костромскаго уѣзда. Крестилъ его поручикъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку Егоръ Матвѣевичъ Замятинъ съ Матреною Васильевною Овцыною.

Въ началѣ 1744 года Государыня изволила прибыть въ Москву, и во ономъ же году, въ день Святыхъ Апостолъ Петра и Павла, въ соборной Успенской церкви было духовное обрученіе его высочества государя великаго князя Петра Ѳеодоровича: изволилъ обручаться съ ея высочествомъ принцессою Ангальтъ-Цербскою, и послѣ обѣдни, въ то торжество, многіе жалованы чинами и орденами. А ея высочеству, по мνропомазаніи въ вѣрѣ каѳолической, нарѣчено имя Екатерина Алексѣевна.

Іюля 15 числа торжествованъ былъ миръ со Шведскою короною, и при томъ торжествѣ такожъ жалованы чинами и графскими титулами и деревнями. Нѣкоторые изъ придворныхъ и изъ гвардіи посланы были съ объявленіемъ мира.

Іюля 27 изволила Государыня идти въ Кіевъ, а возвратясь изъ Кіева, по первому зимнему пути изволила изъ Москвы идти въ Петербургъ.

Тогожъ году Декабря на 9 число, въ исходѣ 12 часу по полудни, родилась у меня третья дочь, которой нарѣчено имя Евгенія, а родилась ѣдучи въ Москву на Переславской дорогѣ, въ деревнѣ Дубнѣ; крестилъ ее братъ Ѳедоръ Александровичъ съ Матреною Васильевною Овцыною.

На дорогѣ С.-Петербургской, въ Хотиловскомъ яму, государь великій князь занемогъ оспою, чего ради Ея Императорское Величество изволила возвратиться изъ Петербурга во оной Хотиловской ямъ, и пока его высочество свободился отъ оспы и пришелъ въ настоящее здравіе, изволила пребыть въономъ яму до Февраля мѣсяца, и купно прибыли въ С.-Петербургъ въ началѣ 1745 года.

И той зимы публиковано было о свадьбѣ его императорскаго высочества, государя великаго князя, а лѣтомъ, т.-е. Августа 21 числа, въ высокомъ великолѣпіи и зѣло богатымъ убранствомъ, свадьба его высочества была. При томъ поставлены были полки гвардіи и армейскіе въ парадъ, и Ея Императорское Величество изволила напередъ шествовать мимо полковъ въ пребогатой каретѣ церемоніально, имѣвъ при себѣ во оной же каретѣ, напротивъ, великаго князя Петра Ѳеодоровича и обрученную Екатерину Алексѣевну, а за каретою ѣхали всѣ по классамъ, въ богатыхъ каретахъ. А вѣнчался его высочество въ церкви Казанской Богоматери, что̀ на большой перспективой, въ присутствіи Ея Величества Государыни Императрицы, и обратно, такоюжъ церемоніею, изволила возвратиться въ новой зимній дворецъ, которой подлѣ Адмиралтейства. Я при томъ парадѣ былъ за маіора.

Тогожъ года осенью, мать государыни великой княгини, принцесса Ангальтъ-Цербская, герцогиня Саксонская, изволила изъ Петербурга отъѣхать къ супругу своему въ Берлинъ.

Въ 1746 году Ея Императорское Величество изволила продолжаться въ Петербургѣ, отъѣзжая въ увеселительное приморское мѣсто Петергофъ и въ село Сарское, которое мѣсто особливо изволила жаловать.

Апрѣля 24, братъ мой Иванъ Александровичъ занемогъ, будучи въ городѣ Костромѣ, а 5 числа Маія скончался и погребенъ, 10 Маія, въ городѣ Костромѣ, въ Богоявленскомъ монастырѣ.

Іюня 21, въ исходѣ 5 часа по полуночи, въ Пятницу, родилась четвертая дочь, которой нарѣчено имя Ольга, въ С.-Петербургѣ, въ Измайловской слободѣ, въ свѣтлицахъ 12-й роты; крестилъ ее Николай

Нащокинъ, да большая ей Ольгѣ сестра Настасья. Оная во младенчествѣ умре.

Іюля 3 дня, Ея Императорское Величество изволила отбыть съ его высочествомъ государемъ великимъ княземъ и государынею великою княгинею въ Ревель и при отбытіи изволила, тогожъ числа, пожаловать генералъ-кригсъ-коммисара Апраксина въ генералы полные. И бывъ Государыня въ Ревелѣ, изволила быть въ Рогервикѣ и осматривать гавань, которая зачата была дѣлать при Государѣ Императорѣ Петрѣ Великомъ, и оттуда изволила прибыть въ С.-Петербургъ.

Тогожъ Іюля 29 числа изволила пребывать въ Петергофѣ, а въ Петербургъ изволила прибыть въ первыхъ числахъ Сентября.

Сентября 5, въ день тезоименитства Ея Императорскаго Величества, полки гвардіи и армейскіе были въ парадѣ и, по окончаніи службы Божіей, палили изъ пушекъ, а полки стрѣляли троекратнымъ бѣглымъ огнемъ.

И того дня два брата Шуваловы пожалованы въ графы. Генералитеты трактованы обѣдомъ во дворцѣ и гвардіи старшіе капитаны. Въ вечеру былъ балъ и лиминація при дворѣ и во всемъ городѣ.

Тогожъ году вся армія собрана была въ Ригѣ, кромѣ Сибирскаго корпуса; тамъ были и гусарскіе полки и нѣсколько легкаго войска, Донскихъ казаковъ и Малороссійскихъ, и Калмыковъ, которые въ разныхъ лагеряхъ лѣтовали. Главной лагерь былъ у Риги, по сю сторону Двины рѣки и за Двиною, а нѣкоторые близъ Пернова и около Пскова, а всѣ подъ командою генерала-фельдмаршала графа Лессія, которой квартиру имѣлъ въ Ригѣ, и съ нимъ генералъ-аншефъ Кейтъ, генералъ-поручикъ Бриль и прочій генералитетъ. При командахъ были: при Перновской генералъ-майоръ Брадке; при Псковской генералъ-поручикъ графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ.

Въ С.-Петербургѣ, Кронштатѣ, Петергофѣ и въ другихъ ближнихъ мѣстахъ 11 полковъ армейскихъ стояло въ лагерѣ, и употреблялись въ работу, изъ которыхъ, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, 4 полка пошли на галерахъ въ Рогервикъ, подъ командою брегадира Ивана Пашкова, и онымъ велѣно зимовать въ Рогервикѣ.

Обрѣтающіеся при С.-Петербургѣ полевые полки были въ командѣ генералъ-аншефа Ушакова.

Въ первыхъ числахъ Октября, по учрежденной диспозиціи, нѣсколько полковъ кавалеріи пошли на винтеръ-квартиры въ Малороссію, а инфантеріи и гусаровъ ничего внутрь Россіи не отпущено, а введены въ винтеръ-квартиры въ Лифляндію, Эстляндію около Пернова, и на островъ Эзель, около Пскова и Великихъ-Лукъ, и въ прочихъ мѣстахъ Остзеи и близъ лежащихъ мѣстъ, около С.-Петербурга и въ

самомъ Петербургѣ. А которые полки выше упоминаются въ Сибирскомъ корпусѣ, тѣ по прежнему, отъ 1745 года, обрѣтаются около Тобольска, подъ командою генералъ-майора Киндермана, а именно: три полка пѣхотныхъ и четыре кавалеріи.

Да тогожъ году весь корабельной флотъ былъ вооруженъ и ходилъ въ море до Рогервика и далѣе. Во флотѣ линейныхъ кораблей было 26, кромѣ фрегатовъ. Галерной флотъ былъ такожъ вооруженъ въ немаломъ числѣ, только онаго лѣта никуда не ходилъ, кромѣ, выше явствуетъ, съ четырьмя полками нѣсколько пошли въ Рогервикъ, при которой галерной командѣ былъ капитанъ Иванъ Обрютинъ.

Октября послѣ 20 числа увѣдомленось въ С.-Петербургѣ, что отправившійся въ Рогервикъ бригадиръ Пашковъ съ четырьмя полками на галерахъ шелъ отъ Кронштата до Березовыхъ острововъ благополучно, а отъ оныхъ, за позднимъ осеннимъ временемъ, непрестанно въ маршу терпѣлъ отъ противной погоды штормъ, и съ немалою трудностію, не дошедъ до Фридериксгама, которой городъ въ послѣднюю Шведскую войну завоеванъ въ подданство Ея Императорскаго Величества, далѣе за погодою идти не могъ, а принужденъ былъ пристать къ Финляндскому берегу и репортовалъ о томъ обстоятельствѣ въ С.-Петербургъ. И оной командѣ велѣно расположиться по квартирамъ во Фридериксгамскомъ уѣздѣ, а для оной команды на галерахъ провіанта мукою взято было довольно, а къ галерному флоту отъ той команды надлежащій караулъ опредѣленъ, и галеры поставлены для зимованія въ удобномъ мѣстѣ. Сіе было случай, войски куда были командированы, а погодою занесло ихъ въ другое мѣсто; тутъ имъ зимовать нужно было для предопасности отъ Швеціи.

Тогожъ времени изъ С.-Петербурга поѣхалъ ко двору Прусскому бывшій здѣсь Прусской посолъ Мардафельдъ, которой въ Россіи былъ болѣе 20 лѣтъ.

Тогдажъ посланы изъ Петербурга лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку прапорщикъ Дмитрій Матюшкинъ, и еще одинъ Семеновскаго, да двое конной гвардіи офицеровъ, во Швецію, которымъ велѣно быть при учрежденномъ отъ Россійскаго императорскаго двора полномочномъ послѣ г. Корфѣ, въ свитѣ посольской, дворянами посольства; понеже въ Швеціи назначенъ рейстагъ, то есть государственный съѣздъ, и при томъ будетъ вышеобъявленной Россійской полномочной посолъ.

Тогожъ году въ Польшѣ сеймъ въ Варшавѣ, при которомъ отъ Россійскаго двора министръ г. графъ Михайло Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ.

Въ исходѣ сего года я именнымъ указомъ отпущенъ въ домъ свой.

Въ Генварѣ мѣсяцѣ 1747 года извѣстіе было о Россійскомъ полномочномъ послѣ господинѣ Корфѣ, которой при собраніи въ Стекголмѣ сейма обрѣтается, что оной живетъ въ Стекголмѣ весьма славно и пребогатой имѣетъ столъ, при которомъ непрестанно обрѣтается Шведской націи немалое число шляхетства и офицерства. Объ ономъ послѣ нѣкоторые Шведской націи разглашаютъ, будто бы онъ то чинитъ для приглашенія въ партію свою, о чемъ отъ него ко двору Шведскому о таковыхъ пригласителѣхъ протестовано было, на что политически отъ двора Шведскаго отвѣтствовано: «Понеже онъ посолъ союзническаго двора, и Шведской дворъ признаваетъ его такъ, какъ доброжелателя къ коронѣ Шведской, то никакова сумнѣнія о немъ Россійскомъ послѣ не имѣетъ». А на кого тотъ протестъ слѣдовалъ, какъ слѣдствія не произведено, то и оставлено безъ сатисфакціи; а послѣ одинъ генералъ-майоръ Шведской и другіе разныхъ чиновъ разглашаютъ тожъ и по днесь, яко бы Россійской посолъ немалую сумму денегъ употребляетъ прибирая партію, чтобъ были съ его стороны на сеймѣ. Какой отъ сего произойдетъ впредъ случай, на своемъ мѣстѣ означено будетъ.

Тогожъ году Февраля 7 числа пріѣхалъ я въ Ярославль съ моею фамиліею, и сталъ въ квартирѣ содержателя полотняной фабрики г-на Дмитрія Максимовича Затрапезнаго, а 8 числа обѣдалъ у бывшаго въ Россіи регента, Курляндскаго и Семигальскаго герцога, фонъ Бирона, которой въ Ярославлѣ съ своею фамиліею живетъ въ арестѣ. Оной герцогъ подарилъ меня буланымъ жеребцомъ, цѣною рублевъ до ста, весьма годной къ заводу. И Февраля 10 числа мы съ нимъ герцогомъ обѣдали въ домѣ г. Затрапезнаго, а послѣ обѣда отправился я въ свою Костромскую деревню, въ сельцо Шишкино.

Съ начала сего года, указомъ Ея Императорскаго Величества, Великія Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны, велѣно со всего государства, съ написанныхъ по переписи въ подушной окладъ, собирать подать по новой ревизіи, а по старой ревизіи до сего году платежъ кончился.

Тогожъ году изданъ Ея Императорскаго Величества указъ, чтобъ съ начала году набирать рекрутъ, со 121 души, и въ томъ указѣ въ началѣ напечатано, что Ея Императорское Величество, наша всемилостивѣйшая Государыня и Самодержица, Елисаветъ Петровна, о приращеніи Имперіи какое попеченіе всемилостивѣйше имѣетъ, о томъ каждому извѣстно, и въ такомъ благонамѣренномъ видѣ указано армію умножить 50 тысячъ человѣкъ. И оной указъ о наборѣ рекрутъ и умноженіи арміи полученъ въ городъ Кострому, такожъ и о сборѣ

по новой ревизіи съ душъ драгунскихъ и подъемныхъ лошадей, Февраля 18 дня.

Февраля 23 дня въ село мое Шишкино пріѣхалъ епископъ Костромской и Галицкой Селивестръ. Оной родомъ Малороссіецъ и отъ фамиліи Кулябко; а съ нимъ архимандритъ Костромскаго Богоявленскаго монастыря Ѳеодосій; при томъ Костромской воевода Александръ Ивановъ сынъ Кайсаровъ съ секретаремъ, прозваніемъ Сербинъ, да города Ярославля полотняной фабрики содержатель Иванъ Затрапезной и другіе; а изъ купечества, Костромскаго магистрата президентъ Степанъ Бѣлой съ прочими. И онаго числа обѣдали, и за столомъ, когда поздравленія ради за государское здоровье пили, тогда немалое число брошено шлаговъ. И такъ оной день въ веселіи препровожденъ, а къ вечеру на воротахъ и въ другихъ пристойныхъ мѣстахъ зажжены были фонари, а среди двора поставлены были высокою перемидою бочки съ смолою, и къ вечеру зажжены, и не однажды метали шлаги.

А 24 числа, поутру, преосвященный епископъ ѣздилъ на погостъ, которой отъ двора моего разстояніемъ 440 сажень, и осматривалъ ветхость церкви. При томъ отъ меня подано прошеніе, чтобъ мнѣ строить церковь каменную во имя Спаса Преображенія Господня, близъ дома моего усадьбы Шишкина. И по пріемѣ онаго прошенія паки со всѣми возвратился въ домъ мой, и обѣдали, а послѣ обѣда всѣ разъѣхались. Я тогда весьма былъ радъ, что благословлено строить церковь близъ самой усадьбы моей означеннаго Шишкина.

А 28 Февраля, его преосвященство епископъ Селивестръ, изъ консисторіи своей, о строеніи церкви, по прошенію моему, благово. лилъ и указъ прислать, при благословенномъ письмѣ своемъ ко мнѣ-

Тогожъ году, въ продолженіе мое въ усадьбѣ Шишкиной, при отправленіи всенощнаго бдѣнія, 17 числа Маія, въ день недѣльной, пришедъ со святыми иконы на назначенное мѣсто, гдѣ быть строенію церкви соборной во имя Спаса Преображенія Господня и другимъ въ трапезѣ придѣламъ (первой во имя Божіей Матери Покрова, а второй, Великаго Святителя Василія) еже при отправленіи водоосвященія, прося Его вышняго благословенія, священническими руками начатъ ровъ копать, а при томъ я съ женою и дѣтьми моими, дочерьми Настасьею и Елисаветою, съ сыновьями Воиномъ и Петромъ, и со всѣми дома моего домочадцы, послѣдовали копанію рва. И со означеннаго числа подрядчикомъ съ каменщики началась производиться работа фундамента къ строенію церкви.

Каковы писаны письма къ преосвященному епископу Селивестру Костромскому и Галицкому и ко архимандриту Костромскаго Богоявленскаго монастыря Ѳеодосію, со оныхъ прилагается здѣсь копія.

И по вышеписаннымъ письмамъ, 28 дня Маія, по благословенію его преосвященства, для закладу церкви, архимандритъ Ѳеодосій, къ обѣдни, къ погосту Спаса Преображенія пріѣхалъ и служилъ литургію, а по отпускѣ литургіи, со святыми иконы, шелъ со священники въ сельцо Шишкино, и гдѣ быть церкви, на оное пришедъ мѣсто, обыкновенное служеніе при закладываніи церкви отправлялъ и заложилъ кирпичемъ во всѣхъ углахъ, а гдѣ быть престоламъ поставилъ кресты. И при оной службѣ Божіей наречено быть престоламъ: въ соборной во имя Спаса Преображенія Господня; въ трапезѣ, въ правую сторону, Покрова Божія Матери, а въ лѣвую—Василія Великаго Кесаріи-Каппадокійскаго. И тако заложили церковь въ день вышеписаннаго 28 числа Маія 1747 года, въ Четвертокъ, въ день праздника Вознесенія Господня, и память того дня преподобнаго епископа Никиты Халкидонскаго.

Послѣ закладыванія церкви, архимандритъ Ѳеодосій, города Костромы воевода, и штабъ и оберъ-офицеры пріѣзжіе, обѣдали и, благодаря Бога, радуясь, съ довольнымъ угощеніемъ, на вечеръ того же дня поѣхали. Видимо было той ночи немалое число стороннихъ разныхъ деревень мужеска и женска полу, кои, усердствуя церкви Божіей, производили всю ночь работу ношеніемъ кирпича.

Іюня 18, Костромскаго уѣзда, въ усадьбѣ Шишкиной, какъ строилась каменная церковь и выдѣлано было по окошки, въ Четвертокъ, по полудни въ 5 часу, родился у меня сынъ, которому наречено имя дядино Ивана Александровича, а моего любезнаго брата, для лучшей памяти, и тогожъ Ангела торжество тезоименитства Іюня 24 числа. Оной сынъ Иванъ родился съ великою трудностію, паче многихъ, рожденныхъ прежде его.

Іюля 4 новорожденный сынъ Иванъ крещенъ. Воспріемникомъ былъ преосвященнѣйшій Селивестръ, епископъ Костромской и Галицкой: крестъ положилъ золотой съ мощами, преизрядной работы; воспріемницею своячина моя Матрена Васильевна Овцына. И того дня, въ усадьбу Шишкино пріѣхали изъ города воевода, штабъ и оберъ-офицеры, и канцелярскіе служители, и онаго числа обѣдали, и того дня по обѣдѣ, преосвященный поѣхалъ, а прочіе остались и пробыли до 6 числа Іюля, и обѣдавъ разъѣхались.

Іюля 9, поутру, въ Костромской деревнѣ, въ усадьбѣ Шишкиной, получено изъ Москвы письмо отъ брата Ѳедора Александровича, что не стало матушки нашей Ульяны Васильевны Іюня 25 числа, во второмъ часу по полудни, и погребена 27 числа въ Петровскомъ Высокомъ монастырѣ, что̀ близъ Петровскихъ воротъ.

Августа 15 изъ села Шишкина поѣхалъ я къ сроку въ Петербургъ. Пріѣхалъ тогожъ Августа 30 числа, и тотъ же день, получивъ отсрочку до Генваря 748 года и пашпортъ, поѣхалъ изъ Петербурга 1 числа Сентября, въ Костромскую свою деревню, въ село Шишкино, куда пріѣхалъ Сентября 12 числа.

Сентября 14, въ день праздника Воздвиженія честнаго Креста Господня, поставленъ крестъ на трапезѣ на новостроющейся церкви при селѣ Шишкинѣ.

Сего года набраны вновь баталіоны, которые и мундированы, и опредѣлены къ полкамъ, и отъ сего времени учреждены въ арміи трехбаталіонные полки.

Сего жъ году армія, по большей части, около Риги и Ревеля и по Лифляндіи, лагерь имѣла, и по винтеръ-квартирамъ, по границѣ и внутрь государства введены.

Въ Ригѣ генералъ-фельдмаршалъ фонъ Лессій и генералъ-аншефъ князь Василій Никитичъ Репнинъ.

Обрѣтающійся корпусъ около Тобольска подъ командою генералъ-майора Киндермана, по прежнему, былъ въ Сибири.

Генералъ-аншефъ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подполковникъ и орденовъ Св. Апостола Андрея и Александра Невскаго кавалеръ Кейтъ, которой въ Россійскую службу вступилъ при второмъ Императорѣ 1728 году, чрезъ рекомендацію полномочнаго бывшаго при Россійскомъ дворѣ Испанскаго посла Дука де Лиріи, которой тогда славою богатства и знатною природою превосходилъ всѣхъ обрѣтающихся пословъ и жилъ въ Москвѣ превосходно, и домъ его, въ уборахъ и расходахъ великою обширностію состоялъ, а Кейтъ изъ полковниковъ принятъ генералъ-майоромъ, и съ того году получилъ въ Россіи означенные чины, а сего 1747, въ Іюлѣ мѣсяцѣ, взялъ абшидъ и поѣхалъ въ Англію, служа 19 лѣтъ при Россійской арміи. Онъ былъ подчиненными весьма любимъ и человѣкъ немалаго искусства и всегда съ доброю резолюціею былъ.

Россійской полномочной посолъ г. Корфъ до сего обрѣтается въ Стекгольмѣ, при Шведскомъ дворѣ, и отъ стороны Шведской новости никакой нѣтъ.

И сего года Россійской флотъ, корабельной и галерной, были вооружены и къ походу готовы, точію далѣе своихъ береговъ никуда не ходили.

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ въ Москвѣ извѣстіе получено, по взятіи абшида изъ Россійской службы генерала Кейта, какъ онъ чрезъ Прусскую землю ѣхалъ въ свое отечество, Прусской король призвалъ его

въ свою службу, и при арміи Прусской пожалованъ генераломъ-фельдмаршаломъ.

И тако новостей болѣе сего года не происходило знатныхъ случаевъ, точію въ окончаніи года, Декабря 5 дня, государственная кунстъкамера въ С.-Петербургѣ горѣла, гдѣ и многія знатныя вещи сгорѣли.

Генваря 1 числа 1748 году, всемилостивѣйшимъ именнымъ Ея Императорскаго Величества указомъ произведены лейбъ-гвардіи:

Въ Измайловской полкъ въ подполковники изъ преміеръ-майоровъ, генералъ-майоръ и ордена Св. Анны кавалеръ Іосифъ *Гампфъ*, въ генералъ-майоры и въ тотъ же полкъ. Въ преміеръ-майоры изъ секундъ-майоровъ, того жъ ордена кавалеръ *Гурьевъ*, а на мѣсто его въ секундъ-майоры изъ капитановъ Василій *Нащокинъ*, а былъ капитаномъ десять лѣтъ. Да въ секундъ же майоры изъ капитановъ Гаврило *Рахмановъ*.

Въ Преображенскомъ: изъ секундъ-майоровъ въ премiеръ-майоры и въ генералъ-майоры, Ѳедоръ Ушаковъ. Въ секундъ-майоры Андреянъ Лопухинъ, да князь Александръ Меншиковъ, того жъ полку изъ капитановъ.

Въ конной гвардіи: Ѳедоръ Головинъ, Иванъ Салтыковъ, изъ секундъ-майоровъ въ генералъ-майоры, и посланы къ армейской командѣ.

Семеновскаго: капитанъ Григорій Полозовъ въ армію въ брегадиры.

А прочіе въ лейбъ-гвардіи полковъ офицеры, по поданнымъ докладамъ, произведены всѣ выпеписаннаго числа на порожнія ваканціи.

А въ армію произведено генералитета и въ полковники немалое число, а сколько въ новой 1748 годъ произведено, при семъ прилагается печатная вѣдомость для подлиннаго извѣстія.

По полученнымъ вѣдомостямъ извѣстно, что во Франціи произведено генералитета немалое число для приготовленія къ войнѣ 1748 году, а въ Голландіи произведено: генераловъ полныхъ, отъ кавалеріи 4; генераловъ-поручиковъ, отъ кавалеріи 12, отъ инфантеріи 30; генералъ-майоровъ, отъ кавалеріи 11, отъ инфантеріи 47; отъ гвардіи подполковникъ и генералъ-поручикъ; гвардіижъ майоры, генералъ-майоры.

Такой великой перемѣны чинамъ въ Европѣ рѣдко бываетъ, или когда и бываетъ сіе произвожденіе, то для военной операціи.

Февраля 10-го я, по прибытіи изъ Москвы въ Петербургъ, благодарилъ въ зимнемъ дворцѣ всеподданнѣйше Ея Императорское Величество за новопожалованной чинъ гвардіи майорской, при чемъ Ея Величество всемилостивѣйше спрашивать изволила, каковъ я въ своемъ здоровьи? На что отъ меня донесено о болѣзни, которую имѣю

отъ давнихъ лѣтъ, и временемъ бываетъ лучше, а временемъ тяжелѣ. На сіе сподобился слышать освященное монаршеское слово: «Будь здоровъ; я тебѣ желаю больше чину». Симъ обрадованной, я раболѣпственно поклонился къ ногамъ Ея освященнаго Величества, всемилостивѣйшей Государыни.

Сего жъ продолжающагося Февраля 21 числа, я вступилъ въ должность майорскаго правленія при полку, и принялъ дежурство отъ генералъ-майора и гвардіи майора Ивана Гурьева.

Въ Февралѣ же мѣсяцѣ, въ помощь къ Цесарскому войску и союзнымъ державамъ, Англіи и Голландіи, противъ Французскаго, пошло въ походъ Россійскаго войска чрезъ Польшу 37.000 тремя колонами и при томъ генералитетъ: шефъ князь Василій Никитичъ Репнинъ; генералъ поручики Юрій Ливенъ, Василій Лопухинъ; генералъ-майоры Штуартъ, Броунъ, да генералъ-майоры и гвардіи майоры Ѳедоръ Головинъ, Иванъ Салтыковъ, и при томъ въ коммисаріатскомъ правленіи генералъ-майоръ Орловъ; при той же командѣ еще опредѣленъ генералъ-майоръ Воейковъ.

Для какого прошенія и резоновъ оное войско послано въ помощь къ союзнымъ державамъ, при семъ для достовѣрнаго извѣстія печатная вѣдомость.

Маія 10 изъ Москвы въ Петербургъ получена вѣдомость, что того числа жестокой пожаръ былъ: начиная отъ Лубянки, гдѣ церковь Гребенской Богородицы, горѣло до Яузкихъ воротъ и за Яузу до Андроникова монастыря. Послѣ же того безпрестанныя письмы подтверждали, что въ разныхъ мѣстахъ, ежедневно и черезъ день, были жестокіе пожары, отъ чего жители въ великій страхъ пришли и принуждены изъ домовъ въ поля выѣзжать, пока такое несчастіе кончилось. Послѣдній пожаръ былъ 26 числа Маія. Для предосторожности отъ пожаровъ и сыску о зажигальщикахъ посланъ изъ Петербурга съ именнымъ указомъ генералъ-майоръ и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку майоръ и кавалеръ Ѳедоръ Ушаковъ.

Іюля 3 дня командированъ я былъ отъ всѣхъ гвардіи полковъ съ командою въ Петергофъ, для бытности тамъ Ея Императорскаго Величества, и 4 числа со всею командою на галерахъ пришелъ, и съ надлежащимъ карауломъ ко двору, а прочая команда въ лагерь вступила. Конной гвардіи команда пришла берегомъ и поставлена въ дворовыя квартиры. По расположеніи всего, велѣно мнѣ у двора обѣдать. Тогда я имѣлъ счастіе при столѣ Ея Императорскаго Величества обѣдать, при Высочайшемъ Ея Величества присутствіи; а потомъ рекомендовано было отъ оберъ-гофмаршала, чтобы я обѣдалъ съ кавалерами за столомъ маршальскимъ.

Тогожъ году, въ 14 день Іюля, въ полдень, въ стоящемъ при Петергофѣ съ командою лагерѣ видимо было всѣми солнце въ затмѣніи, отъ чего лучъ свѣтила, отмѣнною темнотою, былъ подобенъ, какъ бываетъ близъ ночи при закатѣ, или еще темнѣе, и свѣтъ солнечной не весьма ясенъ былъ. Таковое затмѣніе продолжалось близъ трехъ часовъ пополудни, и оное случилось мнѣ, въ жизни моей, въ первой разъ видѣть, и всѣмъ, обрѣтавшимся тогда при томъ. И для достопамятнаго извѣстія, въ журналъ не оставилъ внесть.

Въ тожъ продолженіе въ Петергофѣ, въ собственномъ приморскомъ дворцѣ, отъ Петергофа въ трехъ верстахъ, въ 25 день Іюля, въ присутствіи всемилостивѣйшей Государыни, священа была церковь.

Въ Петербургъ возвратился я съ командою 28 Іюля.

Августа 14 въ С.-Петербургѣ получено отъ обрѣтающейся въ Нѣмецкихъ краѣхъ Россійской арміи извѣстіе, что Іюля 27 числа генералъ-фельдцейхмейстеръ и надъ оною арміею главной шефъ князь Василій Никитичъ Репнинъ заболѣлъ, а 29 тогожъ Іюля скончался параличною болѣзнію. Человѣкъ былъ весьма умной и ученой, особливо инженерству и фортификаціи, точію нрава былъ горячаго, и имѣлъ честное правосудіе, за что́ многими нелюбимъ былъ.

Сегожъ году въ Малороссіи чрезвычайная была саранча и, какъ хлѣбъ еще на корню, такъ и траву, и въ болотахъ тростникъ, все безъ остатку поѣла, отъ чего произошла крайняя нужда въ хлѣбѣ и въ скотскомъ корму.

Тогожъ году, въ Августѣ мѣсяцѣ, писано, что въ Нѣмецкихъ краѣхъ, а паче въ Шлезіи, чрезвычайно ужасными стадами летѣла саранча и все поѣла, чего ради печатныя газеты, для увѣренія въ будущее время, при семъ прилагаются.

Графъ Кирила Григорьевичъ Разумовской пожалованъ лейбъ-гвардіи въ Измайловской полкъ подполковникомъ, Сентября 5 дня.

При семъ состоявшійся указъ о чинахъ штабъ-офицерскихъ въ лейбъ-гвардіи. О томъ прошеніе было мое, будучи секундъ-майоромъ, да Преображенскаго полку майора Лопухина, и по оному имѣлъ стараніе и докладывалъ генералъ-аншефъ, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку подполковникъ и кавалеръ Степанъ Θедоровичъ Апраксинъ.

Въ исходѣ сегожъ году, Декабря на 16 число, въ 1 часу пополуночи, всемилостивѣйшая Государыня Императрица Елисаветъ Петровна изъ С.-Петербурга въ Москву идти изволила, и государь великій князь съ государынею великою княгинею туда жъ изволили идти.

А по отсутствіи, лейбъ-гвардіи полковъ по одному майору и по одному отъ полку баталіону въ Москву пошли. Тогда я съ Измайлов-

скимъ баталіономъ выступилъ въ оной походъ 28 Декабря, и тѣмъ теченіе 1748 году кончилось.

Въ Москву баталіонъ пришелъ 1749 году Генваря 23 дня.

Марта 4 дня, поутру, скончался въ Москвѣ генералъ-аншефъ, сенаторъ, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку подполковникъ и кавалеръ орденовъ Св. Андрея Первозваннаго и Александра Невскаго, графъ Александръ Ивановичъ Румянцовъ, который служилъ сначала въ Преображенскомъ полку съ 1704 года, изъ дворянъ небогатыхъ, Кинешемской помѣщикъ, произшелъ изъ солдатства всѣми нижними чинами. Въ царствованіе великаго Императора Петра Алексѣевича, онъ употребленъ былъ въ разныя и нужныя посылки и былъ Его Величества генералъ-адъютантъ. По милости своей къ нему женить его изволилъ на сенаторской дочери графа Матвѣева, а за то, что онъ небогатъ, пожаловалъ его въ тотъ же Преображенской полкъ майоромъ, и въ 1718 году пожаловалъ его описанными послѣ Кикина немалыми деревнями, потомъ брегадиромъ и генералъ-майоромъ, а въ 1724 году посланъ былъ съ знатною свитою полномочнымъ посломъ въ Царь-градъ, отъ куда и въ Персію проѣхалъ и продолжался до 1730 году; а въ 1731, въ началѣ царства Государыни Императрицы Анны Іоанновны, въ Москву пріѣхалъ и пожалованъ въ Преображенской полкъ подполковникомъ и генералъ-адъютантомъ при Ея Величествѣ, и въ томъ же 1731 году впалъ въ несчастіе и, со отобраніемъ всѣхъ чиновъ, со всею фамиліею посланъ въ свои деревни жить безвыѣздно, при чемъ и караулъ былъ; а въ 1736 году прощенъ и пожалованъ въ Казань губернаторомъ, отъ куда посыланъ былъ съ командою въ Башкиры для прекращенія бунта отъ Башкирцевъ. Въ 1737 году всѣ чины и орденъ Св. Александра Невскаго отданы, и былъ онъ генераломъ-аншефомъ при дивизіи въ походѣ Турецкомъ и при взятіи города Очакова, и во всю Турецкую войну, во всѣхъ походѣхъ, первымъ генералъ-аншефомъ. А въ 1740, по замиреніи съ Турками, посланъ полномочнымъ посломъ въ Царьградъ съ великою свитою, и дано было ему знатное иждивеніе, и жилъ онъ тамо, какъ извѣстно, весьма славно. А при вступленіи на престолъ Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны пожалованъ орденомъ и послѣ гвардіи въ Преображенской полкъ подполковникомъ и посланъ былъ въ Финляндію на конгресъ Шведской главнымъ, а по возвращеніи отъ туда и по окончаніи конгреса, съ полезнымъ миромъ возвратился, и при торжествѣ Шведскаго мира пожалованъ графствомъ и немалыми деревнями въ Лифляндіи, и былъ сенаторомъ, а вышеписаннаго числа умеръ 69 лѣтъ и погребенъ въ Москвѣ въ Златоустовскомъ монастырѣ съ великимъ церемоніаломъ. При погребеніи былъ баталіонъ лейбъ-

гвардіи Преображенскаго полку и два полка пѣхотные. Жизнь оказывалъ пріятную къ людямъ и паче касающееся до компаніи; человѣкъ сложенія веселаго и такъ честно окончилъ жизнь. А по безпристрастному разсужденію о немъ, болѣе былъ счастливъ, нежели къ таковымъ высокимъ дѣламъ способенъ. Въ генеральскомъ чину былъ безъ диспозиціи, только имѣлъ смѣльство добраго солдата; а посолъ съ добрымъ легаціонсъ-секретаремъ; сенаторъ, что̀ другіе, то и онъ; что̀ прошло въ долголѣтнее его житіе, памятно умѣлъ расказать, и то болѣе простаго обхожденія. Въ Турецкихъ походѣхъ, гдѣ я самъ былъ, въ конциліумахъ, на той сторонѣ совѣтъ свой утверждалъ, гдѣ былъ главной начальникъ. Въ томъ походѣ отъ генералъ-фельдмаршала не любимъ былъ.

Полки, кои были въ помочи Цесарской, возвратились къ границѣ весною сего года; тамо будучи, военное дѣйствіе нигдѣ не произведено.

Іюня 4, всемилостивѣйшая Государыня изволила идти къ Троицѣ, по всевысочайшему усердію, пѣшкомъ, расположа по пяти верстъ въ день.

Іюня 11, по приложенной при семъ диспозиціи ученіе было, которую диспозицію ученія, и по оной представлена была экзерциція и происходила безъ помѣшательства, и для вѣдома о происхожденіи сообщается диспозиція при семъ.

Іюля 5, въ Среду, въ Москвѣ родился сынъ четвертой, пополуночи въ 4 часу, которому наречено имя Александръ. Празднованіе тезоименитства его Августа 30 дня; въ тотъ же день празднуется пренесеніе мощей Александра Невскаго.

Іюля 29 новорожденной мой сынъ крещенъ. Воспріемникомъ былъ графъ Михаилъ Ларіоновичъ Воронцовъ, государственный вице-канцлеръ, дѣйствительный камергеръ, лейбъ-компаніи поручикъ, орденовъ Александра Невскаго, Св. Анны, Польскаго Бѣлаго Орла и Прусскаго Чернаго Орла кавалеръ. При томъ воспріемницею присутствовала графиня Екатерина Ивановна Разумовская, супруга президента Десіенцъ-Академіи, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку подполковника, дѣйствительнаго камергера, орденовъ Александра Невскаго, Св. Анны и Польскаго кавалера, Кирила Григорьевича Разумовскаго, по отцевской фамиліи дочь Ивана Львовича г. Нарышкина.

По окончаніи крещенія обѣдали, и при томъ присутствіи графъ Кирила Григорьевичъ пожаловалъ пасынка моего Ѳедора Титова, изъ капраловъ фуріеромъ, которому отъ роду 14 лѣтъ; а дѣтей моихъ, Воина и Петра, капралами, которымъ отъ роду, Воину 7 лѣтъ, а Петру 6, да племянника Николая Овцына, 13 лѣтъ, въ капралы жъ.

Августа 15 получена въ Москвѣ чрезъ газеты вѣдомость изъ Некепинга, что на островѣ Масѣ, въ Ютландіи, близъ западнаго моря, четверо рыбаковъ, въ ночи на 12 число онаго мѣсяца, будучи на рыболовномъ промыслѣ, поймали, противъ чаянія, такъ называемую сирену, или морскую женщину. Оное морское чудовище походитъ сверху на человѣка, а снизу на рыбу; цвѣтъ на тѣлѣ желтоблѣдной; глаза были затворены; на головѣ волосы черные, а руки заросли между пальцами кожею, такъ какъ гусиныя лапы. Думаютъ, что то животное живо было. Какъ рыбаки примѣтили, что въ сѣть особливое нѣчто попалось, то вытащили ее на берегъ съ великимъ трудомъ, причемъ всю сѣть изорвали. Туточные жители сдѣлали чрезвычайную бочку и, наливъ ее соленою водою, морскую женщину туда посадили; такимъ образомъ надѣются сберечь отъ согнитія. Сіе въ записку внесено потому, что хотя о чудахъ морскихъ многія фабулы бывали, а сіе за истину увѣрить можно, что оное морское чудовище есть такъ удивительное поймано.

Октября 13, въ Четвертокъ, построенную въ селѣ Шишкинѣ, Костромскаго уѣзда, каменную церковь, во имя Преображенія Господня, святилъ оной епархіи преосвященный Селивестръ Кулябка; да въ той же новопостроенной церкви два придѣла освящены въ тотъ же день.

Декабря 14 числа, его высочество государь великій князь, съ великою княгинею, изволилъ идти изъ Москвы въ Петербургъ, пополуночи въ 11 часу.

Декабря 15, Ея Императорское Величество изволила отъѣхать изъ Москвы въ Петербургъ, пополуночи въ 12 часу.

Тогожъ числа публикованъ въ Москвѣ указъ, чтобъ во всемъ государствѣ соль продавать по положенной съ сего времени указной цѣнѣ, по 35 копѣекъ пудъ.

Тогожъ 15 числа Декабря указъ о продажѣ горячаго вина во всемъ государствѣ одною же цѣною, ведро по 1 р. 88 копѣекъ, а съ чарки ведра, по 1 р. 98 копѣекъ.

И тѣмъ 1749 годъ заключенъ.

Генваря 1, въ день новаго 1750 года, въ С.-Петербургѣ, всѣ знатныя особы, Россійскія и иностранныя, съѣхались пополуночи въ 10 часовъ, въ зимній Императорской домъ, для поздравленія съ новымъ годомъ. Ея Императорское Величество изволила слушать обѣдню въ придворной церкви, а послѣ литургіи, прибывъ въ апартаменты, принесено отъ всѣхъ Ея Величеству поздравленіе, и жалованы къ рукѣ, и потомъ, кому надлежало по классамъ, при дворѣ обѣдали.

Генваря 17 скончался генералъ-фельдмаршалъ сенаторъ и орденовъ Св. Апостола Андрея и Александра Невскаго кавалеръ, князь

Иванъ Юрьевичъ Трубецкой, 84 лѣтъ отъ рожденія своего. Перваго вступленія въ войну съ Свейской короною, 1700 года, подъ Нарвою былъ онъ генералъ-майоромъ и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку подполковникомъ, а опредѣленъ къ воинскому дѣлу изъ намѣстниковъ Новагорода, которой чинъ вмѣсто губернатора управленіе имѣлъ; а въ древнія времена знатнаго роду въ намѣстники Новогородскіе посыланы были, и столь оной чинъ былъ знатенъ, что съ Шведскимъ королемъ о всякихъ дѣлахъ письменную корреспонденцію имѣлъ. При вышеобъявленномъ воинскомъ случаѣ у Нарвы, всей арміи Россійской, какъ началось регулярное войско, первая была практика съ непріятелемъ регулярную войну начать; но за необыклость Россійскому войску неудачной случай произшелъ и, между прочимъ генералитетомъ, онъ князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой отъ Шведскаго войска, гдѣ присутствовалъ самъ король вторый надесять Карлусъ, взятъ былъ, еще будучи въ молодыхъ лѣтахъ, въ полонъ, и отвезенъ въ Стекголмъ со многими генералитетами, и будучи въ Стекголмѣ прижилъ побочнаго сына, которой и слыветъ Иванъ Ивановъ сынъ Бецкой. Оной воспитанъ съ преизряднымъ ученіемъ и дошелъ, по знатности отца своего, не имѣя въ службѣ никакихъ знатныхъ оказій, до немалаго чина генералъ-майора, и за слабою его комплекціею, отставленъ отъ всѣхъ дѣлъ и живетъ свободно. А послѣ прижитія его пріѣхала изъ Россіи въ Стекголмъ его сіятельства княгиня и съ дѣтьми своими, и продолжалась въ Стекголмѣ; а 1718 году, Ноября въ 24 день, свободясь изъ полону, его сіятельство пріѣхалъ въ Петербургъ и съ нимъ генералъ Автомонъ Головинъ. И опредѣленъ онъ князь Иванъ Юрьевичъ губернаторомъ въ Кіевъ, а послѣ пожалованъ генералъ-фельдмаршаломъ и, будучи въ Москвѣ, имѣлъ команду надъ полками недолговременно; а въ 1733 году, въ Іюлѣ мѣсяцѣ, взятъ въ Петербургъ и опредѣленъ въ Сенатъ; потомъ отставленъ за старостію отъ всѣхъ дѣлъ, и дана была пенсія. А въ 1741 году, при восшествіи на престолъ Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны, опредѣленъ паки въ Сенатъ, точію, при своей старости, слабой и рѣдкой выѣздъ имѣлъ. А болѣе въ регулярной службѣ, послѣ начатія, что случилось при Нарвѣ, нигдѣ при военныхъ дѣлахъ не бывалъ. Житія былъ человѣкъ воздержнаго и добродѣтельной. По кончинѣ погребенъ въ Александро-Невскомъ монастырѣ 19 Генваря съ надлежащею процессіею по его знатному характеру.

Февраля 23, дѣйствительной тайной совѣтникъ, Коммерцъ-Коллегіи президентъ, ордена Александра Невскаго кавалеръ, князь Борисъ Григорьевичъ Юсуповъ, опредѣленъ сенаторомъ и надъ Кадетскимъ Шляхетнымъ Корпусомъ директоромъ.

Февраля 24 при дворѣ былъ, отъ 5 часу по полудни, Метаморфозъ, то есть одѣты были мужескъ полъ въ платьѣ женскомъ, а женскъ въ мужескомъ, въ которомъ кавалеры были до генералъ-майора, придворные всѣ и оныхъ особъ супруги.

Марта 7 изъ Москвы вѣдомость получена, что Марта 1 числа Москва рѣка прошла, что весьма не безъ удивленія, что такъ чрезвычайно рано. И отъ всюду извѣстія подтверждаютъ о ранней весьма веснѣ, что и суда по Волгѣ и Тверцѣ рѣкамъ къ Петербургу пошли со Гжати въ первыхъ числѣхъ Марта, а изъ Твери отъ 20 тогожъ Марта.

Апрѣля 4 объявленъ въ Малороссію гетманомъ, родомъ Малороссіянинъ, графъ Кирилла Григорьевичъ Разумовской.

Маія 3. Въ сей день Ея Императорскаго Величества всевысочайшее соизволеніе было и всемилостивѣйше изволила за обѣденнымъ кушаньемъ въ зимнемъ домѣ въ С.-Петербургѣ присутствовать за столомъ всей лейбъ-гвардіи полковъ съ штабъ-офицерами. Столъ поставленъ былъ фигурою на подобіе короны. Въ срединѣ изволила сидѣть всемилостивѣйшая Государыня, всѣхъ лейбъ-гвардіи полковъ полковникъ. Господа полковники сидѣли по нумерамъ старшинства своего:

1) Преображенскаго, его императорское высочество государь великій князь.

2) Лейбъ-гвардіи конной, генералъ-поручикъ, ордена Александра Невскаго кавалеръ, Юрій Ливенъ.

3) Семеновскаго, генералъ-аншефъ, ордена Александра Невскаго кавалеръ, Степанъ Апраксинъ.

4) Измайловскаго, генералъ-майоръ, ордена Св. Анны кавалеръ, Іосифъ Гамфъ.

5. Лейбъ-гвардіи конной, оберъ-егермейстеръ, лейбъ-компаніи капитанъ-поручикъ, дѣйствительной камергеръ, ордена Св. Апостола Андрея и другихъ орденовъ кавалеръ, графъ Алексѣй Разумовской.

6) Измайловскаго, войскъ Малороссійскихъ гетманъ, Десіензъ-Академіи президентъ, дѣйствительной камергеръ, орденовъ Польскаго, Александра Невскаго и Св. Анны кавалеръ, графъ Кирила Разумовскій.

7) Преображенскаго, генералъ-аншефъ, сенаторъ, Ея Императорскаго Величества генералъ-адъютантъ и ордена Александра Невскаго кавалеръ, Александръ Бутурлинъ.

Лейбъ-гвардіи полковъ господа майоры:

1) Преображенскаго, дѣйствительный тайный совѣтникъ, генералъ-прокуроръ, орденовъ Апостола Андрея и Александра Невскаго кавалеръ, князь Никита Трубецкой.

2) Лейбъ-гвардіи конной, генералъ-майоръ и ордена Св. Анны кавалеръ князь Петръ Черкаской.

3) Семеновскаго генералъ-майоръ и Анненскаго ордена кавалеръ Никита Соковнинъ.

4) Измайловскаго генералъ-майоръ и Анненскаго ордена кавалеръ Иванъ Гурьевъ.

5) Тогожъ полку Василій Нащокинъ.

6) Преображенскаго Андреянъ Лопухинъ.

7) Тогожъ полку князь Александръ Меншиковъ.

8) Измайловскаго Гаврила Рахмановъ.

9) Семеновскаго Иванъ Майковъ.

10) Тогожъ полку Андрей Вельяминовъ.

И отъ того стола поставлены четыре стола, въ четыре лучи, за которыми сидѣли, по старшинству полковъ, офицеры, а столы по нумерамъ и каждой чинъ сидѣлъ по старшинству:

1) Преображенскаго.

2) Измайловскаго.

3) Лейбъ-гвардіи конной.

4) Семеновскаго.

И тако старшій 1 и по немъ старшій въ замкѣ 4 нумера.

При томъ обѣденномъ кушаньи съ пушечною стрѣльбою пили: первой бокалъ за здоровье всемилостивѣйшей нашей Государыни; второй, при стрѣльбѣ же изъ пушекъ, здоровье гвардіи штабъ и оберъ-офицеровъ.

И по окончаніи того обѣденнаго кушанья, Ея Императорское Величество изволила итить въ лѣтній домъ, и его высочество, а штабъ и оберъ-офицеры, при отданіи всеподданнѣйшаго благодаренія, разъѣхались по домамъ.

При семъ описаніи стола Ея Императорскаго Величества, за которымъ сидѣли и штабъ-офицеры, и четыремъ столамъ по полкамъ, котораго полку оберъ-офицеры сидѣли, прилагается рисунокъ.

А особливаго того числа торжества ни о чемъ не было, точію лейбъ-гвардіи штабъ и оберъ-офицеры трактованы за обѣденнымъ кушаньемъ, по особливому Ея Императорскаго Величества соизволенію, а приказано было быть въ собственномъ платьѣ, чего ради всѣ штабъ-офицеры въ богатомъ платьѣ были, и оберъ-офицеры, а въ мундирахъ нѣкоторые офицеры были по необходимости, не имѣя собственнаго параднаго платья.

Для вѣдома впредъ, полученныя иностранныя вѣдомости, какимъ образомъ о выборѣ гетмана происходило, при семъ журналѣ пріобща-

ются. По справкѣ, тѣ вѣдомости иностранныя оказались неправильно, и для того изъ сего журнала истреблены.

Іюня 3, въ праздникъ Живоначальныя Троицы, обѣдали лейбъгвардіи Измайловскаго полку штабъ и оберъ-офицеры у его сіятельства графа Кирилы Григорьевича Разумовскаго, того полку подполковника и кавалера. При томъ случаѣ дѣти мои, Воинъ, изъ капраловъ, отъ роду своего 7 лѣтъ 10 мѣсяцевъ, пожалованъ фуріеромъ, и Петръ, 6 лѣтъ 11 мѣсяцевъ, въ тожъ время пожалованъ фуріеромъ же.

Іюля 25, въ Ранибонѣ (Ораніенбаумѣ), у великаго князя, государя Петра Ѳеодоровича, въ новопостроенномъ домѣ, онаго числа присутствовала Ея Императорское Величество, на вечернемъ кушаньѣ, и были четырехъ первыхъ классовъ. Всемилостивѣйшая Государыня, на новоселье, великому князю пожаловать изволила 60 тысячъ рублей.

Того же вечера объявлено, что Малороссійскихъ войскъ гетману графу Разумовскому данъ чинъ генералъ-фельдмаршала, и по немъ будущимъ гетманамъ имѣть тотъ чинъ, и съ фельдмаршалами старшинствомъ считаться, и кто старѣе, тотъ имѣть будетъ и преимущество.

Состоялся именной указъ, чтобъ гетманской резиденціи быть въ городѣ Батуринѣ, гдѣ строить городъ и домъ гетманской. Отъ 1709 года гетманская резидеція въ Батуринѣ впустѣ продолжалася по 1750 годъ до состоявшагося указу, итого 41 годъ.

Сентября 8, армія Ея Императорскаго Величества, имѣя около Риги и въ другихъ мѣстахъ въ своей границѣ лагерь, по учрежденной диспозиціи, въ зимнія квартиры вступила, со всякимъ отъ всѣхъ сторонъ благополучнымъ миромъ.

Сентября 9 изъ Прусскаго столичнаго города Берлина въ вѣдомостяхъ объявлено: «Генералъ фельдмаршалу Прусскаго войска г-ну Кейту, которой нынѣ того столичнаго города Берлина генералъ-губернаторъ, а прежде служилъ въ Россійскомъ войскѣ генералъ-аншефомъ, имѣя ордена Апостола Андрея и Александра Невскаго, нынѣ данъ ему г-ну Кейту чинъ члена академіи Прусскаго королевства.

За симъ слѣдуетъ извѣстное А. П. Сумарокова преложеніе въ стихи LXX псалма, въ концѣ котораго приписано собственною рукою Нащокина:

Писалъ на псаломъ 70, каѳисмы 10, Александръ Сумароковъ, 1750 году Сентября 25, въ С.-Петербургѣ, и для онаго преизряднаго толкованія внесенъ въ памятной журналъ.

Октября 14 въ С.-Петербургѣ была свадьба графа Гаврилы Ивановича Головкина [46]) и производилась въ немаломъ великолѣпіи и во множественномъ собраніи, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества съ высокою фамиліею. Иностранные министры, Россійскіе сенаторы и обрѣтающейся въ С.-Петербургѣ генералитетъ, и лейбъ-гвардіи штабъ-офицеры, къ тому собранію званы съ фамиліею. Въ 5 часовъ пополудни началось оное собраніе съ невѣстиной стороны при дворѣ Ея Императорскаго Величества, а съ жениховой въ домѣ князь Никиты Юрьевича Трубецкаго, которой при церемоніи оной свадьбы присутствовалъ маршаломъ со опредѣленными шаферы, и домъ его учрежденъ былъ для отправленія той свадьбы. Оной г. графъ Головкинъ, по объявленіи отъ маршала, съ обыкновенною ассистенціею, въ 8 часовъ пополудни поѣхалъ ко двору, и въ придворной церкви вѣнчался съ дѣвицею дочерью графа Александра Ивановича Шувалова, и отъ двора, по обвѣнчаніи, съ великимъ препровожденіемъ, во оной князя Трубецкаго домъ пріѣхалъ, гдѣ вечерній, пребогато устроенной трактаментъ готовъ былъ. Въ 11 часу пополудни, Ея Императорское Величество, всемилостивѣйшая Государыня, изволила прибыть во оное собраніе, и всемилостивѣйше благоволила при вечернемъ кушаньѣ оказывать свое всемилостивѣйшее присутствіе. А при томъ вечернемъ кушаньѣ, въ саду, зажжена была илюминація изъ разныхъ огней: въ срединѣ оной илюминаціи поставлена была великая картина, а на дворѣ и къ большой улицѣ, къ рѣкѣ Мьѣ [47]), фигурами уставлены плошки съ обыкновеннымъ огнемъ. Оной вечерней трактаментъ продолжался до 2 часу пополуночи, а послѣ ужина начался балъ, причемъ на хорахъ играли Италіянцы на музыкѣ, и кастратъ пѣлъ, при томъ Италіянецъ буфонъ пѣлъ разныя и обыкновенію своему приличныя, какъ буфоны должность отправляютъ съ шуткою, смѣшныя пѣсни. И оной балъ продолжался до 6 часа пополуночи, а 15 числа паки вечерній былъ трактаментъ и званы прежніе гости, и послѣ окончено баломъ.

Во окончаніи сего года, для достопамятства внесть въ журналъ, болѣе пристойнаго не находится, какъ въ послѣднемъ мѣсяцѣ, Россій-

---

[46]) Графъ Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ былъ внукъ великаго канцлера.

[47]) Рѣка *Мья* есть нынѣшняя *Мойка*. Мосты на ней находящіеся получили свои названія по краскамъ, коими были выкрашены: зеленый, красный, синій. Въ то время они были деревянные. Два послѣдніе удержали и до сихъ поръ свои названія; но первый нынѣ называется *Полицейскимъ*, такъ переименованный въ царствованіе Имп. Павла I, потому что близъ онаго находился домъ *полиціи* или управы благочинія, тотъ самый, въ которомъ теперь помѣщается больница придворныхъ служителей. У сего моста, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ домъ Косиковскаго, находился Императорскій дворецъ, существовавшій до построенія нынѣшняго Зимняго.

ской министръ г. Гросъ отъ Берлинскаго двора отозванъ и въ Петербургъ пріѣхалъ, а того двора министръ, обрѣтающійся при Россійскомъ дворѣ, во отечество выѣхалъ.

Тогожъ послѣдняго мѣсяца въ исходѣ, двора его высочества, наслѣдника Россійскаго престола, государя великаго князя, камергеръ князь Александръ Юрьевичъ Трубецкой, по продолженію чахотной болѣзни, скончался въ Москвѣ. Человѣкъ какъ природы былъ знатной, такъ и воспитанъ съ преизряднымъ ученіемъ, острой имѣлъ разумъ и благосклонность во обхожденіи; достоинство его оказывало по продолженіи лѣтъ быть знатнѣйшимъ министромъ, и придворнаго человѣка. Отъ роду ему было 27 лѣтъ.

Генваря 1, въ новой 1751 годъ, обыкновенной при дворѣ съѣздъ въ 10 часовъ поутру, для поздравленія, а въ вечеру балъ и ужинъ. Знатные иностранные, гвардіи майоры, армейскіе полковники и гвардіи капитаны трактованы были.

Генваря 2 при дворѣ былъ маскарадъ.

Генваря въ 24 день въ прибавленіи къ газетамъ объявлено Прусскаго двора оказательные поступки противъ полномочнаго Россійскаго министра г. Гроса, еже нѣсколько оному отмѣнныхъ и непристойныхъ поступковъ оказано при дворѣ Прусскомъ, гдѣ онъ въ дворскихъ обхожденіяхъ и пріемностяхъ по своему характеру предъ другихъ дворовъ министры непріязненную отличность имѣлъ, чего ради, по указу Ея Императорскаго Величества, и отозванъ безъ абшида, и отъ того оныхъ дворовъ сосѣдственная дружба, пока Божіе благоволеніе будетъ въ союзъ, развращена, о чемъ печатными листами въ С.-Петербургѣ, сего текущаго Генваря 29 числа, всѣмъ для извѣстія объявлено, а послѣ что̀ изъ того несогласія произойдетъ, въ своемъ мѣстѣ объявится.

Въ 28 день, при дворѣ Ея Императорскаго Величества была свадьба: женился бывшаго генерала фельдмаршала князь Михайла Михайловича Голицына сынъ его, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку капитанъ князь Дмитрій, на дочери покойнаго Волошскаго господаря князя Кантемира, которой пришелъ со всею фамиліею въ подданство въ 1711 году, во время Турецкой акціи, княжнѣ Екатеринѣ Дмитревнѣ. Оная свадьба, по изволенію Ея Императорскаго Величества, всею церемоніею отправлялась при дворѣ Ея Величества съ великимъ великолѣпіемъ, гдѣ, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества съ высокою фамиліею, были чужестранные министры, генералитетъ, гвардіи майоры и тѣхъ ранговъ дамы, а 29 числа, при дворѣ жъ, на 200 персонъ былъ ужинъ и баломъ окончено.

Февраля 20. Въ газетѣ подъ нумеромъ 17 изъ Транесбурха о принесеніи тѣла покойнаго маршала Франціи Морица, графа Сакса, съ великолѣпнымъ убранствомъ и почтеніемъ, яко наизнатнѣшему въ свое время герою, провожденіе его тѣла до церкви, гдѣ погребено будетъ, описана оная церемонія въ газетѣ, которая во особой книгѣ 751 году подъ вышеозначеннымъ нумеромъ. Внизу оной газеты отрѣзанъ уголъ.

Февраля 22, газеты подъ нумеромъ 16 въ С.-Петербургѣ, а при оныхъ прибавленіе 18 Февраля. «Усмотрено, что бывшій здѣсь Прусскаго двора посланникъ Варендорфъ, изъ Кенигсберга писалъ къ Россійскому канцлеру его сіятельству графу Бестужеву-Рюмину письмо, которое за непристойно и принять разсуждено, и черезъ почтдиректора обращено не разсматривая обратнымъ путемъ, котораго матерія извѣстна чрезъ Амстердамскія газеты, почему явно значитъ, что обоихъ оныхъ дворовъ союзной узелъ къ развязованію оказательствы въ свѣтъ пустилъ, о чемъ еще надлежитъ происхожденія ожидать впредъ. А обстоятельства того происхожденія довольно явствуютъ въ томъ прибавленіи, кои въ особой книгѣ при газетѣ означеннаго нумера сообщены сего 1751 году съ надрѣзкою сверху угла, о дворѣ Прусскомъ касающіяся извѣстія.

Марта 4 въ С.-Петербургѣ, по докладу Малороссійскаго гетмана, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку подполковника и разныхъ орденовъ кавалера, графа Разумовскаго, тогожъ полку майоръ Василій Нащокинъ, за болѣзнію, отпущенъ, по именному указу, на годъ въ домъ свой.

На 8 число, по полуночи въ 3 часу, изъ Петербурга выѣхалъ съ фамиліею. За бездорожицею продолжались, ѣдучи на ямскихъ подводахъ, 11 дней до Твери; а какъ пріѣхали въ Тверь, Волга пошла 18 числа, и въ ночи остановилась, а 19, въ 10 часу по полуночи, только могли съ экипажемъ пробраться льдомъ черезъ рѣку тѣмъ мѣстомъ, что затерло версты на двѣ. А послѣ перехода, меньше четверти часа минуло, пошелъ ледъ съ великою быстротою.

Марта 5. Онаго числа привѣтствованъ я съ фамиліею къ архіерею Тверскому обѣдать и до 28 въ Твери продолжались, гдѣ повседневно привѣтствованъ былъ къ архіерею, и отправился внизъ рѣкою Волгою до Костромы, а въ пути по городамъ, въ Угличѣ, въ слободахъ Рыбной и Борисоглѣбской, и въ городѣ Ярославлѣ, отъ тамошнихъ правителей изрядно привѣтствованъ, и чинено изъ учтивости вспоможеніе на судно работными людьми.

Апрѣля 3 въ домъ свой я пріѣхалъ, Костромскаго уѣзду, въ село Ново-Преображенское, и праздникъ Св. Пасхи былъ въ томъ селѣ своемъ, что́ слыло, для построенія новой церкви, усадьба Шишкина.

Апрѣля 7, генералъ-аншефъ, сенаторъ и ордена Апостола Андрея кавалеръ Василій Яковлевичъ Левашовъ, въ день праздника Пасхи, въ обѣденной благовѣстъ, скончался, которой имѣлъ въ Москвѣ, въ небытность Ея Императорскаго Величества, главную команду. Онъ былъ въ глубокой старости, лѣтъ осьмидесяти. Въ Персіи главнымъ командиромъ обрѣтался съ 12 лѣтъ. Подчиненные, во всю его бытность въ томъ нужномъ и бѣдственномъ краю, паче отъ тяжкаго воздуха и всегда въ осторожности съ непріятелемъ, его благосклонною командою были довольны и съ крайнею благодарностію о имени его хвалу произносили. Всю же службу болѣе 50 лѣтъ безпорочно продолжалъ, наконецъ отъ утѣсненія старостію слабъ весьма былъ, и отъ молодыхъ генераловъ, которые отъ Бога такова таланта не сподобились, а зависти ради, презираемъ былъ. Жизнь имѣлъ отъ молодыхъ лѣтъ воздержную и весьма всегда трезвъ былъ, и въ сущей старости достигъ послѣднихъ дней и съ тихостію умре и погребенъ со обыкновенною честію по его знатному характеру.

Апрѣля 24 получено извѣстіе съ Москвы, что король Шведской минувшаго Марта 20 умре. Сей король отъ фамиліи былъ Гессенъ-Кассельской и ландграфъ. По календарю ему 75 лѣтъ. Королевствовалъ послѣ бывшаго короля Шведскаго Каролуса XII самодержавнѣйшаго, въ парламентѣ, съ 1718 года. Во всю его жизнь государство Шведское войны не имѣло ни съ кѣмъ до 1741 года, а во ономъ съ Россіею, которая война имъ была весьма разорительна: ибо 1743 году Шведское войско, подъ предводительствомъ генерала Левенгаупта, потерявъ города Вильмандстрандъ и Фридрихсгамъ и оставя все княжество Финляндское, съ Россійскими пашпорты принуждено все войско тѣсную ретираду получить, и окончено миромъ во удовольствіе Россіи. И оному первому Шведскаго войска предводителю генералу Левенгаупту и генералу по немъ Буденброку, въ Стекголмѣ парламентомъ, почитая слабые ихъ поступки, публично онымъ бѣднымъ генераламъ головы отсѣчены.

А по умершемъ королѣ принялъ наслѣдство Свейской короны Адольфъ Фридерикъ, герцогъ Голштинской, которой сего 1751 года Марта 26 дня, отъ Сената поздравляемъ былъ, и онъ присягалъ, чтобъ быть въ парламентѣ, какъ и прежній король Фридерихъ.

Маія противъ 20 числа, въ селѣ Новопреображенскомъ, въ бытность мою, пошелъ немалой снѣгъ, котораго безпрерывно шло 29 часовъ, и напалъ на ровномъ мѣстѣ по мѣрѣ въ 9 вершковъ съ по-

ловиною глубины, чего ради по 24 Маія принуждены скотъ держать на дворѣ, а въ кормахъ тогда былъ великой недостатокъ, въ чемъ крайняя нужда происходила: до того числа яроваго въ посѣвѣ было немного, а ячмень и льны по большой части не посѣяны были. Послѣ снѣга въ поляхъ великая грязь, а на низкихъ мѣстахъ воды довольно было, за чѣмъ и сѣвъ остановили и принуждены дожидать способнаго времени для послѣдняго сѣву, чего ради досѣвали послѣдній овесъ 29 и 30 Маія, а ячмень и льны сѣяли Іюня до 10 числа; ибо отъ того снѣгу долго большая вода не сбыла, а рожь вся пожолкла, однако послѣ выправилась. Такое приключеніе немалаго снѣга въ необыкновенное время я въ жизни моей видѣлъ въ первыя; ибо отъ того сельскимъ жителямъ и добрымъ земледѣлателямъ великая прискорбность происходила, и ежели бы еще далѣе такъ снѣгъ со стужею продолжился, тобъ скотъ отъ безкормицы принужденъ былъ въ короткое время, по толикой нуждѣ, какъ былъ очень слабъ, погибнуть, а черезъ четыре дня въ худомъ состояніи находился. А отъ поздняго времени сѣву, каковъ будетъ хлѣбъ урожаемъ яровой, надлежитъ примѣчаніе имѣть и описать для памяти будущихъ временъ, каково онаго будетъ окончаніе.

Іюля 10 пріѣхалъ я въ Москву.

18 числа начали копать рвы для закладыванія фундамента подъ палаты, которыя начались строиться: длина 12, ширина 7 сажень. Подряженъ построить подрядчикъ за 300 р., да запасу на 50. И такъ началось палатное строеніе въ домѣ моемъ на Петровкѣ, въ Бѣломъ городѣ, въ приходѣ Рождества, что́ слыветъ въ Столешникахъ; началось сего настоящаго 1751 года, означеннаго 18 Іюля.

Августа 22, будучи въ Орлѣ, купилъ я землю у двухъ братьевъ Луниныхъ, въ Корчевскомъ стану, 388 четвертей, а дано 388 рублевъ, да пошлины 38 р. 80 копѣекъ; за переносъ изъ Бѣла-города межеваго дѣла 16 рублевъ. По справкѣ въ Вотчинной Коллегіи явилось на двѣ части продавцевъ 559 четвертей.

Сего 1751 года въ Костромскомъ, въ Ярославскомъ и въ Ростовскомъ уѣздахъ, хлѣбы ржаные были весьма худы, а яровые и того хуже, и жители весьма нужду претерпѣваютъ; а за Москвою, въ Орлѣ и въ прочихъ Украинскихъ городахъ, тогожъ году хлѣбы родились весьма сильные. Оной годъ сначала былъ мочливой, а земли иловатыя, и отъ того недородъ, а послѣ была засуха, и такъ вся земля истрескалась; а въ Орлѣ черноземъ, какъ сушу, такъ и мокроту, могъ снести: ибо въ немъ природной сокъ, а не такъ, какъ иловатыя земли, которыя теплоту имѣютъ отъ одного только навоза, и неумѣренной погоды понести и такова дать плода не могутъ.

Сентября 5 орденъ Апостола Андрея пожалованъ: Малороссійскому гетману графу Разумовскому; генералъ-аншефу, сенатору, гвардіи Преображенскаго полку подполковнику, Ея Императорскаго Величества генералъ-адъютанту, Бутурлину; вице-канцлеру, дѣйствительному тайному совѣтнику, камергеру, лейбъ-компаніи поручику, графу Михаилу Ларіоновичу Воронцову; дѣйствительному тайному совѣтнику, сенатору, Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса директору, князю Борису Григорьевичу Юсупову; генералъ-аншефу и лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку подполковнику Степану Ѳедоровичу Апраксину.

Тогожъ году армія введена внутрь Россіи по винтеръ-квартирамъ; которые стояли на границѣ около Риги, Курляндіи и Ревеля, кавалеріи полки, поставлены: въ Костромѣ Пермской, въ Ярославлѣ Астраханской. А того года въ оныхъ уѣздахъ, какъ выше означено, великой неурожай хлѣба, и еще отъ того въ постановленіи фуража обыватели крайнюю нужду сносить принуждены, и для того полки, не простоявъ зимы, выведены въ хлѣбныя мѣста, въ Шацкъ и въ другія способныя. А которые пѣхотные полки расположены были въ квартиры отъ Твери по городамъ, близъ лежащимъ, по Волгѣ; но изъ тѣхъ, за дороговизною фуража, выведены въ Москву: Бутырской, первой Московской и Вятской. И тѣмъ знатное примѣчаніе 1751 года кончилось.

Генваря 1 дня 1752 года, въ новой годъ, обыкновенной пріѣздъ былъ въ Петербургѣ съ поздравленіемъ Ея Императорскаго Величества по утру, и Ея Императорское Величество въ придворной церкви изволила слушать обѣдню, и его императорское высочество съ государынею великою княгинею, а въ вечеру при дворѣ Ея Императорскаго Величества паки было собраніе и балъ, а потомъ зажженъ былъ фейверокъ и весь городъ люминованъ.

Февраля 10 рожденіе его императорскаго высочества государя великаго князя; обыкновенной по утру ко двору былъ съѣздъ для поздравленія, а въ вечеру балъ и ужинъ для пяти первыхъ классовъ, мужеска и женска полу, и гвардіи маіоровъ.

Марта 4, Ея Императорское Величество, чрезъ генерала-адъютанта Александра Ивановича Шувалова, всемилостивѣйше изволила указать въ полкъ лейбъ-гвардіи Измайловской объявить, чтобъ въ отпуску бывшему того полку маіору Нащокину еще отсрочить до зимняго перваго пути 1752 году, о чемъ за его рукою послано въ полкъ сообщеніе.

Того ради, для исправленія экономіи, поѣхалъ я Маія 14 въ Орловскія деревни, и купленныя дачи того уѣзду, въ Корчевскомъ стану, отказаны, и межевать Іюня 2 числа начали. А 19 тогоже мѣсяца ме-

жеванье между землями г. генерала Левонтьева и капитана гвардіи Сергѣя Нарышкина окончено на 388 четвертей, въ урочищахъ отъ устья рѣчки Мелынки по нижнюю сторону, и чрезъ Мелынку вверхъ Мхова болота, Реутовской дачи, и чрезъ Мхово болото, и отъ вершинъ тогожъ болота и до деревни, и чрезъ деревню и рѣчку Мелынку къ починному столбу, отъ Мхова болота, Полянской дачи, что̀ по писцовой книгѣ, Домны Воненой и Семенихиной продажи, отъ починнова столба, кругомъ къ немужъ 11 верстъ 54 сажени. Да за рѣкою Орломъ, тойже продажи, отъ рѣки Орлицы, вверхъ по рѣчкѣ Мотыкѣ, по лѣвую сторону, до верхушки оной Мотыки и поворотя отъ Корчевскаго лѣсу, чрезъ запущенный лѣсъ и чрезъ дорогу изъ Орла, что̀ ѣздятъ въ Корачевъ, и рощею старою къ рѣкѣ Орлу и къ починному столбу. Но что́ на рѣкѣ Орлѣ и на устьи рѣки Орлицы противъ стариннаго городища, та округа, число верстъ и сажень, да за рѣкою Орломъ въ урочищѣ за Государынино сельце, столько десятинъ. И хотя многія, въ межеваніе, отъ стороны Нарышкиной, къ наряду дракъ озорничества происходили; но все предпріятіе пресѣчено безъ произвожденія ссоры и градскимъ порядкомъ усмирено, и безъ препятствія отмежевано, и межевыя книги и планъ, за руками геодезіи капитана Зурова и межевщика хоронжаго Пожогина-Отрошкевича, поданы тожъ и въ Вотчинную Коллегію.

Іюля 27 на Московскомъ дворѣ моемъ подряженъ старой прудъ вычистить, а къ Неглинной вновь прибавить, за 55 рублей, 10 четвертей муки, 2 четверти крупъ, пудъ масла коровья, и вышеписаннаго числа начали работать.

Получено въ Москвѣ извѣстіе, что 29 Іюля, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества, нашей всемилостивѣйшей Государыни и государя великаго князя и великой княгини, при чемъ были иностранные министры и пятаго класса Россійскіе, обрѣтающіеся въ Петербургѣ, означеннаго числа въ Кронштатѣ докъ, которой начатъ при Государѣ Императорѣ Петрѣ Великомъ, всею работою въ нынѣшнемъ 752 году оконченъ, и спущена вода, при томъ высочайшемъ Ея Императорскаго Величества присутствіи, вышеписаннаго Іюля 29 числа, при чемъ были пріѣзжіе, какъ иностранные, такъ и пяти классовъ Россійскіе, въ одномъ платьѣ: бѣлые кафтаны съ зелеными камзолы. И сіе славное дѣло чрезъ немалое число лѣтъ окончалось, а при строеніи онаго дока главной директоръ былъ г. генералъ-аншефъ Люберасъ, которому за порядочное исправленіе пожалованъ орденъ Св. Андрея и 15.000 въ награжденіе денегъ. А послѣ вышеписаннаго извѣстія получено въ Москвѣ, въ 25 день Августа, извѣстіе о немъ г. Люберасѣ, что онъ, послѣ полученнаго счастія, вскорѣ занемогъ горячкою и умре

и со всѣмъ своимъ счастіемъ, по слову Пророка Давида, книги 3 Царствъ, главы 2: *Отшелъ въ путь всея земли.* Оный г. Люберасъ былъ великой инженеръ и механикъ, которой въ Россіи служилъ немалое число лѣтъ. Славное его дѣло работа означеннаго дока въ Кронштатѣ. Онъ былъ первой директоръ Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса, какъ оной учрежденъ по указу Государыни Императрицы Анны Іоанновны; оной Корпусъ, во время содержанія его, былъ въ великомъ порядкѣ [48]).

Болѣе знатности для достопамятства вносить въ записку, въ ономъ 752 году, нечего, кромѣ, что Ея Императорское Величество, всемилостивѣйшая Государыня изъ С.-Петербурга, въ Москву прибыть изволила 20 Декабря, и прежде всего изволила, въ началѣ 12 часа пополуночи, придти въ Успенскій соборъ, и бывъ, оттуда благополучно во дворецъ къ обѣденному кушанью. А 22 въ вечеру ко двору былъ Московскихъ жителей съѣздъ, и нѣкоторыхъ пяти классовъ мужеска и женска полу изволила всемилостивѣйше жаловать къ рукѣ, и тѣмъ 1752 годъ кончился.

Въ Новый 1753 годъ былъ ко двору всѣхъ знатныхъ особъ, для поздравленія Ея Императорскаго Величества и высокой фамиліи съ новымъ годомъ, обыкновенный пріѣздъ.

---

[48]) Рѣшительно можно сказать, что изъ первыхъ иностранныхъ инженеровъ, состоявшихъ въ Русской службѣ, баронъ Люберасъ былъ полезнѣе всѣхъ и сдѣлалъ болѣе всѣхъ. Отецъ его, принужденный оставить родину свою Шотландію, по политическимъ обстоятельствамъ, удалился сперва въ Швецію, а отъ туда въ Лифляндію, гдѣ, вѣроятно, родился и нашъ инженеръ. Молодой Люберасъ, находясь долгое время подъ начальствомъ знаменитаго Геннина, пріобрѣлъ отъ него отличныя познанія въ военной архитектурѣ. Онъ вступилъ въ службу при Петрѣ Великомъ. Во время Шведской войны строилъ въ Финляндіи всѣ временныя укрѣпленія; въ 1721 участвовалъ въ построеніи Балтійскаго порта; въ 1723 занимался описаніемъ Финскаго залива; въ 1739 поручено было ему описать часть сего же залива отъ Кронштата до Выборга, и наконецъ, съ 1743 на него возложено было строеніе Кронштадскаго канала, которое онъ и совершилъ.

При учрежденіи Петромъ Великимъ коллегій, Люберасъ былъ сдѣланъ вице-президентомъ Бергъ-коллегіи и въ семъ званіи находился по 1722 годъ. Въ 1727 произведенъ въ генералъ-маіоры и присутствовалъ въ артиллерійской экспедиціи; въ 1731, при основаніи Сухопутнаго Кадетскаго Корпуса, былъ опредѣленъ директоромъ онаго и въ семъ званіи оставался до Февраля мѣсяца 1734. Въ 1740, въ чинѣ генералъ-лейтенанта, былъ украшенъ орденомъ Св. Александра Невскаго. Въ 1742, при коронаціи Имп. Елисаветы Петровны, Люберасъ исправлялъ должность верховнаго маршала и былъ произведенъ въ генералъ-аншефы. Въ 1743, въ качествѣ полномочнаго министра, онъ заключилъ (17 Августа) въ Абовѣ миръ со Шведами. Имп. Елисавета, открывая съ торжествомъ конченный Люберасомъ каналъ, пробыла въ Кронштатѣ шесть дней. Преклонныя лѣта, болѣзни, заботы во время приготовленія къ церемоніи, балы и обѣды, разстроили весь тѣлесный организмъ почтеннаго генерала. Онъ слегъ въ постелю Августа 3, а 6 кончилъ полезную жизнь свою. Свѣдѣнія о жизни Люберaса доставили: Спада въ Ephémérides Russes 1816; Свиньинъ въ Достопамятностяхъ С.-Петербурга IV, 122, и В. Н. Бергъ въ Сынѣ Отечества CXXVI, 151—167, 214—222. Послѣднее исправнѣе всѣхъ.

Отъ 4 Марта прошлаго 1751 года майоръ Нащокинъ за болѣзнію отпущенъ былъ въ домъ свой, а 1753, хотя отъ болѣзни не освободился, но указомъ именнымъ велѣно ему ѣхать въ Петербургъ и быть при полку, и по тому именному указу, Февраля 13 числа, въ полкъ пріѣхалъ.

Іюля 26 убило громомъ въ С.-Петербургѣ профессора Рихмана, который машиною старался о удержаніи грома и молніи, дабы отъ идущаго грома людей спасти; но съ нимъ прежде всѣхъ случилось при той самой сдѣланной машинѣ. И что́ о немъ Рихманѣ чрезъ газеты тогда издано, при семъ прилагается: любопытный да чтетъ. Съ нимъ Рихманомъ о мудрованіи сходно произошло, какъ въ древности пишется о Аѳинейскомъ стихотворцѣ Евсхиліи, что и оной чрезъ астрономію позналъ убіеніе себя верженіемъ съ верху, и для того: изыде изъ града и въ пустѣ мѣстѣ сѣдяше на яснѣ; орелъ же, на воздухѣ носяй желвь, иска каменіе, да съ высоты разбіетъ, а у Евсхилія глава была лыса; по случаю орелъ опусти желвь и паде на главу. И такъ нечаянной конецъ вымыслу и онаго Рихмана: какъ и Евсхилій получи. А о Евсхиліи пишется въ книгѣ Иѳикѣ и Іерополитикѣ, на листкѣ 183 [19]).

Учиненный планъ экзерциціи, произведенной Октября 5 числа лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку состоящихъ въ парадѣ половины роты гранодеръ и двух баталіоновъ мушкатеръ съ четырьмя пушками и одною гоубицею.

Метаніе артикула по барабану.

По зарядѣ ружья битъ былъ *рашъ*, почему четвертая шеренга вступила въ переднія три, и какъ гранодеры, такъ и пушки, слѣдовали въ свои мѣста.

У перваго дивизіона съ праваго фланга первый плутонгъ гренадеръ и первая пушка. У втораго дивизіона съ правагожъ фланга, второй плутонгъ гранодеръ и вторая пушка. У третьяго съ лѣваго фланга, третій плутонгъ и третья пушка. У четвертаго съ лѣваго, четвертый плутонгъ гранодеръ и четвертая пушка, а между дву баталіоновъ гоубица.

Три залфа безъ стрѣльбы пушечной командировано голосомъ.

Во аванзирѣ, сигналомъ изъ пушки:

По 1 выстрѣлу, всякому къ своему плутонгу приступить для команды.

По 2, ударенъ походъ и всѣмъ фрунтомъ впередъ 6 шаговъ выступить

---

[19]) Книга *Иѳика и Гіерополитика, или философія нравоучительная,* напечатана въ типографіи Святѣйшаго Сѵнода. Спб. 1764, 8.

По 3, первой шеренгѣ стать на колѣни и начинать плутоножную пальбу по 6 патроновъ, и окончивъ встать.

По 4, маршировать, какъ и прежде, 6 шаговъ и остановиться въ ордеръ же баталіи.

По 5, производить плутоножную пальбу по 6 патроновъ, при чемъ пушками скорострѣльно палить и гоубицѣ на то приготовленные шлаги бросать въ паралель, а за послѣднимъ патрономъ гранодерами метать шлаги.

По 6, бита ретирада, почему, поворотясь всѣмъ вдругъ направо кругомъ, маршировать назадъ 6 шаговъ; потомъ налѣво кругомъ и поровняться во фрунтъ.

По 7, палить 6 патроновъ плутонгами, а при томъ пушки и гоубица дѣйствуютъ пальбою, а гранодеры мечутъ шлаги.

По 8, на право кругомъ идти до своего мѣста и пришедъ оборотиться налѣво кругомъ.

По 9, палить по 6 патроновъ плутонгами; пушки, гоубица и гранодеръ по вышеписанному.

И того 24 патрона и 3 шлага.

По окончаніи сигнальной экзерциціи, голосомъ командировано дивизіонамъ, отъ капитановъ, по два патрона.

По 9-му, голосомъ командировано: залфъ, два патрона! а при залфахъ и между зарядовъ безпрерывно огонь происходилъ изъ пушекъ, и изъ гоубицы метаніе шлага.

И окончено черезъ барабанную дробь во всѣхъ мѣстахъ.

По 10 сигнальному выстрѣлу бита во всѣ барабаны тревога для завожденія въ баталіонъ-каре, который заводить со всякою тихостію, дабы никто нимало отнюдь разговоровъ не имѣлъ; но каждому примѣчать, что за чѣмъ производить надлежитъ, чтобъ отъ конфузныхъ поступокъ не могло произойтить какого помѣшательства.

А какъ заводить начнутъ, тогда гоубицу оттянуть въ средину и на елевацію бросать шлаги, дабы конфузить нападающихъ, а оборонять въ самое то время, когда вся команда въ движеніи.

Въ ономъ баталіонъ-каре голосомъ командированы 4 залфа съ непрестанною изъ пушекъ пальбою и метаніемъ шлаговъ, и тѣмъ экзерциція пальбою кончилась; потомъ во всѣ барабаны бить походъ, и разведены на свои мѣста.

И вся вышепредписанная экзерциція кончится маршированіемъ по поламъ ротъ. Во авангардіи и аріергардіи слѣдовали гранодеры, а пушки двѣ за авангардомъ, гоубица въ срединѣ, и двѣ пушки предъ аріергардомъ.

А по окончаніи того марша мимо фельдшанца, гдѣ для экзерциціи смотрѣно будетъ отданіе комплемента отъ всѣхъ офицеровъ, и тѣмъ вся вышеприведенная экзерциція произведется.

По вышеписанному плану диспозиція дана отъ майора Нащокина и имъ ученіе произведено, ибо тогда въ С.-Петербургѣ при тѣхъ баталіонахъ онъ былъ главнымъ; и для памяти впредъ въ памятной журналъ внесено и подписано моею рукою: В. Нащокинъ.

Октября 15 въ С.-Петербургѣ, изъ сенатской конторы полученъ указъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку въ полковую канцелярію и при ономъ печатной штатъ, за подписаніемъ собственныя Ея Императорскаго Величества руки о учрежденіи Морскаго Кадетскаго Корпуса, которому быть въ С.-Петербургѣ по тому учрежденному штату; а въ Москвѣ чтó была школа на Сухаревой башнѣ, которая учреждена въ 1701 году, оной не быть. На содержаніе же того Морскаго Шляхетнаго Кадетскаго Корпуса положена сумма 46561 р. 75$^{1}/_{2}$ коп., и по тому штату, для онаго корпуса быть надлежитъ особливому дому, а содержаніе кадетовъ въ 360 человѣкъ положено быть. И сего 753 году, вышеписаннаго 15 числа, о учрежденіи того корпуса во всѣ мѣста публиковано, чего ради и въ сей журналъ, яко знатнѣйшее то учрежденіе въ государствѣ, для достопамятства внесено, что въ царствованіе всемилостивѣйшей Великой Государыни Императрицы Елисаветъ Петровны то преполезное дѣло къ распространенію морскаго флота учреждено на такомъ твердомъ основаніи, дабы ко флоту люди ученые всегда и всегда были готовы.

Октября 19, по апробованному отъ Ея Императорскаго Величества, всемилостивѣйшей Государыни, къ церковному строенію лейбъгвардіи въ Измайловскомъ полку, плану новой деревянной, во имя Св. Троицы, церкви, по представленію того полку отъ майора Нащокина, и на посланный планъ отъ негожъ донесено было подполковнику графу Разумовскому, что оный высочайшею апробаціею всемилостивѣйшей Государыни апробованъ, и вышеписаннаго 19 числа обратно резолюція получена: велѣно церковь строить. И съ сего числа надлежащее приготовленіе въ канцеляріи къ подряду опредѣленіемъ воспослѣдовало и по публикаціямъ о строеніи съ подрядчикомъ Петербургскимъ купцомъ Воротниковымъ построить все изъ его матеріала, кромѣ внутренняго убора, за 3800 р., и контрактъ заключенъ.

Изъ Москвы получено на почтѣ въ Петербургъ извѣстіе, что Ноября 1 числа, въ 3 часа пополудни, и въ самыя вечерни, загорѣлось во дворцѣ, чтó слыветъ Головинской, на Яузѣ рѣкѣ, и пожаръ размножился такъ, что весь дворецъ, при отпускѣ почты, въ пламени огня былъ, и близъ пяти часовъ продолжался; а чтó спасено отъ пожара онаго дворца, и отъ какого приключенія произошло такое несчастіе, еще на будущей почтѣ ожидается пространнѣйшее извѣстіе. И при томъ прискорбномъ и весьма сожалительномъ состояніи, какъ

пишутъ, ужасной во всѣхъ церквахъ Москвы былъ тревожной въ колокола звонъ, какъ обыкновенно бьютъ въ набатъ.

По полученіи изъ Москвы почты отъ 4 Ноября о случившемся пожарѣ, который 1 Ноября былъ, подтверждается, яко то пожарное несчастіе произошло во дворцѣ отъ нижней печи подъ заломъ. Тогда караулъ былъ при дворѣ лейбъ-гвардіи отъ Семеновскаго полку, а тѣ дворцовыя печи подъ дирекціею состояли обрѣтающагося при строеніи дворцовомъ генералъ-майора Давыдова. Всемилостивѣйшая Государыня, послѣ пожару, изволила перейтить во дворецъ, въ село Покровское, а его высочество, великій Всероссійскій князь и наслѣдникъ Россійскаго Престола, для житья отъ того пожару, изволилъ перейтить въ слободу, чтò слыветъ Нѣмецкая, въ домъ г. Чеглокова.

И въ С.-Петербургѣ до сего тѣ двѣ вѣдомости получены.

Еще изъ Москвы отъ 11 Ноября увѣдомляютъ, что село Перово, близъ Москвы, гдѣ построенъ былъ немалой домъ, оной на мѣсто сгорѣлаго велѣно перевезть, а къ тому еще готовые домы способные, приказавъ взять за деньги, построить. А по послѣднимъ извѣстіямъ окончилось тѣмъ, что, по высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію, на всемъ старомъ фундаментѣ сгорѣлаго дворца велѣно строить дворецъ, которой бы въ непродолжительномъ времени построенъ былъ; а для наискорѣйшаго успѣха то строеніе поручено князь Никитѣ Юрьевичу Трубецкому и Петру Ивановичу Шувалову, и опредѣлены гвардіи офицеры ко оному строенію, и ожидать надлежитъ, что оной дворецъ построится скоро; ибо великое множество всякихъ мастеровыхъ людей собрано, какъ вольнымъ наймомъ, такъ и казенныхъ всякихъ мастерствъ.

Въ письмѣ г. барона Григорья Николаевича Строгонова къ Василью Нащокину, отъ 16 Декабря, написано, что 10 числа того Декабря, всемилостивѣйшая Государыня въ новопостроенной дворецъ перейтить изволила въ немаломъ собраніи, при пальбѣ изъ пушекъ; а гдѣ будетъ торжествованъ высочайшій Ея Императорскаго Величества день рожденія, то извѣстіе ожидается.

И всего удивительнѣе, что 1 Ноября немалое число покоевъ во дворцѣ безъ остатку сгорѣло, а въ новопостроенномъ на томъ же фундаментѣ дворцѣ, какъ извѣстно, болѣе 60 покоевъ и залъ, 16 сажень 2 аршина длина и 12 сажень съ однимъ аршиномъ ширина, и все построено и великолѣпно убрано въ одинъ мѣсяцъ и 16 дней отъ сгорѣнія прежняго дворца, чтò почитаю, оное прединвное исправленіе, для достопамятности вѣдѣнія, въ журналъ записать всеконечно нужно есть: ибо 10 Декабря, Ея Императорское Величество, наша всемилостивѣйшая Государыня, изволила въ новопостроенной дворецъ перейти при

пальбѣ изъ пушекъ, при чемъ всѣ знатные были, и съ пришествіемъ Ея Императорскаго Величества въ новой домъ поздравили.

И того же дня въ вечеру, по высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію, при дворѣ сговоръ былъ: камергеръ и кавалеръ графъ Скавронской съ дочерью штатскаго дѣйствительнаго совѣтника и кавалера барона Николая Григорьевича Строгонова, контесою Марьею Николаевною обручался.

Декабря 18, въ день всевысочайшаго торжества рожденія Ея Императорскаго Величества, всемилостивѣйшей Государыни, обыкновенной знатныхъ ко двору пріѣздъ былъ, пополуночи въ 10 часу, и послѣ обѣдни всѣ Ея Императорское Величество всеподданнѣйше поздравили съ днемъ высочайшаго торжества и, по докладу отъ Правительствующаго Сената о перемѣнѣ ранговъ, всемилостивѣйше пожалованы и въ разныя мѣста опредѣлены, а другіе отъ службы съ награжденіемъ ранга отставлены. И того дня послѣ обѣдни пожалованныхъ разными чинами 217 персонъ.

Да тогожъ числа въ вечеру, когда Ея Императорское Величество, всемилостивѣйшая Государыня, изволила вытить въ вечерній балъ и пожалованныхъ изволила изъ высочайшей всемонаршеской милости жаловать къ рукѣ, тогда, по докладу лейбъ-гвардіи коннаго полку г. подполковника, рейхсграфа и разныхъ орденовъ кавалера, Разумовскаго, пожалованъ тогожъ полку майоръ Григорій Корфъ въ генералъ-майоры.

Тогожъ часу и я всемилостивѣйше пожалованъ генералъ-майоромъ, и хотя ни въ докладѣ и ни отъ кого предстательствомъ о имени моемъ упомянуто не было, и я былъ заочно, и на мысль мнѣ самому не приходило, и ни къ кому о томъ не писалъ, а по неизбѣжному отъ Всевышняго благоволенію и отъ Помазанницы Божіей, нашей всемилостивѣйшей Государыни, я напомненъ, и пожаловать соизволила изустнымъ указомъ: всемилостивѣйше соизволила о пожалованіи моемъ объявить Малороссіи и обѣихъ сторонъ Днѣпра гетману, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку подполковнику, Десіензъ-Академіи Наукъ президенту, дѣйствительному камергеру и разныхъ орденовъ кавалеру графу Разумовскому, а оной о томъ всемилостивѣйшемъ пожалованіи объявилъ мнѣ письмомъ.

Тогожъ торжества высочайшаго Ея Императорскаго Величества дня рожденія, пожалованы: въ генералъ-поручики Архангелогородской губернаторъ Степанъ Алексѣевъ сынъ Юрьевъ; въ генералъ-майоры брегадиръ и Военной Коллегіи членъ Василій Суворовъ; въ генералъ-майоры жъ брегадиръ Алексѣй Жилинъ и въ Астрахань губернаторомъ. Да лейбъ-гвардіи въ полкахъ, по докладамъ, всемилостивѣйше апро-

бованнымъ, отъ всѣхъ четырехъ полковъ произведены чинами и съ награжденіемъ ранговъ въ отставку отставлены, всего 263 человѣка.

Да тогожъ 1753 года, Декабря 18, въ день всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества рожденія, дѣти мои, Воинъ и Петръ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку изъ каптенармусовъ пожалованы въ сержанты.

Генваря 25 числа 1754 году, при письмѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, Правительствующаго Сената генералъ - прокурора, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку майора и разныхъ Россійскихъ орденовъ кавалера, князь Никиты Юрьевича Трубецкаго, прислана съ именнаго Ея Императорскаго Величества указа копія о пожалованіи обоихъ насъ съ Корфомъ въ генералъ-майоры.

И тогожъ 25 числа, изъ Правительствующаго Сената въ сенатскую контору тотъ Ея Императорскаго Величества указъ о объявленіи намъ чиновъ и о приводѣ на новые чины къ присягѣ, вѣдѣніемъ сообщенъ, и такимъ образомъ чинъ генералъ-майора отъ Ея Императорскаго Величества, всемилостивѣйшей Государыни, получилъ я, будучи командиромъ при оставшихся въ С.-Петербургѣ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку дву баталіонахъ.

Генваря 28, лейбъ-гвардіи секундъ-майоры, коннаго Григорій Корфъ, Измайловскаго Василій Нащокинъ, въ С.-Петербургѣ, Правительствующаго Сената въ контору призваны, которымъ объявленъ пожалованной отъ Ея Императорскаго Величества чинъ, и въ церкви Кадетскаго Шляхетнаго Корпуса присяга учинена на новопожалованной чинъ генералъ-майора.

Въ С.-Петербургѣ въ вѣдомостяхъ напечатано изъ Москвы, отъ 28 Генваря, что 23 числа Генваря Ея Императорскому Величеству, всемилостивѣйшей Государынѣ, именемъ всего Россійскаго купечества, за высочайшее Ея Императорскаго Величества къ вѣрноподданнымъ, особливо Всероссійскому купечеству оказанное высокомонаршее милосердіе, увольненіемъ отъ платежа внутри государства таможенныхъ сборовъ, какъ о томъ извѣстно изъ публикованнаго въ народъ Ея Императорскаго Величества указу отъ 20 Декабря 1753 году, принесено всеподданнѣйшее и достодолжное благодареніе, при чемъ Ея Императорскому Величеству отъ всего купеческаго корпуса всенижайше поднесены въ даръ: камень алмазъ, вѣсомъ въ 56 кратъ безъ 32 доли, цѣною въ 53.000 рублей, на золотой тарелкѣ высокой работы, да 10.000 червонныхъ иностранныхъ на трехъ серебренныхъ блюдахъ, высокой же работы, и рублевою монетою 50.000 рублей, которой даръ отъ Ея Императорскаго Величества принятъ весьма милостиво.

Въ газетахъ отъ 18 Февраля, за надобность сіе примѣчаніе почитается, какое въ Царѣградѣ Турецкое министерство о резиденціи при Европскихъ дворѣхъ разсужденіе имѣло. Хотя по древнему ихъ обычаю, кажется въ небезполезное министерское разсужденіе, для государственнаго покоя и только собственно себя содержать; но въ случаѣ, когда вникнутъ въ Европское обхожденіе, статься можетъ, что и то переймутъ, что прочіе дворы какія обстоятельства имѣютъ, и судилось мнѣ, для будущихъ впредъ временъ, того Турецкаго министерства разсужденіе, для памяти, тотъ артикулъ внесть въ журналъ, яко слѣдуетъ подъ симъ.

Изъ Константинополя отъ 5 Генваря. На сихъ дняхъ въ Диванѣ, по повелѣнію Султана собранномъ, паки предложено было: не надлежитъ ли Оттоманской Портѣ всегда содержать министровъ при иностранныхъ дворахъ? О чемъ, какъ каждой паша, такъ и всѣ прочіе члены Дивана, должны были дать свое мнѣніе. Нѣкоторые изъ нихъ представили, что того дѣлать не должно прежде, пока основательно окажется, что сіе Оттоманскому государству къ славѣ и пользѣ касаться можетъ. Что̀ принадлежитъ до пользы, то не видно, чтобъ Порта, отъ точнѣйшихъ обязательствъ съ другими дворами, большихъ выгодъ надѣяться могла; наипаче надлежитъ думать, что оныя Портѣ могутъ быть весьма вредны; ибо тогда Порта, взирая на своихъ сосѣдей, поступать, а можетъ быть и въ происходящихъ между ими несогласіяхъ, участіе принимать должна будетъ, безъ чего она однако обойтись можетъ, когда министровъ при иностранныхъ дворахъ содержать не будетъ.

Весьма великое премилосердіе Монархини, нашей всемилостивѣйшей Государыни Императрицы, какъ изъ публикованнаго нынѣ указу во всенародное извѣстіе примѣчено было, что вѣрноподданные въ великомъ порадованіи за столь превысочайшую императорскую милость, что Ладожской каналъ совсѣмъ отъ пошлинъ свобожденъ, какъ съ запасовъ, слѣдующихъ изъ Россіи, такъ сѣна и всякихъ плотовъ бревенъ и дровъ; но только на достройку онаго канала положено по два процента съ рубля съ тѣхъ товаровъ, которые отпускаются въ продажу за море, да и то платить при отпускѣ у порта, а не въ каналѣ. И тако онымъ отпущеніемъ платежа Санктпетербургскимъ жителямъ, которые привознымъ довольствуются, и Новогородской губерніи, великая польза учинена.

По состоявшемуся Ея Императорскаго Величества указу, хотя въ провозѣ Ладожскимъ каналомъ всякихъ съѣстныхъ товаровъ, съ дровъ и бревенъ, положено было съ рубля по два процента, а нынѣ, по выданному въ народъ печатному указу, Февраля 22 числа 754 году, всѣ тѣ пошлины отставлены, и никакого сбору при томъ каналѣ не

будетъ, и провозить всѣ припасы безпошлинно; а которые товары тѣмъ каналомъ везены будутъ въ отпускъ за море, съ тѣхъ товаровъ по два процента съ рубля брать при портѣ въ С.-Петербургѣ, которымъ указомъ жителямъ въ С.-Петербургѣ, какъ отъ привозу всякихъ запасовъ, такъ дровъ и бревенъ и сѣна изъ Россіи, вельма великой открытъ способъ, по щедрой милости нашей самодержавнѣйшей, великой Государыни Императрицы, и вѣрноподданнѣйшимъ здѣшней столицы жителямъ оказана полезнѣйшая милость, что̀ и слѣдуетъ для достопамятства внесть въ записку.

Маія 25, пополудни въ 7 часу, Ея Императорское Величество, наша всемилостивѣйшая Государыня, къ несказанной радости всѣхъ жителей здѣшней Императорской резиденціи, благополучно прибыла сюда въ лѣтній дворецъ изъ Сарскаго Села, при пушечной пальбѣ съ крѣпости и адмиралтейства, и при несказанномъ множествѣ собравшагося по улицамъ народа, по всей дорогѣ въѣзжающей въ С.-Петербургъ. А при отъѣздѣ изъ Москвы, всемилостивѣйшая Государыня къ народной пользѣ указы подписать изволила, которые и въ народъ публикованы:

1) Объ уничтоженіи древнихъ крѣпостей на людей и крестьянъ, по которымъ, за давнимъ ихъ временемъ, ябедники, рушители общаго покоя, пользовались, какъ подборомъ имянъ, такъ и прочими злодѣйскими вымыслы, отъ чего, по разнымъ обстоятельствамъ, за недостаткомъ къ своему утвержденію, неповинные не токмо притѣсняемы были и страдали, но и всего имѣнія своего лишались. Напротивъ того, по новому установленію, по которому не токмо вышеписанныя злодѣйства пресѣчены и великое число дѣлъ умалится; но безсомнительно всякъ свое себѣ утверждать и неправыхъ челобитчиковъ испровергать будетъ въ состояніи. Тутъ же и о насильномъ завладѣніи людей и крестьянъ положеніе учинено, котораго донынѣ не было.

2) О размежеваніи всего государства, для пресѣченія донынѣ происходимыхъ насильствъ и разныхъ вымысловъ къ отнятію одному отъ другаго земель и имѣнія, отъ чего множество ежегодно дракъ и убійствъ, а по онымъ слѣдствій происходило, и по большей части, какъ Вотчинная Коллегія, такъ губернскія и прочія, имъ подчиненныя канцеляріи, наполнены донынѣ дѣлами, которое зло чрезъ сей способъ совершенный конецъ возымѣетъ.

3) Объ учрежденіи государственнаго банка для дачи денегъ въ займы дворянству со взятіемъ въ годъ по шести процентовъ, а при томъ запрещеніе, чтобъ во всей области Ея Императорскаго Величества свыше шести процентовъ всякаго званія люди брать не отважи-

вались подъ штрафомъ лишенія того капитала, съ котораго выше шести взято будетъ.

4) Объ учрежденіи казеннаго банка при С.-Петербургскомъ портѣ для Россійскаго купечества.

Сентября 5, день всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества тезоименитства, торжествованъ былъ въ лѣтнемъ Ея Величества домѣ. Лейбъ-гвардіи полки пѣхотные, состоящіе съ гранодерскими ротами, и лейбъ-гвардіи конной полкъ, и армейскіе полки, были въ парадѣ; а коликое число гвардіи и армейскихъ полковъ, и какъ учреждены были въ парадѣ, при семъ, для достопамятнаго извѣстія, прилагается планъ съ показаніемъ полковъ по званіямъ и сколько числомъ.[50]).

Въ 10 часу того дня, пополуночи, ко двору былъ съѣздъ иностранныхъ и Россійскихъ знатныхъ особъ обоего полу пяти первыхъ классовъ для поздравленія. Ея Императорское Величество, всемилостивѣйшая Государыня, въ 12 часу изволила итить къ обѣднѣ въ придворную церковь, при множественномъ числѣ знатныхъ особъ. По окончаніи службы Божіей говорена проповѣдь преосвященнымъ Тверскимъ и Кашинскимъ епископомъ и членомъ Святѣйшаго Синода Григоровичемъ, а по окончаніи изволила Ея Императорское Величество ретироваться въ покои и, пришедъ, отъ всѣхъ всемилостивѣйше изволила принять поздравленіе.

Въ Петропавловскомъ соборѣ, при собраніи всѣхъ архіереевъ и архимандритовъ, по окончаніи литургіи, отправленъ благодарной молебенъ.

Потомъ, съ крѣпости С.-Петербургской и съ Адмиралтельства, и съ трехъ яхтъ, украшенныхъ флагами, стоящими на якоряхъ на Невѣ рѣкѣ, происходила стрѣльба отъ стоящихъ въ парадѣ гвардіи и армейскихъ полковъ бѣглымъ огнемъ троекратно. Онымъ корпусомъ командовалъ генералъ-аншефъ, гвардіи подполковникъ и кавалеръ Апраксинъ, съ присутствующимъ генералитетомъ и лейбъ-гвардіи штабъ-офицеры. По окончаніи троекратной стрѣльбы бѣглымъ огнемъ всѣ полки въ свои мѣста распущены.

Ея Императорское Величество, съ великимъ княземъ и наслѣдникомъ Всероссійскимъ, кушать изволила подъ трономъ, и трактованы первыхъ четырехъ класовъ обоего пола обѣденнымъ кушаньемъ, при томъ происходила Италіянская музыка, и кастратъ пѣлъ. За столомъ, при пушечной стрѣльбѣ, за всевысочайшее Ея Императорскаго Величества здравіе и за здравіе великаго князя, пили по пукалу, а тре-

---

[50]) Сего плана не оказалось.

тій пукалъ происходилъ благополучію всего Россійскаго государства. И тѣмъ обѣденное кушанье кончилось.

А въ 7 часу пополудни всѣмъ былъ во дворцѣ съѣздъ и начатъ былъ балъ, которой въ присутствіи всемилостивѣйшей Государыни продолжался до 12 часу пополудни, и во ономъ часу разъѣхались.

Сентября 20. О рожденіи его императорскаго высочества и о всемъ, что происходило, при семъ печатная вѣдомость прилагается.

Сентября 25 повѣщено было первымъ пяти классамъ съѣхаться въ 10 часовъ ко двору, ибо въ тотъ день назначено крестить новорожденнаго великаго князя.

Въ 12 часу, всемилостивѣйшая Государыня, при провожденіи знатныхъ въ великой свитѣ, изъ залы лѣтняго дома изволила итить въ придворную церковь, а за Ея Величествомъ несенъ ко крещенію новорожденной великой князь Павелъ Петровичъ, котораго несла вдовствующая генерала-фельдмаршала принца Гессенъ-Гомбургскаго супруга, ея свѣтлость княгиня Настасія Ивановна, и держана подъ руки, по правую оберъ-гофмаршаломъ и кавалеромъ Св. Апостола Андрея Шепелевымъ, а по лѣвую оберъ-гофмейстеромъ и кавалеромъ тогожъ ордена барономъ фонъ-Минихомъ. И по принесеніи въ придворную церковь и по воспріятіи Св. крещенія, съ такою церемоніею препровожденъ во внутренніе покои, и по окончаніи молебна, съ крѣпостей, С.-Петербургской и Адмиральтейской, происходила пушечная пальба. И того дня болѣе ничего не происходило.

Сентября 26 состоялся указъ и объявленъ изъ Правительствующаго Сената о пожалованіи, для рожденія Ея Императорскаго Величества внука Павла Петровича, въ награжденіе деньгами всѣмъ солдатамъ и матросамъ, гвардіи по два рубли, а прочимъ по одному рублю [51]).

Октября 7, каковъ указъ состоялся о титулѣ новорожденнаго великаго князя, при семъ прилагается печатной оригиналъ.

Октября 9, о рожденіи его императорскаго высочества великаго князя Павла Петровича въ С.-Петербургѣ, въ лѣтнемъ домѣ, происходило торжество.

Пополудни въ 7 часу велѣно ко двору съѣхаться четырехъ классовъ обоего пола. Съ 9 часу начался балъ. Ея Императорское Величество, изъ своихъ покоевъ, при свитѣ придворныхъ кавалеровъ, изволила выдти въ залъ, а въ 11 часу зажженъ былъ фейверокъ, которой учрежденъ былъ при дворѣ; и въ началѣ 12 часу всемилостивѣй-

---

[51]) Сей указъ состоялся не 26, а 25 Сентября. См. Полное Собраніе Законовъ.

шая Государыня ретироваться изволила въ почивальню, а государь великій князь, со иностранными министры и четырехъ классовъ дамъ и кавалеровъ Россійскихъ, изволилъ итить ужинать въ галерею, что предъ придворною церковью, и за столомъ продолжались до 2 часу пополуночи, при чемъ, какъ пальбы изъ пушекъ, такъ и ни за какое здоровье покалами не пили, и по окончаніи ужиннаго кушанья разъѣхались.

А послѣ того во всю недѣлю опредѣлено препроводить время весельемъ, и происходили при дворѣ оперы, комедіи, и 12 числа маскарадъ былъ, а 16, то есть въ Воскресенье, маскарадомъ окончено.

Представлены были великолѣпныя иллуминаціи. Аллегорическое представленіе на главномъ планѣ фейверка было слѣдующее:

Россія, въ отверстомъ кругломъ храмѣ, гдѣ въ срединѣ представлено было зданіе Чести съ щитомъ имени Ея Императорскаго Величества подъ короною, стояла на колѣняхъ предъ жертвенникомъ; а подлѣ ея Вѣрность и Благодарность во образѣ младенцовъ, которые побуждали ее принесть жертву и ѳиміамъ своихъ желаній вознести на небо, съ подписью внизу: *Единаго еще желаю.*

Послѣ явилось съ высоты, на легкомъ облакѣ, великимъ сіяніемъ окруженное, Божіе Провидѣніе съ новорожденнымъ принцемъ, на пурпуровой бархатной подушкѣ, съ надписью: *Тако исполнилось твое желаніе.* Изъясненіе сего представленія содержится въ слѣдующихъ стихахъ:

И такъ ужъ Божія десница увѣнчала,
Богиня! все, чего толь долго Ты желала!
Чегожъ желала Ты? Лишь счастія гражданъ,
Благополучія Тебѣ подвластныхъ странъ.
Благополучіемъ ихъ такъ Ты веселишься,
Что бóльшаго искать веселія не тщишься.
И такъ ужъ Ты на верхъ утѣхъ возведена.
Россія, небесамъ любезная страна!
И вѣрность подданныхъ, и благодарность купно,
Просили Господа съ Тобою неотступно.
Услышалъ Онъ мольбы съ святыя высоты
И все исполнилъ то, чего желала Ты.
Онъ Промысломъ Своимъ довольно увѣряетъ,
Что Онъ Твоей мольбы отнюдь не презираетъ.
Исполнилось Твое желаніе теперь:
Россія счастлива, и съ ней Петрова дщерь.

Послѣ сего торжества, знатныя особы въ С.-Петербургѣ въ домѣхъ своихъ дѣлали для маскарада богатые трактаменты съ представленіемъ великолѣпныхъ иллюминацій, гдѣ присутствовать изволила всемилостивѣйшая Государыня, и чрезъ всеё ночь веселіе въ танцахъ препровождалось, а послѣ дѣлали вольные маскарады.

Изъ многихъ Остзейскихъ городовъ получены были вѣдомости: о рожденіи великаго князя Павла Петровича, по благодареніи Бога, публичныя торжества съ представленіи иллюминаціи.

Ноября 1. О трясеніи земли въ Цареградѣ каковъ полученъ изъ письма экстрактъ съ вѣдомостью, въ газетѣ подъ № 87 объявлено. Оной артикулъ, для достопамятнаго впредъ вѣдѣнія въ сей ведущійся журналъ внесено.

И болѣе въ примѣчаніи вышеозначеннаго года не происходило.

Генваря 1 дня 1755 года въ С.-Петербургѣ, ко двору Ея Императорскаго Величества былъ обыкновенный пріѣздъ и съ Новымъ годомъ поздравленіе Ея Императорскому Величеству и Ея Величества фамиліи.

Генваря 24 выданнымъ указомъ публиковано о учиненіи университета и при томъ гимназіи въ Москвѣ, чего ради для достопамятнаго вѣдома впредъ, при семъ о томъ знатнѣйшемъ, по всевысочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію, учрежденіи точной печатной указъ прилагается.

Февраля 2 въ Петербургѣ извѣстіе получено, въ которомъ хотя нужда не обстоитъ, но для примѣчанія къ достоинству такой рѣдко бываемой рода человѣческаго натуры случай происходитъ, и для того нижеслѣдующее слученіе внесть подобаетъ въ журналъ. Въ Московскую губернскую канцелярію репортомъ 754 году написано: «Шуйскаго уѣзду, вотчины Николаевскаго монастыря Введенскаго, у крестьянина Якова Курилова съ первою женою 21 брюхо, въ томъ числѣ 4 четверни, 7 тройни, 10 двойни, всего 57 человѣкъ; съ другою женой 7 брюхъ, всѣ по двойни, въ томъ числѣ 1 тройни, и того 15 человѣкъ». Всѣхъ было 72 человѣка, а вышеписанный крестьянинъ Куриловъ, по извѣстію, и нынѣ живъ; лѣтъ ему 70.

Апрѣля 24. Присланному отъ Порты Оттоманской посланнику, который присланъ съ грамотою о восшествіи новаго султана, аудіенція была въ лѣтнемъ Ея Императорскаго Величества домѣ, въ С.-Петербургѣ. Ея Императорское Величество изволила быть подъ трономъ; статсъ-дамы и фрейлины въ богатомъ платьѣ, рядомъ по старшинству, стояли въ галереѣ, по правую сторону трона, а пяти классовъ генералитетъ и придворные кавалеры по лѣвую сторону, такожъ въ богатомъ платьѣ. По сторонамъ креселъ, на которыхъ Ея Император-

ское Величество изволила присутствовать, въ пребогатомъ голубомъ платьѣ съ серебромъ, стояли, по правую сторону, оберъ-егермейстеръ и лейбъ-компаніи капитанъ-поручикъ и кавалеръ, рейхсграфъ Разумовскій; по лѣвую, оберъ-гофмейстеръ и кавалеръ баронъ Минихъ. По поданіи отъ посланника грамоты, принялъ ее, для поднесенія всемилостивѣйшей Государынѣ, великій канцлеръ, сенаторъ и разныхъ орденовъ кавалеръ Бестужевъ-Рюминъ, и по поднесеніи Ея Императорскому Величеству положилъ на пріуготовленный по правую сторону столикъ, и отшедъ изъ подъ трона по степенямъ задомъ, приступя къ посланнику, отвѣтъ говорилъ именемъ Ея Императорскаго Величества вкратцѣ. А что касалось рѣчи отъ посланника, то переведено было на Русскій діалектъ и читано, прежде поданія грамоты, предъ Ея Императорскимъ Величествомъ, отъ генералъ-маіора и генералъ-рекетмейстера Дивова. И тою церемоніею аудіенція окончена.

Внѣ двора Ея Императорскаго Величества поставлена была команда армейскихъ полковъ по обѣ стороны дороги въ двѣ шеренги, подъ командою генералъ-маіора и кавалера Салтыкова, а внутри двора Ея Императорскаго Величества фрунтомъ въ четыре шеренги, при одномъ бѣломъ знамѣ, лейбъ-гвардіи полковъ гранодеръ и солдатъ 400 человѣкъ, въ срединѣ мушкатеры и знамя, а по флангамъ гранодеры съ принадлежащимъ числомъ оберъ-офицеровъ, также и унтеръ-офицеровъ, капраловъ и прочихъ чиновъ. А командовалъ оными генералъ-маіоръ и лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку маіоръ Нащокинъ. По прибытіи Ея Императорскаго Величества изъ зимняго дому въ лѣтній, въ церемоніальномъ штатѣ, означенною командою, Ея Императорскому Величеству, оный Нащокинъ, со стоящимъ всѣмъ фрунтомъ, сказалъ на караулъ, со уклоненіемъ знамя, и въ барабанъ битъ походъ. А какъ Турецкій посланникъ шелъ церемоніею, то какъ внѣ двора армейскіе, такъ и внутри двора Ея Величества гвардіи полковъ команда держала ружье у ноги, безъ отданія комплимента.

Апрѣля 25, торжество коронаціи было въ зимнемъ домѣ. Лейбъ-гвардіи и армейскіе полки около дворца были въ парадѣ и, по окончаніи службы Божіей, палили изъ пушекъ и изъ ружья бѣглымъ огнемъ трижды, и былъ обѣденный трактаментъ пяти классовъ обоего пола.

Іюня 13, во Вторникъ, сынъ мой меньшой Иванъ, отъ рожденія своего имѣя 8 лѣтъ, отправленъ изъ С.-Петербурга въ новоучрежденный университетъ, при учителѣ того университета втораго класса г. Михельсонѣ.

Іюня 14, Турецкій посланникъ имѣлъ равнымъ образомъ при дворѣ аудіенцію, для возвращенія своего въ отечество.

Іюня 29, въ день св. апостолъ Петра и Павла, въ тезоименитство государя наслѣдника великаго князя, и его высочества сына великаго князя Павла Петровича, объявлено было отъ двора, чтобъ послѣ полудня были пяти класовъ обоего пола и иностранные министры въ Ранинбомъ, гдѣ при зажженіи иллюминаціи, былъ балъ, а послѣ вечернее кушанье. А при всемъ томъ торжествованіи его высочество государь великій князь и съ великою княгинею присутствовать изволили, откуда пріѣзжающіе изъ С.-Петербурга разъѣхались въ два часа по полуночи.

Для примѣчанія. Отъ Петрова дни, то есть, во весь Іюль мѣсяцъ и Августа по 17 число, рѣдкой день чтобъ дождя не было, отъ чего сѣну великой вредъ причинился: большая часть покошеннаго сѣна отъ дождя погнило, и отъ того градскимъ жителямъ не безъ нужды; къ томужъ сей годъ умножено въ Петербургѣ полковъ для дворцовой работы, да лейбъ-кирасирской полкъ приведенъ, и по тому умноженію цѣна сѣну противъ прежнихъ цѣнъ превосходитъ.

Сентября 5 числа обыкновенной всѣхъ знатныхъ ко двору пріѣздъ и съ тезоименитствомъ Ея Императорскаго Величества поздравленіе и, по трактованіи обѣдомъ и вечернимъ баломъ, то торжество кончилось.

Сентября 20, день рожденія государя великаго князя Павла Петровича. При ономъ торжествѣ лейбъ-гвардіи полковъ поданные доклады о произвожденіи въ тѣхъ полкахъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ въ офицеры, и выпускъ въ армію и въ отставку вовсе, и къ дѣламъ, отъ Ея Императорскаго Величества конфирмованы; а на вечернемъ балѣ пожалованы изъ генералъ-поручиковъ въ генералъ-аншефы: Юрья Ливенъ, Вилимъ Ферморъ, а по окончаніи бала, старѣе оныхъ генералъ-поручикъ принцъ Голштейнбекъ, заочно, пожалованъ генераломъ же аншефомъ, которые въ томъ пожалованіи старшинство свое имѣютъ по прежнимъ чинамъ, какъ состояли.

Ноября 15 въ С.-Петербургѣ, въ новопостроенной деревянной зимній Ея Императорскаго Величества домъ на рѣкѣ Мьѣ и по большой перспективной дорогѣ чтó къ Адмиралтейству, Ея Императорское Величество, по полудни часу въ 8, перейтить изволила со всею высочайшею фамиліею.

Декабря 25, о генералитетѣ, которые вновь произведены въ армію, и великая перемѣна всей арміи конфирмована, и немалое число въ отставку ко штатскимъ дѣламъ и вѣчно въ домы отпущено, по разсмотрѣнію Военной Коллегіи съ генералы-аншефы, и, по многой отставкѣ, досталось въ арміи немалому числу изъ майоровъ въ полковники.

Въ 1 день Генваря 1756 года обыкновенной былъ по утру пріѣздъ ко двору, и Ея Императорское Величество съ новымъ годомъ иностранные министры и Россійскіе всѣхъ классовъ знатные обоего пола поздравляли; такожъ и его императорское высочество государя великаго князя и великую княгиню поздравляли, а въ вечеру былъ балъ и фейверокъ зажженъ, причемъ огненныя фигуры на подобіе перемидъ, и вертѣлись перемиды огненныя, самаго бѣлаго огня фигуры, которыхъ было множество, а ракетъ верхнихъ и нижнихъ, швермеровъ употреблено было множество.

Отъ начала новаго года зима происходила весьма слабая съ великими вѣтры и часто съ прибылою съ моря водою, и всевременно съ перемѣнною погодою.

Генваря 6, у новаго Ея Императорскаго Величества зимняго дворца, противъ оконъ, подлѣ Зеленаго мосту, на рѣкѣ Мьѣ, учреждено было для Ердани мѣсто, и отъ церкви Казанской Богоматери приходили со кресты, а полки у дворца и по берегамъ оной рѣки съ обѣихъ сторонъ стояли.

Въ началѣ сего году небеззнатное дѣло вдругъ оказалось, что о томъ отнюдь слуха не было, а Февраля 6 числа въ полученныхъ газетахъ, между прочими вѣдомостьми изъ Лондона, въ одномъ артикулѣ напечатано: «Нечаянной случай весь народъ привелъ въ радостное движеніе, а именно минувшаго Генваря 16 числа въ вечеру былъ великой совѣтъ въ Сенджемсѣ, въ которомъ подписанъ трактатъ между дворами Англійскимъ и Прусскимъ, а въ какомъ состояніи, о томъ въ книгѣ газетной точно явствуетъ въ артикулѣ подъ № 11, изъ Лондона отъ 23 Генваря, и подъ нумеромъ 12 изъ Берлина отъ 5 Февраля». И того году газетная книга Февраля мѣсяца въ моей библіотекѣ при журналѣ собрана. А болѣе для того, что́ ожидается, какой случай между Франціею и Англинскимъ дворомъ произойдетъ, война или миръ, въ томъ будетъ участіе имѣть Прусской дворъ, какъ означилось въ учиненномъ между оными дворами трактатѣ.

Апрѣля съ 29 на 30 число, по полуночи въ первомъ часу, начался дождь съ громомъ, и отъ молніи, въ третьемъ часу по полуночижъ, зажгло Петропавловской шпицъ, которой горѣлъ съ часъ и свалился; какъ оной шпицъ, такъ и на соборной церкви куполъ, сгоря, свалился же, отъ чего и въ церкви иконостасъ повредился. Послѣ того вскорѣ имяннымъ Ея Императорскаго Величества указомъ велѣно канцеляріи отъ строеній, учиня проектъ, строить, которая и начата мѣсяца Маія строиться.

Маія 10, при высочайшихъ Ея Императорскаго Величества домѣхъ отъ дежурнаго генерала-адъютанта, лейбъ-гвардіи Преображен-

скаго полку преміеръ-майора и кавалера Александра Борисовича Бутурлина, во всѣ лейбъ-гвардіи полки сообщено, что Ея Императорское Величество, изъ высочайшей милости, повелѣть соизволила: всѣмъ лейбъ-гвардіи господамъ майорамъ, завтрашняго числа, въ 9 часовъ, быть въ Село Царское, а при полкахъ команду поручить старшимъ капитанамъ. Того ради о вышеписанномъ для надлежащаго исполненія чрезъ сіе сообщается, а егда во ономъ полку кто изъ господъ майоровъ находится боленъ, о томъ сейчасъ къ дежурству прислать записку. У подлиннаго подписано: Иванъ Косаговъ.

И по сему высочайшему Ея Императорскаго Величества соизволенію, Маія 11 дня, въ 9 часовъ, всѣхъ лейбъ-гвардіи полковъ майоры въ Царское Село съѣхались къ дежурному генералъ-адъютанту, а потомъ пошли съ оберъ-егермейстеромъ, лейбъ-компаніи капитаномъ-поручикомъ и разныхъ орденовъ кавалеромъ, его сіятельствомъ рейхсграфомъ, Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ, въ палаты верхняго апартамента, для смотрѣнія новопостроенной церкви, украшенной великолѣпіемъ, и прочихъ палатъ, преукрашенныхъ великолѣпно разными художествы. А отъ туда пришли въ покои, гдѣ Ея Императорское Величество присутствовать изволила; а когда Ея Императорскаго Величества выходъ былъ, тогда пріѣзжіе гвардіи майоры за всевысочайшую Ея Императорскаго Величества милость всеподданнѣйше благодарили, что удостоены были пріѣздомъ въ Село Царское.

Того же числа, по полудни во 2 часу, Ея Императорское Величество изволила итить въ новопостроенной Царскаго Села армитажъ, съ нѣсколькими штатсдамы и придворными кавалеры; а при томъ указано въ присутствіи Ея Величества быть у стола и пріѣзжимъ гвардіи майорамъ, которые по высочайшей императорской милости имѣли честь при обѣденномъ кушаньѣ за столомъ Ея Величества кушать, а послѣ обѣда, со всеподданнѣйшимъ благодареніемъ, допущены къ рукѣ Ея Величества, а потомъ обратно въ Петербургъ слѣдовали.

По вышеписанному же высочайшему соизволенію удостоились быть: генералъ-аншефъ и кавалеръ, лейбъ-гвардіи коннаго полку преміеръ-майоръ, князь Петръ Черкасской; генералъ-лейтенантъ и кавалеръ, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку преміеръ-майоръ Косаговъ; генералъ-лейтенантъ и кавалеръ, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку преміеръ-майоръ Ѳедоръ Ушаковъ; генералъ-лейтенантъ и кавалеръ, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку преміеръ-майоръ Никита Соковнинъ; генералъ-лейтенантъ и кавалеръ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку преміеръ-майоръ Иванъ Гурьевъ; генералъ-майоръ и кавалеръ, лейбъ-гвардіи коннаго полку секундъ-майоръ Григорій Корфъ; генералъ-майоръ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку секундъ-майоръ

Василій Нащокинъ; генералъ-майоръ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку секундъ-майоръ князь Меншиковъ; генералъ-майоръ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку секундъ-майоръ Гаврила Рахмановъ.

Маія 16, Настасью, большую дочь, сговорилъ я замужъ генерала-поручика Ивана Аѳанасьевича Шипова за сына его, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку подпоручика Михаила Ивановича Шипова, въ Петербургѣ.

Іюня 1, Ея Императорское Величество, всемилостивѣйшая Государыня указать соизволила, новопостроенную въ слободѣ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку, деревянную на каменномъ фундаментѣ, церковь, во имя Святыя Троицы и въ ней придѣлъ во имя Іоанна Воина, освятить, чтó того 1 числа Іюня и учинено, и освящена архіепископомъ С.-Петербургскимъ и Слюшенбургскимъ и архимандритомъ Александро-Невской Лавры, членомъ Святѣйшаго Синода Сильвестромъ, со освященнымъ причтомъ.

Въ публикованномъ изъ Правительствующаго Сената указѣ, между прочимъ въ нижеписанныхъ пунктахъ напечатано. Въ первомъ, для внесенія въ сей журналъ нужды не состоитъ. Во второмъ: которые изъ обучающихся въ Московскомъ университетѣ дѣйствительно въ воинской и гражданской службѣ записаны и впредъ будутъ записаныжъ, а лѣта и склонность ихъ дозволяютъ имъ обучаться наукамъ, такимъ для обученія дозволять при университетѣ остаться до вышесказанныхъ лѣтъ возраста ихъ; а чтобъ они не могли чрезъ то потерять свое произвожденіе, оныхъ какъ въ воинской, такъ и въ гражданской командахъ, гдѣ они въ службу записаны, въ повышеніяхъ старшинствомъ не обходить и произвожденіе имъ чинить по указамъ. Въ третьемъ: а которые изъ оныхъ въ Московскомъ университетѣ, будучи въ 20 лѣтъ возраста ихъ, окажутся склонными и способными ко обученію высшихъ наукъ и для того нужно будетъ имъ остаться при университетѣ далѣе 20 лѣтъ ихъ возраста, о таковыхъ, со изъясненіемъ о ихъ наукахъ, Московскому университету представлять Правительствующему Сенату, почему и надлежащія опредѣленія чинены будутъ. Маія 18 дня 1756 года. У подлиннаго подписано тако: оберъ-секретарь Иванъ Ермолаевъ. Секретарь Иванъ Васильевъ. Регистраторъ Борисъ Сахаровъ.

По полученіи вышесказаннаго указа, Василій Нащокинъ о сынѣ своемъ Иванѣ, чтó записанъ въ Московской университетъ, подалъ записку чрезъ камергера и орденовъ Россійскаго Александра Невскаго, Польскаго Бѣлаго Орла и Св. Анны кавалера и Московскаго университета куратора его превосходительство Ивана Ивановича Шувалова, а въ какой силѣ подано, при семъ сообщается:

«Василья Нащокина сынъ, Иванъ Нащокинъ, въ прошломъ 755 году въ Іюлѣ мѣсяцѣ, написанъ въ Московскій университетъ, а сего 756 году Маія 18 дня, по состоявшему Ея Императорскаго Величества указу, велѣно: ежели изъ таковыхъ записанныхъ во университетъ, для службы записываться будутъ въ разныя мѣста, и въ тѣхъ мѣстахъ числить ихъ въ университетѣ до урочныхъ лѣтъ, а за ученіе ихъ по линіи старшинства съ прочими производить. И по тому Ея Императорскаго Величества указу, изъ Высочайшей Ея Величества милости просилъ, чтобъ его написать въ солдаты лейбъ-гвардіи въ Измайловской полкъ, и до указныхъ лѣтъ быть для обученія во университетѣ».

И по докладу, каково Ея Императорскаго Величества, всемилостивѣйшей Государыни, воспослѣдовало повелѣніе при семъ, впредъ для вѣдѣнія, а особливо сыну моему Ивану, какъ о немъ производилось, сообщается:

«Ея Императорскаго Величества отъ дежурнаго генерала-адъютанта, лейбъ-гвардіи въ Измайловской полкъ. Ея Императорское Величество, изъ высочайшей своей монаршеской милости, указать соизволила: онаго полку г. майора Нащокина сына его Ивана Нащокина, которой находится, съ прошлаго 1755 года Іюля мѣсяца, въ Московскомъ университетѣ, записать во объявленной лейбъ-гвардіи Измайловской полкъ въ солдаты, и въ томъ полку числить его до указныхъ лѣтъ для обученія во ономъ университетѣ. О чемъ оное Ея Императорскаго Величества именное повелѣніе чрезъ сіе ко исполненію и сообщается». У подлиннаго подписано тако: графъ Александръ Шуваловъ.

Посему, отданнымъ въ полкъ приказомъ, онаго Іюня 1 числа, оной сынъ мой Иванъ и написанъ въ комплектъ въ 4-ю роту, и велѣно ему быть до урочныхъ лѣтъ во университетѣ.

Іюля 1. Въ Стекголмѣ учинена экзекуція, какъ явствуетъ въ полученныхъ сего 756 году газетахъ, что хотѣли короли учинить суверейномъ, о чемъ донесено Сенату, и названы тѣ главныя особы возмутителями и помѣшателями государственнаго общаго покоя. Оныя же особы были фамиліи знатной: баронъ Горнъ и графъ Браге съ товарищи, которые за то ихъ преступленіе Іюня 23 числа казнены смертію, отсѣченіемъ главъ. Любопытной же можетъ читать о той экзекуціи въ газетахъ 1756 году, а именно подъ нумерами 60, 62, 64, 65, въ которыхъ обстоятельно описано. Сей колоколъ будетъ звонить надолго, и слѣдовательно тѣмъ примѣромъ нескоро отважится кто на счастіе, чтобъ чрезъ такой же случай учинить себѣ фортуну.

При газетахъ означеннаго 13 числа прибавленіе получено о пріѣздѣ чрезвычайнаго Россійскаго посланника ко двору Турецкаго сул-

тана, штатского дѣйствительнаго совѣтника князя Сергѣя Долгорукова и о аудіенціи его, которая происходила 12 числа Маія сего году. Для обстоятельнаго же извѣстія оное печатное прибавленіе при семъ прилагается.

Октября 18 Василій Нащокинъ отпущенъ изъ С.-Петербурга въ Москву, именнымъ указомъ, безъ вычта по окладу генералъ-майора жалованья.

Ноября 2 въ Москву благополучно пріѣхалъ.

Ноября 8 выдалъ дочь свою большую Настасью замужъ, за Михайлу Ивановича Шипова, которой служитъ лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку подпоручикомъ. Приданаго дано 3.000 р. денегъ, да на 4.000 р. платья и алмазныхъ вещей.

Ноября 19 изъ Москвы поѣхалъ въ деревни свои Ростовскія и Костромскія и, возвращаясь чрезъ городъ Ярославль, между Ростова и Переславля-Залѣсскаго, пріѣзжая къ селу Петровскому, на 30 число Ноября, по полуночи часу въ третьемъ, въ лѣвомъ плечѣ такая чрезвычайная началась боль, и во всю руку непрестанная ужасная стрѣльба, что съ великимъ страданіемъ происходила, и 40 верстъ хотя съ великою поспѣшностію везенъ до города Переславля-Залѣсскаго, гдѣ, въ самомъ отъ болѣзни худомъ состояніи, пущена того же 30 числа кровь, и продолжался тутъ двое сутки, потомъ въ Москву везенъ съ несказаннымъ трудомъ отъ приключенія той жестокой болѣзни, гдѣ до окончанія сего году пользованъ докторомъ Монси, которой признавалъ въ вышнемъ градусѣ ремотизмъ отъ простуды; ибо тогда, 21 Ноября, начались жестокіе морозы и продолжались до окончанія года, а потомъ, по пользованіи въ Москвѣ, нѣсколько стало легче, токмо рука съ болью и нимало владѣть не могла.

Декабря 28 поѣхалъ я съ нуждою на срокъ и привезенъ въ Петербургъ въ великой отъ руки болѣзни 31 Декабря, по полудни въ 11 часу, и такая чрезвычайно мучительная болѣзнь продолжалась, въ болѣзненномъ безпокойствѣ отъ нестерпимой боли, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Чрезъ полученіе въ разныхъ мѣсяцѣхъ и числѣхъ сего 756 года газетъ, наполнены у всѣхъ уши о происходившей баталіи между войскъ императрицы королевы Венгерской съ Прусскимъ королемъ въ Богеміи, 20 Сентября, при Либошицѣ, и что Прусской король овладѣлъ Саксоніею, о чемъ здѣсь распространять за ненужное нахожу; ибо любопытный можетъ о произвожденіи усильствъ короля Прусскаго дому курфирста Саксонскаго и всей Саксоніи ясно видѣть изъ приходящихъ сего году вѣдомостей, какъ то выше объявлено, сколько гласно оное произвожденіе есть. Ожидать надлежитъ новыхъ произвожденій въ

1757 году, какія дѣла, какъ между оныхъ войскъ, такъ и о субсидіи оной разоренной Саксонской землѣ мощные сикурсы будутъ; а сей годъ тѣмъ окончёнъ, что усилія Саксоніи во всемъ продолжаются, и Прусское войско въ Саксоніи не точію во всякомъ удовольствіи, но и непрестанно вербуетъ король свое войско Саксонскими людьми, и деньгами наполняетъ свою казну, собирая Саксонскіе опредѣленные доходы, и сверхъ того тяжкія налагаетъ контрибуціи и, какъ выше описано, со оной изобильной Саксоніи свой интересъ наполняетъ безъ помѣшательства, такъ и своихъ генераловъ и офицеровъ обогащаетъ пребогато.

Въ концѣ же сего года, къ Россійской многочисленной арміи, стоящей неподалеку отъ Прусской границы, то-есть въ Курляндіи и около Риги, отправленъ генералъ-фельдмаршалъ, гвардіи подполковникъ Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ, и какъ дано знать по вѣдомостямъ, что прибытіе его въ Ригу происходило со особливымъ отъ гражданъ почтеніемъ и встрѣчею, а во дни высокихъ торжествъ были у него богатые трактаменты и балы.

И тѣми оказательными случаи сей 756 года кончился.

Генваря 1 дня 1757 году, въ Петербургѣ ко двору Ея Императорскаго Величества со всеподданнѣйшимъ поздравленіемъ, во обыкновенномъ часу, всѣ знатные обоего полу пріѣзжали.

Генваря 21 въ газетахъ, изъ Парижа отъ 7 Генваря, къ безславію нынѣшняго вѣка и къ крайнѣйшему омерзѣнію всего христіанскаго рода, должно объявить, что противъ всякаго чаянія нашелся во Франціи другой зломерзкой Равальякъ, которой 14 Маія 1610 году умертвилъ короля Генриха IV; а нынѣ сего Генваря 5 числа, по полудни въ 6 часу, его величество король Французской, будучи у своихъ дѣтей, принцессъ Французскихъ, при провожаніи дофина, вышедъ, хотѣлъ внутри двора Версальскаго вступить въ карету; но неусмотрѣніемъ гвардіи протерся богомерзкой плутецъ до кареты и такимъ образомъ короля, въ намѣреніи умертвить, ранилъ. О томъ, съ точнаго письма изъ Франціи, при сей запискѣ прилагается копія; а о продолженіи всего, чрезъ весь сей мѣсяцъ Генварь, въ газетахъ наполнены извѣстія, и ими значится, по сыску онаго подлаго злодѣя, впредъ для памяти въ сей журналъ записать должно. Чѣмъ то злодѣйское дѣло окончится и не явится ли кто, по показанію онаго злодѣя, въ томъ богопротивномъ умышленіи сообщникомъ, окажетъ время, чего ожидать надлежитъ. Болѣе ничего о томъ знатнаго не оказалось, какъ онаго злодѣя, чрезъ немалое время розысковъ, казнію жестокою умертвили растерзаніемъ лошадьми, о чемъ въ газетной книгѣ сего 757 году значится именно.

Полученная въ Петербургѣ въ Іюлѣ мѣсяцѣ партикулярно копія съ письма короля Прусскаго къ фельдмаршалу его Кейту, котораго онъ именуетъ милордомъ, послѣ проигранныхъ баталій противу Аустрійцевъ 18 Іюня 1757 года:

„Гранодеры Цесарскіе и войско весьма похвальное, сто ротъ, обороняли одну гору, которую моя пѣхота взять не могла. Фердинандъ ею командовалъ и атаковалъ семь разъ, но безъ успѣху. Первою атакою взялъ онъ батарею, но удержать ее не могъ. Непріятель имѣлъ передъ нами выигрышъ множественною и преизрядно дѣйствующею артиллеріею, которая дѣлаетъ честь Лихтенштейну, командующему ею, и съ которой только Пруссія одна спорить можетъ. Я имѣлъ мало пѣхоты, а конница хотя тутъ и была, но почти безъ дѣйства. Я ее съ жандармами и нѣсколькими драгунами отдалъ Фердинанду. Онъ атаковалъ безъ пороху; но напротивъ того непріятель своего не жалѣлъ; имѣлъ же себѣ непріятель въ пользу горы, ретранжаменты и превеликую артиллерію. Многіе изъ моихъ полковъ совсѣмъ поражены. Генрихъ дѣлалъ чудеса. Я впередъ дрожу о любезныхъ моихъ братьяхъ: они лишне храбры. Фортуна отъ меня въ тотъ день отвратилась, чево мнѣ и ожидать было отъ нея надобно: она женщина, а я къ нимъ несклоненъ; она взяла сторону женщинъ, которыя противъ меня воюютъ. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ надобно было взять больше пѣхоты. Успѣхъ, мой дорогой милордъ, обнадеживаетъ иногда вредительно: двадцати трехъ баталіоновъ недовольно было сбить 60 тысячъ человѣкъ съ такова полезнова мѣста; впредъ мы лучше сдѣлаемъ. Что̀ вы думаете о такомъ собраніи? Цѣль, только ежелибъ видѣлъ марку Бранденбургской дѣдъ мой, удивился бы, видя внука своего въ войнѣ съ Русскими, съ Аустрійцами, почти со всею Нѣмецкою землею, и со ста тысячами вспомогательнаго Французскова войска. Я не знаю, будетъ ли мнѣ стыдно не устоять; а знаю, что нѣтъ славы и меня побѣдить“.

Сего года вступила Ея Императорскаго Величества армія подъ командою генерала-фельдмаршала Апраксина дѣйствительно чрезъ Польшу, имѣя маршъ до города Польскаго Ковни, и отъ туда, переправясь чрезъ Нѣманъ рѣку, въ Пруссію маршъ производитъ. Извѣстія объ ономъ маршѣ при газетахъ выдаются въ прибавленіяхъ, которыя сего года въ газетную книгу собираются.

А со особливымъ корпусомъ, чрезъ Курляндію къ Мемлю, первому городу Прусскому, съ войскомъ отправился г. генералъ Ферморъ, которой, по прибытіи къ оному городу, съ моря и съ сухова пути, атаковалъ и счастливую того города, по штурмованіи, сдачу получилъ.

Августа 18, по собраніи въ домъ Ея Императорскаго Величества шести классовъ воинскихъ и штатскихъ чиновъ, объявленъ манифестъ,

а въ газетахъ подъ нумеромъ 66, въ артикулѣ напечатано, какова отъ короля Прусскаго декларація, и на оную отъ двора Ея Императорскаго Величества отвѣтъ будетъ въ книжной лавкѣ продаваться, которые собраны и при семъ прилагаются, а при томъ и публикованной манифестъ.

Августа 27, отъ главной армiи, что обрѣтается въ Пруссіи подъ командою генералъ-фельдмаршала Апраксина, въ Царское Село, того числа вечеромъ, пріѣхалъ генералъ-маіоръ Панинъ со извѣстіемъ о одержанной баталіи надъ Прусскимъ войскомъ, о чемъ, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества въ Царскомъ Селѣ, тогожъ часа отправленъ благодарной молебенъ; а 28 числа въ С.-Петербургѣ о томъ дано знать чрезъ стрѣльбу изъ 101 пушки съ города, пополуночи въ 5 часу; а въ 10 часовъ того же утра повѣщено собраться въ Петропавловской соборъ, гдѣ объявлена была присланная реляція и, по прочтеніи оной, отправленъ былъ благодарной молебенъ, и стрѣлено съ крѣпости изъ пушекъ. А какъ оная баталія происходила, при семъ прилагается копія съ письма, полученнаго отъ генералъ-фельдмаршала Апраксина съ генералъ-майоромъ Панинымъ, и чтеннаго 28 Августа въ Петропавловскомъ соборѣ, и печатная реляція со всѣми при томъ обстоятельствы о происшедшей баталіи.

А что сегожъ году между арміями королевы Богемо-Венгерской и короля Прусскаго, и отъ помощной арміи короля Французскаго происходитъ, любопытной да чтетъ и увидитъ ясно въ книгѣ, собираемой сего года газетъ и къ тѣмъ прибавленій.

Прусской генералъ-фельдмаршалъ Левальдъ, какъ изъ укрѣпленнаго мѣста къ Россійской арміи намѣренъ былъ выдтить и дать баталію, тогда, каковую далъ всей арміи диспозицію о произведеніи баталіи, и какъ къ тому распоряженъ былъ генералитетъ и дѣйствовать полкамъ, при семъ прилагается со оной диспозиціи переводъ съ Нѣмецкаго языка и планъ учрежденной Прусской арміи въ ордеръ-баталіи, которые найдены у побитаго при баталіи Прусскаго генералитета и у прочихъ командировъ непріятельскаго войска.

Августа 30. Сей день, празднуемый въ С.-Петербургѣ, въ монастырѣ Троицы пренесенія мощей благовѣрнаго князя Александра Невскаго, Ея Императорское Величество, со всѣми ордена Александра Невскаго кавалеры, изволила прибыть къ божественной литургіи, и всѣ кавалеры были въ одинакомъ, по тому ордену положенномъ, платьѣ.

Еще до обѣдни, отъ Ея Императорскаго Величества, всемилостивѣйше пожалованы лейбъ-гвардіи майоры въ генералъ-лейтенанты: Григорій Корфъ, Василій Нащокинъ, то есть я, удостоился получить

отъ великой Государыни всемилосердое пожалованіе, и князь Александръ Меншиковъ. И оные чины при дворѣ объявлены; да въ генералъ-майоры Семеновскаго полку секундъ-майоръ Ѳедоръ Вадковской.

А по отшествіи службы Божіей, въ Невскомъ же монастырѣ, въ соборной верхней церкви, всемилостивѣйше пожаловать соизволила орденомъ Св. Александра Невскаго гвардіи же майоровъ, которые генералъ-лейтенантами, князь Петра Черкасскато, Ивана Косагова, Никиту Соковнина, Ѳедора Ушакова, Ивана Гурьева, да пожалованныхъ того же числа въ генералъ-лейтенанты, Григорія Корфа, Василія Нащокина и князя Александра Меншикова; которые, по неизрѣченной монаршеской милости, чинами и вышеобъявленнымъ орденомъ, съ старшими равно получить удостоились. И оной орденъ на всѣхъ изъ высоко монаршихъ рукъ надѣтъ, и они, съ прочими того ордена кавалеры, въ присутствіи Ея Императорскаго Величества, во ономъ монастырѣ обѣдали при пальбѣ изъ пушекъ, о чемъ для памяти, въ сей журналъ, такое Монархини своей всемилостивѣйшее благоволеніе описано.

Напослѣдокъ, вскорѣ армія Россійская поворотясь маршировала подъ предводительствомъ онаго господина Апраксина изъ Пруссіи, и завоеванной генераломъ Ферморомъ городъ Тильзитъ съ уѣздомъ оставленъ, въ которой Левальдъ вступилъ. Россійская армія въ маршѣ, за позднымъ временемъ, немалую трудность претерпѣла, и многія вещи пожжены; а напослѣдокъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ оной Апраксинъ, по высочайшему указу, отозванъ отъ арміи, а главная команда надъ всемъ тѣмъ знатнымъ корпусомъ поручена, высочайшимъ же указомъ, для произведенія военныхъ дѣйствъ, г-ну генералу-аншефу и орденовъ Бѣлаго Орла и Александра Невскаго кавалеру Фермору, а предъ нимъ старшій въ томъ корпусѣ былъ генералъ-аншефъ Ливенъ; оной за болѣзнію отъ того корпуса отпущенъ въ свои деревни.

По отзывѣжъ отъ арміи г. генералъ-фельдмаршалъ Апраксинъ, слѣдуя въ Петербургъ и не доѣзжая до онаго за 145 верстъ, въ городѣ Нарвѣ, по партикулярному извѣстію, и до сего времени, то есть, окончанія сего года, продолжается въ Нарвѣ.

Впрочемъ, окончаніе сего года вышеписанными особливо о войнѣ въ Европѣ извѣстіями, какъ то въ публичныхъ вѣдомостяхъ, довольно значится, о чемъ любопытной да чтетъ книгу собраніе сего года газетъ.

И сія книга тѣмъ кончится, а для собственнаго моего журнала новая начнется съ 1758 года Генваря съ 1 числа.

1758.

Въ день новаго года обыкновенной былъ ко двору прїѣздъ для поздравленія, и въ вечеру равнымъ образомъ былъ съѣздъ же и былъ балъ; послѣ балу зажженъ фейверокъ, а потомъ за вечернимъ кушаньемъ присутствовалъ его высочество государь великій князь, иностранные министры и Россійскія четырехъ классовъ обоего пола персоны.

Генваря 6. При Зимнемъ домѣ въ Санктпетербургѣ,на рѣкѣ Мьѣ, у Зеленаго мосту, поставлена была Іордань. Полки гвардіи и артиллерія, лейбъ-кирасирской полкъ и армейскіе были въ парадѣ, и послѣ водоосвященія производилась пушечная стрѣльба, и троекратно выпалено отъ стоящихъ полковъ изъ ружья бѣглымъ огнемъ.

Что̀ касается о движеніи Россійской арміи изъ границъ подъ главною командою г. генералъ-аншефа и кавалера фонъ Фермора, то оная въ исходѣ 757 году, въ послѣднихъ числахъ Декабря, въ самые жестокіе морозы, къ Прусскому городу Кенигсберху пошла, и онымъ, безъ всякаго отъ непріятеля супротивленія, что̀ уже прежде прибытія Россійской арміи Прусское войско все ретировалось, овладѣли, какъ Кенигсберхомъ, такъ и всею Кенигсбергскою губерніею.

Фельдмаршалъ Апраксинъ изъ Нарвы взятъ, и опредѣлено ему жить на большой отъ Петербурга къ Москвѣ дорогѣ, въ урочищѣ Трехъ Рукъ.

Что̀ же принадлежитъ до военнаго произведенія сего году Россійской арміи, какъ выше объявлено, подъ командою г. генерала фонъ-Фермора, любопытной честь имѣетъ увидѣть въ газетной книгѣ съ прибавленіями, гдѣ именно напечатано, какія военныя дѣйствія происходили, и не токмо о Россійской, но и высокихъ союзниковъ о дѣйствіи арміяхъ.

Сего жъ году, Польскаго короля Третьяго Августа сынъ его Карлъ прїѣхалъ въ Петербургъ въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, предъ праздникомъ Пасхи, которой отъ Ея Императорскаго Величества, всемилостивѣйшей нашей Государыни, принятъ былъ и всемилостивѣйше продолжался здѣсь съ великимъ удовольствіемъ и многими жалованъ отъ Ея Императорскаго Величества презенты. Онъ продолжалъ весеннее время въ забавахъ, лѣтомъ отправился къ родителю своему въ Варшаву.

Въ Апрѣлѣ жъ мѣсяцѣ, предъ тѣмъ же праздникомъ Пасхи, въ Петербургъ пришелъ Турецкой посланникъ со объявленіемъ на престолъ новаго салтана, которой съ обыкновенною церемоніею принятъ,

а лѣтомъ имѣлъ аудіенцію въ Петергофѣ, какъ прибывшую, такъ и отъѣзжую.

И оной принцъ Карлъ изъ Варшавы не мѣшкавъ къ Россійской арміи поѣхалъ, которая тогда приходила къ Прусскому городу Кистрину, и продолжался, присматривая воинскія дѣйствія, при Россійской арміи; а какъ атакованъ былъ Кистринъ и отъ бомбандированія выжженъ потомъ, чего ради оставлена атака и какъ Августа 14, Кистринъ прошедъ, между войскъ Ея Императорскаго Величества и короля Прусскаго, подъ предводительствомъ генерала фонъ-Фермора, а Прусская самимъ королемъ, происходило, явствуетъ точно о всемъ происшествіи сего года въ газетной моей книгѣ, въ приложенныхъ при томъ реляціяхъ и прибавленіяхъ.

Фельдмаршалъ Апраксинъ продолжался, по пріѣздѣ изъ Нарвы, безпремѣнно въ урочищѣ Трехъ-Рукъ, не въѣзжая никогда въ Петербургъ, и при немъ продолжался лейбъ-компаніи вицъ-капралъ Суворовъ, до самого его Апраксина смерти, неотлучно. Смерть его послѣдовала Августа 6 числа параличною болѣзнію. Погребенъ онъ въ Невскомъ монастырѣ, въ погребательномъ обыкновенно съ прочими, а не въ отличномъ мѣстѣ, гдѣ погребались высокихъ чиновъ люди, то есть, въ соборной каменной церкви, при одной духовной церемоніи, и военнаго параду при его погребеніи не было. Онъ жилъ счастливо, умѣлъ находить друзей и великихъ людей, для своего только благополучія, и скоро ихъ дружбу оставлялъ, когда ему нѣтъ нужды. Всему по его счастію служило его правило, а права́ онъ ни во что̀ вмѣнялъ; для славы производилъ своихъ искателей и обманъ ни во что̀ вмѣнялъ: его честолюбіе всему у него правиломъ служило.

Октября 13. При семъ журналѣ описаніемъ, по собственному знанію, примѣчаніе о генералъ-фельдмаршалѣ Кейтѣ, которой убитъ въ баталіи, какъ значитъ въ газетѣ сего года подъ № 85.

Баталія происходила 13 Октября между войскъ Австрійскихъ и Прусскихъ при мѣстечкѣ Гохкирхъ въ Люзаціи. Въ какомъ же состояніи и счастливо Австрійцами выигранной баталіи происходило, пространнѣе въ газетѣ подъ вышеобъявленнымъ номеромъ усмотрѣть можно, а между прочаго въ одномъ артикулѣ напечатано сими словами: «Уронъ съ обѣихъ сторонъ еще неизвѣстенъ, а изъ знатныхъ найденъ между побитыми генералъ-фельдмаршалъ Кейтъ», о которомъ сего журнала писатель имѣетъ довольное примѣчаніе изъяснить.

Оной Кейтъ родомъ Англичанинъ, а именно изъ Шотландіи, гдѣ фамилія ихъ отъ 1060 году въ прямой линіи отъ отца до сына наслѣдство знатнаго чина, лордъ маршальской королевства Шотландіи, имѣло, по чему онъ той фамиліи весьма знатной. Партіи былъ большой

его братъ извѣстной, что̀ касается до претендента. За тѣмъ они принуждены были съ братомъ, оставя отечество, искать счастія гдѣ возможно. Убитой генералъ-фельдмаршалъ Ямесъ Кейтъ, отдалясь отъ отечества, началъ служить въ Гишпанскомъ войскѣ и былъ капитанъ, которымъ чиномъ, бывъ въ баталіи, имѣлъ тяжелую рану, къ лопаткѣ правой стороны, которую получилъ въ Африкѣ въ городѣ Цето; случилось оную получить будучи на валу, а оной городъ осажденъ былъ Арапами. Въ 1728 году онъ выѣхалъ въ Россію съ полномочнымъ Гишпанскимъ посломъ Дукомъ Делери и хотя онъ изъ Гишпанской службы абшитъ имѣлъ чина полковника, но тѣмъ чиномъ не служилъ, а былъ въ Гишпанской службѣ небольше, какъ капитанъ. А пріѣхалъ онъ въ царство императора Петра II, которымъ, по рекомендаціи упоминаемого полномочного посла, принятъ въ службу Россійскую генералъ-майоромъ и опредѣленъ былъ къ полевымъ полкамъ, которые тогда въ Москвѣ и около Москвы обрѣтались, и такъ неподвижно былъ въ Москвѣ съ 728 г. А въ 730 году, когда третій полкъ лейбъ-гвардіи учрежденъ и именованъ Измайловскимъ (оное учрежденіе было въ первой годъ государствованія императрицы Анны Іоанновны), тогда во оной полкъ упоминаемой г. Кейтъ пожалованъ подполковникомъ, и былъ въ Москвѣ неотлучно при гвардіи и полевыхъ полкахъ. А въ 732 году избранъ, по его достоинству, въ воинскіе инспекторы, и весь тотъ годъ объѣзжалъ по экспедиціи своей стоящіе внутри государства полки, и осматривалъ. Послѣ того, какъ онъ окончалъ сію по должности инспекторской врученную ему и весьма трудную экспедицію, въ которой болѣ 5000 верстъ переѣздилъ, въ 733 году возвратился въ Петербургъ и былъ при гвардіи жъ. Въ томъ же году возвратился въ Москву, а Августа отправился къ полкамъ въ Малороссію и по смерти Польскаго короля Августа II, когда изъ Малороссіи пошли полки въ Польшу, онъ съ тѣми полками командированъ, гдѣ и обращался. А въ 735 году, при генералѣ полномъ фонъ Лесси командированъ въ Цесарію и былъ на Рейнѣ противъ Французовъ. Отъ туда возвратясь генералъ-поручикомъ, въ 737 году въ Очаковскомъ походѣ противъ Турковъ и на приступѣ подъ Очаковомъ тяжко раненъ въ ногу; отъ оной раны долговременно былъ боленъ, и до границы Малороссійской несли его больнаго близъ смерти будучи въ носилкахъ и, прибывъ въ мѣстечко Переволочню, возвратился его большой братъ милордъ Кейтъ, которой изъ Гишпанскаго города Сивилля, услыша о его тяжкой ранѣ, видѣть его пріѣхалъ. Наономъ былъ орденъ Аглинской на зеленомъ бантѣ. И съ нимъ онъ, какъ стало нѣсколько отъ раны легче, отправился въ Петербургъ и довольно въ Петербургѣ отъ оной раны пользовался, но излѣчиться совершенно не могъ. Потомъ испросилъ отъ Государыни Императрицы для

пользованія себя отпускъ во Францію въ Момполіе къ водамъ; ему тогда пожаловано было десять тысячъ денегъ для пользованія. Отъ туда въ исходѣ 739 года возвратился свободясь отъ той раны, только нога немного короче стала. Рана его была въ правой ногѣ выше колѣна, и подъ колѣномъ жилы повело; однако ходилъ безъ нужды, имѣя всегда трость въ вспоможеніе и приступая больше на пальцы, по причинѣ того, что онъ неравнаго каблука, для малой короткости ноги, никогда дѣлать не хотѣлъ.

По выѣздѣ его изъ Франціи, скоро отправленъ онъ за гетмана въ Малороссію и былъ въ резиденціи Малороссійской, въ городѣ Глуховѣ, гдѣ его правосудною бытностію и разумнымъ распорядкомъ Малороссійской народъ весьма былъ доволенъ. Въ 741 году отъ туда онъ отозванъ указомъ въ Петербургъ для Шведской войны, въ которой онъ съ похвалою продолжался до окончанія оной, а послѣ той войны, съ знатнымъ корпусомъ войскъ Ея Императорскаго Величества, съ однимъ генералъ-поручикомъ графомъ Петромъ Семеновичемъ Салтыковымъ и съ двѣмя генералъ-майорами, Васильемъ Абрамовичемъ Лопухинымъ и Штуартомъ, для вспоможенія противъ Датскихъ войскъ, отправленъ галернымъ флотомъ во Швецію, и въ Стекголмѣ онъ самъ зимовалъ, а войско по винтеръ-квартирамъ. Онъ же, будучи въ Стекголмѣ, и должность по дѣламъ полномочнаго посланника отправлялъ. Въ 1744 году лѣтомъ, отъ туда галернымъ же флотомъ возвратился и былъ главнымъ командиромъ въ Ревелѣ. Потомъ изъ Ревеля для свадьбы его императорскаго высочества государя великаго князя Петра Ѳеодоровича, въ 745 году, пріѣзжалъ ко двору и въ церемоніи при свадьбѣ былъ съ богатымъ экипажемъ. Въ послѣднееж былъ ко двору призванъ изъ Ревеля, тогожъ года осенью, для воинскихъ дѣлъ и больше у двора не бывалъ, отправившись тогда въ Ревель, а изъ Ревеля въ Ригу къ командѣ.

Онъ по справедливости былъ человѣкъ наполненъ честію и весьма изъ учтивости скромной. Несчастіе съ нимъ произошло, что онъ непристойные выговоры получилъ отъ Военной Коллегіи, въ которой тогда главнымъ членомъ былъ полной генералъ и гвардіи подполковникъ Апраксинъ; ему былъ не великой пріятель, особливо имѣя довольно друзей, нѣсколько его уничтожалъ: большая тому страсть была, что предъ нимъ Кейтъ былъ старшій. Изо всего было видно, что г. Кейтъ, по просвѣщенному своему разуму, предусмотря Апраксиныхъ друзей знатныхъ людей, отдалиться принужденъ и просилъ абшитъ, которой ему въ 747 году и данъ. По полученіи абшита въ Ригѣ, какъ отъѣзжалъ на кораблѣ въ Копенгагенъ, то по его въ Россійской службѣ двадцатилѣтней бытности и по его къ солдатству

склонности, разумнаго по всякимъ дѣламъ распорядка отъ всѣхъ въ войскѣ крайне много былъ любимъ, и приходили къ нему штабъ и оберъ-офицеры прощаться. Зѣло было удивительно, что иностранецъ такую заслужилъ честь, что съ нимъ со слезами прощались; напротивъ того, и онъ отъ слезъ удержаться не могъ. Пріѣхавъ онъ въ Копенгагенъ, послѣ того скоро оказалось, что онъ принялъ новую службу у короля Прусскаго и во оную принятъ генералъ-фельдмаршаломъ, а послѣ вскорѣ учрежденъ Берлинскимъ генералъ-губернаторомъ. При томъ оной, по его искусству и благоразумію, честь имѣлъ именоваться Берлинской академіи членомъ. Наконецъ, онъ въ Прусскомъ войскѣ служилъ по 13 Октября 1758 году и во всѣхъ войнахъ былъ, а убитъ при баталіи съ Австрійскою арміею, какъ и выше о томъ упомянуто, котораго тѣло найдено между убитыми, и войскъ ея императорскаго королевина величества генералъ-фельдмаршалъ Доунъ приказалъ учинить погребеніе, сходное съ заслуженною честію г. Кейта.

При всемъ томъ, описатель сего принудилъ себя о семъ честномъ человѣкѣ по справедливости безпристрастно описать, что съ толикими отъ Бога дарованіями рѣдко въ рожденіи человѣкъ бываетъ, сколько въ немъ можно было, по продолженіи его въ службѣ, во общихъ съ нимъ часто бывшихъ обращеніяхъ примѣтить. Онъ былъ храбръ безъ горячности, неустрашимъ при самомъ военномъ случаѣ; герой безъ сторопности, и перемѣны въ немъ примѣтить было не можно; правосуденъ съ разумнымъ разсмотрѣніемъ; учтивые его подчиненнымъ за преступленіе выговоры такъ приводили въ страхъ и во исправленіе, что онъ великое счастіе въ томъ имѣлъ; его любили подкомандующіе безпристрастно, какъ отца. Онъ жизнь препровождалъ нескупо, но всегда съ умѣренностію; доходы его были почти одни, что̀ получалъ жалованье; чего ему иногда не доставало, кредитъ имѣлъ брать въ долгъ и, получа, со всѣми заплату скорую производилъ. Весьма былъ несребролюбивъ. Честныхъ людей, которые въ службѣ ревностны къ своимъ должностямъ, безъ особливаго въ немъ исканія, любилъ, равнымъ образомъ любилъ такихъ и чинами награждать. Въ компаніяхъ его тихость съ пріятною веселостію всѣми была любима. Во изъясненіи сихъ обстоятельствъ нестрастенъ былъ писатель чертить сіи строки объ ономъ честномъ человѣкѣ, котораго достаточно зналъ, но тѣмъ еще больше почитаетъ недостатокъ силъ своихъ, что неискусство пера не могло всего къ похвалѣ его достоинства описать и все конечно тѣмъ увеличить сего по достоинству честнаго человѣка поступки, сколько бъ онъ природою и заслугами отъ искуснаго описателя похваленъ быть могъ. Оному покойному г. Кейту, въ

его достоинствѣ, въ доказательство служить можетъ, что онъ, будучи въ Россiйской службѣ, какъ о томъ выше упомянуто, съ 1728 году по 1747, всего его продолженiя 20 лѣтъ, въ знакъ Монаршей милости и удовольствiя за его службу, награжденъ былъ орденами Россiйскими Св. Апостола Андрея Первозваннаго, на голубомъ, и св. Александра Невскаго на пунцовомъ бантахъ.

Ноября 25 всемилостивѣйшая Государыня пожаловать изволила дѣтей моихъ лейбъ-гвардiи въ Измайловской полкъ прапорщиками, изъ которыхъ большому Воину 17 годъ, а Петру 16.

Того жъ числа въ вечеру, среднюю свою дочь, Елисаветъ, сговорилъ, а при сговорѣ обручали духовнымъ порядкомъ, за Михаила Васильевича Дурова.

И того жъ числа меньшой мой сынъ Иванъ, которой сначала опредѣленъ въ Московской шляхетной университетъ, нынѣ по полку пожалованъ въ подпрапорщики.

Ноября 30 я со оными пожалованными прапорщиками удостоился Великую Государыню благодарить и дѣтей своихъ предъ Ея Величество представить. При чемъ всемилостивѣйше изволила спрашивать: которой Ея Величества крестникъ? И о томъ отъ меня всеподданнѣйше донесено, что крестникъ Воинъ и онъ большой сынъ. На что̀ всемилостивѣйше изволила милосердно сказать, что меньшой моего крестника переросъ. И съ такою я неизрѣченною милостiю отъ всеавгустѣйшей Государыни и Великой Монархини изъ дворца поѣхалъ съ несказаннымъ обрадованiемъ, благодаря Предвѣчное Божество за толь оказуемыя мнѣ отъ Бога и Монарха милосердыя щедрости.

Кончился 1758 годъ.

Начало 1759 года происходило со обыкновеннымъ ко двору поздравленiемъ и прочее; равно и прочiе высокихъ торжествъ дни были обыкновеннож празднованы.

А сего Маiя 8 числа графу Петру Семеновичу Салтыкову объявленъ изъ Конференцiи именной Ея Императорскаго Величества указъ, что ему быть при главной Ея Величества армiи главнымъ командиромъ, а графу Фермору при его командѣ.

На 25 число Маiя въ ночь полученъ ордеръ отъ дежурнаго при дворѣ Ея Императорскаго Величества г. генералъ-адъютанта и кавалера Бутурлина, чтобъ мнѣ быть безъ очереди, по именному Ея Императорскаго Величества всемилостивѣйшей Государыни соизволенiю, всѣхъ полковъ съ командированными лейбъ-гвардiи коннаго и пѣхотными ротами, въ Петергофѣ и около 25 числа конечно выступить, что̀ и послѣдовало.

Маія 27, по прибытіи въ Петергофъ, расположена конной гвардіи команда въ квартирахъ, а пѣхотныя роты въ лагерѣ.

Іюня 3, именнымъ указомъ велѣно мнѣ въ Петергофѣ быть за генералъ-адъютанта и жить во дворцѣ и обѣдать за маршальскимъ столомъ.

Іюня 10, къ вечернему кушанью, въ присутствіи всемилостивѣйшей Государыни, указано мнѣ за столомъ ужинать.

Іюня 15, къ вечернему жъ столу въ присутствіи Ея Величества, гдѣ былъ Польскаго короля Августа III сынъ Карлъ, и всѣ знатныя особы въ томъ присутствіи были, при чемъ и я, по изустному Ея Императорскаго Величества соизволенію, вечернее кушанье ужиналъ.

Сего года Іюля 22 дня, въ Петергофъ, отъ арміи Ея Императорскаго Величества, вступившей въ Шлезію (коя продолжала походъ изъ Польши, слѣдуя за арміею короля Прусскаго, которая вступя въ Польшу ретировалась обратно въ Шлезію) пріѣхалъ курьеромъ гвардіи поручикъ графъ Иванъ Салтыковъ, по полуночи въ 10 часу, съ радостною вѣдомостью отъ командующаго Россійскою арміею генерала-аншефа и орденовъ Россійскихъ Апостола Андрея и Александра Невскаго кавалера графа Петра Семеновича Салтыкова, о случившей баталіи между войскъ Ея Императорскаго Величества и короля Прусскаго. Ея Императорское Величество, всемилостивѣйшая Государыня, тогда изволила продолжаться, для лучшаго лѣтняго времени, въ Монплезирѣ, гдѣ поставлена лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку полковая церковь. Соизволила Ея Величество повелѣть о той радостной вѣдомости дать знать чрезъ пушечную стрѣльбу, и потому собрались всѣ бывшіе въ Петергофѣ обоего пола знатные, и изъ стоящаго въ лагерѣ деташамента съ командующимъ штабомъ, генералъ-поручикомъ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку майоромъ и ордена святаго Александра Невскаго кавалеромъ Нащокинымъ, всѣ гвардіи господа офицеры во оную полковую церковь. И въ присутствіи Ея Императорскаго Величества чтена присланная реляція, что помощію Побѣдодавца Бога, 12 Іюля мѣсяца, была баталія, гдѣ Прусская армія совсѣмъ разбита, съ которой реляціи здѣсь прилагается отъ слова до слова копія. А по прочтеніи оной начатъ благодарный молебенъ, и по окончаніи онаго отъ всѣхъ поздравлена Ея Императорское Величество съ дарованной отъ Бога надъ непріятелемъ побѣдою. При чемъ производилась пушечная стрѣльба.

Тогожъ числа въ 5 часу по полудни, Ея Императорское Величество изволила указать правящему при дворѣ Ея Императорскаго Величества дежурство за генералъ-адъютанта, г. генералъ-поручику, дѣйствительному каммергеру, Московскаго Императорскаго универси-

тета куратору и орденовъ Бѣлаго Орла и Св. Александра Невскаго и Св. Анны кавалеру Ивану Ивановичу Шувалову, тоё присланную реляцію объявить въ вышеозначенномъ лейбъ-гвардіи стоящемъ въ лагерѣ при Петергофѣ деташаментѣ, которое объявленіе слѣдующимъ порядкомъ происходило.

1) Команда вся сведена во фрунтъ, а его превосходительство г. генералъ-поручикъ и кавалеръ Иванъ Ивановичъ Шуваловъ, пріѣхавъ къ командѣ, объявилъ, что онъ, по указу Ея Императорскаго Величества, имѣетъ въ томъ лейбъ-гвардіи деташаментѣ публиковать полученную отъ арміи о разбитіи Прусскаго войска реляцію.

2) Почему и сдѣланъ его превосходительству всею командою на караулъ комплементъ, а потомъ бито было у стоящаго предъ фрунтомъ майора въ барабанъ надлежащій бой, тожъ бито въ ротахъ во всѣ барабаны, чтобъ отъ ротъ сошлись господа офицеры предъ знамены.

3) Послѣ того какъ господамъ офицерамъ о объявленіи реляціи дано знать, приказано имъ идти къ своимъ ротамъ, чтобъ роты, по командированію отъ майора, примыкали фланги къ знаменамъ, а другіе фланги заводили справа и слѣва, и какъ въ порядкѣ построились, тогда отъ его превосходительства г. генерала-поручика и кавалера Шувалова приказано было читать реляцію, при томъ держали солдаты ружье на караулъ.

4) По прочтеніи оной реляціи и при держаніи ружья на караулъ сказано было: *знамены изъ чехловъ*! а потомъ командѣ со фланговъ на право и на лѣво кругомъ и велѣно идти въ прежнія мѣста. И какъ стали во фронтъ по прежнему, тогда во всѣ барабаны бито было *подъ знамена*, чтобъ гг. офицеры шли по прежнему съ ружьемъ; а какъ сошлись, сказано было: *на караулъ* со уклоненіемъ знаменъ, и бить во всѣ барабаны *походъ* съ играніемъ музыки, для отданія Ея Императорскому Величеству решпекта и всеподданнѣйшаго поздравленія о счастливой побѣдѣ надъ непріятелемъ.

5) По окончаніи вышеписаннаго, роты вступили къ перемидамъ и, положа ружье, построены были парадно въ ротныхъ улицахъ.

6) Потомъ его превосходительство г. генералъ-поручикъ Шуваловъ знакъ радостной вѣдомости усердно оказать не оставилъ, какъ штабъ, такъ оберъ и унтеръ-офицеровъ, капраловъ, гранодеръ и солдатъ, съ тою полученною радостію благосклоннѣйше всѣхъ поздравилъ, чѣмъ и наибольшею милостію Ея Императорскаго Величества всѣ отлично обрадованы были, что тоё знатную вѣдомость указать всемилостивѣйше соизволила при ономъ лейбъ-гвардіи деташаментѣ объявить. Оный же г. генералъ-поручикъ и кавалеръ Шуваловъ прошенъ

былъ отъ командующаго при лагерѣ въ палатку, куда слѣдовалъ со всѣми гвардіи господами офицеры, и при томъ, знакъ истинной радости Ея Императорскаго Величества и всего отечества изъясняя о той благополучной побѣдѣ, благосклоннѣйше всѣхъ привѣтствовалъ.

7) Въ присутствіижъ его превосходительства въ лагерѣ, какъ онъ только отъ командующаго майора пошелъ, тогда во всѣхъ ротахъ и всѣ, бросся шляпы вверхъ, трижды кричали виватъ нашей всемилостивѣйшей Государынѣ Императрицѣ.

Его превосходительство упоминаемой г. генералъ-поручикъ и пр. Шуваловъ, предусмотря солдатъ о полученной побѣдѣ оказуемую радость и къ своей всемилостивѣйшей Государынѣ горячую усердность, подарилъ солдатамъ сто червонныхъ, кои какъ въ то время, такъ и послѣ два дни съ благодареніемъ веселились.

Присланной съ тою радостною вѣдомостью сынъ генерала-аншефа и кавалера графа Салтыкова, бывши гвардіи поручикъ, отъ Ея Императорскаго Величества сегожъ Іюля 24 числа пожалованъ ко двору Ея Величества камеръ-юнкеромъ.

Владѣнія короля Прусскаго по взятіи Франкфурта присланная отъ генерала-аншефа графа Петра Семеновича Салтыкова пачатная реляція при семъ прилагается.

Послѣ вышеписаннаго полученная отъ онагожъ г. генералъ-аншефа Салтыкова о баталіи при Франкфуртѣ съ Прусскою арміею реляція, гдѣ столь счастливо выиграна баталія, что однихъ пушекъ взято нашими 176, такожъ плѣнныхъ многое число и прочаго въ знакъ побѣды, о чемъ въ приложенной при семъ печатной реляціи обстоятельнѣе значится.

Августа 22, отъ двора Ея Императорскаго Величества въ Петергофѣ, чрезъ генералъ-адъютанта, генералу-поручику гвардіи майору и кавалеру Нащокину приказано, чтобъ привезенные Прусскіе знамены и штандарты, всего 28 (которые взяты въ знакъ побѣды въ 1 день Августа при Франкфуртѣ и находились по привозѣ изъ арміи сперва въ Конференціи), взявъ отъ туда, съ надлежащею командою принесть ко двору Ея Императорскаго Величества: ибо нокои Конференціи въ Петергофѣ находились въ кавалерской линіи, кои нижеслѣдующимъ порядкомъ несены.

Впереди шла гранодерская команда въ 12 человѣкахъ, за оною капитанъ-поручикъ съ надлежащимъ числомъ офицеровъ и 80 человѣкъ мушкатеръ. Оныя знамена несены въ срединѣ команды въ двѣ шеренги солдатами на правомъ плечѣ подтокомъ вверхъ; знамена касались концами къ землѣ и яко побѣдительныя волочены. Въ замкѣ шли 12 же человѣкъ гранодеръ, и пренесли оныя плѣнныя знамены

предъ покой, откуда всемилостивѣйшая Государыня въ окно смотрѣть изволила; команда въ то время построена во фронтъ, и какъ Ея Императорское Величество къ окну приступить изволила, тогда генералъ-поручикъ Нащокинъ, вынувъ шпагу, командировалъ для отданія Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйшаго респекту симъ порядкомъ: *Мушкетъ на караулъ! плѣнныя знамена къ ногѣ положи*! Потомъ, при держаніи ружья на караулѣ, бить въ барабаны походъ. А какъ сказано: *мушкетъ на плечо! знамена къ ногѣ! знамена за плечо*!, такъ какъ прежде несены были. Потомъ, учредя вышеписанное, понесены въ верхніе апартаменты дворца и поставлены въ старой залѣ, строенія славной памяти Великаго Государя Императора Петра I.

Въ самоежъ то время, какъ скоро оныя плѣнныя знамена поставлены, ему генералъ-поручику Нащокину Ея Императорское Величество указать всемилостивѣйше соизволила при своемъ присутствіи за столомъ обѣдать.

Того дни въ вечеру куртагъ, и его императорское высочество благовѣрный государь великій князь Петръ Θеодоровичъ, изъ большой новопостроенной аванзалы, гдѣ собраніе было куртага, изволилъ водить всѣхъ иностранныхъ пословъ и посланниковъ во оную Петра Великаго старую залу для смотрѣнія вышеписанныхъ побѣдительныхъ знаковъ.

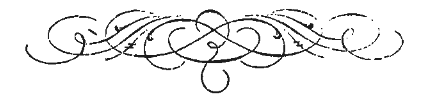
Августа 30 день, праздника Св. Александра Невскаго, указано того ордена кавалерамъ быть въ вечеру въ Петергофъ, а какъ съѣхались, съ 9 пополудни часу продолжался балъ. По окончаніи бала кавалеры позваны были въ старую залу, строеніе Петра Великаго, гдѣ дожидали выхода Ея Императорскаго Величества, а по выходѣ всемилостивѣйшая Государыня жаловать изволила всѣхъ кавалеровъ къ ручкѣ; потомъ пошли всѣ за ужинъ и садились по старшинству ордена. Всемилостивѣйшая Государыня изволила быть въ коронѣ, въ кавалерскомъ цвѣтномъ платьѣ, какъ того ордена обыкновенной бываетъ мундиръ, о которомъ здѣсь, впередъ для памяти, обстоятельно описывается. На всѣхъ кавалерахъ единственной того ордена былъ уборъ: кафтаны бѣлые суконные, съ гасомъ серебренымъ по борту въ два ряда и по всѣмъ швамъ подбой; камзолъ, обкладенной серебрянымъ же гасомъ; пунцовые обшлага разрѣзные съ боку съ пуговицами, съ сверху клиномъ, гарнитуровые, обложены гасомъ; штаны бѣлыежъ суконные, чулки пунцовые шелковые, башмаки ординарные, шпаги серебреныя разныхъ калибровъ; шляпы безъ обшивки съ краснымъ плюмажемъ; на лѣвой сторонѣ крестъ гранитуровой. Сіе для того больше обстоятельно описано, что, по пожалованіи Нащокину сего ордена, онъ чрезъ два года первой случай во ономъ платьѣ при дворѣ имѣлъ быть.

Сентября 4, Ея Императорское Величество всемилостивѣйшая Государыня отбытіе свое изъ Петергофа въ Петербургъ имѣть соизволила, 4 числа по полудни въ 9 часу. При самомъ же отъѣздѣ Ея Величество указать соизволила генералъ-поручика Нащокина призвать къ каретѣ, при чемъ всемилостивѣйше ему объявлять соизволила свое монаршее удовольствіе за бытность его Нащокина съ командою въ Петергофѣ.

Команда жъ лейбъ-гвардіи полковъ, находившаяся въ Петергофѣ, маршировала по сему:

Во первыхъ указано было двумъ ротамъ, то есть Преображенской и Измайловской, слѣдовать въ Петербургъ, кои отправились въ маршъ тогожъ дни поутру въ 4 часу, еще до отбытія всемилостивѣйшей Государыни; потомъ, когда, какъ выше значитъ, Ея Величество соизволила отбыть, то и Семеновская рота, которая оставлена была при дворѣ на караулѣ, въ маршъ отправилась поутру 5 числа.

(Конецъ Записокъ В. А. Нащокина).



БАБУШКА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА БИБИКОВА.

(Изъ воспоминаній внучки).

I.

Въ Свѣтло-Христово Воскресенье насъ возили христосоваться съ бабушкою: она принимала насъ ласково и дарила прекрасныя яйца. По большимъ праздникамъ мы всегда у нея обѣдали; но мы не любили къ ней ѣздить: надо было сидѣть чинно, не шумѣть, что было очень трудно когда пріѣзжали двоюродные братья и сестры, и насъ было человѣкъ двѣнадцать дѣтей разнаго возраста. Когда, послѣ обѣда, насъ посылали играть въ парадныя комнаты, надо было придумывать особенныя, тихія игры, чтобы никакой звукъ не долеталъ изъ великолѣпныхъ залъ до спальной, гдѣ бабушка всегда сидѣла. Разъ мы, забывшись, расшумѣлись съ двоюродными братьями; вдругъ дверь отворилась, бабушка показалась на порогѣ: мы онѣмѣли мгновенно; каждый остался въ своей позѣ, кто съ поднятой рукой, кто съ розинутымъ ртомъ. Бабушка обвела насъ гнѣвнымъ взглядомъ, ничего не сказала и ушла,—но мы болѣе уже не шумѣли!

Бабушка родилась въ 1767 году; она была съ молоду одна изъ первыхъ Московскихъ красавицъ. Она не принадлежала къ такъ называемому высшему кругу общества, но была изъ хорошаго дворянскаго рода Чебышевыхъ. За нее сваталось много жениховъ, она имъ всѣмъ отказывала, и наконецъ отецъ ея, разсерженный разборчивостью балованной дочки, гнѣвно спросилъ ее: «Ужъ не ждешь ли ты Бибикова?»

Дѣдъ мой, Гавріилъ Ильичъ Бибиковъ, братъ Александра Ильича, (извѣстнаго полководца Екатерининскихъ временъ) былъ красавецъ собою, уменъ, богатъ и слылъ первымъ женихомъ въ городѣ. Екатерина Александровна Чебышева, небогатая дѣвушка, не могла надѣяться на такую блестящую партію, но красота—своего рода приданое. Гавріилъ Ильичъ влюбился въ молодую красавицу и взялъ ее, какъ говорится, въ одной рубашкѣ. Онъ былъ уже разъ женатъ на единственной дочери Твердышева и овдовѣлъ послѣ года. Сынъ, оставшійся отъ первой его жены, также вскорѣ умеръ. Старикъ Твердышевъ хотѣлъ все состо-

яніе передать зятю, но дѣдушка отказался и только послѣ убѣдительныхъ просьбъ тестя согласился принять законную седьмую часть*).

Приданое первой жены дѣдъ мой подарилъ невѣстѣ. По понятіямъ того времени, тутъ ничего не было оскорбительнаго для самолюбія второй жены; она приняла эти наряды съ благодарностью и носила ихъ съ удовольствіемъ. Бабушка была чрезвычайно счастлива выйти замужъ за великосвѣтскаго и знатнаго человѣка и легко вошла въ роль знатной барыни. Она гордилась высокимъ положеніемъ въ обществѣ, новымъ родствомъ, богатствомъ, именемъ и въ послѣдствіи, когда дѣлала выговоры старшему сыну, всегда прибавляла: «не забудь, что ты Бибиковъ!» Она и въ старости сохраняла тонкія черты, прекрасный профиль и величественный видъ; держала себя очень прямо, голову слегка закидывала назадъ, ходила на высокихъ каблукахъ, какъ въ первой молодости, но вовсе не занималась своимъ туалетомъ: я ее помню все въ томъ же тёмномъ шелковомъ капотѣ, волосы небрежно зачесанные назадъ, безъ чепчика, и все таки красавицей. Но въ молодости она любила наряжаться, считая это обязанностью своего общественнаго положенія. Матушка мнѣ разсказывала, что она, старшій братъ ея и старшая сестра, всегда присутствовали утромъ при туалетѣ матери. Когда она причесывалась, на ней была атласная, розовая кофта, обшитая point d'Alencon; она пудрилась, сидя передъ зеркаломъ; на колѣняхъ у нея была серебряная лоханка, куда сыпалась пудра.

Бабушка слыла примѣрною матерью, потому только что не разъѣзжала безпрестанно по гостямъ, какъ прочія женщины, и что трое старшихъ дѣтей часто были при ней; но младшія жили въ антресоляхъ, съ нянькамп и гувернантками, и рѣдко допускались къ матери. Въ сущности бабушка ни съ кѣмъ изъ дѣтей не занималась и была типомъ старинной Русской барыни со всею гордынею и всѣми предразсудками того вѣка. Она ничего не читала, иногда только рисовала или вышивала въ пяльцахъ, но не кончала своей работы и отдавала начатыя картины и шитье крѣпостнымъ дѣвушкамъ, которыя обязаны были ихъ кончать. У дѣдушки была многочисленная прислуга, какъ у всѣхъ баръ того времени: дочерей и сыновей лакеевъ, дворецкихъ, поваровъ, отдавали на воспитаніе въ пансіоны, гдѣ ихъ учили иностраннымъ языкамъ, музыкѣ, рисованію и пр. Имъ давали Французскія прозвища, одного называли La Fleur, другаго La Tour, и т. д. Изъ нихъ составляли трупу актеровъ и танцовщицъ для домашняго

---

*) Огромное состояніе Твердышева перешло частью князьямъ Бѣлосельскимъ-Бѣлозерскимъ.

театра и балета. Старикъ Іогель, котораго вся Москва знала, былъ выписанъ дѣдушкою изъ Франціи, чтобы устроить въ его подмосковномъ имѣніи балетъ.

Дѣдъ мой былъ высоко образованъ, уменъ, много читалъ, провелъ въ молодости до женитьбы нѣсколько лѣтъ за границей, и былъ въ полномъ смыслѣ слова вельможа. Онъ занимался воспитаніемъ трехъ старшихъ дѣтей, особенно матери моей, и на ней сильно отразилось вліяніе отца. Къ несчастію семьи, онъ скончался въ 1803-мъ году, когда ей было только 15 лѣтъ; но при ней осталась умная Француженка, эмигрантка, изъ хорошей семьи, и она съ успѣхомъ продолжала начатое дѣло.

Бабушка овдовѣла 35 лѣтъ, еще въ полномъ блескѣ красоты, но осталась вѣрна памяти мужа, никогда не помышляла о второмъ бракѣ, держала себя безукоризненно и деспотически управляла своей большею семьею: у нея было 17 чел. дѣтей, изъ которыхъ двѣнадцать достигли совершеннаго возраста и почти всѣ были хороши собою.

Болѣе всѣхъ бабушка любила старшаго сына Павла: онъ былъ замѣчательно красивъ, по словамъ современниковъ и судя по портретамъ. Семи лѣтъ онъ былъ произведенъ въ офицеры Екатериною II и носилъ гусарскій мундиръ своего полка. Императоръ Павелъ, по восшествіи на престолъ, велѣлъ всѣхъ малолѣтнихъ офицеровъ вычеркнуть изъ списковъ, и къ великому огорченію бабушки съ ея любимца сняли мундиръ. Еще Великимъ Княземъ, Павелъ Петровичъ очень любилъ дѣдушку, который въ честь его назвалъ старшаго сына Павломъ; но, несмотря на милостивое приглашеніе Государя, онъ не рѣшился поступить вторично на службу, покинутую имъ еще при Екатеринѣ II, и предпочелъ мирное житье въ Москвѣ небезопасной службѣ при дворѣ. Страхъ внушаемый Государемъ былъ такъ великъ, что одна изъ родственницъ бабушки не выпускала 16-тилѣтняго сына изъ дома, боясь, чтобъ онъ не попался на глаза Государю и, не зная какъ занять мальчика, заставляла его по цѣлымъ днямъ вышивать въ пяльцахъ по канвѣ, при опущенныхъ сторахъ.

Извѣстно, что былъ указъ императора Павла, по которому всѣ дамы, ѣхавшія въ каретѣ, должны были, когда встрѣчали Государя на улицѣ, тотчасъ выходить изъ кареты, и, стоя на послѣдней изъ откинутыхъ ступенекъ, глубоко присѣдать, что̀ нелегко было при тогдашнихъ высокихъ экипажахъ: ступенекъ бывало до пяти. Бабушка разсказывала, что одна изъ ея родственницъ ѣдетъ разъ по улицѣ и видитъ издали Государя; онъ шелъ по тротуару безъ свиты; кучеръ и лакеи не замѣчаютъ его. Барыня бросается къ окну, кричитъ: «Стой! стой!» Люди зазѣвались, не слышатъ. Несчастная женщина съ громкимъ воплемъ кричитъ: «Стой!... стой!... Государь!» Но люди

все не слышатъ и ѣдутъ мимо.... Императоръ былъ вѣроятно тронутъ ея блѣдностью и отчаяніемъ: онъ поднялъ руку и глухо, но явственно проговорилъ: «Tranquillisez-vous, madame, ce n'est rien! *)» Если бы не милостивое расположеніе духа Государя, то барынѣ быть бы подъ арестомъ, но Государь не всегда былъ такъ мягокъ. Въ одну изъ его прогулокъ, противъ него останавливается карета; изъ нея выходитъ горбатая карлица и дѣлаетъ требуемый реверансъ. Государь вообразилъ, что эта дама ему на смѣхъ сѣла на ступенькѣ кареты, и закричалъ: «На три мѣсяца ее на гауптвахту!» Карлицу потащили. Вечеромъ одинъ изъ придворныхъ рѣшился объяснить Государю, что бѣдная женщина не виновата, что она карлица и изувѣчена, оттого что ее въ дѣтствѣ уронили.—А кто ее воспитывалъ? грозно спросилъ Государь.—Она сирота, воспитывалась у тётки...—Такъ тётку подъ арестъ, закричалъ Государь: не умѣла уберечь ребенка!

Дѣдушка умирая оставилъ все состояніе пожизненно женѣ: она имѣла право безотчетно пользоваться доходами, но недвижимое имущество ни продавать, ни закладывать. Добрые-же люди шепнули бабушкѣ, что, если-бы она могла располагать по своему усмотрѣнію имѣніемъ, дѣти были-бы гораздо почтительнѣе и покорнѣе со временемъ... Порѣшили и устроили: написали ей на имя императрицы Маріи Өеодоровны просьбу, гдѣ она говоритъ, что повергается къ стопамъ ея величества съ двѣнадцатью сиротами и умоляетъ дозволить уничтожить духовную покойнаго мужа, который будто-бы оставилъ столько долговъ, что изъ доходовъ уплатить ихъ нельзя, а необходимо продать часть имѣнья. А дѣдушка оставилъ пять тысячъ душъ незаложенныхъ, богатую подмосковную съ великолѣпными садами, оранжереями, озерами, и полный домъ въ Москвѣ. Императрица, ничего не подозрѣвая, ходатайствовала за бабушку у императора Александра Павловича; духовную уничтожили, часть имѣнія продали, а остальную часть бабушка раздѣлила какъ и кому хотѣла: кого больше любила, того больше и наградила. Повиновеніе родителямъ было до того безусловно, что въ послѣдствіи никто изъ сыновей не протестовалъ, а дочери и подавно; онѣ-же матери чрезвычайно боялись. Однажды матушка, по приказанію бабушки, поѣхала въ магазины, разумѣется, въ каретѣ и въ 6 лошадей (богатые дворяне иначе не ѣздили въ началѣ нашего столѣтія); возвращаясь домой, она встрѣтила свою пріятельницу, Елисавету Евгеньевну Кашкину, которая останавливаетъ ся карету и кричитъ ей изъ окна: «я сейчасъ была у *maman*, она позволила тебѣ ѣхать со мною въ театръ; садись скорѣй со мной, поѣдемъ прямо

*) Успокойтесь, сударыня: ничего.

въ театръ, а то опоздаемъ». Обрадованная неожиданнымъ удовольствіемъ, матушка пересѣла въ карету подруги и поѣхала съ ней. Но, Боже мой! какая гроза ожидала ее по возвращеніи домой!—«Кто *вамъ* позволилъ ѣхать въ театръ?» спросила разгнѣванная бабушка.—Вы, maman. Вы Лизѣ сказали, что позволяете мнѣ ѣхать съ нею...—«Да, я Лизѣ сказала, а не *вамъ*; могли бы потрудиться мать спросить; но *вы* Вольтера начитались, мать ни во что̀ не ставите, своимъ умомъ живете»... — И оскорбительныя слова полились обильнымъ потокомъ. Дочери безъ ея позволенія не смѣли, даже въ деревнѣ, идти въ садъ, а когда получали позволеніе, котораго рѣдко рѣшались просить, то не могли иначе выходить какъ со своими гувернантками и въ сопровожденіи двухъ лакеевъ въ ливреяхъ. Такая прогулка не могла нравиться молодымъ дѣвушкамъ, и онѣ ею пользовались раза два въ лѣто. Это воспитаніе оставило свои слѣды: матушка, вышедши замужъ за моего отца, всегда лѣтомъ жила въ деревнѣ, но никогда не выходила гулять, говоря: «je ne sais marcher que sur un parquet *). Бабушка и ея дочери выѣзжали не иначе какъ въ четвероместной каретѣ и цугомъ, т.-е. въ шесть лошадей и съ двумя лакеями на запяткахъ: съ тремя лакеями ѣздила одна вдовствующая Императр. Марія Ѳеодоровна, и поэтому издали можно было узнать ея экипажъ.

Въ 1812-мъ году, когда Москва опустѣла въ ожиданіи Французовъ, бабушка спаслась въ Нижній Новгородъ съ семью дочерьми, невѣсткою, женою старшаго сына, Павла, и младшимъ сыномъ, Александромъ, 15-ти лѣтъ, который умолялъ мать отпустить его въ дѣйствующую армію къ братьямъ, но она ни за что̀ не согласилась, имѣя уже четверыхъ сыновей на войнѣ. Бабушка ѣхала, разумѣется, съ многочисленною прислугою, въ нѣсколькихъ каретахъ и бричкахъ, нанимая обывательскихъ лошадей. На одной станціи толпа крестьянъ окружила карету. «Не дадимъ лошадей», кричали они; «это господа бѣгутъ отъ Француза, а насъ посылаютъ драться, на вѣрную смерть!.. Пусть остаются здѣсь. Посмотримъ, какъ раздѣлаются сами!»... Бабушка помертвѣла, всѣ перепугались не на шутку; матушка одна не потеряла присутствія духа, опустила стекло и наклонилась изъ окна кареты.—Что̀ вы толкуете! сказала она крестьянамъ, «развѣ не видите, что мы тутъ однѣ женщины?.. Гдѣ намъ воевать? У меня пять братьевъ, четверо на войнѣ, одинъ изъ нихъ уже тяжело раненъ, пятый здѣсь съ нами, взгляните на него, онъ еще ребенокъ, а рвется на войну; матушка насильно увезла его съ собою,—ужъ очень ей горько со всѣми сыновьями разстаться; тѣхъ убьютъ, хоть одинъ оста-

*) Умѣю ходить только по паркету.

нется ей на утѣшеніе въ старости. Оставьте насъ въ покоѣ, чего вамъ надо? Какая вамъ польза отъ насъ?... Не будьте хуже Французовъ и своихъ не обижайте».

Крестьяне переглянулись, сняли шапки. «Вѣстимо, братцы, одинъ женскій полъ», сказалъ кто-то изъ толпы; «одинъ только малолѣтокъ съ ними. «Что барынь тревожить. Ребята, пущай ихъ!» «Ну съ Богомъ!» закричали всѣ и стали помогать лошадей запрягать.

Пріѣхавъ въ Нижній, бабушка чрезъ нѣсколько времени получила извѣстіе, что любимый сынъ ея, Павелъ Гавриловичъ, убитъ подъ Вильною, а второй, Дмитрій Гавриловичъ тяжело, раненъ подъ Бородинымъ: ему руку оторвало *). Бабушка занемогла съ горя. Дочери поочередно ходили за ней день и ночь; она нескоро поправилась и долго тосковала по своемъ любимцѣ.

Въ губернскомъ городѣ матушкѣ и теткамъ жилось привольнѣе. Бабушка, погруженная въ горе, забывала свои строгости, и онѣ могли ходить гулять за городъ. Въ Нижній прибывали плѣнные Французы большими партіями. Однажды матушка съ сестрами, прогуливаясь за городомъ, увидала нѣсколько плѣнныхъ, сидящихъ на землѣ около рва: они ѣли какую-то жиденькую кашу съ черствымъ хлѣбомъ. Матушка подошла къ нимъ и сказала: «Vous faites un bien maigre repas?»—Hélas! oui, mademoiselle, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, mais pour l'assaisonner, je m'en vais cueillir une plante, qui s'appelle la patience! **»)

II.

Около тридцатаго года, когда я стала помнить бабушку, она, не смотря на свою многочисленную семью, жила одна въ собственномъ домѣ, на Пречистенкѣ ***). Кромѣ близкихъ родственниковъ никто у нея не бывалъ; но семья была такъ велика, что по праздникамъ за столъ у нея садилось человѣкъ 20 и болѣе. Прислуга у бабушки была также многочисленна какъ во всѣхъ большихъ домахъ того времени, прислуга почтительная, приличная, съ чувствомъ собственнаго достоинства. Кушанья подавали на тяжелыхъ серебрянныхъ блюдахъ; серебро, фарфоръ, все было старинное; мебель, обои, драпировки не обновлялись со смерти дѣдушки, но все точно окаменѣло: позолота была такая-же яркая, обивка мебели такая же свѣжая.

---

*) Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ былъ послѣ Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ, а въ послѣдствіи министромъ внутреннихъ дѣлъ при императорѣ Николаѣ Павловичѣ.

**) Вы не очень-то сладко ѣдите?—Увы, такъ, сударыня; но для приправы я собираю растеніе, которое зовутъ терпѣніемъ.

***) Нынѣ это домъ княгини Е. А. Голицыной, урож. Чертковой. П. Б.

Послѣ обѣда бабушка раскладывала пасьянсъ и слушала разсказы приживалокъ, которыхъ вездѣ было много. Я часто у нея видѣла простую торговку, прозванную Петровна, толстую, грязную, которая разыгрывала роль шутихи.

Ей позволялось садиться при бабушкѣ, которую она смѣшила и забавляла; она гадала на Псалтырѣ, раскрывая его на своей головѣ, толковала сны, врала всякій вздоръ и позволяла себѣ шутки не всегда приличныя; но ей все прощалось. Петровна, послѣ смерти бабушки, приносила къ намъ въ домъ разный товаръ. Матушка много у нея покупала; но разъ, не имѣя сдачи, она осталась должна матушкѣ гривенникъ, и съ тѣхъ поръ не показывалась больше.

Кромѣ Псалтыря я никакой книги у бабушки не помню; библіотеку дѣдушки она отдала, уже разрозненную, моей матери.

Съ такой обстановкой немудрено, что ей передавались на счетъ дѣтей и внуковъ всякія нелѣпыя сплетни, которыя черезъ нее, доходя до моей матери, ее крайне огорчали и возбуждали ея негодованіе. Не стану о нихъ говорить: они могли на мгновеніе огорчать сердце матери, но время отнимаетъ у нихъ всякое значеніе.

Бабушкѣ не нравилось, что насъ воспитывали очень просто, хотя учителей было много и занятія были самыя разнообразныя; но вмѣстѣ съ тѣмъ насъ пріучали къ хозяйству, не возили въ гости и никакихъ развлеченій не допускали. Матушка сама никуда не ѣздила, кромѣ къ бабушкѣ и изрѣдка къ двумъ своимъ пріятельницамъ.

Одна изъ нихъ, Елисавета Михайловна Мартынова, дала дѣтскій балъ и объявила матушкѣ, что если она меня и сестры не привезетъ, она не позволитъ безъ насъ танцовать и вечеръ совершенно разстроится. Бабушкѣ очень хотѣлось, чтобъ насъ хоть разъ показали въ свѣтъ. Сестрѣ было 14, мнѣ 10 лѣтъ, и она такъ пристала къ матушкѣ, что та уступила. «Ты держишь дѣтей слишкомъ просто», говорила бабушка, «никто ихъ не видитъ; точно ты ихъ воспитываешь чтобы на рынокъ посылать, или тебѣ совѣстно ихъ показать; посылаешь ихъ гулять безъ вуаля: такъ загорѣли, что до сихъ поръ загаръ не сошелъ! Вези ихъ на балъ, да принаряди хорошенько. А вы», прибавила она, обращаясь къ нашей гувернанткѣ, «смотрите, чтобы дѣвочекъ хорошенько причесали; надо послать за Глазовымъ: лучше его никто не причешетъ». Глазовъ былъ первымъ коафёромъ въ Москвѣ въ началѣ вѣка; когда въ 1830-мъ году его призвали причесать сестру и меня, ему было болѣе 70 лѣтъ.

Великій день наступилъ, мы были въ какомъ-то трепетномъ ожиданіи. Глазовъ причесалъ сестру, завитую съ утра; длинные ея локоны падали до пояса и покрывали плечи. Онъ взялся за мою голову. У насъ у обѣихъ были хорошіе волосы, и матушка ими гордилась.

— Александра Васильевна, сказала матушка нашей гувернанткѣ, велите ему немного подрѣзать волосы Лизѣ, а потомъ завить, а то они ужъ слишкомъ длинны для ея лѣтъ; я же пойду одѣваться къ балу.

Александра Васильевна передала приказаніе парикмахеру, а сама взяла книгу и углубилась въ чтеніе Французскаго романа. Я сидѣла недвижимо. Черезъ полчаса матушка возвращается, вскрикиваетъ и, всплеснувъ руками, опускается на стулъ. Александра Васильевна поднимаетъ глаза и сильно конфузится: мои длинные, густые волосы лежали на полу и клочками покрывали простыню, въ которую меня завернули... Парикмахеръ оставилъ мнѣ волосы длиною на вершокъ.

— Что вы сдѣлали? воскликнула матушка, обращаясь къ гувернанткѣ, mais c'est un mal irréparable! *) Она была въ отчаяньи. Глазовъ оторопѣлъ, но прежде всѣхъ пришелъ въ себя.

— Не извольте безпокоиться, сказалъ онъ, все будетъ прекрасно!

Онъ завилъ мои волосы въ 150 папильотокъ, прижегъ ихъ щипцами, далъ остыть, снялъ бумажки и расчесавъ, сдѣлалъ мнѣ прическу въ видѣ курчаваго барашка. На балѣ моя прическа произвела фуроръ, какъ мнѣ разсказывали нѣсколько лѣтъ спустя; я же сама такъ была ошеломлена толпою, освѣщенною залою и оркестромъ, который заигралъ, когда мы вошли, что была какъ въ чаду и вовсе собой не занималась и не слыхала чтò про меня говорили.

На другой день меня повезли къ бабушкѣ: что-то она скажетъ? Она улыбнулась и ласково потрепала меня по щекѣ.

Лѣтъ до семи-восьми, я очень любила бабушку, забавляла ее своею болтовнею, танцами и разными представленіями, въ которыхъ участвовали иногда сестра и старшій братъ. Бабушку особенно забавляло представленіе Андромеды: братъ привязывалъ меня къ стулу изображающему скалу; самъ въ ролѣ дракона надѣвалъ шубу на выворотъ и бросался на меня; а сестра, Тезей, въ мужской шляпѣ и драпированная шалью, избавляла меня. Но я этой именно комедіи не любила, потому что не на шутку боялась вывороченной шубы!

Выростая стала я очень застѣнчива и къ тому же прислушивалась къ неосторожнымъ разговорамъ окружающихъ меня. Матушка и тетка говорили про бабушку не очень стѣсняясь; гувернантки наши ея боялись (она съ ними гордо держалась), и онѣ шушукали и сплетничали про нее между собою, не подозрѣвая, что дѣтскія уши на сторожѣ. Мысли мои стали путаться; въ присутствіи бабушки мало по ма-

---

*) Это бѣда непоправимая.

ло мною сталъ овладѣвать какой-то неопредѣленный страхъ: что-то тѣснило мнѣ горло, я ни слова не могла выговорить, сидѣла какъ истуканъ. Все что окружало бабушку меня начало пугать: я боялась большихъ, пустыхъ комнатъ, особенно одной, гдѣ висѣло по стѣнамъ много старинныхъ гравюръ въ золотыхъ рамкахъ, и одна, представляющая видѣніе Гамлета, наводила на меня паническій страхъ. Я также начала бояться экономки бабушкиной, Аксиньи Яковлевны, чопорной старушки съ строгимъ лицомъ, всегда одѣтой въ темное шелковое платье съ плеча бабушки, старинной бѣлой шали съ пестрой каймой и въ накрахмаленномъ чепцѣ. Я видѣла эту женщину въ послѣдній разъ когда мнѣ минуло уже 15 лѣтъ; бабушки давно не было на свѣтѣ, и тогда даже, вспоминая дѣтскія впечатлѣнія, легкая дрожь пробѣжала по мнѣ...

Мнѣ тяжело признаваться, но когда бабушка скончалась, мнѣ стало легче: пока она жива была, при одной мысли о ней, меня давило какое-то тяжелое чувство. Надо прибавить, что бабушка рѣшительно не была виновата въ странномъ страхѣ внушаемомъ ей мнѣ: она всегда была очень ласкова со мной. Она такъ рѣдко выѣзжала, что ея посѣщеніе считалось эпохою въ нашей дѣтской жизни. Когда карета ея подъѣзжала къ нашему крыльцу, весь домъ приходилъ въ смятеніе: бросали уроки, какіе бы не были, и мы, всѣ четверо, братья сестра и я, бѣжали ей на встрѣчу и стояли за матушкинымъ кресломъ все время посѣщенія бабушки. А какъ она была хороша, принарядившись немного! Чепчикъ изъ бѣлой блонды такъ хорошо окаймлялъ ея правильныя черты, улыбка ея была такъ привѣтлива, видъ такъ величавъ! Бабушка умерла холерою въ Москвѣ въ 1834 году: никого изъ дѣтей, ни близкихъ родственниковъ не было при ней, мы были въ деревнѣ. Она скончалась на рукахъ крѣпостныхъ горничныхъ. Сыновья не пожелали оставить за собой ея дóма: его продали забезцѣнокъ барону Розенъ. Лѣтъ 15 спустя, я была на балѣ у баронессы Розенъ и не безъ волненія вошла въ эти комнаты, гдѣ часто бывала въ дѣтствѣ. Нѣсколько гостиныхъ остались какъ были при бабушкѣ; но гравюры Гамлета уже не было, ни моего дѣтскаго страха также: я помнила только, какъ бабушка меня ласкала, и что-то въ родѣ угрызенія совѣсти шевельнулось въ душѣ моей....

Варшава.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О КНЯЗѢ М. И. ГОЛЕНИЩЕВѢ-КУТУЗОВѢ-СМОЛЕНСКОМЪ.

Статья его внука П. М. Голенищева-Кутузова-Толстаго.

Храмъ Христу-Спасителю въ Москвѣ, этотъ многоцѣнный, народный памятникъ благочестія трехъ царствованій, воздвигнутъ въ благодарность Богу за спасеніе Москвы и Россіи отъ великаго западнаго нашествія. На внутреннихъ стѣнахъ великолѣпнаго сооруженія перечислены имена и подвиги защитниковъ отечества, и по этимъ надписямъ можно прослѣдить всю исторію 1812—1814 годовъ. Но историческая память возбуждаемая этимъ прекраснымъ храмомъ, въ особенности останавливается на человѣкѣ, котораго Жуковскій въ Бородинской пѣснѣ своей такъ вѣрно назвалъ „вождемъ спасенія", который послѣ того, какъ совершено было такъ много всякихъ политическихъ и военныхъ ошибокъ, вынесъ на плечахъ своихъ всю тяготу тогдашнихъ недоумѣній. Имени князя Михаила Ларіоновича Голенищева-Кутузова-Смоленскаго подобаетъ въ наши дни особливый почетъ и благодарность. Мы увѣрены, что въ ново-освященномъ храмѣ, какъ въ Петербургѣ въ Казанскомъ соборѣ, будутъ учреждены на вѣчныя времена панихиды въ дни его рожденія и кончины.

Читатели съ удовольствіемъ прочтутъ нижеслѣдующую статью о немъ, написанную недавно скончавшимся (28 Февраля 1883) его внукомъ Павломъ Матвѣевичемъ Голенищевымъ-Кутузовымъ-Толстымъ. П. Б.

Передъ кончиной жизни моей я, носящій имя предка моего, князя Кутузова, желаю повторить еще разъ мое уже не первое удивленіе, какъ отнеслись нѣкоторые Русскіе историки, писавшіе про славную отечественную войну 1812 года, къ тому, котораго единодушный голосъ Русскаго народа справедливо назвалъ спасителемъ отечества нашего. Да, онъ не только спасъ Россію, но возвеличилъ славу Русскаго

оружія сохраненіемъ арміи для побѣдъ по всей Европѣ. Не смотря на то, нѣкоторые Русскіе писатели, касаясь князя Кутузова, какъ полководца, задѣвали его личность, какъ человѣка, чѣмъ и дали поводъ г-ну Тьеру, автору «Histoire du consulat et de l'Empire» написать о Кутузовѣ самыя несообразныя вещи *).

Чѣмъ геніальнѣе и замѣчательнѣе личность, тѣмъ болѣе является самыхъ разнообразныхъ о ней сужденій. Оно, конечно, и понятно. О князѣ Кутузовѣ писали многіе военные: писалъ Бенигсенъ, ненавидѣвшій Кутузова изъ зависти и личныхъ видовъ; писалъ Богдановичъ, который, вопреки безпристрастному историку и современнику событій 12 года Сегюру (замѣтьте, Французу!), не отдалъ должной справедливости славному полководцу; писалъ Липранди, относившійся къ Кутузову съ явнымъ недоброжелательствомъ; писали и многіе другіе. Замѣчательно, что большая часть писавшихъ про Кутузова были люди не Русскіе, хотя и носившіе Русскій мундиръ, или люди, довольно легковѣрные, не желавшіе сами удостовѣриться въ исторической истинѣ, а такъ легко и поверхностно относиться къ великому полководцу могутъ только люди непонимающіе настоящей роли главнокомандующаго. Тотъ кто взялъ Измаилъ, про кого самъ Суворовъ, его учитель, сказалъ: «Хотя Кутузовъ былъ у меня на лѣвомъ флангѣ, но онъ былъ моею правою рукою» (еще до взятія штурмомъ Измаила Суворовъ при донесеніи императрицѣ Екатеринѣ II, что Измаилъ уже взятъ, назначилъ Кутузова комендантомъ этой крѣпости); тотъ, который разбилъ Турецкаго визиря при Мачинѣ и заключилъ, какъ искусный дипломатъ, знаменитый Ясскій миръ; который, наконецъ, изгналъ Наполеона изъ Россіи, не могъ быть, конечно, обыкновеннымъ смертнымъ. Императоръ Александръ Павловичъ, когда Прусскій король прислалъ ему лавровый вѣнокъ, какъ побѣдителю Наполеона, отдалъ тотъ вѣнокъ Кутузову, а послѣ его смерти писалъ его женѣ: «не одна вы плачете, плачу я, плачетъ вся Россія.» Прусскій король поставилъ ему памятникъ въ Бунцлау (мѣсто смерти Кутузова), какъ спасителю Пруссіи. Каково же было сочувствіе Русскаго народа къ своему избавителю, прекрасно показываетъ тотъ трогательный фактъ, что по смерти Кутузова его останки народъ несъ на плечахъ своихъ отъ самой Прусской границы до Казанскаго собора въ Петербургѣ, гдѣ и похороненъ маститый герой**).

---

*) Возраженіе мое г-ну Тьеру, которое переведено на Русскій языкъ, покажетъ Русскому обществу, на сколько правы были эти господа. Извѣстный въ то время Французскій адвокатъ Беррье хотѣлъ привлечь Тьера къ суду за диффамацію, но Гизо отговорилъ и меня, и его отъ этого.

**) Въ 1812 году и нѣсколько лѣтъ послѣ въ Калужской губерніи, имя князя Кутузова возносилось на эктеніяхъ при богослуженіи П. Б.

Всего прискорбнѣе то, что Русскіе писатели говорятъ про Кутузова, что онъ не умѣлъ побѣдить Наполеона I подъ Краснымъ. Послушайте что̀ говоритъ Сегюръ, безпристрастный Французскій историкъ, который находился въ то время при Наполеонѣ. Онъ разсказываетъ, что послѣ дѣла при Красномъ у Наполеона невольно вырвались слѣдующія слова, обращенныя къ маршалу Нею: «Я нахожусь въ такомъ же положеніи, какъ король Шведскій подъ Полтавой». Ней отвѣчалъ: «Да, старый генералъ человѣколюбивъ; онъ не захотѣлъ проливать лишней Русской крови, тогда какъ нашъ четырехтысячный корпусъ онъ могъ бы совершенно уничтожить». Въ этихъ словахъ заключается двойная заслуга фельдмаршала Кутузова. Въ планахъ его было не одно пораженіе Наполеона подъ Краснымъ, а сохраненіе нашей арміи, такъ какъ въ то время не было еще извѣстно, куда примкнетъ колеблющаяся Европа послѣ разбитія Наполеона. Кромѣ того, Кутузовъ могъ почти навѣрное разсчитывать, что армія подъ командою Чичагова и отдѣльный корпусъ Витгенштейна на пути отступленія Французскихъ войскъ не только задержатъ Наполеона при рѣкѣ Березинѣ, но приведутъ его къ окончательной гибели и даже плѣну. Если не оправдались эти надежды, то упрекъ долженъ пасть на адмирала Чичагова. Что же касается до Кутузова, то усилія и заботы его во вторую половину похода 12 года избѣгать безполезныхъ потерь и сберегать людей и армію составляютъ неоцѣнимую заслугу. Онъ предвидѣлъ, что даже съ уничтоженіемъ всей вторгнувшейся въ Россію непріятельской арміи роль Наполеона не кончена. Дальнѣйшія событія вполнѣ оправдали дальновидность этихъ соображеній и служатъ неоспоримымъ доказательствомъ проницательности ума и вѣрности взгляда фельдмаршала Кутузова на политическое положеніе Россіи и сопредѣльныхъ съ нею государствъ.

Нѣтъ ничего легче какъ слѣдить за дѣйствіями главнокомандующаго изъ кабинета. Какое громадное поле для разнообразныхъ стратегическихъ соображеній! Какъ легко и спокойно можно критиковать каждый шагъ главнокомандующаго! Вышеозначенные гг. историки, кажется, забыли, что Кутузову пришлось имѣть дѣло съ геніальнѣйшимъ полководцемъ въ мірѣ. Въ 1812 году сошлись двѣ силы, два великихъ воина, и одинъ изъ нихъ палъ!

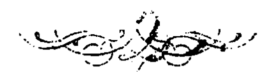
Я не хочу здѣсь пересказывать то, что̀ извѣстно каждому изъ любаго учебника Русской исторіи. Чрезвычайно важно для характеристики князя Кутузова обратиться къ рескрипту императора Александра I, данному Кутузову при назначеніи его главнокомандующимъ. Послѣ того, какъ народная толпа, при проѣздѣ Государя, кричала и произносила имя Кутузова, для рѣшенія вопроса кого назначить глав-

нокомандующимъ, былъ выбранъ комитетъ изъ генераловъ, и всѣ единогласно остановились на Кутузовѣ.

Содержаніе высочайшаго рескрипта слѣдующее: «Извѣстныя во«енныя достоинства ваши, любовь къ отечеству и неоднократные опы«ты отличныхъ вашихъ подвиговъ пріобрѣтаютъ вамъ истинное право «на сію мою довѣренность. Избирая васъ для сего важнаго дѣла, я «прошу Всемогущаго Бога, да благословитъ дѣянія ваши къ славѣ «Россійскаго оружія, и да оправдаетъ тѣмъ счастливыя надежды, ко«торыя отечество на васъ возлагаетъ». (Михайловскій-Данилевскій т. IV, гл. 26). Вотъ неоспоримыя заслуги и слава Кутузова.

Въ заключеніе не могу не упомянуть, что въ 1871 и 1872 годахъ «Русской Старины» были помѣщены письма Кутузова къ женѣ его. Г-нъ Липранди, бывшій оберъ-квартирмейстеръ въ 12 году, редактировалъ эти письма. Въ предисловіи своемъ онъ прямо говоритъ, что принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые не благоволили къ Кутузову. Легко понять, съ какимъ явнымъ предубѣжденіемъ и даже извращеніемъ истины отнесся онъ къ нему. Въ нѣкоторыхъ его примѣчаніяхъ, касающихся Кутузова, впрочемъ, только, какъ полководца, проглядываютъ тѣже упреки и несправедливыя замѣчанія по поводу военныхъ дѣйствій какъ и со стороны Бенигсена, и пр. Безпристрастный критикъ, оцѣнивая великія заслуги Кутузова по достоинству, найдетъ, что слава Кутузова стоитъ выше всѣхъ пререканій. Не слѣдуетъ забывать, что Кутузову пришлось дѣйствовать въ крайне-неблагопріятныхъ обстоятельствахъ: организація нашей арміи стояла гораздо ниже арміи Наполеона, упоенной побѣдами; самую войну пришлось вести на громадномъ пространствѣ; назначеніе Кутузова главнокомандующимъ состоялось во то время, когда уже и войско наше и всѣ умы были объяты страхомъ, вслѣдствіе быстрыхъ успѣховъ Наполеона. Какъ только пронеслось имя Кутузова по Россіи, всѣ почувствовали, что насталъ конецъ торжеству Наполеона.

Лучше и справедливѣе всѣхъ отнесся къ Кутузову народъ Русскій. Никогда не умретъ въ немъ память о спасителѣ отечества. Ему нѣтъ дѣла, какъ происходили военныя дѣйствія, ему нѣтъ дѣла ни до какихъ партій за и противъ великаго человѣка: онъ знаетъ, что Кутузовъ—избранникъ Государя и народа, что онъ съ успѣхомъ исполнилъ высокое назначеніе фельдмаршала и, назвавъ его спасителемъ отечества, онъ молится за него въ церкви. Не даромъ говорятъ,что «гласъ Божій—гласъ народа», и не слѣдуетъ ли скорѣе здѣсь искать слова истины, чѣмъ въ сужденіяхъ людей, нерѣдко пристрастныхъ и ошибочныхъ?



LXVIII.

Moscou, le 5 juillet 1817.

Quelle mort que celle de ce pauvre comte! Sur une frégate, isolé, et n'ayant que le jeune baron auprès de lui! Il eût mieux valu, au point où en était le mal, le laisser finir dans son lit entouré de ses enfants et de sa famille. Mais lui-même conservait sûrement quelqu'espérance encore; l'achat de ce vin à Copenhague en est la preuve. Cette maladie a cela de propre à elle, de laisser jusqu'au dernier moment l'espoir d'une guérison impossible. J'ai vu mourir ma mère et plusieurs autres personnes de consomption: toutes se flattaient de guérir lors même qu'il n'y avait plus aucune ressource, et l'espérance redouble souvent vers la fin.—Je n'ai point entendu les murmures des Moskowites contre l'opération de m-r Gouriew au sujet des eaux de vie. On croit cette opération utile aux finances de l'Empire; mais elle prive les fermiers des gains immenses qu'ils font dans la régie actuelle, et certes cela n'est pas un mal pour le trésor impérial qui recueillira une partie de ces profits. Aussi n'y a-t-il absolument que les fermiers qui se permettent de blâmer la nouvelle organisation; et comme il ne serait pas décent de mettre en avant leur intérêt personnel, ils se jettent sur le bien général qu'ils regardent comme perdu, parce que le leur souffre un peu. Par exemple, croyez-vous sérieusement que cette bonne princesse Boris s'avisât de jetter feu et flamme contre m-r Gouriew si un banquier venait lui dire que les nouvelles banques établies sont nuisibles plutôt qu'utiles? Non, sans doute; comme elle n'y a aucun intérêt direct, elle laisserait aller les choses comme elles pourraient, sans s'en inquiéter le moins du monde pour la couronne. Mais comme son mari est un prince-fermier et que la ferme fournit aux dépenses de la maison, on voit l'état prêt à périr dès le moment où ces moyens de dépenser tarissent. Nous sommes tous plus ou moins un peu comme cela.

LXIX.

Moscou, le 11 juillet 1817.

Nous ne vivons que sur le récit de vos noces; nous tendons l'oreille et allongeons le cou à l'arrivée de la poste de Pétersbourg. Cette attitude donne l'air un peu bête, j'en conviens, et j'ajoute que je suis le plus bête du troupeau quand vos lettres me manquent. J'en suis réduit à la *Poste du Nord* où j'ai lu que le prince Théodore a été fait veneur; j'en suis ravi si cela lui fait plaisir; mais dites-moi, suivra-t-il la chasse à pied? Il serait bien essoufflé. Si c'est à cheval, il faudra en trouver de bien vigoureux pour le porter; en calèche, il n'arrivera jamais à la mort de la bête. Heureusement pour lui que nos souverains ne sont pas grands chasseurs. Aussi Nemrod n'aurait jamais pris Théodore pour veneur, je le parie.

Je lis l'ouvrage de m-r Stourza, et je vous avoue que je n'en vois pas l'utilité; la morale de la religion est bien plus exposée que le dogme. Quant à la procession du S-t Esprit, à l'addition de *filioque* par l'église latine, je crois qu'on peut être fort bon Chrétien sans s'en embarrasser l'esprit. J'avoue que c'est un mystère auquel je ne comprends rien et que m-r de Stourza ne comprend pas mieux que moi, je pense, malgré les grandes phrases si redondantes de grands mots par lesquelles il cherche à le définir. J'ai lu ces périodes jusques à trois fois sans les trouver plus claires. D'où lui est venue l'idée d'écrire un livre si au-dessus de la portée des lecteurs ordinaires? C'est une matière bonne à laisser débattre entre la Sorbonne et le S-t Synode, quand on voudra réunir les deux églises; mais pour un homme de la société il s'expose à ce qu'un savant ecclésiastique lui réponde et lui prouve que sa science est celle d'une personne qui a peu lu les saints pères et qui possède fort mal son sujet. Toutefois, j'espère que personne n'eût reprendre cette réponse. Dieu nous préserve de retomber dans les écrits de controverse qui ont agité les 15 et 16 siècles. Vivons en paix et en bons Chrétiens.

LXX.

Pawlowsky, le 6 juillet 1817.

Il y a trois jours que, passant la soirée chez la princesse Boris et que causant avec elle et mad. Thomon, il me prit tout-à-coup un tournement de tête, un éblouissement; je m'effraye, je saisis la main de ces dames; une sueur froide, une défaillance complète m'empêche de parler; on me délace, on me frotte, on me fait respirer des sels, on me donne de l'eau de menthe, et je reviens à moi, sans pouvoir comprendre d'où ce mal m'était venu. Le grand air me fit du bien; on me ramena chez moi tout-à-fait remise, et je passai une fort bonne nuit. Le lendemain je fis plusieurs courses; je fus voir ma tante, puis chez une marchande de mode commander des chapeaux. Je devais dîner chez Nesselrode et je rentrai pour faire ma toilette; à peine étais-je chez moi que la même défaillance de la veille me reprend; on me remit avec de l'eau de Cologne qu'on me fit avaler, et je me trouvai assez bien pour aller à mon dîner quoiqu'avec un peu de frayeur. Madame de Nesselrode me conseille de voir Chreighton; je l'envoyai chercher tout-de-suite. Il prétend que cela est venu de l'estomac, que c'étaient des vapeurs qui ont porté à la tête; il m'a ordonné *la petite furie* avec une mixture par là-dessus, et puis je dois prendre une autre drogue pendant les huit jours que nous passerons ici à la campagne.

Hier soir, comme nous arrivions ici, nous fûmes dépassées par une voiture courant au grand galop; c'était la comtesse Strogonow avec sa soeur allant à la terre de Tosna. Je n'ai pu la voir, parce qu'elle était dans le fond de la voiture et moi aussi; mais m-lle Samoïlow, qui a pu la distinguer, dit qu'elle a une mine effrayante, pâle et maigre à l'excès. Un moment après ses filles nous dépassèrent, et puis une britchka sur laquelle je vis un de ses gens que je connais. Je lui demandai comment elle se portait, il me répondit *слава Богу*. L'enterrement de Strogonow a eu lieu hier matin, l'Empereur et les grands-ducs y assistèrent; le canon que j'entendis à midy m'annonça la fin de la cérémonie. Il est généralement regretté, parce qu'il a été généralement aimé.

Je fais aujourd'hui ma rentrée dans le monde. Je verrai l'Empereur qui vient dîner avec nous, et j'entendrai parler notre grande-duchesse que jusqu'ici je n'ai fait qu'entrevoir en courant. Vous ai-je dit que l'Empereur, à travers les fêtes, les noces, les présentations et les félicitations, a daigné se rappeler deux fois de moi en envoyant savoir de mes nouvelles et de celles de ma tante? Vous conviendrez que

cela est vraiment aimable; aussi je vous répète que je compte sur cet homme à tout jamais, que je le voye ou non.

Le prince Boris ne parle que de ses fermes, de ses fabriques de suif et de potasse. Il m'engage à lui donner de l'argent pour l'achat de la graisse de mouton et s'offre à me le faire valoir à plus de 15 pour cent, et je trouve ses offres si séduisantes que je vais lui donner un millier de roubles pour essayer. Ma farine avec le comte Golowine a réussi à merveille cette année; vous allez voir que je deviendrai riche comme Crésus, quand j'aurai atteint votre âge.—Vous aurez vu que les grâces à l'occasion du mariage de monseigneur Nicolas ont été assez modérées; un seul grand cordon de S-te Catherine pour la jeune princesse de Wurtemberg; sept demoiselles d'honneur dont trois Moscowites; Stanislas Potocky aide-de-camp-général, Boutourline aide-de-camp, Pachkow grand-maréchal, Albedil maréchal, Théodore veneur: voilà tout. Je ne m'amuserai pas à vous parler des diamants qu'on a donné à la suite prussienne, tant aux hommes qu'aux femmes. M-r de Lamsdorf a été bien récompensé: d'abord le titre de comte, une arende pour 50 ans rapportant neuf mille roubles argent blanc, c'est-à-dire trois mille ducats, des boîtes et bagues avec portraits et chiffres pour la valeur de 130 mille roubles. La nouvelle grande-duchesse a donné aussi des boîtes à Gouriew et à Kosadawlew; au premier pour l'arrangement du palais Anitchkow, au second comme surintendant des postes. Mesdemoiselles Ouchakow et Schouvalow ont reçu des peignes en diadème qui sont de fort bon goût et avec de beaux diamants. On avait beaucoup parlé du portrait pour la comtesse Orlow; cependant elle ne l'a point eu.—Théodore Galitzine est enchanté d'être hors de la ligne des chambellans; il mourait d'envie d'en sortir; le séjour de Czarsko-Célo lui a procuré sa nouvelle charge. L'Empereur, qui le rencontrait tous les jours, qui est allé deux fois chez sa femme, a été facile à aborder pour la demande, et la chose s'est arrangée; il a passé sur le corps par là à sept ou huit chambellans plus anciens que lui, à Laval entr'autres, qui en est tout estomaqué.

Vous êtes dans l'erreur quand vous croyez que tout Pétersbourg se transportera à Moscou; au contraire, je vois très-peu de monde qui se propose d'y aller, et presque personne de ce qu'on appelle la grande société ne pense à bouger. Quant aux ministres étrangers, il n'y aura peut-être que lord Cathcart et le ministre de Prusse; les autres demeureront ici: car l'Empereur a dit positivement que son intention était de ne gêner ni déranger personne. Le Conseil Suprême reste également ici, par conséquent les grandes maisons n'auront pas à se déplacer. Le comte Litta et sa femme ne bougeront pas, et en général

personne n'a envie de se trimbaler en famille d'une capitale à l'autre. Tout cela fait que je prévois un ennui mortel pour la cour; je ne sais pas en vérité ce qui pourra l'amuser. L'Impératrice-mère s'occupera à organiser ses établissements de bienfaisance; mais quand elle aura fait la tournée des instituts le matin, je ne vois pas comment elle passera ses soirées, à moins de rester en famille. Je trouve que les hommes même manquent à Moscou. Tormassow et Youssoupow sont les seuls sur qui on peut compter. Nous n'aurons donc que l'état-major de l'Empereur; mais comme S. M. fera des absences, plusieurs de ces messieurs le suivront. Je ne vois pas non plus quels seraient les particuliers en droit de recevoir la cour chez eux. Encore ces deux personnages que j'ai nommé, car on n'ira pas chez Dourassow et chez son cousin Tolstoï, tout riches qu'ils sont. Madame Apraxine et notre Tolstoï à nous, pourraient donner des bals; mais la première sera en deuil. Au reste, tout ceci se débrouillera, une fois que nous y serons. Moi de ma personne, je ne songe ni aux bals ni aux réunions. Si Dieu me prête vie, je suis sûre de me bien trouver entre ma tante, ma soeur et vous.

Samedy matin, 7 juillet.

Nous eûmes hier un dîner fort agréable, la cour de Czarsko-Célo, la société de Pawlowsky et pas d'autres monde. Les jeunes mariés m'ont semblés graves et sérieux. Madame la grande-duchesse, sans être belle, est fort bien; on pourrait même dire qu'elle est jolie si elle avait un peu plus de chair; elle marche avec grâce, son pied est charmant. La mise qu'elle avait était élégante, mais à mon gré sa robe un peu trop courte. L'Empereur l'avait à ses côtés à table et lui parlait beaucoup. Une couple d'année qu'elle passera à faire son métier de princesse de Russie, en fera une personne charmante, car elle paraît avoir un joli naturel. Les dames prussiennes étaient aussi du dîner. La comtesse Truchsess a l'air d'une bien excellente femme; elle est douce et agréable; on dit qu'elle a eu beaucoup de malheurs: il est aisé de le croire à sa mine un peu souffrante. Madame de Hacke est une merveilleuse de Berlin. Elle est jolie en effet, parfaitement bien faite, une toilette extrêmement recherchée, mais on dit qu'elle est remplie de vanité et de prétentions. Elle a eu déjà quelques démêlés avec la dame d'honneur princesse Wolkonsky qui l'a mise à la raison. La Wildermet n'a point paru: elle avait la migraine. L'Empereur m'a approché pour me dire qu'il avait eu l'intention de venir chez moi en ville,

mais que toutes les fois qu'il avait envoyé je n'étais pas à la maison. Je lui ai dit que chaque fois je m'étais trouvée chez ma tante, et il m'en demanda des nouvelles avec beaucoup d'intérêt. La soirée d'hier se passa au Pavillon des Roses après une longue promenade; le tems est charmant; s'il pouvait être ainsi à Péterhof, cela serait bien heureux. Aujourd'hui toutes nos dames sont allées à l'enterrement du directeur de Pawlowsky, un certain baron Grewenitz qui était malade depuis longtems; sa femme m'a fait porter aussi un billet, mais je ne peux pas sortir à cause de ma médecine.

Je reprends la plume après dîner, pour vous dire qu'il vient d'arriver quelque chose de fort désagréable au prince de Prusse: un chien l'a mordu au pied et assez fort. On est fort en l'air à cause de cet évènement. Les médecins disent que ce n'est rien; dans le premier moment on a fait la folie de tuer l'animal sans qu'on ait su positivement s'il était malade ou non. Un matelot à qui il appartenait assure qu'il avait la manie de se jetter sur les passants sans leur faire de mal, et qu'à cause de cela il le tenait pour l'ordinaire à l'attache; cette fois-ci il s'est trouvé libre; le prince voulut le caresser, il se laisse faire, mais ensuite lui voyant porter la main à son bonnet (фуражка), le chien eut peur de ce geste et se précipita sur le jeune homme, qui naturellement se mit en devoir de la frapper, et alors l'animal saisit le pied et le mordit bien fort. Potocky m'assure que ce ne sera absolument rien; cependant on fait venir Willié pour cautériser la playe. La grande-duchesse n'a point paru aujourd'hui, parce que c'est l'anniversaire de la mort de la reine sa mère.

Dimanche, 8 juillet.

Encore un fâcheux évènement. M-r Achwerdow, un des cavaliers des grands-ducs, est mort subitement. Il y a à peine quatre heures que je lui ai parlé. En descendant pour aller à la messe, je l'ai rencontré, je lui ai demandé des nouvelles de sa santé, il m'a répondu: по маленьку (tout doucement); à la porte de l'église nous nous sommes séparés, et pour ne plus nous revoir jamais. Cher Christin, comme c'est terrible! Il n'est plus ce pauvre homme, et rien il y a quelques heures ne présageait une fin si prochaine! Les grands-ducs sont restés frappés. L'Impératrice-mère aussi, et le bal, qui devait avoir lieu ce soir, est contremandé. Je viens de faire mes adieux à Théodore Galitzine, qui s'est mis en route pour aller à Zoubrilowka. Sa femme est partie de grand matin, et il va la joindre. Comment trouvez-vous m-r le veneur? Il roule d'un bout de la Russie à l'autre sans qu'il y paraisse. Si Dieu

le permet, nous le reverrons à Moscou.—Willié a vu le prince de Prusse, il a coupé quelque chose à sa jambe et brûlé par là-dessus. Ce sont des précautions peut-être inutiles si le chien se portait bien, mais dans ces cas il vaut mieux en faire trop que trop peu.

LXXI.

Moscou, le 16 juillet 1817.

Vous avez trop de sang, j'en suis persuadé; un léger dérangement d'estomac ne pouvait pas porter assez de vapeurs à la tête pour causer un étourdissement aussi complet que celui que vous me décrivez. Je voudrais qu'on vous fît une légère saignée et qu'on vous mît à l'eau de veau pendant trois jours pour diminuer la masse du sang et pour liquéfier les humeurs. Votre maladie est de crever de santé, et ne croyez pas que je plaisante: c'est un mal tout comme un autre, il ne faut d'excès en rien. Votre pilule ne sera pas suffisante, et s'il vous revient un vertige, croyez-moi, ayez recours à la lancette sans hésiter. Vous n'avez sûrement pas ce préjugé, qu'une fois saignée il faudra y revenir chaque année. Et quand cela serait, le beau malheur! Voyez-vous, chère princesse, vous êtes dans toute la force de l'âge; vous ne faites rien de votre santé, vous ne donnez rien à la nature de ce qu'elle demande impérieusement sans se soucier si les loix, les usages, les moeurs ou les convenances sociales sont d'accord avec son voeu. Tout ce que les hommes ont règlé pour le maintien de la civilisation est bel et bon; mais dame nature se moque de ces institutions et va son train, comme si elle tenait le sceptre du monde, et c'est elle qui vous *tarabuste*. Je ne suis pas arrivé à mon âge sans lui avoir arraché son secret. Quand j'étais soumis à son empire, j'agissais plus que je ne réfléchissais; mais depuis qu'elle m'a cassé aux gages et licencié sans retour, j'ai le tems d'observer, de me souvenir, de comparer, et je vois que tout ce qu'on fait pour contrarier sa marche est peine perdue: elle vous rappelle sous ses loix de mille manières, et si vous persistez à les mépriser, les vertiges, les tournoyements de tête vous punissent et sont comme un *memento* que vous ne remplissez pas le but de la création. Si vous jettez les hauts cris et m'envoyez promener, vous serez une femme ordinaire; si vous convenez tout bonnement que j'ai raison, vous serez une personne franche et naturelle. Je n'approuve point la raison qui vous empêcherait de vivre avec vos soeurs; vous craignez les douleurs d'une séparation éternelle que l'habitude rend

plus douleureuse; mais cette même raison devra exister pour tous ceux avec qui vous vivrez et dont bien sûrement vous serez chérie. Vous n'êtes pas faite pour vivre seule, je vous en avertis; l'avenir vous prouvera que le bonheur est d'avoir un ami de toutes les heures et qui par conséquent vive avec vous et partage les misères de la journée.

Vous croyez donc que peu de maisons suivront la cour à Moscou, et moi je suis d'un avis tout contraire. Au bout de six semaines les Pétersbourgeois s'ennuyeront tellement de ne plus savoir ce qu'a dit l'Empereur hier, ce qu'a fait l'Impératrice ce matin, où ont été les grands-ducs la veille et ce qui aura lieu à la cour demain, qu'on les verra chercher des prétextes pour arriver en foule à Moscou. Ce sera un parent à voir, une terre à visiter, un hyver trop rigoureux à fuir, enfin ce sera tout ce qu'on voudra, excepté la vérité; car avec la fureur de la cour les courtisans d'aujourd'hui ont la prétention de ne pas s'en soucier du tout. Dis-je bien, chère princesse? Vous voyez tout cela de près et pouvez juger si je me trompe.

LXXII.

Pawlowsky, le 11 juillet 1817.

Ma soeur me fait une belle description de Florence, elle court chaque matin voir tout ce qu'il y a de mieux dans la galerie comme dans les églises. Elle a pour cicérone notre ami Ohara, qui ne lui fait pas grâce du plus petit tableau et qui étant prolixe de son naturel, l'est encore doublement dans cette occasion; il croit n'avoir jamais assez dit. Catherine prétend que chaque matin il lui conte l'histoire des Médicis, sans oublier aucun de leurs faits et gestes; dès qu'elle a les yeux ouverts, il l'envoye prier de venir déjeuner avec lui, elle n'ose pas le refuser, et c'est en prenant sa tasse de chocolat qu'il lui fait ses longs et fastidieux récits. Je l'ai bien reconnu à cette manie de conter tous les jours à peu près la même chose; pendant toute une année il m'a entretenu des malheurs du grand-maître Hompèche et de la manière peu honnête dont s'était conduit m-r de Litta qu'il n'appelait pas autrement que *monaco sfrocato*. J'imagine donc à quel point il fatigue ma soeur. En fait de Russes il n'y a à Florence que les Lounine, mère et filles; Hitrow avec les messieurs de la légation et le comte Théodore Golowkine que vous avez connu autrefois, un homme très-aimable, mais menteur comme un laquais. Comme c'est une très-ancienne connaissance à nous, ma soeur l'a révu avec infiniment de plaisir.

L'ordre de nos fêtes de noces est changé. La jambe du prince Guillaume a renversé le plan qu'on avait arrêté. Il a été décidé hier qu'on ne retournerait plus en ville et qu'on ira tout droit d'ici à Péterhof. Cela ne m'arrange pas tout-à-fait, car je n'ai pas de robe pour le 22, et je croyais avoir le tems d'y penser quand nous serions à Pétersbourg. Je vois qu'il faudra que m-lle de Modène fasse une course et secoue ses entrailles dans une calèche de poste à laquelle elle fera la grimace, mais enfin que voulez-vous? Je ne puis pas la transporter dans un ballon. Nous partons donc le 20 et nous resterons à Péterhof huit jours au moins à cause des manoeuvres. Au reste, la playe du prince de Prusse va merveilleusement bien; une jambe moins illustre n'aurait pas fait remuer le bout du doigt pour ce qui s'est passé, mais une altesse royale autorise l'agitation. J'ai fait la connaissance des dames prussiennes; la merveilleuse Hacke me plaît médiocrement; la comtesse de Truchsess beaucoup: c'est une femme très comme il faut, qui a l'air d'une excellente personne; elle a un sens droit qui lui fait dire tout fort à propos, et je suis bien sûre que si elle demeurait auprès de la jeune princesse, elle pourrait lui être encore fort utile, mais elle va partir toute des premières. La Wildermet est commune au-de-là de toute idée; ce n'est pas même la tournure d'une femme de chambre distinguée, c'est une vraye servante; malgré ses fraix de toilette, on voit que ce n'est rien. Je trouve qu'elle parle même un mauvais français; Dieu sait si elle est instruite, en tout cas elle l'exprime désagréablement, pas la moindre élégance dans la conversation, non plus que dans les manières; bref, voulez-vous que je vous parle *cruement*: cela ferait une triste gouvernante pour la fille d'un particulier. En fait d'hommes il y a un m-r Schildern avec qui je cause volontiers, il a de l'esprit des connaissances, grand partisan du magnétisme et admirateur de Wolfrath et de l'abbé Faria. A là promenade il se trouve toujours mon voisin, et alors nous ne sortons plus du baquet magnétique. Le reste de ce monde me demeurera, je crois, inconnu; ils ont des figures qui ne préviennent pas en leur faveur, mon Schildern aussi a dans la sienne quelque chose de sinistre. Je serais bien aise qu'on les expédiât tous, tant qu'ils sont, et le plus tôt possible.

Le vieux Branicky vient de mourir à Bielatzerkow. Cela fait un nouveau deuil pour madame de Litta, qui de cette affaire pourrait bien ne pas venir à Péterhof. Son mari m'a écrit pour communiquer la nouvelle ici et me dit que sa femme est fort inquiète de sa soeur. La comtesse Potocka doit être bien affligée: elle aimait son père à l'adoration; son mari qu'on avait attaché ici à la personne du prince Guil-

laume, est parti tout de suite hier pour aller la rejoindre. Je crois que cet évènement nous ramènera la comtesse Branicka à Pétersbourg; elle ne restait à Bielatzerkow que pour le vieux.

LXXIII.

Moscou, le 19 juillet 1817.

Voilà donc cette pauvre Tatiana avec la fièvre à Florence, et cela par l'entêtement de son mari. Convenez qu'un jeune homme sans expérience et dénué d'esprit est un triste compagnon dans le chemin de la vie! Celui-ci me paraît sôt à un très-haut degré. Comment ne pas céder à l'instant aux avis d'un médecin, lorsqu'il s'agit d'un intérêt si cher et surtout lorsqu'on ne voyage que pour la santé d'une femme confiée à ce médecin. Il oublie le but pour lequel il est parti, et il le sacrifie à sa parcimonie naturelle, ou à l'ennui que lui cause la route.

Ces Prussiens ne sont pas autrement distingués à vous entendre. Qui donc a fait le choix de m-lle Wildermet? Je ne doute pas qu'elle ne soit née en Prusse de celui dont je vous ai parlé. J'ai été bien souvent surpris du peu de soin qu'on apporte au choix des gens qu'on place auprès des enfans. Quelquefois on ne fait cas que d'une langue étrangère, d'autre fois de quelque petit talent ou agrément extérieur, et le plus souvent on ne s'embarrasse ni de la moralité, ni des sentiments, ni de l'éducation de la personne à qui on confie l'enfance. Aussi voit-on presque toujours la jeunesse sortie ignorante et mal formée d'entre les mains des instituteurs privés qu'on lui donne.

L'autre soir, après ma lettre, le prince Théodore vint me voir, et j'ai été deux fois chez sa femme. Croiriez-vous que cette belle maison est cassée, brisée à ne pas s'y reconnaître; ce sera toute autre chose que ce que vous avez vu, et cependant il n'est point encore question de l'étage supérieur: il ne veut l'arranger qu'autant que la cour se montrera disposée à accepter une grande fête. Il compte avoir la famille impériale pour une soirée peu nombreuse en bas, et après cela il fera mieux si on veut. L'argent que cet homme dépense passe l'imagination; il fait partir d'ici pour Zoubrilowka des vases de fleurs en quantité, des caisses de vignes dont le raisin mûrira en route, à ce qu'il espère. Je ne sais combien de chariots porteront ces serres ambulantes qui feront 50 werstes par jour; un jardinier les accompagne pour les soigner, arroser etc. etc. Et il se flatte que ces fleurs feront

600 verstes par la poussière, ainsi que ces raisins-muscats, sans se fâner et sans sécher. Voilà de ces choses qu'on n'a vu essayer que dans ce pays-ci, et je vous jure que cela semble aussi simple à Théodore que d'envoyer une lettre à la poste. Il m'a promené dans sa cour où l'on creuse des fondements, il va bâtir en bois revêtu de pierre, à l'instar de ce qu'on à fait au Kremlin; il m'a montré sur le terrain les appartements qu'il destine à Ojarowsky, à Modène et encore à je ne sais qui, et tout cela sera prêt le 1-er 6 octobre. Il a sûrement une mine d'or quelque part; cependant il va se modérer, et il m'assure que s'il arrange cet hyver le bel étage de sa maison, il se détermine à n'y pas dépenser au-de-là de 80 mille roubles, ce qui, comme vous voyez, est une bagatelle. Au reste, il ne pèse pas une once, il franchit ces fossés creusés dans sa cour comme le jeune homme de 18 ans le plus svelte pourrait le faire; il traverse d'un mur à l'autre sur une simple planche comme le maçon le plus aguerri; en un mot, je suis de plomb à côté de lui. De plus, il ne saurait tenir en place: il part Dimanche pour Zoubrilowka, il en reviendra pour le 15 août, il sera aux noces de son frère à Lgowa, retournera avec les nouveaux mariés le 1-er septembre à Zoubrilowka et en reviendra pour le 1-er octobre pour recevoir la cour. Je ne voudrais pas de toute sa fortune avec l'obligation d'en faire autant. La princesse et m-lle Soumarokow m'ont dit que vous aviez en effet gagné de l'embonpoint, et sans que je leur aye fait une question, elles ont ajouté: *Elle a trop de sang*. J'ai fait un cri de surprise en disant que j'en étais certain et que je venais de vous le mander. Au nom du Ciel, faites-vous saigner; les médecins ont trop abandonné ce moyen. Quand je pense que du tems de Louis XIV on se purgeait et saignait régulièrement et que pourtant on vivait autant qu'à présent, cela me prouve que la saignée n'est point aussi peu nécessaire et surtout point aussi dangereuse que le prétend la faculté moderne.

Voici une lettre de m-r Miatlew du 12. Il me mande les accidents de Pawlowsky, mais il y ajoute la pendaison d'un laquais prussien qui s'est suicidé par désespoir d'avoir perdu une robe riche à mad. la grande-duchesse. Il ajoute que mad. la grande-duchesse a eu une légère incommodité à la messe et qu'on en augure une grossesse laquelle, si elle se confirme, pourrait bien retenir la cour à Pétersbourg.

Moscou est fort allarmée de la nouvelle qu'elle a reçue pour les logements militaires; chaque maison aura des soldats cet hyver, quoiqu'on ait payé pour s'en exempter et qu'on ait fait mettre des plaques de fer à la porte de chaque maison franche sur lesquelles sont écrits ces mots *свободенъ отъ постоя*. On nous assure que par un ordre su-

périeur tout cela est changé, et je vous avoue que cette nouvelle fait une sensation peu favorable et a furieusement calmé et refroidi l'impatience qu'on avait de voir arriver la cour. Comment arrange-t-on des mesures de ce genre avec les idées libérales qu'on met en avant à tout propos? Si c'était une année de guerre et que l'ennemi fût à nos portes, il n'y aurait pas le mot à dire; mais en pleine paix prendre une mesure aussi arbitraire, cela nous rejette à cent ans en arrière. Ne croyez pas, au reste, que j'en suis fâché personnellement, bien loin de là; je suis si convaincu qu'un pays comme celui-ci doit être gouverné pas des oukases, que jamais je ne dirai mot en en voyant paraître; mais ce qui me confond c'est qu'en même tems qu'on lance de ces oukases, on travaille de son mieux et de toutes ses forces à former une opinion et un esprit public qui leur soit contraire. Cela semble manquer de logique et de bon raisonnement. Anciennement on aurait logé les soldats sans faire une réflexion; aujourd'hui on les logera encore, mais en se permettant de crier à la vexation; et voilà ce que produisent ces idées modernes qu'on sème dans les esprits et qui commencent à échauffer nos jeunes têtes.

LXXIV.

Pawlowsky, le 16 juillet 1817.

Un mauvais génie semble avoir passé par ces lieux. Encore un accident! La pauvre mademoiselle Kotchetow a fait une chute de cheval qui nous a causé à toutes une frayeur mortelle. Avant-hier, à 8 heures du matin, ma femme de chambre vint m'apprendre qu'on venait de la rapporter au château dans un état affreux. Je courus aussitôt à sa chambre, je la trouvai sur son lit pâle comme un linge, sans parole, mais poussant des gémissements douloureux. J'envoyai chercher le médecin et en attendant je la fis visiter pour voir si elle n'avait pas quelque fracture. Pas une seule, le mal était dans l'intérieur. Lorsqu'elle eut recouvré la voix, elle m'apprit que son cheval s'était renversé en arrière et qu'elle était demeurée sous l'animal au moins trois minutes; qu'ensuite le cheval, s'étant redressé, était parti comme un éclair; trop heureuse encore qu'en se redressant il ne l'ait pas tuée sur place de quelque coup de pied. L'écuyer qui l'accompagnait perdit la tête, de telle sorte qu'au lieu de la secourir et de la relever, il se mit à courir après le cheval. M-lle Kotchetow, se voyant seule sur le grand chemin, eut la force de se remettre sur pied, mais quand elle

voulut marcher, cela fut impossible: elle retomba de nouveau. L'écuyer revint avec un paysan qui passait là par hasard; elle l'envoya chercher un équipage et pendant qu'il y alla, la pauvre fille resta couchée par terre sous la garde du paysan. Elle sentait des douleurs affreuses dans le ventre et aux reins. Enfin arriva une calèche dans laquelle on l'a ramena doucement au château, mais pour monter l'escalier on fut obligé de la porter. Le mal qu'elle éprouve est produit par le poids du cheval qui est tombé sur elle et qui semble avoir rudement froissé toutes les parties affectées. On lui a fait des fomentations, on a donné force lavement, mais jamais elle n'a voulu se faire saigner, pas même se laisser mettre des sangsues. L'Impératrice qui est montée chez elle y a perdu toutes ses peines: elle a refusé obstinément toute espèce de saignée.

Je vous assure que j'ai été si fort effrayée de cet accident que cela m'a gâté entièrement la journée d'avant-hier, qui aurait pu être fort agréable: car nous l'avons passé a Czarsko-Célo où il y a eu un beau dîner, suivi d'une promenade au jardin et d'une autre sur l'eau. Le goûter fut servi sous la colonnade; l'Empereur était d'une humeur charmante fesant les honneurs avec une grâce qui lui est particulière, et en général très-bien disposé. Il a donné à madame la grande-duchesse le palais Alexandre en toute propriété aprés l'avoir fait remeubler à neuf. Elle y va passer deux jours avant notre départ pour Peterhof. Elle commence à réussir auprès de tout notre monde, et moi, qui d'abord n'avait pas été extrêmement frappé ni de sa figure ni de ses manières, je lui découvre des choses fort agréables, un joli naturel et une certaine grâce à elle. Quant à sa toilette, il y a certaine couleur qui ne lui va pas et telle autre qui lui sied à ravir, le rose par exemple; ensuite telle coupe de robe ou bien telle coiffure. Voilà deux jours qu'elle est mise avec un goût parfait; à Czarsko-Célo elle était en rose, hier ici en blanc. Sa démarche me plaît infiniment, elle est aisée et légère; ses révérences à la russe sont aussi fort gracieuses. Du reste, elle a encore des enfantillages, elle aime à courir, à danser, a sauter, ce qui est bien de son âge. En vérité je suis d'avis qu'elle réussira extrêmement par la suite.

Nous partons d'ici le 20. L'Empereur a eu la bonté de me dire que j'aurai mon appartement à Péterhof auprès de celui de madame de Lieven, ce que je désirais, parce que je puis avoir à ma disposition plume, encre et papier sans traîner tout cela avec moi.

Nous avons marié hier une de nos dames: c'est mad-lle Nélidow qui a épousé Adlerberg, un aide-de-camp du grand-duc Nicolas. J'ai fort avancé ma connaissance avec la Wildermet; elle est bonne per-

sonne, peut-être, mais parfaitement commune; je ne m'en dédis pas. Elle m'a dit avoir été fort liée avec madame Tremblay, la tante de Ribeaupierre dont le mari est resté longtems à Berlin. C'était un auteur, comme il doit vous en souvenir.

LXXV.

Moscou, le 23 juillet 1817.

L'accident de m-lle Kotchetow est affreux; elle aurait pu être tuée sur la place. J'ai un compatriote ici à qui le même évènement est arrivé point pour point l'an 1812, six semaines avant les Français; il en fut trois mois sans marcher et il en ressent encore une paralysie dans les entrailles qui est cause que sans purgatifs il ne peut remplir aucune fonction naturelle; aussi en est-il sec comme un squelette. Dieu veuille que m-lle Kotchetow en soit quitte à meilleur marché; mais qu'est-ce donc que cette obstination contre la saignée? Selon moi c'était aussi le premier remède à employer.—Vous voilà donc à Péterhof où vous verrez de belles choses, sans louer des fenêtres à 500 roubles pour une matinée, comme le font, à ce qu'on assure, beaucoup de gens à Oranienbaum et même à Péterhof pour voir les manoeuvres. M-r Miatlew m'écrit que son Znamensky est comblé de visiteurs pour la circonstance. Vous ne me parlez point des soupçons de grossesse pour mad. la grande-duchesse Nicolas, ce qui me fait croire qu'ils sont prématurés. Vous êtes bien aise, dites vous, d'avoir votre appartement près de celui de mad. de Lieven pour avoir papier, plume et encre à votre disposition sans être obligée de porter tout cela. N'avez-vous donc pas une écritoire portative? Et les chambres, que la cour donne aux demoiselles d'honneur, n'ont-elles point un petit secrétaire tout garni? Ah par exemple, voilà si j'étais maréchal de la cour, ce qui serait mieux réglé, et je voudrais que tout fût sur le pied des maisons de campagne de France ou d'Angleterre, où l'on trouve tout, absolument tout, dans chaque appartement. La princesse Théodore m'a dit que vous êtes souvent dans le cas de jouer au *дуракъ* dès le matin avec votre voisine de Péterhof et que cela ne vous amuse pas plus que de raison; cela est-il vrai, je vous prie? Dès le matin c'est un peu fort! Elle est partie Vendredy cette princesse Théodore; son mari fut ce jour-là avec mad-lle Soumarokow voir la fête du comte Osterman à la campagne, il n'en revint qu'à quatre heures du matin; je le vis monter en voiture après dîner avec ses fils pour Zoubrilowka. Pendant ce départ m-lle

Soumarokow était à peindre: elle restait pour le carosse du lendemain, parce que le nombre de chevaux oblige à se diviser en trois caravanes; il y avait quarante personnes, intendants, domestiques, marchands et autres occupés à dire leur dernier mot au prince, tout cela à la rue; et au milieu de ce monde m-lle Soumarokow, bien affairée aussi à embrasser les enfans et Théodore, avait une assiette à la main et sur cette assiette une aile de poulet; cette assiette gesticulait et faisait le tour du cou de tous ceux qui montaient dans la voiture. Quand l'équipage fut parti, nous nous trouvâmes dans la Twerskoy devant la maison, m-lle Soumarokow, son assiette et moi, nous faisant mille politesses, et ce fut alors seulement que je lui demandai la raison de ce poulet et qu'elle m'apprit que c'était le dîner de son chien qu'elle avait apporté moitié par distraction et moitié pour que les gens ne le mangeassent pas pendant les adieux du départ.

Un mot encore sur la comtesse Lise Potemkine. Elle est demeurée jusqu'ici chez A. G. presque toujours seule avec lui. Potemkine est de retour, mais il est occupé du matin au soir à arranger la maison qu'il vient d'acquérir. Cette manière d'être n'aurait pas suffi à A., si le public n'en eût point parlé; aussi la chose a éclaté, et il a fait tout ce qu'il fallait pour confirmer les soupçons et accréditer le bruit de la ville. Enfin, un ami de Lise a cru devoir l'avertir qu'elle était *affichée* et que cela faisait un très-mauvais effet. Lise l'a compris; elle a pleuré, elle a eu une attaque de nerfs, elle a dit que l'ennui commence à la faire mourir; que personne ne la voit, qu'elle vit seule et sans distraction, et en un mot elle a ouvert son coeur avec amertume. Mais dès le lendemain elle a *forcé* son mari à lui louer une maison *telle quelle*, en attendant que la leur soit prête, et on m'assure qu'elle y va déménager aujourd'huy même. Il est un peu tard, mais enfin cela vaut mieux que de rester où elle est. Pauvre jeune femme! Quel abandon dans le moment où elle avait tant de besoin d'un guide. On la dit changée, maigrie, pâle et mauvais teint. Elle dit qu'elle sent qu'elle ne vivra pas.

LXXVI.

Au château de Péterhof, le 22 juillet 1817.

Si vous avez jamais habité Péterhof dans le tems des fêtes, vous connaissez la vie qu'on y mène; ce sont des allées et venues continuelles; votre porte n'est presque pas à votre disposition, chacun semble être en droit de vous faire une visite, et comme j'ai le bonheur d'avoir un appartement à côté de la comtesse de Lieven et vis-à-vis de la place où l'on fait la parade, le monde m'arrive depuis 9 heures du matin. Dans ce moment nous sortons d'un grand-dîner chez l'Empereur; je me suis déshabillée bien vite, et me voilà à vous écrire enfin. Nous sommes arrivés ici avant-hier matin. Ce premier jour on dîna chez l'Impératrice, c'est-à-dire notre société de Pawlowsky et les Prussiens, qui nous ont revus avec une amitié toute fraternelle. Vous savez qu'ils nous avaient quittés pour aller avec les jeunes mariés passer deux jours au palais Alexandre à Czarsko-Célo. On s'est embrassé avec tant d'effusion que cela nous a fait croire que la première impression a été toute entière pour notre cour. L'Empereur vint saluer sa mère pendant que nous étions à table, il ne faisait que d'arriver. Après s'être arrêté un moment, il est allé dîner chez lui. Vers les sept heures on se réunit pour faire une longue promenade en ligne; après avoir parcouru le jardin en tout sens, on rentra à 8 heures et demie et après une demi-heure de cercle, la famille impériale se retira, et chacun de nous fit ce qu'il voulut. Ma volonté à moi était bien de rentrer dans ma chambre pour causer avec vous, mais mon ami Schildern m'attrapa pour me faire conter tout ce qui regarde Péterhof, si bien que tout en marchant et en expliquant je me suis vue tout près du souper. Je ne mange jamais rien le soir et ne me souciais guère de rester, mais cette Prusse, qui boit et mange à toutes les heures de la journée, se disposait à se mettre à table, et ce fut à moi, comme à la plus ancienne, à faire les honneurs du souper. Mon Schildern se plaça à côté de moi, et nous parlâmes de la bataille de Tchesmé dont le tableau de Hackardt était en face de nous. Au reste, de tous ces messieurs je dois convenir que le baron Schildern est celui qui cause le mieux; on voit qu'il a observé et suivi les évènements de notre tems, l'histoire de son pays par exemple; il m'a parlé de Haugwitz, de Lombard et d'autres personnages qui ont fait parler d'eux. Il me paraît fort attaché au roi et en général au gouvernement monarchique. En un mot, je crois que c'est un homme comme il faut; mais il a une figure sinistre, et à la première vue sa physionomie doit déplaire. La mienne, au contraire,

semble lui revenir fort, car c'est toujours à moi qu'il s'accroche de préférence à toute notre cour. Sans vanité je crois que je lui ai plu: il me disait hier qu'il désirerait beaucoup que le prince royal de Prusse, qui viendra voir sa soeur cet hyver, fît ma connaissance, parce qu'il était sûr que nous nous conviendrions parfaitement, et tout de suite il ajouta: „C'est qu'en vérité c'est un prince bien distingué". Vous voyez, j'espère, la belle révérence que je lui ai faite à cette phrase. Les dames aussi me traitent avec bonté; mais quand m-lle Wildermet m'adorerait, j'en reviens toujours à dire qu'elle est aussi commune que faire se peut. Pour en revenir à notre passe-tems à Péterhof, vous saurez donc qu'hier, aussitôt que j'eus fait ma toilette, il m'arrive du monde: le comte Golowine, Galitzine du Synode, son frère, les Gouriew, les uns pour voir la parade, les autres pour badauder. Je fis servir du café; on le prit dans une seule tasse les uns après les autres, ce qui a fort amusé. J'ai été ensuite me promener à pied. A tout moment on rencontrait des connaissances, on s'arrêtait, on causait; puis c'étaient des voitures qui arrivaient, des marchandes de modes avec des cartons sous le bras, enfin un commencement de bal masqué au dehors. L'Empereur m'a fait prier hier au dîner qu'il donna à Mon Plaisir; un tems délicieux, une foule autour de la maison, quelque chose de très-animé partout; j'ai trouvé cela charmant. Mais c'est que j'aime Péterhof à la folie. Le soir on fut à Oranienbaum; tout ce qui compose la cour avait des voitures; je montai dans une avec la princesse Wolkonsky, le comte Golowine et le prince Galitzine. Arrivé dans ce joli lieu, on goûta, on se promena et l'on revint à la maison quand il fit assez obscur pour tirer le feu d'artifice. On avait construit des galeries autour du château pour que chacun pût jouir en plein du coup d'oeil, mais un vent assez violent s'éleva et fit manquer l'effet des deux premières décorations en nous envoyant la fumée au visage; heureusement que tout-à-coup le vent changea de direction, et on vit un feu d'artifice magnifique. Le dernier tableau fut superbe. Le bouquet fut de 35 mille fusées, je vous assure qu'on les vit dans les airs pendant près d'un quart d'heure et qu'Oranienbaum semblait éclairé du soleil. On quitta les galeries pour aller souper au Pavillon Chinois; on servit sur de petites tables, l'Empereur marchant autour, s'arrêtait, causait et selon son habitude était parfaitement aimable. Pour retourner à Péterhof, je pris dans ma voiture la petite comtesse Samoïlow et la jeune Schouvalow; elles furent si drôles avec le comte Golowine que notre course fut des plus gayes. Ces deux jeunes personnes sont très-gentilles, la comtesse Samoïlow surtout est véritablement charmante.

On s'attendait aujourd'hui à quelque grâce, peut-être à quelque chiffre encore, mais point et rien pour personne. Je connais quelqu'un qui sera cruellement désappointé, c'est mad. Pletchéew qui s'attend à chaque fête à voir sa nièce Danaourow au nombre de mes compagnes. On l'a demandé déjà tant et tant, que si elle n'a pas eu ce chiffre aujourd'hui, je commence à croire qu'elle ne l'aura plus jamais. Sa mère est fort protégée pourtant chez nous, et la jeune personne aussi; car elle a les entrées pour les petits bals, mais il faut supposer que si elles plaisent d'un côté, elles déplaisent de l'autre.

Il nous est arrivé de Berlin le prince Antoine Radzivil, le mari de la princesse Louise de Prusse. On dit qu'il est venu remercier l'Empereur de ce que la moitié des grands biens du défunt Dominique lui a été donné en héritage. Je vous avoue que je ne comprends pas trop comment cela s'est fait, puisque le défunt a laissé deux enfans de mad. Czernichew: un garçon que nous ne reconnaissons pas pour Radzivil et que l'Empereur d'Autriche reconnaît, et une fille à laquelle nous donnons la moitié des biens en dépit de l'Autriche. Après cela comment s'est-on arrangé pour en donner encore à ce prince Antoine? A moins que ce ne soit quelque fief attaché exclusivement à la maison Radzivil.

LXXVII.

Moscou, le 30 juillet 1817.

On assure que m-r Gouriew, dans l'impatience où il est de mettre en pratique la nouvelle administration des brasseries, propose aux fermiers de résilier leurs baux pour le 1-er janvier prochain, en leur offrant une indemnité pour les gains qu'ils pourraient faire en 1818, dernière année de leurs contracts. Cela prouverait que le ministre se croit bien sûr de la bonté de son opération dont m-rs les fermiers se plaisent à douter.

Jamais Moscou n'a été si complètement mort et dénué de tout intérêt que dans ce moment: c'est oeuvre méritoire à vous que de m'écrire pour me tirer de ma léthargie. Bon Dieu, quelle vie différente nous faisons dans ce moment: vous toujours en l'air, et moi toujours assis, si ce n'est quand je suis couché. Je lis l'histoire du Bas. Empire, qui est d'un ennuy et d'une sécheresse insuportable; si on m'avait imposé cette lecture pour pénitence, je la trouverais fort rude; mais l'ayant commencée, je veux la mener à bonne fin, coûte qui coûte. Cela ne fournit rien à l'esprit que des réflexions affligeantes sur la

méchanceté des hommes. Que de crimes, d'assassinats, de trahisons, d'incestes.... et tout cela pour de l'or ou pour du pouvoir!.... Et tous ces gens-là ont vécu leurs petits 60 ou 70 ans tout au plus, et sont morts à la peine presque toujours avant d'atteindre le but de leur ambition, sans que la catastrophe de ceux qui périssaient par le fer ou le poison, corrigeât un seul de leurs remplaçants.... Dans la position tranquille où je suis, cela me semble inconcevable, et pourtant à leur place ou dans des circonstances pareilles j'aurais probablement été remué par les mêmes passions qui aujourd'hui me paraissent folie pure, démence incompréhensible. Le repos et le loisir sont deux choses bien précieuses; croyez qu'au moins j'ai le bonheur de le sentir pleinement et d'en jouir, malgré la monotonie qui accompagne cette manière d'être. On a le tems de tout peser, de comparer, de juger; on est à soi et en soi, ce qui est difficile dans le tourbillon du monde. Théodore Galitzine mourrait si on le forçait à vivre six semaines comme je vis; et moi j'expirerais d'ennui et de fatigue si je suivais un mois sa manière de faire. Le Ciel nous a donné à chacun le lot qui nous convient: il me faut de la lecture et *du tems;* il veut du mouvement et de l'avenir; il ne vit jamais dans le présent et moins encore dans le passé. Mais aussi il *espère* un mieux peut-être idéal, tandis que *je crains* un déclin de bien-être, et que je borne mes voeux à me maintenir jusqu'au bout dans l'état où je suis. Peut-être ces deux situations d'esprit compensent-elles toutes choses entre nous, en sorte que nous ne sommes ni plus heureux ni plus à plaindre l'un que l'autre.

LXXVIII.

Au château de Péterhof, le 26 juillet 1817.

Comme c'est une espèce de journal que je vous envoye, je vous dirai que le 23 nous avons eu un petit bal, auquel quelques dames de la ville se sont trouvées priées, les Galitzine entr'autres.

Le lendemain, 24, on fit une partie sur mer; l'Empereur y avait engagé la veille toutes les dames du bal. On se rassemble à dix heures; toutes les femmes en robes montantes et avec de grands chapeaux. On se plaça dans de grandes chaloupes qu'on appelle cutters et on sortit ainsi du canal pour joindre la frégate qui devait nous mener à Cronstadt. C'était la même que j'avais eue à mon expédition maritime avec les dames de Weymar. La musique de l'équipage est charmante; lorsque nous y passâmes, elle exécuta des marches et autres mor-

ceaux admirables; le vent, sans être précisément celui qu'il fallait, était suffisamment bon. On leva l'ancre, et le vaisseau fit voile; pendant la navigation on allait et venait, l'Empereur d'une humeur délicieuse faisait les honneurs avec son aisance ordinaire, parlant à toutes et n'en distinguant particulièrement aucune. Je vous avoue que plus d'une fois je désirais connaître la secrète pensée de certaines postulantes. Elle ne devait pas être gaye cette pensée, car on devait voir qu'il n'y avait de l'espoir pour personne. Lorsqu'on est soixante personnes dans une chambre de vaisseau, vous imaginez qu'il est impossible de causer autrement qu'avec son voisin; ce fut mon cas. Je me trouvai auprès de Czernichew. Nous parlâmes d'abord sur des riens, mais ensuite la conversation devint sérieuse, et de paroles en paroles je crois avoir fait la découverte que cet homme n'est point heureux. Il aime sa femme avec passion et déjà il s'apperçoit qu'elle n'a plus pour lui le même sentiment, et vous sentez combien il doit souffrir. Il ne m'a rien dit de positif sur tout cela, mais cependant je suis bien sûre de l'avoir deviné. Je vois que ce qui le tourmente est que le sentiment qui le domine ne soit point payé de retour par une femme dont il a, pour ainsi dire, renouvellé l'existence. Vous me direz qu'il était bien fou d'y compter après la conduite qu'avait eue cette femme. Mais que voulez-vous? Son amour-propre lui aura fermé les yeux dans le tems; d'ailleurs, quand on a le coeur bien placé, n'est-on pas en droit de prétendre à une affection exclusive lorsqu'on a fait de son côté tout ce qui était possible pour la mériter! Je n'ai pas une amitié particulière pour Czernichew et j'en parle sans prévention; mais la justice seule me fait dire que la manière dont il a agi avec cette princesse Radzivil, est pleine de droiture, de loyauté et d'honneur. Un autre que lui l'aurait eu comme maîtresse, tant que cela lui aurait convenu, et puis c'est tout. Mais il s'est vraiment conduit en héros de roman; il a jugé qu'après avoir jetté la désunion entre Arthur Potocky et cette femme il était de son devoir de la protéger envers et contre tous; il s'est flatté d'en être aimé tout différemment qu'elle n'avait aimé jusques là, et partant de cette idée il n'a pas hésité à en venir au mariage, sur lequel état il avait toutes les notions d'un homme délicat et sensible. Il s'est trompé, son coeur en souffre. Voilà, je pense, son histoire. Je sais moi qu'à la place de mad. Czernichew je serais aux pieds de mon mari; je sentirais à tous les instans de ma vie qu'en me jettant par la fenêtre je suis tombée.... sur un lit de roses. Que ne doit-on pas à un homme qui a plus de soin de votre réputation que vous n'en avez jamais eu vous-même! Je suis fâchée de n'être pas assez connue d'elle pour le lui faire comprendre. Mais Dieu veuille qu'elle vienne à le sentir!

Voilà des réflexions qui m'ont un peu éloigné de mon journal. Pour en revenir donc à notre frégate, elle vogua le plus heureusement du monde. Lorsqu'elle fut à la hauteur de Cronstadt, toute la flotte, qui était en rade, salua l'Empereur de 50 coup de canon; chaque vaisseau était pavoisé, et de la musique presque partout. De la frégate on passa sur le vaisseau de l'amiral Krown où le dîner était préparé; mais avant de se mettre à table on fut visiter le vaisseau dans toutes ses parties, ce qui prit une bonne heure. Le repas fut fort gay; je me trouvai entre le grand-duc Michel et le prince Antoine Radzivil. Après le dîner on fut sur le tillac pour voir manoeuvrer la flotte; puis, passant au milieu d'une foret de vaisseau, nous entrâmes à Cronstadt. Vers le soir on regagna la frégate pour revenir à Péterhof. Mais croiriez-vous que je suis arrivée abîmée de fatigue: l'air de la mer, le tumulte, l'agitation de tout ce monde que j'avais vu autour de moi, tout cela m'avait jetté sur la fin du jour dans une espèce d'imbécillité.

Hier 25, il y eut dîner chez l'Impératrice avec tous les Prussiens et l'état-major. Le reste de la journée fut absolument libre. J'en profitai pour rester quelques heures chez moi, ensuite je suis allé voir la princesse Boris. Modène m'avait, supplié de revenir pour le souper, et je rentrai donc à dix heures. Aujourd'hui la première manoeuvre a lieu: on ouvre une tranchée, on fait jouer une mine, sauter je ne sais plus quoi. Comme ll. mm. les Impératrices ne voyent rien de tout cela, chacune de nous reste tranquillement chez soi. Mais le dîner va son train, et Nathalie est là, qui me fait une nouvelle robe. Il nous est revenu deux régiments de France; celui de Pernow commandé par le général Poltaratzky, et un autre dont le nom est difficile, commandé par Héraclius de Polignac qui, je crois, retourne dans son pays. Vous savez qu'il s'y est marié, et assez sottement, car il a pris une femme sans le sou. Modène, qui l'a vu hier, m'a dit qu'il avait pris une tournure assez désagréable; ce sera celle du général Partouneaux de Dubourg et autres semblables que nous avons vus de près en 1813.

Ah mon Dieu, oui, je crève de santé, c'est cela même; loin de faire des simagrées, je sens que toutes mes incommodités ne proviennent que de là. Ce que vous me dites sur ma nature est bien vrai, Chreighton l'a dit aussi; mais que faire? Il faut tâcher de liquéfier le sang et s'en tenir à un régime raffraîchissant. Depuis le 13 may je n'ai pas pris une cuillerée de soupe qui m'a été défendue. Depuis le 1-er avril pas une bouchée de boeuf; rien de farineux, jamais de pommes de terre, jamais aucune patisserie. Je ne mange absolument qu'une cotelette ou une aile de poulet rôti, avec quelque compote de fruit.

Je prenais autrefois du vin de Madère, je n'en prends plus: pas d'autre boisson qu'un verre d'eau de Seltzer avec un peu de vin de Champagne et de sucre. Le soir la même chose sans vin. Il me semble qu'il est impossible d'observer une meilleure diète, et cependant pour peu qu'il fasse chaud je me sens agitée. Je ne me saigne pas, parce que le médecin ne le trouve pas nécessaire; s'il l'ordonnait, je le ferais dès aujourd'hui; la seule chose que Chreighton exige c'est de se tenir le corps libre autant qu'on le peut, et sur cet article cela va bien. Je rends grâce au Ciel que depuis un certain tems je dors mieux, c'est-à-dire que je rêve peu; il m'est arrivé d'avoir des nuits très-fatiguantes à cause justement des rêves singuliers que je faisais et qui à mon reveil me jettaient dans une tristesse inconcevable, souvent même me donnaient des scrupules à pleurer. Et pourtant Dieu sait que je ne voudrais pas mal faire! Enfin, je vois bien que cela tient à ma constitution, et il faut espérer que les années viendront calmer toute cette fougue si incommode. N'en parlons plus.

LXXIX.

Moscou, le 2 août 1817.

Si m-r de Czernichew m'eût consulté avant de se marier, je lui aurais prédit mot pour mot ce qui lui arrive. Une femme peut avoir deux amants successivement, quand elle a été quittée par le premier; mais celle qui est capable de rejetter l'homme de son choix par un motif d'ambition ou même par pure inconstance, ne promet au préféré que la même conduite qu'elle a eue avec son prédécesseur. Si cette femme est galante par tempérament, elle se perdra sans retour en rendant son mari bien malheureux. Si elle est de ces femmes froides dont le seul mobile est la vanité, elle observera des ménagements pour le public, mais l'époux n'y gagnera rien. Il paraît que ce jeune homme s'est marié par exaltation, et il est bien rare dans ce cas-là qu'on ne s'en repente promptement; rien ne demande autant de réflexion qu'un contract de ce genre qui nous lie pour la vie; mais il est trop jeune et trop gâté par la fortune pour avoir prévu ce qui ne pouvait manquer de lui arriver. Je dis gâté par la fortune, parce qu'il est hors de doute que des succès suivis nous aveuglent et servent à nous faire tomber dans quelque piège; les revers, au contraire, nous rendent prudents et défiants; vous verrez, s'il vient à perdre cette femme, qu'il ne se mariera plus aussi légèrement.

Héraclius Polignac est donc marié! Qu'en aura dit madame Démidow, qui en 1812 portait ici son portrait et fondait en larmes quand il partait pour l'armée? Je pense qu'elle se sera consolée avec un autre et même avec plusieurs pour ne pas perdre au change. Jamais la tournure d'Héraclius n'a été fort distinguée, il n'aura pas perdu grand chose en prenant l'air d'un soudart qu'il avait à moitié dès sa première jeunesse. Que sont devenus le duc et la comtesse Diane: sont-ils partis?

Je ne sais ce qu'il arrivera des Bourbons et du petit Napoléon; mais je sais bien que ce serait de la part des souverains de l'Europe mettre le comble à la funeste politique qu'ils ont suivie depuis 25 ans que de permettre qu'une branche légitime cédât un des premiers trônes du monde au fils *bâtard* d'un usurpateur, qui a fait le malheur de l'univers et qu'on a été forcé de reléguer à trois mille lieues du théâtre de son despotisme. Pourquoi *bâtard*, direz-vous? Parce que Marie Louise n'a pu épouser un homme marié; parce que le pape ayant refusé le divorce, Joséphine était la seule épouse légitime de Buonaparte. Si on décide la chose autrement, on renverse les loix fondamentales de la société civile, et chacun pourra en concience avoir deux femmes, ce qui jetterait la société dans des désordres incalculables non-seulement sous le rapport des moeurs, mais encore sous celui des héritages et des droits éventuels des enfans. Je n'ai pas compris que l'empereur François II en 1814 n'ait franchement avoué que ce mariage avait été forcé et ne l'ait fait dissoudre légalement. Il n'en aurait pas moins donné des principautés à sa fille: qui eût été ce qu'elle est, une victime des circonstances impérieuses, amenées par les ménagements qu'on avait eu dès le principe pour Buonaparte, contre lequel on aurait dû faire en 1800 ce qu'on a fait 13 ans plus tard, c'est-à-dire se réunir universellement pour réprimer son usurpation. Qu'il eût été beau de le chasser pour soutenir la légitimité des rois de France, et quelle prépondérence cela eût donné aux souverains sur l'opinion publique! Au lieu de cela, ils l'ont cajolé à qui mieux mieux, ils se sont fiés en aveugle à ses trompeuses promesses, et ce n'est qu'après s'être vus joués, tour à tour, qu'après avoir vu successivement leurs états envahis et leurs sujets malheureux qu'ils se sont enfin ligués de bonne foi contre l'opresseur général. Tous les ménagements qu'on a eu en 1814 en entrant à Paris pour les fauteurs de la révolution et pour les principes qui l'avaient dirigée, sont la cause de cet esprit de révolte qui régne encore contre les princes légitimes. Les Français ne peuvent croire que le roi leur ait accordé franchement les privilèges contenus dans la charte; ils sentent qu'ils sont des espèces de criminels auxquels la

force des circonstances a contraint de faire grâce, et c'est la *justice* et non l'opression qu'ils redoutent et qu'ils voyent toujours en perspective si les Bourbons se maintiennent. Ils voudraient donc un roi qui ne tint ses droits à la couronne que du pacte qu'ils feraient avec lui; et ils le feraient tel, que l'impunité des plus grands crimes serait solidement et à jamais décrétée. Cela même prouve quel ascendant la légitimité a sur les esprits et quelle force elle donne aux monarques. Si les factieux parvenaient à leur but de renverser et expulser la maison régnante en France, croyez-vous que les autres peuples ne prétendront pas user des mêmes droits et au même prix? Croyez-vous que quelque concession que le roi de Prusse, par exemple, veuille accorder aux états de son royaume, les Prussiens les croiront solides et irrévocables sous le gouvernement de la maison de Brandenbourg? Non, sans doute; et ils n'auront de garantie réelle de leurs nouveaux privilèges qu'au moyen d'un changement de dynastie. Et de proche en proche cela fera le tour des nations de l'Europe, ce qui promet un siècle de guerres civiles et de désordres de tous les genres. Comment, chère princesse, avec cet esprit droit, juste et solide que le Ciel vous a accordé, ne voyez-vous pas la chose sous son vrai point de vue! Comment vous laissez-vous entraîner à cette erreur générale et si funeste de mépriser les Bourbons, parce qu'on vous parle de leurs faiblesses individuelles, de leurs défauts, ou parce qu'on se permet de jetter du ridicule sur leurs personnes! Eh, qui est sans défaut? Un bon esprit, un esprit solide préférera un souverain légitime et qui tient son droit d'une suite d'ancêtres, fut-il même un homme de moyens et de talents médiocres, à un usurpateur du plus grand génie: parce qu'on doit vouloir le repos des états et redouter les guerres affreuses qu'enfantent les subversions de droits positifs et fondés en raisons par des siècles de possession. Lisez l'histoire et jugez de l'avenir par le passé. On néglige trop l'instruction des princes destinés à régner, et depuis le siècle de la trop funeste phylosophie moderne on leur a caché comme à dessein l'influence des principes consacrés par une longue expérience. On s'est moqué avec dérision de tout ce que nos pères ont révéré; on a cru devoir tout détruire pour faire adopter des idées dangereuses qu'on a présentées comme modernes et nouvelles tandis qu'elles ont été essayées plusieurs fois pour le malheur des pays qui les admettaient. Ce que les Jacobins ont achevé en 1792, la Ligue l'avait tenté 200 ans plus tôt; et même pendant les factions des Armagnacs et des Bourguignons en 1409 on avait vu des idées républicaines percer en France. Tout cela avait échoué, non sans avoir causé bien des crimes. En instruisant fort légèrement

les princes, en leur décriant les bons ouvrages comme longs et ennuyeux et en leur substituant des extraits faits dans un mauvais esprit, on a préparé leur jugement, et ils ont adopté comme *libérales* des idées parfaitement dangereuses. On leur a posé en principes des théories auxquelles il ne manque rien sinon d'être applicables. On a toujours l'air de croire à la vertu et à la bonne foi, surtout au désintéressement des hommes, et partant de ces erreurs, on veut que le grand nombre participe au gouvernement, à la législation et à l'administration. Et par tout où on la leur confie, on les voit aussitôt se déchirer et devenir victimes des passions qu'on avait passé sous silence dans les projets d'amélioration.

Rien ne serait admirable comme une république composée d'hommes sans passions et qui ne gouverneraient en commun que pour le bien général; mais ces hommes-là sont une belle chymère. L'entousiasme a pu fonder des républiques, et ces républiques ont pu se soutenir un moment par l'effet de ce même entousiasme; mais que deviennent-elles à la longue? Voyez un peu les Romains et les Grecs. Les premiers ont eu la guerre des esclaves, celle du peuple opprimé et retiré sur le Mont Sacré; les Décemvirs, qui les ont vexés de mille manières; puis les guerres civiles de Marius, Sylla, Pompée, César, Antoine, Lépide, Octave et une suite non-interrompue d'horribles massacres et de crimes inouïs; et encore, pendant les plus beaux tems de cette république trop vantée, ils étaient sans cesse obligés de recourir à la dictature, pour prévenir les troubles intérieurs; or, un dictateur était *roi absolu*. Les Grecs ont eu une époque de cent ans assez glorieuse; mais pendant ce tems ils n'ont cessé d'exiler et de punir leurs plus grands hommes par pure jalousie de leur mérite, et voilà ce qu'on peut attendre de plus doux des jugements du peuple. Les républiques modernes ont-elles été plus heureuses? Les Hollandais n'ont-ils pas massacrés les Witt et Barnevelt? Venise n'avait-elle pas son inquisition d'état, qui noyait tout doucement pendant la nuit les sujets, qui lui faisaient ombrage. Les seuls cantons suisses se sont maintenus assez longtems par leur extrême petitesse, et encore ont-ils eu des guerres de religion jusqu'en 1712 que se donna la dernière bataille de canton à canton et que se conclut la dernière paix.

Je conclus, chère princesse, que pour que les hommes soyent heureux, il faut qu'ils soyent gouvernés par un seul; mais qu'il faut que le souverain soit bon, humain, doux, quoique ferme et même sévère dans l'occasion; qu'il soit accessible à la verité et la cherchant de bonne foi. Il faut, de plus, qu'il soit assez fort pour punir le crime et faire observer les loix. Vous me direz que ces qualités réunies sont fort

rares: j'en conviens avec vous. Mais en tout état de cause un roi légitime ne fera jamais le mal que quand il se trompe ou qu'il est trompé; car son intérêt lui dicte le bien de tous, puisque son bien particulier en dérive. Au contraire, plus le pouvoir se partage, et plus les chances d'oppression sont grandes: car chacun veut dominer et ne point obéir; l'exemple gagne, et les forts, se soutenant mutuellement, deviennent facilement tyrans des faibles. Devant le souverain légitime tout est égal comme devant Dieu; il peut tout réprimer, soutenir le faible et faire en effet le bien qu'on veut faussement attribuer au gouvernement de plusieurs; mais pour cela il faut qu'un roi travaille beaucoup. C'est une noble tâche que la sienne, et le succès doit le récompenser de ses peines. Voilà ma façon de voir, et je voudrais que ce fût la vôtre aussi, parce que j'aime votre esprit juste qui ne se fourvoye jamais qu'en matières semblables. Cela vient de ce que vous êtes entourée d'une jeunesse ignorante et prévenue pour de faux principes. Mais voyez un peu où m'emporte ma plume quand on touche ma corde sensible. On m'attend pour dîner, et je ne suis pas encore habillé.

Ah bon Dieu, que c'est ridicule de vous adresser une semblable lettre! Personne en la lisant ne pourrait croire qu'elle est écrite pour une élégante фрейлина et qu'elle la trouvera essayant quelque toque ou décidant de quelque garniture. Que voulez-vous? Je ne suis plus le maître de ma plume quand j'aperçois que tout ce qui est arrivé de nos jours n'a pas changé les esprits sur les principes fondamentaux du bon ordre. Ce qui est écrit, est écrit; je n'y changerai pas une syllabe, et l'ennui de cette lecture sera la juste pénitence *de vos erreurs politiques.*

J'ignorais la mort de madame de Staël et j'en suis affligé, quoique je m'y attendais d'après les dernières nouvelles que j'en avais reçues. Hélas, qu'elle a dû passer de mauvaises heures pendant cette longue maladie! Elle redoutait la mort au-de-là de ce qui peut se dire. Elle vivait pour deux passions seulement, l'une et l'autre bien trompeuses: l'amour et la vanité. Toujours emportée au-de-là des bornes par le premier, la seconde souffrait de la juste critique du public. Sa manie de faire des livres lui a valu mille peines aussi, et les journaux qui en rendaient compte étaient pour elle un instrument de torture qui lui faisaient payer bien cher les jouissances des applaudissements. Mais rien ne pouvait la retenir: elle avait le besoin impérieux de communiquer ses idées et de mettre au jour un esprit vraiment peu commun. En tout ce n'était assurément pas une femme ordinaire; elle était pleine d'âme, et cette âme perçait jusques dans le moindre de ses billets. J'ai un grand nombre de lettres d'elle; un de ces jours j'en

ferai la lecture pour brûler tout ce qui doit n'être pas conservé; mais ce sera pour moi une tâche bien pénible: il est des souvenirs sur lesquels il vaudrait mieux ne point reporter son esprit. Une autre tâche douleureuse sera d'écrire à sa fille. Je désire auparavant d'avoir quelques détails sur cette mort, ne fût ce que par la gazette. Qu'est devenu cet esprit? Et vous dites fort bien, qu'en dira-t-on là-haut? Madame de Staël avait 50 ans; je suppose que la crise de l'âge a causé sa maladie. Cela m'épouvante pour une personne que je vois dépérir journellement; je suis frappé de l'idée que je suis destiné à voir la fin d'une amie qui m'est fort chère, et qui le devient de plus en plus à mesure que je la vois concentrer en moi seul toutes ses affections.

LXXX.

Au château de Péterhof, le 29 juillet 1817.

Hier et avant-hier nous avons fait la guerre; tout le monde sur pied à six heures du matin, à sept on se trouvait en présence des deux armées. Les manoeuvres, telles que je viens de les voir, offrent, dit-on, la parfaite image de combats réels. Les gén. Dibitz et Toll ont fait preuve d'un grand talent, toutes les dispositions étaient de leur choix, il n'a été convenu que des points principaux. Toll marchait sur Pétersbourg que Dibitz était chargé de couvrir; celui-ci le premier jour a repoussé toutes les attaques de l'ennemi sur différente points. Hier, au contraire, le général Toll eut l'avantage, grâce à des réserves qui lui étaient arrivées pendant la nuit, et il a poursuivi Dibitz au point qu'il a été obligé de prendre de nouvelles positions. Le lendemain Dibitz réunit toutes ses forces pour s'opposer à la marche de Toll, qui, fier de ses succès, veut toujours pénétrer plus avant, et cette fois la victoire l'abandonne, et Dibitz devient vainqueur à son tour: il parvient à rejetter l'ennemi très-loin et à couvrir tous les chemins qui conduisent à la capitale. Voilà comment cette guerre s'est terminée. Vous êtes maintenant si bien instruit que vous ne risquez rien de débiter au Club Anglais tout le plan de la bataille. Cela m'a fort amusée, l'activité de tout ce monde était jolie à voir. Nous étions en landaux, et comme le tems est magnifique, on nous menait sur des hauteurs d'où nous pouvions tout voir de tout côté. Le prince Menchikow m'avait prêté une lunette d'approche au moyen de laquelle je distinguais les moindres mouvements. Mes compagnons étaient mademoiselle de Bussy, dame d'honneur de la duchesse de Wurtemberg, le comte Golowine et Galit-

zine du Synode. Il était impossible d'avoir mieux, aussi nous sommes nous beaucoup divertis à nous quatre. Ces journées de manoeuvre ont l'inappréciable avantage de nous procurer une parfaite liberté, car de retour à onze heures il n'est plus question d'aucun devoir à la cour: chacun fait ce qui lui plaît. Il y a une table pour 50 couverts, y va qui veut. Comme j'étais sûre d'y trouver des gens qui me conviennent, je ne me suis pas fait servir chez moi, et j'y suis allée chaque fois. Après le dîner, la promenade, les visites, ou bien sa chambre et le silence; j'ai eu de tout cela, Dieu merci, et de cette manière j'ai repris mes esprits qui commençaient à se dissiper furieusement. L'agitation est absolument contraire à ma nature, et comme je vous le disais l'autre jour, plus j'en vois autour de moi, plus je me sens devenir apathique: voilà pourquoi j'ai grand soin de m'enfermer après quelques jours de sorties fréquentes. Mon Dieu, si je pouvais avoir à Moscou la même existence qu'au palais d'hyver, j'aurais bien du tems à moi. Mais si nous avons celle de Pawlowsky, il me sera difficile de vivre aussi tranquillement que je le voudrais. Je suis bien décidée à prier *qui vous savez* de me protéger un peu pour l'appartement qui me sera assigné; toutes mes prétentions sont pour une chambre écartée, une petite cheminée et, s'il était possible, du soleil; je ne regarderais même pas à la hauteur de l'escalier: tant que mes jambes peuvent grimper, qu'elles grimpent!

J'ai eu deux jours de suite la visite de l'Empereur. Hier je profitai d'un moment favorable pour glisser un petit papier concernant une petite fille de 10 ans dont le père est mort militaire et la mère est malade. Il s'agit de placer cette enfant à quelque institut; je n'ai pas de quoi payer sa pension. Il m'a promis de s'en charger, et j'en ai rendu grâce au Ciel.

Le prince Radzivil m'a mis au fait de sa parenté avec le défunt Dominique; il était son cousin issu de germain; au défaut d'enfant mâle chez ce dernier les majorats de la famille passent dans sa possession, et le reste de la fortune demeure à la fille de madame Czernichew. Je lui ai objecté l'existence d'un fils reconnu par l'Autriche; mais il m'a prouvé que l'Autriche ne pouvait pas rendre légitime un enfant né pendant que sa mère était encore madame Starjinska et que le père était mari de mad-lle Mnichek. Il est de fait qu'on ne peut faire un héritier légal l'enfant né d'un double adultère.

Aujourd'hui, après-dîner, nous irons à Oranienbaum, il y aura bal ce soir, nous y passerons la nuit pour assister demain aux dernières manoeuvres, qui auront lieu de ce côté. Demain nous reviendrons à Péterhof, et après-demain Mardy nous partons d'ici, non point pour

Pawlowsky, mais droit pour Pétersbourg au Palais Tauride où l'on restera jusqu'au 7 août. Si ce n'est pas là se trimbaler, je ne sais ce que c'est. Le 31 il y aura grand bal chez le ministre de Prusse; je suis déterminé à le brûler et à passer cette soirée-là chez ma pauvre tante que je ne croyais pas avoir quittée pour si longtems.

Le roi de Prusse vient d'envoyer l'Aigle Rouge à Basile Dolgorouky. Vous savez qu'il était un de ceux qui sont allés au devant de la grande-duchesse; ses camarades ont reçu des bagues et des boîtes, lui seul n'a voulu rien accepter; on en a donné connaissance à Berlin, le roi a envoyé le cordon avec une fort jolie lettre à son ministre Schöller dont il a fait part à Dolgorouky, qui est charmé de cette distinction. On va le manger ici jusqu'au blanc des yeux, mais il n'y a que cela dans le charmant séjour que j'habite.

Le 30, au matin.

Je suis abîmée de fatigue; j'ai couché à Oranienbaum dans une chambre détestable, sur un lit de planche n'ayant pu me résoudre à me servir d'un matelat étranger. Je me suis levée à cinq heures le corps tout moulu, et la manoeuvre terminée me voilà de nouveau ici. On parle d'un grand dîner cher l'Impératrice-mère, il faut que je respire avant de faire toilette.

LXXXI.

Moscou, le 6 aout 1817.

Vous êtes la première femme du monde pour faire le bulletin d'une bataille, et si jamais je suis général d'armée, je vous prendrai pour mon aide-de-camp. Votre récit est parfait et, sauf la liste des morts et des blessés et le nombre des canons et des drapeaux enlevés a l'ennemi, il n'y manque rien; vous voilà au fait de la guerre, et vous avez passé une nuit à Oranienbaum qui vaut un bivouac; un mois de cette vie-là vous empêcherait plus d'engraisser que tout le régime et la diète sévère que vous observer à table.

J'ai passé deux jours à relire toutes les lettres de madame de Staël; cela m'a causé une opression et une insomnie dont je suis fort incommodé. Ah que d'âme, que d'esprit avait cette femme extraordinaire! La mort a fait en elle une moisson abondante et riche.... Je suis fâché que vous ne l'ayez pas connue. Corinuc l'a peint au naturel,

son exaltation habituelle, son entousiasme soutenu, son coeur animé par l'amour, sa bonté prenant toujours le dessus et la rendant chère à tout ce qui la connaissait.... Je veux relire ce roman; il me semblera que je cause avec la pauvre défunte qui a eu pour moi beaucoup d'attachement. Sa mort n'est pas pour moi un de ces chagrins violents qui arrachent des plaintes, mais c'est une peine sourde, grave et que des souvenirs vifs rendront durable. J'ai brûlé 57 de ses lettres et n'en ai conservé que peu; j'ai consulté pour le choix l'âme de celle qui les a écrites; je me disais à chacune: *Est-elle contente à ce moment d'avoir écrit cela?* Si je croyais que non, la lettre était brûlée impitoyablement. C'est un vrai sacrifice, mais j'ai cru le lui devoir. Me voici à écrire à la duchesse de Broglie par cette même poste; c'est encore une tâche bien pénible.

LXXXII.

Au Palais Tauride, le 2 août 1817.

Après avoir dîné chez la tante, je suis retourné à six heures à la Tauride pour y faire une belle toilette; car j'ai du aller au bal de Schöller. Il a été magnifique. Le feu d'artifice seul a manqué; du reste, la maison charmante, la salle du bal et celle du souper décorées avec la plus grande élégance, une richesse de fleurs et de fruits qui ne le cédait pas à la cour, servi dans la perfection, des vins exquis et à toutes les tables, enfin c'était *beau* décidément. Le roi payera fort cher cette fête, ou je ne m'y connais guères. J'ai trouvé a ce bal une petite fille laide comme une chenille, boiteuse et toute déjetée; cela avait l'air d'un enfant de dix ans; peu s'en fallut que je ne demandasse son nom à mad. de Schöller; c'était sa fille qui a 16 ou 17 ans. Imaginez mon embarras si j'avais risqué la demande qui ne pouvait être motivée que par l'étonnement que cause la vue d'une semblable figure! Je rends grâce à mon étoile de m'être adressée ailleurs.

M-r de Lebzeltern m'a donné quelques détails sur la mort de mad. de Staël. Ils sont affreux! Elle redoutait la mort et désirait vivre avec passion; elle demandait sans cesse si son mal était de nature à guérir. Son lit funébre retentissait des gémissements de ses amis, et en quelque sorte leur désespoir a hâté sa fin. Elle a souffert l'impossible: c'était une complication de maux, entr'autres paralysie et hydropisie.

LXXXIII.

Moscou, le 9 août 1817.

Vous m'avez fait venir la chair de poule en me contant la question que vous avez pensé faire à la mère de cette petite laidronne boiteuse et déjetée. Une mère devrait en pareil cas être la première à présenter sa fille, quelque défigurée qu'elle soit, pour éviter d'embourser quelque fâcheux compliment. Jamais la Prusse n'aura rien fait de si brillant que le bal dont vous me parlez; mais aussi elle ne trouve pas souvent un parti comme celui-ci pour ses princesses.

Potemkine passe sa journée dans la maison qu'il arrange à la Prétchistenka. Lise est chez André à la Salianka ne voyant son mari qu'à cinq heures pour dîner et à minuit pour dormir; tout le reste du tems elle est seule avec André. On en cause, et on conte cent mille particularités que je ne veux ni ne dois écrire.

LXXXIV.

Moscou, le 13 août 1817.

J'ai oublié de vous dire dans ma dernière lettre que m-r de Betencour est revenu de Nijni et que le roi du Volga a perdu son procès. Peut-être ignorez vous que l'Empereur à envoyé m-r de Betencour pour juger sur les lieux de la validité des réclamations de ceux qui se sont plaint de la trans lation de la foire de Makariew à Nijni. Le prince de Georgie y perd prodigieusement; il est presque le seul aussi qui eut d'immenses magasins sur la rivière dont il retirait de gros loyers. M-r de Betencour a donné droit aux gens de Nijni, la foire y est mieux et y demeurera décidement à tout jamais. J'en suis fâché pour ce souverain qu'on détrône ainsi une seconde fois.

Madame Labkow est en négociation avec la princesse Boris pour lui louer sa maison; elle en demande 12 mille roubles, si on la prend sale et aussi peu meublée qu'elle l'est après les deux ans d'occupation des Troubetzkoï; et 15 mille, si elle veut qu'on la rafrâichisse et qu'on rende le mobilier plus présentable. Je suis toujours dans l'étonnement de ce que personne ne loue; chacun à Moscou tient ses loyers à des prix fous dans l'espoir que les gens de cour en passeront par où nous voudrons; et les gens de cour semblent se moquer de nous et nous trai-

ter comme des extràvagants à qui on ne daigne pas faire attention. Cela nous humilie beaucoup et blesse notre amour-propre presqu'autant que cela contrarie notre avidité.

J'ai lu hier sur les papiers de Paris du 19 juillet que le comte Markow avait eu une audience du roi la veille; j'espère que c'est celle de congé et qu'enfin il est en route; je n'en ai pas de lettres depuis un mois. On vient de tuer à Paris un m-r de S-t Morice que je connaissais beaucoup; c'était une fort mauvaise tête, et je ne doute pas qu'il n'ait eu tort dans sa querelle, puisque les journaux n'en disent pas le sujet. Si vous savez par hasard par m-r de Noaïlles ou d'autres avec qui il s'est battu, et pourquoi, vous me ferez plaisir de me l'apprendre.

LXXXV.

Pawlowsky, le 9 août 1817.

Lundy dernier, à peine eus-je le tems de dire un mot à ma tante, toute ma journée s'est trouvée telle que je l'avais prévue. On nous a mené à l'église du régiment dont c'était la fête; la messe que disait le métropolite a été très-longue; aussitôt qu'on fut de retour, il fallut dîner, c'était une petite table de 200 couverts, excusez du peu. Vous comprenez que cela fût plus long que de coutume, en sorte que je ne pus être libre qu'à six heures, et fatiguée, Dieu le sait! Je ne pus pas même aller faire mes adieux à ma tante. Le lendemain nous sommes revenus à Pawlowsky, et j'ai respiré en me retrouvant dans ma chambre si close et si tranquille. J'ai passé aussitôt cher mad-lle Kotchetow qui se porte à merveille et ne se ressent en rien de sa chute; j'ai dû lui conter toute notre campagne ce que j'ai fait à la hâte, et puis vite chez moi remercier Dieu de nous avoir ramené. Nous voici installés pour trois semaines sans bouger; le 29 nous irons en ville pour S-t Alexandre et tout de suite nous revenons jusqu'au 14 7-bre que nous quittons Pawlowsky tout-à-fait pour se préparer au départ. Il est toujours question de se mettre en route vers la fin de septembre, et en recevant cette lettre vous pourrez vous dire que si nous vivons l'un et l'autre dans six semaines, nous causerons ensemble, et qu'il ne nous faudra plus ni encre ni papier pour nous communiquer nos idées. Je vous avoue que je ne serai pas fâchée de n'avoir plus toutes ces écritures; mais vous ai-je dit que j'ai presque la certitude d'être mal logée? A moins que le prince Wolkonsky ne se soit moqué de moi, il m'a

assuré que ce serait dans des chambres obscures au point d'avoir des lumières toute la journée. Au reste, j'en ai glissé un mot à qui vous savez et j'ai bien appuyé que le plus grand charme de la vie pour moi était un appartement un peu agréable; il m'a promis de faire ce qu'il pourrait. Pensez-vous donc que je sois bien logée?

On dit que le prince royal de Prusse viendra l'année prochaine en Russie. Il voyage sur le Rhin à ce moment avec m-r Ancillon, son gouverneur et m-r Humboldt, homme d'un grand mérité. Ils iront en Suisse et en Italie, et à leur retour le prince viendra voir sa soeur. On assure qu'il a infiniment d'esprit et de connaissances, mais surtout une imagination très-vive, même un peu exaltée. Quand au prince Guillaume que nous avons ici, il paraît très-bon enfant, mais n'a rien de bien marquant. La grande-duchesse est gentille tout-à-fait, quand elle est à son aise; il me paraît que le grand cercle l'intimide. Ici, comme elle s'est déjà habituée à nos figures, cela va très-bien. Hier, dans l'après-midy, je l'ai vue venir chez la comtesse Lieven avec son mari; elle s'était déshabillée, le grand-duc était également en surtout, ils ont fait un tel train à eux deux que la comtesse, qui était un peu malade, a dû mettre le hola. Elle était très-plaisante quand elle voulait parler le russe, et les phrases qu'elle faisait nous ont fort amusé. Je l'ai exhortée à s'en occuper sérieusement, lui donnant pour exemple l'impératrice Élisabeth, qui est arrivée ici n'en sachant pas un mot et qui actuellement le parle avec élégance. Mais il est sûr que l'Impératrice ne perd pas son tems: il est difficile de trouver une personne qui aime l'étude comme elle l'aime.

Vous lisez l'histoire du Bas-Empire, et moi les Mémoires de Dangeau, rédigés par mad. de Genlis. Vous aurez vu cet ouvrage annoncé dans les journaux. Ce son des choses que nous connaissons depuis des siècles, mais précisément parce que je les connais, j'ai quelque plaisir à les relire. J'ai trouvé, par exemple, assez drôle que les princesses du sang reçussent le doge de Gênes étant au lit, afin de n'être point obligées à le conduire.

LXXXVI.

Moscou, le 16 août 1817.

Je plains bien madame la grande-duchesse d'avoir le russe à apprendre: ce n'est pas une petite affaire, je vous assure; mais enfin elle doit en passer par là, et après tout elle est bien payée pour prendre cette peine.

Tout ce que madame de Maintenon dit dans ses lettres à madame de Cailus des Mémoires de Dangeau qu'on lui avait prêté manuscripts m'avait donné depuis bien longtems le désir de les lire; mais Gillet m'assure que ce que madame de Genlis en a tiré est fort peu intéressant et que ce n'est plus qu'un journal sec et insipide. Une copie complète du manuscript est à Pétersbourg dans la bibliothèque du comte Michel Worontzow; voilà ce que j'aimerais à parcourir.

J'ai reçu une lettre de Genève avec tous les détails sur l'enterrement de mad. de Staël à Coppet. Il y en a de ridicules, et je crois que ceux qui ont dirigé cela avaient perdu la tête. Par exemple, le chef de la municipalité (voilà un plaisant orateur) n'a rien trouvé de mieux à faire que de prononcer sur le corps l'oraison funèbre que m-r Necker avait composé lui-même pour sa femme et que ce même municipal avait lue lors de la mort de madame Necker. Comment pensez-vous que cela s'ajustât à mad. de Staël, qui n'avait pas la moindre ressemblance morale avec sa mère! Ensuite, avant de partir pour déposer le corps dans le bosquet où reposent m-r et mad. Necker, on l'a exposé sur un drap de velours noir dans le salon de Coppet où le pasteur du lieu a prononcé un discours sun la mort, pendant lequel la duchesse de Broglie et madame de Rendal (je ne sais qui est cette dernière) étaient à genoux tenant chacune une des mains de la défunte. Ceci est moins ridicule et a même quelque chose de touchant; mais il y a là-dedans du théatral que je n'aime pas. Quatre cent personnes ont conduit le corps à l'entrée du bosquet où le jeune de Staël et le duc de Broglie ont seuls pénétré pour y déposer les restes de cette pauvre femme; mais on ne me dit point si elle est en terre ou dans l'esprit de vin comme ses père et mère.

Madame de Staël voyageait depuis six on sept ans avec un jeune homme qu'elle faisait passer pour son parent; c'est un fort beau garçon, nommé Rocca. Il était ici avec elle en 1812, et je jugeai fort bien son employ; mais ce que chacun ignorait, et ce que mad. de Staël déclare par son testament, c'est qu'elle a un fils de Rocca, âgé de

près de six ans, et que ce fils a été légitimé par son mariage avec m-r de Rocca, fait secrètement à Carouge il y a deux ans. Rocca a des regorgements de sang si fréquents et si violents qu'on croit qu'il suivra de près celle qu'il regrette jusqu'à en perdre la raison. Mad. de Staël laisse six millions environ; elle ordonne qu'on fasse 40 parts de son bien, qu'on en donne 16 à son fils Staël, 12 à sa fille, 6 à son fils Rocca, 3 à m-r Rocca, et les 3 dernières parts servent à aquitter des legs à ses amis.

J'ai été interrompu par trois officiers de police qui, de la part de m-r Tormassow, viennent me signifier que j'aye à loger pendant le séjour de la cour un général-aide-de-camp, auquel il faut 9 chambres dans le bel étage, c'est-à-dire tout l'étage qui n'en a que 11. Il vient d'être meublé, on y a dépensé 60 mille roubles, le comte Markow sera ici aussi vite qui l'Empereur et trouverait sa maison prise, ce qui n'est pas autrement agréable. J'ai répondu que je ne donnerais jamais volontairement ce qu'on me demande, mais que n'ayant pas d'armée pour m'opposer à la force j'y céderais sans résistance. Les officiers ont ri, et je m'en vais chez m-r Tormassow pour lui expliquer comme quoi je ne peux du tout point accéder à ses ordres. Je vous avoue que ces manières de faire sont un peu acerbes et ne s'accordent guères avec les idées libérales qui sont fondées, comme tout bon ordre, sur le respect des propriétés. Si on était en 1812 et qu'il fallut sauver l'état, tout serait à sa place; mais en pleine paix agir aussi militairement, je suis persuadé que ce n'est pas l'intention de l'Empereur, qui est si juste, si grand et si pénétré d'horreur pour l'arbitraire.

J'arrive de chez le comte Tormassow. Il m'a prouvé aussi clair que le jour qu'il faut loger un aide-de-camp-général et qu'il a reçu des ordres exprès à ce sujet. On prend 42 maisons aux environs du Kremlin, et la nôtre y touche. Cependant il est impossible qu'à un homme de l'âge et du caractère du comte de Markow on veuille donner un dégoût de ce genre; il a 71 ans, il vient de dépenser 60 mille roubles pour meubler à neuf une maison charmante où il veut passer l'hyver et marier sa fille, et au moment d'y arriver, il la trouvera occupée militairement! Cela ne peut se supposer et certainement n'aura pas lieu. J'ai représenté au comte Tormassow que ma bonne volonté est si notaire que l'année passée j'ai cédé à vil prix les étoffes dont le Kremlin a été meublé; que, non content de cela, j'ai prêté tous les meubles neufs du comte Markow, toutes ses glaces, tous ses beaux bronzes, ses marbres etc. etc. M-r de Tormassow m'a répondu à cela quelque chose d'assez remarquable. „Je sais", dit-il, „tout ce que vous avez fait, j'en ai été le témoin; mais je puis vous assurer que l'Empe-

reur l'ignore et qu'il croit que tout cela a été acheté. *C'est une cochonerie du prince* *, qui aurait dumoins dû avouer à l'Empereur qu'il avait profité de la bonne volonté d'autrui". Enfin, m-r de Tormassow m'a adressé à Choulguine, le général de police, de chez qui je sors aussi, et où j'ai si bien plaidé la cause du comte de Markow que j'ai obtenu presque parole de ne loger qu'un général-major et de le mettre dans mon appartement; je dis *presque,* parce qu'il faut encore que Choulguine vienne voir lui-même le local; mais je pressens déjà que ce sera moi qui payerai pour tous et que je serai déplacé cet hyver. Quelque désagréable que cela me paraisse, je m'estimerai heureux d'épargner à ce prix tout inconvénient au comte de Markow.

Ma matinée a été boulversée par cette belle nouvelle, et j'en suis encore ému. Il me semble qu'on devrait donner l'arrivée de l'Empereur comme un dédommagement à la ville de Moscou pour tout ce qu'elle a souffert, et non pas faire de cet évènement heureux une source de privations du premier genre et de toutes sortes de peines.

LXXXVII.

Pawlowsky, le 13 août 1817.

Depuis que nous sommes de retour, nos soirées sont tout-à-fait folâtres. On joue au chat et à la souris, puis au colin-maillard, au frappe Martin etc. Madame la grande-duchesse s'amuse de tout cela, elle court comme une biche et, j'ajouterai, avec beaucoup de grâce. Le prince Guillaume et notre grand-duc Michel font un train à ne pas s'entendre. Dernièrement on a joué encore un jeu charmant: il s'agit de deviner ce qu'on doit faire au son de la musique; le prince Radzivil avec un violoncelle entre les jambes dirige ce jeu, et le général Natzmer a été chargé de deviner. Il devait prendre le coussin d'un des fauteuils, le mettre par terre au milieu de la chambre, aller prendre un châle, se le passer autour du corps en manière d'écharpe, puis s'approcher de monseigneur Nicolas, le conduire à ce coussin, le faire mettre à genoux, l'armer chevalier et le ramener aux pieds de la dame de ses pensées, qui devait être sa femme. Eh bien, tout cela a été deviné à l'exception du châle dont il n'a su que faire. Moi, je ne mets pas mon esprit à la torture, je ne devine rien, je suis dans un coin de la chambre à faire la partie de dourak des dames d'honneur; elles ont l'air des trois Parques les bonnes vielles, mais c'est égal: j'aime leur société pour ces soirées si frétillantes. A propos, c'est une calom-

nie que Théodore a dite quand il a prétendu que nous étions dans la douraquerie dès le matin, mad. de Lieven et moi; jamais cela n'est arrivé, c'est un passe-tems de l'après-midy, une heure avant qu'on s'assemble.

A ma grande surprise j'ai vu revenir la princesse Boris à Czarsko-Célo: elle n'a pu tenir à Kamennoï-Ostrow, et la crainte de laisser partir l'Empereur sans lui faire ses adieux nous l'a ramenée à la cour. Alexandrine a de nouveau son rhumatisme; hier elle passa la soirée ici avec Sophie, elle avait dîné chez l'Empereur et mourait d'envie de le dire, et moi j'évitais de la faire causer sur cet article, car j'ai une espèce de honte de la voir s'étendre sur ce sujet. Comme il y avait concert, nous avons établi un macao par contenance, elle est venue jouer aussi à notre table; mais toute distraite, elle jettait ses cartes sans y rien voir; c'est moi qui ai emporté la poule. Field a joué comme un ange, ensuite madame Koutaïssow a chanté de l'italien, mais avec une si belle voix et tant de goût qu'on en est demeuré ébahis. Elle a pris des leçons de Blangini à Paris, et certes elle fait honneur à son maître. La princesse Catiche Soltikow a chanté des romances russes fort bien aussi; cependant vous imaginez qu'après l'italien cela devient bien petit genre. Le prince Radzivil nous a fait entendre une complainte de Marie Stuart, musique de je ne sais qui, un morceau très-difficile, mais qu'il a chanté comme on le chanterait au grand opéra français avec ce gosier désagréable qu'avait autre fois Méer ou bien le vieux Dalmas. A Berlin on fait un grand cas de son talent; il peut être bon musicien, mais quant à son chant je ne l'aimerais pas. La petite comtesse Samoïlow avait une telle peur qu'on ne la fît chanter à son tour qu'elle en a eu la fièvre; ses dents claquaient, sa physionomie s'est décomposée, et à la fin elle a été obligée de s'en aller tout-à-fait. C'est à ce tems de carême que nous avons dû le concert d'hier. Dimanche prochain on dansera, et cela amuse bien davantage les jeunes gens.

LXXXVIII.

Moscou, le 23 août 1817.

On me chasse de chez moi, et mon appartement servira cet hyver à m-r Kissélew; je crois que vous le connaissez, et il me semble même que vous m'en avez parlé. Dans ce cas dites-moi s'il vous intéresse et ce que c'est que ce jeune homme; d'après ce que vous me répondrez, je mettrai plus ou moins de soin à l'arranger; je peux, si vous me le demandez, lui préparer quelque chose de fort joli; mais pour ainsi faire il faut que j'aye un motif, et celui de vous plaire est le plus puissant. De mon propre mouvement je n'éprouve que de l'humeur de ce déplacement, et les contrariétés de ce genre ne rendent pas hospitalier. Recommandez-moi aussi à ce monsieur Kissélew, car après tout il faut vivre en bon voisin, et j'aime mieux qu'il soit prévenu en ma faveur d'avance: cela le rendra plus coulant; je ferai de mon mieux, enfin, si vous êtes pour quelque chose là-dedans. Le comte Markow aura du moins sa maison libre; le projet de m-r Tormassow passait la plaisanterie. C'est un homme qui a bien peu *d'entregent* que notre cher gouverneur. Choulguine, tout mal élevé qu'il est, m'a mieux servi en acceptant le sacrifice que j'ai offert de mes chambres.

LXXXIX.

Pawlowsky, le 16 août 1817.

La légitimité, la légitimité tant qu'il vous plaira, cher Christin: j'y accède de toutes les facultés de mon âme; mais avec cela de la fécondité. Vous sentez que ce petit article est absolument nécessaire pour soutenir une dynastie.—Où prenez-vous que je suis entourée de gens à faux principes? Où sont-ils donc ces jeunes fréluquets, imbus de libéralisme? Je n'en vois aucun; ce n'est sûrement pas le prince Labanow ni le vieux Albédil ou m-r Lamsdorff etc. Nous n'en avons pas un seul à Pawlowsky, et dans la société de Pétersbourg je vous assure que je n'entends jamais ouvrir la bouche sur rien de pareil. Nous sommes trop heureux de vivre sous un gouvernement comme le nôtre, pour oser nous permettre des opinions qui y seraient contraires. Je vois que vous êtes là-dessus dans la même erreur où vous étiez en me supposant un degré de faveur que je n'avais pas!

A propos de faveur, je suis presque certaine que celle dont jouit la princesse Boris la prive de toute espèce de jugement. Je vous ai dit qu'elle avait passé la soirée de Dimanche ici, et vous vous souviendrez que ce jour-là j'avais été jouer au trictrac dans l'après-dinée avec la princesse Marie Adamovna. A mon retour dans ma chambre j'eus la visite de Sophie; elle était montée chez moi pendant que sa mère etait allée se présenter à madame la grande-duchesse. Moi, qui n'étais occupée que de retrouver mes lettres perdues, je demandai à Sophie, après l'avoir embrassée, la permission d'écrire à m-r Kosadawlew, et tout en le faisant je crois lui avoir dit une couple de fois: pardon, mon coeur, ce sera fait à l'instant. En effet, dès que j'eus fermé ma lettre, je lui proposai de descendre, et une fois dans le salon, vous savez comme la soirée se passe au macao. Le surlendemain, ne voilà-t-il pas que je reçois de la princesse Boris le billet du monde le plus absurde: elle me renvoye les 10 roubles qu'elle devait à la poule, me demande pardon de ce que sa fille était venue m'importuner et me dit que depuis longtems elle s'apperçoit que je ne veux ni d'elle ni de ses enfans; que l'ingratitude la plus révoltante avait payé dix ans d'amitié de sa part et que les grandeurs m'avaient tellement éblouis que je prétendais moi-même avoir une cour et des protégées; qu'il en était bien autrement d'elle et de ses filles; que, *malgré toutes les distinctions qu'on lui accordait*, elle ne s'en croyait pas plus importante, qu'elle en jouissait avec *calme*. Je vous confesse que le fou rire me gagne à ce mot de calme, tandis qu'elle ne reste pas 15 jours en place, qu'elle est sans cesse sur les grands chemins à courir après la cour où elle n'est pas établie, qu'elle va aux manoeuvres avec un point de côté qui lui fait porter un vésicatoire, et qu'elle ne donne pas le tems à cette pauvre Alexandrine de se remettre. Elle appelle cela vivre dans le calme!

Enfin, elle termine son épitre en me disant qu'elle tâchera de m'éviter la vue de ses filles, qui me sont désagréables, et si je ne me trompe il me semble qu'elle avait envie de m'accuser d'en être jalouse. J'ai trouvé tout cela si sot, que loin de me fâcher j'en ai pris mon parti en riant. Je lui ai répondu que jamais sa fille n'était dans le cas de m'importuner, parce que dans aucun tems je ne me gênerais avec elle; que le pied sur lequel j'avais vécu avec ces demoiselles depuis que je les connaissais ne pouvait pas admettre la moindre cérémonie, que j'en avais donné une preuve à Sophie en écrivant à m-r Kosadawlew, et que je ne revenais pas de l'étonnement que me causait son billet.

Au reste, la différence de notre conduite vis-à-vis l'objet principal doit prouver que je marche d'une façon tandis qu'elle va d'une autre.

Voilà donc où j'en suis avec mon Hermione, qui pour cette fois n'a plus besoin de m'entretenir de ses ardeurs pour moi, mais tout uniment de me parler *de ces distinctions qu'on lui accorde.* Elle est au désespoir de ne pas me dire: l'Empereur m'a dit ceci, Sophie a répondu cela. Et je ne lui aurais pas donné ce chagrin si nous étions en ville, car je serais allée chez elle, mais ici je ne puis faire autrement.

La cour de Pawlowsky dîne aujourd'hui à Czarsko-Célo; mad. de Lieven reste à la maison, et j'ai demandé la permission de lui tenir compagnie, enchantée d'être avec elle et de favoriser un peu mon goût pour la paresse.

J'ai vu avant-hier quelqu'un de bien malheureux: c'est la pauvre comtesse Protassow revenant d'Allemagne plus aveugle que jamais; loin d'en convenir, elle veut le cacher, et rien au monde n'est plus pénible que de la voir piquer son assiette de côté et d'autre pour chercher son morceau qu'elle a toutes les peines du monde de porter ensuite à la bouche. Avec cela elle est dévorée de vanité et tremble pour son avenir, craignant qu'on ne lui refuse les dîners de l'Empereur, ce à quoi il en faudra bien venir: car à moins de lui découper sa viande et de lui mettre la cuillier à la main, il lui serait impossible d'être à table sans exciter le rire. Je l'accompagnai le soir à Czarsko-Célo, elle y avait été directement de la ville avec l'intention de se présenter à l'impératrice Élisabeth, qui ne s'y trouvait pas ce jour là, étant allée voir la comtesse Strogonow; elle fut obligée d'y retourner de Pawlowsky; je restai donc avec elle toute la soirée ne cessant de pérorer sur le bonheur de vivre dans la retraite; j'ai même risqué certaines vérités, mais Dieu sait si ma morale aura fait effet.

XC.

Moscou, Dimanche, 26 août 1817.

Je m'attendais tôt ou tard à quelque sottise de la princesse Boris. Que voulez-vous! Un dattier ne peut produire que des dattes, dit fort bien un proverbe en usage dans l'Orient. Tant que la princesse est dirigée, elle va cahin-caha; dès quelle est abandonnée à son naturel, elle se perd. Son billet est extravagant, mais ne me surprend pas du tout. Ce qui m'étonne un peu, est la conduite de Sophie que mad. de Noiseville m'avait toujours représentée comme la tête la plus raisonnable de la famille; elle prouve que sa raison est à peu près à l'unisson avec le reste des siens. Vous voyez qu'elle a fait quelque rapport malin à sa mère, qu'elle s'est plainte de vous, et a trouvé trop familier à vous d'avoir écrit en sa présence, au lieu de lui faire toutes choses cessantes, les honneurs de votre chambre, comme vous auriez pu les faire à la grande-duchesse. Il y a là-dedans un grain de gallitzinerie: ils sont tous orgueilleux du plus au moins. Vous avez répondu à merveille, et sûrement on en viendra à vous faire des excuses, et vous ferez bien aussi de tout pardonner, de tout oublier, mais de continuer à vivre à votre manière, car c'est la bonne. Pourquoi vous feriez-vous l'acolyte d'une femme, qui, par son indiscrétion et sa puérile vanité, court au ridicule, qu'elle aurait atteint déjà depuis longtems partout ailleurs et qu'elle ne peut manquer d'attraper ici un peu plus tard. Elle fatiguera la cour même, dès qu'elle passera la mesure; il faut prévoir cela et ne point s'exposer à ce que la plus petite partie des sarcasmes retombent sur vous. Vous avez eu en cela toute raison; mais, en observant cette mesure, gardez-vous de vous brouiller avec cette femme: elle est criarde et vous prendrait pour sujet de ses plaintes de façon à ce que la cour et la ville entendraient parler de ses prétendus griefs. Cela ne fera rien sur les gens raisonnables, mais quand il n'y aurait d'inconvénient que celui d'amuser la malignité du public, ce serait suffisant pour chercher à sauver les apparences en vous reconciliant à la première avance qu'on vous fera incessamment. Mais encore une fois, ne changez rien à votre manière. Voyez-vous, chère princesse, combien il est difficile de vivre en paix avec les vivants: nous avons beau nous prêter à leurs faiblesses et nous glisser entre leurs défauts sans faire semblant de les appercevoir, il vient toujours un moment où leurs passions se révoltent de ce qu'on ne plie pas assez. L'orgueil des uns se blesse, la vanité des autres se pique,

et le résultat est toujours un mécontentement ou un refroidissement momentané. Ce sont les inconvénients de la société. La solitude a les siens, le bien n'est nulle part sans mélange. Ce que nous avons de mieux à faire c'est d'être indulgents et de glisser sans nous appésantir sur les torts des autres, en évitant de tout notre pouvoir d'en avoir de notre côté.

Je fus hier au soir chez le comte Tolstoï entre lui, sa femme, Sophie et l'aide-de-camp Kérestouri; ils reviennent de Troitzkoie et s'en vont aujourd'hui à Ouska pour y rester jusqu'en 8-bre. Tolstoï m'a dit que cet hyver il irait souvent vous enlever pour vous amener chez lui et que nous passerions là des soirées fort gayes.

Mon Dieu! Quelle tournure prendra cet hyver? J'en crains un peu le tracas, quoique, mon déménagement excepté, rien ne me touchera directement. Mais m-r de Markow, des dîners qu'il donnera, des visites qu'il recevra, des allées, des venues.... enfin, je ne sais quoi me dit que ma paisible existence sera bouleversée. Vous êtes le point de dédommagement que j'envisage dans tout cela, et sans vous, chère princesse, l'arrivée de cette cour me ferait l'effet d'un lourd cochemar. Ah, cette pauvre comtesse Protassow: je suis bien de l'avis de sir François D'Yvernois que c'est un grand malheur d'être comme elle est; n'en déplaise à madame de Rostopchine qui veut que le péché seul soit un malheur. Vous souvenez-vous la sortie qu'elle fit à ce pauvre D'Yvernois qui s'était avisé de trouver cette tante aveugle *fort malheureuse*?

La comtesse Apraxine écrit à sa tante Labkow que Potemkine brûle de revenir en Russie et de reprendre le service militaire. Que devient Nicolas et la princesse Kourakine?

XCI.

Pawlowsky, le 22 août 1817.

Je souffre depuis Dimanche d'un grand mal de dents qui m'empêcha hier de descendre au salon. Je me déshabillai à 8 heures, j'enveloppai ma tête d'un châle et après avoir mis une goutte d'huile de Provence sur la dent malade je m'établis devant ma cheminée, un livre à la main. Au bout d'une heure je sentis que cela allait mieux, et la douce chaleur que j'éprouvais me fit endormir dans mon fauteuil; peut-être y serais-je rester la nuit entière, si la petite Samoïlow ne fut arrivée pour me conter les charades qu'on avait joué dans la soirée. Radzivil et le comte Czernichew en furent les auteurs; il me paraît que celles du dernier l'emportèrent. Avant-hier j'en avais vu quelques-unes, mais je ne les trouvai pas jolies. *Cléopatre* entre autres. D'abord on vit venir Radzivil jouant de la musette, ensuite mad-lle Samoïlow avec une clef à la main qu'elle lui donna; après cela parut m-lle Archarow avec une corbeille dans la quelle était un aspic. La charade est non-seulement sans ortographe, mais encore fait-elle *pâtre* et *clefs* et non point *Cléopatre*. Mais comme on trouva le tout charmant, je fis chorus de tout mon coeur. Les soirées folâtres, c'est-à-dire celles où il est question de courir, vont cesser: on parle de grossesse, et madame la grande-duchesse depuis quelques jours a fort mauvais visage. Dimanche passé elle s'est trouvée tout-à-fait mal à l'église; cela a été jusqu'à tomber à plat; son mari l'a emportée comme on ferait d'un enfant; elle a bientôt repris ses sens, mais elle n'a plus paru de toute la journée. Le prince Guillaume reste avec nous et nous suivra à Moscou; le roi a écrit à l'Empereur que son fils était absolument à ses ordres, qu'il lui donnait carte blanche d'en faire ce qu'il lui plairait, et nous lui ferons voir l'ancienne capitale. D'ailleurs, c'est un grand plaisir pour mad. la grande-duchesse de passer encore quelques mois avec son frère. On avait cru un moment que si la grossesse se confirmait, on ne mènerait pas la jeune princesse, mais c'est faux: le voyage est absolument arrêté, les jours mêmes sont marqués. Nous marchons sur trois colonnes. D'abord c'est monseigneur Nicolas qui sera dix jours en route; ensuite l'impératrice Élisabeth, et puis l'impératrice Marie. On nous a annoncé que nous quitterions Pawlowsky le 7 septembre; on va, je crois, à la Tauride, parce que l'Impératrice veut assister aux examens des demoiselles nobles du couvent qui touche à ce palais; et puis elle ne trouverait plus son appartement logeable au

palais d'hyver, car on y a commencé les réparations. Enfin, vous voyez que nous vous arrivons. Mais bon Dieu, comment serai-je logée! Ah comme cet article me tracasse!

Ma disgrâce auprès de la princesse Boris est complète; je n'en entends plus parler. Ses filles ont été ici Dimanche pour le bal, j'ai fait quelques réproches à Sophie d'avoir comméré auprès de sa mère; elle s'est excusée très-gauchement, je l'ai plantée là. Alexandrine était fort bien pour la santé, elle a beaucoup dansé et a paru s'amuser. Si j'avais un conseil à donner à ces dames, ce serait celui de rester à Czarsko-Célo après le départ de l'Empereur; je frémis qu'elles n'en partent le jour même: cela prouverait clairement qu'elles n'y restaient que pour lui seul et point du tout pour le *bon air*, comme disait la princesse Boris à ceux qui lui demandaient pourquoi elle allait s'y loger ayant une campagne à Kamennoï-Ostrow. Mais le moyen de risquer le conseil, quand on ne se voit pas? Peut-être lui aurais-je parlé si elle avait été ici Dimanche. Elle a loué la maison de mad. Labkow à Moscou pour 12 mille roubles; c'est horriblement cher. Je vous réponds que plusieurs de vos propriétaires se relâcheront de leurs grandes prétentions. Il va très-peu de monde d'ici, et ceux qui vont ont déjà fait leur arrangement; la comtesse Strogonow a la maison Koutaïssow, le prince Dmitri la maison Pozniakow, les Litta ne vont pas. Le Conseil a ordre de rester, et les grandes charges n'ont reçu aucun avis jusqu'ici. Le prince Galitzine du Synode accompagne l'impératrice Élisabeth. Je voudrais que le comte Golowine vint avec nous; celui-là pourrait loger chez sa soeur.

Avez-vous lu tout ce que disent les journaux de mad. de Staël? Il se trouve qu'elle a été mariée secrétement à m-r Rocca et qu'elle en a un enfant qui a deux ans. Sa fille, à ce qu'on prétend, avait connaissance du fait, mais elle avait promis le secret à sa mère. D'autres assurent que madame de Broglie l'ignorait et que cela a été pour elle une nouvelle aussi inattendue que désagréable, car on parle de certain partage pour les biens. Mais savez-vous qui est encore mort? Czerni Georges. Il a été arrêté à Belgrade avec un Grec de Sémendria, et ces malheureux ont été décapités le même jour de leur arrestation, et la tête du pauvre Georges envoyée en droiture au grand-seigneur. On est curieux de savoir comment notre cour prendra cet évènement. Czerni Georges était lieutenant-général de l'Empereur, et les Serviens sont censés sous notre protection. J'ai appris ce fait aujourd'hui par le *Correspondant d'Hambourg* que j'ai lu chez la comtesse Lieven. En voyant l'hyver dernier ce Czerni Georges à la cour, personne de nous ne prévoyait pour lui une fin aussi funeste! C'était

un homme de haute stature, mais de la physionomie du monde la plus insignifiante; je m'étais figuré un oeil perçant, quelque chose d'animé dans les traits du visage; c'était tout le contraire: plutôt de la douceur qu'autre chose, ou pour mieux dire de l'insignifiance absolue.

Vous aurez appris que le comte Osterman a été promu au grade de général-en-chef. L'Empereur lui a fait cette galanterie le jour de l'anniversaire de Culm. En lui envoyant le rescript, Sa Majesté a ordonnè au feldjäger d'arriver précisément ce jour là et de le lui remettre à son reveil. Il est impossible d'être plus aimable, et j'espère que m-r Osterman va être radicalement guéri de sa folie: car à tout prendre, je crois qu'elle tenait beaucoup au désir de cet avancement. Le comte Markow a quitté Paris; mad. Koutaïssow, qui en arrive, nous l'a appris. J'aurai grand plaisir à voir ce cher comte cet hyver à Moscou et si je puis être de quelque utilité à sa fille, je m'estimerai fort heureuse. Croyez-vous qu'il la présente à la cour cette année? Ah que la conversation d'*** avec l'abbé Nicolle la peint au naturel! Je crois l'entendre. Certes, si les Gouriews sont pédants, elle ne l'est pas: il est impossible d'avoir moins de tenue et d'être plus bavarde; cependant on m'assure qu'elle est beaucoup mieux depuis qu'elle est grosse. Elle ne court pas comme autrefois, elle écoute son mari. Sa réputation de folle était si bien établie que le général Poltoratsky, qui est revenu de Maubeuge, a répondu à madame ***, quand elle lui a demandé des nouvelles de sa belle-fille: „Ah, madame, depuis quelque tems elle est infiniment mieux!" Madame *** a pensé en tomber à la renverse. Le croiriez-vous? Elle est venue me faire part de ce propos, et tout en nous recriant sur la bêtise de Poltoratsky, il nous a été impossible de ne pas être frappées de cette réponse sous un autre rapport. Dieu veuille que Sophie tourne autrement que sa soeur; le jeune A..... est parti d'ici avec le projet de lui faire la cour. Nous verrons si cela ne mènera pas à un mariage. Voldemar Galitzine a tort de douter du bonheur de m-lle Apraxine. *Sauf un certain article*, je suis sûre que cela ira le mieux du monde. Serge est juste le mari qui lui convient. Je me trompe fort ou elle sera un jour la digne petite-fille de la princesse Moustache dont l'époux a été le très-humble serviteur. J'ai eu des nouvelles de Zoubrilowka. Théodore y est heureux comme un roi. Mais qu'est-ce que je vous conte là? A l'heure où vous lirez ceci, il sera déjà à Moscou pour la noce. J'espère que vous et moi le verrons quelque fois cet hyver, il aura une maison charmante, il loge Ojarowsky, Kologriwow, Schöpping, le frère de mon baron de Courlande, enfin tout ce qui voudra y loger. Voilà ce qui s'appelle un toit hospitalier!

Adieu, je vous quitte pour aller faire ma toilette. L'Empereur dîne ici, et il vient juste à deux heures. Or, il vient de sonner une heure et trois quart.

CXII.

Moscou, le 30 août 1817.

La première chose à laquelle je réponds, c'est à la catastrophe de ce malheureux Czerni Georges, qui me semble fort importante. Les Turcs ne peuvent se permettre une agression de ce genre sans regarder la guerre comme prochaine, et je crains que cela ne soit pris comme un commencement d'hostilité. Si la guerre se rallume, Dieu sait où cela mènera nos finances. Les impôts nouveaux, seules ressources de m-r Gouriew, nous paraitront bien lourds.

Le c-te Tolstoï est tombé de cheval Dimanche à des manoeuvres; il ne s'est fait aucun mal, Dieu merci. Je suis invité à Ouska aujourd'hui pour la fête de Zachou qu'on peut commencer à appeler Alexandre, car il est grand plus que père et mère. Je n'irai point. Je ne conçois pas le plaisir de faire 12 verstes et autant pour revenir quand on peut passer ce tems agréablement dans sa chambre. J'ai écrit à la mère: cela tiendra lieu de cette course.

Si m-r Apraxine est parti avec le projet de faire sa cour à sa cousine, je crois qu'il trouvera une cousine fort disposée à recevoir son hommage. Mais l'orthodoxie de la maman, comment s'arrangera t-elle? Un mariage entre cousins issus de germains peut-il être signé par une personne qui fait ses quatre carèmes strictement sans compter les Mercredys, Vendredys, vigiles etc. etc., enfin par une personne qui fait profession du plus grand rigorisme pour le dogme comme pour la pratique, et qui ne néglige rien, absolument rien, si ce n'est l'esprit de charité que prèche l'Évangile. L'église se pliera-t-elle à cette consanguinité, ou l'orthodoxie faiblira-t-elle devant le dieu de l'or? Cela sera curieux à voir.

Ce pauvre Serge! Vous en faites un second prince Voldemar de très-soumise mémoire; hélas! Quel role lui assignez vous là! Savez-vous que le défunt Voldemar n'avait pas du vin quand il voulait, et qu'on lui refusait un second mouchoir blanc dans la journée quand il avait barbouillé de tabac celui qu'on lui avait donné le matin, et tout cela par l'ordre exprès de sa très-despotique moitié.

J'ai vu jouer l'autre jour les „Amants Protés" pour la fête de la princesse Nathalie Soltikow; c'était m-r Pouchkine, l'éternel jeune

Pouchkine, qui jouait l'amant, et madame Alexéew l'amante; cela n'allait pas mal, car ils sont bons acteurs l'un et l'autre; mais cette figure ridée de Pouchkine, ces favoris gris, cette bouche qui ressemble à celle de Nathalie Abramowna, tout cela dans un amoureux de 18 ans, vif, pétulant et fou, tout cela, dis-je, ôte l'illusion et jette un vrai ridicule sur le vieux jeune homme.

XCIII.

Pawlowsky, le 26 août 1817.

Si votre dernière lettre me fut arrivée quelques heures plus tôt, je vous assure que je l'aurais fait voir à l'Empereur, qui est venu chez moi ce jour-là. Je me serais fait un devoir de lui lire l'article des officiers de police qui viennent tout tranquillement s'emparer d'une maison que le propriétaire doit venir occuper dans quelques jours. C'est du vandalisme tout pur, et je suis bien certaine qu'il le jugerait de même; cette manière de procéder est si contraire à sa volonté qu'il n'y a pas à douter qu'il ignore toutes ces choses. Lorsqu'il a donné l'ordre d'avoir 42 maisons, il ne lui sera jamais entré en tête de les prendre par violence et d'en chasser les maîtres. Tous ces actes arbitraires viennent des sous-ordres. Votre déplacement me fait une véritable peine; quand on aime son coin, c'est un grand déplaisir d'en sortir. Pourquoi cette docilité à le céder, et que n'avez vous bataillé davantage avec Choulguine? Qui sait si vous n'eussiez pas réussi à vous débarrasser entièrement de ces militaires? Et où allez-vous donc en quittant la maison Markow? Que ce ne soit pas chez Virginie au moins; pensez combien cela serait imprudent!

L'Empereur est parti hier à 3 heures. Il a été de Pawlowsky dîner à Gatchina, il y est demeuré jusqu'à sept heures pour travailler, ensuite il a continué sa route. Je le suppose ce soir à Porchow, demain à Wéliky-Louky, après demain à Witepsk chez son oncle de Wurtemberg. Le 30 il sera au quartier-général, et le 1-er octobre vous le verrez, s'il plaît à Dieu, à Moscou. Ne vous attendez pas à une entrée solemnelle: on arrivera tout doucement au Kremlin. Mais le lendemain vous aurez une belle parade, et après la parade je vous engage à venir chez moi. Ne promettez donc à personne d'aller le 2. Vous êtes prié un mois d'avance. Vous ai-je dit qu'il a été fait une proposition aux d-lles d'honneur de Pétersbourg de venir à Moscou?

Trois d'entre elles avaient accepté, mais on dit qu'on ne fera que de les conduire là et qu'elles se logeront où elles voudront et non au Kremlin. A la bonne heure, car s'il en eut fallu loger trois de plus, on se fut resserré davantage encore. De cette affaire, je crois, que la comtesse Woronzow n'ira pas du tout.

Ce que j'ai craint pour la princesse Boris est justement arrivé. Elle a quitté Czarsko-Célo la veille du départ de l'Empereur. Je ne l'ai pas vue du tout depuis le billet dont je vous ai parlé. Le prince Lapouchine m'a dit aujourd'hui qu'elle avait l'intention de partir pour Sima avant d'aller à Moscou; j'espère la voir avant ce départ, et je compte bien me raccommoder avec elle, ce qui ne sera pas fort difficile.

Je ne croyais pas mad. de Staël aussi riche, quoique j'aye entendu parler des restitutions qu'on lui a faites. Ses enfans auront de belles portions, mais m-r Rocca ne me paraît pas devoir jouir de la sienne; il est fort malade et s'est trouvé déjà une fois sur le point de mourir; on prétend que c'est même sa maladie, à lui, qui a détruit entièrement la santé de mad. de Staël. Je le tiens de la maréchale Koutouzow qui a su tous ces détails à Paris.

Avez-vous lu dans les journaux que mad. de Genlis était entrée aux Carmélites? J'espère que ce n'est pas pour y écrire des romans; vous verrez qu'elle nous donnera quelque beau traité de piété. Il m'est tombé sous la main un nouveau roman d'Auguste Lafontaine que j'ai trouvé fort joli. Il a pour titre *Les aveux au tombeau.* Tous les caractères en sont bien soutenus.

Ribeaupierre vient d'être nommé directeur de la banque de commerce (nouvelle création de Gouriew). Je ne crois pas qu'il en soit fort touché, car cette place lui arrive sans aucune espèce d'agrément: c'est toujours le même rang de conseiller d'état actuel qu'il a depuis 18 ans. Son guignon au service est vraiment exemplaire. Demain matin nous allons déjeuner chez mad. Plestchéew, dont c'est la fête aujourd'hui, mais l'Impératrice va la célébrer demain.

1878 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1878. Воспоминанія принца **Евгенія Виртембергскаго** о последнихъ дняхъ Павловскаго царствованія и о событіи четырнадцатаго Декабря 1825 г.
Политическія записки и письма **графа Ѳ. В. Ростопчина.**
Записки **Марьи Сергѣевны Мухановой** о временахъ Екатерины Второй, Павла, Александра и Николая Павловичей.
Записки **Н. В. Баталина**, доктора **К. К. Зейдлица** и **В. А. Еропкина.**
Приключенія **Лифляндца** въ Петербургѣ.
Письма императрицъ **Елисаветы Петровны, Екатерины Второй**, имп. **Александра Перваго**, князя **Суворова** и проч.

КНИГА ВТОРАЯ 1878. Хивинскій и Акъ-Мечетскій походы **графа В. А. Перовскаго**, по его письмамъ.
Бумаги **С. П. Шевырева.**
Воспоминанія генералъ-адъютанта **С. И. Шипова.**
Приключенія **Лифляндца** въ Петербургѣ.
Воспоминанія о князѣ **В. А. Черкаскомъ.**
Письма **А. С. Хомякова** къ **Гильфердингу.**
Записка **В. А. Жуковскаго** объ Англійской политикѣ.
Похожденія монаха **Палладія Лаврова.**

КНИГА ТРЕТЬЯ 1878. Письма **Екатерины Великой** къ барону **Гримму. 1774—1796.**
Исторія пріобрѣтенія Амура и дипломатическія сношенія съ Китаемъ. Статья **И. В. Шумахера** (по новымъ документамъ).
Письма **А. С. Пушкина** къ С. А. Соболевскому.
Графъ Моцениго. Разсказъ **графа С. Р. Воронцова.**
Бумаги **графа П. И. Панина.**
Записки **Саввы Текели.**

1879 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ 1879. Петръ Первый, соч. **М. П. Погодина.**
Разсказъ **графа Н. И. Панина** объ Екатерининскомъ восшествіи.
Біографія гр. С. Р. Воронцова съ его портретомъ.
Письма **Хомякова** къ графинѣ Блудовой.

КНИГА ВТОРАЯ 1879. Наши сношенія съ Китаемъ.—Біографія Зорича съ его портретомъ.—Исторія Яицкаго войска.
Письма князя **Вяземскаго** къ Пушкину и Булгакову.

КНИГА ТРЕТЬЯ 1879. Памятныя Записки Ильинскаго, Андреева и Кольчугина.—Бумаги графа Румянцова-Задунайскаго, князя Потемкина и графа Перовскаго.—Уединенный Пошехонецъ.
Воспоминанія графини Блудовой. — Письма **Хомякова** къ Кошелеву и Самарину, съ портретомъ Хомякова.

1880 годъ.

КНИГА ПЕРВАЯ. Путевыя Записки Стрюйса. — Павелъ Полуботокъ. — Переписка Екатерины съ Іосифомъ. — Кавказскія воспоминанія Венюкова.—Воспоминанія Московскаго кадета.

КНИГА ВТОРАЯ. Петръ Алексѣевъ.—Записки Эйлера.—Записки и бумаги Пушкина.

КНИГА ТРЕТЬЯ. Дидеротъ и Екатерина.—Исторія крестьянства, ст. князя Черкаскаго.—Княгиня Дашкова и ея подлинныя Записки.—Новая глава „Капитанской Дочки".

Каждая книга имѣетъ особый азбучный указатель.

Немногія оставшіяся годовыя изданія 1881 года продаются по 8 р., съ пересылкою 9 р.

*

Русскаго Архива 1882 года въ продажѣ болѣе не имѣется.